

1879

РУССКАЯ
РАБА.

ИЗДАТЕЛЬ

ИЗДАТЕЛЬ

МАРТЪ

Digitized by Google

1959

P-89

РУССКАЯ РѢЧЬ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

[△]
PSlaw 605.15 (~~1870~~
~~3-5~~)

28-9

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ РѢЧЬ“.

Журналъ „РУССКАЯ РѢЧЬ“ выходитъ въ С.-Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, ежемѣсячно, книжками отъ 20 до 30 листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

безъ доставки	15 р.
съ доставкой.	16 ›
съ пересылкой	17 ›
За границу: въ Европу,	} 18 ›
Сѣверную Америку и Египеть	

Въ прочія мѣста—по соглашенію съ Редакціей.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ ПО ТРЕТЯМЪ:

	При подписѣ.	въ 1 Мая.	въ 1 Сентября.
безъ доставки.	7 р.	5 р.	4 р.
съ доставкой	8 ›	5 ›	4 ›
съ пересылкой.	9 ›	5 ›	4 ›

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполне за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы журнала и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые получили билеты, или выслали подписную сумму по почтѣ въ Редакцію „Русской Рѣчи“ съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія, уѣздъ, почтовое учрежденіе гдѣ допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣста жительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к. и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію и притомъ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, причемъ, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, жалоба должна быть заявлена не позже какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются только тѣмъ изъ иногородныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 16 к. почтовыми марками.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

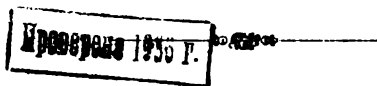
КНИГА 3-я. — МАРТЪ 1879.

	Стр.
I. БЕЗДИПЛОМНЫЙ УЧИТЕЛЬ.—Очеркъ.—А. Круглова	1
II. ПСКОВЪ.—Стихотвореніе.—Н. А. Вроцкаго	19
III. НЕНАСТЪЕ.—Романъ.—(Окончаніе 2-й части).—А. Б.	23
IV. БАТОРЖНИБЪ.—Стихотвореніе.—Н. Д.	54
V. НАША СТЕПЬ.—Люди и нравы.—I.—В. П.	55
VI. СОЦИАЛИЗМЪ НА ЗАПАДЪ ЕВРОПЫ И ВЪ РОССИИ.—У.— (Окончаніе).—А. Д. Градовскаго	76
VII. НАЧАЛА НАРОДНАГО ПРАВА И СУДОПРОИЗВОДСТВА.—И. Ве- ринина	118
VIII. ОЧЕРКИ ИСТОРИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ.—III.— Физика.—Л. Н. Полова	151
IX. НУЖДЫ РУССКАГО НАРОДА.—I-III.—И. Кашнирова	180
X. БРИТИЧЕСКІЯ БЕСѢДЫ.—III.—Книжка и жизнь.—Евгенія Мар- нова	209
XI. О ВОЗСТАНОВЛЕНІИ ЦѢННОСТИ БУМАЖНЫХЪ ДЕНЕГЪ ВЪ СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ.—А. Крас.....ова	249
XII. ОЧЕРКЪ ХЛѢБОПАШЕСТВА И БРѢСТЪЯНСКАГО БЫТА ВЪ ВО- СТОЧНОЙ РОССИИ.—XIV - XV.—(Окончаніе).—Г. Л. Рота.— (перев. съ англійскаго)	276
XIII. АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ГРИБОВДОВЪ.—Литературная ха- рактеристика.—А. Незеленова	309

XIV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—По поводу чумы.—Наши рыбные промыслы.—О различныхъ эпидеміяхъ и общемъ бѣдственномъ положеніи сельскаго населенія въ Россіи.—О долгахъ нашихъ желѣзнодорожныхъ обществъ.—По поводу процесса Юханцева и крушенія Кронштадтскаго банка	1
XV. РАЗЪЯСНЕНІЕ	22
XVI. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.—Сербія, Румынія и Болгарія.—В. П.	27
XVII. НАУЧНАЯ ХРОНИКА.—1) Клодь-Бернаръ и его труды; 2) ученіе Негели объ эпидемическихъ болѣзняхъ, 3) опыты Шарко надъ истерико эпилептическими больными.—Эльле	54
XVIII. НѢЧТО О НАШЕМЪ СЕЛЬСКОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.—Корреспонденція изъ Болховскаго уѣзда	72

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

XIX. ИЗЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЙ СТРАНЫ МИЛЛІАРДОВЪ.—(Продолженіе).—Нордау. (Переводъ съ нѣмецкаго)	81
--	----

95
2-89

РУССКАЯ РѢЧЬ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И НАУКИ.

Мартъ, 1879.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Ленинград, 3

№ 1217 ж. д.

41

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Редакція „Русской Рѣчи“: { Главная Контора журнала:
Прачешный пер., № 5. } Максимилиановскій пер., № 14.

1879.

51217

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Марининскимъ мостами, д. № 90-1.

БЕЗДИПЛОМНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

ОЧЕРКЪ.

I.

Это былъ сухой, высокій старикъ, уже совсѣмъ сѣдой, но еще бодрый на видъ. На широкомъ, крутомъ лбу лежали двѣ морщины, которыя становидись еще толще и рѣзче, когда онъ былъ взволнованъ, или обдумывалъ что нибудь важное. Ласковый и пріятливый во всѣмъ, онъ въ особенности любилъ дѣтей, и какъ бы совсѣмъ преображался подъ чарующимъ вліаніемъ ихъ серебристаго смѣха и наивнаго лепета: лицо его принимало добродушно-веселое выраженіе, голосъ звучалъ замѣтно вѣжливѣе, даже морщины на лбу немного сглаживались. Онъ мягко улыбался своими сѣрыми глазами, когда малыши залѣзали къ нему на колѣни, садидись верхомъ на плечи, тербли за волосы и за бороду.

— Потихе, Мишукъ, потихе; дѣду больно, — говорилъ старикъ, когда трехлѣтній Мишукъ начиналъ слишкомъ безцеремонно хозяйничать дѣдовскою бородою.

— Больно? — переспрашивалъ мальчикъ.

— Больно!

.. — И очень?

— Очень больно!

— Ну, я не буду.

Но проходило нѣсколько минутъ и Мишукъ забывалъ свое обѣщаніе, и опять хозяйничалъ надъ бородою и волосами дѣда. Снова начинались переговоры. Старикъ замѣчалъ: „потихе“;

мальчикъ спрашивалъ: „больно?“ и получивъ отвѣтъ: „очень больно“, увѣрялъ серьезно: „ну, я больше не буду“.

— Да ты бы, Михеичъ, тукманку даль ему, онъ бы и того, пересталъ! Ишь онъ забаловался!—вмѣшивался ктонибудь изъ взрослыхъ.

— Пошто тукманку? Онъ малецъ славный, и такъ не обидить старика.. Не обидишь вѣдь?—прибавлялъ Михеичъ, легонько хлопая ребенка по ножонкамъ одною рукою и придерживая другою, чтобы онъ не слетѣлъ съ волѣнъ.

— Не!—отвѣчала малютка.

— Дѣда любишь?

— Люблю!

— Ну, и ладно; безъ тукманки, значить, можно..

— А и привязывъ же ты къ ребетенкамъ, Михеичъ, какъ посмотрю на тебя,—вставлялъ снова замѣчаніе ктонибудь изъ мужиковъ.—Словно съ родными возишься.. пра-а-во!

— Какъ же не любить-то? самъ Христось ихъ любилъ! Ангельскія душеньки: ни злобы въ сердцѣ, ни худа какого, ни умысла неприятнаго.. ангелы чистые! Разъ ихъ можно не любить-то?

И онъ дѣйствительно беззавѣтно любилъ дѣтей. Куска лабомаго не съѣсть одинъ, непременно подѣлится съ малышами, а то и все отдастъ имъ! Видѣть радость какогонибудь Минутки или Гриньки, слышать ихъ восторженное, съ причмокиваніемъ губъ, „ахъ“!—доставляло старику такое наслажденіе, какого не могъ дать ему никакой лабомый кусокъ.

Дѣтскаго горя дѣдъ не выносилъ: увидѣвъ плачущаго ребенка, онъ дѣлался самъ не свой, мѣнялся въ лицѣ и не могъ успокоиться, пока не удавалось ему утѣшить плачущаго и пособить въ бѣдѣ. И замѣчательно, что пустяшная, въ сущности, бѣда, но важная только для ребенка, и самому дѣду въ этотъ мигъ словно казалась важною, на столько серьезно волновался онъ по ея поводу. Разъ какъ-то, мальчикъ, играя солдатикомъ, сломалъ у него ружье... Поились слезы... какъ нарочно случился при этомъ и Михеичъ. Тревожно бросился онъ утѣшать ребенка, и когда ни что не помогало, присѣлъ на лавку и прилежно началъ выстругивать ножомъ новое ружье. Бѣда поправилась, мальчикъ утѣшился и улыбнулся,—и старикъ съ облегченнымъ сердцемъ, счастливый и довольный, пошелъ въ свой уголъ.

II.

Холоднымъ декабрьскимъ днемъ, съ котомкой на плечахъ, больной—припелся Михеичъ въ Яминово. Пробирался онъ изъ Соловецкаго монастыря на родину, въ Курскую губернію, остановился въ Яминовѣ почевать, разнемогся—и цѣлый мѣсяцъ пролежалъ „подъ сватыми“. Были у него кое-какія деньжонки, платилъ онъ ласковымъ хозяевамъ немного за ихъ хлопоты и заботливый уходъ, и такъ полюбилъ сердечнаго Петра Безпалаго, его хозяйку—дородную, красивую Матрену, и обоихъ малышей—ихъ дѣтокъ, что рѣшился зазимовать въ Яминовѣ и уже хѣтомъ двинуться въ свои края, гдѣ, правда, не было у него ни одной родной живой души, ни вола, ни двора, но были только родныя могилки, да тотъ невысокій, несчастный лѣсокъ, въ которомъ бродилъ онъ, бывало, въ дни своего дѣтства.

Сговорился Михеичъ съ Безпальнымъ „за харчи“ и остался у него въ хатѣ. Началъ старикъ ковырять шиломъ, помогать днями шведу, а потомъ самъ первый вызвался учить грамотѣ старшаго сынишку, бѣлокураго Гриньку. Безпальный былъ радъ, что „мальченка дѣломъ займется, да и одежи рвать не станетъ, бѣгамши къ церковникамъ“.

Дѣдъ не зналъ ни звуковыхъ методовъ, ни дидактики, ни методики; училъ по старинному на „азъ и буки“, началъ ученье съ церковной печати, а дѣло пошло отличнымъ манеромъ. Не велико было книжное знаніе старика, да велика была въ его сердцѣ любовь къ дѣтямъ, и эта любовь давала ему ту силу, каковой не имѣетъ и патентованный учитель, смотрящій какъ на службу на то, что являлось для дѣда сердечнымъ влеченіемъ и сердечною потребностью.

— Родный ты мой! Гринюшка!—ликовалъ старикъ, когда его ученикъ прочелъ безъ ошибки цѣлую строку. Всякій новый успѣхъ мальчика доставлялъ ему наслажденіе. Никогда не уставалъ онъ повторять по нѣсколькx разъ одно и то же, и чѣмъ труднѣе давалась ученику грамота, тѣмъ ласковѣе становился дѣдъ, какъ бы и печалась за ребенка, и въ то же время желая поддержать его.

— Полно, Гринюшка, полно; не хнычь... что хныкать-то! Не все дается съ разу; разѣ можно—тапъ да ляпъ и корабль! У всѣхъ, родный, не съ разу... Ну-ка, Гринюшка, начнемъ съизнова.

Скоро у Михеича явилось шесть учениковъ, вмѣсто одного: то были дѣти ближайшихъ сосѣдей Безпалаго, которымъ прип-

лось по сердцу толковое ученіе дѣда, учившаго и въ духѣ народномъ, и на тотъ ладъ, въ какому привыкъ народъ. Дѣдъ отъ новыхъ учениковъ не отказался, а хозяину развѣ жаль избы: мѣста не просидать, пусть съ Богомъ учатся!

— А и грамотѣй же онъ!—заговорили про Михеича въ деревнѣ,—тихо такъ, да и съ разумомъ, чудесно, можно сказать, дѣло ведетъ.. Теперича Онуфричъ и въ подметки ему не годится.... истинно!

Когда зазеленѣли поля и одѣлись роскошно деревья, Михеичъ выбрался изъ душевной избы на вольный просторъ. Цѣлая команда малышей собралась около него, и старикъ, бродя съ нею по лѣсу и лугамъ, или сидя на завалинкѣ на берегу рѣки, рассказывалъ про все, что видѣлъ и слышалъ, что узналъ за долгую жизнь на бѣломъ свѣтѣ. Зналъ онъ и сказки и побасенки, умѣлъ занять и малаго и большаго, тѣ и другіе слушали его съ затаеннымъ дыханіемъ, боясь проронить словечко изъ рассказа старика. Лѣтомъ, Михеичъ незамѣтно началъ сближаться съ яминовцами, и каждая бесѣда, каждое слово привлекали на его сторону общую симпатію. И въ совѣтѣ, и въ разной мелкой житейской помощи сказывалось теплое дѣдовское сердце.

Ни копѣйки не бралъ онъ за ученіе; да и тѣмъ, что приносили ему изъ провизіи—дѣлился онъ съ ребятами, съ прохожими и бѣдными. Сиротѣ Устюшѣ подарилъ онъ на платье, Еремкину семейству—цѣлой зелененькой помогъ на лошаденку, и самъ, безъ всякаго призыва, цѣлыя двѣ недѣли ходилъ за больнымъ Спиридономъ, который лежалъ въ горячкѣ. Фельдшеръ за десять верстъ—куда же вести больнаго, да и времени нѣтъ: пора рабочая. Дѣдъ же полечивалъ людей отъ хворобы, пользовалъ и свѣтинку, что имѣло не малую цѣну въ глазахъ яминовцевъ. Къ тому же, ухаживая за Спиридономъ, дѣдъ далъ возможность сильнымъ рукамъ не отрываться отъ горячаго дѣла.

— Э, полно вамъ, — останавливалъ онъ родственниковъ Спиридона, когда тѣ благодарили дѣда за труды и заботы:—чего тутъ такого! Штожь мнѣ и дѣлать-то? Спасибо вотъ Петру Савельичу—отходилъ онъ меня, а то, може, лежалъ бы я теперъ на погостѣ.. Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ: сегодня меня призрять, завтра я послужу, оно и выйдетъ по Божьему да по сердечному!..

III.

Юль перевалилъ за половину, подступалъ Ильинъ день—осенній праздникъ, а Михеичъ и не думалъ уходить изъ Яминова; свмѣся онъ съ ребятенками, которые еще издали, завидѣвъ его, бѣжали къ нему съ радостнымъ крикомъ: „Дѣдушка Михеичъ, дѣдушка Михеичъ!“; да и со взрослымъ населеніемъ старикъ сошелся близко,—всѣ относились къ нему съ любовью и почтеніемъ.

Не разъ яминовцы, собравшись толпой, рассуждали о старикѣ.

— Вотъ бы намъ учителемъ-то кого нанять,—замѣчалъ всегда сѣдой кузнецъ Лува, долгое время жившій въ Москвѣ и въ губернскомъ городѣ.—Господь Михеича просвѣтилъ, наставилъ; ребятишки любятъ; а намъ чего ешно лучше? Куды ихъ теперь спосылать-то? Вона управа-то все ешно за носъ водить со школой, да и что эфти сюртушники-вертопрахи, только форсу напущаютъ, а дѣловъ-то никакихъ не видать! Михеичъ-то не въ примѣръ сподручѣе. Да и человѣкъ-то, глянь, какой: душа-человѣкъ, простыня.. Завсегда съ услугой, съ помощью да привѣтнымъ словомъ.

— Что говорить: человѣкъ душевный! Набожный, степенный человѣкъ! Рази можно приравнять съ вертопрахомъ какимъ!

— Какъ можно! Какъ можно!—соглашались всѣ въ одинъ голосъ.

— И когда ешно будетъ школа-то!—замѣчали нѣкоторые.

— Оно то-то и есть.. вона въ Олевсинѣ по третье собраніе земство школы не открываетъ.. А теперь если не онъ, то куды мы будемъ спсылать ребятювъ? Къ церковникамъ? Куды болѣе-то? Такъ до церкви-то безъ мала пять версть.. да и Онуфрѣичъ-то не въ примѣръ хуже дѣда..

— Зашибать сталъ за послѣднее время!

— Да коли онъ не зашибалъ-то, ты про это спроси?—бивнулъ головой кузнецъ.—А вотъ ужъ про дѣда такъ никто худаго не молвить...

— Это такъ... Это ты вѣрно,—слышалось изъ толпы.

— Человѣкъ рѣдкостный... такого поискать надо!

— Ужъ чего лучше бы его-то... грамотѣй!

Подобные разговоры заводились каждый разъ, когда собирались яминовцы въ праздничный день у Лукиной кузницы или на лугу. Чѣмъ больше говорили, думали и гадали яминовцы,

тѣмъ яснѣе становилось имъ, что учителя лучше Михеича и искать не надобно.

— Шабашъ, Михеичъ!—порѣшили яминовцы:—не слѣдъ тебѣ уходить отъ насъ.. куды тащиться въ такую даль; оставайся здѣсь, учи нашихъ ребятъ, а ужъ мы отблагодаримъ... то есть всѣмъ будешь доволенъ... и одежду, и харчи, и тепло—все обществомъ предоставимъ: учи только!

Старикъ точно только этого и ждалъ: захопотаъ онъ, завозился, а самъ весь сіяетъ, ходитъ бодрѣе, словно пѣлый десятокъ лѣтъ съ костей прочь!

На сѣверѣ, въ нашей губерніи, уже съ давнихъ поръ установился такой порядокъ: швецъ и грамотѣй живутъ на мірскія харчи, переходя изъ избы въ избу, одну недѣлю въ одной, другую въ слѣдующей.. У кого живутъ—тотъ ихъ и кормитъ, одежду чинитъ, бѣлье моетъ, въ той избѣ у грамотѣя и школа. Разъ въ годъ, на общую складчину, заводится грамотѣю вся одежда. На этихъ, стариной освященныхъ, началахъ зажилъ и старый Михеичъ.

Училъ старикъ только днемъ, потому что вечеромъ съ трудомъ уже разбиралъ и крупную печать. Мальчики приходили обыкновенно къ семи, восьми часамъ утра. Учитель садился на лавку у обѣденнаго стола, около него скучивались дѣти.

— Ну, ребятки, помолимся Богу, чтобы ученье на ладъ шло!..

Старый учитель поднимался съ мѣста, ребятки становились впереди—и начиналось пѣніе молитвы. Дребезжащимъ голосомъ подтягивалъ ребяткамъ Михеичъ, и это, далеко не стройное, пѣніе производило чрезвычайно сильное впечатлѣніе и волновало душу... Не безучастно пѣли ребятки, и теплая просьба къ Богу объ этихъ дѣтскихъ головкахъ слышалась въ голосѣ стараго учителя, свѣтилась въ его глазахъ.

Послѣ молитвы дѣдъ обращался къ ученикамъ съ обычнымъ привѣтомъ:

— Ну, здорово, голубенки... помоги вамъ Царь Небесный и Ангель Хранитель... Давай, Гринюшка, книгу... Ну-тка, ребятки, съ Богомъ—примемся за дѣло!

Начиналось ученіе. „Нашъ, азъ—на, ша, еръ—шъ, нашъ; добро, онъ—до, мыслети, еръ—мъ, домъ—нашъ домъ“, разбирали по складамъ одни; а тѣ, которые читали уже прямо, твердили, въ это время, урокъ про себя, чтобы потомъ прочесть его учителю вслухъ. Михеичъ внимательно слѣдилъ за чтеніемъ, не пропуская ни одной ошибки. Передъ обѣдомъ, старикъ дѣлалъ перерывъ, послѣ котораго дѣти приходили снова; но тутъ

старикъ больше разсказывалъ и бесѣдовалъ, нежели училъ чтенію. Зимніе, да и осенніе дни воротки; глядишь, ужъ и сумерки. Начнутъ вздувать огни, и ребята расходятся по домамъ.

По праздникамъ, вечеромъ, собирались у Михеича и большіе, и малые; старикъ не скупился на сказки и разсказы о войнахъ и о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живалъ, а живалъ онъ и въ Малороссіи, и въ Румыніи, былъ въ Сибири, и на Кавказѣ, и въ Турціи,—было о чемъ поразсказать яминовцамъ, изъ которыхъ болѣе половины не переѣзжали границы своего уѣзда. Случалось, что это нибудь изъ грамотныхъ и книжку читалъ, взятую у стараго же учителя; всего только четыре книжки и было у Михеича, и ходили же онъ по рукамъ: по нѣскольку разъ выслушивала ихъ вся деревня.

— Михеичъ, нѣтъ ли епшо?—приставалъ грамотный яминовецъ къ дѣду.

— Нѣту болѣ-то, только всего и есть!

— Ай, жалъ, Михеичъ; очинно ужъ эфто занятно, прокота въ сапогахъ, какъ онъ такъ хитро все... пра-а-во!.. Такъ нѣту-ти, сказываешь, болѣ-то?

— Нѣту, милне мои, нѣту.

— Жа-аль! Да ужъ дай епшо разокъ прочесть... больно оно занятно-то.

Старикъ вынималъ засаленную и истрепанную книжку и, подавая ее, говорилъ:

— Береги только... книга—не рѣна; тутъ, братъ, и деньги ни при чемъ, коли сыскать негдѣ; ты не одинъ... изорвешь, а другимъ-то што-жъ?

— Ужъ я знаю; я—бережно завсегда, Михеичъ, потому, понимаю тоже, не сумлевайся...

— То-то, родимый, книгъ въ деревнѣ цѣны нѣтъ; ну, въ городѣ ина статья, и купить можно, а здѣсь; вѣдь знаешь самъ, когда епшо офеня-то придетъ!

— Это такъ, вѣстимо, въ деревнѣ гдѣ возьмешь... Ты это правильно,—соглашался съ дѣдомъ яминовецъ, завертывая книгу, словно какое-нибудь сокровище.

VI.

Около Покрова вернулся изъ города одинъ изъ яминовцевъ и привезъ крупную новость. Слышалъ онъ въ земской управѣ, что совсѣмъ ужъ порѣшено открыть въ Яминовѣ на Рождество

школу. Это извѣстiе сильно встревожило деревню. Школѣ яминовцы были рады, но боялись—какъ бы грѣхомъ не послало начальство и своего учителя.

— А похоже на то,—сообщалъ прїѣхавшій:—потому я спрашалъ у Игната Павлыча, кто-жъ, молъ, учить теперь станеть? А онъ, синклетарь-то, и говоритъ: не ваша, говоритъ, забота: пошлютъ вамъ учителя, а вы,—смиѣется,—ребятъ-то журите, да денегъ не жалѣйте!

— Вотъ-те, паря, и разъ!

— Эфто, значить, и намъ такого же пошлютъ, какъ въ Гудковѣ?

— Оно, видно,—такъ будетъ! тамъ тоже, вѣдь земская...

— Да на кой прахъ намъ учителя? у насъ есть Михеичъ... пуцай онъ и учить въ новой школѣ!

— И распречудесное бы дѣло было, воли его-то бы усадить... потому—ни одинъ изъ антихъ форсуновъ не стягается съ нимъ! Пуцай тѣ и ученiе будутъ въ книжномъ, да за то что они въ прочемъ-то?

— Видѣлъ, видѣлъ Гудковскаго-то,—съ презрительною гримасой произнесъ кузнецъ. Какъ-же! былъ я въ училищѣ-то! Гамъ-отъ, миряне, какой: ужастъ! вмѣсто того, чтобы путному учить чему, они пѣсней балуются, будто—и дѣломъ занимаются. Нѣтъ, ты уму-то ихъ наставь, а пѣснямъ они и безъ тебя научатся... На этто они всѣ дошле!

— Ешшо-бы! Это какъ есть!—раздалось нѣсколько голо-совъ,—пѣсни они безъ всякой науки переймутъ... А ты уму-то наставь—вотъ оно!

— Школа не посидѣлки, не потѣха!—поддерживали другіе:—пошто и деньги задарма бросать... Нѣтъ ужъ, воли берешь деньги, такъ и учи, а баловствомъ заниматься не моги... не для того мiръ деньги-то зносить!

— И опять тѣ взять,—заговорилъ снова Лука:—самый этотъ земскій учитель въ Гудковѣ... Про книжку ты его спрошай, все тѣ доподлинно расскажетъ, а чуть что другое-прочее, по обиходу, примѣрно сказать, изъ житейскаго—онъ и та-та-та! эфтому онъ не обученъ, а приобызъ ешшо менѣ гово!... Макаръ во сунулся разъ на счетъ чего-то... такъ онъ ему и говоритъ: эфто, говоритъ, не могу знать, ты ужъ у свѣдущаго человѣка спроси; а про хворобу и не моги!... Къ фершалу, говоритъ, надо!... Ничаво, то-исъ, онъ, окромя книжекъ, не разумѣеть, а тоже—учитель! Ешшо, баить, бумагу имѣю отъ начальства! Нѣтъ ты спроси-ка про што у дѣда нашего: онъ тѣ сичасъ:

лошадь заболить—непользуетъ; вона меня какъ лихоманка трясла—ужась! Спасибо ему, какъ рукой сняло отъ евоного лекарства. А теперича Митьку Степнаге, возьмемъ: коли бы ни Михеичъ-то, куда бы гожи его яблони были? Вотъ это—учитель, онъ и безъ бумаги пушай, а только... куды ладѣе и лучше будетъ!

Вся деревня раздѣляла мнѣние кузнеца, да и не могло быть иначе, потому что оно было дѣйствительно и ея общимъ мнѣніемъ. Яминовцамъ, отъликинувшимся сочувственно на призывъ управы, не любы были порядки гудковской школы, гдѣ учили по новымъ методамъ, пѣли пѣсни, „ломались словно въ вѣтрѣ“—т. е. занимались гимнастивой; а учитель—сюртучникъ, не баринъ, да и не свой братъ—мужикъ, оказывался въ житейскомъ крестьянскомъ обиходѣ человекъ совѣмъ не свѣдущимъ; онъ не только не могъ поучить чему нибудь мужика, но и самъ не зналъ такихъ вещей, какия извѣсны всякому деревенскому мальчишѣ. Яминовцы хотѣли школы, но они не желали городского учителя; кузнецъ же только яснѣе и опредѣленнѣе формулировалъ то, что чувствовалъ и думалъ каждый изъ нихъ.

— А я такъ смеаю, братцы,—промолвилъ Ѳедотъ, тесть Безпалаго, когда кузнецъ кончилъ:—начальству вѣдь все единственно: хоша Михеичъ, хоша другой кто; теперя если мы заявленье подадимъ отъ общества—такъ оно и разговору никакого не будетъ...

— Извѣстно, мы деньги-то зносимъ,—поддакнулъ кто-то.

— Какъ же! держи карманъ шире!—насмѣшливо промолвили двое молодыхъ:—такъ тѣ и послушаютъ! Подставляй! Видно ешно мало въ клоповникѣ-то сидѣть... съизнова захотѣлъ!

— За што же эфто бы въ клоповникѣ-то меня? што я худого содѣлалъ?—обидѣлся Ѳедотъ.

— А то и худое, что помалкивай; не суй носа—куды не просать!

— Почему же такъ? Я, полагаю, можно... потому всякъ за свой грошъ—воленъ говорить!

— Ну, братъ, не больно-то! И коротка же у тебя память, Ѳедотъ... а—ахъ, какъ коротка!

— Да чего вы... што я рази...

— Какъ ты все скоро забываешь, Ѳедотъ,—не унимался насмѣшникъ:—давно-ль кажись было—а ужъ ты и запоматовавъ... Вспомни-ка какъ въ гласные-то избирали... што, братъ, много воли-то твоей спрашивали, когда Воцкѣй приказалъ выбрать кабатчика? а?

Это напоминаніе заставило Ѳедота замолчать, да и всѣ

какъ-то немного позамялись. Одинъ только Лука стоялъ на своемъ, завѣрая, что одно на другое не походитъ, что стоитъ подать заявленье и Михеича оставить вмѣсто земскаго учителя.

— Оно, конечно, такъ надо-тъ полагать, — говорили яминовцы, но все-таки не рѣшились безпокоить начальство просьбою, а согласились выждать и поразспросить „дорожнаго“ (члена управы, завѣдывающаго дорогами): какъ-де-на этотъ счетъ думать можно.

Имъ не пришлось ждать долго; черезъ четыре дня прїѣхалъ въ деревню инспекторъ народныхъ училищъ и недоразумѣнія разъяснились.

V.

Инспекторъ ѣхалъ на ревизію въ Гудково — и остановился перемѣнить лошадей въ волости.

— Вотъ и желаніе ваше исполнилось, — обратился онъ къ старшинѣ, закуривая сигару: — на Рождество откроется школа и у васъ... не жалуйтесь, что деньги тратите, а школы нѣтъ!

— Мы што же... мы не жалимся, ваше выскородіе! — отозвался старшина, поглаживая бороду: — у насъ вѣдь ребятенки не сидятъ безъ грамоты... обучаемъ тоже.

— Это, братецъ, не одно и то же... За пять верстъ бѣгать небольшая радость! А теперь училище будетъ здѣсь, въ домѣ Латкова... онъ вѣдь стоитъ по пустому — въ немъ вотъ и помѣстимъ училище.

— Такъ, такъ, — согласился старшина, переступая съ ноги на ногу: — домъ, извѣстно, задарма пропадаетъ... а только што это, доложу вашему высокобродію, — мы вѣдь не посылаемъ ребяташекъ къ церковникамъ: куды такую далестъ! Мы ихъ дома обучаемъ... тутъ у насъ и учитель живетъ... отлично дѣло идетъ, ваше в—іе, удивленія, можно сказать, достойно будетъ!

— Про что это ты говоришь? какой учитель? — спросилъ инспекторъ.

— Да грамотѣй такой живетъ, ваше в—іе! Въ прошлую зиму пришелъ... больной такой пришелъ, остановился у Безпадаго и заболѣлъ... Да Богъ помогъ: опосля оправился — ничего! Вотъ онъ-то, ваше в—іе, и обучаетъ у насъ.

— Это еще что за новости! — вскричалъ инспекторъ: — чортъ знаетъ кто... и вдругъ учить дѣтей! да кто ему далъ право? какъ ты это могъ допустить? а? хоро-ошъ старшина, хо-рошъ!

— Да што же, ваше в—іе? человекъ онъ, ничего... какъ слѣдствуетъ...

— Хоро-о-ошъ! ай, да старшина! Чортъ знаетъ кто... съ вѣтру пришелъ и учить! Да онъ, можетъ быть, бродяга? скрывается? Кто онъ такой? Есть паспортъ?

— Все въ порядѣ, ваше в—іе! Какъ держать безъ пап-парту—никакъ не возможно! А что касательно тово, што изволите говорить, што съ вѣтру—и учить... такъ это у насъ всегда... съиздавна ведется... Одно время тоже такой грамотѣй жилъ, и какъ всѣ были довольны! Стосковался только по своей сторонѣ и ушелъ. А вотъ теперешній-то, ваше в—іе, такъ и тово лучше: такъ-то имъ всѣ довольны, што вонъ мужики хотять просить—нельзя-ли, молъ, его оставить какъ отроется училище-то.

— Ну, объ этомъ они, пускай, лучше и не думаютъ! Я не допущу всякаго бродягу... не доволю! И какъ это тебѣ не стыдно, старшина, не знать, что только тотъ можетъ быть учителемъ, кто выдержалъ особый экзамень, получилъ разрѣшеніе, учительскій дипломъ? Кто далъ его вашему грамотѣю?—Старшина молчалъ. — Никто? Никто не давалъ ему диплома? — все громче и громче говорилъ инспекторъ. — А если такъ, то не дозволено ему и учить!.. Въ новую школу! гм! Да не то что въ новую... Я совсѣмъ запрещу обучать этимъ грамотѣямъ! Я ихъ повытурю—бездипломныхъ бродягъ.. уважу — куда имъ слѣдуетъ дѣваться! Гдѣ онъ? Здѣсь теперь?

— Какъ же, ваше в—іе! здѣсь, здѣсь.

— Позови-ка его сюда!

— Яшка!—крикнулъ старшина, пріотворивъ дверь въ сосѣдную комнату:—бѣги-тка скорѣй къ Желтому, да скажи, чтобы Михеичъ сюда пришелъ и видъ, значить, захватилъ бы, потому, молъ, начальство пріѣхало, и Михеичъ требуется по эфтому самому случаю въ волость! Понялъ?

— Понялъ-съ, Федоръ Исаичъ!

— Такъ бѣги-тка... Зови скорѣй!

Парень стрѣлой полетѣлъ къ хатѣ Желтаго, у котораго жилъ въ ту недѣлю Михеичъ.

„Нѣтъ, этого допустить нельзя!“—разсуждалъ про себя инспекторъ, рассказывая по комнатѣ и покуривая сигару. „Это чортъ знаетъ что такое! Тутъ такую тебѣ науку дадутъ, что любо дорого!“

Онъ сдулъ пылинку съ рукава вицъ-мундира и вдругъ обра-

тился въ старшинѣ, который продолжалъ стоять у дверей въ почтительной позѣ:

— Давно-ли онъ здѣсь, говоришь ты?

— Да въ прошлую зиму пришелъ, ваше в—іе!

— Годъ!—воскликнулъ инспекторъ.—Цѣлый годъ учить бездипломный проходимецъ... и... и я не знаю! вотъ такъ старшина! Хор-о-шъ!

— Што-же, ваше в—іе! Я... мы... потому...

Въ эту минуту дверь въ передней отворилась, и вошелъ Михеичъ. Старшина замолчалъ.

Михеичъ помолился на образъ, степенно, безъ всякаго смущенія, поклонился сначала инспектору, потомъ старшинѣ, и остановился, въ ожиданіи, у порога. Лицо старика было серьезно, двѣ рѣзкія, толстыя морщины рѣзко выдѣлялись на лбу.

Инспекторъ какъ будто смутился немного при видѣ почтеннаго, сѣдаго старика; по крайней мѣрѣ онъ обратился къ Михеичу не тѣмъ рѣзкимъ тономъ, какимъ говорилъ сейчасъ.

— Кто ты такой, дѣдушка?—сказалъ онъ, поглаживая бабенбарды.

— Отставной фельдфебель, Михай Михеевъ, ваше в—іе!—отвѣчалъ старикъ спокойно.

— Откуда ты родомъ?

— Изъ Курской губерніи... Щигровскаго уѣзда...

— Покажи-ка мнѣ свой видъ!

Михеичъ подалъ указъ объ отставкѣ. Инспекторъ повертѣлъ его, посмотрѣлъ и, передавая старику обратно, промолвилъ:

— Какъ же ты сюда-то попалъ? Зачѣмъ?

— Съ богомолья шелъ, ваше в—іе, да дорогой, надоть полагать, простудился маненько... остановился я здѣсь.. да и занемогъ... Богъ поднялъ, иначе — и вотъ живу здѣсь съ той поры.

— Ты учишь ребятюкъ, какъ я слышалъ?

— Такъ точно, ваше в—іе! учу по немножку... Чему меня научили, то и я передаю теперь.

— Долгъ отдаешь, значить?—прищурясь, улыбнулся инспекторъ.

— Пожалуй, што оно и такъ выходитъ, ваше в—іе! Потому я отъ людей обучался, стало быть, и мнѣ другихъ научить слѣдуетъ! На что другое я и гожусь теперь? Была силушка—служилъ Батюшкѣ-Царю, кровь проливалъ за Россію... а теперь, сами извольте видѣть—старъ сталъ.. не могу! А вотъ еще учить—ничего: могу эфтимъ послужить міру!

— Для этого есть школы... не твоя ужь забота, старикъ!

— Оно, конечно, такъ, ваше в—іе! какъ не быть школамъ... есть! Только не вездѣ-жъ эти школы, въ другомъ мѣстѣ и нѣтъ ихъ. Шель я, ваше в—іе, отъ святыхъ чудотворцевъ, и сколько, то есть, деревень видѣлъ — счету не подвести теперь, а школу куда какъ мало... идешь, идешь — и помину ихъ нѣту! А тоже народъ, ваше в—іе, какъ же ребятамъ безъ грамоты? Служилъ я, ваше в—іе... такъ наглядѣлся я на тѣхъ, что темными-то поступаютъ въ солдаты; куда темному человѣку тажебѣ! О ту пору и пришло мнѣ на умъ: вотъ, думаю, службу покончу, не уложитъ меня пуля вражья, — пойду я доживать свой вѣкъ, стану дѣтей учить, хоть все, значить, послужу чѣмъ нибудь міру!

Инспекторъ далъ кончить старику, и когда онъ замолчалъ, обратился къ нему съ легкой улыбкой:

— А извѣстно-ли тебѣ, дѣдъ, что законъ не дозволяетъ тебѣ этого... что всякому нельзя учить, а надо получить разрѣшеніе?... знаешь ты это, а?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше в—іе, ничего этого мнѣ неизвѣстно.

— Не слыхалъ? Ну, такъ я тебѣ скажу: ты не имѣешь права учить, потому что не получилъ учительскаго диплома...

— Я ничему худому не учу, ваше в—іе! Я — что же: по силамъ, думаю, послужить міру... Дѣтокъ-то я ужь сильно люблю, ваше в—іе!

— Со всѣмъ этимъ я согласенъ... да все равно: ты не имѣешь законнаго права! Впрочемъ, дѣдъ, на Рождество здѣсь училище откроется, учитель прійдетъ изъ города, стало быть — твоя наука больше и не нужна... понялъ?

— Какъ ваша воля, ваше в—іе! — произнесъ Михеичъ, и голосъ его задрожалъ.

— Да ужь, разумѣется... Я къ тому тебѣ и говорю... Можешь, дѣдъ, идти!

— Прощенья просимъ, — проговорилъ упавшимъ голосомъ Михеичъ, поклонился и вышелъ.

Старика сильно поразило и даже оскорбило привязаніе инспектора. „Что я надѣлалъ... за что же такъ-то? Рази я худому училъ? не по закону?“ — грустно говорилъ онъ.

Яминовцы качали головами, жалѣя дѣда и удивляясь такому обороту дѣла.

— Што, братъ Федотъ, уважали мужицкую просьбу? а? послухались тебя за твой-то грошъ? — трунили насмѣшками.

— Вотъ поди-жь ты... разводилъ руками Фодоть.

— А все оттого, што не подали заявленья, — стоялъ на своемъ кузнецъ, — подай все общество — и управа безпрежънно уважила бы... какъ есть уважила!

— Сунься, коли смѣлъ больно! Узнаешь — тогда, какой почетъ міру бываетъ отъ начальства... Попробуй!..

А старикъ загрустилъ, и чуть было серьезно не занемогъ. Цѣлыя ночи безъ сна валялся онъ на печи, а днемъ сидѣлъ, понуря низко сѣдую голову, и все жаловался, что его обидѣли понапрасну. Въ одно утро онъ вдругъ собрался въ дорогу.

— Куда, Михеичъ, куда ты? — осыпали его вопросами.

— Самъ не знаю, Богъ вѣсть! — и дѣдъ махнулъ рукою. — Пойду къ Семигородной Божьей Матери, а тамъ ужъ опосля видно будетъ!

— Вернешься къ намъ, аль нѣтъ ужъ?

— Не помру — вернусь; сюда ли опять, на родину-ли — здѣсь ближайшій путь.

Ушелъ старикъ; проводили его яминовцы далеко за деревню... А черезъ двѣ недѣли пріѣхалъ учитель изъ „губерніи“, растворили домъ богача Латкова, вытопили, привезли мебели, и въ Николинъ день, въ присутствіи инспектора и члена управы, училище было торжественно открыто.

VI.

Не по дѣдовски, на иной ладъ повелъ дѣло земскій учитель. Дѣти заужужали, зашипѣли, зазыкали, пошли пѣсни и лomanья, какъ въ Гудьковской школѣ, — игры по указкѣ и книжкѣ... Учитель, молодой человѣкъ, только полгода тому назадъ кончившій обученіе въ педагогическихъ курсахъ, — боялся на іоту отступить отъ образцовъ, на которыхъ воспитался. Человѣкъ онъ былъ не лѣнивый, но безъ того „небеснаго огня“, который вкладываетъ „душу живу“ въ каждое дѣло — и не даетъ человѣку превратиться въ ремесленника. Учитель вполнѣ добросовѣстно исполнялъ все, что требовала служба, но затѣмъ ужъ онъ не чувствовалъ никакой потребности сдѣлать шагъ за черту своего обязательнаго труда. Въ яминовцахъ, встрѣтившихъ учителя несочувственно съ перваго шага, съ каждымъ днемъ это несочувствіе росло болѣе и болѣе, и они съ грустью вспоминали про Михеича.

— Совсѣмъ, братцы, не такъ у него было... какъ можно

сравнить! Не было у него этого баловства, шума... толковито вель онъ дѣло...

— Что говорить! Степенный человекъ—не этому чета... И гдѣ онъ теперь, братцы? Вернется-ли сюды?

Пуще большихъ вспоминали дѣда малыши, такъ любившіе его рассказы, такъ привыкшіе къ его теплой ласкѣ. Ничего этого не видѣли они у новаго учителя. Наука его казалась ребятамъ труднѣе и скучнѣе; немало озадачивали и потѣшали ихъ вопросы учителя: „Сколько у тебя рукъ?“ „Изъ двухъ яблокъ одно взять, сколько останется?“ Находились смѣльчаки, посмышленнѣе и постарше, которые на вопросъ: „сколько у тебя ушей?“ отвѣчали: „четыре!“ Въ первые разы, учитель приходилъ въ ужасъ отъ „тупости и дикости“ учениковъ и старался разъяснить имъ, но вскорѣ понялъ, что это было только глумленіе съ ихъ стороны—и ничего болѣе. Суровыя замѣчанія заставляли смолкать мальчиковъ, но они зло посмѣивались, за-глаза, надъ учителемъ. Сильно грустили они о дѣдѣ и тоже задавались вопросами: „Гдѣ онъ теперь?“ „Придетъ ли опять къ намъ?“

И онъ пришелъ... Онъ вернулся съ первыми вѣстниками весны—жаворонками. Съ прежнею котомкой на плечахъ, съ посохомъ въ мѣдномъ оконечникѣ, позднимъ мартовскимъ вечеромъ, явился дѣдъ въ Яминово и остановился у Безпалаго. Хозяева обрадовались ему, какъ родному; вѣсть, что вернулся дѣдъ, въ мигъ облетѣла всю деревню, раскинутую по обѣ стороны рѣки Ильмы,—и на утро же, толпою валили въ избу Безпалаго его бывшіе ученики.

— Дѣдушва Михеичъ! Дѣдушва Михеичъ!—радостно приветствовали они дѣда.

— Голубенки мои, родные мои! Здравенько ли живете, птенчики?—говорилъ Михеичъ, и слезы бѣжали по его морщинистому лицу. Онъ разцѣловалъ каждого мальчика и торопливо завозился въ своей котомкѣ, откуда досталъ груду крестивовъ и двѣ большія просфоры.

— Вотъ вамъ, милые мои, по крестиву изъ святыхъ мѣсть, носите на здоровье, Богъ дастъ и въ наукѣ понятія; носите, милые! Куды вы теперь-то? въ школу, чай? Ну, бѣгите, Христосъ съ вами... бѣгите! ужъ я вамъ надѣну по крестиву... заверните ввечеру... да что, голубенки: поди ужъ поѣли се-водни, ась?

— Не, дѣдушва, не ѣли ишшо; вѣ прибѣжимъ въ училище, тогда, до ученя и поѣдимъ.

— Коли такъ, не ѣли ишшо, такъ нате-ка, покушайте про-

сфорочки! На-тощакъ и потреблять только можно; покушайте, съ крестомъ, да съ молитвою.

Дѣти крестились и брали по кусочку просфоры. Веселѣе обыкновеннаго бѣжали они сегодня въ школу, разсуждая промежь себя о томъ, что вечеромъ будутъ у нихъ новыя крестики, и что дѣдъ, навѣрное, разскажетъ имъ что нибудь хорошее! Дѣти не утерпѣли—и объявили свою радость учителю.

— Хорошо, хорошо,—проговорилъ тотъ, останавливая учениковъ:—внимайте-ка книги... довольно вамъ болтать!

Недовольство и какъ будто раздраженіе послышалось въ тонѣ учителя: ему, точно, была неприятна такая сильная любовь дѣтей къ дѣду.

Около полудня, припелся и самъ Михеичъ въ училище. На просьбу его о позволеніи послушать,—учитель, молча, кивнулъ головою и указалъ рукою на табуретъ, стоявшій позади всѣхъ партъ. Какъ-то особенно осторожно пробрался дѣдъ на указанное мѣсто, и съ напряженнымъ вниманіемъ началъ прислушиваться къ рѣчамъ „заправскаго учителя“ и къ отвѣтамъ своихъ бывшихъ учениковъ. Много поражало старика, многого не могъ понять онъ въ своей простотѣ. „Къ чему это,—думалось ему.—Что-то не ладно совсѣмъ... не такъ, словно бы... да, опять же, если взять... для чего нибудь учатся же они... сидятъ, по нѣскольку лѣтъ, на скамьѣ?.. О, Господи! какъ все мѣняется-то! Ничего такого у насъ не было... не учили насъ этому... Гдѣ ужъ теперь намъ кого учить, самимъ въ пору учиться“! — Тяжело, невыразимо тяжело стало на душѣ бездипломнаго учителя, и онъ тихонько, не досидѣвши урока, вышелъ изъ класса.

Всю ночь не спалъ дѣдъ. Онъ слышалъ жалобы яминовцевъ и недовольство дѣтей,—и невольно задавалъ самъ себѣ вопросы: чья же наука лучше? Отчего же онъ, учившійся на мѣдныя гроши, такъ любъ всѣмъ, а того, который такъ долго учился въ разныхъ школахъ, заправскаго учителя, поставленнаго начальствомъ, не любятъ ни дѣти, ни народъ? Долго думалъ старикъ, долго раскидывалъ своимъ старческимъ умомъ, но не додумался до того, что не наука его брала верхъ, а любъ онъ былъ больше заправскаго учителя потому, что имѣлъ теплое и отзывчивое сердце, имѣлъ опытность и знаніе жизни, которыхъ не было у молодаго учителя.

На утро, опять потянуло старика въ школу. Какъ и вчера, вошелъ онъ, тихонько, въ классъ и сѣлъ на старое мѣсто. На

этотъ разъ онъ досидѣлъ до конца и даже разговори́лся съ учителемъ.

— Что, старикъ, какъ тебѣ нравится ученье?—спросилъ его учитель, съ улыбкой человѣка, сознающаго свое превосходство.

— Эхъ, ваша милость,—вздохнувши, отвѣчалъ Михеичъ:— на мѣдный грошъ учены... гдѣ намъ понимать!

— Ну какъ—гдѣ, ты же вѣдь самъ учитель?—сказалъ на смѣшливо молодой человѣкъ:—только и слышу здѣсь, что Михеичъ, да Михеичъ... чего же ты скромничаешь.

— Смѣяться изволите надъ старикомъ, ваша милость,—промолвилъ дѣдъ, уворизненнымъ отъ боли голосомъ.

— Нисколько... а что, скажи мнѣ по правдѣ: свучно теперь тебѣ? а? Привыкъ ты къ дѣлу?

— Сами, чай, понимаете, ваша милость, если любите ихъ... какъ не скучать... Известно!..

— Зачѣмъ же ты въ городъ не ѣхалъ? Сдавалъ бы экзамень, да и училъ бы здѣсь!..

Михеичъ ничего не отвѣтилъ на это.

— Что же будешь дѣлать теперь?—спросилъ учитель, помедля немного:—въ другое мѣсто пойдешь?

— Нѣ могу сказать, какъ потомъ тамъ... Богъ-вѣсть!.. Осенью што... а я теперь вотъ хотѣлъ попросить вашу милость... не позволите ли мнѣ подсобить въ чемъ... я бы и шлоу убралъ, и вамъ что сдѣлалъ... силы, можетъ, и хватить!

— Какъ это? Въ сторожа, значить, хочешь поступить? Что же, я, пожалуй... только вотъ что, дѣдъ: до осени мнѣ ничего не полагается... я не могу платить много.

— Господи! да я изъ-за денегъ, што ли? Къ ребяткамъ-то я привыкъ... ваша милость!

— А-а! Что же!.. помогай! А вотъ потомъ, съ осени, если не уйдешь отсюда, и совсѣмъ поступить можешь...

Съ этихъ поръ, каждое утро, около шести часовъ, Михеичъ являлся въ шлоу, подметалъ полъ въ классѣ, тщательно вытиралъ пыль, приводилъ все въ порядокъ—и ставилъ самоваръ для учителя. Дѣтوکъ уже набиралось, къ этому времени, въ шлоу не мало; Михеичъ ласково встрѣчалъ ихъ, отогрѣвалъ дальнихъ чайкомъ, осматривалъ заботливо одѣжу и, замѣтивши у кого дыру на валенкахъ или прорѣху на тулупѣ, говорилъ, чтобы тотъ остался ужь, послѣ урока, надо-де будетъ позачинить маленько... Убравши комнату учителя, Михеичъ осторожно пробирался въ классъ и помѣщался у печи.

Разъ, рано утромъ, въ началѣ апрѣля, когда рѣва еще не

вскрылась, но ледъ уже „своробило“ и подняло, Михеичъ возился, по обыкновенію, въ комнатѣ учителя, торопясь попасть на урокъ.

— Михеичъ! Михеичъ!—раздался вдругъ голосъ учителя:— брось все, бѣги скорѣй, клички вого нибудь... Потонетъ вѣдь онъ, дуракъ, сейчасъ!

Съ несвойственною быстротою выбѣжалъ старикъ на улицу и бросился къ рѣкѣ. Какой-то мальчикъ, не послушавшись за-прещенья, хотѣлъ, видно, перейти черезъ ледъ, но, на самой серединѣ, ледъ подломился и смѣльчагъ погрузился въ воду по самую грудь, ухватившись одною рукою за льдину.

— Куда ты, Михеичъ... что ты!—закричалъ учитель въ форточку:— въ сотскому бѣги или отцу скажи-поди... куда ты самъ-то, опомнись!

Не слушая ничего, словно подталкиваемый невидимою силой, Михеичъ спускался съ берега. Онъ вступилъ на ледъ, раздался трескъ—и нога, по самую ступень, ушла въ воду. Онъ шелъ далѣе... ноги проваливались чаще и глубже... Наконецъ, онъ добрался до мальчика и схватилъ его за руку... но, въ этотъ мигъ, съ трескомъ отломился край льдины, на которой стоялъ дѣдъ,—и самъ онъ погрузился въ воду по плечи. Не выпуская руки мальчика, Михеичъ схватился было за льдину; раздался снова трескъ—и дѣдъ исчезъ подъ водою, вмѣстѣ съ обломившимся кускомъ льдины. Прошла минута, двѣ... цѣлыхъ пять минутъ, но ни дѣдъ, ни мальчикъ не показывались болѣе... Скоро толпа народу собралась на берегу; послѣ долгаго шума и крика, начались поиски погибшихъ—но все было напрасно...

Съ тѣхъ поръ, рѣка нѣсколько разъ покрывалась льдомъ и очищалась отъ него, но и до сего дня не выдала она труповъ погибшихъ. Куда она унесла ихъ, гдѣ схоронила стараго бездипломнаго учителя и его бывшаго ученика—одинъ Богъ знаетъ про это!..

А. Кругловъ.

ПСКОВЪ ¹⁾.

Надъ Псковомъ нависла тяжелая мгла,
На душу народа она налегла,
И разумъ тревожить, и сердце щемить,
И только о голодѣ имъ говорить.

Полночь! Заснули уставшіе люди,
Въ городѣ тихо, пустынно въ Кремлѣ,
Мрачныя тучи несутся по небу,
Царствуетъ ночь на холодной землѣ.
Гдѣ-то внизу, по рѣкѣ, по Великой,
Катятся волны незримой воды,
Мѣрный напѣвъ ихъ мелодіи дикой
Странное чувство волнуетъ въ груди.
Дремлетъ природа; и только порою
Камень обвалится съ древней стѣны,
Да въ слободѣ городской за рѣкою
Въ храмѣ Господнемъ мерцаютъ огни.

Древній городъ, не мало и ты потрудился
Для великаго племени русской земли,
Ты оплотомъ ей былъ, ты съ тевтонцами бился,
И они твою мощь одолѣть не могли.
Ты не разъ ихъ видалъ подъ своими стѣнами,
Но ни разу ихъ въ стѣны свои не впускалъ;

¹⁾ Стихотвореніе это было написано во время свирѣпствовавшего въ Псковской губерніи голода.

Ты умѣлъ управляться съ своими врагами,
 И не разъ, въ свою очередь, имъ угрожалъ.
 Ты свободою жилъ, самъ собой управлялся,
 Не нуждался ты въ выходцахъ чуждой страны,
 И на вѣче всегда цѣликомъ собирался,
 Исполняя преданья святой старины.
 Ты выслушивалъ всѣхъ, не дѣлилъ ты народа,
 И рѣшалъ большинствомъ голосовъ всѣ дѣла,
 И глубоко въ тебѣ вкоренилась свобода,
 И прочна на Руси твоя слава была.
 Но пришли для тебя дни тяжелыхъ невзгодъ,
 И настала твой чередъ покориться,
 Когда князь Іоаннъ, собирая народъ,
 Порѣшилъ и съ тобою сразиться.
 Ты свободу любилъ, только ею и жилъ,
 Не хотѣлъ никому поклониться,
 И на вѣчѣ рѣшилъ, за свободу свою,
 Ты съ Москвою коварною биться.
 Ты упорно стоялъ, когда князь разорялъ
 Твои вотчины, слободы, села,
 Ты безъ боя ему ничего не сдавалъ,
 Не хотѣлъ ты признать произвола.
 Ты годами боролся... наконецъ, изнемогъ,
 И предъ княземъ Васильемъ склонился,
 И съ тѣхъ поръ ты глубоко заснулъ и замолкъ,
 Словно мракомъ могильнымъ покрылся.
 Съ той поры ты не жилъ, ты другихъ лишь кормилъ;
 Отъ рожденья до самой могилы,
 Произволь крѣпостной тебя жадно давилъ,
 И сосалъ твои лучшія силы.

Ты долго спишь, но знаю я,
 И знаетъ русская земля,
 Что если врагъ тебя коснется,
 То вновь въ душѣ твоей проснется.
 Все та же мощь былыхъ временъ,
 И сововетъ набата звонъ
 Твоихъ сыновъ, и ты, какъ встарь,
 Какъ древній городъ-Государь,
 Возстанешь разомъ для защиты
 Твоихъ домовъ; твоихъ святынь,

Твоихъ разрушенныхъ твердынь,
Слѣдовъ войны, слѣдовъ невзгоды,
Слѣдовъ заглохнувшей свободы.

Но есть на свѣтѣ врагъ иной,
И съ нимъ на смерть должны мы биться,
Онъ неразрывной пеленой
Покроетъ все, гдѣ поселится.
Невидимъ онъ, но такъ силенъ
И такъ могучъ, что все выносить,
Онъ съ человѣкомъ сотворенъ,
И много зла ему приносить.
И съ нимъ бороться не легко;
Но тотъ, кого онъ одолѣетъ,
Тотъ засыпаетъ глубоко
И самъ врага того лелѣетъ.
Ты понялъ, Псковъ? А если нѣтъ,
Такъ выслушай! Ужъ много лѣтъ,
Въ твоёмъ Кремлѣ, въ твоей святынѣ,
Какъ вѣстникъ Божьей благодѣтели,
Лежитъ твой князь; нетлѣнень онъ,
Хотя давно ужъ погребенъ
Въ твоихъ стѣнахъ, надъ нимъ повѣшенъ
Его же мечъ въ своихъ ножнахъ,
А рядомъ грамота; о ней
Я говорилъ, въ одинъ изъ дней,
Съ твоимъ степеннымъ гражданиномъ,
Который былъ хотя не старъ,
Но много видѣлъ, много зналъ,
И мнѣ во храмѣ онъ сказалъ,
Что снова станешь ты великъ,
И твой народъ тогда созрѣетъ,
Когда послѣдній твой мужикъ
Ту грамоту прочесть сумѣетъ!

Трудись же, мой городъ, трудись не сословно,
А дружно, всѣмъ міромъ, врага изгоняй,
И грамотѣ всѣхъ обучай поголовно,
И словомъ разумнымъ себя просвѣщай.
Кто грамоту знаетъ, того не обмануть,

Тотъ самъ прочитаетъ, и самъ все пойметъ,
И имъ помыкать незаконно не стануть,
И къ свѣту дорогу онъ легче найдетъ.
И станеть ему, безъ обмана, извѣстно,
Что можетъ онъ дѣлатъ, что долженъ давать,
Какую, на пользу, законно и честно,
Повинность придется ему отбывать.
Тогда-то настанеть завѣтное время,
Тогда ты поймешь, какъ собой управлять,
Тогда ты оцѣнишь, что право—не бремя,
И станешь разумныхъ людей выбирать:
На земское дѣло, на дѣло мірское,
Въ управы, и въ думы, и въ волость, и въ судъ.
И всюду, гдѣ только возможенъ донинѣ
Общественный, вольный и выборный трудъ.
То время настанеть, тотъ день не далеко,
Вѣдь смыслъ народа силенъ и глубокъ,
Онъ все одолѣетъ, и станеть легка
Ему та работа, тотъ трудъ; но пока...
Надъ Псковомъ виситъ непроглядная мгла,
На душу народа она налегла,
И разумъ тревожить, и сердце щемить,
И только о голодѣ имъ говорить.

Н. А. Вроцкій.

НЕНАСТЬЕ.

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VIII.

Весело свѣтило декабрьское солнце, зажигая миллионы искръ на снѣгу, покрывавшемъ поля и деревья, и весело раздавались дѣтскій смѣхъ и звонкіе дѣтскіе голоса на большомъ прудѣ села Зубовы-Горки. Вся мелкая команда собралась кататься съ горы, устроенной очень патриархально на берегу пруда. На возлахъ были положены доски, которыя каждый день сами же дѣти посыпали снѣгомъ и поливали водой. Катались еще патриархальнѣе: и на ломанныхъ дровянахъ, и на крошечныхъ салазкахъ, и даже ухитрились скатываться въ ломанныхъ ящикахъ, выброшенныхъ изъ кладовой, или на крошечныхъ обледѣвшихъ скамеечкахъ, называемыхъ ледянками. Чѣмъ хуже и неудобнѣе былъ способъ скатыванья съ горы, тѣмъ, конечно, онъ доставлялъ больше удовольствія. А если кто нибудь перевертывался и падалъ кувиркомъ въ снѣгъ, то радости и смѣху не было конца. Всѣ трое дѣтей Татьяны Дмитриевны были здѣсь, и съ ними Миша Архаровъ, высойій, худенькій черноглазый мальчикъ, немножко напоминавшій глазами сестру. Маленькіе Зубовы всѣ были вылитые Михаилъ Евграфовичъ. Такіе же бѣлые, бѣлозурные и голубоглазые; только меньшей, Коля, котораго нянька, красивая баба съ веселымъ и умнымъ лицомъ,

держала на рукахъ, былъ до смѣшнаго похожъ на Татьяну Дмитриевну и дѣлалъ точно такую же гримаску какъ она, когда собирался плакать.

— Миша!—говорилъ Митя, старшій сынъ Зубова,—я вѣдь знаю зачѣмъ насъ сегодня въ большой залъ не пускали.

— И я знаю.

— А вотъ Сережа не знаетъ.

— Нѣтъ, знаю...

— А зачѣмъ? ну, скажи!

— Тамъ Иванъ полъ натиралъ, такъ чтобъ мы не мѣшали.

— Полъ натиралъ!—насмѣшливо подхватилъ Митя:—вотъ и видно, что ты Фалалей Иванычъ. Развѣ полъ натираютъ такъ долго? Иванъ скоро, ужасно скоро натираетъ... да, Миша?

— Вотъ такъ, вотъ такъ!—и Миша, желая показать какъ Иванъ натираетъ полъ, сталъ выдѣлывать ногами на льду какъ полотерь, поскользнулся, упалъ, ушибся, хотѣлъ закричать, но видя, что большихъ нѣтъ, а кругомъ все маленькіе, только врякнулъ и сказалъ, вставая: ну, это ничего.

— Потри снѣгомъ... потри снѣгомъ... а то шишка будетъ!... кричали дѣти.

— *Micha! que faites vous là?*—раздался съ берега голосъ француза-дядьки маленькихъ Зубовыхъ.—*Pourquoi vous barbouillez vous avec de la neige?*

— *Moi rien,*—отвѣчалъ мальчикъ.—Митя! какъ сказать по французски: я ушибся?

— *Il est tombé! M-r Jacques!*—во все горло закричалъ Митя.

— Митя! *mon Dieu! quelle voix de Stentor, mais vous êtes fou, mon ami.*

— Вотъ и „fou“, развѣ я виноватъ, что онъ глухая тетера...

Всѣ дѣти захохотали.

— *Encore ses petits moujiks avec vous?*—продолжалъ французъ, бѣгая по берегу взадъ и впередъ, въ ваточномъ пальто и шерстяномъ *sache-pez*.

— *Rara a regim!*—неистово опять закричалъ Митя; онъ видимо бахвалился передъ дворовыми ребятишками, которыхъ набралось съ подюжины кататься съ барчуками.

— Тетя Аня! тетя Аня!—закричалъ Сережа и какъ вихрь понесся на встрѣчу небольшой, тоненькой женской фигурѣ, въ русской шубѣ и мѣховой шапочкѣ, которая быстро шла по дорогѣ въ пруду.

Всѣ дѣти, вслѣдъ за Сережей, обступили тетю Аню и она перецѣловалась со всѣми.

— Ты давно пришла?—говорилъ одинъ.

— Тетя Аня! давай мы тебя прокатимъ,—кричалъ другой.

— Тетя Аня! здластвуй,—лепеталъ маленький Коля и тянулся къ ней на руки.

Особа, которую дѣти звали тетей Аней, была небольшая, тоненькая дѣвушка съ худенькимъ, веселымъ и румянымъ лицомъ и большими сѣрыми глазами, съ темными бровями и рѣсницами. На морозѣ щеки тети Ани такъ и горѣли. Ей казалось на видѣ 22 или 23 года, но на самомъ дѣлѣ ей было уже 28, и она сама звала себя старою дѣвкою, изъ чего явствуетъ, что тетя Аня, хотя не была замужемъ, нимало этимъ не огорчалась и не волновалась. Удивительно было только то, какъ мужчины были такъ глупы и такъ недалководны, что не угадывали—какая отличная жена вышла бы изъ тети Ани; а что она была бы образцовая мать, такъ въ этомъ нельзя было усомниться, видя какъ любить она дѣтей и какъ постоянно возится съ ними. Но судьба бываетъ иногда капризнае всякой старой дѣвы, она большею частію даетъ намъ то, что намъ совсѣмъ не нужно и ставить насъ въ положенія, совершенно противныя нашимъ потребностямъ и характеру. Тетя Аня была и отличная хозяйка; видя каковой порядокъ и аккуратность царствовали въ домѣ, въ которомъ она жила съ матерью, нервною и больною женщиной, какъ знала она толкъ въ полевыхъ работахъ и распоряджалась всѣмъ лучше всякаго мужчины, всѣ говорили: „Господи! да почему-же эта дѣльная и милая особа не замужемъ?“ Однимъ словомъ, тетя Аня была типъ женщины домашнего очага и все-таки оставалась старою дѣвкою.

— Вотъ ни за что не хочетъ идти замужъ,—говорила Софья Николаевна, мать тети Ани:—какъ я ее ни упрашиваю.

— Ахъ, мамâ,—отвѣчала обыкновенно тетя Аня своимъ немногимъ рѣзкимъ голосомъ:—да за кого-же я пойду, неужели—за Ивана Ивановича Амфитеатрова?

— Вздоръ какой! поповичъ! уродъ! et quelles manières!—говорила Софья Николаевна.

— Ну, до манеръ-то мнѣ нивакого нѣтъ дѣла, былъ бы человекъ,—отвѣчала тетя Аня, быстро строя воротничекъ для матери (тетя Аня все дѣлала скоро, работа у нея такъ и кипѣла),—докторъ болтунъ и лѣнтяй. Вотъ еслибъ Архаровъ меня взялъ, я, можетъ быть, пошла бы за него,—и она весело смѣялась.

— И все ты вздоръ говоришь,—ворчала Софья Николаев-

на, она начинала сердиться, — какой Архаровъ тебѣ женихъ? 20 лѣтъ тебя старше, дочь невѣста.

— Я сама старая.

— Ну, пошла.... и Софья Николаевна съ досадою мѣшала карты и не додѣлывала свой вѣчный пасіансъ-елзу.

Тетей Аней звали ее дѣти Зубовыхъ потому, что ея мать приходилась внучатною сестрою Михаилу Евграфовичу, а больше отъ того, что Софья Николаевна съ дочерью были ближайшіе ихъ сосѣди: домъ ихъ стоялъ въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ дома Зубовыхъ; въ старину обѣ усадьбы составляли одно владѣніе и Зубовы говорили съ гордостью, что все въ округности, гдѣ было теперь такъ много маленькихъ помѣстьевъ, — „шляхты“, какъ звалъ мелкопомѣстныхъ дворянъ Федоръ Зубовъ, — все на 80 верстѣ кругомъ принадлежало ихъ прадѣду. Мать тети Ани была сама урожденная Зубова и кичилась своимъ родомъ гораздо больше, чѣмъ своимъ генеральствомъ; она была вдова тайнаго совѣтника. Тетя Аня не кичилась ни тѣмъ, ни другимъ, и ея коровы, теляты, ея образцовое молочное хозяйство, ея сытныя красивыя лошади, а въ особенности чужія дѣти, интересовали ее гораздо больше всевозможныхъ дворянскихъ граматъ. Впрочемъ, чтеніе вообще не составляло насущной потребности для тети Ани, и она въ тысячу разъ больше знала толку въ томъ, что, когда, и на какой землѣ надо сѣять; какъ лучше набивать ледники и въ какихъ горшкахъ, высочихъ или плоскихъ, дѣлается больше сметаны, — чѣмъ во всевозможныхъ отечественныхъ и иностранныхъ литературныхъ произведеніяхъ.

Тетя Аня, перецѣловавшись со всѣми дѣтьми, повела ихъ домой, потому что морозъ становился сильнѣе. Всю дорогу дѣти болтали не умолкая и тетя Аня слушала ихъ вздоръ съ такимъ же вниманіемъ, какъ еслибъ они говорили самыя умныя вещи.

— Я знаю зачѣмъ насъ въ большой залъ не пускаютъ, — сказалъ Митя, когда они вошли въ переднюю.

— А знаешь, такъ молчи, — отвѣчала тетя Аня.

— Не буду молчать.

— Такъ я тебя знать не буду и никогда съ тобою на Мухѣ кататься не поѣду.

— Нѣтъ, тетя, голубушка, красавица, поѣзжай....

— Ну, такъ молчи.... ты знаешь, я шутить не люблю.

И тетя Аня повела дѣтей въ классную, точно это составляло ея обязанность, а не угорѣлаго француза-дядьки; терпѣливо до самаго обѣда играла она съ дѣтьми въ дураки и фананы,

чтобъ удержатъ ихъ набѣги на большой залъ, гдѣ приготовлялась для этихъ маленькихъ разбойниковъ елка, вѣчно скрываема отъ дѣтей и вѣчно ими угадываемая. За обѣдомъ не было никого, кромѣ своихъ—и близкихъ знакомыхъ: Софьи Николаевны съ дочерью и Архарова съ Диною. Дѣти до того волновались ожиданіемъ, что даже ничего не ѣли. Митя съ Мишей все шептались и тихонько хихикали, не смотря на неоднократные возгласы француза: „tenez vous donc tranquilles!“ а Сережа облилъ всю скатерть, расплаваясь и только ради торжественности дня не былъ удаленъ изъ-за стола. Послѣ обѣда, тетя Аня и Дина повели дѣтей опять въ классную.

— Какія это все глупости!—насмѣшливо проговорилъ Михаилъ Евграфовичъ, лѣнливо опускаясь на мягкое патѣ въ гостиной.—Дѣтей запираютъ, сюрпризы имъ приготовляютъ; отчего намъ никогда елокъ не дѣлали?

— А ты опять умничать,—сердито прикрикнула Татьяна Дмитриевна, взявъ Колю къ себѣ на руки отъ няньки.

— Васъ-то маленькаго, я думаю, больше все розгой драли... вмѣшалась совершенно безцеремонно нянька, игравшая, повидимому, въ домѣ роль домашняго шута.

Татьяна Дмитриевна разсмѣялась.—Еще бы этакого несноснаго не сѣчь,—сказала она:—онъ ужъ грудной, я думаю, со всѣми спорилъ.—Ахъ, батюшки, скоро половина седьмаго!—вдругъ спохватилась она, взглянувъ на часы:—пора одѣвать дѣтей. Ирина, возьми Колю.

— А вамъ какъ бы посуетиться; съ утра не присѣли.... а бѣжите одѣвать—и безъ васъ одѣнуть; вотъ Михаила Евграфовичъ все валяется, ноги задрамши, ну и одѣлъ бы мальчиковъ.

— А французъ на что?

— Много смыслить вашъ чортовъ французъ, пинжака отъ куртки не отличить.

— Какъ ты сказала?

— Пинжака, не такъ чтоль по вашему? „Скокъ, поскокъ молодой дроздокъ!“—загѣла она совершенно неожиданно, подбрасывая на рукахъ черноглазого Колю, который такъ и залелся смѣхомъ.

— Ирinya! да придешь ли ты, наконецъ?—раздался изъ другой комнаты голосъ Татьяны Дмитриевны.

— Ишь загорѣлось.... велики и гости-то!... какіе-то все голштанские,—и она, продолжая пѣть, направилась къ двери.

— Совсѣмъ шальная баба,—проговорилъ недовольнымъ го-

досомъ Ѳедоръ Зубовъ,—я бы такую няньку двухъ минутъ не держалъ.

— А я держу, отвѣчалъ, улыбаясь, Михаилъ Евграфовичъ:—и буду держать.

— И дерзкая какая тварь. Сейчасъ грубость скажетъ,—продолжалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

— А ты не приставай! знаешь, не тѣ времена теперь.

— Она умная женщина,—сказалъ Архаровъ,—и даже, по своему, тонкая и проникательная.

— Ничего нѣтъ умнаго, дурища избалованная,—сердито отозвался Ѳедоръ Зубовъ.

— Гости пріѣхали!—шопетомъ проговорила Ирина, высываясь въ дверь.—Вы тутъ чего шумите? Посмотрѣли-бъ лучше какой шиньонъ на Катеринѣ Васильевнѣ, уморуща! какъ копы на головѣ торчить!—И она скрылась.

Ровно въ семь часовъ, дѣти, подъ предводительствомъ тети Ани и Дины, чинно явились въ гостиную, смиренные и нарядные. Дѣти-гости, двѣ дѣвочки, завитыя, деволте, въ розовыхъ шелковыхъ панье на бѣлыхъ кисейныхъ юпкахъ, и мальчиговъ въ красной шелковой рубашкѣ и черныхъ бархатныхъ шароварахъ, также вошли съ ними.

— Каково разфранчены дѣти-то у Статковскаго,—сказалъ вполголоса Михаилъ Евграфовичъ Архарову:—а вѣдь почти что ѣсть нечего.

— Шляхта всегда останется шляхтой!—почти громко прибавилъ Ѳедоръ Зубовъ.

— Что-ты, съ ума сошелъ? кричишь, точно не видишь, что Статковскій въ двухъ шагахъ отъ тебя.

— А пускай слышитъ, очень мнѣ нужно!

Михаилъ Евграфовичъ только плечами пожалъ.

Татьяна Дмитріевна съ тетей Аней поставили дѣтей парами, маленькихъ впереди. Оказалось, что самыми маленькими были Коля и сынъ няньки Петя, хорошенькій мальчиговъ, съ бѣлыми какъ ленъ волосами, одѣтый въ чистую ситцевую рубашку и коленкоровыя панталончики; Коля, весь въ бѣломъ, съ своими темными волосиками, былъ прелестень. Малютки взяли другъ друга за руки и, образу такимъ образомъ, безъ всякой задней мысли, сліяніе сословій, отправились, покачиваясь, въ большой залъ, какъ называли дѣти завѣтную комнату. Всѣ дѣти потянулись за ними, взрослые замыкали шествіе. Двери открылись; великолѣпная елка, вся залитая огнями и увѣшанная всевозможными лабомами, шариками, золотыми орѣхами, цѣ-

почками, красивыми стеклянными бездѣлушками, возвышалась посреди зала до самаго потолка. Дѣти не ахнули, а молча, улыбаясь, подошли къ елѣ и стали ее оглядывать кругомъ; только два дождевые пузыря, барченоеъ и плебей, ахали и визжали одинъ передъ другимъ. Плебей даже до того расходился, что сталъ бѣгать кругомъ, показывая на все пальцемъ и крича что есть мочи: „эва! эва!“ больше онъ ничего не умѣлъ и не могъ сказать.

— Теперь и дѣти не такія какъ прежнія, — замѣтилъ докторъ тети Анѣ, которая стояла подлѣ него. Онъ только что пріѣхалъ съ Арбеневымъ.

— А что?

— Въ наше время, устрой дѣтямъ такое веселье, такъ елку бы въ одну минуту всю разнесли, а кричали бы такъ, что святыхъ вонъ неси. А эти, точно старцы, ходятъ да оближаются.

— Теперь дѣти лучше воспитаны чѣмъ въ ваше время, вотъ и все.

— У васъ все воспитаніе.... а, по моему, просто стариками родятся; выростутъ — все адвокаты да концессионеры желѣзныхъ дорогъ будутъ.

Тетя Аня только пожала плечами, она не любила спорить; къ тому-же дѣтямъ стали раздавать подарки и ихъ блестящія радостью глаза и разгорѣвшіяся щечки интересовали ее гораздо больше, чѣмъ слова доктора. — Митѣ, какъ большому, подарили книгу въ красивомъ переплетѣ, это была: „Дѣти капитана Гранта“ — книга, замѣнившая теперь Робинзона.

— Ну, Митя, — сказалъ докторъ, садясь подлѣ Михаила Зубова: — покажи-ка что тебѣ подарили?

Мальчикъ показалъ книгу.

— Э, братъ, какой ты умный: какія ужъ книги читаешь. А ты, мелюзга, умѣешь читать? — спросилъ онъ Сережу.

— Онъ еще только первую часть „Роднаго Слова“ читаетъ, — отвѣчалъ за него Митя, — какая мебель, какая посуда, учебныя вещи.... все.... я уже давно вторую часть кончилъ.

— Что ужъ о тебѣ и говорить, — профессоръ! А ты, Сережа, часто читаешь папенькѣ про лѣниваго барина?

— Онъ еще не дошелъ, а я на память знаю, — подхватилъ Митя.

— Ну, скажи, когда знаешь.

— „Раздѣнь меня, уложи меня, покрой меня, переверни меня, перекрести меня, а усну я самъ“.

— Молодецъ! знаешь про кого это написано?

— Про лѣниваго барина, — медленно проговорилъ Сережа.

— Про папу твоего.

— Развѣ папа лѣнивый?

— Самъ ничего цѣлый день не дѣлаетъ, — сказалъ Михаилъ Евграфовичъ, смѣясь и показывая на доктора, — а про другихъ рассказываетъ. — Ну, ступайте! — прибавилъ онъ дѣтямъ: — вонъ тамъ мама яблоки раздастъ.

Дѣти бросились стремглавъ, забывъ въ рукахъ доктора „Капитана Гранта“.

— Совершенно маленькія животныя, — продолжалъ Михаилъ Евграфовичъ; — великій человекъ Дарвинъ: стоитъ посмотрѣть на дѣтей, чтобъ убѣдиться, что мы приходимъ отъ обезьяны.

— А ты опять о Дарвинѣ? брось! — замѣтилъ Федоръ Зубовъ. — Вотъ ты мнѣ лучше скажи, зачѣмъ ты дѣтей учишь по такой книгѣ, „Родное Слово“, что-ль?

— А что?

— Да вѣдь это чортъ знаетъ что такое? нигилистъ какой-то сочинилъ, либералишка голодный.

— Ушинскій-то нигилистъ?

— Я фамилии не помню. Онъ ненависть возбуждаетъ противъ дворянъ; говорить, что они ничего не дѣлаютъ.

— Ну, такъ чтожь? Вѣдь мои дѣти не мужики, сами дворяне.

— Да вѣдь и мужики по ней учатся?

— А мнѣ какое дѣло? учись себѣ хоть по Лассалю: все равно ничего не поймуть.

— А это что за бестія?

— Лассаль-то? вотъ спроси у Арбенъева, онъ на него чуть не молится.

— Ты рисуешь, Миша? — спрашивалъ Арбенъевъ Мишу Архарова, который показывалъ сестрѣ ящикъ съ красками, подаренный ему на елкѣ.

— Папа меня учить, — отвѣчалъ мальчикъ, поднимая на Арбенъева свои большіе черные глаза, такъ напоминавшіе глаза сестры.

— А вы умѣете рисовать? — продолжалъ Миша.

— Умѣю, только не хорошо.

— А папа хорошо; папа все умѣетъ дѣлать, онъ даже столы умѣетъ дѣлать; онъ и карету сдѣлаетъ, когда захочетъ.

— Ты хвастунъ, Миша, — сказалъ, улыбаясь, Арбенъевъ.

— Нѣтъ, правда!... папа все умѣетъ дѣлать! Дина, да?

— Какой красивый мальчикъ вашъ братъ, — сказалъ Арбенъевъ

Динѣ, смотря вслѣдъ Мишѣ, который побѣждалъ показывать свой ящикъ Антонсовому, сидѣвшему невдалекѣ у окна и не спускавшему глазъ съ Дины и Арбеньева.—У него особенно хороши глаза, такіе глубокіе,—продолжалъ Арбеньевъ.

— Глаза сестрицы,—лукаво замѣтила Татьяна Дмитриевна, проходя мимо ихъ.

— Я подумалъ то же самое, но не смѣлъ сказать,—проговорилъ Арбеньевъ съ замѣшательствомъ. Онъ не могъ дать себѣ отчета, почему, въ присутствіи этой молодой дѣвушки, имъ овладѣла какая-то непонятная робость. Онъ терялся и не зналъ съ чего начать разговоръ; а между тѣмъ ему хотѣлось слышать ея свѣжій, почти дѣтскій голосъ, ему хотѣлось узнать, что кроется подъ этою красивою, серьезною наружностью.

— Кто-же занимается воспитаніемъ вашего брата?—началъ онъ, чтобы что нибудь сказать;—неужели самъ Александръ Петровичъ? онъ такъ занятъ...

— Мишѣ недавно минуло семь лѣтъ, онъ только что началъ учиться грамотѣ. Я учу его сама, папа учитъ его только рисовать. Онъ очень слабый ребенокъ, и учится не болѣе получаса въ день. Я нахожу, что чѣмъ позже начать учить ребенка, тѣмъ лучше...

— Почему-же?

— Потому что физическое развитіе, особенно въ такой ранней возрастѣ важнѣе умственнаго. Къ тому-же механическая грамотность не ведетъ ни къ чему, а только отупляетъ ребенка.

— О, да какой вы педагогъ, Надежда Александровна!

— Нѣтъ, я слишкомъ мало знаю, чтобы быть педагогомъ, даже чтобы разумно учить грамотѣ; развивая ребенка, нужно много разнообразныхъ и многостороннихъ свѣдѣній, которыхъ, къ сожалѣнію, я не имѣю.

— Я слышалъ, что у васъ есть школа, въ которой вы сами учите? Это большой трудъ.

— Никакого.

— Почему-же?

Дина улыбнулась и взглянула на Арбеньева.—Васъ это интересуетъ?—спросила она.

— Еще-бы... онъ хотѣлъ прибавить: „въ васъ интересуетъ меня все“, но остановился и сказалъ:—я обязанъ интересоваться народнымъ образованіемъ.

— Такъ вы меня спрашиваете по службѣ?—отвѣчала Дина и весело, засмѣялась. Въ ея смѣхѣ было что-то серебристое,

звонкое, онъ такъ измѣнялъ ея обыкновенно серьезную наружность, что Арбеньеву показалась она еще милѣе.

— Крестьянскія дѣти,—продолжала Дина серьезно,—учатся необыкновенно прилежно и внимательно, точно сознаютъ, что знаніе ихъ единственное богатство, единственный путь къ независимости; они смотрятъ на грамоту какъ на что-то священное. Для нихъ не нужны ни поощренія, ни наказанія. Какіе славные люди вышли бы изъ этихъ дѣтей, если бы... Она немного остановилась. Если-бы ихъ учили какъ слѣдуетъ, если-бы земство,—она покраснѣла,—немного больше заботилось о народномъ образованіи.

— Вы еще слишкомъ снисходительны, Надежда Александровна: немного больше... оно совсѣмъ не заботится.

— И вы, предсѣдатель управы, говорите объ этомъ такъ спокойно? Для чего же вы служите, когда ваша первая обязанность заботиться о народныхъ нуждахъ.

— Вы совершенно правы; но согласитесь, что иногда самыя лучшія намѣренія безсильны противъ общаго равнодушія къ дѣлу.

— Нѣтъ, я никогда не повѣрю, чтобы энергическая воля и искреннее желаніе пользы не восторжествовали надъ всѣми препятствіями. Живой примѣръ — Анна Михайловна: ей не легко было бороться съ цѣлою семьей, которая вся была противъ ея намѣренія посвятить всю жизнь страждущимъ, и однако она, женщина больная, слабая, настояла на своемъ и дѣлаетъ столько пользы, сколько, можетъ быть, не сдѣлаетъ ни одинъ мужчина, имѣющій на своей сторонѣ и право, и возможность, и силу.

Щеки Дины горѣли яркимъ румянцемъ; разъ заговоривъ о любимомъ предметѣ, она забыла свою обычную сдержанность и застѣнчивость.

— Такъ вы не раздѣляете мнѣнія тѣхъ, которые находятъ, что Анна Михайловна не приноситъ пользы?

— Я? если-бы Анна Михайловна жила нѣсколько столѣтій тому назадъ, ее признали бы за святую, ей бы молились и просили у нея исцѣленія и совѣта; теперь, въ наше время, въ N уѣздѣ, люди, которые не въ состояніи понять и оцѣнить все ея нравственное величіе, видятъ въ ней какую-то юродивую; а я говорю: „сдѣлайте хоть сотую долю того добра и пользы, которую сдѣлала она, и тогда рѣшайте кто она: святая или сумасшедшая?“ Pardon, Monsieur Арбеньевъ,—прибавила Дина, вставая:—Мишѣ пора спать; мнѣ нужно его уложить.

Она граціозно наклонила голову и легкими, быстрыми ша-

гами пошла къ двери. Арбенъевъ провожалъ ее глазами: „и ходить-то какъ нѣтъ, — думалъ онъ, — точно несется по воздуху“.

„Зачѣмъ онъ такъ меня разспрашивалъ? — думала Дина, между тѣмъ какъ Миша, въ одной рубашонкѣ, стоя передъ образомъ, читалъ „Отче нашъ“, — что это? любопытство или участіе? Участіе къ народу, разумѣется, здѣсь его вообще не любятъ и считаютъ демагогомъ. Демагогъ!... Странно, однако, что мой отецъ, который уже, конечно, не изъ консерваторовъ, тоже, повидимому, ему не симпатизируетъ... а между тѣмъ, судя по рассказамъ Ивана Ивановича, который его хорошо знаетъ, въ нихъ такъ много общаго. И оттого-то Арбенъевъ такъ интересуется меня. Какое у него симпатичное лицо, не смотря, что такое строгое. Въ его взглядѣ что-то грустное и восторженное вмѣстѣ. Мнѣ кажется—это единственный, человѣкъ, похвалой котораго я бы гордилась. Но отчего этотъ грустный взглядъ? говорить — онъ счастливъ, женатъ по любви; любопытно знать какова та женщина, которую онъ выбралъ: уже вѣрно не дюжинная? и отчего она осталась въ Петербургѣ, когда онъ здѣсь?“

Тысячи мыслей роились въ головѣ молодой дѣвушки; въ первый разъ она встрѣтила человѣка, живо заинтересовавшаго ее воображеніе, и мысль, что этотъ человѣкъ женатъ, казалась ей странною и какъ-то не вязалась съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвелъ на нее Арбенъевъ.

Миша уже давно крѣпко спалъ, а Дина все еще сидѣла въ раздумьи у его кровати.

Между тѣмъ, въ гостиной шелъ оживленный споръ. Крикливый голосъ доктора доносился до дѣтской, заглушаемый иногда голосами братьевъ Зубовыхъ. Спорили о женскомъ вопросѣ, и, какъ всегда бываетъ въ спорахъ русскихъ людей, особенно въ провинціи, гдѣ люди не привыкли стѣсняться, всѣ говорили въ одинъ голосъ, желая перекричать одинъ другаго, вставали, размахивали руками, горничались ужасно, а между тѣмъ изъ спора вовсе не выходила та истина, о которой говорится въ французской поговоркѣ, что *du choc des opinions jaillit la vérité*, потому что, въ сущности, твердыхъ opinions ни у кого не было, а только уставали страшно легкія и всѣ спорившіе выносили изъ этого бесполезнаго упражненія непріязненное чувство другъ къ другу.

— Ну, о чемъ вы спорите, господа? — сказалъ Архаровъ, воспользовавшись минутнымъ затишьемъ; слѣдуя преданіямъ хорошаго общества, онъ никогда не возвышалъ голосъ въ спорахъ; — въ сущности вы всѣ одного мнѣнія, т. е. всѣ противъ равноправности женщинъ, вы расходитесь въ частности.

— Что-жь, по вашему, ихъ командирами полковъ сдѣлать? мировыми судьями?—сердито отозвался Федоръ Zubovъ.

— Нѣтъ, они хотять заставить насъ дѣтой нянчить, кашку имъ варить, а сами въ земскихъ собраніяхъ будутъ ораторствовать. Только какъ же это они сдѣлають, чтобъ насъ заставить дѣтей рожать?—прибавилъ, насмѣшливо, Михаилъ Zubovъ.

— Не говори вздора, — вмѣшалась Татьяна Дмитриевна:— еслибъ васъ заставить рожать, такъ родъ человѣческій давно бы прекратился; ты отъ какой нибудь бобошки на носу носишь и стонешь на весь домъ.

— А ты о курицѣ плачешь, когда ее на кухню зарѣзать несутъ; ну, гдѣ тебѣ докторомъ быть? гдѣ тебѣ трупы рѣзать?

— Нѣтъ, это ты блѣднѣешь, когда кровь увидишь; уаъ! гдѣ вамъ равняться съ нами въ терпѣніи?

— Татьяна Дмитриевна совершенно права, женщины несравненно терпѣливѣе насъ, — кричалъ докторъ;— роды, батюшка, такой ужасъ, что никакая хирургическая операція не сравнится съ ними въ жестокости боли. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онѣ были въ состояніи быть докторами и хирургами. Онѣ все вынесутъ, когда нервы ихъ возбуждены, и совершенно раскиснутъ при видѣ вонючаго трупа, потому что вонючій трупъ не возбуждаетъ нервовъ. Для этого нужна хорошая сила воли, сознаніе пользы науки, которое одно въ состояніи заставить заглушить въ себѣ физическую гадливость и отвращеніе. Когда я въ первый разъ вошелъ въ анатомическій театръ—мнѣ сдѣлалось дурно, а я не изъ нѣжныхъ.

— Однако-жь, есть женщины-доктора?—сказала тетя Аня, молчавшая до сихъ поръ и усердно занятая какимъ-то шитьемъ.

— Суслова, Суслова... и опять Суслова! Что же это доказываетъ? что изъ сотни тысячъ женщинъ одна не имѣетъ обонянія.

— Какой вы вздоръ говорите, докторъ. Это только доказываетъ, что еслибъ доступъ въ медицинскую академію былъ такъ же возможенъ для женщинъ, какъ для мужчинъ, то Сусловыхъ было бы сотни и тысячи...

— Можетъ быть, — перебилъ Михаилъ Zubovъ, — только я не хотѣлъ бы лечиться у этихъ докторовъ?

— Почему же?—продолжала тетя Аня.

— Потому что они навѣрно были бы плохіе.

— Это отчего?

— Оттого, чтобъ быть хорошимъ докторомъ, нужно быть очень умнымъ человѣкомъ... а у женщинъ мозги не тѣ.

— Что-жь, онѣ всё дуры по твоему?—замѣтила Татьяна Дмитриевна.

— Вовсе нѣтъ... онѣ умны и даже иногда очень умны—какъ женщины, въ известной сферѣ; ужъ это давно доказано, что ихъ умственные способности слабѣ мужскихъ.

— Кто же это доказалъ? ужъ не ты ли?

— Нѣтъ, не я, а Дарвинъ.

— А ты опять о Дарвинѣ,—замѣтилъ Федоръ Зубовъ,—Таня, что-жь ты съ него штрафъ не берешь?

— Подай, клади сейчасъ въ кошилку, хоть бѣднымъ будетъ польза отъ твоего вранья.

— Татьяна Дмитриевна хочетъ доказать наглядно несправедливость пословицы, утверждающей, „что съ вранья пошлины не берутъ“. Но на этотъ разъ она не права. Дарвинъ точно это говорить,—замѣтилъ докторъ.

— Можетъ быть, мнѣ до этого никакого нѣтъ дѣла; только мнѣ онъ такъ надоѣлъ съ своимъ Дарвиномъ, что мы условились: какъ только онъ его вспомнитъ, брать съ него двадцать копѣекъ. Представьте—иногда въ день до трехъ рублей наберется. Иди лучше въ карты играть,—прибавила она, обращаясь къ мужу.—Вѣдь ты насъ не убѣдишь, а гости тамъ скучаютъ.—И она выпроводила обоихъ братьевъ Зубовыхъ.

— Что же вы, Дмитрій Васильевичъ, ни слова не замолвили въ нашу пользу?—сказала она, обращаясь къ Арбеньеву, который перебиралъ альбомъ, лежавшій на столѣ, взглядывая часто на дверь, которая вела во внутреннія комнаты.

— Боялся подлить масла въ огонь, Татьяна Дмитриевна; мои мнѣнія въ теоріи діаметрально противоположны мнѣніямъ этихъ господъ, но я съ грустью долженъ сознаться, что русская женщина еще далеко не доказала, что она искренно предана наукѣ и общественному дѣлу. Всѣ ея попытки на этомъ поприщѣ были только игрою въ самостоятельность, а не серьезнымъ дѣломъ. Вѣдь служить и трудиться не такъ легко, какъ кажется. Я говорю о женщинахъ привилегированнаго класса, бѣдная женщина работаетъ часто больше мужчины.

— А развѣ женщины привилегированныхъ классовъ не трудятся?

— Рѣдко, и то всегда съ личными дѣлами, всегда для семьи; я еще ни разу не подмѣтилъ въ нихъ того, что мы называемъ гражданскою доблестью.

Въ комнату вошла Дина; Арбеньевъ взглянулъ на нее и продолжалъ уже не такъ рѣшительно:

— Онѣ не гражданки, онѣ только жены гражданъ, да и то рѣдко. Въ большинствѣ случаевъ онѣ не имѣютъ никакихъ политическихъ убѣждений, и дѣло домашняго очага для нихъ всегда важнѣ всякаго общественнаго дѣла.

Дина улынулась какъ будто насмѣшливо и сѣла рядомъ съ отцомъ.

— А вы много знаете мужчинъ-гражданъ?—спросилъ Архаровъ.

— Очень мало; но все же есть.

— Что-жъ это все они засѣдаютъ и въ совѣтѣ, и въ сенатѣ, и въ судахъ, и въ земскихъ собраніяхъ? Скажите по совѣсти—они?

— Конечно, не они, ихъ такое ничтожное меньшинство.

— Почему же,—продолжалъ Архаровъ,—вы требуете отъ женщинъ добродѣтели, которая еще не развилась въ мужчинахъ, не смотря на то, что они полноправны съ тѣхъ поръ какъ стали людьми. Извѣстныя историческія условія, которыя мѣшали развитію цивическихъ добродѣтелей въ русскомъ мужинѣ (вѣдь мы говоримъ только о русскихъ), еще больше тяготѣли надъ женщинами, и русская многострадальная жена и мать, если не была гражданкою въ западномъ значеніи этого слова, за то всегда была исполнена той высочайшей добродѣтели, которая, по моему, одна стоитъ всѣхъ гражданскихъ доблестей,—всепрощающей любви и милосердія. Потому что такъ любить, какъ любить русская женщина, не въ состояніи ни одна женщина въ мірѣ. И въ большинствѣ случаевъ, ея любовь не слѣдствіе возбужденнаго воображенія и страстнаго увлеченія, а всегда жалость и состраданіе. У простыхъ женщинъ даже слово жалость замѣнило слово любовь: „жалѣла я его очень“,—говорить баба или дѣвка,—„такъ жалѣла, что и сказать не могу“. Эта жалость, это чисто духовное чувство, заставляло и женъ декабристовъ идти за мужьями на ваторгу. Не любовь какъ страсть. даже не чувство долга, всегда суровое и холодное, давало силы слабымъ, избалованнымъ свѣтскимъ женщинамъ, которыя жили до того времени шута, выносить ужасъ долгаго путешествія въ суровомъ краю, бороться не только съ семьей, но и съ самою природой, отказаться отъ всѣхъ удобствъ жизни, даже отъ опрятности. Умереть во сто разъ легче; взойти на эшафотъ, какъ Madame Roland, и сказать тамъ эффектную фразу, гораздо проще, чѣмъ вынести сорока-градусный морозъ, смрадную избу и площадное ругательство тюремщика. Что же заставляло этихъ княгинь и графинь выносить все это? Жалость, одна только жа-

лость, одно состраданіе въ несчастнымъ мужьямъ, и не будь эти мужья ваторжники, можетъ быть, тѣ же Трубевкая и Волонская остались бы очень равнодушными женами, даже, кокетничали бы съ другими.

— Такъ, по твоему, для того, чтобъ русская женщина меня полюбила, надо чтобъ меня прежде на ваторгу сослали?—сказалъ докторъ.—Слуга покорный.

— Я вовсе не то хотѣлъ сказать; я говорилъ это въ тому, чтобъ доказать, что русская женщина болѣе способна на гражданскую доблесть, чѣмъ какая нибудь другая, потому что для всякаго общественнаго дѣла нужна прежде всего любовь къ этому дѣлу или, лучше сказать, любовь къ людямъ.

— Но вѣдь вы говорили только о любви русской женщины къ мужу или любовнику,—сказалъ Арбеневъ.

— Во все нѣтъ; я говорилъ, что даже мужа и любовника она любитъ жалѣючи, не для личнаго удовлетворенія; а ужъ о другихъ ея привязанностяхъ и говорить нечего. Спросите у Татьяны Дмитриевны, чтобъ она сказала по совѣсти, котораго изъ своихъ дѣтей она любитъ больше?

— Разумѣется, Сережу,—съ живостью отвѣчала Татьяна Дмитриевна.

— Отчего?

— Оттого, что онъ самый слабый, хворенькій. Сколько ночей я не спала надъ нимъ.

— Слышите: она любитъ его потому, что жалѣеть, любитъ потому, что онъ больше другихъ заставлялъ ее страдать. Татьяна Дмитриевна настоящая русская женщина; еслибъ у нея, сохрани Боже, былъ убогій ребенокъ, она бы не стыдилась его, какъ француженка или англичанка, она бы любила его больше другихъ. Какъ мать, какъ жена, какъ любовница, русская женщина любитъ, потому что жалѣеть, и эту самую жалость, это святое состраданіе, она вноситъ во всевозможныя привязанности; и ближнихъ своихъ любитъ она не по долгу, не изъ религіознаго чувства, не вслѣдствіе отвлеченнаго принципа человѣческой солидарности, не мудрствуя лукаво, а любитъ только потому, что жалѣеть. И вслѣдствіе этого, во всякую общественную дѣятельность, которая касается пользы ея ближнихъ, она вноситъ ту же горячую любовь.

— Мы и не споримъ, что женщины способны на общественную благотворительность, это совершенно ихъ дѣло; я бы всѣ больницы отдалъ подъ ихъ надзоръ; я говорю только, что медиковъ хорошихъ изъ нихъ никогда не выйдетъ, а Дмитрій Ва-

сильевичъ утверждаетъ, что и земскіе дѣятели вышли бы изъ нихъ плохіе.

— Въ этомъ-то вы и ошибаетесь. Какая дѣятельность требуетъ больше самоотверженія какъ не дѣятельность врача? гдѣ болѣе широкое поприще для облегченія человѣческихъ страданій? Какой мужчина въ состояніи такъ понять, какъ женщина, разнообразныя женскія страданія, какой мужчина въ состояніи съ такою нѣжною заботливостію лчить больнаго ребенка, какъ женщина-медикъ? Повѣрьте, искреннее желаніе помочь и облегчить, этотъ энтузіазмъ, который женщина вноситъ во все, дастъ ей силы преодолѣть ничтожное физическое отвращеніе отъ трупа, точно такъ же сильное въ началѣ и въ муцинѣ. Наши сестры милосердія, кажется, доказали на войнѣ, что онѣ не изъ брюзгливыхъ и не изъ нѣженоекъ, и почему видъ анатомическаго театра ужаснѣе вида перевязочнаго пункта? почему какая нибудь повивальная бабка, постоянно присутствующая при жестокихъ страданіяхъ и не теряющая головы при видѣ смертельной опасности, при крикахъ и столахъ, отъ которыхъ блѣднѣютъ мушны, — имѣетъ менѣе присутствія духа и силы воли, чѣмъ какой нибудь хирургъ, отрѣзывающій ногу или руку пациенту безмолвному и безчувственному отъ хлороформа? Что же касается до гражданской дѣятельности, то только то прочно и полезно, основаніемъ чему служить не одно знаніе дѣла, а то высокое гуманное чувство, до котораго достигаютъ рѣдкіе изъ мушны; доказывать же равенство женскихъ умственныхъ способностей съ нашими я даже считаю излишнимъ, потому что высшее нравственное развитіе, возможно только при высшемъ интеллектуальномъ развитіи; даже утилитарный принципъ требуетъ, по словамъ Милля, „чтобы стремленіе къ общему счастью сдѣлалось обычнымъ мотивомъ поступковъ cadaго“. Это высокое нравственное развитіе дается женщинѣ гораздо легче, потому что она чувствомъ угадываетъ то, до чего мужчина доходитъ послѣ долгаго изученія; словно на крыльяхъ возносится она на ту высоту нравственнаго величія и всепрощающей любви, до которой достигаютъ немногіе избранные. Все простить, значить все понять.

Глубокіе глаза Дины съ такою любовію были устремлены на отца, что даже Арбеневу стало завидно. — „Такъ вотъ какъ она можетъ смотрѣть“, — подумалъ онъ невольно.

— Правду говоритъ пословица: „что каковъ въ колыбельку — таковъ и въ могилку“, — сказалъ, смѣясь, докторъ, — и въ 50 лѣтъ, Александръ Петровичъ, ты остался все тотъ-же неисправимый

идеальность; и чего ты тут не нашлешь: и какія то крылья, и всепрощающая любовь. Вспомни, что мы съ тобой выросли и возмужали при крѣпостномъ правѣ; чтожъ, не пороли своихъ ближнихъ твои всепрощающія русскія женщины?

— Исключенія ничего не доказываютъ.

— Все не исключенія; исключеніями были тѣ, которыя не пороли, а горничныхъ такъ даже сантиментальныя барышни, разыгрывавшія Герца и зачитывавшіяся романами Жоржъ Санда, били по щекамъ.

— Quelle hotteup! — сказали въ одинъ голосъ Татьяна Дмитриевна и тетя Аня. Дина даже покраснѣла отъ негодованія.

— Да, барыни, для васъ „hotteup“, потому что вы въ другое время родились?

— Неужели же вы думаете, что еслибъ мы родились тридцать лѣтъ раньше, то также били бы по щекамъ горничныхъ? — сказала Татьяна Дмитриевна.

— Ну, подь сердитую руку, я думаю, Иринью, за грубость, толкнули-бм маленько.

— Вы, кажется, съ ума сошли, докторъ?

— Общественная грубость нравовъ и историческія условія съ одинаковою силою дѣйствуютъ на женщинъ какъ и на мужчинъ, Иванъ Ивановичъ, — сказалъ Архаровъ. — Но даже въ растлѣвающей средѣ крѣпостничества, русская женщина доходила иногда до такой высоты нравственного величія и самоотверженія, что подобное рѣдко можно встрѣтить и въ болѣе свѣтлыя эпохи человѣчества. Около сорока лѣтъ тому назадъ, когда я былъ еще мальчишкой, я слышалъ рассказъ объ одной барынѣ-помѣщицѣ, который произвелъ на меня до того потрясающее впечатлѣніе, что я не забылъ его до сихъ поръ.

— Ахъ, расскажите, голубчикъ Александръ Петровичъ! — сказала Татьяна Дмитриевна.

— Рассказывала эту исторію при мнѣ моей матери одна бѣдная, мелкопомѣстная, старая барышня, изъ породы приживалокъ, которыми полны были въ то время всѣ богатые помѣщичьи дома. Какъ теперь вижу ея сухую, длинную фигуру, съ вѣчно подвязанною щекой, — она страдала хроническимъ флюсомъ. Вижу ея крошечную восичку, свернутую вренделькомъ на затылкѣ и заколотую роговымъ гребнемъ съ изломанными зубьями. Вотъ, сидитъ она на табуретѣ, не дерзая сѣсть при генеральшѣ (какъ она называла матушку) на кресло, и монотоннымъ голосомъ рассказываетъ драматическую исторію, которая такъ поразила меня. „И была-то моя сестрица такая доб-

рая, такая чувствительная, что и рассказать вамъ не могу. А мужъ у нея, зять-то мой, покоенъ тоже давно, былъ ужаси какой горячій да вспыльчивый: какъ начнетъ наказывать кого изъ холопей, такъ самъ себя не помнить. А она этого никакъ стерпѣть не могла; какъ услышитъ, что събууть, такъ туда и бѣжить; онъ больше у себя въ домѣ въ передней наказывалъ, такой неделикатный былъ. Тутъ ужъ она и просить, и молить, и въ ногахъ-то у него валяется, пока онъ не велитъ перестать сѣчь, плюнетъ и отойдетъ. Надоѣли ужъ очень ему женны слезы да просьбы. Разъ сталъ онъ повара за что-то наказывать. Она и услышъ, и прибѣги, и ну его за руки хватать, да цѣловать ему руки. А онъ какъ закричитъ: „для барыни прибавь!“ хотѣлъ, видите, отучить ее отъ этакихъ манеръ. Она, какъ-бы вы думали, какъ бросится на повара, легла на него и кричитъ: „хоть убей! а я не встану, не дамъ сѣчь! Поваръ-то, матушка вы моя, весь въ крови, а она не погнушалась, своимъ тѣломъ-то барскимъ закрыла его холопское тѣло. — „Ваша сестра святая“, — сказала моя мать, и тогда я съ нею согласился; а теперь повторю опять, что только русская женщина способна на такое самоотверженіе, во имя любви къ человѣчеству; тутъ нѣтъ никакой религіозной экзальтаціи; невѣжественная русская барыня того времени, мелкопомѣстная помещица, вовсе не походила на какую нибудь набожную *châtelaine*, руководимую своимъ духовникомъ. Ея духовникъ, сельскій попъ, такой-же невѣжественный какъ она сама, вовсе не осуждалъ наказанія раба, а даже находилъ это полезнымъ и необходимымъ; весь строй жизни, понятія, въ которыхъ она выросла, говорили ей: „неповорнаго раба наказуй“, и вотъ она, взрослая на этихъ понятіяхъ, не только не относится равнодушно къ такому будничному, обыкновенному событію, какъ сѣченіе лакея, нѣтъ, она защищаетъ его даже собою, даже своимъ собственнымъ тѣломъ.

— Тая, проси ужинать, — сказалъ, входя, Михаилъ Евграфовичъ. — Господа, не хотите-ли закусить?

— *Messieurs, engagez vos dames*, — сказала Татьяна Дмитриевна, сажая возлѣ себя Архарова. — Дмитрій Васильевичъ, сюда, — и она посадила его между Диной и госпожою Статковской, очень некрасивою молодою женщиной, у которой въ профиль видны были только однѣ щеки.

— Раздѣляете ли вы мнѣніе вашего батюшки на счетъ русской женщины? — спросилъ Арбеневъ Дину.

— То есть думаю-ли я какъ онъ, что русская женщина всегда

жалѣючи любить? Не совсѣмъ... и хотя я сама стала любить моего отца еще больше съ тѣхъ поръ, какъ я его жалѣю, но еслибъ я не уважала его какъ человѣка, я бы не любила его совсѣмъ. Для меня немислима любовь безъ уваженія, скажу больше—безъ удивленія къ любимому человѣку.

— Вы говорите о дѣтской любви, или о любви вообще?

— Другой любви я еще не испытала и, признаюсь, никогда объ ней не думала. Я не изъ мечтательницъ.

— Но вы, которая такъ сострадательны къ бѣднымъ и угнетеннымъ, неужели вы остались бы равнодушны къ страданію нравственному? положимъ даже, къ страданію отъ безнадежной любви?

— Я не вѣрю въ безнадежную любовь.

Отъ вниманія Арбеньева не укрылась страсть, которая выражалась въ глазахъ Антонскаго, когда онъ смотрѣлъ на Дину, и онъ не могъ преодолѣть любопытства узнать, замѣчаетъ ли она эту страсть? Отвѣтъ Дины поразилъ его.—Что она? не видѣть, какъ этотъ человѣкъ влюбленъ въ нее, или раздѣляетъ его чувство? Отъ этого предположенія у него сжалось сердце.

— Не вѣрите?—продолжалъ онъ, глядя на нее пристально.

— Мнѣ кажется, что мы можемъ любить только равныхъ себѣ; а безнадежная любовь подразумеваетъ всегда неравенство,—отвѣчала Дина совершенно спокойно.

— Какое, неужели социальное?

— Оно не имѣетъ для меня никакого значенія,—продолжала она, смотря на него своими ясными глазами,—я говорю о неравенствѣ нравственномъ, только оно одно — непреодолимое препятствіе.

— Кромѣ неравенства нравственнаго, есть еще другія препятствія, также непреодолимая.

— Какія-же?

Неосторожный отвѣтъ готовъ былъ вырваться у Арбеньева; но онъ удержался и продолжалъ шутливо:

— Вы такъ требовательны, Надежда Александровна, что полюбить васъ можетъ только необыкновенный смертный. А людямъ обыкновеннымъ даже не дозволяется любить васъ безнадежно.

— Вы просто смѣтаетесь надо мною, и вы правы: я, совершенно некомпетентная въ вопросахъ: какъ любить? почему?—дерзаю разсуждать объ этомъ съ вами,—отвѣчала, смѣясь, Дина.

— Почему-же вы считаете меня компетентнымъ?

— Потому что вы женаты и женаты по любви, — отвѣчала совершенно по дѣтски Дина.

Арбенъевъ невольно разсмѣялся и не нашель что отвѣчать на это замѣчаніе.

— Отчего я теряюсь передъ этой дѣвочкой? — думаль Арбенъевъ, — что же въ ней такого особеннаго, что отличаетъ ее отъ всѣхъ другихъ женщинъ? Сила-ли эта красоты, правда, рѣдкой, безукоризненной? но я видалъ красавицъ, передъ которыми разступались и замирали отъ восторга сотни людей, и я не чувствовалъ ни малѣйшаго трепета, ни малѣйшаго смущенія, а теперь... И какъ просто сказала она: — „признаюсь, я никогда не думала о любви“.

— Скажите мнѣ пожалуйста, — говорил Архаровъ тихо Татьянѣ Дмитріевнѣ: — какая причина что жена Арбенъева осталась въ Петербургѣ? вѣдь они, кажется, женились по любви?

— Право, не знаю, я сама этому удивляюсь, а спросить какъ-то совѣстно.

Архаровъ взглянулъ на Арбенъева и въ его взглядѣ, устремленномъ на Дину, прочель то же выраженіе, которое такъ не понравилось ему еще на репетиціи въ городѣ N.

Въ концѣ стола, гдѣ сидѣлъ хозяинъ, шелъ шумный разговоръ; всѣ, по обыкновенію, говорили вдругъ, такъ что никакъ нельзя было понять въ чемъ дѣло.

— Хочешь, я спрошу у него? — говорилъ Федоръ Зубовъ.

— Брось, въ чему? я напередъ знаю, что онъ скажетъ, — отвѣчалъ Михаилъ Евграфовичъ. — Они тамъ въ Петербургѣ ничего въ этомъ не смыслятъ. Отъ пролетаріата также нельзя спасти, какъ нельзя спасти отъ смерти. Это ясно какъ дважды два четыре.

— Нѣтъ, я хочу знать, что онъ скажетъ.

— Да что онъ тебѣ пророкъ, что-ли какой достался?

— Дмитрій Васильевичъ! — громко сказалъ Федоръ Зубовъ, не слушая Михаила Евграфовича; — вы какъ: за общинное владѣніе или нѣтъ?

— Вы говорите о крестьянской общинѣ? — отвѣчалъ Арбенъевъ.

— А то о какой же?

Арбенъевъ улыбнулся.

— Зачѣмъ же вамъ нужно мое мнѣніе, Федоръ Федоровичъ? Спрашивайте людей компетентныхъ: Михаила Евграфовича, Александра Петровича, здѣшнихъ старинныхъ помѣщиковъ, которые, конечно, лучше меня изучили крестьянскій бытъ и зна-

комѣ съ мѣстными условіями крестьянской жизни. Наконецъ, вы сами, здѣшній старожилъ, лучше знаете—вредна или полезна крестьянская община.

— Хитрая бестія, — сказалъ вполголоса Федоръ Zubovъ своему сосѣду Андронову:—небось, его не поймашь.

— Мнѣ навѣрное говорили, что онъ подь присмотромъ полиціи, — сказалъ тихо Статковскій.

— Кто же это вамъ говорилъ?

— Мнѣ говорили въ третьемъ отдѣленіи.

— Да вы служите, что ли, въ третьемъ отдѣленіи?—насмѣшливо проговорилъ Федоръ Zubovъ.—Экъ, вретъ-то!—прибавилъ онъ, обращаясь къ Михаилу Евграфовичу, вовсе не заботясь, слышитъ его замѣчаніе Статковскій или нѣтъ.—Я нахожу, — продолжалъ онъ громко:—что общинное владѣніе никуда не годится, что это остатокъ варварства, что при немъ немислимо какое бы то ни было улучшеніе землепашества, и что правительство непременно должно разрѣшить крестьянамъ продажу ихъ надѣловъ и выходъ изъ общины.

— Вамъ и книги въ руки, Федоръ Федоровичъ; только куда же пойдутъ эти обезземеленные хлѣбонашцы?

— А куда хотятъ!

— Вы разрѣшаете вопросъ быстро, но не совсѣмъ удачно; а если они пойдутъ къ вамъ въ амбаръ?

— Что-жъ, теперь, по вашему, воровства меньше?

— Зачѣмъ же идти непременно грабить, — сказалъ Михаилъ Евграфовичъ.—Лѣнныя и пьяныя и теперь распродаютъ свои полосы и шатаются по міру. Только община держитъ ихъ въ крѣпкѣ; было бы гораздо выгоднѣе и для государства, еслибы крестьянскія земли сосредоточивались въ рукахъ зажиточныхъ и, вслѣдствіе этого, болѣе развитыхъ личностей изъ тѣхъ же крестьянъ; такимъ образомъ, составилась бы у насъ классъ мелкихъ землевладѣльцевъ-собственниковъ, а пьяныя, неумѣлыя, лѣнныя, всѣ эти поддонки общества, обратились бы въ батраковъ-работниковъ.

— Проще: вы хотите, чтобы и у насъ, съ разрѣшенія правительства, создался такой же пролетаріатъ, какъ на Западѣ; что-жъ, мѣра хорошая.

— Онъ создастся самъ собою, Дмитрій Васильевичъ; это непреложный законъ, естественное слѣдствіе борьбы за существованіе; Дарвинъ...

— Давай 20 копѣекъ, — замѣтилъ Федоръ Zubovъ.

— Отстань, сдѣлай милость, ты вѣчно со вздоромъ!—Я ни

какихъ надеждъ на правительство не возлагаю,—продолжалъ Михаилъ Евграфовичъ:—и ничего отъ него не требую. Пусть только оно не мѣшаетъ и не стѣсняетъ; „laissez faire, laissez passer“—вотъ мой девизъ.

— Девизъ очень удобный и пріятный для имущихъ,—отвѣчалъ Арбеневъ.—Признаюсь вамъ: въ моемъ невѣдѣніи, я всегда полагалъ, что крестьянская община, со всѣми своими недостатками и неудобствами, все же лучшая форма, какую выработала у насъ народная жизнь; я думалъ, что въ ней, какъ въ зернѣ, хранится та будущая община, которая одна дастъ возможность бороться противъ крупнаго землевладѣнія и крупнаго капитала. Въ моей отсталости, я воображалъ, что первая и главная цѣль правительства или государства—заботиться о нуждахъ большинства, объ этихъ милліонахъ неумѣлыхъ, и, какъ называете вы ихъ,—лѣнивыхъ и пьяныхъ; я имѣлъ наивность вѣрить, что Лассаль правъ, когда говоритъ, „что цѣль государства состоитъ не въ томъ, чтобы охранять личную свободу и собственность индивидуума, а въ томъ, чтобы соединеніемъ индивидуумовъ доставить имъ возможность пріобрѣтать такую сумму просвѣщенія, силы и свободы, которая немислима для отдѣльныхъ личностей“.—Конечно, все это утопія, и для Россіи одно спасеніе: завести у себя такой же пролетаріатъ, какъ на Западѣ.

— Шутка ничего не доказываетъ, Дмитрій Васильевичъ,—замѣтилъ Михаилъ Зубовъ.

— Будемте лучше шутить, Михаилъ Евграфовичъ, чѣмъ говорить серьезно о предметѣ, въ которомъ я имѣю слабость относиться слишкомъ горячо. Мы, русскіе, не умѣемъ спорить хладнокровно; не мудрено—намъ такъ недавно позволили говорить, да и то только о нашихъ хозяйственныхъ и мѣстныхъ нуждахъ, что мы не успѣли еще выработать въ себѣ парламентское умѣнье: говорить—не заговариваясь, опровергать—не горячась, и нападать на противника по всѣмъ правиламъ ораторскаго искусства.

— Про кого это Арбеневъ говорилъ?—спросилъ у доктора Статковскій, который сидѣлъ подлѣ него:—какой это такой Лассаль?

— Неужели вы никогда не слыхали про Лассаля?—спросилъ его, въ свою очередь, докторъ.

Статковскій немного сконфузился, но затѣмъ принялся разсказывать своему сосѣду, толстому молчаливому господину, какъ его племянникъ, морякъ, наслаждается жизнію.

--- Вина—какого только душѣ угодно; пріѣхали на островъ

Мадеру, сейчас—мадеру пить; на Кипръ—кипрское вино, на островъ Шампаню—шампанское.

— Да такого и острова нѣтъ,—меланхолически замѣтилъ молчаливый господинъ.

— Ну, вотъ, вы все знаете: каждый годъ, батюшка, новые острова открываются.

— Хоть бы онъ вамъ шампанскаго привезъ,—замѣтилъ меланхолическій господинъ.

— Очень мнѣ нужно; у меня у самого 10 тысячъ бутылокъ на погребѣ въ песокъ стоитъ.

— Сколько?—Молчаливый господинъ даже покраснѣлъ за своего собесѣдника.

— Я пошутилъ: бутылокъ съ полсотни будетъ,—небрежно прибавилъ Статевскій, даже самъ испугавшись волосальности своего вранья.

IX.

Почтовая тройка, что есть духу, неслась по дорогѣ къ N, только полозья скрипѣли подъ санями, да волоколычикъ громко и отчетливо звенѣлъ въ ясномъ, морозномъ воздухѣ. Милліоны звѣздъ горѣли на безлунномъ небѣ; млечный путь блестялъ, точно серебряная лента, и чѣмъ больше всматривались глаза въ это великолѣпное небо, тѣмъ открывали все большее и большее количество звѣздъ. Роскошью и блескомъ горѣло небо, а на землѣ все было холодно и бѣло. Деревья, покрытыя инеемъ, стояли по краямъ дороги, точно погруженные въ дремоту. И все было тихо кругомъ; только звенѣлъ волоколычикъ, да, изрѣдка, раздавалось веселое посвистыванье ямщика.

— Докторъ, никакъ вы заснули? — сказала Арбеневъ: — посмотрите ночь-то какая!

Онъ нарочно заговорилъ съ докторомъ, желая отогнать отъ себя мысли, которыя не давали ему покоя, и чувствуя, что какая-то непонятная тревога поднималась у него въ головѣ и сердцѣ...

— Да, хорошо...—произнесъ лѣниво докторъ:—морозъ сносный. А я все думаю объ Архаровѣ; чудакъ, идеалистъ неисправимый, и, какъ всѣ идеалисты, у себя подъ носомъ не видитъ.

— А что же?

— Да то, что я бы на его мѣстѣ этого Антонскаго двухъ часовъ у себя не держалъ.

— Какого Антонскаго?

— Письмоводителя, развѣ вы не замѣтили? Такой худенькій, волосы буйные, точно шапка на головѣ.

Арбеневъ очень хорошо замѣтилъ Антонскаго, но продолжалъ, желая знать мнѣніе доктора.

— Что же вамъ не нравится въ этомъ господинѣ? фигура довольно незначительная.

— Мнѣ всегда, отецъ мой, не нравится, когда невозможная идея засядетъ въ тщеславную и слабую голову... люди такого рода, какъ Антонскій, лѣнтяи, мечтатели, да, къ тому же, меланхолики... очень опасный народъ.

— Для кого же опасный?

Въ голосѣ Арбенева докторъ замѣтилъ какую-то тревогу. „Жаль, что у тебя лицо закрыто шубой,—подумалъ онъ,—а то бы я угадалъ, изъ чего ты-то волнуешься?“ Онъ не отвѣчалъ на вопросъ и они оба замолчали, недовольные собою.

Арбеневу все мерещился тотъ страшный, полный ненависти взглядъ Антонскаго, съ которымъ онъ нѣсколько разъ встрѣчался въ этотъ вечеръ.

— Неужели ревность,—думалъ онъ,—заставила его угадать то, что еще такъ смутно во мнѣ самомъ; то глубокое впечатлѣніе... которое изгладится же, наконецъ!.. Да, онъ любитъ ее! А она?—О, конечно, нѣтъ; довольно взглянуть на это свѣтлое чело, на эти глубокіе, спокойные глаза, на эту ясную и вмѣстѣ равнодушную улыбку, чтобы убѣдиться, что это гордое дѣвичье сердце еще не знаетъ любви... Она вся ясная, чистая и безстрастная!..

Лошади вдругъ шарахнулись и стали.

— Ишь, чортъ проклятый! — проговорилъ ямщикъ, — угрозила же его нелегая поперегъ дороги свалиться.

— Что тамъ такое?—сказали, въ одинъ голосъ, докторъ и Арбеневъ.

— Человѣкъ на дорогѣ лежитъ, ваша милость,—отвѣчалъ ямщикъ.

Арбеневъ выскочилъ изъ саней. Докторъ, крича, вылѣзъ за нимъ. Поперегъ дороги, навзничъ, лежалъ, недвижимо какъ трупъ, человѣкъ въ пальто, какія носятъ деревенскіе лакеи; старая шапка валялась недалеко, сѣдые волосы торчали въ разные стороны на полуплѣшивой головѣ, и только дыханіе, съ сильнымъ спиртнымъ запахомъ, выходившее изъ полуотворенныхъ губъ, доказывало, что это не мертвецъ, а человѣкъ мертвецки-пьяный.

— Что, онъ живъ?—спросилъ Арбенъевъ доктора, который наклонился надъ живымъ трупомъ.

— Пока живъ, — отвѣчалъ тотъ — Ахъ, Алеха, Алеха, — продолжалъ онъ полунасмѣшливо-полужалостно: — околѣешь ты, не сегодня, такъ завтра, другъ любезный, гдѣ нибудь въ ка-навѣ; ужъ такая твоя планида.

— Вы его знаете, докторъ?

— Какъ не знать, 30 лѣтъ знаю; 30 лѣтъ, а можетъ быть и больше, сей индивидуумъ пьетъ горькую, а все живъ. Алексѣй, портной, бывший дворовый человекъ господъ Сиворинныхъ; ужъ и господъ такихъ давно на свѣтѣ нѣтъ, а его все продолжаютъ звать Алексѣемъ Сиворинскимъ. Горчайшій пьяница, а портной хороший, N—скій Шармеръ.

— Ну, почтеннѣйшій, — сказалъ докторъ ямщику: — помогите намъ сволочить его въ сани, не умирать же ему здѣсь на дорогѣ.

Арбенъевъ съ докторомъ, съ помощью ямщика, подняли грѣбное тѣло Алексѣя Сиворина и положили въ сани. Онъ только мычалъ.

— Ишь, нарѣзался! — говорилъ ямщикъ, нехотя помогая нести пьянаго и покатываясь со смѣха: — какъ колода какая!

— А ты, небось не пьешь? — сказалъ докторъ.

— Грѣбный человекъ, тоже ѣдимъ дѣломъ занимаюсь, только не до безчувствія.

— Близко до деревни? — спросилъ Арбенъевъ.

— А вотъ тутъ, сейчасъ за горкой.

— Ну, такъ пошелъ скорѣе!

— Что вы дѣлаете? — сказалъ докторъ, видя, что Арбенъевъ снимаетъ шубу, чтобъ закрыть пьянаго: — горячему схватите; а онъ теперъ, увѣраю васъ, ничего не чувствуетъ.

— Докторъ, побойтесь Бога! этотъ несчастный старикъ въ одномъ дырявомъ пальто.

— Да вы совсѣмъ блаженный, точно Анна Михайловна. Вотъ и деревня. Ну, чортъ, вали скорѣй! видишь: баринъ безъ шубы сидитъ.

Ямщикъ обернулся. „Чудеса! — подумалъ онъ, взглянувъ на Арбенъева: — выпимши, должно быть“, и такъ огрѣвъ кнутомъ свою тройку, что лошади какъ шальные взлетѣли на высокой сугробъ снѣга, образовавшійся при вѣздѣ въ деревню, чуть не опрокинули саней, пронесли еще нѣсколько саженой и остановились у крайней избы, изъ которой слышались голоса и пѣсни.

— Шубу-то надѣньте, — говорилъ докторъ Арбенъеву: — а то

мужики смѣяться будутъ. Батюшки, какое тутъ веселье идетъ!

— Ряженные вѣрно, — сказалъ ямщикъ, улыбаясь во весь ротъ: — ишь, дѣвки-то какъ визжать!

Громкій хохоть и женскій визгъ слышны были на улицѣ.

— Что-же мы съ нимъ дѣлать-то будемъ? — спросилъ ямщикъ, показывая на портнаго.

— Какъ что? понесемъ его въ избу, — отвѣчалъ Арбеневъ.

— Больно вы прытки! такъ насъ и пустать въ избу, — замѣтилъ докторъ. — Съ такимъ сокровищемъ?

— Ни въ жисть никто не пустить, — прибавилъ ямщикъ.

— Но вѣдь невозможно же оставить его на морозѣ. Неужели-же крестьяне такъ безчеловѣчны?

— Плохо же вы знаете народъ, Дмитрій Васильевичъ; они такъ боятся суда и слѣдствія, что ни за что на свѣтѣ не пустать къ себѣ человѣка безчувственно пьянаго, боясь, что онъ умретъ у нихъ, а тогда бѣды не уберешься. Недавно человѣкъ умеръ отъ того, что его, пьянаго, заперли въ холодный чуланъ и то подлѣ волостнаго правленія.

— Что-жъ полиція?

— А ничего. — Докторъ написалъ: „апоплексическій ударъ отъ пьянства“, вотъ и все!

— Однако что же мы разговариваемъ, — вспомнилъ Арбеневъ: — вѣдь здѣсь волостная контора? Докторъ, останьтесь здѣсь, я позову волостнаго.

— Шубу-то надѣньте, мужики смѣяться будутъ, — повторилъ докторъ.

Къ счастью, волостной не былъ пьянъ и волей-неволей долженъ былъ явиться. Общимъ совѣтомъ рѣшили злополучное тѣло Алексѣя портнаго снести къ его кумѣ, одинокой старушонкѣ, которой изба была рядомъ съ той, въ гдѣ шло веселье. Благо баба старая и перечить не будетъ.

— Я заплачу за все, — говорилъ Арбеневъ.

— Кто же понесетъ? — сказалъ волостной. — Ишь, бѣсъ, нарѣзался!

Сани обступила толпа.

— Да нехристи вы этакіе! — говорилъ докторъ: — помогите вы намъ сволочить его въ избу.

— Имѣйте же хоть немножко состраданія, — упрашивалъ Арбеневъ.

— Да это какой таковой баринъ? — говорили мужики, показывая на Арбенева.

— Куда волочить? — вызвался одинъ изъ мужиковъ, тоже сильно выпившій.

— Вотъ нелегкая принесла, — ворчалъ волостной.

— Эхъ, Дмитрій Васильевичъ, не такъ вы распоряжаетесь, — говорилъ докторъ. — Съ ними добромъ ничего не подѣлаешь. — Ну, чего рты разинули? — прикрикнулъ онъ на мужиковъ. — Начальство приказываетъ, такъ нечего разговаривать! Дьяволы! право дьяволы! несите его, говорятъ вамъ, вотъ въ эту избу; околѣть — на васъ же спросятъ. Я докторъ земскій, а это самъ предсѣдатель управы, ну, чего стали?

Пьяненкій мужиченка съ какимъ-то другимъ оборваннымъ малымъ схватили портнаго за ноги и за голову. Когда они его подняли, то онъ сталъ издавать какіе-то неопредѣленные звуки, похожіе не то на мычанье звѣря, не то на стонъ человѣка.

— Пожалуйста, осторожниче, — говорилъ Арбенъевъ.

— Не сахарный — не разсыплется, — отвѣчали со смѣхомъ мужики и скорѣ поволокли, чѣмъ понесли пьяницу на лѣстницу.

— Давай дѣвокъ спужаемъ! — сказали они, взглянувъ на соседнюю избу: — подумаютъ, что мертвецъ, ей Богу!

— Оставьте, ребята, какъ вамъ не совѣстно, человѣкъ, можетъ быть, умираетъ, а вы смѣетесь.

— Живъ будетъ... ему не впервые. Тутъ въ Покровщину такъ нализамшись былъ, что сами думали — околѣть, зубы стиснувши и не мычить какъ теперь; такъ мы ему вочергой зубы-то расперли, да такъ воду-то ему въ глотку и лили. Роза-то ужъ вся потемнѣвши была.

Злополучнаго Алеху внесли въ избу въ кумѣ и положили на лавку.

— Положите ему голову повыше, вотъ такъ! теперь ставьте съ него пальтишко и сапоги; вотъ такъ, спасибо, — говорилъ докторъ.

Мужики исчезли и онъ остался одинъ съ Арбенъевымъ.

— Всѣ члены цѣлы, ничего не отморожено. Увусомъ бы надобно было голову смочить... да на нѣтъ и суда нѣтъ. Дайте-ка воды! если глотаешь — будетъ живъ.

Докторъ бережно поднялъ голову больного и при помощи Арбенъева влилъ въ ротъ несчастнаго нѣсколько капель воды. Портной открылъ мутные глаза и опять что-то промычалъ.

— Тряпку чистую нужно, — сказалъ докторъ.

— Баба, нѣтъ-ли у тебя тряпки?—сказаль онъ старухѣ, которая, перепуганная всею этою сценой, притаилась на печкѣ.

— И, батюшка, какую тебѣ тряпку, почто?

— Голову ему примочить.

— Полей ему родимый на морду-то съ ведра, вотъ-те и сказъ, а тутъ еще тряпку; гдѣ найдешь, ночью-то?—Она зѣвнула во весь ротъ.

— Возьмите платокъ,—сказаль Арбенъевъ.

Докторъ свернулъ платокъ, намочилъ въ водѣ и положилъ на голову Алексѣя.

— А шубу дадите его закрыть?—обратился онъ къ старухѣ:—вѣдь здѣсь у васъ немного потеплѣе чѣмъ на улицѣ.

— Избенка-то старая,—сказала старуха:—здѣсь лѣсъ господской, у насъ прута нѣтъ, топимъ кое-чѣмъ.

— Какъ это кое-чѣмъ?—спросилъ Арбенъевъ.

— А хворостомъ, да вѣтьемъ; коли удастся стащить въ господскомъ лѣсу, такъ и слава Богу.

— Такъ вы крадете лѣсъ?

— А то какъ-же? не околѣвать же съ морозу-то, тоже люди.

— Да вѣдь теперъ на счетъ этого строго,—сказаль докторъ.

— Строго-то строго, а все-жъ таскаемъ. Да какъ-же быть-то? ты самъ посуди. И то мерзнемъ; только на печкѣ и спанье.

— Старуха, дай чѣмъ нибудь покрыть больного,—сказаль Арбенъевъ,—я заплачу за шубу.

— Вонъ въ томъ углу шуба лежитъ....

— Ну, спасибо. А вотъ тебѣ за труды и безпокойство.

— Благодаримъ покорно. Волостной-то, жидъ проклятый, эку напасть на меня, сироту горькую, навалилъ. Какъ помреть-то, сохрани Господи.

— Не тужи, старуха, завтра же будетъ въ кабакѣ,—прибавилъ весело докторъ, закрывая шубой Алеху.—Ну, прощай, старуха!

— Простите, родимые. Баринъ, а баринъ!—закричала она Арбенъеву:—а платокъ-то твой.

— Ненадо, пусть ему останется.

— Хотите зайти посмотрѣть какъ веселится русскій народъ?—сказаль докторъ Арбенъеву, выйдя на улицу.

— Зайдемте; а ящикъ-то какъ?

— Ничего, не замерзнетъ; прибавите на водку, такъ еще спасибо скажетъ,—и докторъ въ сопровожденіи Арбенъева взо-

шелъ на ветхое крыльцо, которое вело въ низенькую, старенькую избу, обыкновенно нанимаемую для посидѣлокъ и святочныхъ вечеровъ. Это мѣсто веселья принадлежитъ обыкновенно какойнибудь бѣдной бобылѣ: ни одинъ порядочный домохозяинъ не допустить ни игрищъ, ни посидѣлокъ у себя въ избѣ.

— Милости просимъ!—раздались голоса.

— Пришли посмотрѣть, какъ хрестьяне гуляютъ, — сказалъ парень въ пиджакѣ поверхъ желтой ситцевой рубахи. Онъ старался говорить изысканно.

Прежде всего ударилъ въ голову Арбеньева страшный чадъ, на который никто не обращалъ вниманія. Чадила маленькая керосиновая лампочка, обыкновенно употребляемая теперь крестьянами вмѣсто лучины. Такъ какъ эти лампы безъ стеколъ, то онѣ постоянно чадаютъ; но обоняніе русскаго мужика, привыкшее ко всевозможнымъ запахамъ, отъ него нисколько не страдаетъ; изрѣдка ктонибудь поморщится и, протирая глаза, приболвить: „у, бѣсъ, какъ воняетъ!“

Небольшая изба, въ которой печь занимала третью часть, съ низкимъ закоптымъ потолкомъ, была биткомъ набита народомъ; жара была страшная; у всѣхъ лица были красныя и потныя, и, не смотря на это, многіе были въ шубахъ.

Животныя испаренія мѣшались съ запахомъ керосина. Чѣмъ только тутъ ни воняло: и потомъ, и овчиной, и кислую капустой.... однимъ словомъ—пахло русскимъ духомъ.

Дѣвки, плотно прижавшись одна къ другой, сидѣли на лавкахъ, и между ними ухитрились помѣститься парни; иные такъ просто, безъ церемоніи, сѣли къ дѣвкамъ на колѣни. Посреди избы, на свободномъ пространствѣ въ какихънибудь два аршина въ диаметрѣ, топталась пара. Дѣвка, въ шерстяной полосатой юпкѣ и ситцевой кофтѣ, съ желтымъ широкимъ лицомъ, въ которомъ не было тѣни стереотипнаго здороваго деревенскаго румянца, оставшагося теперь только въ романахъ изъ сельскаго быта, — толкалась на одномъ мѣстѣ съ платкомъ въ рукѣ, не улыбаясь, съ совершенно серьезнымъ лицомъ, точно дѣло дѣлала. Передъ нею выдѣлывалъ невообразимыя штуки ногами мужикъ уже не первой молодости, въ красной рубахѣ, сильно пьяный.

Одинъ молодой парень игралъ на гармоникѣ, а товарищъ его на чемъ-то въ родѣ скрипки. Балалайка—теперь такая-же археологическая рѣдкость, какъ серебряный рубль.

— Ишь, бѣсъ, какъ откалываетъ!—говорили зрители о тан-

порѣ.—Старый чортъ, а и молодому таѣь не отмочить. Эва! эва! Молодецъ, что и говорить!

Поощряемый похвалами, пьяный мужиченка лихо пошелъ въ присядку, но поскользнулся и растянулся во всю длину. Раздался неистовый хохотъ.

— Ишь, вверхъ тормажками полетѣлъ, песь этакой!

Дѣвка невозмутимо продолжала топтаться на одномъ мѣстѣ, и только глупо ухмыльнулась при видѣ паденія своего кавалера.

Мужикъ плюнулъ, произнесъ непечатное слово и опять пошелъ выдѣлывать ногами разныя колѣнцы.

— Ряженые, ряженые!—закричали вдругъ тѣ, кто были у двери.

Въ дверь ввалилась толпа; костюмы состояли больше все изъ шубы, вывороченной на изнанку. Всѣ столпились въ вучу.— Медвѣдь ходилъ на четверенкахъ, рычалъ и елился на дѣвокъ, которыя визжали и ругались. Кто-то, одѣтый не то бариномъ, не то офицеромъ, въ мочальныхъ эполетахъ и какомъ-то колпакѣ, давалъ всѣмъ затрещины и неистово что-то кричалъ. Разношникъ ходилъ съ коробомъ. Иногда раздавался пронзительный женскій визгъ.

— Кобыла.... чаво орешь-то!...

— А ты, морда твоя поганая, чаво руку-то сѣешь куда не слѣдь.

— Баринъ, а баринъ!—говорила приземистая нарумяненная дѣвка, подойдя къ Арбеневу:—что же ты дѣвокъ неугостишь-то ничѣмъ? Арбеневъ, молча, подаль ей ассигнацію. Отъ народнаго праздника у него кружилась голова и ныло сердце.

— Рубъ даль?—спрашивали дѣвки.

— Нѣтъ, подымай выше.

— Ишь, счастье Настухи! Поскуда этакая!

Сельскій вечеръ превращался въ оргію. Шумъ, крикъ, хохоть, ругань, циническія слова—такъ и сыпались кругомъ.

— Туши огонь!—закричалъ кто-то.

— Поѣдемте,—сказалъ Арбеневъ.

Когда они отворяли дверь, экономическая лампочка зачала сильнѣе и вдругъ погасла. Послышались не то что крики и хохотъ, а какой-то вой и ревъ голодныхъ звѣрей.

— Хорошо гуляетъ русскій православный крестьянинъ?—насмѣшливо проговорилъ докторъ, между тѣмъ какъ продрогнувшія лошади, погоняемые пьянымъ ямщикомъ, неслись какъ вихрь, разметая снѣгъ и взлетая на сугробы.

— Признаюсь, я не видалъ ничего подобнаго,—сказалъ Арбенъевъ.

— Почтище чѣмъ у Марцинкевича,—прибавилъ докторъ,— а мы еще комитеты славянскіе устраиваемъ, на братства жертвуемъ, окраины обрусить хотимъ, миссіонеровъ на Алтай посылаемъ; вотъ гдѣ миссіонеры-то нужны.

— Не миссіонеры, а школы, Иванъ Ивановичъ, и, кромѣ школы, возможность болѣе нравственныхъ развлеченій; для этого нужны средства, положеніе болѣе обезпеченное.... а мы нарочимъ какъ-бы еще послѣдній кусокъ у голоднаго вырвать.... о пролетаріатѣ вздыхаемъ. — Меня удивляетъ не то, не звѣроподобныя забавы и развлеченія народа, меня удивляютъ его выносливость и безпримѣрное терпѣніе: вѣдь ихъ пятьдесятъ милліоновъ, Иванъ Ивановичъ; какая загадочная и темная сила.

— Да, сила великая, — отвѣчалъ докторъ и оба задумались.

Быстро неслась тройка, и скоро вдали, на свѣтломъ морозномъ небѣ, вырѣзались купола городскихъ церквей.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

А. В.

КАТОРЖНИКЪ.

Лежалъ онъ блѣдный и больной,
Съ своею каторжною цѣпью,
А день сиялъ, дышалъ весной
Надъ зеленѣющею стѣнью...
Бѣ далекимъ прѣискамъ легла
Широкой лентою дорога,
А тамъ, за ней... туманъ и мгла
Въ стѣнахъ плѣснѣющихъ острога.
Не ждетъ суровый часовой:
„Вставай скорѣе песь кандалный!“...
И вспомнилъ каторжникъ больной
Забитый мѣръ и городъ дальній.
И яркимъ маревомъ объять,
Какъ будто не было разлуки,
Опять онъ видитъ: милый взглядъ,
Друзей протянутыя руки,
Широкихъ улицъ длинный строй
И жизнь, вишащую разладомъ...
Но гонитъ грезы часовой
И бьетъ колодника прикладомъ.
„Вставай, варнакъ!“

И онъ встаетъ
И, чуть дыша, зеленой стѣнью
Бѣ далекимъ прѣискамъ идетъ,
Гремя заржавѣвшею цѣпью...

Н. Д.

НАША СТЕПЬ.

ЛЮДИ И ПРАВЫ.

I.

Село Колотовка.

Если вы взберетесь на высокую мѣловую гору, у подошвы которой расположено село Колотовка, то вашъ трудъ вознаградится сторицей. Вездѣ, куда вы ни взглянете—верстъ на десять въ окружности, вездѣ будутъ виднѣться вамъ бѣлыя малороссійскія хаты, и какія онѣ чистенькія и миленькія при яркомъ солнечномъ освѣщеніи. Громадные сады, засаженные ракетами, яблонями и тополями, придаютъ этому виду, еще болѣе разнообразія и прелести. Маленькая степная рѣченка прихотливо извиивается посрединѣ села, то разливаясь широко по низменностямъ, то превращаясь у подножья горы въ говорливый и быстрый потокъ. А кругомъ—какая благодать! Взглядъ не окинетъ, безконечныхъ хлѣбныхъ полей, охватывающихъ со всѣхъ сторонъ Колотовку. Какая-то печать довольства и трудолюбія лежитъ на всей картинѣ. Нѣтъ, право, видъ безподобенъ.

Кто незнакомъ съ южно-русскими поселеніями, тому Колотовка можетъ даже показаться городомъ: двѣ каменные церкви, громадный, хотя еще недостроенный соборъ посрединѣ базарной площади, цѣлый рядъ лавокъ и нѣсколько десятковъ зданій, крытыхъ желѣзомъ—чего-жъ еще нужно для русскаго уѣзднаго города. Тутъ, въ самой Колотовкѣ и въ окрестныхъ хуторахъ, живетъ около шести тысячъ государственныхъ крестьянъ—владѣль-

цевъ пятидесяти семи тысячъ общественной земли. Не правда-ли—внушительныя цифры? но это еще ничего сравнительно съ другими южно-русскими поселеніями. Въ Алексѣевѣ, на примѣръ, считается 19 тысячъ душъ; въ Бутурлиновѣ и въ Калачѣ по 8-ми; въ Уразовѣ, кажется, 7 тысячъ и т. д.

Какая разница между этими громадными слободами и крошечными, разбросанными деревеньками Великороссіи. Тамъ, вооружившись сохой и топоромъ, люди безостановочно шли впередъ, захватывая новыя земли и вытѣсняя беззащитныхъ финновъ; здѣсь, подѣ влияніемъ настоящей, жгучей необходимости, въ виду постоянныхъ татарскихъ набѣговъ, образовались большія поселенія—единственное средство для защиты почти открытой южно-русской границы. Въ то далекое время, когда только что основывались эти громадныя слободы, населеніе ихъ состояло по преимуществу изъ казаковъ-малороссовъ. Во главѣ каждаго поселенія стоялъ сотникъ—предводитель во время войны, судья и защитникъ въ мирное время. Земли были „свободны“; забирай сколько хочешь; паши на сколько силъ хватить. Люди тогда, по увѣренію стариковъ, жили счастливо и богато; у каждаго хохла было по нѣсколько паръ воловъ, были овцы, коровы и запасной хлѣбъ. Словомъ, не смотря на близость татаръ, эта пора была золотымъ вѣкомъ нашего степнаго края.

Теперь... теперь это все перемѣнилось. Прежде всего въ эти искони малорусскія степи пришли великороссы. Старики еще помнятъ годы, когда съ сѣвера потянулись къ нимъ нескончаемые обозы переселенцевъ. Пришлось потѣсниться, подѣлаться землею. Въ настоящее время нѣтъ въ нашей мѣстности слободы, гдѣ бы хохлы не жили въ перемежку съ русскими. Впрочемъ, не смотря на такое близкое сосѣдство, оба родственныя племена упорно сохраняютъ до сихъ поръ свои обычаи, привычки, свой типъ, даже всѣ особенности своей культуры. Правда, русскіе выучились мазать (бѣлить) свои хаты, но ходятъ по прежнему грязно; по прежнему пахутъ на лошадахъ, по прежнему съ какою-то дивою ненавистью рубятъ каждое дерево и никогда не разводять цвѣтовъ. Даже браки между хохлами и русскими довольно рѣдки; хохлушки презираютъ москалей, кацановъ; русскіе считаютъ хохлушекъ слишкомъ избалованными и, слѣдовательно, неспособными къ тяжелой работѣ.

За этими первыми русскими эмигрантами—крестьянами появились другіе—торговцы. Сначала они только развѣзжали по селамъ, скупая хлѣбъ, ленъ, шерсть и т. д. Потомъ, присмотрѣвшись, они приобрѣтали себѣ мѣстечки, открывали лавочки—и въ концѣ

концовъ лучшая часть села оказалась застроенною пришельцами, а коренные жители вытѣснялись за околицу. вмѣстѣ съ этимъ и прежніе, настоящіе „главари“ — сотники пораззорились или перевелись; имѣнія ихъ перешли въ другія руки; новые помѣщики переселили въ степь своихъ крѣпостныхъ, и, такимъ образомъ, рядомъ съ свободными слободами появились деревни, населенныя крѣпостными людьми. Наконецъ, въ различное время, преимущественно же въ царствованіе Екатерины II, многія слободы со всѣми ихъ обитателями были розданы въ даръ фаворитамъ и временщикамъ. Хохлы, конечно, протестовали, и, разумѣется, безуспѣшно. Впрочемъ, и теперь еще они называютъ себя казаками и вольными людьми. Видно, никакія воинскія команды не могутъ убить народнаго духа...

Если бы въ настоящее время мы захотѣли поближе всмотрѣться въ различныя наслоенія народонаселенія южно-русскихъ слободъ, то приблизительно мы замѣтили бы слѣдующее: внизу масса простаго, рабочаго крестьянскаго люда, безъ различія происхожденія, хохлы или русскіе; сверху небольшая, но тѣсно-сплоченная вучка кулаковъ-міродеровъ, людей преимущественно пришлыхъ, чужихъ, главнымъ образомъ — уроженцевъ Тамбовской, Курской, Тульской и другихъ ближайшихъ вѣдворусскихъ губерній. Не смотря на видимое спокойствіе, на какую-то вялую сонливость — отличительныя черты южно-русскихъ поселеній, — между кулаками и кореннымъ народонаселеніемъ идетъ тайная, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, постоянная и упорная борьба. Крестьяне-великоруссы мало участвуютъ въ ней; они сами „чужаки“, представители другаго племени, и упорно уединяются отъ общенія съ своими сосѣдями. Такимъ образомъ, вся тяжесть борьбы падаетъ на однихъ хохловъ, и немудрено угадать, кто остается въ ней побѣдителемъ. Съ одной стороны, тысячи бѣдняковъ, лишенныхъ связи и точки опоры; съ другой — нѣсколько десятковъ богатыхъ семействъ, тѣсно соединенныхъ между собою родствомъ и общностью интересовъ. Понятно, что міродеры почти всегда торжествуютъ побѣду, а хохлы только съ недоумѣніемъ почесываютъ себѣ затылки. Возьмемъ такой случай: является, положимъ, въ село мѣщанинъ, давно уже и притомъ неоднократно прогорѣвшій въ городѣ. Потерпѣвъ неудачу въ торговлѣ слѣпыми лошадьми и въ перепродажѣ различной провизіи, привозимой крестьянами на базаръ, мѣщанинъ задумалъ уйти изъ душнаго города въ вольную деревню, т. е., по-просту, пососать крестьянина на мѣстѣ.

Отъ всевозможныхъ грѣшныхъ и безгрѣшныхъ операций у

него осталось нѣсколько десятковъ, а можетъ быть, и сотенъ рублей, спрятанныхъ гдѣ нибудь въ старой онучѣ. Это, такъ сказать, основной фондъ; дальше, что Богъ дастъ. Прежде всего, мѣщанину необходима осѣдность, но какъ приобрести ея? Вѣдь земли государственныхъ крестьянъ не отчуждаемы. Однако, мѣщанинъ не унываетъ, онъ знаетъ, что при помощи водки и любезнаго обхожденія изъ хохла можно веревки вить, и вотъ начинается недѣльное, безпросыпное пьянство. Понятно, угощается не все село, гдѣ напоить „громаду“? Нѣтъ, мѣщанинъ давно уже познакомился съ тѣми стариками и воротилами, которые ораторствуютъ на сходкахъ и рѣшаютъ общественныя дѣла: ихъ-то и поятъ постоянно, неусыпно, до безчувствія. Старики пьютъ-галдятъ, и въ концѣ концовъ составляется приговоръ, по которому мѣщанинъ такой-то оказывается арендаторомъ на многіе и многіе годы какого нибудь удобнаго мѣстечка, давно уже высматриваемаго разными Черноусами, Хорьками и другими неумѣлыми хохлами.

Но это только прелюдія. Проходятъ годы: мѣщанинъ богатѣетъ, отпускаетъ брюхо, борода его изъ прежней клинообразной, общипанной метелки превращается въ роскошную настоящую бороду, „какъ у святыхъ малюютъ“; домъ кроется желѣзомъ, дворъ обносится высокими заборомъ; словомъ, игра отерлась, на селѣ появился новый пауъ, и хохлы, проходя мимо его прочно-сложеннаго дома, только качаютъ головой и удивляются, какъ это они допустили въ свои палестины этакого злодѣя и кровопійцу. Въ богатыхъ большихъ слободахъ такихъ паувовъ по нѣскольку. Обыкновенно вся базарная площадь обстроена хорошенькими, чистенькими домиками; впереди палисадники съ георгинами и мальвой, во дворѣ и въ саду видны тополи и ракеты; по вечерамъ, идя мимо, вы можете услышать даже „звукъ (и въ этомъ случаѣ буквально) унылый фортепiano“. Это все жилища паувовъ. Отправьтесь въ воскресенье въ церковь и вы не узнаете старой, добродушной, поэтической Малороссіи. Шелковые платья, спитыя по какимъ-то особеннымъ невиданнымъ модамъ, шлейфы, вуали, перчатки, зонтики, жирные рысаки съ линейками у входа—цивилизация да и только! Незнакомый съ современными нравами нашего степнаго края подумаетъ, пожалуй, что всѣ эти дѣвицы и дамы—жены и дочери какихъ нибудь мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ; нѣтъ, это—чада и супруги новой генераціи паувовъ, это жены и дѣти бывшихъ мѣщанъ, а теперь государственныхъ крестьянъ (по припискѣ) такого-то общества. Въ глубинѣ церкви, позади этой разряженной толпы—

стоятъ простые хохлы, потомки колонизаторовъ этого края и основателей самаго села. Тутъ, какъ и вездѣ, пришлецы оттѣснятъ ихъ на второй планъ: самимъ мѣста мало.

Впрочемъ, не надобно думать, чтобы крестьяне относились безропотно и пассивно къ этому иноземному нашествію. Нѣтъ! какъ только въ волостные старшины попадаетъ умный и смѣлый малый, борьба немедленно возобновляется. Конечно, не надолго: администрація и власть симпатизируютъ обыкновенно гораздо болѣе степеннымъ и положительнымъ миродерамъ, „благодѣтелямъ края“, чѣмъ темной массѣ, отерещивающейся отъ всевозможныхъ благодѣній. А при этихъ условіяхъ, что же сдѣлаешь?

Впрочемъ, въ первое время послѣ освобожденія крестьянъ, когда мѣста мировыхъ посредниковъ были заняты лучшими русскими людьми, хохлы нѣсколько приободрились, а старшины подняли головы и не разъ „давали по рукамъ“ — слишкомъ зазнавшимся кулакамъ-мѣщанамъ. Изъ исторіи этой борьбы мнѣ извѣстно нѣсколько чрезвычайно курьезныхъ сценъ, дреко рисующихъ „нравы, свѣчаи и обычаи“ нашей степи. Приходитъ, на примѣръ, старшина въ волостное правленіе; въ углу, на столѣ, закрывая своими мощными фигурами образа, сидятъ нѣсколько богатѣйшихъ кулаковъ. Старшина снимаетъ свою баранью шапку, оглядываетъ собраніе и, повидимому, недоумѣваетъ. Хохлы уже знаютъ, что тутъ не обойдется безъ штуки, и потому затаиваютъ дыханіе. Наконецъ, „волостной“ грустно вздыхаетъ и говоритъ: „видно, придется намъ, братцы, вѣру мѣнять; на мѣсто яконъ, москали болвановъ (идоловъ) теперь наставили“. Сконфуженные тысячники слѣзаютъ со стола и при общемъ хохотѣ исчезаютъ за дверь. Другой случай, пожалуй, нѣсколько гривуазенъ, но за то еще рельефнѣе. Представьте себѣ сельскій базаръ; человекъ пятьсотъ народа толчется около возовъ и лавокъ; торгуются, кричатъ, спорятъ, наконецъ, просто торчатъ безъ всякой нужды, чтобы только „на людяхъ побыть“. Около большаго двухэтажнаго каменнаго дома перваго мѣстнаго воротилы собрались всѣ богатѣйшіе торговцы и скупщики хлѣба. Чинно расѣлись они подъ навѣсомъ, кто на скамейкахъ, а кто и просто на ступенькахъ лѣстницы, и ведутъ степенную дѣловую бесѣду. Все это народъ важный, бородастый, исполненный своего достоинства, презрительно глядящій на копошащуюся передъ нимъ толпу крестьянъ. Наконецъ, разговоры изсякли, подходит время обѣда, шибай (мѣстное названіе мелкихъ хлѣбныхъ торговцевъ) стали уже было позѣвывать въ кулакъ, какъ вдругъ на сцену выступилъ новый ин-

тересь: мимо лавки проходить ненавистный міродерамъ старшина. Бушцы оживились, раздались шуточки; старшина не стерпѣлъ, отругнулся; ему отвѣтили тѣмъ же.—Дальше да больше, но гдѣ же одному перекричать десятокъ здоровыхъ, гогочущихъ молодцовъ. А между тѣмъ—стыдъ; все, что было на площади, столпилось около лавки и смотрѣло на позоръ старшины. Старикъ уже давно молчить, а торговцы заливаются-хохочуть. Что тутъ дѣлать? хохоль почесалъ у себя въ затылкѣ, медленно поднялъ армякъ, медленно повернулся и, показывая врагамъ ту часть тѣла, изъ которой становые обыкновенно выбиваютъ недоимку, заоралъ на всю площадь: „вотъ чего, кацапы, вы не стоите“. Передъ такою неожиданностью торговцы на минуту остановились, а старшина, воспользовавшись этимъ, немедленно скрылся въ толпѣ своихъ единомышленниковъ. — Эту побѣду хохлы вспоминають, кажется, и доселѣ.

Что говорить, нравы грубы, а факты мелки и бѣдны... но вѣдь это только курьезы, такъ связать—иллюстраціи современныхъ бытовыхъ отношеній; протестъ же малороссіянъ гораздо шире; онъ распространяется на всѣ сферы общественной жизни. Кто волостной старшина?—хохоль; кто старостой?—хохоль; кто, наконецъ, церковнымъ старостой?—тоже хохоль. Последнее особенно замѣчательно. Ни богатствомъ, ни усердіемъ въ церкви не могутъ пришлые люди добиться этого почетнаго мѣста. За неимѣніемъ силы, хохлы берутъ множествомъ. Впрочемъ, это только—пока; при содѣйствіи духовенства торговцы со временемъ отстраняютъ крестьянъ отъ управленія церковными доходами. Гдѣ же послѣднимъ тягаться съ этими ревнителями благочестія? духовенство ужъ и теперь сильно агитируетъ въ ихъ пользу; посылаются доносы въ консисторію, составляются адреса, словомъ — дѣло кипитъ.

И такъ, съ одной стороны, пришлые тысячники; съ другой—многочисленное, но не предприимчивое и бѣдное коренное народонаселеніе — хохлы. Первые богатѣютъ, обстраиваются и устраиваются; вторые прозябають кое-какъ, пребываютъ въ томъ особенномъ состояніи, въ которомъ, по многознаменательному крестьянскому выраженію—„люди и сыты не бываютъ и съ голоду не мрутъ“, словомъ, середка на половинкѣ. Если бы какой нибудь любознательный статистикъ захотѣлъ бы расчитать процентное соотношеніе богатыхъ и бѣдныхъ вологовцевъ, то расчетъ у него вышелъ бы приблизительно слѣдующій: десять процентовъ крестьянскаго народонаселенія живетъ въ сравнительномъ довольствѣ: водятся волаы, иногда по нѣскольку паръ;

есть овечки, хата покрыта прочно, надворныя строения въ порядкѣ, за хатой виднѣется скирда, а то и двѣ, хлѣба. Хозяева тутъ не голодаютъ, для дѣтей есть молоко, а по праздникамъ подается даже баранина... Но рядомъ съ этими крѣпкими, домовитыми избами стоитъ такое же количество нищенскихъ, полуразвалившихся лачужекъ. Это жилища бѣдняковъ. Здѣсь ютится голая, непокрытая нищета; о скотѣ или запасномъ хлѣбѣ въ такихъ мазанкахъ не можетъ быть и рѣчи. Хорошо еще если водится какая нибудь старая коза, купленная въ болѣе счастливые дни; въ большинствѣ же случаевъ — ничего, даже куръ и тѣхъ нѣтъ. Мужики, обыкновенно, на чужой сторонѣ въ батракахъ; бабы или перебиваются дома (какъ?—это одинъ Богъ знаетъ) или тоже идутъ въ наймички, въ годовыя или поденныя работницы. Счастливы бѣдняки, если у нихъ нѣтъ дѣтей: по крайней мѣрѣ наняться можно, а то кому же охота прокармливать нѣсколько лишнихъ, безнолезныхъ существъ...

Придетъ такая мать къ крылечку барскаго или купечскаго дома и ждетъ. Выйдетъ, наконецъ, хозяинъ. — „Чего тебѣ?“ — „Наниматься пришла“. — „Что умѣешь дѣлать?“ Баба, нонятно, извѣявляетъ свое согласіе на всякую работу. Сговариваются въ цѣнѣ, въ условіяхъ; дѣло, какъ будто, уже и слажено, но вдругъ хозяинъ вспоминаетъ самое важное: „А дѣти есть?“ — „Есть, батюшка, есть: двое. Старшенькому“... „Ну, иди, иди, намъ такихъ и даромъ не нужно!“ И плетется бѣдная баба дальше, къ другому, къ третьему, пока не догадается наконецъ разсказать своихъ дѣтей по роднѣ или по чужимъ людямъ, лишь-бы только какъ нибудь отвязаться отъ этой несносной обузы. Какая ужъ тутъ семья, когда ѣсть нечего!...

Но стоитъ только хохлу сколотить нѣсколько денегъ, и непреодолимая сила потянетъ его снова на старое пепелище. Тутъ ужъ не помогутъ никакія убѣжденія: — „хочу хозяйничать“, — да и только „Ну, куда ты идешь“, — уговариваетъ иной баринъ расчитывающагося батрака, — „вѣдь у тебя дома ничего нѣтъ“... — „Позвольте расчесть“. — „Да вѣдь у тебя и слава-то только что хата, вѣдь и крыша-то давно провалилась“. — „Поправлю“. — „Оставался бы ты, ей-ей, лучше“. — „Нѣтъ, ужъ я пойду“... хохоль получаетъ расчесть, радостно крестится и принимается за дѣло, чинить хату, покупаетъ старую, издыхающую коровенку, хлопочетъ, суетится и, смотришь — мѣсяца черезъ три, четыре... снова поступаетъ въ батраки. Не вывезло!...

Нѣкоторые изъ этихъ вѣчныхъ батраковъ чрезвычайно характерны. Одного между ними, Петра Даниловича, знала вся

Колотовка. Представьте себѣ громаднаго казана-запорожца, какъ ихъ рисуютъ на историческихъ картинахъ: неправильныя, грубыя, но выразительныя черты лица, рыжеватые, густые усы, покрывающіе ротъ, сѣрые небольшіе глаза, выдающіяся скулы... По характеру это какая-то смѣсь—страшной силы съ безпредѣльною апатіей, хитрости съ добродушіемъ, поражающей энергіи съ невозмутимою лѣнью. Былъ Петръ Даниловичъ, нѣкогда крѣпостнымъ,—впрочемъ, лишь по названію: господа видали его, кажется, только во время порки по возвращеніи изъ бѣговъ. Всю свою жизнь Петръ Даниловичъ провелъ гдѣ-то далеко, въ южныхъ краяхъ, путешествуя изъ Нахичевани въ Одессу, изъ Добруджи на Кавказъ или въ Крымъ. Чѣмъ онъ тамъ занимался, гдѣ странствовалъ и на что жилъ—это его тайна. Рассказывать про свои походы онъ не любилъ, а на вопросы такого рода отвѣчалъ обыкновенно угрюмымъ молчаніемъ. Какъ бы тамъ ни было, хорошо или дурно жилось Петру Даниловичу на чужбинѣ, а регулярно каждые два-три года онъ приходилъ домой, навѣдывался къ женѣ, обдѣлялъ гостинцами дочерей и затѣмъ, испробовавши на конюшнѣ свѣжихъ лозановъ, немедленно и бесслѣдно исчезалъ. Наконецъ, наступило 19-е февраля... Петръ Даниловичъ возвратился изъ первыхъ. Сначала онъ хотѣлъ было устроиться самостоятельно, приторговывалъ хату, скотъ, шлялся по базару, но, видно, не хватило средствъ и онъ поступилъ въ батраки. Какъ теперь вижу я его громадную сѣдую фигуру съ бараньей шапкой на головѣ, въ бѣлой хохлацкой рубахѣ, подпоясанной ниже живота подержаннымъ краснымъ кушавомъ, въ неизмѣримыхъ шароварахъ, спускавшихся на босыя ноги... Лѣнтяй онъ былъ страшный, удивительный, невозможный. Наняли его сторожемъ: колотить по ночамъ въ доску. Даниловичъ пользовался этимъ и спалъ цѣлыя сутки. Неразлучно около него пребывала старая собака, съ опшареннымъ задомъ, кажется, его единственный другъ въ этомъ мірѣ; отъ постоянного общенія съ хозяиномъ она невѣроятно измѣнилась; даже на ѣду шла неохотно: все дремалось. Выйдешь иной разъ на дворъ—жара нестерпимая; все живое попрыталось въ тѣнь, куры и гѣвырыли ямки и улеглись отъ изнеможенія; одинъ Даниловичъ не обращаетъ вниманія на пекло; широко раскинувши ноги и разстегнувъ воротъ рубахи, лежитъ онъ на солнцѣ и наслаждается іюньскимъ полднемъ. Вѣрный песъ тутъ же; высунувъ языкъ и тяжело дыша, дремлетъ онъ у ногъ хозяина.

Впрочемъ, долго ужиться на одномъ мѣстѣ Даниловичъ никакъ не могъ; все тянуло его къ родному гнѣзду, все хотѣ-

лось ему устроить свой домъ, обзавестись своимъ хозяйствомъ, и все это никакъ ему не удавалось. Разъ десять уходилъ онъ изъ Колотовки, разъ десять возвращался опять, наконецъ, и совсѣмъ исчезъ.

Гдѣ онъ теперь? Можетъ быть, умеръ, можетъ быть, снова странствуетъ—Богъ его знаетъ. Во всякомъ случаѣ, это „Послѣдній изъ Могиканъ“. Такихъ характерныхъ типовъ что-то больше не встрѣчается въ нашей степи.

При подобной привязанности къ родному, насиженному мѣстечку, эмиграціе хохловъ представляется чѣмъ-то невѣроятнымъ, почти невозможнымъ, а между тѣмъ ежегодно цѣлыя сотни семействъ уходятъ отъ насъ куда нибудь въ даль, въ невѣдомый край—на „теплыя воды“. Что же ихъ гонитъ? Не одна бѣдность: переселяются въ большинствѣ случаевъ люди достаточные. Нѣтъ! ихъ манитъ къ себѣ широкое степное приволье. Нашъ край слишкомъ населенъ для нихъ, земли слишкомъ выработаны, всюду разставлены межевыя знаки и проведены границы... Гдѣ же тутъ ужиться вольнымъ степнымъ птицамъ? И вотъ, бѣгутъ они на Донъ, на Кубань, въ Туркестанскій край, въ Забайкалье, на Амуръ, словомъ—всюду, гдѣ есть еще свободныя, незапаханныя земли, гдѣ цѣлыя поля покрыты развѣвающимся ковылемъ, гдѣ пустынные степныя рѣчени не запружены мельницами; въ тотъ край, гдѣ возможна еще прежняя дѣдовская, богатая и привольная жизнь...

Я уже сказалъ, что состоятельные хохлы и голы—вѣчные батраки—составляютъ только двадцать процентовъ всего колотовскаго народонаселенія; остальное же большинство представляетъ изъ себя что-то среднее; оно не батрачествуетъ—правда, но за то жизнь его немного богаче и краше нищенской. Эти хохлы обитаютъ въ своихъ хатахъ, пахутъ свой надѣлъ, кое-какъ одѣваются, кое-какъ кормятся... и только. Насталъ хорошій урожайный годъ—люди сыты; пришелъ плохой: травы выгорѣли, хлѣбъ не уродился—тащи на базаръ послѣднюю коровенку, продавай все, что есть въ домѣ, иначе съ годовою помрешь. Объ улучшеніи участи, о какой бы то ни было благоприятной перемиѣнѣ, здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Люди живутъ въ заволованномъ кругѣ, изъ котораго нѣтъ выхода. Поправиться, разбогатѣть можно тутъ только по случаю, вслѣдствіе какого нибудь необыкновеннаго стеченія обстоятельствъ, кладъ что-ли изъ земли вырыть. При нормальныхъ же, естественныхъ условіяхъ, остается лишь прозябать изо дня въ день, безъ увѣренности въ настоящемъ и безъ надежды на будущее.

Дѣйствительно, что можетъ сдѣлать такой, такъ сказать, „средній крестьянинъ“? какъ ему вырваться изъ этихъ путъ, наложенныхъ на него и жизнью, и судьбою? Наступилъ, положимъ, хорошій урожайный годъ — мужикъ и его семья сыты, но зато цѣны на хлѣбъ упали, а, слѣдовательно, весь избытокъ (если таковой еще имѣется) долженъ быть проданъ для покрытiя податей и различныхъ сборовъ.

Про запасъ на будущее время нечего и думать; осталось хлѣба на всю зиму — и то слава Богу. И вотъ, не смотря на урожай, такой крестьянинъ по прежнему не гарантированъ отъ голода и нужды даже въ слѣдующемъ году, если съ его полосой случится какое нибудь несчастье. Съ другой стороны, въ плохiе неурожайные годы образовались недоимки и были заключены займы подъ условiемъ, конечно, громадныхъ лихвенныхъ процентовъ. Все это нужно уплатить, все это давить и душить, и отравляетъ жизнь. Гдѣ ужъ тутъ думать объ улучшенiи участи? Частенько амбары купцовъ и помѣщиковъ ломаются отъ урожая, миллионы четвертей вывозятся за границу, а крестьянинъ въ концѣ зимы принужденъ доскребывать какiе нибудь остатки заплѣсневѣлой муки, чтобъ спечь себѣ прогорѣлую лепешку. Такова судьба „средняго колотовскаго крестьянина“. Кажется, что взять съ него? И нищъ, и нагъ, и босъ... а между тѣмъ это именно онъ, „средній крестьянинъ“, а не кто нибудь другой, напнталъ всѣхъ отвормленныхъ сельскихъ пауковъ; это онъ настроилъ хорошенькiе домики подъ желѣзными крышами; это на его счетъ, наконецъ, воздвигается громадный каменный соборъ. И кто только не сосетъ его? И пришлые шибай, и свои кровные, родные мироѣды. Богатый крестьянинъ далеко не такая вкусная добыча, какъ „средній“. — Онъ не пойдетъ занимать: свое есть. Цѣны упали, онъ переждетъ, справится какъ нибудь — и продастъ безъ убытка. А что дѣлать „среднему“? Нынче его тащатъ въ волость, на другой день тащатъ, — остается только продать какъ можно скорѣе свой урожай первому подвернувшемуся торговцу, а нечего продавать — такъ занять, и, слѣдовательно, поступить въ нему въ вѣчную кабалу. Плати и не расплачивайся, работай и не отработывайся“. Таковъ розовой законъ нашихъ сельскихъ Шейлоковъ.

Но это еще только одна сторона медали; кромѣ шибай, у „среднихъ“ крестьянъ есть и другой врагъ — его родной братъ, богатый и обстоятельный мужикъ. Этотъ добираетъ все остальное, что не попало въ руки торговцу. Въ качествѣ волостнаго старшины, онъ устраиваетъ произвольные поборы и растрати-

васть мірской капиталъ; въ качествѣ старосты—онъ тѣснить и муштруетъ; наконецъ, въ качествѣ простаго обывателя—онъ обижаетъ своихъ сосѣдей во время передѣла полей... Последнее особенно любопытно; взгляните повнимательнѣе на распределение надѣловъ и вы почти постоянно замѣтите слѣдующее: поближе къ селу пахутъ богачи; въ ихъ рукахъ всѣ лучшія и ровныя земли. Чѣмъ земля хуже, чѣмъ мѣстность холмистѣе, тѣмъ бѣднѣе ея временный собственникъ; наконецъ, какаянибудь мѣловая гора, гдѣ и трава-то не растетъ, достается въ надѣлъ послѣдному бѣдняку, у котораго даже лошаденки нѣтъ, а на все и про все—рука да лопата. Вотъ условія, среди которыхъ перебивается нашъ „средній“ волотовскій крестьянинъ; кажется, все виситъ на волоскѣ; кажется, еще одинъ шагъ, ничтожный, короткій шагъ—и онъ падетъ жертвою того ужаснаго Молоха, котораго называютъ голодною смертью, а между тѣмъ—ничего: люди свыклись—живутъ, плодятся и множатся. Подлинно, великъ Богъ земли русской!

Таковъ общій фонъ, на которомъ наша ственная крестьянская жизнь расписываетъ свои небогатые варіаціи. Да и какъ гутъ найти разнообразіе, откуда здѣсь взяться содержанію? И торговцы, и міровды, и бѣдняки—все это только грубыя стикійныя силы, управляемыя инстинктомъ, подавленныя рутинной и невѣжествомъ...

Но рядомъ съ ними, и притомъ тѣсно связанные съ народомъ, живутъ въ Колотовѣ и обычные представители сельской интеллигенціи: живетъ духовенство, народные учителя и учительницы, фельдшеръ, акушерка, словомъ—цѣлый кружокъ людей, получившій нѣкоторое образованіе, съ большими требованіями и съ высшими взглядами на жизнь. Посмотримъ теперь на нихъ. Прежде всего, конечно, духовенство. Въ Колотовѣ три попа, и каждый скроенъ на свой ладъ, каждый типиченъ и характеренъ по своему. Старшій между ними—отецъ Иванъ. Это высокій, худощавый мужчина съ рѣдкою бородой и съ суровымъ выраженіемъ лица. Онъ очень богатъ: у него два дома, садъ, земля, луга и, наконецъ, денежный капиталъ. Вся жизнь его проходитъ въ накопленіи; всѣ мысли направлены на стяжаніе. Жадности отца Ивана нѣтъ предѣловъ: онъ беретъ всѣмъ—холостомъ, печеными яйцами, пшеницей, хлѣбомъ, зерномъ; что бы ни подали, онъ все беретъ, и при этомъ еще упрекаетъ подателя въ скупости. Два раза въ годъ, передъ Рождествомъ и передъ Пасхой, совершаютъ у насъ попы окружныя путешествія по селу за сборами: это такъ называемое ли-

нованіе. Цѣлыя телѣги, нагруженные добромъ, слѣдуютъ въ этомъ случаѣ за шествующимъ духовенствомъ. Каждая хозяйка обязана подать что нибудь, иначе ей угрожаетъ небесная кара и гнѣвъ отца Ивана, а послѣдняго хохлы боятся, кажется, болѣе, чѣмъ семи египетскихъ казней. Да какъ и не дать ему? Онъ входитъ въ хату хозяиномъ и самъ выбираетъ добычу: „дай по мѣрѣ пшена, да дай ячечку,—я знаю, у васъ пестрая насѣдка несется; да положи уточку, да меду наложи ковшикъ; а откажешь—онъ навричитъ, набранится, а свое все-таки хоть силой да возьметъ. Собственно весь этотъ сборъ носитъ характеръ какой-то военной реквизиціи. Колодоева въ такіе дни превращается въ непріятельскій лагерь, а попъ съ своими подручными—въ побѣдителей, собирающихъ положенную дань. „Матушка“ отца Ивана такая же жадная и скуная, какъ и онъ самъ. Чего не досмотритъ попъ, то подсвѣтится его супругою; во избѣжаніе недоразумѣній, она составляетъ для мужа особые списки, гдѣ противъ имени каждаго домохозяина отмѣчено что и въ какомъ количествѣ должно быть съ него собрано. Однажды отецъ Иванъ потерялъ этотъ любопытный свитокъ: ужасный день, который онъ доселѣ вспоминаетъ со страхомъ и отвращеніемъ. Надобно замѣтить, что во время линованія всѣ члены причта, священники, дьяконъ, причетники и ихъ жены, путешествуютъ отдѣльно и собираютъ каждый исключительно только на себя и на свой страхъ, но за то въ другіе дни, напримѣръ, въ родительскую субботу—добыча общая и тогда необходима дѣлежка. Обыкновенно, это одна изъ характернѣйшихъ бытовыхъ сценъ. Попъ тянетъ къ себѣ все лучшее и притомъ старается захватить всякаго добра по львиной долѣ. Подчиненные громко протестуютъ и требуютъ справедливости; къ концу дѣлежки стонъ и вопль достигаютъ своего апогея. Обиженные припоминаютъ старыя возни и ухищренія корыстолюбиваго начальника и начинаютъ ему отчитывать его винны. Иногда дѣло доходитъ даже до рукопашной, и тогда отецъ Иванъ, пользуясь своею громадною силою, низвергаетъ враговъ и прогоняетъ ихъ со двора. Хохлы давно уже привыкли къ этимъ сценамъ и смотрятъ на нихъ довольно равнодушно. „Пошли попы дѣлиться“,—говорятъ они въ этомъ случаѣ и ухмыляются въ бороду.

Не довольствуясь линованіемъ и высовою таксой, установленною отцемъ Ивановымъ за совершеніе религиозныхъ требъ, изобрѣтательный умъ его неутомимо работаетъ надъ открытіемъ новыхъ источниковъ дохода. То, по его расчетамъ, засуха будетъ—нужно помолиться о ниспосланіи дождя; то дожди слышномъ

части—необходимо обогати поля и помолиться о вѣдѣрѣ. Наконецъ, имъ же, и его предшественниками этого же типа, установлены и поддерживаются въ нашихъ мѣстахъ особыя, чуждыя православной церкви, праздники, въ родѣ Проводъ, полу-Петра, Пален¹⁾, и проч. Понятно, что въ эти дни дозволена только одна работа—это безвозмездная уборка полей, принадлежащихъ духовенству. Какъ видите, средства отца Ивана разнообразны и многообразны.

Помощникомъ отца Ивана служить отецъ Сидоръ. Это другой типъ сельскаго пресвитера; запуганный, робкій, вѣчно хнычущій и суемящийся, отецъ Сидоръ составляетъ живую противоположность своему начальнику. Не то, чтобы онъ былъ мягокъ сердцемъ или равнодушенъ къ добычѣ—нѣтъ! этого грѣха за нимъ не водится; но за то въ немъ нѣтъ и жесткости, суровости, беспощадной рѣзкости отца Ивана. Одинъ требуетъ, другой выпрашиваетъ; одинъ угрожаетъ и бранится, другой плачетъ; жалуется, какъ-то судорожно махаетъ руками и трясетъ головою. Когда отецъ Иванъ медленно проходитъ по площади, его осанистая фигура производитъ извѣстное впечатлѣнiе; отецъ Сидоръ никогда не ходитъ, онъ труситъ легонькою рысцей, точно спасаясь отъ невидимаго врага, и при этомъ стыдливо запакиваетъ лапы свои громадныя ноги. Одинъ говоритъ, хотя не краснорѣчиво, но внушительно и съ сознаниемъ своей власти; другой—лепететь, шепелявить, пришепелываетъ и, наконецъ, сбившись, доканчиваетъ свою рѣчь самую безалаберною мимикой. Понятно, что отецъ Иванъ совершенно подавляетъ своего товарища; отецъ Сидоръ не успѣваетъ еще открыть ротъ, а хитрый начальникъ уже проглотилъ его добычу. Иногда, смотришь, бѣжитъ по площади колеблющаяся, сѣдая фигура; еще издали машетъ она руками и силится вылить свою скорбь, но слова не вылетаютъ изъ ея стѣсенной груди—это отецъ Сидоръ, обиженный отцомъ Иваномъ; наконецъ, онъ настигаетъ васъ и начинается свою печальную повѣсть: онъ, т. е. отецъ Сидоръ, служилъ панафиду, въ даръ ему принесли пшеничный книшь (булку); онъ уже мечталъ скушать его вмѣстѣ съ матушкой за вечернимъ чаемъ, какъ вдругъ откуда ни возьмись отецъ Иванъ. Митомъ увидалъ послѣдній добычу, и книшь исчезъ въ безконечномъ карманѣ его рясъ. Отецъ Сидоръ просилъ, убѣждалъ, плакалъ; все напрасно! безжалостный товарищъ оттол-

¹⁾ Пашею крестьяне провадятъ отъ глагола пашать и утверждаютъ, что работающіе въ этотъ день будутъ сражны, спалены молніей.

кнулъ его и быстрыми шагами исчезъ по направленію къ своему дому.

Что тутъ дѣлать? Книшъ безвозвратно потерявъ, и старый попъ, рассказавъ вамъ свое горе, подбираетъ помы и рысью отправляется дѣлать обиду съ дѣтymi и сердобольною „матушкой“. На другой день, въ консисторію летитъ доносъ: такъ и такъ—похищеніе книша, сопровождаемое смертными угрозами и несносными побоями, чему свидѣтели: причетникъ Пудъ и слѣпая просвирия Пантелѣвна. Но отецъ Иванъ тоже не дремлетъ; онъ знаетъ чѣмъ обыкновенно кончаются исторіи съ книшами, и въ тотъ же день шлетъ, въ свою очередь, вонтръ-доносъ, гдѣ отецъ Сидоръ описанъ въ самыхъ мрачныхъ и отталкивающихъ краскахъ. „Напиваясь каждыйдневно пьянъ,—пишетъ про него отецъ Иванъ,—сей непристойный іерей въ звѣриномъ образѣ бродитъ по селу и, изрыгая богопротивную хулу, порождаетъ между обывателями расколъ и даже многообразныя ереси“. На этомъ дѣло обыкновенно и кончается. Консисторія, привыкшая къ подобнаго рода бумагамъ, прячетъ оба доноса подъ суено и попы, изливши свой гнѣвъ, сходятся опять... впрѣдъ до новаго столкновѣнія.

Около этихъ двухъ главныхъ представителей мѣстнаго духовенства группируются второстепенныя лица: дьяконъ и причетники, большею частію народъ бѣдный, опустившійся, пьяный и жалкій. Одни прозвища, данныя колотовцами своимъ причетникамъ, чего стоятъ! „Передери-ово“, „Чепуха“, „Шкаливъ“, „Странникъ“, вѣроятно, вслѣдствіе постоянныхъ путешествій къ шинку и т. д. Живутъ всѣ эти люди въ тѣни, только одеждою отличаются отъ простаго крестьянина, и перебиваются кое-какъ, подбирая крохи, падающія со стола начальниковъ.

Третьяго колотовскаго священника называютъ отцомъ Ниволѣмъ. Это крошечный сѣденькій старичокъ съ небольшою лысиной и бѣлою пушистою бородой. Вотъ уже тридцать лѣтъ какъ онъ живетъ въ Колотовкѣ; все ему тутъ извѣстно: и люди, и обычаи, и нравы. Бездѣтный вдовецъ, отецъ Ниволѣй перенесъ всѣ свои привязанности на родное село и на бѣленскую церковь, въ которой онъ такъ давно священнодѣйствуетъ. Онъ знаетъ исторію каждой крестьянской семьи, знаетъ поименно своихъ прихожанъ, ихъ достоинства, слабости и нужды. Хохлы также свыллись съ нимъ, очень любятъ его и нерѣдко обращаются къ нему за совѣтомъ. Не одна крупная ссора между колотовскими домохозяевами окончилась примиреніемъ въ его чистенькомъ домикѣ. За то бабъ отецъ Ниволѣй не выноситъ и даже,

если я не ошибаюсь, немного трусить. Ихъ крики и сплетни смущаютъ тихаго старичка. Какъ человѣкъ необыкновенно кроткій и добродушный, отецъ Николай ненавидитъ ссоры, и поэтому гамъ, поднимаемый женщинами, кажется ему положительно непристойнымъ и безобразнымъ. Когда онѣ приходятъ къ нему съ жалобами, отецъ Николай выглядитъ совершеннымъ мученикомъ; онъ совѣтуетъ, убѣждаетъ, вытираетъ платкомъ вспотѣвшую лысину, представляется разсерженнымъ, наконецъ, не выдерживаетъ, уходитъ къ себѣ и запираетъ дверь на крючокъ. „Кричи себѣ сколько хочешь“, — думаетъ онъ, вѣроятно, въ эти минуты и радуется выказанной энергіи.

Помогаетъ отецъ Николай не одними совѣтами; онъ готовъ подѣлиться и всѣмъ, что у него есть, но дѣлаетъ это такъ, безъ выставки, между прочимъ, какъ вообще всѣ простые русскіе люди. Придетъ къ нему мужикъ съ просьбой, онъ потолкуетъ съ нимъ, пожалѣетъ его неудачу или бѣдность и затѣмъ уже отпускаетъ, смотря по надобности, или сѣна, или муки, или проса. Изрѣдка отецъ Николай помогаетъ также и деньгами, но только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, на примѣръ, какому нибудь знакомому погорѣльцу и, притомъ, всегда заимобразно. „Деньги въ нашихъ мѣстахъ, — говоритъ онъ, — рѣдки; взять ихъ неоткуда, да и толку отъ нихъ мало, только люди балуются; подать хлѣбомъ — святое дѣло: хлѣбъ про всѣхъ растетъ, а подать деньгами — одни цѣловальники возрадуются“...

Въ церкви отецъ Николай полонъ важности и съ благоговѣніемъ отправляетъ службы. Голосъ у него тихій, нѣсколько надтреснутый, но внятный; говорить и читаетъ онъ по старинному, на-распѣвъ, и съ большимъ чувствомъ, отчего колоотовскія старухи, во время его службы, громко вздыхаютъ и плачутъ. Раза два пытался онъ произносить проповѣди, но, по собственному сознанію, неудачно: начнетъ красно, витіевато, русскимъ или, правильнѣе, церковно-славянскимъ языкомъ, а кончитъ по малороссійски, простымъ увѣщаніемъ не пьянствовать, не сквернословить и почитать родителей. „Гдѣ намъ проповѣдывать? — рассказываетъ онъ, по этому случаю, — не нашего ума дѣло. Въ грязи, да въ темнотѣ живемъ, себя не соблюдаемъ, все, что знали, — позабыли давно. Выйдешь на амвонъ, смутишься; стыдно тебѣ: грѣшный, дескать, нераскаянный — братію поучаетъ... Вотъ что!“

У отца Николая двѣ слабости: пчелы и карты. Если въ лѣтомъ, особенно въ теплый солнечный день, захотите повидаться съ нимъ, то идите прямо въ садъ. Тамъ, по склону горы, на берегу

лепечущей степной рѣченки, среди кустовъ смородины, крыжовника и малины, стоятъ десятка два ульевъ; тамъ же, гдѣ нибудь въ тѣни старой вишни, въ затасканномъ подрясникѣ, сидитъ и нашъ старичокъ, любуясь своимъ богатствомъ; все тутъ насажено, заведено и взлѣляно имъ; каждое деревцо, каждый кустикъ ему знакомы и дороги; онъ самъ поведетъ васъ по узкимъ, почти невидимымъ за высокою травою, тропинкамъ и расскажетъ подробную исторію всего сада. Какъ всѣ старики, прошедшіе тихую, ясную жизнь, отецъ Николай близокъ къ природѣ, но подходитъ онъ къ ней такъ же реально и просто, какъ и ко всему остальному въ этомъ мірѣ. Мечтательности въ немъ и слѣда нѣтъ; онъ любитъ яблоней, но вмѣстѣ съ тѣмъ рассчитываетъ, сколько она дастъ ему плодовъ; онъ сажаетъ кусты и деревья, но исключительно полезныя для домашняго обихода. Все остальное, цвѣты, напримѣръ, кажутся ему совершенно лишними. „Къ чему? хлопотъ много, а смотри, они дня черезъ два и завяли; то ли дѣло вишня: и тѣнь, и ягода вкусная, и листъ въ хозяйствѣ нуженъ“. Во время „роевнн“ отецъ Николай на себя не похожъ; въ вывороченномъ полушубкѣ, съ сѣткою на лицѣ бѣгаетъ онъ по саду и зорко слѣдитъ за поднимающимся роємъ. „Ко мнѣ, ко мнѣ, голубчики“, — молитъ онъ, завидѣвши гдѣ нибудь стаю гулко жужжащихъ пчелъ. Если счастье ему поблагонріятствуетъ и рой опустится въ его садъ, отецъ Николай не помнитъ себя отъ восторга, дрожащими руками беретъ онъ матку и переноситъ ее въ улей. Наконецъ, дѣло сдѣлано, рой получилъ осѣдность, и старичокъ, весело побряхтывая, самодовольно оглядываетъ сосѣдніе сады и отправляется на отдыхъ.

Въ долгіе зимніе вечера, отецъ Николай любитъ „пошалить въ картишки“ и, конечно, по „маленькой“. Сколько разъ давалъ онъ себѣ зарокъ — бросить игру, сколько разъ онъ каялся въ этомъ грѣхѣ — все напрасно. Лѣтомъ, еще туда-сюда, но зимой — силъ нѣтъ, такъ и тянетъ къ картамъ. И вотъ, внутренно упрекая себя, садится отецъ Николай въ одиночныя санки и ѣдетъ къ какому нибудь сосѣду, торговцу или помѣщику; мигомъ составляется преферансъ. Старикъ волнуется, ссорится, депремѣнно проигрываетъ и, недовольный собою, ѣдетъ домой. „Это ужъ я въ послѣдній разъ“, — говоритъ онъ, ложась спать. Но завтра повторяется то же самое.

Мнѣ всегда доставляло особое удовольствіе посѣщать отца Николая. Въ Колотовкѣ, какъ, впрочемъ, и вездѣ теперь, мирныя пристани, гдѣ затихаетъ житейская борьба, становятся все

рѣже и рѣже. А тутъ, въ этихъ крошечныхъ комнатахъ было такъ тепло, покойно и привѣтно.

Придешь иной разъ, утромъ, послѣ обѣдни, старичокъ уже разоблачился, надѣлъ большіе серебряные очки и читаетъ „Сынъ Отечества“. Отецъ Николай любилъ-таки, въ свободное время, позаняться политикой и съ охотою пускался во всевозможныя дипломатическія и стратегическія соображенія. Но теперь не до газетъ—старикъ увидалъ гостя. Бодро поднимается онъ съ мѣста, троекратно лобызается и немедленно посылаетъ за самоваромъ. Эти безконечныя чаепитія останутся надолго въ моей памяти. Чистая зала, съ грубою деревянною мебелью и плохими литографіями по стѣнамъ; въ воздухѣ—запахъ ладона и сушеныхъ цѣлебныхъ травъ; открытыя окна, изъ которыхъ доносятся до васъ однообразные деревенскіе звуки, а передъ накрытымъ столомъ, противъ шумящаго самовара изъ желтой мѣди, сидитъ крошечный, добродушный старичокъ и ведетъ степенныя, ласковыя рѣчи.

Впрочемъ, не я одинъ любилъ бывать у отца Николая; къ нему собиралась вся колотовская интеллигенція; приходили учителя, священники, фельдшеръ и даже молоденькая, конфузливая акушерка. Всѣ эти лица, конечно, за исключеніемъ духовенства, представляли для Колотовки элементъ чуждый и пришлый; продержатся они въ ней нѣсколько мѣсяцевъ, годъ, много два—и затѣмъ безслѣдно исчезаютъ, переходятъ на другое мѣсто, по распоряженію ли управы или по собственному желанію. Однако, сколько ихъ у насъ ни было, общія типическія черты ихъ оставались все тѣ же. Народные учителя, по большей части, поповичи, бѣдные люди, запуганные нуждою, вѣчно дрожащіе передъ управой и своимъ непосредственнымъ начальствомъ—инспекторомъ. Въ старенькихъ, потертыхъ по швамъ сюртукахъ, понурые, они производятъ необыкновенно грустное впечатлѣніе. „Чѣмъ жить, какъ одѣться и на что прокормиться“,—вотъ, кажется, единственные, занимающіе ихъ вопросы. Да и дѣйствительно, 180—200 р. въ годъ, при „своихъ харчахъ и квартирѣ“, такіа ничтожныя деньги, что по неволѣ заставили бы призадуматься самого Диогена; не смотря на прославленную ограниченность его потребностей. А тутъ еще трудъ, о которомъ не имѣютъ понятія учителя великорусскихъ губерній. Научить крестьянскаго мальчика грамотѣ, развить его—большое и нелегкое дѣло; но научить хохленка выражаться на чуждомъ ему нарѣчій—еще затруднительнѣе. И вотъ, первый годъ обученія проходитъ, главнымъ образомъ, въ „ломаніи языковъ“, какъ у насъ выражаются,

т. е. въ приученіи дѣтей къ великорусскому говору. Только послѣ этого предварительнаго упражненія можно приняться за главное, т. е., за обученіе грамотѣ. Къ этому еще надо прибавить, что съ открытіемъ земскихъ школъ, колотовское духовенство совсѣмъ почти бросило преподаваніе. Придетъ отецъ Иванъ въ школу раза два за всю зиму, побранить учениковъ и, затѣмъ, домой: у него свои дѣла поважнѣе бесплатнаго обученія. Такимъ образомъ, вся тяжесть работы падаетъ на однихъ учителей: хлопотуть бѣдняки, стараются, и въ результатъ частенько получаютъ однѣ непріятности. Но какъ ни трудна годовая работа, а все-таки самымъ тяжелымъ временемъ считается у учителей весна, когда въ Колотовку, для наблюденія за экзаменомъ, пріѣзжаетъ инспекторъ народныхъ училищъ и ктонибудь изъ членовъ управы. Недѣли за двѣ до этого роковаго событія начинается уже упорное муштрованіе хохленковъ: имъ окончателно ломаютъ языки, учатъ дружно вставать при входѣ „особы“, громко отвѣчать на вопросы, и проч. Наконецъ, судный день наступаетъ. Учителя видѣ себя отъ волненія; еще съ вечера освѣдомлялись они у свѣдущихъ лицъ, т. е. преимущественно у барской прислуги: „что и какъ?“ Смыслъ этихъ вопросовъ неясенъ, пожалуй, и имъ самимъ, но внутреннее безпокойство безпрестанно влечетъ ихъ къ помѣщенію начальства. Часовъ въ семь утра начинается самый экзаменъ. Хохленки тщательно вымыты и одѣты въ новыя рубашки, вслѣдствіе чего, конечно, страшно робѣютъ и потѣютъ. Учитель положительно изнемогаетъ; поминутно вытираетъ онъ себѣ лобъ, кашляетъ въ кулакъ и, за спиной начальства, губами, пальцами и жестаи старается помочь ученикамъ въ ихъ робкихъ, путающихся отвѣтахъ. Хорошо еще, если начальство попалося добродушное и ласковое, но если какой-нибудь „особѣ“ пришла охота поломаться, тогда гибель учителя несомнѣнна.

И дѣйствительно, какъ отвѣчать хохленку на вопросы, что такое Промыслъ Божій или гдѣ находится Араратъ? Сбитый съ толку, ученикъ распускаетъ губы и плачетъ, а строгій начальникъ накидывается на педагога и низвергаетъ его въ прахъ. Торжество для „особы“ выходитъ, дѣйствительно, большое; но бѣдному учителю приходится, обыкновенно, послѣ этого бросать только что начатое дѣло и снова, въ качествѣ Вѣчнаго Жиды, странствовать по различнымъ управамъ. За то, какая радость, когда экзаменъ сошелъ благополучно! Хохленки весело разбѣгаются по домамъ, оглашая крикомъ мирныя сельскія улицы; учитель, съ сіяющимъ лицомъ, отправляется въ свою конуру

и, что скрывать, выпиваетъ, въ этотъ день, лишнюю чарку горѣлки.

Такова вологовская педагогика; что же касается до медицины, то официальнымъ представителемъ ея считался у насъ отставный военный фельдшеръ Иванъ Ивановичъ Чистососовъ, маленький, потѣшный человѣчекъ, съ большими претензіями на остроуміе и свѣтскость. Говорилъ онъ необыкновенно цѣтисто и витіевато. Встрѣтитъ васъ, на примѣръ, на улицѣ и залепечетъ: „однако политическіе горизонты помрачались: ужасно вопросительное время!“ или начнетъ хвалить вашъ садъ и вдругъ прибавитъ: „садъ хорошъ, только, знаете, фантастическаго въ немъ мало“. Впрочемъ, вологовцы были имъ довольны. „Правда,—говорили торговцы,—лечить онъ не мастеръ, какъ разъ уморить; за то человѣкъ лакированный и къ тому же не сквернословъ“. Мнѣніе крестьянъ про Ивана Ивановича остается по обыкновенію неизвѣстнымъ, но, кажется, они мало обращались къ нему за помощью, а охотнѣе шли къ своимъ знахаркамъ и къ какому-то старому фельдшеру изъ дворовыхъ, лечившему отъ всѣхъ болѣзней,—универсальнымъ и при томъ чрезвычайно простымъ средствомъ, а именно, онъ толкоетъ высушенныхъ мухъ и затѣмъ давалъ принимать этотъ порошокъ въ чистой водѣ или, еще лучше, въ водѣ. Будучи человѣкомъ деликатнымъ и тонкаго обхожденія, Иванъ Ивановичъ мало заботился о крестьянахъ. Вставши часовъ въ девять утра, онъ пилъ кофе, и затѣмъ вооружившись тросточкой и надѣвши старый поряжѣлый цилиндръ, отправлялся въ село на прогулку къ великому удивленію и злобѣ вологовскихъ собакъ. Здѣсь онъ встрѣчался съ знакомыми, сообщалъ любителямъ новѣшнія политическія извѣстія, подмигивалъ проходящимъ бабенкамъ и вообще велъ себя какъ слѣдуетъ галантному и ловкому кавалеру. Пришлось Ивану Ивановичу какъ-то разъ съѣздить въ городъ, и вотъ онъ привезъ съ собою сотню литографированныхъ визитныхъ карточекъ, гдѣ всевозможными прифтами были изображены его званіе, имя, отчество и фамилія. Съ этого времени онъ предпринялъ оружныя путешествія по сосѣднимъ помѣщикамъ и оставилъ каждому изъ нихъ по одному такому печатному сувениру. Это, кажется, единственный актъ, которымъ вологовскій фельдшеръ заявилъ о себѣ какъ о представителѣ медицинской науки.

Совсѣмъ другимъ характеромъ отличаются у насъ алушерики. Это обыкновенно воспитанницы мѣстныхъ губернскихъ курсовъ, неопытныя, молоденькія и конфузливыя дѣвушки. Онѣ съ горячностью относятся къ своему дѣлу, но, въ сожалѣнію, путь ихъ

устьянъ самыми невыносимыми терніями. Крестьяне имъ не до-
вѣряютъ, а торговцы глумятся и ругаются. Пробившись нѣ-
сколько мѣсяцевъ онѣ обыкновенно переводятся куда нибудь
въ другое мѣсто, гдѣ народъ поцивилизованнѣе и нравы помягче.

Вотъ вамъ и вся колотовская интеллигенція.

Соберутся при удобномъ случаѣ эти люди къ отцу Николаю
и начнется сейчасъ же длинная жалобная пѣсня.

— Что у меня за жизнь, — рассказываетъ какой нибудь пріѣзжій
старикъ священникъ, — на тычкѣ-то на голомъ, кругомъ степь,
жилая верста на семь нѣтъ, избенка моя, да церковь — вотъ и
все. Попадья умерла, дѣтей нѣтъ, самъ я какъ персть одинъ
одинешенекъ. Просилъ я владыку — въ другой приходъ перевести.
И тутъ умрешь“, — говорить. Старикъ замолкаетъ и грустно
машетъ рукой.

— Вамъ еще что, жалуется другой, у васъ хоть дѣтей нѣтъ,
а вѣдь у меня двое. И что же я вамъ скажу — не дѣти, а ироды,
разбойники какіе-то. Я къ нимъ съ увѣщаніемъ, а они на меня
съ дрючкомъ, да еще хвалятся: „по нынѣшнему времени,
тятенька, такихъ стариковъ, какъ вы, избивать надо, потому
только напрасно небо копите“. Это отцу-то, а!

Учителя тоже пристають къ этому хору: бѣдность, недоста-
токъ содержанія, большія семьи, трудность обученія хохламъ
русскому языку — все это выплываетъ теперь наружу. У аку-
шерки свое горе: хохлы не хотятъ ея помощи. Какая нибудь
старая баба въ ихъ глазахъ въ тысячу разъ умнѣе и дѣловитѣе
ученой барышни. А позовутъ, такъ или ребенокъ мертвъ или
мать при смерти. Что тутъ подѣлаешь? „Ужъ я такъ старалась,
такъ старалась“... почти со слезами добавляетъ дѣвушка.

Среди этихъ общихъ жалобъ одинъ только отецъ Николай
остается по прежнему добродушнымъ и яснымъ; онъ увѣщаетъ
однихъ, соболѣзнуетъ съ другими; рѣчи его не сложны; все это
больше восхлищанія въ родѣ: „а вотъ, Богъ дастъ поправитесь“,
или: „перемелется — мука будетъ“, но въ концѣ концовъ всѣ
почему-то успокоиваются и даже улыбка пробѣгаетъ по уста-
лымъ лицамъ. Отчего это? Чему приписать это вліяніе? Крот-
кому ли голосу отца Николая или его свѣтлымъ веселенькимъ
комнатамъ? Право, не знаю.

Однажды, когда мы остались одни, отецъ Николай задумался.

— Сколько горя-то на землѣ, — вдругъ вырвалось у него.

Я промолчалъ.

— Точно сътъ какая всѣхъ насъ опутала: крестьяне нищи
и управа бѣдна, управа бѣдна и учитель голоденъ. А кругомъ-

то—темнота, невѣжество, нравы звѣринныя, злоба лютая...

— И исхода не видно...

— Нѣту его, нѣтъ!... Развѣ вотъ Богъ... и старикъ тихо улыбулся.

Иногда вечеромъ, когда я собираюсь домой, отецъ Николай на-скоро одѣвается и идетъ меня провожать; на улицахъ уже обыкновенно царить тишина, въ замолкнувшихъ хатахъ давно потушены огни. Длинные тѣни пересѣкаютъ нашу дорогу, колеблются и бѣгутъ за нами; ярко блестятъ бѣлыя стѣны мазанокъ; луна полнымъ свѣтомъ ударяетъ на нихъ и придаетъ имъ причудливый и привлекательный видъ. Изрѣдка, когда изъ-за плетня, окаймляющаго убогій крестьянскій садъ, раздается невнятный шопотъ,—отецъ Николай останавливается на мгновение и добродушно качаетъ головой. „Эхъ, шалуны, шалуны“,—шепчетъ онъ про-себя.

Наконецъ, вотъ и поле,—широкія, безконечныя хлѣбныя нивы растлаются передъ нами; съ неба весело подмигиваютъ звѣзды; въ густой зелени кричатъ перепела и чирикаютъ кузнечики. Отецъ Николай снимаетъ шляпу и долго смотритъ на востокъ. „Быть завтра дождю, слава тебѣ Господи“,—говоритъ онъ и широко крестится. Затѣмъ мы пожинаемъ другъ другу руки и расходимся, унося въ душѣ частицу того спокойствія и той прелести, которыми наполнена несравненная малоросійская ночь.

В. П.

СОЦІАЛИЗМЪ НА ЗАПАДѢ ЕВРОПЫ И ВЪ РОССІИ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Причины и послѣдствія.

I.

Русскій социализмъ разсматривается обыкновенно какъ новая болѣзнь, въ родѣ трихинозиса или какъ неожиданное бѣдствіе, въ родѣ колорадскаго жука. Затѣмъ эта новая болѣзнь признается „мѣстнымъ“ недугомъ, поразившимъ извѣстную часть нашего общества, именно учащуюся молодежь. Этотъ несложный діагнозъ наводитъ и на простѣйшіе приемы леченія. Обнести зараженную мѣстность карантинномъ, — установить строжайшій надзоръ за „больными“ — и развитіе болѣзни остановится само собою. Но произведенные уже опыты заставляютъ думать, что приемы врачеванія не совершенно удачны, и это наводитъ на мысль, что и діагнозъ поставленъ неправильно.

На самомъ дѣлѣ, русскій социализмъ по существу своему не есть что то новое, и, если онъ долженъ быть признанъ за недугъ, то никакъ не за мѣстный. Вѣрнѣе сказать, нашъ социализмъ не есть самъ по себѣ недугъ, но въ немъ должно видѣть симптомъ недуга общаго.

Уважемъ, для доказательства нашей мысли, на одинъ поразительный фактъ. Соціалисты и пропагандисты выходятъ изъ рядовъ интеллигентныхъ классовъ нашего общества; каждый изъ нихъ имѣетъ, въ средѣ этого „взрослаго“ и „развитаго“ общества, отцовъ, матерей, дядей, старшихъ братьевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти „взрослые“ не смотрятъ и не могутъ смо-

трѣть равнодушно, какъ ихъ потомство увлекается „опасными“ ученіями, попадаетъ въ мѣста предварительнаго заключенія и поселяется на восточныхъ окраинахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это взрослое общество, изъ простой человѣческой любви къ своимъ дѣтямъ, готово употребить всѣ усилія, чтобы удержать ихъ отъ „необдуманныхъ поступковъ“. Нѣтъ, наконецъ, сомнѣнія, что оно не сочувствуетъ программѣ нашей соціальной революціи съ ея Пугачевыми и „казачьими кругами“. Между тѣмъ оно оказывается безсильнымъ. Происходитъ-ли это отъ недостатка доброй воли, отъ неразумія, невѣжества? Конечно, нѣтъ. Взрослая часть общества, конечно, разсудительнѣе, опытнѣе, привычнѣе къ дѣлу и образованнѣе подрастающаго и учащагося поколѣнія. Отчего-же зависитъ это загадочное явленіе? На нашъ взглядъ—отъ двухъ причинъ, далеко не новыхъ: отцы и дѣти говорятъ на разныхъ языкахъ; общественныя учрежденія не имѣютъ пока самостоятельнаго воспитательнаго значенія.

Нигдѣ не существуетъ такого разрыва между поколѣніями, т. е., такого отсутствія преемственности, какъ въ интеллигентныхъ классахъ Россіи. Двадцатилѣтній сынъ смотритъ на своего пятидесятилѣтняго отца какъ на человѣка не только иного поколѣнія, но и другаго вѣка; а этотъ отецъ, вѣроятно, также относился къ своему родителю. Причина этого явленія довольно наглядна. Она кроется прежде всего въ характерѣ нашего умственнаго образованія.

Наука въ Россіи вообще молода, и теоретическія направленія въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ являются результатомъ нашихъ домашнихъ условій и еще рѣже провѣряются данными русской жизни. Общимъ источникомъ всѣхъ нашихъ теоретическихъ направленій остается до сихъ поръ западная Европа. Что выработано тамъ, что тамъ считается за послѣднее выраженіе мысли, то и къ намъ является въ качествѣ послѣдняго и безапелляціоннаго слова науки и жизни, изъ котораго мы уже дѣлаемъ своеобразные „выводы“.

Судьба этихъ господствующихъ направленій довольно оригинальна: онѣ быстро распространяются, господствуютъ деспотически, но затѣмъ бросаются также легко, какъ и были усвоены. Это вполне понятно: система не пережитая, а заимствованная всегда оставляется также легко, какъ и получается. Если мой отецъ кланялся Канту, то почему мнѣ не бросить Канта и не поклониться Гегелю, въ ожиданіи, что мой сынъ низвергнетъ Гегеля и падетъ ницъ предъ О. Контонъ? На западѣ также существуютъ разныя „системы“, но вотъ въ чемъ разница:

такъ поклонникъ Милля знаетъ, что его учитель шелъ отъ Бентама, а Бентамъ чрезъ рядъ мыслителей XVIII вѣка связанъ съ Локкомъ, а Локкъ, чрезъ другихъ философовъ, сопркасается съ Бекономъ. Стало бытъ Милль имѣть тамъ и отца, и дѣда, и прадѣда. Онъ занимаетъ мѣсто, уготованное ему предками и въ томъ размѣрѣ, въ какомъ оно уготовано. Рядомъ съ нимъ и другія школы, развивавшіяся столь-же преемственно, занимаютъ свое мѣсто и стоятъ на немъ твердо. У насъ-же Канты, Шеллинги, Гегели, Милли и Бонты являются безъ отцовъ, какъ не помнящія родства, потому и умираютъ безпотноственно.

Но за то въ періодъ своего кратковременнаго владычества, они царятъ безраздѣльно, диктаторски, повелѣвають умами и душами подобно тому, кто сказалъ: „Азъ есмь сый“. Кто поражается тѣмъ, что въ настоящее время никто не смѣетъ возвысить голоса противъ Карла Маркса, не навлекши на себя гнѣва его юныхъ поклонниковъ, тотъ пусть вспомнить, что болѣе взрослые люди также ревниво охраняли честь Милля, а еще старѣйшіе не могли вынести возраженій противъ теоріи „свободы торговли“. Затѣмъ нечего удивляться тому, что Аркадій Кирсановъ вынулъ изъ рукъ своего отца „устарѣлаго“ Пушкина; порывшись въ собственныхъ воспоминаніяхъ, старикъ Кирсановъ припомнилъ-бы, что онъ самъ восо смотрѣлъ на своего отца, читавшаго „Бѣдную Лизу“ Карамзина.

Вотъ первая и важная „причина“: поколѣнія говорятъ на разныхъ языкахъ и не понимаютъ другъ друга. У насъ нѣтъ духовныхъ отцовъ и не будетъ духовныхъ дѣтей, чувствующихъ свою неразрывную связь съ нами, пока не установится преемственности въ нашемъ умственномъ развитіи, пока мы будемъ жить послѣдними словами чужой науки и пока каждое поколѣніе будетъ начинать свое умственное развитіе съизнова, „творя изъ ничего“.

Къ этой причинѣ присоединяется еще и другая. Не смотря на то, что разныя теоретическія направленія усваиваются и бросаются съ необыкновенною легкостью, т. е., въ сущности, имѣютъ довольно мало значенія для нашего нравственнаго существа, они являются, однако, главнымъ источникомъ нашего нравственнаго воспитанія. Въ нихъ мы ищемъ отвѣтовъ не только на вопросы знанія, но и на всѣ проблемы общественной и государственной жизни.

На западѣ человѣкъ не воспитывается одною теоріею, хотя она и играетъ важную роль въ воспитаніи. Но характеръ че-

ловѣка образуется тамъ дѣйствиємъ вѣщихъ государственныхъ и общественныхъ установленій, давленіемъ общественнаго мнѣнія, участіемъ въ разнообразнѣйшихъ проявленіяхъ общественной жизни, и жизнь эта владеть печатью на самую науку. Тамъ ни одинъ мыслитель не понятенъ безъ общественной обстановки, которая его произвела. Для того, чтобы понять теорію экономической свободы въ Англии, нужно воспроизвести всю промышленную, торговую, общественную и политическую исторію этой страны. Вмѣстѣ съ тѣмъ всякая теорія можетъ имѣть тамъ вліяніе постольку, постольку она согласна съ жизненными условіями. Роберту Оуэну не удалось осуществить свои социалистическіе планы, но онъ имѣлъ несомнѣнное и серьезное вліяніе на разрѣшеніе рабочаго вопроса. Оттого каждая серьезная теорія въ извѣстной мѣрѣ входитъ тамъ въ содержаніе жизни, обогащая нравственный и умственный капиталъ страны, и каждое серьезное жизненное явленіе даетъ толчекъ теоретическому развитію. Оттого, наконецъ, при взаимодѣйствіи теоріи и жизни, тамъ образуются характеры, являются люди дѣльные, съ прочувствованными мыслями и продуманными чувствами.

У насъ трудно еще указать на учрежденія, которыя-бы могли дѣйствовать воспитательно, образуя характеръ и направляя самыя теоретическіе помыслы человѣка. Вслѣдствіе этого, вліяніе „теоріи“ на молодые умы особенно велико у насъ, въ Россіи. Нравственный сдѣлъ юноши, не воспитываемаго жизнью и обстановкою общественныхъ учрежденій, образуется подъ вліяніемъ теоретическихъ началъ. А при такихъ условіяхъ не образуются характеры, способные трудомъ упорнымъ, изо дня въ день, приводить въ практику извѣстныя начала и передавать ихъ своему потомству для дальнѣйшаго и преемственнаго развитія. Увлеченіе теоріей способно въ лучшемъ случаѣ породить энтузіаста, человѣка внѣ пространства и времени и не пригоднаго ни для какого времени и пространства. Энтузіастъ съ ужасомъ помышляетъ о томъ времени, когда ему придется войти въ практическую жизнь, и это не удивительно. При томъ глубокомъ разрывѣ, какой существуетъ между „теоріею“ и „практикой“, вступленіе въ жизнь требуетъ отъ юноши отреченія отъ того, что онъ такъ или иначе усвоилъ въ качествѣ нравственнаго идеала, а это не легко, даже при той легкости, съ какою усваиваются у насъ разныя системы, и совершенно не нормально. Въ иныхъ мѣстахъ вступленіе въ „жизнь“ считается радостнымъ днемъ, котораго жадно ждешь

юноша, набравшійся силъ и знанія и рвущійся на живое дѣло. У насъ же „практическая жизнь“ для „теоретическа“ подготовленнаго юноши представляется какимъ-то монастыремъ или тюрьмой, при входѣ въ которую нужно забыть то, оставить это, отречься отъ третьяго, махнуть рукой на четвертое. Голось „практическаго человѣка“ кажется ему голосомъ искусства, проповѣдью Молчалина, поучавшаго Чацкаго житейской мудрости.

Вотъ почему „теоретическая“ молодежь всегда относилась къ жизни въ качествѣ протестующаго элемента и всегда разсматривалась какъ элементъ не совсѣмъ „надежный“. Явленіе не новое, а напротивъ очень старое. Мотивы и знамена „протестовъ“ были различны, но сущность дѣла не измѣнялась. Третьяго дня протестовали по Гегелю, потомъ по Миллю, наконецъ, по Карлу Марксу. Бѣда только въ томъ, что всѣ эти протесты были протестами не силы, а. безсилія, сознанія своей полной отчужденности отъ наличныхъ требованій жизни, выраженіемъ глубокаго субъективнаго горя, которое народъ не могъ признать своимъ. Таково положеніе дѣлъ сегодня, таково было оно вчера. Припомните скорбную исповѣдь, вылившуюся въ „Мертвыхъ душахъ“ Гоголя.

Всякій, кто прочелъ это великое произведеніе и прочувствовалъ его, навѣрное понялъ, что подъ „мертвыми душами“ поэтъ разумѣлъ не души, скупавшіяся Чичиковымъ. Этотъ міръ мертвыхъ душъ обнималъ и покойниковъ Неуважай-Корыто съ Степаномъ Пробкой, и Селифана съ Петрушкой, и Манилова съ Собакевичемъ, и Бетрищева съ Пѣтухомъ, и Теньтетникова съ сосѣдами. Разница была только въ томъ, что одни рождались со всѣми свойствами мертвыхъ душъ, какъ напримѣръ, неладно скроенный, да крѣпко спитый Собакевичъ: это мертвыя души первой, такъ сказать, формаци; другіе приходили въ тотъ же „предѣлъ“ послѣ предварительныхъ барахтаній и безплодныхъ порываній: таковъ Теньтетниковъ. Въ свое время, онъ куда-то рвался, даже согрѣшилъ, попавъ въ нѣкоторое таинственное „общество“, куда затащили его „два пріятели, принадлежавшіе къ классу огорченныхъ людей, но которые, отъ частыхъ тостовъ во имя науки, просвѣщенія и прогресса, сдѣлались потомъ горькими пьяницами“. Потомъ онъ завязъ, наконецъ, въ своей деревнѣ, въ качествѣ мертвой души вторичной формаци“, т. е., порядочно надломленной и совершенно отрѣзанной отъ настоящаго, примитивнаго слоя, на которомъ процвѣтали Собакевичи, какъ законные сыны своего вѣка. Изрѣдка только просыпалось въ нихъ

воспоминаніе о прошломъ, возбуждая страшную тоску по себѣ, по убывшей и замершей „живой душѣ“ своей, и ждали они того, говорить Гоголь:

„Кто былъ бы въ силахъ воздвигнуть и поднять, шатаемыя вѣчными колебаніями, силы и лишенную упругости, слабую, немощную волю,—кто бы крикнулъ живымъ, пробуждающимъ голосомъ, крикнулъ душѣ пробуждающее слово впередъ! котораго жаждетъ повсюду, на всѣхъ ступеняхъ стонцій, всѣхъ сословій, и званій, и промысловъ, русскій человекъ.“

„Гдѣ же тотъ,—съ горькой грустью спрашиваетъ поэтъ,—кто бы, на родномъ языкѣ русской души нашей, умѣлъ бы намъ сказать это всемогущее слово впередъ! Кто, зная всѣ силы и свойства, и глубину нашей природы, однимъ чародѣйскимъ мановеніемъ можетъ устремить на высокую жизнь русскаго человека? Какими слезами, какою любовью заплатилъ бы онъ ему! Но вѣки проходятъ за вѣками; полмилліона сидней, увальней и болвановъ дремлетъ непробудно и рѣдко рождается на Руси мужъ, умѣющій произнести его, это всемогущее слово!“

Страшное слово объ этомъ полумилліонѣ „сидней, увальней и болвановъ“, т. е., объ интеллигентномъ словѣ „мертвыхъ душъ“ первичной, вторичной, третичной и всякой иной формаци! Но были же и въ этомъ омутѣ люди, не мирившіеся и не вступавшіе ни въ какой изъ означенныхъ „словъ“. Да, были. Но и они, въ извѣстномъ смыслѣ, не уходили отъ общей участи. Спасая свою душу отъ всеобщаго омертвенія, они замыкались въ своемъ субъективномъ мірѣ, питаясь привозною литературою, поддерживая ею слабый огонекъ, который они бережно и съ трудомъ охраняли отъ дуновения воздуха, приводимаго въ движеніе могучими легкими Поздрыхъ, Собакевичей, Сквозниковъ-Дмухановскихъ и Держимордъ. Въ этомъ „объективномъ“ мірѣ, они жили, какъ чужіе и могли относиться къ нему только отрицательно. Они не могли крикнуть ему впередъ! во первыхъ, „по независящимъ обстоятельствамъ“, а во вторыхъ, потому, что „міръ“ не понималъ бы ихъ, чужихъ людей. И они кричали не впередъ, а вонъ отсюда! Они искали себѣ мѣста успокоенія и находили его, кто въ домашнемъ отшельничествѣ, какъ Чаадаевъ, кто за границей, гдѣ они жили, любясь на родную ихъ душѣ цивилизацію. Но, въ общественномъ смыслѣ, они обращались въ тѣ же „мертвыя души“, въ блуждающіе огни, безслѣдно пролетѣвшіе надъ родною землей.

Вотъ гдѣ корень „болѣзни“, и онъ показываетъ, что она не нова, хотя и приняла новыя формы, даже получила болѣе

острый характеръ. Не новизну слѣдуетъ видѣть въ ней, а остатокъ старины, яркій отблескъ міра „мертвыхъ душъ“, и мы избавимся отъ нея только тогда, когда сотрется послѣдній слѣдъ этого міра, когда изсянетъ послѣднее его дыханіе. До тѣхъ поръ, „отцы“ не будутъ имѣть духовной власти надъ „дѣтьми“ и каждый отецъ будетъ, съ безмолвною тоской, глядѣть на „увлеченіе“ сына, ведущее его къ гибели.

Но вѣдь міръ „мертвыхъ душъ“ уже затрепалъ и отступилъ назадъ? Вѣдь, 19-го февраля 1861 года, уже произнесено было мощное слово, предъ которымъ разсыпалось въ прахъ то, что служило основаніемъ, сущностью и опорой этому міру, т. е., крѣпостное право? Теперь уже никто не продаетъ Степана Пробку ни мертваго, ни живаго, ибо Степанъ Пробка сталъ человѣкомъ, свободнымъ сельскимъ обывателемъ, съ своими правами „личными и по имуществу“. Теперь, „храмъ уединеннаго размышленія“, воздвигнутый Маниловымъ, или разрушился, или обратился въ амбаръ для ссыпки хлѣба, а сынъ Манилова ѣздитъ въ земское собраніе, гдѣ сидитъ съ нимъ вмѣстѣ сынъ Пробки. Какимъ же образомъ, старая болѣзнь сохранилась въ новыхъ общественныхъ формахъ? Почему она приняла даже болѣе острый характеръ?

II.

О реформѣ, произведенной въ 1861 году, говорили и говорятъ очень много. Но, нельзя сказать, чтобы все ея значеніе было понято и всѣ ея послѣдствія признаны. Между тѣмъ, и это значеніе, и эти послѣдствія необходимо понять и признать, если мы вообще хотимъ понять переживаемую нами эпоху, со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами. Тотъ, кто хочетъ идти по прямой дорогѣ и видѣть ясно цѣль своего путешествія, тотъ долженъ имѣть предъ глазами реформу 1861 года во весь ея ростъ, какъ исходную точку всего современнаго развитія. Попытаемся нарисовать, въ немногихъ словахъ, хотя бы контуръ этого акта, но во весь ростъ. Посмотримъ, что содержалось въ этомъ царскомъ призывѣ, гласившемъ: „освобождайте крестьянъ!“

Царскій призывъ былъ направленъ на самый фундаментъ стараго зданія, на почву, ростившую мертвыя души всѣхъ типовъ. Перестройка фундамента не могла не отозваться на самомъ зданіи. Это увидѣли одинаково и общество, и правительство. Именно, они увидѣли въ отмѣнѣ крѣпостнаго права не

одно упраздненіе барщины, дворни, крѣпостныхъ гаремовъ, сѣченія на конюшняхъ, т. е., всего, въ чемъ проявлялась власть человѣка надъ человѣкомъ. Въ великомъ актѣ нельзя было не увидѣть многого другаго, ибо само крѣпостное право не было только барщиной, гаремомъ и сѣченіемъ. Оно было основаніемъ для цѣлаго общественнаго и государственнаго міросозерцанія, которое можно охарактеризовать словомъ—вотчинное. Такое міросозерцаніе имѣло своимъ послѣдствіемъ, что люди вообще рассматривались какъ вещи, а вещи не бывають „субъектами правъ“, даже и гражданскихъ. При такой основѣ, всѣ отношенія опредѣлялись и устраивались по образу и подобию вотчинныхъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ. Окружной начальникъ, батальонный командиръ, исправникъ, предсѣдатель палаты, городничій, были тѣми же вотчинниками въ своихъ отношеніяхъ къ государственнымъ крестьянамъ, къ солдатамъ и къ „обывателямъ“ всякаго рода. Наоборотъ, отъ этого „закрѣпощенія“ не уходила и казна, когда, по какому нибудь случаю, она попадала въ распоряженіе служащаго или частнаго лица. И эта черта не ушла отъ наблюдательности Гоголя. Его городничій былъ, по-своему, правъ, придя въ негодованіе на жаловавшихся на него купцовъ. „Сдѣлаешь—кричалъ онъ имъ—подрядъ съ казною, на сто тысячъ надуешь ее, поставишь гнилаго сукна, да потомъ пожертвуешь двадцать аршинъ, да и давай тебѣ еще награду за это!.. Жаловаться? а кто тебѣ помогъ сплутовать, когда ты строилъ мостъ и написалъ дерева на двадцать тысячъ, тогда какъ его и на сто рублей не было? Я помогъ тебѣ, возлиная борода! Ты позабылъ это?“ Свои люди!

Стало быть, отміна крѣпостнаго права, въ глазахъ всѣхъ мыслящихъ людей, пережившихъ это незабвенное время, влекла за собою установленіе новаго порядка, построеннаго на признаніи правъ личности, какъ формальнаго обезпеченія „живой души“, призванной къ новому и живому дѣлу. Это сознаніе не было какимъ нибудь „мечтательнымъ стремленіемъ“, но и перешло въ дѣло, въ законодательные акты. Положеніе о крестьянахъ дало имъ личную свободу, надѣлъ и общинное самоуправленіе. Вслѣдъ за тѣмъ, сознана была необходимость подвести всю массу крестьянства подъ одни общія начала управленія и эти начала были заимствованы не изъ прежняго учрежденія о государственныхъ крестьянахъ, а изъ положенія новаго. Установленія бывшихъ государственныхъ или, вѣрнѣе, казенныхъ крестьянъ оказались несостоятельными и пали. Послѣ признанія за крестьянами правъ свободныхъ членовъ русскаго обще-

ства, прежняя система мѣстнаго управленія, построенная на узкосословномъ началѣ, съ преобладаніемъ одного сословія надъ другими, должна была замѣниться всесословнымъ земскимъ самоуправленіемъ. Старый „слѣдственный“ процессъ и сословное раздѣленіе органовъ суда, подчиненныхъ всецѣльной администраціи, обанеротились; оказалась необходимость въ выборной земской юстиціи, въ независимыхъ коронныхъ судахъ, въ учрежденіи присяжныхъ засѣдателей. Тѣлесное наказаніе плетью—этотъ символъ народнаго рабства—отмѣнено. Военская повинность, изъ рекрутчины, тяготѣвшей надъ податными классами, обратилась въ повинность всесословную. Новыя понятія хлынули всюду, въ правительственную практику, въ частныя отношенія, въ воспитаніе. Общество, призванное къ самодѣятельности, въ развитію закономѣрному, нуждалось и въ новой просвѣтительной, контролирующей, такъ сказать, силѣ, въ силѣ печатнаго слова; 1865 годъ принесъ извѣстныя льготы нашей печати, освобожденной, до нѣкоторой степени, отъ старыхъ цензурныхъ стѣсненій.

Таковы главныя черты этой „новой эпохи“. Оглядываясь назадъ, можно сказать, что, въ смыслѣ внутреннихъ реформъ, за эти благодатныя десять лѣтъ, было сдѣлано больше, чѣмъ во сто предшествующихъ годовъ. Не свидѣтельствуетъ ли это не только о силѣ даннаго толчка, но и о томъ, что все, слѣдовавшее за толчкомъ, т. е., за упраздненіемъ ерѣвостнаго права, было логическимъ его послѣдствіемъ? Не вправѣ ли мы сказать, что „положеніе о крестьянахъ“ останется, выражаясь языкомъ музыкантовъ, доминантою эпохи, начатой въ 1861 году. Все, согласное съ этою основною нотою, дастъ гармонію; все, несогласное—произведетъ диссонансъ, котораго нельзя будетъ сгладить никакими ритурнелями.

Въ началѣ этой великой эпохи, Россія выступила впередъ, какъ вся, какъ единая земля. Въ великомъ дѣлѣ нашли себѣ удовлетвореніе всѣ „души“. Встрепенулись крестьяне, почувшіе сладкую волю свободнаго труда; вскинулись, на время замерзшіе въ непробудномъ снѣ, отставные поручики и штаб-ротмистры: мощный духъ времени пробудилъ въ нихъ человѣка, они присанились и браво исполняли должности мировыхъ посредниковъ. Ободрились и „огорченные—чужіе“ и „пострадавшіе“ люди всякихъ эпохъ. Старые декабристы писали уставныя грамоты и приводили къ соглашенію „на выкупъ“, на ряду съ петрашевцами, съ „огорченными“ новѣйшаго типа. На этомъ чудномъ пирѣ не было чужихъ людей: всѣмъ было мѣсто и ве-

ликое царское слово—свобода нашло отзвукъ во всѣхъ душахъ. Кто не помнить эти дни? Кто забылъ это чудное лѣто, обильное тепломъ, дождями, урожаемъ и свѣтлыми надеждами на будущее? Жаль вышней молодежи: она не пережила этихъ дней, не провела ихъ среди народа; у нея нѣтъ этихъ воспоминаній, смягчающихъ сердце человѣка на всю жизнь. Она выросла и растетъ подъ вліяніемъ другаго времени, наступившаго скоро, очень скоро, послѣ свѣтлыхъ лѣтнихъ дней 1861 года.

Это другое время принято называть временемъ переходнымъ. Да, мы живемъ въ переходное время, говорятъ всѣ, и это „счастливое“ выраженіе служить одновременно средствомъ и объясненія, и осужденія, и оправданія того, что совершается кругомъ насъ. Нужно ли объяснить какую-нибудь явную несообразность, вопиющее противорѣчіе—ссылка на „переходное время“ готова. Но какой же смыслъ заключается въ этомъ выраженіи? Нельзя не сознаться, что надъ нимъ очень мало думали. Люди, употребляющіе его ежедневно и ежечасно, способны объяснить его только слѣдующимъ образомъ: старое еще не отжило своего вѣка, новое только начинаетъ рождаться. Эта борьба стараго съ вытѣсняющимъ его „новымъ“ и даетъ ту совокупность явленій, которая, для удобства и краткости, характеризуется словомъ—переходное время. Но въ вещахъ этого рода краткость не всегда удобна.

Ссылка на переходное время, какъ на нѣкоторую краткую формулу, отъ слишкомъ частаго ея употребленія, получила значеніе столь же извѣстной ссылки на „среду“, на „независимыя обстоятельства“ и т. п. Смыслъ этихъ „ссылокъ“ одинъ: устраненіе всякой личной отвѣтственности за все, совершающееся кругомъ, оправданіе полнаго равнодушія, бездѣйствія и лѣни въ томъ „полумиллионѣ“, о коемъ такъ скорбѣлъ Гоголь. Расстраты, хищенія, казнокрадство, дутыя предпріятія, вялое содѣйствіе народному образованію, упадокъ земледѣлія, истребленіе лѣсовъ, финансовыя тягости народа, безотчетность и безконтрольность,—все это только симптомы переходнаго времени, а тамъ—перемелется, мука будетъ. Превосходное утѣшеніе, умилительное слово! Но вѣдь для „перемола“ нужны и хорошіе жернова, и порядочные мельники, не расхищающіе зерна, и доброячественное зерно, иначе изъ этой „муки“ не испечешь ничего, кромѣ плохихъ сухарей, причемъ опять придется рассчитывать, что все „переварить“ крѣпкій русскій желудокъ. Коротко говоря, отъ этихъ ссылокъ на „переходное время“

жутко становится, ибо въ нихъ слышится поворотъ къ старому, какъ будто пережитому нами времени, во времени „мертвыхъ душъ“.

Не пора ли посмотрѣть на дѣло пристально, разглядѣть его во всѣхъ подробностяхъ, не пропуская ни одной? Да, мы должны сдѣлать это безбоязненно, хотя бы мы увидѣли „подробности“ мрачныя, хотя бы мы пришли къ убѣжденію, что наше время, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, хуже времени чистыхъ, непримѣсныхъ мертвыхъ душъ. Только тогда, когда зло будетъ понято въ цѣломъ и въ подробностяхъ, мы будемъ знать что дѣлать и чѣмъ намъ быть. Мы достаточно страдали мысленно, достаточно долго думали, что наилучшее средство излеченія зла—не думать о немъ и не говорить; что отъ молчанія и недуманія зло изгонится изъ дѣйствительной жизни, какъ мы выгнали его изъ нашего мышленія. Дѣти! мы какъ будто не подозрѣваемъ, что отъ молчанія и недуманія гаснетъ не зло, а гаснемъ мы, что въ этомъ молчаніи и недуманіи слабѣютъ наши мысль и воля и что съ каждымъ годомъ мы становимся все менѣе и менѣе способными для борьбы съ „обстоятельствами“. „Memoriam quoque ipsam cum voce perdidissemus, si tam in nostra potestate esset oblivisci, quam tacere“, какъ сказалъ по другому случаю Тацитъ ¹⁾.

III.

Освобожденіе крестьянъ, давши толчокъ ко всѣмъ другимъ реформамъ нынѣшняго царствованія, явилось совершенно неожиданно для нашего общества. Мы не хотимъ сказать этимъ, что паденіе крѣпостнаго права не было вызвано настоятельными причинами: напротивъ, по нашему глубокому убѣжденію мѣра эта явилась довольно поздно и этимъ объясняются многія важныя ея послѣдствія. Мы хотимъ только указать на всѣмъ извѣстный фактъ, что общество наше не ожидало этой реформы, и высочайшій рескриптъ 20-го ноября 1857 года грянулъ какъ громъ изъ яснаго неба. Въ послѣдніе годы предъ вступленіемъ на престолъ нынѣ царствующаго Государя, крѣпостное право было взято какъ бы подъ особое покровительство, въ качествѣ „фундаментальнаго“ учрежденія нашего государства.

¹⁾ „Вмѣстѣ съ словомъ, мы потеряли бы самую память, еслибы въ нашей власти было бы также забывать, какъ молчать“.

Приведемъ въ доказательство замѣчательное мѣсто изъ записки о „крѣпостномъ состояніи“, принадлежащей покойному Ю. Ѡ. Самарину, написанной и пущенной въ ходъ за годъ до появленія высочайшаго рескрипта, т. е., осенью 1856 года. Вотъ что говоритъ этотъ видный дѣятель крестьянской реформы: „Еще недавно, лѣтъ двадцать тому назадъ, правительство и общество признавали крѣпостное право за несомнѣнное зло. Противъ этого никто не возражалъ, никто за него не заступался и спорили только о томъ: наступило ли время упразднить его, какимъ путемъ изъ него выйти, чѣмъ замѣнить существующій порядокъ. Прискорбно сознаться, что теперь (1856 г.) уже не то. Правительство приняло крѣпостное право подъ свое особенное покровительство: оно изъято безусловно изъ круга тѣхъ вопросовъ, о которыхъ позволено разсуждать печатно: самыя отдаленныя намеки на вредныя его стороны преслѣдуются цензурою съ безпощадною строгостію; наконецъ, въ нашей литературѣ и въ изданіяхъ казенныхъ стали являться апологіи крѣпостнаго права, выведенныя не изъ юридическихъ или административныхъ соображеній, но изъ общихъ, религіозно-нравственныхъ началъ—апологіи самаго существа крѣпостнаго права. Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи, продолжаетъ Самаринъ, одно мѣсто въ наставленіи для образованія воспитаницъ женскихъ учебныхъ заведеній, изданномъ въ 1852 году. Въ пользу крѣпостнаго права приведены тексты изъ священнаго писанія—единственный, небывалый примѣръ въ нашей литературѣ. Въ немногихъ словахъ, совъѣтъ, предлагаемый авторомъ инструкціи воспитанницамъ, можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ: берегите крѣпостное право, какъ учрежденіе божественное, какъ Божью заповѣдь, употребляйте его какъ власть родительскую надъ дѣтьми ¹⁾“.

Итакъ призывъ къ отмінію крѣпостнаго права послѣдовалъ непосредственно послѣ того времени, когда начальство женскихъ учебныхъ заведеній было приглашено растить Коробочекъ по апостолу Павлу и когда всѣ Коробочки и ихъ супруги загнули въ увѣренности, что никогда и ничья рука не посланетъ на „Божественное установленіе“. Реформа застала общество въ расплохъ. Къ этому должно прибавить и то, что оно не было подготовлено законодательными и практическими мѣрами прежняго времени. Хотя въ царствованіе Александра I и въ началѣ царствованія Николая I, правительство и лучшая

¹⁾ Полное Собр. соч., т. II, стр. 21.

часть общества и признавали крепостное право за „несомнѣнное зло“, хотя законы 1803 и 1842 годовъ и имѣли въ виду вызвать въ средѣ дворянства движеніе къ его отмене, тѣмъ не менѣе оно вышло изъ этихъ двухъ царствованій, т. е., послѣ 55 лѣтъ скептическаго къ нему отношенія, не только не поколебленное, но еще и съ „апологіею“. Наконецъ, бытовья обстоятельства получили такой острый характеръ, что потребовалась немедленная отмена крепостнаго состоянія, отмена разомъ, однимъ взмахомъ. Другаго исхода не было.

Все это, вмѣстѣ взятое, положило неизгладимый отпечатокъ и на крестьянскую реформу, и на всѣ послѣдовавшія за нею преобразованія, и на характеръ общества, вышедшаго изъ реформы, и на построеніе самихъ правительственныхъ сферъ, словомъ, на все, отъ чего зависитъ характеръ нашего „переходнаго времени“.

Всякое преобразованіе, совершенное внезапно и разомъ, несомнѣнно производитъ серьезное потрясеніе въ общественномъ организмѣ и вызываетъ особый, несовершенно довѣрчивый на него взглядъ въ самомъ законодателѣ. Это неизбѣжно и служитъ наилучшимъ доказательствомъ тому, что общество страдаетъ отъ реформъ преждевременныхъ гораздо меньше, чѣмъ отъ преобразованій запоздалыхъ. Преждевременная реформа произведетъ, правда, нѣкоторую смуту, но она не потрясетъ общественнаго организма, а просто не привьется къ нему, какъ это случилось съ иными „преждевременными“, реформами Іосифа II Австрійскаго. Напротивъ, когда общество долго и долго остается безъ преобразованій самыхъ необходимыхъ, когда оно готово застыть въ отжившихъ формахъ и когда эти формы, ради спасенія организма, необходимо разбить вдругъ, тогда въ обществѣ происходятъ явленія, вызывающія скептическое отношеніе къ самой реформѣ.

Посмотримъ, какъ эти обстоятельства отразились на нашей практической жизни.

IV.

Потрясеніе, произведенное въ обществѣ отменою крепостнаго права, не подлежитъ сомнѣнію. Дѣйствіе его ощущается до настоящаго времени, хотя обыкновенно мы не можемъ дать себѣ отчета въ чемъ оно состояло и состоитъ. Между тѣмъ глазу сколько нибудь внимательнаго наблюдателя оно

представляется въ видѣ связнаго процесса, и характеръ этого процесса опредѣляется однимъ словомъ: разложеніе высшихъ классовъ нашего общества. Страшный процессъ, сопряженный съ гибелью и съ извращеніемъ многихъ, порождающій, на ряду съ свѣтлыми, много уродливыхъ явленій. „Такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ“. Обратимъ здѣсь вниманіе прежде всего на „стекло“, ибо „булатъ“ у насъ, въ день освобожденія крестьянъ, было не много.

Когда формы прежняго быта разбиваются разомъ, когда сотни тысячъ людей выбиваются изъ колеи, по которой шли ихъ отцы, и дѣды, и прадѣды, первая забота этихъ людей—устроить свое личное положеніе, пристроиться такъ или иначе. Въ прежнее время молодой „интеллигентный“ человѣкъ росъ на даровомъ хлѣбѣ, въ дѣдовской обстановкѣ и ясно предвидѣлъ все теченіе своего бытія. Сначала его „отдадутъ въ ученье, потомъ онъ исполнитъ стародавній долгъ „дворянина“ послужить отечеству, и, наконецъ, выйдетъ въ отставку въ чинѣ поручика или коллежскаго ассесора, и засядетъ въ деревнѣ, для бесѣдъ съ прикащикомъ, псовой охоты и „рощенія“ себѣ подобныхъ, которыхъ ожидала таже судьба. Эта нехитрая программа выполнялась всѣми одинаково, жизнь шла гладко, хоть и глупо, и каждый зналъ свой „предѣлъ“. Но вдругъ, съ 19-го февраля 1861 года оказалось, что судьба каждаго человѣка отнынѣ будетъ зависѣть отъ него самаго, отъ его личныхъ способностей, трудолюбія, предприимчивости. Нехитрое сельское хозяйство прежняго времени вдругъ нужно было поставить на „коммерческую ногу“, какъ всякое иное промышленное предпріятіе, рассчитывать, оборачиваться, подчиняться закону „спроса и предложенія“, умѣть обращаться съ вольнонаемнымъ трудомъ и т. п.

Это новое „требованіе времени“ было съ общеисторической точки зрѣнія высоко-нравственно, ибо оно призываетъ человѣка жить своимъ трудомъ, а не высасывать чужой, творить, а не покоиться на крѣпостныхъ душахъ, предпринимать, а не засыпать въ формахъ прадѣдовскаго хозяйства, однимъ словомъ, идти впередъ, обогащая не только себя, но и окружающихъ, возвышая не только свой умственный и нравственный уровень, но и содѣйствуя усовершенію другихъ.

Но не должно забывать къ какому обществу было обращено это требованіе. Правда, все русское общество рванулось впередъ въ шестидесятыхъ годахъ, съ самыми свѣтлыми, даже съ преувеличенными надеждами на будущее. Въ то время казалось, что

все возможно; все осуществимо. Но всё порыванія быстро раз-
бились о практическую и неотложную нужду каждаго: устроить
какъ нибудь свое личное существованіе. Эта нужда обостря-
лась, такъ сказать, серьезнымъ экономическимъ кризисомъ. По-
мѣщики, превратившіеся въ „землевладѣльцевъ“, оказались на
этой землѣ въ довольно оригинальномъ положеніи: безъ оборот-
наго капитала, безъ кредита и безъ хозяйственной опытности,
т. е., безъ тѣхъ условій, которыя нужны для всякаго предпріятія.
Многіе (если не большинство) не имѣли даже утѣшенія расчи-
тывать на выкупныя свидѣтельства, ибо они были обременены
долгами—наслѣдіемъ прежней не расчетливой и безпутной эпо-
хи. Если прибавить въ этому, что крымская война оставила
послѣ себя тяжкій финансовый и экономическій кризисъ, то мы
будемъ имѣть предъ собою довольно полную картину крушенія
и крушенія столь же внезапнаго, какъ и радикальнаго.

Среди такого внезапнаго крушенія естественно рождалась
потребность немедленнаго опредѣленія и устройства своей лич-
ной участи. Эта потребность развивалась въ страстное, неудер-
жимое стремленіе, если принять въ расчетъ, что лица, ее по-
чувствовавшія, не имѣли понятія о трудѣ, о томъ процессѣ,
какимъ накаплиются богатства и устраивается „участь“; что они
издавна удовлетворяли своимъ потребностямъ безъ усилій, при
помощи вѣрнопостага труда или въ долгъ, и что они попали въ
новыя условія съ широкими привычками даровой и безрасчет-
ливой жизни.

При такихъ усложненіяхъ на Руси раздался страшный, раз-
дирающій крикъ: дайте намъ обезпеченное положеніе, дайте его
сейчасъ, безъ всякихъ нашихъ усилій и въ надлежащемъ раз-
мѣрѣ! И пошла погоня за наживой, какою давно не видѣло
наше общество. На помощь къ этой погонѣ пришла масса но-
выхъ „предпріятій“, народившихся на свѣтъ вмѣстѣ съ новой
эрой: акціонерныя компаніи, желѣзныя дороги, банки, товари-
щества всѣхъ сортовъ. Все бросилось въ спекуляціи, въ ажіо-
тажъ, въ чаяніи легкой и богатой добычи. Замѣтимъ при этомъ,
что „идеалы“ этого новаго „промышленнаго“ общества созда-
вались при значительной помощи примѣра западной Европы.
Русскій „просвѣщенный“ дѣлецъ жадно присматривался къ про-
мышленной и биржевой оргіи, устроенной западно-европейскою
буржуазіею. Биржевая и акціонерная горячка, охватившая За-
падъ и завершающаяся теперь всякими „крохами“, проникла и
къ намъ, въ качествѣ „последняго слова“ культуры и попала
на благодарную почву.

Конечно, весьма многія изъ этихъ предпріятій по существу своему были полезны, необходимы: государство-вотчина должно было, наконецъ, приладиться къ промышленной Европѣ съ ея путями сообщенія, средствами кредита, съ ея способами соединенія личныхъ силъ для всякаго рода промышленныхъ цѣлей. Но у насъ это движеніе было, такъ сказать, ручьемъ, попавшимъ въ потокъ болѣе мощнаго движенія, слагавшагося изъ неудержимаго стремленія многихъ тысячъ, выбитыхъ изъ колеи, людей, захватить себѣ „приличное“ положеніе, съ еще болѣе приличнымъ состояніемъ. Стало быть, новыя предпріятія должны были прежде всего служить этимъ цѣлямъ личнаго „благополучія“ старыхъ по существу и духу, но новыхъ по вѣншему положенію людей, стремившихся наверхъ на этихъ предпріятіяхъ то, что было утрачено ими на крѣпостномъ правѣ. Здѣсь источникъ ожесточеннаго характера спекуляціи, дутыхъ предпріятій, растрагъ, безцеремоннаго обращенія съ акціонерами, съ владчиками, съ публикой, словомъ всего, что производитъ негодованіе и тошноту при взглядѣ на нашъ промышленный міръ. Юханцевъ, попавшій изъ офицеровъ Преображенскаго полка, въ кассиры банка, изъ кассировъ въ червонные валеты, только образчикъ, и не изъ крупныхъ, этого міра. Въ этой сферѣ встрѣтились старые откупщики и подрядчики, строившіе мосты, съ „написаніемъ дерева на двадцать тысячъ“; графы, князья, бароны, тайные и дѣйствительные статскіе совѣтники, вымаливающіе мѣста у этихъ новыхъ „строителей“, или продающіе свое вліяніе для испрошенія концессіи; ловкія дамы „проводящія дѣла“, и всякаго рода высоко и низко поставленные люди, пущенные судьбой по скату, въ концѣ котораго стоитъ высочій столбъ съ надписью—червонный валетъ.

На такой подкладѣ и въ такой атмосферѣ, конечно, не могло быть рѣчи о выработкѣ какого нибудь „міросозерпанія“, тѣмъ болѣе „міросозерпанія“ нравственнаго. Когда масса людей приведена въ хаотическое состояніе, когда каждый атомъ этой массы принужденъ думать объ устройствѣ своихъ личныхъ дѣлъ, онъ привыкаетъ ставить себя и свое матеріальное благосостояніе началомъ и концомъ всего сущаго и мало по-малу отбрасываетъ въ сторону всѣ нравственныя понятія, ибо всякій нравственный принципъ выводится изъ предположенія связи человека съ его „ближними“ и является нормою отношеній къ этимъ ближнимъ: „не убій, не укради, не прелюбо сотвори, возлюбь ближняго твоего какъ самого себя“. Но когда человекъ обращенъ въ естественное состояніе, когда принципъ „самосохраненія“ выступаетъ

во всей своей наготѣ, человѣкъ бросаетъ всѣ эти нравственные понятія, какъ ненужный баластъ, какъ препятствіе къ достиженію цѣли. Человѣкъ становится практическимъ, не въ смыслѣ, раскрытымъ Бэкономъ, призывавшимъ умственные силы человѣка къ побѣдѣ надъ природой и къ возвышенію общаго уровня человѣческаго благосостоянія, а въ смыслѣ умѣнья жить взаимнымъ раззореніемъ.

Мы не должны удивляться, что этотъ „практическій“ вѣкъ увидѣлъ такое пониженіе нравственного уровня и такое паденіе умственныхъ интересовъ, какового не видѣлъ даже міръ мертвыхъ душъ. Тамъ былъ, искусственно созданный, искусственно поддерживаемый интеллигентный слой, съ искусственно обезпеченнымъ досугомъ, которымъ онъ пользовался для своего личнаго духовнаго развитія и выработалъ въ себѣ душу, способную откликнуться на все живое и откликнувшись на призывъ къ освобоженію крестьянъ. Теперь жизни больше, больше людей спующихъ, суетящихся. Но весь вопросъ въ томъ, что живетъ въ этихъ людяхъ, какая часть человѣческаго существа говоритъ въ нихъ и заставляетъ ихъ суетиться? Есть-ли это часть духовная, образъ и подобіе Божіе, исканіе правды и преподобія истины, или голосъ плоти, взывающийъ — устраивайся и насыщайся, какъ кричалъ онъ во время великаго переселенія народовъ? Мы не ошибемся, сказавъ, что этотъ послѣдній голосъ кричитъ сильнѣе перваго, если только не кричитъ онъ одинъ.

Когда всѣ отношенія и занятія поставлены подъ одинъ уголъ зрѣнія и когда этимъ угломъ зрѣнія является вопросъ объ устройствѣ личной „судьбы“, самая жизнь общественныхъ учреждений принимаетъ своеобразный характеръ.

Реформы новаго времени открыли много новыхъ путей къ общественной дѣятельности. Между этими путями первое мѣсто занимаетъ, конечно, поприще мѣстнаго самоуправленія. Здѣсь могли показать себя интеллигентныя силы, накопленныя въ прежнее время. Къ сожалѣнію, это мѣстное самоуправленіе до настоящаго времени остается вопросомъ, по причинамъ, лежащимъ какъ внѣ „интеллигентной“ массы, такъ и въ ней самой. Здѣсь мы намѣрены сказать о причинахъ втораго порядка; о первыхъ будетъ сказано ниже.

„Интеллигенція“ могла дать силу и значеніе мѣстнымъ установленіямъ, сдѣлать изъ нихъ основу для дальнѣйшихъ реформъ, подъ однимъ условіемъ: сойтись съ народомъ, сдѣлаться его естественнымъ, законнымъ и довѣреннымъ представителемъ. Но для этого ей слѣдовало быть на мѣстахъ, крѣпко сидѣть на

этой землѣ, сдѣлать ее источникомъ своего богатства и вліянія, полюбить свой уголь, сродниться съ мѣстными интересами, понимать ихъ такъ, чтобы ихъ пониманіе было, такъ сказать, квинтэссенціею разумѣнія всего мѣстнаго населенія. На дѣлѣ этого не случилось.

Конечно, „интеллигенція“ явилась въ мѣстныхъ „собранія“ не безъ идей. Но эти идеи были результатомъ предварительнаго теоретическаго образованія и плохо ладили съ мѣстными нуждами. Въ мѣстныхъ учрежденіяхъ и ихъ дѣйствіи они искали удовлетворенія на свои субъективные запросы, составленные по самоновѣйшимъ сочиненіямъ, и когда эти запросы оставались безъ удовлетворенія, они махали рукою на „мѣстные вопросы“. Въ существѣ они оставались людьми чужими мѣстному населенію, производили впечатлѣніе господъ прежняго времени, неожиданно попавшихъ на крестьянскую свадьбу.

Таково было положеніе сравнительно лучшихъ людей, не говоря уже о массѣ. Въ глазахъ массы, служба по земскимъ выборамъ была поставлена въ одинъ рядъ съ прочими „мѣстами“, способными обезпечить положеніе ихъ обладателей. Но, весьма естественно, что съ этой точки зрѣнія „мѣста“ по земской службѣ не могли конкурировать съ другими „мѣстами“ на службѣ желѣзнодорожной, банковской, и даже государственной, поскольку она сопряжена съ хорошими окладами и акциденціями. При всеобщемъ исканіи „мѣсть“ произошло нѣчто, напоминающее процессъ распредѣленія поземельной собственности, какъ его описываетъ Ривардо. Сначала заняты были тучныя и плодородныя мѣстности, въ видѣ акцизныхъ управленій, разныхъ „правленій“ въ акціонерныхъ компаніяхъ, потомъ слѣдовали мѣстности уже насиженныя, но продолжавшія привлекать „интеллигентныя“ силы—таковы департаменты въ разныхъ центральныхъ управленіяхъ; наконецъ, въ самомъ низу іерархіи были помѣщены песчаныя, лѣсистыя и болотистыя мѣста земскаго самоуправленія, дававшія „ренту“ развѣ въ томъ случаѣ, если дѣятелямъ удавалось примазать земство къ общей понтировке по дѣламъ желѣзнодорожнымъ, банковымъ, водопроводнымъ и другимъ. Весьма естественно, что эти мѣстности населялись людьми не перваго и даже не втораго, а третьяго разбора, тогда какъ „сливки“ бросали мѣстности и родныя деревни для „ренты“ болѣе высокихъ.

При такомъ положеніи вещей весьма трудно говорить объ обществѣ знающемъ откуда и куда оно идетъ, чего оно хо-

четь въ общественномъ смыслѣ и могущемъ осуществить свои желанія.

Когда всякія мѣста и поприща оцѣниваются съ точки зрѣнія „ренты“, можно ли ожидать, что человѣкъ поклонится мѣстному самоуправленію, какъ зародышу новаго бытія и отвернется отъ инаго „поприща“, выражающаго отживающую идею, напримеръ, идею централизаціи и административной опеки? Самоуправленіе возможно только въ той странѣ, гдѣ люди смотрять на общественное служеніе, какъ на естественное дополненіе и послѣдствіе своего личнаго положенія на мѣстахъ; когда они видятъ въ занятіи этихъ мѣстъ обязанность; когда они идутъ на эти мѣста такъ же вольно и непринужденно, какъ наши предки шли въ поля; когда, однимъ словомъ, на человѣка, не служащаго такъ или иначе земству, будутъ смотрѣть такъ же удивленно, какъ прежде смотрѣли на „неслужащаго дворянина“.

Тогда „мѣстное самоуправленіе“ дѣйствительно обратится въ твердую исходную точку нашего развитія къ новому и лучшему. До тѣхъ же поръ всякія разсужденія о сравнительныхъ достоинствахъ децентрализаціи и централизаціи, земскаго представительства и бюрократіи, самоуправления и опеки, останутся разсужденіями, не имѣющими практическаго значенія. Кромѣ того они будутъ вредными разсужденіями, въ томъ смыслѣ, что всегда будутъ набрасывать тѣнь на искренность разсуждающаго и даже на достоинство проповѣдуемыхъ имъ принциповъ. Когда человѣкъ, въ силу теоретической привычки, твердитъ о пользѣ самоуправления и, въ то же время, ради „ренты“ занимаетъ мѣсто, съ которымъ сопряжены мѣропріятія въ духѣ централизаціи и опеки, онъ производитъ впечатлѣніе человѣка, дѣлающаго не то, что думаетъ, и думающаго не то, что дѣлаетъ, словомъ, призрака, человѣка лжи, лгущаго другимъ и себѣ.

Не требуйте отъ него, чтобы онъ сказалъ вамъ, куда мы идемъ: онъ этого не знаетъ и едва ли думалъ серьезно объ этомъ. Еще меньше можетъ онъ отвѣтить на вопросъ куда мы должны идти. При той привычкѣ прилаживаться къ внѣшнимъ обстоятельствамъ, согласовать несогласуемое и примирять непримиримое, какая вырабатывается въ личной „борьбѣ за существованіе“ въ передѣлкѣ на русскій ладъ, онъ не въ состояніи будетъ поставить себѣ вопросъ прямо и отвѣтить на него откровенно. Явятся наши знаменитые „съ одной стороны, съ другой стороны, принимая во вниманіе то и это, не упуская изъ виду другаго и третьяго“, однимъ словомъ, все, что изобрѣтено для успокоенія совѣсти современнаго человѣка.

Такимъ образомъ, интеллигенція наша живетъ еще въ видѣ неорганизованной массы, т. е., въ видѣ атомовъ, не имѣющихъ крѣпкой точки опоры въ мѣстности, въ видѣ беспорядочной толпы, снующей по всѣмъ направленіямъ, въ погонѣ за обезпеченнымъ положеніемъ, безъ коллективнаго міросозерцанія и безъ признанной всѣми общественной цѣли. Если она и имѣетъ какіе нибудь теоретическіе идеалы, то въ качествѣ остатка и воспоминанія отъ временъ юности, ни для кого не обязательнаго, удобнаго для частной критики, но непригоднаго для дѣйствія. Въ немъ нѣтъ существеннаго признака дѣйствительнаго міросозерцанія: цѣльности. То, что называется нашимъ міросозерцаніемъ, есть ничто иное, какъ механическое собраніе разныхъ мнѣній, часто противорѣчивыхъ. Въ немъ найдется и отрывокъ изъ деклараціи правъ 1789 года, и кусокъ изъ рѣчей Лассаля, и мѣста изъ „Жирондистовъ“ Ламартина, изъ „Экономическихъ Противорѣчій“ Прудона, изъ „Свободы“ Милля, и изъ „Общественнаго Договора“ Руссо и цитаты изъ Монтескье и Гнейста. Все это придаетъ игривость частной бесѣдѣ — *variatio delectat*—но непригодно для дѣйствій, ибо въ мірѣ „дѣйствій“, по выраженію Милля, одинъ человѣкъ съ убѣжденіями стоитъ девяносто девяти съ мнѣніями.

Египеть, съ его рабствомъ и рабскимъ трудомъ надъ пирамидами, остался позади насъ и самый слѣдъ въ него залить волнами Чермнаго моря. Но обѣтованная земля еще далеко и, повидимому, надъ новымъ Израилемъ тяготѣетъ Божій запретъ: не войдетъ онъ въ эту землю, пока не истлѣютъ кости тѣхъ, кто вышелъ изъ Египта и зналъ египетское рабство. И какъ имъ войти? Они сами не вѣрятъ въ дѣло своего освобожденія, сами оглядываются назадъ, вспоминая о яствахъ египетскихъ, сами отвертываются отъ скрижалей завѣта и сливаютъ себѣ золотого тельца, и оборачиваютъ свои немощныя головы къ мѣданому змію только въ минуту бѣдствій, и идутъ по пустынѣ задыхаясь, съ проклятіями, безъ сознанія цѣли и причины своего странствія. Переходное время!

V.

Не одно общество было застигнуто въ располхъ крестьянской реформой. Правительственныя и законодательныя сферы находились въ томъ же положеніи. Теперь, на разстояніи пят-

надцати лѣтъ, на это положеніе можно и должно взглянуть объективно.

Когда человекъ собирается дать толчокъ извѣстному предмету, онъ, разумѣется, расчитываетъ всѣ послѣдствія толчка, какъ ближайшія, такъ и отдаленныя. Иныхъ онъ желаетъ, другія—старается предотвратить. Эти соображенія, когда толчокъ слишкомъ силенъ, заставляютъ его относиться скептически къ самому толчку, дабы онъ не произвелъ послѣдствій, нежелательныхъ, въ данную минуту, по тѣмъ или другимъ причинамъ. Наконецъ, когда толчокъ требовалъ большаго напряженія силъ, когда рядъ послѣдствій добытъ нѣсколькими сильными ударами, человекъ склоненъ думать, что дальнѣйшіе удары поведутъ къ послѣдствіямъ нежелательнымъ и онъ останавливается въ своей работѣ.

Это сравненіе объяснить многіе изъ фактовъ, на которые намъ придется указать.

Въ концѣ пятидесятихъ годовъ, когда рѣчь зашла о перемѣнѣ фундамента нашего общественнаго зданія, въ обществѣ родились всевозможныя стремленія и надежды, частью преувеличенныя. Объективно разсуждая, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго и прискорбнаго. Если рѣчь зашла о существенномъ фундаментѣ стараго времени, то почему нельзя было разсуждать о разныхъ иныхъ фундаментахъ и зданіяхъ, на нихъ воздвигнутыхъ? Напротивъ, это слѣдовало сдѣлать, ибо вѣрностное право, какъ мы видѣли, давало тонъ всѣмъ установленіямъ, накладывало печать на всѣ явленія. Новый міръ, очевидно, могъ выйти только изъ новыхъ условій и новаго міросозерцанія. И эти „міросозерцанія“ со всею страстью разрабатывались и въ домашнихъ кружкахъ, и въ общественныхъ собраніяхъ, и въ газетахъ, и въ толстыхъ журналахъ. Разумѣется само собою, что только часть этихъ стремленій могла сдѣлаться общою и для массы общества, и для правительства. Ими опредѣлился кругъ совершенныхъ реформъ, и всѣ онѣ были задуманы приблизительно въ одно и то же время: реформа крестьянская, земская, судебная, городская и по дѣламъ печати.

Но преувеличенныя надежды, возлагавшіяся на „новое время“, нѣкоторыя симптомы броженія, нѣкоторыя „новыя слова“, шедшія въ разрѣзъ съ общимъ настроеніемъ, вызывали опасенія какъ за самыя реформы, такъ и за ихъ послѣдствія. Все это было въ порядкѣ вещей. Не нужно забывать, кромѣ того, что по мѣрѣ движенія преобразованій подымала голову партія, все не думавшая разрывать съ преданіями стараго порядка. Она

была составлена изъ людей разныхъ типовъ: крѣпостниковъ безпримѣсныхъ, не тронутыхъ „культурою“ и даже отрицавшихъ эту культуру, какъ источникъ всякихъ „неустройствъ“, и людей quasi-культурныхъ, отрицавшихъ реформы во имя „порядка“, образецъ котораго они видѣли въ имперіи Наполеона III. Аргументація людей перваго типа была довольно проста: мужиковъ не слѣдовало освобождать, ибо что же будутъ дѣлать мужики безъ помѣщика какъ не безчинствовать и воровать. „Слова“ другихъ людей, при общемъ мотивѣ съ первыми, были хитрыѣ. Они служили умственно отвлечь понятія общества и правительства и доказывать, что въ совершенныхъ реформахъ содержится рядъ „уступокъ“, сдѣланныхъ правительствомъ „обществу“, что эти уступки ведутъ къ ослабленію правительственнаго авторитета и что поэтому правительство должно вооружиться новыми средствами для предстоящей ему борьбы съ обществомъ. Нельзя сказать, чтобы эти слова проходили безслѣдно, и вліяніе ихъ легко объясняется тѣми условіями, среди которыхъ совершились наши реформы.

Мы не станемъ излагать исторію примѣненія реформъ; это потребовало бы слишкомъ много мѣста. Но наша цѣль будетъ достигнута, если мы представимъ здѣсь рядъ крупныхъ фактовъ, характеризующихъ современное положеніе вещей и объясняющихъ свойства нашего времени, какъ времени „переходнаго“. Существенные признаки такого времени состоятъ въ томъ, что инны новыя учрежденія остаются недостроенными, что рядомъ съ новымъ держится много стараго, съ нимъ несогласуемаго, и настолько еще живаго, что оно пускаетъ свои ростки даже въ область новаго. Всѣ эти признаки можно найти и въ современномъ положеніи вещей.

Впечатлѣніе незаконченности производить, прежде всего, самая важная изъ всѣхъ совершившихся реформъ — реформа крестьянская. „Положеніе о крестьянахъ“ намѣтило двѣ главныя цѣли преобразованія: освобожденіе крестьянской личности (цѣль юридическая) и хозяйственное обезпеченіе крестьянства (цѣль экономическая). Конечно, обѣ эти ближайшія цѣли, при надлежащемъ осуществленіи ихъ, должны были привести къ одному общему результату: къ образованію изъ крестьянства самостоятельнаго и равнаго со всѣми другими элементами русскаго общества. Но такой результатъ могъ получиться только при помощи ряда мѣръ, дополнявшихъ и развивавшихъ „Положеніе „19 Февраля“.

До отмѣны крѣпостнаго права въ обществѣ и законодатель-
Кн. III.—Мартъ, 1879.

ствѣ существовалъ одинъ цѣльный взглядъ на крестьянство. Именно „крестьянинъ“ вообще рассматривался какъ известная рабочая сила, прикрѣпленная къ землѣ для отбыванія повинностей всякаго рода, и эти „повинности“ являлись какъ-бы специфическимъ признакомъ „податной“ Россіи, рѣзко отдѣленной отъ Россіи не податной, привилегированной. Въ дѣйствительности на крестьянствѣ лежало не одно, а два крѣпостныхъ права: частное и государственное. Безобразный, острый характеръ частнаго крѣпостнаго права былъ причиной, что второй видъ отступалъ на задній планъ и, такъ называемые, государственные крестьяне производили впечатлѣніе свободныхъ поселенцевъ. Но, по упраздненіи помѣщичьей власти, государственное крѣпостное право выступило изъ тѣни съ рѣзкими чертами стараго порядка.

Старое раздѣленіе Россіи на податную и неподатную, на Россію, имѣющую только финансовое значеніе и другую, активно живущую, осталось во всей силѣ. Поэтому, и законодательный терминъ: „свободный сельскій обыватель“ не производитъ цѣльнаго впечатлѣнія, особенно въ эпоху сословную. „Свободный сельскій обыватель“ отдѣленъ отъ другихъ „обывателей“ платежомъ подушной подати, лишеніемъ права поступать въ государственную службу, примѣненіемъ къ нему наказанія розгами, какъ за „провинности“, такъ и за неплатежъ податей, особенно строгою паспортною системою и т. д. Всѣ эти различія имѣютъ не только важное юридическое значеніе, въ томъ смыслѣ, что онѣ препятствуютъ сліянію сословій и ослабляютъ до мінімума самостоятельность и безопасность крестьянской личности, но и влекутъ за собою важныя экономическія послѣдствія.

Во первыхъ, не слѣдуетъ забывать, что осуществленіе экономической стороны крестьянской реформы, т. е. выкупной операціи, даже при весьма благопріятныхъ условіяхъ, требовало большихъ усилій со стороны крестьянскаго сословія, такъ какъ, говоря простымъ языкомъ, крестьяне купили землю въ долгъ и за занятые деньги платятъ проценты. Поэтому, экономическое развитіе крестьянства зависѣло отъ того, въ какой мѣрѣ ему удастся подняться надъ тѣмъ уровнемъ, въ которомъ его застало освобожденіе. При такомъ условіи чрезвычайно важенъ тотъ фактъ, что крестьянство осталось въ положеніи податной массы на прежнемъ основаніи, т. е., что на немъ лежитъ главная часть финансовой тягости и что оно прикрѣплено къ землѣ, какъ въ лучшія времена „вотчиннаго“ государства.

Результаты такого положенія не замедлили обнаружиться.

Труды правительственной податной комисіи засвидѣтельствовали, что крестьянское хозяйство не въ состояніи покрывать съ надѣловъ крестьянскаго бюджета, со включеніемъ податей, и что крестьянинъ принужденъ отдаваться отхожимъ промысламъ, въ расчетъ на заработокъ. Податная комисія засвидѣтельствовала фактъ, подтверждаемый всѣми наблюденіями, что уровень крестьянскаго благосостоянія не только не повысился, а скорѣе понизился. Объясненіе этого факта кроется во множествѣ причинъ, хотя иные публицисты видятъ только одну: народное пьянство.

Они забываютъ, что по размѣру потребления вина Россія стоитъ далеко не на первомъ мѣстѣ въ ряду европейскихъ государствъ, и что пьянство вовсе не тождественно съ большимъ годовымъ потребленіемъ крѣпкихъ напитковъ, если это потребленіе равномерное. Пьянство есть фактъ гораздо болѣе психическій, чѣмъ матеріальный и, въ качествѣ такового, является результатомъ, а не причиной. Не потому человекъ находится въ ненормальномъ состояніи, что онъ пьянствуетъ, а наоборотъ. Какъ фактъ психическій или вѣрнѣе психиатрический, пьянство является обыкновенно результатомъ такихъ условій, при которыхъ человекъ не можетъ подняться надъ своимъ низкимъ матеріальнымъ и нравственнымъ уровнемъ, когда онъ не можетъ „поправиться“ и обращается въ гулячаго человека.

Именно эти условія „поправленія“ и остались внѣ дѣйствія законодательства, не смотря на то, что многія реформы въ этомъ смыслѣ задуманы давно. Много лѣтъ трудится податная комисія; долго работала комисія о пересмотрѣ паспортной системы; чрезвычайно долго идетъ дѣло и о новомъ порядкѣ укрѣпленія правъ на имущество, настоятельно необходимыхъ для нуждъ сельскихъ обывателей, ибо только тогда откроется для нихъ возможность приобрѣтенія мелкихъ земельныхъ участковъ, совершенно необходимыхъ при недостаточности крестьянскихъ надѣловъ.

Мы упомянули здѣсь только о тѣхъ вопросахъ, настоятельность рѣшенія которыхъ признана официально. Но имѣется рядъ другихъ вопросовъ, тѣсно соприкасающихся съ „народнымъ бытомъ“ и не затронутыхъ въ такой мѣрѣ даже „въ проектахъ“. Сюда относится прежде всего фабричный вопросъ.

Не смотря на то, что Россія не есть страна промышленная въ западно-европейскомъ смыслѣ, было бы однако заблужденіемъ думать, что она живетъ исключительно „земледѣіемъ“. Напротивъ, фабрики и фабричное населеніе растутъ, но остаются безъ всякаго законодательнаго вліянія. Наше дѣйствующее

законодательство по этому предмету относится цѣликомъ къ эпохѣ крѣпостнаго права, когда вольнонаемный трудъ былъ исключеніемъ, при крѣпостномъ или „приписномъ“ трудѣ, какъ общемъ правилѣ. Тогда законодатель могъ ограничиться не многими статьями, изображенными въ уставѣ фабричномъ и въ законахъ гражданскихъ, т. е., поставить вольнонаемный трудъ подъ дѣйствіе общихъ правилъ о личномъ наймѣ.

Но теперь условія измѣнились, вольнонаемный трудъ сдѣлался общимъ правиломъ: массы рабочихъ видятъ въ фабричномъ трудѣ постоянное средство существованія или одинъ изъ „отхожихъ промысловъ“. Измѣнилось-ли законодательство сообразно этимъ условіямъ? Ни на одну букву. Вся эта важная область отдана въ безконтрольное распоряженіе „хозяевъ“, и ни одинъ глазъ не осмѣливается заглянуть сюда подъ опасеніемъ упрека въ „соціализмъ“. У насъ нѣтъ законовъ, ограждающихъ дѣтскій трудъ и ограничивающихъ пользованіе трудомъ женскимъ. Сколько же тысячъ женскихъ и дѣтскихъ существованій замѣнуто въ фабричной атмосферѣ, выражаясь физически и извращаясь нравственно? Статистика административная и медицинская молчатъ и только частныя наблюденія приподнимаютъ завѣсу съ картины, далеко неприглядной. Чѣмъ дышать рабочіе на фабрикахъ, чѣмъ питаются, какая вода попадаетъ имъ въ желудокъ? Новое молчаніе, не смотря на то, что частныя наблюденія намекаютъ и на зараженный воздухъ, и на недоброкачественные припасы, и на злокачественную воду. Какъ расчитываются хозяева съ рабочими? Новая неизвѣстность. Правда законъ воспрещаетъ хозяевамъ расчитываться съ рабочими товарами и вообще „натурой“. Но ничто не препятствуетъ хозяину „продавать“ рабочимъ разные предметы изъ открытой имъ лавки и даже фактически обязывать ихъ къ „пріобрѣтенію“ товаровъ изъ своей лавки или напитковъ изъ своего кабака. Тѣже частныя наблюденія свидѣтельствуютъ насколько грубы и безцеремонны приемы для извлеченія изъ кармана рабочаго его заработка. Коротко говоря, элементарные приемы для огражденія здоровья, жизни и скромнѣйшихъ правъ фабричнаго населенія еще не проникли въ наше законодательство. Не говоримъ уже о болѣе сложныхъ вопросахъ регулированія задѣльной платы: они начисто устраняются дѣйствующимъ закономъ.

Съ страннымъ чувствомъ обращаемся мы къ 1861 году. Онъ похожъ на „либеральную“ мать, неожиданно родившую „свободнаго“ ребенка и затѣмъ оставившую его на попеченіи чужихъ людей, вовсе нерасположенныхъ пещись о немъ. Оставлен-

ный безъ призора, онъ растетъ въ бѣдности, бросаясь съ своего оскудѣвшаго „надѣла“ то на фабрики, гдѣ онъ встрѣчается съ сильнымъ аппетитомъ „хозяевъ“, то въ рискованные отхожіе промыслы, усваиваетъ дурныя привычки, пьетъ, заражается сифилисомъ. Гдѣ противодіе злу? Въ школахъ?

Да, она была бы нужна, эта школа. Въ 1861 году законъ освободилъ миллионы людей, но ненадо забывать, что люди эти по закону назывались крѣпостными и росли среди условій, приближающихъ человека къ животному. Когда, въ 1863 году, съверъ Америки освободилъ рабовъ южныхъ штатовъ, онъ двинулъ туда, вслѣдъ затѣмъ, цѣлую армию народныхъ учителей, ибо видѣлъ въ этомъ главное средство подготовить „цвѣтныхъ“ людей для гражданской жизни. Мы освободили не цвѣтныхъ, а себѣ подобныхъ, единокровныхъ и единовѣрныхъ людей, тѣхъ, рядомъ съ которыми мы идемъ въ церковь, тѣхъ, что мы называемъ „православными“—и гдѣ же наши школы? До свѣдѣнія общества доходитъ гораздо больше слуховъ о разныхъ „препятствіяхъ“ по школьному дѣлу, претериваемыхъ земствами, чѣмъ о „прогрессахъ“ народнаго образованія.

Мы указали на нѣкоторые примѣры недоконченности реформъ 1861 года, заставляющіе думать о томъ, что же, наконецъ, выйдетъ изъ этого огромнаго и прекраснаго по натурѣ своей ребенка, именуемаго русскимъ народомъ? Къ какому результату приведетъ школа первобытнаго и скудѣющаго хозяйства, безпризорныхъ фабрикъ, отхожихъ промысловъ, сильнаго развитія акціонной системы, безграмотства и омертвенія церкви?

Не меньше раздумья рождаетъ и другое обстоятельство: серьезный разладъ между новыми учреждениями и сильными остатками старыхъ порядковъ. Разладъ этотъ не формальный только, а принципиальный, вслѣдствіе чего иногда являются опасенія за судьбу не только новыхъ учреждений но и принциповъ въ нихъ вложенныхъ.

Укажемъ на одинъ элементарный примѣръ. Судебные уставы 1864 года произвели на общество свѣтлое впечатлѣніе между прочимъ потому, что въ нихъ оно прочло подобіе знаменитаго англійскаго аѣжіо: „nullus liber homo cariatur vel imprisonetur aut dissaisiatur aut utlagetur aut exuletur aut aliquo destruat. . . nisi per legale iudicium parium suorum, vel per legem terrae“. На самомъ дѣлѣ судебные уставы заключали въ себѣ существенныя гарантіи личной безопасности, домашняго покоя и чести. Но изданные въ замѣну второй части XV тома, они не распространили свое дѣйствіе на прочіе томы; специально же внѣ ихъ вліанія

остался томъ XIV и, еще специальный уставъ „о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій“, сложившійся въ эпоху административнаго полновластія, слѣдовательно, не заключающій въ себѣ обезпеченій ни для личности, ни для ея дома.

Этотъ разладъ, въ его практическомъ дѣйствіи, естественно рождаетъ горькое чувство, гораздо болѣе горькое, чѣмъ въ то время, когда и XIV и XV томы были построены на однихъ и тѣхъ же началахъ, когда власть судебная была поставлена въ зависимость отъ административной и слѣдственная часть находилась въ рукахъ полицейскихъ властей. Но въ настоящее время порядокъ дѣйствія, установленный для судебныхъ властей, какъ будто долженъ оттѣнять иной порядокъ, оставшійся для полицейскихъ властей и оттѣнять съ невыгодной для послѣднихъ стороны. Едва-ли это выгодно для поддержанія авторитета самой полицейской власти, если подъ „авторитетомъ“ разумѣть не физическую только силу, а „власть“, основанную на нравственномъ довѣріи и убѣжденіи. И судебная, и полицейская власти должны быть органами одного и того же государства, слѣдовательно одинаково должны соответствовать тому типу, который государство приняло или желаетъ принять въ данную минуту. При различномъ же типѣ учреждений, установленія стараго типа и старой „практики“, дѣлаютъ впечатленіе контраста и контраста довольно раздражающаго характера.

Но разладъ и контрасты идутъ гораздо дальше, выражаясь въ цѣлой системѣ учреждений. Земскія и городскія учрежденія дѣйствуютъ — первыя въ теченіи 14-ти, вторыя въ теченіи 8-ми лѣтъ. За это время ихъ положеніе въ ряду другихъ учреждений опредѣлилось настолько, что мы можемъ высказаться о впечатлѣніи, производимомъ всею „системою“ старою и новою. Въ моментъ своего появленія, земскія учрежденія привѣтствовались какъ первый шагъ въ преобразованіи всего мѣстнаго управленія. Такъ на нихъ смотрѣли, такое значеніе онѣ должны были имѣть. Дѣйствительно земскія учрежденія, какъ будущее, какъ цѣль реформы, имѣли высокой смыслъ и общество взглянуло на нихъ именно съ этой точки зрѣнія. Но въ данномъ своемъ объемѣ, и въ данномъ кругѣ пракческаго дѣйствія, учрежденія эти произвели не перемену системы, а внесли разладъ въ существующія отношенія.

Въ губерніи, а особенно въ уѣздѣ явились какъ бы двѣ системы установленій: система общественно-земская и система правительственная, первая воплотила въ себѣ идеи новаго времени,

вторая—старого. Первая основывала свои дѣйствія на положеніи о земскихъ учрежденіяхъ, вторая держалась на почвѣ полицейскихъ наказовъ и уставовъ прежняго времени, не пересмотрѣнныхъ и вовсе не согласованныхъ съ первыми, хотя устройство полиціи и было преобразовано временными правилами 1862 года. Такое „несогласованіе“ было особенно важно потому, что полицейскіе уставы содержатъ въ себѣ множество предметовъ вѣдомства, тождественныхъ съ предметами предоставленными земству. По новому порядку земство печется о народномъ продовольствіи, здравіи, путяхъ сообщенія и т. д. По старымъ правиламъ о томъ же „печется“ полиція. При такой совмѣстности невольно рождается вопросъ: „кто же“ будетъ пещись въ дѣйствительности и не представляется ли въ этомъ опасности „недоразумѣній и пререканій?“ Соображая, однако, наличныя средства законодательства и практики, нельзя не придти къ заключенію, что шансы расположены въ пользу полиціи, ибо она есть истинная правительственная власть въ мѣстности и разсматривается закономъ какъ таковая, а „земство“ разсматривается какъ элементъ виѣшній, особый, даже частный, въ родѣ акціонерной компаніи. Для него изобрѣтено даже особое слово: общественное учрежденіе. Стало быть оно есть представитель нѣкотораго „общества“ въ отличіе и даже противоположеніе къ „правительству“. Отсюда само собою понятно, что всякое „разномысліе“ земства съ коронными органами получаетъ характеръ борьбы двухъ „элементовъ“, нѣкотораго „антагонизма“ противу устава благочинія.

И такъ мы присутствуемъ при „существованіи“ двухъ системъ и двухъ порядковъ учреждений. Земство призвано къ развитію и по немногу развивается; но рядомъ съ нимъ развиваются и исправникъ, и становой, имѣющіе свои корни въ совершенно иной, дореформенной почвѣ. Начало раздвоенія не только не разсматривается какъ нѣчто временное, но вошло органически въ послѣдующее законодательство. Новый актъ — городское положеніе 1870 года построено на тѣхъ же началахъ различенія правительственнаго и общественнаго. Но кромѣ этихъ двухъ системъ не найдемъ ли мы еще третьей?

Она на лицо. Сословно-крестьянское самоуправленіе стоитъ рѣшительнымъ особнякомъ отъ управленія земскаго, хотя земство и должно бы быть центромъ единенія всѣхъ сословій. Куда примыкаютъ волости и сельскія общества? Свое истинное развитіе онѣ могли бы получить, конечно, въ связи съ установленіями земскими. Но такой связи не существуетъ, хотя, по нѣкоторымъ дѣламъ, они и подчинены земскимъ управамъ и

собраниямъ; хотя губернскія земства и выбираютъ непремѣнныхъ членовъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ. Но зависимость не есть единеніе, особенно если прибавить, что эта зависимость отдаленна и случайна сравнительно съ дѣйствительною зависимою крестьянскихъ властей отъ полицейскихъ властей.

При такомъ положеніи, трудно говорить объ опредѣленной системѣ нашихъ мѣстныхъ учреждений, ибо система предполагаетъ единство основанія и началъ. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ быстрое размноженіе всякихъ „присутствій“, предназначенныхъ сглаживать и соединять то, что въ натурѣ разрознено и шероховато. Крестьянскія учреждения имѣютъ главу въ уѣздномъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, подъ главнымъ смотрѣніемъ присутствія губернскаго; города имѣютъ свое губернскае по городскимъ дѣламъ присутствіе; земства поставлены подъ прямой надзоръ губернатора. Если прибавить къ этому училищныя совѣты, присутствія по воинскимъ дѣламъ, распорядительныя и всякія другія комитеты, то мы получимъ понятіе о нашемъ мѣстномъ управленіи, какъ о совокупности разныхъ зданій и пристроекъ, сооруженныхъ въ разное время и даже въ виду различныхъ нравовъ людей, въ нихъ обитающихъ.

Какой стиль возобладаетъ, наконецъ, въ этомъ архитектурномъ смѣшеніи, какіе нравы возьмутъ верхъ, какіе элементы сдѣлаются почвою? На эти вопросы нѣтъ пока отвѣта, хотя проектовъ не мало.

Нельзя далѣе не видѣть, что, въ послѣднее время, въ проектахъ, какъ по этой, такъ и по другимъ частямъ управленія, господствуетъ скептическое отношеніе къ исходнымъ началамъ реформъ.

Въ этомъ отношеніи, пробивается стремленіе, такъ сказать, къ поправкамъ всего, что совершилось съ 1861 года, духъ пересмотра разныхъ новыхъ уставовъ и учреждений. Не стоить перечислять всего, что подверглось пересмотру, это заняло бы слишкомъ много мѣста. Достаточно указать, въ качествѣ выдающихся примѣровъ, на существенныя измѣненія въ законѣ о печати 1865 года, на предложенныя „пересмотры“ многихъ другихъ новыхъ уставовъ, на сильное видоизмѣненіе требованій судебныхъ уставовъ въ практикѣ послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ и т. д.

Мы указали на главные черты нашего времени и ограничились даже формальною, такъ сказать, стороною, т. е., движеніемъ законодательства, не вдаваясь въ практику, гдѣ эти

черты выступили бы еще рѣзче. Но даже приведенные факты достаточно объясняютъ, почему ни одинъ человекъ, самый прозорливый, наиболѣе вѣрующій въ силу толчея, даннаго Россіи въ 1861 году, не въ состояніи опредѣлить куда мы идемъ? Люди же непрозорливые и мало имѣющие дѣла съ какими нибудь „началами“ не только не въ состояніи отвѣтить на этотъ вопросъ, но едва ли они отвѣтятъ на другой, менѣе сложный: откуда мы идемъ? Но путешествіе, въ которомъ не видно ни начала, ни конца, производитъ странное впечатлѣніе на человѣческую душу. Человѣкъ уже такъ созданъ, что ему хочется видѣть ясно начало и конечную цѣль своего бытія, ибо, только при этомъ условіи, жизнь получаетъ для него опредѣленное содержаніе и смыслъ, и только тогда онъ чувствуетъ себя бодрѣе, счастливѣе и готовѣе на трудъ.

VI.

Свойства „переходнаго времени“ достаточно объясняютъ, почему старая болѣзнь приняла въ настоящее время болѣе острый характеръ. Будемъ надѣяться, что этотъ острый характеръ свидѣтельствуетъ о кривисѣ, о переломѣ недуга, о поворотѣ дѣла къ лучшему. Но, во всякомъ случаѣ, необходимо имѣть въ виду истинное положеніе дѣлъ и причины, его создавшія.

Когда общество поглощено медленною и трудною работою своего перерожденія, когда значительная часть этого труда посвящена устройству личной судьбы каждаго—сила умственныхъ интересовъ и нравственныхъ идеаловъ должна была оскудѣть въ этомъ обществѣ и притомъ въ двойномъ отношеніи.

Во первыхъ, жаркая „борьба за существованіе“ создала изъ части общества, именно изъ „земнородныхъ“ въ Платоновомъ смыслѣ, людей „практическихъ“, дѣльцовъ, цѣли, идеалы и процедура которыхъ не могутъ, конечно, сдѣлаться почвою нравственныхъ стремленій. Во вторыхъ, при общей неопредѣленности положенія, даже люди не „земнородные“ не могутъ опредѣленно и ясно формулировать нравственныя требованія своей эпохи.

При такихъ условіяхъ, вліяніе западно-европейскихъ теченій на людей, живущихъ теоретическими интересами, должно было усилиться въ чрезвычайныхъ размѣрахъ и всякое первенствующее теченіе тамъ, должно было получить первенство и у насъ. Но, между всѣми вопросами, поставленными на очередь западно-европейскою цивилизаціею, первое мѣсто, въ послѣднее

время, занималъ рабочій вопросъ, а между всѣми теоріями его рѣшенія, социализмъ затемнилъ всѣ другія. Не должно забывать притомъ, что социализмъ не есть только теорія рѣшенія рабочаго вопроса. Рѣшая, въ извѣстномъ смыслѣ, этотъ вопросъ, онъ ставитъ, въ зависимость отъ его рѣшенія, коренное измѣненіе всѣхъ человѣческихъ отношеній и стремленій. Онъ даетъ своимъ адептамъ цѣльное и новое міросозерцаніе, становится не только ихъ “экономикою”, но и поэзією, и наукою, и религією.

Опредѣленное и цѣльное міросозерцаніе—есть мощное оружіе тамъ, гдѣ интеллигенція представляется въ видѣ неорганизованной массы, безъ коллективнаго идеала, безъ общаго знамени и опредѣленной цѣли. Гдѣ жизнь общественная богата содержаніемъ, гдѣ она даетъ существованіе многимъ теченіямъ, одинаково самостоятельнымъ и крѣпкимъ, тамъ каждое изъ „теченій“ имѣетъ свое русло и каждый, участвующій въ потокѣ, знаетъ, куда онъ плыветъ. Но при скудости общественной жизни, каждый ручей способенъ сдѣлаться потокомъ и залить окрестные дуга, ибо въ него, за неимѣніемъ другихъ ручьевъ, попадаетъ множество изолированныхъ капель, не имѣющихъ съ нимъ ничего общаго.

Таково положеніе дѣлъ именно у насъ. На западѣ социализмъ выступаетъ въ своемъ чистомъ, непримѣсномъ видѣ, какъ опредѣленное и ясное направленіе. Онъ бьетъ, прежде всего, на экономическую революцію, гремитъ противъ капитала и капиталистическаго производства, ибо въ нихъ онъ видитъ и, по своему, можетъ видѣть причину существующихъ золъ. Соціалисты составляютъ тамъ опредѣленную партію, и всѣ знаютъ, что такое социализмъ. Съ своей стороны, „экономисты“ составляютъ такой же опредѣленный и организованный лагерь. Противники понимаютъ другъ друга и каждому новому дѣятелю предоставляется выбирать между двумя опредѣленными теоріями.

Въ Россіи, социализмъ является знаменемъ, подъ которое собираются люди, побуждаемые самыми разнообразными практическими мотивами. Огромное большинство ихъ движется, конечно, любовью къ народу. Это фактъ неопровержимый. Но въ этой любви, или, вѣрнѣе, состраданіи къ народу, глазъ посторонняго наблюдателя легко можетъ различить двоякій практический мотивъ. Въ дѣйствительности, только небольшая часть „соціалистовъ“, агитаторовъ въ собственномъ смыслѣ, говоритъ о народѣ по Карлу Марксу и Бебелю. Значительное большинство

проникнута не соціалістическою, а юридическою, такъ сказать, любовью къ народу.

Именно, его стремленіе опредѣляется, прежде всего, тѣми условіями народнаго быта, которыя кореняются въ законодательныхъ опредѣленіяхъ.

Русскій народъ, какъ мы видѣли, доннынѣ отличается отъ „общества“ не только фактическими признаками степени богатства и образованія, но и степенью своихъ гражданскихъ правъ. Онъ отличается отъ высшихъ сословій какъ масса податная, въ противоположность классамъ, свободнымъ отъ податей. Выраженіе-же: „податное состояніе“ нигдѣ не имѣетъ такого прискорбнаго смысла, какъ въ Россіи. „Податной человѣкъ“ не только несетъ на себѣ все бремя финансовыхъ тягостей, но и подверженъ многимъ другимъ неудобствамъ. Онъ не избавленъ отъ наказанія розгами, и эта мѣра примѣняется къ нему въ довольно обширныхъ размѣрахъ, для самыхъ разнообразныхъ цѣлей. Онъ не имѣетъ свободы передвиженія, ибо на немъ тяготѣютъ всѣ неудобства нашей паспортной системы. Его отношенія въ области фабричнаго труда доселѣ разсматриваются съ точки зрѣнія времени, предшествовавшихъ отмѣнѣ крѣпостнаго права. Вопросъ объ образованіи податной массы до сихъ поръ является вопросомъ именно потому, что эта масса податная, не принадлежащая къ привилегированнымъ сословіямъ, такъ какъ самое право образованія въ свое время разсматривалось какъ привиллегія, не свойственная людямъ низшаго происхожденія.

Такимъ образомъ, въ Россіи мотивы увлеченія соціализмомъ въ большинствѣ случаевъ и для большинства вытекаютъ не изъ „соціального вопроса“, не имѣющаго еще у насъ почвы, а изъ вопросовъ скромно-юридическихъ и они вооружаютъ агитаторовъ цѣлымъ рядомъ аргументовъ, весьма пригодныхъ для ихъ цѣли. Конечно, въ моментъ „увлеченія“ юноша не имѣетъ возможности различить и угадать истинныхъ мотивовъ своего „поступка“, ибо онъ не имѣетъ предъ собою другаго міросозерцанія столь-же цѣльнаго и чувствуетъ вліяніе другаго направленія, столь-же послѣдовательнаго. Онъ добросовѣстно принимаетъ за „соціализмъ“ то, что въ сущности есть юридическая и законодательная реформа. Такое стѣсненіе не можетъ быть поставлено ему въ особенную вину, ибо, съ другой стороны, нѣкоторые изъ „охранителей“ смѣшиваютъ лицъ, мечтающихъ о податной реформѣ и отмѣнѣ паспортовъ, съ заговорщи-

вами, а г. Чичеринъ отождествляетъ князя Васильчикова съ Мостомъ и Марксомъ. Но не пора ли „различить“ и тѣмъ убавить у нашей агитаціи количество ея снарядовъ? Мы особенно настаиваемъ на этомъ обстоятельстве, такъ какъ, по нашему глубокому убѣжденію, 9/10 нашей „соціальной“ партіи состоитъ изъ социалистовъ по недоразумѣнію. А они то и составляютъ самую важную часть нашей молодежи, ту часть, которую слѣдуетъ дорожить, благодаря ея несомнѣннымъ нравственнымъ качествамъ.

Пойдемъ дальше. Указанные только что элементы нашей соціальной партіи не исчерпываютъ ея состава. Въ ея средѣ можно найти, не въ качествѣ активнаго, конечно, элемента, не мало молодыхъ и не совсѣмъ молодыхъ людей, нѣсколько не воспламененныхъ любовью исключительно къ народу, даже любовью юридическою. По крайней мѣрѣ „соціалистическая“ любовь совсѣмъ не идетъ къ ихъ моднымъ пиджакамъ, къ удобнымъ и прекрасно меблированнымъ квартирамъ, въ веселому образу жизни и ко всему, „еже есть отъ міра сего“. Къ ихъ разсужденіямъ о социализмѣ и соціальной революціи нельзя относиться серьезно, а иногда онѣ вызываютъ улыбку. Но есть область разсужденій, гдѣ „пиджакъ“ можетъ говорить серьезно и гдѣ рвчи его не возбуждаютъ смѣха; есть точка зрѣнія, съ которой онъ можетъ быть разсматриваемъ какъ существо истинно горящее.

Не слѣдуетъ забывать, что въ это существо влить извѣстный напитокъ, сильно возбуждающій психическую и умственную дѣятельность человѣка, даже преобразующій его содержаніе—именно образованіе. Съ этимъ напиткомъ нельзя, въ извѣстномъ смыслѣ, обращаться безнаказанно. Человѣкъ, впитавшій въ себя философскія теоріи великихъ мыслителей, напоенный Шиллеромъ, Гете, Шекспиромъ, В. Гюго, прочувствовавшій музыку Бетховена, Моцарта и Глинки, воспитанный зрѣлицемъ чудесъ живописи и архитектуры, — чувствуетъ какъ въ немъ пробуждается иное существо, разумно-нравственное, и результатомъ возрожденія этого существа является сознаніе личнаго достоинства и признаніе его въ другихъ. Это сознаніе, при нормальномъ теченіи вещей, можетъ сдѣлаться драгоценнымъ элементомъ общественнаго развитія, ибо оно, а не что другое, лежитъ въ основаніи законности, какъ внѣшняго условія существованія людей, какъ твердой границы между моимъ и твоимъ и мѣрою свободы cadaque, во всѣхъ отношеніяхъ. На-

противъ, положеніе человѣка „испорченнаго“ образованіемъ въ формѣ законности, по всей справедливости можетъ быть названо трагическимъ. Вложить въ человѣка извѣстныя стремленія, дать ему новое содержаніе, съ тѣмъ, чтобы это содержаніе никогда не выразилось во вѣ, чтобы субъектъ и объектъ были въ разладѣ и чтобы субъектъ жилъ въ сознаніи полного своего безсилія и негодности, т. е., какъ призракъ — развѣ это не значитъ создать для „субъекта“ истинно трагическое положеніе?

Послушаемъ исповѣдь такого „субъекта“, написанную давно, еще въ 1813 году, именно, когда послѣ времени надеждъ и реформъ Сперанскаго, настало время Балашовыхъ, Аракчеевыхъ и Магницкихъ. Исповѣдь эта принадлежитъ гр. Уварову и изложена имъ въ письмѣ къ великому обновителю Пруссіи, барону Штейну. Вотъ что писалъ онъ, утомившись и даже измучившись занятіями по званію попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа:

„Путешествіе за границу есть тайная надежда, давно легкая мною. Все привязываетъ меня къ этой мысли, и, между прочимъ, дѣйствительныя непріятности, сопряженныя съ моими дѣйствительными занятіями. Нѣтъ ничего неблагоприятнаго, или точнѣе, невозможнаго ихъ. Я не мечтатель, какъ вы знаете: я люблю дѣла, и находился при нихъ, такъ сказать, съ самаго моего дѣтства; вамъ извѣстны мои убѣжденія, мои воззрѣнія; не смотря на все это, я доведенъ до того, что теряю надежду не только принести пользу, но и удержаться на томъ пути, который я себѣ начерталъ и отъ коего никогда не отступлю, не жертвуя тѣмъ, что мнѣ всего дороже на свѣтѣ: честью, здоровьемъ, убѣжденіями, вещественнымъ благосостояніемъ. Не думайте, чтобы въ моихъ словахъ было хотя малѣйшее преувеличеніе. Я спокоенъ до того, что изумляю всѣхъ меня окружающихъ, но въ душѣ у меня отчаяніе. Состояніе умовъ таково, что путаница мыслей не имѣетъ предѣловъ. Одни хотятъ просвѣщенія безопаснаго, т. е., огня, который-бы не жегъ; другіе (а ихъ всего больше) видаютъ въ одну кучу Наполеона и Монтескье, французскія арміи и французскія книги, Моро и Розенкампа, бредни Ш. и открытія Лейбница; словомъ, это такой хаосъ криковъ, страстей, партій, ожесточенныхъ одна противъ другой, всякихъ преувеличеній, что долго присутствовать при этомъ зрѣлищѣ невыносимо. Кидають другъ другу въ лицо выраженія: религія въ опасности, потрясеніе нравственности, поборникъ иностранныхъ идей, иллюминатъ, философъ,

франъ-масонъ, фанатизъ и т. п. Словомъ, полное безуміе. Каждую минуту рискуешь компрометироваться или сдѣлаться исполнителемъ орудіемъ самыхъ преувеличенныхъ страстей.... Наконецъ, все рассказать было-бы слишкомъ длинно. *Apinus meminisse horret.* Жду лишь благопріятнаго обстоятельства, чтобы вырваться изъ этого хаоса, который душитъ и давитъ меня невыразимымъ образомъ“.

Съ 1861 года нѣкоторыя послѣдствія образованія были однако признаны въ законодательныхъ актахъ. Признаніе человѣческаго достоинства, т. е., фундамента всякаго мирнаго и законнаго развитія, нашло мѣсто и въ крестьянскомъ положеніи, и въ судебныхъ уставахъ, и въ земскихъ учрежденіяхъ. Но, при несогласованіи новыхъ началъ со старыми, подъ влияніемъ духа „пересмотра“ и при полной дезорганизаціи нашей интеллигенціи, послѣдняя не является опредѣленнымъ и активнымъ элементомъ, твердо стоящимъ на опредѣленномъ пути, въ полной увѣренности, что она служитъ интересамъ законности и что ея цѣль отличается принципиально отъ цѣлей соціальной партіи.

Обстоятельства сложились пова такъ неудачно, что всякій сколько нибудь прогрессивный элементъ обращается во что-то оппозиціонное и при томъ не имѣющее своего опредѣленнаго знамени, своего законнаго пути—своей индивидуальности, наконецъ. И все это хаотическое собраніе бессильныхъ атомовъ влечется „дѣломъ, устами или помышленіемъ“ въ сравнительно крѣпкому и организованному тѣлу соціальной партіи, которая даетъ своимъ adeptамъ хоть не свое, но опредѣленное знамя съ готовымъ ученіемъ и программой и даже съ возможностью дѣйствія, ибо она не нуждается въ „легальныхъ“ путяхъ.

Въ общемъ итогъ, для соціальной партіи создается чрезвычайно выгодное положеніе. Среди общества бездѣйствующаго, въ общественномъ смыслѣ, она одна получила монополію какого-то „дѣйствія“; среди всеобщаго колебанія и сомнѣнія, она одна имѣетъ видъ опредѣленности; въ періодъ остановки и отдыха она присвоила себѣ монополію „толканія“ и нѣкотораго „протеста“. И значеніе ея заключается вовсе не въ томъ, что ея программа выведена изъ нашихъ соціальныхъ условій (чего нѣтъ), а въ томъ, что въ программѣ этой находятъ себѣ отзвукъ совершенно иныя стремленія и не только иныя, но прямо противоположныя „соціальному ученію“ стремленія буржуазныя, но только не въ экономическомъ, а въ юридическомъ смыслѣ.

VI.

Положеніе завидное! Быть единственнымъ „протестующимъ“ элементомъ во время всеобщаго ватишья; говорить, когда другіе молчатъ; дѣйствовать, когда другіе покоются; обращать на себя вниманіе, когда все прочее оставляется безъ разсмотрѣнія; затѣвовать собою и восточный вопросъ, и авганское столкновение; приковывать въ себѣ всѣ уши и очи—чья голова не закружится отъ такой роли? Чье самолюбіе устоитъ отъ такой перспективы?

Не могутъ-ли эти юноши сказать: „вы жалуетесь на насъ, но вамъ слѣдовало-бы жаловаться на себя. Мы дѣлаемъ то, чего не хотите или не можете дѣлать вы. Въ насъ жизнь, а въ васъ сонъ или омертвеніе. У насъ характеры, а у васъ слова, слова и слова! Мы бросаемъ всѣ выгоды жизни и идемъ въ народъ, гдѣ насъ ожидаютъ лишенія и тысячи опасностей; наши женщины снимаютъ свои наряды, надѣваютъ сермягу и босыя идутъ жать, стряпать, молотить на ряду съ женщинами изъ народа. Мы не Рудины и не Гамлеты стараго поколѣнія съ ихъ міровою скорбью и дрянною волею. Мы люди слова и дѣла!“

На это можно кое что возразить. Положеніе, въ данную минуту, завидно, но оно создано не вами, не силою и правдою вашего ученія, а разными иными обстоятельствами, о коихъ говорено выше. Но даже и *rebus sic stantibus* оно представляетъ серьезныя опасности—не съ полицейской точки зрѣнія, она не входитъ въ кругъ тѣхъ „точекъ“, на основаніи которыхъ написана эта статья. Есть опасности болѣе существенныя, чѣмъ всѣ полицейскія опасности, которыя притомъ, по зрѣломъ размысленіи, не всегда и бываютъ таковыми. Мы будемъ разсуждать здѣсь объ опасности, достойной вниманія человѣка и на нее просимъ обратить вниманіе.

Соціализмъ, а особенно преобразованный въ программу соціальной революціи, рѣзко отличается отъ предшествующихъ теорій, которыми пытались наши отцы и дѣды. Философскія теоріи, овладѣвавшія ихъ умами, не требовали отъ нихъ непосредственной и непосредственной практической дѣятельности въ опредѣленномъ смыслѣ, т. е., въ смыслѣ именно такой-то теоріи. Такого требованія и не могло возникнуть по существу самихъ теорій: онѣ предлагали человѣку извѣстныя формы мышленія, формы до такой степени общія, что изъ нихъ могли быть выведены самыя разнообразныя практическія на-

правления. Достаточно указать на примѣръ Гегелевой философіи, давшей бытіе и консервативному лагерю (правые гегельянцы) и радикальной „лѣвой“, гдѣ видное мѣсто занимает Лассаль. Вотъ почему нашъ „гегельянецъ“ могъ остаться гегельянцемъ въ своемъ мышленіи, могъ утверждать что Sein und Nichtsein ist dasselbe, что все сущее развивается по тремъ логическимъ моментамъ, и въ тоже время приравливаться къ практикѣ, утѣшаясь превратно понятой формулой учителя: „все существующее разумно и все разумное существуетъ“.

Напротивъ социализмъ, особенно въ данный моментъ его развитія, когда онъ съ мистическихъ высотъ сенсимонизма перешелъ въ область дѣйствія и сдѣлался социальной революціею, непремѣнно требуетъ отъ своихъ адептовъ „поступковъ“, практическаго проявленія. Человѣкъ, именующій себя социальнымъ революціонеромъ, долженъ пропагандировать, подстрекать, устраивать демонстраціи, „вспыскивать“—иначе онъ будетъ „ничто“, какое-то гегелевское „въ себѣ бытіе“.

Вотъ существенное различіе, и оно ведетъ къ серьезнымъ послѣдствіямъ. Если человѣкъ силою ученія обрекается къ практическому дѣйствію, то его твердости въ самомъ ученіи посылается важное испытаніе. Предположите, что „практическая дѣятельность“ окажется неудачною, что „среда“, на которую направлено дѣйствіе, окажется неспособною воспріять ученіе, что она отвѣтитъ на проповѣдь равнодушіемъ и даже враждою—и вы легко предусмотрите послѣдствіе: практическая неудача поведетъ къ разочарованію въ самомъ ученіи.

Съ Гегелемъ этого случиться не могло, во первыхъ потому, что, какъ сказано, онъ не опредѣлялъ формъ пракческаго дѣйствія, а во вторыхъ (и это еще важнѣе), потому, что его ученіе воспринималось каждымъ субъектомъ для себя и могло быть оставлено въ себѣ. Соціалистомъ-же, а особенно социалистомъ революціонеромъ нельзя быть для себя и въ себѣ. Социализмъ есть общественная теорія и можетъ имѣть смыслъ только въ общественной дѣятельности. Если-же „общество“ держится на другихъ началахъ до такой степени, что къ нему нельзя подойти; если всѣ пункты социальной программы оказываются неосуществимыми и негѣшими съ точки зрѣнія вопіющихъ требованій общественной практики, что же остается дѣлать?

Въ такомъ именно положеніи находятся наши социальные революціонеры. Вкусивъ въ юношескихъ годахъ социальнаго напитка, бросивъ „ученье“ и отправившись „въ народъ“, они (говоримъ о большинствѣ) жестокими опытами убѣждаются

насколько ихъ политическія, религіозныя и экономическія теоріи ладятъ съ народными воззрѣніями. Что-же потомъ? Для иныхъ прозябаніе въ образѣ сапожника, кузнеца, жницы или кухарки, въ народной массѣ, для которой они остаются чужими, ибо барышня, даже перереженная въ русскій сарафанъ, все-таки будетъ нѣмецкой, а не русской бухаркой. Для другихъ—страданіе въ центральныхъ тюрьмахъ и иныхъ мѣстахъ заключенія. Для третьихъ—отказъ отъ социальной практики и вступленіе въ настоящую, житейскую практику, въ видѣ дѣятелей, дѣльцовъ и промышленниковъ.

Вотъ что страшно—страшнѣе даже всякихъ крушеній въ смыслѣ полицейскомъ. Необходимо, наконецъ, понять существенное въ злѣ и посмотреть на его источникъ безъ предубѣжденія. Страданіе, прозябаніе или развращеніе—этими немногими словами опредѣляется судьба многихъ и многихъ людей, въ коихъ можно-бы видѣть надежду Россіи. Положеніе этой надежды дѣйствительно таково, что заставитъ подумать каждаго у кого голова и сердце на мѣстѣ. Конечно, это крушеніе одного идеала было бы не опасно, если бы вліяніе здоровой общественной среды могло сразу замѣнить его другимъ. Но этого нѣтъ на дѣлѣ.

Обращаясь къ „зрѣлому“ обществу, это юношество слышитъ отъ него много поученій и упрековъ, но не слышитъ отъ него серьезнаго запроса на все, что есть лучшаго въ человѣческой натурѣ. Слышится упрекъ въ нерелигіозности и безбожій, но упрекъ этотъ получаетъ оригинальный смыслъ, если вспомнить, что Богъ играетъ вообще довольно малую роль въ нашемъ міросозерцаніи и что имя Божіе призывается въ видѣ элемента „порядка“, а не въ качествѣ животворящей силы, проникающей все нравственное существо человѣка. Слышится восклицанія о неуваженіи къ наукѣ и къ ученію, но серьезнаго запроса на „науку“, какъ необходимаго условія для общественной дѣятельности, не видно. Напротивъ, въ дѣйствительности, „наука“ является скорѣе не нужнымъ грузомъ, плохую рекомендацію, нежели благомъ, котораго жаждутъ. Говорятъ объ отрицаніи эстетическихъ стремленій въ человѣкѣ. Но гдѣ-же это искусство и эта эстетика, вдохновляющія „зрѣлаго“ человѣка? Настаиваютъ на практическихъ и неотложныхъ задачахъ нашего времени; но глазъ наблюдателя тщетно ищетъ этихъ задачъ, серьезно и прямо поставленныхъ въ качествѣ дѣйствительнаго призванія человѣка. Напротивъ, онъ часто можетъ видѣть, какъ лучшее и святое дѣло вырождается въ пустѣйшую „формаль-

ность“ и становится предметомъ скверной игры самолюбія. Твердятъ объ уваженіи къ родинѣ, къ ея преданіямъ, къ ея исторіи. Но кто-же въ настоящее время можетъ похвалиться, что онъ воспитанъ въ извѣстныхъ преданіяхъ и сознаетъ свою связь съ исторіею, которую онъ не знаетъ, да и не имѣетъ возможности узнать?

Страшно сказать, но люди дореформенные, были людьми народными въ большей мѣрѣ, нежели мы. Они не были образованы какъ слѣдуетъ; они жили инстинктами больше, нежели разумомъ; но эти инстинкты складывались въ народной средѣ. Няня, дядька, окружающіе крестьяне—давали первый толчокъ нравственной жизни ребенка и этотъ толчокъ давалъ себя чувствовать всю жизнь. А теперь? Мы понимаемъ, что одними инстинктами жить нельзя; но народныхъ теоретическихъ формулъ еще нѣтъ, какъ нѣтъ русской гаммы для русской музыки. Осталось одно теоретическое и чужое отношеніе „къ народу“, причѣмъ эти теоріи многообразны. Кто смотритъ на народъ съ точки зрѣнія прусскаго юнкера, кто глядитъ на него глазами французскаго префекта, кто любитъ его по Марксу и Бебелю и если не находитъ въ немъ требуемыхъ его „теоріей“ качествъ, готовъ клеймить его за неспособность „къ культурѣ“.

Конечно „протестующая молодежь“ любитъ народъ по Бебелю, можетъ быть горячѣ Бебеля. Но любовь эта теоретическая, любовь по программѣ и рецепту, принятымъ потому, что никто не могъ вложить въ эту молодую душу любовь къ народу какъ онъ есть, со всѣми его достоинствами и недостатками, съ его вѣрованіями и надеждами, съ его прошлымъ и будущимъ. И осѣбается эта теоретическая любовь, какъ только одинъ изъ пунктовъ программы оказывается несбыточнымъ или одинъ изъ ингредиентов рецепта не имѣется въ „пейзанѣ“. Осѣблась любовь, рухнулъ идеалъ, погибъ внутренній человѣкъ. Ходитъ онъ какъ неприкаянный, толкаясь то туда, то сюда, пытая свои силы, то въ качествѣ учителя, то кузнеца, то служащаго въ какомъ нибудь предпріятіи, всюду терпитъ неудачу, дѣлается киселемъ, неспособнымъ ни на доброе, ни на злое и живетъ, „яко человѣкъ, не слышай и имый въ устахъ своихъ обличенія“.

Мы говоримъ еще о лучшихъ людяхъ, неспособныхъ повернуть круто въ иной лагерь, въ станъ дѣльцовъ и фортунщиковъ—о такихъ не стоитъ говорить, ибо они никогда не имѣли никакого убѣжденія. Намъ дороги дѣйствительно погибающія силы, тѣ, что жаждутъ призыва отъ жизни, тѣ, которыхъ

томить общественная пустота и ложь. Въ средѣ этой лжи и пустоты, молодая душа не находитъ удовлетворенія всѣмъ чело-вѣческимъ своимъ стремленіямъ и не воспитывается въ жизни духовной, умственной и эстетической. Она дичаетъ, обра-щается въ первобытное состояніе, низводится на степень души какаго нибудь Кафра или Готтента. Поразительная вещь! На западѣ мы также видимъ нѣкоторое „одичаніе“, но въ средѣ нашихъ городскихъ классовъ, придавленныхъ нищетою, лишенныхъ возможности участвовать въ культурномъ движеніи. Но за то юноша культурнаго слоя сразу охватывается тамъ всѣми живыми элементами культуры. У насъ, при призрочно-сти и даже живости культурныхъ элементовъ, молодая душа ихъ не воспринимаетъ а „отмечаетъ“ и остается безъ всякой культурной одежды. Но молодости нужна вѣра, нужны идеалы, и она со всею страстью бросается въ социалистическому зна-мени. Когда же оно выпадетъ изъ рукъ (а выпадетъ оно не-премѣнно) то останется одна душевная пустота, озлобленіе и непригодность ни къ какому дѣлу.

Вотъ почему мы не можемъ стать на точку зрѣнія тѣхъ тепло-ватыхъ, висельныхъ и великихъ мудрецовъ, которые утверждаютъ, „что молодежи нужны какіе нибудь идеалы; пусть они увлекаются чѣмъ угодно и отдадутъ дань молодости“.

Да, молодежи нужны идеалы, но не „всякіе“ а въ особенности не такіе, которыми бы увлекались лишь въ видѣ „дани молодости“, и которые затѣмъ оставались бы какъ негодная веточка. Намъ нужны идеалы инаго сорта. Они должны быть таковы, чтобы человекъ, усвоивъ ихъ теоретически на школьной скамьѣ, по-нявъ ихъ своею свѣжею душой, затѣмъ переходилъ бы съ ними въ жизнь; чтобы онъ не бросалъ ихъ, вспоминая о нихъ потомъ какъ о „грѣхѣ молодости“, а видѣлъ бы въ осуществленіи ихъ задачу всей своей жизни; чтобы онъ и всѣ подобные ему „зрѣ-лые“ люди не обращали эту жизнь въ какое-то пугало для мо-лодаго чувства или въ помойную яму, отвратительную не для одной молодежи. Служеніе такимъ идеаламъ способно образо-вать людей въ настоящемъ смыслѣ слова, образовать характеры твердые, могущіе вліять и на развитіе молодого поколѣнія.

Но появленіе такихъ идеаловъ у насъ, въ Россіи, особенно въ данную минуту, зависитъ отъ того, насколько всѣ мы, отъ верхняго края и до нижняго, поймемъ значеніе переживаемой нами эпохи, выйдемъ въ смыслъ движенія, начавшагося съ 1857 года и проникнемся этимъ движеніемъ не „трансценден-тально“, т. е., не со стороны его общихъ принциповъ, а со

стороны практическихъ, неотложныхъ задачъ нашего времени.

Достроить крестьянскую реформу, т. е. преобразовать податную систему, обезпечить свободу передвиженій и открыть возможность правильнаго переселенія крестьянъ; привести въ правильную систему новыя судебныя и „общественныя“ учрежденія, пересмотрѣвъ разные старыя уставы, остающіеся еще въ силѣ и даже пускающіе свои корни въ учрежденія новыя; устранить разныя „поправки“, внесенныя въ новыя законы во имя старыхъ требованій; обратить къ дѣятельности по мѣстнымъ учрежденіямъ лучшія силы страны, зная, что въ этихъ учрежденіяхъ—школа и фундаментъ всей будущей Россіи; воспитывать общество въ сознаніи права, въ уваженіи къ себѣ и къ другимъ, въ чувствахъ личной безопасности и достоинства, ибо безъ нихъ невозможна никакая общественная дѣятельность; поднять уровень народнаго образованія широкимъ распространеніемъ школъ и другихъ орудій грамотности,—таковы главныя задачи нашего времени.

Постановку этихъ задачъ мы понимаемъ въ смыслѣ не только законодательномъ, но и общественномъ. Законодательство можетъ поставить какія угодно задачи, но эта „постановка“ останется пустымъ звукомъ, если законъ ударится объ общество, живущее хищническими инстинктами, легкою сатирой и еще болѣе легкимъ отрицаніемъ. Всѣ элементы нашего строя должны одинаково понять какіе продукты родятся на ихъ почвѣ; всѣ одинаково и общими усиліями должны водрузить знамя, подъ которое соберутся всѣ живыя силы.

Съ того момента, когда наши неотложныя задачи будутъ поставлены серьезно, какъ задачи, все общество вспомнитъ свое прошедшее, т. е., 1861 годъ; оно будетъ знать откуда и куда оно идетъ. У него явятся опредѣленныя стремленія, явится и серьезный запросъ на общественныхъ дѣятелей, серьезно подготовленныхъ; бѣльшая и лучшая часть молодежи увидитъ въ жизни не пугало и могилу, а плодотворное призваніе, долгъ—и долгъ высокій, сладкій, облагороживающій человѣка, охватывающій все его существованіе.

Тому, кто сомнѣвается въ нравственной силѣ такихъ минутъ, когда въ жизни указываетъ великая задача и серьезный долгъ, мы напомнимъ одинъ моментъ изъ нашего недавняго прошлаго—Сербскую войну и войну 1877 года. Есть лица, утверждающіе, что русское общество рванулось въ сербское движеніе просто отъ скуки, отъ вялости своей внутренней жизни. Пусть такъ! Но развѣ это не доказываетъ, что даже фиветивная (какъ

ее называютъ) задача, способна была поднять лучшія чувства во всемъ нашемъ обществѣ, заставила его жить въ лучшемъ, благороднѣйшемъ смыслѣ слова? Во сколько же кратъ способны сдѣлать это внутреннія задачи, серьезно, прямо и откровенно поставленныя?

Слава Богу! Мы не имѣемъ нужды искать вопросовъ и нравственныхъ утѣхъ внѣ себя, внѣ нашей родины, какъ это дѣлалось въ эпоху „Мертвыхъ душъ“. Жизнь наша обогатилась новымъ содержаніемъ, выдвинула впередъ столько задачъ, что для рѣшенія ихъ понадобятся усилія нѣсколькихъ поколѣній. Весь вопросъ въ томъ, чтобы эти задачи были, наконецъ, признаны и поставлены на очередь. Всякая „непризнанная“ задача мститъ за себя и порождаетъ рядъ ненормальныхъ явленій. Такъ, пока задача національнаго единства Италіи была задачей непризнанною, она практиковалась тайными обществами съ революціонными программами и сумбурными стремленіями. Но съ той минуты, какъ крѣпкая рука Кавура взялась за дѣло, оно было введено въ свое русло и всѣ „общества“ или исчезли, или служили цѣлямъ великаго реформатора.

Думаете ли вы, что въ этотъ счастливый день уничтожатся всѣ соціалистическія стремленія, спросятъ насъ? Нѣтъ, не думаемъ. Человѣческія идеи и стремленія не уничтожаются по приказу; лучше сказать, онѣ менѣ всего могутъ быть уничтожены какими-бы то не было внѣшними мѣрами. Но мы не только думаемъ, но увѣрены, что въ этотъ счастливый день „соціализмъ“ сдѣлается достояніемъ немногихъ сектантовъ, и что отъ него отпадетъ та масса несознательныхъ соціалистовъ, которая пристаётъ къ движенію или смотритъ на него не безъ удовольствія, по причинамъ не соціалистическимъ, а глубоко юридическимъ. А въ этомъ вся задача. Пока мы будемъ желать, чтобы ни одинъ человѣкъ въ Россіи не сочувствовалъ соціализму—мы будемъ желать невозможнаго. Но когда мы пожелаемъ указать обществу его прямую задачу, откроемъ ему всѣ законныя пути къ его осуществленію и обеспечимъ ему возможность идти по этому пути, въ сознаниіи своихъ законныхъ правъ — наша цѣль будетъ достигнута. Мы создадимъ общество, крѣпкое въ правѣ и отвращающееся отъ насилія, каковую-бы обольстительную форму оно не принимало.

А. Градовскій.

НАЧАЛА НАРОДНАГО ПРАВА И СУДОПРОИЗВОДСТВА.

Материаломъ для настоящей статьи, какъ увидить читатель ниже, послужили рѣшенія двухъ волостныхъ судовъ—Хрустовскаго и Каменскаго, Ольгопольскаго уѣзда, Подольской губерніи. Въ этой мѣстности я прожилъ шесть лѣтъ въ должности мирового судьи и, на сколько могъ, ознакомился съ бытовою и, въ частности, съ правовою сторонами крестьянской жизни. Но читатель ошибется, если расчитываетъ найти въ предлагаемой статьѣ и мои личные наблюденія. Я предлагаю лишь, такъ сказать, официальные данныя, а именно—рѣшенія волостныхъ судовъ; только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, чтобы читатель не сдѣлалъ изъ рѣшенія неправильнаго вывода, я позволилъ себѣ прибавить нѣкоторыя поясненія. Внутренняя жизнь нашего народа такъ далека отъ насъ, что всякія наблюденія надъ нею лицъ класса цивилизованнаго по большей части сводятся къ нулю. Мы, напримѣръ, знаемъ народные обряды въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, знаемъ его костюмъ, его внѣшній бытъ, но для юриста все это не имѣетъ никакого значенія. Чтобы личные наблюденія имѣли научное значеніе, необходима масса чрезвычайно важныхъ условий. Во первыхъ, наблюдатель долженъ быть вполнѣ беспристрастенъ, забывъ всѣ свои убѣжденія, навѣянные жизнью цивилизованнаго круга, школою и нашимъ законодательствомъ; принимаясь за наблюденія, онъ долженъ знать, что онъ вступаетъ въ terra incognita, гдѣ все темно, неизвѣстно и совсѣмъ иное; онъ долженъ изучать это неизвѣстное съ тою же любовью, съ которою, напримѣръ, Ливингстонъ изучалъ Африку; для этого онъ долженъ посвятить изученію народа массу времени, сколько именно, мы не знаемъ, но никакъ не менѣе, чѣмъ естествоиспытатель посвящаетъ изученію любимаго имъ предмета; онъ горько ошибется, если удовольствуется разспросами самихъ кре-

стыянь объ ихъ правѣ. О своемъ правѣ крестьяне никогда не думали; поэтому и передать ничего не могутъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что они примѣняютъ извѣстные правовыя воззрѣнія, но примѣняютъ не сознавая ихъ. Наблюдатель долженъ относиться къ предмету наблюденія: а) всесторонне, и б) всеобъемлюще: всесторонне, т. е., по возможности, обращать вниманіе и на другія стороны жизни, такъ какъ всѣ онѣ тѣсно связаны между собою; всеобъемлюще, т. е., подмѣчать все—и важное, и неважное. „Наблюдатель народнаго юридическаго быта,—говоритъ профессоръ Кистьяковскій,—долженъ относиться такъ же къ объекту своего наблюденія, какъ относится въ своему естествоиспытатель, для котораго все въ мірѣ достойно уваженія, который съ полнымъ безпристрастіемъ наблюдаетъ явленія природы, будучи убѣжденъ въ томъ, что все въ мірѣ—и самое, повидимому, уродливое—имѣетъ свою достаточную, если и не всегда разумную, причину“ (Кистьяковскій. Программа для собиранія и изученія юридическихъ обычаевъ). Но я иду далѣе: какъ естествоиспытателемъ, по моему мнѣнію, можетъ быть только лицо, научно подготовленное къ изученію естественнаго міра, такъ и собирателемъ такъ называемыхъ народныхъ юридическихъ обычаевъ можетъ быть только лицо научно подготовленное къ изученію правоваго міра. Въ области же естественныхъ наукъ до сихъ поръ не являлось идеи замѣнить ученаго неучемъ, снабженнымъ надлежащею для собиранія наблюденій программю. Причины этого совершенно понятны, и передавать ихъ я не буду. Тѣмъ болѣе это примѣнимо къ области социологіи, научно такъ мало разработанной. Приведенными соображеніями я хочу доказать, что наши юристы ошибочно вѣрятъ въ практическіе результаты еоставленія и разсылки программъ для собиранія юридическихъ обычаевъ; ошибочно потому, что они же сами, при научной разработкѣ народнаго права, надѣюсь, исключать изъ своего изслѣдованія всѣ наблюденія, сдѣланныя не юристами (таковы наблюденія священниковъ, посредниковъ, волостныхъ писарей), а также и потому, что не юристы едва ли займутся серьезно предложеннымъ имъ трудомъ. Для юриста же программы совсѣмъ не нужны. Притомъ, въ настоящее время, мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи достаточно матеріала, никѣмъ еще не систематизированнаго ¹⁾. Матеріаль этотъ—рѣшенія волостныхъ судовъ, напечатанныя комиссіей о волостныхъ судахъ и всѣ изслѣдованія народнаго права, указанныя г. Якушкинымъ.

¹⁾ Трудъ профессора Пахмана „Обычное Право“ не имѣетъ такого характера.

Я, съ своей стороны, вношу очень скромную лепту въ дѣло изслѣдованія правовой народной жизни, приведа въ систему рѣшенія двухъ указанныхъ мною судовъ.

Мною просмотрѣны рѣшенія Хрустовскаго суда за 1869—1875 гг. включительно; въ 1876 г. Хрустовскій судъ соединенъ съ Каменскимъ, рѣшенія котораго мною просмотрѣны съ 1869 по первую половину 1877 гг. включительно. Въ книгахъ ¹⁾ Хрустовскаго суда записано слѣдующее количество рѣшеній: За 1869 г.—10; 1870—11; 1871—24; 1872—13; 1873—10; 1874—17; 1875—13.—Рѣшеній Каменскаго суда записано: 1869—12; 1870—6; 1871—10; 1872—20; 1873—30; 1874—36; 1875—26; 1876—64; 1877—114. Такимъ образомъ, число записанныхъ рѣшеній Каменскаго волостнаго суда, начиная съ 1870 г., постепенно увеличивается, за исключеніемъ 1875 г. Это обстоятельство указываетъ на улучшеніе канцелярскихъ порядковъ въ волости. Въ 1877 г. было записано въ книгу 114 рѣшеній. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и приведенная цифра не опредѣляетъ всего количества рѣшеній, судомъ постановленныхъ. Такъ какъ 1877 г. не былъ въ какомъ нибудь отношеніи исключительнымъ, напротивъ, 1869—1871 гг. по количеству рѣшеній волостнаго суда должны были превзойти его, потому что въ этотъ періодъ времени въ уѣздѣ не были введены мировыя учрежденія; а съ другой стороны, въ 1877 г. Каменскій судъ распространялся и на бывшую Хрустовскую волость, то мы должны признать, что въ 1869—1872 гг. въ книгу записана лишь седьмая или даже десятая часть рѣшеній. Обстоятельство это всегда нужно имѣть въ виду при изученіи обычнаго права.

Я просматривалъ рѣшенія въ хронологическомъ порядкѣ. Таковой порядокъ обзорѣнія ихъ даетъ возможность сдѣлать нѣкоторые выводы о ходѣ правосознанія народа. Такъ, въ изложеніи рѣшеній, постановленныхъ съ 1873 г., очень замѣтна подражательность изложенію рѣшенія мировыми судьями. Какое вліяніе произведено было мировыми учрежденіями по существу, произошло ли нѣкоторое вытѣсненіе началъ обычнаго права началами, принятыми законодательствомъ, — сказать трудно, именно потому, что до 1872 г. записывалась въ книги лишь

¹⁾ Въ книги Хрустовскаго и Каменскаго судовъ нѣтъ общаго заглавія: «Книга на'записку рѣшеній волостнаго и третейскаго судовъ»; только одна озаглавлена полнѣй: „на записку духовныхъ завѣщаній“; но ни одного духовнаго завѣщанія въ книгу не внесено.

небольшая часть рѣшеній волостнаго суда. Мировыя учрежденія введены въ употребленіе въ 1872 г. Въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ послѣдующихъ годовъ примѣняются уже начала а) давности [въ рѣшеніи Каменскаго суда за 1873 г. 30-лѣтнее владѣніе признано владѣніемъ давностнымъ (№ 28); въ рѣшеніи того же суда за 1874 г. начало гражданской давности примѣнено къ 15-ти лѣтнему владѣнію (№ 12)], и б) разграниченіе имущества родовыхъ и благопріобрѣтенныхъ (рѣш. Хр. суда за 1874 г. № 1). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что послѣднее начало взято изъ законодательства, но я не буду утверждать, что оно навѣрно, хотя бы и косвенно, мировыми учрежденіями. 2) Изъ рѣшеній волостныхъ судовъ видно, что первоначально они подвергали тѣлесному наказанію и женщинъ (рѣш. Хр. суда 1870 г. № 6, 1872 г. № 2); но съ 1873 г. такихъ случаевъ уже нѣтъ. 3) Суду становятся болѣе знакомы указанія закона о подсудности (Хр. суда за 1869 г. № 9, 1870 г. № 7; Кам. суда 1875 г. № 8) 4) Въ рѣшеніяхъ 1876 и 1877 г. не примѣняются тѣ мѣры наказаній, которыя въ законѣ не указаны. Подробнѣе все это будетъ разъяснено потомъ.

При группировкѣ рѣшеній я буду держаться системы свода и судебныхъ уставовъ. Я имѣю въ виду чисто практическія цѣли. Свою статью я посвящаю не только юристамъ ученымъ, но и юристамъ-практикамъ, чтобы, съ одной стороны, способствовать оживленію между ними изученія правовой народной жизни, съ другой—содѣйствовать проникновенію началъ народнаго права въ сферу нашего, такъ называемаго, короннаго и мирового правосудія. Смѣю думать, что недалеко то время, когда обычное право займетъ въ университетскомъ курсѣ видное мѣсто и отправленіе правосудія въ нашемъ отечествѣ сдѣлается общимъ для всѣхъ гражданъ—общимъ потому, что правда и справедливость одна для всѣхъ; если эта правда въ народѣ, то мы—образованный классъ—должны подчиниться обычному праву; если она—въ насъ, въ нашемъ законодательствѣ, то мы должны подчинить ему народъ; если она и въ насъ и народѣ, то мы должны слиться и слить нашъ судъ съ судомъ народнымъ. Но прежде всего мы должны изучить проявленіе идеи правды и справедливости въ народѣ.

Мы должны еще прибавить, что крестьяне Хрустовской и Каменской волости, какъ и всѣ крестьяне юго-западнаго края, владѣютъ землей на правахъ частной, а не общинной собственности; что всякія обязательныя отношенія къ помѣщикамъ

прекращены; что только небольшая часть ихъ были крестьянами государственными, а остальные—бывшіе крѣпостные; въ Каменской волости, кромѣ того, есть небольшая колонія евреевъ-земледѣльцевъ и колонія нѣмцевъ, послѣдніе, впрочемъ, въ волостномъ судѣ никакнхъ дѣлъ между собой не вели. Крестьяне обѣихъ волостей считаются въ уѣздѣ состоятельными, занимаются исключительно земледѣліемъ; торговля—въ рукахъ евреевъ. Языкъ—молдаванскій, но всѣ они, исключая нѣкоторыхъ женщинъ, хорошо говорятъ по малороссійски. Вообще населеніе не чисто молдаванское.

I.

Судьи разрѣшаютъ дѣла въ волостномъ правленіи, но такъ какъ они выбираются изъ каждаго села, то маловажныя дѣла часто разрѣшаются въ селахъ на мѣстѣ; такія, въ большинствѣ случаевъ, въ книги не записываются. Мною найдено въ книгахъ лишь одно рѣшеніе, въ которомъ значится, что оно рѣшено судьями села Требусовки (Хр. с. 1869 г. № 7) ¹⁾.

Всѣ судьи, за цѣлый разсмотрѣнный мною періодъ, неграмотны. Къ рѣшеніямъ приложены ихъ печати. Большинство рѣшеній имѣетъ 3—5 печатей. Но къ одному приложено 12 печатей, т. е., въ засѣданіи находились всѣ судьи волости; рассматривалось дѣло о правѣ на земельный надѣлъ пасынка и отчима.

Въ одну изъ книгъ записано распоряженіе волостнаго старшины „совмѣстно съ прочими членами волостнаго правленія“ о наказаніи розгами крестьянина С. за оскорбленіе старосты. Приложены печати старшины и жаловавшагося старосты.

По собственному усмотрѣнію судъ возбудилъ лишь одно дѣло—о завладѣніи общественною землею; судъ присудилъ отвѣтчика очистить общественную землю, захваченную имъ подъ постройку. Всѣ остальные дѣла возбуждены или потерпѣвшими, или старшинами, или старостами. Въ одномъ случаѣ дѣло рассматривалось судомъ по сообщенію мирового посредника. Одна жалоба поступила въ судъ чрезъ мирового посредника; въ виду

¹⁾ Авторъ подтверждаетъ каждый фактъ подобною ссылкой на годъ и номеръ рѣшенія того или другаго волостнаго суда; но редація, съ согласія автора, опустила всѣ дальнѣйшія ссылки, чтобы не испещрять страницы массою подобныхъ ссылокъ, не имѣющихъ для читателя существеннаго значенія.

этого постановленное судомъ рѣшеніе было представлено посреднику. Хрустовскій судъ, постановивъ рѣшеніе по дѣлу К и Л. въ 1870 г., потомъ измѣнилъ оное въ 1871 г.; но мировой посредникъ послѣдняго рѣшенія, какъ значится въ книгѣ, не утвердилъ и оно въ исполненіе не приведено. Какъ извѣстно, въ законѣ утвержденіе рѣшеній мировыми посредниками не предусмотрено.

Потерпѣвшій возбуждаетъ дѣла уголовныя и гражданскія или самъ, или чрезъ мужа, брата (въ одномъ случаѣ братъ явился истцомъ за свою сестру хотя она была замужемъ и мужъ былъ живъ), эконома, конторщика, досмотрщика и притомъ безъ всякой довѣренности. Одна жалоба на служащаго за то, что онъ ссорился и оскорблялъ другихъ служащихъ (а не ихъ хозяина) подана была въ судъ хозяиномъ и судомъ разсмотрѣна.

Судъ иногда разрѣшаетъ не только споры и тяжбы, но и другія ходатайства: крестьянка Д. просила судъ разрѣшить переуступить оставшія ей послѣ мужа земельный надѣлъ, въ виду ея бездѣтности, своему брату; судъ отказалъ. Нѣкоторые крестьяне обратились въ судъ съ просьбою надѣлить ихъ общественною землею¹⁾; судъ рѣшилъ: надѣлить. Но мировой посредникъ нашелъ это рѣшеніе незаконнымъ, какъ онъ отмѣнилъ его — своею-ли собственною властью или представилъ дѣло въ сѣздъ — остается неизвѣстнымъ. Одинъ разъ судъ разрѣшалъ вопросъ, должна ли жена П. слѣдовать за своимъ мужемъ въ Сибирь. Судъ опредѣлилъ: по жестокому обращенію съ нею мужа оставить ее въ кругѣ общества, „какъ поведенія хорошаго“. Дѣло разсматривалось по предписанію становаго пристава.

На основаніи ст. 98 общ. пол. о вр., волостной судъ можетъ разсматривать споры и тяжбы, въ коихъ кромѣ крестьянъ участвуютъ и постороннія лица, въ случаѣ желанія тяжущихся. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что статья эта имѣетъ въ виду исключительно гражданскіе споры; но волостной судъ идетъ далѣе, разсматривая и уголовныя дѣла крестьянъ съ посторонними лицами. По одному дѣлу мѣщанинъ С. былъ приговоренъ къ наказанію 18-ю ударами розогъ. О желаніи тяжущихся подвергнуть дѣло на разсмотрѣніе волостнаго суда отбирается подписка.

Въ книги волостныхъ судовъ вносятся и рѣшенія третей-

¹⁾ Кромѣ надѣловъ отдѣльныхъ крестьянъ, каждое село имѣетъ запасныя земли, которыя считаются общественными.

скихъ судовъ. По дѣламъ крестьянъ съ евреями, рѣшаемыми въ порядкѣ третейскаго суда, составъ судей былъ слѣдующій: дѣло крестьянина М. (онъ же волостной писарь) съ евреемъ Ш. рѣшали два еврея; по дѣлу К. съ Ю. избраны были съ одной стороны три крестьянина, съ другой — два еврея и одинъ нѣмецъ; по другому дѣлу избраны были два крестьянина съ одной стороны и одинъ еврей — съ другой. Видимо, крестьяне-земледѣльцы не довѣряютъ евреямъ, а евреи не довѣряютъ крестьянамъ. Въ книгахъ имѣется одинъ случай, когда третейскій судъ разсматривалъ дѣло, имѣющее уголовный характеръ: крестьянинъ просилъ взаймы у М. 5 руб.; послѣдняя, не зная стоимости кредитныхъ билетовъ, довѣрила ему выбрать изъ ея денегъ пятирублевый билетъ; но тотъ выбралъ не пяти, а 50-тирублевый билетъ.

Судъ рѣшаетъ дѣла и заочно. По одному дѣлу первоначально разборъ былъ отложенъ по неявкѣ отвѣтчика; но, когда онъ не явился и по второму призыву, судъ рѣшилъ дѣло безъ него, присудивъ противной сторонѣ и свидѣтелямъ вознагражденіе за первую ихъ явку. Другое дѣло было рѣшено въ отсутствіе отвѣтчика по первому вызову. Изъ книгъ не видно, чтобы на заочныя рѣшенія допускались отзвмы.

Большинство жалобъ, такъ называемыхъ, просительныхъ пунктовъ не имѣетъ и цѣна исковъ не опредѣляется. По дѣлу С. — приемыша — судъ постановилъ рѣшеніе о присужденіи ему $\frac{1}{2}$ собраннаго хлѣба и трехъ десятинъ засѣяннаго хлѣба; истецъ отыскивалъ вознагражденіе за работу у своего усыновителя въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; нѣтъ сомнѣнія, что онъ отыскивалъ болѣе 100 р.

На сколько быстро рѣшаются дѣла, изъ книгъ судовъ не видно, такъ какъ въ рѣшеніяхъ время подачи жалобъ не опредѣлено; только изъ одного рѣшенія видно, что жалоба въ судъ переслана была мировымъ посредникомъ 16-го іюля, а дѣло рѣшено лишь 4-го декабря, т. е. чрезъ четыре съ половиною мѣсяца. Вообще извѣстно, что дѣла рѣшаются очень медленно.

До послѣдняго времени стороны и свидѣтели вызывались въ судъ посредствомъ словесныхъ приказовъ лицъ сельскаго управленія; въ настоящее же время имъ посылаются повѣстки. Но какія послѣдствія влечетъ неявка свидѣтеля, изъ рѣшеній этого не видно. Часто судъ принимаетъ въ соображеніе свѣдѣнія, извѣстныя ему постороннимъ путемъ.

При оцѣнкѣ доказательствъ судъ пользуется полною свободой. Каменскій судъ призналъ П. виновнымъ въ присвоеніи

25 р., данныхъ ему для размѣна, лишь на основаніи объясненій потерпѣвшаго. Тотъ же судъ отказалъ истцу въ искѣ на томъ основаніи, что тотъ не заявлялъ никакой жалобы ранѣе. Крестьянинъ И. просилъ взыскаъ съ еврея-земледѣльца 10 р. долга за купленную у него корову; отвѣтчикъ объяснялъ, что онъ долгъ уплатилъ. Безъ всякихъ другихъ доказательствъ судъ призналъ искъ правильнымъ. Съ крестьянина Б. въ пользу еврея-земледѣльца Б. было присуждено мировымъ судьей 140 р. по векселю; первый послѣ того предъявилъ къ еврею Б. обратный искъ, объясняя, что онъ уже уплатилъ 100 р., а еврей Б. взыскалъ съ него лишніи деньги. Послѣдній возражалъ, что хотя онъ и получилъ 100 р., но не по векселю, а по другимъ расчетамъ. Доказательствъ у крестьянина Б. не было; не смотря на то, судъ призналъ его жалобу правильною и присудилъ ему 73 р. Изъ этого же рѣшенія видно, что волостной судъ принимаетъ къ своему разсмотрѣнію тѣ возраженія, которыя не были сдѣланы или доказаны своевременно у мирового судьи. Это же видно и изъ рѣшенія № 32-й, 1877 года, Каменскаго суда: два брата спорили о наслѣдствѣ; споръ былъ разрѣшенъ мировымъ судьей, но одна изъ сторонъ не представила мировому судѣй всѣхъ возраженій по всѣмъ частямъ наслѣдственнаго имущества; судъ ихъ разсмотрѣлъ и дополнилъ рѣшеніе мирового судьи.

Выше мы сказали, что судъ принимаетъ къ разсмотрѣнію иски безъ опредѣленія цѣны ихъ, слѣдовательно, принимаетъ и иски, по закону ему неподсудные. Напримѣръ, въ одномъ случаѣ онъ разрѣшалъ споръ о наслѣдствѣ стоимостью болѣе 700 р. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ отказывается отъ разсмотрѣнія такихъ исковъ, мотивируя отказъ правилами подсудности: одна женщина приняла къ себѣ въ домъ мужа, потомъ прогнала его; мужъ отыскивалъ съ нея нажитое его трудами имущество, жена же возражала, что онъ уже продалъ ея имущество на 130 р. и просила взыскаъ эти деньги съ него. Судъ отказался отъ разрѣшенія этого спора въ виду встрѣчнаго иска на 130 р. Какъ мы знаемъ, настоящій случай, какъ и другіе подобные ему, объясняются не стремленіемъ суда не выходить изъ предѣловъ вѣдомства, а трудностью дѣла, недоумѣніемъ суда какъ разрѣшить оное, боязнию, напримѣръ, раздѣломъ супруговъ произвести соблазнъ въ народѣ.

Сверхъ обыкновенныхъ доказательствъ (свидѣтельскихъ показаній, письменныхъ документовъ и проч.), въ одномъ случаѣ судъ разрѣшилъ дѣло на основаніи клятвы обвинителя: послѣдній жаловался на присвоеніе Н. девяти руб.; обвиняемый объ-

яснѣлъ, что онъ отдалъ ихъ; но обвинитель покаялся, что не получалъ и судъ призналъ его жалобу, на основаніи клятвы, правильною.

При разрѣшеніи дѣлъ, судъ принимаетъ въ соображеніе, какой характеръ имѣеть обвиняемый; въ рѣшеніи № 2 за 1877 г. высказано: судъ нашелъ, что обвиняемый „имѣеть характеръ дерзкій“. Какъ увидимъ ниже, судъ одинъ разъ оштрафовалъ обвиняемаго за побори и „дурной характеръ“. Изъ вышеприведеннаго рѣшенія видно, что онъ принимаетъ въ соображеніе и постороннія свѣдѣнія ему извѣстныя.

Но когда, не смотря на всѣ старанія, судъ не усматриваетъ достаточныхъ доказательствъ правильности жалобы, такъ что у него возникаетъ сомнѣніе, то въ гражданскихъ дѣлахъ онъ присуждаетъ лишь часть отыскиваемой суммы, а по уголовнымъ присуждаетъ съ обвиняемаго потерпѣвшему возмѣщеніе убытковъ, но никакой мѣры наказанія не примѣняетъ: Такъ нѣкто Ч. пьянствовалъ въ шинкѣ съ тремя крестьянами и потомъ ночевалъ на улицѣ. Онъ жаловался суду, что у него пропало 18 р. Судъ присудилъ въ его пользу съ указанныхъ крестьянъ и сидѣльца по 2 р.—всего 8 р. „въ виду того, что они разнорѣчиво по-казываютъ“. Д. просилъ у крестьянки М. пять рублей въ долгъ и, такъ какъ та не знала счета денегъ, онъ взялъ у ней вмѣсто пятирублеваго билета—50-тирублевый. Но доказательствъ никакихъ не было и обвиняемый не сознавался. Судъ опредѣлилъ: взыскать съ Д. 40 р., а 10 р. оставить въ его пользу, „чтобы на будущее время жена М. не распоряжалась безъ мужа деньгами“. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что приведенныя судомъ слова не выражаютъ истиннаго соображенія суда: 10 р. онъ подарилъ обвиняемому не потому, что жена распорядилась деньгами безъ согласія мужа—судъ имѣлъ возможность выразить порицаніе ея своей воліа другимъ путемъ, притомъ, изъ рѣшенія суда не видно, что мужъ на это жаловался; во всякомъ случаѣ судъ, присуждая 10 р. съ жены за произвольное распоряженіе деньгами мужа, наказывалъ тѣмъ и послѣдняго. Истиннымъ соображеніемъ, какъ мы сказали, было то, что у М. не было противъ Д. никакихъ доказательствъ, вслѣдствіе чего судъ поставленъ былъ въ затруднительное положеніе; но судъ не желаетъ высказать своего сомнѣнія и, присуждая М. только 40 р., подбираетъ—и очень неудачно—совершенно посторонній мотивъ отказа въ 10 р. Вмѣстѣ съ тѣмъ, судъ выражаетъ и свое неудовольствіе за то, что его ставятъ въ такое трудное положеніе. Другой случай: Б. обвинялся въ кражѣ двухъ мѣшковъ пшеницы; противъ него

былъ выставленъ свидѣтель Л., который въ частномъ разговорѣ подтверждалъ обвиненіе, на судѣ же онъ отрезся отъ объясненія и показалъ, что онъ ничего не знаетъ. Судѣ, тѣмъ не менѣе, призналъ Б. виновнымъ, присудивъ съ него въ пользу потерпѣвшаго 1½ корца пшеницы, но никакого наказанія не назначилъ. Третій случай: П. взялъ у другаго лица 25 р. для развѣна и присвоилъ ихъ. Довазательствъ не было. Но судѣ присудилъ съ него 25 р., наказанія же не назначилъ. Какъ увидѣть читатель ниже, случаи эти нельзя объяснить тѣмъ, что судѣ нашелъ проступки обвиняемыхъ ненаказуемыми; во всѣхъ другихъ случаяхъ онъ наказывалъ такія же дѣянія.

Теперь я болѣе подробно остановлюсь на вопросѣ о томъ, какія дѣла судѣ находятъ себѣ подсудными. Что судѣ признаетъ подсудными себѣ всѣ дѣла, которыя отведены въ его вѣденіе закономъ,—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но мы уже видѣли, что въ сферѣ гражданскаго права онъ принимаетъ къ своему разсмотрѣнію всѣ дѣла, которыя до него доходятъ и отказывается отъ разсмотрѣнія ихъ лишь тогда, когда находятъ ихъ трудноразрѣшимыми. Примѣры процессовъ имущественныхъ нами уже приведены. Въ сферѣ семейной судѣ разрѣшалъ слѣдующіе споры: въ случаѣ женитьбы вдовца на второй женѣ, кому должна быть отдана дочь его отъ первой жены—ему или отцу первой жены? обязанъ ли вдовецъ, женившійся во второй разъ, содержать ребенка отъ первой жены? обязанъ ли сынъ содержать отца и своихъ братьевъ? Въ сферѣ уголовнаго права судѣ разсматривалъ слѣдующія дѣла: а) нанесеніе грубостей сельскому старостѣ, б) „нелѣпныя объясненія противъ волостнаго суда“ (оскорбленіе волостнаго суда), ослушаніе старосты и неисполненіе его требованій, оскорбленіе волостнаго старшины и подстрекательство къ жалобамъ на него, подстрекательство крестьянъ къ неповиновенію волостному старшинѣ, вымогательство взятен кандидатомъ сельскаго старосты и неправильное лишеніе имъ свободы, ослушаніе десятскими старшины, оскорбленіе дьячка, побой съ выбитіемъ зуба, побой нанесенныя матери.

Большинство рѣшеній имѣетъ слѣдующее прибавленіе: „что справедливо и совѣстно порѣшили настоящее дѣло, въ томъ подписями нашими съ приложеніемъ штемпелей утверждаемъ“.

Рѣшенія ссылокъ на законы не содержатъ. Только въ одномъ сдѣлана ссылка на ст. 557 т. X, ч. I, на основаніи которой „за давностію“ судѣ отказалъ въ искѣ; въ другомъ говорится о родовомъ имуществѣ и о правѣ жены на седьмую долю.

Самая слабая сторона волостного суда это исполненіе его рѣшеній. Книги содержать особую графу „когда и въмъ исполнено рѣшеніе“; но графа эта почти всегда пустая и никакихъ отмѣтокъ не содержитъ. Одно дѣло о кражѣ лошади судъ нашелъ себя неподсуднымъ и опредѣлилъ: копію постановленія представить мировому судѣ; но копія представлена не была. Нѣкто К. былъ три раза наказанъ за неподчиненіе рѣшенію волостного суда.

Заканчивая настоящій отдѣлъ нашей статьи, относящійся къ такъ называемому формальному праву, мы должны упомянуть еще объ одной сторонѣ народнаго суда—о его безпристрастіи. Съ этой стороны, на основаніи рѣшеній судовъ, записанныхъ въ книги, трудно придти къ какому либо выводу не въ пользу суда.

Обращаютъ вниманіе лишь слѣдующія рѣшенія: крестьянинъ Х. укралъ въ хрустовскомъ имѣніи 29 полѣвъ; судъ присудилъ съ него въ пользу имѣнія 20 руб. и наказалъ розгами; крестьянинъ К., работая на виноградной горѣ, принадлежащей камсскому имѣнію, укралъ нѣсколько вѣтокъ винограду, который и спряталъ въ сапоги. Судъ присудилъ съ него въ пользу имѣнія 10 р. и 2 р. въ пользу церкви. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ни дрова, ни виноградъ не стоили той суммы, которую присудилъ судъ.—Но вывести какое нибудь положительное заключеніе изъ этихъ обстоятельствъ я не берусь, хотя и знаю, что волостные суды находятся въ нѣкоторой зависимости отъ камскаго и хрустовскаго имѣній, такъ какъ первое, занимаясь винодѣліемъ, имѣетъ спросъ на рабочихъ, второе же, заключая массу земли, состоитъ въ двоякихъ отношеніяхъ къ мѣстнымъ крестьянамъ—какъ отдатчина земли и какъ хозяина, дающаго крестьянамъ работу. Кромѣ того, между мѣстными имѣніями и мѣстными лицами волостнаго и сельскаго управленія существуютъ и другія отношенія: послѣднія очень часто пользуются безвозмездно въ имѣніяхъ правомъ пастбища, сѣновоса, получаютъ для временнаго пользованія нѣкоторое количество земли, дровъ, и т. п.

Теперь мы приведемъ тѣ выводы, которые непосредственно вытекаютъ изъ приведенныхъ рѣшеній:

а) волостной судъ не записываетъ въ книгѣ всѣ свои рѣшенія. Это обстоятельство стоитъ въ связи съ патриархальною народомъ, неграмотностію его и дурнымъ устройствомъ волостнаго управленія.

б) Волостной судъ не возбуждаетъ самъ дѣлъ.

в) Онъ признаетъ себя въ нѣкоторомъ подчиненномъ положеніи къ мировому посреднику.

г) Защита интересовъ потерпѣвшаго въ волостномъ судѣ принадлежитъ всѣмъ лицамъ, близко стоящимъ къ потерпѣвшему и служащимъ у него, если самый родъ службы указываетъ на то, что потерпѣвшій поручилъ служащему охрану своихъ интересовъ.

д) Предѣлы подсудности, указанные закономъ, судъ находитъ узкими и рассматриваетъ почти всѣ обыденные споры и уголовныя дѣла, встрѣчающіеся въ крестьянскомъ быту, причемъ не выдѣляетъ изъ своей подсудности и разныхъ нарушеній своихъ обязанностей должностными лицами сельскаго управленія, а также всякаго рода ослушаній и обидъ, причиняемыхъ крестьянами должностнымъ лицамъ, рассматривая даже такого рода преступленіе, какъ подстрекательство къ неповиновенію старшинѣ.

е) Суду передается сторонами лишь существо спора; пункты же просительныя выясняются лишь на судѣ.

ж) При оцѣнкѣ доказательствъ судъ пользуется неограниченною свободой, принимая въ соображеніе не только формальныя доказательства, но и извѣстныя ему нравственныя качества сторонъ.

з) Судъ признаетъ возможнымъ измѣнять или дополнять какъ свои рѣшенія, такъ и рѣшенія мирового судьи, хотя всякому измѣненію придаетъ форму дополненія.

и) Въ случаѣ нѣкотораго сомнѣнія, зависящаго оттого, что жалующимся не приведено никакихъ доказательствъ, признавалъ жалобу правильною на основаніи разныхъ соображеній, судъ или присуждаетъ только часть иска, или, присуждая вознагражденіе за ущербъ, не наказываетъ обвиняемаго. Последнее обстоятельство указываетъ на то, что судъ держится той пословицы, по которой „не пойманъ—не воръ“, хотя и обязанъ возвратить украденное въ извѣстной долѣ.

і) Нѣкоторыя рѣшенія указываютъ на то, что волостной судъ не находится въ положеніи вполнѣ независимомъ отъ мѣстныхъ капиталистовъ, дающихъ крестьянамъ работу.

к) Судъ не ссылается ни на гражданскіе, ни на уголовные законы, слѣдовательно, признаетъ ихъ не подлежащими примѣненію къ простому народу.

II.

Въ настоящемъ отдѣлѣ мы сгруппируемъ рѣшенія волостнаго суда, относящіяся къ уголовному праву. Мы надѣемся, что читатель не сомнѣвается, что волостной судъ не проводитъ дѣленія дѣяній гражданскихъ и уголовныхъ. Мы увидимъ ниже, что подъ уголовными онъ разумѣетъ такія дѣянія, которыя мы или считаемъ гражданскими или, такъ сказать, безразличными для общественной власти, не подлежащими преслѣдованію съ ея стороны. Но нѣтъ сомнѣнія, что дѣянія, къ которымъ судъ примѣняетъ уголовныя кары (розги, арестъ, штрафъ, общественныя работы), должны быть считаемы съ его точки зрѣнія уголовными. Волостной же судъ примѣнилъ уголовныя наказанія и къ слѣдующимъ поступкамъ: грубость сельскому старостѣ (розги); „нелѣпныя объясненія противъ волостнаго суда“ (розги); неправильная жалоба и утружденіе начальства—(арестъ); оскорбленіе волостнаго старшины и подговоръ противъ него другихъ крестьянъ ¹⁾ (розги); подстрекательство крестьянъ къ неповиновенію волостному старшинѣ (20 розогъ); уничтоженіе межь, указанныхъ волостнымъ судомъ (арестъ); неуплата присужденныхъ волостнымъ судомъ денегъ и „серывательство“ отъ уплаты (6 розогъ); неплатежъ податей (15 розогъ); неаккуратность во взносѣ податей (розги); клевета о членѣ волостнаго суда, что онъ былъ подъ судомъ (1 р. штрафа); дерзость на судѣ (1 р. штрафа); подача неправильной гражданской жалобы (1 р. штрафа); „взведеніе на старосту неприличныхъ клеузъ“, т. е., подача на старосту неправильной жалобы (арестъ); неявка на караулъ и слушаніе старостѣ (розги); растрата мірскихъ суммъ сборщикомъ (розги); слушаніе десятскими старшины и старосты (розги); оскорбленіе уполномоченныхъ по земскому надѣлу ²⁾ (арестъ); потеря служебнаго пакета (розги); уничтоженіе межь (розги);

¹⁾ Крестьянинъ Е., по мнѣнію суда, оскорбилъ волостнаго старшину тѣмъ, что ѣздилъ по селамъ и разспрашивалъ, не виновенъ-ли въ чемъ старшина, говорилъ, что ему необходимо это для подачи жалобы на него, чтобы тотъ былъ устраненъ отъ должности. Судъ приговорилъ Е. къ 20-ти ударамъ розогъ; за другими же двумя подстрекателями учредилъ надзоръ.

²⁾ Для составленія уставныхъ грамотъ и выкупныхъ актовъ были избраны уполномоченные отъ каждаго села, которые въ настоящее время завѣдуютъ общественными землями и носятъ названія „уполномоченныхъ“.

неотправление служебнаго пакета ¹⁾ (1 р. штрафа); незаконное сожиганіе холостого съ незамужней (10 розогъ); пьянство и нападеніе на всякаго встрѣчнаго (розги); дерзкое и непривѣтливое обращеніе одного рабочаго съ другимъ, служащаго въ томъ же имѣніи (розги); нарушеніе общественной тишины (штрафъ); явка въ судъ съ цѣлю защиты ослушника властямъ (общественныя работы); неправильное показаніе или вѣдущаго (выселеніе изъ деревни) ²⁾; пьянство и бездѣйствіе (розги); подстрекательство къ несогласію (штрафъ); взаимная драка братьевъ (розги); ложное показаніе на судъ (розги); плотское сообщеніе съ близкою родственницей (3 р. штрафа); шатанье по мѣстечку съ лицомъ подозрительнымъ (розги) ³⁾; допущеніе свиней бродить по улицѣ безъ досмотра (штрафъ); нерадѣніе церковнаго сторожа, „давшаго поводъ (?) своимъ нерадѣніемъ сдѣлать подкопъ подъ церковь“ (25 розогъ); шатанье въ ночное время безъ всякаго дѣла (розги); незаявленіе старостѣ о найденной индѣйкѣ (штрафъ) ⁴⁾; пьянство и расточительность (розги); похищеніе фруктовыхъ деревьевъ (общественныя работы); кража дровъ (розги); кража сѣна (штрафъ); покупка завѣдомо краденнаго (розги); кража скошеннаго ячменя (штрафъ); пріемъ краденныхъ вещей (штрафъ въ пользу потерпѣвшаго); выманиваніе денегъ посредствомъ обѣщанія отработать ихъ (розги); клевета (розги); убой чужаго скота (внушеніе); нападеніе на жену, т. е., обида жены (розги) поврежденіе чужаго имущества ⁵⁾ (штрафъ); неисполненіе договора (общественныя работы); неаккуратность въ исполненіи договоровъ (розги); самоуправство (розги); дурныя поступки, т. е., дурное поведеніе (розги); оставленіе службы ранѣе срока, неповиновеніе хозяину (розги); побои и дурной характеръ, т. е., сварливость (штрафъ); оскорбленіе дѣвицы (розги); „необращеніе

¹⁾ Крестьянину Б. было поручено отвезти ошціальный пакетъ въ другое село; получивъ его, онъ не только не отвезъ, а бросилъ его въ грязь. Судъ нашелъ, что такой поступокъ „противитъ даже закону“ и оштрафовалъ 1 рублемъ.

²⁾ Отставной солдатъ В. рассказывалъ другимъ, что К. угрожалъ поджечь домъ старшины; но когда его допросили на судъ, онъ отперся отъ своихъ словъ и показалъ, что онъ былъ пьянъ и не помнить, что рассказывалъ. Судъ опредѣлилъ „за клевету предоставить В. выбраться въ свое общество“.

³⁾ Д. былъ задержанъ ночью въ мѣстечкѣ вмѣстѣ съ К., у котораго нашли недоуздокъ. Судъ заподозрѣлъ, что они ходили по мѣстечку съ цѣлю похищенія лошадей и приговорилъ Д. къ 10 розгамъ „для исправленія его поведенія“.

⁴⁾ Мальчики нашли въ полѣ индѣйку и, не зная, куда ее дѣть, оставили на улицѣ; судъ приговорилъ ихъ къ штрафу.

⁵⁾ Крестьянка Н. разложила свою конюплю на каменной оградѣ своего сосѣда, безъ его согласія; тотъ разбросалъ ее. Судъ приговорилъ его къ 3 р. штрафу.

дѣвицы къ парнямъ съ вѣжливостью“ на танцѣ (собрание молодыхъ людей, съ цѣлю потанцовать, называется „танецъ“) (штрафъ 1 р. 50 к.); дерзкое обращеніе съ хозяиномъ (розги); оскорбленіе отца, причиненіе „напрасныхъ“ женѣ побоевъ и нанесеніе „ругательствъ“ матери (розги); неповиновеніе матери (розги); оскорбленіе матери (розги).

Мы сдѣлали подробный перечень всѣхъ проступковъ, указанныхъ въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, за исключеніемъ обидъ и оскорбленій, которыя рѣшаются сами собою. Мы указали при этомъ и тѣ наказанія, которыя примѣнены были судомъ къ каждому изъ проступковъ. Изъ того и другаго вытекаютъ очень интересныя заключенія. Такъ, мы можемъ определенно высказать, что до послѣдняго времени болѣе примѣнимымъ наказаніемъ были розги. Но изъ послѣдней книги за 1877 г. видно, что примѣненіе его въ этотъ періодъ значительно ослабѣло. Послѣ розогъ первое мѣсто занимаетъ денежный штрафъ, затѣмъ арестъ и, наконецъ, общественныя работы. Наказаніе розгами производилось при волостномъ правленіи; но въ одномъ случаѣ судомъ назначено произвести экзекуцію въ томъ селѣ, гдѣ совершено преступленіе, въ примѣръ прочимъ¹⁾. Розги примѣнялись, какъ мы видѣли, и къ женщинамъ. Волостнымъ судомъ не освобождались отъ розогъ и еврей-земледѣльцы. Мы ранѣе указывали случай, когда розгами былъ наказанъ судомъ мѣщанинъ. Это указываетъ на то, что волостной судъ, по отношенію къ тѣлесному наказанію, не дѣлаетъ различія между полами, національностями и сословіями. Но онъ не примѣняетъ его къ лицамъ слабаго здоровья и къ лицамъ, имѣющимъ 60 лѣтъ. Изъ приведеннаго мною перечня проступковъ, къ которымъ примѣненъ былъ этотъ родъ наказанія, можно заключить, что розгами наказываются преимущественно распущенность (пьянство, расточительность, шатаванье по ночамъ, развратъ и т. п.) или дерзость (оскорбленія должностныхъ лицъ, родителей, послушаніе имъ, и т. п.), что въ народныхъ воззрѣніяхъ розги имѣютъ характеръ наказанія преимущественно патріархальнаго, не столько наказующаго, сколько научающаго уму-разуму; поэтому они примѣняются и въ случаяхъ, указывающихъ на возможность нравственной порчи (знакомство съ лицомъ подозрительнымъ).

Относительно мѣры наказаній необходимо замѣтить, что волостной судъ очень рѣдко примѣняетъ высшую мѣру ихъ; превышеніе же власти въ этомъ отношеніи замѣтно одинъ разъ,

¹⁾ М. и К. выбили у М. зубъ и выбили его.

когда судъ наказалъ церковнаго сторожа, за нерадѣніе, 25-ю ударами розогъ¹⁾. Но кромѣ указанныхъ въ законѣ наказаній онъ примѣняетъ и другія: внушеніе, арестъ на хлѣбъ и водѣ, лишеніе права участвовать на сельскомъ сходѣ безъ срока или на опредѣленный срокъ, приказаніе выселиться изъ чужаго села въ свое общество. Иногда судъ примѣняетъ къ одному лицу за одинъ проступокъ два наказанія разомъ, напримѣръ: „арестъ при попечительствѣ каменской церкви, гдѣ обвиняемый обязанъ работать по указанію попечителя“ (т. е., арестъ и общественныя работы), или штрафъ (кромѣ вознагражденія за ущербъ) и розги. За обиду судъ назначаетъ иногда и гражданское безчестье, и тѣлесное наказаніе розгами. Очень часто къ наказанію прибавляется угроза болѣе сильнаго наказанія въ случаѣ повторенія проступка, такъ „судъ опредѣлилъ: внушить К. и Л., что если они еще разъ совершатъ тотъ же проступокъ, то будутъ наказаны розгами“; или „внушить К., что если онъ и впредь будетъ нападать на всякаго, то общество будетъ ходатайствовать о его выселеніи“; Т. за кражу былъ наказанъ розгами, кромѣ того, ему внушено, что, въ случаѣ повторенія сего преступленія, онъ будетъ наказанъ по всей строгости закона; лѣсному сторожу Г., призванному виновнымъ въ причиненіи побоевъ, было внушено, что при повтореніи имъ сего проступка ему будетъ воспрещено занимать должность сторожа; Л. и Е. украли гусей, судъ внушилъ имъ, что „если еще что нибудь обнаружится малѣйшее, они будутъ представлены въ станovou квартуру“. Что такого рода внушенія имѣютъ характеръ отеческихъ угрозъ, это видно изъ того, что большая часть ихъ неисполнима.

Какъ извѣстно, всѣ присуждаемыя волостнымъ судомъ денежныя взысканія по закону должны поступать въ пользу мірскихъ суммъ. Но самъ судъ даетъ имъ различное назначеніе, опредѣляя ихъ то въ пользу церковнаго попечительства, то на покупку шкафа для канцеляріи волости, то на устройство учительской семинаріи.

Въ двухъ случаяхъ судъ отдалъ виновныхъ подъ надзоръ сельскаго старости: въ первомъ случаѣ они обвинялись въ оскорбленіи и оклеветаніи церковныхъ попечителей; въ другомъ—въ оскорбленіи старшины и намѣреніи лишить его должности.

Только въ двухъ случаяхъ оскорбленія, судомъ, сверхъ наказанія, назначено виновнымъ испросить у потерпѣвшаго прощеніе.

¹⁾ По закону судъ можетъ наказывать розгами не свыше 20-ти ударовъ.

Во многих рѣшеніяхъ прямо высказано, что судъ назначаетъ виновному наказаніе въ примѣръ прочимъ.

Изъ перечня наказуемыхъ проступковъ мы видимъ слѣдующее: судъ караетъ подачу неправильныхъ, т. е., ложныхъ жалобъ, напрасное утружденіе начальства (мироваго судьи)¹⁾, неисполненіе рѣшеній волостнаго суда, неисполненіе договоровъ о службѣ, неповиновеніе хозяину, неповиновеніе родителямъ.

Судъ наказываетъ пьянство, если оно состоитъ въ связи съ распущенностью другаго рода (расточительностью, лѣнностью, ссорами съ посторонними и домашними); само по себѣ пьянство ненаказуемо.

Кражи разнаго рода судъ наказываетъ различно—штрафами, арестомъ и розгами. Но если потерпѣвшій прощаетъ вора, то наказаніе отмѣняется; но во всѣхъ ли подобныхъ случаяхъ оно отмѣняется—сказать трудно.

Незаконное сожитіе холостаго съ незамужнею наказывается розгами; плотское сообщеніе съ близкою (?) родственницею наказано тремя рублями штрафа. Вообще волостной судъ не знаетъ церковныхъ наказаній (покаяній и т. п.)

На отношенія людей между собою судъ смотритъ такъ, что онѣ должны быть мирныя, такъ за сварливость („дурной характеръ“) онъ наказываетъ розгами.

Состояніе опьяненія, въ которомъ совершены проступокъ, даетъ право лишь на снисхожденіе, но не на помилованіе.

Разсматривая дѣла о личныхъ оскорбленіяхъ, судъ доискивается подстрекателей къ ссорѣ, хотя бы на нихъ и не жаловались, причѣмъ наказываетъ и ихъ. Вообще подстрекатель наказывается строже другихъ виновныхъ.

По отношенію къ семейнымъ ссорамъ мы уже видѣли, что волостной судъ даже обиды дѣйствіемъ родителей наказываетъ лишь розгами, не передавая ихъ на разсмотрѣніе общихъ судебныхъ учрежденій. При этомъ замѣчательно то, что въ разсмотрѣнныхъ мною книгахъ нѣтъ ни одного рѣшенія объ оскорбленіи родителей, въ которомъ бы фигурировала дочь.

Точно также волостной судъ, какъ мы уже видѣли, разсматриваетъ и наказываетъ лишь розгами оскорбленіе старшины и подстрекательство крестьянъ къ неповиновенію ему.

Въ одномъ изъ рѣшеній мы видѣли, что судъ наказалъ „напрасныя“ побои жены. Читатель можетъ подумать, что побои ненапрасныя, — т. е., за дѣло—допускаются судомъ. Такое мнѣніе не совсѣмъ вѣрно: волостной судъ вообще чрезвычайно де-

¹⁾ Судъ волостной видимо бережетъ трудъ и время должностныхъ лицъ.

ликатень по отношенію къ супружескимъ несогласіямъ; онъ хорошо знаетъ, что наказаніе въ этой сферѣ можетъ вызвать цѣлую бурю; поэтому онъ чрезвычайно тщательно разсматриваетъ, не дала ли жена какихъ либо поводовъ къ побоямъ со стороны мужа. Вышеозначенное выраженіе значить только, что судъ въ данномъ случаѣ призналъ что побои нанесены безъ всякаго повода со стороны жены.

Вообще дѣлъ о побояхъ мужьями женъ было немного и судъ никогда не прощаль ихъ¹⁾.

Одинъ разъ судъ разсматривалъ дѣло о присвоеніи находки, причемъ, хотя и призналъ обвиняемаго виновнымъ, такъ какъ доказательства были на лицо и гражданскій искъ потерпѣвшаго удовлетворенъ, но присвоеніе осталось ненаказаннымъ.

Изъ того же перечня проступковъ, нами указанныхъ, видно, что волостной судъ относится не симпатично къ жалобамъ на старостъ и старшинъ ихъ начальству. Объясняется ли это тѣмъ, что въ постановленіи рѣшениій принимаютъ дѣятельное участіе эти лица, или тѣмъ, что судъ не довѣряетъ высшему начальству, признавая, что обузданіе выборныхъ лицъ содержится въ правѣ выборовъ, въ общественномъ мнѣніи и въ томъ нравственномъ вліяніи, которое общество на нихъ имѣетъ,—мы не знаемъ. Но одинъ случай былъ особенно поразителенъ: К. явился къ предсѣдателю съѣзда мировыхъ посредниковъ съ жалобой, что мѣстный староста требовалъ отъ него, чтобы онъ отдалъ ему въ годичное услуженіе (вѣроятно, безвозмездно) мальчика—сына и, когда онъ отказалъ, то староста его истязалъ, арестовалъ и заковалъ въ кандалы; въ доказательство чего и явился къ предсѣдателю закованнымъ. Предсѣдатель отправилъ его къ мировому посреднику, посредникъ же отправилъ его въ волостное правленіе. Волостной судъ, разсмотрѣвъ это дѣло, приговорилъ К. „за упорную неуплату податей и введеніе на старосту неприличныхъ кляузъ“ къ аресту, съ общественными работами при попечительствѣ, на три дня. Изъ рѣшенія, между прочимъ, хотя положительно и не видно, за что К. закованъ былъ старостой въ кандалы, но резолюція суда указываетъ, что заключеніе въ кандалы было мѣрою взысканія съ К. податей²⁾.

¹⁾ Мы можемъ засвидѣтельствовать, что супружескія отношенія на югѣ, между малороссами и молдаванами, гораздо мягче, чѣмъ на сѣверѣ, между великороссами.

²⁾ Нужно замѣтить, что на югѣ, какъ и на сѣверѣ, подати „выбиваютъ“ и должностныя лица сельскаго управленія по отношенію къ неплательщикамъ принимаютъ очень грубыя мѣры.

Прибавимъ еще, что волостной судъ считаетъ официальными лицами и уполномоченныхъ по земельному надѣлу. Можно думать, что онъ считаетъ должностными лицами всѣхъ тѣхъ, которые выбраны обществомъ для завѣдыванія какою либо отраслью общественнаго управления или хозяйства, а также и приходящихъ въ соприкосновеніе съ міромъ официальнымъ (чиновниками или священниками).

Между рассмотрѣнными нами рѣшеніями объ оскорбленіи должностныхъ лицъ и ослушаніи имъ мы не нашли ни одного, которымъ бы обвиняемый былъ признанъ не виновнымъ; напротивъ, всѣ заявленія старостъ, старшинъ и мирового посредника уважались судомъ. Это указываетъ какъ на то, что должностныя лица всегда находятъ поддержку въ волостномъ судѣ въ дѣлѣ отправления своихъ обязанностей, такъ и на то, что послѣдній не можетъ быть признанъ независимымъ отъ административнаго вліянія.

Въ заключеніе этого отдѣла мы приведемъ слѣдующій случай: жена Б. бросила въ Ч. камнемъ и понала ему въ щеку; судъ присудилъ въ пользу Ч. съ мужа Б. 25 рублей Юристъ найдетъ это рѣшеніе большимъ абсурдомъ; но съ точки зрѣнія волостнаго суда, оно совершенно понятно: между супругами Б. существовала чрезвычайно тѣсная связь, въ силу которой мужъ Б. считалъ себя нравственно обязаннымъ отвѣчать за свою жену; судъ зналъ это и присудилъ деньги прямо съ мужа.

III.

Приступая къ рассмотрѣнію рѣшеній волостныхъ судовъ, относящихся къ матеріальному гражданскому праву, мы предварительно укажемъ, что крестьяне юго-западнаго края выкупили свои земли съ пособіемъ отъ правительства и считаются ихъ собственниками; надѣлъ давался на цѣлый дворъ; владѣніе частное, а не общинное; въ уставныя грамоты вносились старшіе въ домѣ (отецъ, старшій братъ, дѣда), а такъ какъ уставныя грамоты служатъ для крестьянъ актами крѣпостными, то волостному суду предстояло разрѣшать массу земельныхъ споровъ, въ которыхъ, видимо, на первыхъ порахъ, онъ и самъ путался. Напримѣръ: за крестьяниномъ Чукалтаномъ записанъ земельный надѣлъ въ 6 десятинъ; но у него есть младшій братъ, которому при составленіи грамоты было 15 лѣтъ; на первыхъ порахъ

надѣломъ владѣлъ исключительно старшій; когда младшій подростъ и предъявилъ искъ о раздѣлѣ надѣла, то старшій отрицалъ его претензію тѣмъ, что надѣлъ записанъ за нимъ, слѣдовательно онъ имѣетъ исключительное право собственности на оный, тѣмъ болѣе, что онъ одинъ до сихъ поръ уплачивалъ за надѣлъ и выкупные платежи. Суду предстояло разрѣшить два главные вопроса: имѣютъ ли крѣпостные акты (уставныя грамоты) безусловное значеніе и создаетъ ли какія либо права на землю уплата выкупныхъ платежей? Мы увидимъ ниже, что у волостныхъ судей, какъ у всѣхъ неграмотныхъ людей, сохранилось нѣчто въ родѣ благоговѣнія предъ письменными актами. При изложеніи рѣшеній волостныхъ судовъ по земельнымъ спорамъ, мы будемъ придерживаться системы свода, поэтому и начнемъ съ права семейнаго.

Вслѣдствіе разъясненія сѣзда мировыхъ посредниковъ, судомъ проводится то начало, что всякій выкупленный участокъ составляетъ собственность всѣхъ членовъ семьи мужскаго пола. Отецъ захватилъ въ свое владѣніе домъ, выстроенный его сыномъ-солдатомъ и не хотѣлъ ему отдать. Судъ нашель, что такъ какъ домъ построенъ сыномъ, то онъ и долженъ принадлежать ему; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязалъ сына содержать отца и двухъ малолѣтнихъ братьевъ. У крестьянина М. жена умерла отъ родовъ, оставивъ ребенка. Тотъ немедленно отдалъ ребенка тестю и послѣ того о немъ нисколько не заботился, даже ни разу не посмотрѣлъ на него въ теченіе 8-ми мѣсяцевъ, хотя они и жили въ одномъ селѣ. Тестъ оскорбился такимъ поведеніемъ зятя и жаловался суду. Послѣдній присудилъ зятя помогать матеріально своему тестю въ содержаніи ребенка. М. жаловался на своего отца за то, что онъ работалъ вмѣстѣ съ отцомъ, а тотъ никакого имущества ему не даетъ, а отдаетъ все другому сыну. Судъ присудилъ жаловавшемуся отъ отца $\frac{1}{2}$ надѣла, $\frac{1}{8}$ фруктоваго сада и воловъ до смерти послѣдняго; послѣ же смерти отца все это братья обязаны были раздѣлить поровну. А. заявлялъ суду, что онъ имѣетъ усадьбу, 10 десятинъ земли и фруктовый садъ и просилъ раздѣлить все это между нимъ и сыномъ, такъ какъ послѣдній его не содержитъ. Судъ раздѣлилъ поровну, оставивъ 5 десятинъ отцу съ тѣмъ, чтобы тотъ отдалъ ихъ тому родственнику, который будетъ содержать его до смерти. М. жаловался суду, что онъ долженъ разнымъ лицамъ 98 р.; сынъ же его отказывается помочь ему уплатить этотъ долгъ. Судъ обязалъ сына уплатить 38 р., но вмѣстѣ съ тѣмъ обязалъ отца выдѣлить сыну одну десятину земли,

¹/₄ сада и нѣкоторое количество хлѣба. Пасынокъ М. заявилъ претензію на часть земельного надѣла, которымъ владѣлъ его вотчимъ; судъ отказалъ ему на томъ основаніи, что надѣлъ записанъ за вотчимомъ. По жалобѣ Р. судъ присудилъ: отдать ему на воспитаніе внуку, оставшуюся сиротой послѣ смерти его дочери, на томъ основаніи, что отецъ этой внучки—зять Р.— женился на другой. Приемшиъ жаловался на своего усыновителя, что онъ, живя съ нимъ, трудился для его хозяйства нѣсколько лѣтъ, усыновитель же никакого вознагражденія ему не даетъ. Судъ присудилъ приемшиу ¹/₈ собраннаго хлѣба и 3 десятины посѣвовъ. Приемшиъ Д. требовалъ отъ усыновителя выдѣла имущества; тотъ возражалъ, что онъ желаетъ, чтобы приемшиъ жилъ съ нимъ. Въ виду отказа приемшиа, судъ присудилъ ему лишь то, на что согласился отецъ (пару лошадей, 3 овцы и т. п.). Приемшиъ, живя съ усыновителемъ, пользовался цѣлымъ надѣломъ послѣдняго; когда они поссорились, усыновитель лишилъ его надѣла, за исключеніемъ 2 десятинъ. Но судъ раздѣлилъ между ними надѣлъ поровну—по 3 десят. на cadaго. N. принялъ III. въ приемшии, выдавъ ему подписку, по которой послѣдній получилъ право распоряжаться всѣмъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ N. Послѣ того они поссорились между собой и судъ присудилъ приемшиу ¹/₈ фруктоваго сада, 3 десятины земли и половину посѣвовъ ¹).

Жены не лишены права жаловаться на своихъ мужей; во второмъ отдѣлѣ мы видѣли, что онѣ болѣе всего жалуются на сварливость и пьянство ихъ. Мы уже приводили случай, когда вознагражденіе за обиду было присуждено судомъ, вмѣсто жены, съ мужа ея въ виду тѣсной связи между ними. Тѣмъ же объясняется и другой случай, когда судъ присудилъ наслѣдство послѣ М. его зятямъ. Послѣ смерти III. остались вдова, вышедшая замужъ за другаго, и сынъ; послѣдній выгонялъ первую изъ дому. Но судъ присудилъ ей 100 руб. „за выстроенный ею вмѣстѣ съ первымъ ея мужемъ домъ“. II., сосланный въ Сибирь, требовалъ, чтобы жена слѣдовала за нимъ; но судъ „по жестокому съ нею обращенію“ мужа (хотя изъ рѣшеній этого не видно) оставилъ ее въ своемъ обществѣ, какъ женщину поведенія хорошаго. Жена К., бросившая своего мужа, отыскивала съ мужа нѣкоторыя вещи и корову. Но судъ въ

¹) Усыновленіе производится большею частію словесно при свидѣтеляхъ; приемшиъ не терять своей прежней фамиліи; намъ неизвѣстенъ случай, при которыхъ бы для принятія приемшиа требовалось согласіе общества.

жалобѣ ея отказалъ, такъ какъ она оставила своего мужа „безъ всякаго основанія“.

Изъ приведенныхъ рѣшеній вытекаютъ слѣдующія заключенія: отецъ не имѣетъ права на имущество, нажитое взрослымъ сыномъ; сынъ имѣетъ право требовать отъ отца выдѣла изъ того имущества, которымъ послѣдній владѣетъ; въ двухъ случаяхъ судъ призналъ за сыновьями и отцомъ право на это имущество въ равныхъ доляхъ (отецъ и два сына получили по $\frac{1}{3}$; отецъ и одинъ сынъ — пополамъ), но пасынокъ не имѣетъ права на надѣлъ, записанный за вочимомъ; сынъ обязанъ помогать отцу уплачивать долги; въ случаѣ смерти матери и женитьбы отца на второй женѣ, малолѣтнія дѣти отъ первой жены передаются на воспитаніе дѣду по матери (разумеется, съ согласія отца), но отецъ обязанъ помогать матеріально дѣду; сынъ, въ случаѣ нужды отца, обязанъ содержать его; онъ же обязанъ содержать и малолѣтнихъ братьевъ, если отецъ не имѣетъ на это силъ; приемышъ имѣетъ такое же право на имущество усыновителя, какъ и родной сынъ; во всякомъ случаѣ онъ въ правѣ требовать вознагражденія за трудъ, внесенный имъ въ хозяйство усыновителя; жена имѣетъ право на долю въ томъ домѣ, который встроены ею имѣетъ съ мужемъ; жена, оставившая мужа безъ всякаго основанія, не имѣетъ права отыскивать съ него имущество; жена не обязана слѣдовать за мужемъ въ Сибирь въ случаѣ жестокаго съ нею обращенія мужа¹⁾.

По отношенію къ опегѣ мы нашли лишь одно рѣшеніе, которымъ съ опекуни В. присуждено возвратитъ опекаемой 30 р. съ шестью годовыми % за время пользованія ею симъ капиталомъ²⁾.

Мы уже указывали на одно изъ рѣшеній, въ которомъ примѣнено дѣленіе имущества на родовыя и благопріобрѣтенныя. Именно: мужъ завѣщалъ все наслѣдство своей женѣ; братъ мужа предъявилъ къ ней искъ и судъ, найдя, что имущество, перешедшее къ Б., родовое, призналъ завѣщаніе не дѣйствительнымъ и недвижимое имущество отобралъ въ пользу брата.

По отношенію къ вопросу о правѣ собственности мы

1) Мы должны замѣтить, что „жестокое обращеніе“ не видно изъ рѣшенія; даю это разсматривалось по предписанію станагого. Мы думаемъ, что послѣдній сообщилъ волостному суду, что жена можетъ остаться въ селѣ лишь тогда, когда судомъ будетъ признано, что мужъ жестоко съ нею обращался. Судъ не замедлилъ признать оное.

2) Назначеніе опеги въ крестьянской средѣ чрезвычайно рѣдко; сироты предоставлены гуманности отдѣльныхъ постороннихъ лицъ или родственниковъ.

нашли слѣдующія рѣшенія: послѣ X. остался надѣлъ; имъ завладѣла вдова X., вышедшая потомъ замужъ за другаго. Братъ X. предъявилъ искъ объ этомъ надѣлѣ; но судъ нашелъ, что братъ X. имѣетъ свой надѣлъ и на этомъ основаніи жему X. призналъ единственною наследницею надѣла ее мужа. Братъ J. захватилъ въ свое распоряженіе отцовскій надѣлъ; J. на него пожаловался; но судъ нашелъ, что J. ужъ имѣетъ свой надѣлъ, хотя и ненаслѣдственный, но больше того надѣла, который захватилъ братъ, поэтому въ искѣ ему отказалъ. Два крестьянина претендовали на одинъ и тотъ же кусокъ общественной усадьбы; но одинъ изъ нихъ уже имѣлъ двѣ усадьбы, а другой не имѣлъ ни одной; въ виду этого судъ присудилъ усадьбу послѣднему. Если бы такое соображеніе проводило сельское общество, оно не бросалось бы въ глаза; но оно принадлежитъ суду, поэтому имѣетъ глубокое значеніе. При опредѣленіи права собственности на надѣлъ, судъ придаетъ большое значеніе тому обстоятельству, кто уплачивалъ выкупные платежи: бабка несовершеннолѣтнихъ J. продала въ 1866 г. M. надѣлъ послѣднихъ; M. имъ и пользовался, внося выкупной платежъ и одинъ разъ уплатилъ какую-то недоимку; по жалобѣ несовершеннолѣтнихъ судъ призналъ продажу недействительною; но въ виду того, что M. уплатилъ вышеозначенные сборы, присудилъ ему половину надѣла. Изъ одного рѣшенія видно, что послѣ N. осталась вдова и семеро дѣтей; такъ какъ она не могла уплачивать выкупныхъ платежей, то надѣлъ ее былъ отобранъ въ пользу общества; въ замѣнъ же его ей былъ данъ другой, меньшій.

Мы уже указывали на то, что судъ въ трехъ случаяхъ примѣнилъ начала гражданской давности къ 30-ти и 15-ти-лѣтнему владѣнію.

Можно вполне опредѣленно сказать, что волостной судъ не признаетъ обязательнымъ облеченіе какихъ либо сдѣлокъ въ письменную форму; письменные акты хотя и употребляются, но употребленіе ихъ относится болѣе къ послѣднему времени и преимущественно къ сдѣлкамъ на высокую, въ крестьянскомъ быту, сумму. Но такъ какъ они безусловнаго значенія не имѣютъ, то на судѣ свободно опровергаются свидѣтельскими показаніями и всѣми другими способами. Нерѣдки, на примѣръ, случаи отрицанія судомъ правъ собственности на земельный надѣлъ за тѣмъ, за кѣмъ онъ записанъ, такъ, на основаніи свидѣтельскихъ показаній, судъ пришелъ къ тому убѣжденію, что хотя надѣлъ и записанъ за J., но онъ принадлежитъ не ему, а его отцу.

Относительно порядка составленія актовъ въ одномъ рѣшеніи высказано: письменный договоръ личнаго найма, засвидѣтельствованный въ волостномъ правленіи, недействителенъ, потому что заключенъ былъ безъ свидѣтелей и не былъ прочитанъ.

По отношенію къ матеріальнымъ условіямъ сдѣлокъ интересно слѣдующее рѣшеніе: одной изъ сестеръ достался по завѣщанію домъ; другая предложила ей 33 р. съ тѣмъ, чтобы она уступила этотъ домъ ей, угрожая въ противномъ случаѣ отнять оный безъ всякаго вознагражденія; та приняла 33 р. Но судъ призналъ такую сдѣлку, какъ совершенную подъ влияніемъ угрозы, недействительною и возвратилъ 33 рубля второй сестрѣ.

По вопросу о вознагражденіи за вредъ и убытки изъ рѣшеній видно слѣдующее: съ признаннаго виновнымъ въ кражѣ судъ присуждаетъ не только стоимость найденной у него краденной вещи, или не только того, о кражѣ чего существуютъ несомнѣнныя доказательства, но и стоимость всего, что, по объясненію потерпѣвшаго, за это время было у него похищено. Какъ мы видѣли, вознагражденіе за украденное судъ присуждаетъ иногда въ громадномъ размѣрѣ. Въ случаѣ нанесенія такихъ побоевъ, которые лишили потерпѣвшаго возможности работать, судъ обязываетъ обидчика нанять на его мѣсто другаго. Вознагражденіе за потраву возлагается на пастуха стада ¹⁾; при потравѣ, сдѣланной внѣ пастбища, отвѣчаетъ лицо, обязанное досмотрѣть за скотомъ ²⁾. За корову, пропавшую изъ стада, отвѣчаетъ пастухъ. Съ виновнаго въ кражѣ присуждается вознагражденіе за ущербъ, причиненный розыскомъ похищеннаго. Съ отвѣтника, признаннаго судомъ виновнымъ, присуждается вознагражденіе за представленіе свидѣтеля. Въ случаѣ проигрыша дѣла истцомъ отвѣтчику присуждается вознагражденіе за отвлечение отъ работъ. Крестьяне везли нѣсколько бочекъ воды;

¹⁾ Говоря о потравѣ, мы не можемъ не привести слѣдующаго случая: Г. сдѣлалъ потраву на сѣнокосъ N.; въ отсутствіе послѣдняго потрава была оцѣнена посторонними лицами въ три кватырки (косушки) воды, двѣ изъ которыхъ росили оцѣнщики и Г., а третью оставили для потерпѣвшаго. Но послѣдній обидѣлся такою низкою оцѣнкой и между ними произошла драка. Любящіе кричать о народномъ правѣ не усмотрятъ, вѣроятно, и въ этомъ фактѣ подтвержденіе своей мысли; но мы ничего предосудительнаго въ немъ не находимъ: послѣ работы люди захотѣли выпить и выжили по товарищески.

²⁾ Прикащикъ одного извѣнія везъ вмѣстѣ съ другими рабочими комотилку; по дорогѣ воли, на которыхъ послѣдняя перевозилась, потравляли чужую кукурузу; судъ присудилъ вознагражденіе съ атамана.

при спускѣ съ берега, такъ какъ дорога была замечена сѣгомъ, сани, хотя и были поддерживаемы подводчиками, опрокинулись и бочва, стоявшая 270 р., разбилась. Изъ дѣла видно, что подводчики заранее опасались этого и намѣрены были почевать въ дорогѣ; но сопровождавшій ихъ приващикъ настоялъ на противномъ. Судъ нашель, что „единственно виновать приващикъ“; но вмѣстѣ съ тѣмъ присудилъ „съ нихъ“ (?) за неосторожность 80 руб. (нужно думать, что сумма эта присуждена со всѣхъ подводчиковъ, хотя въ рѣшеніи имена ихъ и не названы ¹⁾).

Теперь мы приведемъ тѣ заключенія, которыя вытекаютъ изъ предыдущаго. Какъ мы видѣли, волостной судъ проводить начало равномернаго распредѣленія имущества сообразно нуждамъ крестьянъ: такъ какъ X. имѣеть надѣлъ, а Z. надѣла не имѣеть, то X. отказать въ искѣ; такъ какъ N. имѣеть двѣ усадьбы, а B. не имѣеть ни одной, то спорную усадьбу отдать B. Затѣмъ такъ какъ на земельномъ надѣлѣ лежитъ тяжелое бремя податей и выкупныхъ платежей, то уплата или неуплата ихъ вліяеть на опредѣленіе права собственности. Судъ примѣняетъ начала давности; но срокъ ея не опредѣляетъ. Письменная форма не считается для сдѣлокъ обязательною и письменные акты безусловнаго значенія не имѣютъ; засвидѣтельствованные въ волостномъ правленіи признаются дѣйствительными лишь тогда, когда заключены при свидѣтеляхъ и прочитаны неграмотнымъ контрагентамъ. Сдѣлка, совершенная подъ вліяніемъ угрозы, признается недѣйствительною. При опредѣленіи вознагражденія за убытки, причиненные кражей, судъ не щадитъ преступниковъ, присуждая его къ вознагражденію въ нѣсколько разъ болѣе, чѣмъ стоитъ украденная вещь: волостной судъ, видимо, смотритъ на кражу, какъ на преступленіе частное. За всякаго рода ущербъ отвѣчаетъ лицо, отъ котораго зависѣло избѣгнуть онаго. Но если, не смотря на всѣ старанія, ущербъ былъ причиненъ, то въ вознагражденіи принимаютъ нѣкоторое участіе и другія лица, въ немъ неповинныя, но могшія имѣть на дѣло какое либо вліяніе.

Переходимъ къ праву наследственному. Относительно завѣщаній мы находимъ слѣдующія рѣшенія: N. былъ завѣщанъ въ пользу церкви фруктовый садъ и завѣщаніе это судомъ признано. Судомъ присуждено вдовѣ послѣ мужа столько земли, сколько онъ ей завѣщалъ; если покойнымъ мужемъ садъ

¹⁾ Это рѣшеніе третейскаго суда.

оставленъ вдовѣ, то братъ его не имѣеть на оныя права; въ наслѣдствѣ садомъ участвуютъ и дочери, если такова была воля покойной матери; сынъ, лишенный наслѣдства въ духовномъ завѣщаніи отца, не имѣеть права на надѣль; изъ этого же рѣшенія видно, что завѣщаніе дѣйствительно и тогда, когда оно нигдѣ не явлено; изъ первыхъ же рѣшеній видно, что завѣщаніе можетъ быть и словесное. Мы уже указывали на случай, когда завѣщаніе относительно недвижимаго имущества было признано недѣйствительнымъ на томъ основаніи, что оно относилось къ имуществу родовому. Дѣдъ завѣщалъ свой надѣль внуку и внучкѣ поровну; судъ призналъ такое распоряженіе правильнымъ.

По отношенію къ праву наслѣдованія родственниковъ безъ завѣщанія мы нашли слѣдующія рѣшенія: судъ раздѣлилъ огородъ между тремя сыновьями поровну; судъ раздѣлилъ наслѣдство между двумя сыновьями тоже поровну; судомъ признано, что тѣ сыновья, которые при составленіи уставной грамоты имѣли возможность получить самостоятельный надѣль, но не получили его, не имѣють права на надѣль послѣ отца; послѣ III. осталось два сына младшій — многосемейный; старшій же — малосемейный; отцовскій надѣль изъ 12-ти десятинъ судъ раздѣлилъ слѣдующимъ образомъ: 8 десятинъ — младшему и 4 — старшему. Л. жаловался, что братъ его захватилъ въ исключительное распоряженіе надѣль, оставшійся послѣ отца; но оказалось, что Л. имѣеть уже шесть десятинъ земли, хотя и ненаслѣдственныхъ (братъ его захватилъ менѣе); на этомъ основаніи судъ отказалъ въ искѣ. Между сыновьями N. судъ раздѣлилъ наслѣдство такъ: 15 десятинъ старшему и 5 десятинъ младшему. Приемный считается полнымъ наслѣдникомъ, онъ исключаетъ право на наслѣдство зятя усыновителя. — К. изъ общаго семейнаго надѣла отдѣлилъ своему брату половину, но когда послѣдній померъ, К. намѣренъ былъ отобрать землю отъ его наслѣдниковъ; цѣлый надѣль состоялъ изъ 10 дес., судъ оставилъ 6 десятинъ за К. и четыре дес. за наслѣдниками его брата. Въ другомъ случаѣ, племяннику была присуждена $\frac{1}{3}$ семейнаго надѣла, а дядѣ — $\frac{2}{3}$. Относительно правъ на наслѣдство дочерей, состоялись слѣдующія рѣшенія: послѣ смерти Θ. остались жена, сынъ и двѣ дочери дѣвочки. Судъ раздѣлилъ наслѣдство между сыномъ и вдовой; о дочеряхъ не упомянулъ ни слова. Послѣ К. остались жена, сынъ и двѣ дочери; надѣль 10 десятинъ; судъ присудилъ 5 десятинъ сыну и 5 д. въ пожизненное владѣніе

матери, на томъ основаніи, что она содержитъ двухъ дочерей, по смерти же матери и эта земля должна перейти къ сыну, который обязанъ тогда содержать и дочерей. Послѣ Ф. остались сынъ, двѣ дочери и вдова. Надѣлъ—8 дес.; вдова вышла замужъ за другаго; судъ присудилъ 5 дес. сыну и 3 дес. на дочерей до ихъ замужства, а такъ какъ вдова вышла замужъ за другаго, то ей отказалъ въ искѣ. Надѣлъ послѣ Я. судъ присудилъ какъ сыну, такъ и дочери. Послѣ III. осталось четыре сына, дочь и вдова. При вдовѣ жили два сына и дочь; судъ раздѣлилъ надѣлъ такимъ образомъ: изъ 6 дес. четыре дес. и $\frac{1}{2}$ фрунтов. сада матери съ двумя сыновьями и дочерью; остальное поровну другимъ двумъ сыновьямъ. Если послѣ смерти матери остается одна дочь, то приданое матери переходитъ къ послѣдней. Послѣ М. остались двѣ дочери и племянница; имущество его состояло изъ разной движимости и недвижимости и 700 р. капитала. Судъ присудилъ все наслѣдство дочерямъ, за исключеніемъ 100 р. присужденныхъ племянницѣ. Это же рѣшеніе служить къ опредѣленію наслѣдственныхъ правъ боковыхъ линий. По отношенію къ послѣднему вопросу имѣется еще слѣдующее рѣшеніе: по смерти Ульяны Л. осталась часть сада, которую захватила въ свое владѣніе ея сестра; братья предъявили въ ней искъ, но судъ нашелъ искъ неправильнымъ. Наслѣдственные права супруговъ опредѣляются въ слѣдующихъ рѣшеніяхъ: по смерти жены, умершей бездѣтною, на приданое ея имѣютъ право мужъ и родители ея; на усадьбу, оставшуюся послѣ мужа, имѣетъ право жена, а не мать его. Оставшійся послѣ мужа надѣлъ переходитъ не къ брату, а къ его женѣ, хотя бы она и вышла замужъ за другаго. Послѣ С. осталась бездѣтная вдова, вышедшая замужъ за другаго, и братъ, судъ присудилъ домъ и фруКТОВЫЙ садъ въ пользу брата, обязавъ его выдать вдовѣ 80 р. Эти два рѣшенія, повидимому, прямо противоположны по своимъ началамъ. Но при толкованіи ихъ нужно быть очень осторожнымъ: по первому рѣшенію судомъ отказано брату потому, что „онъ имѣлъ свой самостоятельный надѣлъ“; по второму рѣшенію судъ хотя и обязалъ брата выдать женѣ 80 р., но, можетъ быть, домъ и садъ болѣе 80 р. и не стоили; а можетъ быть, второй мужъ послѣдней имѣлъ свой садъ и домъ и самъ согласился на полученіе денегъ. Мы уже приводили рѣшеніе, по которому завѣщаніе, сдѣланное мужемъ относительно недвижимаго имущества въ пользу жены, признано недѣйствительнымъ, такъ какъ недвижимое имущество—его родовое. Уничтоживъ завѣщаніе, судъ

разсуждаетъ такъ: по закону женѣ принадлежить $\frac{1}{2}$ часть; но такъ какъ она уже получила въ свою собственность всю движимость мужа и пользовалась недвижимымъ имѣніемъ его шесть лѣтъ, то все послѣднее имущество судъ и присудилъ брату, съ тѣмъ, что, въ случаѣ смерти ея втораго мужа, онъ обязанъ дать ей въ пожизненное владѣніе половину дома и полдесятины земли. Изъ того же рѣшенія слѣдуетъ, что вся движимость послѣ мужа остается въ пользу жены. Изъ восьми десятинъ земли, оставшихся послѣ Θ ., судъ присудилъ шесть сыну, а двѣ въ пожизненное владѣніе вдовы. Послѣ Φ . осталось восемь десятинъ; судъ присудилъ пять десятинъ сыну, три — дочерямъ; женѣ же отказалъ, такъ какъ она вышла замужъ за другаго. Изъ десяти десятинъ, оставшихся послѣ Σ ., судъ присудилъ пять десятинъ сыну и пять — въ пожизненное владѣніе матери. Послѣ Υ . остались: вдова, сынъ и дочь; судъ присудилъ надѣлъ сыну и дочери; вдовѣ отказалъ. Послѣ \Nu . остался лишь одинъ тулупъ, который захватила его мать, но судъ присудилъ его женѣ. Послѣ Π . остались сынъ 4-хъ лѣтъ и вдова; все имущество движимое и недвижимое захватилъ отецъ Π .; жена же находила, что оно принадлежитъ сыну — и судъ присудилъ сыну. Въ этомъ рѣшеніи интересно то, что вдова въ свою пользу ничего и не искала. Послѣ K . остались жена и сынъ; жена вышла замужъ за другаго, который и захватилъ все наслѣдство; судъ присудилъ женѣ въ пожизненное владѣніе половину надѣла и одинъ фруктовый садъ, которые должны перейти къ сыну K . послѣ смерти жены и ея втораго мужа. Послѣ N . остались два сына и вдова; судъ присудилъ одному изъ сыновей три десятины земли и $\frac{2}{3}$ сада, такъ какъ онъ содержитъ мать, другому — остальное; послѣ же смерти матери они обязаны раздѣлить надѣлъ пополамъ. Сыновья, получившіе отцовскій надѣлъ, обязаны содержать мать. Изъ приведенныхъ нами рѣшеній видно, что, при наслѣдникахъ нисходящихъ, восходящіе не наслѣдуютъ; родители наслѣдуютъ въ приданомъ, данномъ ими дочери, — но вмѣстѣ съ мужемъ. Теперь приведемъ слѣдующій процессъ между братьями I . и Φ . Штырбами о раздѣлѣ наслѣдственнаго надѣла судъ 4-го декабря 1873 г., разсмотрѣвъ просьбу Φ . о раздѣлѣ: отказалъ въ ней, на основаніи 2 п. 88 ст. м. пол. Съѣздъ, мировыхъ посредниковъ отмѣнилъ это рѣшеніе въ виду того, что каждый выкупленный участокъ составляетъ собственность цѣлой семьи. Волостной судъ на основаніи этихъ соображеній раздѣлилъ надѣлъ между братьями пополамъ. Съѣздъ вновь отмѣнилъ рѣшеніе суда

на томъ основаніи, что судъ не разъяснилъ надлежащимъ образомъ правъ на спорное имущество. Тогда судъ нашелъ, что И. Штырба во время крѣпостной зависимости жилъ отдѣльно отъ отца, отбывая барщину самостоятельно; поему и записанный за нимъ участокъ составляетъ его самостоятельную собственность. Рѣшеніе это постановлено 3-го іюня 1876 г.; процессъ тянулся 2 $\frac{1}{2}$ года.

По вопросу объ отвѣтственности наследниковъ состоялись два рѣшенія: III. въ 1874 году занялъ у М. 45 рублей по векселю; по смерти его М. просилъ взыскать деньги съ вдовы; она же возражала, что вышла за него замужъ послѣ 1874 г. и не знаетъ, занималъ ли мужъ деньги. Судъ, въ виду того, что вдова не знаетъ о существованіи долга, отказалъ въ искѣ. К. получилъ отъ своей сестры 21 р. съ тѣмъ, чтобы онъ содержалъ ее до смерти; когда тотъ померъ, невѣстка отказалась содержать ее; судъ присудилъ съ невѣстки 15 рублей.

Какія же заключенія мы можемъ сдѣлать изъ приведенныхъ рѣшеній по отношенію къ праву наследственному? Когда говорить о волостномъ судѣ, то главнымъ образомъ указываютъ на путаницу понятій о наследственномъ правѣ. Но большинство согласно, что волостной судъ разбираетъ такого рода дѣла по обычаямъ. Но, что такое гражданскій обычай? Это общепринятое въ данной мѣстности правило для нормированія имущественныхъ отношеній. Можно ли вывести изъ приведенныхъ нами рѣшеній какое либо заключеніе о какомънибудь обычай? Нѣтъ! Въ этихъ рѣшеніяхъ есть нѣчто общее, но оно примѣняется не безусловно, не ко всѣмъ случаямъ, слѣдовательно, не можетъ быть названо обычаемъ. Такъ, можно бы сказать, что сыновья въ крестьянскомъ быту наследуютъ поровну; но мы имѣемъ и другія рѣшенія, гдѣ отдается преимущество то старшинству, то многосемейности, то принимается въ соображеніе не имѣютъ ли сыновья уже другаго надѣла или не имѣли ли они возможности получить самостоятельный надѣлъ. Относительно наследованія супруговъ болѣе общимъ правиломъ служить то, что жены ничего не имѣютъ; поэтому мужья послѣ нихъ и не наследуютъ. Жены же послѣ мужей получаютъ лишь самое необходимое на содержаніе, поэтому, если жена выходитъ замужъ за другаго, она теряетъ право на наследство перваго мужа. Это—въ томъ случаѣ, когда послѣ мужа остались нисходящія потомки не требующіе поличенія вдовы. Если же нисходящихъ не осталось, а есть братья, то жена получаетъ нѣкоторую часть

недвижимаго наслѣдства въ пожизненное владѣніе. Но нами приведены и другія рѣшенія, которыми она признана полною наслѣдницей. Обращается большое вниманіе на то, имѣетъ ли ея противникъ надѣлъ или нѣтъ, и кто ея второй мужъ. Относительно дочерей предполагается, что онѣ должны выйти замужъ, поэтому право на наслѣдство онѣ имѣютъ лишь до замужства; самыя доли наслѣдства весьма различны. Иногда же, судъ присуждаетъ имъ лишь содержаніе и по этому вопросу имѣются различныя рѣшенія. Право представленія признается; но дяди по отношенію къ племянницамъ, вѣроятно, въ силу старшинства и семейности, имѣютъ преимущество. Иногда, при нисходящихъ наслѣдуютъ и боковыя линіи, если существовала особая между ними связь. Завѣщаніе родителей и мужа большею частью уважается. Ответственность наслѣдниковъ признается, но не безусловно.

По отношенію къ другимъ отдѣламъ гражданскаго права рѣшеній волостнаго суда очень немного. Относительно продажи недвижимости изъ рѣшенія суда видно, что церковь продаетъ завѣщанныя ей недвижимыя имущества по оцѣнкѣ и судъ признаетъ такую продажу правильною. Относительно продажи движимости состоялось слѣдующее рѣшеніе: П. продалъ корову Б. какъ тельную; чрезъ нѣсколько же недѣль послѣдній, усмотрѣвъ, что корова яловая, возвратилъ ее. Но чрезъ три мѣсяца корова телилась; Б. хотѣлъ ее опять взять, но П. не отдавалъ. Судъ, въ виду того, что деньги за корову находились во время ихъ спора въ распоряженіи П., присудилъ корову Б. По вопросу о дареніи замѣчательно слѣдующее рѣшеніе: тестъ подарилъ зятю домъ; послѣ того жена послѣдняго умерла, оставивъ дѣтей. Судъ нашелъ: такъ какъ К. (зять) ведетъ жизнь праздную, не заботится о дѣтяхъ и теста оскорбляетъ, то подаренный домъ отъ него отнять.

Поручитель имѣетъ право обратнаго требованія къ должнику; послѣдній обязанъ уплатить все, что присуждено съ поручителя. За неисполненіе обязательства судъ назначаетъ неустойку по своему усмотрѣнію. Судъ назначаетъ разсрочку уплаты присужденныхъ денегъ по своему усмотрѣнію: въ одномъ случаѣ онъ разсрочилъ на 3 мѣсяца, въ другомъ на 2½ мѣсяца; въ первомъ, кромѣ того, имъ назначена неустойка на случай невзноса денегъ въ опредѣленный судомъ срокъ. Р. не очистилъ на полѣ кукурузы М., которую по договору онъ обязался очистить; судъ, въ вознагражденіе за ущербъ, присудилъ М. десятину кукурузы принадлежавшей Р.; а неочищенную кукурузу М.

отдалъ послѣднему. При аналогичномъ случаѣ, судъ обязалъ не очистившаго кукурузу вознаграждать нанIMATEЛЯ сообразно съ урожаемъ кукурузы, полученнымъ съ сосѣдней десятины, своевременно очищенной. — В. помогалъ своему брату строить домъ; судъ присудилъ ему за это 25 руб., хотя договора о вознагражденіи за работы между сторонами и не было. — Д. заняла у Д. 5 р. и, за пользованіе деньгами, отдала Д. въ пользованіе часть огорода; черезъ пять лѣтъ, она возвращала деньги и требовала возврата огорода. Судъ присудилъ ей огородъ, но обязалъ возвратить не 5 р., а 8 руб.; слѣдовательно, въ качествѣ процентовъ, Д. пользовался, въ теченіе пяти лѣтъ, огородомъ и получалъ еще 3 р. Лицо, взявшее на прокатъ лошадь, въ случаѣ похищенія ея у него, признано судомъ обязаннымъ уплатить стоимость ея собственнику. По отношенію къ договору личнаго найма, рѣшеніями волостнаго суда признано: служащій, не исполнившій договора, обязанъ возвратить хозяину излишне полученные деньги; несогласіе хозяина съ подмастерьемъ, возникшее вслѣдствіе побоевъ, нанесенныхъ первымъ, даетъ право требовать расчета. Мы уже видѣли, какимъ образомъ волостной судъ опредѣляетъ вознагражденіе за неисполненіе сельскимъ рабочимъ договора объ очисткѣ кукурузнаго поля отъ сорныхъ травъ. Приващій купчики В. жаловался, что, отъ недосмотра служащаго Г., въ сараѣ задохся волъ. Судъ приговорилъ: за недосмотръ отдать Г. на заводъ В. рабочимъ на четыре недѣли, обязавъ его дѣлать то, что будетъ указано приващикомъ.

Изъ всѣхъ, просмотрѣнныхъ нами, рѣшеній волостныхъ судовъ по гражданскому праву, нельзя не придти къ тому несомнѣнному заключенію, что волостной судъ проводитъ въ сферы общественныхъ отношеній идею правды и справедливости. Несомнѣнно также, что идея эта отлична отъ той, которая проводится въ X-мъ томѣ свода законовъ. Самыя главныя изъ отличій мы припомнимъ теперь, въ заключеніе нашей статьи.

Первымъ, мы поставимъ то начало, на которое указала уже г-жа Ефименко—начало труда, которому волостной судъ придаетъ самостоятельное юридическое значеніе. Мы это видѣли во всѣхъ отдѣлахъ права: домъ, построенный сыномъ, составляетъ его собственность,—говоритъ волостной судъ; сынъ, работавшій на общее хозяйство, въ правѣ требовать выдѣла имущества; приемшъ, во всякомъ случаѣ, имѣетъ право требовать вознагражденія за трудъ, внесенный имъ въ хозяйство усыновителя; жена,

трудившаяся надъ постройкой дома вмѣстѣ съ мужемъ, имѣеть право на извѣстную долю въ этомъ домѣ; лицо, помогавшее своему брату устроить домъ, имѣеть право на вознагражденіе за трудъ. Эти рѣшенія настолько рѣзко опредѣляютъ трудовое начало, что придавать имъ другое значеніе невозможно. Правда, мы знаемъ случаи, когда и мировыя учрежденія присуждали, напримѣръ, приемышу, прогнанному усыновителемъ, вознагражденіе за трудъ, потраченный имъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, на веденіе хозяйства послѣдняго; но всякій юристъ согласится съ тѣмъ, что такимъ рѣшеніямъ въ X-мъ томѣ основаній не подыскать.

На второе начало мы уже указывали въ отдѣлѣ о правѣ собственности; оно точно такъ же проходитъ и по другимъ отдѣламъ гражданскаго права. Мы назвали его началомъ равномѣрнаго распредѣленія имуществъ сообразно нуждамъ крестьянъ; по поводу послѣдняго прибавленія, мы должны оговориться. Волостной судъ не задается мыслию уравнивать имущества всѣхъ крестьянъ; по крайней мѣрѣ, въ рѣшеніяхъ его такой мысли нѣтъ; но когда лицо, уже имѣющее надѣлъ или усадьбу, отыскиваетъ другой надѣлъ или усадьбу, въ которыхъ болѣе нуждается другое лицо, то судъ отказываетъ первому, не смотря на другія, напримѣръ, родственныя права его. Отецъ задолжалъ 98 руб.; судъ присудилъ сына помочь уплатить долгъ. Разбилась бочка съ водкой; судъ нашель, что виноватъ прикащикъ, но часть вознагражденія возложилъ и на невиновныхъ подводчиковъ. Два брата отыскиваютъ наслѣдство; но одинъ—малосемейный, другой—многосемейный; судъ присудилъ послѣднему вдвое болѣе. Какъ мы сказали, во всѣхъ приведенныхъ рѣшеніяхъ нѣтъ идеи равенства имуществъ; но въ нихъ, несомнѣнно, проглядываетъ другая идея, очень близкая къ первой—идея раздѣленія имуществъ согласно насущнымъ потребностямъ крестьянъ: всѣ имѣють право жить, т. е., удовлетворять свои нужды; у кого большее семейство, тотъ долженъ болѣе имѣть; тотъ, кто имѣеть, не долженъ отнимать отъ другаго, который не имѣеть; находящемуся въ несчастіи должны помочь и другіе.

Третье начало народнаго права, отличное отъ началъ нашего законодательства, это—начало частной инициативы въ имущественной сферѣ: нѣтъ формальностей; продавать, завѣщать, покупать даже недвижности можетъ всякій и кому угодно; но кто чѣмъ обязался, то и долженъ исполнить; лихвенныхъ процентовъ нѣтъ; въ случаѣ недоимокъ сторонъ при договорахъ,

между ними становится судъ, съ тѣми же правами, какъ и стороны; онъ назначаетъ неустойки, опредѣляетъ сроки платежей и послѣдствія неисполненія обязательствъ.

Все, что мы говорили, относится только къ рѣшеніямъ двухъ волостныхъ судовъ—Каменскаго и Хрустовскаго. Несомнѣнно, что рѣшенія другихъ судовъ дадутъ другіе выводы. Прежде всего, ихъ необходимо систематизировать, и мы отъ души порадовались бы, еслибъ наши юристы употребили часть своего труда на такую систематизацію. Несомнѣнно, что, какъ народу, такъ и наукѣ, они оказали бы громадную услугу.

И. Веригинъ.

ОЧЕРКИ ИСТОРИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ.

ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ.

ФИЗИКА.

О ПОСТОЯНСТВѢ ИЛИ НЕКОНЕЧНОЖАЕМОСТИ ДВИЖЕНІЯ.

I.

Въ предъидущемъ очеркѣ мы рассмотрѣли тѣ условия, подъ вліяніемъ которыхъ сложилось первоначальное понятіе о силѣ и движеніи. Мы показали тамъ, что самую выдающуюся чертою этого понятія служила выработанная еще первобытной мыслью наклонность разобщать явленія отъ причины и разсматривать послѣднюю какъ особаго, самостоятельнаго дѣятеля. Мы видѣли, далѣе, что такова именно была та почва, на которой возникли первыя попытки классификаціи физическихъ явленій, классификаціи по самымъ условіямъ своего возникновенія необходимо искусственной: различныя группы физическихъ явленій, предполагая различныхъ дѣятелей, стояли особнякомъ, совершенно независимо одна отъ другой; мысль не могла уловить между ними истинной связи, не могла выработать себѣ точнаго представленія о дѣйствительномъ характерѣ взаимодействія физическихъ явленій. Въмѣсто того, чтобы разсматривать, какъ эти явленія относятся другъ къ другу, какъ одно изъ нихъ даетъ начало послѣдующему и въ свою очередь служить продолженіемъ предъидущаго, мысль, связанная унаслѣдованной отъ первобытныхъ предковъ наклонностью отождествлять субъективное съ объективнымъ, устанавливала иную

связь, выработанную личнымъ представленіемъ человѣка о причинѣ дѣйствій своего „я“.

Подобное разъединеніе физическихъ явленій казалось бы вовсе не совмѣстимымъ съ ученіемъ древнихъ мыслителей о преобразованіяхъ, о томъ, что все въ мірѣ испытываетъ превращенія и непрерывныя переходы отъ одного дѣйствія къ другому. Дѣйствительно, съ точки зрѣнія современнаго ученія „о превращеніи силъ“, какъ о развитіи одного рода движенія насчетъ другаго ¹⁾, подобное разъединеніе физическихъ явленій не допустимо. Но ровно нигдѣ не было доказано, чтобы древніе физики, говоря о явленіяхъ преобразованія, имѣли въ виду именно это преобразование движенія; напротивъ, все ограйчивалось допущеніемъ такихъ переходовъ, къ признанію которыхъ древнеисторическая мысль была подготовлена вѣрованіемъ первобытнаго человѣка въ переселеніе душъ (метампсихозъ); т. е., стало быть, такихъ переходовъ, которыми вовсе не предполагалась необходимость генетической преемственности. Это обстоятельство заслуживаетъ вниманія: метампсихозъ примитивной философіи; ученіе древнегреческихъ мыслителей, что все превратимо, напримѣръ, въ огонь или въ воздухъ, и огонь и воздухъ—во все; наконецъ, современное ученіе о явленіяхъ преобразованія,—всѣ эти воззрѣнія несомнѣнно доказываютъ намъ, что человѣческая мысль давно уже, съ самаго зачаточнаго своего состоянія, подготовлялась исподоволь въ признанію законовъ соотношенія; только на первыхъ ступеняхъ развитія науки, истинный смыслъ этихъ соотношеній былъ заслоненъ тѣмъ ложнымъ представленіемъ о причинѣ, какъ о самостоятельномъ дѣятелѣ, которое служило базисомъ начальному понятію о силѣ и движеніи. Отсюда уже легко понять, что для надлежащаго уясненія законовъ соотношенія прежде всего должно было выработаться точное, истинное представленіе о „силѣ“. Такимъ образомъ вопросъ о развитіи физическихъ знаній сводится прежде всего къ вопросу о развитіи основнаго механическаго принципа: причина движенія—есть само движеніе. Мы ознакомились уже съ тѣми условіями, которыя содѣйствовали возникновенію предшествующаго, метафизическаго принципа (причина движенія есть самостоятельный двигатель), и съ его вліяніемъ на первоначальное толкованіе физическихъ явленій; намъ предстоитъ теперь ознакомиться съ условіями раз-

¹⁾ Напримѣръ, теплоты на счетъ тренія, электричества насчетъ тренія и теплоты, и проч. и проч.

витія послѣдующаго механическаго принципа и съ его вліяніемъ на уясненіе истиннаго смысла законовъ соотношенія, положившаго начало современному ученію о постоянствѣ или неустойчивости силы. При этомъ, однако, разъ мы сознали уже важное значеніе исторической преемственности мысли въ дѣлѣ развитія научныхъ идей, намъ необходимо будетъ имѣть въ виду выяснить: по сколько именно удерживалось первоначальное понятіе о „силѣ“ на послѣдующихъ ступеняхъ развитія физическихъ знаній и какое вліяніе оно оказывало на это развитіе? Исслѣдованіе даннаго вопроса весьма важно уже потому, что оно обнаруживаетъ одну крайне существенную черту въ исторіи физики, именно: по мѣрѣ ея развитія, склонность мысли разобщать причину отъ явленія, служивалась все болѣе и болѣе, иногда вдругъ обнаруживается съ прежнею своею силой (случаи переживанія или оживанія)¹⁾ и тогда научная мысль съ замѣчательною точностью воспроизводитъ всѣ примитивные приемы ненаучнаго толкованія явленій.

Мы видѣли уже, что физическія знанія древнихъ грековъ были очень скудны, до того скудны, что даже въ отношеніи самыхъ основныхъ элементарныхъ принциповъ механики, существовала крайняя спутанность понятій. Динамика, т. е. наука изслѣдующая законы движенія тѣлъ, совершенно отсутствовала, хотя о явленіяхъ движенія „говорилось“ и „говорилось“ очень много; были установленны только начальныя основанія законовъ равновѣсія тѣлъ (статики), но и въ данномъ случаѣ мысль оказалась до того еще мало подготовленной для усвоенія истиннаго отношенія между причиной и дѣйствіемъ, что даже самый простѣйшій случай этого отношенія, установленный Архимедомъ для статики, былъ ложно понятъ послѣдующими толкователями его положеній. Въмѣсто того, чтобы изслѣдовать условія равновѣсія тѣлъ въ направленіи, указанномъ Архимедомъ, эти толкователи (въ числѣ которыхъ прежде всего слѣдуетъ упомянуть математиковъ александрійской школы), подъ вліяніемъ примитивнаго представленія о „силѣ“, внесли въ идеи Архимеда ту самую путаницу, которою отличалась „утонченная система“ аристотелевской физики. Разсуждая о тяжести тѣлъ, движеніи или покоѣ, они придерживались ложнаго приѣма, выработаннаго первобытною мыслью и, подобно древне-греческимъ фило-

¹⁾ Просимъ читателя припомнить, указанное еще въ первомъ нашемъ очеркѣ, значеніе, для исторіи научныхъ идей, ученія Тейлора о переживаніи въ культурѣ.

софамъ, судили о качествахъ предметовъ на основаніи изслѣдованія словъ и понятій. Мы знаемъ уже къ чему вели подобные приемы; мы знаемъ, напримѣръ, къ какимъ ошибочнымъ сужденіямъ о паденіи тѣлъ былъ приведенъ Аристотель, благодаря такому именно способу толкованія явленій. Ту же ошибку съ различными варіаціями, повторяли и его многочисленные послѣдователи. Такъ, напримѣръ, говоря о паденіи тѣлъ, они утверждали, что „тяжелыя тѣла должны падать быстрѣе, чѣмъ легкія, потому что тяжесть есть причина ихъ паденія, а въ большихъ тѣлахъ тяжесть бываетъ больше“. Чѣмъ же могло быть обусловлено такое ошибочное толкованіе элементарнѣйшаго положенія физики, что всѣ тѣла падаютъ съ одинаковою скоростью? „Они вовсе не замѣчали,—говоритъ Уэвелъ о послѣдователяхъ Аристотеля,—что если они рассматривали тяжесть тѣла какъ силу, производящую движеніе, то самое тѣло должны были считать представляющимъ сопротивленіе этому движенію и что результатъ долженъ зависеть отъ отношенія между силою и сопротивленіемъ“. Вотъ это именно отношеніе и не могло быть установлено благодаря наклонности мысли разобщать причину отъ дѣйствія, въ данномъ случаѣ—„силу“ тяжести отъ явленій паденія.

До какихъ парадоксальныхъ выводовъ приводитъ это ложное представленіе о „силѣ“ какъ о самостоятельномъ дѣятелѣ, совершенно независащемъ отъ тѣхъ явленій, которыя имъ производятся, въ этомъ легко убѣдиться изъ слѣдующихъ разсужденій Плинія ¹⁾ о „способности“ одной маленькой рыбки—„Echineis“—„останавливать большой корабль“: „Что можетъ быть свирѣпѣе моря и вѣтровъ?—спрашиваетъ Плиній,—какое произведеніе искусства больше корабля? И однако же одна маленькая рыбка (Echineis) въ состояніи удержать всѣхъ ихъ, хотя бы всѣ они стремились въ одномъ направленіи. Вѣтры могутъ дуть и волны могутъ бушевать, но это маленькое созданіе господствуетъ надъ ихъ яростью и останавливаетъ корабль, когда его не могутъ удержать ни цѣпи, ни якоря; и она дѣлаетъ это не тяжелыми усилиями, а только прильнувъ къ нему. О, человѣческое тщеславіе! эти высокіе, какъ башни, корабли, построенные человекомъ, чтобы сражаться за ихъ стѣнами на морѣ какъ на сушѣ, дѣлаются плѣнниками и ихъ останавливаетъ безъ движенія рыбка въ полтора фута длиной. Такая рыбка остановила, говорятъ, адмиральскій корабль въ сраженіи при Анціумѣ и заставила

¹⁾ Плиній, одинъ изъ известнѣйшихъ ученыхъ римлянъ, родился въ Комѣ, въ 23 г. по Р. Х. Умеръ во время изверженія Везувія, въ 79 году.

Антонія перейти на другой корабль. И на нашей собственной памяти, одѣвъ изъ этихъ рыбокъ остановила корабль императора Кая, когда онъ хотѣлъ отправиться изъ Астуры въ Анциумъ. Остановка этого корабля, когда весь остальной флотъ ушелъ, возбудила удивленіе; но это продолжалось недолго, потому что нѣсколько человѣкъ бросилось въ воду, чтобы найти рыбу, и они нашли ее прильнувшей къ рулю. Они показали ее Каю, который разгнѣвался, что это животное могло наложить запрещеніе на его поѣзду, когда ему повиновалось четыреста гребцовъ. Она была похожа на свинцовый слитокъ, и не имѣла никакой силы, когда ее взяли на корабль“.

Чѣмъ отличается это рассужденіе о фантастической рыбѣ отъ первобытнаго вѣрованія въ могущество духовъ дикаря? Въ томъ и другомъ случаѣ, явленія истолковываются одинаковымъ способомъ; въ томъ и другомъ случаѣ, въ основѣ покоится одно и то же ошибочное представленіе о „причинѣ“, побуждающее разсматривать „силу“ какъ нѣчто, дѣйствующее на тѣло извнѣ, независимо отъ того, какъ эти тѣла относятся другъ къ другу. Съ данной, примитивной точки зрѣнія, не могло быть, конечно, ничего невѣроятнаго въ тольکو что рассказанной баснѣ о рыбѣ Echineis, этой „золотой рыбѣ—не простой“, продѣлывающей въ известной народной сказкѣ различныя чудеса.

Мы позволили себѣ обратить вниманіе читателя на выше приведенныя примѣры, такъ какъ они могутъ служить нагляднымъ образчикомъ того ошибочнаго толкованія самыхъ элементарнѣйшихъ физическихъ явленій, которое царило безпредѣльно въ теченіи многихъ столѣтій послѣ того, какъ древне-греческій міръ канулъ въ Лету. Не только во времена Плинія, не только въ эпоху самаго цвѣтущаго состоянія александрійской школы и до ея паденія, т. е. включительно до 529 г. по Р. Х., но и въ теченіи всего продолжительнаго средневѣковаго періода вплоть до тѣхъ называемаго „возрожденія“ наукъ, т. е. до конца XVI столѣтія—явленія продолжали разсматриваться все съ той же ошибочной точки зрѣнія. Въ первомъ очеркѣ мы привели уже нѣсколько примѣровъ примитивнаго состоянія мысли въ этотъ періодъ мрака, и „застоя“, періодъ атавизма, какъ можно было бы его назвать по всей справедливости. Мы могли бы привести сотни другихъ примѣровъ, неопровержимо доказывающихъ, что во всѣхъ областяхъ знанія того времени съ замѣчательною точностью былъ воспроизведенъ тотъ самый первобытный способъ толкованія явленій, прототипомъ котораго служить мировоззрѣніе дикаря. Въ средневѣковой наукѣ, какъ

въ зеркалѣ, отразилась наука дикаря; мистицизмъ игралъ самую выдающуюся роль; то было время когда явленія природы подводились „подъ духовныя и сверхъчужденныя отношенія и зависимость“, когда причину окружающихъ событій усматривали въ „созданіяхъ воображаемой міеологіи или демонологіи“; время не возникновенія, какъ обыкновенно полагаютъ, а возрожденія магіи, астрологіи, алхиміи; время когда даже математика „стала созерцаніемъ духовныхъ отношеній чиселъ и фигуръ“. Но намъ извѣстно уже, что тоже „созерцаніе духовныхъ отношеній чиселъ и фигуръ“ (числа Пифагора, идеи Платона и проч.), тѣже воображаемыя „созданія“ (первый Двигатель Аристотеля и проч.) играли неменѣе выдающуюся роль и въ философіи древнихъ грековъ. Да вѣдь такъ оно и должно быть; во всѣхъ этихъ случаяхъ со всею силой связывается вліяніе примитивнаго способа мышленія, который всецѣло поемонился на неумѣннн первобытной мысли различать субъективныя представленія отъ объективнаго факта. Подобно тому какъ въ философіи дикаря и въ философіи древнихъ грековъ „различія въ словахъ равнялись обыкновенно различіямъ въ вещахъ“, такъ точно и средневѣковое міровоззрѣніе отличалось тою же наклонностью „давать внѣшнее существованіе нашимъ идеямъ и смотрѣть потомъ на нихъ какъ на существа“. Если мы теперь примемъ во вниманіе, что указанный уже нами методъ древнегреческихъ мыслителей — судить о качествахъ предметовъ на основаніи изслѣдованія словъ и понятій — всего полнѣе и многостороннѣе былъ разработанъ Аристотелемъ и въ его именно ученіи получилъ наиболѣе широкое примѣненіе; если мы припомнимъ далѣе, что этотъ методъ предполагаетъ наклонность ума отождествлять субъективное съ объективнымъ, наклонность съ такою силою обнаруженный средневѣковою мыслью, — тогда уже намъ легко будетъ понять почему, въ этотъ періодъ „застоя“, имя Аристотеля и его ученіе пользовались такимъ значеніемъ и популярностью, какое не выпало на долю ни одного изъ древнихъ мыслителей. „Авторитетъ этого философа и обычай дѣлать его текстомъ и основаніемъ системы, особенно въ физикѣ, господствовали въ теченіе описываемаго періода (средніе вѣка) вполне“ (Уэвель). Поклоненіе Аристотелю, сила его авторитета и степень возбужденнаго имъ удивленія достигли до того, что въ университетахъ того времени „нельзя было получить никакой ученой степени безъ знанія этого философа“; мало того, требовалось абсолютное признаніе аристотелевскаго ученія, и

когда, напрімѣръ Рамусъ ¹⁾ издалъ въ 1543 г. свое нападеніе на Аристотеля, то „противъ него возстали и дворъ, и строгость законовъ“. Это рабство мысли, нетерпимость, отсутствіе критическаго анализа, слѣпая вѣра въ непогрѣшимость „своихъ великихъ предшественниковъ“, это упорное тяготѣніе мысли къ прошлому—составляютъ одну изъ выдающихся чертъ средне-вѣковаго періода, и могутъ служить дальнѣйшимъ подтвержденіемъ близкаго сродства, въ этотъ періодъ, умственнаго состоянія съ состояніемъ мысли у дикихъ народовъ. Мысль дикаря отличается тою же склонностью подражанія, тѣмъ же отсутствіемъ критическаго элемента. „Дикарь, говоритъ Тейлоръ, вѣрно, упорно консервативенъ. Никто не обращается съ такимъ непоколебимымъ довѣріемъ къ своимъ великимъ предшественникамъ въ прошедшемъ; мудрость предковъ можетъ перевѣшивать для него самыя очевидныя доказательства его собственныхъ понятій и дѣйствій. Мы съ состраданіемъ выслушиваемъ, какъ грубый индѣецъ выставляетъ противъ цивилизованной науки и опыта авторитетъ своихъ грубыхъ предковъ“. Вотъ эта-то косность первобытной мысли, указывая на источникъ рабскаго состоянія умовъ въ періодъ средне-вѣковаго мрака, служить вмѣстѣ съ тѣмъ самою точною мѣркой для надлежащей оцѣнки даннаго состоянія. Она свидѣтельствуетъ намъ, съ какимъ замѣчательнымъ трудомъ подвигалась человѣческая мысль по пути прогресса и какъ трудно ей было сбросить съ себя вѣками унаслѣдованную склонность отождествлять субъективныя представленія съ объективнымъ фактомъ. Прошли тысячелѣтія, а мысль, словно бѣлка въ колесѣ, продолжала вращаться все въ томъ же заколдованномъ мірѣ фетишей, продолжала ограничиваться все тою-же искусственною группировкою явленій, не будучи въ силахъ отыскать между ними генетической связи и тѣмъ самымъ лишенная возможности установить истинное отношеніе между причиною и дѣйствіемъ. Въ той области знанія, о которой идетъ у насъ рѣчь, это выразилось болѣе всего въ ученіи о силѣ и движеніи, ученіи ни на іоту не устранившаго первоначальнаго ошибочнаго воззрѣнія на данный предметъ. Это первоначальное понятіе о силѣ, какъ о самостоятельномъ дѣятелѣ, пережило даже средніе вѣка и въ эпоху возрожденія наукъ продолжало все еще оказывать вліяніе на развитіе основныхъ началъ механики, не говоря уже о другихъ отдѣлахъ физики. Этимъ, конечно, только и можно объяснить почему

¹⁾ Рамусъ (Pierre de la Ramée), философъ, род. въ 1502 г. умеръ въ 1572 г.

даже такіе дѣятели періода возрожденія наукъ какъ Кеплеръ, Кампанелла, Тихо де-Браге, Францискъ-Бэконъ¹⁾ не могли страхнуть съ себя средневѣковаго предрассудка и держались, напримѣръ, того мнѣнія, что въ астрологіи есть нѣкоторая доля истины. Правда, они отвергали „самыя очевидныя и самыя странныя нелѣпости, которыми завалена была астрологія, но они все-таки думали, что, за устраненіемъ этихъ нелѣпостей, здѣсь оставалась нѣкоторая реальная и важная истина“ (Уэвель). Примѣромъ можетъ, между прочимъ, служить и Кампанелла, одинъ изъ первыхъ противниковъ аристотелевскаго ученія, написавшій „астрологію, освобожденную отъ всѣхъ суевѣрій евреевъ и арабовъ, и изложенную физиологически“. Знаменитый Кеплеръ, хотя и не писалъ ничего подобнаго, но вѣрилъ въ астрологію, вѣрилъ, что земля есть животное, и съ этими вѣрованіями какъ нельзя болѣе гармонировало его представленіе о духовныхъ силахъ или „геніяхъ“, управлявшихъ вселенной, руководившихъ движеніемъ планетъ и проч., и проч. Не менѣе поучительнымъ примѣромъ исторической преемственности идей можетъ служить попытка Кардана, предшественника Галилея, сдѣлать поправки въ аристотелевскомъ дѣленіи явленій движенія на естественныя и насильственныя²⁾: Карданъ признавалъ три класса движенія: „произвольное движеніе, которое бываетъ кругообразно и которое обнаруживается въ небесныхъ движе-

¹⁾ Иоганъ Кеплеръ, знаменитый германскій астрономъ, обезсмертившій свое имя открытіемъ законовъ планетныхъ движеній, родился въ дер. Мельштатъ въ Вюртембергскомъ королев. въ 1571 г., умеръ въ 1630 г.—Кампанелла, род. въ Стело въ Калабріи, въ 1568 г., умеръ въ 1639 г.—Тихо де-Браге, астрономъ, извѣстный своими астрономическими наблюденіями, хотя однако былъ плохимъ теоретикомъ, отвергалъ систему Коперника и рассматривалъ землю какъ центральное тѣло, около котораго двигались луна и солнце, род. въ Кнаудштрупъ въ Шоніи, въ 1546 г., умеръ въ 1601 г.—Францискъ Бэконъ, род. въ 1561 г. умеръ въ 1626 г. Считается обыкновенно „основателемъ“ индуктивнаго метода и „отцомъ“ опытныхъ наукъ т. е. естествознанія; хотя однако объ этомъ самомъ „отцѣ“ нѣкоторые ученые, какъ напр. Дреперъ, говорятъ какъ о человѣкѣ, „съ дерзостью невѣжества критиковавшимъ то, чего не понималъ, и съ надѣннымъ высокоуміемъ унижавшимъ великаго Коперника“. Онъ „отвергалъ систему Коперника“ и „не зналъ ни одной отрасли математики, утверждалъ, что она бесполезна для науки, не задолго до того, какъ Ньютонъ, съ помощью математики, совершилъ свои безсмертныя открытія“ (Дреперъ).

²⁾ Иеронимъ Карданъ, родился въ Пармѣ, въ 1501 г. Первый составилъ вѣрное понятіе объ отрицательныхъ корняхъ уравненій. Замѣчательный мистикъ XVI столѣтія, онъ до того вѣрилъ въ астрологію, что про него рассказываютъ, будто онъ добровольно уморилъ себя голодомъ единственно съ тою цѣлью, чтобы оправдать астрологическое предсказаніе о днѣ своей смерти.

ніяхъ; естественное движеніе, которое неравномѣрно и къ концу дѣлается быстрѣе, каково, на примѣръ, движеніе падающаго тѣла, это движеніе совершается по прямой линіи, потому что она имѣетъ извѣстную цѣль, а природа всегда достигаетъ своихъ цѣлей кратчайшимъ путемъ; и наконецъ, насильственное движеніе, заключающее въ себѣ всѣ роды движенія, отличные отъ первыхъ двухъ“.—Слѣдуетъ ли говорить, что всѣ эти „поправки“ представляютъ, въ сущности, перефразу аристотелевскаго ученія о движеніи, и что въ основѣ этой искусственной классификаціи явленій движенія всецѣло покоится первоначальное, ошибочное понятіе о „причинѣ“ движенія какъ о „силѣ“, обособленной отъ самаго движенія. И вотъ въ такомъ именно состояніи находился вопросъ о движеніи вплоть до конца XVI столѣтія. Основныя начала динамики оставались подъ спудомъ, испытывая на себѣ всю силу давленія средневѣковаго мистицизма, мало того—всю силу давленія примитивной наклонности мысли разобщать причину отъ явленія, наклонности, унаслѣдованной за многія тысячелѣтія до средневѣковаго мрака. Могли ли, при такихъ условіяхъ, прогрессировать физическія знанія? Конечно, нѣтъ; нѣтъ уже потому, что физика есть прежде всего наука о движеніи и всѣ физическія явленія суть только различныя роды движенія, стало-быть, для надлежащаго изученія этихъ явленій, необходимо было предварительно установить основныя начала законовъ движенія, т. е. необходимо было приступить къ разрѣшенію динамической проблемы, истинное значеніе которой выяснилось только послѣ великихъ открытій Ньютона. Въ концѣ XVI столѣтія были сдѣланы первыя попытки къ установленію этихъ основныхъ началъ законовъ движенія, первыя попытки къ изученію динамическихъ явленій, на основаніи изслѣдованія условій ихъ взаимодѣйствія. Такимъ образомъ, строго говоря, только въ концѣ XVI столѣтія было положено начало современному состоянію физическихъ знаній и съ тѣмъ вмѣстѣ нанесенъ первый ударъ искусственной классификаціи явленій движенія. Ударъ былъ направленъ прежде всего на ученіе аристотелевской школы о движеніи тѣла, и въ этой борьбѣ самое видное мѣсто принадлежитъ великому реформатору эпохи возрожденія наукъ—Галилею.

Аристотелевская школа, какъ мы знаемъ, учила, что тяжелыя тѣла падаютъ быстрѣе легкихъ. На примѣръ, тѣло вѣсомъ въ десять фунтовъ должно было пролетѣть десять футовъ въ то время, въ какое тѣло въ одинъ фунтъ пролетало разстояніе въ десять разъ меньшее. Намъ извѣстна уже причина такого

ошибочнаго заключенія; но здѣсь необходимо обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: сказать, что тяжелое тѣло падаетъ скорѣе легкаго—значить не принимать во вниманіе большаго сопротивленія его массы притяженію земли, значить допустить абсурдъ—уничтоженіе силы сопротивленія. Такимъ образомъ мы видимъ, что изслѣдованіе явленій движенія тѣлъ, внѣ условій самаго движенія, влекло къ признанію невозможнаго—уничтоженія силы. Галилей показалъ всю ошибочность взглядовъ аристотелевской школы на паденіе тѣлъ; онъ показалъ, что всѣ тѣла тяжелыя и легкія падаютъ съ одинаковой скоростью, а если и замѣчается нѣкоторая разниця во времени, то причина этому должна быть приписана сопротивленію воздуха. Такимъ образомъ устанавливалась истинная связь, прямое соотношеніе между двумя динамическими факторами—паденіемъ тѣла и сопротивленіемъ его массы притяженію земли. Съ этой точки зрѣнія, движеніе тѣла переставало уже служить доказательствомъ существованія „силы“, толкающей въ каждый моментъ времени движущееся тѣло, „силы“, дѣйствующей какъ „нѣчто“ обособленное и, стало быть, независимой отъ самыхъ условій движенія. Въ самомъ дѣлѣ, при первомъ же анализѣ этихъ условій должно было выясниться, что тѣло движется быстрѣе или медленнѣе не по причинѣ каковаго то „естественнаго влеченія“ или „нерасположенія“ и „насилванія“, а вслѣдствіе внѣшнихъ условій, или ускоряющихъ движеніе, какъ на примѣръ, притягательное вліяніе земли, или препятствующихъ движенію, каковы, на примѣръ треніе, сопротивленіе воздуха и проч. Стало быть, если бы эти внѣшнія условія отсутствовали и тѣло было бы предоставлено само себѣ, то оно двигалось бы вѣчно съ равномерною скоростью по прямой линіи. Это и есть первый законъ движенія, установленный Галилеемъ. Съ какимъ однако трудомъ давалась пониманію того времени столь очевидная для насъ истина, легко видѣть на слѣдующемъ примѣрѣ: даже самъ Галилей не могъ сбросить съ себя окончательнаго вліянія аристотелевской школы, противъ которой боролся; такъ, о паденіи тѣлъ онъ между прочимъ говоритъ: „Тѣла падаютъ самымъ естественнымъ образомъ потому, что естественныя движенія самыя простыя“; причемъ, такимъ „естественнымъ“ движеніемъ онъ считалъ именно „кругообразное“. Только впоследствии уже Галилей отбросилъ эту ошибочную идею объ естественномъ и насильственномъ движеніи и сталъ разсматривать равномерное движеніе какъ прямолинейное, а не кругообразное. Послѣ Гали-

лея, первый законъ движенія былъ формулированъ Декартомъ ¹⁾ въ слѣдующихъ словахъ: „каждая вещь остается, такъ какъ она есть, вѣчно въ томъ же состояніи, если она не побуждается къ измѣненію внѣшними причинами. Ни одна частица сама собою не стремится двигаться по кривой линіи, а всегда по прямой“.

Не трудно замѣтить, что установленіе перваго динамическаго закона представляетъ громадный шагъ впередъ въ исторіи физики; съ этого момента безповоротно уже, разъ на всегда, былъ опредѣленъ дальнѣйшій ходъ развитія этой науки. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе, что движеніе тѣла, совершенно изолированнаго отъ внѣшнихъ вліяній, продолжаетъ вѣчно оставаться равномернымъ, т. е., не накопляясь и не убывая,—содержитъ въ себѣ, хотя и въ зародышѣ, признаніе того, что ни малѣйшая доля движенія не можетъ быть ни создана изъ ничего, ни обращена въ ничто. И разъ это положеніе составило исходную точку для дальнѣйшаго изученія явленій движенія, то подобное направленіе должно было, конечно, привести и дѣйствительно привело къ признанію закона постоянства или неуничтожаемости силы. Но, помимо такого отдаленнаго вліянія, ближайшимъ слѣдствіемъ рассматриваемаго нами динамическаго закона было устраненіе первоначальнаго ошибочнаго понятія о „силѣ“ съ указаніемъ на то, что изслѣдованіе взаимнаго отношенія между движеніемъ и условіями опредѣляющими въ немъ тѣ или другія измѣненія—есть единственный путь для надлежащаго уясненія проблемы, что такое сила? Изслѣдованіе этихъ взаимныхъ соотношеній составляетъ дальнѣйшій шагъ въ механикѣ; оно повело къ открытію втораго и третьаго законовъ движенія, которые хотя и были, такъ сказать, затронуты Галилеемъ и его современниками, но полное развитіе далъ имъ только Ньютонъ—этотъ величайшій геній науки ²⁾, благодаря которому механика была, наконецъ, разработана въ стройную законченную систему.

Вотъ эти законы движенія, какъ формулированы они во второмъ и третьемъ ньютоневскихъ тезисахъ:

Второй законъ движенія: „перемѣна движенія пропорціональна сообщенной силѣ и происходитъ въ направленіи прямой линіи, на которой дѣйствуетъ сила“. Не трудно

¹⁾ Декартъ или, по латыни, Картезіи, одинъ изъ величайшихъ математиковъ первой половины XVII столѣтія, родился въ 1596 г. въ Ла-Ге, въ Турени; умеръ въ 1650 г.

²⁾ Ньютонъ родился въ 1642 году въ Вульстрицѣ въ Линкольнѣ, умеръ въ 1727 году.

замѣтить, что этотъ законъ составляетъ непосредственное дополнение перваго закона. Въ самомъ дѣлѣ, если равномерное движеніе можетъ быть нарушено только вмѣшательствомъ внѣшнихъ вліяній, то, естественно, конечно, что степень такого уклоненія должна опредѣляться интенсивностью самаго вліянія: чѣмъ больше это вліяніе, тѣмъ больше будетъ и перемена движенія; отношеніе между этими двумя явленіями остается, такимъ образомъ, неизмѣннымъ, что и выражаетъ собою второй законъ движенія.

Третій законъ движенія: „Для всякаго дѣйствія существуетъ всегда равное и противоположное противо-дѣйствіе“. Чтобы понять истинный смыслъ настоящаго закона, необходимо прежде всего принять во вниманіе, что „дѣйствіе“ можетъ быть двоякаго рода: дѣйствіе въ смыслѣ простаго давленія и дѣйствіе въ смыслѣ произведенія работы.

Въ первомъ случаѣ, положеніе Ньютона сводится къ слѣдующему: „если на столъ давить, напримѣръ, гири, то столъ долженъ противо-дѣйствовать ей равнымъ и противоположнымъ давленіемъ, все равно, движется ли столъ или нѣтъ. Предполагая даже, что на столъ наложенъ грузъ, подъ которымъ онъ долженъ подломиться, тѣмъ не менѣе, пока столъ будетъ распадаться, т. е., во время самаго движенія грузъ въ каждое мгновеніе будетъ давить на столъ съ силою совершенно равною и противоположною силѣ давленія, производимаго на него столомъ, и законъ этотъ останется вѣренъ, въ какое бы отношеніе мы ни ставили оба тѣла между собою. Соедините ли вы ихъ простымъ соприкосновеніемъ, веревками, цѣпями или обручами, — пока оба тѣла будутъ соединены вмѣстѣ, дѣйствіе и противо-дѣйствіе будутъ всегда существовать“ (Тэтъ). Въ самомъ дѣлѣ, исключеніе здѣсь невозможно: если бы гиря, положенная на столъ, испытывала не равное и противоположное воздѣйствіе, а, напримѣръ, меньшее, тогда, конечно, пришлось-бы признать абсурдъ — уничтоженіе излишка давленія, т. е. уничтоженіе силы.

Перейдемъ теперь ко второму случаю, къ дѣйствію въ смыслѣ произведенія работы. Въ этомъ случаѣ положеніе Ньютона выражаетъ собою слѣдующее: Если измѣрить дѣйствіе какойнибудь машины и сравнить его съ произведенною ею работою, все равно будетъ ли эта работа заключаться въ преодоленіи тренія, сдѣлленія, тяжести или ускоренія, то окажется, что дѣйствіе, потраченное на работу, и противо-дѣйствіе, выраженное количествомъ произведенной работы, будутъ равны другъ другу. Другими словами это значитъ, что ни малѣйшая доля силы, расходуемой двигателемъ, не пропадаетъ безслѣдно, а цѣ-

либомъ превращается въ работу (въ указанномъ выше смыслѣ) и можетъ быть снова изъ нея получена. Въ такомъ видѣ разсматриваемый нами третій законъ движенія, установленный Ньютономъ, содержитъ въ себѣ, въ сущности, всѣ зачатки современнаго ученія о постоянствѣ или сохраненіи силъ. Мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, что основателемъ этого ученія долженъ считаться Ньютонъ; напротивъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ Ньютонъ допускалъ даже возможность уничтоженія силы (движенія)¹⁾. Но мы указываемъ на ту несомнѣнную истину, что третій законъ движенія является ближайшимъ родоначальникомъ современнаго ученія о сохраненіи силъ и что безъ этого закона, ученіе о сохраненіи не могло бы имѣть мѣста. Въ наукѣ, какъ и во всемъ окружающемъ насъ мірѣ, ничто не создается, а все развивается. Закоу постоянства предшествовалъ законъ равенства между дѣйствіемъ и противодѣйствіемъ, надлежащая постановка котораго, въ свою очередь, предполагала первые два динамическіе закона, рассмотрѣнные выше.

Такое значеніе этихъ трехъ основныхъ законовъ движенія, на которыхъ помысли все зданіе механики и благодаря которымъ, какъ это мы сейчасъ увидимъ, было выработано строгонаучное понятіе о „силѣ“.

Никто, конечно, не станетъ спорить, что „силой“ мы называемъ все то, что производитъ измѣненіе въ существовавшемъ до того состояніи или, другими словами, что „сила“ обнаруживается только тогда, когда наступаетъ та или другая перемѣна. Но что же это за „все то“? Просимъ читателя сонаставить первый динамическій законъ, трактующій о равномерномъ движеніи, со вторымъ, имѣющимъ въ виду перемѣнное движеніе. Перемѣна движенія наступаетъ въ томъ только случаѣ, если оно происходитъ въ вдругу условій, усиливающихъ или замедляющихъ данное движеніе; эта перемѣна всецѣло опредѣляется вліяніемъ указанныхъ условій, которыя, такимъ образомъ, и составляютъ ея „причину“. Стало быть, „сила“ вовсе не предполагаетъ объективной реальности, она выражаетъ собою ни больше, ни меньше, какъ тѣ измѣненія въ явленіяхъ движенія, которыя обуславливаются ихъ взаимодѣйствіемъ, ихъ отношеніемъ другъ въ другу.

¹⁾ Такъ, напримѣръ, онъ полагалъ, что если два неупругихъ тѣла при столкновеніи останавливаются, то движеніе исчезаетъ; тогда какъ, въ настоящее время, извѣстно уже очень хорошо, что въ указанныхъ условіяхъ движеніе массы превращается въ молекулярное движеніе, въ теплоту.

Достаточно сравнить это понятіе о силѣ, съ тѣмъ первоначальнымъ понятіемъ, о которомъ мы говорили въ предъидущемъ очеркѣ, чтобы увидѣть какая громадная между ними разница. Да такъ оно и должно быть: первоначальное понятіе о силѣ сложилось подъ вліяніемъ личнаго представленія человѣка о причинѣ дѣйствій своего я; настоящее же понятіе выработано путемъ изслѣдованія тѣхъ явленій взаимодѣйствія, которыя, обусловливая собою тѣ или другія измѣненія, рождаютъ въ насъ представленіе о „силѣ“. Такимъ образомъ, въ жервомъ случаѣ сила является какимъ-то самостоятельнымъ дѣятелемъ, обособленнымъ существомъ, во второмъ—она есть не болѣе какъ состояніе, опредѣляемое взаимнымъ отношеніемъ явленій. Отсюда прямой выводъ: изученіе дѣйствующихъ въ природѣ „силъ“ можетъ быть достигнуто только однимъ путемъ,—путемъ изслѣдованія условій взаимодѣйствія соотвѣтствующей группы явленій. Въ такомъ лишь случаѣ это изученіе можетъ оставаться въ предѣлахъ, требуемыхъ закономъ постоянства. Дѣйствительно, только тогда, когда указанное здѣсь понятіе о силѣ было введено въ механику—эта наука достигла полнаго развитія; только тогда, когда Ньютонъ перенесъ это понятіе о силѣ на небесную механику и изъ законовъ паденія тѣлъ вывелъ общій міровой законъ тяготѣнія—только тогда теоретическая астрономія заняла самое выдающееся мѣсто среди точныхъ наукъ. То же самое, конечно, приложимо и въ отношеніи всѣхъ отдѣловъ физики. Всѣ эти отдѣлы могли сложиться въ стройную цѣльную систему не ранѣе того, какъ въ каждомъ изъ нихъ первоначальное понятіе о силѣ-веществѣ смѣнилось понятіемъ о силѣ въ смыслѣ измѣненій въ явленіяхъ движенія. Только тогда стало возможнымъ свести всѣ физическія явленія къ движенію; только тогда могло быть доказано, что безчисленное разнообразіе физическихъ „силъ“ выражаетъ собою, въ сущности, ничто иное какъ безчисленное разнообразіе измѣненій въ явленіяхъ молекулярнаго (частичнаго) движенія.

Вотъ въ этой, именно, борьбѣ первоначальнаго понятія о силѣ съ только что указаннымъ и въ постепенномъ вытѣсненіи перваго послѣднимъ и состоитъ, въ сущности, исторія физики.

II.

Первымъ доказательствомъ справедливости только что указаннаго значенія понятія о „силѣ“ для исторіи физики можетъ служить то состояніе ея, въ какомъ находилась она въ эпоху Ньютона. Въ то время какъ механика и теоретическая астрономія, благодаря окончательному изгнанію изъ этихъ областей знанія первоначальнаго понятія о силѣ, быстро выросли въ цѣльную законченную систему, въ другихъ отдѣлахъ физики весьма долго еще продолжало держаться это примитивное понятіе, побуждавшее разобцать причину явленія отъ самаго явленія и вносившее въ науку дуализмъ, въ условіяхъ котораго было, конечно, невозможно подвести разнообразнѣйшаго рода физическія явленія подъ одинъ принципъ. И дѣйствительно, въ то время, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, различныя группы физическихъ явленій обнаруживали именно такую рознь: „Огромный классъ явленій, свѣта стоялъ безъ связи рядомъ съ явленіями теплоты, съ электрическими феноменами и т. д.“ (Карстенъ). И хотя это разединеніе не обнаруживалось уже такъ рѣзко, какъ въ ученіяхъ древнихъ физиковъ, хотя значительное число явленій признавалось за движеніе матеріи, „но рядомъ съ ними допускали, относительно большаго количества другихъ явленій, существованіе особеннаго рода другихъ веществъ, и столько именно числомъ, сколько было на-лицо различныхъ группъ проявленій силъ, а именно: свѣтовое вещество, теплородъ, одну или двѣ электрическія матеріи, двѣ магнитныя жидкости. Такъ какъ во многихъ тѣлахъ наблюдали: въ одномъ случаѣ явленія свѣта, въ другомъ—явленія теплоты, въ третьемъ, наконецъ,—электричество, то тѣламъ навязывали, смотря по надобности, любое изъ этихъ веществъ. Если было что общаго между различными областями наблюденія, то развѣ только въ названіи „imponderabilia“, въ ученіи о „невѣсомыхъ“ веществахъ. А между тѣмъ, уже въ то время существовало не малое число фактовъ, въ виду которыхъ подобнаго рода понятія оказывались совершенно несостоятельными. Знали же, на-примѣръ, что механическое движеніе можетъ произвести теплоту, или свѣтъ, или электричество. Чтобы послѣ этого удерживать понятіе о „невѣсомыхъ“, необходимо было впасть въ абсурдъ, что движеніе можетъ быть превратимо въ матерію“ (Карстенъ). Но этотъ „абсурдъ“ для того времени вовсе не могъ

казаться абсурдомъ, и въ данномъ случаѣ вполне обнаружилось вліяніе примитивной мысли разобщать причину отъ явленія: проявленіе той или другой физической „силы“ (теплоты, свѣта, электричества и проч.) разсматривалось не какъ измѣненіе движенія (въ смыслѣ перехода изъ одной формы въ другую), а какъ свойство особой сущности, особаго вещества. Съ этой первобытной точки зрѣнія, предполагающей въ силѣ объективную реальность, указанный выше абсурдъ о превратимости движенія въ матерію заслонялся ошибочнымъ представленіемъ о переходѣ матеріи въ матерію, „невѣсомаго“ вещества, напри- мѣръ, теплородной или электрической „жидкости“ въ вѣсомое, т. е., въ то или другое тѣло.

Въ виду указанного здѣсь дуализма всѣ физическія явленія были разбиты на двѣ группы, непредставляющія между собою ничего общаго; и эта искусственная классификація держалась такъ упорно, что, сравнительно, очень еще недавно въ учебникахъ физики можно было встрѣтить два отдѣла: „о вѣсомыхъ“, въ которомъ трактовалась механика твердыхъ тѣлъ, гидростатика, аэростатика и явленія звука, и „о невѣсомыхъ“, гдѣ разсматривались явленія теплоты, свѣта, электричества и гальванизма. Здѣсь, прежде всего, бросается въ глаза рѣзкое разобщеніе звуковыхъ явленій, само собою предполагающее отсутствіе всякаго соотношенія съ „невѣсомыми“ дѣятелями. Это обстоятельство, конечно, доказываетъ, что звукъ, ранѣе другихъ физическихъ „силъ“, сталъ разсматриваться какъ движеніе матеріи. Дѣйствительно, уже древніе мыслители имѣли нѣкоторое понятіе о настоящемъ предметѣ, и тогда уже знали, что „звукъ происходитъ отъ движенія звучащаго тѣла и доходитъ до слуха посредствомъ какого-то движенія воздуха“; но всѣ эти знанія отличались крайнею неопредѣленностью и сбивчивостью; вопросъ цѣликомъ novoился на однихъ безсвязныхъ предположеніяхъ, а въ средневѣковыя времена, въ этотъ знаменитый періодъ возрожденія первобытнаго анимизма, были даже обнаружены попытки чисто ретрограднаго характера: распространеніе и передача звука приписывались какому-то „особеннымъ духовнымъ качествамъ“ (*species spiritualis*), что рѣзко выразалось и въ самой фразіологіи: звукъ „есть дыханіе летящее“. Однимъ словомъ, до XVII столѣтія акустика, какъ теоретическая наука, совершенно отсутствовала и мы легко поймемъ тому причину, если припомнимъ, что только въ концѣ XVII столѣтія были прочно установлены основные законы движенія, безъ надлежащаго уясненія которыхъ было бы невозможно, конечно, состав-

вить себѣ точное представленіе и о тѣхъ частныхъ случаяхъ спеціальныхъ условій движенія, которыя опредѣляютъ собою явленія звука. Дѣйствительно, въ ученіи о звукѣ прежде всего было обращено вниманіе на тѣ явленія, въ которыхъ эти условія рѣзче всего бросаются въ глаза. Сюда именно относится вибрація струнъ, изслѣдованіе которой привело къ опредѣленію условій происхожденія тоновъ. Именно, было показано, что различіе тоновъ зависитъ отъ различія въ скорости колебаній струны, что болѣе быстрая вибрація рождаетъ болѣе высокій тонъ и наоборотъ. Когда, такимъ образомъ, данная связь выяснилась, были сдѣланы попытки объяснить ее на основаніи механическихъ принциповъ, и вотъ тогда именно впервые явилась возможность надлежащимъ образомъ опредѣлять значеніе упругости, какъ основнаго элемента въ явленіяхъ звуковой вибраціи, тогда только теорія звука стала на твердую почву. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: одна и та же струна издаетъ звуки различной высоты, смотря по степени ея натяженія, болѣе высокому тону соотвѣтствуетъ и болѣе сильное натяженіе. Стало быть, къ двумъ указаннымъ выше явленіямъ соотношенія—высотѣ тона и скорости вибраціи струны присоединяется еще одно—сила натяженія. Но, согласно третьему закону динамики, дѣйствіе, составляющее въ данномъ случаѣ натяженіе, предполагаетъ равное и противоположное воздѣйствіе, которое, въ рассматриваемомъ примѣрѣ, выражается степенью напряженія или упругости. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того какъ возрастаетъ натяженіе струны, возрастаетъ и ея эластичность. Эластичностью же опредѣляются и колебанія, какъ напримѣръ, колебанія металлическаго прута, если укрѣпить его у одного конца, а другой, свободный, отклонивъ въ сторону, предоставить самому себѣ; то же происходитъ и со струною, выведенной изъ состоянія покоя—она также начинаетъ колебаться, т. е., воспроизводитъ количество работы, затраченной на преодоленіе ея упругости. И такъ получается слѣдующій рядъ соотношеній: эластичность струны опредѣляетъ ея вибрацію, вибрація—звукъ, степень эластичности—быстроту вибраціи, быстрота вибраціи—высоту тона.

Такимъ образомъ, когда разъ выяснилось, путемъ изслѣдованія условій колебаній струнъ, значеніе упругости для звуковыхъ явленій, было приступлено къ другой весьма важной проблемѣ: распространенію звука въ воздухѣ. Какъ распространяются звуки и съ какою скоростью? Рѣшеніе этихъ вопросовъ (мы имѣемъ въ виду какъ здѣсь, такъ и во всемъ послѣдую-

щемъ изложеніи теоретическую сторону предмета), рѣшеніе этихъ вопросовъ дано Ньютономъ въ его знаменитыхъ „Principia“. Здѣсь именно впервые былъ разъясненъ характеръ взаимодействія частицъ воздуха, — взаимодействія, обуславливающего собою распространеніе звука; именно было показано, что каждая частица воздуха испытываетъ движеніе въ ту и другую сторону, причѣмъ эта вибрація сообщается послѣдовательно отъ частицы къ частицѣ; онѣ то нагоняютъ другъ друга, то возвращаются назадъ и тѣмъ производятъ послѣдовательный рядъ сгущеній и разрѣженій. Одно такое сгущеніе и одно разрѣженіе составляютъ вмѣстѣ звуковую волну. Но эти сгущенія и разрѣженія и есть тѣ самыя измѣненія въ движеніи частицъ, которыя выражаютъ собою упругость воздуха. Стало быть и въ данномъ случаѣ, т. е. въ случаѣ распространенія звука въ воздухѣ, основнымъ элементомъ является все та же „сила“ — упругость, значеніе которой было выяснено выше для вибрацій струнъ. Исслѣдованіе условій происхожденія и распространенія звуковъ въ воздухѣ повело къ рѣшенію проблемы звучащихъ трубъ, причѣмъ и здѣсь была опредѣлена та же зависимость, то же соотношеніе между эластичностью, быстротою вибрацій, т. е. сгущеній и разрѣженій, и различіемъ тоновъ.

Такимъ-то путемъ постепенно устанавливалась связь между звуковыми явленіями и всѣ они подводились подъ одинъ общій механическій принципъ. Но хотя въ концѣ XVII-го столѣтія и въ теченіе всего прошлаго вѣка акустика сдѣлала громадныя успѣхи, хотя за это время намѣчены были всѣ существенныя проблемы и не только намѣчены, но даже во многихъ отношеніяхъ весьма обстоятельно изучены, тѣмъ не менѣе, нельзя сказать, чтобы къ тому времени была выработана цѣльная, законченная система. Оставалось пополнить еще весьма существенныя пробѣлы. Сюда, напримѣръ, относится вопросъ о созвучіи и о диссонансѣ. Правда, тогда уже знали, что явленія мурмивальныхъ интерваловъ находятся въ прямой зависимости отъ отношеній между числомъ колебаній, и знали также, что пріятные звуки связаны съ простотою отношеній въ числахъ колебаній, что совершеннѣйшее созвучіе является тогда, когда одновременно издаются двѣ ноты съ одинаковымъ числомъ вибрацій, т. е., когда скорость колебаній относится какъ 1 : 1; затѣмъ слѣдуетъ октава, т. е., двѣ ноты, изъ которыхъ вибраціи одной въ два раза превосходятъ колебанія другой, здѣсь скорость вибрацій относится какъ 1 : 2, и т. д., по мѣрѣ того какъ возрастаетъ сложность отношеній въ числахъ колебаній, созвучіе постепенно умень-

шается и переходить въ диссонансъ. Повторяемъ, все это тогда было очень хорошо извѣстно и тѣмъ не менѣе вопросъ оставался открытымъ; оставалось загадкой, почему созвучіе связано съ простотою отношеній въ числахъ колебаній. И какъ мало было сдѣлано для разрѣшенія этой „загадки“ легко видѣть уже потому, что даже одинъ изъ величайшихъ математиковъ прошлаго столѣтія, Эйлеръ ¹⁾ объяснялъ указанное выше соотношеніе склонностью человѣческой души находить естественное наслажденіе въ простыхъ численныхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, здѣсь, какъ въ зеркалѣ, отразился первобытный способъ толкованія явленій. Достоинно замѣчанія, что объясненіе Эйлера, говоря словами Тиндала, „оставалось долго единственнымъ“. Истинная причина явленій созвучія и диссонанса выяснилась, въ сущности, весьма недавно, благодаря трудамъ извѣстнѣйшаго современнаго ученаго Гельмгольца, показавшаго, что созвучіе имѣетъ мѣсто при совпаденіи звуковыхъ волнъ, когда онѣ своими сгущеніями и разряженіями дѣйствуютъ одновременно на барабанную перенонку, сливаясь въ одно цѣльное, плавное звуковое впечатлѣніе; но послѣднее явленіе нарушается, если звуковыя волны не совпадаютъ, и ихъ вибрація сопровождается перерывами, скачками, которые именно и производятъ на ухо впечатлѣніе диссонанса. Съ другой стороны, было показано, что дѣйствіе этихъ перерывовъ возрастаетъ по мѣрѣ того какъ увеличивается сложность указанныхъ выше отношеній въ числахъ колебаній. Вотъ это именно и служитъ причиною почему созвучіе тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ проще отношеніе между числомъ вибрацій. Такимъ-то путемъ ненаучное, анимистическое объясненіе было, въ концѣ концовъ, вытѣснено, и явленіе получило надлежащее толкованіе.

Обратимся теперь къ другому случаю. Мы говорили уже выше объ изслѣдованіяхъ Ньютона надъ условіями распространенія звуковъ въ воздухѣ и о значеніи упругости этой среды для даннаго явленія. Не смотря однако на то, что настоящій предметъ былъ разработанъ весьма обстоятельно уже въ концѣ XVII столѣтія, здѣсь обнаружилось одно крайне важное и поучительное недоразумѣніе, на которое мы и имѣемъ въ виду обратить вниманіе читателя. Принимая во вниманіе извѣстные законы упругости воздуха и колебанія его частицъ, Ньютонъ опредѣлилъ, путемъ математическаго анализа, скорость распространенія звуковыхъ волнъ въ воздухѣ; но это теоретическое

¹⁾ Эйлеръ родился въ Базелѣ въ 1707 году, умеръ въ 1783 году.

опредѣленіе не согласовалось съ результатами наблюденія; вычисленная скорость оказалась значительно меньше той, которая была получена опытнымъ путемъ. Всѣ попытки Ньютона объяснить эту разницу не привели ровно ни къ чему, съ другой стороны самыя лучшія математики прошлаго столѣтія, и въ томъ числѣ Эйлеръ, не могли внести никакой поправки въ формулу Ньютона: разница между результатами вычисления и наблюденіемъ оставалась все таже. Загадка была разъяснена только въ началѣ настоящаго столѣтія Лапласомъ¹⁾, принявшимъ во вниманіе отношеніе термическихъ вліяній на условія распространенія звуковъ въ воздухѣ. Именно онъ показалъ, что сгущеніе и разрѣженіе звуковыхъ волнъ сопровождается развитіемъ теплоты, которая усиливаетъ упругость воздуха, а стало быть — и скорость распространенія звуковъ. Дѣйствительно, когда въ формулу Ньютона, Лапласъ ввелъ поправку на основаніи этого термическаго вліянія, тогда вычисленная скорость вполнѣ совпала съ результатомъ наблюденія. Такимъ образомъ „загадка“ разъяснилась; но, именно, только благодаря тому, что было принято во вниманіе новое соотношеніе до того еще неизвѣстное, соотношеніе между звуковыми и термическими явленіями. Это одно обстоятельство уже должно было показать, какъ тѣсно въ сущности связаны между собою разнообразныя физическія явленія и какъ необходимо, стало быть, для надлежащаго изученія одной группы явленій обстоятельное изслѣдованіе другихъ группъ. Отсюда уже легко понять почему, напримѣръ, только тогда, когда были изучены подробно условія распространенія звука не только въ воздухѣ, но и въ другихъ газообразныхъ, а также въ твердыхъ и жидкихъ тѣлахъ, а съ другой стороны изслѣдованы условія распространенія въ различныхъ средахъ — теплоты, свѣта, электричества и магнетизма, только тогда выяснился вполнѣ глубокой смыслъ всѣхъ этихъ явленій и ихъ зависимость отъ одного и того же фактора — упругости. Эта упругость различна въ различныхъ тѣлахъ, а потому и звукъ распространяется въ такихъ тѣлахъ съ неодинаковою скоростью. Далѣе, по той же самой причинѣ, если тѣло имѣетъ опредѣленную структуру, напримѣръ кристаллъ или дерево и стало быть отличается неравномѣрнымъ распредѣленіемъ упругости, то въ такомъ тѣлѣ звукъ не будетъ уже распространяться одинаково

¹⁾ Лапласъ — одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ математиковъ и астрономовъ конца прошлаго и начала настоящаго столѣтія, род. въ Боманъ-анъ-Ожъ въ 1749 г., умеръ въ 1827 г.

хорошо во всѣхъ направленіяхъ. „Это же вѣрно и относительно другихъ явленій кромѣ звука. Напримѣръ, когда мы подвергаемъ дѣйствию магнитной силы деревянный шаръ, то она дѣйствуетъ на него не одинаково во всѣхъ направленіяхъ. Онъ всегда отталкивается полюсомъ магнита, но самое сильное отталкиваніе бываетъ тогда, когда сила дѣйствуетъ по направленію его фибръ (волоконъ). Теплота также проходитъ по дереву съ неодинаковою легкостью въ разныхъ направленіяхъ. Она свободно проходитъ вдоль фибръ; но перпендикулярно къ фибрамъ дерево способно проводить теплоту не одинаково во всѣхъ направленіяхъ. Теплота легче проводится въ перпендикулярномъ направленіи къ кольцамъ дерева, чѣмъ по длинѣ ихъ. Такимъ образомъ дерево имѣетъ три неравныя оси теплопроводности. Эти оси совпадаютъ съ осями упругости, открытыми Саваромъ. Вертгеймъ и Шеванде опредѣлили скорость звука по направленію этихъ трехъ осей и получили тѣже результаты... Большинство кристалловъ представляетъ разницы подобнаго же рода. Въ такихъ тѣлахъ частицы ихъ расположены съ разной степенью близости одна къ другой въ разныхъ направленіяхъ; и гдѣ это бываетъ, тамъ навѣрное окажутся различія въ передачѣ и въ дѣйствии теплоты, свѣта, электричества, магнетизма и звука“ (Тиндалль). Такимъ образомъ, всѣ эти явленія, эта передача и это дѣйствіе физическихъ „силъ“, по условіямъ своего происхожденія, сливаются въ одно цѣлое, въ тѣ измѣненія молекулярныхъ (частичныхъ) движеній, которыя выражаются силой упругости.

Припомнимъ теперь первоначальное состояніе акустики: звуковыя явленія были совершенно разобщены отъ „невѣсомыхъ“ дѣятелей теплоты, свѣта и проч., указанная только что связь отсутствовала; даже для различныхъ родовъ звуковыхъ явленій эта связь стала обнаруживаться по мѣрѣ того, какъ изслѣдовались условія вибрацій, опредѣляющихъ свойства звука и все болѣе и болѣе выяснялась зависимость этихъ условій отъ упругости вибрирующихъ веществъ. И когда, такимъ образомъ, данная зависимость была указана для всѣхъ родовъ звуковыхъ явленій, тогда только оказавшись возможнымъ подвести эти явленія подъ одинъ общій механическій принципъ, установленный основными законами динамики; принципъ, по которому „сила“ и ея проявленія (въ данномъ случаѣ—звукъ и его свойства) разсматриваются какъ измѣненія въ движеніи, различныя при различныхъ условіяхъ, но всегда выражающія собою, по отношенію къ послѣднимъ, равное и противоположное воздѣйствіе. Такимъ

именно воздѣйствиємъ и является упругость вибрирующихъ веществъ, связывающая между собою всѣ звуковыя явленія рядомъ послѣдовательныхъ соотношеній, которыя, не обрываясь, сливаются съ соотношеніями другихъ физическихъ „силъ“ — теплоты, свѣта, электричества и проч.

Если мы обратимся теперь къ учению о свѣтѣ, то и здѣсь встрѣтимся съ тою-же, въ общихъ чертахъ, исторіею; и въ оптикѣ, какъ и въ акустикѣ, первоначальное состояніе знанія было таково, что изслѣдуемая явленія рѣзко разобщались отъ остальныхъ физическихъ явленій. Въ оптикѣ вліяніе примитивнаго понятія о силѣ сказалось еще сильнѣе и продолжительнѣе. Мы видѣли уже во второмъ очеркѣ въ какой степени первобытный анимизмъ отразился въ ученіяхъ древнихъ мыслителей о физическихъ „дѣятеляхъ“ вообще и о свѣтѣ въ частности. Свѣтъ разсматривался какъ какое то особое существо или, по меньшей мѣрѣ, какъ самостоятельная сущность. Прошли столѣтія, а это понятіе о „свѣтѣ“ продолжало упорно держаться; оно продолжало упорно держаться съ начала своего возрожденія, т. е. съ конца XVII вѣка въ теченіи всего прошлаго столѣтія. И достойно замѣчанія, что тотъ самый великій умъ, который такъ прочно установилъ основные законы движенія — является въ ученіи о свѣтѣ первымъ и самымъ сильнымъ борникомъ противоположнаго, примитивнаго понятія о силѣ, понятія, идущаго въ разрѣзъ съ закономъ постоянства. Мы говоримъ о Ньютонѣ и его гипотезѣ о матеріальной натурѣ свѣта, по которой явленія свѣта объяснялись истеченіемъ свѣтовыхъ частицъ, т. е. истеченіемъ нѣчто, столь же неопредѣленнаго, какъ и тѣ свѣтовые образы, о которыхъ училъ Демокритъ.

Эта гипотеза, извѣстная подъ именемъ теоріи истеченія, была принята многочисленными поклонниками ея великаго основателя и положительно царствовала въ теченіи всего прошлаго столѣтія, не смотря на то, что въ то время уже имѣла мѣсто и другая теорія, разсматривавшая свѣтъ не какъ матерію, а какъ движеніе. Такое преобладаніе первой надъ второю въ раннемъ періодѣ развитія оптическихъ знаній, какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ историческимъ ходомъ развитія понятія о силѣ вообще; вмѣстѣ съ тѣмъ оно служитъ самымъ нагляднымъ доказательствомъ того, какъ слабо еще, въ то время, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, сознавалась истинная связь между механическими и физическими явленіями: въ одномъ случаѣ эти явленія изучались путемъ изслѣдованія усло-

вій, опредѣляющихъ собою то или другое измѣненіе въ движеніи, въ другомъ—вмѣсто этого, единственно точнаго, научнаго метода, продолжали еще примѣняться примитивный способъ, побуждающій искать „причину“ явленій внѣ условій самыхъ явленій. Понятно, конечно, что теорія истеченія, предполагавшая этотъ примитивный способъ изслѣдованія, тѣмъ самымъ заслоняла собою истинный путь въ изученію свѣтовыхъ явленій и не могла, стало быть, служить базисомъ для дальнѣйшаго развитія оптическихъ знаній. Дѣйствительно, по мѣрѣ того какъ накоплялись факты, безсиліе теоріи истеченія обнаруживалось все рѣзче и рѣзче: для каждой новой группы свѣтовыхъ явленій приходилось строить новое объясненіе, одно предположеніе громоздилось на другое, столь же искусственное и произвольное. Такъ, еще въ 1865 г. было сдѣлано замѣчательное открытіе, что, при извѣстныхъ условіяхъ, свѣтъ, встрѣчаясь со свѣтомъ производитъ темноту—фактъ, идущій въ разрѣзъ съ гипотезой о матеріальной природѣ свѣта. Въ самомъ дѣлѣ, „когда, говоря словами Карстена, къ свѣтовому веществу прибавляется еще такое же вещество, то въ результатъ должна получиться большая яркость. Но если допустить, что свѣтъ есть движеніе гдѣ бы то ни было находящагося тѣла, тогда можно себя представить, что при встрѣчѣ двухъ движеній, противоположнаго направленія, происходитъ взаимная остановка и покой матеріи, т. е. въ данномъ случаѣ—темнота“. Постепенно возраставшее число открытій другихъ подобныхъ же явленій, извѣстныхъ подъ именемъ интерференціи, наконецъ, цѣлый рядъ такихъ оптическихъ феноменовъ какъ двойное преломленіе, поляризація и проч.—все болѣе и болѣе обнаруживали несостоятельность ученія о свѣтѣ, какъ о „невѣсомомъ веществѣ“—и вмѣстѣ съ тѣмъ исподоволь крѣпло убѣжденіе, что свѣтъ есть движеніе. Исторія этой послѣдней теоріи совершенно противоположна той, о которой мы только что говорили: развитая въ общихъ чертахъ Гюйгенсомъ¹⁾ и затѣмъ Эйлеромъ, теорія волнообразнаго движенія долгое время не удостоивалась вниманія ученыхъ, пока, наконецъ, въ началѣ настоящаго столѣтія, Юнгъ и Френель²⁾, рядомъ блестящихъ открытій не вы-

¹⁾ Гюйгенсъ, знаменитый математикъ XVII столѣтія; род. въ Гаагѣ въ 1629 г., умеръ въ 1695 г.

²⁾ Юнгъ, англійскій физикъ начала нынѣшняго столѣтія; род. въ Милвертонѣ, въ графствѣ Сомерсетъ, въ 1773 г., умеръ въ 1829 г.—Френель, французскій физикъ, современникъ Юнга, род. въ Броази, въ 1787 г., умеръ въ 1827 году.

яснили ее громадное значеніе, установивъ самую тѣсную связь между различными группами свѣтовыхъ явленій въ ихъ общей зависимости отъ тѣхъ или другихъ условий движенія. Послѣдній ударъ теоріи истеченія былъ нанесенъ въ 1850 г. опытами французскихъ ученыхъ Физо и Фуко. Дѣло въ томъ, что по гипотезѣ матеріальной природы свѣта, то измѣненіе въ направленіи, которое испытываетъ свѣтовой лучъ при переходѣ изъ воздуха въ воду, могло быть объяснено только подъ условіемъ, что свѣтъ распространяется въ водѣ быстрѣе нежели въ воздухѣ. Напротивъ, по теоріи волнообразнаго движенія, объясненіе этого движенія предполагало обратное отношеніе, т. е. что въ водѣ свѣтъ распространяется медленнѣе, нежели въ воздухѣ. Опыты Физо и Фуко, произведенные этими учеными независимо другъ отъ друга, подтвердили справедливость втораго предположенія, показавъ, что въ водѣ свѣтъ дѣйствительно распространяется медленнѣе, чѣмъ въ воздухѣ, а отсюда уже прямой выводъ, что свѣтъ есть особаго рода движеніе.

Такимъ образомъ теорія истеченія была окончательно разрушена, а ученіе о волнообразномъ движеніи, напротивъ, расширяясь все болѣе и болѣе, въ концѣ концовъ выработалось въ цѣльную систему, гармонически связанною во всѣхъ своихъ частяхъ. И мы легко поймемъ причину этой неудачи въ одномъ случаѣ и успѣшнаго развитія въ другомъ, если припомнимъ, что теорія истеченія всецѣло покоилась на примитивномъ понятіи о силѣ какъ о веществѣ, а теорія волнообразнаго движенія, напротивъ, вводила въ оптику то именно понятіе о силѣ (какъ измѣненіе движенія), которое было выработано основными законами динамики.

Ученія о теплотѣ и электричествѣ слѣдовали въ своемъ развитіи по тому же, въ общихъ чертахъ, пути, съ которымъ мы ознакомились выше, говоря объ акустикѣ и оптикѣ. Но вслѣдствіи болѣе сложности тепловыхъ и электрическихъ явленій и болѣе, стало быть, трудности уловить между ними общую связь — примитивное понятіе „о силѣ“ продолжало здѣсь держаться болѣе продолжительное время, нежели въ оптикѣ. Не только въ прошломъ столѣтіи, но и въ началѣ настоящаго, эти ученія, въ особенности ученіе объ электричествѣ, находились въ крайне младенческомъ состояніи. Достаточно уже указать, на странное мнѣніе Бойля, полагавашаго, что „изъ наэлектризованнаго тѣла выходятъ и въ него входятъ какъ бы масляныя нити“, или мнѣніе Ньютона, рассматривавшаго электричество какъ кабую-то упругую жидкость, — чтобы составить себѣ

представленіе о первоначальныхъ попыткахъ объяснить извѣстныя въ то время электрическія явленія. Эти попытки, какъ видѣть читатель, по приему своему мало чѣмъ отличаются отъ Залесовскаго предположенія относительно способности янтара притягивать къ себѣ легкія тѣла. По крайней мѣрѣ въ томъ и другомъ случаѣ въ одинаковой почти степени сказывается примитивный взглядъ на причину явленія. Тоже самое первоначальное понятіе о силѣ, мы находимъ и въ болѣе совершенной теоріи Франклина ¹⁾, о самоотталкивающей электрической жидкости и въ позднѣйшей теоріи Симмера двухъ электрическихъ жидкостей, изъ которыхъ каждая отталкиваетъ себя, но притягиваетъ другую. Эта именно теорія и была принята для объясненія различныхъ электрическихъ явленій и между прочимъ того факта, что тѣла наэлектризованныя однороднымъ электричествомъ (положительнымъ или отрицательнымъ) отталкиваются, а наэлектризованныя разнороднымъ электричествомъ — притягиваются. Что же касается вопроса объ образованіи электричества, то по этой теоріи тѣло остается въ неэлектризованномъ состояніи пока обѣ находящіяся въ немъ „невѣсомыя жидкости“ взаимно уравновѣшиваютъ другъ друга, но если только какимъ нибудь путемъ, напримѣръ путемъ тренія, нарушить это равновѣсіе, тотчасъ же обнаруживается ихъ электрическое дѣйствіе. Какъ бы такое объясненіе не казалось „нагляднымъ“, въ сущности оно крайне не вѣрно и приводитъ къ признанію уничтожаемости силы. Въ самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, движеніемъ стекляннаго колеса въ электрической машинѣ можно получить какое угодно количество электричества, нисколько неизмѣняя при этомъ свойства подвергающагося тренію тѣла. Допуская даже нелѣпность — безконечную насыщенность стекляннаго колеса электрическими жидкостями, все же остается нерѣшеннымъ вопросъ: куда исчезаетъ, то количество работы, которое выражается движеніемъ этого колеса? Приходится допустить одно изъ двухъ: или уничтоженіе силы или же, что электричество есть особаго рода движеніе, а не вещество.

Въ такомъ же непримиримомъ противрѣчій съ фактами находится и первоначальное ученіе о теплотѣ, какъ „о невѣсомой жидкости“, названной „теплородомъ“. Прежде всего укажемъ на такъ называемую лучистую теплоту, открытую въ 1777 году химикомъ Шеле. Но послѣ замѣчательныхъ работъ Меллони, Физо

¹⁾ Франклинъ, извѣстный, между прочимъ, открытіемъ громоотвода, род. близъ Бостона въ 1706 г., умеръ въ 1790 г.

и Кноблауха надъ тепловыми лучами не оставалось уже никакого сомнѣнія въ томъ, что по природѣ своей лучистая теплота ровно ни чѣмъ не отличается отъ свѣта, что тепловые лучи, подобно свѣтовымъ, могутъ отражаться, что они также испытываютъ преломленіе и могутъ интерферировать, т. е. при извѣстныхъ условіяхъ взаимодѣйствія—уменьшать теплоту. Очевидно, что всѣ эти явленія также мало объяснимы теоріей „теплорода“, какъ и соотвѣтствующія свѣтовые явленія теоріей истеченія. Уже одинъ фактъ возможности уменьшенія теплоты при встрѣчѣ тепловыхъ лучей оказывается совершенно не примиримымъ съ ученіемъ о матеріальной природѣ тепла, и служитъ доказательствомъ, что теплота, подобно свѣту, есть движеніе.

Но еще раньше указанныхъ выше работъ, несостоятельность теоріи теплорода была обнаружена въ другой группѣ термическихъ явленій. Сюда прежде всего относятся замѣчательные опыты Румфорда и Дэви ¹⁾. Именно, Румфордъ показалъ, что сверленіемъ куска металла можно вскипятить воду, и вообще получить какое угодно количество теплоты, не измѣняя при этомъ нисколько физическія свойства металла. Этотъ опытъ приводитъ, конечно въ тѣмъ же заключеніямъ, какъ и упомянутый выше опытъ съ электрическою машиной: одно изъ двухъ: или теплота есть движеніе, или же она въ приведенномъ случаѣ образуется изъ ничего, она не могла „освободиться“ изъ металла, какъ это слѣдовало бы предположить по теплородной теоріи, такъ какъ иначе физическія свойства металла (именно теплоемкость) измѣнились бы. Не менѣе замѣчателенъ опытъ Дэви, хотя въ сущности очень простой: онъ показалъ, что два куска льда, при треніи другъ о друга, будучи совершенно изолированы отъ притока тепла, могутъ быть доведены до таянія. По теоріи теплорода это явленіе положительно необъяснимо: если теплота есть вещество, то таяніе льда не должно имѣть мѣста въ условіяхъ, устраняющихъ притокъ этого вещества извнѣ, если же теплота есть движеніе, то опытъ Дэви объясняется легко: теплота необходимая для таянія льда образовалась насчетъ того количество работы, которое было расходуемо при треніи. Какъ понималъ самъ Дэви свои опыты, это можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ, сказанныхъ имъ въ 1812 г.: „Непосредственная причина явленій

¹⁾ Румфордъ, англійскій физикъ. род. въ Конкордіи, въ Ньюгампширѣ въ 1752 г., умеръ въ 1814 г.—Дэви, извѣстнѣйшій англійскій химикъ своего времени, род. въ Пензангѣ въ 1778 г., умеръ въ Женевѣ въ 1829 г.

теплоты заключается въ движеніи и законы ея передачи совершенно тождественными съ законами передачи движенія“. Ту же мысль о динамической природѣ теплоты, хотя и не въ столь опредѣленной формѣ, высказалъ еще Ломоносовъ: „Теплота и огонь производятся движеніемъ. Движеніе должно быть въ матеріи, и какъ движеніе безъ матеріи, такъ и огонь безъ движенія быть не можетъ“.

Не смотря, однако, на то, что приведенные здѣсь опыты были сдѣланы еще въ концѣ прошлаго столѣтія, теорія теплорода держалась такъ упорно, что надлежащее ихъ значеніе выяснилось лишь послѣ того, какъ былъ опредѣленъ механическій эквивалентъ теплоты (1840 — 1850 гг.). Припомнимъ прежде всего третій законъ движенія Ньютона: дѣйствіе предполагаетъ равное и противоположное противодѣйствіе. Стало быть, если теплота есть движеніе, то мы можемъ ее разсматривать, по отношенію къ той механической работѣ, на счетъ которой она развивается, какъ дѣйствіе и противодѣйствіе, а въ такомъ случаѣ, согласно только что упомянутому закону, количество образовавшейся теплоты и количество затраченной механической работы должны быть равны и противоположны другъ другу. Но чтобы доказать это равенство необходимо полученное количество теплоты снова превратить въ механическую работу. Вотъ эта именно проблема и была теоретически рѣшена нѣмецкимъ ученымъ Мейеромъ и затѣмъ обстоятельно подтверждена многочисленными опытами англійскаго физика Джоуля. Эти опыты показали, что если, напримѣръ, собрать все количество теплоты, которое развивается при паденіи тѣла известнаго вѣса съ опредѣленной высоты, то это количество теплоты совершенно достаточно, чтобы то же тѣло вновь поднять на прежнюю высоту. Такимъ образомъ, было опредѣлено, что количество теплоты, необходимое для повышенія одной вѣсовой единицы воды на 1° по термометру Ц., равняется работѣ, которая въ состояніи поднять 425 такихъ же вѣсовыхъ единицъ на 1 метръ. Число 425 и называется механическимъ эквивалентомъ теплоты.

Съ этого именно періода въ ученіи о теплотѣ не могло быть болѣе и рѣчи о теплородѣ. Динамическое значеніе теплоты, какъ движенія, стало неоспоримою аксіомой. Всѣ термическія явленія были сведены къ основнымъ законамъ динамики, причемъ выяснилось замѣчательное, хотя до того и совершенно неизвѣстное, соотношеніе, именно соотношеніе между молекулярной работой и проявленіемъ теплоты. Другими сло-

вами, было показано, что при нагрѣваніи какаго нибудь тѣла, теплота или, выражаясь терминомъ динамической теоріи, тепловая энергія, расходуется не только на повнѣшеніе температуры, но и на молекулярную работу, выражающуюся разширеніемъ тѣла и др. молекулярными измѣненіями. Эта молекулярная работа эквивалентна затраченному на нее количеству тепловой энергіи, въ которую она и преобразовывается цѣликомъ, при переходѣ тѣла къ первоначальному своему состоянію. Такимъ образомъ, на основаніи указанного здѣсь соотношенія между молекулярною работою и проявленіемъ теплоты, всѣ термическія „свойства“, какъ „теплоемкость“ и „скрытая теплота“, были объяснены основными законами динамики. Ставъ твердою ногою на заготовленную этими законами почву, ученіе о теплотѣ быстро уже пошло впередъ по пути дальнѣйшаго развитія, благодаря трудамъ, кромѣ упомянутыхъ выше ученыхъ, Томсона, Гельмгольца, Клазюса, Кольдніга, Рэнкина, Грове, Фарадея и др. Къ этимъ же именамъ слѣдуетъ прибавить и имя Тиндалля, который, помимо своихъ многочисленныхъ работъ, содѣйствовалъ быстрому распространенію динамической теоріи теплоты своею замѣчательною популяризацией новаго ученія.

Но не одна теплота есть движеніе, тоже справедливо, какъ мы знаемъ, и по отношенію къ звуку, свѣту и электричеству, а это уже само собою предполагаетъ возможность опредѣленія и по отношенію къ послѣднимъ механическаго эквивалента. Въ самомъ дѣлѣ, если всѣ эти силы суть лишь различныя измѣненія въ движеніи, различныя формы движенія, то чрезъ посредство одной изъ нихъ мы можемъ опредѣлить и дѣйствіе другой; напр. чрезъ посредство теплоты можетъ быть опредѣлено дѣйствіе электричества, а чрезъ посредство механической работы— дѣйствіе теплоты, и такимъ образомъ установится численное отношеніе даннаго электрическаго дѣйствія къ механической работѣ. Электричество, въ свою очередь, можетъ быть замѣнено свѣтомъ или звукомъ, причемъ во всѣхъ случаяхъ дѣйствіе одного изъ нихъ будетъ равно дѣйствію другаго; во всѣхъ случаяхъ количество движенія продолжаетъ оставаться постояннымъ, не убывая и не нарастая.

Таковъ великій законъ постоянства или неуничтожимости движенія, съ помощью котораго было доказано единство физическихъ силъ.

Какая громадная разница между только-что указаннымъ состояніемъ физическихъ знаній и тѣмъ, въ какомъ эти знанія являются на первыхъ ступеняхъ своего развитія! Въ этомъ раннемъ періодѣ, различныя группы физическихъ явленій со-

вершено разобщены другъ отъ друга; каждая изъ нихъ имѣетъ своего дѣятеля, свою особенную силу, и подѣ влияніемъ примитивнаго понятія объ этой силѣ, даже въ одной и той-же группѣ явленій послѣднія классифицируются крайне искусственно, на основаніи чисто внѣшнихъ сходствъ и кажущихся различій. Но по мѣрѣ того, какъ первоначальное понятіе о силѣ постепенно вытѣснялось понятіемъ, выработаннымъ основными законами динамики, стала все болѣе и болѣе обнаруживаться связь между физическими явленіями въ ихъ зависимости отъ условій движенія, и притомъ въ порядкѣ возрастающей сложности, пока, наконецъ, всё оцѣ не слилось въ одно цѣлое, и изъ разрозненныхъ ученій выработалась единая, законченная система, прочно покоющаяся на основныхъ законахъ динамики. Таково въ общихъ чертахъ историческое развитіе физики¹⁾; въ слѣдующемъ очеркѣ мы перейдемъ въ исторіи химіи.

Д. К. Поповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Не можемъ не указать, хотя въ видѣ примѣчанія, на одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ случаевъ влияния примитивной мысли въ современномъ состояніи физическихъ знаній, именно въ ученіи о соотношеніи силъ: согласно Клаузіусу, Гельгольцу, Томсову и др., переходъ одной формы энергіи въ другую всегда обнаруживается въ слѣдующемъ порядкѣ: когда энергія превращается изъ высшей формы въ низшую (напр., изъ механической работы въ теплоту), то процессъ проходитъ „цѣлкомъ“, когда же дѣло идетъ въ обратномъ направленіи, то только часть высшей формы энергіи превращается въ высшую, т. е. только часть теплоты переходитъ въ работу. Стало быть, въ окружающемъ насъ мірѣ, постепенно, все болѣе и болѣе, накопается тепловая энергія, на счетъ другихъ родовъ движенія. Отсюда уже прямо слѣдуетъ, что, въ концѣ концовъ, все разнообразныя формы энергіи превратятся въ одну, низшую, тепловую энергію и такимъ образомъ повсюду наступитъ абсолютное однообразіе. Но то, что происходитъ во времени необходимо предполагать начало; стало быть, такое состояніе абсолютнаго однообразія нѣкогда имѣло мѣсто. Съ другой стороны, переходъ отъ этой высшей формы энергіи къ нѣмъ наблюдаемымъ различнымъ родамъ движенія, „не могъ быть произведенъ отъ какого бы то ни было исходнаго порядка, доступна нашему пониманію“, и „прямо указываетъ намъ на особое начальное положеніе вещей“ (Тэтъ), на вѣдательство особенной, посторонней „силы“, особаго творческаго акта—Schöpfungsaakt. И такъ, оказывается, что наиболѣе замѣчательныя физики нашего времени, не смотря уже на прочно установленный законъ постоянства,—приходятъ къ такому заключенію, по которому современный порядокъ вещей необходимо предполагаетъ вѣдательство какого-то самобытнаго „вѣдателя“, какого-то „Schöpfungsaakta“, берущаго, подобно первому двигателю Аристотеля, свое происхожденіе отъ анимистической философіи дикаря. Само собою разумѣется, это ученіе объ „особенномъ начальномъ положеніи вещей“, это признаніе „Schöpfungsaakta“ не имѣетъ ничего общаго съ точнымъ физическимъ знаніемъ, съ истиннымъ понятіемъ о причинѣ явленій.

НУЖДЫ РУССКАГО НАРОДА.

I.

Современное состояніе сельскаго хозяйства. Исполняющая система и ея историческое значеніе.

Если съ реформою 19-го февраля 1861 года связывать идею объ экономическомъ улучшеніи крестьянскаго быта, то эта реформа еще далеко не окончена и требуетъ большихъ добавленій, основанныхъ не на однихъ теоретическихъ соображеніяхъ, но главнымъ образомъ вызываемыхъ дѣйствительными нуждами населенія, которое въ послѣднія семнадцать лѣтъ обогатило русскую статистику множествомъ новыхъ и неожиданныхъ фактовъ, собранныхъ земствами, правительственными комиссіями и частными лицами. Какъ наши сельско-хозяйственныя изданія, такъ и вообще русская печать послѣдняго времени, стараются разрѣшить жгучій современный вопросъ, касающійся упадка производительныхъ силъ государства вообще и бѣдности крестьянскаго населенія въ особенности.

Люди, любящіе Россію и преданные интересамъ своего народа, перепробовали уже многія средства, отъ введенія которыхъ въ среду сельскихъ обывателей ожидались самыя благія послѣдствія въ смыслѣ улучшенія ихъ быта. Но, къ сожалѣнію, все предпринимаемое въ этомъ направленіи или вовсе не удавалось, или давало болѣе или менѣе неудовлетворительные результаты. Такъ, между прочимъ, артельныя сыроварни и крахмальныя заводы, основанныя на кооперативномъ началѣ, оказались, въ скоромъ времени послѣ ихъ примѣненія къ дѣлу; совсѣмъ бесполезными для той цѣли, съ которою они были устроены ¹⁾, такъ

¹⁾ См. Десятилѣтіе новгород. земства съ 1865 по 1877. Новгор. 1878 года.

что новгородское губернское земство, затратившее деньги на такое предпріятіе, постановило, въ 1874 году, чтобы убытки, имъ понесенные отъ покупки розоваго картофеля, раздаваемого крестьянамъ для посѣва, исключить со счетовъ, и на будущее время воздерживаться отъ опытовъ, подобныхъ артельнымъ сыроварнямъ и такимъ же крахмальнымъ заводамъ.

Много надеждъ возлагалось также на ссудо-сберегательныя товарищества, но и въ этомъ, только отчасти, удавшемся предпріятіи опытъ принесъ много разочарованій. Практика, въ большей части случаевъ, указала, что правленія этихъ товариществъ, лишь въ видѣ исключенія понадающихъ въ распоряженіе крестьянъ, вынуждены бывають слишкомъ уже часто отказывать въ пособіи наиболѣе нуждающимся въ немъ сельскимъ обывателямъ. Это потому, что послѣдніе, кромѣ невыкупленныхъ надѣловъ да недоимокъ, не могутъ представить иныхъ основаній, обезпечивающихъ исправную уплату ими долга. Есть цѣлыя волости — и ихъ весьма много, — въ которыхъ, кромѣ старшинъ и торгующихъ кулаковъ, трудно найти иныхъ крестьянъ, которымъ можно было бы дать взаимъ хотя 25 рублей и притомъ сохранить убѣжденіе въ возможности полученія обратно этихъ денегъ. А безъ такого убѣжденія немислимъ никакой кредитъ. Но ссудо-сберегательныя товарищества прививаются въ Россіи и приносятъ пользу, главнымъ образомъ, мелкимъ торговцамъ, небогатымъ землевладѣльцамъ, причту и инымъ людямъ, не входящимъ въ составъ наиболѣе нуждающейся массы сельскаго населенія. Тотъ же опытъ указалъ, что эти товарищества могутъ быть особенно полезны и дѣйствительно бѣднымъ земляшцамъ, но въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда ссуды выдаются цѣлымъ сельскимъ обществамъ, или вообще группѣ домохозяевъ для уплаты повинностей, или для покупки, а также для арендованія выгоновъ и иныхъ земельныхъ угодій. Къ сожалѣнію, такіе примѣры бывають слишкомъ рѣдки. Кромѣ того, ссудныя товарищества получили въ послѣднее время невыгодное для заемщиковъ направленіе, состоящее въ возвышеніи процента, дошедшаго уже до 12 и 14 въ годъ.

Совсѣмъ не того ожидали отъ краткосрочнаго кредита тѣ люди, которые ввели его въ наши села и деревни.

Среди серьезныхъ опытовъ, примѣняемыхъ съ цѣлью улучшенія народнаго быта, многіе люди, не лишены иногда авторитета въ наукѣ, подаютъ весьма непрактичныя совѣты, направленные въ достиженію той же цѣли. Подобныя совѣты служатъ предметами преній въ сельско-хозяйственныхъ обществахъ и

темами для литературныхъ статей. Какъ-бы ни было хорошо побужденіе, съ которымъ высказываются подобныя теоретическія наставленія, они, въ сущности, вредны, потому что сбиваютъ съ толку публику, мѣшая ей посмотрѣть на дѣло прямо съ фактической стороны, неотуманенной никакими соображеніями.

Въ настоящее время, напримѣръ, существуетъ весьма распространенное мнѣніе, по которому можно улучшить наше сельское хозяйство вообще, если русскихъ крестьянъ принудить ввести на своихъ надѣлахъ, такъ называемое, рациональное хозяйство, какъ это дѣлаютъ граждане западно-европейскихъ государствъ.

Для теоретическаго опроверженія такого мнѣнія, которое я дальше опровергну фактами изъ практической жизни, достаточно указать, что сама политическая экономія допускаетъ рациональное хозяйство только въ такихъ густонаселенныхъ и развитыхъ въ промышленномъ отношеніи странахъ, въ которыхъ промышленное или фабричное производство идетъ рука объ руку съ земледѣліемъ. Примѣромъ такихъ странъ могутъ служить Франція и Англія, въ которыхъ почти всѣ сырые продукты стоятъ вдвое дороже, чѣмъ въ Россіи. Создать густоту населенія и фабричное производство, которыми наше отечество сравнялось бы съ Франціей, можетъ только время и притомъ такое продолжительное, которое должно измѣряться столѣтіями. Намъ, русскимъ, подобно практичнымъ американцамъ, необходимо вести экстензивное хозяйство, да въ тому-же и крестьяне наши ни за что не согласятся съ увѣщаніями, помощію которыхъ ихъ стали-бы уговаривать ввести пяти, или семинольную систему полеводства. Единственная, доступная здравому смыслу крестьянина, система полеводства—есть трехпольная; ее же, за немногими исключеніями, предпочитаетъ и то незначительное у насъ число крупныхъ землевладѣльцевъ, которое занимается своимъ хозяйствомъ. Что-же послѣ того можно сказать о такихъ научныхъ статьяхъ, которыя печатаются въ специальныхъ журналахъ и совѣтуютъ сельскимъ обывателямъ ввести дорогой плугъ ¹⁾ и тому подобныя орудія? Большинство русскаго населенія, какъ всѣмъ извѣстно, нуждается въ продовольствіи и въ насущномъ хлѣбѣ. Такая нужда не ждетъ, и прежде, чѣмъ задаваться какими-бы то ни было высшими соображеніями, необходимо добыть хлѣбъ—все равно какимъ-бы способомъ полеводства онъ ни получился.

¹⁾ Зап. общ. южн. Россіи за 1878 годъ, ст. Пухова: «Старое и новое хозяйство».

Надо сознаться, что мы, грамотные или, такъ называемые, образованные русскіе, не знаемъ нашего народа въ достаточной степени, а потому судить о немъ и о его нуждахъ можемъ лишь на основаніи достовѣрныхъ фактовъ, собранныхъ не случайными корреспондентами, но людьми близко стоящими къ крестьянству и слѣдящими за его нарождающимися потребностями. Такъ какъ положеніе нашего, преимущественно, земледѣльческаго, народа въ значительной степени зависитъ отъ положенія крупныхъ собственниковъ, то, приступая къ изслѣдованію народныхъ нуждъ, необходимо одновременно разсматривать экономическое состояніе и тѣхъ и другихъ.

Изъ числа матеріаловъ, обрисовывающихъ современное экономическое положеніе нашего отечества, достовѣрными представляются факты, собранные земствами и правительствомъ. Профессоръ Ю. Э. Янсонъ возымѣлъ счастливую мысль собрать подробныя статистическія данныя, представляемыя названными источниками, въ одну книгу ¹⁾. Съ цифрами въ рукахъ, логика которыхъ можетъ быть побѣждена только другими цифрами, названный авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: Только за рѣдкими исключеніями крупные землевладѣльцы занимаются сельскимъ хозяйствомъ, а потому вся земледѣльская производительность обеспечивается крестьянами, которые обрабатываютъ и свои надѣлы и пахутъ исполу, или нанимаютъ за деньги земли крупныхъ владѣльцевъ, а отчасти и казенныя. Въ общемъ, г-нъ Янсонъ, вмѣстѣ съ большинствомъ просвѣщенныхъ сельскихъ хозяевъ, приходитъ къ заключенію, что податная система и наше аграрное законодательство не могутъ оставаться долго въ ихъ настоящемъ видѣ безъ серьезной опасности для современнаго и будущихъ поколѣній.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ лица, имѣющія поземельную собственность, путемъ практическаго наблюденія дошли, еще прежде обнародованныхъ Янсономъ данныхъ, до сознанія того, что крестьяне наши, жалкіе собственники, которые кормятъ и оплачиваютъ повинности не съ доходовъ, получаемыхъ ими съ отведенныхъ надѣловъ, но съ болѣе или менѣе отдаленныхъ заработковъ, или съ земель, нанимаемыхъ за деньги, а также обрабатываемыхъ исполу. Тоже подтверждается, кромѣ приведенныхъ, еще и другими цифровыми данными ²⁾.

¹⁾ „Опытъ статистическихъ изслѣдованій о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ“, СПб. 1877 годъ.

²⁾ Между прочимъ, отлично составленнымъ московскимъ земствомъ „Сборникомъ статистическихъ свѣдѣній по губерніи“. Москва, 1878 годъ, два выпуска.

Мало прикрьбленная матеріальными интересами въ своимъ надѣламъ, масса населенія, въ потокѣ за заработками, переключивается изъ центральныхъ губерній въ южныя, откуда, послѣ уборки хлѣба, возвращается обратно домой для того, чтобы вскорѣ опять идти на зимній, болѣе или менѣе отдаленный и почти всегда невыгодный промыселъ.

При недостаточныхъ побужденіяхъ къ осѣдлой жизни сельскаго хозяина, въ полномъ смыслѣ этого слова, народъ, имѣющій лишь фидитивную собственность, вообще уважаетъ ее недостаточно и, между прочимъ, общія жалобы на невозможность сохраненія лѣсовъ отъ самовольныхъ порубокъ одинаково справедливы для всѣхъ губерній Россіи. Нѣкоторые земства искали средства устранить такое нарушеніе правъ собственности и не нашли его, а новгородское губернское собраніе сдѣлало по этому поводу постановленіе отъ 29-го ноября 1865 года ¹⁾, въ которомъ сказано, что противъ воровъ лѣснаго матеріала нѣтъ дѣйствительныхъ средствъ и что продажа лѣсовъ на срубъ представляется для большинства землевладѣльцевъ единственнымъ способомъ выхода изъ своего тяжкаго положенія.

Вѣроятно, для всѣхъ памяти тѣ многочисленныя и горькія жалобы, которыя, послѣ освобожденія крестьянъ, раздавались со всѣхъ концовъ Россіи на недобросовѣстность рабочихъ и на невозможность вести хозяйство сколько нибудь раціональнымъ образомъ. Эти жалобы, особенно сильныя до 1866 года, т. е. до открытія въ Россіи перваго поземельнаго банка, теперь почти замолкли. На опыты раціональнаго хозяйства весьма многіе помѣщики затратили часть полученныхъ ими изъ банковъ ссудъ, въ настоящее же время почти всѣ они бросили свои хозяйства на произволъ трехпольной системы, обрабатываемой большею частью исполу. Конечно, не одна непригодность нашихъ рабочихъ къ заграничнымъ машинамъ была тому причиною, но главнымъ образомъ, экономическія условія Россіи, которыя, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, не допускаютъ у насъ примѣненія западно-европейскаго раціональнаго хозяйства. Одинъ изъ немногихъ сельскихъ нашихъ хозяевъ, ведущихъ дѣло вольнонаемнымъ трудомъ и рѣшающихся вводить въ сельское хозяйство улучшенія, г-нъ Ермоловъ, въ статьѣ „Къ вопросу о положеніи сельскаго хозяйства въ Россіи“ ²⁾, защищаетъ трехпольную систему, какъ такую, которая лучше всего соотвѣт-

¹⁾ Десятилѣтіе новгород. губ. земства. Новгородъ, 1877 г.

²⁾ „Журн. сельскаго хоз. и лѣсоводства“. Августъ 1878 г.

ствуешь климатическимъ и экономическимъ условіямъ нашего отечества. Если такіе хозяева, какъ г. Ермоловъ, имѣющій и средства и досугъ вести образцовое хозяйство, примираются съ трехпольною системою, къ которой перешло большинство русскихъ хозяевъ-прогрессистовъ, то, значить, нашей почвѣ не скоро еще суждено обрабатываться по заграничнымъ образцамъ. Изъ всѣхъ земледѣльческихъ орудій, приспособляемыхъ для высшей культуры въ Россіи и преимущественно въ южныхъ губерніяхъ, быстро распространяется локомобиль съ прицѣпленною къ нему молотилкою, но это происходитъ собственно потому, что небрежная обработка степей вмѣстѣ съ испольною системою развили у землевладѣльцевъ страсть къ большимъ посѣвамъ пшеницы. Эти посѣвы похожи на азартную игру, страсть къ которой охватила и крупныхъ владѣльцевъ и крестьянъ. Въ бытность мою въ Новороссійскомъ краѣ, я, въ теченіе двухъ лѣтъ, наблюдалъ за гибельными послѣдствіями такой страсти, которою заражались всякіе спекуляторы, снимавшіе земли въ аренду, и могу сказать только, что многіе изъ нихъ разорились на моихъ же глазахъ. Тотъ же порядокъ посѣвовъ существуетъ и теперь, что подтверждаютъ многочисленныя корреспонденціи нашихъ сельско-хозяйственныхъ журналовъ. Что касается до сѣверной полосы съ ея незначительными полевыми посѣвами и съ ея подсѣчнымъ хозяйствомъ, то здѣсь усовершенствованныя земледѣльческія орудія, такъ же, какъ и локомобили, встрѣчаются весьма рѣдко. Тоже слѣдуетъ сказать и о среднихъ, густонаселенныхъ, губерніяхъ, гдѣ главный способъ хозяйства состоитъ въ отдачѣ земель крестьянамъ въ аренду за деньги и гдѣ цифра найма доходитъ до чрезвычайной, объясняемой лишь крестьянскою нуждою, величины — 18 рублей за десятину. Чтобы вполнѣ охарактеризовать положеніе нашего земледѣлія, здѣсь уместно привести слова одного изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ Импер. В. Э. Общ. и практика-агронома Н. В. Перучева, который говоритъ, что въ черноземной полосѣ крестьяне обдѣлили не вслѣдствіе неурожаевъ, но по причинѣ совокупно дѣйствующихъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, между которыми торговля землею, нанимаемою арендаторами и кулаками, играетъ главную роль. Это потому, что послѣдніе раздають ее крестьянамъ на тяжелыхъ, эксплуататорскихъ условіяхъ ¹⁾. Подробные доклады членовъ рязанской гу-

¹⁾ „Доклады членовъ рязанск. губ. земск. управы о ревизіи угодьевъ“. Москва, 1878 года. Тоже подтверждаютъ вятское, смоленское и многія нынѣ земства.

бернской земской управы ¹⁾ еще болѣе утверждаютъ насъ въ мнѣніи о полной несостоятельности крестьянскаго хозяйства. Ничтожные надѣлы, а также міроѣды и писаря, доводятъ ежегодно все большее и большее число крестьянъ до бѣдности, бродажничества, распущенности и пьянства, о мѣрахъ къ уничтоженію котораго бесполезно заботятся наши земства. Одинъ изъ членовъ управы, давая земству отчетъ о произведенной имъ ревизіи, задается вопросомъ о томъ, что-же слѣдуетъ дѣлать въ виду такихъ обстоятельствъ, которыя могутъ ввергнуть въ отчаяніе всякаго русскаго, сохранившаго хотя ничтожную крупицу любви къ родинѣ?

Въ отвѣтъ на имъ же заданный вопросъ, князь Волконскій говоритъ, что земство бессильно помочь горю, потому что оно не властно прибавить земли къ крестьянскому надѣлу и не въ состояніи выдумать новыхъ промысловъ, прибыльныхъ для народа. Вообще, по свидѣтельству ²⁾ мѣстныхъ жителей, съ вопросами, къ которымъ въ прошломъ году обращалось Волн. Э. Об., арендованіе имѣній въ южныхъ черноземныхъ губерніяхъ получаетъ съ каждымъ годомъ все большее распространеніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Полтавской губерніи около $\frac{3}{4}$ всѣхъ хозяйствъ сданы въ аренду, преимущественно евреямъ. Въ Екатеринославской губерніи арендаторы платятъ за десятину въ годъ отъ 1 до 3 рублей и ухищряются отдавать ее крестьянамъ за плату отъ 4 до 7 рублей. Еврей-арендаторъ въ то же время и шинкарь, и понятно, что имѣющіе съ ними дѣло крестьяне быстро приходятъ въ самое бѣдственное положеніе закрѣпощенныхъ батраковъ. Въ сѣверныхъ губерніяхъ, такъ же, какъ и въ юго-восточныхъ, исполная система является господствующею и, по свидѣтельству мѣстныхъ жителей, на оплату своего труда деньгами крестьяне соглашаются только въ тѣхъ случаяхъ, когда не представляется возможности взять землю для обработки ея на какихъ-либо иныхъ условіяхъ.

И на югѣ и въ средней полосѣ землевладѣльцы и арендаторы, ведущіе дѣло сами, т. е. не отдающіе угодій въ наймы по участкамъ, обрабатываютъ ихъ помощью исполной системы, что не мѣшаетъ всѣмъ имъ жаловаться на небрежность обработки полей помощью первобытныхъ крестьянскихъ плуговъ и

¹⁾ Журн. Им. М. Об. сельск.-хоз. 1876, статья «О положеніи крестьянскаго хозяйства въ нѣкоторыхъ черноземныхъ губерніяхъ».

²⁾ Труды И. В. Э. Об., т. III, ноябрь и декабрь, 1878 г. отдѣлъ «Сельскохозяйственное обозрѣніе» и корреспонденція изъ разныхъ мѣстъ за весь 1878 г.

сохъ и замороженныхъ воловъ и лошадей. Нѣкоторые же крупные владѣльцы предсказываютъ приэтомъ, что крестьяне, въ недалекомъ будущемъ, должны быть самыми серьезными дѣятелями въ сельскомъ хозяйствѣ, въ виду постепеннаго распаденія крупныхъ экономій на мелкія. Это должно случиться, однако, при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы земли, продаваемые крупными владѣльцами, не переходили въ руки евреевъ и кулаковъ, о чемъ сообщаютъ многіе деревенскіе жители, какъ о существующемъ уже фактѣ. По удостовѣренію другихъ, крестьяне не могутъ даже и помышлять объ измѣненіи своего хозяйства къ лучшему, такъ какъ всѣ ихъ заботы сосредоточены на двухъ мысляхъ: уплатить повинности и не умереть съ голода. Изъ болѣе густонаселенныхъ губерній крестьяне, выбившіеся изъ силъ высокою арендною платою, ищутъ всевозможныхъ случаевъ для переселенія, по выраженію корреспондентовъ спеціальнаго журнала, хотя-бы за тридцать земель. Только недостатокъ средствъ и недозволеніе уходить, не выплативъ выкупъ за надѣль, удерживаютъ крестьянъ; тѣмъ не менѣе, многіе изъ нихъ уходятъ изъ своихъ обществъ и по нѣсколько лѣтъ въ ряду проживаютъ на Кавказѣ, въ земляхъ войска Донскаго и въ западныхъ сибирскихъ губерніяхъ, причемъ нѣкоторые изъ такихъ отсутствующихъ весьма исправно высылаютъ деньги, или сами являются въ родныя мѣста для обмѣна паспорта. Существуетъ также стремленіе къ переселенію въ Оренбургскую и Уфимскую губерніи.

Отхожіе промыслы, вообще, развиты до такой степени, что, во многихъ уѣздахъ, полевымъ хозяйствомъ занимаются только бабы, да дряхлые старики. Все, что молодо и сильно, уходитъ въ дальнія мѣста. Хорошо должно быть земледѣліе, которымъ завѣдываютъ только дрябля или слабыя руки! Для того, чтобы удержать хотя часть взрослога населенія на мѣстѣ, землевладѣльцы бывають вынуждены отдавать крестьянамъ свои угоды для исполной обработки. Не мудрено, поѣтому, что запашки вездѣ уменьшены и, что хуже всего, во многихъ мѣстахъ заросли луга, косившіеся при крѣпостномъ правѣ, когда отхожіе промыслы были гораздо менѣе развиты и, по свидѣтельству Янсона, продовольствіе крестьянъ было болѣе теперешняго обезпечено.

Мнѣ не скоро пришлось бы кончить, еслибы я попытался передать здѣсь самые характеристическіе отзывы сельскихъ хозяевъ и земскихъ дѣятелей объ общеизвѣстныхъ фактахъ, доказывающихъ упадокъ въ Россіи сельскаго хозяйства, ското-

водства, хищническое уничтоженіе лѣсовъ и т. д. Но и изъ того, что мною уже сказано, можно съ большимъ основаніемъ заключить: во первыхъ, что, не смотря на существованіе, въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, особыхъ, свойственныхъ имъ, климатическихъ и почвенныхъ условій, въ ней повсемѣстно положеніе крестьянъ вполне необезпеченно; во вторыхъ, что вездѣ существуетъ хищническое истребленіе лѣсовъ и расхищеніе естественнаго плодородія почвы; въ третьихъ, повсемѣстно хозяйство имѣетъ преобладающій характеръ испольной системы, введенной по необходимости. Исключеніе составляютъ среднія, густонаселенныя губерніи, Царство Польское и часть юго-западныхъ губерній, въ которыхъ царствуютъ хищники-арендаторы; въ четвертыхъ, крестьяне рѣдконаселенныхъ мѣстностей стремятся къ покупкѣ продающихся подлѣ нихъ земель¹⁾, на что не имѣютъ денегъ; тѣ же изъ нихъ, которые живутъ въ средней полосѣ, стремятся къ переселенію, чего тоже сдѣлать не могутъ по объясненнымъ выше причинамъ, и въ пятыхъ, неудовлетворительное экономическое положеніе сельскихъ обывателей, поддерживающее въ нихъ стремленіе и привычку къ бродяжничеству или къ хожденію на болѣе или менѣе отдаленныя мѣста для промысловъ.

Чтобы представить себѣ полную картину того духа разрушенія, который царствуетъ въ средѣ земледѣльцевъ нашего отечества, необходимо указать на тотъ знаменательный фактъ, что, 17-го декабря 1878 года, съѣздъ русскихъ сельскихъ хозяевъ въ Одессѣ пришелъ къ заключенію, что наступилъ окончательный кризисъ въ хозяйствѣ южной Россіи. И это—не взирая на дѣйствующія въ ней паровыя молотилки, жатвенныя машины, англійскіе плуги и прочія затѣи, которыя многими такъ легкомысленно принимаются за признакъ прогресса. Даже увеличившійся отпущекъ зерна за границу и тотъ не можетъ теперь уже насъ радовать. Съѣздъ согласился съ особою комиссіей, разсматривавшею вопросъ о кризисѣ, что послѣдній распространился какъ на крупныхъ землевладѣльцевъ, такъ и на крестьянъ. Кризисъ землевладѣльческой обнаружился въ сокращеніи запашки и скотоводства (хотя страсть къ наибольшимъ, по возможности, запашкамъ не исчезла). Кризисъ же крестьянскаго хозяйства обнаружился въ томъ, что стремленіе крестьянъ къ расширенію своихъ хозяйствъ встрѣчаетъ препятствіе въ условіяхъ, не за-

¹⁾ Труды И. В. Э. Об. за 1878 годъ. См. корресп. и сельско-хозяйственное обозрѣніе.

висящихъ отъ ихъ воли, и преимущественно въ недостатокъ земли.

Если мы припомнимъ сказанное мною выше, то логика заставить насъ признать, что кризисъ распространенъ на крестьянское хозяйство во всей Россіи и на землевладѣльческое—почти во всей, т. е. съ счастливымъ исключеніемъ средней черноземной и густонаселенной полосы, вмѣстѣ съ немногими другими, тоже счастливыми, мѣстностями. Рѣдкіе оазисы, въ которыхъ и крестьяне избѣжали кризиса, встрѣчаются въ войскахъ донскомъ и уральскомъ, въ Бессарабіи, въ немногихъ промышленныхъ мѣстностяхъ и на земляхъ нѣкоторыхъ государственныхъ крестьянъ, съ достаточными надѣлами.

Изъ приведеннаго здѣсь краткаго очерка современнаго состоянія у насъ сельскаго хозяйства неминуемо вытекаетъ заключеніе, что оно находится, въ наши дни, въ такомъ же печальномъ положеніи, въ которомъ состояло при царѣ Борисѣ Годуновѣ, разрѣшившемъ, бывший въ его время, подобный же кризисъ закрѣпощеніемъ свободныхъ земледѣльцевъ. Всѣ имѣнія и мызы, съ улучшенною, за время крѣпостнаго права, культурою на ихъ поляхъ, со всевозможными заводами, мастерскими и предметами роскоши, каковы сады и проч., теперь, большею частію, представляютъ изъ себя развалины, перешедшія отчасти въ руки кулаковъ, хищнически истощающихъ поля, унавоживавшіяся въ теченіе ста и двухсотъ лѣтъ. Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права рухнуло и все то, повидимому, полезное, что было имъ сдѣлано. Такова непрочность учреждений, создаваемыхъ безъ взятія въ расчетъ потребностей живыхъ людей, надъ которыми производятся опыты.

Въ XII, XIII и XIV вѣкахъ, по свидѣтельству документовъ, имѣющихся въ архивахъ¹⁾, свободныя крестьянскія общины входили въ сдѣлки съ князьями, боярами и дворянами и пахали ихъ земли исполу тѣми же самыми сохами и тѣмъ же хищническимъ способомъ, какими она у насъ и по сегодня воздѣлывается. Значить, въ экономическомъ положеніи нашего крестьянства, въ теченіе двухъ слишкомъ столѣтій, не произошло никакихъ перемѣнъ къ лучшему. Крестьянинъ нашъ не расширилъ своихъ потребностей ни въ умственномъ, ни въ матеріальномъ отношеніяхъ: онъ такъ же стремится къ бродяжничеству и такъ же необезпеченъ, какъ былъ триста, да и пятьсотъ лѣтъ тому назадъ. Между тѣмъ, со времени Бориса Годунова, Россія

¹⁾ „Крестьяне на Руси“, Влзевъ. СПб. Книга, удостоенная Демидовской преміи.

приобрѣла европейски-образованное передовое сословіе, выстроила нѣсколько тоже вполне европейскихъ городовъ, имѣеть хорошо обученное войско и многое другое, воздвигнутое для ея славы и, какъ говорятъ, на зависть врагамъ. Что же касается до крестьянства, платящаго деньги на всё ея внѣшнія и внутреннія улучшения, то для него нужно сдѣлать все съ самаго начала, т. е. съ обезпеченія ему насущнаго куска хлѣба и съ того, чтобы вырвать его изъ объятій міроѣдовъ, кабатчиковъ и прочихъ проходимцевъ, которые, замѣнивъ, большею частію, помѣщиковъ, готовы хлопотать теперь даже и о расширеніи ихъ политическихъ правъ. Но если у насъ образуется еще буржуазія на манеръ европейскихъ государствъ, и буржуазія эта окрѣпнетъ прежде, чѣмъ народъ успѣеть твердо встать на ноги, то онъ и останется въ вѣчномъ рабствѣ у всякаго рода спекуляторовъ, ораторствующихъ и либеральничующихъ на счетъ истощеннаго и забитаго мужика, которому тогда, пожалуй, придется пожалѣть и объ уничтоженіи крѣпостнаго права.

Въ русскомъ народѣ недаромъ крѣпка вѣра въ своего Царя, отъ самодержавной воли котораго онъ ожидаетъ правдиваго рѣшенія своей «любоучастной» участи. Эта же вѣра поддерживала народъ и во время крѣпостнаго права. Но, кромѣ этой вѣры и соединенныхъ съ нею надеждъ, русскій народъ, не смотря на приобрѣтенныя имъ новыя права, не имѣеть, конечно, въ своемъ большинствѣ ровно ничего, если уже не имѣеть прочной осѣдлости. Экономическое его устройство стало всѣми сознанныю необходимостью и съ грустью приходится еще разъ сознаться, что всё благія, но чисто палліативныя, мѣры правительства, земства и частныхъ лицъ, стремившихся на помощь крестьянству, остались безъ успѣха, а положеніе его, съ каждымъ годомъ, все ухудшается. И все-таки, въ эти семнадцать лѣтъ, совершилось великое дѣло. Русское крестьянство, освобожденное отъ крѣпостнаго права, повсемѣстно и рѣшительно заявило на дѣлѣ о своемъ нежеланіи быть батраками, и на значительномъ пространствѣ нашего отечества крестьяне сдѣлались или исползовщиками, или северными работниками. Взглядъ нашего крестьянства на собственность настолько отличается отъ европейскаго и римскаго права, что, между прочимъ, всё собственники, имѣющіе дѣсь, отказались отъ возможности его охранять. Хвалить или бранить, по этому случаю, русскій народъ—вещь бесполезная. Мы имѣемъ дѣло съ фактическимъ проявленіемъ извѣстнаго народнаго свойства и обязаны

взять его въ расчетъ вмѣстѣ съ тѣми характеристическими чертами, которыя присущи современному русскому крестьянству.

Разница, существующая между русскимъ городомъ, живущимъ европейскою жизнью, и русскимъ народомъ, заселяющимъ провинцію—весьма мало измѣнившуюся для крестьянина со временъ Бориса Годунова—такъ велика, что существующую между этими двумя противоположностями пропасть не могутъ, въ наши дни, пополнить ни земство, ни мировые судьи, не говоря уже о крестьянскомъ самоуправленіи, подчиненномъ мѣстной полиціи.

Стоитъ только присмотрѣться повнимательнѣе къ тому, что творится теперь на Руси, чтобы убѣдиться, что, какими бы хорошими учрежденіями ни подарили нашъ народъ, онъ не улучшить своего быта до тѣхъ поръ, пока экономическое его благосостояніе не будетъ устроено такъ, какъ онъ самъ того желаетъ, и пока интеллигентныя силы страны, откровеннымъ съ нею сліяніемъ, не поднимутъ массы умственно и нравственно.

II.

Послѣдствія современнаго положенія сельскаго быта.

Въ послѣднее время, наша печать и общественные дѣятели особенно часто стали говорить о формѣ землевладѣнія, какъ объ основаніи, на которомъ должно воздвигаться дальнѣйшее улучшение народнаго быта. Эта форма землевладѣнія въ настоящее время составляетъ уже обязательную тему разговора для всѣхъ людей, которыхъ тревожитъ экономическая наша неурядица, а потому ее нельзя обойти молчаніемъ въ статьѣ, посвященной нуждамъ русскаго народа, тѣмъ болѣе, что объ этомъ говорятъ вся русская печать и специалисты, взывающіе къ земству и правительству. Слушая пренія, ведущіяся въ ученыхъ сельско-хозяйственныхъ обществахъ о томъ, какое должно быть у насъ поземельное устройство крестьянъ: общинное или участковое, приходишь, къ сожалѣнію, къ тому выводу, что квази-ученые люди занимаются дѣйствительно ученымъ дѣломъ, т. е. развиваютъ теоріи, но удивляешься, вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ смѣлости, когда нѣкоторые изъ нихъ въ своихъ докладахъ требуютъ переустройства русской жизни на измышленный ими манеръ. Когда читаешь четырехтомное сочиненіе Кавелина объ общинѣ

и ея историческомъ значеніи, или цѣнную книгу Бѣляева „Крестьяне на Руси“, то чувствуешь только благодарность къ авторамъ этихъ трудовъ за то, что они освѣтили намъ прошлую внутреннюю жизнь русскаго народа, безъ знанія которой въ настоящемъ придется бродить какъ въ потьмахъ. Но когда изъ давно пережитаго прошлаго, или изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ фактовъ настоящаго, создается система будущаго, и эту систему считаютъ необходимымъ тотчасъ же примѣнить къ дѣлу, то, воля ваша, читатель, не смотря на все свое сочувствіе къ людямъ, безкорыстно, ради любви къ ближнему, желающимъ насъ облагодѣтельствовать, я глубоко возмущаюсь противъ того стремленія навязать массѣ населенія чуждыя мысли, къ чему стремятся какъ нѣкоторые ретивые защитники общины, такъ и ея противники. Въ самомъ дѣлѣ, защитники общины послѣдняго времени, если судить по ихъ докладамъ Императорскому Вольно-Экономическому Обществу и по статьямъ, помѣщаемымъ въ разныхъ литературныхъ органахъ, желали бы введенія ея началъ на всемъ пространствѣ русской земли, на которой они хотятъ заставить народъ обрабатывать поля на артельномъ началѣ, примѣнивъ къ послѣднему приемы улучшенныхъ способовъ земледѣлія. Для проведенія на практикѣ такой теоріи, необходимо прежде всего лишить русскихъ землепашцевъ дарованнаго имъ права свободного устройства своихъ дѣлъ и ввести въ Россію нѣчто похожее на прежнее крѣпостничество, ради созданія народнаго блага. Для того, чтобы заставить всѣхъ обрабатывать общинную землю на артельныхъ началахъ, нужно учредить громадный штатъ чиновниковъ и употребить даже вмѣшательство въ дѣло войска, какъ это и случалось всегда, когда правительство врывается въ интимную народную жизнь, доказательствомъ чего служатъ историческіе факты всѣхъ временъ и народовъ.

Другое ученое сельско-хозяйственное московское общество ¹⁾ упорно преслѣдуетъ идеалъ участковаго землевладѣнія, въ которомъ видитъ спасеніе нашихъ сельскихъ обывателей отъ слѣдующихъ перечисленныхъ имъ золъ: 1) отъ недостатка пастбища, 2) отъ недостатка времени для своевременной уборки сельскихъ произведеній по отдаленности участковъ, 3) отъ уменьшившейся производительности почвы, вслѣдствіе невозможности возить удобреніе на дальнее разстояніе, 4) отъ частыхъ падежей скота и 5) отъ опустошительныхъ пожаровъ. Такимъ образомъ, москов-

¹⁾ См. четыре доклада образованной при немъ комисіи о хуторскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Москва, 1877 годъ.

свое общество сельскихъ хозяевъ и петербургское Вольно-Экономическое общество, на основаніи собранныхъ ими, идущихъ къ нимъ теоріймъ, фактовъ, приходятъ къ совершенно противоположнымъ выводамъ, такъ что оба онѣ имѣютъ на своей сторонѣ не малое число вѣсныхъ данныхъ и разумныхъ, повидимому, общихъ соображеній.

Защитники хуторскаго хозяйства ссылаются на примѣры такъихъ хуторовъ въ Курляндской и Лифляндской губерніяхъ и на неудобство частыхъ передѣловъ молей въ общинахъ, причемъ нѣкоторымъ ея членамъ приходится возить удобреніе на свою полосу, отстоящую отъ деревни въ десяти и болѣе верстахъ. Пожары, убытокъ отъ которыхъ ежегодно достигаетъ значительныхъ суммъ¹⁾, считающихся милліонами, должны уменьшиться при хуторскомъ хозяйствѣ, и такъ далѣе. Защитники общины, со своей стороны, могутъ говорить, что, при селеніи деревнями, крестьянамъ удобно оказывать другъ другу всевозможныя взаимодѣйствія; такъ, напримѣръ, отбываніе натуральной повинности легче при скученномъ населеніи, а также требуется при этой системѣ меньшее число пастуховъ, стражниковъ и всякихъ должностныхъ лицъ; но самое главное дѣло состоитъ въ томъ, что водоной всегда легче найти для деревни, чѣмъ для множества отдѣльныхъ хуторовъ, и такъ далѣе. Наконецъ, сомнительно, чтобы русскіе могли примириться съ отшельническою жизнью чухонца-хуторянина. Говорить на ту или другую тему можно весьма много, особенно если лица, ведущія пренія, не обязаны собственнымъ горбомъ испытывать практическія неудобства той или иной системы. Нельзя, къ сожалѣнію, предложить гг. членамъ названныхъ обществъ завести для опыта двѣ колоніи—одну на общинно-артельномъ основаніи, а другую съ хуторскою системою, а главное, невозможно заставить этихъ членовъ самихъ обрабатывать земли, на что они не способны, а потому приходится отнестись къ ихъ преніямъ такъ же, какъ это сдѣлалъ недавно одинъ изъ толковыхъ провинціаловъ, понавшихъ въ среду почтенныхъ прожектеровъ.

— Эко, батюшка, — сказалъ провинціалъ, — хотѣли меня ваши петербургскіе удивить примѣромъ Курляндіи или Англіи, а вотъ я имъ внесу докладъ о томъ, что Россія похожа болѣе всего на Африку, а свободные ея жители—на негровъ. Такіе аргументы, относительно строенія тѣла и привычки ходить бо-

¹⁾ Отъ 60-ти до ста милліоновъ, по официальнымъ даннымъ.

сикомъ, приведу въ подтвержденіе своихъ словъ, что въ годъ ихъ общество ваше не раскусить.

Остается пожалѣть, что серьезная дѣятельность почтенныхъ обществъ приводитъ, иногда, ея ученыхъ и неученыхъ членовъ въ то игривое настроеніе, въ которомъ находился упомянутый мною провинціалъ.

Нельзя послѣ этого удивляться тому, что печатное слово не пользуется въ обществѣ должнымъ, по теоріи, уваженіемъ. Вѣдь газеты и журналы обязаны посвящать статьи на отчеты о дѣятельности специальныхъ и ученыхъ обществъ, особенно въ такое тяжелое время, которое переживаетъ теперь Россія, ожидающая хлѣба и просвѣщенія.

Въ одномъ изъ немногихъ номеровъ прекратившагося журнала ¹⁾, Кошелевъ сказалъ, что главною нашею язвою слѣдуетъ считать отсутствіе въ обществѣ правды. Этой правды и не можетъ быть, въ виду той разрозненности, которая существуетъ между европейски-образованными передовыми русскими людьми, живущими въ городахъ и за границею, и нашимъ крестьяниномъ, о бытѣ котораго въ настоящее время, когда всѣ бывшіе помѣщики выѣхали изъ своихъ усадебъ, вѣдаетъ главнымъ образомъ,—какъ остроумно выразился одинъ провинціалъ,—только становой приставъ, да волостной писарь ²⁾. Нѣтъ, однако, сомнѣнія въ томъ, что представители русскаго общества горячо любятъ родину и, рассуждая о ея нуждахъ, а также и составляя проекты, помощію которыхъ нужды эти должны уничтожиться, увѣрены, что они говорятъ сущую правду, которая оказывается, однако, ложью, какъ только ее приводятъ въ соприкосновеніе съ дѣйствительною жизнью. Если прежній баринъ, жившій съ мужикомъ, не всегда понималъ его, то еще менѣе могутъ понять его тѣ господа, которые оставили свои помѣстья и, живя въ городахъ, толкуютъ о народѣ съ людьми, нивогда въ деревнѣ не жившими. Очень естественно, что для того, чтобы знать настоящую правду, надо жить ужъ если не вполне жизнью русскаго крестьянина, то, по крайней мѣрѣ, посвятить себя служенію его интересамъ на мѣстѣ, не въ качествѣ посторонняго наблюдателя, а—непосредственнаго участника въ его общественныхъ дѣлахъ и, такимъ образомъ, переживать съ нимъ и радость и горе. Въ этомъ содѣйствіи умственныхъ и нравственныхъ силъ образованнаго сословія народному самоуправленію,

¹⁾ „Всѣда“, № 8.

²⁾ Вигельгардтъ въ одномъ изъ своихъ писемъ въ „Отечественныя Записки“.

кстати, чувствуется сильнѣйшій запросъ. Въ настоящее время народъ, о благѣ котораго, изъ числа такъ называемаго образованнаго общества, вѣдаетъ больше всего становой, предоставленъ въ своей экономической жизни главнымъ образомъ выборнымъ людямъ изъ собственной среды. Эти темные люди, выбираемые въ старшины, сельскіе старосты и волостные судьи, ввели въ мѣстное крестьянское самоуправленіе взяточничество, самодурство и пьянство со всѣми принадлежностями, свойственными невѣжественной массѣ всѣхъ странъ, съ писарями, міроѣдствомъ и кабатчиками, какъ зародышами будущей россійской буржуазіи ¹⁾. Становые пристава и исправники, отличающіеся, въ большей части случаевъ, свойствами, присущими хорошимъ полицейскимъ чиновникамъ, совсѣмъ не подготовлены къ роли совѣтниковъ и руководителей крестьянской среды, да на это у нихъ нѣтъ и времени. Слѣдовательно, еслибъ наша интеллигенція, вмѣсто составленія проектовъ, добивалась бы чести принять участіе въ крестьянскомъ самоуправленіи и тѣмъ начать дѣло изученія народныхъ нуждъ съ самаго начала, то польза отъ такого стремленія, которое должно же осуществиться рано или поздно, была бы несомнѣнна. Но, чтобы такое участіе было дѣйствительно полезно, для этого слѣдуетъ отрѣшиться прежде всего отъ всякой дворянской и иной спѣси, и не вступать въ народную жизнь кучно, цѣлымъ сословіемъ землевладѣльцевъ, какъ это предлагаютъ люди, измыслившіе всесословныя волости или вотчинную полицію. При послѣдней формѣ самоуправления, интересы кабатчиковъ, міроѣдовъ и всесословныхъ землевладѣльцевъ будутъ рѣзко отдѣлены отъ интересовъ крестьянства, что не можетъ дать никакихъ полезныхъ результатовъ, хотя бы меньшинство изъ образованныхъ людей и стояло на сторонѣ массы. Необходимо на первое время допустить въ крестьянское самоуправленіе только такихъ лицъ, которыя, безъ всякой задней цѣли, желали бы принести ему пользу, и въ службѣ выборнаго старшины видѣли бы свое призваніе, нравственный долгъ и одну изъ самыхъ почетныхъ общественныхъ обязанностей. Что людей, годныхъ на такую должность, можно найти, въ этомъ никто не сомнѣвается. Провести же въ жизнь этотъ первый шагъ слиянія русскихъ грамотныхъ съ русскими безграмотными не представляется никакого труда. Нужно только, чтобы земства и правительственныя учрежденія, въ которыхъ они преобладаютъ свои ходатайства, убѣдились бы въ неотложной не-

¹⁾ См. отчеты всѣхъ земствъ и въ особенности Рязанской губерціи.

обходимости закона, на основаніи котораго крестьянамъ предоставляется право избирать въ старшины лицъ всѣхъ сословій, имѣющихъ земельный цензъ, прожившихъ на мѣстѣ не менѣе трехъ лѣтъ и достигшихъ извѣстнаго возраста. Такіе старшины должны пользоваться правами, предоставленными головамъ въ уѣздныхъ городахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, было бы полезно доволить закономъ приниматься къ сельскимъ обществамъ безпороднымъ лицамъ всѣхъ сословій, приобретающимъ покупкою такое число десятинъ, которымъ владѣютъ крестьяне, заявившимъ желаніе поселиться въ деревнѣ, и принятымъ согласно приговору общества.

Поступая такъ, правительство, вмѣсто насилія, къ которому нѣкоторые прожектеры совѣтуютъ прибѣгнуть, увеличить только свободу русскихъ людей всѣхъ сословій и сдѣлаетъ новый шагъ къ ихъ добровольному слиянію, отъ котораго слѣдуетъ ожидать всѣхъ послѣдствій, проистекающихъ отъ внесенія въ массу образованія въ ущербъ невѣжеству, бѣдности и грубости, съ нею сопряженныхъ. При этомъ, можетъ быть, придется только увеличить территорію волостей и сдѣлать другія измѣненія, выработанныя самою практикою. Становясь исключительно на нравственную точку зрѣнія и примѣняясь къ справедливости въ общепринятомъ значеніи этого слова, слѣдуетъ признать, что пора уже удѣлить часть умственныхъ и научныхъ силъ тому самому народу, изъ среды котораго, въ теченіи многихъ вѣвовъ, вырывались эти силы для того, чтобы служить исключительно для возведенія государственнаго нашего управленія до западно-европейскаго уровня.

Думаю, что только отъ такого правдиваго дѣйствія передоваго сословія можно ожидать той правды, въ которой теперь нуждаются всѣ, начиная съ государственнаго управленія.

Вслѣдствіе экономической несостоятельности русскаго народа, наше земство переживаетъ теперь то тяжелое время, которое можно охарактеризовать словами: „еле душа въ тѣлѣ держится“. Въ самомъ дѣлѣ, взявъ въ соображеніе все сказанное нами выше, наше земство изъ живаго дѣла съ живыми людьми, какимъ оно было или считало себя въ началѣ, переходитъ мало по малу къ типу бюрократическаго учрежденія съ обязательною канцелярскою работою и безъ всякой возможности дѣлать настоящее дѣло.

На земствѣ, какъ извѣстно, лежитъ обязанность производить обязательные расходы и ему даровано, кромѣ того, право дѣлать самообложеніе на различные предметы, касающіеся просвѣщенія

мѣстнаго населенія и улучшенія его быта. Первое время по открытїи земскихъ учреждений, эти необязательные расходы производились довольно щедро, но теперь, въ виду набоившихся за крестьянами громаднѣхъ недоимокъ, положеніе дѣлъ должно сильно измѣниться. Земство уже принесло Россіи громадную пользу тѣмъ, что выяснило настоящее экономическое положеніе народа, и затѣмъ оно должно замереть до тѣхъ поръ, пока улучшенный бытъ того же народа не вложитъ въ него снова живой души. Люди, способные съ самоотверженіемъ служить родинѣ, не переводятся на Руси, и на нашей памяти таковыми были мировые посредники и значительная часть земскихъ дѣятелей, подвизавшихся на поприщѣ нашего самоуправленія тотчасъ же послѣ его дарованія. Но теперь, когда оказалось, что земская дѣятельность, основанная на бюджетѣ, пополнить который можно во многихъ мѣстностяхъ только продавая крестьянскій скотъ и тѣмъ разоряя населеніе, лучшие земскіе дѣятели удаляются со сцены и обществу остается только скорбѣть объ оскуденіи Россіи хорошими людьми, что, впрочемъ, и дѣлается, какъ въ разныхъ собраніяхъ, такъ и въ прессѣ. Изъ необязательныхъ расходовъ земства, народное здравіе и обученіе его грамотѣ были такими предметами, которыми различныя губерніи щеголяли другъ передъ другомъ въ первые годы послѣ дарованія намъ самоуправления. Скоро, впрочемъ, оказалось, что крестьяне неохотно посылаютъ дѣтей своихъ въ школы, главнымъ образомъ потому, что обученіе, хотя оно и даровое, но все-таки сопряжено для домохозяевъ съ расходами. Бормить своего сына внѣ дома за 10, 15, а иногда и 30 верстъ—значитъ покупать для него харчи, а часто и самый хлѣбъ; затѣмъ, въ зимнее время, малосемейные домохозяева, уѣзжая на болѣе или менѣе отдаленный отъ ихъ дома промыселъ, нуждаются въ подросткахъ двѣнадцати и болѣе лѣтъ, которые, оставаясь при матеряхъ, справляютъ всѣ, необходимыя въ домашнемъ обиходѣ, зимнія работы. Для устраненія крестьянскихъ расходовъ по образованію ихъ дѣтей, въ Гдовскомъ уѣздѣ, какъ мнѣ извѣстно, была открыта, въ 1873 году сельская школа съ харчами, то есть, въ этой школѣ, находившейся въ одной изъ помѣщичьихъ мнѣзъ, ученики, число которыхъ было двадцать, обязаны были имѣть лишь свой хлѣбъ, на приварокъ же каждому изъ нихъ отпускалось по 1 руб. 50 коп. ежемѣсячно. Родители охотно отдавали своихъ дѣтей въ такую школу, и въ годъ мальчики выучились читать и писать. Тогда практика указала на новое горе, и рачители народнаго образованія, заводившіе во многихъ мѣстахъ,

по примѣру гдовской школы, ученіе съ харчами и даже съ полнымъ издвигеніемъ для дѣтей, убѣдились, что большинство мальчиковъ, обучившихся грамотѣ и не поступившихъ въ учительскія семинаріи, позабываютъ эту грамоту, сдѣлавшись парнями и вступивъ въ отправленіе всѣхъ крестьянскихъ работъ. Въ сущности, это явленіе совершенно понятно, и если ученикъ сельской школы не поступилъ въ писаря, или въ артельщики, или на какое либо мѣсто въ городѣ, то ему весьма часто не представляется случая для упражненія себя въ чтеніи и письмѣ, а также и для дальнѣйшаго своего развитія. Крестьянская жизнь, съ ея суровою физическою работою, недоимками и вѣчными за нихъ преслѣдованіями со стороны властей, не оставляетъ досужаго времени и исключаетъ, необходимое для развитія, спокойное расположеніе духа обезпеченнаго человѣка. А главное, крестьяне, не имѣющіе въ большинствѣ случаевъ денегъ для покупки себѣ достаточнаго количества соли, не въ состояніи обзаводиться самыми тощими бібліотеками и даже одною какою нибудь толковою книгою. Польза грамотности распространяетъ, такимъ образомъ, свое благотворное вліяніе лишь на болѣе зажиточныя крестьянскія семейства, которыя охотно высылаютъ своихъ дѣтей въ школы. Но это меньшинство не всегда таково, что ему можетъ сочувствовать развитой земскій дѣятель, и вотъ почему въ этомъ важномъ дѣлѣ онъ такъ часто чувствуетъ свое безсиліе. То же самое слѣдуетъ сказать и о медицинскою части. Можно-ли сколько нибудь удачно лечить людей, питающихся такимъ хлѣбомъ, отъ котораго тошнить непривычнаго къ нему человѣка, и живущихъ въ грязи, развивающей навозныя и всякія другія болѣзни? Добросовѣстные медики, служащіе въ земствѣ, нерѣдко выражаютъ свое безсиліе помочь большинству больныхъ, для которыхъ необходимъ мясной супъ, чистый хлѣбъ и хорошее помѣщеніе.

Вообще, усилія земства поднять умственный уровень и благосостояніе сельскаго населенія до сихъ поръ большею частью разбиваются въ прахъ, встрѣчаясь съ нуждою и необезпеченностью, идущею всегда рука объ руку съ невѣжествомъ и всякаго рода невоздержаніемъ. Лучшіе земскіе люди пришли въ уныніе, тѣмъ болѣе, что большинство ихъ ходатайствъ оставалось неудовлетвореннымъ, или просто безъ отвѣта. Когда человѣкъ, имѣющій сознаніе собственнаго достоинства, чувствуетъ, что онъ на извѣстномъ мѣстѣ мало полезенъ, то онъ употребляетъ все свое стараніе для присканія себѣ иной, болѣе благодарной въ нравственномъ отношеніи, дѣятельности и вотъ раз-

гадка того, почему въ земствахъ годъ отъ году уменьшается число истинно хорошихъ людей и почему въ управахъ обнаруживаются растраты и ниня грустныя дѣла. Понятно также, что масса крестьянства, не видя въ земствѣ ощутительной для себя пользы, начинаетъ смотрѣть на него какъ на учрежденіе, расходы на которое не окупаются приносимою имъ пользою. Народная бѣдность, которая уничтожаетъ большую часть благихъ предприятий, начинаемыхъ частными лицами, земствомъ и правительствомъ, оказавшимъ между прочимъ пособіе ссудо-сберегательнымъ товариществамъ, эта бѣдность такъ велика и такъ серьезна, что уже вліяетъ и на всѣ отрасли государственнаго управленія, которое, благодаря недоимкамъ, вынуждено останавливать или ограничивать самыя необходимыя реформы, каковы судебная, тюремная и другія. А что слѣдуетъ сказать о такомъ фактѣ, сообщаемомъ главнымъ попечительствомъ для пособія семействамъ нуждающихся воиновъ, отъ 21-го октября 1877 года? Въ одной изъ черноземныхъ губерній существуетъ Муравьевское попечительство, по изслѣдованію котораго оказалось, что изъ 118 семействъ отсутствующихъ воиновъ почти половина оказалась почти нищими, потому что все ихъ движимое имущество было или продано за долги, или обмѣнено на хлѣбъ. Не обращать вниманія на такіе факты, къ сожалѣнію, столь часто встрѣчаемые, значитъ готовить себѣ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ такіа затрудненія, о которыхъ страшно и подумать.

Понятно также и то справедливое неудовольствіе, съ которымъ князь Васильчиковъ ¹⁾ указываетъ на усиливающійся сельскій пролетаріатъ, доходящій уже въ настоящее время, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, до 15% всего населенія уѣздовъ и губерній. Пролетаріатъ этотъ дѣйствительно усиливается какъ среди крестьянъ, владѣющихъ общинною землею, такъ и среди тѣхъ, которые имѣютъ отдѣльные участки. Какова бы ни была форма крестьянскаго землевладѣнія, мѣрѣды не стѣсняются захватывать въ свои руки по нѣсколько надѣловъ (если таковые стоятъ хлопотъ) и заставляютъ обрабатывать ихъ обезземеленныхъ крестьянъ, ими же систематично разворенныхъ. Я не принадлежу къ поклонникамъ той безусловной личной собственности, на основаніи которой западно-европейскіе экономисты выработали антихристіанскую теорію экономическаго рабства и чрезмѣрнаго населенія, но здравый смыслъ не позволяетъ

¹⁾ „Земледѣліе и землевладѣніе въ Россіи и др. европейскихъ государствахъ“, 1876 гдѣ.

миѣ видѣть только въ общинѣ средство къ улучшенію народнаго благосостоянія, которое зависить главнымъ образомъ отъ свободнаго развитія экономическихъ силъ нашего народа. Какъ община, такъ и личное землевладѣніе, должны имѣть одинаковое право на юридическое существованіе, и переходъ отъ одной изъ этихъ формъ къ другой долженъ быть вполне предоставленъ свободному рѣшенію народа.

И такъ, изъ всего мною сказаннаго выходитъ, во первыхъ, что единственный фактъ, среди многихъ другихъ добытыхъ о сельскихъ обывателяхъ, и никакъ неоспариваемый, состоитъ въ томъ, что вообще крестьяне надѣлены недостаточнымъ количествомъ земли. Затѣмъ, всѣ гадательныя предположенія о формѣ землевладѣнія оказываются разсужденіями, ни въ какой степени непримѣнными, въ настоящее время, къ дѣлу. Двойной же рядъ фактовъ, собранныхъ по этому поводу частными лицами, обществами и земствами, доказываетъ только совершенно поверхностное знакомство образованной части общества съ дѣйствительною жизнью большинства сельскихъ обывателей, основательное знаніе которой можетъ быть приобретено только въ томъ случаѣ, если образованный классъ будетъ имѣть возможность и желаніе внести въ темную среду крестьянскаго самоуправленія свои познанія, свое образованіе и тѣ взгляды, которыми истинно образованный человѣкъ отличается отъ темной невѣжественной среды. Не мнѣ одному, но всѣмъ, жившимъ въ деревняхъ, приходилось нерѣдко слышать, какъ крестьяне выражали горячее желаніе имѣть своимъ старшиною того или другаго, хорошо извѣстнаго имъ, бывшаго помѣщика или, сдѣлавшагося землевладѣльцемъ, купца. Писаря и мироѣды, составляющіе немалую язву крестьянства, давно ему надобли и народъ основательно хочетъ замѣнить эти темныя личности такими хорошими людьми, каковы были многіе изъ бывшихъ мировыхъ посредниковъ. У такихъ людей, знакомыхъ основательно и съ крестьянскимъ бытомъ и съ дѣятельностью администраціи, можно, по словамъ крестьянъ, много ума набраться, можно испросить совѣта, найти и защиту въ тяжелыя минуты жизни. Въ самомъ дѣлѣ, просвѣщенные и уважаемые люди могутъ скорѣе другихъ сдѣлаться центромъ, около котораго легче сгруппироваться разрозненному теперь сельскому обществу.

Извѣстно, что смертность, главнымъ образомъ, зависить отъ уровня экономическаго благосостоянія народа. Судя по статистическимъ даннымъ, сгруппированнымъ въ 1878 году въ од-

ной изъ нашихъ газетъ ¹⁾, почерпнувшей свои свѣдѣнія изъ сочиненій извѣстнаго доктора Фарръ и изъ данныхъ нашего земства, Россія, въ этомъ отношеніи, стоитъ ниже всѣхъ западно-европейскихъ государствъ, въ которыхъ рабочіе тоже не могутъ похвастать своимъ обеспеченнымъ положеніемъ. На тысячу человѣкъ въ Даніи и Швеціи умираетъ ежегодно семнадцать, въ Россіи же—тридцать семь. Земскій врачъ Вятской губерніи Г. Серебряновъ, въ разъясненіе причинъ большой смертности мѣстнаго населенія, представилъ земству докладъ, въ которомъ проводитъ параллель между ухудшеніемъ экономическихъ условій мѣстнаго населенія и систематическимъ увеличеніемъ смертности. Сущность этого доклада можетъ быть выражена въ слѣдующей таблицѣ:

	Размѣръ пода- тей на душу.	Количество ведомки.	Размѣръ хлѣб- ной оуди.	Коэффициентъ смертности.
Въ 1834 году	3 р. 79 к.	не было.	8,23 четв.	26%
— 1850 —	5 — 9 —	979 р.	8,558 —	31,2
— 1868 —	7 — 65 —	10,817 —	5,918 —	39,0
— 1875 —	9 — „ —	234,500 —	132,000 —	43,0

Цифры эти говорятъ сами за себя.

Есть еще одно грустное явленіе крестьянской жизни, непосредственно зависящее отъ ея низкаго экономическаго уровня. Я говорю о частыхъ раздѣлахъ, которые, по отзывамъ жителей различныхъ мѣстностей, происходятъ потому, что молодые работники, обремененные платежами за собственную душу, не желаютъ нести денежной тяготы за другихъ, часто престарѣлыхъ уже своихъ родственниковъ и родныхъ. Подобные раздѣлы всегда понижаютъ уровень благосостоянія распавшейся семьи, а нерѣдко и совершенно ее разоряютъ. Но, помимо матеріальнаго ущерба, претерпѣваемаго крестьянами отъ раздѣловъ, есть еще и нравственная сторона, состоящая въ томъ, что число лицъ, не желающихъ поддерживать престарѣлыхъ своихъ родныхъ—постепенно увеличивается.

Таковы страшныя послѣдствія бѣдности и нищеты, захватившей въ свои руки большинство нашего населенія!

¹⁾ «Голосъ» № 318, 1878 года.

III.

Указаніе опыта на выходъ изъ настоящаго тяжелаго состоянія и неисполненное Положеніе 19-го февраля 1861 года.

Къ общепризнаванному факту недостаточности крестьянскаго надѣла слѣдуетъ присоединить два, тоже общепризнанныя, добавленія ¹⁾. Первое изъ нихъ состоитъ въ томъ, что крестьяне повсемѣстно твердо держатся за полученные ими надѣлы, и, какъ бы тяжелы ни были взимаемые за нихъ платежи, домохозяева не выпускаютъ изъ рукъ своего недвижимаго имущества до тѣхъ поръ, пока какое нибудь несчастіе или окончательное истощеніе ихъ силъ не принудятъ несчастныхъ въ такой печальной крайности. Второе добавленіе къ факту недостаточности ихъ надѣловъ состоитъ въ томъ, что крестьяне повсемѣстно стремятся покупать земли, но число такихъ покупокъ весьма ограничено, потому что у землепашцевъ нѣтъ ни денегъ, ни возможности добыть себѣ долгосрочный кредитъ; поэтому крестьяне, имѣющіе возможность покупать земли и являющіеся въ видѣ счастливыхъ исключеній, приобретаютъ оную всегда въ личную собственность и рѣдко соединяются въ артели для совершенія купчей крѣпости на имя многихъ пайщиковъ. Съ своей стороны, значительное число крупныхъ землевладѣльцевъ всей Россіи (исключая среднихъ, черноземныхъ губерній) тоже желаютъ перевести свое недвижимое имущество на деньги, т. е. продать принадлежащія имъ земли, хозяйничать и жить на которыхъ, по многимъ причинамъ, обуславливающимъ невыгодность и неудобство этого—они не желаютъ. Большинство продавцевъ выражаетъ только желаніе сохранить за собою усадьбы съ прилегающими къ нимъ садами и рощами, что мною замѣчалось во многихъ губерніяхъ сѣверной полосы, особенно относительно имѣній, расположенныхъ близь желѣзнодорожныхъ линій.

Доказательствъ подобнаго желанія землевладѣльцевъ продавать свои угодья весьма много, и самымъ выдающимся изъ нихъ представляется постановленіе южно-русскихъ сельскихъ хозяевъ, собравшихся въ Одессѣ 17-го декабря 1878 года, которымъ, между прочимъ, приняты слѣдующія резолюціи: 1) признать не-

¹⁾ Доклады о хуторскомъ хозяйствѣ И. М. О. С. Х. 1877—1878 г. Труды И. В. Ф. О. за 1878 годъ, отдѣлы хроникъ и корреспонденцій. Также отчеты вятскаго, рязанскаго, новгородскаго и другихъ губернскихъ земствъ.

обходимость организаціи долгосрочнаго, дешеваго кредита для покупки земли крестьянскими обществами; 2) признать необходимость содѣйствія со стороны земельныхъ банковъ покупателямъ земли крестьянскими общинами; 3) заявить желаніе, чтобы земельные банки выработали и примѣнили таковой способъ, по которому земли, остающіяся, по непродажѣ ихъ съ публичныхъ торговъ, за банками, уступались бы безземельнымъ крестьянамъ за банковый долгъ съ уплатою денегъ въ сроки банковыхъ ссудъ; 4) ходатайствовать передъ правительствомъ о разрѣшеніи въ южной Россіи покупки земли крестьянами по обоюдному согласію крестьянскаго общества и землевладѣльца съ пособіемъ отъ правительства; 5) ходатайствовать предъ правительствомъ, не призываетъ-ли оно возможнымъ казенно-оброчныя пустопорожнія (и вообще мало для казны доходныя) земли, находящіяся въ южныхъ губерніяхъ, заселить безземельными крестьянами среднихъ губерній, выдавая имъ опредѣленный душевой надѣлъ ¹⁾. Далѣе идутъ постановленія объ облегченіи переселеній, о сокращеніи числа кабаковъ и объ иныхъ второстепенныхъ мѣрахъ, основанныхъ отчасти на запрещеніяхъ, но не на свободѣ обоюдныхъ сдѣлокъ, заключаемыхъ между сторонами на основаніи выгодъ лицъ, вступающихъ въ переговоры, какъ это проведено въ выписанныхъ мною пяти пунктахъ постановленія.

Вникнувъ въ сущность приведенныхъ мною общепризнанныхъ фактовъ и припомнивъ всѣ колебанія, среди которыхъ бродила русская мысль за послѣднія семнадцать лѣтъ, я выясняю себѣ, обусловленное этими фактами, новое для насъ явленіе какъ весьма естественное послѣдствіе перемѣнъ, происшедшихъ въ экономическомъ строѣ Россіи со времени освобожденія крестьянъ. Извѣстно, что реформа 19-го февраля 1861 г. освободила изъ-подъ помѣщичьей опеки экономическую, рабочую силу государства; бывшіе до тѣхъ поръ крѣпостные сдѣлались свободными землепашцами и людьми, которые, въ приложеніи своего труда ко всякому дѣлу, стали руководствоваться исключительно собственными желаніями и выгодой. Такимъ образомъ, въ Россіи появилась вдругъ самостоятельная экономическая сила, которая, кромѣ непосредственной своей дѣятельности, состоящей въ производительной работѣ, должна была, помощью конкуренціи, опредѣлить еще свои экономическія отношенія къ другимъ силамъ, отъ которыхъ она зависѣла. Подъ послѣдними силами слѣдуетъ

¹⁾ Харьковское губернское земство въ сессію 1878 года пришло къ тому же заключенію, какъ и Общество сельскихъ хозяевъ.

подразумѣвать землевладѣльцевъ всѣхъ категорій, т. е. крупныхъ, среднихъ и мелкопомѣстныхъ. Какъ государственные люди, такъ и просвѣщенные сельскіе хозяева, предвидѣли необходимость экономической борьбы между этими двумя силами, и, въ самомъ дѣлѣ, она, какъ мы знаемъ это теперь изъ опыта, не замедлила обнаружиться. Первымъ и хорошо извѣстнымъ для всѣхъ землевладѣльцевъ слѣдствіемъ этой борьбы было то, что сельскіе хозяева, понесшіе большія потери при обработкѣ своихъ угодій вольнонаемнымъ трудомъ, были вынуждены отдать ихъ крестьянамъ исполу, или въ арендное содержаніе. Вторымъ видимымъ послѣдствіемъ этой борьбы представляется хищническое истощеніе почвы, повсемѣстная безошадная вырубка лѣсовъ и упадокъ сельскаго хозяйства вообще. Въ данную минуту, чрезъ семнадцать лѣтъ упорной, ни на одно мгновеніе не прекращаемой, и далеко еще неоконченной борьбы экономическихъ интересовъ этихъ двухъ названныхъ сторонъ, результаты ея особенно интересны и важны. Внигнувъ въ конечныя послѣдствія, порожденныя конкуренціею между земледѣльцами и землевладѣльцами, и отрѣшившись отъ всякихъ предвзятыхъ теорій, можно составить себѣ ясное представленіе о томъ, что слѣдуетъ сдѣлать для справедливаго удовлетворенія обѣихъ сторонъ и каковы могутъ быть государственныя мѣры, способныя удовлетворить экономическимъ требованіямъ современной Россіи, и тѣмъ прекратить бесполезное истощеніе силъ, результатомъ котораго является общая деморализація.

Съ одной стороны, значительная часть землевладѣльцевъ сѣверной и южныхъ полосъ предлагаютъ въ продажу свои земли, считая для себя выгоднымъ образовать денежный капиталъ и заняться какимъ-либо промышленнымъ производствомъ, или жить на проценты съ онаго. Съ другой—естественные и самые выгодные въ экономическомъ отношеніи покупатели земель—крестьяне не имѣютъ на то денегъ. Вслѣдствіе невозможности совершать подобныя, необходимыя для обѣихъ сторонъ, сдѣлки, страдаетъ масса населенія, терпитъ хозяйство и подрывается благосостояніе всего государства. Въ большей части случаевъ, продаваемыя земли покупаются спекуляторами по возможно дешевымъ цѣнамъ и сдаются крестьянамъ въ аренду тѣми выгодными способами, которые такъ хорошо извѣстны малякамъ, кабатчикамъ и евреямъ. Почва истощается при этомъ до послѣдней возможности, и русская земля терпитъ потому, что не попадаетъ въ руки ея естественныхъ собственниковъ. Поэтому, крестьяне правы, говоря, что въ настоящее время они работа-

ють Богъ вѣсть на какихъ проходивцевъ, такъ какъ ни имъ, ни прежнимъ помѣщикамъ, отъ земледѣльческаго труда никакой настоящей выгоды нѣтъ. Оттого, что при подобномъ порядкѣ земля истощается и дурно обрабатывается, крестьяне, не имѣющіе возможности владѣть ею какъ собственники, отбиваются отъ земледѣлія, вынуждены бродить по дальнимъ заработкамъ и деморализуются. Эта, для всѣхъ видимая, экономическая неурядица русской земли по-истинѣ весьма велика и она будетъ все увеличиваться, подрывая въ самомъ началѣ всѣ благія начинанія правительства и земства, до тѣхъ поръ, пока не будетъ удовлетворена первостепенная потребность массы населенія. Эта потребность состоитъ въ дарованіи сельскимъ обывателямъ удобнаго и по возможности дешеваго способа для покупки, продающихся частными лицами, земель, а также для заселенія пустопорожныхъ казенныхъ угодій. Открытіе землепашцамъ, съ такою цѣлью, долгосрочнаго кредита— вотъ въ чемъ прежде всего нуждается земледѣльская, а слѣдовательно, и вся Россія. Эта потребность такъ велика, что, удовлетворивъ ее, правительство окажетъ благодѣтельную услугу всѣмъ производительнымъ силамъ страны. Крестьянство выиграетъ потому, что, при содѣйствіи долгосрочнаго кредита, оно изъ разряда мнимыхъ собственниковъ и батраковъ перейдетъ въ разрядъ настоящихъ собственниковъ, уплачивающихъ притомъ за прибрѣтенную имъ землю менѣе того, чѣмъ оно платитъ теперь за аренду, или исполную пахоту чужихъ угодій. Землевладѣльцы, продавшіе свое имущество, выиграютъ потому, что освободятся отъ тяжелой необходимости возиться съ хозяйствомъ, которымъ тяготеяты, и получать капиталъ, съ которымъ могутъ заняться другимъ, болѣе производительнымъ, трудомъ и во всякомъ случаѣ уступать свое мѣсто тѣмъ людямъ, для которыхъ земледѣльческій трудъ составляетъ главный и притомъ искони излюбленный трудъ. Не мало выиграетъ отъ этого и само государство, потому что рабочія руки снова настоящимъ образомъ примутся за воздѣлываніе земли, единственнаго пока источника нашего богатства.

Такимъ образомъ путь, по которому долженъ направиться народный кредитъ, представляется яснымъ, потому что онъ выработанъ свободнымъ движеніемъ экономическихъ силъ страны за послѣднія семнадцать лѣтъ ея жизни. Только при такомъ направленіи кредита можно ожидать окончательнаго выполненія на практикѣ положенія 19-го февраля 1861 года, которое, по основному принципу, не допу-

скаеть пролетаріата и, кромѣ того, прямо указываетъ, что по истеченіи девяти лѣтъ со времени его обнародованія, крестьянское благосостояніе должно было подлежать пересмотру и исправленію по указаніямъ опыта. Объ этомъ князь Васильчиковъ ¹⁾ весьма справедливо выразился слѣдующимъ образомъ: „Зловѣщія предсказанія сбываются; число безземельныхъ крестьянъ быстро увеличивается. Противники земельного надѣла предвидѣли это, но составители Положенія желали избѣжать пролетаріата и потому указали, что чрезъ девять лѣтъ право перехода на свободныя земли будетъ даровано крестьянамъ на тѣхъ основаніяхъ, которыя укажутся опытомъ. Но девять лѣтъ уже давно прошли, а положеніе еще не выполнено“.

Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время опытъ уже достаточно выяснилъ то, что насущно необходимо для улучшенія народнаго быта, и медлить долѣе значить усиливать зло, которое, накопляясь во всѣхъ населенныхъ пунктахъ русской земли, можетъ дойти до такого предѣла, при которомъ радикальное и естественное исправленіе нашей бѣды сдѣлается уже невозможнымъ.

Въ пользу необходимости долгосрочнаго кредита для землепашцевъ, стремящихся къ приобрѣтенію земли покупкою, говорить то общее состояніе, въ которомъ находится теперь крупное землевладѣніе, подробно охарактеризованное его лучшими представителями ²⁾. Даже въ лучшихъ, густонаселенныхъ, черноземныхъ губерніяхъ, каковы: Орловская, Курская, Тамбовская и другія, хозяева занимаются своими имѣніями лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Большинство же усадебъ передано въ руки управляющихъ, которые собственно хозяйствомъ вовсе не занимаются, но представляютъ изъ себя сборщиковъ наемной платы, получаемой за землю съ крестьянъ. Но есть и такія имѣнія, которыя сдаются всякаго рода малякамъ за известную годовую арендную плату и съ правомъ пользоваться дарами почвы по усмотрѣнію хищника. Этотъ видъ пользованія заслуживаетъ особеннаго порицанія, потому что съ его развитіемъ все, сдѣланное въ теченіе многихъ лѣтъ, уничтожается весьма быстро, и такимъ образомъ трудъ, затрачиваемый прежде на дѣло, пропадаетъ бесплодно, какъ будто его вовсе и не было. Сельское хозяйство, такимъ образомъ, не улучшается, а идетъ назадъ и производитъ почти неисправимыя по-

¹⁾ „Землевладѣніе и землевладѣніе въ Россіи“, кн. А. Васильчиковъ С.-ПБ. 1876.

²⁾ См. Труды И. В. Э. Об. за 1878 годъ. Отдѣлъ корреспонденцій и хроникъ, преимущественно статьи Неручева.

слѣдствія. Многіе люди, не стоящіе ближе къ дѣлу, думаютъ, что такое явленіе происходитъ отъ недостаточной подготовкѣ нашихъ землевладѣльцевъ къ сельскому хозяйству; но лица, живущія въ провинціи и слѣдящія шагъ за шагомъ за 'грознымъ разрушеніемъ богатствъ, скопленныхъ вѣвами и тяжелымъ крѣпостнымъ трудомъ, ясно видятъ, что паденіе нашего такъ называемаго помѣщичьяго хозяйства неизбежно. Вообще, все это хозяйство, что бы его ни вель, не можетъ быть спасено какими бы то ни было палліативами. Оно улучшится только тогда, когда земля попадетъ въ руки собственниковъ, приобретающихъ ее не для спекуляціи (или владѣющихъ ею по необходимости), а для того, чтобы жить и работать на ней въ теченіе всей своей жизни. Такими людьми являются преимущественно мелкіе собственники. Для насущныхъ интересовъ сельскаго хозяйства необходимы такіе землевладѣльцы, которые не увлекались бы другаго рода занятіями и не задавались бы желаніемъ получить отъ хозяйства, въ короткое время, громадные барыши.

Причина современнаго дурнаго состоянія сельскаго хозяйства заключается не въ томъ или другомъ затрудненіи его веденія, а въ полной неохотѣ, а мѣстами и невозможности дѣйствительно имъ заниматься. Мы переживаемъ теперь время банковыхъ операцій, акціонерныхъ обществъ, разныхъ крупныхъ предпріятій, сулящихъ громадныя выгоды, отодвинувшія скромное сельское хозяйство на невидный, задній планъ. И это тѣмъ печальнѣе, что наша страна, по справедливости считающаяся земледѣльческою, въ большей своей части вознаграждаетъ земледѣльческій трудъ болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ государствахъ средней Европы. А между тѣмъ наша мука хуже австрійской, наша шерсть хуже савсонской, наше масло хуже гольштинскаго, и нашъ ленъ хуже бельгійскаго. Это доказываетъ, что наша земледѣльческая культура равна нулю и что наши продукты не есть результатъ доброкачественнаго труда, а зависятъ исключительно отъ атмосферической причины да отъ естественнаго плодородія почвы, которую мы за то и не щадимъ.

Подобное расхищеніе крупныхъ хозяйствъ ведетъ у насъ къ паденію благосостоянія цѣлыхъ округовъ. Большое имѣніе, поступающее въ аренду къ маклаку, не ведетъ хозяйства — оно дробится по мелочамъ и отдается на одну жатву крестьянамъ, которые, со времени надѣла ихъ землею, начинаютъ уже очень въ ней нуждаться; надѣлы малы и необходимость снимать земли за плату увеличивается въ среднихъ губерніяхъ съ каж-

дѣмъ годомъ. На этомъ собственно и выѣзжаютъ арендаторы: какъ ни бейся и ни стѣсняйся мужикъ въ виду чрезмѣрно дорогой наемной платы за землю, но, въ концѣ концовъ, онъ все-таки вынужденъ ее нанять.

Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе будетъ возвышаться арендная плата на землю, потому что спросъ на нее будетъ все усиливаться, пока не разрѣшатъ крестьянамъ, прикрѣпленнымъ къ землѣ въ среднихъ губерніяхъ, выселиться на инныя казенныя земли, и тѣмъ облегчатъ участь какъ тѣхъ, которые выселятся, такъ и тѣхъ, которые останутся на мѣстѣ.

Безъ этой мѣры, не трудно предсказать бѣдствія, которыя придется перенести житницѣ нашего отечества, какъ принято называть среднія губерніи. Поземельные банки, принимая въ залогъ имѣнія, дѣлать угодыя не въ зависимости практикуемаго на нихъ хозяйства, и не по свойствамъ земли, а исключительно потому—возможно или невозможно отдать ее въ наймъ крестьянамъ, берущимъ ее на годовой срокъ и поэтому только ее истощающимъ.

Если отнестись къ голымъ цифрамъ и исключительно по нимъ судить о положеніи нашего хозяйства, то можно придти къ весьма ложнымъ заключеніямъ. Судя, напримѣръ, по размѣру ренты, не зная отчего на самомъ дѣлѣ зависитъ ея величина, можно было-бы подумать, что наше хозяйство дѣлаетъ видимыя успѣхи и что оно ведется даже рациональнымъ образомъ. Въ дѣйствительности же, эта рента есть пуфъ, такъ какъ она основана на эксплуатаціи бѣднѣйшаго класса русскихъ людей, опутаннаго массою недоимокъ и прикрѣпленнаго къ мѣсту. Этотъ, обездоленный во всѣхъ отношеніяхъ, классъ, истощая свои силы, истощаетъ въ то же время и землю, и отдаетъ барыни въ самыя непроеводительныя, хищническія руки. Русскій мужикъ, на всемъ пространствѣ нашего отечества, живетъ впроголодь; нѣтъ года, чтобы весьма почтенныя цифры продовольственнаго капитала не уходили на утоленіе голода, проявляющагося то здѣсь, то тамъ внутри Россіи, которая, въ то же время, отправляетъ огромное количество своего хлѣба за границу.

Какъ русскій мужикъ, такъ и всѣ, которымъ дороги интересы нашего отечества, съ нетерпѣніемъ ждутъ когда же, наконецъ, вниманіе правительства будетъ снова привлечено на улучшеніе народнаго быта, когда же неоконченная реформа 19-го февраля 1861 года—снова получить свой естественный, неотложный ходъ.

И. Капшаровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КРИТИЧЕСКІЯ БЕСѢДЫ.

III.

КНИЖКА И ЖИЗНЬ.

„Vivre—est le métier que je lui veux apprendre.“
Руссо.

Въ предыдущемъ очеркѣ своемъ, мы обѣщали обратиться къ вопросу, откуда идетъ, по нашему мнѣнію, то жалкое и безсильное направленіе нашей мысли, которое мы выразили терминомъ „литературная хандра“. Широко этотъ вопросъ, и мы даже не пытались приступать къ его обстоятельному изслѣдованію въ журнальной статьѣ. Если такое явленіе, какъ американская демократія, гораздо болѣе опредѣленное и уловимое, потребовало значительной части жизни сильнаго и отлично оснащенного ума, каковъ былъ Токвилль, то, вонечно, тотъ, кто счумѣветъ съ полнотою, ясностью и убѣдительностью Токвилля показать намъ общій смыслъ и свойства нашего настоящаго умственнаго состоянія, долженъ развернуть еще болѣе ума, таланта и знаній. Но мы, однако, все таки хотимъ сдѣлать хотя нѣкоторые намеки на крупнѣйшія причины той духовной болѣзни нашего вѣка, которая сулитъ северный исходъ нашему будущему, и отъ которой намъ бы слѣдовало отдѣлаться поскорѣе со всею энергіею и мужествомъ, на которую только мы способны.

Одною изъ главныхъ причинъ нашего зла,—это, во всякомъ случаѣ, наша школа, въ самомъ широкомъ смыслѣ.

Пусть не принимаютъ этихъ словъ за нападеніе на ту

Кн. III.—Мартъ, 1879.

именно форму школы, которая установилась въ данную минуту, на тѣ или другія подробности ея, хотя, конечно, и частныя формы тутъ играютъ свою роль. Мысль наша болѣе обширна.

Мы думаемъ, что вѣковое, цѣлое теченіе человѣческой мысли совершило одну роковую ошибку, которая болѣзненно отозвалась и отзывается вездѣ на Западѣ, но которая у насъ, на Руси, отозвалась и должна была отозваться болѣзненнѣе чѣмъ гдѣ нибудь.

Ошибку эту мы назвали роковою не для одной красоты слога. Она такъ тѣсно сплетена со всѣмъ ходомъ развитія практической дѣятельности человѣка, что составляетъ почти синонимъ съ его исторіею.

Ошибка эта—ложный взглядъ на человѣка, какъ на мозговую силу безпредѣльной растяжимости.

Люди послѣдняго времени словно забыли, что человѣкъ все-таки двурукое животное, и что видовой эпитетъ *variens* все-таки относится къ тому роду „Ношо“, которымъ начинается лѣстница зоологической классификаціи, а не лѣстница безплотныхъ духовъ.

Человѣкъ переувѣровалъ въ силу своего ума, человѣкъ слишкомъ забылъ свои мускулы, свой желудокъ, свои легкія.

Декартовское *Cogito ergo sum*, отождествленіе жизни съ мыслию, убѣжденіе въ жизни посредствомъ мысли было, вонечно, громадною побѣдою надъ стихійностью міра.

Мысль, ставшая своимъ высшимъ авторитетомъ, сдѣлала необъятныя завоеванія. Пробудившееся сознаніе своей самостоятельной личности, священныхъ правъ своего микрокосма, подняло науку, поэзію, общественную жизнь до высоты, которыхъ они, быть можетъ, никогда не знали.

— „*Ne was a man!*“ — Онъ былъ человѣкъ,—вотъ какая формула стала достаточною для опредѣленія людскаго призванія, людскихъ достоинствъ, — формула, еще непонятная ни классическому, ни средневѣковому міру.

Человѣкъ — индивидуумъ смѣло сопоставляетъ себя міру, природѣ, божеству...

Это уже не Прометей классическихъ мифовъ, аллегорически изображающій собою всю смѣлую пылкость, всю силу творчества человѣческаго духа. Нѣтъ, это конкретныя, отдѣльныя человѣческія личности, дѣйствующія за свой счетъ и на свой страхъ, имѣющія свою особенную человѣческую фizioномію, Гамлеты, Фаусты, Манфреды, Кайны, Вертеры, Карлы Мооры, Чайльдъ Гарольды...

Каждый изъ нихъ считаетъ себя вправе вступить въ борьбу то со всѣмъ общественнымъ устройствомъ, то со всѣмъ человѣчествомъ, то съ самою судьбою, съ Божествомъ, съ вѣчностью. Жизнь отдѣльнаго человѣческаго духа признается сама по себѣ, сама въ себѣ, достаточнымъ содержаніемъ и оправданіемъ міроваго бытія. Ich habe geliebt und gelebt гордо заявляетъ о себѣ поэтъ.

Великъ и спасителенъ былъ порывъ этого человѣческаго самосознанія, этого побѣдоноснаго ощущенія своихъ развитыхъ духовныхъ силъ. Вся критическая и положительная работа современнаго человѣчества, главный смыслъ его настоящаго торжества надъ природою, — все въ этомъ порывѣ. Это было какое то юношеское пробужденіе человѣка, могучій взмахъ его крыльевъ вверхъ, вдаль и вширь.

Орломъ поднимался онъ къ солнцу, орлинымъ взглядомъ глядѣлъ онъ на него, орлинымъ взглядомъ окидывалъ и землю подъ своими ногами. Декарты, Спинозы, Лейбницы, Гегели, ломились въ тайны творенія и создавали рядомъ съ существующимъ міромъ другой, идеальный міръ, еще болѣе стройный. Человѣкъ безпредѣльно вѣрилъ въ свой разумъ; имъ онъ стремился постигнуть непостижимое, ему онъ усиливался подчинить природу и вѣчность.

Но разумъ человѣка не безпредѣленъ, и онъ оборвался...

Пали его великолѣпныя алгебраическія построенія міра изнутри самого себя. Пала его вѣра въ абсолютность индивидуальнаго права, индивидуальныхъ цѣлей.

Поэта, съ его вѣчною скорбью о неземномъ, замѣнилъ материалистъ-экономистъ съ своими земными общественными интересами.

Вмѣсто Каина, спорившаго съ вѣчностью и пролетавшаго звѣздныя пространства, вмѣсто Фауста, вызывавшаго грозныхъ духовъ—явилося узенькое ученіе социалиста о равномерномъ дѣлежѣ поденной платы, объ обеспеченномъ для всѣхъ кускѣ хлѣба, о томъ, кому подметать улицу.

Разумъ, порвавшій всякіе пути, сокрушившій въ XVIII столѣтіи религію, построившій на ея мѣстѣ философію, упразднившій старыя формы политическаго и общественнаго быта и сочинившій на ихъ мѣсто новыя,—ударился о непоколебимые устои міровой жизни и опомнился...

Онъ убѣдился, что не все подвластно ему и не все въ немъ заключается; что необходимо признать факты природы, исторіи, психіи человѣка, полчища которыхъ стояли твердо на ногахъ

въ реальномъ мірѣ въ то время, когда ихъ, такъ свободно, упраздняла идеализировавшая мысль.

Въ области науки, эта реакція выразилась въ необъятномъ развитіи наблюдательныхъ и описательныхъ элементовъ познанія, въ торжествѣ точныхъ наукъ, въ ихъ строжайшей специализаціи, въ примѣненіи естественно-научныхъ приѣмовъ въ духовной жизни человѣка; въ философіи явился матеріализмъ съ различными оттѣнками фатализма; въ политической и общественной жизни наступило недовѣріе къ рациональнымъ формамъ жизни и стремленіе къ укрѣпленію, даже къ искусственному воссозданію историческихъ формъ.

Въ литературѣ, на смѣну безбрежнаго космополитическаго романтизма, явилась натуральная школа съ ея фотографическими приѣмами, съ ея благоговѣніемъ передъ подробностью, передъ фактомъ,—то есть съ тѣмъ самымъ характеромъ, который проникалъ точный методъ описательныхъ наукъ.

Наконецъ, въ личномъ характерѣ человѣка — демоническая распущенность и страстность, восторженная преданность тѣмъ или другимъ принципамъ стала замѣняться сдержанностью, расчетомъ, большею матеріальностью задачъ.

Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, общій ходъ умственной жизни современнаго общества.

Но общій ходъ — есть формула отчасти отвлеченная, своего рода математическій выводъ изъ множества конкретныхъ явленій, среди которыхъ, находится масса отдѣльныхъ противорѣчій этому общему выводу.

Умы — вожди, умы — направители, въ большинствѣ, высказались въ этомъ общемъ смыслѣ.

Но все-таки множество отдѣльныхъ умовъ, отдѣльныхъ группъ, стояло при этомъ на точкахъ зрѣнія, неподходящихъ къ господствующему типу.

Освободившіяся отъ оковъ разумъ, только въ наиболѣе сильныхъ представителяхъ своихъ, смирялъ самъ себя точнымъ наблюденіемъ существующаго и осторожнымъ вниманіемъ къ причинамъ, его вызвавшимъ. Неслѣпно, но вѣрно создавалъ онъ прочную науку, здравую философію, здравые житейскіе взгляды, — въ которыхъ необходимое признаніе факта не лежало свинцовыми гириями на полетѣ разума, а только сообщало ему устойчивость и строгое направленіе. Но рядомъ съ этою правильною жизнью мысли развивались и другія, болѣе исключительныя, менѣе здоровыя.

Въ людяхъ особеннаго склада духа или особенной житей

скою обстановки наблюденіе фактовъ дѣйствительности вызвало не признаніе ихъ правъ и ихъ силы, не воздѣйствіе на нихъ разума съ цѣлью примиренія ихъ съ его цѣлями, а враждебное и абсолютное отрицаніе ихъ, полный разрывъ съ ними и стремленіе къ созданію новыхъ формъ жизни, внѣ всякой связи и зависимости отъ старыхъ.

Только стремленіе это уже потеряло тотъ возвышенный, непрактическій и поэтическій характеръ, съ которымъ пробудившійся разумъ ринулся когда то на сокрушеніе дѣйствительности.

Точный методъ, благоговѣніе къ факту, къ математическому анализу, къ химическому разложенію, сказались невольно и на этомъ протестующемъ направленіи. И оно окрасилось тонами того матеріализма интересовъ, тѣхъ неширокихъ и упрямыхъ побужденій, которыми характеризовались факты дѣйствительности, смирившіе пареніе разума.

Оно заплатило на ряду, съ другими направленіями, дань своему времени, и хотя съ близорукой точки зрѣнія могло казаться продолженіемъ великодушныхъ космополитическихъ идеализацій прежняго вѣка, но, по сущности своего характера, было дальше отъ него, чѣмъ даже то примиреніе разума съ дѣйствительностью, которое стало господствовать въ мірѣ.

Яснѣе всего это было замѣтно по духу враждебности и раздѣленія, проникавшихъ это новое направленіе, по матеріальности его цѣлей, сводившихся на завистливый учетъ барышей, на равномѣрное право участія въ добычѣ.

Прежняго въ этомъ направленіи было только одно—безусловный раціонализмъ, безусловное довѣріе къ требованіямъ голаго личнаго разума, и пренебреженіе дѣйствительностью, какъ отрицаніемъ личнаго разума, какъ недостойною существованія.

Иначе сказать, вся положительная сторона ученія была насквозь заражена грѣхами существующаго, а отрицательная его сторона въ тоже время получала безграничныя права.

Такимъ образомъ и наше русское общество очутилось между этими новыми разнообразными теченіями мысли; но пропорція, въ которой она распредѣлялась у насъ, была далеко не та, какъ въ большинствѣ западныхъ обществъ.

Въ Европѣ, вслѣдствіе прочно укоренившейся общественной, политической и научной жизни, элементовъ косности и невѣжества, одинаково враждебныхъ всякому новому теченію, безразлично смѣшававшихъ ихъ въ одно въ этой невѣжественной враждѣ своей,—было гораздо менѣе, чѣмъ у насъ.

Если тамъ были могущественныя направленія съ откровенно реакціонными и ретроградными цѣлями, то онѣ были организованы въ правильныя партіи, имѣвшія ясную программу дѣйствій, ясный символъ вѣры, съ которыми поэтому можно было и бороться, и входить въ соглашенія, которыя кромѣ того, во многихъ отношеніяхъ, были ретроградными только относительно, и которыя, пожалуй, могли бы показаться даже прогрессивными въ тупой и слѣпой средѣ нашего домашняго заворузлага консерватизма.

Вотъ эта то орда чуть не азіатскихъ варваровъ, нарисованная въ „Горѣ отъ ума“, въ „Мертвыхъ душахъ“, въ „Ревизорѣ“, въ типахъ „темнаго царства“ Островскаго, въ „губернскихъ очеркахъ“ Щедрина, въ „семейной хроникѣ“ Аксакова,—составляла у насъ на Руси громадное большинство, подавлявшее не только то или другое теченіе мысли, но вообще всякую мысль, всякое живое біеніе ея.

Чуть зародившаяся наука, жалкое образованіе, отсутствіе всякихъ слѣдовъ политической или общественной жизни—не могли серьезно помочь укорениться, среди этого моря варварства, тому трезвому, строго научному отношенію къ вопросамъ жизни, которымъ завершилась въ Европѣ прежняя рационалистическая экзальтація.

Это направленіе требуетъ, болѣе чѣмъ всякое другое, прочной воспитательной подготовки человѣка съ одной стороны; сколько нибудь успокоивающихъ, примиряющихъ, бодрящихъ явленій жизни—съ другой.

Но наше общество не давало ни того, ни другаго.

Грубая обстановка его тогдашняго быта, узость его интересовъ, устранили его отъ всего, что есть въ жизни возвышающаго и облагораживающаго натуру человѣка; его духовная безпомощность, его безправіе, его отсталость, его социальная уродливость,—все это могло только возмущать и отталкивать, но никакъ не воспитывать идей примиренія.

Съ другой стороны, вслѣдствіе своеобразныхъ условій нашей исторіи, русскому обществу не только не пришлось утомить себя тѣмъ широкимъ размахомъ философскаго разума и романтической мечты, противъ котораго Европа почувствовала потребность реакціи, а ему едва даже удалось познакомиться съ маленькимъ кончиномъ этого парящаго крыла.

Крайности и увлеченія рационализма далеко не сдѣлались ясными русскому обществу, а такъ какъ человѣку неподготовленному, недисциплинированному научнымъ трудомъ, непри-

вышнему въ самостоятельной борьбѣ съ жизнью и въ ответственности за свою собственную судьбу—гораздо сподручнѣе и соблазнительнѣе слѣдовать прихотямъ своего ума и фантазіи, чѣмъ разбираться въ строгихъ данныхъ науки, то естественно, что культъ рационализма, самаго дешеваго, самаго поверхностнаго, особенно легко долженъ былъ укорениться именно въ нашемъ дешевомъ и поверхностномъ обществѣ.

А между тѣмъ онъ укоренился уже въ ту стадію свою, когда онъ потерялъ свой возвышенный характеръ и сформировался въ ту узкую и себялюбивую доктрину, о которой говорили выше.

На Руси, какъ нарочно, все способствовало разростанію этого направленія. Устоями противъ него являлась жизнь почти въ однихъ формахъ невѣжества. Кругомъ было такъ мало естественныхъ выходовъ для потребности усовершенствованія, для творческихъ замысловъ въ области общественной жизни.

Настоящая работа въ этой области была недоступна, за отсутствіемъ необходимыхъ учреждений и правъ; школа не давала настоящихъ, неподдѣльныхъ свѣдѣній; жизнь не давала возможности правильно разработывать эти свѣдѣнія, хотя бы теоретически, путемъ свободного общенія и откровеннаго обсуждения, тѣмъ менѣе примѣнять ихъ.

Отсутствие опредѣленныхъ принциповъ дѣйствія, опредѣленныхъ цѣлей въ общественныхъ слояхъ, вообще отсутствие гражданской жизни не только въ смыслѣ государственномъ, но даже въ смыслѣ общинномъ, муниципальномъ, вѣсковомъ — все это гнало пробужденную мысль подальше отъ дѣйствительной жизни, все это подрывало съ корнемъ авторитетъ жизненнаго поученія.

Мысль и жизнь явились у насъ на Руси какими-то двумя противоположными полюсами, арктическимъ и антарктическимъ; вѣроятно, ни въ одной другой странѣ рѣзкость ихъ различія не доходила до такой крайности, потому что ежедневный бытъ западныхъ обществъ, ихъ нравственные взгляды, ихъ школа, ихъ наука, ихъ политическое и общественное устройство—все это удовлетворяло гораздо болѣе требованіямъ разума, гораздо болѣе согласовалось съ желаніями и надеждами идеализирующаго сердца, чѣмъ въ нашей родной средѣ.

Къ тому же, на Западѣ, развитіе наукъ, искусствъ, промышленности и общежитія создало такую неизмѣримую потребность въ занятіяхъ и самую возможность занятій, что онѣ послужили самыми надежными тормозами празднымъ и мечтающимъ умамъ.

Если тамъ, на Западѣ, тѣмъ не менѣе образовывались убѣжденія, враждебныя дѣйствительной жизни, или цѣли и другимъ формамъ ея, то уже онѣ по крайней мѣрѣ выговывались самою практикою жизни, выливались черезъ горнило невыдуманныхъ несчастій и несправедливости. Онѣ появлялись на свѣтъ не какъ игра фантазирующей логики, не какъ плодъ умственной праздности, а какъ необходимыя, вполне естественныя выводы жизненной борьбы.

Человѣкъ Запада, прежде чѣмъ придти къ своимъ заключеніямъ, проходилъ долгую школу искуса и опыта, пробовалъ многое, напрягалъ свои усилія, изучалъ, узнавалъ, и тогда уже судилъ, тогда наполнялся ненавистью въ одному, страстнымъ сочувствіемъ къ другому. Въ нашемъ же обществѣ внутреннее неустроеніе простиралось до того, что, кромѣ немногихъ рутинныхъ путей, требовавшихъ рутиннаго отношенія къ нимъ, почти не существовало исходовъ для сколько нибудь встревоженныхъ силъ духа.

Отсталость и затишье въ области нашей промышленности съ одной стороны, и недостаточность серьезнаго и практическаго образованія съ другой—болѣе всего затрудняли это приисканіе естественныхъ путей исхода.

Почти всѣ клапаны общественной машины были заперты.

И вотъ у насъ, силою всѣхъ этихъ условій, начинается обнаруживаться явленіе совершенно оригинальное, совершенно ненормальное.

Рядомъ съ грубою жизнью, математически уклоняющеюся отъ всякаго руководства теоріи, откровенно живущею на своихъ особыхъ житейскихъ принципахъ, откровенно идущею своею старою, наѣзженною колеєю, выросла вдругъ другая сила, сила почти безъ корней въ почвѣ, почти безъ связи съ окружающимъ ея міромъ, сила книжной теоріи.

Люди, ушедшіе отъ жизни, бросились въ книжку.

Книжка, въ общемъ ходѣ русскаго духовнаго роста, играла далеко не важную роль, во всякомъ случаѣ, гораздо меньшую, чѣмъ въ любой странѣ Европы. Но въ Россіи за то книжка произвела то, чего она нигдѣ не производила,—она произвела расколъ.

Въ другихъ обществахъ, жизнь значительнымъ образомъ прониклась книжвою, и книжка еще болѣе значительнымъ образомъ прониклась жизнью; у насъ вышло совсѣмъ наоборотъ. У насъ возникли два стана, отдѣльные, враждебные: жизнь,

ненавидящая книжку, на одной сторонѣ, — и книжка, презирающая жизнь, на другой.

На одной сторонѣ, вся охранительная мощь существующаго, съ ея неподвижностью, съ ея циническимъ или апатическимъ взглядомъ на все, что не есть практическая, оправдавшая себя сила, съ ея грубымъ торжествомъ совершившагося факта, съ ея слѣпою вѣрою въ законную необходимость этого факта.

Съ другой стороны — неопытный, неустойчивый рационализмъ, неуспѣвшій извѣдать жизни и помѣриться съ нею, слишкомъ торопливо и нетерпѣливо порвавшій съ нею связь, ушедшій отъ малодушія въ свою излюбленную книжку, гдѣ его не встрѣчаютъ роковыя противорѣчія и неразрѣшенные задачи, гдѣ его слабонервной впечатлительности не приходится наталкиваться на неподатливыя угловатости дѣйствительности, а гдѣ, напротивъ того, все гладко, легко, понятно и красиво, какъ въ созданіяхъ воображенія.

Съ одной стороны, матерія безъ крыльевъ духа, съ другой — пареніе въ воздушныхъ пространствахъ, безъ прикосновенія къ землѣ. Грубая и слѣпая сила — противъ великодушнаго, но безсильнаго мечтанія.

Такъ раскололось, къ своему горю, русское общество.

Этимъ печальнымъ явленіемъ объясняется многое въ нашей внутренней жизни.

Иностранцы часто останавливаются передъ нами въ изумленіи.

— Что же вы такое? говорятъ они намъ, когда хорошо видятъ насъ, хорошо узнаютъ наши характерныя черты. Азіатская ли вы орда, темная, скучная, бѣдная, все равнодушно переносиющая, недожившая даже до первобытныхъ условій цивилизованнаго быта; орда безъ шлолъ, безъ дорогъ, безъ общества, безъ искусствъ, безъ науки, безъ промышленности, безъ самолюбія, безъ правъ, безъ желанія имѣть что нибудь; орда, спокойно тонущая въ грязи и мерзнущая въ снѣгахъ, спокойно выгорающая до тла каждый годъ?

Или вы дѣйствительно народъ, которому суждено пересоздать цѣлый міръ; народъ, которому не по мѣрѣ ни одна одежда западнаго человѣка, который не довольствуется ни одною формою жизни, ни одною формулою мысли, вырабатываемыми Европой, котораго безпощадный анализъ развѣдаетъ и обращать въ ничто самыя дорогія сокровища мысли, въ которыя вѣрить, которыми такъ свято дорожить старая Европа. Вы, знающіе всѣ языки, писателей всѣхъ народовъ, всѣ книжки

всевозможныхъ литературъ; вы, стоящіе такъ высоко и надъ суевѣрїями религій, и надъ суевѣрїями политики и социальныхъ идеаловъ, и надъ рутинною науки, и надъ цощлостями европейскаго общежитія; вы, конечно, должны быть могучею непреодолимою силою, которая въ состояніи измѣнить духовное лицо цѣлаго міра.

Европа не понимаетъ этой двойственности, но она такъ понятна послѣ всего, что мы говорили выше.

Мы, дѣйствительно, орда, темная, слѣпая; но мы, дѣйствительно, и самые передовые изъ самыхъ передовыхъ.

Темна, нелѣпа и неподвижна наша дѣйствительная жизнь, но наша книжка за то забѣжала далеко впередъ Европы, до таковой степени далеко, что уже свою отсталую Россію и видѣть ей нельзя.

Наша болтовня, наша разнузданная мечта, наша безплотная діалектика—третируютъ свысока самые прогрессивные шаги европейской мысли и жизни. Но этотъ міръ діалектики и мечтаній составляетъ собою небольшой самооплодотворяющійся и самоутѣщающійся кружокъ.

Вся же остальная необъятная масса русской жизни почти не вѣдаетъ этого, слишкомъ выпрежняго, слишкомъ торопящагося, слишкомъ требовательнаго путеводаителя своего; она изрѣдка чешетъ тѣ мѣста, на которыхъ зудитъ его раздражающая, недоступная ей, проповѣдь, и спитъ по прежнему богатырскимъ сномъ.

Въ этомъ явленіи и разгадка той внутренней хандры, которая насквозь проникаетъ нашу литературу извѣстнаго періода.

Если, въ общихъ чертахъ, мы были вправѣ высказать то, что мы высказали сейчасъ о раздвоеніи у насъ литературы и жизни, то, въ частности, нужно прибавить, что не во всѣ свои періоды литература наша была одинаково удалена отъ жизни, и что не всѣ литературныя школы были въ этомъ случаѣ одинаковы.

Обращаясь затѣмъ къ наиболѣе типическимъ явленіямъ этого рода, мы именно въ нихъ встрѣчаемъ болѣе всего того чувства безнадежности, неудовлетворенія, досады, которое мы охарактеризовали терминомъ: литературная хандра.

Человѣкъ, который не только не знаетъ, но и знать не хочетъ жизни, не хочетъ вглядываться въ нее, не хочетъ ни съ чѣмъ мириться въ ней, не хочетъ любить ее; который отрицаетъ ее всю, цѣликомъ, съ ея радостями и печальми, съ ея прошлымъ и настоящимъ, съ ея добродѣтелями и грѣхами; ко-

тому она нужна только какъ матеріалъ для уничтожающаго анализа, для отрицательнаго отдѣленія его собственныхъ теоретическихъ идей,—конечно, не можетъ не хандрить, не можетъ не впасть въ безнадежность.

Онъ постоянно видитъ, съ одной стороны, недостижимыя требованія своихъ книжныхъ идеаловъ, съ другой—грубую правду дѣйствительности, для которой эти идеалы словно не существуютъ вовсе.

Всякая попытка его навязать жизни цѣликомъ свой книжный идеалъ кончается смѣшино или горько; бессиліе воздѣйствія его мнимой мудрости на всю кажущуюся ему глушь, окружающую его, какъ воды потопа окружали утлый и одинокій ковчегъ, приводитъ его къ сугубой ненависти, къ сугубому отчаянію.

Онъ не обладаетъ единственнымъ орудіемъ, съ помощью котораго онъ могъ бы достигнуть практическаго результата—тѣми, такъ сказать, очередными, ближайшими точками зрѣнія, которыя, не отпугивая жизни ни фанатизмомъ, ни доктринерствомъ, ухватываются за лучшія живыя начала, несомнѣнно и реально въ ней существующія, и усиливаются развить ихъ шагъ за шагомъ, хотя бы по маковой росинкѣ, то есть, по законамъ ихъ естественнаго роста.

Правда, и такая работа вноситъ временно много тяжелаго и горькаго въ сердце человѣка, который вправѣ назвать себя другомъ человѣчества; работа эта требуетъ терпѣнія и строгой дисциплины духа; прежде всего она требуетъ отреченія отъ самонадѣянности, самомнѣнія, лихорадочной требовательности.

Но работа эта за то живительна. Она вводитъ человѣка, какъ естественнаго и законнаго члена, въ многообразный водоворотъ настоящей жизни; она невольно проникаетъ его сочувственными и, такъ сказать, солидарными взглядами на нее; она создаетъ вокругъ него совершенно реальную, невыдуманную и не болѣзненно-одностороннюю атмосферу; человѣкъ живетъ „своимъ“, чувствуетъ вокругъ себя свое, и научается черезъ это понимать свою среду гораздо тоньше, глубже, разнообразнѣе, чѣмъ понимаетъ ее чуждый, извнѣ смотрящій взглядъ, какъ бы блестящъ и законченъ ни казался онъ иногда.

Возвышенныя, далекія цѣли живутъ въ душѣ такого человѣка жизни, и одушевляютъ его на его трудъ какъ религія, не сбивая его съ его практическаго пути ни отчаяніемъ, ни ненавистью, ни нетерпѣніемъ. Онъ полонъ большихъ и чистыхъ желаній, но онъ радуется и тѣмъ непривѣтнымъ, ежедневнымъ

побѣдамъ лучшаго надъ худшимъ, которыя онъ въ силахъ одерживать, въ виду слишкомъ упроченнаго господства противоположныхъ началъ.

Такимъ именно путемъ дѣйствовало христіанство, одна изъ величайшихъ практическихъ силъ, когда либо перерождавшихъ духовный міръ человѣка.

Христіанство поселяло въ сердцахъ человѣка почти безусловный идеалъ, какъ окончателъную цѣль его стремленій. Но оно не отталкивало ничего, оно не ставило нигдѣ тѣсныхъ рамокъ, нетерпящихъ программъ, оно не учреждало одной неподвижной и обязательной мѣрки для всѣхъ случаевъ, для всякаго роста.

Въ его глазахъ „нѣсть Еллинъ и Іудей, рабъ и свободъ“. Христіаниномъ былъ Ойваидскій монахъ, вѣчно молчавшій, не возжигавшій огня, не варившій пищи. Христіаниномъ былъ могучій и пышный императоръ, христіаниномъ былъ скромный семьянинъ, остававшійся при житейскихъ заботахъ о женѣ и дѣтяхъ, о своемъ полѣ и своемъ садѣ; многоученые философы и падшія женщины одинаково удобно становились въ его ряды. Всѣхъ принимало оно въ свое широкое и ласковое лоно, и тѣхъ, кому была по силамъ добродѣтель на одну ленту, и тѣхъ, кто ее имѣлъ на нѣсколько талантовъ.

Одно доброе душевное движеніе какагонибудь мытаря Захей, одно мгновеніе страстнаго раскаянья какакойнибудь Магдалины, — и они уже христіане, они равноправные товарищи тѣхъ спутниковъ Христа, которые вынесли на себѣ судьбу всего ученія.

Іудейство, съ своимъ нетерпящимъ кодексомъ морали, разработанной до мелочей каждаго шага, требовавшей „поститься двукратно въ седмицу и одесятствовать отъ хопра и кимина, мяты пигана“, указывавшей широту одеждъ и степень грѣховности всякаго яства, — не могло стать тою великою собирательною силою человѣчества, какимъ сдѣлалось скромное, всепрощающее ученіе назаретскихъ рыбаковъ.

Правда, наступило потомъ время, когда фарисейскія воскрылія одеждъ и тщеславное благочестіе книжника проникли и въ это ученіе простоты и любви, сообщивъ ему всю жесткую нетерпимость іудейства. Но тогда не только прекратилась сама собою великая собирательная и объединяющая работа, но даже собранное во едино стало распадаться на расколы и толки.

Въ судьбѣ такой великой міровой силы лежитъ и великое поученіе. Поученіе это ясно. Всякое образовательное вліяніе, всякое стремленіе поднять нравственную силу человѣка должны

быть прежде всего основаны на широкомъ терпящемъ взглядѣ, доступнымъ даже самому робкому духу, на томъ чувствѣ взаимности съ человѣкомъ, любви къ человѣку, которое ободряетъ и влечетъ къ себѣ даже самыхъ простыхъ.

Труждающіеся и обремененныя, которыхъ звало къ себѣ въ грудь христіанство, тѣ убогіе, хромыя, слѣпые, чающіе движенія воды у купели сілоамской, тѣ мытари, блудницы, плотники, ткачи, рыбаки, которые составили его первую рать— овладѣли имперіями и философскими умами именно этою непобдиимою человѣчностью своего ученія.

Монархін и республики, бѣдные и богатые, знатные и простые, грѣшники, праведники, ученые и невѣжды, греки, римляне, варвары, іудеи, Азія, Европа и Африка, тепло юга, морозы сѣвера, черная кожа, бѣлая кожа,—ничто не было препятствіемъ или противорѣчіемъ христіанству.

Оно заполняло міръ своимъ тихимъ, но безостановочнымъ разливомъ, ничего прямо не разрушая, ничего не исключая, ни о что рѣзко не ударяясь, всему находя въ себѣ мѣсто, со всѣмъ мирясь и сживаясь,—но, въ сущности, перерождая всю душу міра, не только все лицо его.

Формы падали и мѣнялись сами собою, когда проникались насквозь этою внутреннею, почти невримою, новою силою.

Таково-же, въ общихъ чертахъ, должно стать и образовательное вліяніе, посредствомъ литературы и науки.

Литература не должна отпугивать простѣйшихъ нашего общества, литература не должна существовать для немногихъ избранныхъ, для совершеннѣйшихъ праведниковъ, литература не должна быть проповѣдью исключительности, узкости, вражды и разрушенія, не должна, однимъ словомъ, являться въ роли отрицателя дѣйствительной жизни.

Она должна, напротивъ того, раскрыть этой жизни широкое объятіе любви, и въ этой любви своей почерпнуть и истинное познаніе жизни, и силу послужить этой жизни въ ея дальнѣйшемъ нравственномъ ростѣ. Только такой союзъ литературы съ жизнью можетъ быть плодотворенъ, только такая литература будетъ способна облагородить и просвѣтить жизнь.

Литература же одной вражды и отрицанія неминуемо сдѣлаетъ жизнь еще грубѣе, еще темнѣе и матеріальнѣе, чѣмъ она была до сихъ поръ.

Въ самой области литературы, на каждомъ шагу, есть доказательства благодѣтельныхъ вліяній жизненной литературы и

скорбныхъ результатовъ отрицательнаго, хандрящаго резонерства ея.

Одинъ изъ нашихъ современныхъ писателей весьма удачно сказалъ недавно про Диккенса, что это „великій христіанинъ“.

Да, это совершенная правда. Диккенсъ, какъ романистъ, христіанинъ именно въ томъ смыслѣ, о которомъ мы сейчасъ только говорили. Его взгляды на человѣчество полны той простоты, широты, любви и всепрощенія, которыми было полно христіанство въ своихъ истинныхъ представителяхъ. Въ романахъ Диккенса точно также все находятъ свое мѣсто, ничто не исключается; Диккенсъ отыскиваетъ человѣка, отыскиваетъ человѣчное въ самыхъ бѣдныхъ и жалкихъ проявленіяхъ человѣческой природы. Онъ и обличаетъ страстно, убѣдительно; онъ говоритъ обществу въ лицо страшную правду также твердо и неуклонно, какъ говорило ее христіанство; но всѣ его обличенія черныхъ началъ человѣка, вся его горячая проповѣдь добра, проникнуты одною любовью къ человѣку и дѣлаются ради одной этой любви. Сквозь оболочку какого нибудь жида - ростовщика онъ заставляеть передъ нами свѣтиться теплую живую душу, и въ образѣ какого нибудь погибшаго ученика показываетъ намъ нашего брата-человѣка, гораздо болѣе близкаго къ намъ, гораздо болѣе заслуживающаго нашего участія, чѣмъ это кажется намъ съ нашей обыденной, поверхностной и холоднонадменной точки зрѣнія.

Оттого тѣ, кто читали Диккенса въ эпохи своего развитія, чья юность „питалась“ Диккенсомъ, ощутили на себѣ, глубоко проникающее во все ихъ существо, едва не религиозное вліяніе его. Оттого и до сихъ поръ не явилось ни одного романиста, ни у одного народа, котораго воспитательное значеніе могло бы, хотя приблизительно, сравняться съ этимъ царемъ романа, потрясающимъ всю душу, вызывающимъ ее къ безпощадной работѣ самосознанія и совершенствованія, насаждающимъ въ ней обильнѣйшіе посѣвы челоѣколюбія, братства, честной радости жизни.

Никто, изъ извѣстныхъ мнѣ писателей, не выразилъ такъ полно и совершенно, какъ Диккенсъ, той гармоніи мысли и чувства, той пропорціональности между стремленіемъ къ идеалу и признаніемъ существующаго, о которыхъ мы говорили въ настоящемъ очеркѣ, и которыя составляютъ основной тезисъ всѣхъ нашихъ христіанскихъ воззрѣній на литературу.

Мы приписали нарушеніе этого желаннаго равновѣсія въ нашей родной литературѣ, вѣрнѣе сказать, во всемъ нашемъ

родномъ образованіи, тому, что нашъ, скудный размѣрами, руководящій разумный слой откололся въ особый толкъ, съ нетерпящими и непримѣнимыми требованіями, отъ громадной темной массы нашего житейскаго человѣчества.

Мы старались прослѣдить въ самыхъ обихъ чертахъ причину этого вреднаго раскола. Мы видѣли, что причина эта, прежде всего, глубже всего, заключается въ томъ, что все наше общественное устройство насильственно гонитъ нашу мысль въ непрактичное и раздраженное книжничество.

Намъ не приходится жить полною и естественною жизнью, и оттого у насъ является больная мысль.

Дайте намъ возможность упражнять и развивать на свободѣ всѣ наши жизненные способности, дайте намъ способы проявить нашу потребность дѣятельности, наши стремленія къ совершенствованію въ свободныхъ практическихъ начинаніяхъ, и тогда, само собою, установится то равновѣсіе, котораго мы ищемъ, о которомъ мы сокрушаемся!

Тогда поневолѣ мысль наша опустится изъ своего надменнаго уединенія, изъ своего прекраснаго далека, и станетъ служить жизни, и, служа ей, станетъ насквозь проникать ее, благородить, просвѣщать и возвышать. Она почерпнетъ изъ этого прикосновенія къ родной почвѣ ту же стократную силу, какую черпалъ мифологическій Антей, прикасаясь къ своей матери-землѣ. Она, какъ деревенскій богатырь нашего роднаго эпоса, самый русский герой изъ всѣхъ русскихъ героевъ, пресловутый Микула Селяниновичъ, сумѣетъ тогда найти тягу земную и приподнять ту сумочку, которая не по силамъ многимъ другимъ богатырямъ.

Пока же этого нѣтъ, пока наша мысль летаетъ не въ живой обстановкѣ своего роднаго лѣса, подъ тѣсною перепутанныхъ вѣтвей, среди непоколебимыхъ вѣковыхъ стволовъ, въ колочей гущи кустарника, которыя необходимо знать въ лицо, которыя необходимо принять въ расчетъ, съ которыми необходимо сжиться такъ или иначе, а паритъ далеко и высоко, подъ облаками, выпугнутая изъ своего роднаго убѣжища, — до тѣхъ поръ невозможно и ждать отъ нея ни вѣры въ эту жизнь, ни любви въ этой жизни, ни знанія ея. До тѣхъ поръ, въ ея пѣсняхъ будутъ звучать невѣрные и болѣзненные тоны.

Если мысль каковаго нибудь Диккенса является полною жизненной правды и любви къ жизни, то не нужно забывать, что Диккенсъ — писатель той самой Англій, которая давно привыкла жить полною и свободною жизнью, которая давно владѣетъ

правомъ обращать свою мысль въ дѣло. При этомъ условіи, мысль естественно проникается чувствомъ собственной отвѣтственности, усваиваетъ приемы благоразумія и осторожности. На ея рукахъ—великія практическія задачи, въ ея рукахъ—великое практическое знаніе, поэтому она уже не дозволитъ себѣ уноситься въ облака и впадать въ книжничество, въ односторонность.

Лучшій и, пожалуй, единственно вѣрный оселокъ жизненнаго опыта постоянно направляетъ ее и не даетъ сбиваться далеко съ пути.

Возможность постоянного удовлетворенія своихъ порывовъ въ той или другой живой формѣ, лишаетъ мысль того остраго, раздражительнаго характера, того враждебнаго и отрицательнаго настроенія относительно дѣйствительной жизни, которыми отличается она въ обществахъ, не успѣвшихъ или не умѣвшихъ устроиться нормально. Оттого, въ такихъ обществахъ на литературу приходится глядѣть совершенно иначе, чѣмъ въ правильно-устроенныхъ обществахъ.

Она поневолѣ является тутъ только какъ протестъ жизни, какъ стремленіе освѣтить упущенныя ею стороны; она, чуть не по самой задачѣ своей, по крайней мѣрѣ по временнымъ и мѣстнымъ обстоятельствамъ своимъ, должна быть исключительно, преувеличенною въ своихъ требованіяхъ, отрицательною, враждующею, болѣзненною. Пока она только стучится въ двери и требуетъ себѣ мѣста, ея приемы и настроеніе поневолѣ должны быть воинственными. Правила борьбы совсѣмъ другія, чѣмъ правила мирной, нормальной жизни.

Въ этомъ, конечно, значительное оправданіе и объясненіе современнаго характера нашей литературы. Признакъ этотъ крайне важенъ для руководителей нашихъ общественныхъ судебъ; изъ него они должны убѣдиться, что общество на столько выросло, что нуждается въ гораздо болѣе близкомъ участіи въ собственной своей жизни, чѣмъ это было до сихъ поръ. Общій раздраженный, отрицательный тонъ нашей литературной мысли, ея слишкомъ идеологическій характеръ, ясно показываютъ, что мысль эта слишкомъ мало имѣетъ возможности примѣнять себя къ актамъ практической жизни, что она больна своею собственной безысходностью, что естественныя силы оплодотворенія, ей присущія, за отсутствіемъ реальнаго объекта, на который бы онѣ должны направиться, тратятся на вредоносное и бесплодное самооплодотвореніе.

Она злится, хандритъ, придирается ко всему живому, нена-

видеть все живое, или уносится въ фантастическія мечты и сама чахнетъ и истомляется въ этой хандрѣ, въ этихъ мечтаніяхъ большого воображенія, какъ старая дѣва, которая страстно готовилась любить и жить, но которой выпало на долю засыхать въ одиночествѣ, не познавъ любви, не вѣдая жизни.

Руководители общества должны понять это и воспользоваться этими безплодно погибающими драгоценнѣйшими силами общества, чтобы обратить ихъ съ разрушительнаго и вредоноснаго пути на тотъ правильный путь, на которомъ стоять онѣ въ болѣе счастливыхъ обществахъ Европы.

Открыть русской мысли широкой путь къ практическому дѣлу—вотъ почти единственный способъ поставить нашу литературу на высоту европейскихъ, и сообщить ей, вмѣсто ея теперешняго болѣзненнаго, односторонняго характера, характеръ здоровой и плодотворной общественной силы.

Многое, въ области социальной жизни нашей, чего мы боимся теперь, чѣмъ возмущаемся, что угрожаетъ намъ серьезною опасностью, исчезнетъ само собою при этомъ отеревенномъ и довѣрчивомъ отношеніи къ нашей собственной мысли. Только здоровая и практичная мысль въ состояніи убить болѣзную и фантастическую. Она сразу, ровнымъ образомъ, лишитъ ее всякаго кредита, потому что приведетъ ее вмѣстѣ съ собою къ неумолимому оселку живой жизни, живой правды.

Когда же вся область общественной мысли находится въ положеніи заподозрѣннаго, возбуждающаго недобѣріе каждымъ самостоятельнымъ шагомъ своимъ, или хотя въ положеніи малолѣтняго, во всемъ связаннаго заботливою опекою, то всякая форма этой мысли и въ особенности самыя смѣлыя и рѣзкія формы ея, являются въ ореолѣ какаго-то нравственнаго подвига, какой-то еще не вполне раскрытой, но несомнѣнно соблазнительной будущности.

Все зло жизни приписывается всецѣло ей самой, ея неумѣлости, ея бессилію, а на заточенную мысль переносятся самыя утопическія чаянія, самыя невѣроятныя надежды.

Ничего нѣтъ опаснѣе такихъ праздныхъ и ошибочныхъ мечтателей, потому что они въ настоящемъ поселяютъ разладъ, отрицаніе, вражду, а въ будущемъ готовятъ негнѣшныя погони за иллюзіями, горькія разочарованія, паденія, бевнадежность.

Все это должны бы, кажется, убѣдить руководящія наши силы въ необходимости сорвать соблазнительную маску съ негнѣшныхъ мечтаній и обнаружить ихъ во всемъ ихъ голѣ, во всѣхъ ихъ грѣховныхъ немощахъ. А путь къ этому, повторяемъ, одинъ:

широко отворить мысли ворота въ дѣйствительную жизнь, облачать жизнью все, что есть несостоятельнаго въ мысли, и оплодотворить мыслью все то, что въ жизни должно расти и совершенствоваться; словомъ, предоставить обществу разумную и свободную жизнь, какою пользуются всѣ взрослые общества.

Замѣчательно, что русская мысль только въ послѣднее двадцатилѣтіе стала въ особенно рѣзкій разладъ съ жизнью; только въ это время наша отрицательная литература достигла особеннаго развитія, и тоны раздраженія, неудовлетворенности, безнадежности, стали господствовать надъ цѣлыми направленіями мысли.

Этого настроенія не было въ Россіи ни въ Пушкинское, ни даже въ Гоголевское время. Если поэты, въ родѣ Баратынскаго, Полежаева, отчасти Лермонтова, и выражали тоску, доходившую иногда до отчаянія, то это была скорѣе тоска неудавшейся личной жизни, чѣмъ отрицаніе всей среды; даже когда тоска эта касалась общечеловѣческихъ вопросовъ счастья и несчастья, то все-таки она не выходила изъ предѣловъ личнаго, субъективнаго ощущенія, носила на себѣ характеръ идеализаціи и романтизма, въ восторженной формѣ которыхъ уже заключалось своего рода наслажденіе и для самаго поэта, и для читателя. Но наша современная тоскливость совѣтъ другаго характера: она разливается широко черезъ предѣлы личнаго ощущенія, личныхъ надеждъ и желаній. Она заполняетъ всѣ области жизни, она проникаетъ собою каждую форму общественной дѣятельности, она озлобляетъ противъ человѣка вообще; она—вражда и презрѣніе не только къ себѣ, но во всему, что есть кругомъ. Островскій въ комедіяхъ, Щедринъ въ сатирѣ, Достоевскій въ романахъ, Неврасовъ въ поэмахъ и лиричѣхъ, цѣлый станъ менѣе серьезныхъ писателей, въ родѣ Рѣшетникова, Помяловскаго, Успенскихъ и множества другихъ, въ повѣстяхъ и очеркахъ, рисуютъ русскаго человѣка, русское общество въ такихъ ужасающихъ черныхъ краскахъ, съ такимъ полнымъ отсутствіемъ какого нибудь радующаго или бодрящаго цвѣта, что читателю остается завернуться безмолвно въ тогу отчаянія и отдаться ударамъ судьбы безъ сопротивленія и протеста.

Все равно ничего не подѣлаешь; лучше скорѣе погибнуть, скорѣе не видѣть ничего.

Если литература и поэзія не имѣютъ идеаловъ, которые поддерживали бы вѣру въ жизнь, любовь къ жизни, которые давали бы силы въ борьбѣ созданою жизни, то отъ кого же ждать помощи и спасенія?... „И ты тоже, Бруть?“

Это обстоятельство, кажется намъ, еще болѣе подтверждаетъ высказанную выше мысль, что корень этой внутренней неудовлетворенности нашего духа находится въ отсутствіи у насъ настоящей общественной жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, общественное устройство Пушкинской эпохи гораздо болѣе соответствовало идеаламъ и помысламъ того времени, чѣмъ наша эпоха соответствуетъ въ томъ же смыслѣ нашимъ идеаламъ.

Даже наиболѣе передовые и притомъ весьма малочисленные кружки еще не останавливались тогда на основныхъ условіяхъ нашего общественнаго строя, и всѣ мечтанія свои ограничивали внѣшними государственными формами. Собственно же тогдашняя жизнь еще приходилась вполнѣ по мѣрѣ даже исключительно развитымъ умамъ, и возбуждала чрезвычайно мало внутреннихъ протестовъ. Вѣдь приходилось же когда-то самое рабство, въ его грубѣйшей почти животной формѣ, по мѣрѣ такимъ титанамъ мысли, такимъ людямъ возвышеннаго идеала, какъ Платонъ и Аристотель. Но съ чѣмъ сживались Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, сотою доли того уже не можетъ теперь и не соглашается вынести послѣдній безымянный хроникеръ какаго нибудь начинающаго журнала.

И разгадка этому не трудна!

Разгадка этому вся въ 19-мъ февралѣ 1861 года!

19-е февраля, волею Монарха-освободителя, чаяніе лучшихъ людей Россіи, завѣтный идеалъ самыхъ благородныхъ силъ нашей литературы, получили освященіе и жизнь. 19-е февраля сказало Россіи торжественно и внятно, что она перестаетъ быть странною варварства, произвола, застоя, что она должна широко распахнуть двери свободному общенію той просвѣщенной и очеловѣченной Европы, въ которую великій царь-работникъ прорубилъ когда-то первое узенькое окошко.

Истина обязательна своею внутреннею силою. Вошла одна истина—и вслѣдъ за нею, съ роковою неизбѣжностью, толпою входятъ и другія.

Это все равно, какъ бѣда въ пословицѣ: „Пришла бѣда, отворий ворота“, одною не кончится, впускай дѣлый хвостъ; но бѣда бѣду родить, а правда—правду.

„Правда съ небеси“,—говорить другая пословица.

Великая историческая правда 19-го февраля, во истину уже „правда съ небеси“, потащила за собою свой хвостъ. Хотѣлъ ли кто, не хотѣлъ, толпа новыхъ условій жизни явилась у воротъ и вломила въ нихъ. И всѣ поняли, что ей пельзя было

не вломиться, что она только часть того цѣлаго, голова котораго выглянула на свѣтъ Божій 19-го февраля. Всѣ поняли, что выбора не было: или ужъ вовсе было не затѣвать, вовсе не отворять воротъ ни на полъ-вершка, а навѣсить на нихъ новые, надежные замки и подпереть ихъ новыми, надежными запорами; или ужъ дать свободно пройти, сквозь раскрытыя настежь ворота, тому новому организму, который былъ вызывать къ жизни актомъ 19-го февраля.

Но произошло однако ни то, ни другое.

Ворота тяжко захлопнулись посрединѣ движенія и изуродовали живое тѣло, оставивъ голову безъ туловища, а туловище безъ ногъ. То, что требовало развитія, остановилось на первыхъ зачаткахъ, что должно было двигаться—упало, словно подрѣзанное, на дорогѣ. Общество очнулось—и увидѣло себя на доскѣ, переломленной посрединѣ, съ концами, опущенными внизъ, одинъ на право, другой на лѣво... На право—все лежало повернутое назадъ, на лѣво—все лежало опровернутое впередъ. Стоять было не на чемъ, ни справа, ни слѣва, ни спереди, ни сзади. Ступишь назадъ, летишь затылкомъ; ступишь впередъ, разобьешь лобъ.

Этотъ внезапный перерывъ, бросившій общество на перевалѣ двухъ міровъ, стараго и новаго, безъ возможности возвратиться къ прошлому и безъ надежды достигнуть новаго, сдѣлался кореннымъ источникомъ той всесторонней расшатанности общественнаго духа, которой посвященъ настоящій очеркъ.

И прошлое, и грядущее подверглись одинаково болѣзненной идеализаціи только потому, что настоящее было невыносимо всѣмъ.

Протестъ противъ настоящаго сдѣлался всеобщимъ, такъ сказать, паническимъ. Явились рѣзкіе сторонники возврата къ старому, ретрограды, крѣпостники, какъ ихъ величали; явились въ то же время проповѣдники такихъ отдаленныхъ шаговъ будущаго, передъ которыми лежали непроходимыя пропасти. Но и тѣ, и другіе, во имя разныхъ идеаловъ, являлись ожесточенными врагами и отрицателями настоящаго. Только одно настоящее не имѣло ни партіи, ни сочувствія.

Напрасно, наиболѣе практичныя и здравыя умы старались организовать правильную разработку настоящихъ условій жизни, чтобы перекинуть какъ нибудь мостъ черезъ разверзшійся провалъ отъ стараго къ новому, и перевести черезъ него общество на спокойный и плодотворный путь постепеннаго, но дѣятельнаго роста.

Для успѣха своей работы, они должны были, прежде всего,

опереться на готовность руководящих силъ, дать исходъ естественному напору жизни и открыть ему свободное русло, въ которомъ бы жизнь потекла впередъ ровною волною, безъ бѣшеныхъ стремленій, безъ неистовыхъ прорывовъ сквозь заставни, безъ пѣны, треска и разрушенія.

Но, къ величайшему вреду для дѣла, заставни оставались запертою, и передъ нею продолжали собираться и рыться подъ ея устои, то въ злобѣщемъ молчаніи, то съ угрожающимъ ропотомъ, все болѣе и болѣе нахлывавшія волны.

Люди трезваго и благотворнаго замысла теряли кредитъ своимъ беснующимъ добитымъ дѣламъ, и ихъ увѣщанія, въ смыслѣ постепеннаго и мирнаго роста, встрѣчались алорадными насмѣшками обоихъ лагерей, говорившихъ имъ въ отвѣтъ: вы пробовали, и вамъ не удалось; не мѣшайте же теперь попробовать намъ, можетъ быть, намъ лучше удастся“.

И вотъ, одни зовутъ Аракчеева, другіе—Нечаева, и вѣруютъ крѣпко, необходимо, что видъ этихъ крайностей не можетъ быть спасенія.

А спасеніе именно въ тѣхъ рукахъ, которыя болѣе всего встревожены невыносимою тяжестью общественной атмосферы, что кошмаромъ давитъ, въ настоящее время, нашъ духъ.

Спасеніе это—въ откровенномъ и полномъ примѣненіи великихъ общественныхъ принциповъ 19-го февраля.

Освобожденному крестьянину мало одного слова свободы; ему еще необходима организація, соответствующая этой свободѣ, необходимо образованіе свободного человѣка, необходима возможность примѣнить свои свободныя силы къ широкой промышленной дѣятельности.

Но 19-е февраля освободило не одного крестьянина. Оно освободило всѣхъ насъ отъ крѣпостнаго труда, отъ крѣпостнаго подчиненія развѣ навсегда установленнымъ условіямъ жизни.

Чтобы стать въ уровень съ дѣятельностью освобожденнаго народа, и вся наша образовательная, промышленная, служебная дѣятельность должна получить далеко не то одушевленіе, не то напряженіе, какими мы довольствовались прежде.

Освобожденный трудъ сдѣлалъ то, что трудъ сталъ обязательенъ даже для тѣхъ, кто не понималъ прежде необходимости труда.

Такимъ образомъ, реформу 19-го февраля необходимо увѣнчать и упрочить, прежде всего, правильнымъ устройствомъ нашего народнаго хозяйства. А какъ только мы касаемся народнаго хозяйства, такъ само собою возникаетъ вопросъ народнаго обра-

зованія, здороваго и вполне реального, то-есть, отвѣчающаго дѣйствительнымъ потребностямъ жизни. Невозможно одною рукою дѣлать народъ свободнымъ по праву, а другою—закрывать ему глаза, чтобы на дѣлѣ оставлять его закрѣпощеннымъ невѣжеству и промышленной эксплуатаціи. Невозможно поднять народъ въ уровень съ его общественными и хозяйственными задачами, ограничивая низшее образованіе его буваремъ, а высшее—латинскою грамматикою.

Но судьбы народнаго благосостоянія возбуждаютъ не одинъ вопросъ образованія. И образованіе его, и его хозяйственный трудъ, и его юридическія права—все будетъ приводиться къ нулю и даже къ минусу до тѣхъ поръ, пока результаты народнаго труда будутъ подлежать исключительному распоряженію бюрократіи, безотчетной и ничѣмъ несвязанной съ интересами народа.

Привлеченіе хозяйскаго глаза народа ко всѣмъ его хозяйственнымъ интересамъ, не только мелкимъ и мѣстнымъ, но и крупнымъ и общимъ, и притомъ въ духѣ полного довѣрія,— вотъ еще одно изъ основныхъ спасительныхъ условій для правльнаго уряда нашей общественной жизни на началахъ 19-го февраля, для оздоровленія нашей общественной мысли.

Въ этихъ двухъ, указанныхъ нами, общихъ мѣрахъ заключается столько будущности и столько второстепенныхъ частныхъ мѣръ, вытекающихъ изъ нихъ съ равною необходимостью, что сказать о нихъ—значить, сказать почти обо всемъ.

Теперь мы обратимся прямо къ нашей школѣ и посмотримъ, какую роль играетъ она въ подготовленіи у насъ, на Руси, дешевыхъ рационалистовъ и дешевыхъ матеріалистовъ, въ установленіи, среди нашего общества, той нравственной распатанности, которая составляетъ главный грѣхъ нашихъ современныхъ неурядицъ.

Мы видѣли сейчасъ, что наша общественная жизнь не даетъ здороваго исхода духовнымъ силамъ человека, что она поселяетъ въ немъ раздраженіе противъ себя, убиваетъ бѣру въ себя.

Школа, съ своей стороны, непрерывно снабжаетъ общество массами людей, уже съ дѣтства подготавливаемыхъ къ тѣмъ же самымъ вреднымъ взглядамъ на жизнь; изъ нея, какъ изъ волшебнаго рога изобилія, сыпется юношество, въ которомъ систематически убита здоровая жизнь, въ которомъ книжка замѣняетъ все, въ которомъ форма давитъ всякую сущность.

Основной грѣхъ школы простъ и ясенъ: она учитъ учить

уроки, но она не учитъ жить. Въ ней есть все: и необыкновенное усовершенствованіе методовъ, и необыкновенное глубокое мышленіе, и необыкновенная роскошь свѣдѣній. Въ ней только нѣтъ—знанія жизни, уваженія жизни, вниманія къ жизни.

Современный педагогъ—это, въ большей части случаевъ, человекъ наименѣе практическихъ способностей, наименѣе удобнаго характера, наименѣе возвышенныхъ цѣлей въ жизни.

Спеціальная педагогическая складка вовсе не сообщаетъ личности человека особаго характера великодушія, прямоты, сердечности, вовсе не избавляетъ ее отъ господства мелочныхъ себялюбивыхъ расчетовъ, отъ приниженія передъ обстоятельствами и людьми; было бы просто клеветкою сказать, что, при выборѣ своихъ педагогическихъ силъ, наша школа искала прежде всего цѣльныхъ характеровъ, опредѣленныхъ убѣжденій, серьезныхъ нравственныхъ цѣлей и неизбежнаго при этомъ знанія жизни.

Большую часть бываетъ совершенно напротивъ: люди съ твердыми взглядами и цѣлями считаются наименѣе удобными въ вопросѣ воспитанія, и практика школы съ гораздо большимъ довѣріемъ останавливается на приниженности и безцвѣтности характеровъ, на тѣхъ „служебныхъ добродѣтеляхъ“, которыя такъ высоко ставилъ Фамусовъ и такъ дѣятельно примѣняетъ Молчаливъ.

Аттестатъ извѣстнаго учебнаго заведенія, обезпечивающій отъ формальнаго невѣжества учителя и слагающій съ руководителя-педагога формальную отвѣтственность за негодность учителя, а затѣмъ извѣстный несложный кодексъ служебныхъ приличій—вотъ и все, что требуется теперь при выборѣ наставниковъ, то есть, воспитателей юношества.

Этотъ взглядъ на ненужность со стороны учителя всякихъ чистовоспитательныхъ условій, до такой степени проникаетъ всю организацію нашихъ учебныхъ заведеній, и даже отчасти самое общество, что учителя и учительницы систематически отстаиваютъ свое право ограничиваться однимъ „преподаваніемъ наукъ“, не выѣшиваясь даже кончикомъ пальца въ собственно воспитательное дѣло.

Взялъ на себя 24 урока въ недѣлю, если можно 30, если можно 36; задалъ что выучить; спросилъ, наставилъ единицу и двоекъ тѣмъ, кто не отвѣтилъ, пятерки тѣмъ, кто отвѣтилъ; сдалъ журналъ инспектору,—а тамъ его дѣло.

Отзвонилъ, да и съ колокольни долой!...

Даже гувернантки, которыхъ самое имя указываетъ на сущ-

ность ихъ призванія, и тѣ генырь, съ каждымъ днемъ, стремятся отсоединить себя право заниматься исключительно преподаваніемъ, отстраняясь отъ дѣтей на все остальное время, именно на то самое время, когда дѣти только и живутъ своею естественною дѣтскою жизнью, составляютъ свои вкусы, привычки и убѣжденія. Въ часы уроковъ, особенно при существующахъ взглядахъ на обученіе, онѣ, разумѣется, поглощены книжкою и живутъ только работою памяти или умственныхъ соображеній, причемъ ни характеръ ихъ, ни другія свойства не могутъ проявляться широко и свободно.

Точно также смотреть на обязанности наставничества и тѣ, кто руководятъ школою.

Все устройство школы принаровлено въ тому, чтобы дѣти не находились подъ чьимъ либо опредѣленнымъ воспитательнымъ вліяніемъ, и чтобы вся школьная жизнь ихъ состояла въ черпаніи формальныхъ знаній изъ разнообразныхъ и многочисленныхъ ящичковъ, да въ продѣлываніи чисто внѣшнихъ, дисциплинарныхъ упражненій разнаго рода.

Воспитателей, собственно говоря, имъ и не полагаются въ господствующихъ типахъ нашей школы. Въ тѣхъ школахъ, гдѣ существуютъ „воспитатели“, цѣли воспитанія все-таки достигаются полнѣе, хотя, конечно, одно названіе воспитателя и даже дѣйствительное участіе въ воспитаніи одного только воспитателя, безъ общей организаціи цѣлаго заведенія въ настоящемъ воспитательномъ смыслѣ, разумѣется, далеко не можетъ устранить недостатковъ, о которыхъ мы говоримъ.

Въ огромномъ же большинствѣ нашихъ школъ, повторяемъ, нѣтъ даже попытки не только на воспитаніе, но хотя бы и на одного воспитателя. Если въ уставахъ онъ и фигурируетъ, то на дѣлѣ наши школы еще отлично обходятся посредствомъ такъ называемыхъ надзирателей.

Что такое надзиратель—показываетъ самое слово, да и кто изъ насъ не изучилъ въ своей юности, горькимъ опытомъ, что такое надзиратель. Надзиратель за кварталомъ, надзиратель за арестованными или больными, надзиратель за работами, — это вещи понятныя и естественныя.

Но надзиратель въ области воспитанія выдаетъ вамъ головою всю неизбежную сущность этого воспитанія.

Воспитаніе посредствомъ надзирателя—это тоже стереженіе стада, загнаннаго, для удобства надзора, въ одинъ ворокъ; овецъ много, надсмотрщикъ одинъ; онъ и долженъ поневолѣ примѣ-

нать въ нѣмъ приемы овоговѣдства или тюрьмы. Не разбѣжались бы, не надпреказали бы черезъ чуръ,—вотъ и вся задача.

Время гнать на поиле,—строй въ ряды и гони! время за-давать корму,—задавай по ровну на каждую голову!

Глубже этого, дальше этого, — воспитаніе черезъ надзира-теля, столь всѣмъ намъ знакомое и понынь у насъ господствующее, — и не можетъ идти.

Было, правда, время, когда эта система надзирательства была потрясена въ основахъ, когда совналась потребность дѣйствительно воспитывать человѣка, а не только надзирать за нимъ. Въ то время на преподаваніе стали смотрѣть какъ на нераздѣльный элементъ общаго воспитанія; въ то время зародились мысли класснаго учительства для первыхъ возрастовъ; въ то время появились, какъ нѣкоторая замѣна класснаго учи-тельства, система классныхъ тьюторовъ, которыхъ называли также классными наставниками.

Замѣчательный администраторъ-педагогъ, бывшій въ то же время замѣчательнымъ философомъ-педагогомъ, что, къ сожа-лѣнію, представляеть у насъ такое рѣдкое исключеніе, чело-вѣкъ европейской знаменитости, — былъ главнымъ выразителемъ серьезныхъ воспитательныхъ стремленій нашего общества, его искренней мысли повліять, путемъ школы, не только на внѣшнюю дрессировку, но и на внутренній духъ нашего юношества.

Конечно, мы не во всѣхъ подробностяхъ стоимъ за тогдаш-ніе взгляды, за тогдашнюю систему. Это было только начало, первый горячій порывъ жизни, и, конечно, время и обстоятель-ства направили бы этотъ порывъ на настоящій путь, но порыву этому не было дано надлежащаго хода.

Старый, крѣпко укоренившійся, воспитательный принципъ: „казаться, а не быть“ восторжествовалъ надъ новорожденнымъ и еще слабосильнымъ принципомъ: „быть, а не казаться“.

Надзиратель опять смѣстилъ воспитателя, и педагогъ опять обратился въ чиновника наѣстнаго вѣдомства съ мундиромъ и классною должностію.

Правда, многія названія, многіе внѣшніе приемы осужден-наго новаго были сохранены, но духъ новой воспитательной системы погасъ совершенно и утратилъ всякое довѣріе.

Воспитаніе, какъ культъ человѣчности, воспитаніе какъ бо-гослуженіе, какъ высшее призваніе жизни, — стало считаться грѣхой идеализма, чѣмъ-то невозможнымъ въ примѣненіи къ дѣйствительной жизни.

Какъ много ошибокъ и увлеченій ни заключали въ себѣ, въ своихъ частныхъ примѣненіяхъ, новыя упраздненные взгляды, все-таки они были неизмѣримо спасительнѣе для общества, чѣмъ то безмолвное отрицаніе внутреннихъ цѣлей воспитанія, которое замѣнило собою юношескія попытки нашей новой педагогій.

Новая педагогій ставила человѣку свободный, нравственный идеаль, она обязывала его развивать свою внутреннюю человѣческую личность въ смыслѣ полезномъ человечеству, изъ свободнаго влеченія къ собственной своей нравственной красотѣ, ради уваженія къ самому себѣ; и путемъ этого уваженія новая педагогій давала человѣку одушевленіе и силу даже на самоотверженіе, на подвигъ, и сообщала воспитательной дѣятельности тотъ возвышенный характеръ, котораго она никогда не имѣла ни прежде, ни потомъ.

Педагогъ того кипучаго періода смотрѣлъ на себя какъ на призванника, которому вручены жизненные судьбы общества, и гордо держалъ свою голову. Если онъ былъ рѣдко правъ въ этомъ смыслѣ, какъ частный случай, то, какъ принципъ, онъ былъ вполне правъ. Вообще можно думать, что если бы въ свое время былъ данъ свободный, но разумный ростъ этому здоровому и высокому принципу, то мы не дожили бы до многого, до чего, къ несчастію, дожили теперь. Ошибки и крайности ступались бы сами собою въ непрерывномъ треніи жизни, частности примѣненія были бы измѣнены, по указаніямъ опыта; зачатки развились бы полезнѣе, вредныя примѣсы отсочились бы прочь, но вѣра въ душу человѣка, уваженіе къ человѣку, господство сущности надъ формою, духъ неуспѣшной пытливости и самосовершенствованія, — все то, что составляло внутреннюю основу тогдашнихъ воспитательныхъ взглядовъ, — все это осталось и жило.

Основа эта была слишкомъ умозрительна и потому нерѣдко впадала въ ошибки, въ противорѣчіе съ жизнью. Ей необходимо было только дать жить, чтобы она научилась жизни и привыкла примѣнять себя къ жизни.

Дѣти были признаны людьми. Въ юности, въ ребенкѣ признана живая и самобытная душа, имѣющая такое же право на вниманіе, какъ и душа зрѣлаго человѣка. Сплошныя, одинаковыя для всѣхъ воздѣйствія на природу человѣка, подведеніе всевозможныхъ нравственныхъ личностей подъ одну обязательную казенную мѣрку, — были признаны вредными для духовнаго здоровья человѣка.

Дѣти, юноши, конечно, поняли это скоро. Въ нихъ заговорило, съ естественнымъ жаромъ молодости, чувство самоуваженія,

потребность собственной внутренней жизни, потребность нравственныхъ дѣлей, то есть то, что составляетъ драгоцѣннѣйшее зерно человѣческой природы, что должно составлять завѣтную цѣль всякаго истиннаго воспитателя. Заговорило, то-есть, начало бродить, искать выхода и формы.

Школа обязана была направить эти святые силы, указать имъ выходъ, сообщить имъ форму. Можетъ быть, она сдѣлала бы это не безъ промаховъ, не безъ спотыканія; она сама еще нащупывала свой путь и не всегда сразу попадала на настоящіе слѣды. Но она сдѣлала бы это несомнѣнно, потому что возвышенный духъ, ее одушевлявшій, и безовибочный методъ постоянного наблюденія, постоянной провѣрки и усовершенствованія самой себя, не могли не навести ее на истинный путь.

Но судьба не дала новой школѣ довести до конца свою задачу. Она разбудила жажду, но не успѣла насытить ее; она вывела юношество изъ стараго заточенія, но не успѣла нигуда привести его. Она зажгла въ немъ искру человѣчности, но не успѣла направить разгорѣвшійся огонь къ своимъ полезнымъ цѣлямъ.

Ничего не можетъ быть безсильнѣе и подчасъ даже вреднѣе этой половинчатости, этого неоправданнаго разрыва съ однимъ, и невозможности дойти до другаго.

Молодой духъ, уже вспыхнувшій внутреннемъ пламенемъ, болѣе чѣмъ какой нибудь другой, нуждается въ строгомъ и постоянномъ руководствѣ.

Его необходимо приучить, долгимъ и осмысленнымъ опытомъ, куда направлять свое одушевленіе, какъ и когда направлять его. Ему необходимо выяснитъ условія борьбы и условія существованія съ противоположными ему элементами жизни, выяснитъ его собственныя силы, способы правильнаго развитія ихъ, правильной провѣрки ихъ, наконецъ, поставить ему въ жизни ясныя и несомнѣнныя задачи, ради которыхъ онъ радостно устремился бы въ жизнь, ради которыхъ онъ увѣровалъ бы и въ жизнь, и въ себя, и въ свое дѣло. Реакція, торопливость и умственная робость наша сдѣлали именно то, что всѣ эти необходимыя цѣли новой школы остались недостигнутыми.

Получился недоучившійся подростокъ; мечтатель, раздраженный своимъ внутреннимъ безсиліемъ, своимъ невѣжествомъ и своею неопытностью; цѣлое юношество, горячо раскрывшее глаза на зло жизни, но не понимающее какъ и чѣмъ можно бороться противъ него.

Позади его не было школы, которая спокойно бы провела

его через порогъ жизни и подвела бы къ ея стремнинамъ, оснащеннаго и готоваго, знающаго, что ждетъ его впереди, и что нужно ему дѣлать.

Школа же, которая приняла его, не только ничего не сказала ему про жизнь, но сама не хотѣла знать жизни, и вслѣдствіи заслоняла ее отъ него. Школа эта, своимъ непризнаніемъ его юношескихъ интересовъ, его юношескихъ потребностей и силъ, своею внѣшнюю дрессировкою только подготовляла въ немъ тайное раздраженіе, тайное отрицаніе, тайное возмущеніе противъ всего кругомъ.

Съ одной стороны, дѣйствительная жизнь, ея сложныя и трагическія загадки, сбивающія съ толку молодой умъ, воспаляющія негодованіемъ молодое сердце, непобѣдимо влевуція къ себѣ, въ своему разрѣшенію все трепетное существо его; съ другой стороны, мертвая схоластика школы, игнорирующая дѣлне вѣка самой живой человѣческой жизни, задаваемая неестественною задачею сдержатъ пылливость зрѣющаго духа въ бессознательныхъ формахъ рѣчи, умолкнувшей чуть не 2,000 лѣтъ назадъ, ему совершенно чуждой, его ничѣмъ не мащащей, ему ни для чего ненужной.

Схоластика, — которая отказываетъ молодому разуму въ объясненіи окружающихъ его тайнъ природы, которая не признаетъ за нимъ никакихъ правъ на сочувствіе къ живымъ нуждамъ, къ живымъ страданіямъ живаго человечества, которая, съ систематичностью и точностью машины, задвигаетъ впередъ его глазами деревянную доску вездѣ, куда ему непобѣдимо хочется смотреть.

Ему бы страстно хотѣлось услышать отъ своей школы: какъ же нужно жить, какъ же мыслить, къ чему стремиться, во что вѣрить? А школа какъ будто обѣгаетъ всѣ эти вопросы; она говоритъ ему: учи безъ разсужденій то, что тебѣ приказываютъ, и благо ти будетъ.

Мы особенно хотѣли бы уяснить, по этому поводу, ту черту, которая раздѣляетъ вредную скороспѣлость, слишкомъ раннее предвкушеніе жизни и разнузданное своеволие мысли, являющіяся обыкновеннымъ плодомъ этихъ воспитательныхъ ошибокъ, отъ необходимаго и законнаго удовлетворенія потребностей молодого сердца, молодого разума.

Для насъ особенно несочувственъ типъ разныхъ passeweise, семнадцатилѣтнихъ мудрецовъ и критиковъ, постигшихъ уже всѣ тайны жизни, разрѣшающихъ, докторальнымъ тономъ, судьбы

общества, подводивших смѣлые итоги самымъ тонкимъ и сложнымъ вопросамъ человѣческаго любознанія.

Мы, можетъ быть, болѣе чѣмъ кто нибудь, стоимъ за охраненіе дѣтству его дѣтсваго блаженства невѣдѣнія, а юности — ея великодушныхъ мечтаній.

Печальный выводъ прожитой жизни дѣйствуетъ не такъ губительно, когда за нимъ стоитъ сама эта жизнь, съ ея шумѣвшими радостями, съ ея бодрящими иллюзіями, въ которыя когда-то жарко вѣровалося и которыя, въ теченіи многихъ лѣтъ, сформировали складъ духа, силы и привычки человѣка. Но когда этотъ сухой и безжалостный выводъ предупреждаетъ жизнь, когда онъ заранѣе одѣваетъ ее траурнымъ креномъ, заранѣе убиваетъ любовь въ ней, вѣру въ нее, — тогда люди старѣютъ не живши, тогда они впадаютъ въ разочарованіе, еще не успѣвъ ничѣмъ очароваться, и въ отчаяніи опускаютъ руки, еще не имѣвъ случая поднять ихъ на дѣйствительную работу.

Тогда появляется тотъ прискорбный типъ дряхлаго юношества, который ужасаетъ и возмущаетъ насъ, и на который уже невозможно возлагать никакой надежды.

Это какіе-то печальные сѣрые грибки, которые появляются готовыми, сторбленными старичками изъ порождающей ихъ гнилой почвы, которые разлагаются почти вслѣдъ за своимъ появленіемъ, будучи лишены всякой внутренней консистенціи, всякихъ условій для борьбы съ окружающею ихъ дѣйствительностью жизни.

Но чѣмъ предупредить эти ложныя формы жизни, чѣмъ сообщить имъ прочную живучесть и залюги будущаго? Классицизмъ впалъ въ крайность. Онъ былъ напуганъ возможностью развитія въ юности преждевременнаго старчества, его несвоевременнымъ участіемъ въ злобахъ жизни, и хотѣлъ порѣшить дѣло однимъ взмахомъ.

Онъ шагнулъ такъ далеко назадъ отъ интересовъ дня, отъ свойствъ и потребностей молодости, что желѣзная ферула его могла оказаться исключительно вѣшней. Она слишкомъ противорѣчила естеству человѣка, чтобы подъ ея наружнымъ господствомъ не выросли тайныя стремленія и вкусы, совершенно протестующіе противъ этой ферулы; какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, все гонимое и запрещенное сосредоточиваетъ на себѣ самую жаркую, упрямую, почти слѣпую привязанность. Юношеству было слишкомъ легко понять, что отъ него старались тщательно закрыть все, къ чему оно влеклось.

Разъ это сознано, — ошибочно или нѣтъ, — ферула является

безсильною и безплодною. Она утѣшаетъ сама себя видѣніемъ подчиненіемъ своему требованію, а дѣйствительное воспитаніе молодого духа идетъ независимо отъ нея, невѣдомо для нея и съ болѣзненною враждебностью къ ней.

Этимъ объясняется, почему учебныя заведенія, повидимому всецѣло находящіяся подъ руководствомъ самой неподвижной и безстрастной системы воспитанія, даютъ таковой значительный контингентъ приверженцевъ самыхъ сокрушительныхъ стремленій.

Правда никогда не бываетъ на сторонѣ крайности. Невозможно заставить силою самый пытливый и впечатлительный возрастъ обратиться въ египетскую мумію, обвитуя классическими свѣчами, и убить въ себѣ всякій интересъ къ живому. Никакія греческія склоненія, никакія латинскія опряженія не законопатятъ юношѣ его глазъ и ушей, жадно раскрытыхъ на міръ Божій. Его необходимо учить этому міру, ему необходимо показать его, его необходимо подготовить къ нему.

Въ этихъ словахъ и лежитъ роковая пограничная черта между форменнымъ воспитаніемъ схоластики и разнузданностью школы фантастическаго либерализма. Правда—посрединѣ ихъ, правда—внѣ ихъ.

Юношу грѣшно дѣлать старикомъ, но не слѣдуетъ пускать его въ жизнь и неосмысленнымъ ребенкомъ. Невозможно загораживать отъ него міръ китайскими ширмами, но безжалостно и глупо вводить его въ заблужденіе, будто онъ имѣетъ право и возможность, еще не живя, понять важнѣйшіе вопросы жизни и даже рѣшать ихъ.

Тайна воспитанія именно въ тѣхъ предметахъ живой жизни, которыя она избираетъ для наблюденія, въ тѣхъ предѣлахъ и томъ направленіи, которые устанавливаетъ она для изученія жизни.

Если воспитаніе вызоветъ въ юношѣ дѣятельную любовь къ окружающей его природѣ, основательное познаніе ея, живое чувство ея красоты и законности, оно уже создастъ почву, съ которой трудно будетъ сдвинуть молодой духъ. Природа имѣетъ особенное свойство исполнять сердце человѣка чувствомъ успокоенія, довольства, бодрости, сочувствія въ міру и людямъ.

Природа точно также благотельно дѣйствуетъ и на мысль человѣка: она сообщаетъ ей тотъ здоровый, уравновѣшенный характеръ, съ помощью котораго всегда живется легче и работается лучше.

Природа, своею наглядною и роковою закономерностью, нечувствительно сдерживаетъ всякія болѣзненные увлеченія мысли,

нечувствительно приучает покоряться закону вещей, воспитывает въ себя правдивые взгляды, способность терпѣнія, внимательности и борьбы.

А такъ какъ природа всегда была, есть и будетъ главнымъ, если не единственнымъ источникомъ поэтического настроенія, то-есть, говоря вообще, такого настроенія, которое заставляетъ человѣка, съ удвоеннымъ сочувствіемъ, относиться къ людямъ и къ жизни, то она, во всѣхъ смыслахъ, подготавливаетъ человѣка къ правильной и плодотворной дѣятельности.

Изгнаніе изъ воспитанія изученія природы и вліянія природы, послужило краеугольнымъ камнемъ той внутренней хилости, въ которой теперь обличается наше воспитаніе, и которая, съ своей стороны, вызвала столько гибельныхъ общественныхъ явленій.

Вся жадная любовательность молодого мозга, всѣ неясныя сочувствія еще трепетнаго молодого сердца, не получивъ существеннаго выхода въ любви къ природѣ, въ познаніи природы, не подвергшись умиротворяющему и исцѣляющему вліянію ея, бросаются сами собою въ область отвлеченнаго мышленія, единственно имъ доступную, принимаютъ характеръ односторонняго и воспаленнаго рационализма.

Все кругомъ ищетъ этотъ рационализмъ. Кромѣ логическихъ формъ рѣчи, своей родной, своихъ славянскихъ предковъ, давно отжившихъ римлянъ и грековъ, живущихъ вдали немцевъ и французовъ, — ничего болѣе не находятъ юноши въ школѣ, которая воспитываетъ ихъ. Исторія людей и ихъ умственной дѣятельности, со всѣмъ неперевершимымъ хаосомъ сложнѣйшихъ и тончайшихъ пружинъ своихъ, трудно доступнымъ даже зрѣлому, много жившему уму, со всею нестройю картиною своихъ непримиримыхъ противорѣчій, своего возмутительнаго зла, своего поразительнаго безсилія, — этотъ гигантскій калейдоскопъ событій, отъ котораго ломить и рѣжетъ въ глазахъ самаго закаленнаго наблюдателя, — вотъ одно, что говоритъ сколько нибудь живо, въ этой школѣ, уму и чувству юноши. Говоритъ оно и при изученіи всѣхъ безъ исключенія языковъ, говоритъ и при изученіи всѣхъ многочисленныхъ отдѣловъ словесности в исторіи, чѣмъ исключительно наполнена программа классической школы.

Если къ нимъ и прибавляется математика, то эта логика логики, своею отвлеченностью и совершеннымъ игнорированіемъ живыхъ явленій жизни, конечно, не ослабляетъ, а еще болѣе усиливаетъ болѣзненный рационализмъ воспитанія.

Понятно, что рационализмъ этотъ устремляется исключительно въ область человѣческой жизни, въ исторію, въ психо-

логию, въ социологию. Ихъ онъ обрабатываетъ на свой страстный и неопытный манеръ, надъ ихъ неистерическими, удобоходившими матеріаломъ производитъ онъ свои фантастическіе опыты. Природа не дала бы ему способевъ мудрить надъ ея ясными и твердыми законами; она не полетѣла бы вся за нимъ на его крыльяхъ Ибара, а притянула бы и приковала къ себѣ его самого.

Но однако, въ силу нашихъ же собственныхъ положеній, высказанныхъ выше, невозможно же школѣ задаваться мыслію ограничить все воспитаніе человѣка изученіемъ природы.

Человѣку все-таки прежде всего нуженъ человѣкъ; и человѣка должна ему объяснить, къ человѣку должна его подготовить школа.

Въ этомъ заключается вторая глубокая ошибка классической школы, ошибка, общая съ нарождавшейся у насъ въ 60-хъ годахъ либеральной школою, но которую послѣдняя должна была неизбежно исправить, въ силу своего принципа, и которую однако не служила и не имѣется исправить ея соперница, унаслѣдовавшая ея господство.

Не изученіемъ школьниками, со словъ рѣчистаго учителя, значенія Гамлета и Манфреда, Печорина и Онегина, должны они познавать человѣка и готовиться къ человѣку. Не безбрежнымъ читательствомъ книгъ, переносящихъ ихъ въ міръ интересовъ, имъ непонятныхъ и чуждыхъ; не воспитаніемъ въ себѣ привычекъ болтать „о Байронѣ и о матеряхъ важныхъ“, не заучиваніемъ по учебнику разныхъ историко-философскихъ „причинъ и вліяній“, развѣсно объясняющихъ въ какихъ нибудь четырехъ витіеватныхъ строкахъ, полныхъ галицизмовъ и германизмовъ, и тайны литературнаго творчества, и душу величайшихъ историческихъ событій, — достигается подготовленіе человѣка къ жизни съ людьми.

„Uferlose Leere“, которую преслѣдовалъ еще Ж. П. Рихтеръ, есть воровной врагъ здоровыхъ взглядовъ, здоровой жизни.

Весь центръ тяжести собственно „человѣчнаго“, „гуманнаго“ образованія долженъ лежать въ воспитаніи нравственнаго характера, привычекъ, вкусовъ, живыхъ отношеній къ людямъ, въ приобрѣтеніи знанія самаго предмета въ его дѣйствительныхъ свойствахъ и въ его дѣйствительномъ примѣненіи. Наша же школа совершенно устраняется отъ воспитанія, въ мыслящемъ человѣкѣ, живаго и цѣльнаго человѣка, а относительно знанія хлопочетъ только о развитіи діалектическихъ способностей, систематически замѣняя существенное и реальное знакомство съ предметомъ формальными представленіями о немъ.

Наши юноши знаютъ безмѣрно много, такъ много, что Александръ Гумбольдтъ, какъ извѣстно, насмѣшливо увѣрялъ одного изъ нашихъ министровъ народнаго просвѣщенія, что онъ очень бы желалъ знать половину того, что знаетъ русскій гимназистъ.

Знаютъ безмѣрно много, а не „умѣютъ“ ничего; это лучшая характеристика нашей школьной системы.

Не умѣютъ часто писать грамотно, не умѣютъ часто прочесть съ толкомъ, а ужъ примѣнить въ жизни свои научныя свѣдѣнія—и говорить нечего. А главное,—не умѣютъ жить, не умѣютъ относиться къ людямъ, понимать людей, споспѣть людямъ, любить людей!

Нельзя не возмущаться и не огорчаться глубоко при видѣ этого основнаго заблужденія школы, забывшей дѣйствительную жизнь и цѣльнаго человѣка, замѣнившей ихъ, можетъ быть незамѣтно и бессознательно для самой себя; отвлеченною логикою суждений.

Человѣкъ, который воспитывался въ подобной школѣ и не вынесъ изъ нея никакихъ систематическихъ плодотворныхъ влiяній на свой характеръ и свою практическую дѣятельность, непременно пойдетъ однимъ изъ двухъ путей, равно ошибочныхъ.

Если въ его натурѣ говорятъ сильнѣе живучія и реальныя стороны, онъ со смѣхомъ отворачивается отъ школьной схоластики, какъ отъ какаго-то неизбежнаго искушительнаго страданія, неизвѣстно почему, но, по мнѣнію его, во всякомъ случаѣ бесполезно возлагаемаго на него передъ вступленіемъ въ настоящую жизнь. Онъ прошелъ этотъ тяжелый искусъ, закалившись, быть можетъ, въ своихъ природенныхъ свойствахъ, черезъ упорное отрицательное отношеніе къ требованіямъ школы, и еще болѣе увѣровалъ теперь въ глупость и бессиліе всякихъ метафизикъ, въ несомнѣнное достоинство и непогрѣшимость одной только практики жизни, какъ она слагается сама собою, механическимъ теченіемъ временъ.

Такихъ—громадная масса, такихъ—большинство! Они твердо знаютъ, что всѣ мы люди, всѣ человѣки; что съ волками жить, по волчьей выть; что одинъ въ полѣ не воинъ; что отцы наши не глупѣе насъ были; что люди ложь и мы тожь; что не нами міръ начался не нами и кончится; они изъ тѣхъ, которые не допускаютъ въ жизни никакой идеологіи, преклоняясь только передъ одною осязаемостью, которые, по пословицѣ, „не вѣрятъ ни въ сонъ, ни въ чохъ, а вѣрятъ лишь въ червленый вязъ“.

Другіе питомцы школъ идутъ противоположною дорогою.

Ихъ меньше числомъ, но они слышнѣе, виднѣе, вліятельнѣе въ умственномъ мірѣ. Это дѣйствительно идеологи въ буквальномъ смыслѣ. Они привыкли, въ теченіе своего долгаго школьнаго періода, своихъ „Lehrjahre“, видѣть и вѣрить, что отвлеченное знаніе, формальныя представленія фантазій замѣняютъ собою весьма удобно существующій міръ. По натурѣ своей они склоняются къ соверщанію, къ исканію смысла и цѣли въ ходѣ вещей. И вотъ ихъ приучаютъ 10 лѣтъ сряду заблуждаться, будто однимъ логическимъ построеніемъ, можно все постигнуть и совершить, будто жизнь есть не то, что дѣйствительно существуетъ кругомъ и что необходимо испытать всѣмъ существомъ своимъ, а то, чѣмъ представляется она въ діалектическихъ упражненіяхъ надъ нею.

Такая жизнь дѣйствительно гораздо понятнѣе, заманчивѣе, удобнѣе. Переменнши діалектическую формулу—и измѣнишь всѣ элементы жизни, всѣ укоренившіеся отношенія ихъ.

Но за то, когда наступаютъ для такого питомца школы его „Wanderjahre“, когда онъ попадаетъ изъ школы въ круговоротъ жизни, онъ отказывается признать въ ней ту жизнь, къ которой готовился, онъ относится къ ней съ раздраженіемъ, отрицаніемъ, враждою; онъ чувствуетъ себя совершенно безсильнымъ въ той сферѣ, къ которой его не подготовили, которой онъ не понимаетъ, которой онъ не въ состояніи вынести—и впадаетъ или въ реакцію, вѣдущую его прямо къ станъ практиковъ, или въ безысходный разладъ съ жизнью, въ то состояніе нравственной и умственной хандры, отъ которой у насъ страдаютъ часто самыя лучшія люди, отъ которой дѣлаются у насъ бесполезными, можетъ быть, полезнѣйшія силы.

Повторяемъ, избѣжать этого можно только тѣмъ, чтобы школа воспитывала, а не только учила; чтобы дѣти наши приучались въ ней жить, а не только сидѣть на скамьяхъ и долбить книги.

„Vivre—est le métier que je lui veux apprendre (жить—вотъ то ремесло, которому я хочу обучить его) говорилъ Руссо про своего Эмиля.

Это изрѣченіе должно стать торжественною программою всякой школы.

„Celui d'entre nous, qui sait le mieux supporter les biens et les maux de cette vie est à mon gré le mieux élevé“. (Тотъ изъ насъ, кто лучше всѣхъ можетъ переносить горе и радость жизни—тотъ, по мнѣнію моему, воспитанъ лучше всѣхъ). Въ этихъ словахъ Руссо истинный, невыдуманный критеріумъ вся-

каго воспитанія и истинная цѣль всякой нравственной философіи.

Древность, задолго до нашей побѣдоносной цивилизаціи, своимъ свѣжимъ и правдивымъ чутьемъ, постигла эту тайну въ лицѣ своихъ простодушныхъ мудрецовъ, быть можетъ болѣе могучихъ и болѣе оригинальныхъ, чѣмъ наши современные многоученые мудрецы, задавленные цѣлыми формаціями книгъ.

Но какъ учить жить? какъ соединить образованіе съ воспитаніемъ?

Мы не пишемъ здѣсь педагогическаго трактата, мы заняты только критическимъ разборомъ общаго тона нашей литературной мысли и указываемъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, причины этого тона и условія, при которыхъ, по нашему мнѣнію, онъ сталъ бы болѣе правильнымъ, болѣе плодотворнымъ. Мы можемъ высказаться только коротко, намѣтить только главныя черты того пути, который намъ кажется истиннымъ путемъ.

Школа прежде всего должна принять права возраста на жизнь. Она не должна убивать юность человѣка, какъ она убиваетъ ее до сихъ поръ, какъ она продолжаетъ убивать ее не только у насъ однихъ, но и въ нашей руководительницѣ, Германіи, и во Франціи, и во многихъ другихъ странахъ. Современная классическая школа Европы стала орудіемъ мученія и смерти. Скоро люди опомнятся и поймутъ, какой непоправимый вредъ наносили они добровольно сами себѣ.

Люди не могутъ заниматься такъ много, такъ долго, такъ исключительно работами мозга, изученіемъ книгъ, какъ занимаются они теперь.

Дѣти, юноши—могутъ это еще меньше.

Умный человѣкъ и сметливый практикъ, старый нѣмецъ Фрицъ, герой нѣмцевъ, не даромъ говорилъ, рассматривая анатомію человѣка, что природа создала его скорѣе курьеромъ, чѣмъ кабинетнымъ сидякой.

Человѣку, особенно ребенку, нужно двигаться много, работать мускулами, дышать свѣжимъ воздухомъ, отдыхать чаще мозгомъ и нервами.

Жеребятамъ и телятамъ своихъ заводовъ мы даемъ просторъ, свѣтъ и вольныя игры на воздухѣ. А дѣтей своихъ мы губимъ, забывая ихъ съ 8 лѣтняго возраста, у нѣмцевъ уже съ 6 лѣтняго, на цѣлые дни, въ душныя каменные ящики, гдѣ они неподвижно сидятъ, на однихъ мѣстахъ, за книжками, надрывая мозги, расслабляя мускулы, портя кровь и питаніе.

Пора сознать, что это безумно, что это невозможно, что необходимо съ корнемъ измѣнить весь бытъ нашей школы!

Еще въ 1836 году, честный нѣмецкій педагогъ Лоринверъ, своею знаменитою брошюрою „Zum Schutze der Gesundheit in den Schulen“, всколыхнулъ стоячія лужи нѣмецкой педагогикѣ и глубоко потрясъ общественное сознание, развернувъ ему рядъ фактовъ и соображеній ужасающаго значенія.

Этотъ сердечный кличъ возмущеннаго друга человѣчества сталъ эпохою въ исторіи нѣмецкаго воспитанія. Съ нея начинается періодъ педагогическихъ реформъ Пруссіи и Германіи, основаніе реальныхъ школъ и смѣшанныхъ гимназій, ограниченіе классическаго обученія, возрожденіе національности и христіанскаго духа въ обученіи.

Пресловутый лозунгъ нѣмецкой схоластики, будто гимназическое образованіе стоитъ и падаетъ неразрывно съ классическимъ изученіемъ „mit den classischen Studien die Gymnasialbildung steht und fällt“ получилъ серьезное потрясеніе. Но тѣмъ не менѣе схоластика отдѣлялась мелочными и временными поправками и осталась при своемъ старомъ принципѣ дѣтубійства.

До сихъ поръ, въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ гимназійхъ (напримѣръ Виртембергскихъ) приходится на долю одного латынскаго языка и въ одномъ классѣ по 18 часовъ въ недѣлю, не считая еще большаго числа часовъ подготовленія къ этимъ 18 урокамъ; иначе сказать, на латынь уходитъ все время, которое юноша можетъ быть занятъ умственнымъ трудомъ въ теченіи дня, безъ окончательнаго разстройства здоровья.

Число же всѣхъ уроковъ въ недѣлю доходить до 30, 32, 34, 35 и даже болѣе.

Такъ напримѣръ, въ Берлинской гимназій „Zum blauen Kloster“ въ классѣ подъ названіемъ secunda 11—34 урока, въ prima по 35 уроковъ въ недѣлю, т. е. по 6 въ день, не считая еще уроковъ пѣнія и итальянскаго языка, не считая, конечно, и той ночи, въ теченіи которой приходится готовиться къ этимъ 6-ти ежедневнымъ урокамъ.

Такія занятія бываютъ почти въ каждой гимназій не менѣе 9 лѣтъ сразу, а при возможности остаться въ классѣ на другой годъ и считая еще приготовительные классы, навѣрно, не менѣе 12 лѣтъ.

Въ русскихъ гимназійхъ, при 2-хъ отдѣленіяхъ приготовительнаго класса и 8-ми классахъ гимназій, приходится пробить тоже 10 лѣтъ, даже не оставаясь на 2 года ни въ одномъ изъ 10 классовъ, что почти невозможно для большинства.

Такимъ образомъ, весь возрастъ дѣтства и молодости, отъ

младенчества до начала семейной жизни и общественныхъ обязанностей, весь періодъ физическаго роста и накопленія силъ, осуждается схоластическою школою на затворничество, на исключительно мозговую работу. Кровь бѣднѣетъ и блѣднѣетъ, тѣло дѣлается дряблымъ и недоразвитымъ, нервы болѣзненными, мозгъ получаетъ неестественное преобладаніе надъ растительными силами организма. Наше уничтоженное здоровье, наше хроническое худосочіе съ его повальною близорукостью, ипохондрией, грудными разстройствами, и цѣлою кучею другихъ таяхъ же прискорбныхъ дѣтищъ своихъ—вотъ глубоко скрытый корень того безотраднато настроенія нашего духа, тѣхъ теорій вражды и отрицанія, отъ которыхъ страдаетъ современное общество. Вмѣстѣ съ здоровымъ дыханьемъ, вмѣстѣ съ простодушнымъ досугомъ молодости, исчезли изъ нашей жизни веселый смѣхъ, искренность и беззаботность. Люди, чуть не съ младенчества, дѣлаются раздраженными, недовѣрчивыми, разочарованными. Пренія дѣти просто жили, а наши дѣти судятъ, критикуютъ, составляютъ планы, но не живутъ. За то пренія дѣти были румяны и веселы, съ крѣпкими кулачками, съ звонкимъ смѣхомъ; за то они могли шута переносить то, подъ чѣмъ упало бы раздавленнымъ безсильное и унылое поволѣніе нашихъ современныхъ дѣтей.

Надо опомниться, надо сообразить, что мы все таки зоологическія существа съ пищевареніемъ, дыханіемъ, кровообращеніемъ, а не только мыслительные аппараты, не только читатели книжекъ.

Если человѣчество не одумается скоро, оно изведетъ себя, оно выродится Богъ знаетъ во что. Его задавить эта ужасная, неудержимо разрастающаяся, необъятно распрыскавшаяся куча печатной и писанной бумаги.

Человѣкъ высохнетъ и сплющится подъ листами этой бумаги, какъ трава гербарія!

Человѣкъ не въ силахъ питаться одними чернилами и дышать между листьями книжки, а у него съ каждымъ днемъ отнимается, все болѣе и болѣе, свѣжій воздухъ поля, его съ каждымъ часомъ гонять все глубже и глубже въ камеры, классы, конторы, къ тѣмъ же черниламъ, за ту же книжку.

Неужели скоро придется намъ проглотить имя Гуттенберга, втораго мы такъ долго благословляли; намъ, готовящимся на дняхъ водвигнуть памятникъ первому московскому книгопечатнику.

Гуттенбергъ не виноватъ, не виновато и искусство его; ви-

новата наша собственная глушь; у насъ, повторяемъ, съ одной стороны, глупые, безграмотные миллионы, которымъ надо много и долго учиться книжкѣ, съ другой — надорванные книжники, которые изуродовали себя книжнымъ перепоемъ, которые забыли жизнь и которымъ нужно лечиться жизнью отъ книжки.

Вѣдь вездѣ пьютъ водку и пьютъ на здоровье, но русскій человекъ облопывается водкой, жретъ водку, жжетъ себя водкой все утро, заводитъ въ своемъ нутрѣ такого червя, который засасываетъ его до смерти.

Такой же мистическій червь пьянства сидитъ и сосетъ въ нутрѣ нашихъ запойныхъ книжниковъ, и оттого имъ постоянно тошно, оттого-то они въ постоянной хандрѣ.

Отглянитесь на Англiю. Говорятъ, что тамъ такіе характеры, такая выработка отъ классической школы. Да! О, если бы у насъ завелась такая дѣйствительно классическая школа, школа здоровья, жизни, ребяческаго веселья, ребяческихъ шалостей.

Англійская школа вправѣ гордиться своими красноречивыми и веселыми питомцами, которые столько же воспитываются игрою въ мячъ, кулачками и перегонками лодокъ, сколько Салюстиемъ и Евклидомъ. Англійская школа создала свою естественную, понятную ребенку, сильную для ребенка, радующую ребенка, жизнь, въ которой свободно развивается мускулъ, свободно дышетъ грудь, выковывается характеръ, устанавливаются нравственныя понятія, общественныя привычки, въ которой умѣренно, не надрываясь, не развращаясь преждевременнымъ понятіемъ добра и зла, правильно и охотно работаетъ дѣтскій умъ.

А если мы прибавимъ, что эта свободная и живая школа встрѣчаетъ потомъ такую же свободную и живую жизнь, то мы поймемъ, отчего въ Англии такъ велика энергія общественной и личной дѣятельности, отчего тамъ такъ мало страдательныхъ вскликиваній и причитаній и такъ много дѣльной работы, такъ много плодотворныхъ результатовъ.

Никакой классицизмъ не опасенъ, когда основу школы составляютъ практичность, приложимость къ дѣлу, соотвѣтствіе съ силами ребенка; когда въ цѣлый день дается не болѣе 4-хъ уроковъ, раздѣленныхъ значительными промежутками веселаго отдыха, съ двумя полупраздниками на каждой недѣлѣ, кромѣ воскресенья, съ 15-ю недѣлями разныхъ вакацій. Такія школы, гдѣ не столько цѣнится способность зубренія книгъ, сколько настойчивое преслѣдованіе цѣли, не столько діалектика ума, сколько сила ха-

рактера, доставляютъ громадный запасъ людей самаго могучаго практическаго закала, людей несокрушимой энергіи и несокрушимаго самообладанія. Сила воли,—вотъ тотъ талисманъ, который дѣлаетъ англичанина англичаниномъ, и отсутствіе котораго губить нашего брата, русскаго! Сила воли—это часто больше чѣмъ гений! Я вполне вѣрю мнѣнію Веллингтона, что ватерлооская побѣда была одержана еще на дворѣ Итона, въ смѣлыхъ играхъ англійскаго юношества. Но сила воли не будетъ и не можетъ развиваться безъ физическаго здоровья, безъ свободнаго общенія съ природою, въ душевной тѣснотѣ кабинета, въ атмосферѣ чернилъ.

Надо сказать правду, что и наша школа уже приходила къ сознанію негнѣности того односторонняго книжнаго и мертвеннаго ученія, которое введено у насъ схоластикою. Наши шестидесятие годы высказали много здравыхъ положеній и нащупали много здравыхъ воспитательныхъ мѣръ, въ смыслѣ признанія правъ дѣтства, въ смыслѣ возвращенія дѣтей къ живой жизни и спасенія ихъ отъ книжнической сухотки.

Тогда впервые познакомились мы съ организациею истинно воспитательныхъ заведеній Запада, гдѣ путешествія, игры, работы въ саду и огородѣ, за ремесленнымъ станкомъ и на гимнастическомъ приборѣ, считались такими же существенными элементами воспитанія, какъ математика или родной языкъ; тогда открыты были нами, давно существовавшіе на Западѣ, облегчающіе, живые методы преподаванія, интересующіе дѣтей; свободное влеченіе къ ученію было признано важнымъ условіемъ воспитанія; было смягчено и облагорожено обращеніе съ дѣтьми старшихъ; знакомство съ органами и явленіями живой природы, такъ сочувственной душѣ ребенка, было поставлено одною изъ коренныхъ основъ обученія.

Вообще, все живое и практическое, что еще уцѣлѣло, хотя по имени, въ настоящей школьной системѣ; все, что стремилось обратить годы ученія не въ годы мученія, а въ годы здоровой и правильной жизни; все, что пыталось обратить книжное образованіе въ всестороннее воспитаніе духа и тѣла человѣка,—то было, если не разработано и развито вполне, то намѣчено и зачато школою шестидесятыхъ годовъ.

Нельзя не пожалѣть, что эти добрые зачатки заглохли такъ безвременно и неплодотворно.

На почвѣ здороваго тѣла уже гораздо легче будутъ прививаться и другія, болѣе духовныя условія воспитанія.

Уничтоженіе всякой казенщины въ отношеніяхъ съ дѣтьми,

упрощеніе и значительное сокращеніе ихъ умственныхъ занятій, переносъ центра тяжести воспитанія отъ долбленія книги въ нравственнымъ поступкамъ, дисциплина характера, образованіе полезныхъ и честныхъ привычекъ, увореніе въ душѣ ребенка возвышенныхъ понятій объ обязанностяхъ человѣка, наконецъ, ознакомленіе его на практикѣ съ основными условіями дѣйствительной жизни въ человѣческомъ обществѣ, доступными понятіямъ ребенка по своей простотѣ и близости къ нему, — вотъ крупнѣйшія черты такого желаннаго воспитанія.

Мы не пойдемъ дальше въ разработкѣ этого вопроса. Очень можетъ быть, что мы посвятимъ этому крайне важному и крайне интересующему насъ предмету особую, чисто педагогическую статью.

Теперь же мы довольствуемся только общимъ указаніемъ на симптомы болѣзни и на ея корень.

Свободная общественная жизнь, достойная зрѣлаго человѣка, и разумная школа воспитанія, полезная ребенку, — вотъ въ чемъ лежитъ исходъ изъ вашихъ внутреннихъ бѣдствій, вотъ гдѣ, по нашему мнѣнію, единственное спасеніе нашей будущности!

Евгеній Марковъ.

О ВОЗСТАНОВЛЕНІИ ЦѢННОСТИ БУМАЖНЫХЪ ДЕНЕГЪ ВЪ СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ.

„Принять силуяте всякаго наставленія.“

Громадныя финансовыя и экономическія успѣхи, достигнутыя Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами со времени окончанія междоусобной войны, въ небольшой сравнительно періодъ какихъ нибудь двѣнадцати лѣтъ, заслуживаютъ вниманія не только однихъ специалистовъ по финансовымъ и экономическимъ вопросамъ, но и каждаго, интересующагося финансовымъ и экономическимъ положеніемъ своей страны.

Особенно эти успѣхи должны интересовать насъ, русскихъ, такъ какъ выходъ изъ нашихъ настоящихъ финансовыхъ и экономическихъ затрудненій составляетъ для насъ самый жизненный вопросъ дня. Успѣхъ американцевъ въ восстановленіи цѣнности ихъ неразмѣняемыхъ бумажныхъ денегъ до паритета съ золотою монетою, тѣмъ болѣе долженъ возбуждать наше вниманіе и удивленіе, что сами мы, не смотря на всѣ усилія и траты къ восстановленію цѣнности нашей бумажной валюты, въ теченіи двадцати лѣтъ мира—отъ окончанія первой до начала второй восточной войны—пришли къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Тогда какъ американскіе гринбэки (greenbacks), ходившіе въ 1864 году, по средней годовой преміи на золото, свыше ста процентовъ, т. е. за 100 долларовъ золотомъ давали 202 доллара гринбевами, дошли въ концѣ прошлаго 1878 г. до паритета съ золотою монетою,—нашъ кредитный рубль, стоявшій въ 1856 году наравнѣ съ звонкою монетою,—доказательствомъ чего служатъ средній годовой курсъ на Лондонъ $38\frac{1}{4}$ п. за рубль и излишекъ привоза золота и серебра въ Россію противъ вывоза свыше 15 милліо-

новъ рублей, — постепенно понижаясь, въ концѣ 1876 года стоилъ только $29\frac{3}{8}$ пенсовъ, а за полуимперіаль давали до 6 р. 70 к., т. е. кредитный рубль былъ понизившись въ цѣнѣ на $28\frac{0}{10}$.

Такой отрицательный результатъ нашихъ 20-ти-лѣтнихъ усилій къ поднятію цѣнности нашей бумажной валюты, въ виду блистательнаго успѣха американцевъ въ доведеніи ихъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ до паритета съ золотомъ, въ срокъ почти на половину болѣе короткій, неволью долженъ возбудить въ насъ сомнѣніе относительно рачіональности и цѣлесообразности предпринимаемыхъ у насъ мѣръ и средствъ для достиженія одинаковой съ американцами цѣли, и породить желаніе сравнить ихъ мѣропріятія и способы съ нашими, чтобы убѣдиться, въ чемъ мы расходились съ ними, и въ чемъ заключалась наша главная ошибка. Подобное сравненіе покажетъ также, на сколько выборъ и успѣхъ тѣхъ или другихъ мѣропріятіи къ поднятію цѣнности денежной единицы, къ развитію производительныхъ силъ страны и къ восстановленію ея финансовъ и кредита, зависѣли отъ усвоенныхъ научныхъ понятій, практичности дѣятелей въ выборѣ средствъ, и разнородности экономическихъ и социальныхъ условій двухъ странъ.

Но кромѣ прямого практическаго указанія на выборъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ къ восстановленію цѣнности неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ и къ развитію производительныхъ силъ страны, достигнутые американцами экономическіе и финансовыя успѣхи имѣютъ большое значеніе и въ научномъ отношеніи, какъ неопровержимыя доказательства несостоятельности многихъ научныхъ правилъ, выдаваемыхъ экономистами извѣстной школы за непреложныя научныя истины независимо времени и мѣста. Такъ наприимѣръ, экономисты-теоретики утверждаютъ, что для поднятія цѣнности сильно обезцѣненныхъ, относительно золотой монеты, неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, нѣтъ другого средства, кромѣ безотлагательной консолидаціи, т. е. обращенія въ процентный долгъ всего или въ крайнемъ случаѣ наибольшаго ихъ количества, и что развитіе производительныхъ силъ страны невозможно при обращеніи неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, такъ какъ, по научнымъ понятіямъ, никакія торговыя сдѣлки, срочныя запродажи и т. д. невозможны при неразмѣнной валютѣ. Американцы же, вопреки этого научнаго правила, не консолидировали своихъ сильно упавшихъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, по тому простому соображенію, что отнятіе у страны ея единственнаго мѣноваго

средства неизбѣжно повело бы къ общему денежному стѣсненію и разстройству промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ, а съ этимъ и къ подрыву производительныхъ силъ страны, тогда какъ требовалось содѣйствовать наибольшему развитію послѣднихъ, какъ единственному радикальному средству къ прочному возстановленію металлическаго обращенія. Замѣчательно, что экономисты-теоретики до того убѣждены, что возстановленіе цѣнности неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ невозможно безъ ихъ консолидаціи, что не задумываются, для подтвержденія этого, сослаться на никогда небывалые примѣры. Такъ недавно Г. А. Вагнеръ ¹⁾, ради вѣщаго поощренія насъ къ немедленной консолидаціи всего, выпущеннаго на военные расходы, количества кредитныхъ билетовъ, чего бы это ни стоило, сослался на примѣры Англии послѣ 1815 г. и Франціи послѣ 1870 г., утверждая, что будто бы эти страны, благодаря лишь „энергическому превращенію безпроцентнаго долга въ процентный, избавились отъ бумажно-денежнаго хозяйства и сопряженнаго съ нимъ вреда;“ тогда какъ, въ дѣйствительности, ни въ Англии послѣ 1815 года, ни во Франціи послѣ 1870 года, никакой консолидаціи безпроцентныхъ долговъ или неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ не было; возстановленіе же ихъ цѣнности было слѣдствіемъ другихъ причинъ, и болѣе всего—выгоднаго торговаго баланса, существованіе котораго, какъ извѣстно, отвергается экономистами-теоретиками, какъ одно изъ заблужденій ученія меркантилистовъ.

Американцы поступили вопреки правилъ экономической науки не только относительно исправленія своей неразмѣнной бумажной валюты, но и относительно выбора средствъ къ развитію производительныхъ силъ страны, прибѣгнувъ къ установленію высокаго таможеннаго тарифа, не смотря на всѣ предсказанія фритредеровъ, что они подобною мѣрою въ конецъ разорять свою страну. Но какъ ни критиковали, и какою бранью и обвиненіями въ финансовомъ невѣжествѣ и непониманіи самыхъ простыхъ экономическихъ истинъ ни осмыслили англійскіе экономическіе журналы американскихъ министровъ финансовъ за ихъ мѣропріятія, несогласныя съ фритредерскимъ ученіемъ, олицетворяющимъ торговую политику Англии,—Американцы неулыбно держались однажды избранныхъ ими средствъ къ достиженію предполагаемой цѣли, и неопровержимо доказали, что, для возстановленія цѣнности неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, самое вѣрное и дѣйствительное средство заключается въ воз-

¹⁾ См. Новое Время № 931.

становленіи равновѣсія въ торговомъ балансѣ, посредствомъ развитія внутренняго производства потребныхъ странѣ продуктовъ и издѣлій, что можетъ быть достигнуто лишь при значительномъ таможенномъ покровительствѣ.

Американцы, начавъ съ мѣропріятій къ восстановленію равновѣсія въ торговомъ балансѣ, достигли вмѣстѣ съ тѣмъ и восстановленія цѣнности своихъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, и могутъ смѣло сказать *post hoc ergo propter hoc*.

Мы же, начавъ, согласно съ ученіемъ экономистовъ-теоретиковъ, съ мѣропріятій къ исправленію нашей денежной единицы, потерцѣли полнѣйшее фіаско; но не смотря на дорого стоившій опытъ, повидимому, готовы вновь приступить къ дѣлу исправленія нашей валюты не съ того, съ чего слѣдуетъ. Почему у насъ ошиблись въ выборѣ однородныхъ съ американцами и удобопримѣнимыхъ средствъ, и дали предпочтеніе такъ называемымъ научнымъ истинамъ и совѣтамъ фритредеровъ, и продолжаютъ держаться ихъ—мы объяснимъ впоследствии. Теперь мы ограничимся указаніемъ лишь на результаты двухъ противоположныхъ системъ дѣйствій. Въ главныхъ чертахъ эти результаты оказываются въ томъ, что тогда какъ въ Америкѣ неразмѣнные гринбэки дошли до паритета съ золотомъ, наши кредитные билеты съ паритета съ золотомъ потеряли, во время мира, около 28% своей номинальной стоимости; тогда какъ американцы улучшили свой торговый балансъ, мы ухудшили таковой; тогда какъ американцы уплатили значительную часть своихъ государственныхъ долговъ, мы увеличили свои; тогда какъ у американцевъ сократились бюджетные расходы, у насъ они значительно возросли и т. д.

Но какъ бы ни было тяжело наше финансовое и экономическое положеніе—отчаяваться нечего. Примѣръ Америки долженъ подѣйствовать на насъ отрезвляющимъ образомъ и возбудить въ насъ надежду выйти, со временемъ, изъ нашихъ настоящихъ затрудненій, конечно при условіи, *conditio sine qua non*, полнѣйшаго отрѣшенія отъ прежнихъ ошибочныхъ возрѣній и мѣропріятій, и добросовѣстнаго усвоенія и примѣненія къ дѣлу тѣхъ же мѣръ, какія оказались столь успѣшными и благотворными въ рукахъ американцевъ, и примѣненіе которыхъ такъ же возможно у насъ какъ и въ Америкѣ. Что ожидать подобнаго поворота въ нашихъ вліятельныхъ финансовыхъ сферахъ едва ли возможно въ скоромъ времени, мы вполне понимаемъ; но дорожа нашею финансовою независимостью на столько же, какъ и политическою, и желая посылно содѣйствовать

къ выходу изъ нашего финансоваго и экономическаго заграничнаго закрѣпощенія, мы рѣшаемся указать на самыя вѣрныя и испытанныя для этого средства.

Междоусобная война въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ началась въ 1861 году. Поводомъ къ ней послужило стремленіе рабовладѣльцевъ южныхъ штатовъ къ расторгненію союза, съ цѣлью оградить себя отъ опасности лишиться дароваго труда своихъ многочисленныхъ невольниковъ, вслѣдствіе усиливавшагося съ каждымъ годомъ въ свободныхъ сѣверныхъ штатахъ движенія къ ихъ освобожденію (antislavery movement). Кроме того, принятый конгрессомъ покровительственный тарифъ они находили несогласнымъ съ ихъ экономическими интересами. Тогда какъ обитатели свободныхъ сѣверныхъ штатовъ, стремясь къ развитію туземной мануфактурной промышленности, видѣли въ покровительственномъ тарифѣ необходимое для этого средство, рабовладѣльцы южныхъ штатовъ находили фритредерскую политику англичанъ, главныхъ потребителей производимаго ими сыраго продукта—хлопца, болѣе соответствующею какъ ихъ матеріальнымъ выгодамъ, такъ и политическимъ планамъ. Въ виду готовившагося вооруженнаго столкновенія съ сѣверянами, съ цѣлью расторгненія союза и образованія отдѣльной конфедераціи, рабовладѣльцы южныхъ штатовъ сильно рассчитывали на поддержку Англіи, если не открытую, то подъ рукою, въ видѣ снабженія ихъ оружіемъ и деньгами, вооруженія въ англійскихъ портахъ крейсеровъ, въ чемъ и не ошиблись, какъ доказалъ крейсеръ Алабама, и т. д. Только энергическое веденіе войны сѣверянами и ихъ успѣхи удержали Англію отъ признанія независимости южныхъ штатовъ, а можетъ быть и отъ вооруженнаго вмѣшательства.

Возгорѣвшаяся междоусобная война окончилась полнымъ торжествомъ сѣверянъ и освобожденіемъ изъ рабства около 4-хъ милліоновъ черныхъ невольниковъ. Она продолжалась около трехъ лѣтъ, стоила жизни нѣсколькимъ стамамъ тысячамъ людейъ и потребовала громадныхъ финансовыхъ средствъ. Многіе штаты подверглись сильному опустошенію. О напряженности силъ противниковъ можно судить по тому, что у однихъ сѣверянъ, въ концѣ 1862 года, вооруженныя силы состояли изъ 40,000 человекъ регулярныхъ войскъ, 556,000 волонтеровъ и 3,214,000 чел. милиціи, въ томъ числѣ 43,500 офицеровъ. Послѣ этого нисколько неудивительно, что бюджетные расходы

федеральнаго правительства, составлявшіе, передъ войною, за финансовый годъ по 30 іюня 1861 года всего лишь 84,578,034 долларовъ (около 113 мил. р. м.), при 86,855,900 дол. дохода, дошли по бюджету за финансовый годъ по 30 іюня 1865 г. до 1,290,312,940 долларовъ, изъ которыхъ 864,863,490 дол. были покрыты займами. Государственный же долгъ, составлявшій къ 1 іюля 1860 года всего лишь 64,769,701 дол. (около 87 мил. р. м.), по окончаніи войны, къ 31 іюля 1865 г. достигалъ 2,874,092,908 долларовъ, (около 3,850,000,000 р. м.), въ томъ числѣ безпроцентнаго долга на 400 м. д. За вычетомъ же наличныхъ денегъ въ казначействѣ 116,739,632 дол., сумма процентныхъ и безпроцентныхъ долговъ составляла 2,757,353,376 долларовъ или около 3,670,000,000 руб. мет. Для сравненія замѣтимъ, что всѣ долги Россіи, какъ процентныя, такъ и безпроцентныя, составляютъ въ настоящее время, по окончаніи второй восточной войны, не многимъ болѣе трехъ миллиардовъ рублей кредитныхъ. Таковыя были финансовыя послѣдствія междоусобной войны для американскаго государственнаго казначейства.

Но кромѣ громаднаго увеличенія расходовъ и государственныхъ долговъ, междоусобная война совершенно разстроила и денежное обращеніе страны. До войны, въ Соединенныхъ Штатахъ не существовало никакихъ правительственныхъ бумажныхъ денегъ или билетовъ привилегированнаго банка, какъ на примѣръ, въ Англіи, Франціи или Германіи. Денежное обращеніе составляли: звонкая монета и билеты разныхъ городскихъ и провинціальныхъ банковъ, вся сумма которыхъ, со включеніемъ и билетовъ банковъ Южныхъ Штатовъ, предъ началомъ войны, не превышала: 190 мил. долларовъ. Билеты этихъ банковъ, обращавшіеся большею частью по номинальной цѣнѣ лишь въ мѣстныхъ болѣе или менѣе значительныхъ раіонахъ, а внѣ оныхъ съ болѣе или менѣе значительною скидкою, съ наступленіемъ войны вскорѣ лишились довѣрія публики, и выпустившіе ихъ банки сдѣлались несостоятельными. Металлическія же деньги сдѣлались очень рѣдкими, и премія на нихъ сильно возрасла. Въ это время правительство, сильно нуждаясь въ финансовыхъ средствахъ для веденія войны, прибѣгло къ выпуску бумажныхъ денегъ съ обязательнымъ курсомъ, которыя, подъ названіемъ въ народѣ гринбековъ (зеленыхъ спиновъ), и послужили странѣ необходимымъ мѣновымъ средствомъ, представляя законный платежный знакъ при всѣхъ платежахъ какъ между частными лицами, такъ при платежѣ податей и расходовъ государственнаго

казначейства, за единственнымъ исключеніемъ: оплата привозныхъ товаровъ таможенною пошлиною взымалась золотою монетою, необходимою правительству на уплату процентовъ по его металлическимъ займамъ. Выпущено было правительственныхъ бумажныхъ денегъ до 430 мил. долларовъ, (около 575 м. р.) гринбэковъ, и на нѣсколько десятковъ милліоновъ мелкихъ билетовъ (fractional currency). Спустя около двухъ лѣтъ по окончаніи войны, въ 1866 году, когда гринбэковъ оставалось въ обращеніи еще на 400 мил. дол., конгрессомъ былъ изданъ законъ о постепенномъ извлеченіи ихъ изъ обращенія; но уже въ 1868 г., менѣе чѣмъ чрезъ два года, когда ихъ было погашено всего лишь на 44 мил., былъ изданъ новый законъ, отмѣнявшій ихъ дальнѣйшее погашеніе изъ опасенія, чтобъ „не причинить недостатка въ мѣновомъ средствѣ, въ виду быстрого развитія производительныхъ силъ страны“. Въ послѣдствіи, закономъ 22 іюня 1874 года, количество гринбэковъ было нѣсколько увеличено, и максимумъ ихъ опредѣленъ въ 382 мил. долларовъ.

Въ видахъ же вѣщшаго увеличенія количества мѣноваго средства, помимо выпуска бумажныхъ денегъ самимъ правительствомъ, было основано, по плану министра финансовъ Чеза (Chase), множество національныхъ банковъ, съ правомъ выпуска собственныхъ билетовъ, подъ обезпеченіе государственными процентными облигаціями, и съ обязательнымъ размѣномъ ихъ на гринбэки. Учрежденіе національныхъ банковъ, число которыхъ съ 508 въ 1864 году, дошло до 2,076 въ 1875 г., а количество выпущенныхъ ими билетовъ съ 45 мил. въ 1864 г., до 339 мил. въ 1874 г.,—принесло двойную пользу: во первыхъ, оно содѣйствовало увеличенію мѣноваго средства, по мѣрѣ усиленія потребности въ немъ съ развитіемъ торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ, въ видѣ учета векселей и ссудъ подъ торговыя обязательства; а во вторыхъ, доставило правительству возможность прочно помѣстить въ банки на нѣсколько сотъ милліоновъ долларовъ процентныхъ облигацій, устранивъ ихъ вліяніе на фондовый рынокъ. Сумма банковыхъ билетовъ, первоначально разрѣшенная къ выпуску, ограничивалась 300 мил. дол.; но въ началѣ 1870 г. была увеличена, по предложенію министра финансовъ Шермана, еще на 45 мил. долларовъ, съ тѣмъ, чтобъ было погашено на таковую же сумму 3% сертификатовъ казначейства, составлявшихъ, какъ законная цѣнность, часть резервнаго фонда банковъ.

Средняя годовая премія на золото въ теченіе финансоваго

года по 30 июня, составляла за 100 долларовъ золотомъ, бумажными неразмѣнными деньгами; т. е. гринбѣями:

1861—62 г.	102	1869—70 г.	123
1862—63 „	137	1870—71 „	113
1863—64 „	156	1871—72 „	112
1864—65 „	202	1872—73 „	115
1865—66 „	140	1873—74 „	112
1866—67 „	141	1874—75 „	113
1867—68 „	140	1875—76 „	114
1868—69 „	138	1876—77 „	103

Въ теченіе же 1878 года премія на золото понизилась съ 2% до $\frac{1}{4}$ %, а въ концѣ года неразмѣнные гринбѣи стали уже наравнѣ съ золотою монетою, чего не было въ теченіи 16 лѣтъ. При восстановленіи, съ 1 января сего года, платежа звонкою монетою, изъ Нью-Йорка сообщаютъ, что платежи эти начались, не вызвавъ никакого возбужденія или неудобства. Всѣ банки платятъ золотомъ, если его требуютъ, а также и правительство; но спросъ на золото очень незначителенъ, такъ какъ публика вообще предпочитаетъ бумажныя деньги. Гринбѣи принимаются теперь и въ платежъ таможенныхъ пошлинъ.⁵⁾

Приводимъ нижеслѣдующія данныя объ общемъ количествѣ бумажнаго денежнаго обращенія, состоящаго изъ гринбѣевъ, мелкихъ бумажныхъ денегъ (fractional currency) и билетовъ національныхъ банковъ, и одновременныя среднія годовыя премія на золото:

годы.	Гринбѣи и мел. бум. ден.	Билеты нац. банк.	Итого.	Цѣна гринбѣями за 100 дол. зол.
1865 г.	454	171	625	202
1867 „	388	294	682	141
1869 „	389	293	682	138
1871 „	384	315	699	113
1873 „	384	339	723	115
1875 „	408	318	726	113
1876 „	394	320	714	114
1877 „	369	316	685	103
1878 „ по 31 октября	—	—	688	100 $\frac{1}{4}$

Изъ этой таблицы оказывается, что количество неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, съ 1865 г. по 1875 г., увеличилось съ 625 до 726 мил. долларовъ, т. е. на 103 мил. дол., между тѣмъ какъ золото понизилось въ цѣнѣ, въ то же время, съ 202 дол. до 113 дол. или на 89%. Подобный фактъ идетъ въ разрѣзъ съ теоріею ученыхъ экономистовъ относительно обра-

⁵⁾ См. Economist 1879 г. ст. 5.

сценія неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, такъ какъ, согласно ей, размѣръ преміи на золото исключительно зависитъ лишь отъ количества неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ въ обращеніи, т. е., что премія должна повышаться пропорціонально увеличенію ихъ количества, и понижаться по мѣрѣ ихъ уменьшенія въ обращеніи. Здѣсь же мы видимъ совершенно противное: премія, вмѣсто того, чтобъ увеличиваться по мѣрѣ увеличенія количества неразмѣнныхъ денегъ въ обращеніи, понижается. Подобный фактъ невольно возбуждаетъ сомнѣніе въ непогрѣшимости научной теоріи. Невозможно же, чтобы однородныя послѣдствія были результатомъ двухъ противоположныхъ причинъ! Если увеличеніе количества бумажныхъ денегъ не могло воспрепятствовать пониженію преміи на золото, — что по научной теоріи можетъ быть слѣдствіемъ лишь уменьшенія ихъ количества, — то есть полное основаніе полагать, что премія на золото зависитъ отъ другихъ, болѣе сильныхъ экономическихъ факторовъ, чѣмъ количество бумажныхъ денегъ въ обращеніи. Къ сожалѣнію, эти факторы, хорошо понятые американскими финансистами, вовсе игнорируются учеными экономистами, а глядя на нихъ, и нашими финансовыми авторитетами; иначе мы не были бы свидѣтелями мѣропріятій, представляющихъ поразительный контрастъ съ мѣропріятіями, благодаря которымъ американцы такъ успѣшно достигли возстановленія цѣнности своей неразмѣнной бумажной валюты, не смотря на то, что она понижалась до размѣра, до казого далеко еще не дошли наши кредитные билеты и въ настоящее время, послѣ новой, дорого стоившей войны.

Но не одна финансовая исторія сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, за послѣдніе годы, представляетъ доказательства, что не отъ количества бумажныхъ денегъ въ обращеніи зависитъ премія на золото. Такое же доказательство представляетъ намъ и финансовая исторія Франціи послѣ войны 1870 года. Не смотря на то, что, вслѣдствіе ссуды правительству на военные расходы свыше 1,300 милліоновъ франковъ, изъ 1% въ годъ, и отсрочки уплаты по дисконтированнымъ векселямъ до окончанія войны, ¹⁾ количество неразмѣнныхъ билетовъ французскаго банка въ обращеніи возросло съ 1,447 мил. фран. по 30 іюня 1870 г., до 3,012 мил. фран. къ 13 ноября

¹⁾ Сумма дисконтированныхъ французскими банкомъ векселей съ 649.781,354 фран. къ 30 іюня 1870 г., увеличилась къ 8 сентября того же года до 1.429.070,261 фран.; но уже чрезъ 4½ мѣсяца по заключенію мира, къ 29 іюня 1871 г. была монизавишись до 749.539,824 франка.

1873 года, т. е. болѣе чѣмъ удвоилось, между тѣмъ какъ металлическій запасъ банка за тоже время понижился съ 1,297 мил. фран. до 731 $\frac{1}{2}$ мил. фран.; премія на золото 18 ноября 1873 года не превышала 6% съ тысячи, а мѣсяцъ спустя, 18 декабря, 20-ти франковая золотая монета предлагалась съ преміей лишь 1 $\frac{1}{2}$ % съ тысячи, серебрянная же 5-ти франковая обращалась по своей номинальной цѣнѣ. Долгъ правительства банку въ то время составлялъ 1,150 мил. фран., т. е. былъ понизившись всего лишь на 150 мил. фран. Въ 1874 г., нѣкоторые эконо-мическіе авторитеты Франціи, въ томъ числѣ покойный Волос-скій, въ видахъ доставленія банку возможности отереть не-медленно размѣнъ его билетовъ и тѣмъ избавить страну отъ вреда, наносимаго ей, по ихъ мнѣнію, неразмѣнными бумажными деньгами, сильно совѣтывали правительству заключить заемъ для уплаты сразу всей остававшейся суммы долга банку; пра-вительство однакожъ нашло болѣе согласнымъ съ интересами какъ народа, такъ и государственнаго казначейства, уплачивать долгъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ изъ средствъ государствен-наго бюджета. Изъ доклада М. Chesnelong'a о бюджетѣ на 1874 г. видно, что на уплату въ счетъ долга банку назначено было всего лишь 210 мил. фран.; долгъ этотъ и до сихъ поръ еще не уплаченъ сполна:—на 1 февраля сего года, какъ видно изъ по-слѣдняго баланса банка, оставалось уплатить еще около 65 мил. фран.

Но мало того, что французское правительство не торопилось уплатить банку свой долгъ съ цѣлью уменьшенія банковыхъ би-летовъ въ обращеніи, оно, спустя полтора года по заключеніи мира, разрѣшило банку, въ видахъ облегченія реализаціи 3-хъ миллиарднаго займа для уплаты остальной суммы 5-ти миллиар-дной контрибуціи, выпустить, сверхъ разрѣшенныхъ прежде 2,800 мил. фран., еще на 400 мил. фран. банковыхъ билетовъ. Про-тивъ этого выпуска сильно возстали экономисты-теоретики, пред-сказывая самыя гибельныя для денежнаго рынка послѣдствія. По поводу, высказаннаго Тьеромъ въ посланіи къ національному собранію, мнѣнія, что выпускъ билетовъ на 400 мил. фран. не причинитъ никакого разстройства и вреда, Economist писалъ, „что и въ настоящемъ случаѣ, также какъ и по другимъ эконо-мическимъ вопросамъ, г. Тьеръ отрицаетъ такія простыя аксіомы политической экономіи, что разсуждать съ нимъ нѣтъ никакой возможности. Если человѣкъ говоритъ вамъ, что „дважды два пять“, чѣмъ же вы докажете ему, что онъ ошибается? Отри-цаемые имъ основныя правила сами по себѣ до того очевидны,

что невозможно ничего придумать болѣе сильнаго для убѣжденія его".¹⁾ Послѣдствія не замедлили однакожь доказать, что Тьеръ былъ болѣе искуснымъ и прозорливымъ финансистомъ и лучше понималъ условія экономическаго положенія своей страны и внутренняго денежнаго рынка, чѣмъ его ученые критики, ратовавшіе во имя непреложныхъ истинъ, исповѣдуемой ими, экономической науки. Уже въ концѣ 1873 года, т. е. не сполна чрезъ три года послѣ окончанія войны, не смотря на не консолидацію прежнихъ и на новый выпускъ неразмѣнныхъ банковыхъ билетовъ, они стояли, какъ уже было упомянуто выше, наравнѣ съ металлическими деньгами, и заграничные вексельные курсы достигали своего паритета.

Точно также и въ Англіи, послѣ 1815 года, неразмѣнные билеты англійскаго банка, обращавшіеся какъ законные платежные знаки, дошли до паритета съ золотомъ безъ всякаго уменьшенія ихъ количества, или превращенія безпроцентнаго долга въ процентный. Въ подтвержденіе этого ссылаемся на авторитетъ J. В. М' Culloch'a, составителя извѣстнаго Dictionary of Commerce and Commercial Navigation, въ которомъ онъ говоритъ, что поднятіе цѣнности бумажныхъ денегъ, послѣ 1815 года, произошло вовсе не вслѣдствіе какого либо вмѣшательства со стороны правительства (without any interference whatever on the part of government), а было слѣдствіемъ другихъ причинъ; и потому смѣшно приписывать закону 1819 года, какъ это дѣлають нѣкоторые, поднятіе цѣнности бумажныхъ денегъ со времени заключенія мира, въ виду того, что банковые билеты, еще за три года до изданія этого закона, стояли отъ 12 $\frac{1}{2}$ до 14 $\frac{1}{2}$ % выше, чѣмъ въ 1813 году, и отъ 21 до 23% выше, чѣмъ въ 1814 году. Главная цѣль, имѣвшаяся въ виду составителями закона 1819 года, извѣстнаго подъ названіемъ акта Роберта Пилля, заключалась въ поддержаніи цѣнности денежнаго обращенія на той степени, до какой оно возстановилось само собою, безъ законодательнаго вмѣшательства".

Что пониженіе преміи на золото въ Англіи также не было пропорціонально количеству неразмѣнныхъ банковыхъ билетовъ въ обращеніи, можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

¹⁾ См. Economist 1872 года, статью Extention of the note circulation of the Bank of France.

	Количество банковых билетов въ миллионѣхъ фунтовъ стерлинговъ.		Итого.	Средняя годовая премія на золото.	
	Англійскаго банка.	провинціальныхъ банковъ.		ф.	ш. п.
1814 г.	28 ¹ / ₄	22 ³ / ₄	51	25	2 6 ⁰ / ₁₀
1815 „	27 ¹ / ₄	19	46 ¹ / ₄	16	14 3 „
1816 „	27	15	42		
1817 „	29 ¹ / ₂	16	45 ¹ / ₂	2	13 2 „
1818 „	26 ¹ / ₄	20 ¹ / ₂	46 ³ / ₄		

Что и сумма неотвержденнаго долга, который составляли, кромѣ билетовъ казначейства (Exchequer bills), разные непокрытые долги военного, морскаго и другихъ вѣдомствъ, не имѣла вліянія на пониженія преміи на золото въ Англіи, могутъ служить доказательствомъ слѣдующія данныя о количествѣ неотвержденнаго долга и одновременной преміи на золото.

на 5 января	Сумма неотвер- жденнаго долга.	Средняя годовая премія на золото.
		ф. ш. п.
1814 года е. с.	59,364,952	25 2 6 на сто
1815 „ „	68,882,979	16 14 3 „
1816 „ „	48,510,501	
1817 „ „	52,082,287	2 13 2 „
1818 „ „	66,772,364	

Отвержденный государственный долгъ Англіи достигъ своего максимума во времени окончанія войны и составлялъ, на 5 января 1816 года, 816.311,939 фун. стер., ¹⁾ а къ 5 января 1821 года былъ уже понизившись до 801.565,310 фун. стер., т. е. около 15 мил. ф. с. Это уменьшеніе отвержденнаго долга служитъ новымъ доказательствомъ, что никакого превращенія безпроцентнаго долга въ процентный, во времени открытія размѣна своихъ билетовъ англійскимъ банкомъ 1 мая 1821 года, не имѣло мѣста. Размѣнъ былъ превращенъ 26 февраля 1797 г. и не былъ возобновляемъ въ теченіи болѣе 24 лѣтъ. При его прекращеніи въ кассѣ банка оставалось въ монетахъ и слиткахъ золота и серебра всего лишь на 1.272,000 ф. с. при 11 мил. фун. ст. банковыхъ билетовъ въ обращеніи.

И такъ мы имѣемъ официальные данныя изъ финансовой исторіи трехъ современныхъ, самыхъ значительныхъ и просвѣщенныхъ государствъ, свидѣтельствующія, что ни въ Англіи послѣ 1815 года, ни въ Американскихъ Соединенныхъ

¹⁾ Въ началѣ войны съ Франціей въ 1793 году, національный долгъ составлялъ 289,380,148 е. с.

Штатахъ послѣ 1864—65 г. и въ Франціи послѣ 1870 года, не было прибѣгаемо къ сколько нибудь значительному сокращенію количества неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ въ обращеніи, съ цѣлью возстановленія ихъ номинальной цѣнности до уровня съ звонкою монетою, и что билеты англійскаго банка, депрессіація которыхъ сравнительно съ золотою монетою доходила въ 1814 году до $25\frac{1}{8}\%$, и американскіе гринбэки, ходившіе на 102% ниже золота, достигли паритета съ звонкою монетою прежде, чѣмъ размѣнъ ихъ былъ открытъ.

Но какъ ни вѣски приводимые нами факты, положительно опровергающіе мнѣніе ученыхъ экономистовъ, утверждающихъ, что возстановленіе металлическаго обращенія возможно лишь консолидаціею неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, эти господа упорно остаются при своемъ мнѣніи и даже не задумываются, въ доказательство его неносрабшности, какъ это сдѣлалъ г. Вагнеръ, ссылаться на примѣры Англій и Франціи, не смотря на то, что эти примѣры доказываютъ совершенно противное.

Причиною такого поразительнаго разлада экономической теоріи съ практикой, надо полагать, служить то, что наука политической экономіи далеко еще не сказала своего послѣдняго слова, и что она продолжаетъ, но мѣрѣ экономическаго развитія разныхъ странъ подъ вліяніемъ разнообразныхъ условий, обогащаться новыми фактами, неподходящими подъ тѣ узкія рамки, подъ которыя экономическіе писатели поторопились подвести извѣстныя имъ экономическія явленія, придавъ своимъ выводамъ значеніе непреложныхъ экономическихъ законовъ, дѣйствующихъ независимо отъ времени и мѣста. Такимъ образомъ, относительно свойствъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, они судили лишь по явленіямъ, сопровождавшимъ чрезмѣрные выпуски ихъ: во Франціи—во время революціи; въ американскихъ Соединенныхъ Штатахъ—во время войны за независимость; въ Россіи и Австріи—во время наполеоновскихъ войнъ, т. е. въ такія времена, когда торговля и промышленность стояли на самой низкой степеніи развитія. И изъ злоупотребленій бумажными деньгами вывели они заключеніе объ ихъ положительной непригодности и вредѣ, вовсе упустивъ изъ вида, что, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, онѣ могутъ служить странѣ необходимымъ мѣновымъ средствомъ, нисколько не препятствующимъ развитію ея производительности и достиженію даже такихъ финансовыхъ и экономическихъ успѣховъ, до какихъ не доходило еще ни одно государство съ металлическою валютою, какъ это мы видимъ изъ

современной финансовой истории американских Соединенных Штатов. Фактъ возможности восстановления цѣнности неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, безъ ихъ консолидаціи, доказанный Франціей и Америкой, повидимому, не сдѣлался еще извѣстнымъ ученымъ экономистамъ, а потому и не попалъ, до сихъ поръ, въ учебники политической экономіи.

Но мы, какъ безпристрастные глѣтописцы современныхъ экономическихъ событій, считаемъ своимъ долгомъ обратить вниманіе читателей на такія изъ нихъ, которыя наиболѣе подходятъ къ нашему современному экономическому положенію, въ надеждѣ, что указаніемъ на испытанныя уже средства для поправленія дѣла и достиженія такихъ же успѣховъ, какіе были достигнуты другими странами, благодаря этимъ средствамъ, — мы принесемъ свою долю пользы. Что же касается до игнорированія этихъ событій и средствъ учеными экономистами, то это уже ихъ дѣло объяснить публикѣ побудительныя къ тому причины.

Хотя изъ всего вышесказаннаго и такъ очевидно, что мы имѣемъ въ виду лишь указаніе на существованіе средствъ къ восстановленію цѣнности неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, помимо дорого стоящей и угрожающей денежнымъ кризисомъ ихъ консолидаціи, — считаемъ, однакожъ, необходимымъ особенно указать на это, такъ какъ, по практикующимъ у насъ полемическимъ приѣмамъ, весьма возможно, что наши оппоненты огласятъ насъ завзятыми сторонниками неограниченныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ на государственные расходы въ мирное время. По нашему мнѣнію, увеличеніе бумажныхъ денегъ въ обращеніи, при обыкновенныхъ политическихъ обстоятельствахъ, довольно лишь на удовлетвореніе потребности въ нихъ торговли и промышленности, т. е. на производительное употребленіе подъ срочныя торговныя обязательства и изъ процентовъ. Точно также и изъ указанія на то, что уже вынужденныя по нуждѣ, на военные расходы, бумажныя деньги, не служатъ препятствіемъ къ развитію производительныхъ силъ страны и улучшенію ея финансоваго положенія, вовсе не слѣдуетъ, что мы стоимъ за дальнѣйшіе ихъ выпуски.

Прежде, чѣмъ обратимся къ болѣе подробному изложенію экономическихъ и финансовыхъ успѣховъ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, считаемъ необходимымъ коснуться тѣхъ причинъ и соображеній, на основаніи которыхъ, государственные люди во Франціи и Америкѣ, вопреки совѣтамъ ученыхъ

экономистовъ и ихъ застраиваній самыми гибочными для страны послѣдствіями отъ нарушенія вѣчныхъ правилъ, были болѣе согласны съ интересами народа и государственной казны, не обращать вынужденныхъ для войны неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ въ отвержденный процентный долгъ. Они руководствовались при этомъ двумя, вполнѣ основательными соображеніями. Во первыхъ, что извлеченіе изъ обращенія неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, лишая страну ея единственнаго мѣноваго средства, породитъ девальвационный кризисъ и остановитъ ея промышленное и торговое развитіе, тогда какъ въ наибольшемъ увеличеніи производительности страны заключалось единственное радикальное средство къ упроченію ея финансоваго и экономическаго положенія, а съ нимъ и возстановленія металлическаго обращенія. Во вторыхъ, что искусственно созданною нуждою въ мѣновомъ средствѣ, невозможно привлечь въ страну и удержать въ ней драгоцѣнные металлы, когда они, какъ товаръ, вывозятся за границу на уплату вѣстныхъ долговъ и расходовъ, при невыгодномъ торговомъ балансѣ. А потому французскіе и американскіе финансисты, сознавая безполезность и вредъ безотлагательной консолидаціи неразмѣнныхъ денегъ, считали и всякую трату на нее государственныхъ средствъ нецелесообразною. Французское правительство ограничилось тѣмъ, что расстроило уплату своего долга банку на девять лѣтъ, предоставивъ самому банку сокращать количество его билетовъ въ обращеніи, согласно потребности въ нихъ торговли и промышленности. Извлеченіе изъ обращенія вынужденныхъ на военные расходы билетовъ банка не имѣло никакого невыгоднаго вліянія на ихъ стоимость, и, какъ было упомянуто выше, они стоятъ уже съ 1873 года наравнѣ съ золотомъ монетою, не смотря на то, что и въ настоящее время, при обиліи металлическихъ денегъ во Франціи, количество билетовъ превышаетъ на 800 мил. франковъ бывшее въ обращеніи передъ войною. Правительство же Соединенныхъ Штатовъ оставило почти безъ сокращенія количество своихъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, предоставивъ національнымъ банкамъ, подъ своимъ контролемъ и подъ обезпеченіе государственными процентными облигаціями, удовлетворять выпусками банковыхъ билетовъ потребностямъ торговли и промышленности въ увеличеніи мѣноваго средства.

Что же касается до возстановленія металлическаго обращенія, посредствомъ девальвациі неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, т. е. оффиціального пониженія ихъ номинальной цѣны, какъ это совѣтовали сдѣлать нѣкоторые изъ нашихъ финанси-

ство, и что равносильно государственному банкротству, то американские финансисты считали подобную мѣру не только дѣломъ предосудительнымъ и гибельнымъ для государственнаго кредита, но и вполне безполезнымъ, не достигавшимъ своей цѣли, такъ какъ привлечь въ страну драгоцѣнные металлы, съ цѣлью восстановления металлическаго обращенія, возможно не уменьшеніемъ количества или номинальной цѣнности бумажныхъ денегъ, а лишь въ доплату за произведенія страны при международномъ обменѣ продуктами и другими разными цѣнностями. При невыгодномъ же торговомъ балансѣ, т. е. такомъ положеніи международной торговли, когда все, какъ добываемое въ странѣ, такъ и получаемое правительствомъ по внѣшнимъ займамъ, золото уходитъ за границу, замѣна металлическою валютою бумажной исключительно невозможна.

Но, кромѣ того, сильно ошибаются тѣ, кто воображаетъ, что, посредствомъ внѣшнихъ займовъ, легко будетъ добыть потребное намъ количество золота, для замѣны бумажнаго обращенія металлическимъ. Получить изъ заграничьи золота, не только на 400 мил. руб., но даже на 200 или на 100 мил. руб.,—особенно въ настоящее время, при увеличившейся въ немъ потребности, вслѣдствіе введенія золотой валюты вмѣсто серебрянной,—въ Германіи и другихъ странахъ, не представляется возможности. Вообразить, что иностранцы въ состояніи снабдить насъ потребнымъ количествомъ золота, могутъ лишь кабинетные ученые и финансисты, игнорирующие дѣйствительное положеніе заграничныхъ денежныхъ рынковъ, но не иностранные финансисты и банкиры, хорошо понимающіе, что, для поддержанія размѣнности ихъ собственныхъ бумажныхъ денегъ ихъ банкамъ, необходимо постоянно имѣть въ рукахъ известное количество драгоцѣнныхъ металловъ въ монетѣ или слиткахъ. Кому не известно, съ какою заботливостью англійскій банкъ охраняетъ металлическій фондъ своихъ билетовъ? Чтобы противодействовать сильному оттоку изъ Англійи золота, банкъ поднимаетъ свой дисконтъ иногда до 10%, не смотря на сильный вредъ и разстройство, причиняемые подобною мѣрою торговлѣ и промышленности. Изъ трехъ главныхъ заграничныхъ банковъ, самымъ значительнымъ металлическимъ запасомъ обладаетъ французскій, а именно около 81 мил. ф. стерл., но въ томъ числѣ болѣе половины серебрянною монетою ¹⁾; затѣмъ, англійскій банкъ имѣетъ

¹⁾ На 31-е декабря 1878 г. въ металлическомъ фондѣ французскаго банка было на 983.600,000 франк. золота въ монетѣ и слиткахъ, и на 1.058.100,000 фр. серебрянною монетою, итого на 2.041.700,000 франковъ.

около 30 мил. фун. стерл. и германскій—около 24 мил. фун. стерл. Очевидно, что при такихъ металлическихъ запискахъ, заемъ не на временное, а на постоянное отвлеченіе въ Россію не только 60 мил., но даже 15 мил. ф. с. долженъ встрѣтить сильное противодѣйствіе со стороны заграничныхъ національныхъ банковъ, обязанныхъ всѣми средствами поддерживать размѣнъ своихъ билетовъ.

Значительнѣе заграничныя займы дѣлаются успѣшно лишь тогда, когда получаемые по нимъ капиталы предназначаются для нерасходованія за границей, напримѣръ, на покупку иностранныхъ издѣлій, желѣзно-дорожныхъ принадлежностей, военныхъ предметовъ, и т. д., или на уплату процентовъ и погашенія по прежнимъ внѣшнимъ займамъ. И если ссужаютъ по нимъ иногда золото, то лишь при увѣренности скорого обратнаго его полученія. Подтвержденіемъ этого и хорошею характеристикою нашихъ внѣшнихъ займовъ можетъ служить 7-й 5% заемъ въ 15 мил. фун. стерл. (около 94 мил. руб.), заключенный, въ 1862 году, у Ротшильда, для подкрѣпленія металлическаго фонда кредитныхъ билетовъ, въ виду предпринимавшейся размѣнной операціи. Въ то время ходили слухи,—не знаемъ насколько вѣрныя, но весьма правдоподобныя,—что прежде, чѣмъ согласиться на заемъ, Ротшильд пожелалъ узнать, съ какою цѣлью онъ дѣлался, такъ какъ отвлеченіе въ Россію драгоцѣнныхъ металловъ, на такую значительную сумму, могло причинить сильное стѣсненіе и разстройство на европейскихъ денежныхъ рынкахъ. Если заемъ дѣлался для крестьянской выкупной операціи, то, по его мнѣнію, для нея не настояло никакой необходимости въ звонкой монетѣ, такъ какъ номінальцамъ достаточно было выдать процентныя облигаціи. Когда же онъ узналъ настоящую цѣль займа, то, подумавъ немного, изъявилъ на него согласіе, легко сообразивъ, что ссужаемое золото,—при хорошо известномъ ему положеніи торговаго баланса Россіи, который наши финансисты очевидно не принимали въ расчетъ,—не только не останется долго въ ней, но послужитъ къ вѣщшему извлеченію изъ нея еще большаго количества золота, въ ущербъ металлическаго фонда кредитныхъ билетовъ, что въ дѣйствительности и случилось. Занятое золото не только сполна ушло обратно за границу въ теченіи полугодоваго размѣна, но сверхъ того и металлическій фондъ кредитныхъ билетовъ уменьшился на 24 мил. руб. мет.¹⁾ Точно также легко уйдетъ

¹⁾ Въ теченіе 1862 и 1863 годовъ вывозъ изъ Россіи драгоцѣнныхъ металловъ превышалъ привозъ ихъ на 82.298,116 рублей монетою.

за границу и весь остальной металлическій фондъ кредитныхъ билетовъ, если послушаются совѣтовъ людей науки, въ родѣ г. Ад. Вагнера, совѣтующаго вымѣнять его на кредитные билеты, ради уменьшенія ихъ количества. Какъ исчезли безслѣдно изъ металлическаго фонда, въ теченіи 1876 года, 80 мил. руб. золотомъ, такъ же точно могутъ исчезнуть изъ него и остальные 140 мил. руб. мет., если не позаботятся сперва возстановить равновѣсіе въ международномъ счетѣ, представляющимъ для насъ въ настоящее время настоящую бочку Данаидъ.

Не только приобретенные вѣнскими займами, но даже насильственной военною контрибуціей, драгоценные металлы невозможно удержать въ странѣ, какъ это доказала 5-ти миллиардная контрибуція германцевъ съ Франціи. Еще контрибуція не была сполна уплачена, а золото уже отливало обратно во Францію, вслѣдствіе невыгоднаго для Германіи торговаго баланса.

Что даже страна, производящая золото и имѣющая исключительно золотую монету, можетъ подвергнуться денежному кризису, вслѣдствіе сильнаго вывоза изъ нея золота, т. е. что чисто металлическое обращеніе не можетъ гарантировать странѣ необходимое количество мѣноваго средства, доказываетъ денежный кризисъ и паника, случившіеся въ Калифорніи въ 1875 году. Вслѣдствіе сильнаго вывоза изъ нея золота въ Штаты съ неразмѣнными бумажными деньгами, оказался такой недостатокъ въ звонкой монетѣ, что банки были вынуждены оставить платежи. Подобное явленіе, какъ уходъ золота изъ Штата съ металлическою валютою въ Штаты съ неразмѣнною бумажною валютою, по научной теоріи, вовсе немислимъ, такъ какъ, согласно ей, напротивъ того, золото изъ страны съ неразмѣнными бумажными деньгами должно вытѣсняться ими изъ обращенія и уходить въ страну, имѣющую металлическія деньги. Однакожь, сверхъестественнаго въ указанномъ случаѣ ничего нибыло: золото ушло изъ Калифорніи какъ товаръ въ обмѣнъ за разныя, требовавшіеся ей произведенія другихъ Штатовъ. Фактъ этотъ важенъ лишь какъ наглядное доказательство несостоятельности научныхъ понятій относительно условій денежнаго обращенія.

Что неразмѣнными бумажными деньгами, вопреки мнѣнію ученыхъ экономистовъ, при выгодномъ торговомъ балансѣ, вовсе не служатъ препятствіемъ къ накопленію въ странѣ драгоценныхъ металловъ, можно видѣть на примѣрахъ Франціи и Американскихъ соединенныхъ штатовъ. Драгоценные металлы стали

высокаются въ нихъ въ значительномъ количествѣ, когда еще ни уменьшенія количества бумажныхъ денегъ, ни размѣна ихъ вовсе не было. Да и сама Россія представляетъ примѣръ наводненія драгоцѣнныхъ металловъ во время обращенія въ ней ассигнацій. Въ тридцатыхъ годахъ, за долго до переложенія ассигнаціонныхъ рублей въ серебряные, золотыя и серебряная монета, не только въ видѣ полуимперіаловъ и цѣлковыхъ, но и въ видѣ эфимковъ, талеровъ, франковъ и т. д., обращалась на внутреннихъ рынкахъ въ большомъ количествѣ. Драгоцѣнные металлы приливали въ Россію вслѣдствіе выгоднаго торговаго баланса, какъ послѣдствіе покровительственнаго тарифа, и накопленіе ихъ дало возможность Канкрину, при возстановленіи металлическаго обращенія и переложенія ассигнацій на кредитные билеты, образовать размѣнный фондъ на сумму болѣе 100 мил. руб. золотомъ и серебромъ, не прибѣгая для этого вовсе къ внѣшнему займу, а лишь посредствомъ вымѣна на кредитные билеты уже имѣвшихся въ странѣ золота и серебра.

На основаніи всего вышесказаннаго относительно денежнаго обращенія и условій, необходимыхъ къ прочному возстановленію металлической валюты, нельзя не признать, что французскіе и американскіе финансисты были вполне правы, отказавшись отъ попытокъ искусственнаго и насильственнаго поднятія цѣнности неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, посредствомъ ихъ консолидаціи или девальваціи, видя въ подобныхъ мѣрахъ лишь одинъ вредъ для страны и безполезнаю трату государственныхъ средствъ и кредита. Сознавая, что только одно развитіе туземной промышленности можетъ повести къ прочному возстановленію металлическаго обращенія и доставить средства къ погашенію государственныхъ долговъ, американцы приняли, какъ будетъ изложено ниже, самыя дѣйствительныя къ тому мѣры, которыя и увѣнчались такими поразительными экономическими и финансовыми успѣхами, какихъ не достигала, въ столь короткій періодъ времени, ни одна страна въ Европѣ.

О развитіи производительныхъ силъ въ странѣ и ея благопріятномъ экономическомъ и финансовомъ положеніи судятъ: по размѣрамъ ея внѣшней торговли, по развитію мануфактурной промышленности, по выгодному торговому балансу, отражающемуся на вѣсельныхъ курсахъ и на отсутствіи премій на золото, по эластичности поступленія налоговъ, равновѣсію въ государственномъ бюджетѣ и ея внѣшнему

кредиту или цѣнѣ ея долговымъ обязательствамъ на иностранныхъ денежныхъ рынкахъ.

Начнемъ съ вѣшной торговли сѣверо-американскихъ штатовъ. По нижеслѣдующимъ официальнымъ даннымъ за финансовый годъ по 30 июня, показывающимъ въ золотой валютѣ ¹⁾ вывозъ и привозъ товаровъ въ теченіи послѣднихъ 9-ти лѣтъ, можно судить о прогрессивномъ ея развитіи.

	Вывозъ.	Привозъ.	Привозъ противъ вывоза.	
			болѣе	менѣе
1869—70 г. дол.	392.771,768	435.958,408	43.186,640	—
1870—71 „ „	442.820,178	520.223,684	77.403,506	—
1871—72 „ „	444.177,586	626.595,077	182.417,491	—
1872—73 „ „	522.479,922	642.136,210	119.656,288	—
1873—74 „ „	586.283,040	567.406,342	—	18,676,698
1874—75 „ „	513.442,711	533.005,436	19.562,725	—
1875—76 „ „	540.384,671	460.741,190	—	79.643,481
1876—77 „ „	602.333,004	450.419,522	—	151.913,482
1877—78 „ „	680.683,798	422.896,884	—	257.786,964

Изъ этихъ данныхъ видно, что, въ теченіи первыхъ четырехъ лѣтъ, цѣнность привоза постоянно превышала цѣнность вывоза товаровъ, особенно же значителенъ былъ перевѣсъ привоза въ 1871—72 годахъ, достигавшій до 182 мил. дол. Перевѣсъ привоза надъ вывозомъ имѣлъ мѣсто, какъ во время войны, такъ и по окончаніи ея до 1872—73 года включительно. Послѣдующіе два года 1873—74 и 1874—75 года въ сложности представляютъ почти равновѣсіе привозовъ съ вывозами. Но съ 1875—76 г. вывозъ уже началъ брать рѣшительный перевѣсъ надъ привозомъ, и въ послѣднемъ 1877—78 году превышалъ его на 258 мил. дол. Если взять цѣнность вывоза изъ Соединенныхъ Штатовъ однихъ туземныхъ продуктовъ, доходившихъ въ 1867—68 году до 269.389,900 дол., то окажется, что вывозъ ихъ въ теченіи 10-ти лѣтъ увеличился болѣе чѣмъ на 411 мил. дол., или на 153%. Наибольшее увеличеніе вывоза оказывается въ слѣдующихъ продуктахъ:

	1867—68	1877—78	Увеличеніе. съ 1867—68 г.
Хлѣбъ и хлѣбные припасы . . . дол.	68.980,997	181.774,507	112.793,510
Животные припасы (provisions). . „	30.278,253	123.549,986	93.271,733
Каменный уголь, петродельтъ и масло. „	21.810,876	46.574,974	24.764,298

¹⁾ Цѣнность вывоза, показанная въ бумажной валютѣ, переведена въ золотую по средней годовой преміи на золото.

Драгоценныхъ металловъ вывезено и привезено было въ течение тѣхъ же лѣтъ:

	Вывозъ.	Привозъ.	Вывезено болѣе.
1869—70 г. дол.	58.155,666	26.419,179	31.736,487
1870—71 „ „	98.441,968	21.270,024	77.171,964
1871—72 „ „	79.877,534	13.743,689	66.133,845
1872—73 „ „	84.608,574	21.480,937	63.127,637
1873—74 „ „	66.630,405	28.454,908	38.175,496
1874—75 „ „	92.132,142	20.900,717	71.231,425
1875—76 „ „	56.506,302	15.936,681	40.569,621
1876—77 „ „	56.061,934	40.736,172	15.325,762

Въ первые же восемь мѣсяцевъ 1878 года золота было вывезено всего лишь на 610,000 дол. противъ 30.565,000 дол. одновременно въ 1876 году ¹⁾.

По мѣрѣ увеличенія вывоза туземныхъ товаровъ и сокращенія привоза иностранныхъ, вывозъ драгоценныхъ металловъ изъ Соединенныхъ Штатовъ уменьшался, а привозъ увеличивался; естественнымъ послѣдствіемъ чего было накопленіе драгоценныхъ металловъ въ странѣ и постепенное пониженіе преміи на золото. Гринбэки уже въ концѣ прошлаго года дошли до паритета съ золотою монетою; а количество драгоценныхъ металловъ въ казначействѣ, за вычетомъ металлическихъ депозитныхъ сертификатовъ, доходило на 1 ноября 1878 г. до 192 мил. дол., противъ 97½ мил. дол. на 1 ноября 1877 года.

Добыто было золота и серебра въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1869 году на 61.500,000 долларовъ; съ тѣхъ поръ добываніе ихъ постепенно увеличивалось, и въ финансовомъ году по 30 іюня 1878 г., дошло до 91 мил. долларовъ, почти на равную сумму какъ золота, такъ и серебра ²⁾.

Относительно привоза иностранныхъ товаровъ, особенный интересъ представляютъ нижеслѣдующія данныя о количествѣ безпошлинныхъ и пошлинныхъ товаровъ, поступившихъ таможенныхъ пошлинъ, а также процентномъ отношеніи пошлинъ къ цѣнности товаровъ.

¹⁾ Уменьшеніе вывоза драгоценныхъ металловъ изъ Соединенныхъ Штатовъ подтверждается и свѣдѣніями англійской таможи. Съ 1872 по 1877 г. было привезено въ Англію изъ Соединенныхъ Штатовъ золота и серебра на 53 мил. еун. стерл. а вывезено на 8½ мил., а въ 1878 г. привезено всего лишь на 2,482,067 еун. стер., а вывезено на 1,911,576 еун. стер.

²⁾ По свѣдѣніямъ начальника монетнаго двора док. Линдермана.

	Цѣнность товаровъ.		Поступило пошлинъ.	Процентное отно- шеніе пошлинъ къ цѣнности товар.
	Безпошлинныхъ.	Пошлинныхъ. Долларовъ.		
1869—70 г.	20.140,786	415.817,622	177.840,000	43%
1870—71 „	36.587,737	483.635,947	206.370,406	43%
1871—72 „	47.267,213	579.827,864	218.370,266	37%
1872—73 „	144.815,884	497.320,326	188.089,522	38%
1873—74 „	151.481,762	415.924,580	163.103,833	39%
1874—75 „	146.279,927	386.725,509	157.167,722	41%
1875—76 „	140.361,913	320.379,277	148.071,985	46%

Изъ этихъ данныхъ оказывается, что вслѣдствіе тарифа 1872 г., когда нѣкоторыя пошлины были понижены, а другія, преимущественно же на сырые продукты, совсѣмъ отмѣнены, привозъ беспошлинныхъ товаровъ сильно увеличился. Средній годовой привозъ ихъ, за первые три года, составлялъ около 34 мил. долларовъ, а за послѣдніе четыре года дошелъ до 146 мил. дол. въ годъ, т. е. увеличился болѣе, чѣмъ вчетверо. Такое сильное увеличеніе привоза беспошлинныхъ товаровъ естественно должно было повліять на уменьшеніе суммы пошлинныхъ товаровъ; но въ общей сложности привозъ тѣхъ и другихъ представляетъ сильное уменьшеніе въ послѣдніе три года.

Таможенный доходъ, хотя и понизился, вслѣдствіе отмѣны и пониженія нѣкоторыхъ другихъ пошлинъ тарифомъ 1872 г., съ 216 мил. дол. (около 290 руб. зол.) до 148 мил. дол. (около 200 мил. руб. зол.), но все-таки и въ настоящее время составляетъ около половины всѣхъ бюджетныхъ доходовъ.

Процентное же отношеніе суммы пошлинъ къ цѣнности пошлинныхъ товаровъ, не смотря на пониженіе пошлинъ, осталось почти безъ измѣненія; въ послѣдніе же годы даже увеличилось, вслѣдствіе сильнаго упадка цѣнъ почти на всѣ товары.

Сравнивая таможенный доходъ Сѣверо-американскихъ штатовъ съ таможеннымъ доходомъ Россіи за послѣдніе три года передъ войною, находимъ: что въ количественномъ отношеніи нашъ доходъ вчетверо менѣе американскаго, что процентное отношеніе къ стоимости пошлинныхъ товаровъ составляетъ всего лишь около 16%, т. е. почти втрое ниже чѣмъ въ Америкѣ, и что въ общей суммѣ бюджетныхъ поступленій нашъ таможенный доходъ составляетъ только 11-ую часть ихъ, тогда какъ американскій—половину.

Благодаря такому сильному таможенному покровительству, туземная мануфактурная промышленность Соединенныхъ Штатовъ сильно развилась, какъ доказываютъ слѣдующія данныя за рассматриваемый нами періодъ времени.

Потребленіе хлопка въ Соединенныхъ Штатахъ съ 1.097,000

киль въ 1871—72 году, увеличилось до 1.546,000 к. въ 1877—78 г., что представляетъ увеличеніе въ 6 лѣтъ на 449,000 киль или 41⁰/₁₀₀. Количество веретенъ на бумагопрядильныхъ съ 6.621,000 въ 1870 году, чрезъ пять лѣтъ дошло до 9.539,000.

Хлопчатобумажныхъ товаровъ было вывезено изъ Соединенныхъ Штатовъ въ 1873 году 16,655 мѣстъ, а въ 1877 году 104,507 мѣстъ.

Привозъ главныхъ иностранныхъ товаровъ съ 272.959,633 долларовъ въ 1872—1873 году, уменьшился до 124.211,734 долларовъ въ 1877—1878 году, т. е. въ пять лѣтъ на 148.747,899 долларовъ, или болѣе чѣмъ на половину.

Въ числѣ этихъ товаровъ было привезено по 30 июня:

Мануфактурныя издѣлія изъ хлопна ¹⁾ , шерсти, льна, шелка п т. д.	1873 годъ. дол.	1878 годъ.	Уменьшеніе.
Желѣза, стали и издѣлій изъ нихъ	159.464,248	85.355,181	74.109,117
„	59.308,452	9.057,633	50.250,819

Особенно замѣчательно сильное развитіе въ Соединенныхъ Штатахъ туземнаго производства рельсовъ и другихъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей, столь много способствующаго къ наиболѣе экономическому сооруженію желѣзныхъ дорогъ, этихъ важныхъ современныхъ факторовъ въ развитіи производительныхъ силъ страны. Производство желѣзныхъ и стальныхъ рельсовъ въ Соединенныхъ Штатахъ увеличилось съ 462,000 тоннъ (по 2,000 фун.) въ 1867 году, до 1.000,000 тоннъ въ 1872 году, или болѣе чѣмъ удвоилось въ пять лѣтъ. Хотя въ послѣдніе годы, съ окончаніемъ сооруженія нѣкоторыхъ главныхъ линій, какъ, напримѣръ, тихоокеанской дороги, прорѣзывающей весь материкъ Америки отъ одного океана до другаго, на протяженіи 5,000 миль (7,500 верстъ), — производство рельсовъ нѣсколько уменьшилось, но было все еще значительно и составляло въ 1876 году 879.629 тоннъ, а въ 1877 году 764,709 тоннъ (около 43 мил. пудовъ). Изъ годового отчета американскаго желѣзно-стального товарищества (American Iron and Steel Association) видно, что въ 1877 году доменныхъ печей въ Соединенныхъ Штатахъ имѣлось 716, и что онѣ могли выдѣлывать до 4 мил. тоннъ (224 мил. пудовъ) чугуна въ годъ; но въ дѣйствіи въ 1877 году изъ было всего лишь 416, производство же чугуна доходило до 2.314,585 тоннъ (около 129 мил. пудовъ).

¹⁾ Вывозъ хлопчатобумажныхъ издѣлій изъ Англій въ Соединенные Штаты уменьшился съ 133 мил. ярдовъ въ 1872 году, до 48 мил. въ 1878 году.

Производство бессемеровскихъ стальныхъ рельсовъ началось лишь въ 1867 году, въ Филадельфiи, и въ 10 лѣтъ съ 2,550 тоннъ дошло въ 1877 году до 432,169 тоннъ. Напротивъ того, производство желѣзныхъ рельсовъ съ 905,930 тоннъ въ 1872 году, понизилось до 382,540 тоннъ въ 1877 году. Производство бессемеровскихъ стальныхъ болвановъ (ingots) и другихъ сортовъ стали дало въ 1877 году 637,342 тонны, противъ 160,108 тоннъ въ 1872 году.

Вслѣдствіе такого сильнаго развитія туземнаго производства желѣзныхъ и стальныхъ рельсовъ, привозъ иностранныхъ рельсовъ, бывшій сперва весьма значительнымъ, въ послѣдніе годы почти совершенно прекратился. Привозъ ихъ съ 151,097 тоннъ въ 1867 году, дошелъ въ 1871 году до 595,321 тонны; но съ этого года сталь сильно уменьшалась, и въ 1876 и 1877 годахъ иностранныхъ рельсовъ привезено было всего лишь 33 и 12 тоннъ. Еще въ 1875 году „Economist“ указывалъ на неблагоприятныя для Англіи послѣдствія сильнаго развитія рельсоваго производства въ Соединенныхъ Штатахъ, вслѣдствіе чего они не только перестали нуждаться въ привозѣ англійскихъ рельсовъ, но являются уже опасными для нея конкурентами въ сбытѣ ихъ въ Канаду.

Насколько выиграли потребители, отъ такого развитія туземнаго производства желѣза и рельсовъ, можно судить по пониженію цѣны на послѣднія. Въ 1873 году средняя цѣна чугуна была 42⁸/₄ доллара, и стальнымъ рельсамъ 120¹/₂ дол. за тонну; въ декабрѣ же 1878 года чугунъ продавался отъ 16 до 19 долларовъ, а стальные рельсы по 42 дол. за тонну!

Такіе результаты, достигнутые безъ запрещенія привоза иностранныхъ рельсовъ, а благодаря лишь неуклонному взиманію не особенно высокой таможенной пошлины (70 цен. съ 100 фун. или около 33 коп. зол. съ пуда желѣзныхъ рельсовъ)—представляетъ поразительный контрастъ съ неуспѣхомъ развитія рельсоваго производства въ Россіи. Но объ этомъ мы поговоримъ подробнѣе впослѣдствіи.

Нисколько неудивительно, что, при такомъ сильномъ развитіи туземнаго производства рельсовъ, а пропорціонально ему, и другихъ желѣзно-дорожныхъ предметовъ, американцы успѣли соорудить, послѣ окончанія войны, въ теченіе 12-ти лѣтъ, болѣе 45,000 миль (свыше 67,000 верстъ) желѣзныхъ дорогъ. Въ 1865 году въ Соединенныхъ Штатахъ имѣлось 35,000 миль рельсовыхъ путей, а въ концѣ 1877 года до 80,000 миль (около 120,000 верстъ). И это громадное приращеніе произо-

шло при неразмѣнной бумажной валютѣ, при которой, какъ утверждаютъ люди науки, невозможно никакое развитіе промышленности и удешевленіе предметов!

Бывшая, въ 1876 году, Филадельфійская всемірная выставка доказала, какихъ блистательныхъ успѣховъ достигла въ послѣдніе годы американская мануфактурная промышленность. Въ этомъ вынуждены были сознаться и фритредерскіе журналы Англии, столь самоувѣренно утверждавшіе и предсказывавшіе, что неразмѣнными бумажными деньгами и высокій покровительственный тарифъ разорятъ страну въ конецъ и вынудятъ ея мануфактуристовъ переселиться въ Канаду. Вотъ, что было сказано въ „Economist'ъ“ по поводу отчета капитана Гальтона (Galton) о Филадельфійской выставкѣ¹⁾: „Капитанъ Гальтонъ, посѣтившій Филадельфійскую выставку, былъ сильно пораженъ представленными на ней доказательствами удивительныхъ успѣховъ, достигнутыхъ мануфактурными промышленностями Соединенныхъ Штатовъ въ послѣдніе двадцать лѣтъ. Капитанъ Гальтонъ утверждаетъ, и его свидѣтельство вполне подтверждается другими очевидцами, что достигнутые Америкой успѣхи, сравнительно съ тѣми, что было возможно до перехода правительственной власти въ руки республиканской партіи и до признанія покровительственной системы правительственной доктриной, превосходятъ всякое вѣроятіе. Не подлежитъ сомнѣнію, что на Филадельфійской выставкѣ произведенія американской промышленности затмили (outshone) уступающихъ имъ (inadequate) представителей англійской и другихъ европейскихъ мануфактуръ и, весьма вѣроятно, что геній механики и природныя промышленныя способности американскаго народа, дѣйствуя совместно, уже дѣйствительно достигли той высокой степени совершенства, на какой стоитъ мануфактурная промышленность въ старомъ свѣтѣ, или угрожаютъ вскорѣ сравняться съ нею. Капитанъ Гальтонъ полагаетъ даже, что британскія мануфактурныя издѣлія безнадежно утратили свой постоянный сбытъ на рынкахъ Соединенныхъ Штатовъ“.

Недавно, тотъ же журналъ²⁾, указывая на присущія американскимъ рабочимъ и ремесленникамъ энергію, смѣтливость и другія хорошія качества, говорилъ, что „не смотря на высокую заработную плату и болѣе дорогія средства жизни, они могутъ

¹⁾ См. „Economist“ 1876 г. стр. 1082.

²⁾ См. „Economist“ 1878 г. стр. 544.

производить нѣкоторыя издѣлія такъ же дешево, какъ и англичане, если еще не дешевле“.

Эти невольныя признанія громадныхъ успѣховъ американской мануфактурной промышленности, развившейся подъ эгидой таможеннаго покровительства, со стороны журнала, ратующаго за систему свободной торговли, какъ наиболѣе отвѣчающую торговымъ и промышленнымъ интересамъ Англій, служатъ лучшимъ доказательствомъ несостоятельности тѣхъ основныхъ истинъ фритредерскаго ученія, согласно которымъ покровительственная система должна служить лишь къ разворенію усвоившей ея страны, такъ какъ при ней, по завѣренію фритредеровъ, немислимы ни усовершенствованіе, ни удешевленіе издѣлій, вслѣдствіе отсутствія внѣшней конкуренціи; возможность же существованія внутренней конкуренціи съ однородными послѣдствіями для потребителей, экономическою наукою фритредеровъ положительно отрицается.

Впрочемъ, къ отрицанію внутренней конкуренціи, какъ къ одному изъ самыхъ сильныхъ аргументовъ своего ученія, фритредеры прибѣгаютъ лишь для убѣжденія людей, не одаренныхъ способностью самостоятельнаго уразумѣнія сути, или практической стороны дѣла. Когда же имъ приходится обращаться съ своими застрачиваніями, чтобы удержать отъ принятія покровительственной системы, къ такимъ дѣловымъ и практическимъ людямъ, какъ напримѣръ, князь Бисмаркъ, то внутренняя конкуренція не только не отрицается, но ей приписывается такая сила къ удешевленію предметовъ, какою не обладаетъ и внѣшняя конкуренція. Такъ, недавно, по поводу проекта князя Бисмарка ввести покровительственный тарифъ, „Economist“, въ статьѣ „Prince Bismark's Protectionism“, утверждалъ, „что, съ введеніемъ покровительственной системы, появится внутренняя конкуренція, гораздо болѣе сильная, чѣмъ конкуренція иностранныхъ государствъ¹⁾, и что вслѣдствіе ея положеніе рабочихъ классовъ еще болѣе ухудшится“. Очевидно, что у англійскихъ фритредеровъ, для поддержанія интересовъ Англій, даже признаваемые ими научныя истины, въ случаѣ надобности, получаютъ превратное толкованіе.

Что касается до предполагаемой фритредерами дороговизны жизни въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ неизбѣжнаго слѣдствія высокаго таможеннаго тарифа и обилія бумажныхъ неразбѣжныхъ денегъ, то очевиднымъ опроверженіемъ этого служатъ: во-

¹⁾ См. „Economist“ 1879 г. ст. 2.

первыхъ, постоянный громаднѣйшій вывозъ изъ нихъ, преимущественно въ Англію, разныхъ жизненныхъ припасовъ, а во-вторыхъ, постоянное переселеніе въ Соединенные Штаты выходцевъ также большею частью изъ самой Англіи, гдѣ жизнь казалось бы должна быть несравненно дешевле, при благотворномъ господствѣ системы свободной торговли и металлическаго обращенія.

Число переселенцевъ въ Соединенные Штаты, съ окончанія войны, постоянно увеличивалось; въ пятилѣтіе съ 1864 по 1868 годъ, среднимъ числомъ оно составляло въ годъ 268,000 человѣкъ, а въ пятилѣтіе, съ 1869 по 1873 годъ включительно, 383,000 чел. въ годъ. Въ послѣдніе четыре года, отчасти вслѣдствіе бывшаго въ 1873 году кризиса, число переселенцевъ въ Америку нѣсколько уменьшилось.

Сильный приростъ народонаселенія Соединенныхъ Штатовъ также доказываетъ привольное житіе и обиліе жизненныхъ средствъ ихъ обитателей. По переписи 1860 года, жителей въ Соединенныхъ Штатахъ считалось 31.445,080 человѣкъ, а по переписи 1870 года 38.558,371 человѣкъ, что представляетъ, не смотря на опустошительную трехлѣтнюю войну, стоившую жизни нѣсколькимъ стамъ тысячъ человѣкъ, увеличеніе, въ теченіе 10 лѣтъ, свыше 7 мил. душъ. По приблизительному исчисленію, въ 1 іюня 1876 года число жителей опредѣляли въ 45.627,000 человѣкъ и полагаютъ, что во времени общей переписи въ 1880 году, народонаселеніе въ Соединенныхъ Штатахъ дойдетъ до 50 милліоновъ.

А. Крас овъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКЪ ХЛѢВОПАШЕСТВА И КРЕСТЬЯНСКАГО БЫТА ВЪ ВОСТОЧНОЙ РОССИИ.

ГЛАВА XIV.

Хозяйственная экономія, рабочая плата, трудъ и
подати.

Въ этомъ краѣ есть много старинныхъ дворянскихъ семействъ, владѣющихъ огромными помѣстьями въ 50,000 казенныхъ десятинъ (81,000 акровъ), хотя, говоря вообще, находящееся въ единичномъ владѣнн помѣстье въ 5,000 десятинъ (13,500 акровъ) считается уже большимъ. Такъ какъ здѣсь не существуетъ маюратства, то почти всегда, послѣ смерти владѣльца, имѣнн дѣлится поровну между его дѣтьми — обыкновеннн, въ силу котораго, черезъ нѣсколько поколѣннй, самыя большія помѣстья постепенно раздробляются на мелкія части.

Хотя со времени обнаруженія манифеста объ освобожденнн крестьянъ прошло уже пятнадцать лѣтъ, но даже до сихъ поръ нерѣдко можно услышать громкія жалобы на тяжелое положеннн, въ которое это обстоятельство поставило всѣхъ помѣщиковъ. Переворотъ, отнявшій у нихъ разомъ всю рабочую силу и капиталы, имѣлъ дѣйствительно слишкомъ радикальный характеръ, чтобъ не отозваться въ значительной степени на благосостояннн помѣщиковъ, но не въ этомъ одномъ заключалась причина ихъ разоренія. Деморализующее влнннн крѣпостничества, пустившее въ нихъ средѣ слишкомъ глубокія корни, какъ будто отняло у нихъ всякую энергію и способность въ чемъ-либо себя сдерживать. Такимъ образомъ, когда явилась возмож-

ность получать изъ поземельныхъ банковъ капиталъ, выдаваемый подъ залогъ имѣній, большая часть помѣщиковъ не знала какъ имъ распорядиться и, тратя его безразсудно, часто этимъ ускорила свое окончательное разореніе. Основываясь на такихъ фактахъ, теперь многіе утверждаютъ, что банки, въ такой же мѣрѣ какъ и отмѣна крѣпостнаго права, способствовали разоренію помѣщиковъ.

Помѣстья, отдаленныя отъ Волги и Камы, пострадали больше, не потому только, что стоимость перевозки возвышается вслѣдствіе дальности разстояній, но что въ то же время увеличивается цѣна на рабочія руки—благодаря незначительности населенія по отношенію къ пространствамъ и дальности сообщеній съ вышеупомянутыми водными путями.

Въ Оренбургѣ, напримѣръ, хлѣбопашество сдѣлалось для помѣщиковъ невозможнымъ, и они сдавали свои земли или для обработки крестьянамъ, или казакамъ, башкирамъ и татарамъ подъ пастбища. Но со времени открытія Самарско-Оренбургской желѣзной дороги, т. е. полтора года тому назадъ, въ этомъ отношеніи многое значительно измѣнилось, и обработка въ полномъ смыслѣ слова дѣвственной земли уже заставила взглянуть на хлѣбопашество какъ на весьма выгодную статью дохода.

Обыкновенно помѣщики сами занимаются обработкою своей земли, или постоянно живя въ деревнѣ, или поручая завѣдываніе своимъ хозяйствомъ довѣреннымъ лицамъ и прикащикамъ. Въ противномъ случаѣ они сдаютъ землю по частямъ крестьянамъ, которые нанимаютъ ее подъ пастбища, платя за нее десятинно или по количеству головъ рогатаго скота. Тамъ, впрочемъ, не существуетъ класса людей, подобнаго нашимъ англійскимъ арендаторамъ-фермерамъ; но иногда болѣе зажиточные изъ приволжскихъ и саратовскихъ колонистовъ-нѣмцевъ арендуютъ большія дачи на продолжительные сроки или только на одинъ годъ. При заключеніи условія здѣсь непременно требуютъ отъ арендатора, чтобъ онъ оставлялъ землю на извѣстные и опредѣленные сроки подъ паромъ. Неблагоприятные для урожая года, каковы были 1872, 1873, 1874 и 1876, заставили многихъ прежнихъ помѣщиковъ бросить хлѣбопашество и продать свои имѣнія. Для многихъ изъ нихъ убытки, причиненные неурожаемъ, невознаградимы, потому что большинство этихъ господъ не въ состояніи отказаться отъ привычнаго роскошнаго образа жизни, вслѣдствіе чего прибѣгаютъ къ займамъ и, будучи всегда безъ денегъ, часто находятъ вынужденными

продавать свой хлѣбъ себѣ въ убытокъ, когда цѣна на него очень низка; такимъ образомъ они сами лишаются себя выгодъ, какія могли бы получить, выждавши для продажи хлѣба болѣе благопріятнаго времени.

Въ обоихъ вышеупомянутыхъ случаяхъ крестьянинъ терпитъ вдвойнѣ. Онъ поставленъ въ необходимость продавать свои земледѣльческіе продукты немедленно послѣ уборки съ поля и, что еще хуже, въ неурожайный годъ ему не только нечего продавать, но даже нечего и посѣять подъ зиму, какъ это было преимущественно въ прошломъ году. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ урожай въ 1876 году былъ такъ плохъ, что весной 1877 года у крестьянъ недостало сѣмянъ для посѣва, поэтому они наскребли изъ своихъ амбаровъ все что было—овесъ, пшеницу, рожь, безъ разбора, и засѣяли свои поля. Весь этотъ смѣшанный посѣвъ взошелъ, выросъ, созрѣлъ, но собранное съ него зерно было годно лишь для домашняго употребленія, но уже никакъ не могло идти въ продажу.

Земли, назначаемыя помѣщиками въ продажу, по большей части переходятъ въ руки купцовъ, которые, съ своими капиталами и съ своей привычкою къ постоянному труду, побуждаютъ многія препятствія, казавшіяся для помѣщиковъ непреодолимыми. Довозательствомъ дѣловыхъ способностей русскаго купца можетъ служить полнѣйшее отсутствіе жидовъ, которые положительно не смѣютъ показать носа въ восточномъ краѣ Россіи, начиная отъ самой Москвы. Въ купеческихъ имѣніяхъ заведенъ необыкновенный порядокъ во всемъ и всюду видѣнъ экономическій способъ веденія хозяйства. Кромѣ того, купецъ на столько смѣтливый человекъ, что сейчасъ пойметъ необходимость веденія хозяйственныхъ книгъ, чего почти никогда не дѣлается у другихъ хозяевъ, не придающихъ этому обстоятельству большаго значенія.

Русскій купецъ въ рѣдкихъ случаяхъ дѣйствуетъ по своей собственной инициативѣ; на примѣръ, если ему понравилась какая нибудь новая машина, то онъ сперва обратитъ вниманіе на то, какъ она работаетъ у другихъ и на сколько она выгодна, и тогда только самъ ее пріобрѣтаетъ. Полнѣйшую противоположность въ этомъ случаѣ представляютъ прежніе помѣщики, которые или покупаютъ всякую машину безъ разбора, или же относятся ко всемъ хозяйственнымъ нововведеніямъ вполнѣ индифферентно.

Въ Ново-Узенскомъ уѣздѣ, купцы и богатые крестьяне ведутъ большія торговыя дѣла, занимаясь посѣвомъ пшеницы. Они арендуютъ на годъ нѣсколько тысячъ десятинъ нови; около

іюня или іюля они посылаютъ внизъ по Волгѣ изъ Самары, Симбирска, Казани, цѣлыя артели рабочихъ для поднятія этой земли плугомъ; а весной они опять посылаютъ пахарей, чтобъ тѣ потомъ засѣяли и заборонили все поле. Въ жнитво туда изъ разныхъ мѣстъ отправляются цѣлыя массы народа для заработковъ: такимъ образомъ пшеница вся сжата, обмолочена машиной или лошадьми, зерно отправлено въ Самару, гдѣ складывается въ амбары, и все это въ короткій срокъ нѣсколькихъ недѣль. Много зарабатывается денегъ въ это время, хотя сухіе, знойные вѣтры нерѣдко губятъ самыя блестящія надежды на прибыль. Успѣшное окончаніе дѣла зависитъ главнымъ образомъ отъ быстроты, съ какою производилось жнитво пшеницы, ея молотба и затѣмъ отправка обмолоченнаго зерна въ городъ, такъ какъ тѣмъ временемъ могутъ начаться дожди, которые помѣшаютъ работѣ, а издержки на содержаніе и плата находящимся безъ дѣла рабочимъ могутъ быть такъ велики, что вмѣсто предполагаемыхъ выгодъ получится лишь одинъ убытокъ.

Когда ожидается обильный урожай, — изъ Симбирска, Казани и даже изъ Вятки, бываетъ такой приливъ рабочаго люда въ эти уѣзды, что наемная плата доходитъ иногда до самой ничтожной цифры. Подобные случаи повторились во многихъ мѣстностяхъ въ прошедшемъ году. Земли эти по большей части принадлежатъ правительству, которое по установленной цѣнѣ сдаетъ ихъ нѣсколькимъ крестьянамъ, а они, въ свою очередь, сдаютъ ихъ другимъ съ значительнымъ барышомъ.

Тамъ не рѣдкость арендаторы, имѣющіе отъ десяти до четырнадцати тысячъ десятинъ подъ посѣвами пшеницы—бѣлтурки, такъ что участокъ въ четыре тысячи десятинъ совсѣмъ не считается большимъ; я самъ лично зналъ одного богатаго крестьянина, который въ прошломъ году обрабатывалъ такимъ образомъ около 28,000 десятинъ. Пусть англійскій фермеръ вообразитъ себѣ тотъ эффектъ, каковой производитъ картина необозримаго пространства, покрытаго переливающимся моремъ спѣлой золотистой пшеницы!

Многіе помѣшники, не смотря на то, что имѣютъ въ своемъ владѣніи по нѣскольку сотъ десятинъ земли, не держатъ однакожь постоянныхъ работниковъ, но имѣютъ лишь управляющаго и надсмотрщика за работами. Они не держатъ ни воловъ, ни рабочихъ лошадей, а имѣютъ послѣднихъ лишь для своего собственнаго выѣзда; у нихъ нѣтъ ни плуговъ, ни боронъ, однимъ словомъ, никакихъ земледѣльческихъ орудій; нѣтъ даже своего гумна, такъ какъ всѣ земледѣльческія работы произво-

дятся крестьянами, которыхъ нанимають работать на ихъ собственныхъ волахъ и своими собственными орудіями. Подобная система очень распространена между помѣщиками, которые находятъ, что это единственный выгодный способъ хозяйства. Прилагаю въ видѣ образца расчетъ стоимости работъ при подобныхъ условіяхъ ¹⁾.

Пашня	6,00	рублей	съ	сороковой	десятины.
Посѣвъ и бороньба	3,00	"	"	"	"
Сѣмена	6,00	"	"	"	"
Молотьба	6,40	"	"	"	"
Жнитво и вязка сноповъ	8,00	"	"	"	"
Арендная плата, рассчитывая по	6,00	"	"	"	"
	<u>35,40.</u>				

Урожай 80 пудовъ по 60 копѣекъ дастъ 48 рублей.

За вычетомъ 35 руб. 40 к.

Дастъ чистой прибыли 12 руб. 60 к. съ сороковой десятины, т. е. 9 шиллинговъ съ акра; но 10 рублей чистаго дохода или 7 шиллинговъ 2 пенса съ акра, считается обыкновенно за среднюю цифру. Такой расчетъ существуетъ въ западной части Бугурусланскаго уѣзда.

Теперь прилагаю еще слѣдующій расчетъ, какъ образецъ самой высшей стоимости обработки посѣвовъ пшеницы въ Ново-Узенскѣ, въ чрезвычайно благоприятный для урожая годъ и почти при тѣхъ же условіяхъ:

Пашня	6	рублей	съ	сороковой	десятины.
Бороньба	2	"	"	"	"
Жнитво и вязка сноповъ	25	"	"	"	"
Молотьба	16	"	самая	вышая	цѣна по 20 коп. съ пуда.
Перевозка	20	"	на	большое	разстояніе по 2 1/2 в. мѣшковъ въ 10 пудовъ (=360 анг. ф.).
	<u>70</u>	рублей.			

Урожай въ 8 мѣшковъ, въсомъ 10 пудовъ, по 90 копѣекъ, дастъ 72 рубля съ десятины, т. е. чистаго дохода два рубля, выключая арендную плату, цифра которой ограничивалась лишь нѣсколькими копѣйками. Такой доходъ считается положительно ничтожнымъ. Слишкомъ урожайные годы тоже не считаются хозяевами за особенную благодать, потому что всѣ базары бывають въ то время переполнены привезеннымъ на продажу зерновымъ хлѣбомъ, цѣна котораго значительно падаетъ, между тѣмъ какъ плата за молотьбу и жнитво возрастаетъ иногда до невѣроятныхъ размѣровъ. Это, главнымъ образомъ, случается съ рожью, которая съется крестьянами въ большомъ количествѣ, такъ что если помѣщику придется заплатить по 14 рублей (т. е.

¹⁾ См. приложение.

вдвое противъ обыкновенной цѣны) только за одно житво, то это отзовется весьма чувствительно на его годовомъ бюджетѣ.

Земля сдается отъ 1 рубля до 10 рублей за шестидесятную десятину (8 казенныхъ десятинъ по 6 шиллинговъ и 8 пенсовъ за акръ). Цѣна земли бываетъ различная: отъ 10 до 60 рублей, а иногда и болѣе за десятину. Въ обоихъ случаяхъ цѣнность ея находится преимущественно въ зависимости отъ степени разстоянія ея отъ базаровъ и отъ большей или меньшей густоты населенія, чѣмъ отъ сравнительной доброкачественности почвы. Тутъ также вліяетъ цифра предшествовавшаго урожая и надежда на будущій.

Въ Бузулукскомъ и Николаевскомъ уѣздахъ есть земли принадлежащія башкирамъ, которые, не будучи народомъ осѣдлымъ, не обрабатываютъ ихъ, а перекочевываютъ съ одного мѣста на другое; земля же, остающаяся сверхъ количества, необходимаго имъ для пастбища скота, сдается ими крестьянамъ. Вслѣдствіе своего первобытнаго образа жизни, они могутъ отдавать свои земли въ аренду дешевле русскихъ помѣщиковъ. Русскіе крестьяне гораздо охотнѣе берутся за обработку земли для себя, не смотря на рискъ подобнаго предпріятія, чѣмъ соглашаются идти въ работники за извѣстную плату, и потому, хотя башкиры и понижаютъ арендную плату за землю, но за то возвышаютъ стоимость рабочихъ рукъ. Оренбургскіе и уральскіе казаки и киргизы держатся такой же методы относительно своихъ сосѣдей.

Полевыхъ работниковъ нанимаютъ на цѣлый годъ, заключая съ ними условіе не задолго до Пасхи. Хотя такія условія при наймѣ существуютъ всюду, но крестьяне нисколько не считаютъ ихъ для себя обязательными. Какъ только приближается лѣто и стоимость труда начинаетъ возрастать, они, подъ предлогомъ какихъ нибудь серьезныхъ домашнихъ обстоятельствъ, поцемному начинаютъ обращаться къ нанявшему ихъ хозяину съ просьбою отпустить ихъ домой; если же позволенія не получаютъ, то уходятъ и безъ него. Преслѣдованіе этихъ людей путемъ закона не поведетъ ни къ чему, потому что съ нихъ рѣшительно нечего взять. Во избѣжаніе такой непріятности, теперь всюду заведено обыкновеніе заключать условіе съ цѣлою артелью рабочихъ для выполненія какой нибудь работы; но дѣлать контрактъ съ однимъ подрядчикомъ, который обязуется поставить необходимое количество рабочихъ, положительно невозможно, — потому что или онъ надуваетъ ихъ, не платя имъ денегъ, или они въ

свою очередь обманываютъ его, забираютъ деньги впередъ, и затѣмъ совсѣмъ не являются на работу.

Наемъ работниковъ для поштучной работы даетъ обѣимъ сторонамъ лучшіе результаты, избавляя нанимателя и нанимаемаго отъ обоюдныхъ прѣтензій. Срочная работа представляетъ для лѣнивыхъ по своей природѣ людей много случаевъ исполнять ее недобросовѣстно, давая имъ возможность прибѣгать къ различнымъ уловкамъ, къ которымъ труднѣе прибѣгнуть при поштучной работѣ. Мнѣ самому случилось видѣть, какъ въ жаркій день лѣнивые работники загонали до такого утомленія своихъ воловъ, что пахать на нихъ долѣе оказывалось невозможнымъ; при этомъ, обыкновенно, вся вина сваливалась на сильный жаръ, а такъ какъ возвращаться домой далеко, то у нихъ и оставалось пропасть празднаго времени. Существуетъ еще одинъ общепотребительный у нихъ способъ, это—сказать, что они потеряли или забыли взять съ собою какую нибудь, необходимую для полевыхъ работъ, вещь, причемъ для разнообразія прибѣгаютъ иногда и къ другимъ, подобнымъ грубымъ уловкамъ. Вычитать у нихъ изъ жалованья за такую потерю вещи и времени было бы плохимъ утѣшеніемъ для нанимателя, потому что работа все-таки остается неисполненною, а при полевомъ хозяйствѣ, въ особенности въ Россіи, гдѣ всякое дѣло должно быть сдѣлано скоро и во-время, это обстоятельство представляетъ весьма важный вопросъ.

Самая дешевая цѣна рабочихъ рубъ—въ Бугульминскомъ и Ставропольскомъ уѣздахъ. Въ Самарскомъ, Бугурусланскомъ и Бузулукскомъ уѣздахъ она уже дѣлается дороже, но самая высокая цѣна бываетъ обыкновенно въ Николаевскомъ и Ново-Узенскомъ уѣздахъ. Когда работниковъ нанимаютъ на продолжительное время, то имъ сверхъ того даютъ также пищу и помѣщеніе. Подъ названіемъ помѣщенія понимается позволеніе спать гдѣ нибудь, какъ придется; а ежедневная пища состоитъ изъ пяти фунтовъ ржанаго хлѣба, причемъ два раза въ день дается каша (разваренное въ водѣ пшено съ $\frac{1}{2}$ фунт. говяжьяго сала, или подсолнечнаго масла по постнымъ днямъ); потомъ, въ послѣдствіи, къ этому стали прибавлять по полуфунту мяса; даютъ также и соль, а иногда въ замѣнъ мяса дается рыба. Содержаніе работника, считая вмѣстѣ наемную плату и пищу, обходится отъ 8 до 9 рублей (отъ 20 шиллинговъ до 22-хъ шиллинговъ и 6 пенсовъ) въ мѣсяцъ. Денежной платы работнику на всю зиму полагается отъ 10 до 20 рублей (отъ 25 до 50 шиллинговъ); обыкновенная помѣсячная плата 4¹/₂ рубля (11 шил-

линговъ и 3 пенса). Но во время уборки хлѣба плата работнику доходить до двухъ рублей (5 шиллинговъ) въ день; когда работа отдается поштучно, то работникъ получаетъ по 6 рублей—въ Ставропольскомъ уѣздѣ, и по 25 рублей—въ Ново-Узенскомъ уѣздѣ съ сотенной десятины (отъ 3 шиллинговъ и 3 пенса до 14 шиллинговъ съ акра). Косцамъ платятъ отъ 1 до 3 рублей съ сотенной десятины (отъ 6 пенса до 1 шиллинга и 6 пенса съ акра). Жнецы и косцы, кромѣ денежной платы, получаютъ также пищу; косцу выдается $\frac{1}{2}$ пуда (18 фунтовъ) ржаного хлѣба, $\frac{1}{2}$ пуда пшена или гречневой муки и 12 фунтовъ ($10\frac{3}{4}$ англійскихъ фунтовъ) съ сотенной десятины ($4\frac{1}{2}$ акра). При молотбѣ лошадьми крестьяне получаютъ отъ 4 до 8 копѣекъ съ пуда (отъ 2 до 4 пенса съ 60 фунтовъ), причемъ они обязаны производить эту работу на своихъ собственныхъ лошадяхъ. При молотбѣ паровою машиною, хозяинъ нанимаетъ цѣлую артель рабочихъ, которые всѣ вдругъ принимаются за дѣло, получая при этомъ почти ту же самую плату съ пуда пшеницы и двумя колѣвками больше при молотбѣ льняного сѣмени, съ хозяйскою машиною, перевозчикомъ ея и кочегаромъ; но только за эту же цѣну работники обязаны складывать въ стоги остающуюся солому и ею же топить машину. Молотба не рѣдко производится и ночью. Тогда наемные рабочіе дѣлятся на двѣ партіи, изъ которыхъ одна работаетъ днемъ, а другая—ночью, попеременно. Такъ какъ вся суть заключается въ томъ, чтобъ окончить молотбу какъ можно скорѣе, то работа идетъ тогда уже непрерывно, не разбирая праздниковъ и воскресныхъ дней.

Пашня стоитъ отъ 3 до 5 рублей за казенную десятину (отъ 2 шиллинговъ и 8 пенса до 8 шиллинговъ съ акра); но когда пахарь работаетъ на своихъ собственныхъ волахъ и своимъ плугомъ, то цѣна возвышается на два рубля за каждую казенную десятину. Когда крестьянинъ пашетъ сохою, то онъ беретъ за работу дешевле, но когда ему приходится поднимать плугомъ давнишнія, бывшія подъ пастбищемъ залежи, то цѣна дѣлается уже значительно дороже.

Въ виду меньшаго риска съ своей стороны и чтобъ не тратить денегъ, помѣшники предпочитаютъ этотъ способъ расплаты съ крестьянами за полевые работы; поэтому система сдачи земли въ аренду или обработка ея исполу очень распространена въ Россіи. Когда за работу приходится платить деньгами и урожай бываетъ плохой, то помѣщикъ теряетъ проценты и прибыль на свой капиталъ, заключающійся въ его земельной собствен-

ности, точно такъ же какъ теряетъ деньги, употребленные на жалованье работникамъ; но если крестьяне согласятся работать изъ-за известной условленной, хотя весьма невѣрной, доли будущаго урожая, то при плохомъ урожаѣ помѣщикъ теряетъ проценты и прибыль только съ своего земельного капитала. При такомъ способѣ хозяйства, землевладелецъ иногда выдаетъ свои сѣмена для посѣва и въ весьма рѣдкихъ, только самыхъ крайнихъ случаяхъ, соглашается дать крестьянину также своихъ воловъ, или сколько нибудь хлѣба на прокормъ. Получаемая отъ урожая прибыль дѣлится тогда такъ, что крестьянинъ получаетъ отъ одной трети до половины всего урожая, за вычетомъ сѣмянъ. При исполнительной системѣ, крестьянинъ, взявшійся обработать одну десятину какъ слѣдуетъ отъ начала до конца, получаетъ за это другую десятину земли, которую онъ можетъ обработать для себя; но большей части, земля сдается цѣлою общинѣ крестьянъ, съ условіемъ, чтобы всѣ участники въ этомъ дѣлѣ прежде исполнили всѣ необходимыя полевныя работы у помѣщика, а потомъ уже принимались за свои собственные на той землѣ, которую они получили въ личное пользованіе за обработку помѣщичьяго участка.

Крестьяне, какъ я уже и прежде говорилъ объ этомъ, рассчитываютъ по большей части на возможность попользоваться на землѣ сосѣднихъ арендаторовъ или землевладельцевъ пастбищами и лугами, что ставить ихъ, въ нѣкоторой степени, въ зависимость отъ послѣднихъ, имѣющихъ полную возможность слѣдить за потравами, извлекая изъ этого известнаго рода выгоду. Когда у крестьянъ нѣтъ пастбища, то помѣщикъ даетъ имъ его, требуя въ замѣнъ не денежной платы, а работы. Доставляя крестьянамъ удобный выгонъ для скота, онъ уже вполне обезпеченъ въ своевременной обработкѣ своихъ полей и въ уборкѣ родившагося на нихъ хлѣба, потому что, въ подобныхъ случаяхъ, первымъ условіемъ для крестьянъ ставится обязательство въ случаѣ благоприятной погоды прежде всего окончить обработку и уборку хлѣба съ господскихъ земель. Когда крестьянамъ приходится переживать трудное время зимою, что случается не рѣдко, то сосѣдній помѣщикъ даетъ имъ денегъ въ видѣ аванса за производство будущихъ работъ ¹⁾: нуждающійся крестьянинъ получаетъ, положимъ, 3 рубля (7 шиллинговъ и 6 пенсовъ) и за эту ничтожную сумму обязанъ сжать помѣщику въ этомъ же году одну шестидесятную десятину ($3\frac{1}{2}$ акра). Если урожай

¹⁾ См. приложение.

случится хорошій, когда за жнитво одной таковой десятины платить не менѣе 7 рублей (5 шиллинговъ съ акра), то бѣдный крестьянинъ терпитъ тогда большой убытокъ. Помѣщикъ всегда болѣе или менѣе обезпеченъ отъ убытка, рискуя потерпѣть его только въ случаѣ тяжелой болѣзни или смерти крестьянина, потому что, какъ бы низка ни была цѣна рабочихъ рукъ въ жнитво, она никогда не бываетъ ниже 3 рублей съ шестидесятной десятины. Тогда крестьянинъ, видя на сколько ему невыгодна такая сдѣлка, отбываетъ свою работу кое-какъ, чтобъ только поскорѣе окончить ее, и слѣдуетъ наняться въ другомъ мѣстѣ на жнитво, за которое ему заплатятъ дороже.

Налогъ, существовавшій въ 1876 году въ пользу государственныхъ доходовъ, составлялъ 1,1 коп. съ казенной десятины (10 шиллинговъ и 1 пенни съ 1,000 акровъ). Въ Самарѣ губернскія повинности опредѣлены были въ размѣрѣ 1,58 коп. съ рубля дохода, а дворянскія по одной копѣикѣ съ казенной десятины. Кроме того, существуютъ еще „уѣздныя“, т. е. мѣстные повинности, цифра которыхъ очень высока. Одинъ бузулукскій дворянинъ, которому я обязанъ еще многими интересными свѣдѣніями, былъ настолько любезенъ, что позволилъ мнѣ сдѣлать слѣдующую выписку изъ его бумагъ, гдѣ я могъ увидать сколько именно разныхъ податей и сборовъ приходилось ему заплатить въ одинъ годъ. Въ его владѣніи находится 3,304 казенныхъ десятинъ земли (9,020 акровъ), а подати взимались съ ипотечнаго дохода въ 2,721 рубль.

1. Государственныхъ повинностей по 1,1 коп. съ десятины въ количествѣ 3,304 казенныхъ десятинъ	= 36 руб. 34 коп.
2. Губернскихъ повинностей и окладныхъ сборовъ, по 1,58 к. съ дохода въ 2,721 рубль	= 42 „ 99 „
3. Уѣздныхъ, или мѣстныхъ повинностей и сборовъ по 6,8 к. съ вышеприведенной цифры дохода	= 234 „ 00 „
4. Дворянскихъ повинностей по 1 коп. съ десятины, всего съ 3,304 десятинъ	= 33 „ 34 „
	<hr/> 346 руб. 67 коп.

Въ составъ губернскихъ и уѣздныхъ повинностей входятъ также повинности на устройство школъ и починку мостовъ, а государственныя подати на содержаніе почтовыхъ станцій и проч.

ГЛАВА XV.

Земледѣльческіе институты и фермы.

При крѣпостномъ правѣ многіе помѣщики сами управляли своими имѣніями, съ помощью выбраннаго ими же самими, изъ среды своихъ крѣпостныхъ, смышленнаго прикащика, который по всей вѣроятности былъ выдрессированъ для этой должности самимъ помѣщикомъ. А болѣе обширныя имѣнія, владѣльцы которыхъ жили болѣею частью въ городахъ, находились подъ завѣдываніемъ нѣмца - управляющаго изъ Прибалтійскихъ провинцій, въ помощники которому давался прикащикъ изъ крѣпостныхъ.

Послѣ обнародованія положенія объ освобожденіи крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, большинство такихъ прикащиковъ или ушло на другое мѣсто, или приписалось опять въ общину крестьянъ своей родной деревни, или завелось своимъ собственнымъ хозяйствомъ, часто оставляя своихъ прежнихъ господъ въ весьма неприятномъ и затруднительномъ положеніи, такъ какъ имъ необходимо было имѣть при себѣ челоуѣка, которому бы они могли поручить завѣдываніе своими дѣлами. Эта необходимость, соединенная съ желаніемъ улучшить хлѣбонашество, послужила поводомъ къ основанію сельско-хозяйственныхъ заведеній въ различныхъ мѣстахъ государства. Во всей Россіи существуетъ десять сельско-хозяйственныхъ заведеній, изъ которыхъ семь находятся подъ завѣдываніемъ министерства государственныхъ имуществъ, одно подъ завѣдываніемъ министра просвѣщенія, а два остальныхъ подъ завѣдываніемъ земскихъ губернскихъ собраній. Изъ семи заведеній, находящихся въ вѣдѣніи министра государственныхъ имуществъ, два принадлежатъ къ высшему разряду, именно: Петровская земледѣльская академія близъ Москвы и Земледѣльческій институтъ (переведенный изъ Польши) въ Петербургѣ; къ среднему разряду принадлежитъ Маріинской земледѣльческій институтъ, въ Саратовской губерніи; Казанская земледѣльская школа въ Казанской губерніи; Земледѣльческая школа въ Горкахъ, Могилевской губерніи;

Уманская земледѣльческая школа въ Кіевской губерніи и Харьковская земледѣльческая школа въ Харьковской губерніи ¹⁾).

Я полагаю, что здѣсь встаетъ будетъ сказать нѣсколько словъ о Казанской земледѣльческой школѣ, которуя я посетилъ, чтобы дать понятіе на сколько русское правительство заботится о распространеніи въ народѣ правильныхъ и серьезныхъ сельскохозяйственныхъ свѣдѣній.

Участокъ земли, на которомъ выстроено это заведеніе, занимаетъ пространство въ нѣсколько десятинъ и вообще содержится прекрасно. Деревянные, имѣющіе видъ швейцарскихъ chalets, дома, гдѣ помѣщаются: директоръ училища, инспекторъ и учителя, окружены со всѣхъ сторонъ лужайками съ разбросанными по нимъ кустарниками и клумбами цвѣтовъ, между которыми извиваются убитыя щепнемъ дорожки подъ тѣнью посаженныхъ по обѣимъ сторонамъ деревьевъ, что производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе на путешественника, подвергавшагося долгое время рѣзкому порывистому вѣтру и палящимъ лучамъ, солнца въ степи, причѣмъ его невольно поражаетъ роскошная растительность на такой скудной почвѣ и посреди такой пустынной мѣстности. Тутъ сдѣлано все находившееся во власти человѣка, чтобы превратить бесплодный, песчаный клочокъ земли въ оживленное и веселое убѣжище. Въ срединѣ участка, принадлежащаго училищу, стоитъ главный корпусъ, къ которому примыкаетъ земля, назначаемая для практическихъ занятій учениковъ; направо—огородъ, гряды клубники, фруктовый садъ, сарай для земледѣльческихъ орудій и мастерская для починки ихъ; налѣво—дома учителей, ферма и принадлежащая къ ней строенія; а сзади—пчельники, расположенные въ лѣсу, который съ солнечной стороны примыкаетъ къ берегамъ озера Кабана.

Тамъ въ настоящее время находится около восьмидесяти учениковъ, то есть, двадцатью человѣками больше противъ того количества, какое полагалось первоначально для приѣма въ заведеніе, корпусъ котораго рассчитанъ былъ при постройкѣ только

¹⁾ Изъ приложенной таблицы читатель увидитъ, что въ школу принимаются воспитанники всякихъ сословій; здѣсь представлены статистическія цифры только четырехъ земледѣльческихъ школъ, находящихся: въ Горкахъ, въ Харьковѣ, въ Казани и въ Маріинскомъ институтѣ

Сыновей дворянъ, включая въ то число дѣтей оенцеровъ, служащихъ въ военной и морской службѣ, и дѣтей помѣщиковъ	140
Дѣтей лицъ духовнаго званія	26
Дѣтей крестьянъ, мясниковъ, солдатъ и колонистовъ	189
Дѣтей иностранцевъ	9

на помѣщеніе опредѣленнаго количества учащихся, но теперь представляется необходимость расширить его, къ чему и будетъ приступлено въ самомъ непродолжительномъ времени. Главный корпусъ представляетъ собою большое прямоугольное трех-этажное зданіе, въ нижнемъ этажѣ котораго расположены домашнія службы, столовая и химическая лабораторія; во второмъ, классныя комнаты и учебный кабинетъ съ библіотекой; а третій этажъ почти весь занятъ просторною общею спальною учениковъ, и одною комнатою меньшаго размѣра для учениковъ старшихъ классовъ. Въ этомъ-же этажѣ находится читальня съ приспособленнымъ къ ней музеемъ.

Хотя дома мѣстныхъ жителей вообще и не отличаются особенною опрятностью, но тутъ всякому иностранцу невольно бросаются въ глаза необыкновенный порядокъ и чистота какъ въ самомъ зданіи, такъ и во всемъ его окружающемъ. Здѣсь отъ учениковъ требуется самое строгое соблюденіе чистоты и опрятности, что также входитъ въ программу системы воспитанія мальчиковъ, тогда какъ во многихъ имѣніяхъ у весьма богатыхъ помѣщиковъ даже ихъ управляющій съ женой и дѣтьми помѣщается крайне тѣсно, въ двухъ-трехъ маленькихъ комнаткахъ, такъ что, при всемъ съ его стороны желаніи поддерживать у себя въ домѣ свѣжій воздухъ и соблюдать чистоту, это дѣлается положительно невозможнымъ.

Для поступленія мальчика въ училище не требуется большихъ познаній. Поступая въ низшій, т. е. въ первый классъ, онъ долженъ только умѣть бѣгло читать и быть въ состояніи мало-мальски толково разсказать имъ прочитанное. Долженъ также умѣть свободно и правильно писать и знать первыя четыре правила ариѳметики. Мальчики, окончившіе курсъ въ уѣздномъ училищѣ, могутъ поступать прямо во второй классъ ¹⁾.

Не считая себя компетентнымъ судьей въ степени значенія пользы, приносимой всѣми предметами, которые преподаются въ училищѣ и предоставляя другимъ, болѣе свѣдущимъ людямъ сдѣлать правильную оцѣнку ихъ, я позволю себѣ сдѣлать только одно замѣчаніе, что считаю положительно недостаточными познанія учениковъ фермы въ машинномъ дѣлѣ и въ томъ, что относится до земледѣльческихъ орудій. Не смотря на мое кратковременное пребываніе и поверхностное знакомство съ сельскимъ хозяйствомъ въ восточной Россіи, я могъ замѣтить, что многіе управляющіе имѣніями совсѣмъ не умѣютъ обращаться

¹⁾ Мальчики принимаются туда не моложе тринадцати-лѣтняго возраста.

съ машинками и употребленными на фермахъ земледѣльческими орудіями, вслѣдствіе чего бросаютъ ихъ какъ негодныя и неприбыльныя къ дѣлу, между тѣмъ, еслибъ они умѣли вѣстись за нихъ какъ слѣдуетъ, то много бы способствовали къ ихъ распространенію, что принесло бы не мало пользы хлѣбопашеству дѣлаго края. Прежде въ этомъ училищѣ была переносная пожарная труба и молотильная машина, но тамъ нашли невыгоднымъ ихъ держать и потому училищное начальство распорядилось продать ихъ, что очень жаль, потому что такія машины имѣются у многихъ помѣщиковъ и если вышедшій изъ школы ученикъ наймется куда нибудь въ прикащики, то ему придется постоянно прибѣгать къ помощи перваго встрѣчнаго мало свѣдущаго машиниста.

Для большаго поясненія лекцій, въ заведеніи есть хотя не большой, но хорошій сельско-хозяйственный музей, въ которомъ находятся модели разныхъ земледѣльческихъ орудій, механическіе аппараты, межевые инструменты, приборы для физическихъ опытовъ, восковыя модели лучшихъ породъ рогатаго скота, овецъ и пр., анатомическія фигуры, коллекція сѣмянъ, превосходный гербаріумъ, образки почвъ и удобрений и множество чертежей. Библиотека предоставлена совершенно въ распоряженіе старшихъ учениковъ и содержитъ, кромѣ русскихъ оригинальныхъ и переводныхъ книгъ, еще порядочный запасъ иностранныхъ изданій, спеціально касающихся разныхъ отраслей сельскаго хозяйства.

Теоретическія занятія происходятъ только въ зимнее время (отъ половины сентября до конца апрѣля) когда классы начинаются въ 8 часовъ утра и продолжаются до 1 часа пополудни; они состоятъ обыкновенно изъ трехъ полуторачасовыхъ уроковъ, съ короткими промежутками по окончаніи каждаго изъ нихъ. Послѣ обѣда ученики свободны и могутъ дѣлать что имъ угодно до самаго вечера, когда они должны готовить свои уроки въ слѣдующему дню. Хотя зимою и не бываетъ практическихъ занятій, однако учениковъ посылаютъ поочередно на скотный дворъ присматрѣть за племеннымъ скотомъ или заставляютъ присутствовать при молотбѣ и другихъ работахъ, какія случатся.

Лѣтомъ учениковъ заставляютъ работать въ полѣ, которое исключительно назначено для ихъ хозяйственныхъ упражненій, гдѣ ихъ учатъ какъ обращаться съ земледѣльческими орудіями, знакомятъ съ производствомъ всякихъ полевыхъ работъ, сопровождая ихъ практическими опытами, и гдѣ посѣяны все-

возможныя, встрѣчающіяся въ хлѣбопашествѣ того края, травы и растенія, для того, чтобъ ученики привыкли различать ихъ. Потомъ ученикамъ показываютъ на практикѣ способъ веденія фермерскаго хозяйства, уходъ за скотомъ, и предпринимаютъ съ ними ботаническія экскурсіи или посѣщаютъ другія формы, если таковыя найдутся гдѣ нибудь въ сосѣдствѣ. Практическіе уроки лѣсоводства, приготовленіе масла и пчеловодство ¹⁾ входятъ также въ составъ программы лѣтнихъ занятій.

Сорокъ учениковъ воспитываются тамъ на полномъ издѣніи правительства; другіе же платятъ въ годъ по 125 рублей (около 15 ф. стерл. 12 шиллин. 6 пенсовъ), включая въ эту сумму все—пищу, помѣщеніе, одежду, ученіе и книги. Кормятъ ихъ очень хорошо: утромъ—хлѣбъ съ молокомъ, а въ постыные дни медъ и хлѣбъ съ водой; въ часть пополудни—супъ съ варенымъ мясомъ или щи, жареная говядина (иногда рыба) съ картофелемъ и зеленью; въ четыре или въ пять часовъ—молоко съ хлѣбомъ; за ужиномъ то же самое, что за обѣдомъ. Лѣтомъ имъ даютъ, сколько хотятъ, лавомиться плодами, такъ какъ вслѣдствіе работы и движенія на открытомъ воздухѣ аппетитъ обыкновенно увеличивается. Употребленіе спиртныхъ напитковъ положительно запрещается. Тѣлесныхъ наказаній тамъ не существуетъ, а тѣ, которыя введены, не отличаются строгостью и заключаются: въ отнѣніи всегдашняго позволенія по правникамъ уходить домой, и въ сажаніи подъ арестъ, съ обязательствомъ выучить свой урокъ, при чемъ виновнаго запираютъ на ключъ. За постоянное непослушаніе, мальчики исключаютъ изъ заведенія. Что же касается до учениковъ, воспитывающихся на счетъ правительства, то ихъ наказываютъ тѣмъ, что лишаютъ права пользоваться ученіемъ бесплатно, заставляя вносить за себя сполна всю сумму, какую платятъ своекоштные ученики; а если это не подѣйствуетъ, тогда уже они подвергаются исключенію изъ заведенія. Впрочемъ, говоря вообще, съ русскими мальчиками ладить нетрудно, потому что большинство ихъ весьма кроткаго характера. Ученики, привышіе курить табакъ, всегда могутъ получить разрѣшеніе пользоваться этимъ удовольствіемъ.

По окончаніи воспитанникомъ курса своего ученія въ учи-

¹⁾ Владѣтіе обычая, существующаго у людей греко-россійскаго исповѣданія, зажигать передъ своими иконами множество восковыхъ свѣчей, является большое требованіе на воскъ, что и дѣлаетъ пчеловодство весьма выгодною отраслью сельскаго хозяйства.

лицѣ, т. е. по прошествіи четырехъ съ половиной лѣтъ, проведенныхъ имъ тутъ, и по засвидѣтельствованіи учителями удовлетворительности его знаній, его посылаютъ въ качествѣ помощника къ какому нибудь хорошему управляющему или известному хозяину-помѣщику, снабдивши его платьемъ и давши ему 125 рублей (около 15 ф. стерл. 12 шилл. 6 пенсовъ) на его издержки. Если управляющій останется доволенъ имъ въ теченіе годоваго срока, проведеннаго на испытаніи его способностей и свѣдѣній, то заведеніе выдаетъ воспитаннику аттестатъ на званіе ученаго помощника управляющаго. Послѣ шестилѣтней практики въ другихъ мѣстахъ, онъ долженъ представить въ заведеніе одобрительный отзывъ тѣхъ лицъ, у кого онъ жилъ, въ томъ, что онъ въ теченіе всего этого времени исправно исполнялъ порученное ему дѣло, и тогда ему выдаютъ свидѣтельство на званіе ученаго управляющаго; а послѣ десяти лѣтъ службы онъ уже получаетъ чинъ или дипломъ. Гдѣ бы онъ ни нанимался, онъ обязанъ немедленно сообщать объ этомъ своему училищному начальству. Жалованье, обыкновенно назначаемое помощнику управляющаго, бываетъ отъ 300 до 500 рублей (отъ 37 ф. стер. 10 шиллин. до 62 ф. ст. 10 шиллинговъ) въ годъ, включая тутъ содержаніе и помѣщеніе для его семейства; а получившій уже полный аттестатъ на званіе управляющаго или повѣреннаго получаетъ, вмѣстѣ съ содержаніемъ и помѣщеніемъ для своего семейства, отъ 600 до 2,000 рублей (отъ 75 ф. стер. до 250 ф. стер.) въ годъ.

Я полагаю, что вышеприведеннаго описанія будетъ достаточно, чтобъ дать понятіе о пріемахъ, которые легли въ основаніи образованія будущихъ русскихъ сельскихъ хозяевъ.

Система фермерскаго хозяйства, въ томъ видѣ, какъ она примѣняется къ дѣлу на фермѣ заведенія, составляетъ положительное исключеніе изъ общаго правила, чему доказательствомъ можетъ служить слѣдующій, существующій тамъ, плодоперемѣнный способъ посѣвовъ:

- 1) Парь, уваживаемый въ іюнѣ или въ іюлѣ.
- 2) Рожь или озимая пшеница.
- 3) Картофель.
- 4) Овесъ или яровая пшеница; греча или горохъ.
- 5) Клеверъ и тимофѣева трава, съ легкимъ верхнимъ слоемъ гипсового удобрения.
- 6) Клеверъ и тимофѣева трава.
- 7) Овесъ.

Введеніе въ систему плодоперемѣннаго хозяйства посѣвовъ

клевера и картофеля доказывает исключительность такого факта, повторения которого вы не встретите ни в одном хозяйстве того края. Нельзя, впрочем, не пожалеть об этом, так как, по всей вероятности, большинство учеников заведения, сделавшись через несколько лет управляющими имений, едва ли найдут хотя одно, где бы местные условия подходили к применению такого рода системы. Директор заведения, впрочем, говорил мне, что был вынужден прибегнуть к ней вследствие большого спроса на молоко как для самих воспитанников, так и для квартирующих около озера-Кабана солдат, а также и потому, что близость самого города Казани давала полную возможность дешево покупать там конский навоз. Нужно согласиться, однако, что такая система доставляет больше выгоды, чем та, которая принята в имениях, где зерновой хлеб составляет единственный выгодный для сбыта продукт. Сорок коров, которых держат на ферме, телятся тут постоянно, круглый год, так что недостатка в молоке уже положительно быть не может. Быков выписывают из Альгау и Оберингталя, предпочитая, впрочем, последних, так как скрещивание этой породы с русскими коровами дает помесь весьма крепкого и молочного скота. Пользоваться таким быком для улучшения породы скота могут все сельские хозяева за самую ничтожную плату. Так как коровы приносят больше телят чем сколько может их поместиться на ферме, то лишние приплоды продают, не смотря на высшее достоинство породы, почти за такую же дешевую цену, как и телят от простых крестьянских коров; но продают их собственно покупателям, известным заведению за людей, суживающих извлечь пользу из своей покупки. К несчастью, ферма расположена по близости от водопоя гуртов по оренбургскому скотопрогонному тракту и потому нужно всегда опасаться опустошений, причиняемых чумою. Разводимый на ферме племенной скот пользуется во всем крае большою известностью, так что, во избежание почти ежегодного возврата эпизоотии, которая истребляет значительное его количество, в настоящее время существует предположение, не смотря на большие издержки, проложить новую скотопрогонную дорогу на весьма далеком от фермы расстоянии. При основании фермы прежде всего обращено было внимание на хорошие, прочные постройки, которые даже и до сих пор не требовали никаких поправок, и которыми мог бы позавидовать любой хозяин-англичанин. Выключая благую цель поощрения крестьян к улучшению породы

племеннаго скота, ферма занимается также разведеніемъ сѣмянъ пшеницы, ржи и прочаго хлѣба, выводитъ хорошіе сорта картофеля, продавая все это помѣщикамъ и крестьянамъ безъ разбора, лишь бы только ввести въ край лучшія сѣмена, которыя бы давали большій урожай, и тѣмъ поднять экономическій бытъ края. Вырошенные на фермѣ сѣмена озимой пшеницы идутъ въ Симбирскъ и въ Вятку. Картофель на-расхватъ покупается крестьянами, а сѣмена овса, посѣянные на болѣе плодородной землѣ, даютъ необыкновенно большой урожай крупнаго и полнаго зерна. Въ доказательство того, какъ хорошо ведется это дѣло на фермѣ, я могу привести тотъ фактъ, что на Филадельфійской выставкѣ ей присудили первую медаль за льняное сѣмя.

При этомъ нужно замѣтить, что почва сама по себѣ тамъ чрезвычайно бѣдна, песчана и бесплодна, и что на ней ничто не можетъ расти безъ удобренія. Попробовали разводить хмѣль, для котораго отвели одну десятину, и она дала отличный урожай; желающимъ заниматься этою отраслью хозяйства отводки хмѣля даются безвозмездно. Могу привести еще другой, весьма интересный фактъ въ этомъ же родѣ; покупаются земледѣльческія орудія съ тѣмъ, чтобы испробовать ихъ и чтобы въ то же время доставить сосѣднимъ землевладѣльцамъ возможность также испытать ихъ, чѣмъ они, разумѣется, пользуются бесплатно и, такимъ образомъ, узнаютъ достоинство машинъ раньше, чѣмъ ихъ купить.

Безъ сомнѣнія, подобная образцовая ферма не могла бы вести своихъ дѣлъ въ такомъ видѣ и въ такихъ широкихъ размѣрахъ, еслибъ завѣдывающіе ею не усвоили себѣ основной цѣли этого учрежденія, причемъ слѣдуетъ отдать имъ полную справедливость, что всѣ тамъ служащіе, безъ исключенія, относятся къ своей задачѣ горячо, употребляя свои соединенныя силы и энергію на серьезное улучшеніе хлѣбопашества въ томъ край.

Благодаря любезности профессора Малышева, я имѣю теперь возможность представить читателю смѣту суммъ, необходимыхъ на содержаніе всѣхъ сельско-хозяйственныхъ заведеній въ Россіи за нынѣшній годъ. Такихъ казенныхъ заведеній, какъ я уже говорилъ выше, счетовъ пять, на годовое содержаніе которыхъ требуется затрата 131,675 рублей (около 16,459 ф. ст.), которая съ дополнительной суммой въ 61,505 рублей (около 7,688 ф. стерл.), необходимой для поддержки этихъ фермъ, составляетъ цифру въ 193,180 рублей — или 24,147 ф. стер-

лингвовъ — затрачиваемыхъ ежегодно только на одни учебныя заведенія для образованія будущихъ сельскихъ хозяевъ.

Правительство дѣйствуетъ не менѣе энергично и на другихъ поприщахъ. Такъ какъ для процвѣтанія хлѣбопашества недостаточно имѣть однихъ образованныхъ управляющихъ, а необходимо развитіе образованія во всемъ сельскомъ сословіи, то на устройство элементарныхъ сельскихъ школъ ассигнуются ежегодно крупныя суммы, и теперь за послѣдніе годы вы найдете такую школу почти въ каждой самой отдаленной и самой глухой волости.

Въ настоящемъ сочиненіи я старался безъ всякихъ прикрасъ представить простой, правдивый очеркъ хлѣбопашества и крестьянскаго быта въ восточной Россіи. Я, какъ умѣлъ, описалъ самыя интересныя подробности относительно климата, почвы, скотоводства и проч., но преимущественно желалъ указать на мѣры, принимаемыя правительствомъ для улучшенія внутренняго устройства и благосостоянія страны. Но многія изъ благихъ началъ еще не могли быть доведены до конца, вслѣдствіе недавней несчастной войны, и многимъ, уже вполнѣ созрѣвшимъ, хорошо обдуманнмъ планамъ, назначеннымъ къ исполненію въ прошедшемъ году, не суждено пока было осуществиться, и они отложены до болѣе благопріятнаго времени, когда грозныя тучи, покрывающія политическій горизонтъ, разсѣются совершенно.

Приложеніе 1).

Стоимость производства полевыхъ работъ, въ 1876 году, на Вознесенскомъ заводѣ, близъ Мелекеса, Оренбургской губерніи, въ имѣніяхъ принадлежащихъ русской компаніи мѣдно-плавильныхъ заводовъ.

1) Этотъ расчетъ и записка присланы были мнѣ мистеромъ Рикардомъ, главноуправляющимъ въ Россіи, слишкомъ поздно и потому не могли быть включены въ самый текстъ книги.

	Расчетъ съ каменной десятины.
Пашня	3 руб. — к.
Вторичная перепахка земли и засѣвъ ея	2 > 75 >
Полотье (въ теченіе года отъ 50 до 60 рублей)	0 > 05 >
Жнитво	2 > 50 >
Складываніе хлѣбовъ въ копны (включая тутъ подвозъ сноповъ)	1 > 25 >
Молотьба (паровою машиною) и доставка зерна съ поля въ амбары на растояніи 10 верстъ, по 5 коп. съ пуда; 65 пудовъ съ десятины	3 > 25 >
Сушка зерна (не всего)	— > 45 >
Застрахованіе амбаровъ и сельско-хозяйственныхъ построекъ	— > 60 >
Присмотръ за работою, общіе расходы и порча матеріала	4 > 40 >
	Итого 18 р. 25 к.

Примѣчанія.

Почва—такъ называемый песчаный черноземъ.

Въ хлѣбопанствѣ господствуетъ повсемѣстно трехпольная система хозяйства.

Всѣ полевые работы производятся, живущими въ окрестныхъ деревняхъ, русскими, татарами и башкирами, съ которыми, для обезпеченія себѣ необходимаго количества рабочихъ рукъ, заключаются контракты за полгода, а иногда и за цѣлый годъ впередъ. При заключеніи контракта имъ выдается задатокъ, какъ это всюду дѣлается въ Россіи. Работники являются съ своими собственными земледѣльческими орудіями, выключая такія, которыя замѣняются имѣющимися на хуторѣ машинами, именно: молотильной, вѣяльной и зерносушильной. Только благодаря этому способу заключенія контрактовъ, мы можемъ имѣть достаточное количество работниковъ за чрезвычайно дешевую цѣну. По прошествіи семи лѣтъ, въ хозяйственныхъ книгахъ уже не приходится записывать долговъ по контрактамъ, а если и встрѣтятся гдѣ недоимки, то онѣ весьма незначительны.

Попытка носѣва подъ зиму пшеницы оказалась неудачною, какъ и вездѣ въ этой мѣстности Россіи ²⁾.

²⁾ Попытка сѣять озимую пшеницу вездѣ болѣе или менѣе оказалась неудачною, и потому была оставлена; но трехгодичные опыты такихъ посѣвовъ въ Тимашевѣ доказали, что озимая пшеница можетъ быть акклиматизирована. Обыкновенно въ этихъ случаяхъ всѣ ограничивались опытомъ только одного года; но еслибъ попробовали повторить его нѣсколько лѣтъ еряду, бравши сѣмена послѣдняго урожая, то я полагаю, что можно было бы достигнуть дѣйствительно успешныхъ результатовъ. Къ несчастію, во всемъ, что ни предпринимаютъ русскіе землевладельцы, они обезкураживаются при первой неудачѣ и большею частію не повторяютъ той же попытки въ другой разъ.

Рожь—болѣе надежный хлѣбъ, дающій въ большинствѣ случаевъ равный урожай; но сѣять пшеницу все-таки оказывается гораздо выгоднѣе.

Относительно свойствъ почвы сказать болѣе нечего, кромѣ того, что уже было говорено выше.

Г. Л. Ротъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ГРИБОѢДОВЪ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА.

Пятьдесятъ лѣтъ назадъ, въ столицѣ азіатскаго государства, нѣкогда игравшаго значительную роль въ исторіи, но теперь уже давно опустившагося и одичавшаго, разсвирѣпѣвшею толпою народа, фанатизированнаго мусульманскимъ духовенствомъ, былъ убитъ дипломатическій представитель Россіи.

По странному стеченію обстоятельствъ, это былъ въ то же время и представитель высшей духовной жизни нашей родины, великій поэтъ, авторъ безсмертной комедіи „Горе отъ ума“ — А. С. Грибоѣдовъ.

Память его чествовала въ февралѣ мѣсяцѣ вся Россія.

Онъ былъ поэтъ въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова, — явленіе высокое, человѣкъ — заслужившій благоговѣнное уваженіе поколѣній. Кто не знаетъ наизусть дивныхъ стиховъ изъ его безсмертнаго созданія, органически вошедшаго въ нашу нравственную жизнь!

Въ русской литературѣ сложился высокій идеалъ поэта, возвышенный взглядъ на его призваніе. На свое дѣло наши поэты смотрятъ, какъ на предлежащій имъ великій нравственный подвигъ.

Лермонтовъ, этотъ представитель страстнаго протеста противъ общественной пустоты, негодуя на современность, съ горечью вспоминаетъ о тѣхъ прошлыхъ временахъ, когда „звукъ могучихъ словъ“ поэта

Воспламенялъ бойца для битвы,

когда

Онъ нуженъ былъ толпѣ какъ чаша для вировъ,

Какъ еміямъ во дни молитвы.

Твой духъ (говорить онъ поэту), какъ Божій громъ, носился надъ толпой

И отзвукъ мыслей благородныхъ

Звучалъ какъ колоколъ на башнѣ вѣковой

Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.

Такъ же точно думалъ о призваніи и назначеніи поэта и нашъ первый и великій писатель — Пушкинъ, гордившійся, подъ вонецъ жизни, тѣмъ, что „пробуждалъ“ своею „лирой“ „добрыя чувства“, что „былъ полезенъ“ „живою прелестью стиховъ“. Поэта разумѣлъ онъ подъ своимъ пророкомъ, и къ поэту обращены слова Бога, даровавшаго человѣку, „томившемуся духовной жаждою“, дары прозрѣнія, мудрости и огненного слова:

Возстань, пророкъ, и вѣждь, и внемли,

Исполнися волею Моей—

И, обходя моря и земли,

Глаголомъ жги сердца людей!

Великій лирикъ Гоголь возмущался мнѣніемъ о поэзіи тѣхъ „безотвѣтныхъ, мертвыхъ обитателей“ земли, которые были „страшны“ ему „недвижнымъ холодомъ души своей и бесплодной пустыней сердца“, возмущался ихъ взглядомъ на поэтическія созданія какъ на „побасенки“: „Побасенки!... а, вонъ, протекли вѣки, города и народы снеслись и исчезли съ лица земли, какъ дымъ унеслось все, что было; а побасенки живутъ и повторяются понынь... Побасенки! А вонъ: стонуть балконы и перила театровъ; все потряслось, съ низу до верху, превратясь въ одно чувство, въ одинъ мигъ, въ одного человѣка, всѣ люди встрѣтились какъ братья въ одномъ душевномъ движеніи, и гремѣть дружнымъ рукоплесканьемъ благодарный гимнъ тому, котораго пятьсотъ лѣтъ какъ нѣтъ на свѣтѣ. Слышать ли это въ могилѣ истлѣвшія его кости? отзывается ли душа его, терпѣвшая суровое горе жизни?... Побасенки! Но міръ задремалъ бы безъ такихъ побасенокъ, обомлѣла бы жизнь, плѣсенью и тиною покрылись бы души“.

Современникъ и другъ Гоголя—Языковъ, прекрасно воспользовался, для объясненія высоты призванія поэта, византійскимъ преданіемъ о чудесномъ спасеніи отъ землетрясенія. Преданіе это извѣстно: отрокъ, подхваченный „невѣдомою“ силой, подслушалъ на небѣ ангельскую пѣсню Богу, принесъ эту пѣсню долу,—и ею спаслась Византія.

Такъ ты, поэтъ, въ годяну страха
 И колебанія земли,
 Несись душой превыше праха
 И ликамъ ангельскимъ внемля,
 И приноси дрожащимъ людямъ
 Молитвы съ горней вышины,
 Да въ сердцѣ примемъ ихъ—и будемъ
 Мы нашей вѣрой спасены.

Въ трудныя эпохи нравственнаго паденія общества, поэтъ долженъ будить, въ душахъ людей, заглушія, временно заснувшія, лучшія, возвышенныя чувства и помыслы.

То же самое, что въ сейчасъ приведенныхъ стихахъ, ска- залъ и другой, болѣе близкій къ намъ, годъ тому назадъ усопшій „пѣвецъ народа“. Не вѣрь,—обращается онъ къ поэту,—

Не вѣрь, чтобъ вовсе пали люди:
 Не умеръ Богъ въ душѣ людей,
 И вопль изъ вѣрующей груди
 Всегда доступенъ будетъ ей.
 Будь гражданинъ! служи искусству,
 Для блага ближняго живи,
 Свой гевій подчиняя чувству
 Всеобнимающей любви!

Вѣра въ человѣческую душу и любовь къ ней, служеніе духовному благу ближняго—нравственный долгъ поэта.

Таковъ идеаль поэта, опредѣлившійся въ нашей литературѣ. И близко подошелъ къ этому идеалу Грибоѣдовъ. Пламя любви и негодованія ключемъ бьетъ изъ его комедіи; огненное слово ея жжетъ сердца людей, не даетъ человѣческой душѣ покрыться плѣсенью и тиною, ибо соединено съ пламенною вѣрой поэта, что въ этой душѣ не умеръ Богъ.

Отвлеченно-эстетическая критика не можетъ быть довольна комедіей Грибоѣдова, потому что въ ней нѣтъ строго-правильнаго развитія дѣйствія изъ одного зерна, сцена за сценой. Комедія вся проникнута лирическими порывами, она тревожна, неспокойна; она вмѣстѣ и драма, и сатира, и элегія.

Причинами такого явленія: во первыхъ, молодость Грибоѣдова (смерть застигла его, когда не успѣли еще перебродить и установиться его силы); во вторыхъ, то обстоятельство, что комедія его отразила въ себѣ великую борьбу, вѣчно со-

вершающуюся въ жизни. И въ обществѣ, и въ личномъ мірѣ
каждаго человѣка—по слову поэта—

Духъ съ землею ведутъ брани.
Земь не хочетъ стать рабою
И нѣтъ силы скинуть бремя;
Духу-жъ неба невозможно
Съ этой глыбой породиться.

Весь интересъ „Горя отъ ума“ сосредоточенъ на борьбѣ
человѣка духа—Чацкаго, съ служителями плоти—Фамусовымъ
съ товарищами, принесшими въ жертву матеріальнымъ интере-
самъ жизни всѣ духовныя стремленія и идеалы.

Куда какъ чуденъ созданъ свѣтъ!
Пофилософствуй—умъ вскружится!
То бережешься, то объѣдъ;
Вшь три часа, а въ три дня не сварится.

Такъ разсуждаетъ Павелъ Афанасьевичъ Фамусовъ. И эта жи-
вотная философія есть рычагъ всей его дѣятельности.

Нравственной стороны жизни Павелъ Афанасьевичъ не по-
нимаетъ; не понимаетъ ея и все его общество: Молчалины, Заго-
рѣцкіе, Скалозубы, Хлестовы,—эти представители идей и чувствъ
отжившаго XVIII-го вѣка.

Павелъ Афанасьевичъ Фамусовъ изображенъ въ комедіи
какъ общественный дѣятель, чиновникъ, и какъ отецъ. Какъ
общественный дѣятель онъ стоитъ очень низко. Онъ служить
не „дѣлу“, а „лицамъ“ (по выраженію Чацкаго). Онъ учитъ
Чацкаго, во второмъ актѣ, какъ надо служить. Идеаль служа-
щаго человѣка для него—только что умершій дядя его Максимъ
Петровичъ, камергеръ двора императрицы Екатерины, знатный
и богатый, тщеславный и высокомѣрный съ низшими, унижен-
ный предъ высшими.

На куртагѣ ему случилось оступиться—

(разсказываетъ про Максима Петровича Фамусовъ)

Упалъ, да такъ, что чуть затылка не прошибъ.
Старикъ захохалъ... голосъ хрипкой...
Былъ высочайшею пожалованъ улыбкой—
Изволили смѣяться... Какъ же онъ?
Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ,
Упалъ вдругорядъ, ужъ нарочно;

А хохоть пуше,—онъ и въ третій такъ же точно!
 А? какъ по вашему? По нашему—смышлентъ:
 Унагъ онъ больно,—всталъ здорово.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ,
 замѣчаетъ Чацкій, —

Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея,
 Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали жомъ,
 Стучали объ полъ, не жалѣя.

Дѣломъ Фамусовъ не занимается: для этого у него есть секретарь—Молчалинъ; онъ только подписываетъ бумаги. У меня,—говорить онъ,—

Что дѣло, что не дѣло—
 Обычай мой такой:
 Подписано, такъ съ плечъ долой.

Мѣста у себя раздаетъ онъ только своимъ родственникамъ. Въ поговорку вошли его слова:

Какъ станешь представлять къ крестинку или къ мѣстечку,
 Ну, какъ не порадовать родному человѣчку!

Какъ отецъ, Павелъ Афанасьевичъ тоже стоитъ низко. Онъ не понимаетъ родительскихъ чувствъ.

Мать умерла—умѣлъ я признаться,
 Въ мадамъ Розье, вторую мать!

попрекаетъ онъ Софью Павловну, убѣжденный, что родительскія чувства можно купить за деньги. Онъ воспитываетъ и учитъ свою дочь, но потому только, что этого требуетъ свѣтъ, и притомъ совершенно вѣшнимъ образомъ. Какъ всѣ московскіе отцы его общества, онъ (по выраженію Чацкаго) хлопочеть

набирать учителей полки,
 Числомъ побольше, дѣною подешевле.

Эти дешевые педагоги обучаютъ Софью Павловну (по его собственнымъ словамъ)

И танцамъ, и пѣнью, и вѣжностямъ, и вздохамъ.

Благовоспитанная дѣвица, по его мнѣнію, должна только умѣть не уронить себя въ гостиной, понравиться свѣтскому обществу. Онъ въ восторгѣ отъ московскихъ барышень:

Умѣютъ же себя онѣ приварадить
 Тафтицей, бархатцемъ и дымкой;
 Словечка въ простотѣ не скажутъ—все съ ужимкой!
 Французскіе романсы вамъ поютъ
 И верхнія выводить нотки;
 Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,
 А потому, что патриотки...

Павель Афанасьевичъ заботится и о замужествѣ дочери. Но не за того хочетъ онъ отдать ее, кто могъ бы составить ей счастье, кого она могла бы полюбить. Онъ прочитъ ей въ женихи полковника Скалозуба, потому что такой выборъ одобрить свѣтъ. А что Софья Павловна терпѣть не можетъ Скалозуба, что ей

все равно, что за него, что въ вогу,

до этого Павлу Афанасьевичу нѣтъ дѣла,—важно только то,

что станеть говорить
 Княгиня Марья Алексѣвна.

Молчалинъ совершенно достоинъ своего начальника и поровителя. Это—тотъ же Фамусовъ, но еще не добившійся высшаго мѣста по службѣ, и потому молчаливъ, скромный, только унижающійся.

Мнѣ завѣщаль отецъ

(говорить онъ Лизѣ въ припадкѣ увлеченія и откровенности)

Во первыхъ, угождать всѣмъ людямъ безъ изъятія:
 Хозяину, гдѣ доведется жить;
 Начальнику, съ кѣмъ буду я служить;
 Слугѣ его, который чистить платье;
 Швейцару, дворнику—для избѣжанья зла;
 Собакѣ дворника, чтобъ ласкова была.

И доброе наставленіе не пропало даромъ: Молчалинъ такъ и живетъ, какъ училъ отецъ.

Въ мои гѣта не должно смѣть
 Свое сужденіе имѣть—

высказываетъ онъ Чацкому свое задушевиѣйшее убѣжденіе, поясняя его словами:

Въ чинахъ мы небольшихъ.

У него (по словамъ его) два таланта: умѣренность и аккуратность. И онъ пробивается въ люди (и, конечно, пробьется) при служиваньемъ и низкопоклонничествомъ. Такъ, на балу у Фаму-

сова, онъ весь вечеръ ухаживаетъ за вліятельной особой—Хлестовой: играетъ съ нею въ карты, гладитъ ея собачку.

Вашъ шницъ—прелестный шницъ: не боги ваперста;
Я гладилъ все его: какъ шелковая шерстка.

(говоритъ онъ), и растроганная Амфіса Ниловна съ покровительственною, хотя и полу-презрительною нѣжностью, благодаритъ его:

Спасибо, мой родной!

и, конечно, при случаѣ, замолвить за него свое сильное словечко.

Глупый, но практически-ловкій, дѣлецъ и плутъ, трусливый и въ тоже время дерзкій, онъ способенъ на всякую низость изъ-расчета.

Будущаго зятя Фамусова полковника Скалозуба (этотъ „золотой мѣшокъ“, мѣтящій въ „генералы“) отлично характеризуютъ слова о немъ Чацкаго и Софьи Павловны.

Онъ слова умнаго не выговорилъ сроду—

говоритъ Софья. И въ самомъ дѣлѣ—онъ глупъ. Онъ можетъ говорить только о своей службѣ и ни о чемъ болѣе. Но не преданность службѣ причиной этому: въ службѣ онъ понимаетъ лишь внѣшнюю ея сторону; онъ говоритъ только о „мундирахъ, выпушкахъ, погончикахъ, петличкахъ“, о чинахъ и орденахъ. Когда Чацкій при немъ нападаетъ на пристрастіе московскаго общества къ внѣшнему блеску мундира, особенно гвардейскаго, онъ воображаетъ, что тотъ защищаетъ армію, и отъ себя вставляетъ словечко:

А въ первой арміи когда отстали? въ чемъ?
Все такъ прилажено, и талии всѣ такъ узки,
И офицеровъ вамъ вачтемъ,
Что даже говорятъ инае по-французски!

Достоинство арміи, отражавшей въ великую войну 1812 года страшнаго врага, почтенный полковникъ измѣряетъ „узостью“ офицерскихъ талій. Не даромъ Чацкій назвалъ его — „созвѣдіемъ маневровъ и мазурки“. Въ дѣлахъ, въ бою, онъ не могъ отличаться ни умомъ, ни героизмомъ. Онъ (по словамъ Чацкаго) только

прямыною стана,
Лицомъ и голосомъ герой.

Простодушіе его такъ велико, что онъ откровенно сознается, что радуется быстротѣ своего хода по службѣ, вслѣдствіе того, что

То старшихъ выключать иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты.

Какъ всѣ глухие люди, онъ имѣетъ претензіи на остроуміе;
Лиза говоритъ Софьѣ послѣ ея обморока:

И Скадозубъ, какъ свой хохолъ закрутить,
Расскажетъ обморокъ, прибавитъ сто прикрасъ;
Шутить и онъ гораздъ: вѣдь нынче кто не шутитъ!

И дѣйствительно, мы видимъ его шутки:

Позвольте расскажу вамъ вѣсть,

(съ апломбомъ повѣствуетъ онъ),

Княгиня Ласова кака-то здѣсь есть,
Наѣздница, вдова,—но нѣтъ примѣровъ,
Чтобъ ѣздило съ ней много кавалеровъ,—
На-дняхъ расшиблаеъ въ—пухъ:
Жокей не поддерживалъ, считалъ онъ видно мухъ.
И безъ того она, какъ слышно, неуклюжа;
Теперь ребра не достаетъ,
Такъ для поддержки ищетъ мужа.

Остроту эту полковникъ вѣроятно гдѣ-нибудь подслушалъ; но онъ благоразумно умалчиваетъ объ источникахъ своего ума. Есть, впрочемъ, еще острота,—плодъ уже несомнѣнно его собственной изобрѣтательности, это—слова о Настасьѣ Николаевнѣ:

Не знаю-съ, виноватъ:
Мы съ нею вмѣстѣ не служили.

Очень ярко обрисовано въ 3-мъ актѣ комедіи женское общество съ его страстью къ нарядамъ, силетнямъ, пересудамъ.

Воспитанная по-модному, съ дѣтства съ чужаго голоса восторгающіяся невиданною ими Франціей, княжны Тугоуховскія какъ только вошли въ залу Фамусова, сейчасъ-же съ увлеченіемъ и даже вдохновеніемъ заболтали съ Натальей Дмитріевною о фасонѣ платья, о фалбарахъ, эшарпахъ, „тюрлюрю.“ Увѣзжая съ бала, онѣ удивленнымъ хоромъ напускаются на Репетилова, какъ это онъ не вѣритъ сумашествію Чацкаго, когда уже это „старья вѣсти“, когда объ этомъ говорятъ всѣ.

Всѣ—магическое слово,—ему подчиняется и благородный, неглупый, но безхарактерный, слабый, пустоватый Платонъ Михайловичъ Горичевъ, этотъ

Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга, изъ женныхъ пажей.

Властительница его—Наталья Дмитриевна—любитъ его и заботится, чтобъ онъ не простудился; но едва-ли онъ для нея дороже комнатной собачки; она развозитъ его по ненавидимымъ баламъ, какъ Хлестова своего „шпица.“

Мой мужъ—преlestный мужъ! отзывается она о немъ, какъ о туалетной бездѣлушкѣ. Сверстница Наталья Дмитриевна и княженица — Софья, стоитъ несомнѣнно выше ихъ по уму и сердцу.

Платонъ Михайлычъ не единственный примѣръ покорнаго и безгласнаго передъ женою мужа,—таковъ и князь Тугоуховскій передъ своею супругою, этою расторопною маменькой, безустанно ловащей жениховъ для своихъ дочекъ и стремящейся приэтомъ соблюсти свое аристократическое достоинство, заманивая на вечера только людей съ достаткомъ или камеръ-юнкерскимъ званіемъ.

Добрая знакомая княгини, ея партнерша въ карточной игрѣ, свояченица Фамусова, Хлестова, занимаетъ въ обществѣ видное мѣсто, какъ это замѣтно изъ самоувѣренности ея сужденій и рѣчей, изъ ухаживаній за нею Молчалина. Сплетня—ея сфера; никто лучше ея не знаетъ всѣй подноготной каждаго члена фамусовскаго міра. Споря съ Фамусовымъ о числѣ душъ въ имѣніи Чацкаго, она съ паэосомъ вдохновенья восклицаетъ:

Нѣтъ, триста! ужъ чужихъ имѣній мнѣ не знать!

Очень характерно въ ней сознание своихъ дворянскихъ привилегій: крѣпостные для нея стоятъ на одной доскѣ со звѣрями:

Отъ скуки я вала съ собой

Арабку-дѣвку, да собачку;

Вели ихъ накормить ужю, дружочень мой,

Отъ ужина сошли подачку.

Приэтомъ, однако, Хлестова не лишена нѣкоторыхъ добрыхъ качествъ (признакъ художественности въ обрисовкѣ ея характера); такъ, она жалѣетъ Чацкаго:

Похристіански, такъ онъ жалости достоинъ:

Былъ острый человекъ, имѣлъ душъ сотня три.

Правда, не имѣи Чацкій 300 душъ, она можетъ и не пожалѣла бы, но все-таки... Она способна и сказать правду вслухъ и въ глаза человѣку:

Лгушника онъ, картежника, воръ

громогласно отзывается она о Загорѣцкомъ.

Загорѣцкій вертится преимущественно среди женской половины фамусовскаго общества, угождая дамамъ сообщеніемъ новостей, подарочками и. т. п., чтобы обезпечить себѣ доступъ въ дома, нужный ему для его шулерскихъ операций. Интересна черта фамусовскаго міра: Загорѣцкаго всѣ понимаютъ и ругаютъ — и всѣ принимаютъ; Хлестовы, Фамусовы, Тугоуховскіе нравственною разборчивостью не отличаются. Самъ Загорѣцкій пошелъ въ этомъ отношеніи дальше всѣхъ: онъ ни на что не обижается. Когда Горичевъ рекомендуетъ его Чацкому, какъ отъявленнаго плута, сплетника, доносчика и шулера, онъ скромно замѣчаетъ про Платона Михайловича:

Оригиналъ, брѣзгливъ, а безъ малѣйшей злобы.

И оскорбляться вамъ смѣшно-бы:
Окромѣ честности есть множество отрадъ.

успокаиваетъ его Чацкій. — Грибоѣдовъ художественно завершаетъ характеристику Загорѣцкаго, заставляя Антона Антоновича рисоваться передъ Репетиловымъ въ концѣ комедіи либраломъ, пострадавшимъ за свободу воззрѣній.

Не останавливаясь на характеристикѣ другихъ личностей фамусовскаго общества, обратимъ еще только вниманіе на взгляды этого общества на образованіе и науку. Когда зашла рѣчь о причинахъ сумашествія Чацкаго, то явилось-было мнѣніе, что онъ помѣшался отъ вина.

Шампанское стаканами тянуть!

(подала свой голосъ Наталья Дмитревна Горичева).
Но Фамусовъ перебилъ ее:

Ну вотъ! великая бѣда,
Что выпьетъ лишнее мужчина!
Ученье—вотъ чума, ученость—вотъ причина,
Что вынче пуше, чѣмъ когда,
Безумныхъ развелось людей, и дѣлъ, и мнѣній...

Съ благоразумными доводами почтеннаго Павла Афанасьевича согласились всѣ. А Скалозубъ кстати обрадовалъ друзей своихъ сообщеніемъ слуха, что въ школахъ впредь будутъ учить только одной маршировкѣ:

Я васъ обрадую: всеобщая молва,
 Что есть проектъ насчетъ лицеевъ, школъ, гимназій:
 Тамъ будутъ лишь учить по—нашему: разъ, два;
 А книги сохранять такъ, для большихъ оказій.

Среди этихъ людей, среди этого міра глупости, пошлости, низости, сплетень, низкопоклонничества, униженія и высокомирія, ненависти въ свѣту, мысли и вражды ко всему честному—поставилъ Грибоѣдовъ благородную личность своего Чацкого.

Много общаго между этою личностью и самимъ поэтомъ: устами Чацкого высказываетъ Грибоѣдовъ свои задушевные убѣжденія.

Тотъ-же идеализмъ (въ возвышенномъ смыслѣ этого слова), который побуждаетъ Чацкого такъ непрактично и такъ благородно возставать противъ всякой низости и пошлости, грома ихъ словомъ негодованія, тотъ-же идеализмъ слышится въ недовольствѣ Грибоѣдова земною жизнью, нашею обыденною дѣйствительностью:

Мнѣ такъ скучно, такъ грустно! (пишетъ онъ одному изъ своихъ друзей уже послѣ сочиненія комедіи). Скажи мнѣ что-нибудь въ отраду: я съ нѣкоторыхъ поръ мраченъ до крайности. Пора умереть! Не знаю отчего это такъ долго тянется. Тоска неизвѣстная!

Въ пути, въ дорогѣ, въ движеніи, находитъ только поэтъ нѣкоторую отраду:

Вѣрь мнѣ (говоритъ онъ въ другомъ письмѣ), чудесно всю жизнь свою прокатиться на 4-хъ колесахъ: кровь волнуется, высокія мысли бродятъ и мчатъ далеко за обыкновенные предѣлы пошлыхъ опытовъ, воображеніе свѣжо, какой-то бурный огонь въ душѣ пылаетъ и не гаснетъ... Но остановки, отдыхи двухнедѣльные, двухмѣсячные для меня пагубны; задремлю, либо завьюсь чужимъ вихремъ, живу не въ себѣ, а въ тѣхъ людяхъ, которые помпунуто со мною, часто же они дураки набитые.

И Чацкій, непонятый, осмѣянный, оскорбленный, также думаетъ искать успокоенія въ дорогѣ, на-единѣ съ своими думами:

пойду искать по свѣту —

Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ.

И онъ, какъ его авторъ, сочувственно вспоминаетъ о путешествіи, когда ѣдешь „необозримой равниной,“ и —

Все что-то видно впереди:

Свѣтло, сине, разнообразно.

Свое недовольство земною жизнью съ ея пошлостью Грибоѣдовъ прекрасно выразилъ въ одномъ (не особенно блестящемъ, но прочувствованномъ) стихотвореніи „Душа:“

Жива - ли я?
 Мертва - ли я?
 И что за чудное видѣнье!
 Надзвѣздный домъ,
 Заря кругомъ,
 Рождало мнѣ мое велѣнье!
 И вотъ отъ сна
 Привлечена
 Къ землѣ ветшающей и тѣсной:
 Гдѣ мой подругъ,
 Тѣмъ рѣзвѣмъ слугъ?
 О, хоръ воздушный и прелестный!
 Нѣтъ! поживу
 И на яву
 Я лучшей жизнью, безпечной:
 Туда хочу,
 Туда лечу,
 Гдѣ надышусь свободой вѣчной!

Свобода! Грибоѣдовъ, съ его независимымъ, твердымъ и самостоятельнымъ характеромъ, горячо любилъ ее, какъ любить и Чацкій. — И крѣпостное право, съ такой еще силой царившее въ его время, глубоко его возмущало, какъ всякаго рода „рабство.“

По духу времени и вкусу
 Я ненавижу слово — рабъ,

сказалъ онъ, — и во всѣхъ дошедшихъ до насъ отрывкахъ изъ его задуманныхъ и неоконченныхъ произведеній мы видимъ вражду его къ крѣпостничеству: оно отгнѣнено было (говорятъ) довольно рѣзкими чертами въ личности Звѣздова, въ его комедіи „Студентъ“, набросанной еще въ студенческіе годы, но теперь утраченной. Трагическая, ужасная сторона его показана въ дошедшемъ до насъ „Планѣ изъ драмы 1812“: М*, совершившій великіе подвиги, находится въ пренебреженіи у военачальниковъ, потому что онъ крѣпостной человѣкъ; его отсылаютъ во-свояси „подъ палку господина“, съ отеческими наставленіями къ покорности и послушанію; и онъ, въ отчаяніи, прибѣгаетъ къ самоубійству. — Отчаяніе доводитъ (въ „Грузинской ночи“) кормилицу княжеской дочери до союза съ нечистою силой, чтобы отомстить своему господину за отдачу въ рабство ея сына.

Ненависть къ рабству всюду пробивается у Грибоѣдова:

Кто (именно онъ Влгитову), кто насъ удержаетъ, гнѣвомъ истинно-вдохновенныхъ, въ томъ краю, гдѣ достоинство дѣлится въ прямомъ содержаніи къ числу орденовъ и крѣпостныхъ рабовъ. Все-таки Шереметевъ у насъ затмилъ-бы Омира... (Соч. 240—1).

Эта ненависть вдохновила поэта создать образъ Молчалина, съ его бессмертнымъ правиломъ:

Не должно смѣть свое сужденіе имѣть.

Вражду къ крѣпостному праву вложилъ ГрибоѢдовъ и въ характеръ героя своей комедіи. Съ глубокимъ негодованіемъ говоритъ Чацкій о томъ „Несторъ негодяевъ знатныхъ“, который промѣнялъ слугъ своихъ, не разъ спасавшихъ ему и жизнь, и честь, на борзыхъ собакъ. Къ этому „столбу отечества“ возили Чацкого въ дѣтствѣ на поклонъ,—обстоятельство, взятое ГрибоѢдовымъ изъ своей собственной жизни. Съ еще большимъ одушевленіемъ возвышеннаго гнѣва говоритъ Чацкій о томъ помѣщикѣ, который съезъ къ себѣ въ Москву изъ деревень

Отъ матерей, отцевъ, отторженныхъ дѣтей,

превратилъ ихъ въ „амуровъ“ и „зефировъ“ своего театра и потомъ распродалъ по-одиночѣй.

Серьозно и притомъ европейски образованный человѣкъ, Чацкій въ то же время патріотъ, съ славянофильскимъ отгнѣнкомъ возрвнй,—и точно таковъ былъ самъ ГрибоѢдовъ.

Чацкій не врагъ всего иностраннаго: онъ самъ ѣздилъ за границу учиться, „ума искать“, по выраженью Софьи. Но его возмущаетъ рабская подражательность русскаго общества всему иностранному. На балу Фамусова онъ вслухъ возсылаетъ моленья—

Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустаго, рабскаго, слѣпаго подражанья;
Чтобъ искру заронилъ онъ въ комънибудь съ душой,
Кто могъ бы словомъ и примѣромъ
Насъ удержать, какъ крѣпкою возжей,
Отъ жадной тошноты по сторонамъ чужой.

Онъ горячо желаетъ, чтобы мы (русское общество) воскресли отъ „чужезастья модъ“, чтобы „умный и добрый“ народъ нашъ не считалъ насъ за иностранцевъ.

Нѣтъ (говоритъ онъ), хуже для меня нашъ Сѣверъ во сто кратъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обгнѣнъ на новый ладъ.

Эти чувства и желанія Чацкого—чувства и желанія самого ГрибоѢдова. Поэта тяготило сознаніе глубокаго разлада между

нашимъ обществомъ и народомъ. Изображая въ статьѣ „Загородная прогулка“ хороводы крестьянъ, онъ говоритъ:

„Прислонясь къ дереву, я съ голосистыхъ пѣвцовъ невольно свелъ глаза на самыхъ слушателей-наблюдателей, тотъ поврежденный классъ полу-европейцевъ, къ которому и я принадлежу. Имъ казалось дико все, что слышали, что видѣли: ихъ сердцамъ эти звуки не вняты, эти наряды для нихъ странны. Какимъ чернымъ волшебствомъ сдѣлались мы чужими между своими? Финны и тунгусы скорѣе пріемлются въ наше собратство, становятся выше насъ; дѣлаются намъ образцами; а народъ единообразный, нашъ вародъ, разрозненъ съ нами и на вѣки!“

Такъ близки возрѣнія поэта и его героя. Грибоѣдовъ, очевидно, раздѣляетъ и взгляды Чацкого на образованіе, на службу. Просвѣщенный умъ и гражданская честность писателя отразились на поэтическомъ лицѣ.

Но отнюдь не должно думать, что Чацкий только носитель идей автора, „резонеръ“ старинныхъ комедій. Онъ—живое лицо, типъ. Онъ не только говоритъ передъ нами: онъ живетъ, страдаетъ и радуется, увлекается, сомнѣвается, ошибается.

Онъ громитъ фамусовское общество словомъ негодованія; но ему невесело, ему тяжело одиночество на высотѣ его свѣтлыхъ идей; онъ бы желалъ иныхъ, невраждебныхъ отношеній съ людьми. Возвращаясь въ Москву, онъ смутно надѣялся встрѣтить сочувствіе къ себѣ въ обществѣ. Эти надежды окончательно разлетѣлись на балѣ Фамусова, и съ сердечной грустью говоритъ онъ, уѣзжая съ этого бала:

Ну, вотъ и день прошелъ, и съ нимъ
 Всѣ призрака, весь чадъ и дымъ
 Надеждъ, которыя мнѣ душу наполняли.
 Чего я ждалъ? Чтѣ думалъ здѣсь найти?
 Гдѣ прелесть этихъ встрѣчъ? Участіе въ комъ живое?
 Крикъ, радость, обнялись!.. Пустое!..

Чацкий не золь, какъ думаетъ Софья, и вовсе не презираетъ людей. Онъ вѣритъ въ человѣка. Есть моментъ въ комедіи, когда Чацкий пытается и надѣется даже въ Молчалинѣ пробудить благородство, сознаніе своего человѣческаго достоинства. Иронически начинаетъ онъ разговоръ съ Алексѣемъ Степаннчемъ, встрѣтившись съ нимъ передъ баломъ; но когда тотъ высказываетъ свою задушевейшую мысль о „неимѣннѣи сужденіи“,— онъ вдругъ измѣняетъ тонъ и серьезно говоритъ:

Помилуйте—мы съ вами не ребята:
 Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы?

Но для голоса чести ухо Молчалина глухо и сердце закрыто,—

Вѣдь надобно-жъ зависть отъ другихъ,

скромно возражаетъ онъ.

Какъ всё живые люди, Чацкій способенъ увлекаться, впадать, въ первыя минуты увлеченія, въ крайности. Такъ, негодую на наше рабство передъ всёми иноземнымъ, онъ находитъ, что надобно бы намъ,

если рождены мы всё перенимать,

занять хоть у китайцевъ ихъ „премудраго незнанья иноземцевъ“... Но это показываетъ только, что Чацкій—человѣкъ, у котораго нравственные и умственные вопросы волнуютъ кровь и потрясаютъ нервы, и онъ не сразу можетъ отнестись къ нимъ спокойно.

А отношенія его къ Софьѣ Павловнѣ? Сколько любви, страданія и участія къ ней въ его мучительныхъ сомнѣнїяхъ о ней, въ его страстномъ желанїи—узнать, что съ нею стало, что значить ея перемена. Какою задушевною и грустною искренностью вѣсть отъ его, неопытнаго Софьею, обращенія къ ней, какъ къ другу и сестрѣ, за разрѣшенїемъ своихъ недоумѣнїй; какъ благородна его попытка объяснить ей Молчалина! Все это черты живаго лица.

И живой же человѣкъ, но слишкомъ молодой, неустановившійся, слишкомъ увлекающійся, сказался въ немъ, когда онъ не во-время успѣшилъ разорвать всякія связи съ Софьей,—не во-время потому, что, какъ разъ въ эту минуту, у Софьи стали раскрываться глаза на окружающую ее пошлость, и она прервала было начавшуюся филиппику Чацкого словами симпатїи къ нему:

Не продолжайте—я виню себя кругомъ...

На Чацкомъ тяготѣетъ обвиненіе, что онъ фразеръ, болтунъ и Донъ-Кихоть, сражающійся съ вѣтреными мельницами, что онъ напрасно разсыпаетъ перлы краснорѣчія передъ непонимающими его Фамусовыми и Загорѣцкими. Грибовдовъ ошибся, не взглянувъ на своего героя, какъ на лицо комическое.—Это обвиненіе принадлежитъ Бѣлинскому. Но нужно знать—когда и при какихъ обстоятельствахъ оно было высказано. Это было въ 1840 г., когда великій критикъ нашъ находился подъ вліяніемъ гегелевской идеи о разумности всего существующаго: какъ бы ни былъ порядокъ вещей въ фамусовскомъ мірѣ (раз-

суждалъ тогда Бѣлинскій), но онъ существуетъ, и, слѣдовательно, Чацкій не правъ, возмущаясь противъ него,—и критикъ обрушивается на грибоѣдовскаго героя со всѣмъ жаромъ свойственнаго ему увлеченія. Впослѣдствіи онъ измѣнилъ свои взгляды ¹⁾).

Оправдать Чацкаго нетрудно. Правда ли, что его не понимаютъ? Едва-ли: онъ говоритъ вещи слишкомъ простыя и неголголовомныя. Одинъ развѣ Свалозубъ, который

Слова умнаго не выговорилъ съ-ролу,

не въ состояніи понять мысли, что служить надо „дѣлу“, а не „лицамъ“, что человѣкъ долженъ любить свою родину, что крестьяне—люди и т. д. Чацкій только вслухъ высказываетъ то, что каждому тайно говоритъ его совѣсть. Скажутъ: „Чацкій всѣмъ показался сумашедшимъ“. Не правда! Софья сознательно такъ назвала его, и только послѣ этого всѣ стали утверждать, будто давно замѣтили его помѣшательство; за идею Софьи (иначе сказать) просто ухватились какъ за якорь спасенія, какъ за средство успокоить взволнованную его рѣчами совѣсть.

Чацкій говоритъ, говоритъ горячо и много; но какъ же иначе: въ немъ оскорблено чувство правды, въ немъ ключемъ кипитъ негодованіе. Въ немъ дѣйствуетъ то же самое чувство, которое побудило Лермонтова, въ стихотвореніи „1-е января“, сказать:

О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзныи стихи,
Облитыи горечью и злостью.

Наконецъ, тутъ Софья; многое и именно самые длинные и горячіе монологи назначены для нея. Онъ любитъ Софью, онъ видитъ, что она на краю пропасти; неужели же онъ не обязанъ сдѣлать все для ея спасенія? И Софья, конечно, способна понять если не все, то многое изъ того, что говоритъ онъ, по уму своему и сердцу она стоитъ выше окружающихъ ее людей.

Что же касается замѣчанія, что Чацкій только ораторствуетъ, а не дѣйствуетъ, то, во первыхъ, когда же ему было приняться за дѣло: онъ только что вернулся изъ путешествія; во вторыхъ, чтобы могъ онъ дѣлать въ фамусовской средѣ? въ третьихъ, наконецъ, есть люди, для которыхъ ихъ „слово“ есть ихъ „дѣло“:

¹⁾ См. соч. Бѣлинскаго, т. III („Горе отъ ума“). Другаго рода взглядъ: Соч. Бал., т. IV („Стих. Лерм—ва“), стр. 319—330. Также т. VI („Рус. лит—ра“ въ 1841 г.), стр. 70—71.

слово Чацкаго, смущая и волнуя міръ зла и пошлости, можетъ спасать людей, еще несомѣнь погрязшихъ въ этомъ мірѣ; и, кто знаетъ, можетъ быть для Софьи Павловны, въ концѣ комедіи, настала минута спасенія, — и рѣчи Чацкаго не пропали даромъ.

Не умеръ Богъ въ душѣ людей,—
И вопль изъ вѣрующей груди
Всегда доступенъ будетъ ей.

Чацкій — благородный энтузіастъ, горячо вѣрующій человѣкъ, немножко Донъ-Кихоть. Но Донъ-Кихоть — возвышенная личность; а Чацкій еще отличается отъ него тѣмъ, что ратуетъ не за отжившія явленія, какъ тотъ, а за вѣчно живыя — за честь и мысль, и потому въ немъ нѣтъ комическихъ сторонъ героя Сервантеса.

ГрибоѢдовъ отчасти самъ виноватъ, что личность Чацкаго не всѣми оцѣнена по достоинству; не смотря на всю силу своего дарованія и на все благородство своихъ позднѣйшихъ воззрѣній, ГрибоѢдовъ наложилъ, однако-жъ, на „Горе отъ ума“ печать прежнихъ увлеченій гусарскою жизнью¹⁾ и легкомысленною стороною закулисно-театрального міра, печать легкости (онъ писалъ прежде, какъ извѣстно, водевили). Въ комедіи есть одно чисто водевильное лицо — Лиза. Нѣкоторыя сцены комедіи можно, безъ преувеличенія, назвать сценами изъ водевиля (таковы, на примѣръ, окончанія 1-го и 2-го актовъ; такова сцена Фамусова съ Чацкимъ, передъ докладомъ о пріѣздѣ Скалозуба, юморъ которой основанъ не на одномъ ужасѣ Фамусова предъ новыми идеями, а и на томъ, что онъ, заткнувъ уши, не-впопадъ выражаетъ Чацкому; такова сцена двухъ глухихъ — князя Тугоуховскаго и Графини-бабушки, и т. д., и т. д.). Слова Загорѣцкаго, что Чацкій пилъ шампанское „бочками сороковыми“; вслухъ высказанное Фамусовымъ мнѣніе, что для пресѣченія зла надо сжечь „всѣ“ книги, — не похожи на гиперболическій юморъ Гоголя, а на остроуміе водевилистовъ. Отношенія Софьи и Чацкаго, до отъѣзда его за-границу, слишкомъ мало выяснены поэтотъ, и оттого легко можетъ показаться, на первый взглядъ, страннымъ, какъ это Чацкій любитъ дѣвушку, способную увлечься Молчалинымъ; притомъ, на свѣтлыя стороны характера Софьи ГрибоѢдовъ обратилъ недостаточно вни-

¹⁾ Согласно съ этимъ и Чацкій говоритъ про мундиръ:

Я самъ къ нему давно-ль отъ важности отскеса.

манія, и Софья у него ужъ черезъ-чуръ молода (ей только 17 лѣтъ), а оттого слишкомъ молодъ и Чацкій—товарищъ ея дѣтскихъ игръ. Чацкій, безъ сомнѣнія, лицо, по основѣ своей, живое, какъ это и признано нынѣ критикой¹⁾; но мѣстами, въ комедіи, эта благородная личность вдругъ на минуту становится похожею на водевильнаго героя; таковъ, напримѣръ, Чацкій въ сценѣ обморока Софьи, гдѣ онъ, совершенно неожиданно и вопреки своему характеру, выказывается, по волѣ автора, человѣкомъ холоднымъ и безсердечнымъ, а на замѣчаніе ему объ этомъ Софьи:

Убийственны холодностью своею,

возражаетъ пошлостью:

Да-съ! Это я сейчасъ злыѣ
 Моиѣ усердѣйшимъ стараньемъ,
 И прысканьемъ, и оттираньемъ...
 Не знаю для кого, но васъ я воскресилъ.

Таковъ же Чацкій, когда въ послѣднемъ актѣ, послѣ вдохновеннаго порыва негодованія, съ такимъ же вдохновеніемъ кричитъ: „варегу мнѣ! варегу!“ и т. д. Эта водевильность примѣшавшаяся къ образу Чацкаго, или, лучше сказать, эта водевильность въ приемахъ поэта сдѣлала и то, что Чацкій иногда несовсѣмъ встаетъ произносить свои вдохновенныя рѣчи, какъ, напримѣръ, въ сценѣ перваго, по возвращеніи изъ-за границы, свиданія своего съ Софьей.

И всѣ эти недостатки комедіи, безъ всякаго сомнѣнія,⁹ повредили бы ея славу, если бы за нею не было достоинствъ, которыя все искупаютъ. Въ Чацкомъ олицетворилъ поэтъ такой высокій идеалъ человѣка, передъ которымъ преклоняешься невольно. И оттого-то бессознательное, но живое чувство говоритъ намъ, что Чацкій не смѣшонъ; и оттого-то по какому-то удивительному внутреннему противорѣчію даже тѣ, кто признавали Чацкаго комическою личностью, заучивали наизусть его монологи и, если не вслухъ, то про себя, повторяли или готовы были повторять ихъ въ различныхъ обстоятельствахъ жизни, а между тѣмъ извѣстно, что ничего не боится такъ русскій человѣкъ, какъ попасть въ смѣшное положеніе.

¹⁾ См., напр., соч. Апол. Григорьева, т. I.

Русская литература не бѣдна. Начиная съ Грибоѣдова идетъ у насъ, не прерываясь, цѣлый рядъ поэтовъ. Они нарисовали намъ типы людей, выдающихся изъ массы общества, вождей этой массы, представителей ея внутренней жизни; но всѣ эти типы (Онѣгинъ, Печоринъ, Рудинъ, Лиза „Двор. Гнѣзда“, Лаврецій, Елена въ „Наканунѣ“ и друг.), всѣ эти люди только „герои времени“, по счастливому выраженію Лермонтова; всѣ они, и разочарованный Онѣгинъ, и энтузіастъ мысли Рудинъ, и чистая Лиза, съ ея возвышеннымъ мистицизмомъ, и славянофилъ Лаврецій, и т. д., и т. д., представители и выразители только одного какаго либо момента развитія русскаго общества. Мы любимъ ихъ и цѣнимъ; но остановиться на нихъ и успокоиться, сказать: „вотъ человѣкъ!“ и удовлетвориться—мы, очевидно, не можемъ. Жизнь наша летитъ далѣе и требуетъ иныхъ героевъ, все новыхъ и высшихъ идеаловъ.

Одинъ только Чацкій представляетъ исключеніе среди другихъ личностей. Образъ его не такъ опредѣлененъ, не такъ художественно обрисованъ, какъ ихъ образы; но онъ—явленіе несомнѣнно высшаго порядка, чѣмъ они. Это—блѣдный очеркъ, но очеркъ созданный высшимъ вдохновеніемъ, какое когда-либо овладѣвало русскимъ поэтомъ. По очерку этому будетъ созданъ впоследствии, творческою силою нашей поэзіи, нашъ настоящій народный герой, полный выразитель нашей народной сущности.

Понятно, что послѣ „Горя отъ ума“, Грибоѣдовъ не могъ написать ничего, равнаго этой комедіи по достоинству. Чацкій еще до сихъ поръ не есть опредѣленный типъ нашей жизни, черты его образа до сихъ поръ еще только носятъ среди нашей дѣйствительности, какъ смутныя предчувствія будущаго типа.

Понятна и тоска, томившая Грибоѣдова все время, отъ окончанія комедіи до смерти: разъ постигнувшій высшее, не можетъ удовлетвориться низшимъ.

По древнему египетскому преданію, поднявшій въ храмѣ Изиды хотя край покрыва закрытой Истины, не зналъ болѣе земной радости. По нашимъ народнымъ вѣрованіямъ, человѣкъ, которому открылась загробная тайна, обреченъ на скорбь и тоску до могилы.

Грибоѣдовъ умеръ молодымъ еще, въ пору полного разцвѣта силъ; но едва-ли онъ умеръ преждевременно: дѣло свое онъ сдѣлалъ и могъ оставить жизнь безъ сожалѣнія.

Надъ дивной могилкой не плачь, не жалѣй,
Что генія черепъ—наслѣдье червей!

Миръ праху благороднаго человѣка, вѣчная, неувыдаемая слава великому русскому поэту! Настануть иныя времена, появятся высшія созданія искусства; но, пока стоитъ русская земля и слышится русское слово, не перестануть звучать изъ русскихъ устъ стихи Грибоѣдова, и вѣчно будетъ окружено благоговѣйнымъ уваженіемъ высокое имя автора „Горя отъ ума“.

А. Невеленовъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Подарокъ къ новому 1879 г., преподнесенный Россіи прошлымъ бѣдственнымъ 1878 г.—чума или, какъ ее успѣли уже окрестить, „ветлянка“, въ теченіи истекшихъ мѣсяцевъ продолжала быть болѣе или менѣе злобою для не только въ Россіи, но и въ сосѣдней съ нею части западной Европы, гдѣ, въ слову сказать, старинный неизмѣнно вѣрный другъ нашъ, всегда столь чуткій ко всѣмъ нашимъ бѣдамъ, (въ видахъ извлеченія изъ нихъ для себя пользы), нашъ добрый сосѣдъ и совѣтникъ Пруссія, задрапированная нынѣ платьемъ Германіи, готовая, по прежнимъ примѣрамъ, эксплуатировать нашу новую невзгоду, принялась уже собирать коалицію для объявленія намъ экономической войны. Предоставляя иностранному обозрѣнію нашего журнала оцѣнить по достоинству это свѣжее, хотя и не новое доказательство прусскаго доброжелательства къ намъ, мы займемся нашею родною палестиною, гдѣ чума—ветлянка тоже надѣлала не мало переполоха, благодаря, между прочимъ, и усердію не по разуму нѣкоторыхъ изъ періодическихъ органовъ печати, въ которыхъ даже начали печатать историческіе романы и повѣсти о чумѣ въ Москвѣ. Благоразумно ли раздражать и безъ того возбужденное настроеніе общества подобными произведеніями, мы предоставляемъ рѣшить читателямъ, но не можемъ не сказать, что подобный приемъ указываетъ и на подчиненіе нѣкоторой части нашей прессы спекулятивному духу нашего времени, не брезгающему ничѣмъ для привлеченія вниманія читателя въ своему органу.

Если безмолвіе прессы о какомъ либо народномъ бѣдствіи вредно и нежелательно, то и битые въ набатъ едва-ли полезно и цѣлесообразно. Шуму много, но вѣрнаго, точнаго извѣстія съ мѣста, отъ неофициальнаго и не заинтересованнаго очевидца, о подлинномъ характерѣ бѣдствія мы не встрѣчали ни въ одной газетѣ; а это то болѣе

всего и необходимо въ настоящее время, для того чтобы общественное мнѣніе безъ преувеличенія и умаленія, безъ ненужной хлопотливости могло трево и спокойно отнестись къ дѣлу. Если, напримеръ, объявленіе астраханскаго биржеваго купечества, въ которомъ эти почтенные коммерсанты, подъ вліяніемъ страха за свою рыбу, клятвой клянутся, что никакой чумы въ астраханской губерніи не было и нѣтъ — смѣшно и нелѣпо, то не менѣе нелѣпо печатать различныя словоизверженія господъ, которые, на безопасномъ разстояніи отъ театра бѣдствій, ничего не видѣвъ собственными глазами, собираютъ и пропагандируютъ бродячіе слухи, распространяющіе панику, подъ вліяніемъ которой чума начала уже было мерещиться чуть не повсюду. Мы не говоримъ уже объ отчаянномъ воплѣ „спасайтесь, кто въ Бога вѣруетъ“! телеграфированномъ на первыхъ порахъ въ одну изъ газетъ, яко-бы изъ Царицына, гдѣ, благодаря Бога, не было еще ни одного случая заболѣванія чумою; но тревога о появленіи будто бы этой заразы повмывалась уже въ другихъ мѣстностяхъ, еще болѣе безопасныхъ отъ заноса болѣзни изъ пораженнаго ея края, въ губерніяхъ Московской, Кіевской и, кажется, Харьковской. Припомнимъ, наконецъ, и курьезный случай съ Прокофьевымъ въ Петербургѣ, болѣзнь котораго д. Воткинъ принялъ за чуму, т. е. не прямо за чуму, а за болѣзнь „симптомы которой докторъ Деннеръ наблюдалъ, въ 1877 г., въ г. Астрахани“ (какъ осторожно). Двѣ комисіи, врачебная и санитарная, свидѣтельствовавшіе Прокофьева, нашли у него не чуму, а просто застарѣлый сифилисъ. Надо помнить притомъ, что такая фальшивая тревога тѣмъ возможнѣе и доступнѣе, что въ средѣ нашего бѣднаго народа, при тѣхъ антисанитарныхъ условіяхъ быта, посреди которыхъ болѣею частью живетъ онъ, постоянно бродятъ, а мѣстами и надолго упрочиваются разныя заразительныя и эпидемическія болѣзни, каковы: дифтеритъ, диссентерія, оспа, возвратная горячка, сифилисъ и разные виды тифа, которые, при извѣстномъ настроеніи, легко могутъ быть приняты за чуму. Подобныя болѣзни конечно не многимъ лучше чумы; но народъ нашъ, какъ доказываетъ печальный опытъ, обжился съ ними, по крайней мѣрѣ не питаетъ къ нимъ того паническаго страха, какой возбуждаетъ въ немъ чума. Подъ вліяніемъ производимой этою странною заразою паники, населеніе теряетъ голову, разрываются всѣ узы, все пускается бѣжать куда попало прежде, чѣмъ успѣютъ принять какія нибудь карантинныя мѣры, причемъ разносятся повсюду, свирѣпствовавшія въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, разныя эпидеміи. Въ тому же и самая воспримчивость человѣческаго организма ко всякимъ заразительнымъ болѣзнямъ увеличивается сильнымъ образомъ подъ вліяніемъ того нравственнаго настроенія, которое, при такихъ обстоятельствахъ, охватываетъ все населеніе. Нѣчто подобное было

вѣдь и въ Ветлянкѣ, когда зараза засвиригѣла въ ней съ чрезвычайною силою. Но Ветлянка, опять таки по счастью, находится въ Астраханской, степной, малонаселенной губерніи. Поселенія въ ней не часты и не близки, и немногіе бѣглецы изъ зараженной мѣстности успѣли достигнуть другихъ населенныхъ мѣстъ, большинство, какъ сообщалось въ газетахъ, погибли въ степи и въ лѣсахъ, куда они укрывались. Но легко понять, чтобы могло быть, если бѣда разразилась бы въ одной изъ центральныхъ густонаселенныхъ губерній; несомнѣнно, что отъ народа не должно, даже преступно скрывать о появленіи, гдѣ бы то ни было, подобнаго (да и вообще всякаго) бѣдствія, но извѣстія о немъ должны быть фактически опредѣлены и вѣрны. При этомъ необходимо точно указать предѣлы обездоленной мѣстности, дѣйствительные размѣры бѣдствія, а также насколько оно можетъ угрожать другимъ, болѣе или менѣе удаленнымъ мѣстностямъ, и какія мѣры приняты къ ихъ огражденію. Особенно важно въ этихъ случаяхъ, чтобы мѣстная администрація повсюду дѣйствовала безъ суетливости и пошховъ, безъ ненужной таинственности, съ величайшимъ спокойствіемъ и осмотрительностью, избѣгая всякихъ фальшивыхъ тревогъ. Ненужная и ничему не помогающая суетня начальства болѣе всего, какъ извѣстно, содѣйствуетъ распространенію въ народѣ смуты и безпокойства.

Въ настоящемъ случаѣ, правительство приняло, повидимому, всѣ необходимыя мѣры для успѣшной борьбы съ зарозой. 16 января состоялось по этому предмету чрезвычайное засѣданіе комитета министровъ, съ участіемъ начальниковъ главнаго штаба, главнаго управленія иррегулярныхъ войскъ, медицинской части военнаго и гражданскаго вѣдомствъ гг. Козлова, Розова, а также и лейбъ-медиковъ Здекауера и Боткина. Присутствовавшими въ этомъ засѣданіи единогласно были приняты всѣ мѣры, предложенныя управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ для прекращенія чумной заразы въ астраханской губерніи; мѣры эти главнымъ образомъ заключаются въ слѣдующемъ: сожженіе Ветлянки и другихъ селъ и хуторовъ со всѣмъ движимымъ имуществомъ всюду, гдѣ обнаружилась чума; обезпеченіе жителей этихъ мѣстностей жильемъ, одеждой и продовольствіемъ съ возмѣщеніемъ отъ казны по оцѣнкѣ убытковъ, понесенныхъ ими отъ сожженія ихъ имущества; учрежденіе, для этой цѣли, особой оцѣночной комиссіи; назначеніе въ край временнаго чрезвычайнаго начальника, и командированіе войскъ, необходимыхъ для содержанія карантинна. Всѣ эти мѣры въ настоящее время уже приведены или приводятся въ исполненіе. Въ обездоленный край и прилегающія къ нему Саратовскую и Самарскую губерніи назначенъ временный генералъ-губернаторъ, снабженный особой, Высочайше утвержденной 26 января, ин-

струкціей, предоставляющей ему необходимую, въ подобныхъ случаяхъ, почти дискреціонную власть надъ подчиненной ему мѣстностью относительно всего, что касается заразы. вмѣстѣ съ тѣмъ, для учрежденія полного карантиннаго огражденія зараженной и сомнительной мѣстности, двинуты войска въ составѣ, кажется, одной дивизіи пѣхоты и бригады кавалеріи, не считая двухъ или трехъ полковъ донскихъ казаковъ. Въ настоящее время, всѣ эти войска вѣроятно успѣли уже прибыть на мѣсто и приступить къ исполненію своего назначенія.

Но, имѣя въ виду съ одной стороны, что загражденіе только однихъ путей всякаго рода, ведущихъ изъ зараженной мѣстности въ здоровыя, далеко недостаточно, а отѣпленіе непремѣнно должно быть сплошное, непрерывное по всему протяженію карантиннаго круга, а съ другой стороны, принимая въ расчетъ длину этого самого протяженія,—мы думаемъ, что для пресѣченія всякой возможности пробираться черезъ карантинную цѣпь людямъ, нарушающимъ карантинные порядки изъ чувства самосохраненія или изъ корыстныхъ побужденій, настоящая численность кордоннаго отряда недостаточна. Необходимо принять въ соображеніе, что кордонно-карантинная служба, да еще въ зимнее время, часто въ открытой степи, будетъ очень тяжела, и при недостаточномъ числѣ войскъ можетъ сильно утомлять ихъ и ослаблять должную бдительность. А подобное состояніе здоровья охранителей можетъ повести къ тому, что они сами послужатъ благодатною почвою для развитія чумы и не только охранятъ другихъ отъ заразы, но сами явятся ея распространителями и жертвами.

Для дѣйствительности карантина недостаточно, впрочемъ, разставить кордонъ и учредить, въ извѣстныхъ пунктахъ, мѣста карантиннаго очищенія людей и товаровъ. Необходимо, чтобы кордонная служба исполнялась съ должною бдительностью и безъ всякихъ послабленій, и чтобы съ одной стороны, всякаго рода злоупотребленія въ этомъ отношеніи, а съ другой, всякія покушенія къ нарушенію кѣмъ бы то ни было карантинныхъ правилъ—преслѣдовались со всею строгостью существующихъ на этотъ предметъ законовъ. Въ газетахъ было уже сообщено нѣсколько случаевъ такого рода нарушеній карантина не только отдѣльными лицами, но даже и цѣлыми транспортами съ товаромъ. Не знаемъ насколько эти извѣстія справедливы, но во всякомъ случаѣ полагаемъ, что онѣ могли имѣть мѣсто пока отѣпленіе поддерживалось мѣстными жителями и астраханскими казаками, и что съ занятіемъ кордонной линіи такіе случаи сдѣлаются невозможными. Тѣже газетныя извѣстія сообщаютъ о крайне плачевномъ устройствѣ и содержаніи самихъ карантинныхъ помѣщеній для очищенія людей и товаровъ относительно простора и чистоты, а также и относительно продовольствія людей, отбывающихъ карантинъ, которое и дурно и

дорого. Не надо забывать, что карантинная высида, сама по себѣ, есть дѣло чрезвычайно тягостное; если же увеличивать эту тягость невыносимымъ содержаніемъ, то при такихъ условіяхъ скученности, нечистоты и угнетеннаго настроенія лицъ, содержащихся въ карантинѣ, самыя карантинныя помѣщенія могутъ сдѣлаться рассадниками заразы. Конечно организовать вдругъ карантинную систему, удовлетворяющую всемъ гигиеническимъ и санитарнымъ условіямъ, дѣло нелегкое и требующее значительныхъ расходовъ, но передъ расходами, въ такомъ дѣлѣ какъ борьба съ чумою, останавливаться немислимо.

Кстати о карантинахъ. Вопреки увѣреніямъ профессоровъ и другихъ гг. медиковъ нашихъ въ засѣданіи общества русскихъ врачей и даже авторитета ихъ, доктора Гирша, о незаразительности чумы и несостоятельности карантиновъ для локализаціи заразы, не только въ Россіи, но и въ цѣлой Европѣ, на основаніи опыта прежнихъ появленій чумы, заразительность ея признана внѣ всякихъ сомнѣній, а карантинъ считается все-таки лучшимъ, ограждающимъ отъ нея, средствомъ. Мы совершенно согласны съ мнѣніемъ доктора Артвига, очевидца и дѣятеля во время чумы 1829 г., что господа, никогда невидавшіе въ глаза чумы, принимаютъ на себя громадную отвѣтственность, выдавая свои, идущія въ разрѣзъ опытамъ, умозрѣнія, за какія то новыя откровенія науки. Изложивъ (Гол. № 35 1879 г.) свои наблюденія и замѣчанія, основанныя на всестороннемъ практическомъ изученіи чумной заразы, докторъ Артвигъ имѣлъ полное основаніе сказать: „Зараза эта исключительно прилипчивая, по глубокому моему убѣжденію, отъ прикосновенія въ тѣлу чумнаго или какимъ-нибудь вещамъ и пожиткамъ его, а отнюдь не передающаяся черезъ воздухъ, какъ совершенно ошибочно полагаютъ нынѣ многіе, невидѣвшіе на самомъ дѣлѣ этой болѣзни и, не смотря на то, берущіе на себя странную отвѣтственность предъ всемъ свѣтомъ, отрицая прилипчивость и заразительность ея отъ непосредственнаго прикосновенія къ тѣлу или вещамъ чумнаго больнаго, отрицая необходимость бордонныхъ, карантинныхъ и другихъ предохранительныхъ мѣръ, называя ихъ даже вредными и т. д. Эти господа, каждый, можно сказать, на свой ладъ, предлагаютъ множество санитарныхъ и гигиеническихъ мѣръ, неумѣстныхъ, по большей части, въ данномъ случаѣ и неисполнимыхъ на дѣлѣ. Они не могутъ, даже, кажется, и не желаютъ уразумѣть съ какимъ свирѣпымъ врагомъ, въ случаѣ нашествія его, придется бороться обществу, и какъ, на самомъ дѣлѣ, въ этомъ случаѣ, оказались бы безцѣльными и несостоятельными всѣ ихъ измышленія.

Хотя послѣднія официальные извѣщенія, идущія изъ зараженной мѣстности и удостоверяютъ, что въ Ветлянкѣ, Пришибѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ проявлялась болѣе или менѣе зараза, не исключая

даже и Селитренного, чума была, „но вся уже вышла“, мы думаемъ, что успокоиваться на этихъ извѣстiяхъ не слѣдуетъ, а тѣмъ паче ослаблять мѣры къ радикальному прекращенiю этой заразы. Не любя холода, чума могла спрятаться, притаяться на время морозовъ, съ прекращенiемъ которыхъ и въ особенности съ наступленiемъ гнилой поры, обыкновенно предшествующей веснѣ въ Астраханской губернии и другихъ подобныхъ ей мѣстностяхъ, болѣзнь можетъ очнуться отъ своей временной спячки. Въ этому то времени необходимо приготовить, чтобы, въ случаѣ — сохрани Богъ — возникновенiя болѣзни весной, ее можно было бы встрѣтить во всеоружiи, а не такъ, какъ это случилось теперь. Въ особенности необходимо озаботиться отнятiемъ у нея благоприятной почвы для водворенiя, возможнымъ оздоровленiемъ мѣстности, къ чему и должны быть направлены всѣ усилiя правительственныхъ и общественныхъ органовъ, а также и самаго населенiя.

Что же касается до благоприятной для чумы почвы, то въ Россii немного найдется мѣстъ, которые представляли бы столь благодатныя условiя для развитiя всякой заразы, какъ новозелская часть Астраханской губернии, сплошь почти покрытая рыбными заводами, заражающими и воздухъ, и воду и землю, особенно во время лѣтнихъ жаровъ, когда, при приготовленiи рыбы для засола, вяленiя и сушенiя, тутъ же выбрасываемые массами рыбы внутренности свободно разлагаются, произождая невыносимый смрадъ. Единственными убирателями этихъ нечистотъ являются здѣсь прожорливыя чайки, поѣдающiя значительную часть выбросовъ. На это едва ли служатъ въ уменьшенiю элементовъ разложенiя. На Соловецкихъ островахъ, гдѣ рыбный промыселъ также привлекаетъ массы этихъ птицъ, и гдѣ, по преданiю и обычаю, никто ее не трогаетъ, давно замѣчено, что сама чайка составляетъ весьма дѣятельный элементъ зараженiя воздуха. Пожирая много, она много оставляетъ и изверженiй, сверхъ того самки разбрасываютъ всюду для корма птенцовъ полупереваренную въ желудкахъ пищу, и эти занасы, остающiяся на половину непотребленными, также разлагаются и производятъ зловонiя. Посреди этого смрада и нечистоты живетъ многотысячный рабочiй людъ на астраханскихъ рыбныхъ промыслахъ. Вотъ какъ описываетъ г. Немировичъ-Данченко жизнь этихъ рабочихъ въ казармахъ, устраиваемыхъ для нихъ въ ватагахъ („По Волгѣ“ 1877, стр. 223) „Грязно, скудно живутъ въ тѣсныхъ казармахъ... Зачастую на каждого человѣка приходится $\frac{1}{2}$ куб. сажени воздуха... а тутъ еще окна залерты, печь кивавомъ воняетъ и дымитъ, рыба сушится наверху, да отъ промокшаго платья, разлагающагося тузлука (разсолъ для рыбы) запахомъ обноситъ... непривычному смерть“. А вотъ чѣмъ они питаются, по

словамъ другаго очевидца, одного изъ врачей, рабочницкихъ товарищъ въ пораженой мѣстности (Гол. № 30 1879 г.). „Рабочіе, говорятъ они, ѣдятъ гододине отброски, употребляютъ въ пищу вонючую грязную, отравительную соль, кристаллизующуюся изъ рассола при соленіи рыбы. Помѣщаются въ такихъ ужасныхъ конурахъ, куда котормъ не найти въ нашихъ русскихъ трущобахъ.“ — „Нигдѣ еще я не видалъ такого бѣдственнаго положенія рабочихъ, говорятъ тотъ же врачъ-очевидецъ; здѣсь они мрутъ повалью цѣлыми партиями — и это не останавливаетъ на себѣ ни чьего вниманія, не возбуждаетъ хотя-бы просто любопытства. Нигдѣ также я не видалъ такихъ грубыхъ невѣжественныхъ хозяевъ, какъ въ Астраханской губерніи, они положительно неспособны возмыслить до уваженія въ рабочемъ человѣкѣ“. И это самое, печенное Астраханское биржевое купечество недавно, особыми телеграммами, объявляло на всю Россію, что нигдѣ въ Астраханской губерніи, а въ томъ числѣ и въ Ветлянкѣ, нивкакой чуми нѣтъ и никогда не было, а выдумали и распускаютъ слухи о ней люди злонамѣренныя и предвзвѣщавшіяся. А Ветлянка, по свидѣтельству того же врача, представляеть одну изъ крупныхъ рыбныхъ центровъ, и въ ней „вещность ларей для соленія рыбы и негодность помѣщеній рабочихъ превосходятъ всякое вѣроятіе... Все что мнѣ удалось узнать на мѣстѣ относительно смертности рабочихъ въ Ветлянкѣ доказываетъ, что смертность здѣсь была очень велика и за послѣдніе годы чувствительно возмывалась, сообразно тому, какъ превращались въ одну мiasmатическую массу и лари для рыбы, и помѣщенія для рабочихъ.... Неудивительно, что въ одну ночь умираеть то одинъ, то другой рабочій, и это проходитъ безнаказанно, безслѣдно.“ А почему же и не проходитъ этому вымариванію рабочихъ безнаказанно и безслѣдно? Нечеловѣческое отношеніе къ рабочему народу не составляетъ особенности астраханскихъ Китовъ Китичей. Она присуща этой породѣ во всей землѣ русской, повсюду умѣютъ они войти въ самыя тѣсныя отношенія съ высшимъ мѣстнымъ начальствомъ, и съ помощью его сдѣлать нитыми и крытыми всѣ свои протѣвы; а до высшаго начальства рабочему дальше, чѣмъ до Бога.

Пересмотръ и дополненіе законовъ объ отношеніи рабочихъ къ хозяевамъ все еще находятся въ періодъ комиссій, въ періодъ научный, разъясненій, обсужденій и соображеній, и пока—его же дарствію не предвидится конца. Что же, наконецъ, выйдетъ изъ всѣхъ этихъ комиссіонныхъ пережевываній—неизвѣстно; но, при настоящихъ условіяхъ быта рабочихъ, юридическое положеніе ихъ на практикѣ почти безпомощно, особенно на фабрикахъ и заводахъ. Нужда заставляетъ его наниматься, нужда же заставляетъ его подчиняться и всякому порядку, который угодно будетъ установить хозяину, этому бездунному Киту

Китичу. Съ каждымъ отдѣльнымъ рабочимъ, при наймѣ ихъ врознь, исключенныя условія не заключаютъ. При наймахъ рабочихъ цѣлыми, партиями, хотя и заключаются иногда съ ними контракты въ волостномъ правленіи, но эти контракты, благодаря безграмотности народа, поддаванію его при совершеніи договора, и подкуну волостныхъ властей, особенно писарей — стѣять настоящей кабальной записки. Но пусть даже контрактъ самымъ лучшимъ образомъ оправдаетъ права рабочего, прему изъ оного для него не много. Иной, чистокровный Китъ Китичъ и до сихъ поръ еще „плевать хотѣлъ“ на всякія условія съ рабочимъ, зная очень хорошо, что рабочий ничего изъ этихъ условій не подѣлаетъ. Судится ему нѣкогда, да и вообще единичный протестъ рабочего не имѣетъ никакого значенія, кромѣ развѣ того, что его выгонять съ фабрики, если онъ самъ не предупредитъ изгнанія добровольнымъ отказомъ; но чтобы существовать, платить подати, надо опять воступить на мѣсто, а на новомъ мѣстѣ, если не всегда, то нѣредко встрѣтитъ его тоже самое, если еще не худшее, коллективные же протесты и даже жалобы запрещены закономъ, гласящимъ, что „никто не имѣетъ право подавать жалобу скопомъ или подговоромъ“. Мѣстныхъ блюстители, мировые Китамъ Китичамъ, провозгласить такой коллективный протестъ бунтемъ, и начнется его усмирѣніе, а затѣмъ наполненіе острога и скань подсудимыхъ. Здѣсь, въ Петербургѣ, на глазахъ высшего начальства, если и случится подобный казусъ, то въ нему отнесутся по крайней мѣрѣ сдержанно, осторожно, разберутъ тотчасъ же дѣло и, если не простятъ рабочимъ, то не поглядятъ по головѣ и Кита Китича; да и самыя Киты Китичи здѣшніе все таки народъ болѣе или менѣе обструтанный, иногда даже вылощенный, не то что въ провинціальныхъ палестинахъ нашихъ, гдѣ субъекты этого рода обрѣтаются нѣредко во всей непривосновенности своего первобытнаго зѣрообразія. Тамъ, пока дѣло дойдетъ до высшей губернской власти, да и дойдетъ — то еще въ смыслѣ, какой придастъ ему мѣстная власть, будутъ уже приняты мѣры въ предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, вторыми усилію доставить болѣе или менѣе новыхъ обитателей тюремъ, а пока судъ (хорошо еще если новый) рассудитъ, — все равно, что по пословицѣ, пока солнце взойдетъ — роса глаза выгѣсть.

Надо впрочемъ сказать, что астраханскіе рыбные Киты Китичи, во отношеніи къ своимъ рабочимъ, сравнительно съ Китами Китичами другихъ мѣстностей, находятся въ особенно благоприятныхъ условіяхъ, но вопросу непріятельства своему праву. Во первыхъ и мѣста ихъ ужь очень трудобны, а во вторыхъ и рабочіе ихъ, по составу, болѣею частью народъ совсѣмъ уже безотвѣтный. Народъ этотъ состоитъ изъ русскихъ и изъ калмыковъ. Первые—это болѣею частью

принималъ, часто беспризорный людъ, которому не до жалобъ, лишь бы прекорнитъся, лишь бы держали его. Такой народъ особенно любъ астраханскому купечеству и ихъ приглаивать, а также и мѣстныхъ вельможъ, потому что куражились надъ нимъ—твоя воля: кнати ему, неважно, что твоя милость будетъ; тыни съ него, что хочешь, и дѣлай съ нимъ, что нечестивъ на душу положить—и ничего онъ сумретъ тебѣ поддѣлать не можетъ. Калмыки же, по общему отзыву, отличные работники, но умъ очень запуганный и забитый народъ. „Скитанье и войновольные (когда-то) Калмыки, говорить г. Неплюевъ-Далгаченно („Валга“, стр. 386) обратились теперь въ жалкую парю, обобранную новонами (родъ калмыцкаго дворянства) и русскими мелкими властями. Типъ астраханскаго калмыка теперь—это общій типъ прикованнаго раба. Онъ какъ бы постоянно чувствуетъ себя виноватымъ... На великаго русскаго смотритъ, какъ на власть, и какойнибудь идутованый мѣщанинъна възраиваетъ на него, точно на своего холопа... Поматно, что такая отношенія создали экономическое рабство калмыковъ, не обираясь имъ только дѣшево“... Ну, а астраханскихъ Китовъ Китичей и ихъ подручныхъ Подкавказныхъ въ чемъ другомъ, а въ дѣлоси въ калмыкѣ упрекнуть нельзя; а при такомъ составѣ рабочихъ стоить ли хлопотать о какихъ-то тамъ санитарныхъ условіяхъ и обращать вниманіе на то, что они крутъ какъ мухи. Обидно только, что, по поводу этой выдуманной чумы, другіе идумали советъ носъ въ ихъ домашнія дѣла и портить ихъ коммерцію. Но такъ какъ эта обща уже совершилась и посторонній носъ сунуть, то слѣдуетъ этому носу до конца уже довести свою присворбную способность. Необходимо воспользоваться настоящимъ случаемъ и рѣшительно, неуважно, заставить астраханскихъ рыбопромышленниковъ очистить, наконецъ, дестинами гнѣздилища или нечистоты, смечь безонадно, содержимыя ими подъ названіемъ ларей и квасаръ для рабочихъ, настоянныя гнѣздилища волгеской заразы, принудить ихъ устроить новыя удобныя помѣщенія и содержать какъ ихъ, такъ и самыя промыслы, сообразно требованіямъ санитарныхъ и гигиеническихъ условій. Всѣ, заинтересованные въ этомъ дѣлѣ и большіе и малые хозяева, а ихъ не мало и въ Петербургѣ, вонечно станутъ на дыбы, завопятъ о своемъ раззораніи, пустятъ въ ходъ, кузами всяческаго „проведенія дѣла“, всевозможныя жалобы и ходатайства. Но общественная безопасность важнѣе огорченія нѣсколькихъ Китовъ Китичей. Въ особенности должно избгать полумѣръ, на воверны, по обыкновенію, будутъ стараться свести дѣло. Между владѣльцами рыбныхъ промысловъ есть миллионеры, незнающіе счета своимъ деньгамъ; живутъ они въ столицахъ или за границей, числятся полечителями разныхъ привтовъ, шволъ и другихъ благотво-

рительныхъ учреждений, а между тѣмъ никому изъ нихъ и въ голову не придетъ пожертвовать хотя нѣсколько сотенъ рублей на улучшеніе быта тѣхъ, кто дастъ имъ эти милліоны, на чѣмъ всѣхъ созидаютъ они свои колоссальныя богатства. Воздушные фарисеи! Можно-ли ожидать отъ нихъ какихъ либо самостоятельныхъ мѣръ. Поэтому и одороженіе края должно быть преимущественно радикальное; съ минованіемъ острой опасности, сварое зло равняется мѣзъ осваленныхъ корней. Повторяемъ, случай и обстоятельство для санитарной реформы, хотя этой частиці Россіи, самыя благоприятныя.

Возвращаясь собственно къ чумѣ въ Астраханской губерніи, мы видимъ, что всеобщая опасность вливала и особія мѣры, съ помощью которыхъ врагъ будетъ побѣжденъ.

Но хотя бы по поводу этой же опасности, не пора ли подумать о томъ, что у насъ, и помимо чумы, безусловно существуютъ другія заразы, не мѣстныя только, а, можно сказать, всероссійскія бараны. Таковы неречисленныя нами выше: оспа, тифъ, дифтеритъ, динситерія и др., а также и свотскія эпидеміи, каковы: свотская чума и сибирская язва.

Болѣзни эти потому только не производятъ такого горькаго тревоги и страха, какой произвела чума, что опасеніе ихъ, благодаря привычкѣ къ нимъ, потеряло свой острый характеръ. Эти заразы точно также уносятъ ежегодно десятки тысячъ жертвъ и хронически противодействуютъ возрастанію населенія въ Россіи въ той мѣрѣ, какъ это существуетъ въ другихъ странахъ, а съ другой стороны подрываютъ въ концѣ и безъ того не завидное народное хозяйство. Не проходитъ дня, чтобы въ газетахъ не встрѣчалось извѣстія о неизлеченіи, то тутъ то тамъ, одной изъ этихъ болѣзней, а иногда и нѣсколькихъ разомъ, и о производимомъ ими опустошеніи. Беремъ на поддержку нѣсколько №№. Изъ села Богородскаго, Горбатовскаго уѣзда, пишутъ (Гол. № 26), что тамъ открылась эпидемія. Пятидесятью тифомъ заболѣваютъ цѣлыя семьи. Изъ Вѣлополя, Харьковской губерніи, сообщаютъ (Гол. № 31), что „тамъ во всей силѣ свирѣпствуетъ дифтеритъ; опустошенія, производимыя имъ среди дѣтей, по истинѣ ужасны. Городской больницы оказалось недостаточно. Дума принуждена была отдать подъ больныхъ упрямкинскіе военныя госпитали“. Изъ Могилева на Днѣпрѣ сообщаютъ (С. П. Вѣд. № 21), что „тамъ со 2 января начался сильный голодъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ развились болѣзни, дифтеритъ, тифъ, скарлатина, и въ продолженіи мѣсяца (даже мѣнѣе: со 2 по 19 января) умерло 68 дѣтей“. Изъ Митавы пишутъ (Русск. М. № 19), что, тамъ открылся тифъ, говорить пятистый“... Болѣзнь началась съ солдатъ, вслѣдствіе отведеннаго имъ городомъ холоднаго и сыраго казарменнаго помѣщенія. Изъ Орла (Совр. Изв. № 20) „съ наступленіемъ осени начались въ Орлѣ раз-

ныя заразительныя болѣзни; тифъ, оспа разныхъ сортовъ немало уносятъ народа... Чума розетатаго света, начавшись весной, до сихъ поръ еще не перестаетъ у насъ, мѣръ серьезныхъ къ прекращенію ея не предпринималось, поэтому въ городѣ не осталось ни одной коровы. Особенно помогаетъ чумѣ дозволеніе (это въ губернскомъ то городѣ) продавать зараженныхъ чумою коровъ... Нерѣдко можно встрѣтить мясо совершенно посинѣвшее или съ багровыми пятнами“.

Мы свазали, что беретъ ММ газетъ на выдержку. Случайно, всѣ взятые ММ относятся къ концу января, извѣстія относятся къ совершенно различнымъ мѣстностямъ. Слѣдовательно, болѣзни эти повсемѣстны въ Россіи. Зарождаются и гнѣздятся онѣ главнымъ образомъ въ средѣ бѣднаго населенія, вслѣдствіе полного отсутствія въ его бытѣ всякихъ санитарныхъ условій. Тѣ радикальныя мѣры къ оздоровленію мѣстности, которыя разрѣшено принять на счетъ казны въ край, постигнутымъ чумою, возможны только на ограниченномъ пространствѣ; но для примѣненія ихъ къ цѣлой Россіи никакой казны не достанетъ. Невозможно также возложить это на общественныя средства земства и городовъ. Изъ недавнихъ обсужденій въ Петербургской и Московской городскихъ думахъ мѣръ къ противодѣйствію чумѣ, на случай ея появленія, видно, какъ даже рѣшкъ, наиболее богатыхъ средствами, городамъ въ Россіи трудно поставить въ удовлетворительныя санитарныя условія бѣдный классъ своего населенія, рабочій людъ, населяющій подвалы и чердаки громадныя столичныя домовъ. Что же дѣлать съ нашими селами и деревнями среди одолаживающей ихъ экономической несостоятельности? Пропаганда необходимости соблюденія чистоты и вообще санитарныхъ условій жизни предполагается министерствомъ внутреннѣхъ дѣлъ черезъ посредство попечительства, между прочимъ и путемъ распространенія въ народѣ брошюръ назидательнаго, по этому предмету, содержанія, или путемъ повѣдей въ церквахъ,—что едва ли приведетъ къ практическимъ результатамъ. Народъ очень хорошо пойметъ, да конечно и безъ того понимаетъ, что лучше и здоровѣе жить въ просторной, чистой, свѣтлой хатѣ, чѣмъ гнѣздиться въ тѣсныхъ, душиныхъ, грязныхъ и темныхъ логовищахъ, подобіе которыхъ очень часто представляютъ, въ настоящее время, наши крестьянскія избы, но что же ему подѣлать, если другого жилья, другой обстановки, онъ не въ состояніи создать себѣ, при существующихъ экономическихъ условіяхъ своего быта.

Здѣсь мы вступаемъ снова въ тотъ заколдованный кругъ роковаго взаимодѣйствія причинъ и послѣдствій, о которомъ говорили въ прошломъ мѣсяцѣ. Бѣдность народа обуславливаетъ его плохое санитарное состояніе, а это послѣднее, въ свою очередь, увеличиваетъ его бѣдность, ибо болѣзни, помимо даже расходовъ на лечение, отнимаетъ у рабо-

чаго челоуѣка время; а время—деньги. Болѣе, лишая челоуѣка на известное время возможности трудиться, тѣмъ самымъ лишается его того заработка, который онъ могъ бы приобрести за это время. Понятно, что чѣмъ хуже санитарныя условія жизни данного народа, тѣмъ болѣе онъ подверженъ болѣзнямъ, тѣмъ сильнѣе смертность, а вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣмъ большую несетъ онъ потерю въ своихъ хозяйствахъ. Обыкновенно цифра этой потери усволяется отъ нашего вниманія, но если, на основаніи общихъ выводовъ статистики, сдѣлать хотя приблизительный расчетъ, то эта цифра окажется весьма крупною. Для примѣра укажемъ хоть на подобный расчетъ, сдѣланный въ земскомъ отдѣлѣ газеты Голосъ прошлаго года (№ 288). „Въ статистику принято, что, при благопріятныхъ гигиеническихъ условіяхъ данной мѣстности, на каждаго челоуѣка, въ среднемъ выводѣ, приходится въ годъ около 20-ти „больныхъ дней“, или, иначе, около 5%, годичнаго времени. Для простоты расчета, примемъ населеніе Россіи только въ 80,000,000 челоуѣкъ и допустимъ парадоксальную цѣнность рабочаго дня—10 копѣекъ. Получимъ, что, при благопріятныхъ гигиеническихъ условіяхъ, населеніе Россіи должно потерять въ годъ 1,600,000,000 рабочихъ дней, или, иначе, 160,000,000 руб., т. е. болѣе $\frac{1}{6}$ части всего нашего государственнаго бюджета!“ Улучшить эти условія, и приступить къ этому улучшенію какъ можно скорѣе и во что бы то ни стало, представляется единственною средствомъ не только къ оздоровленію народнои жизни, но и къ оздоровленію чапнущаго экономическаго состоянія государства. Народъ, т. е. крестьянство, составляетъ главную платежную силу, и оскуденіе народнои коппы обусловливаетъ оскуденіе каппы государственной. А что народная коппа оскудѣла въ концѣ, это доказываетъ изъ году въ годъ возрастающая недоплата въ сборѣ податей и налоговъ, возрастающая, не смотря на всѣ, принимаемыя противъ этого, безпощадныя мѣры. Въ Россіи, государство въ преимуществу земледѣльческомъ, основаніе народнаго хозяйства и народнаго благосостоянія составляетъ земля, и недостатокъ именно въ ней, въ этой кормилницѣ-землѣ, и обездоливаетъ наше сельское населеніе, недостатокъ часто въ качествѣ, но еще болѣе въ количествѣ. Недостаточность болѣею частію надѣловъ и высокая оцѣнка ихъ составляетъ, какъ известно, смертный грѣхъ нашей крестьянской реформы. Какъ ни медленно, сравнительно съ другими странами, увеличивается народонаселеніе Россіи, но оно все-таки увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ каждымъ годомъ, увеличивается недостаточность крестьянскаго надѣла, и возрастаетъ несоразмѣрность его съ лежащими на народъ тягостями. Въ засѣданіи московскаго общества сельскаго хозяйства 29 января сего года, по вопросу о предполагаемомъ товариществѣ мелкаго сельскаго поземельнаго кредита, секретарь Петербург-

скаго отдѣленія комитета о ссудоберегательныхъ товариществахъ г. Хитрово высказалъ; между прочимъ, на основаніи собранныхъ имъ данныхъ, что настоящіе крестьянскіе надѣлы, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, покрываютъ только 56%, расходнаго крестьянскаго бюджета на содержаніе и уплату повинностей. Остальные 44% сельскому населенію приходится приобретать заработками на мѣстныхъ или отхожихъ промыслахъ, т. е. изъ источниковъ, подверженныхъ всевозможнымъ случайностямъ. Надо сказать при этомъ, что, при настоящемъ упадкѣ кустарной промышленности, главнымъ источникомъ побочныхъ доходовъ народа являются именно отхожія промыслы, деморализующее вліяніе которыхъ давно уже признано. Въ виду возрастающаго, изъ году въ годъ, обдѣленія сельскаго населенія, едва ли возможно откладывать долѣе тѣ экономическія реформы, настоятельность которыхъ такъ фактически, можно сказать осязательно, даетъ себя чувствовать хотя бы ежегоднымъ возрастаніемъ на нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей разныхъ недоимокъ. Г. Хитрово сообщалъ, въ засѣданіи московскаго общества сельскаго хозяйства, что существующіе крестьянскіе надѣлы, въ общемъ выводѣ, покрываютъ лишь 56% крестьянскаго расходнаго бюджета. Частныя свѣдѣнія изъ различныхъ мѣстностей совершенно подтверждаютъ это заявленіе. Такъ, напримѣръ, г. Латкина, по поводу поднятаго въ послѣднемъ очередномъ Петербургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи вопроса о переотчѣнкѣ земель, говоритъ, что изъ 27 волостей Лужскаго уѣзда (Петерб. губ.) только четыре волости круглый годъ пропитываются своимъ хлѣбомъ, 17-ти волостямъ достаетъ своего хлѣба среднимъ числомъ лишь на $\frac{1}{2}$ года, а въ 6-ти волостяхъ его достаетъ лишь на полгода. Замѣчательно при этомъ другое указаніе г. Латкина, доказывающее вопіющую неравномѣрность податнаго обложенія крестьянъ, сравнительно съ другими сословіями. На 635,786 десятинъ земли, принадлежащей лицамъ некрестьянскаго сословія въ Лужскомъ уѣздѣ, крестьянское землевладѣніе составляетъ лишь 138,073 десятины и притомъ сравнительно худшаго качества, т. е. изъ всей частной земельной собственности въ уѣздѣ помѣщикамъ принадлежит $\frac{1}{6}$, а крестьянамъ $\frac{5}{6}$; между тѣмъ эта $\frac{1}{6}$ несетъ всякаго рода денежныхъ платежей 464,768 р., тогда какъ $\frac{5}{6}$ вносятъ только 60,458 рублей. Точно также, изъ статьи „село Гнилице“ (Тверск. губ.), помѣщенной въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ Тверскаго Вѣстника, описывается, что надѣлъ въ $3\frac{1}{2}$ десятины, при настоящихъ условіяхъ, можетъ прокормить въ теченіи цѣлаго года лишь одного взрослого членовъ, средство же на содержаніе остальныхъ членовъ семейства и уплату всѣхъ повинностей приходится добывать посторонними заработками. Еще хуже того положеніе крестьянъ Калезинскаго уѣзда той же Тверской губерніи По описанію мѣстнаго корреспондента (СПБ.

вѣд. 1878 г. № 319) надѣлъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ составляетъ отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 десятинъ на душу и притомъ, какъ это въ весьма многихъ мѣстахъ,—земля самаго дурнаго качества, такъ что, при среднемъ даже урожаѣ, за отчисленіемъ семянъ на будущій посѣвъ, отъ собранной жатвы получается „возможность продовольствоваться своимъ хлѣбомъ лишь за время осеннихъ работъ“. Но это еще не все! Для скотоводства, по словамъ корреспондента, нѣтъ „ничего“—во всей силѣ слова—ни единой десятины для повоса, ни единой десятины для пастбища.—„Въ такомъ положеніи, добавляетъ онъ, находится крестьянство не одного Калязинскаго уѣзда, но и всѣхъ другихъ уѣздовъ Тверской губерніи“. Мы съ своей стороны прибавимъ, что и Тверская губернія не представляетъ, въ этомъ отношеніи, исключительнаго явленія. Тѣ же жалобы на недостаточность крестьянскаго надѣла раздаются и изъ другихъ губерній, даже не столь густо населенныхъ, какъ Тверская и другія центральныя губерніи.

Для восполненія этаго недостатка земли, крестьяне, при неимѣніи средствъ къ покупкѣ, обращаются къ болѣе крупнымъ землевладѣльцамъ или принимая отъ нихъ землю исполу, или арендуя ее, но, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, опять такъ по неимѣнію денегъ, чаще всего съ уплатою, за арендуемую землю, работой. И тотъ и другой способъ пользованія землею, особенно послѣдній, какъ извѣстно, не только маловыгодны для крестьянъ, но часто просто убыточны для нихъ. Въ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ всѣ элементы такъ тѣсно связаны между собою постояннымъ взаимодействіемъ, недостатокъ земли у крестьянъ еще сильнѣе даетъ себя чувствовать скудостью урожаевъ, которые, въ среднемъ выводѣ, даже въ черноземной полосѣ Россіи поражаютъ своею ничтожностью, сравнительно съ такими же выводами урожаевъ въ другихъ странахъ Европы. Казалось бы, что чѣмъ меньше запашка, тѣмъ лучше, тѣмъ тщательнѣе она можетъ быть обработана, и хотя качествомъ восполнить до извѣстной степени количество. У насъ, на дѣлѣ, оказывается противное; къ недостаточной крестьянской запашкѣ присоединяется, независимо отъ климатическихъ условий, сплошь и рядомъ, изъ рукъ вонъ плохая обработка, какъ вслѣдствіе дурныхъ способовъ и орудій воздѣлыванія земли, такъ и вслѣдствіе недостатка удобрения, происходящаго отъ убогаго состоянія крестьянскаго скотоводства; развитію же и улучшенію послѣдняго препятствуетъ тотъ же недостатокъ земли, т. е. недостатокъ пастбища и покосовъ, обуславливацій дурное содержаніе крестьянскаго скота, въ чемъ и заключается причина постоянно, то тамъ то тутъ, свирѣвствующихъ паденій скота отъ чумы, сибирской язвы и другихъ эпидемій. Надо впрочемъ сказать, что убогость урожаевъ сравнительно съ другими странами Европы, не составляетъ у насъ особенности только крестьян-

сваго земледѣнія, она почти въ той же степени присуща и помѣщичьему сельскому хозяйству; такимъ образомъ, тѣ громадныя запасы хлѣба, которые ежегодно свозятся въ Россіи и которыми она снабжаетъ Европу, составляютъ продуктъ не достоинства культуры, а лишь громадности запасовъ.

Въ послѣднее время, въ виду сознаваемой всѣми необходимости поднятія крестьянскаго хозяйства и, въ этомъ отношеніи, прежде всего доставленія самъому населенію возможности восполнить обездоливающей его недостатокъ земли, на экономическихъ и рациональныхъ началахъ,—въ средѣ нашихъ сельскохозяйственныхъ обществъ поднять вопросъ объ учрежденіи банковъ мелкаго земельного долгосрочнаго кредита. Вопросъ этотъ былъ подвергнутъ всестороннему обсужденію въ послѣднихъ собраніяхъ Одесскаго и Петербургскаго обществъ сельскаго хозяйства. Между тѣмъ, какъ первое изъ этихъ обществъ, въ результатъ своихъ разсужденій, постановило лишь: признать въ принципѣ необходимость организаціи дешеваго кредита для покупки земли крестьянскими обществами, и выразило желаніе возложить разработку этого вопроса и самое разрѣшеніе его, въ смыслѣ осуществленія этого дешеваго кредита, на существующіе уже земельныя банки, а частью и на правительство, Петербургское общество выработало свой собственный проектъ особаго „Товарищества мелкаго сельскаго поземельнаго кредита“, пропагандировать который въ средѣ московскаго общества сельскихъ хозяевъ и отправило двухъ депутатовъ, князя Васильчкова и г. Хитрово. Предложеніе петербуржцевъ встрѣтило въ Москвѣ, повидимому, достаточное сочувствіе. Проектъ обсуждался въ собраніи московскихъ сельскихъ хозяевъ въ концѣ января и началѣ февраля, и делегаты петербургскаго общества вернулись домой, какъ слышно, весьма довольные своимъ воѣдвой. Въ настоящемъ обзорѣннн мы не будемъ входить въ подробное разсмотрѣніе проекта предлагаемаго товарищества, и вообще, оставляя въ сторонѣ вопросъ о крестьянскомъ кредитѣ, какъ подлежащій спеціальному обсужденію въ нашемъ журналѣ, обратимъ вниманіе на тѣ изъ революцій Одесскаго общества сельскихъ хозяевъ, которыя имѣютъ въ виду воспособленіе крестьянской малоземельности путемъ переселенія изъ густонаселенныхъ мѣстностей въ Новороссію и вообще въ мѣстности, обладающія свободными землями. До какой степени разрѣшеніе населенія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ средней Россіи сдѣлалось настоятельнымъ, можетъ служить доказательствомъ хоть Тверская губернія. Заинтересуемъ статистическія цифры изъ статьи г. В—ъ „Лекарство дѣйствительно-ли?“ (СПб. Вѣд. 1878 г. № 78), хотя статья и написана, повидимому, въ видахъ предостереженія противъ опрометчиваго увлеченія именно переселеніями.

По словамъ г. В—ъ, въ 1867 году, считалось въ ней населенія

1.521,577 душъ обоого пола; въ нынѣшнемъ году, принявъ ежегодный приростъ населенія въ 1⁰/₀, въ ней должно быть около 1.689,000.

Сельскихъ сословій въ 1867 г. было 1.323,377 душъ, въ томъ числѣ мужчинъ 631,191; ннѣ, по тому же расчету, ихъ должно быть 701,000, въ томъ числѣ: бывшихъ государственныхъ 270,000, бывшихъ крѣпостныхъ 399,000 и прочихъ (удѣльныхъ и др.) 32,000.

Вся территория Тверской губернии обнимаетъ 5.982,000 десятинъ, въ томъ числѣ неудобной 24¹/₂⁰/₀ = 1.465,500 дес.,—остается удобной всего 4.516,500 дес.

Изъ этой суммы нужно исключить 30¹/₂⁰/₀ лѣсовъ, что составляетъ 1.377,532 дес. (исключить ихъ необходимо тѣмъ болѣе, что два уѣзда, Осташковскій и Вышневолоцкій, представляются преимущественно лѣсистыми); затѣмъ остается удобной земли 3.138.967 дес., въ томъ числѣ: пахатной 1.851,765 д. и луговой 1.287,202 д.

Раздѣлимъ эту удобную землю поровну между всѣмъ населеніемъ (3.138,967 : 1.689,000),—получимъ менѣе 2 десятинъ, а именно 1,8 на душу. Но пусть вся эта земля остоитъ однимъ крестьянамъ, пусть горожане, помѣшники, духовенство—всего около 1.469,000 человекъ—не будутъ имѣть ни одной пяди выгона, ни огорода: что же мы получимъ?—Получимъ на мужскую душу менѣе 4¹/₂ дес. А такъ какъ, по выдуманной операціи, мужская душа въ Тверской губерніи надѣлена 4-мя десятинами, то героическое средство, едва ли мыслимое, прибавило бы ей около ¹/₂ дес!

Прибѣгнемъ еще къ другому героическому средству, истребимъ половину лѣсовъ и изъ подъ нихъ 688,000 десятинъ раздадимъ тѣмъ же крестьянамъ для разработки: получится еще около 1 дес., а съ первой прибавкой всего менѣе 1¹/₂ десятинъ на каждого, т. е. теперешнее количество земли увеличится только на ¹/₂.

Вопросъ о переселеніяхъ—вопросъ чрезвычайно сложный, по разному образу вводящихъ въ него условій. Мы будемъ еще имѣть случай возвратиться къ нему въ нашъ журналъ; а теперь скажемъ, что тѣмъ или другимъ способомъ необходимо помочь народу, за невозможностью оставлять его долѣе въ настоящихъ экономическихъ условіяхъ, послѣдствіемъ которыхъ можетъ быть только окончательное истощеніе, главной въ государствѣ, платежной силы, а съ тѣмъ вмѣстѣ и уменьше недомога, недоборъ доходовъ, дефицитъ въ бюджетѣ и необходимость новыхъ налоговъ.

Кстати о недомогахъ. Къ началу прошлаго года, общій недомочный долгъ всѣхъ нашихъ желѣзнодорожныхъ обществъ, заключалъ въ себѣ 265.095,396 руб. бред. и 581.959,950 руб. металлическихъ, что, по настоящему курсу, равняется 966.053,517 бред. рублями; такимъ образомъ, въ кредитныхъ рубляхъ, весь долгъ нашихъ желѣзныхъ

дорогъ правительству, въ 1-му январю 1878 г. представлялъ ни болѣе ни менѣе какъ 1.131,148,913 р. Разложивъ этотъ долгъ по числу 19,120 верстъ, существовавшей въ то время нашей желѣзной сѣти, оказывается, что на каждую версту нашего рельсового пути приходилось 58,212 р. правительственного долга, это едва-ли не болѣе, чѣмъ средняя стоимость желѣзнодорожной версты въ постройки. При несостоятельности желѣзнодорожныхъ обществъ въ уплатѣ подобнаго долга, даже и въ весьма отдаленномъ будущемъ, можно спросить кому же, въ сущности, принадлежатъ наши желѣзныя дороги — обществамъ этимъ или правительству, и какія затраты одѣлали сами общества на постройку дорогъ, доходами съ которыхъ онѣ пользуются? Во всякомъ случаѣ очевидно, что если бы наше правительство пожелало осуществить въ Россіи мечту князя Бисмарка и выкупить отъ частныхъ обществъ, за счетъ государства, все желѣзныя дороги, то оно могло бы совершить эту операцію, не затрачивая ни гроша капитала, такъ какъ стоимость дорогъ, едва-ли бы покрыла сумму лежащаго на нихъ долга. Надо думать однако, что правительство наше, передавшее нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ частныя руки, и притомъ на неособенно выгодныхъ для государства условіяхъ, самую доходную изъ всѣхъ существующихъ въ Россіи желѣзныхъ дорогъ — Николаевскую, не раздѣляетъ взгляда на этотъ предметъ Германскаго канцлера, и, конечно, не безъ основанія. Не знаемъ какъ въ Германіи, но у насъ, въ Россіи, многократными опытами доказана безвыгодность и даже убыточность непосредственнаго веденія казною промышленныхъ предпріятій. Дороги наши, слѣдовательно, останутся въ частныхъ рукахъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ останется и неоплатный долгъ ихъ казнѣ, и не только останется, но будетъ возрастать, потому что, при громадномъ пространствѣ Россіи, существующая рельсовая сѣть далеко не удовлетворяетъ потребности въ улучшеніи и ускореніи сообщеній, необходимыхъ для развитія экономическихъ средствъ и силъ государства. А при нашей бѣдности и при недостаткѣ заграничнаго кредита для нашихъ частныхъ предпріятій, такое дѣло, какъ расширеніе нашей желѣзнодорожной сѣти, не можетъ обойтись, какъ не могло обходиться и доннѣ, безъ помощи государства, особенно при настоящемъ нашемъ экономическомъ положеніи.

Заговоривъ о нашихъ желѣзнодорожныхъ обществахъ, нельзя пройти молчаніемъ дѣятельность и одного изъ весьма важныхъ, по экономическому значенію для государства, акціонерныхъ обществъ — общества взаимнаго поземельнаго кредита, успѣшнаго когда то, благодаря вліятельному покровительству, обратить въ составъ своего капитала пяти-милліонный капиталъ, назначенный правительствомъ для усиленія и развитія русскаго землевладѣнія въ оноляченномъ Западномъ краѣ.

Вопросъ въ какой степени передача обществу взаимнаго поземельнаго кредита этой суммы способствовала осуществленію столь важнаго для Россіи государственнаго дѣла, и въ какой степени дѣйствія общества по этому предмету соотвѣтствовали видамъ и цѣлямъ правительства,—вопросъ этотъ, говоримъ, подлежитъ еще изслѣдованію, которое, въ настоящее время, тѣмъ болѣе настоятельно необходимо, что значительная часть этого капитала и была расхищена. Если мы вспомнимъ, какъ, бывшій когда-то органъ корифеевъ общества взаимнаго поземельнаго кредита, газета „Вѣсть“, относилась, въ свое время, къ переходу имѣній отъ польскихъ пановъ къ русскимъ помѣщикамъ, то' трудно предположить, чтобы это общество особенно сочувствовало и содѣйствовало этому дѣлу. Процессъ Юханцева, кромѣ этого вопроса, обнаружилъ достаточно данныхъ для надлежащей оцѣнки дѣятельности этого почтеннаго общества. Во время судебного процесса по этому дѣлу, ничтожная фигура подсудимаго какъ-бы ступевалась, потеряла всякій личный интересъ, отошла на второй планъ, не смотря на громадность совершенаго имъ воровства. Выслушивая показанія всѣхъ этихъ „непомнящихъ“, незнающихъ, и непостигающихъ свидѣтелей, заправлявшихъ однако дѣлами общества, дѣлалось совершенно очевиднымъ, что личность Юханцева тутъ ни при чемъ; что для совершенія преступленія, приведшаго его на скамью подсудимыхъ, не нужно было ни большаго ума, ни сильнаго характера; что, наконецъ, самый фактъ преступленія былъ лишь простымъ логическимъ послѣдствіемъ, существовавшихъ въ обществѣ порядковъ, и отношенія къ дѣлу лицъ, заправлявшихъ имъ и поддерживавшихъ эти порядки. Не даромъ же защитникъ и даже гражданскій истецъ основали на этомъ существенномъ обстоятельстве одинъ — свою защиту, другой — свой гражданскій искъ. „Не клади плохо, не вводи вора въ грѣхъ“, вотъ главнымъ образомъ сущность аргументаціи и того и другого; необходимость подобной аргументаціи вытекаетъ до такой степени изъ самаго существа дѣла, что и прокуроръ и гражданскій истецъ не могли не предугадать такого основанія защиты, и каждый изъ нихъ, въ своей рѣчи, старался заблаговременно, оспорить это основаніе и подорвать его значеніе, не смотря на то что гражданскій истецъ самъ, на томъ же самомъ, основалъ привлеченіе членовъ правленія къ гражданской отвѣтственности.

Изъ показаній свидѣтелей выяснилось на судѣ, что всѣ члены правленія питали полное довѣріе къ Юханцову. Но на чемъ же основывалось это довѣріе? Г. Герсфельдъ, съ тою искренностью, которая отличала всѣ его показанія на судѣ, вполне выяснилъ и это, повидимому, темное обстоятельство; онъ прямо заявилъ, что вѣра эта покоилась на „порядочности“ Юханцева, порядочности конечно въ томъ смыслѣ, въ ка-

комъ она понималась въ извѣстномъ кругу, т. е. въ смыслѣ, такъ называемой, коммодитности. Кто же могъ предвидѣть, что подъ покровомъ этой коммодитности „проводилъ на днѣ лежитъ“. Въ концѣ концовъ можно сказать, что если почтенные заправители общества взаимнаго поземельнаго кредита и погрѣшали въ чемъ нибудь, то лишь въ причастности своей къ общечеловѣческой слабости: получать сколько можно болѣе и дѣлать сколько можно менѣе. Но если они согрѣшили, то за то и покаются. Ихъ показанія на судѣ, сущность которыхъ можно рекламировать въ немногихъ словахъ: мы ничего не знаемъ, мы ничего не помнимъ, мы ничего не видали, были такимъ „*mea culpa, mea maxima culpa*“, такимъ публичнымъ самобичеваніемъ, что говорить объ этомъ долѣе не представляетъ интереса.

Но если показанія, данныя на судѣ этими господами, отличались чистосердечіемъ и искренностью, то слѣдуетъ принимать, что и свидѣтельское показаніе г. Фревиля, директора ссуднаго отдѣленія Государственнаго банка, невольно умилляли своею безыскусственною простотою и наивною. На несеромный вопросъ сторожъ, не возбуждали ли недоразумѣнія залого Юханцевымъ, извѣстнымъ и Банку, кассиромъ общества взаимнаго поземельнаго кредита, отъ своего имени, процентныхъ бумагъ голландскаго займа, весьма рѣдко обращающихся въ публикѣ, и притомъ на такія огромныя суммы, г. Фревилъ, съ рѣдвою въ наше время безхитростностью, отвѣчалъ: „нѣтъ, Ваше П—во, никакого недоразумѣнія (!)... у насъ не спрашиваютъ, а онъ не говорилъ“... Вотъ и толкуйте послѣ этого о свептицизмѣ въѣка! Если справедливо, что лоббизмъ погубило первыхъ людей, то очевидно, что будь на мѣстѣ Адама г. Фревилъ, а пожалуй и весь Государственный банкъ нашъ, то мы и до сихъ поръ прелюбополучно обитали бы въ адемскомъ саду, а не хлопотали бы объ асенизаціи нашихъ зловонныхъ городовъ по поводу ветлянской чумы.

Надо, впрочемъ, сказать, что, судя по петербургской думѣ, хлопоты эти не особенно утомительны, и проявились даже въ однихъ разговорахъ. Дѣйствительно, не смотря на то, что весна, а съ нею и обычное усиленіе всяческихъ болѣзней въ родѣ тифа и дифтеритовъ, на носу, почтенные представители нашего городского самоуправленія въ два мѣсяца договорились только до назначенія отъ города временной санитарной комиссіи; когда же начнется самая асенизація это „ты въси Господи“. Ну да впрочемъ торопиться теперь особенно не зачѣмъ. По извѣстіямъ изъ Астраханской губерніи, чума, какъ мы сказали выше, „была, да уже вся вышла“, и чрезъ нѣсколько дней, на основаніи карантинныхъ законовъ, съ самой Ветлянки должно быть снято карантинное огражденіе, такъ какъ, со времени смерти послѣдняго чумнаго больнаго, въ теченіе 32 дней, новыхъ заболѣваній въ ней не было.

Выходитъ, что и съ чумой легче справиться, чѣмъ съ крупными панихъ кредитныхъ учреждений; эта эпидемія водворилась повидимому у насъ прочно, хронически.

Едва успѣли мы раздѣлаться съ Юханцевскимъ процессомъ и находились въ ожиданіи процесса по расхищенію суммъ въ обществѣ взаимнаго кредита, какъ на голову падаетъ намъ крахъ Кронштадтскаго коммерческаго банка. Скорбный листъ этого банка не длиненъ. Родился онъ въ 1872 г., въ пору повального акціонернаго бѣснованія, родился безъ всякой нужды и надобности, вѣроятно при помощи „проведенія“ за известное вознагражденіе; складочнаго капитала имѣлъ 500 тысячъ, въ 2000-хъ акціяхъ, которыя никогда не достигали на биржѣ *al pari* (250 р.) и больше 201 р. не поднимались; дивидендомъ—своихъ акціонеровъ не баловалъ, да и выдача его продолжалась лишь до 1877 г. Въ 1878 г. акціи Кронштадтскаго коммерческаго банка вовсе уже исчезли изъ официальной котировки, а въ 1879 году—крахъ; и того житія его было 6 лѣтъ 8 мѣсяцевъ. Пассивъ банка доходитъ, говорятъ, до 4.000,000 р., наличности же около двухъ двугривенныхъ:—нѣсколько сотъ рублей на текущемъ счету другихъ банковъ, и нѣсколько акцій, служившихъ залогомъ одного изъ директоровъ, да и тѣ, какъ слышно, уцѣлѣли потому лишь, что акцій злополучнаго банка никто уже не покупалъ. Это выходитъ еще почище обыкш Петербургскихъ обществъ взаимнаго кредита, а еще говорятъ „большому кораблю большое плаваніе“. Вотъ вѣдь сравнительно и маленькій, намется, корабликъ этотъ Кронштадтскій банкъ, а какъ махнулъ! Ну да это ми объясняемъ тѣмъ, что Кронштадтъ специально городъ мореплавателей. И все это негншало директорамъ банка писать и объяснять балансы и отчеты о благополучномъ обстояніи и ходѣ банковыхъ дѣлъ, а ревизіоннымъ комиссіямъ удостовѣрять справедливость и дѣйствительность этихъ балансовъ и отчетовъ.

Отчего, подумаешь, однако зависить иногда судьба людей и банковъ! Если вѣрять настойчиво держащемуся въ обществѣ слуху, опоздай, назначенная внезапно министромъ финансовъ, ревизія Кронштадтскаго банка на два часа, ну не болѣе какъ на какихъ нибудь, ничтожныхъ противъ вѣчности, два часа—и Кронштадтскій банкъ былъ бы спасенъ, т. е. не то, что спасенъ, при четырехъ-миллионномъ дефицитѣ нѣтъ спасенія,—но онъ вынырнулъ бы, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ, изъ бѣды, выкупился бы еще на нѣкоторое время. Говорятъ, Государственный банкъ, этотъ скорый помощникъ во всѣхъ скорбяхъ нашихъ частныхъ банковъ, разумѣется, единственно, по своему неисчерпаемому благоутробію, дѣйствительно не восхотѣлъ смерти грѣшника, не пожелалъ покинуть его „въ несчастіи“ и готовъ былъ подать ему руку помощи. Совѣтъ Государственнаго банка порѣшилъ уже выдать поги-

блѣющему Кронштадтскому банку маленькую ссуду въ 700,000 р. для поправки. Еще два часа—и эти 700,000 р. очутились бы въ опустѣлой кассѣ Кронштадтскаго банка, съ помощью ихъ совершился бы фокусъ отведенія глазъ прибывшимъ ревизорамъ, и всѣ были бы счастливы и довольны, вѣдь счастье было такъ возможно, такъ близко; и вдругъ... гдѣ столь былъ явствѣ—тамъ гробъ стоитъ! Вотъ что значить два часа времени. И удивительно право какихъ это чиновниковъ послалъ министръ финансовъ, которые не сдѣлали опоздать всего на два часа. Да, пренеприятная исторія! и не смотря на то русское общество находить въ ней свою хорошую сторону. Это именно то обстоятельство, что промотавшемуся банку не удалось совершить фокуса съ помощью ссуды Государственнаго банка, благодаря своевременности внезапной ревизіи; нельзя не пожелать, чтобы министръ финансовъ не ограничился однимъ этимъ случаемъ, а возвелъ бы въ принципъ совершеніе такихъ же внезапныхъ ревизіонныхъ наѣздовъ и на другіе наши частныя банки и кредитныя учрежденія. Безусловной панацеи отъ воровъ и расхищеній кассъ конечно нѣтъ, ну а все-таки при надзорѣ, пожалуй, оно не будетъ совершаться такъ часто и такъ нагло; а то ужь слишкомъ обиденными сдѣлались у насъ эти крахи и расхищенія. Не знала бы также, чтобы и благоутрѣбію Государственнаго банка положены были нѣкоторые предѣлы. Помощь бѣдствующимъ дѣло, конечно, богоугодное, но электризовать трупы, чтобы они фактивнымъ существованіемъ вводили общество въ заблужденіе и имѣли возможность продолжать обманывать и разворять народъ, дѣло едва ли похвальное и желательное.

РАЗЪЯСНЕНИЕ. (Печатается на основаніи ст. 44 прилож. къ ст. 4 (примѣч.) уст. ценз. св. зак. Т. XIV, по прод. 1876 г., по требованію министерства народнаго просвѣщенія).

Вслѣдствіе состоящагося въ декабрѣ 1878 года постановленія тверскаго губернскаго земскаго собранія о прекращеніи на будущее время пособія изъ земскихъ суммъ на содержаніе училища для дѣвицъ въ городѣ Твери, имени П. П. Максимовича, судьба этого учебнаго заведенія сдѣлалась предметомъ вниманія петербургской періодической печати, причемъ нѣкоторыя газеты, объясняя упомянутое рѣшеніе тверскаго губернскаго земскаго собранія недовольствомъ со стороны земства за устраненіе его отъ внѣшательства въ учебно-воспитательную часть заведенія, высказали заключенія о тѣсной борьбѣ, которую въ настоящее время земствамъ приходится будто бы вести съ неосновательными притязаніями учебнаго вѣдомства.

Излагаемыя ниже свѣдѣнія о ходѣ всего дѣла должны послужить объясненіемъ тѣхъ дѣйствительныхъ основаній, которыми руководствовалось учебное вѣдомство въ данномъ случаѣ.

Въ 1870 году членъ тверской губернской земской управы, отставной капитанъ-лейтенантъ Максимовичъ, обратился къ попечителю московскаго учебнаго округа съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему открыть въ городѣ Твери училище для дѣвицъ по преимуществу изъ крестьянскаго званія, съ цѣлью приготовленія ихъ къ занятію должностей народныхъ учительницъ. Всѣ расходы, какіе потребовались бы для открытія и существованія школы, г. Максимовичъ принималъ на себя, съ тѣмъ, однако же, что за ученицъ, поступающихъ въ школу изъ уѣздовъ и содержащихся въ предполагаемомъ при школѣ интернатѣ, уѣздныя земства должны платить по 7 руб. въ учебный мѣсяць. Въ учебную программу школы входили: законъ божій, русскій языкъ, арифметика (до пропорцій включительно), понятія о геометрическихъ

измѣреніяхъ, начальныя свѣдѣнія изъ математической географіи, краткій очеркъ русской исторіи въ связи съ главнѣйшими событіями всеобщей исторіи, свѣдѣнія изъ географіи Россіи и практическая методика съ главными основапіями педагогичеки. За исключеніемъ послѣдняго предмета, предположенная г. Максимовичемъ учебная программа близко отвѣчала программѣ двухклассныхъ начальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія. Курсъ ученія предполагался двухлѣтній. Почетительный совѣтъ московскаго учебнаго округа, рассмотрѣвъ ходатайство г. Максимовича, разрѣшилъ ему, открыть женскую школу на предположенныхъ имъ основапіяхъ, но съ тѣмъ: а) чтобы имъ указано было отвѣтственное за училище лицо, имѣющее свидѣтельство на званіе домашней учительницы, такъ какъ самъ учредитель, не обладая учебными правами, могъ быть только почетнымъ блюстителемъ училища; б) чтобы назначена была особая надзирательница для наблюденія какъ за приходящими, такъ и за живущими въ интернатѣ ученицами; в) чтобы въ отношеніи пріобрѣтенія диплома на званіе учительницъ народной школы, воспитанницъ школы г. Максимовича подчинены были общему порядку, т. е. пріобрѣтали бы такіе дипломы въ установленной экзаменаціонной комиссіи, и не ранѣе, какъ по достиженіи 16-ти-лѣтняго возраста. Вмѣстѣ съ тѣмъ почетительный совѣтъ, находя, что предположенный курсъ ученія не можетъ быть основательно усвоенъ ученицами въ два года, полагалъ необходимымъ опредѣлить для преемщенія курса время не менѣе трехъ лѣтъ.

На такихъ основапіяхъ школа г. Максимовича была открыта въ декабрѣ 1870 года.

Между тѣмъ въ первые же годы существованія школы въ ней обнаружены были весьма значительныя отклоненія какъ отъ программы, утвержденной почетительнымъ совѣтомъ, такъ и вообще отъ основныхъ условій, заявленныхъ учредителемъ при исходатайствованіи разрѣшенія на открытіе училища. Такъ, черезъ нѣсколько лѣтъ по открытіи, школа содержалась уже не на средства учредителя, а на средства тверскихъ: губернскаго и уѣднаго земствъ, что въ послѣдствіи и послужило главнымъ поводомъ къ неясности отношеній мѣстнаго земства въ этому заведенію, сохранившему наименованіе „школы П. П. Максимовича“, но содержимому на земскія средства. Число ученицъ въ школѣ возрасло къ 1875 году до 125, и между ними оказалась одна ученица еврейскаго вѣроисповѣданія и одна католическаго, пребываніе которыхъ въ школѣ не могло конечно отвѣчать спеціальной цѣли заведенія—пріготовленія учительницъ для народныхъ школъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ существенно измѣнился и составъ ученицъ по сословіямъ, такъ что дѣвчцы изъ крестьянскаго званія не только

не преобладали между ними, но составляли едва одну шестую часть общаго числа воспитанницъ. Наибольшія же измѣненія потерпѣла учебная организація школы: вмѣсто двухъ классовъ, школа уже имѣла 4 класса и одинъ приготовительный и учебный курсъ въ ней оказался далеко превосходящимъ размѣры первоначально утвержденной программы. Такъ, вмѣсто элементарнаго грамматическаго обученія русскому языку, учитель этого предмета въ старшемъ классѣ придерживался пространной грамматики Буслаева, не стѣсняясь чрезвычайно слабыми познаніями ученицъ въ орфографіи. Вмѣсто понятія о геометрическихъ измѣреніяхъ преподавался полный курсъ геометріи; подробно проходила естественная исторія и всеобщая исторія и напротивъ того, на преподаваніе первоначально-славянскаго языка, столь необходимаго для будущей дѣятельности народныхъ учительницъ, не обращалось почти никакого вниманія. Относительно достоинствъ преподаванія и успѣховъ ученицъ свѣдѣнія получались мало удовлетворительныя. Въ составѣ преподавателей и преподавательницъ школы оказывались лица, занявшія эти должности безъ вѣдома училищной дирекціи, и отчасти даже не имѣвшія учительскихъ правъ. Отчетовъ о состояніи училища, требуемыхъ ст. 40 правилъ для частныхъ учебныхъ заведеній, г. Максимовичъ въ дирекцію не представлялъ, и вообще уклонялся отъ обязательныхъ для него отношеній къ директору училищъ Тверской губерніи.

Въ виду невозможныхъ обстоятельствъ, въ 1876 году учебный начальствомъ была произведена особая двукратная ревизія училища г. Максимовича, результатами которой вполне подтвердили какъ существованіе всѣхъ упомянутыхъ весьма существенныхъ отступленій отъ первоначально утвержденного плана, сдѣланныхъ безъ надлежащаго сношенія съ дирекціей, такъ и неблагопріятныя свѣдѣнія о результатахъ преподаванія и о несообразности его съ назначеніемъ этого учебнаго заведенія. Успѣхи ученицъ даже старшаго класса оказались весьма слабыми по всѣмъ предметамъ, а въ общемъ руководствѣ учебной частью сказывалось отсутствіе твердо-установленнаго взгляда, — извѣстная забота о широтѣ программы и пренебреженіе къ требованію прочнаго и твердаго усвоенія ученицами первоначальныхъ научныхъ свѣденій. Руководители школы очевидно подчинялись нѣкоторымъ своеобразнымъ, весьма спорнымъ педагогическимъ взглядамъ, напирѣвъ не допускали отиѣтокъ объ успѣхахъ, — не давали ученицамъ въ руки учебниковъ, а заставляли готовить уроки по записаннымъ ими самими конспектамъ и т. д. Въ отношеніи воспитательномъ замѣчено по преимуществу желаніе наименѣе стѣснять ученицъ педагогическимъ надзоромъ.

Вслѣдствіе такихъ результатовъ, обнаруженныхъ ревизіей школы

г. Максимовича, учредителю этого заведения предложено было въ декабрь 1877 года со стороны начальства московскаго учебнаго округа: 1) въ точности исполнять все, что требуется положеніемъ о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ; 2) возвратиться къ первоначальной главнѣйшей цѣли заведенія и къ программѣ, утвержденной въ 1870 году помечтательнымъ совѣтомъ, или же принять всецѣло программу правительственныхъ учительскихъ семинарій; 3) распорядиться, чтобы преподаваніе въ школѣ происходило по учебникамъ, одобреннымъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія и при помощи всѣхъ мѣръ поощренія и дисциплинарныхъ правилъ, какія приняты въ подобныхъ же учебныхъ заведеніяхъ, и 4) усилить наблюденіе за нравственностью воспитанницъ и за поведеніемъ ихъ какъ въ училищѣ, такъ и внѣ оного.

Г. Максимовичъ заявилъ начальству московскаго учебнаго округа, что онъ предпочитаетъ дать своей школѣ организацію правительственныхъ учительскихъ семинарій, причемъ, однако, въ виду недостаточной подготовки поступающихъ въ нее ученицъ, ходатайствовалъ о сокращеніи за всю приготовительнаго класса и дополнительнаго или педагогическаго, для практическихъ занятій педагогической. Между тѣмъ въ томъ же декабрѣ мѣсяцѣ тверская губернская земская управа представила очередному губернскому земскому собранію докладъ о школѣ г. Максимовича, въ которомъ не только разсматривала состояніе учебно-воспитательной части въ этой школѣ, но вошла даже въ разборъ дѣяній директора народныхъ училищъ. Такъ какъ школа г. Максимовича, будучи заведеніемъ частнымъ, а не земскимъ, ни въ какомъ случаѣ не могла подлежать надзору земскихъ учреждений, то такое вмѣшательство земской управы въ дѣла упомянутаго училища, очевидно, выходило за предѣлы ея компетентности; тѣмъ не менѣе губернское земское собраніе, выслушавъ докладъ управы, въ свою очередь вошло въ обсужденіе учебно-воспитательной части въ школѣ г. Максимовича и отношеній этой школы къ дирекціи. Затѣмъ въ засѣданіи 15-го декабря собраніе, по прочтеніи отчета г. Максимовича о школѣ, назначило комиссію изъ земскихъ гласныхъ для немедленнаго и всесторонняго обрѣзиванія училища. Комиссія явилась въ школу и произвела ревизію, о результатахъ которой доложила земскому собранію 19-го декабря. Собраніе, основываясь на свѣдѣніяхъ комиссіи о блестящемъ будто бы во всѣхъ отношеніяхъ состояніи школы, постановило выразить благодарность г. Максимовичу, ассигновать на содержаніе школы 7,800 руб. и просить будущаго губернскаго предводителя дворянства принять на себя трудъ лично доложить высшему учебному начальству о блестящемъ состояніи, въ какомъ найдена школа.

Такое постановленіе тверскаго земскаго собранія не было опротестовано г. начальникомъ губерніи.

Министерство народнаго просвѣщенія, не усматривая никакихъ законныхъ основаній въ подобному вмѣшательству тверскаго земства въ дѣла частнаго учебнаго заведенія, надворъ за которымъ принадлежитъ, по дѣйствующимъ положеніямъ, одному только учебному вѣдомству, нашлось вынужденнымъ снестись съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ о предупрежденіи на будущее время всякаго вмѣшательства тверскаго земства въ учебно-воспитательную часть школы г. Максимовича. Устранить вліяніе земства представлялось въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе необходимымъ, что предпріятіе г. Максимовича получило въ послѣдніе годы весьма широкое развитіе, именно число ученицъ въ школѣ, вслѣдствіе необычайной дешевизны содержанія и изобилія земскихъ стипендій, возросло до 180, организація же учебной и воспитательной части въ училищѣ далеко не соответствовала потребностямъ такого значительнаго учебнаго заведенія. Взглядъ этотъ, очевидно, не раздѣлился земствомъ, признавшимъ состояніе школы г. Максимовича во всѣхъ отношеніяхъ блестящимъ, и потому возникло опасеніе, что дальнѣйшее вмѣшательство земства въ дѣла школы замедлитъ осуществленіе преобразованій, въ которыхъ мѣстное учебное начальство усматривало настоятельную необходимость. А потому управленіе московскаго учебнаго округа, озабочиваясь устраненіемъ на будущее время вліянія земства на дѣла школы, вмѣстѣ съ тѣмъ предложило г. Максимовичу дать основанному имъ училищу новую организацію, которая, уравнивая учебный курсъ этой школы съ курсомъ правительственныхъ учительскихъ семинарій, въ то же время представляла бы лучшія гарантіи успѣхности какъ въ учебномъ, такъ и въ воспитательномъ отношеніи.

На новыхъ основаніяхъ курсъ въ школѣ г. Максимовича открылся 13-го октября 1878 года.

Ближайшему очередному земскому собранію, состоявшемуся въ декабрѣ того же года, сдѣлалось извѣстно, что дальнѣйшее вмѣшательство его въ дѣла школы не будетъ допущено. Одновременно съ тѣмъ обнаружались и крайне неблагопріятные результаты прежней организаціи школы, стоявшіе въ явномъ противорѣчій съ докладомъ комиссіи изъ земскихъ гласныхъ о блестящемъ состояніи этого училища, — именно въ произведенному въ тверскомъ реальномъ училищѣ испытанію на званіе народной учительницы, изъ 12-ти ученицъ IV класса школы г. Максимовича явились только шесть ученицъ, и изъ нихъ выдержала испытаніе только одна.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

Освободительная дѣятельность Россіи на Балканскомъ полуостровѣ.

(СЕРВІЯ, РУМЫНІЯ, БОЛГАРІЯ).

10-го февраля, какъ сообщаютъ иностранныя газеты, соберется въ Трновѣ болгарское учредительное собраніе для выработки новаго государственнаго устройства и для выбора правителя страны. Въ исторіи южнаго славянства 10-е февраля великій и торжественный день! Съ этого времени болгарскій народъ складывается въ политическій организмъ и для него открывается эра независимой государственной жизни. Съ другой стороны, къ числу самостоятельныхъ южно-славянскихъ державъ, Сербіи и Черногоріи, славяннымъ отовсюду владѣніями Австріи, присоединяется обширное государство, имѣющее всѣ шансы на дальнѣйшее увеличеніе къ югу, въ формѣ слиянія съ Восточной Румыніей. Политическая организація Болгаріи—это смертный приговоръ Турціи и несомнѣнная угроза мадыро-нѣмецкимъ тенденціямъ Австро-Венгріи; болгарскому народу придется окончить дѣло, начатое нами. По своему географическому положенію и національнымъ задачамъ ему суждено очистить Европу отъ турокъ и сдѣлаться въ будущемъ тѣмъ центромъ, около котораго должны естественно сгруппироваться остальные народности Балканскаго полуострова. Национальный принципъ, легшій въ основаніе государственной и международной жизни Западной Европы, коснулся, наконецъ, и славянства. Послѣ четырехсотлѣтняго невыносимаго рабства, Болгарія, неимѣвшая въ себѣ самой достаточно силъ для сверженія турецкаго ига, превращена, при помощи русскаго оружія, въ независимое и сильное государ-

ство. Трудно предвидѣть теперь всё послѣдствіи этого громаднаго переворота; многое будетъ зависѣть, конечно, отъ благоразумія и политическаго такта самихъ болгаръ, но многое и отъ дальнѣйшихъ дѣйствій Россіи... Во всякомъ случаѣ несомнѣнно одно: Россія почти завершила теперь тотъ медленный историческій процессъ, который въ окончательномъ результатѣ сводится къ полному разчлененію оттоманской имперіи.

Въ предъидущихъ статьяхъ мы подробно разсмотрѣли уже тѣ цѣли, которыя Россія преслѣдуетъ на Востокѣ; мы видѣли, что выходъ въ открытое море является необходимымъ условіемъ нашего дальнѣйшаго національнаго и государственнаго развитія; мы указали также на тотъ путь, которымъ Россія постепенно, отчасти сознательно, отчасти бессознательно, приближалась къ осуществленію своихъ плановъ. Но все это только одна сторона Восточнаго вопроса. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ настоящее время разрѣшеніе нашей политической задачи на Востокѣ должно быть отложено на неопредѣленный срокъ; Россія такъ устала, такъ разстроена, война разоблачила столько язвъ, разбѣдающихъ наши порядки, что нечего и думать о какой бы то ни было агрессивной политикѣ. Россія остается только уйти въ себя, собраться съ силами и залечить свои раны. Пробужденіе прежняго реформаторскаго жара, завершеніе недооконченнаго зданія нашего внутренняго переустройства—вотъ все, что можетъ позволить теперь русскій, истинно любящій свое отечество. „La Vieillesse se ressucille“ знаменитое выраженіе, забытое нами въ минуту улаченія, должно сдѣлаться снова, и притомъ надолго, девизомъ нашей будущей политики. При такихъ обстоятельствахъ, публицистъ можетъ только констатировать факты; онъ можетъ уяснить сущность нашего стремленія на Востокъ, очистить его отъ восторженныхъ пригѣсовъ славянофильскаго или религіознаго характера и оставить на здоровую почву политическихъ и экономическихъ интересовъ. Во всякое другое, болѣе страстное отношеніе къ нашей политикѣ на Востокѣ было бы теперь бесполезнымъ или даже вреднымъ, потому что лишь по-напрасу тревожило бы общество. Въ настоящее время мы невольны поставлены въ положеніе французовъ, мечтающихъ о *revanche*, но обязанныхъ благоразуміемъ сдерживать свои нагнѣренія въ ожиданіи выгодной политической комбинаціи.

Но кромѣ этого постояннаго, непреодолимаго стремленія Россіи на югъ, Восточный вопросъ заключаетъ въ себѣ еще и нѣчто другое. Разрушая Турцію, Россія на ея развалинахъ вызвала въ жизни новыя политическія организмы; обезсиливая оттоманскую имперію, мы въ самыхъ нѣдрахъ ея отыскивали себѣ союзниковъ и занимались ихъ государственнымъ и военнымъ устройствомъ. Такимъ образомъ, нашей кровью и нашими деньгами, купили мы независимость сербовъ, ру-

нынѣ и, въ настоящее время, болгарь. Всѣ эти народы обязаны намъ и исключительно намъ своимъ политическимъ существованіемъ. Понятно, что, съ точки зрѣнія этой исключительности, мы не вправѣ упомянуть въ нашемъ перечнѣ ни Черногоріи, ни Греціи, ни Египта. Первая, благодаря своему географическому положенію, никогда не признавала владычества Турціи, а по своей отдаленности никогда не могла воспользоваться военною помощію Россіи; даже въ послѣднюю войну наше содѣйствіе Черногоріи было, по преимуществу, нравственнымъ. Единственный удобный путь въ эту страну — Адриатическое море, былъ издавна ревниво оберегаемъ отъ насъ какъ турками, такъ и итальянцами и австрійцами. Еще при Екатеринѣ II въ эпоху движенія, подымаемаго самозванцемъ Степаномъ Малымъ, посланцы русской императрицы едва нашли себѣ доступъ въ Черныя Горы. Теперь же о какомъ нибудь серьезномъ военномъ содѣйствіи этой странѣ и говорить нечего. Берлинскій конгрессъ, фактически передавшій Антиварі въ руки австрійцевъ, окончательно разоблачилъ воззрѣнія Европы на наши отношенія къ черногорцамъ. Къ тому же эта маленькая отрасль сербскаго племени сложилась вполнѣ самобытно, и ея внутреннее устройство, основанное на родовомъ бытѣ, не носитъ на себѣ никакихъ слѣдовъ нашего вліянія. Еще менѣе способствовали мы освобожденію Греціи или установленію мирныхъ отношеній Египта къ османской имперіи. Александръ I былъ, какъ извѣстно, горячимъ противникомъ филеллинскаго движенія, и только сила событій заставила насъ внаслідствіи участвовать въ утвержденіи греческой автономіи. Съ другой стороны, въ 1838 г. Россія подала помощь Турціи въ ея борьбѣ съ Мегеметомъ Али и Ибрагимомъ Пашею. Результатомъ этого содѣйствія явился бесполезный Ункяр-Искелесскій договоръ, уничтоженный къ общему удовольствію Европы въ 1841 г., а въ 1840 г. Египетъ, при посредствѣ западныхъ державъ, былъ превращенъ въ ленное владѣніе, подъ наследственнымъ управленіемъ династіи Мегемета Али. Такимъ образомъ, въ исторіи систематическаго разчлененія Турціи, на нашу исключительную отвѣтственность падаетъ только освобожденіе Сербіи, Румыніи и, за послѣднее время, Болгаріи. Это — другая сторона Восточнаго вопроса. Основаніе новыхъ политическихъ организмовъ, пробужденіе къ жизни давно уже забытыхъ народностей представляютъ несомнѣнный интересъ и заслуживаютъ внимательнаго и серьезнаго изученія. Понятно, что не въ предѣлахъ журнальной статьи, можно прослѣдить всѣ перипетіи этого освободительнаго процесса; мы постараемся указать только на общій ходъ событій, на главнѣйшія дѣйствія русскаго правительства и на тѣ результаты, вторыхъ мы добились или еще вправѣ ожидать отъ будущаго. Мы полагаемъ, что подобное резюме можетъ оказаться не бесполезнымъ

и притомъ именно въ настоящую минуту. Уроки, потерянныя изъ прошлаго, никогда не лишны; вотъ уже цѣлѣкъ сто лѣтъ, какъ мы клоночемъ объ участи Румыніи и Сербіи; послѣдняя война перессодала ихъ въ независимыя государства. Теперь настала очередь Болгаріи. Что же мы вправѣ ожидать отъ этой страны? Явится ли она нашей союзницей или, по классическому выраженію, перазыгъ мѣръ своею неблагодарностью? Будутъ ли болгары нашими друзьями или превратятся въ враговъ, какъ румыны, или въ недовольныхъ, какъ сербы? Чтобы отвѣтить на эти вопросы необходимо разсмотрѣть нашу прошедшую освободительную дѣятельность на Балканскомъ полуостровѣ; надо остановиться на нашихъ отношеніяхъ въ Сербіи и Румыніи, на нашихъ дѣйствіяхъ въ Болгаріи и, наконецъ, хотъ мимоходомъ, заглянуть въ болгарскую конституцію, изготовленную въ нашихъ канцеляріяхъ.

Начнемъ съ Сербіи.

Съ XIV столѣтія, когда турки, призванные Кантакузеномъ, утвердились въ Галлиполи,—начинается борьба между ними и сербами. Но эта борьба длится не долго. Уже сынъ Стефана Дунаиа долженъ былъ уступить цѣлны воеводства могущественнымъ османамъ. Отсутствіе прочно-организованной центральной власти и постоянное разногласіе въ средѣ бановъ, стремившихся къ учрежденію олигархической республики, погубили сербское дѣло; турки проникли, наконецъ, въ самый центръ Сербіи, заняли именныя сербскія области. „Тогда то, говоритъ Ранье, на вершинѣ горнаго хребта, на Кессовѣмъ холмѣ еще разъ выступили противъ турокъ сербы, босняки и албанцы. Не всѣхъ ихъ перебили османы. Ходъ этой битвы заточенъ поэтическими преданіями и народнымъ самолюбіемъ; вѣрно одно: съ этого дня Сербіи не стало“.

Съ 1389 г. миновало уже почти пятьсотъ лѣтъ; весь этотъ долгій періодъ времени прошелъ для Сербіи въ бесконечной борьбѣ за свою утраченную свободу. Въ началѣ, когда турки, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, разлились по всему Балканскому полуострову и проникли даже въ широкія венгерскія степи,—возстанія сербовъ были безъ труда подавляемы османами; „владѣи сербскаго народа были истреблены, султанское войско ежегодно проходило чрезъ ихъ землю въ венгерскимъ границамъ. Крестьяне изъ окрестностей Бѣлграда отправлялись въ Константинополь косить сѣно на лугахъ султанскихъ. Страна была подѣлена между спахіяма, коимъ жители обязаны были отправлять всякаго рода службу. Они не смѣли носить оружія: при началѣ возстанія все вооруженіе ихъ состояло въ длинныхъ дубинахъ. Они не могли обзавестись лошадьми, коихъ отнимали у нихъ турки. Одинъ путешественникъ XVI вѣка описываетъ ихъ нищими,

узами, изъ которыхъ ни одинъ не осмѣливается глядѣть прямо. Каждый пятъ лѣтъ производился наборъ мальчиковъ: пятъ и надежда народа уводими были въ Константинополь для непосредственной службы султану; изъ нихъ выростали резнистые губители христіанства" (Ранке. Исторія Сербіи, стр. 31—32). Но, не смотря на всѣ ужасы рабства, національное сознаніе и стремленіе къ независимости продолжали жить въ средѣ сербскаго народа. Какъ только Венгрія соединилась съ Австріей, а черезъ нее и съ Германіей, сербы обратили всѣ свои надежды на сѣверъ, ожидая получить оттуда облегченіе своей участи. Битва при Пассаровицахъ, гдѣ ихъ содѣйствіе доставило побѣду императору Леопольду, привела къ подчиненію большей части Сербіи австрійскому владычеству. Но это продолжалось недолго: уже черезъ двадцать лѣтъ эти сербскія области были снова возвращены Турціи. Жестоко наказали османн свою непослушную райю: предводители сербскаго народа были казнены, а земли ихъ конфискованы и переданы въ другія руки. Однако никакія репрессивныя мѣры не могли поколебать упорство сербовъ. Въ 1737 г. они снова становятся на сторону Австріи, и поднимаютъ знамя возстанія, какъ въ Сербіи, такъ и въ Албаніи; турки опять усилѣваются одержать верхъ надъ ними и на берегахъ Колубары перерѣзаютъ до двадцати тысячъ человекъ.

Между тѣмъ, съ конца прошлаго столѣтія, вмѣнательство Россіи въ дѣла Балканскаго полуострова становится особенно энергическимъ и настойчивымъ. Войны 1768 и 1787 гг., потрясли до самого основанія имперію османовъ, придали новую энергію турецкимъ христіанамъ. Первыми восстаютъ греки, подъ предводительствомъ Ламбро Качочи, за ними поднимаются Албанія и Македонія; но всѣхъ рѣшительнѣе дѣйствуютъ сербы. Значительные воинныя и ибнїе отряды ихъ участвуютъ при осадѣ Вѣлграда, берутъ приступомъ Карановацъ и Крушевацъ. Тѣмъ не менѣе, какъ Кучуль-Канарджійскій мирный договоръ 1774 г., такъ и Ясскій 1791 г. остались безъ всякихъ результатовъ для Сербіи: ни въ томъ, ни въ другомъ изъ этихъ трактатовъ ни однимъ словомъ не упоминается о сербскомъ народѣ. Только съ начала текущаго столѣтія Россія заинтересовывается судьбами этой несчастной страны и, мало по малу, отождествляетъ освобожденіе ея съ своими собственными планами на востокъ. Правда, и прежде между Россіей и Сербіей существовали сношенія, но они основывались исключительно на религіозномъ и племенномъ сродствѣ. Еще въ XVII столѣтіи сербъ Крыжаничъ, увлеченный политическою независимостью Россіи, проповѣдывалъ панславизмъ и видѣлъ въ Москвѣ будущую освободительницу славянъ. Его сочиненія называютъ намъ отчасти тѣ вдохновенныя страницы итальянскихъ мыслителей XII

и XIV вѣковъ, когда они, выгнанные изъ своего крошечнаго отечества и не находя нигдѣ пристанища, мечтали объ объединеніи всей Италіи. Со времени Крималяччи сербскіе извѣданы не переводились въ Россію; многія изъ русскихъ фамилій ведутъ свое происхожденіе изъ Сербіи; таковы: Милорадовичи, Владиславичи, Зоричи, Солявини и проч. Но связь собственно политическая началась лишь въ царствованіи императора Александра I. Непостоянство бѣлградскихъ янычаръ принудило сербовъ вѣстись вновь за оружіе; въ февралѣ 1804 г. множество лучшихъ сербскихъ гражданъ было предательскимъ образомъ убито янычарами. „Ужасъ, говоритъ Раини, распространился по всей странѣ; никто не зналъ, кому именно грозила смерть, но разнеслась молва, что искоренено будетъ все народонаселеніе, и потому самый послѣдній дрожалъ за свою жизнь. По селамъ турки встрѣчали однихъ стариковъ да дѣтей: всѣ, кто были въ силахъ, бѣжали въ горы, въ потаенныя убѣжища гайдуковъ. Въ эту минуту, когда сербскому народу предстояло быть или не быть, самосознаніе его должно было непремѣнно пробудиться. Сначала крестьяне и пастухи, бѣжавшіе въ горы, желали единственно возвратиться въ свои дома и продолжать прежнюю мирную жизнь. Но для этого необходимо было поднять общее всеобщее ополченіе и собственными средствами положить конецъ наглому нашествію. Они рѣшились на это единодушно“. Народнымъ вождемъ, согласно общему желанію, былъ выбранъ Кара-Георгій или Георгій Черный, а въ августѣ 1804 г. трое сербскихъ уполномоченныхъ: Према Ненадовичъ, Иванъ Прокитъ и Петръ Черданлія, отправились въ Петербургъ. Отвѣтъ русскаго правительства оказался благопріятнымъ и оживилъ надежды сербовъ: имъ было предложено обратиться съ своими требованіями въ Константинополь и обѣщано русское заступничество. Это обращеніе къ Петербургскому Двору имѣло большое вліяніе на судьбы Сербіи; оно положило основаніе цѣлому ряду дружественныхъ сношеній съ Россіей и такимъ образомъ открыло новую эру сербской исторіи. Война, начавшаяся приблизительно около того же времени между Россіей и Турціей, еще болѣе укрѣпила эту возникающую связь. Такъ какъ сербское посольство не было выслушано въ Константинополь, то Кара-Георгію оставалось только прибѣгнуть къ вооруженному сопротивленію. Въ неравной борьбѣ съ превосходящими силами турокъ сербы встрѣтили дѣятельную помощь со стороны Россіи; неоднократно, въ самыя критическія минуты, когда османы казались окончательно завладѣвали Сербіей,—русскіе вспомогательные отряды, сначала подъ командой Исаева, а послѣдствіемъ графа Орурва и Засса, разбивали турецкія войска и такимъ образомъ спасали дѣло сербской независимости. Трудно представить себѣ теперь ту братскую дружбу, которая установилась въ эту эпоху между сербами и рус-

сими. „Когда впоследствии, деносиль Михайлеонъ, Черный Георгій встрѣчался съ русскими, онъ всегда спрашивалъ: „нѣтъ ли здѣсь моихъ братьевъ“? Такъ онъ называлъ оломецкій полкъ и, находя офицеровъ и солдатъ сего полка, цаловалъ ихъ“. Наконецъ, не смотря на свое крайнее властолюбіе, послѣ дѣла при Ясигѣ, Кара-Георгій ввѣрилъ графу Орурку сербскія войска въ его полное, неограниченное распоряженіе. Этотъ знавъ довѣрія, нѣмѣтъ невынужденный, лучше всего обрисовываетъ тѣ искреннія отношенія, которыя существовали тогда между нами и сербами. Мирный договоръ 1812 г. (въ Бухарестѣ) повелъ только къ упроченію этой дружбы. Согласно VIII статьѣ бухарестскаго трактата „Турція даруетъ общую амнистію всемъ сербамъ, принимавшимъ участіе въ возстаніи и обезпечиваетъ имъ полное своеволюіе; вновь построенныя крѣпости должны быть непремѣнно скрыты; наконецъ, самое главное, для Сербіи была выговорена административная и финансовая автономія“. Къ несчастію крайняя неопредѣленность этой статьи, а также и вѣроломство турокъ, нежелавшихъ исполнять бухарестскій трактатъ,—повели къ новымъ недоразумѣніямъ. Борьба между сербами и Турціей съ небольшими перерывами продолжалась еще вплоть до 1815 г.; къ этому времени сербы добились наконецъ внутренней независимости, т. е. права избирать своихъ владетей, строить по собственному произволу церкви, заводить больницы и училища, а главное—не имѣть никакихъ сообщеній съ турками. Выбѣтъ съ этимъ они получили право носить оружіе—эту лучшую гарантію личной и имущественной неприкосновенности.

Со вступленіемъ на престолъ императора Николая Павловича дѣло дальнѣйшаго освобожденія Сербіи двинулось быстрыми шагами впередъ. Аккерманскій договоръ 1826 г. подтвердилъ прежнія льготы и обязалъ Турцію „издать фирманъ, утвержденный гатти-шерифомъ“ для окончательнаго выясненія правъ, дарованныхъ сербскому народу. Въ 1830 г., черезъ годъ послѣ славнаго для насъ Адрианопольскаго мира, этотъ гатти-шерифъ былъ наконецъ изданъ и такимъ образомъ внутренняя независимость Сербіи окончательно обезпечена. Мы не станемъ разсматривать въ подробностяхъ дальнѣйшую исторію этой страны; не смотря на постоянное соперничество двухъ династій: Кара-Георгиевичей и Обреновичей, соперничество, ознаменованное нѣсколькими убійствами (Кара-Георгія въ 1817 и Михаила III Обреновича въ 1868 гг.), Сербія въ теченіи слѣдующихъ сорока лѣтъ (послѣ 1830 г.) продолжала мирно и постепенно развиваться. Чувство благодарности къ Россіи не исчезало за это время ни въ правительственныхъ сферахъ, ни въ средѣ народа. Въ 1834 г. Милошъ, обращаясь къ скупщинѣ, произнесъ слѣдующую знаменательную рѣчь: „Строгоновъ, какъ русскій посолъ въ Цареградѣ, положилъ первое осно-

ваніе нынѣшнему развитію Сербіи, Рибопьеръ, находясь въ томъ же званіи, исходатайствовавъ первый гатти-шерифъ и беретъ наслѣдственности княжескаго достоинства, а Бутоневъ, также въ званіи русскаго посланника, испросилъ намъ новый изъяснительный гатти-шерифъ (1833 г.); онъ привелъ къ концу и дѣла наши съ Портой. Нынѣ въ нашемъ собраніи да будетъ изъявлена имъ благодарность за ихъ труды и подвиги, а въ непродолжительномъ времени мы вырѣжемъ имена ихъ на памятникахъ, которые воздвигнемъ людямъ, оказавшимъ Сербіи услуги“ (Поювъ. „Россія и Сербія“).

Единственнымъ періодомъ, когда Сербія отступила отъ дружественной намъ политики и подчинилась вліянію Австріи—было время правленія Александра Кара-Георгиевича. Такъ какъ этотъ переворотъ совпалъ съ неудачной для Россіи Крымской кампаніей, то, понятно, онъ не могъ не отразиться на нашихъ отношеніяхъ къ Сербіи, но уже въ 1859 г. на сербскій престолъ вступилъ, расположенный къ намъ, Милошъ Обреновичъ и тѣсная связь, порванная на нѣкоторое время безхарактернымъ Кара-Георгиевичемъ, восстановилась по прежнему. Во всѣхъ послѣдующихъ событіяхъ сербской исторіи Россія принимала самое дѣятельное и самое дружественное участіе. Въ 1862 г. она способствовала къ удаленію турокъ изъ Вѣлграда, а въ 1867 г., не смотря на сопротивленіе Австріи, убѣдила Порту вывести войска свои изъ сербскихъ крѣпостей и такимъ образомъ подготовила почву для провозглашенія окончательной политической независимости Сербіи.

Таковы факты. Разсматривая ихъ въ цѣломъ, мы видимъ длинный рядъ неоплатныхъ услугъ со стороны Россіи; съ начала текущаго столѣтія мы жертвуемъ нашею кровью и нашими деньгами ради освобожденія Сербіи; и каждый трактатъ нашъ съ Турціей—живое доказательство нашей заботливости объ этой странѣ; мы не пропускаемъ ни одного случая, чтобъ не выговорить какой нибудь льготы, не добиться какого нибудь расширенія правъ въ пользу Сербіи. Казалось бы, что при подобныхъ прецедентахъ наша связь съ этою страной должна быть самою тѣсною и неразрывною; что узлы дружбы, связывающія Россію съ Сербіей, и осязанныя кровью нашихъ солдатъ, не могутъ быть ничѣмъ и никогда расторгнуты. Дѣйствительно, въ теченіи почти всего текущаго столѣтія мы и видѣли нѣчто подобное. Но такъ ли это въ настоящее время? Да и вообще можетъ ли Сербія продолжать свою прежнюю политику по отношенію къ Россіи?

Исторія послѣднихъ семи—восьми мѣсяцевъ отвѣчаетъ отрицательно на эти вопросы. Нѣтъ, Сербія не относится къ Россіи по прежнему, да и не въ состояніи этого дѣлать. Съ тѣхъ поръ, какъ

австрийцы захватили Ада-Кале и затѣмъ, согласно постановленіямъ Берлинскаго конгресса, заняли Боснію и Герцоговину, Сербія фактически очутилась въ рукахъ Австріи и принуждена слѣдовать ея политикѣ. Турцію можно было еще игнорировать, опираясь на Россію, рассчитывая на русскія деньги и на русское войско; съ Австріей остается только вступить въ компромиссъ, и цѣною послушанія и смиренія обезпечить свое спокойствіе и купить себѣ право на дальнѣйшее существованіе. И дѣйствительно, въ настоящее время Сербія, силою обстоятельствъ, превращается въ какой то придатокъ Австріи; скоро желѣзная дорога свяжетъ ее съ австрийскими центрами и откроетъ ея поля австрийскимъ войскамъ, а ея рынки австрийской промышленности. Съ другой стороны, торговый трактатъ, о которомъ такъ хлопчатъ теперь вѣнскіе дипломаты, завершитъ это экономическое и нравственное закрѣпощеніе Сербіи. При такихъ условіяхъ, сохраненіе прежнихъ отношеній въ Россіи дѣлается для сербскаго правительства невозможнымъ. Насколько оно пригнѣнилось къ Австріи, настолько же оно, по необходимости, удалилось отъ насъ. Середины здѣсь нѣтъ: Россія и Австрія — естественныя соперницы на Балканскомъ полуостровѣ, и кто дружить съ одною изъ нихъ, тотъ не можетъ быть искрененъ съ другой. До послѣдней войны Сербія могла еще выбрать, — теперь у нея нѣтъ выбора. Съ занятіемъ Босніи она поставлена въ тиски и принуждена сдѣлаться покорнымъ спутникомъ Австріи; всякій путь къ естественному расширенію, къ объединенію сербскаго племени закрытъ для нея. Окруженная почти отовсюду австрийскими владѣніями, она по-неволѣ должна подчиниться и австрийскому вліянію. Уже и теперь вѣнская дипломатія всецѣльна въ Вѣдградѣ: Миланъ и его совѣтники черпаютъ въ ней свою политическую мудрость и съ смиреніемъ слушаютъ ея совѣтовъ. Давленіе Австріи отражается на всѣхъ дѣйствіяхъ сербскаго правительства. Поѣздка министра народнаго просвѣщенія Васильевича въ Петербургъ вызвала немедленно дипломатическую переписку. Прибытіе Черняева въ Нишъ дало поводъ къ цѣлому ряду самыхъ тревожныхъ опасеній. Немудрено, что, при подобныхъ условіяхъ, сербское правительство измѣняетъ своей традиціонной политикѣ; немудрено также, что приемъ, сдѣланный Черняеву, оказался такимъ холоднымъ и „безотраднымъ“.

„Трудно укорать сербскаго князя и сербское правительство, справедливо замѣчаютъ „Петербургскія Вѣдомости“. Положеніе Сербіи въ сферѣ австрийскаго вліянія, давленіе на ея правительство со стороны державъ, участвовавшихъ на берлинскомъ конгрессѣ, настолько тяжело, что сербское правительство не можетъ страхнуть съ себя иноземнаго вліянія, стремящагося задунить Сербію“. Не только не можетъ страхнуть, прибавимъ мы отъ себя, но съ каждымъ годомъ

это вліяніе будетъ дѣлаться опутительнѣе и сильнѣе. Съ проведеніемъ желѣзной дороги и съ заключеніемъ торговаго трактата, въ Сербію нахлынетъ цѣлая масса нѣмецкихъ и еврейскихъ гешефтъ-макеровъ; тогда къ давленію политическому прибавится еще давленіе капитала и предприимчивости. Эти послѣдніе тиски горше первыхъ, и какъ отъ нихъ отдѣляется Сербія можетъ намъ сказать только будущее.

Такимъ образомъ послѣ упорной, семидесятилѣтней борьбы за освобожденіе сербскаго народа, тѣсная связь, соединявшая насъ, внезапно прерывается, и Сербія оказывается въ объятіяхъ Австріи. Гдѣ же искать причину этого печальнаго явленія? Намъ кажется, что причина тутъ только одна — это послѣдняя война или, вѣрнѣе, финалъ ея — берлинскій конгрессъ. Углубляясь въ средину Балканскаго полуострова, мы кончили тѣмъ, что пожертвовали нашимъ тыломъ. Независимая и усилившаяся Сербія представляла бы страшную угрозу венгерской гегемоніи. Все послѣдовавшее за Санъ-Стефанскимъ договоромъ свидѣтельствуетъ объ ужасѣ, овладѣвшемъ Австріей въ виду расширенія сербской территоріи и основанія болгарскаго княжества, простиравшагося до Эгейскаго моря. Услужливое посредничество Бисмарка выручило на этотъ разъ Австро-Венгрію и дало возможность нейтрализовать наши успѣхи. Болгарія была разсѣчена пополамъ, Сербія и Черногорія окружены австрійскими владѣніями, а первая, кромѣ того, получила территоріальное приращеніе не на западъ, а на югъ, на счетъ Болгаріи, т. е. согласно съ выгодами габсбургской монархіи. Рововая необходимость заставила Россію согласиться на эти тяжелыя уступки; возстановляя болгарское царство, мы поступились Сербіей, и Австрія подчинила ее себѣ.

Таковъ печальный итогъ нашей освободительной дѣятельности, насколько она коснулась сербскаго племени. Но это еще не все; помимо результатовъ, чисто политическаго свойства, послѣднее время внесло въ наши отношенія къ сербскому народу, еще и другой, доселѣ небывалый элементъ; мы говоримъ про движеніе 1876 г., про добровольцевъ, Черняева и про послѣдствія нашего сближенія съ сербами на поляхъ Моравы и Дрины. Теперь уже не можетъ быть никакого сомнѣнія, что русскіе и сербы разстались недовольные другъ другомъ. Русскіе обвиняютъ своихъ братьевъ по оружію въ презрѣнной трусости, въ отсутствіи энтузіазма, въ апатичномъ отношеніи къ своему собственному дѣлу; сербы, въ свою очередь, сильно разочаровались въ нашихъ достоинствахъ; наше самомнѣніе, наше невѣжество, наше неуваженіе къ чужой исторіи, къ чужимъ учрежденіямъ имъ вольностямъ — вырыли пропасть между образованными сербами и Россіей. Не однѣ неудачи, знаменитой по своимъ перипетіямъ, кампаніи 1876 г. поло-

жили начало этому взаимному охлажденію; какъ бы ни были сильны раздраженіе и утомленіе русскихъ добровольцевъ, какъ ни тяжелы были потери, понесенныя Сербіей, они не могли, сами по себѣ, вызвать того разлада, тѣхъ пререканій и осужденій, которыя выплыли на сцену немедленно послѣ окончанія военныхъ дѣйствій. Черняевъ могъ быть очень плохимъ стратегомъ, но онъ былъ вмѣстѣ съ этимъ представителемъ (единодушнаго въ то время) русскаго общественнаго мнѣнія, живымъ выразителемъ того участія, которое Россія питала къ южнымъ славянамъ; въ виду этого сербы не могли и не хотѣли судить его, какъ обыкновеннаго главнокомандующаго. Даже въ самыя критическія минуты борьбы, они не подумали лишить его власти или свалить на него всю отвѣтственность за пораженіе сербской арміи. Теперь Черняевъ—развѣнчанный и полузабытый герой; дѣло его додѣлано другими руками, а самъ онъ изъ Гарибальди произведенъ въ Рудины, униженъ и обезславленъ врагами. При такихъ условіяхъ, пріятно вспомнить, что сами сербы не участвовали въ этомъ нравственномъ униженіи своего бывшаго вождя. Напротивъ, они всегда выдѣляли его изъ толпы другихъ, и въ ихъ отзывкахъ о немъ слышались постоянно симпатія и благодарность. Въ настоящее время личность и дѣятельность Черняева составляютъ уже достояніе истории; будущій изслѣдователь выяснитъ намъ вольныя и невольныя прегрѣшенія этого незадачливаго человѣка и генерала; пока же мы, съ полною увѣренностью, можемъ констатировать тотъ фактъ, что ни въ пораженіяхъ сербско-русской арміи, и тѣмъ болѣе не въ личности Черняева, кроются причины взаимнаго разлада, явившагося послѣдствіемъ пресловутой кампаніи 1876 года. Нѣтъ, эти причины заключаются въ тѣхъ недостаткахъ нашего общественнаго склада, которые съ такою яркостью выступили наружу, во время пребыванія русскихъ добровольцевъ въ Сербіи. Дѣйствительно, если сравнить обвиненія, высказанныя нами противъ сербовъ, съ тяжелыми, почти безотрадными самоизобличеніями, которыя неоднократно появлялись въ русской печати, мы ясно увидимъ на кого должна падать отвѣтственность за нравственный разладъ, замѣчаемый теперь между нами и сербами. Въ чемъ обвиняемъ мы сербовъ,—въ трусости, въ отсутствіи энтузіазма? Но на какомъ же основаніи мы могли требовать отъ нихъ особеннаго мужества, ожидать проявленія какаго нибудь чрезвычайнаго геройства? Развѣ мы не видѣли передъ собою толпу крестьянъ, оторванныхъ отъ плуга, не привышихъ къ дисциплинѣ, почти незнакомыхъ съ употребленіемъ оружія? Развѣ мы не знали, что сельскіе жители самыя неподвижныя и миролюбивыя люди? Что сербы, по природѣ своей, не трусливые насъ, доказала ихъ вѣковая борьба съ турками, ихъ военное братство съ русскими въ эпоху Михельсона и Оуррка. „Смѣшно обвинять сер-

бовъ - крестьянъ, говорить Хвостовъ, въ трусости потому, что они не имѣютъ оружія и всего снаряженія для успѣшной борьбы. Мы вѣдь тоже потеряли крымскую кампанію изъ-за оружія, имѣя не милицію, а армію одинаковой численности съ союзными государствами, т. е. въ равныхъ силахъ съ непріателемъ, и имѣя борьбу только въ двухъ пунктахъ: въ Севастополѣ и Малой Азій. Нужно еще удивляться, какимъ образомъ, когда французская имперія сдавала слишкомъ сотысячныя арміи безъ боя равносильнымъ пруссакамъ и проиграла всю кампанію въ шесть недѣль, а австрійская была побѣждена въ двѣ недѣли, то какимъ образомъ княжество Сербія (размѣромъ наша Орловская губернія) могла продержаться, при общемъ давленіи, около пяти мѣсяцевъ. Вѣдь это просто смѣшно обвинять сербовъ въ томъ, что они не имѣли столько храбрости, чтобы идти съ голыми руками выгонять турокъ изъ Европы и взять Константинополь, который имѣетъ чуть не столько же жителей, сколько и вся Сербія". Прибавимъ отъ себя, что послѣ войны 1877 года обвинять сербовъ за неудачи 1876 года дѣлается положительно невозможнымъ; мы убѣдились на опытѣ, какъ трудно воевать съ турками даже при большой и дисциплинированной арміи.

Гораздо серьезнѣе обвиненія, высказанныя противъ насъ, серьезнѣе уже потому, что они формулированы, главнымъ образомъ, самими русскими. „Разнузданность нравовъ между русскими въ Сербіи, говоритъ тотъ же Хвостовъ, была такъ велика, разложение было до того полно, что все хорошее расплывалось, и ему не вѣрили: вездѣ и во всемъ предполагалось только дѣйствіе дурныхъ инстинктовъ. Не щадили никого, начиная съ Черняева, на котораго несли возмутительныя инсинуаціи и, кончая послѣднимъ добровольцемъ, если онъ имѣлъ счастье получить орденъ Такова или золотую медаль. Выдумать пасквиль или слести цѣлую исторію, ровно ничего не значило; къ этому такъ привыкли, что цѣны клеветамъ нивакой не давали, такъ что смѣялись надъ тѣмъ, кто обижается, а не надъ тѣмъ, кто выдумалъ. Понавальное пьянство, невѣжество, развращенность и общій недостатокъ воспитанія, — вотъ черты, особенно рѣзко проявлявшіяся среди добровольцевъ. Очень часто можно было найти между ними людей умныхъ, свѣдущихъ и развитыхъ, также какъ и въ лучшемъ русскомъ обществѣ; можно было встрѣтить полировку и образованіе, но при этомъ вездѣ и во всемъ — отсутствіе воспитанія и уваженія къ законности“. Съ другой стороны, мы проявили за это время крайнее самолюбіе и ничѣмъ не оправдаваемую самоувѣренность. Система партизанской войны въ Босніи, предложенная Николичемъ, была съ пренебреженіемъ отвергнута Черняевымъ и ей предпочтенъ былъ фантастическій планъ поднятія всей Болгаріи. „Что же могло быть порукой за успѣхъ этого воста-

нія? спрашиваетъ Хвостовъ. Не прокламація ли генерала Черняева, что Россія придетъ на помощь и что казаки растопчутъ Турцію копытами своихъ коней? Болгаре хорошо понимали, что это только обѣщанія, и что на помощь можно будетъ рассчитывать только тогда, когда русскія войска будутъ въ дѣйствительности въ предѣлахъ Болгаріи. Они сдѣлали опытъ—и заплатили дань въ 60 тысячъ жертвъ. Спрашивается, чего же еще больше? Такимъ образомъ, идя въ разрывъ съ компетентными мнѣніями сербскихъ вождей, Черняевъ не имѣлъ никакихъ основаній на успѣхъ возстанія; предлагая свой планъ дѣйствій, онъ не имѣлъ подъ собою никакой почвы“ („Русскіе и Сербы“, стр. 29). Выбѣстъ съ этимъ, вездѣ и во всемъ, куда ни проникали русскіе—немедленно воцарились: беспорядокъ, суета и отсутствіе отчетности. „Въ израсходованіи суммъ не было никакого порядка: кто придетъ, попроситъ, тотъ и получалъ. Болѣе совѣстливый терпѣлъ, а понахальнѣе жилъ пригѣваючи. Жалованье одни получали, другіе нѣтъ. Въ то время, когда раненные моравской арміи шли сотни верстъ пѣшкомъ, безъ денегъ, чуть не умирая съ голоду, — штабные, кромѣ большого жалованья, получали большія деньги на обмундировку, кутили и заводили большую игру въ кофанахъ“ („Русскіе и Сербы“, стр. 33).

Вотъ, въ общихъ чертахъ, картинка нашихъ дѣйствій въ Сербіи, картинка, нарисованная очевидно и притомъ еще русскимъ. Конечно, въ числѣ 4,000 добровольцевъ были люди (и вѣроятно ихъ было не мало), къ которымъ не могутъ относиться упреки, сформулированные какъ въ цитируемой статьѣ Хвостова, такъ и во множествѣ другихъ корреспонденцій того времени; были люди, которые шли въ Сербію ради идеи и которые сознательно жертвовали своею жизнью. Смерть Ярашенко или Гольдштейна, подвиги Щагина или Гаврилова достаточно обрисовываютъ эту идеальную сторону нашего общественнаго движенія; но масса добровольцевъ была все-таки лишена всякаго развитія и принципиальности; она явилась въ Сербію для того, чтобы пожить на чужой счетъ, побуйствовать и подрагаться, словомъ дать просторъ самымъ грубымъ, самымъ животнымъ страстямъ своимъ. Всѣ пороки, свойственные русскимъ людямъ, всѣ язвы, разъѣдающія нашъ общественный организмъ: пьянство, неуваженіе къ чужой личности и къ чужой собственности, бюрократическій формализмъ, отвращеніе ко всякому живому дѣлу—все это, во всемъ своемъ безобразіи, разоблачилось передъ изумленными взорами сербовъ. „Прежде, до послѣдней войны, говоритъ Хвостовъ, сербы насъ не знали и любили,— а теперь, познакомившись, — возненавидѣли. До этой войны мы были неизмѣримо ближе къ нимъ, чѣмъ теперь. Въ настоящее время между нами развернулась цѣлая пропасть, и пока раны Сербіи не заживутъ,

а можетъ быть и гораздо дольше, имя русскаго будетъ произноситься съ ненавистью...“.

Это заключеніе, сдѣланное подъ первымъ впечатлѣніемъ, едва-ли вполне вѣрно и, во всякомъ случаѣ, слишкомъ рано. Несомнѣнно одно: сербское общество дѣйствительно разочаровалось въ русскія и нравственно отшатнулось отъ Россіи; даже самые тенденціозные корреспонденты, въ родѣ Молчанова, напримѣръ, принуждены признать этотъ фактъ. Пройдетъ много лѣтъ прежде, чѣмъ окончательно изглядится всѣ послѣдствія нашей неудачной встрѣчи 1776 года. Неизвѣстность и самоувѣреніе, самые отвратительные общественные пороки, оставили въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, свои печальные, трудно забываемые слѣды.

И такъ, съ политической точки зрѣнія, мы оставили Сербію въ сферу австрійскаго вліянія, съ нравственной—мы глубоко надорвали ту симпатическую связь, которая издавна соединяла сербское племя съ Россіей.

Еще печальнѣе закончились наши вѣбовныя хлопоты въ пользу религіозной и политической независимости Молдаво-Валахія. Въ теченіе многихъ лѣтъ, то силою оружія, то мирными договорами, вырывали мы у турокъ права и вольности румынскаго народа; въ теченіе многихъ лѣтъ жертвовали мы своими деньгами и своею кровью ради его освобожденія. Наконецъ, послѣдняя война закончила наше дѣло. Цѣль, которую преслѣдовала Россія, достигнута: Румынія поставлена въ рядъ независимыхъ государствъ, Румынія свободна... И что же? Въ настоящее время у насъ нѣтъ болѣе отъявленныхъ, болѣе ожесточенныхъ враговъ, чѣмъ румыны. Самое имя русское противно, повидимому, ихъ слуху. Съ радостью изыскиваютъ они всѣ средства повредить намъ или, по крайней мѣрѣ, затронуть наше самолюбіе. Пронесся, напримѣръ, слухъ про ветлянскую чуму, и они, немедля, учреждаютъ карантинъ, а затѣмъ издаютъ невозможное распоряженіе, запрещающае русскимъ путешествовать въ вагонахъ втораго и перваго классовъ. Не успѣли русскія войска занять Силистрію, румыны захватываютъ Арабъ-Табію, а затѣмъ, очищая этотъ фортъ, съ начальствомъ требуютъ третейскаго приговора Европы. Но это лишь крупныя, всѣмъ извѣстныя факты, а сколько еще мелочей, не попадающихъ въ газеты, но замѣтныхъ для каждаго, кто только побываетъ въ Румыніи. Для русскаго не существуетъ тамъ теперь ни суда, ни полиціи, ни таможни, ни вниманія; въ газетахъ вы найдете одни лишь ядовитые намеки, гримасы клеветы или нападенія; въ публичныхъ мѣстахъ вы встрѣтите лишь косые взгляды, а въ частныхъ домахъ одинъ горькій ропотъ. Словомъ, по своимъ чувствамъ къ Россіи, румыны въ настоящее время всего болѣе приближаются къ мадьярамъ.

А между тѣмъ, въ теченіе многихъ столѣтій молдаване и „валахи“ были истинными друзьями русскихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ турки захватили Константинополь и навели ужасъ на всю христіанскую Европу,—между молдавскими господами и Московою завязываются тѣсныя дѣятельныя сношенія. Уже сынъ Іоанна III—Іоаннъ молодой былъ женатъ на дочери молдавскаго князя—Еленѣ; но даже, не заходя такъ далеко, ограничиваясь только новѣйшею исторіей, мы видимъ, что румыны и русскіе стояли всегда въ однихъ и тѣхъ же рядахъ. Несчастный прутскій походъ (1711 г.) Петра Великаго былъ совершено при содѣйствіи молдавскаго господара Кантемира. Договоръ 1711 г. повлекъ за собою изгнаніе этого князя изъ Турціи, и такимъ образомъ, ради преданности къ Россіи, Кантемиръ лишился своей власти и своихъ владѣній. Но судьба этого господара не какое нибудь единичное явленіе. Въ теченіе полутора ста лѣтъ нашей борьбы съ Турціей, румынамъ не разъ приходилось доказывать свою привязанность и свое расположеніе къ Россіи. Какъ пограничная область—Молдаво-Валахія была ареной, на которой сталкивались русскія и турецкія войска; ей приходилось сносить всѣ ужасы войны, а затѣмъ и всю тяжесть репрессалій турецкаго правительства, когда наша армія удалялась въ русскіе предѣлы. Тѣмъ не менѣе, каждый нашъ походъ противъ Турціи вызывалъ волненіе въ средѣ румынъ; они немедленно поднимали знамя восстанія и, чѣмъ могли, оказывали содѣйствіе русскимъ. Какъ въ войну 1739 г., такъ и въ войны 1768 и 1787 г. мы всегда встрѣчали самое искреннее сочувствіе къ себѣ во всѣхъ классахъ молдавскаго народа.

Такая неизмѣнная преданность заслуживала своей награды. И дѣйствительно, съ 1774 г., со времени заключенія Кучукъ-Канарджійскаго договора, мы дѣятельно занимаемся судьбами Молдаво-Валахія. Сначала политическія льготы, выговоренныя нами въ пользу этой страны были не особенно велики; по Канарджійскому договору (подтвержденному Яскимъ договоромъ 1791 и Бухарестскимъ 1812 гг.) господа Молдавіи и Валахія получили лишь дозволеніе содержать при Портѣ своихъ спеціальныхъ повѣренныхъ православнаго исповѣданія для защиты мѣстныхъ интересовъ; но вмѣстѣ съ этимъ Россія выговорила себѣ право заступничества за княжества, въ случаѣ недоразумѣній ихъ съ Портою, и такимъ образомъ открыла себѣ дорогу къ дальнѣйшему вмѣшательству въ дѣла этого края. Повойному императору Николаю Павловичу суждено было продолжить дѣло Екатерины II. Аккерманскій договоръ 1826 г., въ отдѣльномъ актѣ, опредѣляетъ новыя вольности Молдавіи и Валахія. „Отнынѣ, говоритъ этотъ замѣчательный документъ, господа того и другаго княжества должны быть избираемы общими собраніемъ Дивана и крѣтомъ изъ мѣстныхъ природ-

ныхъ бояръ; время управленія господарей полагается семь полныхъ лѣтъ, считая со дня ихъ окончательнаго назначенія. До истеченія этого срока, они не могутъ быть отрѣшены. Какъ назначеніе, такъ и смѣна господарей не можетъ быть сдѣлана Портою безъ согласія на то Россіи“. Со времени изданія этого акта, Молдавія и Валахія еще тѣснѣе сближаются съ Россіей; власть Турціи, существовавшая юридически, была де факто доведена нашимъ вліяніемъ до мінімум'a. Черезъ нѣсколько лѣтъ Андрианопольскій мирный договоръ 1829 года еще болѣе сзузилъ прерогативы Порты. „Для вышшаго обезпеченія непривосновенности земель молдавскихъ и валахскихъ, говоритъ онъ, блистательная Порта обязуется не оставлять за собою на лѣвомъ берегу Дуная никаваго укрѣпленнаго мѣста и не дозволить мусульманскимъ своимъ подданнымъ имѣть какія либо на ономъ заведенія. Вслѣдствіе сего постановлено за непремѣнное, чтобы на пространствѣ всего того берега, въ большой и малой Валахіи, равно какъ и въ Молдавіи, ни одинъ магометанинъ никогда не имѣлъ бы жительства и чтобы туда допускаемы были съ надлежащими фирманами одни купцы, которые придутъ для покупки въ княжествахъ, на собственный свой счетъ, припасовъ, нужныхъ для Константинополя, или другихъ предметовъ“. вмѣстѣ съ этимъ срокъ правленія господарей изъ семилѣтняго былъ измѣненъ на пожизненный, а Россія была признана официальной покровительницею обѣихъ княжествъ. Такимъ образомъ, власть Порты была сведена лишь на полученіе дани, да и для этого у нея не оставалось никакихъ принудительныхъ средствъ.

Покровительство Россіи имѣло большое вліяніе на дальнѣйшую судьбу Молдавіи и Валахіи. Въ 1834 году мы выработали для нихъ „Органическій Статутъ“, который въ теченіе долгаго времени оставался основнымъ, конституціоннымъ закономъ всего румынскаго народа. Въ этотъ же періодъ, въ обѣихъ княжествахъ, въ особенности же въ Молдавіи, выросли и укрѣпились прочныя и искреннія симпатіи къ Россіи; молдавская молодежь училась въ нашихъ специальныхъ заведеніяхъ, а дворянство поступало на русскую службу или зачислялось въ полки. Даже волненія 1848 г. не могли порвать этой укоренившейся связи; но чего не сдѣлали внутреннія смуты, то совершилось подъ давленіемъ внѣшнихъ политическихъ событій. Парижскій трактатъ исторгнулъ Молдаво-Валахію изъ сферы нашего вліянія и поставилъ ее подъ коллективное покровительство великихъ державъ. Съ этого времени румынская интеллигенція замѣтно подчиняется вліянію западной Европы; сношенія съ Россіей становятся болѣе холодными и отдаленными; къ тому же хлопоты о внутренней организаціи страны поглощаютъ все вниманіе румынъ. Начиная съ 1857 года, когда въ деклараціи „des quatre points“ впервые была публично вы-

связана мысль о слиянии Молдавии и Валахии,—румынские патриоты в течении цѣлыхъ десяти лѣтъ не перестаютъ хлопотать о соединеніи своего отечества подъ одною властію. Наконецъ, въ 1866 году со вступленіемъ на престолъ Гогенцолерна, ихъ мечта осуществилась, и мѣсто двухъ княжествъ, Молдавии и Валахии, заняла единая Румынія. Сложное дѣло внутренняго переустройства и увлеченіе западомъ, въ особенности наполеоновской Франціей, несомнѣнно должны были отдалить румынъ отъ Россіи; но главная причина взаимнаго охлажденія скрывается все-таки въ насъ самихъ. По своему обыкновенію, мы съ величайшимъ индифферентизмомъ отнеслись къ новому положенію, занятому нашимъ ближайшимъ сосѣдомъ. Какъ только Румынія была оторвана отъ насъ, мы сейчасъ же забыли про ея существованіе. До сихъ поръ еще у насъ нѣтъ ни серьезнаго историческаго, ни географическаго или этнографическаго изслѣдованія этой страны. Не только Парижъ или Лондонъ, но даже нѣкоторыя области Средней Азии извѣстны намъ болѣе, чѣмъ многіе округа Молдаво-Валахии. Это упорное равнодушіе, вѣрный спутникъ невѣжества, отражалось и отражается на всѣхъ нашихъ отношеніяхъ къ Румыніи. Не смотря однакожъ на такое пренебреженіе, симпатіи къ Россіи, исторически воспитанныя, до послѣдняго времени продолжали еще жить, какъ въ средѣ сельскаго дворянства Молдавии, такъ и въ средѣ простаго народа. Всѣ немногочисленные русскіе путешественники, посѣщавшіе Румынію до войны 1877 г., подтверждаютъ этотъ фактъ. Вотъ что, между прочимъ, мы находимъ по этому поводу у Хвостова: „пробѣвая черезъ Румынію, я убѣдился, что сочувствіе къ христіанамъ Балканскаго полуострова очень значительно, русскіе повсюду встрѣчаютъ не только симпатичное отношеніе, но и дружеское участіе; нѣкоторымъ отрядамъ обществомъ дѣлались даже оваціи. Но изъ разговоровъ моихъ съ ех-министромъ Когольничаню и нѣкоторыми депутатами, я замѣтилъ, что многіе изъ нихъ относятся скептически къ нашему правительству. Румыны говорятъ: „мы, при всемъ желаніи добиться уступокъ отъ Порты дипломатическимъ путемъ, вовсе не имѣемъ желанія покупать это столь дорогою цѣною, какъ война; иначе говоря, пріобрѣтеніе рукава Сулины, права чеканки своей монеты и вообще полной независимости со стороны Турціи, не искупятъ тѣхъ жертвъ и риска, которыя страна неминуемо должна будетъ нести“. Вообще, замѣчаетъ Хвостовъ, Румынія готовится къ бою, но нехотя, скрѣпя сердце, какъ они говорятъ, подъ давленіемъ Россіи“. Впрочемъ даже правительственныя сферы Молдаво-Валахии не шли въ ту пору далѣе формальнаго скептицизма; въ рѣчи Братіаню передъ берлинскимъ ареопагомъ слышится еще отзывъ исторической благодарности Россіи.

Но прошелъ годъ, заключился Санъ-стефанскій договоръ, и всякое

расположеніе къ намъ улутучивается, какъ по волшебству. Мы не думаемъ, чтобы одна уступка клочка Бессарабіи была дѣйствительною причиною такого радикальнаго переворота. Нѣтъ, истинныя причины его гораздо глубже, онѣ вытекаютъ изъ самаго существа нашихъ отношеній къ Румыніи. Съ того дня, какъ мы перешли молдавскую границу, не дождавшись утвержденія русско-румынской конвенціи представителями народа, мы уже положили начало будущему разладу. Затѣмъ, впослѣдствіи, когда наши неудачи подъ Плевной вызвали необходимость подрѣзанныхъ, мы съ такою тревогою обратились за помощью къ румынамъ, что невольно изъ слабыхъ союзниковъ произвели ихъ въ званіе „спасителей“ и сотоварищей. по оружію. Если же прибавить къ этому еще цѣлую серію недоразумѣній, явившихся результатомъ нашего незнакомства съ румынскою конституціей, съ румынскими учрежденіями и обычаями, то неизбежность взрыва станетъ для насъ ясною до очевидности. Наконецъ, и самый вопросъ объ уступкѣ Бессарабіи былъ поставленъ совершенно неправильно. Румынъ раздражила не столько самая уступка Бессарабіи, сколько тотъ способъ, которымъ мы ее потребовали. Заключая Санъ-стефанскій договоръ, мы, повидимому, совершенно позабыли, что императоръ Николай надѣлялъ Румынію конституціей и что въ настоящее время тамъ существуютъ свободная печать и чутко-настроенное общественное мнѣніе. Надо сознаться, что мы нисколько не подготовили ихъ къ принятію нашего окончательнаго рѣшенія; предупредивши румынскія правительственныя сферы, мы считали все дѣло поконченнымъ и, къ сожалѣнію, жестоко ошиблись. Когда пришелъ часъ расчета, Румыніа востала какъ одинъ человекъ, и вынелъ тотъ полный разладъ, продолжающійся еще и теперь, въ формѣ безконечныхъ придиорокъ, на которыя такъ изобрѣтательны румынскіе администраторы.

Мы менѣе всякаго другаго способны увлекаться румынами или оправдывать ихъ мальчишескія выходы противъ Россіи; мы полагаемъ, что бичливость и самомнѣніе, въ коихъ бы они не проявлялись, одинаковы противны и невыносимы. Румынскій національный характеръ совершенная противоположность русскому; насколько русскій крестьянинъ или солдатъ простъ и естествененъ, настолько румынъ вычуренъ, хвастливъ и вѣщентъ; но признавая это великое преимущество за нашимъ народомъ, мы все-таки полагаемъ, что на таковой серьезный вопросъ, какъ взаимныя отношенія двухъ націй, невозможно глядѣть съ одной только патріотической точки зрѣнія. Надо же, наконецъ, говорить правду, и эта правда, по нашему мнѣнію,—вовсе не въ безусловномъ осужденіи румынъ. Румыне надѣлали бездну ошибокъ и проявили изумительное отсутствіе такта, но самыя важныя промахи были все-таки сдѣланы нами.

Во всякомъ случаѣ теперь уже поздно толковать объ этомъ. Дѣло кончено: Россія и Румынія въ нравственномъ отношеніи надолго отдѣлены другъ отъ друга. Опасаясь русскаго давленія, злобясь за отнятіе Бессарабіи, Румынія въ настоящее время сама предала себя въ руки Австріи. Такимъ образомъ, и Сербія и Румынія находятся теперь въ совершенно одинаковомъ положеніи. Разница только въ томъ, что Сербію мы принуждены были уступить, а Румынію мы отдали сами.

Но за то, потерявши Румынію и Сербію, Россія приобрѣла себѣ Болгарію. Посмотримъ же, что до сихъ поръ нами сдѣлано для этой страны и что мы готовимъ для нея въ будущемъ.

Болгарію собственно мы открыли очень недавно. Даже болѣе: до послѣдней войны едва-ли многіе въ нашемъ обществѣ имѣли ясное представленіе о болгарахъ и о странѣ, которую они занимаютъ; мы, по своему обыкновенію, не знали ни исторіи, ни обычаевъ, ни національнаго характера этого народа. Когда вспыхнула война, мы смутились и бросились за свѣдѣніями къ литературѣ. Впрочемъ, надо сознаться, и самыя книги могли сообщить намъ очень и очень немногое. Литература по части Болгаріи небогата ни содержаниемъ, ни количествомъ. За исключеніемъ трудовъ Иречева (*Geschichte der Bulgaren*), Каница (*Donau-Bulgarien und der Balcan*) и Дринова «Южные славяне и Византія въ X вѣкѣ», намъ не на что и указать въ этомъ отношеніи. Такимъ образомъ, знакомство съ Болгаріей составилось у насъ само собою, непосредственно, изъ личнаго опыта, на поляхъ битвъ, въ пылу борьбы, или изъ описаній корреспондентовъ. Конечно, подобное знакомство не могло отличаться особенною сновательностью или глубиной, но, по крайней мѣрѣ, мы приобрѣли теперь то, что французы называютъ: „*les notions generales*“, мы узнали, что у болгаръ былъ царь Асѣвъ, что сами они славянскаго происхожденія, и что они обязаны любить и уважать насъ.

Первая русская книга о Болгаріи была написана карпатскимъ русиномъ Юріемъ Венелинымъ. Въ своихъ „Историко-критическихъ изысканіяхъ“ (Москва 1828 г.) онъ посвящаетъ цѣлый томъ „нынѣшнимъ и древнимъ болгарамъ въ ихъ политическомъ, народописномъ, историческомъ и религіозномъ отношеніи“. Трудъ Венелина важенъ для насъ не своими учеными достоинствами; мы отмѣчаемъ его только, какъ первый голосъ, раздавшійся въ русской литературѣ въ пользу несчастнаго болгарскаго племени. „Между тѣмъ, говоритъ онъ своимъ образнымъ языкомъ, какъ европейскіе публицисты, человеколюбивые политики, охали надъ судьбою грековъ; между тѣмъ, какъ вселенскіе летучіе ястики истреблены именами Фанариотовъ, Сулютовъ, Идриотовъ, Еллиновъ и проч.; между тѣмъ, какъ всякая политическая голова не преминула разсуждать о возрожденіи Византійскаго орла...

болгаре не бывали и въ поминѣ, даже никакой славянинъ не рыдалъ надъ тѣломъ зарѣзаннаго льва. Почему же такъ? Огромное его туловище заброшено въ балканскихъ, македонскихъ и румелійскихъ горахъ; тамъ питается имъ чудовище двурогое, вышедшее изъ пустынь Аравіи; перья же орла разнесены вѣтромъ по бѣлому свѣту... Казалось бы что войны россиянъ съ турками, какъ въ прошедшемъ, такъ и въ настоящемъ столѣтіи, подадутъ поводъ къ обращенію особаго на сей народъ вниманія и къ исторженію его изъ неувѣстности. Но ничего подобнаго не случилось. Даже болѣе: не только Карамзинъ, но и другіе новѣйшіе народописцы, при исчисленіи славянскихъ племенъ, большею частью, совсѣмъ не упоминаютъ о болгаракъ, живомъ нынѣшнемъ народѣ, между тѣмъ какъ исчисляютъ истребленныхъ славянъ померанскихъ!!“ Въ пополненіи этого то пробѣла, въ внесеніи въ русскую литературу „болгарскаго вопроса“ и заключается главнымъ образомъ заслуга Венелина. Его историческія разсужденія или этнографическія описанія (онъ никогда не бывалъ въ Болгаріи) не имѣютъ большой цѣны; увлекаясь своими славянскими тенденціями, онъ отрицаетъ, между прочимъ, и финское происхожденіе болгарскаго народа. Впрочемъ, въ настоящее время этотъ послѣдній вопросъ можетъ быть совершенно упраздненъ. Теперь болгаре несомнѣнно славяне и притомъ еще православные, т. е. обладаютъ всѣми законными правами на наше сочувствіе и вниманіе.

Не смотря однакожь на всѣ эти данныя, русскіе долго не являлись на помощь въ своимъ придунайскимъ и балканскимъ единоплеменникамъ. Мы уже видѣли какъ недавно (во второй четверти текущаго столѣтія) пробудилось въ нашей литературѣ сознаніе родства съ болгарами; еще позднѣе перешло это сознаніе изъ области чисто нравственныхъ соображеній въ область политическую. Съ тѣхъ поръ, какъ Магометъ II занялъ Константинополь (1453 г.) и, вступивъ во дворецъ Палеологовъ, произнесъ знаменитыя слова персидскаго поэта: „науку сотвалъ паутину въ императорскомъ дворцѣ и крикъ совнъ раздастся на башняхъ Афразіаба“, — народности, населявшія Балканскій полуостровъ, какъ будто навсегда исчезаютъ. „Глубокій смыслъ, говоритъ Каницъ, заключаетъ въ себѣ это изреченіе персидскаго поэта. Дѣйствительно, изъ того самаго мѣста, откуда лучъ цивилизаціи, затмѣненной въ средніе вѣка набѣгами варваровъ, озарялъ своимъ свѣтомъ весь европейскій западъ, — сталъ раздаваться мнѣнь смертоносный звукъ оружія, наводившій страхъ на всю Европу и распространившій надолго мракъ на ея востокъ“. Но въ особенности тамъ же отравилось турецкое иго на болгаракъ. Отдѣленная отъ всего остальнаго міра, совершенно изолированная отъ вліянія какихъ нибудь цивилизующихъ элементовъ, Болгарія, конечно, должна была пасть духомъ. „Бол-

гарскій народъ пересталъ считаться народомъ: онъ окончательно потерялъ свою политическую индивидуальность и, отданный въ полное распоряженіе военнаго сословія, скорѣе провѣдалъ, чѣмъ жилъ. Турецкое иго развѣяло всѣ зародки образованія, заброшенные въ него прежде, и въ то время, когда Европа произвела на свѣтъ Колумба, Лютера, Коперника и проч., — Болгарія, покрытая средиземноморнымъ мракомъ, спала еще непробуднымъ сномъ: всѣ ея духовныя стремленія были подавлены на нѣсколько вѣковъ“ (Каницъ, стр. 34). Русско-турецкія войны прошлаго столѣтія не могли имѣть вліянія на судьбу болгаръ: русскія войска не проникали за это время въ глубь Балканскаго полуострова, и такимъ образомъ, вплоть до знаменитаго похода Дибича, мы, въ политическомъ отношеніи, совершенно игнорировали Болгарію. Война 1828 года существенно измѣнила эти отношенія. Начиная ее, мы прямо рассчитывали на поддержку болгаръ. И дѣйствительно, самая воинственная часть этого племени, балканскіе болгары—приняли участіе въ нашей борьбѣ и помогли намъ въ переходѣ черезъ горный хребетъ. Но едва лишь восстаніе успѣло разлиться по восточной Болгаріи, какъ Махмудъ немедленно же согласился на всѣ условія, предъявленныя Россіей въ Адрианополѣ. Мирный договоръ 1829 года не позабылъ услугъ, оказанныхъ намъ христіанскою райей. Такъ какъ это первый крупный дипломатическій документъ, въ которомъ проявляется наша забота о Болгаріи, то мы считаемъ не безынтереснымъ привести здѣсь всю статью (XIII), трагующую объ этомъ предметѣ. „Высокія договаривавшіяся стороны, читаемъ мы, даруютъ общее прощеніе и совершенную амністію всѣмъ своимъ, какого бы званія они ни были, подданнымъ, которые въ продолженіе войны принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. А потому никто изъ таковыхъ лицъ не подвергнется безнововству или преслѣдованіямъ въ отношеніи ни въ личности, ни къ имуществу. Сверхъ того подданнымъ, жителямъ оныхъ въ областяхъ, возвращаемыхъ Высокой Портѣ, дается 18-ти-мѣсячный срокъ, дабы они могли сдѣлать распоряженіе касательно собственности и перейти съ своимъ имуществомъ въ Россію“. Болгары широко воспользовались этимъ послѣднимъ правомъ: избѣгая турецкаго иженія, они кинулись по слѣдамъ Дибича-Забалканскаго и тысячами переходили въ Россію. По словамъ Каница, генералъ Ротъ, которому была поручена эмиграція, ввелъ въ Бессарабію до 25,000 болгаръ; цѣлые города, какъ напримѣръ, Сливно, съ этого времени опустѣли и до сихъ поръ еще не могутъ придти въ прежнее дѣйствующее положеніе. Всего, по вычисленію Кеппена, въ 1850 г. переселилось въ Россію до 85,000 человекъ.

Вся послѣдующая исторія болгарскаго народа, вплоть до самой войны 1877 года, представляетъ только длинный рядъ пош-

тогъ къ освобожденію и, какъ результатъ ихъ, кровавыхъ, безнадежныхъ репрессалій со стороны турецкаго правительства. Цѣни, сдавливавшія до сихъ поръ народности Балканскаго полуострова, къ этому времени уже перерывались. Примѣръ Сербіи и Румыніи, страхующихъ съ себя иго Порты, невольно поддерживалъ надежды и возбуждалъ энергію болгаръ. Послѣдовательно возставать они въ 1837, 1841, 1860, 1867, 1868 и 1876 г. и почти всякій разъ платятъ тысячами жертвъ за свое стремленіе къ свободѣ. Но возрожденіе болгарскаго народа не могло уже быть остановлено никакими репрессивными мѣрами: мало-по-малу глухое броженіе распространилось по всему Балканскому полуострову; мысль о сверженіи турецкаго ига, о восстановленіи стариннаго, давно забытаго, болгарскаго царства проникла въ самыя забытые и глухіе угелы. При такомъ настроеніи, приобрѣтеніе религіозной независимости являлось самою неотложною и существенною необходимостью. Какъ извѣстно, до послѣдняго времени, Болгарія, въ церковномъ отношеніи, зависѣла отъ греческаго патріархата въ Константинополѣ; трудно представить себѣ положеніе болѣе печальное, чѣмъ то, которое было создано этимъ подчиненіемъ. Въ своемъ стремленіи къ распространенію эллинизма, греческое духовенство систематически подавляло болгарскую народность. Славянский языкъ былъ изгнанъ не только изъ церквей, но даже и изъ школъ: „въ болгарскихъ школахъ, говоритъ Каницъ, все преподаваніе производилось на греческомъ языкѣ, и все болгарское упорно преслѣдовалось“. Съ другой стороны, туземное духовенство было давно уже замѣнено константинопольскими греками изъ „Фанара“. Фанарь (fana-yer), рассказываетъ тотъ же авторъ, подожки, греческій кварталъ въ Константинополѣ, гдѣ всѣ византійскіе пороки, казалось, соединились съ азіатско-турецкими обычаями и правами, — тотъ-то „Фанарь“ и выпускалъ изъ своихъ стѣнъ тѣхъ духовныхъ торгашей, которые брали на откупъ всѣ вакантіи епископства въ Болгаріи. Для полученія епископскаго мѣста не требовалось ни высшей интеллигенціи, ни особеннаго благочестія, ни зрѣлаго возраста или какихъ нибудь заслугъ передъ церковью, — нѣтъ, подобныя мѣста назначались тому, кто давалъ больше денегъ“ (Каницъ, стр. 143). Понятно, что такое положеніе дѣлъ глубоко возмущало болгарскихъ патриотовъ; развитіе народнаго самосознанія встрѣчало постоянную преграду въ лицѣ могущественнаго греческаго духовенства. Для того, чтобы поднять Болгарію, необходимо было прежде всего разорвать церковную связь съ Константинополемъ. И вотъ, въ теченіи одиннадцати лѣтъ (съ 1860—до 1871 г.) представители болгарской интеллигенціи ведутъ упорную борьбу съ „Фанаромъ“. Наконецъ, въ 1871 году желанія ихъ исполнились, и болгарская церковь была признана независимою и свобод-

ноу. Это событіе имѣетъ громадную важность въ исторіи внутренняго развитія болгарскаго народа; отдѣленіе церкви было для него не только религіознымъ или даже политическимъ вопросомъ, оно было вопросомъ о самомъ существованіи болгарской національности, оно было—первымъ шагомъ на пути къ окончательному уничтоженію турецкаго владычества. Но что всего замѣчательнѣе, что наиболѣе заслуживаетъ вниманія, такъ это тотъ тактъ, та настойчивость и ловкость, которые были выказаны болгарами въ теченіи всего времени ихъ борьбы съ греками. Всякій, кто хоть сколько нибудь слѣдилъ за этимъ эпизодомъ болгарской исторіи, долженъ признать за ними большой политическій смыслъ и неустанную энергію. Освободившись отъ „Фанара“, болгаре доказали, что для нихъ не закрыто будущее. Народъ, который, послѣ вѣковаго неслыханнаго рабства, нашель въ себѣ достаточно силъ для эмансипаціи нравственной, — народъ этотъ несомнѣнно долженъ былъ носить въ своихъ нѣдрахъ зачатокъ политическаго организма, самостоятельной государственной жизни. Тѣмъ не менѣе, сами по себѣ, болгаре не имѣли ни средствъ, ни возможности свергнуть ненавистное турецкое иго: у нихъ не было для этого—ни оружія, ни солдатъ, ни, наконецъ, такого общенароднаго земскаго центра, которому привыкла бы подчиняться вся нація. Отдѣльныя попытки къ восстанію оканчивались обыкновенно лишь разореніемъ нѣсколькихъ округовъ и геноцидами болгарскаго населенія. При подобныхъ условіяхъ, только вѣнныя помощи, только участіе какой нибудь изъ великихъ державъ могли выручить Болгарію. Такою спасительницей явилась Россія. 12 апрѣля 1877 года былъ изданъ манифестъ о войнѣ съ Турціей, и того же числа 29-й казачій полкъ вступилъ на румынскую территорію.

Мы, конечно, не намѣрены слѣдить за перипетіями нашего похода за Балканы. Это дѣло военнаго историка, да притомъ наши подвиги и не имѣютъ никакого отношенія къ „болгарскому вопросу“. Мы считаемъ также излишнимъ сравнивать санъ-стефанскій договоръ съ берлинскимъ и толковать, въ настоящее время, по поводу урѣзокъ, сдѣланныхъ въ первомъ. Искусственныя политическія комбинаціи безсильны въ борьбѣ съ пробудившимся національнымъ сознаніемъ. Какъ ни старалась Европа отдѣлить Молдавію отъ Валахіи, она все таки, въ концѣ концовъ, принуждена была согласиться на ихъ сліяніе. Вѣроятно тоже самое произойдетъ и съ обѣими Болгаріями. Тутъ весь вопросъ сводится только ко времени. Гораздо большее значеніе для будущаго имѣетъ, въ нашихъ глазахъ, административная и организаторская дѣятельность Россіи; освободивши болгаръ, мы дали имъ нашихъ чиновниковъ, а въ настоящее время даруемъ имъ и, негото-

вленный нами, „Органический статутъ“. Присмотримся же внимательно къ тѣмъ порядкамъ, которые Россія заводитъ въ Болгаріи.

До войны 1877 года положеніе христіанской райи въ Турціи было, какъ извѣстно, самое тяжелое и безправное. Учрежденіе вилайетовъ только обмануло Европу; по увѣренію компетентныхъ лицъ (напр. Мошнина) это нововведеніе даже повредило болгарамъ. Съ другой стороны, громадныя налоги (до 30% съ имущества) подрывали въ корень народное благосостояніе. Угнетенный и презираемый болгаринъ не смѣлъ претендовать ни на личную неприкосновенность, ни на человѣческое достоинство; вся страна жила въ атмосферѣ произвола и насилія... Понятно, что, при этихъ условіяхъ, для русскихъ дѣятелей открывалось въ Болгаріи самое широкое и благодарное дѣло. Ввести честную и разумную администрацію, организовать справедливый судъ, уменьшить налоги и вообще устроить запущенныя финансы, — вотъ въ чемъ, на перыхъ порахъ, должна была заключаться прямая задача Россіи; турки старались поработить болгаръ, превратить ихъ въ выучный скотъ, на нашей обязанности лежало поднять ихъ нравственно, внушить имъ стремленіе къ общественнымъ дѣламъ, вложить въ нихъ гражданскія чувства.

10-го февраля собралось въ Трновѣ болгарское учредительное собраніе. По газетнымъ свѣдѣніямъ, оно будетъ состоять изъ 230 членовъ, между которыми около ста выборныхъ отъ народа, а остальные или будутъ назначены кн. Дондуковымъ-Корсаковымъ, или явятся на собраніе ex-officio, какъ, напримѣръ, всѣ предсѣдатели окружныхъ судовъ, окружныхъ правленій и земскихъ и городскихъ совѣтовъ. На обязанность этихъ лицъ ляжетъ избраніе болгарскаго князя и принятіе проекта Органическаго Статута, выработаннаго на этотъ случай Россіей. Насколько намъ извѣстно, упомянутый конституціонный законъ подвергся самымъ разнообразнымъ видоизмѣненіямъ. Составленный вчернѣ въ канцеляріи кн. Дондукова, онъ затѣмъ послѣдовательно исправлялся кн. Лобановымъ, министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и, наконецъ, II отдѣленіемъ канцеляріи Его Величества. Что касается до первоначальнаго проекта, то онъ далеко не совершененъ. Путаница въ распределеніи статей и внесеніе въ органическій уставъ порядка избранія перваго болгарскаго князя — дѣлаютъ этотъ проектъ крайне нестройнымъ и безпорядочнымъ; со стороны содержанія онъ также во многомъ не выдерживаетъ критики. Какъ согласить, напримѣръ, полную свободу вѣроисповѣданій — съ признаніемъ православной церкви за „первенствующую и господствующую въ болгарскомъ княжествѣ“? Какъ понимать право князя „рассматривать и принимать во вниманіе замѣчанія, сдѣланныя собраніемъ, но безъ вреда нуждамъ и колысамъ страны“? Что значитъ, напримѣръ, слѣдующее: „если правительство не най-

детъ возможнымъ согласиться съ замѣчаниями собранія, а собраніе, въ свою очередь, по выслушаніи объясненій министра, тѣмъ не менѣе откажетъ въ утвержденіи бюджета или, если собраніе, до утвержденія бюджета, будетъ распушено, то старій бюджетъ остается въ силѣ и дѣйстви на будущее время впредь до созванія народнаго собранія? Не менѣе недоразумѣній можетъ вызвать также и параграфъ, постановляющій, что „армія не присягаетъ на вѣрность органическому уставу“. Но самая необработанная часть проекта это та, которая толкуеть о народномъ представительствѣ. Ни одно малое собраніе, напримеръ, не можетъ образоваться безъ большаго. Такимъ образомъ, когда князь, вслѣдствіе разногласія между малымъ собраніемъ и министерствомъ, принужденъ будетъ распушить собраніе и назначить выборы въ новое, то сперва придется созвать большое собраніе и затѣмъ уже выдѣлять изъ него малое. Понятно, что подобная процедура и убыточна и неудобна. Съ другой стороны, уставъ не опредѣляетъ никакого срока для періодическаго возобновленія малаго собранія и вмѣстѣ съ этимъ не указываетъ порядка замѣщенія членовъ этого собранія, въ случаѣ ихъ смерти.

Но всѣ эти недостатки первоначальнаго проекта, по всей вѣроятности, исправлены послѣдующими редакціями. По крайней мѣрѣ, мы слышали, что особая комисія, составленная для этой цѣли въ Петербургѣ, значительно переработала его, внесла въ него порядоковъ, согласила противорѣчивыя статьи и придала ему совершенно иной, болѣе европейскій, характеръ.

Впрочемъ, какъ бы тамъ ни было, совершененъ ли или нѣтъ Органическій Статутъ, во всякомъ случаѣ, мы предлагаемъ въ немъ представительное правленіе, свободу печати, свободу сходовъ и право петицій. Это все такія великія блага, что болгаре поневолѣ останутся нами довольны. Но сближеніе между народами не основывается на бумажныхъ данныхъ. Въ 1834 году мы даровали румынамъ таковой же органическій статутъ, а теперь румыны наши враги. Въ теченіи многихъ лѣтъ хлопотали мы о сербахъ, и, въ концѣ концовъ, разстались недовольные другъ другомъ. На одномъ изъ засѣданій берлинскаго конгресса кн. Горчаковъ замѣтилъ, что Европа напрасно опасается нашего вліянія на Болгарію, примѣръ Румыніи и Сербіи, дескать, достаточно поучителенъ. Эти слова нашего канцлера—злая и тонкая иронія, но мы отъ всего сердца желаемъ, чтобъ она не оправдалась на болгаряхъ. Мы освободили ихъ своею кровью, мы принесли для нихъ столько тяжелыхъ, непосильныхъ жертвъ, что было бы больно, если бы умъ, связывающія насъ, когда нибудь разорвались. Исторія нашихъ сношеній съ Румыніей и Сербіей—грозное, историческое предостереженіе. Мы знаемъ теперь тѣ особенности не нашего національ-

наго характера, а нашей бюрократии и наших „дѣятелей“, которыя вносятъ охлажденіе и вражду въ сердца лучшихъ друзей Россіи. Это — самоиѣніе, неуваженіе къ чужой исторіи и къ чужимъ нравамъ, стремленіе къ „единству“, которое понимается въ смыслѣ русификаціи. Намъ нужно отдѣлаться отъ этихъ качествъ или у насъ не можетъ быть друзей.

Къ сожалѣнію извѣстія, приходившія съ Балканскаго полуострова, доказываютъ, что мы ничего не забыли и ничему не научились. Еще съ первой нашей встрѣчи съ болгарами мы постарались показать имъ наше превосходство и подавить ихъ нашимъ величіемъ. Всѣ корреспонденціи того времени, за весьма незначительными исключеніями, наполнены беззачетными обвиненіями этого народа въ скупости, трусости и апатіи. Въ частныхъ отношеніяхъ къ болгарамъ не доставало у насъ, повидимому, ни умѣлости, ни такта; мы постоянно отталкивали и раздражали ихъ; все ставилось имъ въ укоръ: и сравнительное благосостояніе, и умѣренность и акуратность ихъ характера и, главное, недостатокъ благодарности и энтузіазма. „Мы сами виноваты въ томъ, что живое сочувствіе болгарскаго народа—читаемъ мы въ одной газетѣ—скоро уступило мѣсто совершенно противоположному чувству. Сначала на нихъ набросилась наша печать, а потомъ измѣнилось и настроеніе самаго войска. Наши военныя неудачи прежде всего отразились на нашихъ отношеніяхъ къ болгарамъ. Убѣдившись, что намъ предстоитъ не „прогулка“, а настоящая война, мы обрушили наше разочарованіе и наше недовольство на несчастныхъ братушекъ“. Съ другой стороны, къ немногочисленной болгарской интеллигенціи мы сразу стали во враждебное отношеніе. Сблизившись съ чорбаджіями, этими пѣвками болгарскаго народа, мы оттолкнули отъ себя молодежь; въ нашихъ глазахъ она почему то явилась сборищемъ социалистовъ и демагоговъ. Это оторвало отъ насъ умъ страны, ея лучшія силы. Въ 1876 г. мы разошлись съ сербами, а въ 1877 г. мы не поняли и осудили болгаръ. Но этотъ диктаторскій тонъ, это пренебреженіе къ освобождаемой народности—только фонъ, только рамки картины; на почвѣ, взрыхленной невѣжествомъ и самоиѣніемъ, выросъ еще впоследствии дѣлный рой своеобразныхъ администраторовъ. Какъ понимать, напримѣръ, того военнаго чиновника, который, по учрежденіи городскаго совѣта, увидѣлъ, что онъ мало посѣщается мѣстными представителями и объявилъ болгарамъ, что будетъ „наказывать“ ихъ за неявку? Къ какой категоріи слѣдуетъ отнести того начальника, который побилъ недавно одного изъ представителей болгарской интеллигенціи, или тѣхъ администраторовъ, которые знакомили болгаръ съ нашими нагайками и кулаками? Недаромъ болгаре сравнивали насъ иногда съ турками. Еще недавно читали мы въ одной газетѣ текстъ болгарской петиціи, приблизительно, слѣдующаго наивнаго и вмѣстѣ

грустнаго содержанія: „мы, болгаре, всегда будемъ благодарны великодушной освободительницѣ Россіи, но вмѣстѣ съ этимъ мы просимъ, чтобы тѣхъ русскихъ чиновниковъ, которые позволяютъ себѣ бить болгаръ или вообще поступать несправедливо, отсылали бы обратно въ Россію...“ Какъ говорятъ, и самъ кн. Черкасскій былъ несовсѣмъ свободенъ отъ этихъ недостатковъ. Относясь вообще свысока къ болгарскому народу, онъ положительно унижалъ, такъ называемую, „молодую Болгарію“.

Но если всѣ эти извѣстія неопибочны, если даже только половина ихъ вѣрна, то никакіе органическіе статуты не сохранятъ намъ привязанности Болгаръ. А это будетъ великій позоръ и великое униженіе; тогда весь міръ будетъ въ правѣ сказать намъ: „врачу, исцѣлился самъ! Вы хотите возродить народности, посмотрите прежде на себя, вы не умѣете уважать чужаго достоинства и чужой національной гордости, а берете на себя великія освободительныя задачи!...“ Но этого не можетъ и не должно быть! Мы не повторимъ ошибокъ прошлаго; пускай урокъ, почерпнутый изъ исторіи, послужитъ намъ путеводною звѣздой. Отбросимъ отъ себя наши азіатскія замашки и, какъ граждане великаго государства, ради самоуваженія и любви къ своей родинѣ, взглянемъ уважительно на другихъ. Знаніе, вотъ та сила, которая дастъ намъ энергію для борьбы съ общественнымъ зломъ. Только побольше свѣта, свѣта и свѣта во всѣхъ отношеніяхъ. Развитіе самоуправленія и наука однѣ способны поднять наше нравственное значеніе, онѣ однѣ могутъ закрѣпить за нами симпатіи славянскаго міра. Вспомнимъ слова Крижанича, того знаменитаго серба, о которомъ мы упоминали уже раньше: „пусть не скажетъ кто либо, что намъ, славянамъ, путь къ знанію закрытъ рѣшеніемъ небесъ, какъ будто бы мы не могли и не должны были усвоивать себѣ науки: и остальные народы не въ одинъ день и годъ, но мало-по-малу учились отъ другихъ; такъ и мы можемъ научиться, если захотимъ и постараемся. И теперь именно время учиться, потому что Богъ возвысилъ на Руси государство славянское, какового прежде никогда не бывало въ нашемъ племени, а извѣстно, что у народовъ — науки начинаютъ процвѣтать въ періодъ наибольшей политической силы. Скажутъ: между мудрыми рождаются ереси, и потому не надобно учиться мудрости. Отвѣчаю: ереси начинаются и между неучеными людьми. Мудростью ереси искореняются, а вслѣдствіе невѣжества пребываютъ во вѣки. Отъ огня, воды и желѣза умираютъ многіе люди, но безъ желѣза, огня и воды и жить-то нельзя: точно также и мудрость потребна людямъ.“ Эти слова написаны еще въ XVII столѣтіи, но ихъ не мѣшаетъ повторять и теперь.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

- 1) Клодъ Бернаръ и его труды. 2) Ученіе Негели объ эпидемическихъ болѣз-
няхъ. 3) Опыты Шарко надъ истерико-эпилептическими больными.

Въ прошломъ году, 10-го февраля (по н. с.) въ Парижѣ скончался на 65-мъ году жизни одинъ изъ величайшихъ физиологовъ нашего времени — Клодъ Бернаръ.

Клодъ Бернаръ родился въ Сентъ-Жюльенѣ близъ Вильфранша 12 іюля 1813 г. На двадцатомъ году своей жизни онъ прибылъ въ Парижъ съ цѣлю посвятить себя изученію медицины и хирургіи; въ 1839 г. онъ получилъ мѣсто врача въ госпиталѣ „Hotel-Dieu“ и, будучи затѣмъ назначенъ ассистентомъ на лекціяхъ знаменитаго физиолога Мажанди, всецѣло посвятилъ себя физиологическимъ изслѣдованіямъ. Спустя почти десять лѣтъ по прибытіи въ Парижъ, именно въ 1843 г., Клодъ Бернаръ издалъ первыя свои сочиненія: „Анатомическія и физиологическія изслѣдованія о барабанной струнѣ“ (*Recherches anatomiques et physiologiques sur la corde du tympan*), и диссертацию на степень доктора медицины „О желудочномъ сокѣ и его роли въ питаніи“ (*Du suc gastrique et de son rôle dans la nutrition*). Затѣмъ слѣдовали открытія за открытіями, и извѣстность его росла съ каждымъ днемъ. Въ 1848 г. появилась его первая работа объ образованіи сахара въ печени, работа „поразившая своимъ открытіемъ весь ученый міръ изумленіемъ и удивленіемъ“ (П. Бертъ), и о громадномъ значеніи которой для теоріи питанія мы будемъ имѣть случай говорить ниже. По истеченіи трехъ лѣтъ, въ 1851 г. Клодъ Бернаръ напечаталъ свои изслѣдованія о вліяніи большого симпатическаго нерва на чувствительность и образованіе животной теплоты, изслѣдованія, пролившія яркій свѣтъ на цѣлый рядъ высшихъ физио-

логических соотношений, до того совершенно сокрытых. Съ этого времени имя Клода Бернара приобрѣло громкую извѣстность въ ученомъ мѣрѣ. Въ 1854 г. онъ получилъ въ парижскомъ университетѣ (Сорбона) катедру общей физиологiи, основанную именно для него и былъ избранъ членомъ академiи наукъ на мѣсто, оставшееся вакантнымъ по смерти хирурга Ру. Въ слѣдующемъ году онъ былъ призванъ замѣнить Мажанди на катедру въ College de France. Въ теченiи своего четырнадцатилѣтняго преподаванiя въ парижскомъ университетѣ и многочисленныхъ изслѣдованiй въ College de France, онъ выработалъ свой знаменитый курсъ общей физиологiи, составившiй новую эру въ ученiи о жизненныхъ явленiяхъ. Въ 1868 г. Клодъ Бернаръ перешелъ изъ Сорбонны въ Музей естественной исторiи на катедру Флуранса и въ томъ же году занялъ его мѣсто во французской академiи. Вслѣдъ затѣмъ многiя иностранныя общества и академiи поспѣшили принять его въ число своихъ членовъ. Кромѣ того онъ былъ сдѣланъ въ 1869 г. сенаторомъ, командоромъ ордена почетнаго легiона и получилъ разные иностранные ордена. Впрочемъ, какъ справедливо замѣтилъ Вульпианъ, останавливаясь на всѣхъ этихъ ненаучныхъ отличiяхъ нѣтъ надобности: Клодъ Бернаръ принадлежалъ къ числу тѣхъ великихъ людей, „которые сами дѣлаютъ честь почетнымъ отличiямъ, соглашаясь принять ихъ“¹⁾.

Послѣднее десятилѣтiе его неутомимой дѣятельности ознаменовано рядомъ еще болѣе замѣчательныхъ работъ и изслѣдованiй, болѣе замѣчательныхъ именно въ томъ отношенiи, что въ нихъ рѣзче и опредѣленнѣе выступила впередъ цѣльная законченная философская система, подводившая всѣ физиологическiя явленiя подъ общiе законы, столь же невѣроятныя, какъ и законы физико-химическихъ явленiй.

Нужно знать, въ какомъ состоянiи находилась физиологiя до Клода Бернара, чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить труды этого гениальнѣйшаго философа-биолога. До него роль только что названной науки была крайне ограниченная; физиологiя, строго говоря, даже не считалась самостоятельной наукой, она разсматривалась какъ придаточная часть другихъ наукъ, долженствующая служить подспорьемъ — не болѣе, для медицины и зоологiи. Даже самый вопросъ о томъ, что именно необходимо для изученiя физиологическихъ явленiй оставался подъ спудомъ; по мнѣнiю однихъ для этого было совершенно достаточно знанiе анатомическаго строенiя органовъ, „другiе же, говоритъ Берть“²⁾, видѣли въ физиологiи только сборникъ разсужденiй, могущiй удовле-

¹⁾ См. рѣчь Вульпиана, произнесенную имъ на похоронахъ Клода Бернара (въ «Revue Scientifique». № 34, 2-e Série, 1878).

²⁾ Тамъ же, рѣчь Поля Берта.

творить систематическимъ требованіямъ ума при изслѣдованіи причинъ, природы и происхожденія различныхъ болѣзней. Никто почти не придавалъ ей ученію иного значенія, какъ постоянно измѣняющагося, въ примѣненіи къ различнымъ видамъ живыхъ существъ, и даже въ отношеніи одного и того же вида постоянно подчиненнаго, вслѣдствіе неуловимыхъ обстоятельствъ, капризу таинственныхъ, мистическихъ силъ, что, само собою разумѣется, отнимало у физиологій право на званіе науки».

«Клодъ Бернаръ началъ съ того, что возвратилъ ей это право. Онъ установилъ основныя начала физиологій, разграничилъ ея области, изгналъ изъ нея всякія капризныя существа, освободилъ ее отъ эмпиризма, опредѣлилъ ея цѣль, формулировалъ ея методы, усовершенствовалъ ея приемы, указалъ способы ея дѣйствій, опредѣлилъ ея положеніе среди опытныхъ наукъ, потребовалъ для нея законнаго мѣста въ общественномъ образованіи. Однимъ словомъ онъ возвратилъ ее самой себѣ, индивидуализировалъ и характеризировалъ ее какъ самостоятельную науку, живущую своей собственной жизнью, тождественную съ самой собой въ таковой мѣрѣ, что даже одинъ изъ ученыхъ, чуждый той области знанія, къ которой принадлежалъ Клодъ Бернаръ, могъ сказать: „Клодъ Бернаръ не только великій физиологъ, онъ — сама физиологія“¹⁾.

Его вліяніе въ медицинѣ было не менѣе велико. „Многочисленныя работы по патологіи, говорятъ Вульпіанъ, были внушены именно его физиологическими работами“; но помимо таковаго косвеннаго вліянія, онъ показалъ, рядомъ замѣчательныхъ изслѣдованій, что прогрессъ медицины всецѣло зависитъ отъ прогресса физиологій; онъ слилъ въ одно цѣлое вопросы патологій съ задачами общей физиологій и такимъ образомъ „указалъ новый путь для научной медицины“ (Моро).

Въ виду всего этого, полагаемъ, что читателямъ нашего журнала будетъ не безынтересно ознакомиться, хотя въ общихъ чертахъ, съ трудами великаго физиолога. Говоримъ: „въ общихъ чертахъ“, такъ какъ, само собою разумѣется, мы не имѣемъ никакой возможности представить здѣсь подробный обзоръ его многочисленныхъ работъ, „изъ которыхъ каждая была бы достаточна для того, чтобы прославить своего автора“ (Бертъ). Мы ограничимся только наиболѣе выдающимся, насколько то будетъ необходимо для ознакомленія съ основными возрѣніями знаменитаго философа-біолога.

¹⁾ Слова, сказанныя извѣстнымъ французскимъ химикомъ Пастѣромъ: «Claude Bernard n'est pas seulement un grand physiologiste, c'est la physiologie elle-même». (См. «Mort de Claude Bernard», въ «Revue Scientifique». № 33. 2-е Série, 1878).

Къ числу самыхъ существенныхъ, основныхъ положеній, установленныхъ Клодь Бернаромъ, и служащихъ базисомъ общей физиологій, относится его подраздѣленіе всѣхъ жизненныхъ явленій на двѣ категоріи: органическаго созиданія и органическаго разрушенія. Это созиданіе и это разрушеніе характеризуютъ собою всѣ стороны существованія всякаго живаго существа, и условія такого разрушенія и созиданія представляютъ собою условія жизни. Въ самомъ дѣлѣ, всякое жизненное проявленіе, всякая дѣятельность какъ всего организма въ цѣломъ, такъ и отдѣльныхъ его частей, его органовъ, тканей и клѣточекъ—сопровождаются разрушеніемъ вещества. „У человѣка и у животныхъ, при каждомъ отдѣленіи, железа изнашивается, такъ свазать, таетъ; при каждомъ движеніи часть мышцы потребляется; подобнымъ же образомъ, всякое проявленіе чувствительности и воли обуславливаютъ замѣтную убыль нервнаго вещества, работа мысли—убыль мозга. Доказательствомъ этого органическаго разрушенія служатъ, какъ отдѣлительные продукты, изливающіеся въ различныя полости организма, такъ и извергаемые изъ него остатки“ (Клодь Бернаръ). Такова одна типическая черта, общая всѣмъ жизненнымъ проявленіямъ. Но въ связи съ этимъ признакомъ имѣетъ мѣсто и другой, столь же характерный и общій: Существованіе организма и его частей, его органическихъ элементовъ, было бы невозможно если бы расходъ не сопровождался приходомъ, еслибы потеря не вознаграждалась по мѣрѣ того, какъ она происходитъ и равновѣсіе не восстанавливалось бы тотчасъ же, какъ обнаружится наклонность къ ея нарушенію. Вотъ это-то пополненіе того, что разрушаетъ функциональная дѣятельность, и достигается путемъ органическаго созиданія, органическаго обновленія.

И такъ, жизненная дѣятельность имѣетъ двѣ стороны, двѣ существенныя особенности—соединеніе или образованіе и разъединеніе или распаденіе, и обѣ эти противоположныя особенности связаны между собою неразрывно, одна изъ нихъ необходимо предполагаетъ другую.

Конечно, указанныя здѣсь явленія не составляли новости въ наукѣ и тѣ факты, которые въ нихъ подразумѣваются, были извѣстны уже давно. Но эти факты оставались разрозненными; никто не пытался слить ихъ въ одно цѣлое, обобщить ихъ, вдохнуть въ нихъ жизнь; никто не пытался выяснитъ глубокую важность вышепомянутаго дѣленія біологическихъ явленій, нигдѣмъ не было дано полнаго объясненія настоящимъ фактамъ. Это сдѣлалъ Клодь Бернаръ. Онъ показалъ, какъ слѣдуетъ понимать процессы органическаго разрушенія и созиданія, и вотъ тогда только рѣзко обнаружилась односторонность существовавшего до него ученія о жизни. Въ самомъ дѣлѣ, по наиболѣе распространенному ученію, установленному еще Бишо и впо-

слѣдствіи подробно развитому Дюма и Вуссенго, всѣ жизненные явленія подраздѣлялись на растительныя и животныя. Самыя характерныя выраженіемъ такого различія служили тѣ, будто бы противоположныя по своей природѣ, процессы, которые обнаруживаются живнедѣятельностью растительныхъ и животныхъ организмовъ. Оставляя въ сторонѣ второстепенныя попытки провести раздѣльную линію между двумя царствами органическихъ существъ, попытки, искусственность которыхъ, въ сущности, была обнаружена весьма скоро и которыя нынѣ уже едва-ли кѣмъ признаются истинными, мы ограничимся здѣсь только указаніемъ тѣхъ различій, которыя обнимаютъ собою самыя основныя биологическіе процессы, которые признаются многими современными учеными, и противъ которыхъ именно и боролся Клодъ Бернаръ, доказывая, рядомъ неопровержимыхъ доводовъ, ненаучность этой дуалистической теоріи, раздваивающей явленія жизни на двѣ части, по природѣ своей совершенно тождественныя.

Сюда именно относятся процессы дыханія и питанія. Въ противоположность животнымъ, растенія, какъ было еще показано Ингенгоузомъ, Сенебье и Соссюромъ, поглощаютъ извѣсь своими зелеными частями углекислоту и выдѣляютъ кислородъ. Эта противоположность была обобщена въ самыхъ широкихъ размѣрахъ Дюма и Вуссенго и выражена ими въ слѣдующихъ положеніяхъ: „кислородъ, который вдыхаютъ животныя, доставляется растеніями. Первая его потребляютъ, вторыя—производятъ. Первая сожигаютъ углеродъ, а вторыя производятъ углеродъ. Первая выдѣляютъ углекислоту, а вторыя поглощаютъ углекислоту“. Словомъ, различіе самое коренное. Животныя разсматриваются, какъ аппаратъ горѣнія, аппаратъ, въ которомъ совершаются одни лишь процессы окисленія, процессы разрушенія. Растенія же относятся къ числу организмовъ, восстанавливающихъ то, что разрушается первыми, т. е. образовательный аппаратъ, въ которомъ именно обнаруживаются процессы созиданія. Замѣйте радикальную разницу между этимъ ученіемъ и вышеприведеннымъ положеніемъ Клодъ Бернара. Послѣдній устанавливаетъ неразрывную связь между явленіями разрушенія и созиданія (органическаго синтеза); ихъ совмѣстное участіе составляетъ необходимое условіе существованія всякаго организма, будетъ ли то животное или растеніе. Согласно же дуалистической теоріи, данная связь не признается вовсе, она не признается даже въ принципѣ, полагая условіемъ растительной жизни одни явленія созиданія, а условіемъ животной жизни—явленія разрушенія. Но эта дуалистическая теорія дѣлаетъ еще одинъ шагъ, прямо вытекающій изъ ея основнаго положенія: процессы окисленія, какъ извѣстно, сопровождаются освобожденіемъ молекулярной энергіи, выдѣленіемъ теплоты;

обратный же процесс (раскисление или распадение, например, углекислоты на ее составные части), напротив, потребляет молекулярную энергию, поглощает теплоту. А так как первый процесс имеет место в животном организме, а второй — в растительном, то, стало быть, животное есть вместе с тем аппарат, в котором освобождается сила, т. е. переводится из состояния пассивного в деятельное. Растение же связывает силу, оно не тратит ее, а накапливает, превращает из деятельного состояния в пассивное. Многие из современных ученых (Гексли, Тиндаль, Клаус и др.) разделяют этот взгляд, ошибочность которого была выяснена Клодъ Бернарромъ. Приверженцы дуалистической теории словно не догадывались, что учение их всецело выражает собою ненаучное предположение, будто растения живут не для себя, а для животных. Первые готовят пищевой материал, накапливают силу, вторые потребляют этот материал, расходуют силу. Один из самых сильных ударов был нанесен Клодъ Бернарромъ именно по этому большому месту. „Растение и животное созданы для жизни“, каждое „живое существо живет для самого себя... оно работает на себя, а не для других“. Иначе, говорит Клодъ Бернаръ, пришлось бы признать, что сахаръ, образовавшийся в свекловичѣ, предназначенъ для того, чтобы поддерживать процессы горения животных, питающихся свекловичей, что куриное яйцо снесено для того, чтобы служить пищею человеку и т. д. Но если такъ, то значить растение накапливает силу не для животного, а для себя, стало быть, оно не только накапливает, но и расходует ее. И действительно, последнее предполагается в функциональной деятельности растительных организмов — движении и чувствительности, не говоря уже о размножении. Не одни животные обнаруживают явления движения и чувствования, тоже замечается и в растительном мире. Клодъ Бернаръ доказал самым неопровержимым образом, что движение и чувствование составляют собою специализированное состояние более общей функции — раздражимости, присущей каждой живой ткани, каждой живой протоплазме и растительной и животной. Далѣе онъ показалъ, рядомъ замѣчательныхъ опытовъ, что в какой бы специализированной формѣ эта раздражимость не обнаруживалась, но в томъ и другомъ случаѣ, напримеръ, при проявлении чувствительности в животномъ или растительномъ организмѣ — она слѣдуетъ однимъ и темъ же законамъ. Изъ числа многочисленныхъ опытовъ, произведенныхъ Клодъ Бернарромъ по данному предмету, мы укажемъ здѣсь на слѣдующій: Какъ извѣстно, съ помощью хлороформирования (эфиромъ или хлороформомъ) можно привести человека и животныхъ въ совершенно безчувственное состояніе, причемъ индивидуумъ теряетъ всякую спо-

способность движения и вообще не отвѣчаетъ ни на какое раздраженіе извнѣ. И такъ, если явленія чувствительности, по природѣ своей, тождественны въ обоихъ царствахъ, то стало быть и растенія должны испытывать то же состояніе въ кругу соответствующихъ условій, должны обнаруживать тѣ же явленія хлороформирования. И это дѣйствительно такъ. Клодь Бернаръ помѣстилъ подъ стекляннымъ колоколомъ, наполненнымъ парами эфира, извѣстное своею чувствительностью растеніе — стыдливую мимозу (*mimosa pudica*), листочки которой складываются отъ прикосновенія. Черезъ нѣкоторое время дѣйствіе эфира обнаруживается вполне: мимоза оказывается захлороформированной, ея чувствительность совершенно притуляется, какъ и у животнаго при тѣхъ же условіяхъ, она не отвѣчаетъ на внѣшнее раздраженіе и ея листочки остаются въ покое, не смотря на прикосновеніе. Но по мѣрѣ того какъ вліяніе эфира ослабѣваетъ, чувствительность снова пробуждается въ мимозѣ и ея листочки опять приобретаютъ временно утерянную способность складываться отъ прикосновенія. Словомъ, какъ у животныхъ, такъ и у растеній результатъ хлороформирования одинаковъ. И не только относительно чувствительности, тоже самое справедливо, какъ показалъ Клодь Бернаръ, относительно всѣхъ явленій движения, относительно всякой функциональной дѣятельности. Всѣ онѣ, принадлежатъ ли растительному или животному міру, подчиняются однимъ и тѣмъ же законамъ, всѣ онѣ по условіямъ своего проявленія тождественны. Но для животныхъ эти условія функциональной дѣятельности извѣстны, онѣ предполагаютъ процессы разрушенія; а отсюда уже прямо слѣдуетъ, что тѣ же процессы разрушенія, или окисленія, составляютъ столь же необходимое условіе жизнедѣятельности и для растеній.

И такъ, очень сложная группа жизненныхъ явленій идетъ въ разрѣзъ съ дуалистическою теоріей и какъ нельзя болѣе гармонируется съ установленною классификаціей Клодь Бернара, которой вполне отвѣчаютъ и другіе факты, непосредственно относящіеся къ функціи дыханія въ растительныхъ организмахъ. Именно, было показано, что поглощеніе углекислоты и выдѣленіе кислорода происходитъ только въ земныхъ частяхъ растеній, подъ вліяніемъ свѣтовыхъ лучей солнца, и не имѣетъ ничего общаго съ процессомъ дыханія, который и въ растеніяхъ выражается такъ же, какъ и въ животныхъ: вдыханіемъ кислорода и выдыханіемъ углекислоты какъ продукта горѣнія.

Но здѣсь намъ необходимо остановиться и надлежащимъ образомъ выяснитъ тотъ глубокий смыслъ, который придаетъ Клодь Бернаръ процессамъ „горѣнія“. Прежде обыкновенно полагали, что горѣніе или дыханіе совершается только въ легкихъ и что кровь, притекающая къ легкимъ, холоднѣе той крови, которая направляется отъ легкихъ. Рядъ

замѣчательныхъ опытовъ, произведенныхъ великимъ физиологомъ, окончательно разрушилъ это ошибочное положеніе, доказавъ совершенно обратное, именно, что венозная кровь, т. е. кровь, идущая отъ тканей къ легкимъ, теплѣе артеріальной и что, стало быть, мѣсто дыхательнаго горѣнія слѣдуетъ искать въ общемъ окончаніи венъ и артерій, т. е. въ тканяхъ. Иначе, конечно, не могло бы и быть, развѣ дѣятельность каждой ткани и ея органическихъ элементовъ сопровождается разрушеніемъ. Но при какихъ условіяхъ происходитъ этотъ процессъ разрушенія или горѣнія? Какого рода окисленіе совершается при этомъ? Относительно дѣятельности мышцъ большинство физиологовъ было того мнѣнія, что мышца во время работы вовсе не „таетъ“, что она сжигаетъ не свое собственное вещество, а другое—углеводное, богатое углемъ и несодержащее, подобно мышцѣ, азота. „Въ виду этого, говоритъ Клодъ Бернаръ, мышца представляется совершенно тождественной съ паровою машиною, которая сама не разрушается, не потребляетъ ни мѣдныхъ, ни желѣзныхъ своихъ частей, но просто сжигаетъ доставляемый ей уголь и превращаетъ его въ механическую работу и теплоту. Вотъ начало того представленія объ организмѣ, которое видятъ въ немъ паровую машину, согрѣваемую солнцемъ; представленіе это было создано физиками, введено въ физиологию Физомъ и повторено почти всѣми современными авторами. И тѣмъ не менѣе представленіе это недостаточно близко обнимаетъ факты; оно отдаленно и потому невѣрно. Это одно изъ тѣхъ гипотетическихъ объясненій, даваемыхъ физиками и химиками, которыя показываютъ намъ вещи не такими, каковы онѣ на самомъ дѣлѣ, но какими онѣ могутъ быть. На мускулъ, въ самомъ дѣлѣ, не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на обыкновенную паровую машину; это такой механизмъ, который не только сжигаетъ свое топливо, но еще возобновляетъ свои части, механизмъ, который самъ постоянно разрушается и снова восстанавливается.

„Теорія, которую мы опровергаемъ, продолжаетъ Клодъ Бернаръ, несправедлива по двумъ основаніямъ: во-первыхъ, она предполагаетъ, и совершенно бездоказательно, что молекулярная организація мускула такъ же неподвижна, какъ стѣны печнаго очага. Между тѣмъ извѣстные донастоящаго времени (1875 г.) факты вовсе не допускаютъ подобнаго объясненія, которое къ тому же опровергается всѣми физиологическими соображеніями. Во-вторыхъ, теорія эта смотритъ на химическія явленія мышечнаго сокращенія, какъ на непосредственное окисленіе, что, однако, противно опыту“.

Дѣйствительно, произведенные по настоящему вопросу опыты (Германа, Людвига, Петенкофера, Фойта, Щелкова) показали, что „кислородъ не употребляется въ дѣло непосредственно“, т. е. что

между вдыхаемымъ кислородомъ и выдыхаемою углекислотою нѣтъ прямого соотношенія. Такъ, мышца въ дѣятельномъ состояннн выдѣляетъ большее количество кислорода (соединеннаго съ углеродомъ), нежели поглощаетъ его извнѣ. Тоже самое справедливо, какъ показавъ Клодъ Бернаръ, и въ отношеннн отправления (функціи) желѣзы: усиленіе этой функціи вовсе не ведетъ за собою большаго потребленія кислорода, что однако должно бы было имѣть мѣсто въ случаѣ прямого окисленія, прямого соединенія вдыхаемаго кислорода съ углеродомъ органическаго вещества. Далѣе, даже при отсутствнн всякаго притока кислорода, напримѣръ, въ атмосферѣ водорода, мышца продолжаетъ сокращаться значительное время и выдѣляетъ углекислоту, которая, въ данныхъ условннхъ, не могла конечно образоваться путемъ прямого горѣнн. Но это еще не все: освобождая въ дѣятельномъ состояннн большее количество соединеннаго кислорода, нежели сколько его получаетъ, — мышца въ состоянн покоя обнаруживаетъ обратное явленіе, она выдѣляетъ меньшее количество соединеннаго кислорода въ сравненн съ тѣмъ, сколько поглощаетъ. Такимъ образомъ, получается излишекъ кислорода, и этотъ излишекъ, говоритъ Клодъ Бернаръ, „составляетъ запасъ“. Другими словами, въ состоянн покоя мышца накопляетъ молекулярную энергію, которую расходуетъ въ періодъ дѣятельности.

Стало бытъ и въ данномъ случаѣ обнаруживается полнѣйшее тождество въ жизненнхъ явленнхъ растительнаго и животнаго царства: не одни растенія накопляютъ силу, накопляютъ ее и животныя, не одни животныя расходуютъ силу, расходуютъ ее и растенія.

Тотъ фактъ, что кислородъ употребляется не на прямое горѣнне, Клодъ Бернаръ считаетъ весьма важнымъ результатомъ для устанавливаемаго имъ подраздѣленія жизненнхъ явленнй, важнымъ именно потому, что „прямое горѣнне углерода и водорода было бы настоящимъ синтезомъ, соединеннемъ отдѣльныхъ элементовъ; тогда какъ происходящее явленіе скорѣе всего представляетъ обратный процессъ—распаденіе, разрушеніе сложнаго вещества, настоящій анализъ посредствомъ броженія“. Такимъ образомъ, въ противоположность общепринятому мнѣнню, роль кислорода въ организмѣ обнаруживается явленнми болѣе сложнаго характера и не представляетъ непосредственнаго отношенія къ продуктамъ выдѣленія. Этотъ газъ уподобляется организмомъ, онъ „становится“ однимъ изъ элементовъ органическаго созиданія или строенія; но не своимъ соединеннемъ съ органическимъ веществомъ онъ вызываетъ жизненныя отправления, жизненную дѣятельность: вступая въ соприкосновеніе съ органическими элементами, онъ дѣлаетъ ихъ способными возбуждаться, они могутъ обнаруживать свою жизнедѣятельность только подѣ

условіемъ даннаго сопряженія. Итакъ, кислородъ принимаетъ участіе въ большемъ числѣ явленій жизни, какъ агентъ возбужденія“ (Клодъ Бернаръ).

Указанная здѣсь роль кислорода, именно уподобленіе его животнымъ организмомъ, можетъ служить однимъ изъ случаевъ явленій синтеза простѣйшаго характера, который, по дуалистической теоріи, составляетъ исключительное достоинствѣ растительнаго организма. Эта теорія предполагаетъ, что, подобно окисленію, и питаніе бываетъ прямое, т. е. что пищевыя вещества, вырабатываемыя растениями, по введеніи въ животный организмъ прямо равниваются въ немъ соотвѣственно своей природѣ: растительный бѣлокъ переходитъ въ животный; сахаръ и жиръ также заимствуются у растений и проч. Словомъ, ученіе настраиваетъ теорію весьма близко граничить съ тѣмъ ходячимъ мнѣніемъ, будто бы для того, чтобы наполнить смѣдуетъ питаться жирномъ и мучнистою пищей. Но и «физиологическое изслѣдованіе показываетъ, что въ дѣйствительности нѣтъ ничего подобнаго, что питаніе никогда не бываетъ прямое. Питательное вещество предварительно исчезаетъ въ качествѣ опредѣленнаго химическаго соединенія, и только впоследствии, послѣ продолжительной и сложной органической работы, питательное вещество можетъ уже составить запасы, служащіе для питанія организма и остающіеся всегда постоянными... какъ составныя части органическихъ жидкостей и тканей. Однимъ словомъ, тѣло никогда не питается прямо различными пищевыми веществами, а всегда посредствомъ запасовъ, изготовленныхъ нѣкоторымъ видомъ отдѣлительной работы. И то, что мы говоримъ здѣсь объ образованіи питательныхъ запасовъ, справедливо для обѣихъ царствъ и совершается какъ у животныхъ, такъ и у растений“ (Клодъ Бернаръ). — Дѣйствительно было доказано, что животныя сами фабрикуютъ жиръ, независимо отъ жира, принимаемаго въ пищу, и не только сами фабрикуютъ это вещество, но онѣ даже прямо не употребляютъ того жира, который содержится въ пищѣ. Такимъ же образомъ и бѣлковыя вещества, содержащіяся въ животныхъ тканяхъ, вырабатываются въ самомъ организмѣ, а не заимствуются отъ бѣлковыхъ веществъ растений. Но самое замѣчательное доказательство, пролившее яркій свѣтъ на характеръ разсматриваемыхъ здѣсь явленій, было представлено Клодъ Бернаромъ относительно образованія сахаристыхъ веществъ. Явленія, обнаруженныя при этомъ великимъ физиологомъ, дали совершенно иной поворотъ ученію о питаніи, разъяснивъ истинный смыслъ даннаго процесса.

Около тридцати лѣтъ назадъ общее мнѣніе ученыхъ было таково, что сахаръ есть вещество растительное, и что тотъ сахаръ, который встрѣчается въ животномъ организмѣ, заимствованъ послѣднимъ у

растений.—Талово, повторяемъ, было общее мнѣніе ученыхъ, пока Клодъ Бернаръ не обнаружилъ присутствіе сахара въ печени и не изслѣдовалъ условія его образованія. Исслѣдованія эти привели къ заключенію, что животное само фабрикуетъ сахаристыя вещества и что аппаратомъ такой фабрикаціи служитъ печень. Первое положеніе было прочно установлено указаніемъ того факта, что „кровь животныхъ содержитъ въ себѣ сахаръ совершенно независимо отъ свойствъ принимаемой ими пищи“; что же касается втораго положенія, то оно выяснилось изъ наблюдений, показавшихъ, что „кровь, выходящая изъ печени, содержитъ въ себѣ больше сахара, нежели кровь всѣхъ другихъ частей тѣла“. Но какимъ-же образомъ происходитъ сахаръ въ печени? Точно такимъ, какъ и въ растительномъ организмѣ; именно, на счетъ крахмала, и притомъ—не того крахмала, который заимствуется у растений, а настоящаго животнаго крахмала, вырабатываемаго въ самомъ животномъ организмѣ, путемъ органическаго созиданія.

И такъ, мы видимъ, что, въ противоположность ученію дуалистической теоріи, животныя не только потребляютъ вещества сахаристыя, жирныя и бѣлковыя, но и производятъ ихъ; онѣ не только разрушаютъ органическое вещество, т. е. превращаютъ его въ менѣе сложныя соединенія, но и восстанавливаютъ его путемъ образованія высшихъ соединеній изъ низшихъ. Однако все это еще не выражаетъ собою всего, что обнаруживается процессами питанія. Въ самомъ дѣлѣ, уже указанный выше фактъ—содержаніе въ крови сахара, независимо отъ свойствъ пищи,—служитъ прямымъ намекомъ на то, что составъ крови нормальнымъ образомъ не зависитъ отъ состава пищи. Дѣйствительно, это наглядно доказывается постоянствомъ состава крови при самой разнородной пищѣ. Тоже справедливо и въ отношеніи состава тканей. Вы можете кормить двухъ собакъ—одну исключительно растительною пищею, другую исключительно животною, и тѣмъ не менѣе ни на югу не нарушите тождества ихъ тканей. Все это, конечно, доказываетъ, что роль пищи въ процессѣ питанія, насколько рѣчь идетъ о явленіяхъ органическаго созиданія, обновленія или пополненія,—совершенно пассивна. Не она сообщаетъ организму свои свойства, а организмъ ей, именно тѣ его составныя части, которыя утилизируютъ пищу, т. е. кѣ-точки.

«Роль пищи подчинена роли кѣточки», говоритъ Клодъ Бернаръ, и онъ наглядно доказалъ это на кѣточкахъ печени, въ которыхъ вырабатывается животный крахмалъ (гликогенъ) и безъ которыхъ этотъ процессъ органическаго созиданія положительно невозможенъ. Тоже вѣрно и въ отношеніи другихъ органическихъ веществъ или

нищевыхъ началъ; всё они фабрикуется въ клеточкахъ изъ материала, доставляемаго извнѣ, но только значительно разложимаго и упрощеннаго. Такимъ образомъ, всё нищевыя вещества, прежде чѣмъ войти въ составъ той или другой ткани, должны, такъ сказать, пройти черезъ природу клеточки; она видоизмѣняетъ ихъ, приспосабливаетъ ихъ къ требованіямъ самаго сложнаго органическаго союда—образованію тканей. Словомъ, дѣятельная роль въ процессѣ питанія принадлежитъ всецѣло клеточки, она привлекаетъ къ себѣ окружающій материалъ, преобразовываетъ его въ нищевыя начала и затѣмъ приспосабливаетъ эти начала къ требованіямъ своей природы, сообщая имъ свои жизненные свойства. Такое приспособленіе выражается размноженіемъ клеточекъ, обуславливающимъ собою ростъ и развитіе тканей, а стало быть и возобновленіе всего живаго существа. Вотъ весь циклъ процессовъ питанія во всемъ ихъ объемѣ. Нетрудно замѣтить, что, съ разсматриваемой здѣсь точки зрѣнія, питаніе, во условіяхъ своего проявленія, ничѣмъ не отличается отъ явленій развитія. «Одинъ и тотъ-же законъ управляетъ и проявленіями жизни, которая возникаетъ, в той жизни, которая поддерживается: это законъ развитія» (Клодъ Вернаръ).

Таково громадное, философское значеніе установленнаго великимъ физиологомъ дѣленія жизненныхъ явленій. Оно объединяетъ жизнь всего органическаго міра въ одно цѣлое, подчиняя ее одному и тому же закону, закону развитія. Этотъ законъ управляетъ явленіями питанія, онъ опредѣляетъ собою организующую дѣятельность клеточки и послѣдняя, такимъ образомъ, подготавливаетъ всё условія для той видимой жизни, которая обнаруживается ощутимыми проявленіями жизненной дѣятельности и вполнѣ соответствуетъ функциональному горѣнію. Такимъ образомъ устанавливается замкнутая связь, самая строгая зависимость между различными биологическими состояніями; вмѣсто двухъ физиологій, растительной и животной, Клодъ Вернаръ создалъ одну, общую физиологію, физиологію живыхъ существъ, изслѣдующую условія двухъ группъ явленій—органическаго союда и органическаго разрушенія, и ихъ отношенія другъ къ другу. Но для надлежащаго изученія этихъ условій, говоритъ Клодъ Вернаръ, необходимо принимать во вниманіе и другіе виды отношеній, «отношеній, существующихъ между живыми существами и окружающими космическими условіями». Далече не всё органичны относятся одинаково къ даннымъ условіямъ, одни изъ нихъ обнаруживаютъ большую зависимость, другія—меньшую; въ виду чего Клодъ Вернаръ устанавливаетъ три формы жизни:

1) Жизнь скрытая. Она находится въ совершенно близкой зависимости отъ внѣшнихъ условій и не обнаруживается внѣ этихъ

условій. Сюда именно относятся смена растений, для проростанія которыхъ необходимы: влага, опредѣленная температура, кислородъ; если одно изъ этихъ условий отсутствуетъ—проростаніе не можетъ имѣть мѣста. Въ животномъ мірѣ примѣры скрытой жизни представляютъ самыя низшія существа и, между прочимъ, микроскопическіе организмы. Именно они впадаютъ въ это состояніе вслѣдствіе высыханія, и въ такомъ видѣ жизнь ихъ не обнаруживается, пока отсутствуютъ указанныя только что внѣшнія условия.

2) Жизнь перемежающаяся. Она находится въ меньшей зависимости отъ внѣшнихъ условий; жизненныя проявленія здѣсь никогда не прекращаются совершенно, какъ это бываетъ въ состояніи скрытой жизни, но они „усиливаются или ослабѣваютъ въ весьма сильной степени сообразно съ измѣненіями внѣшнихъ условий“. Сюда именно относятся всѣ растения; ихъ жизнедѣятельность, какъ знаетъ каждый, зависитъ отъ времени года; зимой онѣ замираютъ или цѣлѣнѣютъ, хотя жизнь ихъ въ это время неполнѣ погасаетъ. Въ животномъ мірѣ примѣры перемежающейся жизни представляютъ всѣ низшія, беспозвоночныя животныя, а изъ позвоночныхъ всѣ холоднокровныя. «Холодъ мертвитъ ихъ, и если во время зимы онѣ не могутъ предохранить себя отъ этого вліянія, то жизнь ихъ ослабѣваетъ, дыханіе замедляется, пищевареніе приостанавливается, движенія становятся слабыми или совершенно прекращаются. Для млекопитающихъ подобное состояніе извѣстно подъ именемъ зимней спячки».

3) Жизнь постоянная. Ея проявленія совершенно свободны и не обнаруживаютъ тѣхъ колебаній, о которыхъ только что шла рѣчь, хотя бы внѣшнія условия и измѣнялись въ томъ или другомъ направленіи. Эта жизнь свойственна исключительно высокоорганизованнымъ животнымъ. «Ихъ органы, аппараты, ткани функционируютъ замѣтно одинаковымъ образомъ, и ихъ дѣятельность не испытываетъ тѣхъ рѣзкихъ измѣненій, какія наблюдаются у животныхъ съ перемежающеюся жизнью».

Эти три формы жизни, какъ видно изъ предъидущаго, вполне отвѣчаютъ тремъ степенямъ развитія органическихъ формъ: низшей, средней и высшей. Непосредственная зависимость отъ внѣшнихъ условий убываетъ именно въ этомъ порядкѣ. Но какимъ же образомъ объясняется подобнаго рода соотношеніе? Вотъ какъ разъясняетъ данный вопросъ Клодъ Бернаръ: показавъ, что органическое разрушеніе и органическое созиданіе представляютъ собою двѣ неразрывныя стороны жизненнаго существованія, что жизнь необходимо требуетъ ихъ совмѣстнаго участія, ихъ взаимную помощь—онъ дѣлаетъ еще одинъ шагъ и доказываетъ, что постоянство жизни предполагаетъ полную гармонію между этими явленіями. Но чѣмъ же поддерживается эта

гармонія? Она поддерживается нервной системой, а нарушается внѣшними условиями, и такъ какъ у низшихъ организмовъ нервная система отсутствуетъ, то этимъ и объясняется ихъ полная зависимость отъ внѣшнихъ условий.

Никто до Клодь Бернара не зналъ объ этой замѣчательной роли нервной системы; онъ первый указалъ на нее и не только указалъ, но разъяснилъ. Именно онъ показалъ, рядомъ блестящихъ работъ, что функциональная и организующая дѣятельность управляются двумя рядами нервовъ, которые, своимъ взаимнымъ влїяніемъ другъ на друга, умѣряютъ ее или усиливаютъ, словомъ, постоянно регулируютъ ее и тѣмъ поддерживаютъ упомянутую выше гармонію.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности входить здѣсь въ дальнѣйшее разсмотрѣніе всего того, что было сдѣлано Клодь Бернаромъ по данному вопросу. Задачей нашей было выяснитъ въ общихъ чертахъ основную идею великаго физиолога, идею о единствѣ жизни и ея законовъ,—идею, которой онъ подчинилъ не только всѣ физиологическія явленія, но и такъ называемыя патологическія, показавъ, что, по своей природѣ, по условіямъ своего происхожденія, онѣ не раздѣляемы, и что подобно тому, какъ не существуетъ двухъ физиологій, растительной и животной, такъ точно не можетъ быть и двухъ различныхъ наукъ: медицины и физиологіи; есть только одна наука, наука о жизни, обнимающая собою всѣ жизненные явленія, въ ихъ различныхъ измѣненіяхъ—нормальныхъ и патологическихъ.

Въ послѣднее время все чаще и чаще стали обнаруживаться попытки изслѣдовать болѣзненные явленія и причины ихъ происхожденія въ направленіи, указанномъ Клодь Бернаромъ. Сюда, между прочимъ, относится ученіе извѣстнаго нѣмецкаго ботаника Нэгели объ эпидемическихъ болѣзняхъ, на которое мы имѣемъ въ виду обратить теперь вниманіе нашихъ читателей. Нэгели прямо говоритъ, что относительно вопроса о свойствахъ заразительной матеріи, «слѣдуетъ руководиться исключительно общими физиологическими и физико-химическими данными».

И такъ, каковы свойства заразительнаго вещества, которое, проникая въ человеческое тѣло, отравляетъ его; какимъ образомъ оно распространяется и заражаетъ человеческій организмъ; наконецъ, каковы условія его распространенія? На эти вопросы мы находимъ у Нэгели слѣдующіе отвѣты, доказанные имъ весьма обстоятельно:

Прежде обыкновенно полагали, а нѣкоторые продолжаютъ держаться того же мнѣнія и по сей день, что заразительныя вещества, по своей физической природѣ, суть вещества газообразныя. Это мнѣніе, говоритъ Нэгели, ошибочно и не согласуется съ фактами. Во первыхъ, извѣстно, что газообразныя вещества, вообще, весьма быстро разсѣя-

ваются въ воздухѣ; примѣромъ могутъ служить пахучіе газы. Стало бытъ, если бы заразительныя вещества были газообразными, онѣ, вслѣдствіе быстраго разсѣванія, оставались бы совершенно недѣтельными. Во вторыхъ, и на это обстоятельство главнымъ образомъ необходимо обратить вниманіе,—почти всѣ заразительныя вещества причиняютъ зараженіе, при самомъ ничтожномъ ихъ количествѣ; вслѣдствіе чего совершенно достаточно ничтожной доли ихъ, для того, чтобы развиться въ человѣческомъ организмѣ въ такомъ количествѣ, при которомъ онѣ становятся опасными для организма. Но подобное наростаніе возможно только подъ условіемъ размноженія заразительныхъ веществъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова; размноженіе же относится къ числу жизненныхъ явленій, и тамъ, гдѣ приходится наблюдать данное явленіе, тамъ, очевидно, участвуетъ дѣтельность живаго существа. И такъ только что указанное обстоятельство, составляющее одну изъ характерныхъ признаковъ заразительныхъ веществъ, приводитъ къ двумъ заключеніямъ прямо вытекающимъ одно изъ другаго: эти вещества не газообразныя тѣла, эти вещества суть живыя существа. Что же это за существа? Извѣстно, что въ растительномъ царствѣ нѣкоторыя болѣзни, именно изъ заразительныхъ, происходятъ отъ микроскопическихъ организмовъ — плѣневыхъ грибовъ. Точно также извѣстны случаи эпидеміи между насѣкомыми, причемъ и здѣсь виновниками заразы являются микроскопическіе грибки. Тоже вѣрно и въ отношеніи заразительныхъ болѣзней (тифозныхъ) у человѣка, и тутъ микроскопическіе грибки играютъ соотвѣтствующую роль въ явленіяхъ возникновенія эпидеміи. Притомъ въ настоящемъ случаѣ роль эта выполняется самыми простѣйшими грибами, отличающимися наибольшою жизненностью, способными выдерживать самую сильную борьбу съ жизненными элементами (клеточками) человѣческаго организма и потому наиболее опасными для послѣдняго, если они проникли внутрь его тканей. Въ самомъ дѣлѣ, внутри тканей они находятъ всѣ условія для своего развитія: обильный пищевой матеріалъ, сравнительно высокую температуру, влагу и кислородъ, все это содѣйствуетъ ихъ быстрому размноженію. Такимъ образомъ, они потребляютъ то, что заготовлено для жизненныхъ элементовъ организма, безъ чего его функционально-организующая дѣтельность немислима; послѣдняя постепенно все болѣе и болѣе отклоняется отъ своего обычнаго, нормальнаго теченія и тѣмъ обуславливаетъ рядъ измѣненій въ жизненныхъ явленіяхъ; чрезмѣрная борьба органическихъ элементовъ съ микроскопическими грибами усиливаетъ въ крайней степени процессъ горѣнія, т. е. разрушенія, но возрастающая убыль въ пищевомъ матеріалѣ, истребляемомъ грибами, задерживаетъ организующій процессъ, процессъ обновленія,—расходъ превышаетъ приходъ, и эта неравная борьба посте-

ленно истощаетъ силы организма, пока, наконецъ, перевѣсъ всецѣло не останется на сторонѣ постоянно возрастающаго количества грибовъ, — тогда наступаетъ смерть.

Съ другой стороны, изъ сказаннаго легко видѣть, что эпидимические грибки причиняютъ вредъ тогда именно, когда проникаютъ въ ткани, въ кровь. Но они не могутъ туда проникнуть ни черезъ неповрежденную внѣшнюю, наожную, оболочку, по причинѣ ея прочности, ни черезъ слизистую оболочку, ни черезъ пищевой каналъ, ни черезъ стѣнки желудка. Существуетъ только одинъ путь: черезъ легкія, легочные пузырьки которыхъ легко прободаются микроскопическими грибами. Отсюда уже прямо слѣдуетъ, что вода, въ противоположность общепринятому мнѣнію, не можетъ служить источникомъ распространенія эпидимическихъ болѣзней. Микроскопическіе грибки, причиняющіе эти болѣзни, могутъ находиться въ водѣ, вводимой въ желудокъ, но вредоносное дѣйствіе ихъ, вслѣдствіе указанной причины (непроницаемости стѣнокъ желудка), не обнаружится. Но вода, какъ необходимое условіе жизни всякаго организма, служитъ именно мѣстомъ, гдѣ развиваются эпидимическіе грибки; когда вода испарится и почва, смачиваемая ею, совершенно высохнетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ высыхаютъ и микроскопическіе грибки (припомните скрытую жизнь), тогда они, въ видѣ пыли, поднимаются въ воздухъ, и, при вдыханіи послѣдняго, проникаютъ черезъ легкія внутрь тканей человѣческаго организма и заражаютъ его. И такъ, воздухъ есть единственный распространитель эпидимическихъ болѣзней, но, замѣтите, въ томъ только случаѣ, если, въ него попадаютъ микроскопическіе грибки. Для этого же необходимо, чтобы высыхание и смачивание почвы постоянно чередовалось, такъ какъ въ сухой почвѣ грибки развиваться не могутъ, а во влажной, хотя и развиваются, но не падаютъ изъ нея въ воздухъ, пока она совершенно не высохнетъ. Отсюда уже прямо слѣдуетъ, что разсадникомъ эпидимическихъ болѣзней служитъ почва и притомъ именно та почва, увлажненіе и высыхание которой чередуются, сюда относятся, напр., болотистыя мѣстности, которыя на лѣто высыхаютъ вполне или даже отчасти (мѣстами).

Таково, въ общихъ чертахъ, современное состояніе вопроса объ эпидимическихъ болѣзняхъ, насколько оно выражено въ ученіи Негели объ этомъ предметѣ.

Въ заключеніе настоящей хроники скажемъ о недавнихъ, крайне интересныхъ, опытахъ профессора Шарко надъ истерико-эпилептическими больными въ парижскомъ госпиталѣ Salpêtrière. Профессоръ Шарко подвергнулъ одну изъ такихъ больныхъ сильному свѣту; черезъ нѣсколько минутъ пристальнаго созерцанія этого свѣта больная вдругъ

впадаетъ въ состояніе полного оцѣпенѣнія: она ничего не видитъ, не слышитъ, не чувствуетъ. Отправленія нервной системы совершенно парализуются. Такое состояніе продолжается до тѣхъ поръ, пока свѣтъ дѣйствуетъ на сѣтчатую оболочку глаза. Но какъ только это дѣйствіе прекращается, для чего достаточно даже закрыть пациенткѣ глаза, наступаетъ второе состояніе: нѣчто въ родѣ летаргическаго сна. Переходъ этотъ совершается такъ быстро, что если больная въ первомъ опытѣ стояла, то она тотчасъ же, какъ уничтожено дѣйствіе свѣта, опрокидывается навзничъ. Если затѣмъ едва-едва прикоснуться къ лицу пациентки, она начинаетъ мотать головой; если позвать ее громко, она поднимается и идетъ на голосъ; если ей прикажутъ сѣсть и пить, или писать, она садится и хотя совершенно автоматически, но въ точности исполняетъ приказаніе. Она даже отвѣчаетъ на вопросы и иногда даже удачнѣе, нежели въ сознательномъ состояніи. Но чтобы вызвать полную летаргію, необходимо больной, находящейся въ состояніи оцѣпенѣнія, закрыть оба глаза; если же закрывается одинъ глазъ, напримѣръ, правый—больная впадаетъ въ состояніе летаргіи только правою половиною своего тѣла, лѣвая же продолжаетъ оставаться въ состояніи оцѣпенѣнія; далѣе было обнаружено, что если, путемъ раздраженія, вызвать у летаргика сведеніе правой руки, а затѣмъ лѣвую руку подвергнуть дѣйствію магнитнаго вліянія, то, спустя нѣкоторое время, правая рука приобретаетъ свою первоначальную гибкость, а лѣвая, напротивъ, сокращается и цѣпнѣетъ. Шарко показалъ, что оцѣпенѣніе можетъ быть уничтожено и инымъ путемъ; для этого достаточно на пораженную руку надѣть браслетъ золотой или желѣзный, мѣдный или цинковый. Интересно также, что больной не въ состояніи различать цвѣта глазами, соотвѣтствующимъ пораженной части тѣла; ему всѣ тѣла кажутся сѣрыми; если же затѣмъ здоровый глазъ будетъ подвергнутъ магнитному вліянію, то послѣдній лишается способности различать цвѣта, а къ пораженному глазу эта способность постепенно возвращается и притомъ въ такомъ порядкѣ: прежде всего распознается красный цвѣтъ, затѣмъ желтый, сѣрый, зеленый и, наконецъ, фіолетовый. Прекращается же эта способность распознаванія цвѣтовъ въ обратномъ порядкѣ. Но вотъ что еще крайне замѣчательно: достаточно дунуть въ лицо пациентки, находящейся въ вышеописанномъ, искусственно вызванномъ, состояніи летаргіи—и всѣ эти явленія моментально прекращаются, а больная возвращается къ своему обычному состоянію.

Шарко, кромѣ того, показалъ, что, подобно свѣту, и звукъ вызываетъ въ истерико-эпилептическихъ больныхъ тѣ же замѣчательныя явленія: онъ помѣстилъ двухъ пациентокъ на ящикъ, предназначенный для усиленія звуковъ камертона, и заставилъ послѣдній вибри-

ровать; спустя нѣкоторое время больные впади въ состояніе оцѣпененія, которое затѣмъ моментально, какъ только звуки были прерваны, перешло въ состояніе летаргіи, и тогда съ ними повторялись всѣ тѣ явленія, о которыхъ упомянуто выше. Вообще всякое напряженіе нервной системы этихъ больныхъ ведетъ къ тѣмъ же результатамъ; достаточно, на примѣръ, заставить ихъ пристально смотрѣть на какойнибудь предметъ, чтобы вызвать въ нихъ состояніе летаргіи. Любителямъ всякихъ „сверхъестественностей“ опыты Шарко могутъ дать обильную пищу для признанія разныхъ высшихъ психическихъ силъ: „магнитической“, „одической“ и даже, пожалуй, „спиритической“. Но не слѣдуетъ, однако, забывать, что тѣ же явленія катаlepsii могутъ быть вызываемы не у одного только человѣка. Если, на примѣръ, положить на черный столъ пѣтуха бокомъ, пригнувъ плотно его голову къ столу, и затѣмъ провести мѣломъ по столу черту отъ его глаза впередъ, то пѣтухъ вдругъ впадаетъ въ состояніе оцѣпененія, онъ положительно камениѣетъ, причѣмъ перья его поднимаются кверху, а голова вытягивается; достаточно стереть мѣловую черту и пѣтухъ снова возвращается къ своему нормальному состоянію. Очевидно, эти явленія, по природѣ своей, ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, которыя были обнаружены опытами Шарко. Или, можетъ быть, и пѣтуху присущи „вышія психическія силы?“

Эльпе.

НѢЧТО О НАШЕМЪ СЕЛЬСКОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ

(изъ Болховскаго уѣзда).

Купить небольшое имѣніе и поселиться въ деревнѣ, чтобы посвятить свои силы сельскому хозяйству, было моею завѣтною мечтою съ давнихъ поръ. Но кому только ни говорилъ я о своемъ намѣреніи сдѣлаться сельскимъ хозяиномъ, отъ всѣхъ встрѣчалъ тысячу неблагоприятныхъ для меня доводовъ. Нѣкоторые говорили, что при настоящемъ порядкѣ вещей невозможно вести хозяйство настолько успѣшно, чтобы стоило для этого жертвовать трудомъ и затрачивать капиталъ. Иные утверждали, что правильное хозяйство вводить въ Россіи еще невысказано; и что поэтому, всякія матеріальныя затраты будутъ непроизводительны. Были и такія личности, которыя прямо высказывали, что, сдѣлавшись сельскимъ хозяиномъ, необходимо стать и кулакомъ, т. е. эксплуататоромъ мѣстнаго населенія, безъ чего въ перспективѣ одно только разореніе. Немногіе, наконецъ, одобряли мое предположеніе и стояли за то, что, дѣйствуя настойчиво и осторожно, можно добиться хорошихъ результатовъ и быть даже полезнымъ для мѣстнаго населенія. Перевѣсъ неблагоприятныхъ отзывовъ не устрашилъ меня; притомъ, всегдашнее стремленіе человѣческой природы испытать самому то, что, по отзывамъ другихъ, считается труднымъ и даже недоступнымъ, рѣшили мое намѣреніе, и я купилъ имѣніе въ Орловской губерніи.

Знакомство съ окрестною средой и въ особенности съ окрестными землевладѣльцами явилось необходимымъ послѣдствіемъ пріобрѣтенія поземельной собственности. Я сталъ знакомиться, вникать въ способъ

хозяйства моихъ сосѣдей и, разумеется, на первыхъ порахъ, какъ новичекъ въ этой мѣстности, получалъ цѣлый ворохъ совѣтовъ и наставленій, какъ дѣйствовать въ данномъ случаѣ. Конечно, совѣты я долженъ былъ принимать съ благодарностью, хотя относился къ нимъ критически.

Не буду говорить о массѣ разнообразій и противорѣчій, которыя выражали сами совѣты; но замѣчательнѣе всего, что каждая мѣстность, небольшая даже по пространству, представляла такую картину разнообразія въ самомъ способѣ хозяйства и даже въ приемахъ при веденіи дѣла, что этимъ самымъ ясно выражалась несостоятельность нашего сельскаго хозяйства. Повидимому, каждый пробовалъ вести хозяйство по своему, часто даже на удачу, безъ строго выработаннаго плана, а тѣмъ болѣе безъ всякаго сознанія въ необходимости вести хозяйство научнымъ путемъ. Нерѣдко приходилось спорить о вещахъ самыхъ элементарныхъ и доказывать необходимость употребленія болѣе усовершенствованныхъ орудій для обработки земли. По большей части споры эти ни къ чему не приводили, такъ какъ и люди, повидимому, болѣе образованные мало интересовались подобными вещами.

Не время еще говорить объ успѣхахъ моего хозяйства, которое ведется весьма недавно, а потому не имѣетъ за себя никакихъ опытныхъ данныхъ. Но тѣмъ не менѣе, считаю не лишнимъ познакомить читающую публику съ мѣстнымъ хозяйствомъ, которое я встрѣтилъ въ средѣ окружающихъ меня сосѣдей.

Здѣсь существуютъ три способа хозяйства, а именно: отдача земли мѣстнымъ крестьянамъ подъ обработку исполу; обработка земли наймомъ тѣми же крестьянами, и третій способъ, самый простой, — отдача земли крестьянамъ въ наемъ, за условленную арендную плату. Затѣмъ, весьма рѣдко, обработка земли производится своими рабочими и своими земледѣльческими орудіями, и то только въ видѣ опыта, почему весьма рѣдко выдерживаетъ продолжительный періодъ, считается и по настоящее время самою невыгодною системою хозяйства.

Первый способъ, т. е. испольное хозяйство, практикуется преимущественно землевладѣльцами, неимѣющими оборотнаго капитала, для найма крестьянъ подъ обработку земли, или же въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ владѣльцы ищутъ покоя и потому переходятъ къ простѣйшей формѣ хозяйства, сопряженной съ меньшими хлопотами для нихъ, а между тѣмъ представляющей болѣе выгодъ, нежели простая отдача земли въ наемъ за извѣстную плату.

Отдача земли подъ обработку исполу совершается по особымъ условіямъ или цѣлымъ обществомъ крестьянъ, или особо составленными артелями, члены которыхъ отвѣчаютъ другъ за друга при исполненіи условій договора, заключеннаго съ землевладѣльцемъ. Въ этомъ случаѣ

обязательныя работы крестьянъ довольно сложны; такъ какъ въ условіе входятъ, кромѣ обработки земли и уборки урожая, вывозка на поля удобренія, очистка весной луговъ отъ сорныхъ травъ, обработка огородовъ, уборка овощей, а иногда даже натуральная повинность, курами, яйцами и т. п., однимъ словомъ, цѣлая барщина, какъ во времена крѣпостнаго права.

Чтобы судить сколько затрачивается крестьянами труда и времени на дополнительныя работы при обработкѣ земли исполу, необходимо имѣть въ виду слѣдующій расчетъ. Въ здѣшней мѣстности хозяйство ведется, преимущественно, трехпольное. А такъ какъ почва состоитъ, большею частію, изъ суглинка, то удобреніе полей имѣетъ здѣсь большое значеніе. Поэтому въ экономіяхъ, въ которыхъ считается по сто десятинъ въ полѣ, удобряется, ежегодно, отъ десяти до пятнадцати десятинъ. На десятину вывозится обыкновенно около 300 возовъ удобрения. Рассчитывая, что въ теченіи дня можно вывезти на одной подводѣ 13 возовъ, а на десятину положится 300 возовъ, потребуется, для удобрения 15 десятинъ 345 конныхъ дней. Если переведемъ эту работу на деньги, полагая, по умѣренной цѣнѣ, плату въ день человѣку съ лошадыю по 70 к., получимъ стоимость удобрения 15-ти десятинъ въ 241 р. 50 к. Теперь эту цифру нужно распределить на число десятинъ, находящихся въ озимомъ клину, который, по обязательству съ владѣльцемъ, будетъ обрабатываться крестьянами исполу, т. е. 100 десятинъ. Слѣдовательно, стоимость вывозки удобрения обойдется крестьянамъ въ 2 р. 40 к. на десятину, взятую, подъ обработку исполу, въ озимомъ клину.

За вывозкою удобрения слѣдуетъ поднятіе пара, потомъ боронованіе вспаханной земли, затѣмъ двоеніе, т. е. вторичная перепашка земли, и опять боронованіе, а затѣмъ уже посѣвъ озимаго хлѣба подъ соху, т. е. перепашка вновь вмѣстѣ съ бороною. Такимъ образомъ. при обработкѣ земли и посѣвѣ зерна въ озимомъ полѣ, крестьянинъ долженъ употребить на одну десятину не менѣе $6\frac{1}{2}$ дней, съ лошадыю и своими земледѣльческими орудіями. Переведа эту работу на деньги и полагая въ день по 70 к. получимъ за $6\frac{1}{2}$ дней 4 р. 55 к.

Затѣмъ, такъ какъ сѣмена на посѣвъ должны быть исполу, а ко времени посѣва у крестьянъ готовыхъ сѣмянъ не оказывается, то землевладѣлецъ ссужаетъ ихъ своими сѣменами, и если ссуда отсрачивается до новаго урожая, въ такомъ случаѣ, за ссуду крестьяне уплачиваютъ владѣльцу имѣнія, въ видѣ процента, особыми работами, а именно: отъ каждой десятины на-кругъ, взятой подъ обработку исполу, т. е. за десятину озимую и десятину яровую вмѣстѣ, смотря по условію, назначается одинъ или два мужскихъ и два или три женскихъ рабо-

чихъ дня, что составить, перевода на деньги и полагаю мужской рабочий день въ 30 к., а женскій въ 20 к., отъ 1-го рубля до 1 р. 20 к. на-кругъ, исключая натуральныхъ поборовъ.

Кромѣ того, нужно имѣть въ виду, что, при исполномъ хозяйствѣ, крестьяне обязаны посѣвѣ хлѣбъ сжать или скосить, половину урожая перевести на гумно землевладѣльца, потомъ обмолотить, провянное зерно ссыпать въ заврома амбара, а солому и мякину убрать въ сарай.

Переводя эти работы на деньги, по нижеслѣдующему разсчету, мы получимъ стоимость работъ на десятину озимаго поля:

За жнитво хлѣба на одной десятинѣ	2 руб. — к.
За перевозку хлѣба на гумно землевладѣльца, считая средній урожай на десятинѣ въ 10 копенъ, слѣ- довательно за перевозку 5-ти копенъ $\frac{1}{2}$ дня или. — „ 35 „	
Перевозка остальной половины къ себѣ въ деревню, что займетъ 1 день или	— „ 70 „
При обмолотѣ хлѣба на гумнѣ землевладѣльца, съ по- мощью молотильной машины ¹⁾ по 8 к. съ копны, итого за 5 копенъ	— „ 40 „
За обмолотъ у себя дома остальной половины за 3 дня по 20 к.	— „ 60 „
Кромѣ того, слѣдуетъ прибавить за вывозку удобренія, по приведенному выше разсчету на десятину	2 „ 40 „
За пахату и посѣвъ одной десятины.	4 „ 55 „
Добавочными работами, принимая половину на деся- тину озимаго поля	— „ 50 „
Итого	11 р. 50 к.

Слѣдовательно, 11 р. 50 к. составляютъ стоимость крестьянскихъ работъ на каждую десятину озимаго поля, при исполномъ хозяйствѣ. Теперь, для полноты вывода, необходимо исчислить крестьянскія работы при исполномъ хозяйствѣ на яровомъ полѣ.

Въ здѣшней мѣстности, обыкновенно, подъ яровой посѣвъ поднимаютъ землю съ осени, затѣмъ весною боронуютъ и сѣютъ овесъ подъ соху, слѣдовательно, сѣмена запахиваютъ, потомъ боронуютъ вторично. Эти работы потребуютъ не менѣе $4\frac{1}{2}$ дней, а перевода ихъ на деньги и считая день человека съ лошадыю по 70 коп., получимъ 3 руб. 15 коп.

Для послѣдующихъ выводовъ опредѣлимъ средній урожай съ десятины, засѣянной овсомъ въ 7 копенъ съ умолотомъ одной четверти съ копны.

¹⁾ При молотѣ хлѣба молотильной машиной слѣдуетъ положить 10 женщинъ при самой машинѣ, 2-хъ мужчинъ при подвозкѣ сноповъ въ молотильный сарай, 2-хъ мужчинъ при уборкѣ соломы и хоботьевъ и 2 мальчика при лошадахъ, работающих на машинѣ. Этимъ составомъ предполагается обмолотить 40 копенъ.

Теперь сдѣлаемъ расчетъ всѣмъ крестьянскимъ работамъ на одну десятину:

За пахату и посѣвъ	3	р.	15	к.
За скошеніе десятины овса	1	„	—	„
За вязку сноповъ и складку въ копны	—	„	30	„
За перевозку половины урожая на гумно землевладѣльца, а остальной половины къ себѣ въ деревню, на что потребуется 1 день съ лошадыю	—	„	70	„
За обмолотъ $3\frac{1}{2}$ копнѣ на гумнѣ землевладѣльца, посред- ствомъ машины по 8 к. съ копны	—	„	28	„
На обмолотъ у себя дома остальной половины 2 дня по 20 к.	—	„	40	„
Добавочными работами на десятину яроваго поля	—	„	50	„
Итого	6	р.	33	к.

Слѣдовательно, стоимость крестьянскихъ работъ на десятину яроваго поля опредѣлится въ 6 р. 33 к.

Приступимъ теперь къ выводамъ, что получить землевладѣлецъ отъ урожая, при испольной системѣ хозяйства, и что приобрѣтаетъ крестьянинъ за трудъ на свою долю.

Принявши средній урожай, въ здѣшней мѣстности, на суглинистой почвѣ, при посѣвѣ ржи, какъ приведено выше, въ 10 копнѣ на десятину, а умолотъ 4 четверика съ копны, получимъ съ десятины озимаго поля, за вычетомъ сѣмянъ:

Ржи въ зернѣ, 4 четверти по 5 р. на 20 р.	
Соломы 5 возовъ, по 40 к.	2 „
Мякины и хоботьевъ 2 воза по 1 р. „ 2 „	2 „
Итого.	на 24 р.

Значить, на долю землевладѣльца достается съ десятины озимаго 12 р., а остальная половина приходится на долю крестьянина. Если изъ этой половины вычесть произведенный крестьяниномъ трудъ, по сдѣланному выше расчету, оцененный въ 11 р. 50 к., то на долю крестьянина приходится барыша 50 к.

Теперь возьмемъ продукты урожая съ десятины яроваго поля.

По вышеприведенному расчету получится съ 7-ми копнѣ, за вычетомъ сѣмянъ:

Овса въ зернѣ 5 четвертей, по средней цѣнѣ 2 р. на 10 р. — к.	
Соломы 2 воза, по 90 к.	1 „ 80 „
Мякины и хоботьевъ 1 возъ	1 „ 50 „
Итого.	на 13 р. 30 к.

Половину изъ этой цифры, т. е. 6 р. 65 к. получить землевладелецъ; если затѣмъ изъ остальной половины, причитающейся на долю крестьянина, вычесть за его трудъ, по выше приведенному расчету, 6 р. 33 к., то крестьянину остается барыша съ яровой десятины 32 к., а всего на—крутъ, т. е. съ десятины овимой и десятины яровой 82 к. ¹⁾

Поэтому обработка земли исполу, для мѣстныхъ крестьянъ можетъ считаться выгодною въ томъ отношеніи, что, вознаграждая употребленный ими трудъ, даетъ сверхъ того небольшой излишекъ, необходимый на погашеніе капитала, затрачиваемаго крестьяниномъ на орудія производительности.

При всей видимой пользѣ испольнаго хозяйства для землевладельцевъ, неприспособленныхъ научно къ веденію рациональнаго хозяйства, эта система хозяйства считается, сравнительно, невыгодною. Противники испольнаго хозяйства, въ доказательство своихъ воззрѣній, приводятъ слѣдующіе доводы: Они говорятъ, что повидимому крестьяне, будучи заинтересованы полученіемъ на свою долю половины урожая, должны стараться болѣе тщательно обрабатывать землю и своевременно производить всѣ работы, отъ которыхъ зависитъ болѣе большой урожай; но на дѣлѣ выходитъ совершенно противное. Такъ, напр., у крестьянъ, по большей части, плохія и истощенныя лошади, которыя не въ состояніи пахать землю настолько глубоко, насколько это необходимо для тщательной обработки земли; при этомъ требуется и большая затрата труда и времени со стороны самаго пахаря, который, взявши на себя обязанность обрабатывать землю исполу, долженъ въ то же время работать и на своей землѣ, доставшейся ему въ надѣлъ, а поэтому необходимо долженъ работать кое-какъ, чтобы успѣть вспахать и посеять, какъ свою землю, такъ и взятую исполу у сосѣдняго помѣщика.

Кромѣ того, существенною невыгодою испольнаго хозяйства многіе землевладельцы считаютъ полученіе половиннаго количества продуктовъ отъ земледѣлія; что не всегда даетъ возможность держать достаточное количество скота, необходимое для удобренія полей, такъ какъ количество скота находится въ тѣсной зависимости отъ количества корма.

Расчитывая такимъ образомъ, землевладельцы забываютъ о томъ, что, при отдачѣ земли подъ обработку исполу, въ силу укоренившагося обычая, они пользуются дополнительными работами крестьянъ безде-

¹⁾ Необходимо замѣтить, что и при испольной системѣ обработки земли, крестьянинъ можетъ рассчитывать на мизерную прибыль только въ урожайные годы.

нежно и притомъ не затрачиваютъ капитала на приобретение орудій производительности.

Теперь перейдемъ къ изложенію втораго способа сельскаго хозяйства, самаго употребительнаго въ здѣшней мѣстности, т. е. къ отдачѣ земли подѣ обработку на - круга. Кругъ составляютъ двѣ десятины, одна въ озимомъ клину, а другая въ яровомъ. Въ здѣшней мѣстности крестьяне обыкновенно нанимаются землевладѣльцами на обработку земли въ началѣ осени. Осенняя наемка имѣетъ для крестьянъ большое значеніе, такъ какъ въ это время наступаетъ платежъ податей. Поэтому крестьяне бывають вынуждены запродавать свой трудъ впередъ, чтобы получить деньги, необходимыя для уплаты лежащихъ на нихъ повинностей.

Крестьяне нанимаются обыкновенно или цѣлыми деревнями, или составляютъ изъ себя особыя артели, по выбору самихъ землевладѣльцевъ, которые, желая обезпечить себя исправнымъ выполненіемъ обязательствъ со стороны крестьянъ, не допускаютъ въ составъ артели бѣднѣйшихъ изъ нихъ, имѣющихъ плохихъ лошадей, да и вообще подающихъ мало надежды на исправное выполненіе полевыхъ работъ. Земля распредѣляется по числу круговъ, т. е. на каждую деревню или артель отдается извѣстное число десятинъ, какъ въ озимомъ, такъ и въ яровомъ клинахъ, за круговую поручкою всей деревни; въ случаѣ неисправности кого либо изъ членовъ ея отвѣчаетъ вся деревня. За такой кругъ крестьяне получаютъ отъ землевладѣльца по 10 р., рассчитывая за обработку земли и уборку хлѣба съ озимой десятины 6 р. и съ яровой 4 р. За эту плату крестьяне обязываются обработать землю на своихъ лошадяхъ и съ своими земледѣльческими орудіями, посѣять сѣмена, запахать ихъ, собрать съ поля урожай и перевести хлѣбъ на гумно землевладѣльца, гдѣ сложить въ скирды и покрыть соломой. Деньги обыкновенно крестьяне получаютъ или всѣ впередъ, или же изъ 10 р. на кругъ, одинъ рубль удерживается до окончанія всѣхъ работъ по условію, въ обезпеченіе исправнаго исполненія своего обязательства.

Иногда къ подобному условію присоединяются особыя дополнительные работы, какъ, напр., если крестьяне получаютъ за кругъ вмѣсто 10 р. 11 р. или 11 р. 50 к., то въ такомъ случаѣ они обязываются на каждый кругъ земли, взятый ими подѣ обработку, вывезти извѣстное количество возовъ удобренія на паровое поле, а кромѣ того, во время покоса травы или молотбы хлѣба, выслать на каждый кругъ извѣстное число поденщиковъ мужскаго и женскаго пола. Такимъ образомъ, землевладѣлецъ обезпечиваетъ себя работою силою за годъ впередъ.

При заключеніи условій съ крестьянами, владѣльцы имѣній, же-

для обезпечить себя исправнымъ выполнеіемъ работъ, включаютъ въ условія довольно значительныя неустойки. Само собою разумѣется, что крестьяне не столько боятся неустойки, которую взыскать съ нихъ нѣтъ возможности, сколько страшатся отказа со стороны землевладѣльца въ отдачѣ земли вновь на-круга, чтобы слѣдующею осенью получить опять впередъ деньги, необходимыя для уплаты новыхъ податей.

Насколько выгодно для крестьянъ брать землю подъ обработку на-круга, можно судить изъ слѣдующаго разсчета.

Придерживаясь тѣкъ же выводовъ, которые взяты при изложеніи испольной системы, трудъ крестьянъ опредѣлится слѣдующимъ образомъ:

а) На десятину поля въ озимомъ ѡлину:

За обработку земли и посѣвъ	4 р. 55 к.
За жнитво ржи	2 " — "
За перевозку хлѣба на гумно и складку въ скирды, по- лагая 1½ дня по 70 к.	1 " 5 "
Итого безъ дополнительныхъ работъ	7 р. 60 к.

б) На десятину въ яровомъ полѣ:

За обработку земли и посѣвъ	3 р. 15 к.
За кошеніе овса и вязку въ снопы.	1 " 30 "
За перевозку хлѣба на гумно 1 день.	— " 70 "
Итого	5 р. 15 к.

А всего на обработку круга, исключая дополнительныхъ работъ, цѣнность крестьянскаго труда опредѣлится въ 12 р. 75 к. Въ замѣнъ чего крестьянинъ получаетъ отъ землевладѣльца, выдачею впередъ, 10 р., слѣдовательно, за ссуду денегъ, платить владѣльцу земли 22½%. Какъ не великъ этотъ процентъ, но, по отсутствію мѣстныхъ заработковъ, крестьяне охотно разбираютъ землю подъ обработку на-круга, чтобы имѣть возможность уплатить казенныя подати, такъ какъ добыча денегъ для крестьянъ, другимъ путемъ, у мѣстныхъ кулаковъ, еще болѣе тягостна. Чтобы получить деньги на уплату податей, крестьяне должны запродавать кулакамъ продукты земледѣлія, нерѣдко еще на корнѣ, по цѣнѣ, какую имъ дадутъ изъ милости люди не имѣющіе ни стыда, ни совѣсти; да кромѣ того, при сдачѣ продукта, обмѣръ и обвѣсъ, вмѣстѣ съ пониженною цѣною за товаръ, составляютъ убытокъ для крестьянъ по крайней мѣрѣ въ 40%. Вотъ почему, здѣшніе крестьяне считаютъ для себя болѣе выгоднымъ брать у помещиковъ землю подъ обработку на круга.

Послѣдній способъ мѣстнаго хозяйства и самый рѣдкій, это отдача

земли крестьянамъ въ наемъ, на одинъ посѣвъ или на нѣсколько лѣтъ, цѣлыми участками или по-десятинно,—практикуется здѣсь, или въ тѣхъ только имѣніяхъ, гдѣ землевладѣльцы не живутъ на мѣстахъ, или же тамъ, гдѣ есть запольныя земли, т. е. удаленныя отъ усадьбы помѣщика, или особыя пустоши, состоящія въ отдѣльныхъ клочкахъ. При наймѣ земли, крестьяне платятъ подъ озимый посѣвъ за десятину, смотря по качеству земли, отъ 8 до 12 р., а подъ яровой посѣвъ отъ 4-хъ до 5-ти рублей. Слѣдовательно, среднюю цѣну за наемъ земли въ здѣшней мѣстности, на суглинистой почвѣ, можно принять: подъ озимый посѣвъ 10 р., а подъ яровой по 4 р. 50 к. за десятину.

Конечно, это самый выгодный для крестьянъ способъ наемки земли у землевладѣльцевъ. Чтобы судить безошибочно, что можетъ извлечь крестьянинъ-арендаторъ за свой трудъ, приведемъ слѣдующій расчетъ.

Расчетъ на десятину озимаго поля:

а) Расходъ:

Арендная плата за озимую десятину	10 р. — к.
Согласно предъидущимъ выводамъ, за обработку десятины и посѣвъ	4 р. 55 "
За жнитво	2 " — "
За перевозку урожая къ себѣ въ деревню, полагая 1½ дня по 70 к.	1 " 5 "
За молотбу хлѣба, считая 5 дней мужскихъ по 25 к.	1 " 25 "
Итого расходъ на десятину	18 р. 85 к.

Теперь сдѣлаемъ выводъ, что получить крестьянинъ-арендаторъ съ озимой десятины. Такъ какъ въ аренду сдаются земли преимущественно въ пустошахъ или въ запольныхъ клочкахъ, которыя никогда не удабриваются, то слѣдуетъ принять самый большой урожай на подобныхъ земляхъ въ 9 коновъ озимаго хлѣба, что при среднемъ умолотѣ дастъ 4 четверика съ кошны; поэтому, за исключеніемъ сѣмянъ, выводъ будетъ слѣдующій:

б) Приходъ:

Ржи въ зернѣ 3½ четверти по 5 р.	17 р. 50 к.
Соломы 4 воза по 40 к.	1 " 60 "
Мякины и хоботьевъ 2 воза, по 1 р.	2 " — "
Итого въ приходѣ	21 р. 10 к.

Слѣдовательно, за вычетомъ ренты за наемную землю и за вычетомъ крестьянскаго труда, остается въ пользу арендатора-работника 2 р. 25 к. съ десятины озимаго поля.

Возьмемъ теперь расчетъ на десятину ярового поля:

а) Расходъ:

Арендная плата за десятину	4 р. 50 к.
За пахату и посѣвъ	3 „ 15 „
За кошеніе овса и вязеу въ снопы	1 „ 30 „
За перевозку урожая къ себѣ въ деревню, полагая 1 день по 70 к.	— „ 70 „
За молотбу овса 3 дня женскихъ, по 20 к.	— „ 60 „

Итого расходъ на десятину 10 р. 25 к.

б) Приходъ.

Предполагая, что арендаторъ-крестьянинъ получить съ десятины овсянаго поля 6 копенъ, при умолотѣ въ 8 мѣръ, что дастъ, за исключеніемъ сѣмянъ:

Овса 4 четверти по 2 р.	8 р. — к.
Соломы $2\frac{1}{2}$ воза по 75 к.	1 „ 87 „
Хоботьевъ и мякины 1 возъ	1 „ 50 „

Итого приходъ 11 р. 37 к.

Слѣдовательно крестьянину-арендатору приходится получить, за исключеніемъ ренты за землю и его труда, всего 1 р. 12 к.

Сравнивая, по выше приведеннымъ цифрамъ, доходъ землевладельца, выражающійся въ рентѣ за отдаваемую въ наймы землю, и доходъ крестьянина-арендатора, выходитъ, что барышъ этихъ двухъ лицъ составляетъ отношеніе, какъ 4:1.

Теперь невольно рождается вопросъ, какъ ведутъ хозяйство мѣстные крестьяне на своей землѣ? На этотъ вопросъ нелегко отвѣчать, не смотря на близкое мое знакомство съ хозяйствомъ самихъ крестьянъ.

При общинномъ владѣніи землею и при полнѣйшемъ разнообразіи ея по своему качеству и плодородію, раздѣлъ земли по душамъ составляетъ дробные клочки, такъ что каждому домохозяину приходится сѣять одинъ и тотъ же хлѣбъ на четырехъ или пяти доскуткахъ. Такой способъ хозяйства, какъ неизбежное послѣдствіе незначительности крестьянскихъ надѣловъ и самой системы общиннаго владѣнія, крайне невыгодный для рациональнаго хозяйства, ведетъ къ бесполезной потерѣ времени, при переѣздѣ изъ одного клочка поля на другой, и къ затратамъ, совершенно не производительнымъ, лишнихъ сѣмянъ. При трехпольной системѣ и недостаточности домашняго скота для удобренія полей, хозяйство крестьянъ не улучшается, къ тому же у большинства крестьянъ плохія и истощенныя лошаденки, а ихъ допотопныя сохи едва ковыряютъ почву, перекидывая, безконечное число лѣтъ, тотъ же самый пластъ земли, при постоянно одной и той же глубинѣ; слѣдовательно, слой земли, находящійся непосредственно подъ разрыхленною почвою, не привлекается къ содѣй-

ствію въ питаніи воздѣлываемыхъ растений. Крестьянскій надѣлъ въ здѣшней мѣстности, за малымъ исключеніемъ, составляетъ отъ 3 до $3\frac{1}{2}$ десятинъ на душу, считая въ томъ числѣ и неудобную землю.

Главную статью дохода въ крестьянскомъ хозяйствѣ здѣшней мѣстности составляютъ конопляники, которыя поэтому постоянно удобряются и обрабатываются болѣе тщательно. Чтобы имѣть понятіе въ распредѣленіи земли между крестьянами, приведемъ семейство, имѣющее надѣлъ на четыре души, слѣдовательно, при надѣлѣ по $3\frac{1}{2}$ десятинъ на душу, владѣющее 14 десятинами, изъ этого числа:

Подъ усадьбою и конопляникомъ	1 дес.
Сѣнокоснаго луга	$1\frac{1}{2}$ „
Пахатной земли въ 3-хъ поляхъ	$9\frac{3}{4}$ „
Итого	$12\frac{1}{4}$ дес.

Слѣдовательно, остальные $1\frac{3}{4}$ дес. остаются подъ прогономъ для скота, подъ еустарниками и подъ оврагами; такимъ образомъ удобной земли приходится на душу $3\frac{1}{16}$ дес. Чтобы судить какую роль въ крестьянскомъ быту, въ здѣшней мѣстности, играютъ конопляники, приведемъ данныя, что извлекаетъ крестьянинъ, имѣя надѣлъ земли на 4 души.

Высѣвая коноплянаго сѣмени 7 четвериковъ, онъ, при хорошемъ урожаѣ, получаетъ конопля, за исключеніемъ покосни (мужскаго поля, безъ сѣмянъ) 16 копенъ, изъ которой намочиваетъ 8 четвертей, а за исключеніемъ сѣмянъ, получаетъ 7 четвертей и 1 четверикъ. Вымолоченная пенька вымачивается и по высушкѣ перерабатывается на волокно, изъ котораго получается обработанной пеньки 18 пудовъ.

Переводя эти продукты на деньги, по существующимъ мѣстнымъ цѣнамъ, получимъ съ конопляника въ 1 десятину:

Коноплянаго сѣмени, за исключеніемъ сѣмянъ, 7 четвертей и 1 четвер. по 6 р. 50 к. за четверть	46 р. 25 к.
обработанной пеньки 18 пуд., по 2 р. 50 к.	45 „ — „

Итого 91 р. 25 к.

Слѣдовательно, производство конопля въ здѣшней мѣстности составляетъ для крестьянъ самую главную статью дохода, дающую, по крайней мѣрѣ, больше-семейнымъ крестьянамъ средство на уплату лежащихъ на нихъ повинностей. Но въ такомъ положеніи находится небольшое число семей; большинство же крестьянъ должно добывать средства не только на уплату податей, но и на прокормленіе своей семьи, такъ какъ своего хлѣба, полученнаго отъ урожая, не хватаетъ на цѣлый годъ.

А. Шлейснеръ.

его воспоминаніи блестящіе образы прошедшаго, доставляютъ ему минуты сладкаго самообольщенія, но не дасть ему хлѣба, такъ что онъ рискуетъ умереть съ голоду въ своей, фиктивныхъ милліонами оклеенной, комнатѣ, если, наконецъ, не рѣшится предпринять что-нибудь полезное. И какимъ безумцемъ оказался бы онъ, еслибъ все еще лелѣялъ себя надеждою возвратить утраченные милліоны посредствомъ какой-нибудь новой спекуляціи.

Пора бы Франціи освободиться отъ Наполеоновскихъ идей, на осуществленіе которыхъ она, въ теченіи восьмидесяти лѣтъ, потратила всѣ свои жизненные силы, и возвратиться къ идеямъ великой революціи, къ идеямъ братства народовъ. Слава, приобрѣтенная на поляхъ сраженій, даже при самыхъ хорошихъ условіяхъ, не въ состояніи сдѣлать людей счастливыми, а при худшихъ ведетъ къ упадку и разложенію государства. Нація, пользующаяся симпатіями и уваженіемъ своихъ сосѣдей, гораздо могущественнѣе той, которая внушаетъ страхъ; а побѣды, доставляемыя оружіемъ, далеко не такъ прочны, какъ побѣды въ области наукъ, искусствъ и промышленности, которыя не влекутъ за собою рововаго стремленія къ возмездію и обратной отплатѣ за него.

Но я понимаю, что націи чрезвычайно трудно отказаться отъ преданій такой исторической эпохи, какова была эпоха Наполеона. Однакомъ, говоря по совѣсти: еслибъ я былъ французомъ, то не знаю смогъ-ли бы я, не смотря на періодъ второй имперіи, не смотря на разоблаченія, сдѣланныя Lanfrey, и вопреки самому разсудку, имѣть достаточно твердости, чтобы побороть въ себѣ чувство увлеченія личностью перваго императора, въ особенности при посѣщеніи его могилы, передъ этимъ гробомъ, передъ этими окружающими его знаменами и передъ такими ярко блещущими изъ глубины слепа магическими словами, каковы „Маренго, Іена, Ваграмъ, Аустерлицъ!“

О прежнемъ Hôtel Dieu.

Въ Парижѣ, фізіономія улицъ и площадей перемѣняется съ такою быстротою, какъ будто бы все это совершается при помощи волшебной лампы Аладина. Тотъ, кто видѣлъ Place du Parvis Notre Dame въ іюлѣ 1877 года и потомъ заглянулъ туда въ августъ, не могъ бы почти совсѣмъ узнать этой мѣстности, такъ много капитальныхъ измѣненій произошло тамъ менѣе чѣмъ въ пятинедѣльный срокъ. Въ іюлѣ площадь эта

была вся въ буграхъ и ямахъ, мѣстами поросла травой, мѣстами сохранила остатки мостовой изъ круглаго булыжника, составлявшаго отчаяніе пѣшеходовъ, и была по большей части завалена пескомъ и кучами мусора, къ величайшему удовольствію дѣтей, которыя со всѣхъ сторонъ собирались сюда, чтобъ копать ямки въ землѣ и поиграть рѣчными камушками или въ разныя игры. Съ одной стороны площадь была загорожена высокою желѣзною рѣшеткой, прутья которой переплетены были между собою плотною проволочною сѣткою, черезъ которую нельзя было ничего разглядѣть, что дѣлается внутри; къ этой рѣшеткѣ примыкалъ вплоть, безобразной архитектуры, главный входъ, выстроеннаго въ строгомъ „классическомъ“ стилѣ временъ имперіи, зданія, къ которому вело широкое крыльцо; на противоположной сторонѣ виднѣлись бѣлыя правильныя стѣны новаго, еще не готоваго строенія, въ оконныя отверстія котораго видны были голыя, пустыя залы; съ третьей стороны на площадь выходила своимъ главнымъ фасадомъ церковь Notre Dame, съ своими остроконечными порталами, своею красивою розеткой креста, своею чудесною балюстрадой и своими двумя четверугольными колокольнями; а съ четвертой, незастроенной, стороны шла перспектива Rue de la Cité. Позади вышеупомянутой рѣшетки зеленѣло нѣсколько деревьевъ, только однѣ верхушки которыхъ видны были съ площади, а за ними возвышалось громадное, неулюжее каменное зданіе, совершенно голыя, ветхія, пожелтѣвшія, заопченныя и пробитыя множествомъ оконъ стѣны котораго имѣли какой-то особенно мрачный, даже непріязненный видъ. Эта непривѣтливо глядѣвшая каменная масса съ заплетенною проволокой рѣшеткою и тяжелымъ подъѣздомъ была ничто иное, какъ старыи Hôtel Dieu.

Четырехъ недѣль было достаточно, чтобы совершенно измѣнить все. Площадь была взрыта, выровнена, вымощена асфальтомъ, засажена деревьями, наполнена скамейками для отдыха, уставлена красивыми канделябрами, однимъ словомъ—приняла видъ настоящаго бульвара. Церковь Notre Dame, имѣвшая до сихъ поръ такой старческой видъ и казавшаяся будто вросшею въ землю, послѣ планировки площади точно выросла на нѣсколько дюймовъ или встала на цыпочки, чтобъ казаться выше; угрюмая рѣшетка была снята, находившіяся позади ея деревья, шумѣвшія и перешептывавшіяся между собой, какъ шаловливыя пансіонерки за спиной строгой надзирательницы, были вырваны съ корнемъ и свезены въ другое мѣсто; а желѣзныи ломъ усердныхъ рабочихъ уже пробилъ во многихъ мѣстахъ стѣны

старого Hôtel Dieu, а въ иныхъ—даже совсѣмъ ихъ разрушилъ. Съ глухимъ громомъ валялись одна за другою каменныя глыбы; съ трескомъ рухнула на землю крыша, обломки которой, сталкиваясь при паденіи въ воздухъ, далеко отскакивали прочь; и глазамъ любопытныхъ зѣваекъ, которыхъ всегда собирается цѣлая толпа всякій разъ, когда идетъ какая-нибудь ломка, представлялась внутренность пустыхъ больничныхъ залъ, куда они могли заглянуть теперь по милости беспощадныхъ мотыкъ рабочихъ, подобно тому, какъ донь Клеофасъ могъ заглядывать на все происшедшее подъ крышами домовъ при помощи хромаго бѣса.

Еслибы эти, давшія глубокія трещины и на половину разрушенныя, стѣны могли говорить, какую ужасную исторію они рассказали бы намъ! Какую страшную массу человѣческихъ бѣдствій, въ самыхъ отвратительныхъ и самыхъ надрывающихъ душу формахъ, пришлось видѣть имъ и сколько сотенъ тысячъ разъ раздавалась тамъ хрипота предсмертной агоніи! Болѣе двѣнадцати столѣтій это зданіе служило убѣжищемъ для больныхъ и немощныхъ, такъ что въ тѣхъ самыхъ стѣнахъ, гдѣ еще недавно жертвы туберкулезной чахотки всемірной столицы, которая довела ихъ до такого состоянія условіями своей цивилизованной жизни, задыхались отъ недостатка воздуха,—лежали еще прокаженные времямъ крестовыхъ походовъ и метались въ бреду зараженные чумой въ періодъ черной немочи. По изслѣдованіямъ достовѣрныхъ историковъ дознаю, что Hôtel Dieu былъ выстроенъ въ 651 году, по поводу происшедшей отъ голода повальной болѣзни,—тогдашнимъ парижскимъ епископомъ, блаженнымъ Landri. Въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, всѣ короли, прелаты и знатные дворяне къ этому богоугодному заведенію присоединяли еще новыя; каждое поколѣніе прибавляло къ выстроенному корпусу еще другой, такъ что подъ конецъ образовалась цѣлая скученная масса больницъ, церквей, часовень и разнаго рода пристроекъ, для которыхъ Place de Parvis уже оказалась тѣсною, и госпиталь, доходившій до самаго берега Сены, долженъ былъ расширить свои постройки, перенеся ихъ даже по ту сторону рѣки. Великая революція переименовала „Hôtel Dieu“, это убѣжище, въ которомъ бѣдные и страждущіе были гостями Божиими, въ „Grand hospice de l'Humanité“; но съ водвореніемъ имперіи это громкое и пышное названіе было уничтожено, причѣмъ ему возвращено прежнее; не смотря на то, прекрасная старинная готическая церковь, служившая входомъ въ госпиталь, была разрушена и на мѣсто ея поставлены

были четыре гладкія, унылаго вида, колонны, надъ капителями которыхъ воздвигнуть неулыжій фронтонъ.

Въ средніе вѣва и даже въ позднѣйшее время этотъ госпиталь былъ страшнымъ мѣстомъ, весь ужасъ котораго едва ли можетъ быть понятенъ человѣку девятнадцатаго столѣтія. Въ низкихъ комнатахъ, не имѣвшихъ ни достаточно свѣта, ни достаточно воздуха, не было кроватей; на выложенномъ черепицею полу настигалась солома и на этой-то подстилкѣ валялись цѣлыя кучи больныхъ, натисканныхъ тамъ какъ сельди въ бочонкѣ. Когда, однажды, св. Людовикъ посѣтилъ госпиталь, то солома, на которой лежали больные, была такъ отвратительно грязна, вонюча и гнила, что король пришелъ отъ этого въ ужасъ и тотчасъ же приказалъ привезти изъ Лувра свѣжей соломы, чтобы пережѣнить старую. Въ половинѣ прошедшаго столѣтія въ Hôtel Dieu хотя и были кровати, но положеніе больныхъ оттого не улучшилось. На одной, весьма не широкой, кровати, вся постель которой заключалась только въ грязномъ холщевомъ мѣшкѣ, набитомъ гнилою соломой, лежало рядомъ не менѣе четырехъ, а иногда по пяти или даже по шести больныхъ, размѣщенныхъ такъ, что ноги одного касались головы другаго; дѣти лежали вмѣстѣ съ стариками и, что почти покажется невѣроятнымъ, но что дѣйствительно было, — мужчины вмѣстѣ съ женщинами. На одной и той же кровати лежали субъекты, страдавшіе заразительными болѣзнями, рядомъ съ легко больными; на одной постели, плотно лежа одинъ возлѣ другаго, стонала женщина въ родильныхъ мукахъ, валялся въ конвульсіяхъ грудной ребенокъ, горѣлъ въ бреду тифозной больной, кашлялъ чахоточный и царапалъ себѣ все тѣло въ кровь больной, страдавшій сыпной болѣзнію. Составъ медицинскаго персонала былъ весьма недостаточный, предписанія врачей исполнялись не точно, выборъ медикаментовъ былъ самый скудный. Больные часто нуждались въ самомъ необходимомъ; имъ давали самую плохую пищу, въ недостаточномъ количествѣ и безъ равномернаго распределенія времени. Монахини, взявшія на себя добровольный трудъ ухода за больными, имѣли всегда обыкновеніе пичкать сладкимъ тѣхъ изъ пациентовъ, которые казались имъ наиболѣе благочестивыми, то-есть тѣхъ, которые часто перебирали свои четки; но истощенное болѣзнію тѣло не нуждается въ лакомствахъ, а требуетъ мяса и вина, которыя доставлялись больнымъ въ достаточномъ количествѣ единственно лишь благотворительными городскими посѣтителями. Въ виду этой цѣли, ворота госпиталя не запирались ни днемъ, ни ночью; каждый могъ

входить туда, каждый могъ приносить, что ему вдувается, такъ что, если больнымъ случалось иногда голодать, за то на другой день они нерѣдко получали столько вина, что могли охмѣлѣть, и наѣдались до обремененія желудка, отчего многие даже умирали. Въ госпиталѣ было пропасть вшей, клоповъ и блохъ, а воздухъ поутру въ больничныхъ палатахъ былъ до такой степени зараженъ всякими зловоніями, что даже надзиратель и больничная прислуга входили туда не иначе, какъ держа передъ носомъ и ртомъ пропитанную уксусомъ губку. Мертвецовъ оставляли на койкѣ цѣлыя сутки, а иногда и долѣе, такъ что, прежде чѣмъ уберуть ихъ, прочіе больные должны были лежать на одной постели уже съ оконченнѣйшимъ трупомъ, который, въ этой адской атмосферѣ, начиналъ скоро разлагаться и на него, какъ на всякую падаль, налетали противныя зеленныя мухи...

Я не выдумалъ ни одного слова, не преувеличилъ ни одной черты изъ этой страшной картины, ужаснѣе которой трудно найти даже у Данта, при описаніи его „Ада“. Если кто не погнушается вышеприведенными мною подробностями, тотъ найдетъ еще болѣе яркіе очерки *Hôtel Dieu* въ монографіи доктора *de Pietra Santa*, изданной имъ въ 1867 году. Поступленіе въ госпиталь, при подобнаго рода условіяхъ, для каждаго, не только серьезно больнаго, но и для слегка нездороваго человѣка, было равносильно смертному приговору, и смертность тамъ, дѣйствительно, была громадная. Изъ четырехъ, поступавшихъ въ госпиталь, больныхъ, одинъ умиралъ непременно, а трое остальныхъ спѣшили выбраться изъ этого мѣста заразы, лишь только бывали въ состояніи кое-какъ держаться на ногахъ. Только въ царствованіе Людовика XVI и подъ вліяніемъ господствовавшихъ тогда гуманнѣйшихъ идей, начались нѣкоторые улучшенія въ этомъ мѣстѣ убіенія больныхъ и бѣдныхъ людей; первую, введенною тамъ реформой было то, что каждому больному дали особую кровать, что мужчинъ отдѣляли отъ женщинъ, а дѣтей—отъ взрослыхъ. Потомъ позаботились о лучшей пищѣ и о болѣе правильномъ распредѣленіи времени при кормленіи больныхъ и запретили тотъ сортъ благотворительности посѣвителей, которая состояла въ безмѣрномъ пичканьи больныхъ всякою ѣдой. Послѣдствія этихъ нововведеній благодѣтельнымъ образомъ отозвались на дѣлѣ въ самомъ скоромъ времени: смертность уменьшилась въ нѣсколько мѣсяцевъ съ 25 на 13% съ сотни.

Hôtel Dieu, впрочемъ, и до нашего времени, даже до самой минуты его уничтоженія, оставался мрачнымъ и внушающимъ

невольное отвращеніе мѣстомъ. Изъ-за новыхъ приѣмовъ науки сквозили еще сотни такихъ, въ которыхъ видны были слѣды средневѣковыхъ преданій, подобно тому, какъ сложившій съ себя, въ старости, иноческій санъ монахъ и въ свѣтскомъ платьѣ сохранять навсегда свою поповскую манеру.

Проехавши черезъ вышеупомянутый главный подъѣздъ съ колоннами, вы вступали въ обширную переднюю, полъ которой былъ вымощенъ большими мраморными плитами, стѣны украшены портретами великихъ медиковъ и хирурговъ, научное образованіе которыхъ навсегда обезсмертило имя Hôtel Dieu. Здѣсь мѣсто приѣма всѣхъ, желающихъ поступить въ госпиталь, больныхъ; одни сидятъ на деревянныхъ скамейкахъ, другіе стоятъ прислонясь къ стѣнѣ, третьи еще лежатъ на носилкахъ. Въ одномъ мѣстѣ вы видите мертвенно-блѣдное, въ другомъ—совсѣмъ желтое или почернѣвшее, осунувшееся лицо; тутъ трясущійся въ лихорадочномъ припадкѣ больной, здѣсь раненый, стонущій или вскрикивающій отъ жестокой боли, а тамъ неподвижно, тупо, молча, какъ безжизненный трупъ, лежитъ совсѣмъ изувѣченный человѣкъ. Кто приходилъ туда совершенно одинокъ, кто въ сопровожденіи всхлиывающей матери, или утѣшающаго и ободряющаго брата, кто вмѣстѣ съ равнодушнымъ до скотства мужемъ или любовникомъ. При осмотрѣ больныхъ врачомъ, отъ котораго зависѣлъ ихъ приѣмъ, нѣкоторые въ это время, съ дрожью и волненіемъ, слѣдили за выраженіемъ его лица; другіе же оставались совершенно покойными или казались вполнѣ покорившимися ожидающей ихъ судьбѣ: они знали, что, поступаая въ госпиталь, они уже не выйдутъ изъ него.

Оставивши эту приемную, съ наполняющимъ ее жалкимъ, оборваннымъ народомъ, вы попадали въ цѣлый лабиринтъ переходовъ и лѣстницъ; однѣ вели въ низкій, сырой садъ, по тощей травѣ и между чахлахъ деревьевъ котораго, въ синихъ, изъ грубаго сукна сшитыхъ, больничныхъ халатахъ, этихъ мундирахъ смерти, еле двигались испитыя человѣческія фигуры; другія вели въ больничныя палаты, а прочія—въ допотопныя подземельныя камеры, носившія названія залъ для храненія и для вскрытія труповъ. Больничныя палаты были съ низкимъ потолкомъ, съ кирпичнымъ поломъ, на которомъ только кое-гдѣ была разостлана клеенка. Кровати стояли въ два, а по большей части, въ три ряда и на такомъ близкомъ разстояніи одна отъ другой, что больные могли доставать одинъ другаго рукою. Въ каждомъ залѣ, въ углу, на столѣ уже непремѣнно стояло распя-

тіе, украшенное цвѣтами или окруженное восковыми свѣчами, и бродила — большая жирная кошка, эта повсемѣстная любимица всѣхъ парижскихъ жителей. Неслышными шагами проходили между кроватями сестры милосердія, являясь иногда кроткими, ласковыми утѣшительницами и сидѣлками, но чаще всего — назойливыми проповѣдницами благочестія и отреченія отъ міра, или просто апатичными, толстыми, лѣнивыми бормотуньями молитвъ. Наконецъ, позади госпитальнаго флигеля, стоящаго по ту сторону небольшого рукава рѣки Сены и не предназначенная къ сломѣ, еще и въ настоящее время, посреди обширнаго двора, находится скромная, но въ чисто-готическомъ вкусѣ церковь, выстроенная въ тринадцатомъ столѣтіи, куда всѣ больные, которые только въ состояніи были вставать съ постели, непременно обязаны были отправляться каждое воскресенье къ обѣднѣ, если не хотѣли лишиться благоволенія сестеръ милосердія и подвергнуться потомъ разнымъ маленькимъ, но постояннымъ неприятностямъ.

Публика, собравшаяся смотрѣть на быструю ломку этого зданія рабочими, слѣдила за постепеннымъ его разрушеніемъ съ совершенно различными впечатлѣніями. Зажиточный буржуа съ любопытствомъ заглядывалъ въ эти мрачныя залы, гдѣ ему никогда не приходилось бывать; простой работникъ, которому, можетъ быть, нѣсколько разъ случалось лежать здѣсь больнымъ, смотря на эти, дѣлавшіяся все ниже и ниже, стѣны, вспоминалъ, какъ онъ по цѣлымъ часамъ, а иногда по цѣлымъ днямъ, стоялъ и мучился здѣсь въ бреду. Но во врачѣ пробуждались другаго рода воспоминанія объ Hôtel Dieu, гдѣ онъ провелъ лучшее время своего клиническаго образованія. Онъ вспоминалъ, какъ, будучи еще юнымъ студентомъ, онъ въ первый разъ, съ какимъ-то особеннымъ стѣсненіемъ сердца, съ смущеніемъ и любопытствомъ входилъ въ больничную палату. Все это было такъ дико для него и такъ сильно дѣйствовало на его воображеніе. Каждый, отдѣльно взятый, субъектъ изъ этихъ больныхъ, которые всѣ, молча и неподвижно, лежали въ своихъ кроватяхъ съ бѣлыми занавѣсками, представлялъ для него загадочную тайну, каждое вздрагиваніе казалось ему какимъ-то страшнымъ гіероглифомъ, значеніе котораго ему было непонятно. Съ какимъ, исполненнымъ удивленія, смущеніемъ смотрѣлъ онъ на профессора, который такъ легко, какъ будто мимоходомъ, прочитывалъ эти гіероглифы; какимъ безграничнымъ почтеніемъ прекисполнялся онъ къ ученому, который видитъ внутренней организмъ чловѣка насквозь, какъ въ стаканѣ воды! Впослѣдствіи, послѣ

того, какъ онъ приобрѣлъ нѣкоторую практику и привычку, больничная палата сдѣлалась для него въ высшей степени интереснымъ музеемъ, на каждой кровати онъ видѣлъ только олицетворенную иллюстрацію, приложенную къ какой нибудь главѣ курса патологiи; ему даже и въ голову не приходило, что передъ его глазами находилось страдающее, несчастное, думающее и чувствующее человѣческое существо; стоны доставляли ему наслажденiе, потому что они опредѣляли характеръ болѣзни; всякая судорога, всякая агонiя вызывала у него радостное восклицанiе, потому что онѣ наводили его на истинный путь при распознаванiи болѣзни; онъ приходилъ въ восторгъ передъ какимъ нибудь интереснымъ случаемъ и равнодушно относился къ обыденнымъ страданiямъ. Но не укоряйте въ черствости сердца этого юнаго, полного жизни, здороваго, краснощекаго и усердно занимающагося своимъ дѣломъ студента! Въ его года вообще такъ мало думаютъ о чужой болѣзни, когда у самого такой отличный аппетитъ и такой здоровый желудокъ, который можетъ переварить камни, а сонъ такой крѣпкой, что еслибы стали бомбардировать домъ, то ему навѣрно грезились бы въ это время звуки „Серенады“ Шуберта! А потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, когда этотъ неопытный ученикъ начиналъ свою медицинскую практику и впоследствии дѣлался хорошимъ врачомъ, съ какою любовью являлся онъ каждый день въ больницу и съ какимъ вниманiемъ отыскивалъ новыхъ пациентовъ, поступившихъ вечеромъ или ночью! Какъ гордился онъ, когда старшiй докторъ, при своей визитаци, подтверждалъ его диагнозъ, и какъ стыдно бывало ему, когда ему докажутъ, что онъ чего нибудь не замѣтилъ или вывелъ неправильное заключенiе! Въ то время его наблюдательность была уже на столько развита, что онъ въ научномъ объектѣ видѣлъ также человѣка и, рядомъ съ интересомъ къ клиническому дѣлу, въ немъ уже рождалось сожалѣнiе и сочувствiе къ больному: его уже не тѣшило, какъ прежде, удачное опредѣленiе болѣзни, онъ старался утѣшить и успокоить своего пациента. Однажды онъ нѣсколько дней настойчиво боролся съ опасною болѣзнию, но, наконецъ, смерть взяла свое и тогда онъ отправился въ залу для вскрытiя трупа, причемъ оказалось, что вовсе не нужно было такъ много усилiй съ его стороны и что слѣдовало взяться за дѣло гораздо проще; смерть, въ подобныхъ случаяхъ, всегда поступаетъ какъ фокусникъ, который, собравши деньги и обморочивши зрителей своимъ искусствомъ, рѣшается, наконецъ, объяснить имъ какую нибудь несложную шутку. Человѣкъ, не занимавшiйся специально

медициной, никогда не повѣритъ сколько волненій, сколько радостей, наслажденій и довольства собой испытываетъ врачъ въ мрачной, отвратительной, вонючей больничной палатѣ!

Старый Hôtel Dieu, который, уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, скрытъ до основанія и который для парижанъ, присутствовавшихъ при его ломкѣ, представлялъ собою только древній, курьезный, историческій памятникъ,—для меня, получившаго въ его клиникахъ основательное медицинское образованіе, имѣлъ значеніе лучшихъ, свѣтлыхъ и самыхъ счастливыхъ годовъ моей молодости...

Отель Друо.

Въ нѣсколькихъ шагахъ къ сѣверу отъ Boulevard des Italiens, гдѣ rue Rossini пересѣкаетъ rue Dropt, есть низенькое, прочной постройки зданіе, въ длинномъ кирпичномъ фасадѣ котораго сдѣлано нѣсколько широкихъ рѣшетчатыхъ воротъ. Наружныя стѣны этого зданія постоянно сверху до низу бываютъ покрыты сотнями пестрыхъ, наклеенныхъ на нихъ, бумажныхъ объявленій. Старья, смытая дождемъ и разорванныя вѣтромъ объявленія почти совсѣмъ исчезаютъ подъ новыми, прикрѣпленными къ нимъ кое-какъ, листьями, которые въ иныхъ мѣстахъ представляютъ собою цѣлые слои слипшейся бумаги. Черезъ рѣшетчатые ворота виднѣтся маленькій грязный дворъ, заставленный какъ попало всякою дрянью и заваленный цѣлыми кучами разнаго хлама и домашней утвари. Передъ этимъ домомъ вѣчно стоятъ цѣлые ряды тѣхъ гигантскихъ фуръ, которыя составляютъ своеобразную черту въ фizioноміи парижскихъ улицъ: неуклюжія, величиною съ Ноевъ ковчегъ, точно цѣлые дома съ платформами, утвержденными на осяхъ и колесахъ, въ родѣ тѣхъ громадныхъ передвижныхъ балагановъ, перевозимыхъ отъ одной ярмарки на другую, въ которыхъ даютъ свои представленія разные шарлатаны, фокусники и увротители звѣрей. Въ каждую изъ этихъ фуръ, служащихъ для перевозки мебели, запряжена пара сильныхъ нормандскихъ лошадей, одна передъ другой, а не рядомъ, какъ это вообще дѣлается у насъ. На тротуарахъ, противъ самаго зданія, праздно шатаются десятки рабочихъ въ голубыхъ блузахъ и комисіонеровъ съ жестяною бляхой на груди, для обозначенія ихъ ремесла. Отворенныя ворота, въ которыхъ непрерывно снуютъ люди взадъ и впередъ, похожи на отверстія улья, куда поминутно летаютъ пчелы во

время собиранія меда. То выступая медленною походкой, то быстро шагая, то съ пустыми руками, то крѣптя подъ тяжелую ношей, толпятся тутъ сотни людей, мужчинъ и женщинъ, савояровъ и овернатовъ въ воричневой бархатной или въ шерстяной синей курткѣ, а также и безузоризненно одѣтые свѣтскіе франты, съ неизбѣжною красною ленточкой въ петлицѣ. Это строеніе, составляющее тотъ притягательный пунктъ, къ которому стремится вся, видимая здѣсь, оживленная и пестрая смѣсь людей и экипажей, ничто другое какъ „Hôtel des ventes“ или, говоря короче, „Hôtel Drouot“ — главное мѣсто аукціонной продажи въ Парижѣ. Здѣсь ежедневно разыгрывается въ дѣйствительности прозаическая заключительная глава многихъ фантастическихъ романовъ; обломки каваго нибудь потерпѣвшаго крушеніе состоянія выкидываются здѣсь волнами жизни такъ же, какъ выкидываются морскими волнами обломки корабля на песчаный берегъ, гдѣ алчно ждетъ наживы сосѣднее разбойничье населеніе. Сколько людей, начавшихъ свое существованіе въ пышныхъ палатахъ, а потомъ тратившихъ свои деньги на оперныя ложи, экипажи, въ игорныхъ домахъ и въ „Cabinets particuliers du Café Anglais“, кончаютъ тѣмъ, что вещи ихъ продаются здѣсь съ молотка, такъ что вы найдете тутъ на выставкѣ дорогую, прекрасной работы, мебель, цѣнныя произведенія искусства и красивыя бронзовыя издѣлія, которыя свидѣлствуютъ о печальной переменчивости человѣческой судьбы и молча повторяютъ вамъ до тошноты пріѣвшуюся казенную мораль, что легкомысліе и расточительность ведутъ къ разоренію. Впрочемъ, не все поступающее сюда въ продажу есть слѣдствіе банкротства и конфискованнаго судебнымъ порядкомъ имущества. Здѣсь существуютъ аукціоны „argès décès“, „à cause du départ“ и „ventes à l'amiable“ — т. е., по случаю смерти владѣльца, по случаю отъѣзда и продажа по обоюдному соглашенію. Послѣдній способъ именно и составляетъ въ большинствѣ ловушку для доврчиваго покупателя, который, не имѣя понятія о дѣйствительной стоимости вещи, которую желаетъ купить, приходитъ сюда и воображаетъ, что можетъ приобрести здѣсь что угодно, чуть не даромъ. Мебельные торговцы, кунцы, торгующіе готовымъ платьемъ или художественными произведеніями, которымъ нужны чистыя деньги и товаръ которыхъ нейдетъ у нихъ успѣшно съ рукъ въ ихъ собственныхъ магазинахъ, привозятъ его въ „Hôtel Drouot“ и поручаютъ тамъ продать его съ аукціона. Въ числѣ присутствующей тутъ публики всегда найдется одинъ или два человѣка не-

опытныхъ, которыхъ легко поймать на эту удочку. Такой покупатель, напимѣръ, предлагаетъ цѣну, владѣлецъ товара тотчасъ даетъ большую; тогда покупатель, предполагающій въ этомъ доказательство цѣнности вещи, которая также понравилась другому, начинаетъ горячиться и быстро возвышаетъ цѣну; смекнувшій хорошую наживу, хозяинъ вещи, въ свою очередь, тоже надбавляетъ и когда видитъ, что цѣна уже достаточно высока, то перестаетъ торговаться; счастливый своимъ приобретениемъ покупатель, весь взволнованный, въ поту, такъ какъ аукціонъ происходилъ въ страшной давкѣ и духотѣ, наконецъ получаетъ такую вещь, которую онъ, безъ сомнѣнія, купилъ бы въ магазинѣ дешевле, имѣя и лучший выборъ и при гораздо большихъ удобствахъ, потому что вещь бесплатно была бы доставлена къ нему на домъ, между тѣмъ какъ на аукціонѣ онъ заплатилъ за нее чуть не двойную цѣну, да сверхъ того долженъ еще заплатить за перевозку ея въ себѣ. Смѣтливые парижане знаютъ эту уловку и потому входятъ между собою въ обоюдныя сдѣлки при повышеніи цѣнъ на аукціонныхъ продажахъ, устраиваемыхъ „*par autorité*“, т. е., съ разрѣшенія правительства; а добродушные провинціалы и неосторожные иностранцы весьма часто дѣлаются жертвами своей довѣрчивости и хитрыхъ уловокъ парижскихъ аферистовъ.

До обѣда, въ *Hôtel Droouot* не производится никакихъ аукціонныхъ продажъ, потому что тогда идетъ привозъ назначаемыхъ для аукціона вещей и увозятся тѣ, которыя были доставлены туда накануне. Съ ранняго утра до полудня ѣздятъ взадъ и впередъ фуры, работаютъ поденщики, таская и вытаскивая разныя вещи изъ подваловъ, ставятъ или вывозятъ ихъ на подвижныхъ платформахъ на дворъ, гдѣ посредствомъ гидравлической машины самые тяжелые предметы поднимаются, спускаются и ставятся ею безъ шума на свое мѣсто. Аукціонные комиссары суетливо бѣгаютъ туда и сюда; кучки любопытныхъ останавливаются на улицѣ передъ какою нибудь рѣдкою или замѣчательною вещью, во время переноски ея изъ фуры въ магазинъ, а между всею этою скученною массою лошадей, людей и вещей самаго разнообразнаго вида, проворно шныряетъ; одѣтый въ мундиръ и съ орденомъ въ петлицѣ, надзиратель, неумоимо раздающій во всѣ стороны приказанія, которыхъ никто не слушаетъ, и дающій всюду совѣты, которыхъ у него никто не спрашиваетъ.

Въ часъ пополудни на дворѣ зданія раздается громкій звонъ колокольчика; это сигналъ открытія аукціона. Съ этого

времени и до шести часовъ вечера во всемъ домѣ идетъ страшный гвалтъ, который слышенъ даже на улицѣ. Двадцать, иногда тридцать сильныхъ голосовъ, обязанныхъ перекричать гулъ шумящей и разговаривающей толпы, выкликають на всѣ тоны и лады, то густымъ басомъ, то самымъ скрипучимъ дискантомъ, разныя цифры, на которыя изъ публики смутно слышатся отвѣты; молотки глухо стучать по деревяннымъ столамъ; тяжелыя вещи передвигаются съ трескомъ и шумомъ, причемъ иногда упадетъ на полъ то стулъ, то со звономъ брякнется жестяное ведро или каминныя щипцы,—и всѣ эти звуки сливаются въ такой адскій концертъ, который въ нѣсколько минутъ способенъ совершенно оглушить человѣка. Во всѣхъ комнатахъ, во всѣхъ углахъ строенія происходитъ продажа: въ подвалахъ, на дворѣ, въ нижнемъ и въ верхнемъ этажѣ дома. П физіономія публики, самихъ продавцевъ и аукціонныхъ вещей тоже соответствуетъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ производится продажа.

Въ подвальныхъ складахъ и на дворѣ совершаются аукціоны „*rag autorité*“. Тамъ вы всегда встрѣтите пропасть посѣтителей, потому что правительство беретъ за назначенные имъ въ продажу предметы всякую предлагаемую цѣну, и мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ, какъ мундиръ одного венецуэльскаго генерала, весь вышитый золотомъ, соответственно вкусу этой тропической страны, и который, по своему великолѣпію, сдѣлалъ бы даже честь гардеробу средневѣковаго венеціанскаго дожа, былъ проданъ за восемь франковъ. Комнаты нижняго этажа почти исключительно заняты предметами, служащими для комнатнаго убранства. Аукціонныя залы раздѣлены перегородкой, которую составляютъ нагроможденные одинъ на другой, старыя деревянные ящики, на двѣ половины, одна часть которой предназначается для публики, а другая снизу до верха набита всякою мебелью, такъ, что тамъ едва хватаетъ мѣста для помѣщенія многочисленнаго аукціоннаго персонала, имѣющаго нѣсколько подраздѣлений, смотря по занимаемому имъ мѣсту. Во главѣ находится такъ называемый „*commissaire priseur*“, господинъ среднихъ лѣтъ, всегда весьма почтенной наружности, по большей части такого тѣлосложенія, которое заставляетъ предполагать, что онъ пользуется матеріальнымъ довольствомъ; голось у него сильный, взглядъ пронизательный, а въ рукѣ постоянно маленькій молотокъ, которымъ онъ стучитъ по столу всякій разъ, когда вещь уже остается за покупателемъ. Онъ обыкновенно сидитъ за высокою конторкой, а возлѣ него стоитъ „*clerc*“—писецъ, заносящій въ реестръ цѣну, вырученную про-

даже вещи. Позади загородки ходить, быстро поворачиваясь, как лев за желѣзною рѣшеткой своей кѣтки, главное дѣйствующее лицо въ этой коммерческой комедіи. Это собственно аукціонный продавецъ, способности котораго должны быть весьма разносторонни, а обязанность—въ высшей степени тяжелая. Прежде всего онъ долженъ обладать крѣпкими, неутомимыми легкими; онъ долженъ знать назначеніе и техническое названіе всевозможныхъ посудъ и аппаратовъ; съ самоувѣренностію и не краснѣя долженъ расхваливать никуда негодную дрянь; неустанно и зорко слѣдить за выраженіемъ лицъ сотни людей, чтобъ подмѣтить желаніе покупателя, прежде чѣмъ онъ успѣетъ его заявить, и тогда уже дѣйствовать соотвѣтственно обстоятельствамъ. Кромѣ того, тутъ находятся еще нѣсколько человекъ носильщиковъ, которые съ величайшею ловкостію переносятъ, поднимаютъ и переворачиваютъ самые громоздкіе шкафы и самые тяжелые „несгораемые сундуки“, какъ будто это были легкіе гутта-перчевые мячики, причемъ обязаны ставить эти предметы такъ, чтобъ они представлялись покупателю въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Сначала носильщики выдвигаютъ вещь, а потомъ ставятъ ее на столъ. Аукціонный продавецъ называетъ вещь, указывая съ разными варіаціями на ее по большей части мнимыя достоинства, и назначаетъ цѣну. Изъ публики тогда слышится отвѣтное предложеніе. Продавецъ и, сидящій за своею высокою конторкой, важный комиссаръ нѣсколько разъ повторяютъ послѣднюю цифру, поощряя къ повышенію цѣны; нѣсколько времени продолжавшіеся такимъ образомъ торги прекращаются, тогда раздается стукъ молотка, вещь убираютъ прочь и на мѣсто ея ставятъ другую. Случается иногда, что кто нибудь изъ носильщиковъ, которому надоѣстъ эта скучная процедура, назоветъ вещь раньше аукціоннаго продавца; тогда тотъ бросаетъ на виновнаго взоръ полный презрительнаго негодованія за такое непрошенное вмѣшательство въ его специальность и старается пристыдить его поправкой наименованія предмета. Если дерзкій носильщикъ назоветъ принесенную мебель „стуломъ“, то продавецъ уже непременно назоветъ ее „кресломъ“; если тотъ, подавая другую вещь, скажетъ: „металлическій каминный приборъ“, то тотъ, поправляя его, скажетъ: „литыя, бронзовыя каминныя принадлежности“, и т. д. Смѣлость и ловкость разговорныхъ приемовъ этихъ людей безспорно замѣчательны; но этого нельзя однако же сказать объ опрятности ихъ бѣлья, о чистотѣ ихъ платья. Впрочемъ, зачѣмъ же имъ дѣлать себѣ принужденіе или

входить въ излишнія издержки? Находящаяся передъ ними пуб-
лика еще неразличивѣ ихъ самихъ. Локоть къ локтю, голова къ
головѣ, сидитъ она, сжавшись на продавленныхъ соломенныхъ
стульяхъ, или стоитъ на грязныхъ деревянныхъ скамейкахъ,
причемъ каждый смотритъ съ глубоко вкоренившимся недо-
вѣріемъ на своего сосѣда, и потому, изъ опасенія, не вынимаетъ
руки изъ кармана, гдѣ вѣрно держится за свой кошелекъ.
Большинство публики состоитъ изъ присяжныхъ посѣтителей
аукціоновъ: лоскутниковъ и торговцевъ разными рѣдкостями,
не пропускающихъ ни одной аукціонной продажи, гдѣ они безъ
разбора покупаютъ все и когда продавецъ, доведя постепенно
цѣну сбываемаго имъ въ этой комедіи товара до послѣдней
крайности, уже рассчитываетъ барыши выгоднаго сбыта вещи, то
они, съ злорадствомъ гieny, предлагаютъ ему до смѣшного деше-
вую цѣну. Но, не смотря на то, до сихъ поръ еще существуютъ
такіе bona fide покупатели, которые убѣждены, что они могутъ
купить здѣсь за безцѣнокъ отличныя вещи. По большей части
подобныя личности встрѣчаются между рабочими, напримѣръ,
какой нибудь мастеровой, согласившейся жить вмѣстѣ съ своею
пріятельницей и порѣшившей съ нею завестись только самыми
необходимыми вещами для устройства общаго хозяйства. Въ
этихъ залахъ, получившихъ названіе „salles des punaises“—залъ
клоповъ, для всякаго хлама непременно найдется покупатель.
Чѣмъ свѣрнѣе, чѣмъ изношеннѣе, чѣмъ негоднѣе къ употреб-
ленію какая нибудь вещь, тѣмъ болѣе является охотниковъ ку-
пить ее. Старые матрацы, набитые соломой тюфяки и дырвыя
одѣяла, разсыпавшіяся кровати, безногіе стулья, сальные ку-
хонные горшки раскупаются на-расхватъ, какъ свѣже-испечен-
ный хлѣбъ; шкафы, зеркала и столовыя часы—уже рѣже нахо-
дятъ себѣ покупателей, а мебель „Boule“, или рѣзной работы съ
дорогою обивкой, почти никогда не имѣютъ сбыта, развѣ только
попадутся на глаза какому нибудь знатоку.

Но фizioномія залъ втораго этажа уже совсѣмъ другая.
Это аристократическій отдѣлъ въ „Hôtel Drouot“. Здѣсь про-
даются только дѣйствительно цѣнныя вещи и кто хочетъ идти
туда торговаться на нихъ—долженъ взять съ собою порядочный
запасъ денегъ. Всѣ находящіяся здѣсь вещи имѣютъ солидный или
оригинальный видъ. Здѣшній „Commissaire priseur“ носитъ высокіе,
туго накрахмаленные воротнички, которые, подпирая ему шею,
придаютъ важность его осанкѣ; аукціонный продавецъ одѣтъ
элегантно; носильщики—въ приличныхъ, однообразныхъ костю-
махъ; какъ помощникъ продавца фигурируетъ тутъ еще такъ

называемый „эспертъ“, который весьма бойко распоряжается всѣми техническими выраженіями, называя и классифицируя вещи совершенно непонятнымъ для всякаго непосвященнаго въ эти премудрости образомъ; публика здѣсь тоже вполне элегантная: вы видите разфранченныхъ кавалеровъ и дамъ; вмѣсто продавленныхъ соломенныхъ стульевъ и деревянныхъ скамеекъ подвального этажа, разставлены опрятные буковые стулья; тутъ не толкаются, не тѣсятся, не держатся за кошельки въ своихъ карманахъ, не кричатъ при надбавленіи цѣны, но ограничиваются только легкимъ наклоненіемъ головы, что служитъ знакомъ для аукціоннаго продавца, что цѣна увеличена на одну цифру.

Въ этихъ-то самыхъ залахъ происходятъ тѣ феноменальныя аукціоны, описаніемъ которыхъ занимается иногда вся европейская пресса и на которыхъ цѣны проданныхъ предметовъ доходятъ до такихъ баснословныхъ цифръ, что у какого нибудь честнаго труженника науки, живущаго въ маленькомъ городѣ, при описаніи этого, волосы становятся дыбомъ. Здѣсь продаются картины старыхъ мастеровъ и новѣйшихъ живописцевъ, за которыя лондонскій British Museum платитъ по 10,000 фунтовъ стерлинговъ; здѣсь за одинъ экземпляръ рѣдко находимаго изданія какой нибудь книги даютъ 10,000 франковъ; здѣсь любители рукописей, полиטיפажей, рисунковъ и гравюръ покупаютъ ихъ на-расхватъ, причемъ надбавка цѣны доходитъ до невѣроятныхъ вѣшей; здѣсь некрасивыя фарфоровыя тарелки, извѣденныя червяками рамы, заржавленное оружіе и пожелтѣвшія издѣлія изъ слоновой кости приобрѣтаются собирателями коллекцій дороже чѣмъ на вѣсь золота; богатство совершаетъ здѣсь настоящія оргіи расточительности, и если кому нибудь случалось нѣсколько разъ присутствовать при этомъ, тотъ невольно былъ пораженъ колоссальными, находящимися въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, состояніями, нажитыми трудомъ цѣлыхъ поколѣній въ счастливой Франціи, также какъ и страннымъ способомъ, употребляемымъ этими крезанами, чтобъ избавиться отъ излишка своихъ богатствъ. Глядя на все это, такъ и кажется, что, вѣроятно, золото имѣетъ свойство растяжимости пара, который, отъ сильнаго накопленія въ какомъ нибудь сосудѣ, непременно взорветъ его, если не открыть предварительно спасительный клапанъ. Безразсудныя и до глупости доходящія такого рода фантазіи людей, не знающихъ счета своимъ доходамъ, и представляются этими клапанами, посредствомъ которыхъ напирające

на нихъ своею тяжестью миллионы выбрасываются ихъ владыками какъ лишняя вещь.

Иногда заходятъ сюда на часокъ работники въ блузахъ и бѣдняки, не имѣющіе никакихъ занятій, конечно, не затѣмъ, чтобъ торговаться, а чтобъ посмотреть. Ихъ присутствіе вліяетъ устрашающимъ и стѣснительнымъ образомъ на аукціоннаго продавца, на комиссаровъ, на покупателей, но вѣдь выгнать этихъ людей нельзя и потому поневолѣ нужно сносить ихъ наблюдательные и непріязненные взгляды. „Экспертъ“ не осмѣливается уже смѣло и громко выкликать цѣну какой нибудь вещи, и, понизивши голосъ, говоритъ: „Желѣзный замокъ тринадцатаго столѣтія, десять тысячъ франковъ“, между тѣмъ какъ на него обращенъ взглядъ слесаря, который дѣлаетъ самъ не только не хуже, но даже лучше новые замки и получаетъ за свою работу не болѣе пяти франковъ въ день; а у любителя стариннаго фаянса уже не хватаетъ духа, чтобъ за сверновую, разбитую чашку предложить 30,000 франковъ, когда въ него грозно впился глазами человекъ, который, можетъ быть, сегодня еще ничего не ѣлъ, потому что у него въ карманѣ не было даже ни одного су, чтобъ купить хлѣба. Можетъ быть, планъ возстанія коммуны именно въ такую минуту впервые зашевелился въ головахъ подобныхъ озлобленныхъ зрителей и, можетъ быть, здѣсь въ чемъ нибудь возбужденномъ мозгу блеснула мысль сжечь Тюльери и Лувръ со всѣми ихъ сокровищами. Вотъ преимущественно въ какихъ мѣстахъ бѣдный пріучается болѣе всего ненавидѣть богатыхъ, и я посовѣтывалъ бы, въ видѣ весьма благоразумной предупредительной мѣры въ политической гигиенѣ, запретить входъ въ эти аукціонныя залы рѣдкихъ и дорогихъ вещей всякому, безъ исключенія, кто не представитъ удостовѣренія въ томъ, что онъ можетъ располагать 100,000 франковъ годоваго дохода.

Кофейни.

Англичане и американцы приходятъ въ неописанный восторгъ, когда зайдетъ рѣчь о парижскихъ кофейняхъ, воспѣвая хвалебные гимны этимъ заведеніямъ, которыя кажутся имъ самымъ лучшимъ, самымъ привлекательнымъ и самымъ оригинальнымъ изъ всего, что Парижъ представляетъ новаго для глазъ иностранца. Такой восторгъ, впрочемъ, весьма понятенъ. Въ англосаксонскихъ земляхъ обоюдныя людскія отношенія подчинены

правиламъ сухаго этикета; знакомство съ иностранцами начинается не иначе, какъ послѣ принятаго въ обществѣ формальнаго представленія, а до тѣхъ поръ обмѣнъ даже самыхъ пустыхъ словъ съ человѣкомъ незнакомымъ считается оскорбленіемъ чувства собственнаго достоинства; подобнаго рода законныя взгляды, конечно, нисколько не способствуютъ къ распространенію такихъ заведеній, въ которыхъ дается полный просторъ человѣческой общительности; немногія существующія тамъ общественныя заведенія, куда имѣетъ доступъ всякій, раздѣляются обыкновенно деревянными перегородками на множество маленькихъ кабинетовъ, въ которыхъ стоитъ только по одному столику, и потому тамъ существуетъ неприятное, почти враждебное изолированіе между посѣтителями всевозможныхъ тамопныхъ ресторановъ, залъ для чтенія и т. д. И вотъ, привыкшій къ такой замкнутости и къ особняку, англичанинъ или американецъ пріѣзжаетъ въ Парижъ и находитъ на всѣхъ улицахъ цѣлый рядъ кофейныхъ домовъ, гдѣ можно съ пріятною непринужденностью провести свое время, гдѣ иностранцы безъ всякой церемоніи подсаживаются другъ къ другу за одинъ столъ, потомъ, обмѣнявшись легкимъ поклономъ, вступаютъ въ непринужденный разговоръ, стараются обоюдно занять одинъ другаго и, наконецъ, послѣ болѣе или менѣе оживленной бесѣды, расходятся въ разныя стороны, чтобъ впослѣдствіи, можетъ быть, уже никогда не встрѣтиться другъ съ другомъ. Поэтому весьма естественно, что, въ виду такой свободной манеры обращенія, представляющей счастливую середину между отталкивающей замкнутостью и назойливой короткостью, иностранецъ чувствуетъ себя какъ бы совсѣмъ ожившимъ, вслѣдствіе чего не можетъ достаточно нахвалиться парижскими кофейнями и общительною, любезною привѣтливостью парижанъ, съ которыми такъ легко сойтись. Но въ послѣднемъ случаѣ онъ не совсѣмъ правъ. Такое ошибочное понятіе можетъ сложиться, впрочемъ, у всякаго поверхностнаго наблюдателя; но въ сущности съ парижанами не такъ легко сойтись. Парижанину, конечно, ничего не стоитъ вступить въ оживленный разговоръ съ первымъ встрѣтившимся на улицѣ, въ театрѣ или въ кофейнѣ человѣкомъ и онъ безъ всякаго затрудненія дойдетъ съ нимъ даже до извѣстной степени короткости; но онъ никогда не допуститъ кого нибудь переступить границы этой извѣстной степени. Короткость и близость знакомства у парижанъ все-таки соединены съ нѣкоторою осторожностью; онъ будетъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ на пріятельской ногѣ съ какимъ нибудь посѣтителемъ кофейни, пожалуй, дойдетъ даже до того,

что будетъ съ нимъ на ты; но въ существенныхъ пунктахъ своихъ убѣжденій и чувствъ, именно относительно матеріальныхъ и семейныхъ обстоятельствъ, онъ всегда будетъ говорить съ уклончивою холодною. Уважите мнѣ, много-ли найдется такихъ иностранцевъ, которые, познакомившись весьма скоро и легко съ какимъ нибудь случайнымъ, обѣденнымъ сосѣдомъ, перешедши потомъ къ обоюднымъ поклонамъ, отъ поклоновъ къ разговорамъ, отъ разговоровъ къ пожатію руки, отъ рукопожатія къ дружескимъ отношеніямъ съ парижаниномъ, — могутъ похвастаться тѣмъ, что были приглашены имъ къ себѣ въ домъ и были введены въ его семейство? Парижанинъ дѣлаетъ большое различіе между ни къ чему необязывающимъ уличнымъ знакомствомъ и дѣйствительно дружескими отношеніями; такъ что если онъ всегда готовъ съ предупредительностію на первое, за то почти никогда не допустить этого знакомаго переступить за порогъ его дома.

Но, возвращаясь опять къ парижскимъ кофейнямъ, я снова повторю, что не удивляюсь англичанамъ и американцамъ, которые восхищаются ими. Житель Вѣны, конечно, составитъ себѣ о нихъ совсѣмъ противоположное понятіе, такъ какъ не найдетъ въ нихъ многого, къ чему онъ привыкъ въ своихъ кофейняхъ. Въ этомъ отношеніи онъ человѣкъ избалованный. Вѣнскія кофейни не имѣютъ себѣ равныхъ; онѣ единственныя въ своемъ родѣ, превзойти ихъ невозможно, — скажу даже больше — совершенство ихъ положительно недостижимо: ни одна столица Европы не въ состояніи соперничать съ Вѣной относительно этого пункта, Парижъ точно такъ же, какъ и всѣ прочія. Какая своеобразная, полная жизненныхъ наслажденій атмосфера царствуетъ въ роскошной обстановкѣ вѣнскихъ кофеенъ! Какое множество газетъ! Какъ привѣтлива, проворна и предупредительна тамониня прислуга! Какой отпечатокъ изящности и опрятности лежитъ на каждой отдѣльной вещи! Какъ вкусно и какъ дешево все, что подносятъ тамъ! Относительно всего вышеприведеннаго, парижскія кофейни, даже самыя извѣстныя, далеко отстали отъ нихъ. Не спорю, что парижскія кофейни очень роскошны и богаты; тамъ нѣтъ недостатка ни въ зеркалахъ, ни въ позолотѣ; потолоки звездъ росписные, стѣны выложены мраморомъ съ бронзовыми украшениями; но въ отношеніи опрятности онѣ оставляютъ желать весьма многого и о комфортѣ тамъ позаботились очень мало. Мраморные столы только слегка вытираются, и весьма часто вы видите, что они покрыты засохшими пятнами отъ пролитаго кофе или какого

нибудь вина. На полъ насыпають слой опиловъ, толциною въ одну линію, пользу и цѣли чего я положительно не могу постигнуть. Эта удивительная настилка возобновляется по нѣскольку разъ въ день и уменьшается только отъ того, что каждый изъ посѣтителей уноситъ часть ея на своихъ сапогахъ и такимъ образомъ къ вечеру всё мѣсятъ ногами эту массу, заставляющую скользить подошвы входящихъ, что производить весьма неприятное ощущеніе во всякомъ непривычномъ человѣкѣ. Изъ самаго маленькаго пространства стараются извлекать какъ можно болѣе выгоды, что является уже неизбѣжнымъ слѣдствіемъ тѣсноты помѣщенія въ парижскихъ домахъ и вообще существующихъ тамъ высокихъ квартирныхъ цѣнъ. Столы поставлены всюду, гдѣ только представляется малѣйшая возможность какъ нибудь приспособить ихъ, такъ что посреди залы остается крошечное пространство для необходимаго прохода. Такое размѣщеніе столовъ даетъ только весьма немногимъ гостямъ возможность удобно пристроиться гдѣ нибудь въ уголѣ или у окна, а всё прочіе уже садятся кое-какъ за столы, разставленные по серединѣ комнаты, и гдѣ мимо ихъ то и дѣло снуютъ кельнеры и вновь входящая публика. Что же касается прислуги въ парижскихъ кофейняхъ, то она ужасна. Гарсоны, которые прислуживаютъ здѣсь не въ черныхъ фракахъ, какъ это принято вездѣ, а одѣты въ короткіе, едва закрывающіе бедра камзолы и въ длинныя, бѣлыя фартуки, до неувѣроятности дерзки; они нисколько не заботятся о незнакомыхъ, случайныхъ посѣтителяхъ: если послѣдній что нибудь спросить, то они отвѣчаютъ коротко, отрывисто, сухо, какъ бы нехотя, свозъ зубы; если велитъ подать себѣ чего нибудь, то очень долго не получаетъ требуемаго; а если начнетъ сердиться, то возбуждаетъ только насмѣшку надъ собою. Но если кто нибудь имѣлъ счастье, посредствомъ постоянного и щедрого «*roug-voige*», заслужить благосклонность гарсоновъ, то они дѣлаются до такой степени фамильярны, что это обращеніе приводитъ въ еще большее раздраженіе, чѣмъ ихъ невѣжество и неотесанная грубость. Говоря по совѣсти, я, послѣ почти трехлѣтней постоянной жизни въ Парижѣ, до сихъ поръ не возьму себѣ въ толкъ, какъ эти же самые парижане, которые по поводу малѣйшаго политическаго притѣсненія производить революцію, строить баррикады и низвергаютъ правительство, — могутъ безропотно и съ самоотверженною новорностью сносить постоянную тиранию кельнеровъ!

Порціи тамъ, по сравненію съ порціями, подающимися въ

кофейняхъ всѣхъ другихъ европейскихъ столицъ, не говоря уже про Вѣну, обыкновенно весьма недостаточны, даже положительно малы, а цѣны за нихъ берутся несоответственно высокія. Кофе и молоко разносятся обыкновенно въ двухъ отдѣльныхъ чайникахъ и наливаются поспѣтителю передъ его глазами. Этотъ способъ имѣетъ то преимущество, что поспѣтитель можетъ самъ назначить сколько чего налить въ его чашку, и ту невыгоду, что кофе и молоко всегда оказываются почти совсѣмъ холодными. Впрочемъ, кофе здѣсь не общеупотребительный напитокъ. (Замѣчательно, что хозяева кофейенъ на просто народномъ французскомъ языкѣ называются «limonadiers»). Пиво, разные водки и сиропы изъ ягодъ и плодовъ преобладаютъ надъ прочимъ. Здѣсь не заведено, чтобъ въ каждой кофейнѣ были также игорныя залы, какъ это существуетъ въ Вѣнѣ. Во многихъ кофейняхъ ихъ нѣтъ, такъ же какъ и биллиардныхъ комнатъ. Тѣ, въ которыхъ есть и то и другое, очень кичатся этимъ и не пропускаютъ случая, чтобъ возвѣстить объ этомъ въ разныхъ объявленіяхъ.

Но въ чемъ парижскія кофейни въ особенности много отстали отъ вѣнскихъ, такъ это въ количествѣ газетъ, предлагаемыхъ для чтенія поспѣтителямъ. Какъ далеко въ этомъ Парижу до Вѣны, гдѣ не щадятъ денегъ для выписыванія всѣхъ, не только издающихся въ Австріи, но и многихъ иностранныхъ газетъ; главные ежедневные органы выписываются въ количествѣ десяти или пятнадцати экземпляровъ, которые разложены по всѣмъ столамъ, и рядомъ съ политическими газетами, лежатъ даже научные еженедѣльные и ежемѣсячные журналы! Во всемъ огромномъ городѣ Парижѣ едва-ли найдется двадцать Cafés, въ которыхъ можно по преимуществу имѣть, кромѣ своихъ французскихъ, также иностранныя газеты, но въ этихъ исключительныхъ случаяхъ тамъ ограничиваются выписываніемъ какойнибудь одной англійской, одной французской и одной бельгійской газеты. Нужно прежде совершить цѣлое путешествіе, чтобъ найти испанскую, италіанскую или даже русскую газету, — и это въ такомъ городѣ, гдѣ во всякое время года находятся нѣсколько тысячъ испанцевъ, италіанцевъ и русскихъ. Впрочемъ, имѣютъ-ли даже право иностранцы жаловаться на такое къ себѣ невниманіе? Парижанъ съ ихъ собственною прессой постигаетъ не лучшая участь. Здѣсь не существуетъ ни одного Café, который выписывалъ бы всѣ мѣстныя газеты; большинство ихъ довольствуется выписываніемъ пяти или шести газетъ и то не болѣе какъ по одному экземпляру.

Поэтому парижскій Café, въ противоположность вѣнскому, не служитъ въ то же время и читальней. Тотъ, кто хочетъ читать парижскія газеты, отправляется или въ «Cabinet de lecture», подобіе которыхъ существуетъ въ двухъ — трехъ мѣстахъ, или покупаетъ себѣ листокъ, который желаетъ прочесть. Кофейня имѣетъ для него другое назначеніе: она служитъ ему рабочимъ кабинетомъ, приемнымъ салономъ, или дѣловою конторой. Здѣсь онъ пишетъ свои письма, бумагу и конверты для которыхъ онъ получаетъ даромъ; здѣсь онъ встрѣчается съ друзьями и знакомыми и устраиваетъ съ ними свои дѣла; здѣсь онъ принимаетъ и отдаетъ визиты, такъ что въ Парижѣ многія извѣстныя личности, депутаты, писатели, журналисты, художники, которые ведутъ нѣсколько не кочующій образъ жизни, а имѣютъ свою очень хорошо устроенную домашнюю обстановку, не смотря на то, не дадутъ никому своего другаго адреса, кромѣ того Café, который они всегда посѣщаютъ.

Многіе изъ парижскихъ Cafés пользуются всемірною извѣстностью и занимаютъ мѣсто въ политической и литературной исторіи Франціи. Кто не знаетъ Тортони, этого знаменитаго парижскаго Café на Boulevard des Italiens, съ солидною пышностію его убранства, съ его старыми «Gagçons», имѣющими строгій и полный чувства сознанія своего достоинства видъ судей, съ его непомѣрными цѣнами, существующими вслѣдствіе молчаливаго предположенія, что всякій, являющійся туда, посѣтитель, непременно долженъ быть «un grand seigneur». Тортони процвѣталъ уже во времена первой имперіи, начавъ еще тогда конкурировать съ Пале-Роялемъ, такъ что маршалы и герцоги той эпохи садились тамъ за мраморныя столики, вытягивая подъ ними свои ноги, обутыя въ длинные сапоги со шпорами. Во время реставраціи и въ періодъ іюльскаго королевства это было мѣсто сборища людей большаго свѣта. Въ эпоху второй имперіи онъ сумѣлъ оградить себя отъ наплыва двусмысленныхъ элементовъ, а въ настоящее время господства республики и демократіи — оно гордится своими консервативными преданіями. Здѣсь въ большомъ почетѣ клерикальныя и легитимистскія газеты, а республиканскія не имѣютъ сюда доступа. Посѣтитель напрасно сталъ бы спрашивать здѣсь „République française“, — „XIX-ème Siècle“ — „Temps“, — „Evénement“, — а о „Rappel“ уже и говорить нечего. Въ отвѣтъ на свой вопросъ кельнеръ, наморщивши лобъ, всегда скажетъ „что такого рода газеты“ здѣсь не выписываются. Если же содержатель Café и рѣшится иногда самъ заглянуть на страницы академическаго „Journal des

Débats“, гдѣ въ настоящее время тоже проявляются вредныя статьи, то, изъ уваженія къ его прежней безупречной репутаціи, постарается припрятать его куда нибудь подалеже. Съ этимъ комическимъ предубѣжденіемъ мирить, впрочемъ, то обстоятельство, что Тортони распространяетъ свою аристократическую исключительность не только на однѣ либеральныя газеты, но даже и на извѣстный женскій элементъ, который въ прочихъ бульварныхъ Cafés дѣлаетъ по вечерамъ невозможнымъ присутствіе тамъ приличной и честной женщины. У Тортони вы не встрѣтите ни одной двусмысленной личности. Дамы, которыя туда приходятъ, всѣ принадлежатъ „къ большому свѣту“ въ полномъ значеніи этого слова.

Въ „Café Riche“, находящійся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Тортони, назначаютъ другъ другу свиданія всякіе журналисты и биржевики. Большой и роскошный „Café Américain“ и „Grand café“ не имѣютъ своего исключительнаго характера, потому что посѣщающая ихъ публика почти всегда изъ иностранцевъ, живущихъ въ бульварныхъ отеляхъ. „Café de la Paix“ съ 4-го сентября есть главный сборный пунктъ бонапартистовъ. О причинахъ, заставившихъ ихъ выбрать это мѣсто для своихъ сходбищъ, одинъ изъ нихъ, именно Auguste Lerage, сочинитель самыхъ отвратительныхъ, полныхъ клеветы, пасквилей на республиканцевъ и авторъ богатой, приводимыми многознаменательными числами, монографіи парижскихъ кофеенъ („Les Cafés politiques et littéraires de Paris“), говорить слѣдующее: „Лучшаго мѣста какъ „Café de la Paix“ невозможно было придумать для нашихъ собраний. Находясь на углу площади новаго опернаго театра, окна этого заведенія обращены прямо на самое великолѣпное зданіе изъ всѣхъ, построенныхъ въ царствованіе Наполеона III.... Сбоку высится громадная масса построекъ Оперы. Напротивъ, съ другой стороны бульваровъ, открываются Avenue de Napoléon (называющаяся теперь Rue du 4 Septembre) и Rue de la Paix, выстроенная главой императорской династіи. Въ концѣ этой улицы Вандомская площадь, отсюда видѣется колонна, воздвигнутая въ память побѣды при Аустерлицѣ... Все въ этомъ кварталѣ пробуждаетъ воспоминанія о царствованіяхъ двухъ императоровъ; какъ бы инстинктивно и съ особеннымъ удовольствіемъ идутъ сюда гулять друзья и приверженцы двухъ Наполеоновъ, гдѣ толкуютъ объ исчезнушемъ величіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ о своихъ будущихъ надеждахъ“. Въ достопамятный вечеръ 14-го октября 1877 года, когда сдѣлались извѣстными результаты депутатскихъ выборовъ въ Парижѣ, Café de la Paix опустѣлъ со-

вершено; „друзья и приверженцы двухъ Наполеоновъ“ ушли изъ этого, полного дорогихъ для нихъ воспоминаній, квартала и скрылись куда-то въ другое мѣсто, чтобъ толковать о прошедшемъ и будущемъ. Но взволнованная публика тоже съ особеннымъ удовольствіемъ бросилась въ любимыя бонапартистами Cafés и огласила его стѣны громкими кликами въ честь республики.

Почти каждый изъ большихъ бульварныхъ театровъ, „Vaudeville“ и „Variétés“, „Gymnase“, „Ambigu“, „Renaissance“ и „Porte St. Martin“—состоитъ въ связи съ Cafés этихъ названій, гдѣ именно собираются актеры и авторы, пишущіе для вышеупомянутыхъ театровъ, и гдѣ неотвязчивые поклонники, какіе находятся у театральныхъ звѣздъ даже восьмой величины, постоянно ищутъ случая доказать свое обожаніе и преданность предложеніемъ завтрака или ужина. Между всѣми этими, перечисленными нами, Cafés, атмосфера которыхъ пропитана пылью и запахомъ закулисной жизни, находился, уже несуществующій теперь „Café de Madrid“, пользовавшійся самою большою извѣстностію въ послѣдніе года второй имперіи, во время осады Парижа и періода востанія коммуны. Тамъ-то именно собирались редакторы большихъ оппозиціонныхъ газетъ и вожаки радикальной партіи; общая ненависть къ имперіи соединяла тогда въ одномъ мѣстѣ совершенно различные элементы, какъ, напримеръ, Ж. Ж. Вейса, сдѣлавшагося потомъ однимъ изъ столповъ „нравственнаго порядка“ и Делеклюза, содѣйствовавшаго истребленію Парижа огнемъ. Можно почти безошибочно сказать, что начало возмущенія коммуны было положено въ „Café de Madrid“. Главными посѣтителеми его, кромѣ Делеклюза, были также: Ранеъ, Верморель, Разуа, Альфредъ Накэ, Рауль Ригб и Еудес. За рюмкой „Absynthe“ они выражали въ самыхъ рѣзкихъ словахъ свое озлобленіе противъ злодѣя, устроившаго 2-е декабря, и старались превзойти одинъ другаго въ самыхъ сумасбродныхъ планахъ для пересозданія государственнаго и общественаго строя. Болѣе умѣренные слушали, то съ удивленіемъ, то съ улыбкой, какъ эсальтированные демократы, съ разгорѣвшимися глазами и энергическими тѣлодвиженіями, неумоимо развивали свои, воспламеняющія мозгъ, теоріи, полагая, что все это лишь одни слова; но дальнѣйшія обстоятельства показали, что эти бѣшенныя рѣчи нашли себѣ буквальное примѣненіе. Пламя горѣвшаго дворца Tuilleries придало послѣ-объеденнымъ сборищамъ въ „Café de Madrid“ кровавое освѣщеніе. Участниковъ этихъ сборищъ постигла самая разнообразная участь. Одни изъ нихъ сдѣлались теперь членами государственнаго совѣта, префектами,

кавалерами ордена почетнаго легіона, а изъ другихъ—кто отправленъ въ ваторжныя работы, кто въ изгнаніи, кто бѣжалъ и заочно приговоренъ къ смерти, если не погибъ въ 1871 году на баррикадахъ и позднѣе не былъ поворно разстрѣлянъ на Plaine de Satogy. Какъ странно расходятся иногда человѣческіе пути, шедшіе прежде по одному и тому же направленію.

Особенное положеніе занимаетъ между парижскими кофейнями „Café Гросоре“, о которомъ мы уже упоминали прежде при описаніи Латинскаго квартала. Оно находится въ Rue de l'ancienne Comédie, той самой, получившей историческое значеніе, улицѣ, гдѣ прежде играла труппа Мольера до того времени, пока она не перешла въ домъ, который и до сихъ поръ принадлежитъ потомкамъ своего тогдашняго владѣльца. Онъ состоитъ изъ двухъ узкихъ, длинныхъ, низенькихъ залъ и еще другаго помѣщенія внизу, въ подвальномъ этажѣ. Тутъ вы не увидите ни бархатной мебели, ни позолоты на стѣнахъ, съ полинявшихъ обоевъ которыхъ смотрятъ закопченные портреты всѣхъ извѣстныхъ лицъ, Вольтера, д'Аламберта, Пирона, Жанъ-Жака Руссо, Мирабо. Великія воспоминанія, славныя преданія замѣняютъ здѣсь роскошь большихъ бульварныхъ Cafés и придаютъ старинной обстановкѣ помѣщенія привлекательность, какой не въ состояніи создать ни одинъ обойщикъ въ мірѣ. Во время депутатскихъ собраній Гамбетту часто упрекали тѣмъ, что онъ былъ постояннымъ посѣтителемъ „Café Гросоре“. Это дѣйствительно была правда, но ему нечего ея стыдиться. Въ хроникѣ, сообщающей о знаменитыхъ посѣтителяхъ этого Café, его имя слѣдуетъ за цѣлымъ длиннымъ спискомъ другихъ именъ, которыя звучали не только не хуже, но даже несравненно лучше его собственнаго: его имя выставлено въ концѣ перечня именъ: Вольтера, Руссо, Грессэ, Кребильона, Пирона, Дегуша, д'Аламберта, Мирабо и когда гарсонъ, поднося посѣщающимъ заведеніе студентамъ и профессорамъ „Absynthe“ или „Massagant“, вздумаетъ самодовольно похвастаться своимъ знакомствомъ, а въ иныхъ случаяхъ даже и пріятельскими отношеніями, съ замѣчательнымъ ораторомъ, то всегда при этомъ, въ видѣ легкаго разсужденія, прибавить: „Впрочемъ, господинъ Гамбетта еще не такой посѣтитель, которымъ мы могли бы всего болѣе гордиться. Вонъ видите тамъ въ углу мраморный столъ? За этимъ столомъ Monsieur de Voltaire (онъ уже всегда присоединить къ его фамиліи эту маленькую частицу) сидѣлъ каждый день въ продолженіи пятнадцати лѣтъ и здѣсь именно писалъ онъ письма къ своему пріятелю, прусскому королю“.

КЛУБЫ.

Хотя и не такую выдающуюся роль как кофейни, но зато болѣе существенную, играютъ въ парижской жизни такъ называемые „Cercles“, которые представляютъ собою французское подражаніе англійскимъ клубамъ; но каково удивительной характеристической перемены подверглось это произведеніе британской почвы, будучи перенесено на почву парижской общественной жизни! Лондонскій клубъ, когда не служитъ представителемъ какой нибудь частной спекулятивной дѣятельности, есть учрежденіе, имѣющее чисто нравственное назначеніе; для человѣка одинокаго или иностранца онъ замѣняетъ семейную жизнь, которой они лишены, и доставляетъ имъ всѣ удобства, какія въ состояніи дать только своя собственная домашняя жизнь; онъ соединяетъ людей, имѣющихъ одинаковое занятіе или одинаковыя воспоминанія въ своемъ прошедшемъ, въ одну искусственно созданную семью и сводитъ вмѣстѣ съ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ такихъ, между которыми одинаковыя воззрѣнія и стремленія устанавливаютъ родъ духовнаго родства и которые безъ этого благодѣтельнаго учрежденія никогда бы не встрѣтились, живя въ обширной столицѣ, при тѣхъ затрудненіяхъ, какія существуютъ въ Лондонѣ для того, чтобъ попасть въ тамошнее общество.

Гордость лондонскаго клуба составляютъ — читальная комната, въ которой можно найти большія газеты всѣхъ странъ, также какъ научные періодическіе органы печати на всѣхъ языкахъ, и его библіотека, на увеличеніе которой идетъ большая часть его доходовъ. Парижскій Cercle во всемъ диаметрально противоположенъ вѣятому имъ для себя серьезному образцу. Онъ не преслѣдуетъ никакихъ полезныхъ цѣлей; онъ выписываетъ весьма немного газетъ и весьма часто совсѣмъ не имѣетъ библіотеки; короче сказать, въ сущности, это ничто иное какъ разрѣшенный правительствомъ и скрывающійся подъ приличнымъ названіемъ — игорный домъ.

Игра — вотъ великая и главная цѣль парижскаго Cercle, и туда ходятъ только для того, чтобъ испытать возбужденіе нервовъ за зеленымъ столомъ и предаться совершенно картамъ. Каждый парижанинъ подверженъ роковой страсти ко всякаго рода азартнымъ играмъ, что представляетъ очень странную противоположность съ его всегда хладнокровно расчитывающимъ,

осторожнымъ характеромъ и съ его солидною дѣловой дѣятельностью. Пока существовали въ Гомбургѣ, Баденъ-Баденѣ и Висбаденѣ игорные дома, то большинство публики, тѣснившейся около рулетки, составляли парижане и безусловные подражатели всѣхъ парижскихъ обычаевъ—русскіе и румыны. Умершій недавно М. Вланс, оставившій своимъ дочерямъ въ наслѣдство восемьдесятъ милліоновъ, навѣрное три четверти этого капитала приобрѣлъ отъ своихъ соотечественниковъ, и на зеленыхъ столахъ Санъ-Карло и Монаво до сихъ поръ разсыпается преимущественно парижское золото. Этой несчастной страсти къ игрѣ парижскіе Cercles обязаны своей „vogue“, своимъ великолѣпіемъ и, можетъ быть, даже своимъ существованіемъ. Большая часть изъ нихъ не имѣетъ никакого опредѣленнаго направленія; они даже и не хвастаются служеніемъ какой нибудь положительной политической, экономической или социальной идеѣ и только, за весьма немногими исключеніями, являются представителями какой нибудь отдѣльной корпораціи. Къ этимъ исключеніямъ принадлежитъ Cercle des Mirlitons“, состоящій изъ общества живописцевъ и скульпторовъ, которые, для обозначенія художественнаго характера этого учрежденія, выбрали, впрочемъ, для него довольно странное названіе. Членомъ общества могутъ быть не одни только специалисты-художники, а всѣ величающіе себя названіемъ „любителей искусства“ и даже всякій достаточно образованный и не бывшій подъ судомъ человекъ. Нѣсколько разборчивѣе въ этомъ отношеніи другой художественный клубъ, называемый l'Union, который, подобно первому, имѣетъ исключительное право устраивать выставки произведеній своихъ членовъ и давать иногда такія Soirées, на которыя дамы не допускаются и гдѣ программа пѣнія и чтенія стиховъ говоритъ сама за себя и таковаго содержанія, что предназначается только для слушателей мужскаго пола. Впрочемъ, въ этихъ лишенныхъ всякой „pruderie“ вечерахъ принимаютъ участіе многія изъ первыхъ артистовъ парижскихъ театровъ, что весьма выгодно рекомендуетъ отсутствіе въ ихъ понятіяхъ всякихъ предразсудковъ. Кромѣ Union и Mirlitons есть еще нѣсколько Cercles, названіе которыхъ какъ будто указываетъ на корпоративный складъ, потому что они называются Cercle agricole, Cercle des Chemins de fer и т. д., но названіе тутъ собственно не причемъ, такъ какъ нисколько не относится къ профессіи его членовъ.

Самые знаменитые парижскіе клубы Jockey Club, Sporting-Club, Cercle Impérial и Cercle des Eclairours. Объ Jockey-Clubѣ

я не вижу необходимости распространяться слишком много. Характеръ его такой же, какъ въ лондонскихъ, берлинскихъ и вѣнскихъ клубахъ этого названія. Членами его состоятъ всѣ аристократы и дипломатическій корпусъ и, чтобъ быть принятымъ въ число ихъ, нужно принадлежать къ древнему роду; впрочемъ, теперь сдѣлана уступка духу настоящаго времени, такъ что миллионъ чистыми деньгами считается за предка, и большое помѣстье за старинный гербъ. Недостатокъ ума и политическаго значенія замѣняется тамъ новинизмомъ. Вѣроятно, всякій изъ читателей помнить недавній случай, какъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, онъ не принималъ въ число своихъ членовъ одного, недавно произведеннаго въ графское достоинство, новаго *attaché* австро-венгерскаго посольства, потому что онъ не находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ германскимъ посланникомъ. Случилось такъ, что этотъ неделикатный поступокъ получилъ очень скорое возмездіе. Черезъ нѣсколько недѣль въ Вѣну назначенъ былъ также во французское посольство новый *attaché*, который, желая остаться вѣрнымъ дипломатическимъ преданіямъ, хотѣлъ записаться членомъ въ австрійскій *Jockey-Club*, а этотъ, въ свою очередь, отказалъ французу, будучи очень радъ отплатить парижанамъ любезностью за любезность. *Sporting-Club* имѣетъ таковой же исключительный характеръ, какъ и *Jockey-Club*, но только безъ дипломатическаго элемента, и имѣетъ ту заслугу, что серьезно занимается коннозаводствомъ и устройствомъ бѣговъ для рысистыхъ и скаковыхъ лошадей. *Cercle Impérial* сначала проявлялъ политическія тенденціи, желая поддерживать идею бонапартизма. Въ настоящее время его оппозиціонное жало значительно притупилось и *Cercle Impérial* представляетъ собою только сборище эпикурейцевъ высшаго финансоваго міра, которые слишкомъ большіе свептиги и слишкомъ презираютъ все человѣчество, чтобъ стали одушевляться какою-бы то ни было идеей и находить интересъ въ чемъ нибудь другомъ, кромѣ роскошныхъ формъ очаровательной балерины, вкусно приготовленнаго фазана или питія шампанскаго самыхъ первѣйшихъ сортовъ. Банкиры Камондо, Альфонъ, Опенгеймъ, Бишофсгеймъ, Кенигсвартеръ и т. п. составляютъ тутъ свою партію и сообщаютъ одинъ другому эротическую хронику Парижа. Здѣсь самая главная биржа, гдѣ устанавливается курсъ на продажныхъ красавицъ, и репутація, составленная въ *Cercle Impérial* для дебютантки на этомъ «поприщѣ» парижской жизни, имѣетъ для нея значеніе всего, что только можетъ пожелать камелія, пока не владетъ въ поѣтическую ча-

хотку, а именно: своего отеля, купе, лавеевъ, брилліантовъ и рентъ. Cercle des Eclairéurs посвящается такими же любящими пожить людьми, которые не такъ богаты, какъ ихъ конкуренты въ Cercle Impérial, но которые ставятъ себѣ въ большую заслугу, что не хвастаются своими подвигами. Les éclairéurs играютъ въ такую же большую игру и имѣютъ такихъ же дорого стоящихъ любовницъ, какъ и биржевые бароны Cercle Impérial, но катастрофы между ними случаются гораздо чаще.

Въ противоположность лондонскимъ клубамъ, парижскіе Cercles почти никогда не имѣютъ собственного дома, а помещаются въ наемной квартирѣ. Самые большіе изъ нихъ находятся на Boulevards des Italiens и des Capucins, на Place Vendôme и въ Rue de la Paix, слѣдовательно въ самой аристократической части города. Роскошь въ нихъ господствуетъ баснословная: дорогіе ковры устилаютъ всѣ лѣстницы съ самой первой ступеньки, артистическая мебель, картины, статуи, бронзы, превосходнѣйшій фарфоръ, серебряныя столовыя принадлежности, шелковые или кожаные обои на стѣнахъ,—составляютъ такое убранство, какое найдешь не во всякихъ царскихъ покояхъ. Цѣлый полкъ лавеевъ въ изящныхъ ливреяхъ наполняетъ прихожія, имѣющія видъ большихъ галлерей. Разнаго рода ливеры, фруктовые сиропы и эссенціи предлагаются членамъ бесплатно; въ туалетной комнатѣ разложены по всѣмъ столамъ самыхъ тончайшихъ запаховъ мыла, помады и духи, безъ всякаго контроля и ограниченія. Понятно, что для прислуги это составляетъ предметъ недозволеннаго обогащенія, въ особенности когда узнаешь, что Cercle Impérial тратитъ по представляемымъ счетамъ на одни только туалетныя принадлежности и на прохладительныя напитки ежегодно отъ 30 до 35,000 франковъ.

Хотя прибыль отъ членскихъ взносовъ доходитъ въ самыхъ большихъ Cercles до суммы полумилліона франковъ, но существовать единственно этими источниками опредѣленной цифры доходовъ не можетъ положительно ни одинъ парижскій клубъ. Они вообще рассчитываютъ на чрезвычайные случаи доходовъ, доставляемыхъ игрою и которые значительно превышаютъ ежегодную сумму членскихъ взносовъ. Въ каждомъ Cercle, кромѣ членовъ, которые пріѣзжаютъ туда, чтобъ поиграть въ карты по маленькой и поболтать другъ съ другомъ, есть еще цѣлая группа отчаянныхъ и пользующихся не совсѣмъ хорошою славою игроковъ, которые въ теченіе цѣлаго года каждый вечеръ являются туда и усаживаются постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ за зеленымъ столомъ. Эти личности играютъ всегда между

собою или преимущественно съ посторонними посѣтителями, которые просятъ кого нибудь изъ членовъ ввести ихъ туда, чтобъ попробовать счастья въ картахъ. Вся эта группа то выигрываетъ, то проигрываетъ, но проигранныя деньги, впрочемъ, всегда выплачиваются исправно; когда же, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, сводятся общіе счеты, то вся компанія оказывается въ значительномъ проигрышѣ. Самые разсудительные и болѣе осторожные изъ нихъ ретируются, другіе совсѣмъ развораются и уже не въ состояніи принимать участія въ общей игрѣ, а третьи стараются попасть въ другой Cercle, въ ожиданіи найти тамъ чей нибудь нестоимый кошелекъ, посредствомъ котораго они могли бы опять продолжать игру. Но куда же дѣвались суммы, проигранныя всѣми и которыхъ однакожъ никто не выигралъ? Объяснить это можно весьма просто. Онѣ всѣ перешли въ кассу Cercle, который обогащается состояніемъ своихъ разворившихся членовъ хотя медленно, но вѣрно, постепенно и непрерывно. Нѣкоторые Cercles, гдѣ прежде велась большая игра, скопили этимъ способомъ такія большія суммы, что они теперь владѣютъ весьма крупнымъ капиталомъ, обращеннымъ во французскія ренты и процентами котораго они окупаютъ всю ту роскошь, для поддержанія которой недостаточно было бы однихъ членскихъ взносовъ. Запасшись такимъ солиднымъ положеніемъ, клубъ вдругъ дѣлается строгимъ блюстителемъ нравственности и положительно запрещаетъ въ своихъ залахъ всѣ азартныя игры, а въ иныхъ случаяхъ даже всякую карточную игру. Нужно, впрочемъ, добавить, что тѣ немногіе Cercles, которые такъ высоко поставили себя, что не допускаютъ игры, весьма рѣдко приобрѣтаютъ вновь поступающихъ членовъ.

Существуетъ общеизвѣстный фактъ, что всѣ игроки до смѣшного суетѣры. Одинъ полагаетъ, что долженъ непременно выиграть, если сниметъ съ себя сапоги; другой думаетъ, что онъ застрахованъ отъ проигрыша тѣмъ, если является въ клубъ въ скверномъ, заштопанномъ, даже изорванномъ платьѣ; третій—обращаетъ большое вниманіе на форму носовъ своихъ партнеровъ, и т. д. Такія дикія фантазіи уважаются въ Cercles наравнѣ съ догматами общепринятой государствомъ религіи, такъ что васъ не должно удивлять, если, вошедши въ игорную комнату какого нибудь извѣстнаго клуба, вы увидите обвѣшаннаго орденами господина сидящимъ за карточнымъ столомъ въ однихъ носкахъ, а партнера его, одѣтаго въ элегантный сюртукъ,—съ засаленнымъ, выносившимся и какъ будто выкопаннымъ изъ самыхъ грязныхъ, пыльных *aggrèe-boutique* Тампля, жилетомъ.

Въ одномъ Cercle второго разряда, на Boulevard Montmartre, нужно было, въ теченіе одного мѣсяца, три раза мѣнять убранство игорной комнаты; въ первый разъ, одинъ изъ членовъ объявилъ, что гримаса бронзоваго, стѣннаго канделябра, изображавшаго лицо фавна, приноситъ ему несчастье; въ другой разъ, цѣлая группа игроковъ единогласно протестовала противъ золоченнаго каминнаго украшенія, говоря, что блескъ бросающагося въ глаза золота навѣрное доведетъ играющихъ до окончательнаго раззоренія; въ третій разъ, по той же самой причинѣ, изгнанъ былъ большой подсвѣчникъ. Директоръ клуба, соотечественникъ Вольтера, и не подумалъ смѣяться надъ этими, стѣснительными для него, требованіями, а, напротивъ, принялъ это замѣчаніе съ подобающимъ вниманіемъ, позаботившись, въ самомъ скорѣйшемъ времени, помочь общему горю. Всякому извѣстно, въ какой степени бываетъ щекотливъ всякій французъ относительно невниманія къ заявленію, сдѣланному его собственною особой. Сколько дуалей, окончившихся убійствомъ одного изъ участниковъ, произошло единственно вслѣдствіе такой пустой причины, какъ напримѣръ, если кто нибудь, проходя мимо другаго, нечаянно задѣлъ за читаемую имъ газету и потомъ не извинился въ этомъ! А между тѣмъ, если въ Cercle кто либо изъ игроковъ, безъ всякой церемоніи, скажетъ, подошедшему къ столу, постороннему зрителю: „Милостивый государь, я не желаю, чтобы вы стояли во мнѣ, потому что вы приносите мнѣ несчастье!“, то зритель отойдетъ прочь, безъ всякихъ возраженій, нисколько не обидится за грубость, обращенную къ нему, слова и не сочтетъ ихъ за невѣжливость. Суевѣрныя предразсудки оправдываютъ всякую грубость игрока въ глазахъ записнаго клубнаго посѣтителя. Впрочемъ, если въ этомъ пунктѣ всѣ относятся къ игроку съ величайшею снисходительностію, то, съ другой стороны, требуютъ отъ него присутствія такого герояма, какого индѣйское племя требуетъ отъ воина, которому предстоитъ пытка быть посаженнымъ на колъ. Игрокъ долженъ уметь переносить свое несчастье съ хладнокровіемъ, если онъ даже теряетъ все состояніе. Горе тому, кто, въ подобномъ случаѣ, выкажетъ негодованіе, волненіе или, что всего хуже, отчаяніе! Его презираютъ, надъ нимъ смѣются; глядя на него, пожимаютъ плечами. Но если онъ, даже при окончательномъ раззореніи, сохранитъ хладнокровіе и самообладаніе, о, тогда онъ можетъ быть увѣренъ, что возбудитъ въ себѣ всеобщее удивленіе. „C'est un beau joueur!“ говорятся

тогда, и это самый величайший комплимент въ устахъ посѣтителя клубовъ.

Пользующійся большою извѣстностью журналистъ, нѣмецкаго происхожденія, которому его талантъ доставилъ первое мѣсто въ парижской прессѣ, представляетъ собою типъ такого „beau joueur“. Недавно онъ проигралъ 400,000 франковъ и при этомъ даже не моргнулъ глазомъ. Въ этомъ проигрышѣ заключалось все его состояніе, до послѣдняго сантима. Члены посѣщаемого имъ Cercle никогда въ такой степени не восторгались его прелестными фельетонами, какъ его героизмомъ, съ какимъ онъ перенесъ свою „deveine“. А, напротивъ, другой молодой человѣкъ, изъ очень знатной фамиліи, второній, проигравши, въ апрѣлѣ 1877 года, въ одну ночь 352,000 франковъ, подъялъ такой шумъ, что Cercle былъ закрытъ прибѣжавшею полиціей, возбуждаетъ съ тѣхъ поръ въ себѣ общее презрѣніе и не можетъ записаться членомъ ни въ одинъ клубъ, потому что его нигдѣ не принимаютъ.

Въ атмосферѣ Cercles развиваются свои особенные типы. Это типъ гарсона, который, въ то же время, и ростовщикъ, дающій игрокамъ деньги въ займы за страшные проценты. Такой гарсонъ ссужаетъ часто въ вечеръ 10, 20, даже иногда 30,000 франковъ. Откуда беретъ онъ, въ своемъ положеніи, такія огромныя суммы? Ну, это весьма щекотливый вопросъ. Многіе утверждаютъ, будто гарсонъ, въ большинствѣ случаевъ, просто подставная личность, за которою скрывается какой нибудь капиталистъ, состоящій членомъ этого самаго клуба и который, при своей пожилой, красивой и полной чувства собственнаго достоинства физиономіи, считаетъ вполне совмѣстимымъ, черезъ посредство гарсоновъ, обчищать своихъ клубныхъ товарищей. Гарсоны этихъ Cercles обмененно оставляютъ свою службу и дѣлаются зажиточными gentiens, а замаскированнымъ ростовщикамъ также живется не плохо. Но еще опаснѣе дающаго въ займы деньги гарсона, такъ называемый „Gtes“, шулеръ, котораго можно весьма часто встрѣтить даже въ самыхъ знаменитыхъ клубахъ. Замѣчательно, впрочемъ, то, что этотъ сортъ искуателей приключеній, о которыхъ здѣсь выражаются деликатными словами, что они „пытаютъ счастье“, не внушаетъ къ себѣ особеннаго презрѣнія, а, напротивъ, возбуждаетъ удивленіе. Ихъ, разумѣется, не допускаютъ въ свой Cercle, но ими интересуются, что уже, само по себѣ, заставляетъ предполагать къ нимъ нѣкотораго рода снисхожденіе. Чтобы быть въ полномъ смыслѣ „Gtes“, нужно обладать мно-

жествомъ замѣчательныхъ качествъ, какія въ одномъ человѣкѣ соединяются не часто. Онъ долженъ имѣть большую ловкость и проворство въ рукахъ, изящныя манеры, безукоризненную элегантность туалета, громкое имя, по возможности, носить въ петличкѣ сюртука нѣсколько орденскихъ ленточекъ, безъ чего почти немислимо примѣненіе въ Парижѣ, хотя бы на одинъ часъ, рискованнаго ремесла фальшиваго игрока. Искусный „Grec“ почти нивогда не попадаетъ явно въ своемъ мошенничествѣ. Замѣчаютъ только, что ему везетъ ненатуральное счастье и перестаютъ играть съ нимъ. Это служить для него знакомъ, что онъ долженъ искать другаго поприща для своей дѣятельности. Если же онъ окажется на столько неловкимъ, что попадетъ въ подтасовкѣ или передергиваніи картъ, то и тогда, по возможности, стараются избѣгать скандала. Вѣдь только въ мелодрамахъ случается, что руву шулера прикалываютъ къ столу кинжаломъ. Въ парижскомъ Cercle довольствуются лишь тѣмъ, что скажутъ ему, сопровождая свои слова вѣжливымъ поклономъ: „Милостивый! государь, вы ошибаетесь, ваше мѣсто не здѣсь!“ на что „Grec“ отвѣчаетъ такимъ же вѣжливымъ поклономъ и ретируется къ выходной двери. Вотъ и все! Если же у него есть пріатели, то его, въ этотъ же самый вечеръ, введутъ въ другой Cercle и такимъ образомъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока онъ перебивается во всѣхъ Cercles, на что нужно, по крайней мѣрѣ, нѣсколько лѣтъ времени.

Отъ такихъ учрежденій, единственную цѣль которыхъ составляетъ безумно-большая игра, разумѣется, нельзя ожидать, чтобы ихъ директоры были строгіе моралисты. Но, въ сущности, недобросовѣстность вллубныхъ директоровъ доходить до таковой непопозволительности, какую трудно даже предположить въ виду состава посѣтителей этихъ заведеній, которые всѣ принадлежать къ лучшему обществу. Издатель „Figaro“, Вильмессанъ, извѣстный карточный игрокъ и членъ нѣсколькихъ первостатейныхъ Cercles, напечаталъ, 11-го апрѣля 1877 года, по поводу этого весьма замѣчательное письмо, которое освѣщаетъ жизнь парижскихъ клубовъ ярче, чѣмъ могли бы передать это цѣлые томы книгъ. Анонимный, но, повидимому, отлично знаемый съ тамошними порядками, корреспондентъ пишетъ въ листокъ господина Вильмессана слѣдующее:

„Когда вы заговорите о какомъ нибудь Cercle, то вы предполагаете, что вамъ придется говорить только объ игрѣ. Клубы имѣютъ еще свои особенныя, сокровенныя стороны, изученіе которыхъ не менѣе интересно. Я, безъ всякаго порядка и послѣ-

РЕДАКЦІЯ „РУССКОЙ РѢЧИ“

С.-Петербургъ, Прачешный переулкъ, 5.

Журналъ «Русская Рѣчь» выходитъ въ С.-Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, ежемѣсячно, книжками отъ 20 до 30 листовъ.

Подписная цѣна на годъ:

безъ доставки	15 р.
съ доставкой	16 »
съ пересылкой	17 »
За границу: въ Европу	} 18 »
Сѣверную Америку и Египеть	

Въ прочія мѣста—по соглашенію съ Редакціей.

Допускается разсрочка платы по третямъ:

	При подпискѣ	къ 1 Маю.	къ 1 Сентябрю.
безъ доставки	7 р.	5 р.	4 р.
съ доставкой	8 »	5 »	4 »
съ пересылкой	9 »	5 »	4 »

Отъ Редакціи.

Редакція отвѣчаетъ вполне за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы журнала и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые получили билеты или выслали подписную сумму по почтѣ въ Редакцію «Русской Рѣчи» съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія, уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣста жительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к. и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію и притомъ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются только тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложить къ подписной суммѣ 16 к. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ А. Назрепкій.

Главная Контора «Русской Рѣчи»

Максимальновскій переулкъ, 14.

1879

УСКРАМ

ПЫЕ.

АНРЕД

Digitized by Google

№ 1224 ж. д.

М

1900

P-89

РУССКАЯ РѢЧЬ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

P8-9

ОВЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ РѢЧЬ“.

Журналъ „РУССКАЯ РѢЧЬ“ выходитъ въ С.-Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, ежемѣсячно, книжками отъ 20 до 30 листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

безъ доставки	15 р.
съ доставкой.	16 ›
съ пересылкой	17 ›
За границу: въ Европу,	} 18 ›
Сѣверную Америку и Египеть	

Въ прочія мѣста—по соглашенію съ Редакціей.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ ПО ТРЕТЯМЪ:

	При подписѣ.	въ 1 Мая.	въ 1 Сентября.
безъ доставки	7 р.	5 р.	4 р.
съ доставкой	8 ›	5 ›	4 ›
съ пересылкой	9 ›	5 ›	4 ›

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы журнала и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые получили билеты, или выслали подписную сумму по почтѣ въ Редакцію „Русской Рѣчи“ съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія, уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣста жительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к. и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію и притомъ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, причемъ, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, жалоба должна быть заявлена не позже какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются только тѣмъ изъ иногородныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 16 к. почтовыми марками.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

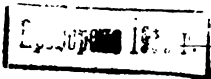
КНИГА 4-я. — АПРѢЛЬ 1879.

	Стр.
• I. ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ УЧИТЕЛЯ.—А. Истомина	1
II. КАРТИНЫ МИНУВШАГО.—II.—Стихотвореніе.—Н. А. Вроцкаго.	28
III. НЕНАСТЬЕ.—Романъ.—Часть 3-я.—А. Б.	30
IV. ALTER ERGO.—Стихотвореніе.—А. Фета	79
• V. БАЗАРНЫЙ ДЕНЬ ВЪ БАРНОВѢ.—Очерки нравовъ въ восточ- ной Галиціи.—(Переводъ съ нѣмецкаго).—К. Э. Францоza	80
VI. ПОСЛѢДНЯЯ СЕРЕНАДА.— Стихотвореніе.—Александра Ар- сеньева	122
• VII. ВНѢШНЯЯ ТОРГОВЛЯ РОССИИ ВЪ 1876, СЪ СРАВНИТЕЛЬ- НЫМЪ ОБЗОРОМЪ ЭТОЙ ТОРГОВЛИ ЗА 20 ЛѢТЪ.—I-V.— Ө. Журова	124
• VIII. НУЖДЫ РУССКАГО НАРОДА.—(Окончаніе).—И. Кашнирова	150
IX. ОЧЕРКИ ИСТОРИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ.—IV.— Химія.—Л. Н. Попова	175
X. ШИРЪ-АЛИ И ЕГО ОТНОШЕНІЯ КЪ АНГЛІИ.—I.—1863- 1868 гг.—М.	204
XI. ИСТОЧНИКИ ЗЕМСТВА.—Дѣятельность Полтавскаго земства.— Н. Шлейснера	230
XII. БРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ.— Очеркъ обычнаго права.—I-II.— Игоря Тютрюмова	270
XIII. О ВОЗСТАНОВЛЕНІИ ЦѢННОСТИ БУМАЖНЫХЪ ДЕНЕГЪ ВЪ СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ.—(Про- долженіе).—А. Крас.....ова	295

XIV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Послѣдствія чумы.—Распространеніе въ народѣ печатныхъ брошюръ по части гигиены и санитарныхъ мѣръ.—Рыбный и соляной вопросы.—Устройство сельско-хозяйственныхъ училищъ и школъ.—Общинная или артельная обработка крестьянскихъ угодій.—О конокрадствѣ и потравѣ скота—Новый кувштокъ желѣзнодорожныхъ обществъ.	1
XV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.—Россія и Китай.—В. П.	30
XVI. НАУЧНАЯ ХРОНИКА.—Въ области прикладнаго знанія: источники электрическаго свѣта и современное состояніе вопроса объ электрическомъ освѣщеніи.—Эльпе	41
XVII. ПО ПОВОДУ ТЮРЕМНОЙ РЕФОРМЫ.—Н.	56
XVIII. ОТЪ РЕДАКЦИИ	72

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

XIX. ИЗЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЙ СТРАНЫ МИЛЛІАРДОВЪ.—(Продолженіе).—Нордау. (Переводъ съ нѣмецкаго)	113
--	-----

05
p-89

РУССКАЯ РѢЧЬ

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И НАУКИ.

Апрѣль, 1879.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Литер. Лесная, 3

←OK→

№ 1224 ж. ф

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Редакція „Русской Рѣчи“: { Главная Контора журнала:
Прачешный пер., № 5. } Максимилиановскій пер., № 14.

1879.

Digitized by Google

1904

4-2217

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ УЧИТЕЛЯ.

Стужа была невыносимая. Снѣгъ шелъ большими хлопьями. Мятель, сопровождаемая свистомъ вѣтра, такъ сильно крутила и вила снѣжные столбы, что глаза слѣпли, а всякій новый предметъ, попадавшій на улицу, въ пять минутъ покрывался бѣлою снѣжною пеленой...

Былъ конецъ февраля, недѣлю спустя послѣ масляницы. Въ этотъ ураганъ, случившійся совершенно невзначай, пришлось мнѣ выѣхать въ путь изъ маленькаго уѣзднаго городка сѣверной Россіи, гдѣ судьба привела мнѣ давать уроки въ училищѣ. И жилъ я въ этомъ краю, какъ и ѣхалъ въ путь въ ужасную мятель, по своей доброй волѣ.

Я давалъ уроки въ училищѣ, гдѣ кромѣ меня были: смотритель, сѣдой ревматическій холостякъ, безобразный ханжа и въ то же время неистощимый рассказникъ пикантныхъ и скабрзныхъ анекдотовъ; учитель „россійскаго языка“, едва подписывавшій свою фамилію, сыто и гладкооткормленный Лука Лукичъ, скряга до смѣшнаго и скучный проповѣдникъ ненавистной для насъ, молодежи, экономіи; третій мой товарищъ былъ тощій, какъ выѣзжанная вляча, „учитель искусствъ“, какъ мы въ гимназіи величали учителя чистописанія и рисованія. Этотъ постоянно хвасталъ, какъ онъ „чуть не“ получилъ ученой степени въ академіи художествъ, какъ разъ „чуть не“ попалъ въ смотрители училища, какъ однажды его „чуть не“ посѣтилъ проѣзжавшій мимо городка министръ, и все это передавалось въ пятый, въ десятый разъ съ тѣмъ же страстнымъ прицельиваніемъ языкомъ и энергическимъ подмигиваніемъ: знай де, кто я такой.

Это тріо составляло чуть не все мое знакомство въ уѣзд-

ной глуши, въ глуши столь жалкой, что городъ, имѣя клубъ для карточной игры, не имѣлъ библіотеки, не говоря уже о другихъ признакахъ недобравшейся до него цивилизаціи. Горько и жутко становится въ этомъ омутѣ одинокому человѣку, встрѣчающему какія-то двуногія существа особенной, доселѣ незнакомой ему, породы.

Уроки мои въ школѣ шли удачно, но я не могъ привыкнуть къ системѣ воспитанія. Большинство учениковъ, дѣти мѣщанъ городка, оборванные и дикіе уличные мальчишки, какъ поступали, такъ и выходили дикарями въ нравственномъ и даже во внѣшнемъ отношеніи, въ отношеніи наружности и привычекъ. Смотритель постоянно все прощалъ и забывалъ. „Учитель искусствъ“ расправлялся иногда съ шалунами линейкою, но изъ-подтишка. За то Лука Лукичъ дѣйствовалъ открыто. Часто, отдыхая между уроками въ маленькой учительской комнатѣ, отдѣленной стеклянною дверью отъ класснаго коридора, я видывалъ такія сцены: изъ противоположной двери класса появлялся разсвирѣпѣвшій и раскраснѣвшійся толстопузый Лука Лукичъ, таща обѣими руками за волосы провинившагося школьника, и водворялъ его въ коридоръ на колѣни... Отъ скрежета зубовъ педагога и воя жертвы у меня пробѣгалъ морозъ по кожѣ. Даже словоохотливый смотритель прерывалъ недосказанный анекдотъ и бросался къ своему, усилившему не въ мѣру рвенію, подчиненному. Но уже было поздно: Лука Лукичъ, совершивъ эзекуцію, сталкивался съ нимъ въ дверяхъ учительской комнатки. Смотритель только качалъ своею сѣдою головой и протяжно произносилъ:

— Сколько разъ я вамъ, Лука Лукичъ, говорилъ, что руки зря ни на кого не возлагайте, а вы вотъ!

Потомъ, приложивъ палецъ къ носу, въ знакъ передачи секрета, онъ вполголоса, кивая на меня, говорилъ на ухо Луку Лукичу:

— Смотри, живо въ газетахъ пронечтается, того и гляди...

Лука Лукичъ не возражалъ, а, заложивъ руки за спину, мѣрно маршировалъ по комнатѣ съ спокойною и довольною совѣстью...

И это бывало часто. И постоянно тоже.

Мнѣ хотѣлось знать, всѣ ли школы этого глухаго уголка похожи на нашу, какъ и чѣмъ живутъ деревенскіе учителя, любятъ ли школу въ деревнѣ, кто у нея враги и есть ли друзья. Я старался познакомиться съ сельскими учителями, но это не всегда удавалось. Они рѣдко бывали въ городѣ, бы-

вали ненадолго. Многие изъ нихъ просто избѣгали меня, какъ черезъ-чуръ будто бы серьезнаго человѣка, а многіе говорили о своей дѣятельности въ такихъ общихъ выраженіяхъ, что только сбивали съ толку и не давали матеріала для моихъ наблюденій. Оставалось или выбросить изъ головы волновавшія меня мысли, или ѣхать въ деревню и заглянуть въ мужицкую шкатулку на мѣстѣ. Я выбралъ послѣднее и въ февралѣ выхлопоталъ отпускъ на двѣ недѣли, чтобы пуститься въ деревню.

Въ самый день моего отъѣзда ударила непогода, но времени у меня было мало, а дѣла впереди много, и я немедленно ввалился въ широкія почтовые сани. Ямщикъ свистнулъ, пара бойкихъ лошадей тронула, а затѣмъ я только и слышалъ свистъ вѣтра, да снѣгъ летѣлъ мнѣ въ лицо прямо, съ боковъ, сверху, отовсюду... Я закутался глухо въ башлыкъ и шубу и погрузился въ дорожную полудремоту, а снаружи долетали до меня лишь сврищъ саней, хлопанье бича надъ сбивавшейся съ дороги парой, да звонъ колокольчика, заглушаемаго свистомъ бури.

Часа черезъ три лошади остановились.

— Приѣхали, баринъ, выѣзжайте, говорилъ мнѣ ямщикъ, стаскивая съ меня рогожу, которою я былъ закрытъ поверхъ всего отъ снѣгу.

Я выглянулъ вновь на свѣтъ божій и убѣдился, что вьюга не унялась. Сквозь густой снѣгъ я видѣлъ блѣдное очертаніе деревни: ряды маленькихъ затонувшихъ въ снѣгу избъ, церковь налѣво, а направо у самыхъ саней—наглухо запертое крыльцо квартиры учителя Версина, гдѣ я долженъ былъ сдѣлать первый привалъ. Отъ неудобнаго положенія въ саняхъ и отъ добравшейся до меня стужи, я еле вылѣзъ изъ саней и бросился скорѣе на крыльцо, которое сейчасъ же и отворилось для моего приѣма. У отворявшей дверь бабы я спросилъ:

— Дома ли Семень Ивановичъ Версинъ, учитель?

— Дома, батюшка, гдѣ имъ быть! все у себя дома сидятъ, а вонъ и сами къ вамъ на встрѣчу идутъ.

Въ сѣромъ пиджачкѣ и кумачной рубахѣ выбѣжалъ въ сѣни уже ранѣе знакомый мнѣ Семень Ивановичъ, учитель изъ духовныхъ, смуглый двадцатипятилѣтній молодой человѣкъ, съ постоянною загадочною улыбкою на лицѣ и особеннымъ мягкимъ выговоромъ. Онъ распахнулъ дверь избы, изъ которой обдало меня цѣлымъ потокомъ теплаго привѣтливаго пара.

— Чему обязанъ я,—началъ онъ вкрадчивымъ голосомъ,— что имѣю счастье принимать... видѣть васъ у себя, Александръ

Ивановичъ? Пожалуйте въ мою комнатку, тутъ, направо... здѣсь!

Онъ уже закрылъ дверь избы, вновь обогналъ меня, открылъ новую дверь и съ просительнымъ поклономъ просилъ вновь „пожаловать“.

Я вошелъ въ длинную узенькую комнату съ однимъ окномъ прямо и другимъ — направо. Налѣво подъ полосатымъ краснымъ пологомъ укрывалась кровать, прямо стоялъ бѣлый некрашенный столъ и три простые черные стула, на правой стѣнѣ на ремняхъ висѣла полка съ двадцатью или тридцатью книгами, а около самаго порога красовалась вѣшалка со всевозможными принадлежностями одежды, начиная съ брюкъ изъ сѣраго трико до дубленнаго полушубка съ вышитой шерстями грудью.

Я скинулъ шубу, которую, не смотря на мое сопротивленіе, быстро подхватилъ Версинъ и вздернулъ на свободный гвоздь вѣшалки.

— Вотъ сюда, къ окошечку, Александръ Ивановичъ, — тараторилъ мой хозяинъ, — обогрѣвайтесь, отдохните, а я сбѣгаю и самоварчикомъ распоряжусь.

Онъ выбѣжалъ изъ комнаты, и я слышалъ, какъ кряктя и ворча, слезла съ печи старая хозяйка, а потомъ раздался плескъ воды, наполнявшей гостеприимный, ничѣмъ незамѣнимый въ русской жизни, самоваръ.

Черезъ десять минутъ возвратился Семенъ Ивановичъ, засыпанный снѣгомъ, растаявшимъ на его лицѣ, которое онъ утиралъ рукавомъ пиджака. Въ рукахъ его на желтой мочалкѣ болтался десятокъ барановъ, очевидно сейчасъ купленныхъ для моего угощенія.

— Самъ бѣгать въ лавочку, — объяснялъ учитель. — Никого, кромѣ Аграфены, въ избѣ нѣтъ: молодежь по бесѣдамъ разошлась, а лавочка рядомъ — самъ и сбѣганулъ.

— Напрасно безпозовитесь! — останавливала я хлопотуна. — Совѣстно мнѣ заѣзжать къ вамъ: вѣчно съ угощеніемъ, а между тѣмъ лишаете меня вашей приятной бесѣды, ради которой я безъ церемоніи и забрался къ вамъ.

— Сердечно обяванъ, Александръ Ивановичъ, душевно польститъ изволили, то есть вотъ какъ-съ!

Учитель прижалъ къ сердцу распростертыя ладони обѣихъ рукъ.

Во взаимныхъ дружескихъ изліяніяхъ прошло съ четверть часа. Кряхтунья хозяйка подала шипѣвщій самоваръ; принесла

чайникъ и два стакана и удалась. Семень Ивановичъ принялся хозяйничать. Между нами завязался болѣе интересный разговоръ.

— Что попривыкли къ новой школѣ?—спросилъ я Семена Ивановича, переведеннаго на послѣднее мѣсто лишь за пять мѣяцевъ до нашего свиданія.

— Да, попривыкъ уже. Только съ батюшкой поладить не могу. При прежнемъ учителѣ онъ волю большую взялъ, а я долженъ былъ укоротить его...

— Какъ это укоротить, объясните хорошенько?

— На школу-то нашу выдается отъ земства шестьдесятъ рублей въ годъ на отопленіе и наемъ сторожа, а отецъ Михаилъ эти деньги къ своимъ рукамъ прибралъ. Говорить: „Мнѣ за законоучительство плата маленькая, такъ надо другимъ образомъ извлекать“. И извлекаетъ. Деньги шестьдесятъ рублей получить, а сторожа не нанимаетъ; церковнаго сторожа, да дьячка заставляеть въ школѣ печи топить. А дровъ отъ мужиковъ требуетъ. „Вы, говоритъ, должны и церковь, храмъ Божій, и школу, этотъ храмъ умственный, отоплять“. Я деньги въ свои руки брать было, сторожа нанялъ, такъ онъ началъ въ училищный совѣтъ доносы на меня писать. Выдумалъ, что будто бы я ученикамъ въ церковь запрещаю ходить, что будто бы имъ бумаги казенной не даю... и все другое въ томъ же родѣ. Обоихъ насъ и вызвали въ городъ для объясненія. Я и говорю: отецъ Михаилъ на меня изъ корысти клевететь, — деньги за сторожа хочетъ себѣ получить. Членъ совѣта и говоритъ мнѣ: „Чѣмъ вамъ ссориться, молодой человекъ, лучше отдайте вы ему шестьдесятъ рублей: вамъ будетъ спокойно, а его вамъ не выжить изъ школы“.

— Вы и отдали? полюбостествовать я.

— Отдалъ. Что же я одинъ могу подѣлать? Онъ каждую недѣлю доносы на меня писалъ. „Просто уснуть не даетъ спокойно“, жаловался членъ совѣта.

— Теперь отецъ Михаилъ, вѣрно, уже доволенъ вами?

— Нѣтъ, и теперь недоволенъ. Недалѣе, какъ третьяго дня, одинъ мальчикъ разбилъ въ школѣ локтемъ стекло, конечно, нечаянно. Я и говорю: батюшка, велите стекло вставить!— „Это съ чего ты взялъ, что я долженъ стекла на свой счетъ вставлять?“ — Вы шестьдесятъ рублей получаете, а на эти деньги всегда и поправки небольшія въ училищахъ дѣлаются. „Ты меня и безъ того рубля десяти копѣекъ изъ этой сумми

лишилъ, а больше ты ни гроша не увидишь!" Такъ и отказалъ на отръвъ.

— А какъ же стекло-то?

— Опять я же на свой счетъ вставилъ: дуешь, холодь страшный. Вѣдь, не убираться же изъ школы изъ-за разбитого стекла?

— А вы-то сколько въ годъ жалованья получаете?

— Двѣсти рублей получаю и квартиру надо на эти же деньги нанять. Вотъ два рубля въ мѣсяцъ за квартиру плачу, а помещеніе и все тутъ! и онъ развелъ руками на голыя почернѣлыя стѣны каморки.

— Развѣ не могутъ вамъ прибавить жалованья, хотя бы потомъ, когда вы болѣе покажете свое трудолюбіе?

— Никогда не прибавятъ. Это висшая плата: больше и окончившимъ въ учительской семинаріи не даютъ. Да такая плата еще ничего, слава Богу! а я, вѣдь, пять лѣтъ въ здѣшнемъ уѣздѣ ребятишекъ учу, и съ шестидесяти рублей въ годъ началъ.

— Съ шестидесяти?! удивился я. Чѣмъ же вы жили-то?

— Жилъ, да еще какъ жилъ, и одѣтъ былъ прилично. Какъ настоящій человекъ жилъ. Три рубля въ мѣсяцъ за квартиру съ картами платилъ. Остальныя деньги на чай, сахаръ и табакъ... Конечно, и пособіями отъ мужичковъ не брезговалъ: для нихъ же въ потъ лица работаю.

— Не скучаете вы въ деревнѣ, знакомыхъ тоже, поди, нѣтъ?

— Скучать-то не скучаю: всю жизнь оволо мужичья терся и попрывыкъ. Знакомыхъ тоже мало; съ попомъ не ладу, мужики больше пьющіе... такъ и сижу одинъ дома. Съ образованными людьми быть знакомымъ, — такъ невелико образованіе то наше: въ духовномъ училищѣ поучился; а въ семинарію найдется окотниковъ поступать и безъ насъ, дьячковскихъ сыновей.

— А вашъ родитель причетникомъ?

— Въ Солохтѣ дьячкомъ служилъ? Ребятишекъ у него куча: два сына въ городѣ учатся, да пять дочерей на рукахъ... Помогаю тоже, чѣмъ могу.

— Развѣ въ Солохтѣ нѣтъ школы? вамъ бы выгоднѣе было оволо своей семьи жить.

— Есть, да ужъ переходить я не думаю, а готовлюсь въ приходскіе учителя. Тамъ жалованья триста рублей въ годъ,

да въ городѣ подарковъ и приношеній не въ примѣръ больше: однихъ купеческихъ дѣтей сколько въ классъ ходитъ.

Я хотѣлъ было заговорить съ Семёномъ Ивановичемъ о взглядахъ его на преподаваніе, на цѣль и пользу народной школы, на отношенія его къ дѣтямъ-ученикамъ и мужикамъ-родителямъ, но сообразилъ, что всё эти вопросы чужды моему собесѣднику, идеалъ котораго былъ простъ и реаленъ до невозможнаго. Прибавка жалованья и болѣе обильныя приношенія могли, видимо, переманить его на любое другое мѣсто. Про Версина и его школу уже никакъ нельзя было сказать, что они составляютъ одно цѣлое, соединенное живою связью любви и мысли. „Наемникъ! — мелькнуло въ моей головѣ — не отъ тебя будетъ завѣсть будущее бѣдной нарождающейся крестьянской школы“.

Погода не унималась; и я долженъ былъ волей-неволей воспользоваться приглашеніемъ хозяина почевать у него. Утомленный непріятною поѣздкой на вѣтру и снѣгу и валымъ, мѣщански пошлымъ разговоромъ, я уже въ десять часовъ вечера завалился на разостланномъ на полу снѣгѣ и погрузился въ глубокой непробудный сонъ.

Утромъ я былъ разбуженъ звономъ чайной посуды: это учитель собиралъ самоваръ, желая угостить меня пораньше чаемъ. Погода измѣнилась. Было бодрее морозное утро, и я, напившись чаю, хотѣлъ было уже ѣхать дальше, какъ Семёнъ Ивановичъ объявилъ мнѣ на отрѣзъ, что онъ будетъ „совершенно обиженъ“, если я не загляну въ его школу, на благоденствіе которой онъ не падитъ своихъ силъ. Я уступилъ его настояніямъ, и въ половинѣ девятаго мы вышли на широкую деревенскую улицу. По дорогѣ перегнало насъ нѣсколько мальчиковъ, которые, поровнявшись съ учителемъ, скидывали шапки, низко кланялись и, не сказавъ ни одного приветственнаго слова, бѣжали дальше. Лица школьниковъ были испуганы и не было на нихъ и тѣни удовольствія или улыбки. Я видѣлъ, что здорованье ихъ съ учителемъ были казенные, чисто солдатскіе, поклоны, которые заранѣе предписаны и за невыполненіе которыхъ строго выскриваютъ.

Мы подошли къ деревянному оббитому тесомъ домику съ четырьмя окнами наружу и съ открытымъ чистымъ входомъ, надъ которымъ красовалась полынная шевельная вывѣска. Когда мы прямо изъ темныхъ узенькихъ сѣней вошли въ просторную и грязную классную комнату, загроможденную четырьмя рядами старомодныхъ ученическихъ скамеекъ и огромною

деревянною классною доской, человекъ двѣнадцать дѣтей, развлечавшихся игрой, бросились къ столамъ и въ одну минуту заняли мѣста за свѣчами, изъ-за которыхъ у младшихъ едва видѣлись бѣлокурыя и черноволосыя головки съ удивленно смотрѣвшими на посторонняго посетителя глазами.

Громкимъ командирскимъ голосомъ Семенъ Ивановичъ воскликнулъ:

— Пои молитву!

Во всю грудь и глотку грянули мальчижи „Царю Небесный“ и совершенно оглушили меня. Въ своемъ обученіи пѣнію Семенъ Ивановичъ держался дьячковской системы, требуя бѣлаго и громкаго пѣнія. Кромѣ того, въ числѣ учениковъ были три или четыре мальчика, лишенные слуха и одаренные такими пискливыми голосами, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они особенно налегали, слышалось какъ-бы козлиное блѣпаніе и кузуреканье пѣтуха.

— У насъ всѣ поютъ, обязательно-съ, подспинял мнѣ учитель, какъ бы извиняясь за свой отчаянный херъ.

По окончаніи молитвы, дѣти усѣлись на мѣста. Учитель открылъ „Родное Слово“ и началъ диктовать „Птичку“ Пушкина, а я внимательно присматривался къ разнообразной дѣтской толпѣ. Дѣти держали себя принужденно: не дослышавъ словъ учителя, они не смѣли переспросить его, и по окончаніи диктовки во всѣхъ тетрадяхъ я встрѣчалъ пропущенныя пустыя мѣста недослышанныхъ словъ. Всѣ дѣти были одѣты очень разнообразно: большинство, не смотря на сильный жаръ классной комнаты, потѣди въ шарфахъ и дубленыхъ полушубкахъ, нѣкоторые сидѣли въ сѣрыхъ свиткахъ, а одинъ мальчижи даже въ синей нестрядинной рубашкѣ съ чернымъ жилетомъ сверху.

Во время диктовки постоянно слышались неистовыя восклицанія Версина, обращенныя на мунтровку дѣтей:

— Ситенинъ, лѣвый локоть подъ столъ! Михѣевъ, тетрадку вверхъ!

Видимо, Семенъ Ивановичъ хотѣлъ похвастать передо мною своими учительскими манерами. Нѣсколько разъ онъ даже, забывая о моемъ присутствіи, замахивался на дѣтей длинною, выкрашеною охрой, линейкой, желая смирить непокорныхъ. Глаза половины дѣтей слѣдили за этимъ страшнымъ жестомъ учителя, игравшимъ должно быть видную роль въ наглядномъ обученіи Версина.

Конечно, диктовка вышла неудачною: масса пропусковъ, ужасныхъ ошибокъ и чудовищныхъ знаковъ прерыванія. Изъ вѣж-

ливости я прѣбѣжалъ глазами нѣсколько тетрадей и, пожелавъ успѣховъ дѣтямъ, вышелъ изъ таготившей меня своей казенной школы.

Дорогой, мѣстный обыватель-ямщикъ жаловался мнѣ на Версина, что онъ больно обижаетъ ребятиншекъ:

— Голову иногда имъ въ кровь раскобаетъ, на горохъ на колѣнки ставитъ, и на подарки жаденъ: не принесешь рублевки или съѣстнаго чего—три года парнишку за одною азбукой продержитъ... характерный такой человѣкъ!

Въ простодушной рѣчи ямщика слышалось болѣе удивленія, чѣмъ недовольства. Въ этихъ „качествахъ“ онъ не винилъ Версина: по мнѣнію его, такимъ видно учителя Богъ уродилъ.

По хорошей дорогѣ, подгоняемый бодримъ летонькимъ морозцемъ, быстро прочались лоняди двадцать верстъ, отдѣлявшихъ меня отъ новой школы, и я очутился въ большомъ тракторномъ селѣ Красный-Боръ. Половину его обитателей составляли богатые торгующіе крестьяне, и я зналъ заранѣе, что красноборская школа поставлена въ матеріальномъ отношеніи въ очень завидное положеніе. Учителю приплачивалось ежегодно сто рублей отъ общества. Домъ для школы былъ выстроенъ нарочно со всѣми педагогическими приспособленіями, особую комнату для занятія дѣтей ремеслами, съ квартирой для учителя въ двѣ комнаты и маленькою каморкой для школьной бібліотеки.

Съ учителемъ школы, Савватіемъ Кириллычемъ Мѣшиковымъ, изъ мѣстныхъ крестьянъ, я не былъ знакомъ, а потому и остановился на постояломъ дворѣ, а тамъ пріѣхалъ уже во время обѣденнаго отдыха въ школу и порядочно протолодался, то свободный часъ употребилъ на подерѣзываніе себя обѣдомъ, какимъ сумѣлъ раздобыться, и на собраніе справокъ о школѣ, а въ особенности о незнакомомъ мнѣ учителѣ, съ которымъ мнѣ хотѣлось непременно поладить, иначе я рисковалъ мало узнать объ интимной школьной жизни. Рыжеватый коренастый содержатель постоялаго двора охотно вступилъ со мною въ разговоръ. Ознакомившись съ цѣлью моей поѣздки, которую я объяснилъ желаніемъ посѣтить родныхъ, хозяинъ удивился, что я расспрашиваю его о школѣ.

— Какое у васъ учитель, Петръ Кузьмичъ? продолжалъ я начатый съ нимъ разговоръ.

— Это Саватка-то? удивленно спросилъ меня хозяинъ.

— Да, Саватій Кириллычъ, поправилъ я.

— Нестоящій человѣкъ, доложу я вамъ, отбѣзалъ онъ.

Эта грубость и неуваженіе къ единственному мѣстному просвѣтителю просто поразили меня.

— Чѣмъ же онъ вамъ не нравится?

— Народъ все баламутить... скверности разныя распространяетъ.

У меня мелькнула было мысль о пропагандѣ, какъ вдругъ загадочный Кузьмичъ высказался.

— Примѣрно, такое обстоятельство, объяснялъ онъ, положимъ, мнѣ простой сѣрый мужичекъ какуюто сумму денегъ долженъ... безъ документа; конечно, совѣсть порукой. Срокъ приходитъ, а мой мужикъ и въ усь не дуетъ. А онъ, это Саватка-то, и наговори мнѣ канальямъ, это должникамъ-то, что явонъ долги безъ росписовъ имъ во что считатьъ... „Не отдавайте, говорить, толстожарманники ваши не помрутъ съ голоду. Что ихъ беречь“? А этимъ, одво поймите вы, онъ совѣсть изъ міру выкидываетъ, да плутовъ нарождаетъ. Еще онъ клеветы и разныя прошенія пишетъ. Судъ рѣшилъ дѣло, а онъ: „Жалуйтесь, говорить, ребята, чего вы этимъ аршинникамъ въ зубы сметрите“? Одно слово, намъ теперь отъ него житья совсемъ не стало. За мѣсто благодаренія одну остуду отъ мужика принимать приходится.

Рассказывая о поведеніи учителя, Кузьмичъ пришелъ въ самое грустное настроеніе.

— Можетъ быть, онъ, жалѣя бѣдность мужицкую, въ судбинныхъ хлопотахъ поспѣваетъ, оставилъ я свое слово, желая знавать Кузьмича на откровенность.

— Не такой онъ человѣкъ, доложу я вамъей мнѣости, къ нему безъ красненькой лучше и не показывайся: отцу родному добра даромъ не сдѣлаешь... настоящий адвокат!

Меня заинтересовала: эта новая для меня личность сельскаго учителя-адвоката.

Покравивъ свой дорожный нарядъ, я отправился въ школу, стоявшую въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ дома Кузьмича. Видъ школьнаго дома былъ такой праздничный, что просто сердце радовалось. Весьма высокии свѣтлыи полукругамъ окозь глядѣли на улицу. Тесовое рѣзное крылечко, вѣнчанныя новизна и чистота всего зданія; крыша съ тремя выбѣленными трубами напоминала хорошенъкую искусство выполненную модель. Пройдя крылечко и сѣни, я очутился въ просторной освѣщенной большимъ окномъ передней съ вѣшалками для ученическаго платья и зеленымъ жестянымъ ведромъ съ водой для питья дѣтей. Услышавъ шаги посторонняго человѣка, учитель

вышелъ въ переднюю. Оказалось, что онъ встрѣчался со мною въ городѣ и зналъ мое имя и фамилію. Савватій Кириллычъ былъ широкоплечій брюнетъ съ сѣрыми глазами и крупными чертами лица: длиннымъ горбатымъ носомъ, здоровенными скулами и огромнымъ ртомъ съ двумя рядами крѣпкихъ бѣлыхъ зубовъ. Длиннополный черный сюртукъ обтягивалъ его могучую фигуру и выказывалъ его богатырскія формы. Ровными самоуверенными шагами шелъ онъ ко мнѣ на встрѣту и крѣиво показалъ протянутую мною руку.

— Пожалуйте, Александръ Ивановичъ! — приглашалъ онъ меня звучнымъ ласковымъ голосомъ, — поглядите на наши скромныя занятія... отъ показу люди не худѣютъ, добавилъ онъ, улыбаясь, и ввелъ меня въ длинную свѣтлую классную комнату, гдѣ, раздѣленной на три отдѣла, сидѣли человекъ пятьдесятъ дѣтей. При моемъ входѣ дѣти встали.

— Вотъ, дѣтушки, это учитель тоже, Александръ Ивановичъ, — рекомендовалъ онъ меня весело глядѣвшимъ дѣтямъ, — постарайтесь поумнѣе и получше отвѣчать, чтобы они о насъ доброе слово сказали!

Онъ предложилъ мнѣ свой единственный стулъ, а самъ забрался и усѣлся на подоконникъ.

Два младшія отдѣленія были заняты письменною работою, а со старшими учитель велъ устную бесѣду.

— Скажи мнѣ, Миша, — обратился онъ тѣмъ же ровнымъ ласковымъ голосомъ, какимъ встрѣтилъ меня, къ чисто одѣтому мальчику съ льняными волосами и синими глазами, — почему мы считаемъ землю шаромъ?

Мальчикъ толково и сознательно привелъ тѣ самые доводы, которые вы найдете въ учебникѣ космографіи, и все это было рассказано простымъ русскимъ языкомъ безъ употребленія иностранныхъ словъ и ученыхъ терминовъ.

Этотъ отвѣтъ произвелъ на меня очень хорошее впечатлѣніе.

— А вотъ и въ другомъ родѣ, сказалъ мнѣ Савватій Кириллычъ и, обращаясь къ ученику, сидѣвшему рядомъ съ первымъ, произнесъ:

— Скажи мнѣ, Петя, какъ выйти бѣднымъ крестьянамъ изъ кабаны богатей?

— Устроить артели и сберегательныя кассы, отвѣчалъ, немного думая, ученикъ.

Далѣе были спрошены всѣ ученики старшаго отдѣленія и всѣ они умно, простымъ языкомъ, отвѣчали на вопросы объ

устройствѣ артелей и кассъ. Они объяснили цѣль ихъ основанія, составъ ихъ и даже подробности внутренняго порядка и счетоводства, а одинъ бойкій мальчуганъ составилъ на класной доскѣ примѣрный годовой отчетъ сберегательной кассы. Плохихъ и глупыхъ отвѣтовъ я не слышалъ ни одного. Были неточныя выраженія, но товарищи сейчасъ же поправляли ихъ. Я былъ очарованъ.

Два часа занятій проѣзжали такъ незамѣтно, какъ четверть часа. Нужно было отпустить дѣтей по домамъ. Громко прочли молитву послѣ ученія: Мѣшновъ былъ не мастеръ въ преподаваніи пѣнія, а учить кое-какъ онъ не хотѣлъ.

— Прощайте, ребята!— говорилъ онъ шуточно дружескимъ голосомъ, прощаясь съ дѣтьми.— Смотрите, всѣ приходите завтра: буду объяснять движеніе луны около земли; кто придетъ, тотъ увидитъ много хорошаго.

— Я всегда кончаю дневные уроки обѣщаніями объяснить что-нибудь новое,— обратился онъ ко мнѣ,— и дѣти у меня рѣдко пропускаютъ уроки. Бѣдняжкамъ хочется побольше узнать.

Когда дѣти ушли домой, мы съ учителемъ пошли въ его квартиру, бывшую въ томъ же домѣ. Квартира его не отличалась особеннымъ порядкомъ и была бѣдно меблирована: Пройдя первую комнату съ кроватью учителя, мы вошли въ свѣтлую угловую комнату съ простою деревянною мебелью деревенской фабрикаціи.

Въ ожиданіи чая мы болтали.

— Мы забытые люди,— жаловался грустнымъ тономъ хозяинъ на свое учительское званіе,— и рады, когда образованный человѣкъ къ намъ заглянетъ.

— Кажется, къ вамъ немало образованныхъ людей представлено,— возразилъ я.— У васъ есть свой инспекторъ и члены земской управы и члены училищнаго совѣта. Есть кому васъ извѣщать.

— Вы шутите, Александръ Ивановичъ! Инспекторъ поѣдетъ по школамъ? Гдѣ вы это видѣли? Инспекторъ старается, чтобы разъѣздныя деньги, по возможности, цѣлыми въ его карманѣ остались. А крестикъ или другую награду скорѣе за красивый отчетъ дадутъ, чѣмъ за настоящее дѣло. Да и товарищи про дѣятельнаго инспектора какъ разъ наоборотъ скажутъ: „Безпокойный какой, высочить хочетъ передъ начальствомъ“!

Савватій Кириллычъ начиналъ сердиться, и всю его сампосовскую фигуру передергивала нервная дрожь.

— Вотъ члены земской управы тѣ, вѣрно, болѣе вѣдать: развѣзды готовы и крестовъ имъ за отчеты не дають.

— Безграмотные люди-то все, батюшка вы мой, читають небойко, а пишуть хуже моихъ мальчишекъ. Срамъ просто! А тоже тузами смотреть... съ ними немного набесѣдуешь... развѣ въ картишки сыграть, кто любитъ.

— А члены училищнаго союта?—старался я доказать, что о школьѣ заботится хоть чье нибудь образованное око.—Противъ этихъ вамъ уже нечего сказать.

— Вотъ и ошибаетесь. По крайней мѣрѣ, я своимъ не особенно доволенъ. У насъ, вы знаете, Маурининъ членомъ состоитъ, штабсъ-капитанъ въ отставкѣ. И выходитъ все шиворотъ на выворотъ. Человѣкъ всю свою жизнь свои да солдатскія ноги упражнялъ, а теперь призванъ земствомъ о просвѣщеніи народа заботиться. Насмѣшка надъ просвѣщеніемъ! Боятся онъ и въ школу-то заглянуть: мало ужъ очень смыслить-то. А тряпка самъ такой, что любой умный малый чуть не свои валопи имъ вытираеть. Ты ему о нуждахъ школы говоришь, а онъ все одно въ отвѣтъ: „хорошо, постараюсь, недурно-бы“, а какъ выйдетъ отъ тебя, такъ у него все изъ головы и улечувивается. Потомъ при встрѣчѣ только мигаетъ, да возлину бородку поглаживаетъ.

Подали чай.

— Славная у васъ квартирка, Савватій Кириллычъ, началъ я вновь разговоръ, да и положеніе ваше замидѣе другихъ учителей.

— Нищенское положеніе, а незавидное: у всѣхъ одно положеніе. Конечно, я триста рублей въ годъ получаю, а другіе двѣсти, такъ за то подарки отъ крестьянъ получаютъ, да дѣлаютъ крестьянъ, что побогаче, покровительствуютъ за особую плату... а я не могу этого дѣлать, подлостью считаю.

— Вѣроятно, за это и любятъ васъ крестьяне, высказалъ я.

— Далеко не всѣ: побѣдѣе любятъ, а побогаче выжить даже стараются. Видите ли, какъ здѣсь кошѣйки заработать негдѣ и нечѣмъ, то я и занимаюсь немножко адвокатурой, въ свободное отъ школьныхъ занятій время: одно другому не мѣшаетъ. Больше бѣднымъ противъ богатыхъ помогаю: тѣ больше вниманіе дѣлать, а у богатыхъ и безъ меня помощники найдутся. Теперь хоть этимъ честнымъ трудомъ себѣ на черный день грошъ какой могу скопить.

— Ну, а съ законоучителемъ вы въ мирѣ живете?

— И то бы ничего, да отецъ Василій хлопотъ завель, а те-

перь, пожалуй, и на ссору похоже. Видите ли, у него тридцатилетняя дочка въ дѣвкахъ засидѣлась, а ему и вторенилась въ голову мысль, что ее можно за меня замужъ отдать. Сперва все бывало пристаётъ ко мнѣ съ совѣтами: „Пора тебѣ, Савватій Кириллычъ, домкомъ обзаводиться да хозяйкою!“ а потомъ и прямо объяснилъ: „Ты, можетъ, боишься за мою дочку свататься, но напрасно: я тебѣ дозволяю. Хоть мы и благороднаго званія, а ты мужикъ, но ради образованія твоего все прощается, а Анютка у меня смиренная, хозяйка хорошая... чего еще тебѣ надо?“ Этакъ онъ разъ, другой и третій. Не вытерпѣлъ я да напрямикъ и отрѣзалъ: „Какъ вамъ, говорю, отецъ Василій, нестыдно свой лежалый товаръ хвалить! Лучше бы дочку-то свою просвирней при церкви помѣстили, чѣмъ глупости другимъ совѣтовать“. Вспыхнулъ весь, а глаза такъ и забѣгали... Съ тѣхъ поръ мнѣ не кланяется и руки не подаетъ, а въ народѣ распускается слухи, что я въ Бога не вѣрую, превратно священное писаніе понимаю.

— Неужели и здѣсь вѣрятъ такому вздору?

— Въ деревнѣ немного надо: одна худая баба повѣритъ, такъ на другой день объ этомъ десять бабъ кричать будутъ, а черезъ недѣлю и отъ серьезныхъ мужиковъ за вѣрное услышишь... Мѣсто, пожалуй, бросить придется: уйти лучше по-добру по-здорову, чѣмъ съ такимъ лицомъ считаться.

— Вѣдь, вамъ, я думаю, будетъ жаль со своею родною школой разстаться? Учились вы, конечно, для того, чтобы своимъ односельчанамъ помогать.

— Чего жалѣть-то, не задумываясь, отвѣчалъ Савватій Кириллычъ, прихлебывая изъ стакана остывшій чай. Найду работу почище учительской. Пора мнѣ изъ голяево въйти!

Онъ торжествовалъ, какъ будто вполне удачно разрѣшилъ задачу своей жизни. Теперь я понялъ, что его трудолюбіе и человѣческое обращеніе съ дѣтьми есть только хорошія манеры, приобретенныя въ учительской семинаріи, а не продуктъ призванія и привязанности къ своей деревенской школѣ, въ которой учился даже его родной братъ, а нѣкогда и онъ самъ.

— За то вы теперь земскій дѣятель! попробовалъ было я утѣшить Савватія Кириллыча.

— Разные земскіе дѣятели бываютъ!... и тутъ нашелся возразить неутомонный хозяинъ. Вотъ у насъ судья Пахомкинъ, изъ волостныхъ писарей, кажется, ни бельмеса не смыслить, а, полеживая на боку, полторы тысячи получаетъ. А я шесть лѣтъ въ здѣшней школѣ учился, три года въ семинаріи, цѣлыхъ

девять лѣтъ трубилъ, а вотъ черствымъ хлѣбомъ питаюсь... и оба мы земскіе дѣятели, да судьба разнан!

На прощанье Мѣшковъ сообщилъ мнѣ, что онъ намѣренъ дотянуть учительскую лямку лишь до весны, а на осень хочетъ переѣхать въ городъ и пуститься въ заправскую адвокатуру.

Уже позднимъ вечеромъ пріѣхалъ я на слѣдующую станицю, въ деревню Малыя Вѣшки, гдѣ тоже была земская школа. Почевавъ и напившись чаю утромъ, я спросилъ у прислужившей мнѣ бабы, гдѣ школа.

— Школы то нѣтъ у насъ, кормилецъ ты мой, а Савва Никитичъ у Федьки въ избѣ ребятъ учить, и то когда на него отрезвѣніе придетъ.

Я нечаянно наткнулся на школу, существующую только въ отчетяхъ, а на самомъ дѣлѣ въ деревнѣ жилъ только пьяница-учитель изъ заштатныхъ дьячковъ и собиралъ ребятиншекъ въ рѣдкіе дни своего отрезвѣнія, не болѣе трехъ-четырехъ дней въ мѣсяцъ, а остальное время дѣти, по мѣтвому выраженію бабы, гуляли.

— А теперь Савва Никитичъ трезвый? спросилъ я бабу, желая познакомиться съ этимъ невиданнымъ типомъ педагога.

— Нѣту, кормилецъ мой, вотъ уже третья недѣля какъ въ опьяненіи, съ масляной не можетъ остепениться.

— А пьяный не дерется Савва Никитичъ?

— Смирнехольный такой, что и мухи не зобидеть, а не то что драться.

Удовлетворенный предварительными справками, я отправился съ визитомъ къ Саввѣ Никитичу въ избу Федора, которая иногда служила и школой.

Когда я прошелъ нѣсколько избъ, мнѣ указали старенькую пятистѣнную хатку, какъ квартиру, учителя. Черезъ грязное некрытое крыльцо я пробрался въ такія же грязныя сѣни, а изъ нихъ и въ избу. Воздухъ избы былъ пропитанъ запахомъ навоза, сыростью и прѣлостью. Двое босоногихъ ребятиншекъ, въ равныхъ рубашенкахъ, играли на полу черепками битой посуды. Хлопотавшая у печи баба, на вопросъ мой, гдѣ Савва Никитичъ, указала на узенькую дверь перегородки, добавивъ:

— Завтракаетъ въ горенкѣ, а вамъ чего надо?

Я не отвѣтилъ на ея вопросъ и направился въ горенку.

Мнѣ представилось, невиданное еще мною, зрѣлище. Савва Никитичъ, низенькій мужчина среднихъ лѣтъ, исхудалый и блѣдный, съ синяками на всемъ лицѣ, босый, въ одномъ нижнемъ бѣлѣ и рваномъ полукафтанѣ, рипки котораго болтались со

всѣхъ сторонъ, сидѣлъ, облокотясь на столъ лѣвою рукою, а правую поспѣшно хлебаль, деревянною ложкой, изъ глиняной красной чашки квась, въ вторормъ плавали кусочки варенаго картофеля и, огурцовъ. Позади чашки стояли на половнику опорожненный полуштофъ водки и рюмка, съ отбитою ножкой. Наполняя свою утробу, педагогъ ужасно сопѣлъ, пыхтѣлъ и чмокалъ губами. Углубленный въ свое занятіе, онъ не замѣтилъ моего прихода. Я кашлянулъ.

Онъ воспрянулъ, отодвинулъ отъ себя чашку и вперилъ въ меня пьяные блуждающіе глаза.

— А это вы?— началъ онъ, запинаясь и стараясь бодриться, между тѣмъ какъ голова его не держалась на плечахъ, какъ у шестинедѣльнаго младенца.— Членъ... Членъ училищнаго... совѣта... Что жъ? Я готовъ... ревизуйте... выгоняйте, если угодно... Савва Пречистенскій готовъ!..

Онъ выпрямился и принялъ энергическую позу, какъ бы готовясь къ рукопашной схваткѣ. Я успокоивалъ его, какъ могъ, говоря, что я простой проѣзжій и отъ скуки, пока готовятъ лошадей, зашелъ къ нему побесѣдовать. Но онъ не вѣрилъ мнѣ, а продолжалъ свое:

— Инкогнито, значить... Ладно! я всегда готовъ... Сегодня у меня отдохновеніе отъ трудовъ праведныхъ... А хощь, сейчасъ ребятъ кликну и ученье въ самомъ лучшемъ видѣ произведу... На удивленіе всѣмъ такіа штуки продѣлаю!... А что пьянствую? Такъ это понятно: отъ полноты сердца уста глаголютъ... Вотъ тебѣ и все!

Онъ повернулся ко мнѣ спиной и началъ поправлять спустившіеся шаровары.

Я повернулъ обратно и, выходя изъ избы, услышалъ громкій голосъ Пречистенскаго, забывшаго обо мнѣ и уже оравшаго духовные стихи. „И лица ваша да не постыдятся“— долетѣло ко мнѣ въ сѣни.

Когда я воротился въ избы, гдѣ были оставлены мои вещи, тамъ меня уже ждали нѣсколько мужиковъ. Всѣ они стояли безъ шапокъ и съ поклонами начали умолять меня:

— Ваше благородіе, членъ училищный, освободите вы насъ, сжальтесь надъ нами, не брезгуйте сиротствомъ нашимъ!

Я недоумѣвалъ.

Оказалось, что недоразумѣніе Пречистенскаго, принявшаго меня за члена училищнаго совѣта, перешло и на брестявъ, и они пришли просить меня о перемѣнѣ учителя. Я отвѣчалъ

жить, что я простой профессор и никакою властью надъ учителями не обладаю.

— Можеть ли это быть, ваше благородіе? настаивала: мужицкая депутація. И Савва Никитичъ тебя призналъ... Мы и поблагодаримъ вашу милость, только ты убери его!

Впередъ вышелъ выскіи черноволосый мужикъ, пощаднику, сельскій староста. Въ правой рукѣ держалъ оль шапку, а въ лѣвой рогообразный кулакъ, изъ котораго торчали рыбки головы и хвосты.

— Это милости вашей отъ всего нашего міра въ гостиницы! объяснилъ мужикъ, кланя передъ мною кулакъ.

— А батюшка нашему, оному Феофану, ты не вѣрь! — говорилъ другой престыльникъ: — Изъ-за него мы и все горе тернимъ. Савунка-то братецъ жены ихней: они его и на мѣсто опредѣлили и грѣхи-то всё его укриваютъ... А ревизоровъ задариваютъ, они и остаются довольны.

Это была уже третья школа, въ вечерней мѣстной свѣтлицѣ, сознательно или безосознательно, былъ врагомъ престынскаго провозвѣщенія.

— Разорились мы, совсѣмъ надаривались! объяснили мужики. Одному посредственному пять разъ по пуду рыбы давали: все общають прогнать Савку, а вотъ уже третій годъ тернимъ.

— Вы бы лучше въ другую школу ребята своихъ отдали, чѣмъ чиновникамъ вятки давать, посовѣтовалъ было я.

— Гдѣ намъ вятки школу-то другую? рассуди ты, твоя милость! Двадцать верстъ до другихъ школъ-то, да тамъ и своихъ ребятъ некуда садить: мѣсть не хватаетъ. А вѣдь это своя школа-то: на нее съ насъ денежки слодать, а ребята неучами остаются.

— Другіе вотъ волюготу на два года по набору получаютъ, — объяснилъ староста. — А мы какъ оглашенные: ничего намъ нѣтъ! Или тамъ письмо, али какой документъ приведется прочитатъ, такъ въ иной деревнѣ ни единого грамотѣя нѣтъ. Куда хошь, иди! Самъ мировой посредникъ говорить: „Въ старосты выбирайте грамотныхъ“, чтобы порядокъ былъ да счетъ деньгамъ на бумагѣ бы вели... а гдѣ ихъ тутъ грамотныхъ возьмешь? Между нами нѣтъ, а дѣти, видно, тоже до науки не дойдутъ. А Савка не учитель намъ: вотъ уже три года жалованье получать и хлѣбъ намъ жотъ, а ни единого мальчишки и читать путемъ не обучилъ, княвствуетъ только... Пропадонъ пропали мы, ваше благородіе!

Потуживъ съ мужиками, я посовѣтовалъ имъ жаловаться

письменно инспектору или директору училищъ и насилью убѣдилъ ихъ, что я не членъ училищнаго совѣта. Рыбу они ни за что не хотѣли взять обратно, и я долженъ былъ самъ вынести ее въ слѣдъ и объявить, что рыбы не люблю и не ѣмъ. Видимо, эти доказательства отъ крестьянъ требуются здѣсь почти при всякой просьбѣ, и они не надѣются, чтобы такъ, просто, по обязанности или по челоуѣчеству, кто нибудь захотѣлъ имъ помочь. А нисколько они добивались нисколько и сознательно, не жалѣя для этого ни денегъ, ни подарковъ.

Около полудня я уѣхалъ изъ злополучной деревни.

Вечеромъ того же дня я сидѣлъ въ гостяхъ у учителя Неструшкинской школы, блондураго пернаго молодого человека изъ городскихъ кѣшанъ, года полтора тому издавъ окончившаго курсъ въ учительской семинаріи. Фигура его была довольно миленькая: черты лица хоть малыя, но правильныя, рижеватая борода очень шла къ носимому имъ русскому костюму, состоявшему изъ шароваръ и поддевки чернаго бумажнаго трико. Это былъ первый встрѣченный мною учитель, нежаловавшійся на ничтожность своего вознагражденія, и на мой вопросъ, можно ли существовать на двѣсти рублей, получаемыхъ имъ ежегодно, онъ отвѣчалъ:

— Отчего же не прожить?... Мужики вонъ, по статистикѣ извѣстно, на всю семью получаютъ въ годъ семьдесятъ, много девяносто рублей, да живутъ. Здѣсь все, вѣдь, дешево, добавилъ онъ, маслу по шестнадцати копѣекъ за фунтъ, яйца по шести копѣекъ за десятокъ, а ершикъ молока и дѣны нѣтъ, просто хоть даромъ бери: дашь копѣйку, „многотыко, говорить, Веніаминъ Петровичъ“!

Дѣйствительно, по обстановкѣ его чистенькой комнатки, по костюму и по обилію выписанныхъ имъ на свой счетъ педагогическихъ и общобразовательныхъ книгъ и по выписываемой имъ газетѣ „Иллюстрированной Недѣлѣ“, я могъ убѣдиться, что Веніаминъ Петровичъ Пеструшкинъ пользуется довольствомъ и заботится о своемъ умственномъ усовершенствованіи.

Онъ также жаловался на невниманіе къ нему и его школѣ образованныхъ руководителей просвѣщенія. Въ полтора года его дѣятельности инспекторъ посѣтилъ его только одинъ разъ и то во время рождественскихъ ваннулъ, а земцы и члены училищнаго совѣта—ни разу. Съ попомъ онъ ладилъ и даже былъ въ дружбѣ, такъ какъ составлялъ безвозмездно церковные отчеты, которыми священникъ, по нелюбви и малому знакомству съ бухгалтеріею, очень тяготился. Мужики Пеструшкина

любили: дѣтей онъ въ полтора года научилъ читать и писать порядочно, а съ ними жилъ въ мирѣ и согласіи, не распространяя клеузъ и иногда даже умышленно закрывая глаза на то, что дѣлалось за порогомъ школы. Нечего и говорить, что преподаватель онъ былъ трудолюбивый и знакомый со всѣми усовершенствованными способами обученія. Въ этомъ я убѣдился, присутствуя цѣлые два дня на его школьныхъ занятіяхъ.

Но онъ былъ одержимъ одною заразительною болѣзнію, о которой я не могу не разсказать.

Вслѣдствіе ли восторженности, чисто дѣтской стороны характера или нѣсколько замкнутой трехлѣтней семинарской жизни, заставлявшей много мечтать и сосредоточиваться, Пеструшкинъ пристрастился къ стихотворству, къ рифмослаганію въ самомъ скверномъ смыслѣ. Все, чѣмъ современный живой человѣкъ интересуется, что перевариваетъ въ своемъ мозгу и разъясняетъ въ дружескомъ разговорѣ, все это Пеструшкинъ слагалъ въ трескучія и иногда очень плохія вырши. Онъ завелъ со мною рѣчь о своихъ плодахъ досуга, спрашивая моего совѣта, нельзя ли ихъ пустить въ печать и гдѣ именно. Но навѣрно, онъ уже и безъ моего совѣта посылалъ стихи въ печать, такъ какъ въ одномъ изъ номеровъ упоминаемой имъ газеты я встрѣтилъ, предшествуемый буквами В. П. П., такой рѣшительный отвѣтъ редакціи: „Совѣтуемъ прекратить рифмоплетеніе“.

Онъ привнесъ мнѣ довольно объемистую тетрадку въ рововой обложкѣ, на которой печатнымъ шрифтомъ красовалась надпись: „Стихотворенія Веніаміна Пеструшкина“. Тамъ были стихи и на день рожденія, и въ память о наставникахъ семинаріи, и „къ книгѣ“, и „на открытіе школы“. Я ожидалъ, что найду стихи на вставку рамъ и поправку печей, какъ вдругъ подвернулось мнѣ стихотвореніе, вполне подтвердившее мое мнѣніе. Оно называлось „Сюртувъ“ и все было посвящено этому возвышенному предмету.

Но болѣе всего поразило меня своею нелѣпостью стихотвореніе „На крѣпадъ въ Несытню господина инспектора“, гдѣ этотъ неравильный ревизоръ величался „лучезарнымъ гениемъ“, „столпомъ просвѣщенія“ и т. п.

Когда я кончилъ чтеніе тетрадки, Пеструшкинъ, съ краскою на лицѣ и съ сильнымъ волненіемъ въ голосѣ, спросилъ:

— Ну, какъ ваше мнѣніе, Александръ Ивановичъ?

— Ничего, такъ себѣ... отвѣчалъ я ему, не желая огорчить очарованнаго человѣка рѣзкимъ осужденіемъ, второе которое никогда не могло бы отрезвить уже столь сильно захворавшаго

поэзией юншу. — Только трудно добиться напечатанія, добавилъ я. Книгъ вѣкъ ужъ такой: въ явленіе новыхъ поэтовъ не вѣрятъ, а больше прозу печатають.

Онъ былъ обезкураженъ моимъ холоднымъ отвѣтомъ, и уже ни разу не заводилъ со мной болѣе разговора о плодахъ своего досуга.

Школьное помѣщеніе въ Несситиѣ было плоховато: низкій потолокъ и маленькія окна дѣлали классную комнату неприглядною и пасмурною. Веніаминъ Петровичъ на оставшіяся, отъ покупки дровъ и найма сторожа, деньги отдѣлалъ комнату бѣлыми обоями, потолокъ и печку побѣлалъ, отчего въ комнатѣ стало свѣтлѣе и веселѣе. У шевальниковъ онъ завелъ нѣчто въ родѣ формы, заставляя икъ шить одинакового покроя полукафтаны изъ сѣраго домашнего сукна. Въ полукафтѣ и шарфѣ я не встрѣтилъ у него ни одного мальчика.

Дѣти у него занимались прилежно, вели себя скромно, хотя и безъ той задушевной развязности, какъ у Мѣшкова.

Если и нельзя считать Пеструшкина идеаломъ сельскаго учителя, то можно навѣрное сказать, что этотъ типъ принесетъ много пользы народу, распространяя грамотность и гуманность своею учительскою дѣятельностію. Неопредѣленность убѣжденій и мягкость характера мѣняютъ такимъ людямъ сдѣлаться видными мѣстными дѣятелями. Они не внесутъ въ крестьянскую среду артельной организаціи, не устроятъ осудосберегательной кассы, не сдѣлаются новаторами въ приобщеніи къ мѣстному хозяйству земледѣльческихъ усовершенствованій. Даже въ преподаваніи въ школѣ они едва-ли переступятъ установленную программу, но въ достиженію ея цѣлей будутъ стремиться неутомимо и добросовѣстно, если не сдѣлаются жертвами какой нибудь исключительной болѣзни, въ родѣ стихотворства, болѣзни, которая все болѣе и болѣе будетъ отвлекать ихъ отъ занятія, поглощая всѣ чувства, мысли и время. Другая крайность этого типа — пьянство, какъ необходимое послѣдствіе деревенскаго однообразія и нужды, какъ отдыхъ нервамъ изстрадавшагося человѣка. Впрочемъ, этотъ типъ деревенскихъ учителей не настолько установился, чтобы можно было сказать о немъ послѣднее слово.

Простившись съ Пеструшкинымъ и давъ ему слово, если успѣю, завернуть на обратномъ пути, я отправился далѣе. Это былъ уже пятый день моего путешествія, и несмотря на разнообразіе впечатлѣній, я начиналъ уже чувствовать усталость. Но мнѣ хотѣлось сдѣлать настоящій обзоръ всѣхъ, сколько ни-

будь видныхъ, школь, о которыхъ я слышалъ раньше. Слѣдующая школа находилась въ исключительномъ положеніи и требовала особеннаго вниманія. Преподавательницей въ этой школѣ была дѣвица, и я до той поры не имѣлъ еще ни разу возможности наблюдать дѣятельность сельской наставницы.

Когда я входилъ въ квартиру Лизаветы Васильевны Окуневой, учительницы Басковской школы, мнѣ впервые впала въ голову мысль, какое я имѣю право нарушать покой чужаго существованія, кто уполномочилъ меня повѣрять чужую дѣятельность, изучать ее, а потомъ, можетъ быть, выносить на вольный свѣтъ сужденія о достоинствахъ и недостаткахъ труда людей, которыхъ я до тѣхъ поръ даже не видалъ ни разу въ глаза. Мнѣ показалось тогда, а теперь я даже убѣжденъ, что желаніе подѣлиться съ обществомъ результатами моихъ наблюдений, сказать ему, кто ему вредитъ, а кто приноситъ пользу, указать ему, гдѣ искать, а если можно, и найти героевъ современнаго общечеловѣческаго труда—это желаніе можетъ служить достаточнымъ оправданіемъ моего нескромнаго вторженія въ чужую жизнь.

Въ маленькой передней, куда я вошелъ изъ чистыхъ просторныхъ сѣней, встрѣтила меня пожилая дама въ черномъ капотѣ съ бѣлыми накрахмаленными воротничкомъ и рукавчиками и съ манерами, по которымъ нетрудно было признать благородную чиновницу на пенсіи. Такъ какъ я зналъ, что учительница живетъ со старушкою матерью, то я отрекомендовался встрѣтившей и сказалъ, что осмѣлился зайти такъ рано (было половина девятаго утра) потому, что хотѣлъ застать Лизавету Васильевну дома и просить позволенія посмотреть ея школу.

— Не безпокойтесь,—успокоивала меня ласковымъ голосомъ старушка,—мы съ дочерью въ семь часовъ поднимаемся съ постели, а потому вы и не можете стѣснить насъ вашимъ приходомъ... Пожалуйте въ гостиную!

Послѣднія слова старушка произнесла не безъ достоинства, такъ какъ имѣть гостиную въ деревнѣ Баской очень трудно и даже было бы совсѣмъ невозможно, если бы не было въ ней заштатной пощады, домикъ которой, состоявшій изъ трехъ комнатъ и кухни, за три рубля въ мѣсяцъ нанимали мои новыя знакомыя.

Я прошелъ въ гостиную, квадратную комнату съ четырьмя окнами, оклеенную голубыми обоями и меблированную мягкой мебелью. Только что я успѣлъ было сѣсть по приглашенію старушки, какъ въ отворившуюся дверь изъ сосѣдней комнаты

вошла сама учительница, милостивая русая дѣвушка, лѣтъ двадцати, съ серьезнымъ проникательнымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ, въ коричневомъ коротенькомъ платьицѣ и простомъ жоханомъ кушачкѣ, одѣвшаяся, чтобы идти въ школу.

Я отрекомендовался.

— Вы извините меня за откровенность, — сказала она простымъ задушевымъ голосомъ, какъ давно знакомая, — а я уже слышала о васъ. Вы слывете въ городкѣ за радикала, а потому я и рада съ вами познакомиться.

— Не особенно радуйтесь, — отшучивался я на ея откровенное объясненіе, — радикаль-то я умѣренный.

— А развѣ бываютъ умѣренные радикалы? — быстро спросила она меня и кристально посмотрѣла мнѣ въ глаза, желая прочесть въ нихъ правдивый отвѣтъ. — А я думала, что это невозможное сочетаніе, какъ четвероногій человѣкъ.

— А я къ вамъ съ серьезною просьбой, Лизавета Васильевна, прошу позволенія посмотрѣть вашу школу.

— Очень рада, позволяю вамъ это посѣщеніе, а кстати дадите мнѣ нѣсколько добрыхъ совѣтовъ, въ которыхъ я, окъ какъ, нуждаюсь! Вы, конечно, согласны?

Я изъявилъ полнѣйшее согласіе на это справедливое условіе.

Мы отправились въ школу и скоро достигли длиннаго флигеля, занимаемаго училищемъ. На всемъ была видна женская акуратность и порядокъ. Полъ въ классной комнатѣ вымытъ и выметенъ. На окнахъ и столахъ ни пылинки. Стѣны и потолокъ оклеены бумагой. Дѣти не глядѣли замухрышками, а были гладко выстрижены, чисто одѣты и вымыты. Изъ пятидесяти человѣкъ дѣтей, пришедшихъ въ классъ, было пятнадцать дѣвочекъ. Обученіе было совмѣстное, и старшія дѣвочки сидѣли съ старшими мальчиками, а младшія — съ младшими.

Уроки начались тѣмъ, что младшіе получили письменную работу — рѣшеніе заранѣе истолкованной задачи, а со старшими Лизавета Васильевна вела весьма полезную и instructивную бесѣду. Дѣти брали читать на домъ имѣвшіяся въ библиотекѣ книги, и при чтеніи выписывали въ особую тетрадку непонятныя для нихъ слова, и, придя утромъ въ классъ, спрашивали объясненій учительницы. Она сперва спрашивала, не можетъ ли кто либо изъ учениковъ объяснить незнакомое товарищу слово, а если такого не оказывалось, то объясняла сама. Объясненія разъ или два повторялись, и записывались въ тетрадку каждымъ ученикомъ и ученицей. Дѣти относились къ учительницѣ съ большою любовью, не конфузаясь, предлагали ей вопросы и давали иногда,

конечно, и неудачные отвѣты. Отъ этой школы вѣяло вполне семейнымъ, родственнымъ характеромъ, безъ чего едва-ли далеко пойдетъ любая школа. Уровень развитія старшихъ дѣтей былъ очень высокъ. Даже привычки дѣтей, этой несправимой, по мнѣнію многихъ другихъ, грубой среды, были очень приличны. Я не замѣтилъ ни одного почесыванья, встряхиванья головой, какъ бываетъ часто у дѣтей съ длинными волосами, не было и сосанія пальцевъ и карандашей.

Не буду утомлять читателя подробнымъ изложеніемъ занятій. Уроки съ полчасовымъ перерывомъ, отъ половины двѣнадцатаго до двѣнадцати, продолжались до четверти третьяго. Дѣти, освѣжаемыя послѣ каждаго часового урока пятнадцатиминутнымъ обязательнымъ бѣганьемъ по двору, не чувствовали усталости. Объ учительницѣ я уже не говорю: ея трудолюбіе, вниманіе къ преподаванію и ученикамъ—были просто изумительны. И все съ улыбкою на устахъ, съ радушіемъ въ голосѣ.

Когда дѣти были распущены, Лизавета Васильевна показала мнѣ, хотя небольшую, но только подобранную, дѣтскую бібліотеку. Въ ней были всѣ изданія народныхъ чтеній и всѣ отдѣльно вышедшіе въ печати рассказы лучшихъ русскихъ литераторовъ, включая сюда и всѣ вышедшіе томы „Русской Библиотеки“.

Я спѣшилъ поблагодарить любезную труженицу за доставленное мнѣ удовольствіе и просилъ извиненія за причиненныя моею любознательностью хлопоты.

— Нѣтъ, вы такъ легко отъ меня не отдѣляетесь,—возразила на мою попытку проститься хозяйка, не подавая мнѣ руки.— Пойдемте теперь ко мнѣ и вкусите отъ нашей скромной трапезы.

Не было причинъ къ отказу отъ такого любезнаго приглашенія, и мы отправились въ ея гостепримную квартирку.

Послѣ сытнаго обѣда, приправленнаго пріятнымъ разговоромъ, надали кофе.

— Удивляюсь,—замѣтила хозяйка,—что у насъ въ уѣздѣ больше учителя, и только двѣ учительницы: я и Покровская въ Броскинѣ, но я и съ тою незнакома.

— А вы гдѣ воспитывались, Лизавета Васильевна?

— Только въ прогимназіи кончила, а въ педагогикѣ сама поштолкалась, да добрые люди немного ума дали.

— Кабы всѣ школы были такими, какъ ваша, Лизавета Васильевна, то и желать ничего бы не оставалось.

— А я такъ еще желаю очень многого...

— Чего же, напригёръ?

— Глобусъ, во первыхъ, завести нужно... Библиотеку надо пополнить... Гимнастику недурно бы завести... Физическій кабинетъ, котъ въ миниатюрѣ, пріятно бы было имѣть... и полезно.

— Дай Богъ, чтобы ваши благія желанія осуществились поскорѣе. Для человѣка съ вашимъ характеромъ нѣтъ ничего невозможнаго.

— Безъ комплиментовъ, пожалуйста! Вотъ характеръ-то у меня и плохъ: мама пятнадцать рублей въ мѣсяцъ пенсін получаетъ, я двадцать пять рублей жалованья, и того сорокъ рублей. Живемъ въ деревнѣ—и ни копѣйки не остается. Другой энергическій человѣкъ себя бы въ чемъ нибудь необходимомъ отказалъ, а для идеи пожертвовалъ... Мы же вотъ и въ удовольствіяхъ себя не отказываемъ: смотрите, даже журналъ и газету выписываемъ.

Сопровождаемый благими пожеланіями хозяевъ, отправился я изъ деревни Баской въ дальнѣйшій путь.

Дорогой объяснилось, почему нѣтъ въ школѣ Ливаветы Васильевны глобуса и другихъ нужныхъ, по ея мнѣнію, предметовъ. Ямщикъ передалъ мнѣ, что „барышня“ общая благотѣлительница всей деревни: лечитъ во многихъ случаяхъ больныхъ крестьянокъ своими лекарствами, такъ какъ въ Баской докторъ не бываетъ никогда, а фельдшеръ очень рѣдко; бѣднымъ ученикамъ даетъ иногда на сапоги, на шапку, на платокъ, а маленькихъ дѣтишекъ по праздникамъ просто задариваетъ гостинцами.

— Кормилица ты наша, дай тебѣ Богъ многолѣтнаго здравія!—заклучилъ свой рассказъ ямщикъ и съ чувствомъ перекрестился.

Если ты, читатель, знаешь хоть одну такую великодушную и безвѣстную труженицу, то только тогда поймешь, какъ глубоко порадованъ былъ я этою встрѣчею, и не потеряешь, какъ часто бываетъ въ нашъ вѣкъ, вѣры въ возможность самоотверженной любви къ ближнему и велиаго труда.

Когда я пріѣхалъ въ Серебряково, въ которомъ мнѣ также предстояло заглянуть въ школу, во всѣхъ крестьянскихъ избахъ огни уже были потушены. Было около десяти часовъ вечера. Я былъ въ немаломъ затрудненіи относительно ночлега, такъ какъ не имѣлъ ни одного знакомаго крестьянина, подъ крышу котораго я могъ бы пріютиться. Вдругъ замѣтилъ я легкій свѣтъ въ окнѣ одной избы, завѣшенномъ толстою холстинною занавѣскою. Я велѣлъ вучеру ѣхать къ этой избѣ. Когда мы по-

стучались, то вышелъ на крыльцо высокой молодой человекъ и, узнавъ, что я нуждаюсь въ ночлегѣ, пригласилъ меня войти и остановиться у него. Мнѣ повезло: по игрѣ простаго случая, я очутился въ гостяхъ у учителя мѣстной школы Алексѣя Семеновича Верхоглядскаго, студента семинарии, упражнявшагося въ педагогикѣ до полученія поповскаго мѣста. Мой атлетическій, высокий, широкоплечій хозяинъ съ геркулесовскими дланями, съ чертами лица строго серьезными, внушалъ мнѣ невольное уваженіе. Онъ былъ снисходительно любезенъ со мною и во всѣхъ разговорахъ просто учительски поправлялъ меня, причемъ, дѣйствительно, выказывалъ большое знаніе жизни и мѣстныхъ нравовъ. Оказалось, что, во время семинарскаго ученія, онъ не одинъ разъ сдѣлалъ пѣшвомъ путешествіе изъ губернскаго города въ свое село, отстоявшее отъ него на пятьсотъ верстъ, питаясь дорогою, чѣмъ Богъ послалъ.

Не смотря на мое отнѣиванье отъ его услугъ, онъ самъ согрѣлъ самоваръ, и наша бесѣда, подогрѣваемая чайкомъ, едва затянулась на какой нибудь часъ.

— Любите вы школьныя занятія? спросилъ я своего хозяина, зная заранѣе, что отвѣтъ его будетъ очень оригиналенъ.

— Какая тутъ любовь? съ ребятишками въ навозѣ копаться... Не любить вонь ременный внуть, да радъ, что хоть кормить тутъ! Жрать нечего, объяснилъ онъ, широко раскрывая ротъ, который ясно свидѣтельствовалъ о его помѣстительномъ желудкѣ и безуворизненномъ апетитѣ.

Мы оба долго молчали.

О приемахъ обученія, объ отношеніяхъ народа къ школѣ и обо всемъ другомъ, чѣмъ я интересовался, я уже не осмѣлился его спрашивать.

— Я думаю, у васъ здѣсь неособенно много знакомыхъ? придумалъ я тему для разговора.

— Есть знакомые, какъ же есть!—И Верхоглядскій, злобно улыбаясь, потеръ руки.—Есть господа-бояре, которые не знаютъ, куда на ночь голову приклонить. Чиновные люди тоже въ знакомые напрашиваются, да волостной старшина, подгулявъ, лампу у меня разбилъ, на три рубля наказалъ, а писарь перочинный ножикъ укралъ, да въ кабакѣ заложилъ. Вотъ вамъ и вся образованная компанія. Теперь больше и грѣюсь около поповенъ, да дьячковеевъ.

— Вы бы хотя газетку выписывали, Алексѣй Семеновичъ! посовѣтывалъ было я.

— А на кой лѣній мнѣ газета? Позвольте узнать? Поди-

твѣю заниматься? Чортъ въ ней ногу сломить! Извѣстiя разныя читать? Такъ я ни одному изъ нихъ на волосъ не вѣрю. Романами забавляться? Такъ я вамъ получше газетнаго романа сочиню, такъ что только губыи облизайте! Ха, ха, ха!...

Отъ раскатовъ его смѣха задребезжали оконныя стекла.

Съ этимъ чудовищнымъ учителемъ у меня скоро истощились всѣ темы для разговора, и я даже сожалѣлъ, что не проѣхалъ дальше, миновавъ этого вѣроподобнаго педагога.

Вставъ на другое утро, я не осмѣлился и подумать о посѣщенiи школы, руководимой Верхоглядскимъ.

Послѣ этого я посѣтилъ еще три школы. Вездѣ я встрѣтилъ горячее стремленiе къ просвѣщенiю со стороны бѣдныхъ крестьянъ, враждебное отношенiе деревенскихъ кулаковъ, нуждавшихся въ даровомъ учителѣ для своихъ питомцевъ; вездѣ свозило отсутствiе интеллигентной поддержки и сочувствiя, и повсюду былъ неудаченъ самый выборъ учителей.

Въ одной школѣ учительствовалъ отставной волостной писарь, получавшiй за свой трудъ шестьдесятъ рублей въ годъ и въ лѣтнiя каникулы, наравнѣ съ прочими мужиками, пахавшiй землю.

Въ другой школѣ преподавалъ, зараженный просвѣтительною чесоткой, священникъ, отецъ Калистратъ, человекъ очень бойкiй и способный, но мало годный для учительства и положительно не имѣвшiй времени для занятiй. Школу помѣстилъ онъ, для экономiи расходовъ, въ своей, хотя просторной, но очень грязной кухнѣ. Когда онъ бѣгалъ съ кадиломъ по приходу, его мѣсто въ школѣ заступала практическая „матушка“, его жена. Неграмотная, недалекая отъ природы, она требовала, чтобы ученье дѣтей выражалось въ громкихъ звукахъ, по которымъ она могла бы судить, что они занимаются. Чтобы угодить ей, дѣти громко хоромъ читали какуюнибудь статью и такъ ужасно гадали, что прохожiе останавливались и озирались на домъ батюшки. Въ осеннее время попадавъ иногда заставляла дѣтей копать картофель, рубить вапусту и исполнять другiя, подходящiя къ ихъ возрасту, работы.

Въ третьей школѣ былъ учителемъ такой же семинаристъ, какъ и Верхоглядскiй, хотя гораздо мягче и сдержаннѣе, и своимъ трудолюбиемъ напоминалъ мнѣ Пеструшина.

Въ этой же школѣ встрѣтилъ я и школьнаго попечителя изъ крестьянъ. Абрамъ Федотичъ Квасникъ былъ деревенскiй купецъ и попечителемъ школы состоялъ цѣлыхъ десять лѣтъ. По словамъ учителя онъ любилъ заходить въ школу частенько,

платилъ въ пользу училища аккуратно десять рублей въ годъ, ни болѣе и ни менѣе, и къ учителю относился свысока, даже начальственно. При мнѣ онъ довольно фамильярно потрепалъ учителя по плечу и густымъ басомъ провизнесъ:

— Вотъ что, братецъ ты мой, велика лучше спѣть что нибудь!

— Пѣсню или духовное? спросилъ сконфуженный въ моемъ присутствіи учитель.

— Нѣтъ, ужъ божественное лучше... да почувствительнѣе!

Чтобы угодить прихотливому представителю общественнаго надзора, учитель въ половинѣ математическаго урока долженъ былъ заставить дѣтей пропѣть „Свѣте тихій“ и „Взбранной Воеводѣ“.

Удовлетворенный пѣніемъ, Кваснинъ откланялся и ушелъ, а мы вновь принялись за математику.

Когда я кончилъ осмотръ Перекопской школы, послѣдней въ моей поѣздкѣ, былъ уже двѣнадцатый день взятаго мною отпуска. Мнѣ приходилось торопиться въ городъ, отъ котораго я уже удалился верстъ на двѣсти. Я былъ вполне доволенъ своею поѣздкой, такъ какъ отрывочныя понятія свои о сельской школѣ я увеличилъ многочисленными и интересными наблюденіями, а главное, собранными на самой деревенской почвѣ и носящими безспорно правдивый и жизненный характеръ.

А. Истомина.

КАРТИНЫ МИНУВШАГО.

II.

Порѣшили, присудили къ казни,
Утвердилъ царь-Петръ приговоръ,
То извѣстье встрѣтилъ безъ боязни
Старый Кикинъ, бунтовщикъ, не воръ.
Было жаль послать его на плаху,
Вѣкъ нуждаясь въ умныхъ головахъ,
Русскій Царь рубилъ ихъ неохотно,
Умъ цѣнилъ онъ даже во врагахъ.
Много винъ прощалъ ему Великій,
Все надѣясь въ немъ найти слугу,
Говоря, что старую березу
Не согнешь, какъ надобно, въ дугу.
Наконецъ, за колебанье трона,
Долженъ былъ онъ приказать отсѣчь,
Для поддержки власти и закона,
Хоть и здравый умъ, но съ буйныхъ плечъ.
Но и тутъ, ужъ наканунѣ казни,
Захотѣлъ услышать Царь отвѣтъ,
На одинъ вопросъ неразрѣшенный;
Уважалъ онъ Кикина совѣтъ.
Привели. Вошелъ старикъ свободно,
И поклономъ отдалъ честь Царю,
Хотя зналъ, что встрѣтитъ онъ завтра,
Въ разъ послѣдній Божію зарю.
— Слушай, Кикинъ, объясни по правдѣ,

Отчего, при всемъ твоємъ умѣ,
Не смотря на всѣ мои поблажки,
Лишь врага я приобрѣлъ въ тебѣ?
— Отчего! Скажу, коль неизвѣстно,
Боли самъ не понялъ, хотъ востѣръ:
При тебѣ уму не въ мѣру тѣсно,
А ему необходимъ просторъ.

Н. А. Вродкій.

НЕНАСТЬЕ.

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

— Поѣздъ приходитъ половина пятого на Бурую, а Тата до сихъ поръ нѣтъ. Vous avez des routes impossibles mon cher, — говорилъ господинъ, безукоризненно одѣтый въ сѣрый утреннй костюмъ, въ лиловыхъ шелковыхъ чулкахъ и такомъ же галстухѣ, развалился на большомъ низкомъ креслѣ у камина и лѣниво мѣшая уголья, маленькою кочергой съ бронзовою ручкою. — А какова погода! — продолжалъ онъ, взглянувъ въ окно, и не получая отвѣта отъ своего молчаливаго собесѣдника, продолжалъ: — Календарь увѣряетъ, что сегодня 10 мая... а тутъ и снѣгъ и дождь и всякая мразь!... такъ кажется выражаются отечественные романисты? Quel tas de cheparans mon Dieu!

— Кто это? спросилъ Арбеневъ, опуская книгу, которую держалъ въ рукахъ.

— Россійскіе писатели, государь мой.

— Отчего-же они вамъ не нравятся?

— Des laquais mon cher!... et pas de bonne maison encore! я сейчасъ читалъ „Семейство Снѣжиныхъ“ — c'est inouï, я конечно бросилъ. C'est du nihilisme le plus déhonté.

— Я романовъ не читаю, отвѣчалъ Арбеневъ.

— „Вѣстникъ Европы“ еще опротивѣе другихъ журналовъ, —

продолжалъ господишь въ сѣромъ. — Другіе, исключая одного „Русскаго Вѣстника“, нужно читать въ перчаткахъ. Не понимаю, какъ нанечатали подобную сальность? Какая безнравственность!

— Вы очень строги Григорій Николаевичъ, — проговорилъ, улыбаясь, Арбенъевъ, окинувъ насмѣшливымъ взглядомъ испитую, истасканную фигуру своего гостя, у котораго, вѣроятно вслѣдствіе очень нравственной жизни, жиденькіе волоса, съ англійскимъ проборомъ по срединѣ головы, едва прикрывали угловатости черепа, а глубоко ввалившіеся глаза придавали лицу сходство съ мертвою головою. Не смотря на щеголеватую одежду, господишь въ сѣромъ очень напоминалъ мумію, которую забыли похоронить, или обезьяну въ послѣднемъ градусѣ чахотки.

Звали его Григорій Николаевичъ Павлицевъ. Онъ былъ родной племянникъ стараго князя Саврасова и, по праву кузена, уже болѣе недѣли гостилъ, незванный и непрошенный, въ деревнѣ у Арбенъева, въ ожиданіи пріѣзда кузины.

Павлицевъ принадлежалъ къ породѣ паразитовъ, которые, какъ всѣ паразиты, всегда кишатъ тамъ, гдѣ можно привольно, тепло и сытно пожить на чужой счетъ. Только онъ былъ насѣкомое высшаго полета, не какой нибудь вонючій клопъ, а легкомысленный и рѣзвый комаръ, жужжащій, порхающій и надеждающій странно, особенно людямъ занятымъ. Представьте себѣ, что вы пишете или читаете что нибудь очень интересное, и вдругъ назойливое насѣкомое жужжить прямо надъ вашею головою и такъ и паровитъ вонзится вамъ въ тѣло свое крошечное жало. Не правда-ли, что тогда вы съ какимъ-то злорадствомъ позволяете ему напиться вашею кровью, чтобъ тутъ же его прихлопнуть.

Сколько разъ въ продолженіи этой недѣли Арбенъевъ жалѣлъ, что не можетъ прихлопнуть, какъ комара, своего жужжащаго и назойливаго кузена.

Выдаются же такіе дни, когда тошно глядѣть на свѣтъ Божій, а тутъ еще комаръ жужжить. „Мало того, что сама ѣдетъ, думалъ Арбенъевъ, нѣтъ еще его прислала“, и онъ съ досадою бросилъ книгу и подошелъ къ двери, которая вела на балконъ. Шелъ мелкій дождь; сильный юго-восточный вѣтеръ гналъ низко по небу темно-сѣрыя густыя облака и качалъ верхушками высокихъ плаучихъ березъ, только что покрывшихся молодыми, ярко зелеными листьями.

Онъ отворилъ дверь на балконъ и, не смотря на дождь, быстро пошелъ по широкой липовой аллеѣ, которая вела къ

пруду. Онъ чувствовалъ припадокъ гнетущей тоски. Прїѣздъ жены, совершенно неожиданный и которому онъ не успѣлъ помѣшать, наполнялъ его сердце невыразимую злобою на нее и досадою на собственное малодушіе.

Садъ села Арбеньева, Большіе Озерцы, былъ очень старинный и расположенъ въ томъ вкусѣ, въ которомъ разводились сады 60 и 70 лѣтъ тому назадъ. Создать такой садъ могло только крѣпостное право и крѣпостныя руки. Первая его часть, которая находилась передъ домою, состояла вся изъ правильныхъ крытыхъ липовыхъ аллей, которыя на каждомъ перекресткѣ образовывали *round-points*, какъ въ Версалѣ. Въ окрестностяхъ, на сто верстъ кругомъ, не было липы, и когда разводили садъ, то каждое дерево привозилось Богъ знаетъ изъ какой дали; а чтобы насадить такія длинныя, густыя аллеи нужны были сотни тысячъ деревьевъ, потому мы и говоримъ, что подобный садъ могъ быть созданъ только при крѣпостномъ правѣ. Дальше, за аллеями, начинался англійскій паркъ и тоже во вкусѣ XVIII столѣтія съ искусственными миниатюрными гротами, насыщенными горками, островами любви и прудами, величиною съ небольшія овера, и все это было вырыто, насажено и воздѣвано все тѣми же мужицкими руками.

Дорожки были сдѣланы такъ хорошо, такъ плотно убиты кирпичемъ и такъ тверды, что почти никогда не заросли травою. Въ настоящее время, старый садъ много утратилъ отъ своего прежняго величія. Не было въ немъ больше ни статуй, ни бесѣдокъ, ни kioskovъ; все это за ветхостью было уничтожено и не возобновлялось; за то онъ сталъ гуще и поэтичнѣе, конечно, только та часть его, которая носила названіе англійскаго сада; крытыя липовыя аллеи остались такія-же скучныя, прямыя и правильныя. Арбеневъ не любилъ своего сада; дѣтство его прошло въ Петербургѣ, или за границей; его не связывали съ помѣстьемъ его предковъ воспоминанія первыхъ лѣтъ жизни, самыя сильныя, самыя неизгладимыя изъ всѣхъ воспоминаній. Весь строй его понятій и убѣжденій, выработанный въ другой средѣ, дѣлалъ ему даже антипатичнымъ все, что напоминало о тяжелыхъ дняхъ рабства и барскаго самоурства.

Его не опутывали тѣ миллионы невидимыхъ нитей, которыя опутываютъ людей, выросшихъ и страдавшихъ на родной почвѣ. Онъ любилъ родину головою, отчасти, даже сердцемъ, но онъ не любилъ ее кровью и нервами, всѣмъ своимъ существомъ. Самая гуманность его была не русская жалостливость и нѣсколько распущенная мягкость сердечная, а просто строгое и даже суровое

поклоненіе идеѣ свободы и справедливости. Онъ любилъ чело-
вѣка вообще, но русскій мужикъ не былъ ему дороже англій-
скаго пролетарія и французскаго блузника. Онъ сознавалъ это
и мучился этимъ сознаніемъ, потому что видѣлъ ясно, что всё
его попытки служить своей родинѣ оказывались безсильными и
не приводили ни къ какимъ результатамъ. Арбенъевъ шагаль
по дождю, почти не замѣчая его. Чувство тоски и одиночества
охватывало его все больше и больше. — „Человѣкъ только тогда
можетъ проводить свои убѣжденія въ жизни—думалось ему,—
„когда онъ не одинокая личность, а представитель партіи, а ка-
кую партію представляю я, и какая можетъ быть у меня партія?
Ужъ конечно, не здѣсь мѣсто для людей моихъ убѣжденій.
И къ довершенію всего, эта безумная и невозможная любовь!...
Не могу-же я себя дальше обманывать... я люблю ее... какъ
сумасшедшій. Чтобы я ни дѣлалъ, какъ бы я ни старался по-
бѣдить въ себѣ эту страсть, она... одна она... и во снѣ... и на
яву. Она, чистая, ясная, гордая и недоступная!“ ...

Онъ сѣлъ на скамью въ концѣ аллеи, опустилъ голову на
руки и глубоко задумался.

— Барыня пріѣхали, васъ спрашиваютъ, раздался подлѣ
него чей-то голосъ.

Онъ вздрогнулъ и поднялъ голову.

Передъ нимъ стоялъ его камердинеръ и держалъ въ рукахъ
его пальто.

— Какая барыня?—онъ не могъ дать себѣ отчета, какъ выр-
вался у него этотъ недѣльный вопросъ, потому что онъ очень
хорошо понималъ, о комъ говорить его Яша.

— Наталья Александровна, съ полчаса тому назадъ какъ
пріѣхали. Я васъ по всему саду искалъ. Да надѣньте пальто
Дмитрій Васильевичъ, смотрите—дождь какой; что это вы, ба-
тюшка, въ какую погоду гуляете?

„Вотъ этотъ меня любить“,—подумалъ Арбенъевъ, надѣвая
пальто,—„любить потому, что у меня легко наживаться“.

— Скажи Натальѣ Александровнѣ, что я сейчасъ приду.

И онъ пошелъ къ дому.

— Сапоги-то перемѣните,—кричалъ сзади лакей,—а то про-
студитесь.

Но баринъ, казалось, не обратилъ никакого вниманія на
нѣжную заботливость слуги, онъ думалъ только о томъ, какъ
бы деликатнѣе выпроводить свою супругу. Тата очень устала
отъ дороги и лежала съ ножками на кушеткѣ. Предметъ ея
нѣжнѣйшей любви и попеченій, маленький, рыженькій грифонъ

лежалъ у нея на вольныхъ. Собаченка, когда-то красивая, была теперь разбита параличемъ, и языкъ торчалъ у нея наружу; но любовь Татѣ къ этому уродцу была все такъ-же нѣжна и вѣрна. На полу стояла корзинка, вся стеганая на ватѣ внутри и обтянутая голубымъ атласомъ, съ ленточками и рюшами; это былъ домикъ параличной Молли.

Дорожная усталость не мѣшала Татѣ быть причесанной какъ на вечеръ и даже слегка подрумяненной. На ней было восхитительное дорожное платье, просто черное кашемировое, но, конечно, очень дорогое; такъ изящень былъ его фасонъ, созданный М-ше Andrieux. Изъ-подъ платья выглядывали маленькія, но довольно толстенныя, ножки, обутыя въ высокія ботинки изъ золотистой кожи. Опытный глазъ угадалъ бы сразу, что весь туалетъ м-ше Арбенъевой стоилъ, по крайней мѣрѣ, 400 рублей, сумма достаточная для прокормленія двухъ семействъ въ годъ.

У ногъ ея, на невзломъ табуретѣ, сидѣлъ ея милый кузень и что-то рассказывалъ. Вѣроятно это было очень остроумно и забавно, потому что серебристый хохотъ Татѣ слышался даже въ гостиной. Подлѣ нея на столикѣ лежала книга въ желтой оберткѣ: это былъ романъ Беллѣ „*ma femme M-lle Giraud*“.

При входѣ мужа, Татѣ быстро схватила книжку и спрятала ее подъ подушку.

— Bonjour, Дмитрій! томно проговорила она, протягивая къ нему руку и приподнимаясь, какъ бы желая поцѣловать его.

Онъ молча пожалъ протянутую ему руку и, точно не замѣчая движенія жены, сѣлъ на кресло у камина.

Татѣ покрасѣла, но, къ удивленію кузена и даже самаго Арбенъева, не выразила ни однимъ словомъ, что она удивлена холодностью мужа. Не смотря на свой обыкновенный апломбъ, она казалась сконфуженною, точно искала, что сказать и не находила словъ. Положеніе становилось неловкимъ и даже кузень замѣтилъ это. Онъ понялъ, что супруговъ нужно оставить однихъ и что готовится семейная сцена; а онъ столько же ненавидѣлъ семейныя сцены, сколько любилъ даровую роскошь и комфортъ. Напѣвая самымъ фальшивѣйшимъ голосомъ что-то изъ Сонамбулы, онъ незамѣтнымъ образомъ ступался.

— Можетъ быть васъ удивляетъ мой пріемъ?— началъ Арбенъевъ; такъ какъ Татѣ плохо объяснялась по-русски, то онъ всегда говорилъ съ нею по-французски, то и ему легче было пе-

рѣйти къ мѣстоимѣнію вы...—Но мнѣ кажется, что откровенное объясненіе нашихъ взаимныхъ отношеній сдѣлалось наконецъ необходимымъ.

— Почему-же? тихо спросила Тата.

Онъ взглянулъ на нее, она была неузнаваема. Онъ ждалъ слезъ, упрековъ. Ничего этого не было. Глаза ея были опущены, точно она боялась взглянуть на него, и ея вопросъ былъ робокъ и тихъ.

„Что съ нею сдѣлалось?“ подумалъ онъ, и ему даже какъ будто стало жаль ее.

— Потому,—продолжалъ онъ уже гораздо мягче,—что я считаю недостойнымъ и васъ, и меня сохранять наружно отношенія, сдѣлающіяся невозможными въ действительности.

Арбеньева страшно поблѣднѣла, „неужели онъ знаетъ?“ мелькнуло у нея въ головѣ.

— Что же я сдѣлала?—спросила она машинально, чувствуя, что не должна это спрашивать.

— Ничего,—отвѣчалъ Арбеньевъ, все болѣе и болѣе удивляясь блѣдности и замѣшательству жены; — я не обвиняю васъ, потому что смѣшно было бы обвинять васъ въ томъ, что совершенно не зависитъ отъ вашей воли.

Она взглянула на него съ удивленіемъ.

— Виноватъ я, потому что требовалъ отъ васъ понятій и убѣжденій, совершенно чуждыхъ вамъ и несродныхъ ни вашей натурѣ, ни привычкамъ всей вашей жизни.

Тата глубоко вздохнула, точно облегчала стѣсненную грудь:

— Только-то? сказала она гораздо спокойнѣе.

— Для васъ это ничтожно,—продолжалъ Арбеньевъ, — для меня это все, но, повторяю вамъ, я не упрекаю васъ ни въ чемъ; но вашимъ понятіямъ вы исполняли ванъ долгъ, какъ умѣли.

— Il ne sait rien!—подумала она и мигомъ навеселѣла.— Дмитрий de grâce, pas de morale!—сказала она уже своимъ обычнымъ голосомъ капризнаго ребенка.

— Я говорю съ вами серьезно и потому прошу васъ оставить эту милую манеру объясняться—для вашего вузена.

— Я не понимаю чего вы отъ меня хотите? Она закинула назадъ голову и точно въ утомленіи закрыла глаза.

— Я хочу, чтобъ вы уѣхали.

— Vous êtes fou? Или, можетъ быть, я вамъ мѣшаю? Она взглянула на него, лукаво улыбаясь.

— Что вы хотите сказать?

Ему было невыразимо досадно, онъ чувствовалъ, что въ его голосѣ слышалась какая-то тревога.

— Да, вы мнѣ мѣшаете, продолжалъ онъ, стараясь говорить спокойно, между тѣмъ какъ сердце его начинало биться сильнѣе, а руки холодѣли.

Она все улыбалась, и эта улыбка бѣсила его.

— J'ai donc une rivale, excepté le „земство“? проговорила она наконецъ кокетливо.

„Я убью ее, если она скажетъ еще слово!“ подумалъ Арбеневъ.

Воскресала прежняя Тата, которая была ему такъ антипатична.

Онъ всталъ, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и наконецъ остановился противъ нея.

— Вы мнѣ мѣшаете...—проговорилъ онъ медленно, не спуская съ нея глазъ: — потому что ваше присутствіе напоминаетъ мнѣ, что судьба моя навсегда и неразрывно связана съ вашею... вы мнѣ мѣшаете потому, что намъ всегда мѣшаютъ тѣ, кого мы ненавидимъ...

Последнія слова вырвались у него невольно.

Тата вскрикнула и закрыла лицо руками.

— Что дѣлать, что дѣлать? повторяла она мысленно и на этотъ разъ заплакала непритворными слезами.

— Успокойтесь,—говорилъ Арбеневъ,—я выразился слишкомъ жестко; это доказываетъ только, что намъ невозможно жить вмѣстѣ, потому что мы невольно будемъ безпрестанно оскорблять другъ друга.

— Я васъ не оскорбляла,—проговорила Тата сквозь слезы.— Я не могу оскорблять васъ, потому что, не смотря на вашу, ничѣмъ незаслуженную, ненависть, я все еще люблю васъ.

Онъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Имѣйте больше гордости Наталья Александровна, вы не можете и не должны любить меня.

— Что-же дѣлать? я невольна въ своемъ чувствѣ.

— Это все пустяки... вы охотница до фразъ, а это давно знаю! Къ тому-же я также давно знаю, какъ мастерски умѣете вы притворяться; не возобновляйте же старыхъ, давно надѣвшихъ мнѣ, сценъ. Я не могу заставить васъ уѣхать отсюда, но я могу уѣхать самъ и потому предупреждаю васъ, что завтра-же я уѣзжаю въ городъ и пробуду тамъ до тѣхъ поръ, пока вы здѣсь.

— Дмитрій! умслю васъ не дѣлайте скандала, что поду-

маютъ мои родные?... свѣтъ?... наконецъ даже наша прислуга, сосѣди?...

— Не безекойтесь, скандала никакого не будетъ. Моя служба требуетъ моего постоянного присутствія въ городѣ, а и безъ васъ бываю здѣсь очень рѣдко.

— Но останьтесь хотя на нѣсколько дней, а только что пріѣхала и вдругъ вы уѣзжаете... что я напишу маман, какъ объясню ваше непонятное поведение? Вы жестоки Дмитрій, вы сами же сказали, что я ничѣмъ виновата... послѣднія слова она произнесла тихо и какъ будто нерѣшительно.

Арбенъевъ взглянулъ на жену и убѣдился, что на этотъ разъ ея горе было женитворное; она была очень блѣдна, слезы катились у нея по щекамъ и она даже не заботилась о томъ, чтобы плакать красиво.

— Вы такъ боитесь того, что скажутъ, — проговорилъ онъ насмѣшливо, — что изъ-за этой боязни жертвуете даже чувствомъ собственного достоинства. Вы несправимы... хорошо, я не сдѣлаю скандала, который васъ такъ пугаетъ, а пробуду здѣсь еще два дня и потомъ уѣду въ городъ, и пробуду тамъ до того времени, когда вы заблагоразсудите отправиться къ вашимъ роднымъ, въ ихъ подмосковную. Я даже готовъ пріѣхать сюда ко дню вашего отъѣзда, чтобы проводить васъ. Больше не требуйте отъ меня ничего, это мое послѣднее слово.

— Дмитрій! еще одна просьба. Позвольте мнѣ пріѣхать къ вамъ въ городъ?

— Нѣтъ, это невозможно: я живу въ двухъ комнатахъ и мнѣ негдѣ принять васъ. Довольно объ этомъ; я остаюсь здѣсь еще два дня, вотъ все, что я могу сдѣлать. И Арбенъевъ быстро вышелъ изъ комнаты.

Тата посмотрѣла ему въ слѣдъ и тихо проговорила: „il y a quelque chose là dessous; такимъ я его еще никогда не видала“.

Она нервно позвонила.

Вошелъ слуга.

— Попросите ко мнѣ Григорія Николаевича.

„Гриша, навѣрно, что нибудь знаетъ“, подумала она.

Послышалась опять фальшивѣйшая зря и господинъ Павлицевъ, ступая неслышными шагами по ковру, выросъ точно изъ-подъ земли, передъ огорченною Татой.

— Гриша, сядьте вотъ здѣсь, поближе ко мнѣ. И она протянула ему руку, къ которой кузеньъ приложился точно къ рагъ святого.

— Qu'avez-vous ma toute belle? — Вы, который все знаете,

скажете, ради Бога, что случилось съ Дмитриемъ? П m'a fait une scène atroce de jalousie. Тата на этотъ разъ лгала, не изъ потребности лгать, какъ обыкновенно съ нею случалось, а чтобы выведать у кузена, что нибудь про мужа.

— Une scène de jalousie!.. je tombe de mon haut; вѣсть Дмитрій такъ погруженъ теперь dans son dârné „земство“, que le diable eпротe! такъ занятъ социальными вопросами, которые стараются провести въ своихъ проентахъ и предложеніяхъ, что еслибъ я, въ одинъ прекрасный день похитилъ васъ, онъ ни въ какъ не заметилъ бы этого.

— De grâçe, объясните мнѣ, въ чемъ состоитъ его должность? что это такое предсѣдатель управы, n'est-ce pas quelque chose dans le genre de мировой посредникъ?

— Нѣтъ, хуже: предсѣдатель управы—это прикащикъ, у котораго не одинъ, а 42 барина.

— Вы шутите?

— Божусь вамъ, что такъ!... впрочемъ, вы этой ерунды никогда не поймете, и слава Богу; предоставьте знаніе земскихъ дѣлъ стриженнымъ барышнямъ. Женщины, и особенно такія очаровательныя какъ вы, кузина, должны быть свѣдущи только въ одной наукѣ,—и онъ, улыбаясь, показалъ всѣ свои фальшивые зубы.

— Тѣве de plaisanteries, Гриша! вы ничего особеннаго не замѣтили въ Дмитрій?

— Онъ сталъ особенно неприятенъ, это я замѣтилъ. Можетъ быть, это отъ его обязанности de земскій дѣтель.

— Онъ часто ѣздитъ въ городъ?

— Да, кажется.

— А у сосѣдей бываетъ?

— Развѣ здѣсь есть сосѣди? За вашими Озерцами свѣтъ досками заколоченъ. Дальше идутъ все тундры и такъ вплоть до Бѣлаго моря.

— Въ городѣ онъ бываетъ у кого нибудь?

— Вы невозможны, шоп adorgée Тата; даже такой завязанный демократъ, какъ Арбеуевъ, не въ состояніи найти людей въ N., тамъ только провабаетъ сочетаніе une certaine евресе, qu'on appelle чиновникъ.

— Неужели же здѣсь никого нѣтъ?

— Нѣтъ, населено: мужики, бабы, лошади, коровы...

— C'est vous qui êtes impossible, Гриша. Я у васъ дѣло спрашиваю, а вы, Богъ знаетъ, что говорите.

— Pardon, что же вамъ угодно? чтобъ я сказалъ, что сдѣ-

жалось съ вашимъ сунутомъ? По моему, ничего особеннаго; но какъ всякая болѣзнь, если не излечивается, то непремѣнно усиливается, то и его земствования приняла опасные размѣры... другихъ болѣзненныхъ принадлежовъ, я пока не замѣтилъ. Слышалъ я, что онъ часто бываетъ у какихъ-то Зубовыхъ и Архаровыхъ... и, признаюсь, порадовался,—это, по крайней мѣрѣ, имена, которыя можно выговорить, не какіе нибудь Амфитеатровы или Сорокаповойниковы. У Зубова молодая жена и куча дѣтей, даже грудной есть, тутъ опасности, надѣюсь, не предвидится?

— А Архаровъ женатъ?

— Кажется—вдовецъ; говорятъ, дочка есть! Какая нибудь провинціальная барышня, *pas grande chose comme de raison*. На этотъ счетъ, т. е. на счетъ сердечныхъ увлеченій со стороны вашего мужа, вы можете быть совершенно спокойны. Онъ не изъ влюбчивыхъ... онъ все больше болѣетъ гражданскою скорбью, общественныя язвы желаетъ исцѣлять,—и Павлинцевъ опять показавъ свои фальшивые и танцующіе зубы. Удивляюсь вамъ, *chère amie*,—продолжалъ онъ,—зачѣмъ вы сюда прѣехали? Здѣсь скука бѣшеная!... *Et le bel ébragnol! comment ça va-t-il?* Все у вашихъ ногъ?

— Я его давно не видала.

— А *d'autres pas chère!* Меня, стараго воробья, не проведете.

— Скажите лучше, старую бѣлку, потому что вы давно всѣ свои зубы съѣли, проговорила съ досадою Тата.

— Вы сердитесь, *c'est donc sérieux?*

— Гришечка, не смѣйте!—и она граціозно погрозила ему пальчикомъ.—*Je tombe de fatigue*,—прибавила она томнымъ голосомъ,—*et vous n'êtes guère amusant aujourd'hui, allez vous-en!*

„Мнѣ сдается, что нашъ социалистъ уже принадлежитъ, *on peu s'en faut*, къ великой семьѣ Мольтеровскихъ мужей,—думалъ кузень, неслышно исчезая изъ комнаты. „Что-то онъ теперь заговорить о свободѣ чувства?“ и Павлинцеву стало почти также весело, какъ еслибъ вдругъ кто нибудь далъ ему денегъ взаими.

II.

— Такъ вы положительно утверждаете Антонъ Карповичъ, —говорилъ Арбеньевъ, ходя взадъ и впередъ по своему кабинету,—что наша закупка ржи не принесла той пользы, какую мы ожидали?

— Точно такъ, Дмитрій Васильевичъ.

— Но отчего-же?

— Оттого, что мужику гораздо выгоднѣе занять рожь на мѣстѣ, у сосѣдняго помѣщика, и занять въ счетъ работъ, чѣмъ ѣхать за тридцать или за сорокъ верстъ въ городъ.

— Но мы отдавали рожь по шести рублей безъ всякихъ процентовъ и неустоевъ, а они платятъ по двѣнадцати и больше, занимая у Андропова и у другихъ.

— Такъ-то такъ, Дмитрій Васильевичъ, да мужикъ то о передѣ никогда не думаетъ. „Еще когда тамъ долгъ-то придется отдавать“ — разсуждаетъ онъ, „обернешся какъ нибудь, може и помилуешь свой баринъ-сусѣдъ, а тутъ, поди, возжайся съ этой управой, въ горячую пору за сорокъ верстъ коня гони, а не внесешь въ срокъ, такъ вѣдь это братъ нацальство: послѣднюю корову опинуть“.

— Да вѣдь и по частному долгу опинуть?

— А може и помилуешь. Все-же сусѣдъ.

— Неужели-же они не понимаютъ каковъ этотъ сосѣдъ, напримѣръ, хоть Андроновъ?

— А чѣмъ-же худъ? вы ужъ оченно на него нападаете, Дмитрій Васильевичъ. Скупъ маленько: двугривенный въ карты или на билліардѣ проиграетъ, такъ даже плачетъ, а ничего, баринъ добрый, мужики хвалить. Не вѣрите,—спросите сами.

— Это-то меня и бѣситъ Антонъ Карповичъ: ихъ надуваютъ, а они ничего... даже хвалить. Бараны какіе-то!

— Знаете, что я вамъ скажу Дмитрій Васильевичъ. Зналъ я въ Л... уѣздѣ одного барина, предобрѣйшій былъ: поле ему стравить крестьянскій скотъ — ничего; чтобы въ заборъ когда взять,—сохрани Боже! въ его лѣсъ мужики ходили, какъ въ свой собственный; онъ позволить хворосту да валежнику набрать, а они ему, знай, рубятъ строевыя деревья; постыдить только маленько, а чтобы мировому пожаловался—ни въ жисть!... что-жъ вы думаете, любили его крестьяне? Такъ обворовывали, что онъ плюнулъ на все, да и уѣхалъ на теплыя воды. Тамъ, говорить, народъ честнѣе... а я думаю и тамъ все тоже, всякъ нарвится какъ бы карманъ потуже былъ. Ужъ на что и въ писаніи сказано: „приобрѣтайте себѣ друзей богатствомъ неправеднымъ“.

— Да это совсѣмъ не къ тому сказано Антонъ Карповичъ.

— А въ чему же?

— Тамъ говорится о богатствѣ нравственномъ, душевномъ.

— Толковать можно какъ угодно, Дмитрій Васильевичъ, на

то и голова есть; вотъ толкуютъ же старовѣры, что ихняя вѣра лучше, а наши попы говорятъ, что они врутъ... а все на томъ-же писаніи основываются.

Разговоръ этотъ происходилъ между Арбеньевымъ и Антономъ Карповымъ два дня спустя послѣ пріѣзда Татѣ, наканунѣ отъѣзда Арбеньева въ городъ.

Ему казалось иногда, что не два дня, а два года прошли съ пріѣзда его жены, хотя въ удивленію, она была грустна, молчалива, болѣе естественна и меньше говорила вадора съ Гришей.

Разговоръ съ Антономъ Карповымъ произвелъ на Арбеньева очень тяжелое впечатлѣніе. Изъ намековъ и словъ хитраго мужика онъ понялъ ясно, что крестьяне не довѣряютъ ему, и во всѣхъ его стараніяхъ помочь и облегчить ихъ нужды, видятъ какія-то непонятныя для нихъ затѣи совершенно чуждаго имъ господина, не то француза, не то нѣмца, но, во всякомъ случаѣ, не русскаго барина. Его бѣсило непонятное для него равнодушіе, съ какимъ мужикъ смотрѣлъ на все, что онъ дѣлалъ для его облегченія, и та удивительная невлобивость, съ которою крестьяне относились къ людямъ подобнымъ Андроновымъ, называя ихъ подчасъ даже добрыми господами; тогда какъ вся ихъ доброта состояла въ томъ, что они по цѣлымъ часамъ разговаривали съ мужикомъ о всякомъ вадорѣ, не дѣлая ему снисхожденія ни на одну копѣйку. И между тѣмъ какъ недовольство и даже словно отвращеніе къ дѣятельности, на которую онъ съ такою радостью шелъ два года тому назадъ, росло въ немъ съ каждымъ днемъ, онъ не могъ не сознавать, что еслибъ на мѣстѣ его жены была здѣсь другая женщина... была она... самая эта дѣятельность опять стала бы мила ему.

Молодость брала свое: не смотря на всѣ доводы разсудка, могучая страсть росла и вытѣсняла изъ сердца всѣ другія привязанности, заботы и стремленія.— „Увижу-ль ее? когда? какъ? что скажетъ? какъ взглянетъ она“? стали для Арбеньева главными вопросами дня и передъ ними поблѣднѣли всѣ, другіе общественные вопросы.

Антонъ Карповъ давно ушелъ; кругомъ все было тихо; всѣ въ домѣ спали; замолкъ шумъ обыденной жизни; только изъ сада въ отворенное окно кабинета лилась страстная, громкая пѣснь соловья.

Послѣ дождливыхъ и холодныхъ дней, настало наконецъ тепло, и наша русская весна точно силилась доказать, что и она можетъ быть прелестна.

Какая-то прозрачная, росистая пелена лежала на липовых аллеяхъ, еще непокрытыхъ листьями, а причудливая вырѣзная тѣнь ложилась отъ деревьевъ на дорожки. Луна, совершенно круглая, высоко стояла надъ озеромъ, отражаясь въ немъ длинными серебряными столбамъ и оставляя въ тѣни его дальніе, поросшіе ивой и лознякомъ, берега. Сильно нахло березой и топодемъ. Эта была не яркая, дышащая жизнью, южная весна, трепещущая горячими надеждами и вождельніями, нѣтъ, это была томная, таинственная, полу-прозрачная русская весна, полная какой-то грустной прелести и необъяснимой, хватающей за душу, не жгучей, но томительной нѣги. Хотѣлось любить и умереть вмѣстѣ.

Шорохъ женскаго платья заставилъ Арбенъева вздрогнуть. Въ дверяхъ стояла женщина вся въ бѣломъ.

Кровь винулась ему въ голову... онъ не сразу узналъ жену.

Она была въ батистовомъ пеньюарѣ, мягкія складки котораго обрисовывали ея стройную фигуру. Слабо освѣщенная лампою, которая стояла на письменномъ столѣ, она казалась еще бѣлѣе и прозрачѣе, а ея великолѣпные волосы, несдерживаемые сѣткою и шпильками, тяжелою волною падали на плечи, закрывая ея до пояса. Въ этомъ туалетѣ, она походила-бы скорѣе на видѣніе, чѣмъ на живую женщину, еслибъ изъ широкихъ рукавовъ пеньюара не выказывались прелестныя, полныя, точно изъ мрамора выточенныя, руки; она придерживала ими, на высокой, трепещущей груди, складки пеньюара, которыя были такъ мягки и такъ прозрачны, что почти не скрывали, хотя и не античныя, но, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно красивыя формы М-ше Арбенъевой.

— Что вамъ угодно? сказалъ, наконецъ, Арбенъевъ, оправясь отъ удивленія, въ которое повергло его неожиданное посѣщеніе жены.

Тата тихо подошла къ нему и молча опустила передъ нимъ на колѣни.

Она была прелестна въ этой позѣ, дышащей обаятельною граціей. Ея глаза, поднятыя на мужа, ласкали и просили въ одно и то же время.

— Встаньте... къ чему это? говорилъ Арбенъевъ, стараясь поднять ее и испытывая невольно странное ощущеніе, въ которомъ смѣшивались: досада, злость и давно забытое, но знакомое волненіе.

— Дмитрій! я не встану, пока вы мнѣ не скажете, за что вы меня разлюбили? Я не могу такъ жить, я столько выстра-

дала въ эти два дня, какъ не страдала во всю свою жизнь. Вы любите другую, да?

— Встаньте, я не могу говорить съ вами, видя васъ въ такой униженной позѣ. Встаньте, прошу васъ.

Она встала и, рыдая, бросилась къ нему на грудь.

— Дмитрій! пожалѣй меня,—говорила она, прижимаясь къ нему и дрожа какъ въ лихорадкѣ: — я ревную тебя, я безумная, но развѣ ты не видишь, какъ я люблю тебя!...

Положеніе Арбеньева было самое критическое. Красивая женщина, плачущая, въ объятіяхъ мужчины, да еще въ такой поздній часъ ночи... всегда нѣсколько волнуетъ его, хотя бы эта женщина и была нелюбимая законная жена. Въ этомъ отношеніи существуетъ громадная разница между ощущеніями женщины и ощущеніями мужчины. Для женщины, человекъ, котораго она не любитъ или перестала любить, перестаетъ существовать вполне, и если она еще къ тому-же любитъ другаго, то внушаетъ непреодолимое, если не нравственное, то физическое отвращеніе. Для мужчины же, даже страстно влюбленнаго, красивая женщина всегда останется женщиною. И въ тому-же, какъ рѣшится сказать хорошенькой женщинѣ, особенно, когда она со слезами и рыданіями признается вамъ въ любви: „сударыня, уйдите въ вашу комнату, вы мнѣ надоедаете“... это будетъ глупо, неделикатно и грубо, и потому Арбеневъ не сказалъ ни слова, а только тихо отвелъ руки Татѣ, посадилъ ее на диванъ, а самъ подошелъ къ окну, желая освѣжить разгораченную голову. Онъ чувствовалъ, что кровь билась у него въ вискахъ и даже захватывало дыханіе. Ночная свѣжесть успокоила немного его возбужденные нервы.

Онъ рѣшился взглянуть на жену, и тутъ новая мысль, точно молнія, блеснула въ его головѣ и мигомъ охладила его распаленное воображеніе.

Не ожидая, что онъ взглянетъ на нее, Татѣ не успѣла измѣнить озабоченнаго выраженія, которое приняло лицо ея въ ту минуту, какъ онъ отошелъ къ окну. Въ этомъ выраженіи не было и тѣни того страстнаго волненія, которымъ нѣсколько минутъ тому назадъ, казалось, дышало все существо ея. Глаза ея смотрѣли неопредѣленно, и легкая складка между бровями показывала, что она погружена въ невеселую и заботливую думу. „Удастся или не удастся“? ясно говорило ея лицо и даже вся ея поза. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ; она подняла голову и мигъ заботливое выраженіе исчезло съ ея лица.

Женщины мастерицы на подобныя превращенія. Лицо ея

было опять томно, а глаза смотрѣли на него съ нѣжностью и мольбой.

Но обаяніе рушилось, и передъ Татѣ стоялъ уже не взволнованный ея красотою молодой человѣкъ, а суровый и холодный Дмитрій Арбенъевъ, котораго она такъ ненавидѣла и такъ боялась. — Это выраженіе страха также не ускользнуло отъ вниманія Арбенъева. „Теперь я не хочу, чтобъ она уѣзжала“... вотъ мысль, которая ясно сложилась въ его головѣ; „я хочу узнать истину... и если?“... отъ одной мысли у него замерло сердце, но замерло отъ радостной, почти безумной, надежды.

— Оставимте наши объясненія до другаго, болѣе благопріятнаго времени, — сказалъ онъ, подходя къ женѣ. — Завтра я долженъ рано ѣхать въ городъ, гдѣ у меня много дѣла, но мы еще увидимся; вы можете оставаться здѣсь, сколько вамъ будетъ угодно. Я не хочу стѣснять вашей свободы и надѣюсь, что вы будете благоразумнѣе и не станете требовать отъ меня невозможнаго. Теперь я прошу васъ идти къ себѣ и стараться заснуть.

Холодный и спокойный тонъ Арбенъева произвелъ на Татѣ точно такое-же дѣйствіе, какъ еслибъ ей окатили голову холодною водою; она молча пожала протянутую къ ней руку мужа и вышла изъ комнаты. На порогѣ она пошатнулась, точно готовясь упасть, но онъ этого не замѣтилъ, и она, мысленно проклиная его, отправилась къ себѣ въ спальню.

III.

Письмо Арбенъева къ матери.

Ты все говоришь, моя родная, чтобъ я не падалъ духомъ; всѣ твои письма полны тревожныхъ заботъ обо мнѣ; ты хочешь, наконецъ, чтобъ я объяснилъ тебѣ, почему такъ опротивила мнѣ земская служба. Ты вспоминаешь, что я писалъ тебѣ два года тому назадъ, какъ бодро смотрѣлъ впередъ, съ какою гордою увѣренностью въ собственныхъ силахъ шель на борьбу со зломъ и въ моей земской службѣ видѣлъ только-что не священнодѣйствіе. Какъ все это кажется мнѣ теперь смѣшно и глупо. Я, какъ Донъ-Кихоть, выѣхалъ на защиту угнетенныхъ, сирыхъ и слабыхъ, и даже не имѣлъ утѣшенія Донъ-Кихота, принимать мои битвы съ мельницами за сраженія съ богатырями. Еслибъ

ты знала, моя дорогая, какъ я усталъ и какъ мнѣ кажутся теперь смѣшными всѣ мои тогдашнія надежды.

Разсказывать все подробно было бы слишкомъ долго и скучно; скажу только, что всѣ мои предположенія, всѣ мои предпріятія потерпѣли полнѣйшее фіаско. Желая спасти крестьянъ отъ вогтеи ростовщиковъ, снабжающихъ ихъ въ долгъ хлѣбомъ, я, большею частію на собственные деньги, закупилъ рожь, и управа продавала ее по низкой цѣнѣ, безъ процентовъ и неустоекъ, но крестьяне предпочли продолжать занимать у помѣщиковъ и кулаковъ. Я уничтожилъ питейные дома во всѣхъ моихъ имѣніяхъ и даже во многихъ другихъ волостяхъ; въ домахъ, построенныхъ на мой счетъ, я завелъ чайныя; но содержатели этихъ чайныхъ продавали тайкомъ водку, а въ кабакахъ, устроенныхъ на общественныя крестьянскія деньги, не смотря на надворъ, брали подъ залогъ вещи и платье, и пьянство не уменьшилось ни на волосъ. Я, наконецъ, настоялъ на переводѣ дорожной повинности съ натуральной на денежную, и тамъ, гдѣ я самъ слѣдилъ за починкою, дороги стали лучше; но куда высылались члены управы, которые убѣждены, что вся ихъ обязанность заключается въ полученіи восьмисотъ рублей жалованья и въ игрѣ въ стуколку, тамъ дороги остались такими же непроѣздными какъ и прежде, и мои антагонисты приписываютъ все это отмѣнѣ натуральной повинности, и даже до того низко нравственный уровень этихъ людей, что они готовы заподозрить меня въ утайкѣ земскихъ денегъ. Я предложилъ новый налогъ для устройства пріемныхъ покоевъ и улучшенія народныхъ школъ, доказывая гласнымъ невозможность имѣть порядочныхъ учителей за десять рублей въ мѣсяцъ; мнѣ отвѣчали, что въ этихъ школахъ учатся только крестьянскія дѣти, что для дѣтей дворянъ существуетъ пансіонъ при губернской гимназіи, содержимый на дворянскія деньги, и что для народнаго образованія дворянство не намѣрено больше дѣлать никакихъ жертвъ; точно также и пріемные покои нужны только для мужиковъ, пусть-же они и устраиваютъ ихъ на собственный счетъ. Но могли-ли крестьяне, и безъ того отягощенные непомѣрными податями, вынести еще новый налогъ? Гласнымъ-дворянамъ это было хорошо извѣстно, и они съ злорадствомъ возбуждали противъ меня неудовольствіе гласныхъ-крестьянъ, и кончилось тѣмъ, что вмѣсто предполагаемыхъ мною двадцати школъ открылось всего десять самыхъ жалкихъ, и только двѣ, одна въ Серцахъ, содержащая на мой счетъ, да еще другая въ Ячномъ, гдѣ занимается съ крестьянскими дѣтьми сама дочь помѣщика, — отвѣчаютъ своему назначенію. Гейне говоритъ:

„что гдѣ бы великая душа не облекала своихъ мыслей въ слово, тамъ является для нея Голгоѳа“, а я говорю, что гдѣ для великихъ душъ Голгоѳа, тамъ для насъ, скромныхъ труженниковъ, для насъ, невеликихъ людей, предстоятъ страданія, хотя и не грандіозныя, но не менѣе того мучительныя. Что лучше?— умереть мученическою смертію, съ сознаніемъ, что твой крестъ или твой костеръ освѣтатъ пути въ истинѣ для будущихъ поколѣній, что твой позоръ будетъ символомъ славы?— или чувствовать, какъ постыженно втягиваетъ тебя бездонное болото, которое, сомнувшись надъ твоею головою, все-таки остается болотомъ, и будетъ втягивать еще сотни и тысячи подобныхъ тебѣ людей?

Пишу къ тебѣ изъ города, куда я почти бѣжалъ, чтобъ избавиться отъ присутствія жены, которая нѣсколько дней тому назадъ подарила меня своимъ неожиданнымъ пріѣздомъ. Отношенія наши сдѣлались еще невозможнѣе; я рѣшительно не выношу ея присутствія и, конечно, не скрываю отъ нея моихъ чувствъ. Неизвѣстно зачѣмъ она упорствуетъ въ своемъ желаніи провести гдѣто въ Озерцахъ и дѣлаетъ все возможное и невозможное, чтобъ сблизиться со мною. Для достиженія этой цѣли все было пущено въ ходъ: и слезы, и упрёки, и красивые позы, и волюнопрѣклоненія и даже посѣщенія меня въ поздній часъ въ изыщномъ *deshabillé*... но я подозреваю, что въ этомъ преслѣдованіи кроется вовсе не любовь во мнѣ, а что нибудь другое, и каюсь тебѣ моя дорогая,—при одной мысли о возможности расторгнуть нашъ бракъ, у меня захватываетъ дыханіе... и новая счастливая жизнь такъ и встаетъ передъ глазами. Я привыкъ говорить тебѣ все, что у меня на сердцѣ, но я не могъ рѣшиться написать тебѣ, что я люблю Дину Архарову, потому что я боялся сознаться въ этомъ даже самому себѣ; ты сама угадала все изъ моихъ писемъ. Я надѣялся, что мнѣ удастся побѣдить чувство, которое можетъ только нарушить ея спокойствіе, не давъ взаимнъ ничего, вромѣ страданія и, можетъ быть, позора. Напрасно ищу я выхода изъ невозможнаго положенія: я все слышу звонъ той ваторжной цѣпи, которую общество зоветъ неразрывнымъ и священнымъ союзомъ. Я вспоминаю слова, которыя говорила ты, чтобы удержать меня отъ безумной женитьбы: „чтобы ты ни дѣлалъ, въ какую бы пустыню ты ни ушелъ съ тою, которую выберетъ потомъ твое сердце, общество найдетъ васъ и тамъ; и тамъ залеймитъ оно жену твою именемъ наложницы, а дѣтей твоихъ названіемъ побочныхъ“. Я долго боролся съ моею любовью; но любовь побѣ-

дила, потому что она должна была побѣдить, она не прихоть воображенія, не чувственное увлеченіе, а вполне разумное, сознательное, глубокое чувство, которое создали: симпатія характеровъ, сходство убѣжденій, вѣра въ одни и тѣ же идеалы, удивленіе къ высокому нравственному развитію и страстное увлеченіе физической красотой и прелестью.

Она — идеалъ жены-друга, о которой когда-то мы мечтали съ тобою... она дочь человѣка, котораго бы я любилъ и уважалъ, еслибъ онъ даже былъ чужой Динѣ... и она не можетъ быть моею!... а онъ ненавидитъ меня и считаетъ меня врагомъ ея спокойствія и ея счастья. Мнѣ не пересказать тебѣ, что вынесъ я въ это послѣднее время, особенно съ тѣхъ поръ, какъ увидаль, что она раздѣляетъ мою любовь. Я надѣялся сначала, что мои служебныя обязанности отвлекутъ меня отъ зарождавшейся страсти—напрасно!.. всѣ мои заботы, всѣ хлопоты о нуждахъ народныхъ, напоминали ее, потому что трудиться для облегченія народныхъ нуждъ, значитъ трудиться о томъ, что для нея всего дороже, что она считаетъ святымъ долгомъ; и когда неудачи, недовѣріе однихъ и недоброжелательство другихъ, заставляли меня сомнѣваться въ успѣхѣхъ, опять-таки въ мысли о ней, въ разговорахъ съ нею, въ ея непоколебимой вѣрѣ въ лучшее будущее, я находилъ энергію и силу бороться со зломъ, невѣжествомъ, рутинною и предрасудками. Отказаться отъ нея я не могу... а между тѣмъ я не въ состояніи обманывать Архарова, не въ состояніи даже выносить тотъ нѣмой упрекъ, который я постоянно читаю въ его взглядѣ, эту суровую холодность, столь несродную его натурѣ, съ которою онъ встрѣчаетъ меня и отклоняетъ всѣ мои попытки сойтись съ нимъ ближе. Я знаю, что его тяготитъ эта холодность и суровость. Въ насъ такъ много общаго, и, не смотря на разницу лѣтъ, мы молимся однимъ и тѣмъ же богамъ... мы вѣримъ и преклоняемся передъ тѣми же идеалами добра и правды. Даже въ нашей судьбѣ есть сходство, онъ такъ же, какъ и я, любилъ, и любилъ незаконно... Я знаю, что мои надежды безумны! что даже ты, моя дорогая, будешь совѣтовать мнѣ бѣжать отсюда, пока еще не поздно, а, между тѣмъ, внутреннее убѣжденіе говоритъ мнѣ: „она сильна, тверда, у нея нѣтъ предрасудковъ, ее не испугаетъ и не сломитъ борьба, и какъ бы ни была спокойна и даже счастлива ея настоящая жизнь, она слишкомъ узка, слишкомъ бѣдна интересами для такой личности, какъ Дина. Избранныя натуры только крѣпнуть въ страданіи и борьбѣ, и не для

нихъ торныя, широкія дороги, по которымъ такъ мирно ватится жизнь большинства людей“.

IV.

Мѣстность въ N-скомъ уѣздѣ, какъ вообще въ Россіи, особенно въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, низменная, плоская и некрасивая, — бѣдна природа бѣдны и люди, а потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что жители уѣзда очень гордятся однимъ небольшимъ, но довольно живописнымъ, уголкою своей неказистой родины, и даже назвали этотъ уголокъ N-скою Швейцарією. Въ сущности это очень жалкая Швейцарія; но сравнительно съ окружающими ея ровными полями, и жиденькими березовыми рощами, можетъ пожалуй назваться Швейцарією, благодаря своимъ маленькимъ пригоркамъ, то обнаженнымъ, то поросшимъ лѣсомъ и кустарниками, и своему небольшому, окаймленному камышами, озеру. Почва въ этой Швейцаріи хуже и бесплоднѣе, чѣмъ въ остальной части уѣзда. По случаю горъ и ущелій тамъ дольше держится весною снѣгъ, и холодитъ безъ того холодную почву.

Медленно таетъ ледъ на озерахъ, и въ то время, когда въ остальной мѣстности уже приготовляются пахать землю, въ мѣстной Швейцаріи оборванный мужиченко еще таскаетъ на дровякахъ жердѣ изъ господскаго лѣса. Особенно красива тамъ одна довольно высокая гора, съ которой видно какъ на ладони шесть или семь озеръ, да множество деревушекъ и селъ, притаившихся кругомъ и словно потонувшихъ въ разнообразной зелени хвойныхъ и лиственныхъ деревьевъ, которыми поросли крутые берега озеръ. На этой горѣ, одинъ изъ богатыхъ N-скихъ помѣщиковъ, старый самодуръ и богомоль, не зная куда дѣвать свои деньги, задумалъ выстроить высокую, каменную церковь; не смотря на то, что постройка, по случаю крутизны горы, была сопряжена съ большими трудностями и стоила ему очень дорого, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе его постоянныхъ ссоръ съ архитекторами и подрядчиками, она два раза обрушивалась, уже доведенная подъ куполъ, — онъ продолжалъ постройку. Кто былъ виновать въ паденіи купола, невѣжество-ли архитектора, плутни-ли подрядчика, или грѣхи стараго барина, какъ думалъ народъ, — осталось до сихъ поръ неразгаданною тайною. Церковь однако достроилась, но иконостасъ въ ней еще не былъ поставленъ, хотя былъ давно готовъ. Говорили, что старый баринъ не хотѣлъ

кончать церкви, боясь, неизвестно вследствие какого предразсудка, умереть тотчас послѣ освященія храма. Известно, что никто такъ не боится смерти, какъ ханжи и богомолы.

Въ одинъ прекрасный лѣтній день, какіе иногда случаются и въ нашей забытой, если не Богомъ, то солнцемъ, мѣстности, маленькое общество любовалось красивымъ видомъ, открывавшимся съ горы, о которой мы говорили. Татьяна Дмитриевна Зубова, какъ натура подвижная и веселая, очень любила разнообразить монотонность деревенской жизни различными прогулками и экскурсіями по окрестностямъ. Дѣти нисколько не стѣсняли и не мѣшали ей. Они забирались всё отъ мала до велика, даже грудные участвовали въ путешествіяхъ, и никогда отъ этого не простужались, не заболѣвали, а росли себѣ, толстѣли и здоровѣли на славу и утѣшеніе родителей.

Протесты Михайла Евграфовича никогда не принимались во вниманіе; онъ ненавидѣлъ всякое передвиженіе, всякую суету, которая нарушала обычный строй его жизни; но какъ человѣкъ въ сущности мягкій и вообще, какъ всякій русскій человѣкъ, любящій иногда на все махнуть рукой, онъ уступалъ желанію своей хозяйки, съ однимъ только уговоромъ: оставить его самого въ покоѣ. Запрягалась коляска и еще огромная линейка, дѣти, мамки, няньки, пироги, самовары и провизія, все укладывалось туда, и Татьяна Дмитриевна, торжествующая и довольная, отправлялась или въ лѣсъ, или въ горы. Какъ особа въ высшей степени общительная и любящая общество, она никогда не дѣлала этихъ *parties de plaisir* одна съ своею семьею, у нея всегда гостили или родственники, или родственники родственниковъ, и кромѣ того она приглашала и сосѣдей къ участію въ своихъ поѣздкахъ.

На этотъ разъ, кромѣ дѣтей, въ ея поѣздкѣ въ горы участвовали Дина съ Мишей и тетя Аня съ матерью, которая, не смотря на лѣта и немощи, была гораздо болѣе охотница до всевозможныхъ поѣздокъ и увеселеній, чѣмъ ея дочь, и хотя была страшная трусиха ѣздить, но никогда не отказывалась ни отъ какой *partie de plaisir*. Жеманная и хохлатая Статковская, у которой въ профиль видны были только щеки, также была съ дѣтьми и съ двумя эманципированными барышнями сосѣдками, которыхъ Федоръ Зубовъ прозвалъ волкодавами, за ихъ несчастную страсть къ охотѣ, на которую онѣ являлись всегда, гдѣ бы она не происходила, незваная и непрошенная, и съ терпѣніемъ, достойнымъ лучшей участи, слѣдили за нею съ лихорадочнымъ вниманіемъ до конца, оставаясь вполнѣ довольны, когда пора-

женский зѣбрь издыхалъ на ихъ глазахъ. Барышни были здоровы, румяны, вообще недурны, хотя ихъ черты и формы были нѣсколько грубы и алпюваты, и носили волосы распущенныя по плечамъ, какъ дѣвченъ.

Мужской персоналъ состоялъ изъ знакомаго уже читателямъ доктора, который втайнѣ былъ влюбленъ въ тетю Аню, изъ Антонскаго, котораго притащилъ съ собою Миша Архаровъ, и молодого очень красиваго господина, родственника Татьяны Дмитриевны, кончившаго курсъ въ гейдельбергскомъ университетѣ, обожающаго все западное, въ особенности все нѣмецкое, что не мѣшало ему быть гнѣвнымъ, неумѣлымъ и неакуратнымъ, какъ подобаетъ чистокровному россянину.

Этотъ красивый юноша, кромѣ нѣмецкой способности ходить въ десятиградусный морозъ въ холодномъ пальто и лѣтней шляпѣ, имѣлъ еще чисто-русскую способность: говорить безъ умолку и спорить постоянно, не слушая возраженій противника и не давая сказать ему ни одного слова; онъ былъ также убѣжденъ, что его ученіе въ гейдельбергскомъ университетѣ давало ему полнѣйшее право говорить всѣмъ, кто не соглашался съ нимъ, даже людямъ гораздо умнѣе его: „ахъ, вы ничего не понимаете“!

— Помилуйте, ну что это за видъ!—говорилъ Свирцовъ, такъ звали родственника Татьяны Дмитриевны, не обращая ни къ кому въ особенности;— это какая-то карикатура на Швейцарію.

— А по моему такъ очень хорошо! возразилъ докторъ.

— Чтожъ тутъ хорошаго? позвольте васъ спросить, что тутъ хорошаго?—горячился молодой человѣкъ.—Жалкая, тонкая растительность, жалко, дико, первобытно обработанныя поля, какія-то несчастныя деревушки и селенія, даже непохожія на жилища людей, а на постройки какихъ-то бобровъ... небо точно небѣленная холстина. Помилуйте!.. тоска беретъ,—и это называется отечествомъ! Ну развѣ можно имѣть такое отечество?

— Вы повторяетесь Николой Александровичъ,—отвѣчалъ невозмутимо докторъ:—вы, недавно, говоря про брата нашего общаго знакомаго Глѣбова, выразились точно также: „развѣ можно имѣть такого брата“? на такія замѣчанія отвѣтъ одинъ: значить можно, если такъ есть. Ни Глѣбовъ не виноватъ, что у него братъ дуракъ, ни мы съ вами не виноваты, что родились не въ Швейцаріи, а что до меня касается, то я этому очень радъ.

— Вы большой патриотъ, какъ я вижу,—насмѣшливо про-

говорилъ Скворцовъ:—вы можете быть находите, что и дымъ отечества сладокъ и глаза не ѣсть; такъ вѣдь?

— Я нахожу, что космополиты всегда или пустые, или сухіе люди,—отвѣчала докторъ.—Кто родину свою не любитъ, тотъ ужъ конечно не любитъ никого и ничего на свѣтѣ; въ тому-же это все напускное, а я врагъ жи и фанфаронства,— и онъ, тяжело ступая, отправился въ барышнямъ.

— Старичекъ сегоднѣ что-то не въ духѣ, смѣясь проговорилъ Скворцовъ, обращаясь небрежно къ г-жѣ Статковской, которая слушала его всегда какъ оракула и восхищалась его костюмомъ и манерами, казавшимися ей *peu-plus-ultra* изящества и *comme il faut*.

— Докторъ не въ духѣ потому, что Анна Федоровна не обращаетъ никакого вниманія на его ухаживанье, отвѣчала г-жа Статковская, по обыкновенію жеманно и съ видимымъ желаніемъ продолжать разговоръ съ плѣнительнымъ кавалеромъ.

— Будто онъ за нею ухаживаетъ?... признаюсь я этого не замѣтилъ... впрочемъ, я рѣшительно никогда не замѣчаю подобныхъ вещей; такого рода цоплая наблюдательность ничтожныхъ мелочей, чисто русская или скорѣе провинціальная способность... слѣдствіе бѣдности содержанія нашей жизни, отсутствія всякихъ серьезныхъ интересовъ;—и онъ съ жаромъ принялся доказывать бѣдной, сконфуженной барынь, какъ глупа, пуста и безсодержательна жизнь, которую ведетъ она и всѣ кто ее окружаетъ; въ переводѣ на обыкновенный языкъ выходило: „вы всѣ набитые дураки, что же удивительнаго въ томъ, что я не могу жить съ вами“?

А видъ, который отерывался съ горы и такъ не нравился Скворцову, былъ точно красивый, хотя не южный и не грандіозный. Это былъ чисто русскій пейзажъ, безъ яркаго освѣщенія, безъ колоритности и силы южнаго солнца, нѣсколько грустный, какъ русская пѣсня, простой и привлекательный, какъ вся русская природа.

День былъ не жаркій, а теплый, тихій и ясный; легкія прозрачныя, перистыя облака, предвѣстники продолжительной хорошей погоды, почти неподвижно стояли на блѣдно-голубомъ небѣ. Иногда, легкая зыбь пробѣгала по ржи, еще не успѣвшей пожелтѣть, и тогда она вся колыбалась, отливаясь какою-то дымчатою волною. Лучи солнца, проходя черезъ темную листву деревьевъ, которыя росли на склонахъ горы, придавали ей разнообразныя отблески и тоны; немолчный гулъ насекомыхъ неся изъ высокой травы, и ласточки, то высоко поднимаясь въ

небѣ, то спускаясь до земли и почти не шевеля своими длинными острыми крылышками, быстро носились въ прозрачномъ воздухѣ.

Вдали—озеро, съ своими высокими поросшими темною зеленью берегами, стало такое же спокойное и блѣдно-голубое, какъ небо, и все кругомъ—и небо, и озеро, и деревья, все дышало какою-то отрадною, мечтательною грустью.

Общество Татьяны Дмитриевны, какъ вообще русское общество, особенно провинціальное, не слишкомъ восхищалось красотами природы. Чтобъ любить и понимать природу, нужно нѣкоторое развитіе эстетическаго чувства, котораго вообще лишены провинціалы. Барышни-волкодавы, очень заинтересованныя красивымъ родственникомъ Татьяны Дмитриевны, жадно ловили каждое его слово, хотя большею частію онъ говорилъ имъ неприятныя истины, и ихъ громкій хохотъ раздавался, со всею деревенскою безцеремонностью, вслѣдъ почти за каждымъ словомъ Скворцова.

Татьяна Дмитриевна толковала съ г-жею Статковскою о дѣтяхъ, и очень подробно рассказывала ей какъ шли зубки у Коли, не смотря на то, что та отвѣчала ей разсѣянно, ее такъ и подмывало подойти къ группѣ, гдѣ ораторствовалъ плѣвившій ее кавалеръ.

Тетя Аня, докторъ и Дина, сидя на ступечкахъ широкой церковной лѣстницы, смотрѣли какъ дѣти бѣгали взадъ и впередъ по крутымъ горнымъ тропинкамъ, не уставая и карабкаясь какъ вомы по самымъ труднымъ проходамъ.

— А мы съ Владиміромъ Иванычемъ и на колокольнѣ были, — кричалъ Мита Зубовъ, подбѣгая къ тети Ани, — какъ хорошо все видно отсюда: Ясное видно и даже наши Горки.

— Ну это вздоръ, — сказалъ докторъ, — Зубовы Горки не могутъ быть видны, они за лѣсомъ.

— Нѣтъ, право, видны. Пойдемте, коли не вѣрите, — и мальчикъ тащилъ за руку доктора.

— Нѣтъ ужъ увольте другъ любезный, такъ карабкаться прилично только вамъ съ Антонскимъ.

— А что-же это Арбеньева нѣтъ? — спросила тетя Аня: — Татьяна Дмитриевна кажется звала его.

— Жена должно быть не пускаетъ, сказалъ докторъ, взглянувъ испоса на Дину, которая покраснѣла и низко наклонила голову, точно разсматривала полевой гераній, который держала въ рукѣ.

— Какъ жена не пускаетъ? — продолжала тетя Аня: — мнѣ ка-

жется онъ не изъ нѣжныхъ мужей; жена въ деревнѣ, а онъ постоянно въ городѣ и никогда не ѣздитъ къ себѣ въ Озерцы.

Въ провинціи всегда все знаетса, и даже тетя Аня, не смотря на всѣ ея достоинства, имѣла маленькую слабость — слишкомъ интересоваться интимными дѣлами своихъ ближнихъ.

— Я не знаю ничего о семейныхъ отношеніяхъ Арбенцева, — сказала докторъ, слѣдя своими маленькими, но пронизательными глазками за болѣзненнымъ смущеніемъ, которое отражалось на лицѣ Дины и желая прервать разговоръ. — Дмитрія Васильевича здѣсь нѣтъ потому, что приглашеніе Татьяны Дмитриевны не застало его въ городѣ, вотъ и все.

— Дѣти, пойдите къ озеру, — сказала Дина вставая, — и вы съ нами? спросила она тетю Аню.

— Нѣтъ, я знаю — дѣти захотятъ кататься, а я не люблю воды, мы васъ будемъ ждать пить чай въ рошѣ на берегу озера, тамъ уже все приготовлено. Дѣти понеслись съ горы, въ одну минуту очутились на берегу озера и умаливали рыбаковъ покатать ихъ въ лодѣ, когда Дина подошла къ нимъ.

— Дина! можно кататься? раздался тоненькій голосокъ Миши.

— Можно, и я поѣду съ вами.

— Голубушка! красавица! вотъ хорошо-то! только смотри платье не замочи, говорилъ Миша.

— Скажите сюда!... вотъ такъ! вторили дѣти, суетясь ужасно и показывая какъ надо вскочить въ лодку, которая оказалась самой первобытной конструкціи; она походила скорѣе на выдолбленный изъ дерева челнокъ дикаго, чѣмъ на европейское судно. Садясь въ нее, надобно было непременно подобрать подъ себя ноги, въ родѣ того, какъ сидятъ на востокѣ, потому что вода стояла на днѣ лодки; это была настоящая душегубка, какъ называются рыбацкіе челноки, на которыхъ только дикій индѣецъ, или русскій мужикъ, рѣшаются плавать по рѣкамъ и озерамъ.

— Не опасайтесь, барышня, цѣлы будете, — говорилъ мужикъ, который управлялъ лодкой; — мы вѣкъ на этихъ лодкахъ ѣздимъ и никогда несчастія не случалось.

— Да я не боюсь, — говорила Дина — только ногъ не хочу мочить.

— А вы на перекладину ноги поставьте. Больше этаго воды не найдеть.

— Ты не бойся Дина, онъ правду говорить, онъ все знаетъ, — прибавилъ важно Миша, показывая на мужика. — Ты думаешь, кто это?

— Не знаю, отвѣчала Дина.

— Это волостной; вѣдь да? обратился онъ къ гребцу.

— Точно такъ, — отвѣчалъ мужикъ улыбаясь: — шустрый барченокъ, все знаетъ. Лодка медленно отчаливала отъ берега. Воды точно больше не набралось; но сидѣть было чрезвычайно неудобно, хотя дѣти увѣряли, „что отлично“.

— Не довольно-ли? сказала Дина, когда лодка почти приблизилась къ противоположному берегу озера, къ которому спустился запущенный садъ какой-то усадьбы.

— Нѣтъ, голубушка, еще! кричали дѣти.

— Ну такъ выпустите меня, а сами поѣзжайте вотъ до того острова, а я васъ здѣсь подожду.

Лодка причалила къ берегу и Дина выскочила на ветхую, полуразвалившуюся пристань, когда-то, въ старыя годы, украшенную деревянными точеными вазами, выкрашенными подъ мраморъ. Перила на пристани давно сгнили, вазы валялись въ кустахъ, доски танцовали подъ ногами, и пристань и все кругомъ ея носило на себѣ печать разрушенія и запущенности.

— Пожалуйста осторожьѣе, — говорила Дина волостному. — Черезъ полчаса будьте здѣсь непременно; не слушайте дѣтей, если они захотятъ ѣхать дальше.

— Будьте покойны, — отвѣчалъ волостной, отталкиваясь вѣдомъ отъ берега; — а вы сидите смирно, прибавилъ онъ обращаясь къ дѣтямъ: — не то всѣхъ въ озерѣ выкупаю.

Неизвѣстно повѣрили-ли дѣти угрозѣ, но присмирѣли и лодка тихо поплыла къ острову, который едва видѣлся вдали. Дина знала старую усадьбу, въ которой не жили ея владѣльцы. Одичалый, но большой и тѣнистый садъ, служилъ часто мѣстомъ лѣтнихъ экскурсій Татьяны Дмитриевны.

Дина была рада, что осталась одна и что болтовня дѣтей и взрослыхъ не мѣшала ей погрузиться въ далеко невеселыя и тревожныя думы. Она угадала любовь Арбеньева, который часто бывалъ въ ихъ домѣ и у Зубовыхъ, и радостное, блаженное чувство, которое охватило при этомъ открытїи все существо ея, убѣдило ее, что и она его любитъ. Не страхомъ за будущее сжималось сердце бѣдной дѣвушки, — она сознавала въ себѣ достаточно силы характера, чтобъ идти бодро на встрѣчу всѣмъ препятствїямъ, которыя ждутъ, такъ называемую, незаконную любовь, нѣтъ, ее терзала затаенная печаль отца, которую она угадывала, не смотря на всѣ его усилїя скрыть отъ нея это чувство.

„И какъ могъ онъ угадать эту любовь, когда даже онъ

о ней ничего не зналъ“?.. думала она, идя по тѣнистой, кле-
новой аллеи, которая вела въ бесѣду на горѣ, гдѣ открывался
видъ на озеро. Ей вдругъ послышались чьи-то шаги. Она
взглянула; къ ней на встрѣчу изъ боковой аллеи шелъ Ар-
беневъ. Она поблѣднѣла и остановилась.

— Вы здѣсь? одинъ! какимъ образомъ? сказалъ онъ, под-
ходя къ ней и даже не смѣя протянуть ей руку.

— Я прѣехала съ Мишей и дѣтymi Татьяны Дмитриевны
въ лодкѣ, дѣти побѣжали дальше, но сейчасъ вернутся; Тать-
яна Дмитриевна съ своими гостями ждетъ насъ нить чай въ
роуцѣ. Вы получили ея приглашеніе?

— Нѣтъ, я здѣсь случайно; я былъ у здѣшняго аренда-
тора по дѣлу... Отъ него узналъ я, что Татьяна Дмитриевна на
той сторонѣ озера; но я никакъ не ожидалъ встрѣтить васъ
здѣсь.

Голосъ его дрожалъ; они говорили о постороннихъ пред-
метахъ и точно боялись взглянуть другъ на друга.

Такъ дошли они до бесѣдки.

Дина стала взбираться на верхъ по ветхимъ ступенькамъ; она
сама не знала, зачѣмъ идетъ туда; онъ шелъ за нею со-
вершенно машинально.

Она боялась упасть, такъ сильно дрожали у нея ноги, и
точно сквозя сонъ припоминала она, что въ бесѣдкѣ есть ска-
мейка. Она сѣла, онъ молча стоялъ передъ нею.

Старыя липы росли у подножій этой искусственной горки,
ихъ длинныя вѣтки образовали со всѣхъ сторонъ густой, зеле-
ный сводъ; только со стороны озера ничто не заслоняло
взрѣнія, и оно стало прозрачное и гладкое, какъ зеркало,
отражая въ себѣ легкія ровныя облака, которыя плыли по
слегка заалѣвшему небу. Солнце стояло уже низко на западѣ.
Косые лучи его перерѣзывали вдоль все озеро и множество
мошекъ плясали въ этихъ золотыхъ лучахъ. Изъ-за деревьевъ
уже видѣлся блѣдный рогъ молодого мѣсяца. Иногда разда-
вался слабый плескъ воды, это большая рыба всплывала на по-
верхность озера, блеснувъ на мгновение серебряною спинкою,
да неся изъ высокой травы рѣзкій и мѣрный крикъ коростеля.

Арбеневу и Динѣ казалось, что они гдѣ-то далеко, одни, на
необитаемомъ островѣ, что все уже сказано... понято... что между
ними не стоитъ больше то неотразимое и тяжелое... и что такъ
пройдетъ вся жизнь... Онъ хотѣлъ подойти къ ней, обнять ее
и сказать ей: „Дина, вѣдь ты меня любишь, вѣдь ты моя
жена“!..

Молчаніе становилось тягостнымъ.

Она сидѣла опушта голову, чертя что-то зонтикомъ по песку.

— Дина! сказалъ онъ наконецъ.

Въ первый разъ онъ называлъ ее такъ, и она не оскорбилась, ей даже не показалось это страннымъ.

— Дина!—повторилъ онъ опять:—не оскорбляйтесь моими словами, простите меня, но я не могу больше молчать, я люблю васъ. Клянусь вамъ, что еслибъ не сегодняшняя, совершенно неожиданная встрѣча я бы не искалъ случая видѣться съ вами наединѣ и, можетъ быть, вы никогда бы не услышали то, что я не долженъ, не смѣю говорить вамъ; но видно судьба хотѣла иначе. Я знаю, что не имѣю никакого права на вашу взаимность, я даже не добиваюсь ея; еслибъ я былъ свободенъ, я бы давно сказалъ вамъ о любви моей при вашемъ отцѣ и, можетъ быть... вы не отвергли бы ее, можетъ быть вы позволили бы мнѣ заслужить вашу взаимность... теперь я знаю... между нами пропасть... я долженъ былъ ухѣать, не сказавъ вамъ ни слова; но тогда я не могъ, а теперь уже поздно!..

Она все молчала.

— Дина скажите-же мнѣ хоть одно слово.

— Ваши слова не могутъ оскорбить меня,—проговорила она тихо, но твердо, поднимая на него свои глубокіе глаза...—потому что я тоже люблю васъ...

— Дина! Онъ хотѣлъ броситься къ ея ногамъ какъ безумный, покрыть ихъ поцѣлуями; но одинъ взглядъ на ея блѣдное, почти строгое лицо, удержалъ его отъ страстного порыва.

— Я люблю васъ...—продолжала она также тихо, дѣлая рукою знакъ, чтобы онъ не подкадывалъ къ ней.—Я говорю это вамъ потому, что я не умѣю и не нахожу нужнымъ скрывать отъ васъ то, о чемъ вы вѣроятно догадывались, потому что иначе вы не рѣшились бы говорить мнѣ о любви своей... но теперь я спрашиваю васъ, какъ честнаго человѣка, зачѣмъ вы искали любви моей, когда вы знали, что между нами пропасть?

— Я люблю васъ, вотъ вся вина моя; я не имѣлъ никогда ни малѣйшей надежды...

— Еслибъ вы не имѣли надежды, еслибъ вы ясно сознавали, что ваша любовь дастъ мнѣ только страданіе,— вы бы не искали случая видѣться со мною такъ часто, вы бы не высказывали при мнѣ именно тѣ мысли и убѣжденія, которые мнѣ дороги, вы не старались бы вашею любовью, которую вы дурно скрывали, увлечь меня въ этотъ незнакомый мнѣ міръ страсти...

Щеки ея слегка заагѣли и она остановилась, точно подавленная волненіемъ.

— И зачѣмъ все это?—продолжала она, уже не такъ твердо:—чтобъ сказать мнѣ теперь, когда уже поздно, когда голова моя кружится точно въ чаду... когда мнѣ опостыглѣли все мои прежнія занятія, когда постоянно одна и та же мысль преслѣдуетъ меня днемъ и ночью... теперь, когда вы стали мнѣ дороже моего отца, моихъ убѣжденій, моей дѣвической гордости... всего, всего на свѣтѣ!.. она вдругъ заплакала, закрывая лицо руками.

Онъ не могъ ничего сказать; онъ стоялъ передъ нею опустивъ голову, не находя словъ, чтобъ отвѣчать на это молодое, горячее признаніе, на эти справедливыя упреки.

Онъ думалъ прежде, что ея признаніе сдѣластъ его безконечно счастливымъ, и вотъ настала минута, о которой онъ не смѣлъ даже мечтать: она признавалась ему, что онъ дороже ей всего на свѣтѣ... и, вмѣсто радости, у него сжималось сердце отъ невыразимой тоски и боли. Онъ горько сознавалъ въ эту минуту, что она права, что онъ поступилъ не только эгоистично, но даже нечестно; что ради личнаго удовлетворенія онъ нарушилъ чужое спокойствіе, чужое счастье, внесъ тревогу страсти въ молодое, неопытное сердце и не можетъ дать ей въ замѣнъ ничего, кромѣ несчастія и стыда.

Дина первая пришла въ себя; она отерла слезы и взглянула на Арбеньева, онъ былъ страшно блѣденъ, и при видѣ этой блѣдности и внутренняго страданія, которое она прочла на лицѣ его... ей стало жаль своихъ словъ.

— Сейчасъ вернутся назадъ дѣти,—сказала она вставая:— намъ осталось быть вмѣстѣ только нѣсколько минутъ. Я вижу—мои слова огорчили васъ; простите меня и проститесь. Она протянула ему руку.

Эти слова, это движеніе, мысль, что она прощается съ нимъ, что онъ можетъ быть больше никогда ее не увидитъ,—пробудили въ немъ всю силу страсти, на минуту подавленную ея слезами и горемъ. Онъ вжалъ протянутую, блѣдную, холодную ручку и, крѣпко сжимая ее въ своихъ рукахъ, проговорилъ твердо и рѣшительно.

— Дина! мы не можемъ такъ разстаться. Я знаю теперь, что вы любите меня и не откажусь такъ легко отъ любви, которая мнѣ дороже всего на свѣтѣ. Выслушайте меня: надежда есть, нужно только, чтобъ вы довѣрились мнѣ, чтобъ вы были сильны. Мы уѣдемъ отсюда въ Америку, тамъ ничто не будетъ

стоять между нами, тамъ вы будете моею женою, а отдамъ ей (онъ зналъ, что она понимаетъ о комъ онъ говорилъ) половину моего состоянія, отдамъ все, если она этого потребуетъ, деньги утѣшать ее, а ее знаю; намъ ничего не нужно. Мы молоды и сильны, мы можемъ и умѣемъ работать, а знаю — васъ не испугаетъ трудовая жизнь, вы, также какъ я, ненавидите богатство, эту причину нищеты, это богатство, которое я всегда считалъ за проклятіе, тяготѣвшее надо мною съ рожденія. Тамъ, вдали отъ этого стараго міра, погрязнаго въ гнусномъ эгоизмѣ, въ насилиіи, въ дикихъ сословныхъ предрассудкахъ и нелѣпныхъ обязательствахъ, — свободные и счастливые, мы начнемъ новую, честную жизнь, безъ гнетущей мысли, что мы живемъ чужимъ трудомъ, ѣдимъ чужой хлѣбъ. Дина, рѣшайтесь! въ вашихъ рукахъ мое счастье и моя жизнь.

— Дина! раздался вдругъ издали дѣтскій голосъ, звеня какъ серебряный колокольчикъ въ вечернемъ воздухѣ.

Дина вздрогнула и быстро поднялась со скамьи.

По гладкой поверхности озера, вся отражалась въ прозрачной водѣ, плыла къ берегу рыбацья лодочка, слышались мѣрные удары веселъ и уже можно было рассмотреть фигуру мужика, въ красной рубахѣ, и дѣтскія головки. Воздухъ былъ такъ прозраченъ, что дѣтскіе голоса и веселый смѣхъ отчетливо доносились до Дины и Арбеньева.

Она провела рукою по лбу, точно просыпаясь отъ сна.

— Мы еще увидимся, — сказала она порывисто: — теперь я не могу ничего отвѣчать вамъ, дайте мнѣ подумать. Черезъ недѣлю я напишу вамъ — да или нѣтъ! Теперь прощайте, меня ждуть, я не хочу, чтобъ Миша видѣлъ насъ вмѣстѣ.

И прежде чѣмъ Арбеньевъ могъ отвѣчать ей, она спустилась съ пригорка и уже бѣжала по аллеѣ, которая вела къ пристани. Арбеньевъ пошелъ за нею, но она уже исчезла.

— Дина! — говорилъ Миша сестрѣ, когда она сѣла подлѣ него въ лодку. — Ты съ кѣмъ была тамъ на верху, въ бесѣдѣ? Никакъ съ Дмитриемъ Васильевичемъ.

Дина ничего не отвѣчала, она притворилась, что не слышитъ, и мальчикъ, взглянувъ на ея блѣдное лицо, самъ не сознавая отчего, не повторилъ своего вопроса.

Поздно вечеромъ возвращалось домой все общество Татьяны Дмитриевны. Солнце сѣло, высоко на небѣ стоялъ молодой мѣсяцъ. Сѣдой туманъ поднимался надъ озеромъ, и въ этомъ туманѣ скрадывались его контуры и оно казалось безпредѣльнымъ, какъ море. Сильная роса смочила пыль по дорогѣ, а изъ лѣсу

несся горячій, наркотическій запахъ ночныхъ фіалокъ и багуна.

Татьяна Дмитріевна ѣхала въ коляскѣ съ Диною, Миша Зубовъ помѣстился на козлахъ, а противъ нихъ сидѣлъ Миша. Миша дремалъ и качался, безпрестанно клоя носомъ.

— Посадите его между нами, сказала Татьяна Дмитріевна.

Дина взяла мальчика—и скоро его головка склонилась къ ней на плечо и онъ, казалось, задремалъ.

Вдругъ онъ тихо проговорилъ: „Дина, о чемъ ты плачешь“?

— Я не плачу, мой голубокъ, отвѣчала молодая дѣвушка; но голосъ ея замѣтно дрожалъ.

— Нѣтъ, плачешь; я вѣдь слышу, ты наклонилась, а мнѣ на щеку слезы капъ-капъ! И отчего ты мнѣ не хотѣла сказать тогда, что тамъ, на горѣ, былъ Дмитрій Васильевичъ?

Онъ говорилъ шепотомъ, но Татьяна Дмитріевна все слышала. Хорошая женщина не ужаснулась и не возмутилась; она, убѣжденная, что любить своего Мишу только потому, что онъ ея законный мужъ, вдругъ, безъ всякихъ объясненій, изъ молчаливаго гора Дины и болтовни ребенка, поняла, что Дина видѣлась съ Арбеньевымъ, что они любятъ другъ друга и, помимо ея воли, незаконная любовь, которую она привыкла считать безнравственною, показала ей на этотъ разъ симпатичнѣе самыхъ законныхъ и официальныхъ узъ. Она не сказала ни слова, она не сдѣлала Динѣ ни одного нескромнаго вопроса, она только обняла ее и, привлекая къ себѣ на плечо ея горячую головку, съ материнскою нѣжностью проговорила: — Усните... успокойтесь, у васъ болятъ нервы, это и со мною часто бываетъ.

Докторъ и Скворцовъ ѣхали съ Софьей Николаевной и ея дочерью. Молодой человѣкъ болталъ безъ умолку, не обращая никакого вниманія на то, что его всѣ слушали разсѣянно. Докторъ, не смотря на присутствіе своего предмета, очень хорошо замѣтилъ волненіе Дины и догадался, что она видѣлась съ Арбеньевымъ. Хорошо сознавая, что изъ этой любви ничего не можетъ выйти, кромѣ несчастія, онъ упорно отыскивалъ средство, какъ помочь бѣдѣ; и потому болтовня Скворцова сердила его неизмѣрно.

Софья Николаевна думала о томъ, „какъ бы хорошо было еслибъ Скворцовъ былъ немножко постарше и посолиднѣе: лучшаго жениха не надо для Ани“, и она внутренно сердилась, зачѣмъ этотъ красивый юноша такой молодой и такой болтунъ!

Скворцовъ, какъ всё занятые собою люди, никогда не замѣчалъ ничего и никого. Иногда ему казалось, что Татьяна Дмитриевна хочетъ женить его на этой красивой и молчаливой Динѣ Архаровой, и онъ внутренно смѣялся надъ этой претензіей, потому что далъ себѣ слово никогда не жениться на русской. „Я разумѣется правлюсь всёми этимъ бариннямъ“, думалъ онъ про себя, „но мнѣ нравится онѣ не могутъ... нѣтъ, это совсѣмъ не то, что мнѣ нужно“.

— Какая ночь!—сказала Софья Николаевна:—удивляюсь я вамъ Николай Александровичъ, что вы такъ равнодушны къ природѣ.

— Почему-же вы такъ думаете Софья Николаевна?

— Да какъ же, рассказываете тамъ, извините меня, какой-то вздоръ о дрязгахъ вашего посредника съ помѣщиками.

— Что-же, о любви и о высшихъ чувствахъ прикажете говорить?

— Кто-же вамъ велить, а хоть бы полюбовались, сказали бы: какъ хорошо!...

Скворцовъ засмѣялся.

— Нынче только старички ахаютъ, да восхищаются красивыми ночами Софья Николаевна; вотъ, посмотрите, докторъ совсѣмъ растаялъ. Докторъ, продекламируйте чтонибудь въ лунѣ, чтонибудь Фетовское, знаете:

„Свѣтъ ночной, ночныя тѣни,
Тѣни безъ конца“...

— Можно быть очень положительнымъ и даже очень дѣльнымъ человекомъ,—отвѣчалъ докторъ:—и восхищаться красотой ночи и даже любить стихи Фета.

— Нѣтъ, слуга покорный! это что-то одно съ другимъ не вяжется.

— Вотъ видите,—продолжалъ докторъ:—я такой-же матеріалистъ какъ и вы; но можете быть именно потому, что я матеріалистъ, я страстно люблю природу, особенно русскую, я чувствую мое сродство съ нею; а такая ночь, мягкая, душистая и тихая, словно манить заснуть мирно и безпробудно въ ея объятіяхъ, на лонѣ этой alma mater.

„А вѣдь онъ человекъ съ душою“, думала Софья Николаевна, „жаль только, что поповичъ и уродъ“.

— Аня! чтожъ ты все молчишь?—сказала она, обращаясь къ дочери, которая въ это время съ напряженнымъ вниманіемъ глядѣла куда-то впередъ.—Видно и ты замечталась!... куда это ты глядишь?

— Да вот гляжу, отчего это буря не везеть?... отозвалась дочь:—этотъ олухъ Егоръ, кажется, заснулъ на козлахъ.

— Ахъ матушка! промолвила съ досадою Софья Николаевна.

Скворцовъ и даже докторъ громко захохотали.

V.

Тяжело жилось теперь въ Ясномъ, и хотя, казалось, что все идетъ по прежнему: такъ же судить и разбираетъ Архаровъ, также навѣщаетъ больныхъ и учитъ грамотѣ Мишу Дина (уроки въ школѣ по случаю лѣта прекратились), также пишетъ повѣстки и шатается по полямъ съ ружьемъ Антонскій,—по каждому изъ нихъ грызла тайная забота, у каждого щемило и ныло сердце, и только одинъ Миша по прежнему весело смѣялся и болталъ. Такъ, въ жаркій лѣтній день, когда все тихо, ни одинъ листокъ не шелохнется и льются съ неба горячіе солнечные лучи, когда ласточки еще высоко несутся въ голубомъ воздухѣ, уже чувствуется приближеніе грозы и едва замѣтная на далекомъ горизонтѣ туча уже растетъ и близится.

Антонскій не боролся съ своею любовью къ Динѣ, хотя любовь его была безвыходная, сумасбродная и несчастная съ самаго начала. Избалованный въ дѣтствѣ сумасбродною матерью, капризный, своевольный и слабохарактерный, привыкшій всегда отдаваться слѣпо въ все влеченіямъ и прихотямъ своей натуры, убѣжденный, неизвѣстно на какомъ основаніи, въ правотѣ и логичности всѣхъ своихъ поступковъ и мыслей, онъ ни разу не далъ себѣ труда подумать, что между нимъ и Диною гнѣтъ ничего общаго, что между ними стоятъ вовсе не сословные предразсудки, какъ ему казалось въ его самонадѣянной ограниченности, а совершенное несходство мыслей, понятій и убѣждений. Не смотря на то, что онъ прожилъ съ нею въ одномъ домѣ болѣе восьми мѣсяцевъ и видѣлся съ нею каждый день, онъ вовсе не зналъ ее, во первыхъ, по недостатку наблюдательности, а во вторыхъ,—и это главное,—потому, что мы никогда не въ состояніи понять людей, стоящихъ выше насъ въ умственномъ отношеніи, если мы недостаточно скромны, чтобъ сознать это превосходство. Понять, значить оцѣнить; и если чтобъ понять и оцѣнить сознательно генія, нуженъ почти таковой же геній, то и для оцѣнки нравственнаго и умственнаго превосходства, нужна нѣкоторая воз-

вышность природы. Французы говорятъ: „qu'il n'y a pas de grand homme, pour son valet de chambre“, понимая это въ томъ смыслѣ, что всякій великій человѣкъ, такъ же мелоченъ и пошлъ въ обшденной жизни, какъ и обыкновенные смертные, а мы думаемъ потому, что, съ точки зрѣнія лакея, все великое кажется мелкимъ и наоборотъ.

Не скрылось отъ Антонскаго только то впечатлѣнiе, которое Дина произвела на Арбеньева; на этотъ разъ ревность заставила его забыть постоянныя заботы о своей собственной особѣ и онъ, со злостью и ненавистью, слѣдилъ какъ росло и развивалось чувство Арбеньева; но зная, что Арбеньевъ женатъ и предполагая въ Динѣ большое уваженiе къ общественнымъ постановленiямъ и законамъ, онъ никогда не видалъ въ Арбеневѣ опаснаго соперника, потому что не видалъ въ немъ жениха. „Дина слишкомъ горда и слишкомъ заражена всевозможными социальными и религиозными предразсудками“, — успокоивалъ онъ самъ себя, — „чтобы полюбить человѣка, который не можетъ быть ея законнымъ супругомъ“.

Антонскому было много свободнаго времени, чтобы заниматься анализомъ своихъ и чужихъ чувствъ, придумыванiемъ всевозможныхъ комбинацiй для успѣшнаго окончанiя предпрiятiя, возможность котораго могла явиться только въ его праздномъ воображенiи. Смѣясь считаетъ лѣность отличительною чертою характера какъ деспотовъ, такъ и дикарей; Антонскiй былъ лѣнивъ, какъ деспотъ и дикарь. Напрасно Архаровъ, который, какъ всѣ занятыя люди, не выносилъ людей праздныхъ, старался приучить юношу къ какому нибудь труду, помимо его должности писмоводителя, оставлявшей ему много свободнаго времени; всѣ его старанiя оказались безуспѣшными: Антонскому до того было антипатично всякое занятiе, всякій трудъ, что онъ предпочиталъ или шататься безцѣльно по полямъ и лѣсамъ — онъ былъ самый несчастный охотникъ — или лежать по цѣлымъ часамъ на диванѣ, уставя глаза въ потолокъ и сочиняя величiе планы о томъ, какъ вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, т. е. жениться на Динѣ. Лѣность очень часто соединяется съ склонностью къ мечтательности, которая, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ поэтическимъ творчествомъ.

Всѣ умныя книги, по которымъ развивалъ его когда-то богатый баринъ, были давно забыты; изъ ихъ чтенiя онъ вынесъ только убѣжденiе о своемъ умѣ, о начитанности, и вѣру въ самый грубѣйшiй материализмъ, материализмъ неуча, который не вѣрить ни во что, не потому что изучилъ и постигъ многое,

а потому что гораздо удобнѣе и проще не имѣть никакихъ нравственныхъ убѣжденій, чѣмъ даже твердо вѣрить: „что воровство—грѣхъ“. Любовь его къ Динѣ, какъ и надо было ожидать отъ такой природы, было чувство очень корыстное и эгоистичное. Кромѣ ея красоты, вскружившей его молодую голову и увлекавшей его чувственно, онъ любилъ въ ней еще больше барышню-аристократку, единственную дочь человека, котораго имя и связи, думалъ онъ, дадутъ ему положеніе въ высшемъ провинціальномъ обществѣ, вѣчный и недоступный предметъ его желаній. „Для достиженія цѣли, всѣ средства хороши“,—говорилъ онъ самъ себѣ, прочитавъ гдѣ-то этотъ іезуитскій афоризмъ, и не давая себѣ труда подумать, что цѣли бываютъ различныя, и что если Лео, въ романѣ Шпильгагена „Одинъ въ полѣ не воинъ“, не отступаетъ ни передъ какими средствами для достиженія цѣли, то цѣль эта немного выше буржуазной цѣли: выгодно жениться.

— Я увезу ее,—думалъ онъ иногда,—увезу насильно—и тогда она по неволѣ, изъ страха скандала, выйдетъ за меня замужъ... или еще лучше... и онъ воображалъ себѣ темную ночь, неизвѣстно почему всегда бурную... всѣ въ домѣ спать, онъ съ заряженнымъ револьверомъ,—у него былъ какой-то испорченный,—пробирается къ ней въ спальню и угрозою смерти принуждаетъ ее отдаться ему.... позже, когда она сдѣлается его женою, она, разумѣется, проститъ его, потому что женщины такъ уже созданы, что прощаютъ все страстной любви.

Въ подобныхъ мечтахъ проходило время, а любовныя дѣла Антонскаго не подвинулись ни на шагъ. Прошла осень съ темными ночами; прошла зима съ метелями и бурями; прошла весна, а онъ все-таки по прежнему видѣлъ Дину только за обѣдомъ и завтракомъ, и по прежнему она молча кивала головою въ отвѣтъ на его поклоны. Сближенія между ними, хотя очень естественнаго, потому что они жили подъ одною кровлею, не произошло ни малѣйшаго. Есть природы до того несходныя, до того антипатичныя одна другой, что, живя вмѣстѣ, онѣ будутъ такъ же далеки одна отъ другой, какъ еслибы онѣ жили въ различныхъ мірахъ. Всегда сосредоточенная, серьезная, занятая и вообще несообщительная отъ природы, Дина сдѣлалась еще задумчивѣе и серьезнѣе съ тѣхъ поръ, какъ страстное и глубокое чувство завладѣло ея сердцемъ. Бывали дни, въ которые она, безъ всякой преднамѣренной мысли, какъ бы забывала существованіе и присутствіе Антонскаго; а по скромности и отсутствію всякаго пошлаго женскаго кокетства, никогда не замѣчала

его страстныхъ взглядовъ и разсѣянно выслушивала его короткія фразы, которыя онъ считалъ полными значенія и намековъ.

Срокъ, назначенный Диною Арбеньеву, приближался къ концу, а она все не рѣшалась открыть отцу свою любовь, свои тревоги и надежды. Она не сомнѣвалась, что онъ будетъ противиться ея любви, что онъ не можетъ поступить иначе, и не смотря на все, зная ширину его воззрѣній, совершенную отрѣшенность отъ всѣхъ преданій обиходной морали, она какъ-то смутно надѣялась, хотя его молчаливая грусть мучила ее невыразимо. Мало-по-малу исчезла между ними прежняя откровенность и Динѣ казалось, что отецъ уходитъ отъ нея въ то темное, печальное прошедшее, куда ей не было доступа.

Разъ, въ знойный день, сидя на балконѣ, выходящемъ въ садъ, она съ замираніемъ и болью въ сердцѣ, слушала звуки органа, которые неслись изъ открытаго окна гостиной. Она такъ хорошо знала отца, что изъ его музыкальной импровизаціи угадывала настроеніе его духа. Глубокимъ отчаяніемъ звучали эти громкіе, сильные акорды, раздражая и волнуя ея нервы. Слышались въ этихъ звукахъ, то жалобныя рыданія, то яростныя крики гнѣва, то стоны и вздохъ умирающаго. Нивогда еще Архаровъ не игралъ такъ увлекательно и такъ сильно, и никогда музыка такъ живо и поразительно не передавала его внутреннего настроенія.

Сердце Дины ныло и замирало въ груди, и въ эту минуту, она не думала ни о любви своей, ни объ Арбеневѣ, она слышала только его жалобы, она болѣла только его горемъ.

Все кругомъ ея говорило о немъ одномъ; эти деревья посаженныя имъ, этотъ изящный цвѣтникъ, нарисованный и разбитый имъ-же; эти цвѣты имъ любимые, которыми такъ часто любовались они вмѣстѣ. Этотъ красивый домъ, гдѣ все носитъ печать его художественнаго вкуса, эта музыка, подъ звуки которой она росла и развивалась, убаюкиваемая Бетховеномъ и Бахомъ. Эта школа, гдѣ, подъ его же руководствомъ, она съ любовью учитъ крестьянскихъ дѣтей; сами крестьяне, въ которыхъ, съ раннихъ лѣтъ, благодаря его высокой гуманности и благотворному вліянію, она привыкла видѣть, не только равныхъ себѣ, но даже людей, которымъ она обязана всѣмъ своимъ благосостояніемъ, людей, передъ которыми, по словамъ его, они, помѣщики, въ постоянномъ долгу... и все это она бросить, оставить для человѣка, который былъ чужимъ для нея нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Но вѣдь этотъ человѣкъ, такъ же, какъ и отецъ ея, одинъ изъ немногихъ; вся молодая жизнь его

посвящена служенію угнетеннымъ и слабымъ, и, къ тому, она такъ любитъ его, что жизнь безъ него для нея невозможна. Отказаться навсегда отъ счастья въ двадцать лѣтъ, во имя условной морали, изъ боязни людскаго осужденія, но вѣдь это безумно! и неужели отецъ ея будетъ такъ жестокъ, что потребуетъ отъ нея этой жертвы?

Архаровъ все игралъ... его музыка перешла въ тихую и грустную мелодію, въ которой не было прежней бури отчаянья, но тоски прибавилось еще больше, точно въ эту минуту въ его воображеніи нарисовалось сельское кладбище и бѣлый мраморный крестъ, подъ которымъ онъ скоронилъ все свое счастье. Дня, въ какомъ-то оцѣпененіи, оставалась на балконѣ, машинально вертя въ рукахъ хлыстикъ, оставленный Мишей послѣ катанья верхомъ; веселый голосокъ его доносился теперь со двора, на которомъ онъ бѣгалъ съ учениками сестры. Этотъ знакомый звонкій голосъ, этотъ милый дѣтскій смѣхъ, тяготилъ ее, какъ угрызеніе совѣсти... вѣдь тогда она броситъ и его, этого ребенка, который выросъ на рукахъ ея, которому она, еще дѣвочкою, общалась замѣнить мать?

Солнце садилось, но воздухъ былъ все такъ же душный; на южной сторонѣ неба, низко, на горизонтѣ, стояла темная туча. Цвѣты запахи сильнѣе, особенно левкой и мирабилисы, нѣкоторыя изъ нихъ закрывали свои пестрыя головки и золотистая яркая ешольція уже больше не глядѣла прямо на солнце своими блестящими, точно лакированными, цвѣточными вѣнчиками.

Динѣ захотѣлось уйти куда нибудь подальше отъ дома, чтобы не слышать больше этой музыки, которая потрясала ея нервы, чтобы усвоить, просторомъ и видомъ полей, тревогу, которая росла въ ней все больше и больше.

Она вышла въ поле и пошла по дорожке, которая вела въ одну изъ сосѣднихъ деревень. Дорога шла между полями съ рожью, уже начинавшей желтѣть. Она вспомнила, что по этой самой дорогѣ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ ясную, морозную ночь, она ѣхала съ Анной Михайловной къ умирающему крестьянину.

Ей вспомнились ея тогдашняя тревога и сомнѣнія — и ей стало совѣстно, при мысли, что личные и корыстные мученія любви для нея въ десять разъ тяжелѣе дѣйствительныхъ людскихъ страданій. Она повернула съ дороги на право и пошла межою, которая вела на берегъ рѣчки, протекавшей въ Ясномъ.

Волненіе ея не проходило, грозвое состояніе атмосферы еще увеличивало его.

На встрѣчу ей изъ ржи вдругъ кинулась знакомая лягавая собака Антонскаго; это было такъ неожиданно, что она вскрикнула. Послышался голосъ Антонскаго: „Бумъ ісі!“ и въ ту-же минуту, онъ самъ, съ ружьемъ за плечами, показался прямо передъ нею на узкой межѣ. Хотя эта встрѣча была ей чрезвычайно неприятна, особенно въ такую минуту, но идти назадъ было бы смѣшно, и она прямо пошла къ нему; онъ постеронился, чтобъ дать ей пройти и вмѣсто того, чтобъ продолжать свою дорогу, повернулъ назадъ и пошелъ за нею.

На него вдругъ напала какая-то необыкновенная смѣлость; эта встрѣча показалась ему роковою и онъ рѣшилъ, что теперь или никогда онъ объяснится съ нею.

Они вышли къ рѣкѣ. Въ этомъ мѣстѣ берегъ былъ очень высокъ и крутъ. Маленькая рѣчка Ясенка начиналась въ горахъ и, какъ всѣ горныя рѣчки, была очень быстра и, сильно разливаясь весною, подмывала свой правый берегъ, крутой и песчаный.

Теперь, въ самой серединѣ лѣта, она была такъ мелка, что ее почти вездѣ можно было перейти въ бродъ, и она, журча, быстро бѣжала глубоко внизу, по своему каменистому руслу.

Дина на минуту остановилась, какъ бы не рѣшаясь куда идти, къ деревнѣ или назадъ къ дому?

Туча все приближалась и по временамъ слышались отдаленные раскаты грома.

— Надежда Александровна! раздался за нею голосъ Антонскаго.

Она обернулась.

Онъ стоялъ передъ нею взволнованный и блѣдный.

— Что вамъ угодно? спросила она сухо.

— Умоляю васъ, выслушайте меня и не глядите на меня такъ гордо... не отнимайте у меня силы сказать вамъ то... онъ остановился и наконецъ выговорилъ чуть слышно:—то, что вы вѣрно давно знаете!...

Это немного книжное объясненіе было уже давно придумано Антонскимъ; но, въ эту минуту, при видѣ ея, мысли его спутались и онъ не зналъ, что сказать еще.

Неясное подозрѣніе мелькнуло въ умѣ Дины; ей стало невыразимо досадно и она захотѣла убѣдиться въ справедливости своего предположенія, чтобы тогда уже разомъ положить ко-

нецъ этой глупости, какъ она назвала мысленно любовь Антонскаго.

— Я намековъ не люблю и не понимаю,—сказала она также холодно и спокойно:—потому прошу васъ сказать мнѣ просто: чего вы отъ меня хотите?

— Любви вашей... глухо прошепталъ Антонскій.

Она засмѣялась, такъ смѣшна была его фигура въ это время! Этотъ смѣхъ еще больше смутилъ молодаго человѣка; блѣдный, съ сжатыми дрожащими губами, онъ стоялъ передъ нею не смѣя взглянуть на нее и только руки его судорожно жали фуражку, которую онъ снялъ, не зная самъ что дѣлаетъ. Онъ показался ей больше жалокъ, чѣмъ смѣшонъ.

— Владиміръ Ивановичъ,—сказала она уже гораздо мягче, —ваше замѣшательство доказываетъ, что вы сами сознаете всю странность и неприличіе вашихъ словъ. Не понимаю, что въ моемъ обращеніи съ вами могло дать поводъ къ подобному объясненію; но я надѣюсь, что оно больше не повторится, иначе я принуждена буду просить отца избавить меня отъ вашего присутствія.

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію къ дому.

Антонскій понялъ, что если она уйдетъ теперь, то конецъ всѣмъ его замысламъ и надеждамъ. Отчаяніе придало ему смѣлости; онъ сталъ противъ нея на тропинкѣ, которая шла по берегу и была такъ узка, что нельзя было пройти двумъ рядомъ: съ одной стороны, стояла высокою стѣною розъ, съ другой—былъ крутой совершенно отвѣсный и песчаный берегъ.

Дина остановилась.

— Позвольте мнѣ пройти,—сказала она, — говорить намъ больше не о чемъ.

— Нѣтъ-съ вы прежде выслушаете меня,—нервно проговорилъ Антонскій, не трогаясь съ мѣста.— Мы здѣсь одни; ваши гордые взгляды не испугаютъ меня; я слишкомъ долго ждалъ такого случая, чтобъ отступить теперь. Я люблю васъ такъ, какъ никто въ мірѣ васъ не любитъ и не-будетъ любить никогда. Сдѣлайте ваше одолженіе, не смѣйтесь... вы не знаете на что я способенъ!... я скорѣе убью васъ, себя, цѣлый свѣтъ, чѣмъ уступлю васъ другому... Онъ задыхался и безпрестанно отиралъ со лба крупныя капли пота, губы его подергивались. Какъ всѣ застѣчивые, слабохарактерные и нервные люди, разъ преодолѣвъ свою робость и отдавшись увлеченію страсти, онъ не зналъ мѣры и не помнилъ самъ что говорилъ. Насмѣшливая улыбка Дины раздражала его неимоვნю; онъ

точно былъ готовъ убить ее въ эту минуту и не могъ дать себѣ яснаго отчета: любить онъ ее или ненавидить?

— Вы напрасно такъ горячитесь, — сказала Дина все также спокойно, между тѣмъ какъ сожалѣніе смѣнялось въ ней досадою. — Ни при другихъ, ни наединѣ, вы не имѣете никакого права говорить мнѣ о вашей любви, потому что я не хочу о ней слышать. Пустите меня.

— Ни за что на свѣтѣ! и онъ схватилъ ее за руку.

Она вырвала руку и такъ взглянула на него, что онъ понялся назадъ.

— Такъ вы очень презираете меня барышня? — проговорилъ онъ наконецъ съ какою-то злобною ироніею, опять подвигаясь къ ней. — Вамъ даже противно, что я до руки вашей дотронулся... Аристократка!... вотъ она гордость — то ваша проклятая! Что я писаремъ у вашего отца служу, такъ вы меня за халуга считаете? — и онъ злобно захохоталъ! — Не хотите ли хлыстомъ огрѣть? — и онъ показывалъ на хлыстикъ Миши, который Дина нервно сжимала въ рукѣ. — А еще филантропіей занимаетесь, меньшимъ братьямъ благотѣльствуете, сирыхъ и нищихъ призрѣваете! Гроша она мѣднаго не стоятъ ваша филантропія, сердца у васъ нѣтъ... если вы можете смѣяться надъ честною любовью! Голосъ его задрожалъ и прервался.

— Я не смѣю надъ вами Антонсвй... и не презираю васъ за ваше положеніе, для меня это не имѣетъ никакого значенія.

— Нѣтъ-съ, имѣетъ; знаю я эту пѣсню! вы всѣ на словахъ либералы, а на самомъ дѣлѣ вы никогда не считали меня за равнаго, вы никогда не дали себѣ труда узнать, какое сердце бьется подъ этою бѣдною одеждой? — и онъ уморительно колотилъ себя въ грудь.

Она опять невольно улыбнулась.

Онъ замѣтилъ эту улыбку и она совершенно помутила его рассудокъ.

— Такъ вы будете моею... проговорилъ онъ, задыхаясь отъ злости, схвативъ опять ее обѣ руки и сжимая ихъ такъ крѣпко, что она не могла ихъ вырвать: — будете, не смотря на вашу ненависть, ваше презрѣніе и вашу гордость!

Она страшно поблѣднѣла и обвела глазами кругомъ, какъ бы ища защиты, но никого не было ни слышно, ни видно, только становилось все темнѣе и темнѣе, гровая туча уже заволакивала все небо. Вдругъ послышался слабый, отдаленный звукъ почтового колокольчика. Кто-то ѣхалъ по дорогѣ отъ Узы. Чуткое и настороженное ухо Дины одно услышало этотъ, едва

слышнѣй, звукъ; Антонскій ничего не понималъ и не слышалъ. Онъ видѣлъ передъ собою только взволнованное, прекрасное лицо Дины, слышалъ ея неровное дыханіе, держалъ, въ первый разъ, въ рукахъ ея похолодѣвшія, дрожащія руки—и голова у него кружилась, какъ у пьянаго.

— Пустите меня, я вамъ приказываю! — сказала Дина твердо.

— Приказываете? вотъ забавно!—отвѣчалъ Антонскій, повинаясь, однако, ея строгому голосу и выпустивъ ея руки.— Вы, кажется, все еще воображаете, что передъ вами писарь вашего батюшки. Нѣтъ-съ, дудки! теперь вы въ моей власти и самъ чортъ не спасетъ васъ! волей или неволей, но вы будете моею, — и, посмотримъ, что вы заговорите тогда барышня?

— Вы гадки и смѣшны...—проговорила Дина, теряя терпѣніе и забывалъ, въ своемъ негодованіи, что передъ нею стоитъ человѣкъ, почти обезумѣвшій отъ гнѣва и страсти: — но я не боюсь васъ и презираю ваши угрозы.

— А! я гадокъ! я смѣшонъ!.. такъ вотъ я покажу же вамъ, что могу быть и страшень!

— Архаровой не можетъ быть страшень Антонскій,—сказала надменно Дина.

— Архаровой!.. скажите какъ важно... да изъ чего вы это взяли? Простая мѣщанка, а воображаете себя принцессой!

— Вы съ ума сошли!..—сказала она съ удивленіемъ и даже какъ будто со страхомъ, ей показалось, что онъ, дѣйствительно, сходить съ ума.

— Нѣтъ-съ, я не сумасшедшій... а вотъ вы, кажется, рехнулись отъ чванства, а чваниться-то вамъ нечѣмъ, потому что вы побочная дочь Архарова и больше ничего!..

— Что?—проговорила она, задыхаясь и смотря на него, блѣдная какъ смерть, широко раскрытыми глазами, въ которыхъ свѣтились не то изумленіе, не то ужасъ.

— Побочная дочь!..—повторилъ онъ опять,—весь свѣтъ это знаетъ!

— Лжець!—вскрикнула она совершенно измѣнившимся голосомъ и прямо глядя на него сверкающими глазами:—вы осмѣливаетесь клеветать на мою мать!

Въ воздухѣ что-то просвистѣло и хлысть Миши такъ и прохлалъ по щекамъ Антонскаго.

Онъ застоналъ и бросился на нее съ поднятыми кулаками, но оступился... песчаный берегъ осыпался подъ его ногами и онъ

полетѣлъ внизъ головою. Тотчасъ послѣ его паденія раздался ружейный выстрѣлъ.

Все это произошло такъ быстро, что Дина не успѣла придти въ себя, ею овладѣлъ какой-то ужасъ и она, боясь взглянуть внизъ, бросилась бѣжать къ дому. Мысли ея путались, она чувствовала только невыносимую боль въ сердцѣ, и она бѣжала, точно кто гнался за нею.

— Надя! Наденька!—послышался сзади ея голосъ.

Но она не узнавала этотъ голосъ и бѣжала все дальше. Она слышала шаги позади себя, лошадиный топотъ, а колокольчикъ, казалось ей, звенѣлъ надъ самою ея головою. Чья-то сильная рука схватила ее за платье. Она вскрикнула и почти упала на руки доктора, который, видя, какъ она бѣжала по тропинкѣ, въ то время, когда его телѣга должна была пересѣчь ей дорогу и догадываясь, что тутъ, должно быть, что-то неладное, сначала окликнулъ ее, но, видя, что она его не слышитъ, выскочилъ изъ телѣги и, не смотря на свое брюшко, догналъ ее.

Въ это самое время блеснула молнія, раздался страшный ударъ грома и въ ту же минуту дождь полилъ какъ изъ ведра.

— Наденька, что съ вами?—говорилъ онъ, поддерживая молодую дѣвушку которая дрожала какъ въ лихорадкѣ:—я не зналъ, что вы такая трусиха, это вы такъ грозы испугались?

— Нѣтъ, не грозы; я слышала выстрѣлъ... онъ вѣрно убить!

— Кто убить? Что вы, Христосъ съ вами! это шальной Антонскій, должно быть, стрѣлялъ?

— Ну да, онъ убить!

— Это вы про писаря-то?—вмѣшался ямщикъ, который, въ это время, подѣхалъ къ нимъ.—Да вонъ онъ шагаетъ по той сторонѣ... и онъ показывалъ кнутомъ по направленію къ рѣкѣ.—А бывать когданибудь съ нимъ бѣдѣ, онъ разъ и то чуть-чуть пастушенка на Узѣ не подстрѣлилъ, этакой немудрый; стрѣлять не умѣетъ, а туда-жъ на охоту ходить. Барышню только напужалъ... право, чортъ хохлатый!

Докторъ помочь Динѣ сѣсть въ телѣгу. Онъ очень хорошо понялъ, что она испугалась не грозы и даже не выстрѣла, но что случилось чтонибудь особенное. Онъ оставилъ объясненіе до другаго, болѣе благопріятнаго, времени.

— Извольте, сударыня, сейчасъ лечь въ постель, говорилъ онъ:—и примите валеріана; я скажу Александру Петровичу, что у васъ отъ грозы болятъ нервы.

— Докторъ, я должна видѣть отца и говорить съ нимъ.

— А я вамъ этого не позволяю, — вы теперь слишкомъ взволнованы, вамъ нужно сперва успокоиться.

— Ахъ, Иванъ Ивановичъ, еслибы вы знали, какъ мнѣ тяжело.

— Поплачьте, это иногда помогаетъ.

Онъ бережно снялъ ее съ телѣги, провелъ въ ея комнату и приказалъ Дунѣ раздѣть и уложить барышню въ постель.

VI.

Мучительная ночь, въ продолженіе которой Дина засыпала ненадолго тревожнымъ сномъ, конечно, не могла успокоить ея взволнованные нервы; только гнѣвъ, возбужденный въ ней наглостью Антонскаго, смѣнился глубокою и безысходною тоскою. Припоминая событія своего ранняго дѣтства, нѣкоторыя загадочныя слова старухи Шамшиной и другихъ нескромныхъ собесѣдовъ, она пришла къ убѣжденію, что дерзкія слова Антонскаго не были клеветою; и не смотря на то, что ни любовь, ни уваженіе ея къ памяти матери не убавилось отъ этого ни на волосъ, ея дочерняя гордость невыразимо страдала при мысли, что, въ глазахъ общества, ея мать, которой память она чтитъ какъ святыню, считается женщиною, нарушившею свои обязанности. Напрасно успокоивала она себя мыслию, что понятія лучшихъ людей о долгѣ и нравственности иныя, чѣмъ понятія толпы, выросшей на азбучной казенной морали и принявшей ее на вѣру безъ всякаго критическаго анализа, — какой-то внутренней голосъ, помимо ея воли, говорилъ ей: „борьба противъ общественныхъ постановленій только тогда свята и законна, когда совершается во имя принципа, а не изъ личныхъ цѣлей, и становится даже преступною, если въ этой борьбѣ разбивается чужое счастье“. И вдругъ мысль о женѣ Арбеньева, о которой она прежде не думала или старалась не думать, озарила, точно молніею, тотъ мракъ тревожныхъ сомнѣній, изъ которыхъ она не видѣла выхода.

„Онъ не любитъ ее... это правда“, говорила она сама себѣ, „между ними порвана всякая нравственная связь, безъ которой немислимо супружество; но развѣ это даетъ ему право нарушить свободно данное слово быть всегда ея покровителемъ и другомъ, развѣ это обѣщаніе менѣе важно, менѣе обязательно, чѣмъ какой нибудь денежный контрактъ?“ Такъ говорилъ разсудокъ... а молодое, горячее чувство, вопреки всѣмъ его дово-

дамъ, громко твердило: „что тамъ, гдѣ нѣтъ больше любви, нѣтъ и обязательствъ, и что бракъ—свободный союзъ, а не маклерская сдѣлка“.

— Нѣтъ, виновата только она, эта ненавистная Татя, что не умѣла удержать и сохранить любовь мужа; неужели для спокойствія такой ничтожной личности, какъ эта госпожа, которой дороже всего въ жизни тряпки и роскошь, я пожертвую не только моимъ, но и его счастьемъ... счастьемъ одного изъ тѣхъ людей, существованіе которыхъ во сто разъ дороже спокойствія и даже жизни тысячи такихъ женщинъ, какъ Татя. Нѣтъ, никогда! эта жертва была бы не только слабостью, но даже безуміемъ.

Она быстро встала и черезъ нѣсколько минутъ входила въ комнату отца.

Архаровъ сидѣлъ у своего письменнаго стола и такъ пристально смотрѣлъ на стоявшій передъ нимъ портретъ жены, что даже не замѣтилъ прихода дочери.

— Папа!—сказала Дина.

Онъ вздрогнулъ, точно пробуждаясь отъ сна, но не повернулъ къ ней головы. Онъ хотѣлъ скрыть отъ нея свои слезы.

— Что тебѣ?—сказалъ онъ, наконецъ, стараясь говорить спокойно.

Этотъ взволнованный голосъ, эти слезы, которыя ей слышались въ его голосѣ, до того потрясли ее, что она, забывъ всѣ приготовленныя объясненія, бросилась къ нему на шею и, рыдая, твердила, какъ ребенокъ: „Папа! не брани меня, я не виновата, что люблю его!“ Бѣдный отецъ прижалъ къ груди свое рыдающее дитя и слезы ихъ смѣшались. Безъ всякихъ объясненій, они поняли другъ друга и плакали оба: она—надъ своею молодою, безнадежною любовью, онъ—надъ страданіемъ, которое слѣпая неумолимая судьба посылала его дорогой Динѣ. Въ долгую бессонную ночь, наканунѣ этого дня, послѣ отъѣзда доктора, съ которымъ онъ проговорилъ до полуночи, передъ нимъ пронеслась вся его прошлая жизнь, его первая встрѣча съ покойною женою, ихъ взаимная любовь, ихъ борьба съ обществомъ и семействомъ, ихъ одиночество, отчужденіе и презрѣніе общества, преслѣдовавшее женщину, которую онъ хотѣлъ окружить поклоненіемъ и уваженіемъ всѣхъ и каждого; затѣмъ рожденіе Дины, новое отравленное счастье, та долгая разлука, на которую они должны были осудить себя, чтобы скрыть отъ своего ребенка незаконность его рожденія. Наконецъ, счастье улыбнулось ему, онъ при всѣхъ могъ назвать женою мать своего

ребенка, но и тутъ его ждали новыя оскорбленія и новыя страданія. И онъ, съ мучительною болью въ сердцѣ, точно переживая прошедшее, вспоминалъ холодныя, почти враждебныя отношенія своей матери къ его женѣ, которой она никогда не могла простить ея прошедшее... но вотъ, наконецъ, воскресаютъ, въ его памяти, блаженные дни, которые проводили они въ Ясномъ... шесть лѣтъ, только шесть лѣтъ счастья! и потомъ ея преждевременная смерть, это предсмертное письмо ея, которое онъ долженъ передать Динѣ, и въ которомъ она умоляетъ дочь беречься увлеченій страсти... Всѣ эти воспоминанія, дорогія и жгучія, слились въ головѣ его въ одну ясную мысль, въ одну твердую рѣшимость: спасти Дину отъ той участи, на которую онъ, въ эгоизмъ страсти, осудилъ когда-то свою Машу.

— Я не осуждаю тебя, дитя мое,—сказалъ Архаровъ, выслушавъ рассказъ Дины о ея свиданіи и разговорѣ съ Арбеневымъ.—Скажу больше: я понимаю и сочувствую твоей любви въ Арбеневу, онъ достоинъ ея, и я съ радостью и гордостью назвалъ бы его своимъ сыномъ, но онъ не можетъ быть твоимъ мужемъ.

— Я думаю,—сказала Дина робко и не рѣшаясь взглянуть на отца,—что именно ты не можешь придавать никакого значенія тому, что онъ женатъ...

— Что ты хочешь сказать?—нетвердымъ голосомъ проговорилъ Архаровъ.

— Папа! ради Бога, не спрашивай... есть слова, которыя не должны быть произнесены между нами. Случай отерялъ мнѣ все; но клянусь тебѣ, что моя любовь, мое уваженіе въ тебѣ и къ покойной матери такъ же сильны, такъ же святы и глубоки, какъ прежде.

Архаровъ слушалъ ее, опустивъ голову, и ему казалось, что въ минуту смерти жены онъ страдалъ меньше. „Она точно прощаетъ насъ“... говорилъ онъ мысленно.

— Отецъ!—продолжала Дина, робко и нѣжно прижимая руку Архарова въ губамъ своимъ,—ты не можешь быть не правъ... ты всегда былъ и будешь для меня образцомъ благородства, честности и высокаго, настоящаго пониманія долга. И потому я спрашиваю тебя: скажи мнѣ, что я должна дѣлать? Ты оправдываешь любовь мою, ты ей сочувствуешь, ты находишь его достойнымъ любви... ты выше условной морали... а, между тѣмъ, я вижу, что ты глубоко огорченъ моимъ выборомъ и какъ будто не видишь для моей любви никакого счастливаго исхода?

— Никакого, Дина.

— Но вѣдь ты былъ же счастливъ?.. — она въ смущеніи остановилась.

— Продолжай... я теперь въ состояніи все выслушать... то, что я вынесъ въ эту ночь и въ это утро, искушаетъ все, и теперь передъ тобою уже не человѣкъ, измученный воспомина-ніями прошедшихъ радостей и заблужденій, а отецъ, который исполнить долгъ свой до конца!..

Она взглянула на него съ какимъ-то страхомъ.

— Да я былъ счастливъ, — продолжалъ Архаровъ: — если только можно назвать счастьемъ тѣ рѣдкія минуты блаженнаго упоенія, когда я забывалъ, что я причина страданій той.. которая была для меня дороже всего на свѣтѣ. Съ рѣдкимъ самоотверженіемъ, на которое способна только русская женщина, она скрывала отъ меня и обиды оскорбленнаго самолюбія, и тоску по родицѣ и роднымъ, и скуку одиночества, и то тяжелое чувство нравственной неудовлетворенности, которое испытываетъ каждая гордая личность, поставленная въ ложное положеніе. Я слишкомъ любилъ ее, чтобъ не угадать эти за-таенныя страданія; исцѣлить ихъ я не могъ. Ихъ могла исцѣ-лить только смерть человѣка, котораго имя она, къ несчастію, носила, и не дай Богъ испытать тебѣ никогда то жестокое чувство ненависти, то постоянное, неумолимое желаніе чужой смерти, которое заставляетъ понять возможность преступленія!.. Рожденіе ребенка, эта высочайшая радость, какую только дано испытать человѣку... эта радость... была отравлена для насъ мыслью о тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ жизни, на которыя обще-ство жестоко осуждаетъ дѣтей, рожденныхъ внѣ брака!... Даже женясь на твоей матери, я не имѣлъ право дать тебѣ мое имя; законъ не допускаетъ усыновленія дѣтей, рожденныхъ отъ незамужней женщины... и не смотря на все это Дина, я былъ менѣе виновенъ, чѣмъ Арбеневъ, который предлагаетъ тебѣ уйти съ нимъ. Жизнь твоей матери, когда я встрѣтилъ ее, была уже совершенно разбита... для нее не существовало ни будущности, ни счастья, я не нарушалъ ни чьего спокойствія; всякая связь между ею и ея мужемъ была давно порвана, они не жили вмѣстѣ... я не вырывалъ ее изъ спокойной, счастли-вой, полной молодыхъ надеждъ, жизни, чтобъ бросить въ водо-воротъ борьбы и страданій, страданій невыразимыхъ для на-туръ гордыхъ, прамыхъ и честныхъ.

— Но вѣдь страдать буду только я одна, — сказала Дина: — онъ будетъ счастливъ!..

— Никогда! онъ слишкомъ честный, слишкомъ гуманный че-

ловѣкъ, чтобъ находить свое счастье тамъ, гдѣ разбивается чужая будущность и чужое счастье. Я знаю его, онъ увлеченъ теперь могучимъ потокомъ страсти, съ которымъ иногда нѣтъ силъ бороться; но онъ не изъ тѣхъ, которые погибаютъ. Вы оба увѣрены въ своихъ силахъ... вы принадлежите къ поколѣнью, привыкшему, не блѣднѣя, глядѣть въ глаза жизненной правдѣ, которая не плачетъ надъ поверженными идолами, не боится призраковъ... но васъ, проповѣдниковъ новыхъ началъ и новой правды, такъ мало, что общество, воспитанное на обветшалыхъ и гнилыхъ преданіяхъ, которыя оно, хотя не вѣря въ нихъ, все-таки отстаиваетъ упорно, — задавить васъ неумолимо. Я знаю, васъ не испугаетъ борьба съ людьми и ихъ предрасудками... но можетъ быть васъ остановить мысль, что эта борьба за личное счастье не дастъ его и навсегда отравитъ жизнь людей вамъ близкихъ.

Голосъ его дрогнулъ.

Онъ всталъ, подошелъ къ столу, вынулъ оттуда письмо, уже пожелтѣвшее отъ времени и сказалъ, передавая его Динѣ:— На, прочти; это писала твоя мать за двѣ недѣли до своей смерти, какъ будто предчувствуя ея близость... Я не скажу тебѣ больше ничего и покорюсь твоему рѣшенію, какое бы оно ни было.

Онъ обнялъ Дину и проводилъ ее до дверей кабинета. Онъ чувствовалъ, что силы ему измѣняются, и едва двери затворились за нею, какъ онъ на силу дотащился до дивана и упалъ на него въ жестокое нервное припадкѣ.

VII.

Долго бѣгалъ по полямъ Антонскій, не чувствуя дождя, который лилъ на него потоками, не оставляя ни одной сухой нитки; не замѣчая молніи, ежеминутно прорывавшей небо, и не слыша грома, отъ котораго каждый разъ нервно вздрагивалъ и поджималъ хвостъ его бѣдный Бумъ, слѣдовавшій за нимъ по пятамъ, смутно недоумѣвая, почему его хвостикъ шляется въ такую погоду по полямъ и лѣсамъ вмѣсто того, чтобъ спокойно лежать въ теплой постелѣ. Чтобъ вымѣстить на комъ нибудь свое оскорбленіе и бѣшенство, Антонскій былъ готовъ застрѣлить преданное животное; но порохъ отсырѣлъ и нельзя было вновь зарядить ружье, разрядившееся самою собою при его паденіи съ берега и, къ счастью, не задѣвшее ни его,

ни Бума, бросившагося, какъ и подобаетъ вѣрной собакѣ, стремглавъ за своимъ хозяиномъ. Это обстоятельство, т. е. отсырѣніе пороха, спасло жизнь Бума, совершенно неповиннаго въ невзгодахъ и въ смѣшномъ паденіи своего господина.

Антонскій страдалъ однако невыразимо; особенно страдало его самолюбіе, ударъ хлыста жегъ его какъ раскаленное желѣзо, нѣсколько разъ онъ принимался даже рыдать какъ ребенокъ; но, не смотря на искреннее отчаяніе, мысль убить себя самого ни разу не пришла ему въ голову: онъ былъ слишкомъ животолюбивъ и даже, когда его нервы немножко успокоились отъ холодной дождевой дѣши, онъ быстро направился къ дому, чтобъ скорѣе переодѣнуть моерое платье и согрѣться. Боязнь схватить горячку пересилила и ярость, и отчаяніе, и жажду мести. Раздѣвшись и напившись чаю, нисколько не смущаясь мыслью, что питается на счетъ людей, которыхъ ненавидѣлъ и противъ которыхъ замышлялъ всевозможное зло, онъ преспокойно улегся въ постель и сталъ разсуждать, какъ и чѣмъ отмстить Динѣ за ея оскорбленіе? Всѣ планы оказывались неудобноисполнимыми, но онъ надѣялся, что еще успѣетъ придумать что нибудь ужасное. Онъ какъ-то инстинктивно догадывался, что Дина ничего не разскажетъ отцу и надѣялся остаться въ Ясномъ, гдѣ, живя подъ одною крышею съ нею, онъ могъ легче осуществить свои замыслы. Но расчетъ его оказался невѣрнымъ; на другой же день, утромъ, Архаровъ очень вѣжливо объявилъ ему, что онъ ему больше не нуженъ и что если онъ желаетъ уѣхать, то его сегодня же отвезутъ въ городъ. Не сообразивъ, что еслибъ Архаровъ зналъ все, то конечно обошелся бы съ нимъ иначе, внутренно проклиная Дину, не простаясь ни съ кѣмъ въ домѣ и даже не поблагодаривъ Архарова, съ ненавистью и злобою въ сердцѣ, оставилъ Антонскій домъ, гдѣ обращались съ нимъ какъ съ равнымъ, гдѣ хозяинъ заботился о немъ, какъ о членѣ семейства, гдѣ даже прислуга, слѣдуя примѣру господъ, обращалась съ нимъ вѣжливо, не смотря на его важничанье, и гдѣ, вмѣсто благодарности, онъ отплатилъ дерзостью и оскорбленіемъ. Въ своей злобѣ, онъ не умѣлъ понять, что Дина слишкомъ горда и великодушна, чтобъ на него жаловаться, „бить, какъ говорится, лежачаго“, — и не догадывался, что причиною его изгнанія былъ докторъ, который давно подозрѣвалъ любовь его и, угадывая изъ отрывочныхъ словъ Дины, что она это знаетъ и не хочетъ болѣе встрѣчаться съ нимъ, уговорилъ Архарова удалить его. Архаровъ, не подозрѣвая дерзости Антонскаго и желая только избавить Дину отъ

непрощенаго обожателя, до конца позаботился о судьбѣ молодого человѣка и далъ ему рекомендательное письмо къ одному изъ своихъ сослуживцевъ. Взявъ письмо, Антонскій не имѣлъ, однако, намѣренія имъ воспользоваться, онъ рѣшилъ, что должность писмоводителя слишкомъ ничтожна для него, и что онъ достаточно знакомъ съ судебными уставами, чтобы съ успѣхомъ заняться адвокатурою. Это занятіе сдѣлалось теперь въ провинціи весьма выгоднымъ ремесломъ для всѣхъ выгнанныхъ изъ службы чиновниковъ, грамотныхъ мѣщанъ и недоучившихся гимназистовъ и семинаристовъ, для всѣхъ бѣдныхъ и полуграмотныхъ лѣнтяевъ, которые, считая унижительнымъ всякій механическій трудъ, избираютъ адвокатуру, какъ средство наживы и эксплуатируютъ безграмотную, невѣжественную массу. Аблакать или акать, какъ называютъ ихъ крестьяне, такое же напущеніе Божіе на русскаго мужика, какъ кабатчикъ и булыня.

На такую-то полезную дѣятельность ѣхалъ Антонскій въ городъ N, и свѣтлыя надежды на будущіе большіе заработки смѣнялись въ головѣ его самыми невозможными мечтами и планами о страшномъ отомщеніи Динѣ Архаровой и всему ея роду и племени.

VIII.

Въ тотъ самый день, когда Арбеневъ, измученный ожиданіемъ, готовъ былъ ѣхать въ Ясное, посланный отъ доктора принесть ему письмо Дины. Вотъ что писала она:

...»Мы должны разстаться и разстаться на долго, можетъ быть навсегда. Для меня немислимо счастье, если это счастье наноситъ другимъ горе и страданіе, а мой отъѣздъ убьетъ отца и осиротитъ Мишу. Я не боюсь за себя; я чувствую въ себѣ довольно силы, чтобы перенести общественное осужденіе и даже презрѣніе... съ меня довольно собственнаго сознанія въ справедливости моихъ поступковъ; но я не имѣю права требовать той же силы отъ другаго, тѣмъ болѣе отъ человѣка, уставшаго отъ борьбы и разбитаго жизнью. Я вѣрю вамъ; я люблю васъ, и повторяю еще, что еслибы у меня не было другихъ священныя обязанностей, я смѣло пошла бы на встрѣчу жизни, опираясь на вашу руку, и ни разу не позаботилась бы о томъ: ношу ли я, или нѣтъ, ваше имя? Отказываясь отъ счастья дѣлать съ вами радость и горе... я отказываюсь отъ счастья и

любви на всегда; я не клянусь вамъ въ этомъ, потому что считаю всякую клятву нелѣпостью и ложью; но я знаю себя... мнѣ также невозможно разлюбить, какъ полюбить недостойное. Я убѣждена, что вы также не забудете и не разлюбите меня никогда, и потому, умоляю васъ, ради меня, ради любви нашей... не поддавайтесь отчаянію, не падайте духомъ, но будьте тверды и, чувствуя себя несчастнымъ, не отворачивайтесь отъ несчастья другихъ. Прощайте... о, какъ мнѣ больно и невыразимо тяжело!.. Прощайте... прощайте навсегда!..

А. В.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ALTER EGO.

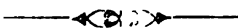
Какъ лилея глядится въ нагорный ручей,
Ты стояла надъ первою пѣсней моею;
И была-ль отъ кого тутъ побѣда и чья:
У ручья-ль отъ цвѣтка, у цвѣтка-ль отъ ручья?

Ты душою младенческой все поняла,
Что мнѣ высказать тайная сила дала,
И хоть жизньъ безъ тебя суждено мнѣ влечить,
Но мы вмѣстѣ съ тобой, насъ нельзя разлучить.

Та трава, что вдали на могилѣ твоей—
Здѣсь на сердцѣ, чѣмъ старе оно, тѣмъ свѣжей,
И я знаю, взглянувши на звѣзды порой,
Что взирали на нихъ мы какъ боги съ тобой.

У любви есть слова, тѣ слова не умрутъ;
Насъ съ тобой ожидаетъ особенный судъ.
Онъ съумѣетъ насъ сразу въ толпѣ отличить—
И мы вмѣстѣ придемъ, насъ нельзя разлучить!

А. Фетъ.

БАЗАРНЫЙ ДЕНЬ ВЪ БАРНОВѢ ¹⁾.

(Очерки нравовъ въ Восточной Галиціи).

Чуть-чуть брезжится; третій часъ утра, когда начинается борьба дневнаго свѣта съ ночью тьмою. Вся деревня еще погружена въ глубокой сонъ; спитъ безмолвно и тихо безпредѣльная, далеко раскинувшаяся вокругъ, степь. Ни одного прохожаго не видно на узкихъ, проложенныхъ въ разныя стороны, дорогахъ, извивающихся между можжевельными кустарниками, кое-гдѣ разбросанными по степи, на которой почти совсѣмъ не растетъ трава; да и хорошо, что никого не видно—жутко было бы прохожему въ этомъ полумракѣ и при такой мертвенной тишинѣ. Солнце еще не показывалось, и на востокѣ заря едва только окрашиваетъ розовымъ отливомъ края, собравшихся на горизонтѣ, густыхъ облаковъ. Но это, впрочемъ, нисколько не оживляетъ общаго непривѣтливаго вида безконечно раскинувшейся степи, такъ что появленіе зари можно сравнить съ чьей нибудь сострадательною рукой, робко положившей розу на саванъ мертвеца. Въ эту пору положительно нельзя дать себѣ отчета, откуда взялся окутывающій всю окрестность сѣрый полусвѣтъ, такъ какъ солнце еще не взошло, а звѣзды уже потухли. Вѣдь онѣ оттого и блещутъ, что онѣ Божьи слезы, проливаемые имъ надъ страданіями бѣднаго люда; а рассыпаны онѣ по небу въ такомъ множествѣ потому, что ужъ очень много на землѣ всякаго горя. По крайней мѣрѣ такъ думаютъ всѣ жители обширной степи и полагаютъ, что число звѣздъ современемъ еще увеличится.

И такъ, на разсвѣтѣ все еще было объято сномъ. Проснулись только два веселыхъ товарища, которые, принявшись за

¹⁾ Очеркъ этотъ взятъ изъ книги „Vom Don zur Donau, Neuen Cultur bilder aus Halb-Asien“, von Karl Emil Franzos.

свои обычныя занятія, будить постепенно и всѣхъ остальныхъ. Товарищи эти: утренняя звѣзда и утренній вѣтеръ. Первая всегда оставалась на своемъ мѣстѣ, только была блѣднѣе въ то время, когда блистали другія звѣзды. Но гдѣ ночевалъ вѣтеръ—это никому неизвѣстно. Медленно встаетъ онъ, подуетъ немного и остановится, какъ будто человекъ, который идетъ съ просонья. Но потомъ, приободрившись, онъ весело пробѣгаетъ по степи, рѣзко подувая и посвистывая, и мимоходомъ срывая съ степныхъ озеръ и кустарниковъ ихъ ночное покрывало — туманъ. Такимъ образомъ, онъ какъ бы выметаетъ и прибираетъ всю степь, которая, проснувшись и освѣжившись, совсѣмъ ожила подъ вліаніемъ холоднаго, сѣраго утра. На растущихъ по степи кустарникахъ слегка вздрагиваетъ, внезапно пробужденный, листъ. Но вѣтру до этого нѣтъ никакого дѣла и онъ уже очутился въ деревнѣ, зашепестилъ вѣтвями деревьевъ, засвистѣлъ, пробравшись въ перья воробьевъ, куръ и пѣтуховъ, которые всѣ разомъ проснулись—и началось всюду разное кудахтанье и щебетанье. Эти звуки, въ свою очередь, пробуждаютъ собакъ; спавшія въ хлѣбахъ вороны поднимаютъ головы и привѣтствуютъ начинающійся день продолжительнымъ меланхолическимъ мнчаніемъ. Смѣшеніе всѣхъ этихъ, внезапно раздавшихся, звуковъ и разнородныхъ голосовъ пробуждаетъ, наконецъ, всю деревню, а затѣмъ уже просыпаются и люди.

Но первый, появившійся на дворѣ, человекъ былъ разбуженъ не этимъ общимъ хоромъ голосовъ животныхъ—его подняло съ постели блистаніе утренней звѣзды, которая такъ привѣтливо мигала, заглядывая къ нему въ каморку, что заставила его встать и выйти съ просонья на крыльцо. Надѣвши на себя кафтанъ, онъ невольно потягивается, какъ-бы расправляя свои члены; но при этомъ по лицу его пробѣгаетъ какая-то странная улыбка. „Гмъ! — да!“ провозноситъ онъ протяжно, точно въ раздумьѣ, и смотря внизъ, но потомъ широкая улыбка раскрываетъ его губы и онъ говоритъ, обращаясь къ звѣздѣ, ярко блестящей на утреннемъ небѣ: „Ну, мигай себѣ, мигай, а все-таки ничего не расскажешь!“ Онъ, конечно, не ошибся въ своемъ заключеніи: звѣзда, разумѣется, ничего не скажетъ попу, но все-таки дѣло обнаружится и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ объ этомъ узнаетъ почтенный духовный пастырь, а за нимъ и вся деревня. Сообразивши все это, добродушный паренъ уже пересталъ улыбаться, на лицѣ его выразилось даже нѣкоторое смущеніе и онъ на этотъ разъ, въ раздумьѣ, еще протяжнѣе провознесъ: „Гмъ!—да!“

А затѣмъ этотъ трудолюбивый паренъ, котораго зовутъ Васильемъ, принялся тотчасъ же за свою работу. Прежде всего онъ подовалъ въ себѣ громаднаго, косматаго пса-володава и привязалъ его на цѣпь. Эта операція обыкновенно предшествовала всѣмъ остальнымъ работамъ, потому что подольскія собаки совсѣмъ лютые звѣри, передъ которыми даже сами босфорскія собаки кажутся кроткими ягнятами. Онѣ являются единственными охранителями собственности въ русинскихъ деревняхъ, гдѣ вслѣдствіе того у дверей совсѣмъ не существуетъ замковъ. Что же касается самаго учрежденія ночной стражи, то въ городѣ Барновѣ живутъ, для отиравленія этой обязанности, два старика, которые спятъ по ночамъ не у себя дома, растянувшись на постелѣ, а храпятъ во всю мочь въ будѣ на базарной площади, и за такой сладкій, врѣпкій сонъ подъ открытымъ небомъ получаютъ отъ своихъ согражданъ небольшое годовое жалованье; но въ деревняхъ о такомъ учрежденіи нѣтъ даже и помина. Въ Восточной Галиціи въ немъ ощущается еще менѣе потребности; правда, что тамъ вы нерѣдко услышите о какомъ нибудь убійствѣ, о побояхъ, отъ которыхъ послѣдовала смерть, или о какомъ нибудь насильственномъ грабежѣ, но на подлое воровство русинъ положительно не способенъ. А въ западу, за Пржемшлемъ, по направленію въ Бравову, гдѣ вся мѣстность населена мазурами, жизнь сложилась совершенно наоборотъ: тамъ почти совсѣмъ не слышно объ убійствахъ, но за то вся хозяйская собственность постоянно подвергается опасности быть расхищеною, если дворъ не обнесенъ надежнымъ заборомъ и у воротъ нѣтъ врѣпкихъ желѣзныхъ засововъ или если они изнутри не забиты наглухо досками. За то и порода собакъ тамъ совсѣмъ другая: это маленькія тоція тавкуши, которыя много лаютъ, но никогда не кусаютъ. Не таковы наши псы въ Восточной Галиціи: они рѣдко ласкаются къ кому нибудь, рѣдко лаютъ, но горе тому, кто попадется имъ въ зубы. Поэтому-то русинъ любитъ и бережетъ своихъ псовъ, давая имъ такія милыя клички, какъ, напримѣръ, „Ляхъ“ или „Москаль“. Странныя, очень странныя клички для собакъ! Но въ этихъ, повидимому, ничтожныхъ вещахъ выражается затаенная, безсильная, двадцатипятилѣтняя злоба приниженой, жестоко поправной въ своихъ правахъ, народности, и въ сущности эти собачьи клички въ Галиціи имѣютъ нѣкоторое основаніе, вслѣдствіе весьма печальной и грустной ея исторіи.

Привязавши на дѣль чернаго жирнаго „Ляха“, нашъ Василій крѣпко призадумался, но, впрочемъ, не о грустной участи своего роднаго народа. Ему вдругъ пришло въ голову, что онъ не просто работникъ, нанимающійся у Олекса Нудака, а находящійся въ отпуску солдатъ королевско-императорскаго насаускаго пѣхотнаго полка и что осенью онъ обязанъ явиться къ военно-окружному начальнику въ Тарнополь; а затѣмъ онъ подумалъ и о томъ, что еще неизвѣстно, какіе неожиданные подарки можетъ получить за все время своего годоваго отсутствія изъ деревни всякій, побывавшій въ отпуску, солдатъ. Далѣе онъ вспомнилъ, что въ Тарнополь у военно-окружнаго начальника есть, живущая при его ребенкѣ, кормилица, а у вдовы доктора въ Глуствѣ есть кухарка—и, вздохнувши при этомъ, сказалъ: „Гмъ! да! Тогда пожалуй пришлось бы жениться на всѣхъ вмѣстѣ!“

И вздыхая идетъ онъ черезъ дворъ въ конюшни къ своимъ питомцамъ—воламъ и конямъ. Но тутъ онъ вдругъ останавливается и лицо его тотчасъ-же проясняется: изъ хаты вышла, цвѣтущая здоровьемъ, смуглая дѣвка, которая направляется туда же, куда и онъ. Это—Ксенія, крѣпко сложенная подольская красавица, въ которой, навѣрное, не менѣе ста килограммовъ вѣсу. Увидавши, въ свою очередь, работника, она въ недоумѣніи остановилась на минуту, потомъ, видимо кокетничая, продолжала идти мелкими шагами далѣе, причемъ легкій румянецъ покрылъ ея щеки. Впрочемъ, это быть можетъ былъ красный отблескъ зари, первые лучи которой зардѣлись въ эту минуту надъ всею равниною?

— Здорово!—крикнулъ ей Василій. — Чего привезти тебѣ сегодня съ базара?

— Кто хочетъ привезти подарокъ, тотъ не спрашиваетъ чего купить! колесо отвѣчала красавица и съ этими словами вошла въ коровникъ легкою поступью, отъ которой поскрипывали и вздрагивали досчатые половицы.

Василій состроилъ плутовскую фізіономію, пробормоталъ себѣ подъ носъ какія-то веселыя, забористыя слова, надъ которыми самъ-же громко расхохотался, и затѣмъ отправился въ своимъ лошадямъ. Онъ принялся усердно работать сѣребницею, а Ксенія занялась доеніемъ коровъ, но они продолжали, черезъ стѣну, свой разговоръ, только не словами, а посредствомъ пѣсень.

Насыпая овса лошадямъ, Василій пѣлъ: Digitized by Google

Смугла, кругла, сладка, какъ грецкій орѣхъ,
 Моя дѣвка!
 А добродѣтель ея
 Не крѣпче тонкой нитки.
 Не диво,
 Что тонкая нитка рвется;
 Но будь на ея мѣстѣ хоть канать,
 Я и съ тѣмъ бы справился ¹⁾.

Съ досадою ставитъ Ксенія на полъ свой подошникъ и на-мѣревается отвѣтить нахалу такою же дерзкою пѣсней, но тотчасъ же сдерживаетъ свой порывъ, вспомнивъ, что вѣдь нынче базарный день и что иногда привозитъ подарокъ даже тотъ, кто заранѣе спрашиваетъ чего купить. Поэтому, усмиривъ свое сердце, она начинаетъ пѣть тоненькимъ, нѣжнымъ голоскомъ:

Люблю я моего милого, моего дорогаго!
 Жду его нетерпѣливо, какъ прохожій,
 Въ знойный полдень,
 Ищеть глазами быструю рѣчку;
 Люблю его, какъ бездѣтная мать,
 У которой наконецъ родился ребенокъ.
 Жду его, какъ послѣ долгаго заключенія
 Узникъ вдыхаетъ запахъ свѣжей розы!

Обратите на это вниманіе, читатель. Эта Ксенія, ни болѣе, ни менѣе, какъ толстая коровница и я нисколько не желаю поэтизировать ее передъ вами, попрошу васъ только внимнуть въ содержаніе пропѣтой ею пѣсни и сказать мнѣ, неужели простонародная душа, въ которой сложились такія граціозныя пѣсни, не заслуживаетъ вашего благосклоннаго участія?

Настроивъ, такимъ образомъ, своего Василья какъ ей было нужно, Ксенія запѣла другую пѣсню, которая должна была служить въ извѣстной степени продолженіемъ первой, стараясь придать исполненію какъ можно болѣе энергіи:

Гойіаго! Гойіаго! Гойіаго!
 Хороша я, пригожа!
 Кто поѣдетъ на базаръ?
 Кто мнѣ купить желтые саножки,
 Нитку коралловъ,
 Перстенокъ у жиды
 И платокъ въ лавкахъ?
 Гойіаго! Хороша я, пригожа!
 Кто поѣдетъ на базаръ?
 Гойіаго! Гойіаго! Гой—іа—го—о—о!

¹⁾ Вульгарный переводъ руссической пѣсни.

Впрочемъ, въ народныхъ пѣсняхъ перечисленіе всякаго рода подарковъ можетъ продлиться до безконечности, а проступка Ксенія была бы очень счастлива, еслибъ получила хотя одинъ изъ названныхъ подарковъ.

Въ эту раннюю утреннюю пору, подобнаго рода сцены происходили не только на дворѣ Олекса Нудака, но во всей деревнѣ „Бяла“ близъ Барнова, въ Восточной Галиціи. Между тѣмъ наступилъ пятый часъ утра, солнце уже давно взошло, люди давно проснулись.

Восходъ перваго и пробужденіе послѣднихъ совершалось постепенно, причемъ перевѣсъ красота, сопровождающихъ оба эти обстоятельства, разумѣется, оставался на сторонѣ солнца. Милліоны людей нарочно отправляются на самыя высокія горы для того, чтобъ полюбоваться картиною восхожденія дневнаго свѣтила, и зрѣлище это стоитъ потраченнаго ради его труда. Но въ обширной степи этотъ моментъ представляетъ также великолѣпнѣйшее сочетаніе красота, какое вы никогда не встрѣтите при восхожденіи солнца въ горахъ, потому что тамъ все это совершается гораздо быстрѣе и переходы каждаго явленія бывають менѣе продолжительны.

Что же касается пробужденія людей, то это дѣло совсѣмъ другаго рода. Подолія—страна сырая; наши крестьяне охотно и много пьютъ воды, но только такой, въ которой подмѣшена водка. Они въ одномъ только имѣютъ нѣкоторое сходство съ солнцемъ, что отходить ко сну съ красно-багровыми лицами, но за то, при пробужденіи на другой день, они встають пасмурные и угрюмые послѣ вчерашняго похмѣлья. Имъ лѣнь вставать, потому что они пьяные ложатся спать, и потому при пробужденіи жителей Бялы существуетъ даже болѣе переходныхъ моментовъ и отгѣнновъ, чѣмъ при самомъ восхожденіи солнца. Необходимо, впрочемъ, прибавить, что они не во всѣ дни недѣли просыпаются съ одинаковымъ трудомъ. По воскресеньямъ крестьянинъ встаетъ рано и скоро, потому что наканунѣ онъ легъ спать трезвый, а пріятности наступающаго дня манятъ его своею разнообразною программой: сначала слушаніе проповѣди въ церкви, потомъ пляска, потомъ водка. Въ понедѣльникъ онъ обыкновенно совсѣмъ не встаетъ и лежитъ въ постели весь день, такъ какъ въ Подолии, послѣ воскреснаго похмѣлья, необходимо выспаться хорошенько. Во вторникъ обыкновенно базарный день, а потому крестьянинъ поднимается очень рано, но весьма неохотно: голова у него страшно трещитъ и точно налита свинцомъ послѣ похмѣлья и

суточного сна. Въ среду онъ опять валяется цѣлый день, выспавшись послѣ базарнаго похмѣлья. А ужь какъ тяжело вставать въ четвергъ, въ пятницу и въ субботу, объ этомъ и говорить нечего, потому что въ эти три дня нужно работать. Таковъ уже заведенный порядокъ у самыхъ усердныхъ къ работѣ и у самыхъ нравственныхъ отцовъ семействъ. У другихъ же во всю недѣлю сплошь справляется воскресенье и базарный день, т. е. они напиваются попеременно то у себя въ деревнѣ, то въ Барновѣ. „Водка“ даже прославляется въ одной руссической пѣснѣ.

Водка сладка, водка вкусна,
Водка веселитъ и придаетъ бодрости;
А когда послѣдняя бочка опростается,
Тогда уже чортъ придетъ за душою.

Увы! въ Галиціи есть еще много непочатыхъ бочекъ съ водкою, и въ каждой деревнѣ находится не менѣе трехъ кабаковъ, а чортъ между тѣмъ уже пришелъ и постепенно развращаетъ этотъ добрый, здоровый народъ. И черти подобнаго рода все размножаются, изъ каждой бочки вылѣзаетъ по одному, такъ что мы всѣ, воу дорого наше бѣдное, приниженное отечество, должны молча смотрѣть на то, какъ эти черти распоряжаются у насъ, такъ какъ отворотить ихъ мы не въ силахъ. Такого чорта можетъ сокрушить только одна божественная сила, которая почіетъ въ душѣ всякаго человѣка — это сознание своего человѣческаго достоинства. Но никто однакожь не старается открыть въ себѣ присутствіе таковаго божества, ни польскій шляхтичъ, ни польскій чиновникъ; напротивъ они-то именно и заглушили голосъ этого божества и можетъ быть навсегда отравили, умертвили его. Поступая такимъ образомъ, они, конечно, совершили страшное преступленіе, но настанетъ день, когда они получатъ за это жестокое возмездіе. О! это будутъ ужасныя времена!...

И такъ, по вторникамъ бываетъ базаръ въ Барновѣ, что служить доказательствомъ мудрыхъ распоряженій начальства, потому что иначе у крестьянина не было бы трехъ рабочихъ дней сряду. Городъ находится на разстояніи двухчасоваго пути отъ деревни, и такъ какъ заранѣе нужно сдѣлать разныя хозяйственныя распоряженія, то по вторникамъ, въ четвертомъ часу утра, крестьяне уже всѣ на ногахъ. Шинкаръ Мошко Вельсерсгеймъ также давно суетится, дѣлая свои приготовленія къ приему посѣтителей. Изъ боченка съ сквернѣйшею сивухою онъ пополняетъ бутылки до половины, разбавляя остальное

водою изъ своего колодца, а для того, чтобъ скрыть такое мошенничество, онъ прибавляетъ въ каждую бутылку по нѣсколько капель купороса. Можетъ быть онъ прибавляетъ и другое какое нибудь чортово зелье, такъ что, если-бъ захотѣть обстоятельно описать то пойло, которое переливается изъ бутылки въ желудки подольскихъ крестьянъ, то у всякаго нервнаго человѣка навѣрное волосы встанутъ дыбомъ отъ ужаса. Впрочемъ, Мошею Вельсергеймъ нисколько не считаетъ такое дѣло обманомъ, во первыхъ, потому, что онъ никогда не былъ за это наказанъ, а во вторыхъ, потому, что польскій дворянинъ, владѣлецъ пропинаціи, возвышая до непомѣрныхъ размѣровъ цифру арендной платы, какъ бы принуждаетъ его поступать нечестно. И если завести съ нимъ объ этомъ рѣчь, то маленькій Мошею ограничится только плутовскимъ прищуриваніемъ глазъ, а не станетъ въ патетическихъ выраженіяхъ разглагольствовать по поводу упадка нравственности въ народѣ и выражать свою глубокую патриотическую скорбь о всѣхъ бѣдствіяхъ, постигшихъ несчастную страну. Но подольскій дворянинъ, засѣдающій въ ландтагѣ или въ рейхстагѣ, непременно сочтетъ своимъ долгомъ произнести подобную эффектную рѣчь. Онъ будетъ обывать жида „сволочью“, „обманщикомъ“, „наравитомъ общественнаго органама“, а себя, высокоблагороднаго господина фонъ-Бругуса, будетъ считать человѣкомъ заслуживающимъ всякаго уваженія.

Только въ домѣ священника пока все еще тихо; у всѣхъ же прочихъ домохозяевъ уже давно выпить дѣятельность. Даже Олекса Нудакъ вышелъ на крыльцо своего дома и оттуда, хриплымъ голосомъ, отдаетъ свои приказанія. Это маленькій, тощій человѣчекъ, съ крошечнымъ, точно скомканнымъ лицомъ, напоминающимъ собою маску изъ сѣраго картона, вырѣзанную не твердою, дѣтскою рукой. А жена его, Марина, статная, красивая, краснощекая крестьянка, ростомъ выше его цѣлою головою. Однако, не смотря на то, Олекса полный владыка и повелитель у себя въ домѣ, даже болѣе неограниченный въ своихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ самодержавный кесарь, потому что каждое воскресенье, возвращаясь пьяный домой, онъ прописываетъ свои права ремнемъ на спинѣ своей дражайшей половины. И это бываетъ даже иногда безъ всякаго съ ея стороны повода, а только потому, что этого требуетъ уже разъ заведенный порядокъ.

Теперь, также по заведенному домашнему порядку, онъ вышелъ на крыльцо съ толстою плетью въ рукѣ и ругаетъ

всѣхъ на-попавъ, хотя всѣ ходять у него по струнѣ. Олекса — зажиточный крестьянинъ, что, въ переложеніи на существующій въ Восточной Галиціи порядокъ вещей, увѣ! означаетъ: начинающееся постепенное разореніе хозяйства. Онъ еще въ состояніи нанимать трехъ работниковъ и трехъ работницъ, у него есть еще довольно много воловъ, коровъ, лошадей, овецъ, куръ и гусей.

— Гой, Анузія! — кричитъ хриплымъ голосомъ Олекса, — выгони сегодня пасты коровъ и гусей на лугъ, да если я, когда ворочусь домой, не досчитаюсь крыла хотя у одного гуся, то берегись!

Анузія, самая младшая изъ работницъ, которая всегда пасты коровъ и гусей, молча выслушиваетъ это совершенно излишнее приказаніе, ежедневно отдаваемое ей съ одинаковою угрозою, за исключеніемъ понедѣльника и среды, когда хозяинъ цѣлый день спитъ съ похмѣля.

Олекса въ этомъ случаѣ разсуждаетъ совсѣмъ нелогично, потому что если уже у гуся не достаетъ одного крыла, слѣдовательно онъ не досчитается и самого гуся. Хотя Подолія во многихъ отношеніяхъ край замѣчательный, но до сихъ поръ еще нѣкто не видывалъ тамъ живаго гуся съ однимъ крыломъ. — Гой! Казія! — кричитъ онъ опять во все горло другой работницѣ, — свари намъ сейчасъ на дорогу мамалыги ¹⁾ и положи скотницѣ въ котомку брынзы ²⁾ и свинаго сала. Да смотри береги домъ, займись пряжею льна для моихъ рубашекъ и очисти шишки кукурузы. Да еще загляни въ амбаръ, гдѣ сложены фрукты, не попалась-ли тамъ въ кашканъ крыса или мышь; да не забудь накинуть на голову платокъ, когда пойдешь въ амбаръ, а то, чего добраго, онъ пожалуй загорится! — Это былъ намекъ на рыжіе волоса Казіи, а шутка, съ какою обратился къ работницѣ строгій ко всѣмъ Олекса, была тоже намекомъ на... гмъ! впрочемъ, зачѣмъ позволять себѣ легкомысленные отзвѣвы о женатомъ человѣкѣ! А затѣмъ онъ подзываетъ къ себѣ Ксенію и тоже громогласно отдаетъ ей свои приказанія: — Эй, ты! Ступай сейчасъ, живо умойся и надѣнь свою шубу! Ты пойдешь съ нами на базаръ. Я возьму тебя, чтобъ присмотрѣть за овцами, хочу продать штукъ двѣнадцать. Да прина-

¹⁾ Густой кисель изъ рисовой муки, въ родѣ употребляемой въ Ломбардіи „поленты“.

²⁾ Острога вкуса сыръ, приготовляемый изъ овечьего молока. Первое названіе румынское, а второе руссическое, но теперь онъ одинаково употребителенъ на обѣихъ языкахъ.

рядись хорошенько, чтобъ всякій зналъ, у кого ты служишь. Что ты смотришь на меня, точно чего испугалась? Вѣдь я не тебя буду продавать, хотя ты и самая жирная корова во всей Подоліи!

Потомъ отданы были приказанія работникамъ. Гаврилъ вѣлѣно было отправляться на цѣлый день работать къ живущему въ Цуханцѣ помѣщику, господину Васильвовскому. Да какъ же это говорить, что нѣтъ болѣе обязательной работы?—Ахъ, ты, Господи Боже мой! Вотъ ужъ двадцать восемь лѣтъ какъ отмѣнена обязательная работа, а между тѣмъ, пожалуй, при прежней обязательной работѣ было даже лучше, чѣмъ теперь.

Господинъ Васильвовскій, польскій дворянинъ стариннаго рода, но у котораго также пропасть старинныхъ долговъ, къ которымъ онъ, впрочемъ, прибавилъ и новыхъ. Когда отцовское имѣніе перешло къ нему, то тамъ уже было заложено все, до послѣдней соломенки; пришлось даже заложить жидамъ шнуры своей собственной чамарки. Въ помѣщицьемъ домѣ находилась еще супруга высокоблагороднаго пана, горничная и лавей, но ни одного работника, и потому поля оставались необработанными. Вся земля была заложена частью его славными предками, частью самимъ вельможнымъ паномъ-внукомъ, въ раннюю пору его молодости. Но господинъ Генрихъ Васильвовскій былъ хитрый помѣщикъ, и его частыя сношенія съ жидами-ростовщиками оказались для него даже весьма полезными. Такимъ образомъ, благородный панъ занялъ у одного изъ нихъ сто гульденовъ за пятьдесятъ процентовъ, а самъ получилъ на эту сумму около тысячи. Около тысячи? Возможно ли это? Но вы послушайте дажѣ! Если кому нибудь изъ его крестьянъ необходимы были деньги на самыя насущныя нужды, то онъ, узнавъ о томъ, предлагалъ ему займы пять гульденовъ. „Я дѣлаю это просто по добротѣ сердца“,—увѣрялъ онъ его,—„мнѣ не нужно отъ тебя никакой росписки, никакихъ процентовъ. Я дѣлаю это только потому, что всякій дворянинъ-помѣщикъ долженъ быть отцомъ своихъ крестьянъ, какъ это было и въ прежнее блаженное время. Но за это ты также, въ свою очередь, долженъ помочь мнѣ, какъ сынъ отцу, какъ братъ брату. Пока ты не въ состояніи будешь заплатить мнѣ взятые у меня пять гульденовъ, присылай мнѣ два раза въ недѣлю своего работника на цѣлый день! Я полагаю, что это продолжится не болѣе нѣсколькихъ недѣль!“ Обрадованный крестьянинъ охотно соглашался на это, потому что послать одного работника, когда ихъ нѣсколько, рѣшительно ничего не стоитъ, а въ добавокъ „вѣдь онъ занялъ

деньги безъ процентовъ!“—и похвала доброму помѣщику была у каждаго на языкѣ. Между тѣмъ, проходили недѣля за недѣлей, мѣсяць за мѣсяцемъ, а крестьянинъ все еще не собрался заплатить помѣщику взятые у него займы пять гульденовъ. Нужно съ ума сойти, чтобы занимать деньги у жида, когда баринъ даетъ деньги и не беретъ процентовъ! А посчитайте-ка хорошенько, сколько это составитъ процентовъ въ годъ, если оцѣнить всякій рабочій день, хотя въ пятьдесятъ крейцеровъ. Тысячу сорокъ процентовъ, любезный европеецъ, и такіе проценты могутъ быть допускаемы, конечно, только „въ полу-азиатскомъ краѣ!“ Такимъ образомъ, господинъ Генрихъ Васильевскій могъ постепенно расплатиться съ самыми главными своими долгами, что дало ему возможность удержать за собою имѣніе, и, въ настоящее время, онъ могъ бы совершенно поправить свое состояніе, еслибъ жилъ не на такую широкую ногу, не ѣздилъ бы въ экипажѣ, запряженномъ тройкою лошадей, а въ иныхъ случаяхъ даже и шестеркою, и еслибъ не имѣлъ двухъ любовницъ. При всемъ этомъ, онъ одинъ изъ самыхъ ярыхъ агитаторовъ противъ существующаго ростовщичества и постоянно доказываетъ, что для избавленія цѣлаго края отъ такой общественной язвы, есть только одно средство: перебить на смерть всѣхъ жидовъ. Ахъ, виноваты! Я совсѣмъ позабылъ, что господинъ помѣщикъ фонъ-Брутусъ живетъ въ Галиціи, гдѣ онъ считается вполне честнымъ и заслуживающимъ всякаго уваженія человекомъ!

И такъ, Гаврило отправляется въ Цуханде, въ качествѣ олицетворенной унлаты натурою ростовщическихъ процентовъ. Онъ работаетъ тамъ одинъ разъ въ недѣлю за долгъ, въ десять гульденовъ, своего хозяина. Олекса зажиточный крестьянинъ и съ нимъ, къ сожалѣнію, нельзя уже поступать такъ безсовѣстно, какъ съ прочими. Другаго работника, Федьку, Олекса посылаетъ на свое собственное поле пахать на волахъ; въ Галиціи никто не пашетъ на лошадяхъ, хотя онѣ и имѣются въ хозяйствѣ нѣкоторыхъ крестьянъ. „Когда я ворочусь домой, то посмотрю, какъ ты вспахалъ землю“,—кричитъ ему вслѣдъ Олекса,—„а если не допашешь всего, сколько слѣдуетъ, такъ ужъ не прогнѣвайся, отколочу тебя порядкомъ!“ Но эта угроза никогда не приводится въ исполненіе и остается пустымъ звукомъ; въ базарный день Олекса до такой степени напивается пьянымъ, что его въ безсознательномъ состояніи кладутъ въ телѣгу и увозятъ домой.

Въ эту самую телѣгу, съ неуклюжими тяжелыми колесами

безъ шинь, нашъ знакомецъ, Василій, закладываетъ лошадей и при этомъ весело посвистываетъ. Потомъ онъ нагружаетъ ее нѣсколькими мѣшками ржи, поверхъ которыхъ ставитъ плетушку съ живыми домашними птицами. Ксенія, вмѣстѣ съ нимъ, наваливаетъ еще въ телѣгу, связанныхъ по ногамъ, овецъ, причѣмъ сильно напираетъ на него плечомъ, но при этомъ ни тотъ, ни другой не смотрятъ другъ на друга, пока возлѣ нихъ стоитъ маленькій, вѣчно ругающійся человекъ съ картонною фizioноміей. Оба молодые люди знаютъ, что взгляды ихъ навѣрно выдадутъ ихъ тайну, и что Олекса, съ тѣхъ поръ, какъ къ нему въ домъ поступила рыжая Казія, сдѣлался необыкновенно строгимъ блюстителемъ нравственности относительно другихъ.

Но, наконецъ-то, имъ удалось взглянуть мелькомъ другъ на друга, въ ту минуту, когда Олекса, пробормотавъ себѣ подъ носъ: „куда же запропастилась эта проклятая баба?“, вдругъ запагалъ по направленію къ избѣ. Статная крестьянка еще не успѣла принарядиться какъ слѣдуетъ, потому что прежде всего она занялась прихорашиваніемъ, по праздничному, своихъ двухъ маленькихъ дочурокъ, которыхъ въ первый разъ хотѣла взять съ собою на базаръ. Разумѣется, на дѣтяхъ не надѣто было ничего особеннаго, кромѣ рубашки, юбки и сапожекъ, но рубашки эти были чистыя и лица дѣтей умыты, что составляетъ неслыханную, въ полномъ смыслѣ слова, праздничную роскошь для крестьянскихъ ребятъ въ Подоліи, потому что они зачастую остаются неумытыми недѣли по двѣ, и по три недѣли носятъ одну и ту же рубашку. Дѣти съ удивленіемъ рассматриваютъ другъ друга, оглядываютъ свои чистенькія рожицы и невольно проникаются чувствомъ ожиданія чего-то необыкновеннаго. Между тѣмъ, мать надѣла на себя юбку изъ какой-то грубой, коричневаго цвѣта, дерюги, съ затканными по ней продольными шерстяными полосами, желтыми, красными и зелеными; наскоро подпоясалась и принялась застегивать сначала ожерелье, состоящее изъ мѣдныхъ бляхъ, зеленыхъ и красныхъ стеклянныхъ бусъ, а потомъ нитку настоящихъ коралловъ, по крайней мѣрѣ, жидъ, у котораго они были куплены, увѣрять, что они не поддѣльные; наконецъ, она прицѣпила къ этой ниткѣ, въ видѣ медальона, четырехугольную свинцовую ладонку, въ которой находились освященныя головки чесноку. Разложивъ всѣ эти украшенія на груди и, приложивъ ихъ къ своей бѣлой, также расшитой разноцвѣтными шерстями, сорочкѣ, красивая баба убѣдилась, что все было на своемъ мѣстѣ и что, такимъ образомъ, онѣ произведутъ полный эффектъ.

— Гой! поворачивайся скорѣе!—кричитъ съ досадою Олекса за дверью хаты; но едва успѣлъ онъ переступить за порогъ, какъ увидѣлъ своихъ дочурокъ умытыми и совершенно остолбѣнѣлъ отъ изумленія.—Это что такое?—произнесъ онъ и, пораженный неожиданностью такого зрѣлища, присѣлъ на приступокъ печи ¹⁾.—Съ умытыми рожами? Въ чистыхъ рубашкахъ? На базаръ? Вѣдь ты только на прошлой недѣлѣ въ воскресенье надѣла на нихъ чистыя рубашки! Что это за новости? Ты вѣрно хочешь разорить меня въ конецъ?

— Ужъ оставь ты это!—спокойно возражаетъ ему Марина, прилаживая на своихъ бѣлокурныхъ, коротко остриженныхъ волосахъ высокой головной уборъ изъ бѣлаго сукна, какой, съ незапамятныхъ временъ, носятъ всѣ подольскія крестьянки, и который, не смотря на свое безобразіе и тяжесть, онѣ, по всей вѣроятности, будутъ носить вѣчно.—Ужъ оставь, пожалуйста! Не это разоряетъ насъ, а другое!

— Что?—повторяетъ свой вопросъ Олекса, хватаясь за свою плеть.

Но Марина глядитъ на него смѣло и хладнокровно беретъ съ лавки свою шубу. Она знаетъ навѣрно, что мужъ не побьетъ ее сегодня. Онъ бьетъ ее только по воскресеньямъ, вечеромъ, заранѣе, на цѣлую недѣлю впередъ, но иначе—никогда. Это значило бы поступить вопреки заведенному порядку, а потому, что сказали бы другіе отцы семействъ объ Олексѣ, еслибъ увидали на базарѣ его жену съ заплаканными глазами!

— Что?—передразнила она его своимъ пріятнымъ голосомъ.—Пьянство твое разоряетъ насъ, вотъ что!

— Молчи ты, баба!—крикнулъ разсерженный Олекса, а потомъ, желая еще болѣе оскорбить жену, продолжалъ:—А ты развѣ не пьешь?

— Нѣтъ такого человѣка, который бы совсѣмъ ничего не пилъ, всѣ пьютъ,—возражаетъ она серьезно.—Вѣдь мы не нищія, чтобы мнѣ совсѣмъ не пить. Да много ли я пью, ужъ если на то пошло. Выпью въ воскресенье рюмочекъ десять, да въ четвергъ пять. Развѣ такъ пьютъ прочія?

Десять рюмочекъ составятъ одинъ, или даже полтора литра—

¹⁾ Выступъ гигантской печи, какую всегда можно найти въ домахъ замѣтныхъ крестьянъ. А у самыхъ главныхъ богачей, какъ выступъ этотъ, такъ и стѣнки печи бывають покрыты грубою тканью, темнаго цвѣта. Что же касается нижеслѣдующей сцены, то я ничего не преувеличивалъ въ ней, а взялъ ее прямо съ натуры и передаю ее здѣсь съ буквальной точностью. zed by Google

и не забудьте, почтенный европеецъ, что вѣдь эта водка, самая крѣпкая сивуха! Но Марина, въ простотѣ душевной, говоритъ сущую правду, потому что „въ полу-азиатскомъ краѣ“ люди, выпивающіе такое количество вина, не считаются за пьяницъ!

— Вѣдь и я не Богъ знаетъ сколько пью!—оретъ хриплымъ голосомъ Олекса.

— Не тебѣ бы говорить это!— снова возражаетъ огорченная Марина.— Въ Барновѣ ты всегда выпьешь чуть не сотню рюмокъ, а ужъ того, что ты выпиваешь здѣсь, дома, по воскресеньямъ, и не сосчитать! И какой конецъ всему этому? Все пойдетъ къ жидамъ, Олекса! Вотъ, чѣмъ это кончится!

— Да вѣдь сегодня мнѣ придется заплатить Абрамѣй, что живетъ на площади, только три гульдена процентовъ за тѣ тридцать гульденовъ, которые я ему долженъ, и за которые, по условію, я каждый мѣсяцъ и отдаю ему эти проценты.

— Одному три, другому пять, третьему, такому же христо-продавцу, десять! Только на однихъ жидовъ мы и работаемъ! Вотъ ты говоришь, что нынче ты долженъ заплатить только три гульдена, а зачѣмъ же ты везешь на продажу двѣнадцать штукъ овецъ? Зачѣмъ навалилъ цѣлый возъ ржи? Ну, скаживай, зачѣмъ?

— Зачѣмъ, что нужно много кое-чего купить для хозяйства. У колесника—колесо, у жида—соли для дома, и еще надо купить нѣсколько косъ.

— Да развѣ все это такъ дорого стоитъ?

— Нужно еще приготовить два гульдена, одинъ отдать попу, а другой—цыганкѣ, черномазой Аниулѣ. Ты, чай, сама знаешь, что приходитъ градовая пора. Попъ служитъ Богу, а цыганка—дьяволу. Надо не забыть и послѣдняго, если хочешь сохранить свои поля отъ градобитія.

— Хорошо. Противъ этого я ничего не скажу, потому что это и богоугодная и дѣльная трата,—сказала Марина.— А куда же ты дѣнешь остальные вырученныя деньги?

— Какъ не найти имъ мѣста? Вотъ тебѣ надо купить новую нитку бусъ, чтобы были разноцвѣтныя и крупныя, какъ лѣсной орѣхъ, точно такія, какъ Иванъ Мечета купилъ своей невѣстѣй. Я не хочу, чтобы ктонибудь заткнулъ меня за поясъ, и когда мы въ пятницу поидемъ въ Комаровку на храмовой праздникъ, я хочу, чтобы ты была такая же нарядная, какъ невѣстка судьи! Ну, пойдѣмъ!

Олекса былъ великій дипломатъ. Еслибы онъ объявилъ своей женѣ прямо, на отрѣзъ, что онъ хочетъ просто прогулять и пропьянствовать цѣлый рабочій день на этой недѣлѣ, то вы-

звалъ бы тѣмъ съ ея стороны нескончаемый потокъ бранныхъ словъ. Но послѣ всего вышесказаннаго, смягченная Марина, уже заискивающимъ голосомъ, спросила мужа: „Такъ неужели мы и въ самомъ дѣлѣ пойдемъ на храмовой праздникъ?“ и нетерпѣливо ждала отвѣта, котораго, однакожь, не получила.

Выйдя на дворъ, они влѣзаютъ на телѣгу. Василій идетъ возлѣ лошадей, рядомъ съ нимъ идетъ и Ксенія, поглядывая на овецъ. Такимъ образомъ, поѣздъ этотъ двигается по деревнѣ, проѣзжаетъ мимо дома священника и, наконецъ, выбирается на большую дорогу.

У отвореннаго настежь окна сидитъ человѣкъ съ включенною бородою и куритъ трубку изъ чубука непомерной длины, пуская вокругъ себя цѣлыя облака табачнаго дыма. Это—его благословеніе, отецъ Владиміръ, на одутловатомъ лицѣ котораго лежитъ печать какого-то отупѣнія и видны слѣды недавняго похмѣлья. Была бы только охота, такъ всякій попъ можетъ напиваться хоть каждый день, а не только что по праздникамъ и воскресеньямъ.

Духовныя чада пастыря церкви почтительно ему кланяются, но когда телѣга отѣхала на такое разстояніе отъ дома, что оттуда нельзя было ничего услышать, Ксенія засмѣялась и затянула пѣсню:

Нынче рано поутру
Видѣла я чудо!
Ужь такое-то чудо,
Что никто не повѣритъ ему!
Нынче рано поутру
Видѣла я батьку—
И не чудо ли?
Онъ былъ трезвыи!

Да не подумаетъ однакожь читатель, что Ксенія сама импровизировала эту пѣсню, нѣтъ! Это одна изъ общезвѣстныхъ народныхъ пѣсенъ. Увы! какъ будто нарочно, для окончательнаго нравственнаго паденія простонародья этого края, образъ жизни его руководителей и друзей то и дѣло даетъ поводъ слагать на ихъ счетъ такого рода пѣсни.

Въ эту пору, по дорогѣ между Бялой и Барновымъ, раздается, впрочемъ, много громкихъ пѣсенъ. Почти половина жителей деревни отправляется на базаръ, и со всѣхъ сторонъ безпрестанно прибываютъ веселые пѣшеходы. Сколько разнообразія въ цвѣтныхъ нарядахъ, сколько радостныхъ лицъ, сколько шума и веселаго смѣха! А изъ рощъ и полей раздается громкій хоръ

лѣвчихъ птицъ, которыя какъ бы вторятъ людскимъ голосамъ, и на весь этотъ караванъ льетъ свои золотистые, благодарные лучи утреннее солнце. Но еслибъ кто нибудь могъ заглянуть въ сердца этого люда, то веселье его показалось бы тогда мѣнѣ искреннымъ. Пѣсня, которую чаще другихъ приходится слышать, сложилась неслучайно; вотъ она:

Всякому хозяину надо заботиться
 Приобрѣтать и занимать деньги,—
 Только попамъ, да нищимъ
 Хорошо жить на свѣтѣ.
 Попъ многому учился
 И попомъ можетъ быть не всякій,
 А до нищенства
 Я уже навѣрно дойду.

Кто знаетъ, что происходитъ въ душѣ многихъ, поющихъ эту, повидимому, веселую пѣсню? Можетъ быть, въ этотъ день крестьянинъ гонитъ на базаръ свою послѣднюю скотину, а когда ничтожная выручка отъ продажи прожита—что тогда? Тогда остается только одна надежда на сострадательность ростовщика, отъ котораго несчастный ждетъ себѣ поддержки. Но какая эта безотрадная поддержка! Изъ тѣхъ, которые бывають принуждены прибѣгнуть въ ней, многіе чаще предпочитаютъ прибѣгнуть къ помощи толстой веревки...

Долго такимъ образомъ поетъ этотъ людъ, но по мѣрѣ приближенія въ городу, пѣсни постепенно утихаютъ. А по прибытіи на барновскую базарную площадь онѣ умолкають совершенно.

Еженедѣльный базаръ, называемый тамъ „ярмаркой“, обыкновенно происходитъ „на площади“ мѣстечка. Это запущенное, обширное, окруженное нѣсколькими жилыми строениями, пространство, представляющее собою въ теченіи цѣлыхъ шести дней недѣли смѣсь песку и навоза, оживляется только присутствіемъ нѣсколькихъ человѣкъ людей и великаго множества свиней. Но по вторникамъ тутъ царствуетъ невообразимая безтолковая суетня и давка, протискиванье сквозь толпу и обоюдные пинки, ревъ скота и горячіе споры, визгъ и смѣхъ, гоготанье гусей и ржаніе лошадей, крикъ и пѣніе, радостные взгляды и жалобные стоны, зовъ на помощь и ругань, громогласный торгъ покупателей и продавцовъ, звяканье цѣпи и топотъ тысячи ногъ, смѣшеніе людей и животныхъ,—такъ что все это сливается въ одинъ общій гвалтъ, способный свести съ ума всякаго посто-

роняго, не особенно крѣпкаго нервами, человѣка. Если вы какими нибудь судьбами попали въ средину этого водоворота, то вы навѣрное будете доведены до дурноты, выходящими изъ толпы зловонными испареніями, васъ оглушить вся эта смѣсь звуковъ, у васъ закружится голова и заребитъ въ глазахъ отъ непрерывнаго мельканія пестрыхъ костюмовъ и отъ снованія взадъ и впередъ всей этой массы людей. Волы, крестьяне, лошади, жида, гуси, горожане, солдаты, овцы—всѣ разумныя и неразумныя твари—какъ будто перепутались между собою въ этой общей свалкѣ, и вамъ кажется, что въ особенности разумныя твари какъ будто объѣлись бѣлены. Вамъ кажется, что вы вдругъ попали въ домъ сумасшедшихъ, гдѣ каждый оретъ во все горло и всякій силится перекричать остальныхъ, хотя, въ сущности, это перекириваніе другъ друга является плодомъ убѣжденія, что только тотъ и добьется чего ему надо, кто кричитъ громче всѣхъ—таково повсемѣстно сложившееся понятіе въ средѣ этого грубаго и невѣжественнаго простонародья. Поэтому въ „полу-азиатскихъ странахъ“ имѣть всегда большой перевѣсъ передъ другими именно тотъ, кого природа надѣлила зычнымъ голосомъ. А сошлись сюда всѣ эти люди для того, чтобъ отбить у своего ближняго какую нибудь выгодную покушку или продажу.

Въ этой путаницѣ и сумятицѣ людей и скотовъ, вы съ величайшимъ трудомъ доберетесь именно до того, что вамъ нужно, потому что на базарѣ не отведено опредѣленныхъ мѣстъ для торговли скотомъ, платьемъ или овощами. Возлѣ воза, на которомъ возсѣдаетъ бородастый продавецъ дешевыхъ липовскихъ яблочковъ, стоитъ жидъ, сложивши въ кучу привезенныя имъ кожи, тутъ же находится переносная харчевня, за ней палатка, гдѣ торгуютъ сукномъ и полотномъ, а между ними помѣстился съ своимъ прилавкомъ продавецъ лубочныхъ картинокъ, возлѣ котораго блѣютъ двѣ или три привязанныя къ столбу овцы; всякій старается воспользоваться даже самымъ крошечнымъ пространствомъ, чтобъ на немъ пристроиться съ своимъ товаромъ, потому что всякій клочекъ земли загроможденъ до-нельзя. Причина же такой страшной тѣсноты именно та, что для всякаго рода покупокъ и продажи существуетъ только одинъ день въ недѣлю, вторникъ, когда собственно бываетъ базаръ; въ деревняхъ не существуетъ никакихъ мелочныхъ лавочекъ, а городскія лавки стоятъ закрытыми цѣлую недѣлю. Поэтому большинство людей—относительно богатыхъ, за исключеніемъ самыхъ бѣднѣйшихъ, являются тутъ и покупателями и продавцами,

вслѣдствіе чего торгъ производится здѣсь нерѣдко въ своей первобытной формѣ, т. е. обмѣна продуктовоѣ и матеріаловъ. Однимъ словомъ, барновская площадь по вторникамъ представляется положительно складочнымъ и сборнымъ мѣстомъ всего окрестнаго края, и тотъ, кто, рискуя быть оглушеннымъ, будетъ имѣть достаточно смѣлости, чтобы пройти по всему базару, навѣрное получитъ полное понятіе о цѣломъ общественномъ строѣ жизни этихъ людей, который покажется тѣмъ болѣе страннымъ, что, при совершенно своеобразной обособленности каждой изъ трехъ различныхъ національностей, не смотря на различную степень культурнаго развитія и невѣжества, онѣ тѣмъ не менѣ сливаются въ одно общее цѣлое.

Конечно, повторяю, для такого изученія нужно обладать очень крѣпкими нервами и даже въ еще большей степени крѣпкими ребрами, потому что, за исключеніемъ непредвидѣнныхъ случайностей, пиханіе кулаками въ ребра, въ средѣ этихъ людей, служить просто пріятнымъ проявленіемъ избытка жизненныхъ силъ; чего, конечно, легко можно бы избѣгнуть, но чего не желаютъ избѣгать; оно означаетъ дружескій пріемъ общезжитія, составляющій какъ бы приправу обоюдныхъ отношеній, не всегда, впрочемъ, имѣющій миролюбивый характеръ. Пиханіе кулакомъ въ ребра замѣняетъ въ „полу-азиатскихъ странахъ“ европейское рукопожатіе, когда люди здороваются или прощаются другъ съ другомъ. Встрѣча двухъ пріятелей начинается тѣмъ, что они любезно тычутъ одинъ другаго кулакомъ въ бокъ, такъ что иногда ребра затрещатъ у обоихъ; а при разставаніи они уже такъ по пріятельски обработаютъ одинъ другаго, что со стономъ расходятся въ разныя стороны. Если продавецъ хочетъ обратить вниманіе мимо проходящихъ людей на свой товаръ, то, въ видѣ вступленія, тычетъ ихъ кулакомъ въ бокъ; если же, напротивъ, самъ продавецъ окажется въ эту минуту занятымъ съ другимъ покупателемъ, то новый покупатель, прежде чѣмъ спроситъ какую нибудь вещь, даетъ ему такого пинка, что тотъ, послѣ сбыта своего товара, цѣлый день ходитъ сторбившись и поддерживая руками животъ. „Ну ужъ намали мнѣ бока, самодовольно улыбаясь и отдуваясь, сообщаетъ хорошо торговавшій купецъ своему сосѣду, который со вздохомъ отвѣчаетъ: „А во мнѣ хоть бы кто нибудь приткнулся“.

Договорившись въ цѣнѣ, оба крестьянина, въ знакъ обоюднаго согласія, обыкновенно угощаютъ другъ друга ударомъ кулака въ бокъ, причѣмъ даже и отдѣльные фазисы торговли сопровождаются такими же привѣтствіями, такъ что безъ обмѣна

подобнаго рода любезностей не совершается ни одна торговая сделка. Нѣжныя чувства находятъ себѣ выраженіе также посредствомъ толчковъ, причемъ, само собою разумѣется, что тѣмъ сильнѣе толчокъ или ударъ, тѣмъ значить глубже и задушевнѣе сердечная привязанность. Если молодой руссинъ встрѣтится на базарѣ съ дѣвушкой, къ которой пылаетъ страстью, то онъ непременно дастъ ей такого тычка, что она отлетитъ на пять шаговъ прочь; поэтому всякая деревенская красавица, замѣчающая охлажденіе къ себѣ своего возлюбленнаго и желающая подѣлиться своимъ горемъ съ сочувствующею ей подругой, говоритъ: „Онъ ужъ теперь пересталъ толкать меня!“ Даже въ одной простонародной пѣснѣ поется:

Толкнулъ казакъ дѣвчнну
И, вздохнувъ, сказалъ ей:
Красавица дорогая!

Не только въ одной этой пѣснѣ, но въ самыхъ прелестныхъ народныхъ думахъ великаго поэта Шевченко толчки въ бокъ играютъ не послѣднюю роль при выраженіи пылающаго чувства любви. И другаго сорта менѣе серьезныя увлеченія выражаются такимъ же способомъ, и даже не у однихъ руссиновъ. Если по базару прогуливается какой нибудь польскій Донъ-Жуанъ, то онъ навѣрное ущипнетъ или хлопнетъ по плечу всякую красивую дѣвушку-крестьянку, мѣщанку или жиловку. При этомъ я невольно вспоминаю преуморительный разговоръ одной добродушной барновской жительницы, жены нашего органиста, которая хвасталась такъ передъ своими знакомыми: „Ахъ! еслибъ вы только взглянули на спину моей дочери, послѣ того, какъ она побываетъ на базарѣ или вернется съ крестнаго хода. Ну просто вся покрыта синяками, сплошными синяками, такъ что у меня сердце радуется. Никто изъ самыхъ знатныхъ господъ не пройдетъ мимо, чтобъ не ущипнуть ее, и ужъ она конечно найдетъ себѣ хорошаго жениха!“ Вотъ вамъ образецъ свѣтскаго обхожденія и лестнаго значенія для получательницы подобныхъ щипковъ. Что есть, конечно, щипки и далеко нелюбезнаго свойства, объ этомъ едва-ли нужно и говорить.

Еженедѣльный базаръ посѣщается также нерѣдко юными отпрысками благородныхъ польскихъ фамилій, живущими единственно подачками своихъ собратовъ по происхожденію, но не имѣющими ни одной собственной копѣйки за душою и которымъ поэтому рѣшительно не за чѣмъ было бы являться тутъ. Но они также находятъ себѣ занятіе, забавляясь исключи-

тельно избіеніемъ до полу-смерти старыхъ или хворыхъ жидовъ. Прежде это общественное удовольствіе было еще въ большемъ ходу и практиковалось также на молодыхъ и здоровыхъ жидкахъ; но потомъ, со временемъ, когда въ средѣ этого бѣднаго, отверженнаго народа уровень образованія также значительно поднялся, а съ нимъ вмѣстѣ явилось и сознание своего человѣческаго достоинства, то нѣкоторые изъ обиженныхъ оплачивали подьякамъ тою же монетою.

Затѣмъ, принимая въ соображеніе, какое большое значеніе имѣеть у грубыхъ людей вулакъ, въ смыслѣ подтверждающаго доказательства, и что здѣсь несогласіе мнѣнія разрѣшается обыкновенно самымъ кратчайшимъ путемъ, мы поймемъ фактъ примѣненія дальнѣйшаго безконечнаго ряда пинковъ, получаемыхъ и раздаваемыхъ по вторникамъ на базарной площади въ БарновѢ. Нужно при этомъ замѣтить, что самымъ общепотребительнымъ у жидовъ способомъ поединка является выдираніе бородъ, а у польскихъ пановъ—рыцарская пощечина. И наконецъ, самый послѣдній, но нисколько не менѣе чувствительный толчекъ, допускаемый, такъ сказать, при передвиженіи толпы, это есть умышленный толчекъ по необходимости. Въ этой тѣснотѣ и сумятицѣ, гдѣ товаръ выгружаютъ какъ кому вздумается и продавцы располагаются какъ попало, тутъ, разумѣется, не можетъ быть ни проѣзда, ни прохода, такъ что если кто нибудь рискнулъ зайти въ этотъ хаосъ, то уже долженъ рассчитывать единственно лишь на самого себя и на свои собственные силы. А такъ какъ „въ полу-азиатскихъ странахъ“ объ утонченной европейской вѣжливости обращенія со всѣми вообще и о добровольной уступкѣ дороги, чтобъ дать кому нибудь пройти—не имѣютъ никакого понятія, то даже самый не влюбчивый и самый миролюбивый человѣкъ бываетъ поставленъ въ необходимость толкать другихъ, получая и самъ толчки со всѣхъ сторонъ.

Проидемъ сначала по окраинѣ ярмарки, тамъ гдѣ площадь примыкаетъ къ большой дорогѣ. Даже эта, относительно спокойная, вступительная глава въ мычащей и ревущей исторіи галиційской культуры представляетъ много интересныхъ мѣстъ, такъ что еслибъ привести историографа народнаго хозяйства, то достопочтенный ученый навѣрное вспрыгнулъ бы отъ радости, потому что все, представившееся здѣсь его глазамъ, избавило бы его отъ кропотливаго труда доискиваться всѣхъ переходныхъ фазисовъ торговли, начиная съ финикиянъ, потомъ у грековъ и римлянъ, затѣмъ у венеціанцевъ и кончая бирже-

выми операціями во Франкфуртѣ и въ Вѣнѣ. Тутъ у него на лицо всѣ ступени развитія матеріальнаго обмѣна продуктовъ и денежныхъ сдѣловъ: мѣна, торгъ, обоюдная покупка и продажа, передача векселей, биржевая игра. И все это происходитъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ! Это, съ моей стороны, не преувеличеніе, а фактъ, любезный читатель! Такъ что нерѣдко въ одномъ лицѣ воплощаются такіе различные торговые приемы, между которыми въ исторіи торговли существуетъ промежутокъ громаднаго періода времени въ тысячу лѣтъ, или промежутокъ громаднаго разстоянія мѣстностей, гдѣ такіе приемы еще находятся въ употребленіи.

Насъ поучали еще на школьной скамьѣ, какъ во времена самой отдаленной древности одинъ хитрый, смуглолицый купецъ изъ Тира присталъ на своемъ кораблѣ къ дальнему берегу сѣвера, гдѣ вымѣнялъ у простодушныхъ бѣлокурыхъ варваровъ, на полезные желѣзные инструменты и на бесполезныя стеклянныя украшенія, матеріаль, который онъ считалъ весьма дорогимъ. А читая иностранныя книги о разныхъ путешествіяхъ, мы узнаемъ, что бѣлокурые, голубоглазые финикійяне нашего времени посѣщаютъ уединенные берега Южнаго океана, гдѣ, за красныя стеклянныя бусы и какіе нибудь плохенькіе складные ножи, вымѣниваютъ у смуглыхъ островитянъ дѣйствительно цѣнный матеріаль. Но для того, чтобъ получить понятіе о такого рода мѣнновой торговлѣ, нѣтъ никакой нужды прибѣгать къ дальнимъ путешествіямъ и вызывать въ памяти школьный періодъ нашего дѣтства. Достаточно побывать только въ Барновѣ въ базарный день, чтобъ во-дѣлю убѣдиться, что этотъ способъ существуетъ и употребляется тамъ и до сихъ поръ.

Взгляните сюда — здѣсь образовалась цѣлая живая цѣпь, которая заперла совершенно въѣздъ на базарную площадь—это Ааронъ Бренхольцъ, Берипъ Шенкельбахъ, Хая Зингмирвасъ, Ютта Гельберъ, Сизель Діамантъ и еще множество другихъ господъ и дамъ съ тому подобными благозвучными именами. Они съ головы до ногъ навьючены и увѣшаны всѣмъ, противъ чего не можетъ устоять благоразуміе крестьянъ и сердца крестьянокъ: косами, лентами, платками, штофами съ водкой, шерстью, бусами, складными ножами, бѣлымъ хлѣбомъ, сѣрными спичками, мѣховыми шапками, армяками и тому подобными вещами. Такъ что ни одинъ человѣкъ изъ всего пріѣхавшаго люда не можетъ пройти сквозь эту цѣпь, чтобъ противъ него не сдѣлано было покушенія тотчасъ же устроить съ нимъ какую нибудь выгодную мѣну, предлагая за холстъ, розъ или скотъ,

какойнибудь изъ вышеупомянутыхъ предметовъ роскоши. Беринъ Шенкельбахъ побѣждаетъ, по большей части, въ этихъ случаяхъ силою своего краснорѣчія, яркостью цвѣтовъ продаваемыхъ имъ лентъ, охмѣляющимъ свойствомъ своей водки, но главная причина его побѣды заключается собственно въ лѣности крестьянина. Потому что всякій, спустившій уже тутъ все, что привезено было имъ для сбыта на базаръ, можетъ потомъ праздно шататься въ этой общей толпотѣ цѣлый день и затѣмъ, отыскавъ какоенибудь укромное мѣстечко, наконецъ, всхрапнуть вмѣстѣ съ своими охмѣлѣвшими собутельниками. Кому именно приносить наиболѣе выгодъ подобнаго рода мѣнновой торгъ, пояснять не нужно.

По вторникамъ, вплоть до самой обѣденной поры, Беринъ Шенкельбахъ кричитъ неумолкаемо, пока совсѣмъ не охрипнетъ; онъ презрительно рычитъ, подмѣтивъ какойнибудь скрытый порокъ въ приведенномъ на базаръ теленкѣ, и тотчасъ же перемѣняетъ тонъ, выводя самыя высокія, но тѣмъ не менѣе рѣзкія по звуку нотки, когда расхваливаетъ покупателямъ свой товаръ, косы и мѣховыя шапки. Но за то, по крайней мѣрѣ, у него въ результатъ оказывается прибыльный торговый оборотъ. Какъ ни надсѣдаются, съ своей стороны, Ютта Гельберъ и Сизель Діамантъ, крича во все горло, но ихъ торговля далеко не приноситъ имъ такихъ хорошихъ барышей. Обѣ онѣ бѣдныя, совсѣмъ бѣдныя женщины, которыя на ничтожную ежедневную денежную выручку должны содержать не только себя, но даже своихъ мужей и цѣлую семью дѣтей; такъ какъ господинъ Хаимъ Гельберъ не въ состояніи заработать даже ни одной пуговицы къ своему платью, не только что мѣдной копѣйки. Когда онъ, будучи четырнадцати лѣтъ отъ роду, женился на тринадцатилѣтней Юттѣ, онъ искусился только въ премудростяхъ талмуда, но не выучился никакому ремеслу, не приобрѣлъ никакихъ свѣдѣній въ житейской мудрости, причемъ весь капиталъ юной четы заключался въ нѣсколькихъ сотняхъ гульденовъ, въ которому присоединилось разрѣшеніе приходить хоть каждый день обѣдать въ родительскій домъ; затѣмъ Хаимъ началъ отдавать свои деньги займамъ, но четырнадцатилѣтній талмудистъ, конечно, не могъ быть хорошимъ дѣльцомъ и, не смотря на совѣты даже болѣе опытныхъ людей, ростовщичество, хотя и доведенное въ Галиціи до самыхъ безобразныхъ размѣровъ, не могло дать ему на столь ничтожный капиталъ такихъ процентовъ, которыми онъ могъ бы существовать безъ нужды. Такимъ образомъ, молодые супруги должны уже были

брать деньги изъ своего капитала, въ особенности послѣ того, какъ четырнадцатилѣтняя жена подарила сына своему пятнадцатилѣтнему мужу. Но такъ какъ оба они были лѣнтивы и были усердны только въ исполненіи лишь одного библейскаго закона, то черезъ нѣсколько лѣтъ занимаемая ими комната наполнилась цѣлою кучей ребятъ, а касса опустѣла совершенно. Хаимъ совсѣмъ опустилъ руки и продолжалъ изучать трудныя мѣста Талмуда; а такъ какъ вромѣ этого онъ не зналъ ровно ничего, то, погрузившись въ таксе „изученіе“, онъ, по крайней мѣрѣ, могъ совсѣмъ сложить съ себя всѣ домашнія заботы. Тогда Ютта, по примѣру многихъ женщинъ ея племени, находившихся въ подобныхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, энергично взяла семейныя бразды правленія въ свои руки и занялась мѣншею торговлей по базарнымъ днямъ. За это же самое занятіе должна была приняться также и Сюзель Діамантъ, хотя ея супругъ, господинъ Гирша Діамантъ, зналъ одно домашнее усидчивое мастерство: онъ былъ портной. Но, впрочемъ, въ Барновѣ, вромѣ его, найдется можетъ быть еще пятьдесятъ человѣкъ разныхъ портныхъ, столько же сапожниковъ и стекольщиковъ; такъ какъ польскій жидъ если рѣшается выучиться какому нибудь мастерству, то непременно избираетъ одно изъ вышеупомянутыхъ трехъ, потому что онѣ требуютъ меньшаго напряженія физической силы. Съ измѣненіемъ подобнаго, однажды заведеннаго и все продолжающагося, обычая, для евреевъ Восточной Галиціи разумѣется наступила бы новая, лучшая эра; но увы! наступитъ-ли когда нибудь такое время?! А до той поры у этихъ бѣдныхъ, жалкихъ людей не будетъ подъ ногами не только золотой, но даже оловянной почвы, и всѣ ремесленники-евреи въ Восточной Галиціи, за немногими исключеніями, останутся пока несчастными, живущими въ проголодь, людьми, неимѣющими возможности прокормить даже самихъ себя, не говоря уже о своихъ женахъ и дѣтяхъ.

Но жизнь женщинъ-евреекъ еще тяжелѣе, и нужно полагать, что только благодаря выносливости, присущей ихъ племени, онѣ могутъ выдерживать постоянный гнетъ судьбы. Въ продолженіи шести дней недѣли онѣ изощряются въ великомъ умѣнѣи пребываться 1.0е-какъ при полномъ недостаткѣ пищи, и только седьмой день, день приобрѣтенія, стоящій имъ такихъ большихъ трудовъ, почитается ими, сравнительно, за самый счастливѣйшій, потому именно, что это день приобрѣтенія. Съ самаго раняго утра, цѣлыми вереницами отправляются онѣ въ своему единовѣрцу-лавочнику и забираютъ у него въ кредитъ на одинъ

или на два гульдена разнаго товара, какъ-то: лентъ, бусъ, наливки, ножей и т. п. Со всѣми этими вещами онѣ становятся по обѣ стороны большой дороги при въѣздѣ въ городъ и обмѣниваютъ ихъ у руссинскихъ бабъ на муку, живность, яйца, овощи, всякую зелень, но преимущественно на лукъ и чеснокъ, а потомъ уже со всѣми этими вымѣненными сокровищами переходятъ на базарную площадь и продаютъ ихъ женамъ барновскихъ бюргеровъ и чиновниковъ. Вотъ вамъ и образчикъ международнаго обмѣна произведеній и способъ торговли, способный поучительнымъ образомъ повліять на взглядъ человѣка, посвятившаго себя наблюденіямъ надъ экономическими условіями народнаго хозяйства.

Пройдемтесь еще нѣсколько шаговъ далѣе и тамъ вы увидите другую торговую сдѣлку. Господинъ Берришъ Шенкельбахъ почти совсѣмъ охрипъ, но, не смотря на то, при помощи своихъ сыновей, настойчиво продолжаетъ всюду обдѣлывать свои спекулятивные предпріятія. Въ одномъ мѣстѣ, за соху, нѣсколько паръ колесъ и небольшой боченокъ водки, онъ вымѣниваетъ корову; въ другомъ онъ заключаетъ съ какимъ нибудь благороднымъ паномъ письменное условіе — и все это тутъ-же, на базарѣ, причемъ Берришъ охотно подставляетъ свою спину вмѣсто письменнаго стола, лишь бы только панъ подписалъ на условіи свою фамилію. Разумѣется только одни, уже совсѣмъ разорившіеся поляки устраиваютъ свои дѣла на улицѣ, при всѣхъ; а тѣ, которые еще желаютъ сохранить нѣкоторый декорумъ, отправляются въ ростовщичью на домъ; но затѣмъ къ Берришу Шенкельбаху является еще пропасть всякихъ прогорѣвшихъ шляхтичей. Большинство польскаго дворянства дошло до полнѣйшаго матеріальнаго и нравственнаго банкротства, а остальная его часть стремится къ тому же исполинскими шагами — это фактъ, котораго, конечно, никто не будетъ оспаривать, если захочетъ прямо взглянуть въ глаза дѣйствительности. Для поляковъ это, разумѣется, въ высшей степени грустный и обидный фактъ, потому что польскому крестьянину никакого дѣла нѣтъ до своей національности, онъ даже просто стыдится ея, положительно отрицаетъ ее и, въ случаѣ нужды, готовъ наострить свою косу, чтобъ перерѣзать всѣхъ борцовъ за восстановление польскаго королевства; а взгляды у польскихъ купцовъ или гражданъ чисто космополитическіе, поэтому только мелкіе дворняе являются исключительными носителями фанатической, польско-національной идеи, которая выражается въ открытой или тайной ненависти къ Россіи, Австріи и Пруссіи,

и которая, въ настоящее время, переживаетъ періодъ своего банкротства. Мы снова повторяемъ, что стремленія этой идеи нужно считать давно отжившими и что теперь уже невозможно болѣе насильственнымъ образомъ возбуждать ихъ или хвастаться ими. Если же намъ предложить вопросъ: что именно могло побудить это сословіе къ доведенію своего роднаго народа до посрамленія и до окончательной гибели? то мы отвѣтимъ, что хотя причиною тому отчасти были и печальныя экономическія условія Восточной Галиціи, но самую главную причиною былъ еще болѣе грустный фактъ нравственнаго растлѣнія членовъ польской національности. Господина Крапулинскаго вы можете убѣдить въ чемъ вамъ угодно, исключая того, что онъ какъ всякій человѣкъ обязанъ работать, когда у него не осталось никакихъ средствъ къ жизни, и что дворянскій титулъ не долженъ быть дипломомъ на полнѣйшее невѣжество. Вслѣдствіе этого самаго невѣжества и своей отчаянной лѣни Крапулинскій разоряется въ конецъ, и никакой богъ не спасетъ его отъ такого разоренія. Разумѣется, онъ будетъ увѣрять васъ, что его губить Беришъ Шенкельбахъ; но еслибъ онъ, вмѣсто того, чтобъ играть въ макао и содержать нѣсколькихъ любовницъ, занялся какъ слѣдуетъ своимъ хозяйствомъ, то никогда бы не былъ поставленъ въ непріятное положеніе завести близкое знакомство съ этимъ господиномъ. Конечно, даже самый солидный землевладѣлецъ можетъ иногда быть поставленъ въ необходимость занять деньги, но для такихъ солидныхъ хозяевъ въ Галиціи существуетъ также и возможность полученія денегъ при солидныхъ условіяхъ. Здѣсь не мѣсто говорить объ этомъ обстоятельно, но всякій, кто захочетъ безпристрастно взглянуть на положеніе дѣлъ въ восточныхъ австрійскихъ владѣніяхъ, придетъ все-таки къ одному и тому-же выводу: что если Крапулинскій разоряется, то въ этомъ никто не виноватъ, кромѣ самого Крапулинскаго.

Наконецъ, этотъ самый Беришъ Шенкельбахъ, вымѣнивающій телятъ на сохи, продающій этихъ самыхъ телятъ на наличныя деньги и устраивающій весельныя дѣла, представляетъ собою также ходячую биржевую контору. Онъ покупаетъ и продаетъ ренты, облигаціи поземельнаго кредита и разныя мѣстныя, находящіяся въ Галиціи въ обращеніи, бумаги. Барновская биржа не такъ велика, какъ, на примѣръ, биржа въ Лембергѣ или въ Бродахъ, но она все-таки довольно обширна и даже обширностью своею не соотвѣтствуетъ количеству барновскаго народонаселенія. Биржевая игра, изоштрающая смѣтливость

и возбуждающая фантазію, не будучи соединена ни съ какимъ физическимъ трудомъ, какъ нельзя болѣе подходитъ къ природнымъ свойствамъ польскихъ евреевъ, и насъ положительно удивляетъ, что не всѣ барновскіе евреи, а только часть ихъ отправились въ Вѣну незадолго до биржеваго краха. Но все-таки ихъ оказалось не мало, а оставшіеся дома продолжали свою биржевую игру у себя. Клиенты большинства этихъ новооткрытыхъ банковъ всѣ находились въ Галиціи; Крапулинскій также сильно проигрался тамъ и на этой спекуляціи, спустивши на нее почти всѣ свои заемныя деньги. Теперь, конечно, уже не то, но даже до сихъ поръ чтеніе курсовыхъ таблицъ составляетъ одно изъ любимѣйшихъ занятій отцовъ семействъ въ долгополыхъ кафтанахъ и съ пейсами на вискахъ. Въ числѣ такихъ дилетантовъ дѣла есть люди дѣйствительно и тонко его понимающіе. При входѣ на базарную площадь разставлено нѣсколько столиковъ, гдѣ производится размѣнъ бумажныхъ денегъ на мѣдъ, серебро и на бумажныя деньги, и размѣнъ русскихъ монетъ на австрійскія. Самые зажиточные изъ этихъ мѣнялъ въ то же время и самые главные тузы барновской биржи. Они не пренебрегаютъ даже самыми мелкими дѣлами, выдавая за гульденъ по девяносто девяти крейцеровъ; хотя въ тотъ же день они посылаютъ телеграму въ Уніонъ-Банкъ, съ которымъ они устраиваютъ спекуляцію, могущую доставить имъ прибыль въ нѣсколько тысячъ гульденовъ. Нужды нѣтъ, что телеграмма написана безграмотно, но за то дѣло обдѣлано вѣрно и чрезвычайно ловко, судя по тогдашнему положенію денежнаго рынка въ Барновѣ. При этомъ невольно повторилось то, что уже давно и много разъ было говорено прежде, именно: что смѣтливость и сообразительность у этихъ людей по истинѣ изумительна! И какъ не пожелать, чтобъ поскорѣе наступило время, когда этотъ народъ будетъ въ состояніи примѣнять свою дѣятельность не въ одной только области денежной жизни; какъ не пожелать, чтобъ эта, представляющаяся еще въ весьма отдаленной перспективѣ, пора наступила не только ради интересовъ самихъ евреевъ, но даже ради интересовъ всей страны, которая тогда ожила бы совершенно.

Всѣ эти наблюденія и размышленія рождаются у насъ еще по пути къ базарной площади; но на самомъ базарѣ все это значительно затрудняется отъ всеобщаго гвалта и отовсюду получаемыхъ толчковъ. Примкнемте-же, въ качествѣ осторожныхъ пилигримовъ, которымъ дороги свои бока и ребра, къ этой группѣ, которая пролагаетъ себѣ путь въ этой толпѣ и состо-

ить: изъ статнаго, длиннобородаго и одѣтаго въ долгополнѣй костюмъ господина, идущаго рядомъ съ дамой необычайныхъ размѣровъ и разфранченной въ пухъ, въ красное платье, зеленую мантилью, голубую шляпку и съ желтымъ зонтикомъ въ рукахъ; за ними слѣдуютъ пять молодыхъ, упитанныхъ дѣвицъ, въ нарядѣ которыхъ господствуютъ тѣ же самые цвѣта, но только расположенные въ другомъ порядкѣ и съ такимъ же безвкусиемъ, съ прибавленіемъ къ костюму туго-накрахмаленныхъ, оттопырившихся юбокъ; шествіе замыкается пятью юношами-подростками, облеченными во что-то среднее между городскимъ, имѣющимъ претензію на подражаніе модѣ, костюмомъ и простонародною одеждою руссінскаго крестьянина. Юноши эти, не смотря на странность ихъ наряда, тѣмъ не менѣе съ важностью выступаютъ въ толпѣ. Это все одна семья достопочтеннаго отца Евсевія Тарновецкаго, греко-уніатскаго священника изъ села Твардовки, состоящая изъ его супруги и его дѣтей. Гдѣ священникамъ разрѣшено вступать въ бракъ, тамъ они плодятъ множество дѣтей, это уже доказанный фактъ, хотя, впрочемъ, это случается и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ законъ предписываетъ священнику безбрачіе. И такъ, за этою семьей мы можемъ пробраться безопасно; я убѣжденъ, что мы, хотя медленно, но все-таки будемъ подвигаться впередъ.

Направо отъ прохода, по которому мы слѣдуемъ, сидятъ, скорчившись, на землѣ жидовки и руссінскія бабы, каждая посреди своего склада провизіи, причемъ каждая повидимому убѣждена, что намъ необходимо нужно купить или курицу, или нѣсколько яицъ, или, по крайней мѣрѣ, нѣсколько головокъ чесноку, потому что каждая, самымъ пронзительнымъ голосомъ, выкрикиваетъ, что у ней именно самый свѣжій товаръ, а глаза ихъ какъ будто говорятъ: „Вѣдь ужъ ты, конечно, не купишь этого въ другомъ мѣстѣ“?! Но, не смотря на весь гамъ, происходящій отъ зычныхъ или скрипучихъ бабьихъ голосовъ жидовки или христіанки, тѣмъ не менѣе у каждой изъ нихъ есть въ этомъ случаѣ свой собственный приѣмъ. Руссінская баба кричитъ всякому проходящему одно и то же: „Купите, купите, купите у меня! куры, яйца, утки—все свѣжее, дешево продамъ! Отъ жидовскихъ яицъ пахнетъ, у жидовъ куры старыя—кушайте, кушайте у меня!“ И эта монотонная пѣснь барновской сирены не прерывается ни на минуту, такъ что изъ этого причитанья сложилось даже нѣчто въ родѣ своеобразной, переходящей по преданію изъ поколѣнія къ поколѣнію, мелодіи, въ которой первыя и окончательныя слова растягиваются до такой степени,

что уже дѣлаются совѣмъ непонятными. Выливаніе это сопровождается размахиваніемъ направо и налево, вытянутою какъ палка, рукою и прекращается только въ тотъ моментъ, когда находится покупательница. Впрочемъ, порицаніе товара сосѣдки-жидовки проявляется въ весьма стереотипной формѣ, вслѣдствіе нелогичности самого факта, потому что вѣдь лица несутъ деревенскія бурсы, а не жида. Слово „вонючій“ всегда прилагается галичаниномъ христіанскаго вѣроисповѣданія ко всякой вещи, которая болѣе или менѣе имѣла прикосновеніе съ жидами. Конечно, такого рода эпитетъ кажется не безъ нѣкотораго основанія, но чтобъ доказывать такой фактъ демонстративнымъ способомъ нужно было бы прежде обратиться къ самимъ себѣ. Жидовка никогда не позволитъ себѣ такого обиднаго отзыва о товарѣ своей конкурентки, но она умѣетъ привлечь къ себѣ покупателей другимъ способомъ, именно: непожѣрнымъ воскваленіемъ своего собственнаго товара, причемъ всегда принимаетъ въ соображеніе индивидуальныя свойства покупателей. „Господинъ, господинъ!“—пронзительно кричитъ она, если замѣтитъ что кто нибудь случайно взглянулъ въ ея сторону.—„Вы такой славный господинъ, такой благородный господинъ, а видали-ли вы когда нибудь такую утку“?—И при этомъ она подноситъ утку прямо къ его носу.—„Еще никто никогда не видывалъ такой утки! Такая хорошая, жирная — у меня слюнки текутъ всякій разъ, какъ взгляну на нее! Но вѣдь я не богатая женщина, которая выросла на кушаньяхъ изъ домашней птицы! А вамъ я уступлю ее — отъ всего сердца, по совѣсти! А почему? Потому что вы славный господинъ, красивый господинъ. А какъ дешево я продамъ ее, мнѣ даже совѣстно сказать эту цѣну, пятьдесятъ крейцеровъ, ужъ не торгуйтесь пожалуйста! такое будетъ кушанье—просто царское! Какъ поблагодарить васъ за это ваша жена, когда вы принесете утку домой! Она навѣрное скажетъ: „Богъ мой! какой золотой человѣкъ у меня мужъ! Все-то онъ понимаетъ, все-то знаетъ, онъ даже лучше меня самой умѣетъ купить провизію на базарѣ! Да просто такому человѣку нѣтъ цѣны!“! Но если вы, не смотря на такія зазыванья, все-таки пройдете мимо, то она пробормочетъ вамъ вслѣдъ далеко непривѣтливсе и неслестное словцо, которое уже будетъ идти положительно въ разрѣзъ съ ея прежними о васъ отзывами. Впрочемъ, Сюзель Діамантъ вообще слишкомъ занята и ей некогда тратить свое время на безплодную ругань.

Вотъ подходитъ покупательница худая, увядшая, но все

еще желающая нравиться, жена писара, служащаго въ окружномъ судѣ. „Ахъ, Богъ мой, Богъ мой!“—воскликаетъ Сюзель тономъ удивленія.—„Еслибъ я не видала своими глазами, то, клянусь вамъ, не повѣрила бы! съ каждымъ, ну право, съ каждымъ днемъ „дама“ все хорошеетъ! Просто чудо, да и только! Глаза-то какіе, глаза! а волосы-то какіе! а что за ротикъ—просто прелесть! Ахъ, Богъ мой, Богъ мой! Вамъ нужно шесть десятковъ лицъ—ужъ я сейчасъ догадалась—да у кого же и купите вы, какъ не у вашей Сюзель? По два крейцера за штуку, почтеннѣйшая; отдаю за то, что самой стоитъ; вѣдь не стану я брать съ васъ барыша! Для меня ужъ и то много чести, что ко мнѣ приходитъ за покупками первая въ городѣ красавица, на которую засматриваются всѣ мужчины и какъ только завидятъ ее хоть издалека, сейчасъ начинаютъ закручивать свои усы. Даже самъ господинъ сборщикъ податей и тотъ сохнетъ по васъ; я просто не могу смотрѣть на него безъ жалости, и всякій разъ, какъ встрѣчаю его, подумаю: „Ахъ Богъ мой? Вотъ ужъ какъ на грѣхъ влюбился человекъ въ первую во всемъ городѣ красавицу, точно не могъ найти другую, которая больше была бы ему подъ стать! Ну, такъ сколько же вамъ отсчитать? Только два десятка? хорошо! Только меньше какъ за полтора крейцера штука я продать не могу. Ужъ и то отдаю вамъ съ убыткомъ, повѣрьте, пусть всѣ мои дѣти сейчасъ умрутъ отъ холеры, если я лгу. Неужели вы захотите, чтобъ ваша Сюзель продавала свой товаръ въ убытокъ? На что вамъ скупиться. Вѣдь не нынче, завтра, вашъ супругъ получить мѣсто окружнаго судьи; всѣ въ одинъ голосъ говорятъ объ этомъ. Что вы качаете головой? Вы не вѣрите, что его сдѣлаютъ окружнымъ судьей? Ну, все равно, онъ могъ бы занять эту должность. Такой красивый господинъ, такой умный господинъ!... Вы говорите, что онъ совсѣмъ не красивъ? ну, такъ стало быть онъ мнѣ показался красивымъ. И глупъ также, говорите вы? Ахъ, Богъ мой! ну, вамъ, конечно, лучше знать это. У такой жены и такой мужъ,—ахъ, Богъ мой! Вамъ бы нужно графа въ мужья—а то, скажите, какая жалость!—Ну, такъ по полтора крейцера—ей Богу, отдаю за свою дѣву; чтобъ мнѣ никогда во всю жизнь не нажить даже десяти крейцеровъ, если я лгу! Не прикажите-ли также положить вамъ въ корзинку утку—отличная утка,—за нее не жаль было бы даже заплатить карбованецъ. Больше ничего не нужно? Ну, до другаго раза! Ахъ, Богъ мой, какая вы, госпожа, красавица,—а

что за похода! Точно у принцесы — позволите поцѣловать ручку,—ну, право, настоящая принцеса“!

Пока на правой сторонѣ прохода продаютъ и покупаютъ всякую провизію, на лѣвой помѣстились трое представителей свободнаго искусства. Ближе всѣхъ въ краю расположился какой-то человѣкъ съ электрическою машиной, предлагающій почтеннѣйшей публикѣ взяться за ручку машины, чтобъ за ничтожную плату трехъ крейцеровъ попробовать на себѣ какъ силенъ можетъ быть ударъ электрическаго тока, „который съ быстротою молніи пробѣжитъ по всему тѣлу“, причемъ предлагающій добавляетъ: „Это величайшее въ мірѣ чудо, тайну котораго Богъ открылъ въ самомъ Парижѣ одному, извѣстному святостию своей жизни, человѣку! Оно доставляетъ величайшее удовольствіе и помогаетъ отъ всѣхъ болѣзней“! Крестьяне густою толпою окружаютъ это диво; нѣкоторые изъ нихъ даже рѣшаются испытать на себѣ предлагаемый экспериментъ, причемъ, конечно, продѣлываютъ разныя гримасы и корчатъ преуморительныя рожи. Только одинъ Грицко Зубковичъ, руки котораго представляютъ одну сплошную мозоль, въ родѣ роговыхъ нарывовъ, по-пустому заплатилъ свои деньги — и таеъ какъ еквозъ подобнаго рода кожу неспособна пройти никакая электрическая искра, то онъ и требуетъ ихъ обратно. Завязался споръ и, чтобъ прекратить его, въ это дѣло вмѣшался Иванъ Мечега, судья изъ Бялы, со всѣмъ авторитетомъ, присущимъ занимаемой имъ должности. „Слушай, Грицко“,—говоритъ онъ,—„вѣдь тебѣ сейчасъ сказали, что сила этой машины происходитъ отъ Бога, а ты что такое? простой свинопасъ и больше ничего! Меня, уѣзднаго судью, она порядкомъ встряхнула; и Богъ даетъ силу этой машинѣ, ужъ конечно, не для свинопасовъ. Вѣдь нужно же дѣлать и здѣсь на землѣ какое нибудь различіе между людьми; пойми ты это, Грицко, глупая ты голова!— А императора эта машина конечно встряхнетъ еще сильнѣе, чѣмъ меня“!..

Тутъ же рядомъ расположилъ свою лавочку продавецъ лубочныхъ картинъ, въ числѣ которыхъ, главнымъ образомъ, фигурируютъ изображенія католическихъ святыхъ, и образовъ въ византійскомъ стилѣ для христіанъ греко-восточнаго вѣроисповѣданія. Само собою разумѣется, что эти произведенія вполне соответствуютъ мѣстнымъ требованіямъ художественнаго вкуса, и что онѣ обиліемъ и яркостью своихъ красокъ могутъ поспорить со всѣми колоритами прошедшаго и новѣйшаго времени. Видимо, что живописецъ не пожалѣлъ красной краски, густымъ

слоемъ наложивъ ее на тѣ мѣста, гдѣ предполагались раны, изъ которыхъ должна литься кровь. Попадаютъ также въ продажу и портреты императора и императрицы, маршала Радецаго, для поддержанія въ народѣ патріотическаго чувства, и еще—портретъ барона Фонъ-Кемпена. Но такъ какъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ моды вообще ужасно отстаютъ отъ столичныхъ, то на этомъ основаніи и баронъ фонъ-Кемпенъ является здѣсь еще такою личностію, портретъ которой крестьяне охотно вѣшаютъ на гвоздяхъ въ своихъ жилищахъ. Всѣ вышеупомянутыя изображенія находятъ множество покупателей, и какъ бы ни былъ бѣденъ крестьянинъ, онъ уже непременно купить, по крайней мѣрѣ, образъ своего патрона и портреты императора и императрицы. Нигдѣ эти послѣдніе не малюются въ такомъ ужасномъ видѣ, какъ въ Восточной Галиціи, но нигдѣ также они не раскупаются въ такой массѣ, какъ здѣсь. „Вѣдь только по милости австрійцевъ мы стали людьми“,—говоритъ руссина, передавая своимъ сыновьямъ и внукамъ это чувство признательности къ государству, которое избавило его отъ польскаго дворянства и вмѣстѣ съ тѣмъ исхитило его изъ-подъ гнета самаго ужаснаго рабства. Не смотря на то, что, во время реакціи, нѣмецкое чиновничество распоряжалось также довольно круто, наше крестьянство даже не ощутило на себѣ примѣненія этихъ крутыхъ мѣръ, а чувствовало лишь одно, что въ настоящее время есть власть, которая защищаетъ его отъ его вѣчныхъ мучителей и притѣснителей—польскихъ дворянъ. Хотя отмѣна обязательной работы состоялась только вслѣдствіе революціи, что также представляетъ собою неопровержимый фактъ, но наше крестьянство понимаетъ лишь то, что обязательная работа отмѣнена императоромъ и что поляки остались этимъ очень недовольны. А такъ какъ настоящий способъ управления пришелся на руку полякамъ, которые захватили всю страну въ свое распоряженіе, то въ крестьянствѣ и сложилось непоколебимое убѣжденіе, что императору такой порядокъ придется не по сердцу, слѣдовательно онъ не можетъ также нравиться и крестьянству. Бѣдный крестьянинъ не понимаетъ, что это польское управленіе Галиціей, этотъ грубый способъ расправы съ евреями и руссинами, положительно противорѣчатъ духу конституціоннаго правленія, въ силу котораго никто не долженъ подвергаться преслѣдованію за свое вѣроисповѣданіе и за свою національность. Крестьянинъ испытываетъ на себѣ только злоупотребленіе въ примѣненіи этой конституціи, и сознаетъ это очень хорошо. „Что радуешь поляка, то не нра-

вится императору“, и наоборотъ — вотъ политическій догматъ руссинаго крестьянина. Конечно, это совсѣмъ ребяческое и крайне наивное понятіе, которое можетъ показаться даже смѣшнымъ, но внидите поглубже въ истинный смыслъ его и вы убѣдитесь, что оно вытекаетъ изъ здравыхъ началъ.

Кромѣ изображеній святыхъ и патриотическихъ литографій для крестьянъ, у продавца картинъ имѣется еще товаръ, на сбытъ котораго онъ рассчитываетъ среди горожанъ, патриотизмъ которыхъ направленъ совсѣмъ въ другую сторону: Краковскій погромъ польскаго королевства—портреты Костюшки и Лангевича, эпизоды изъ послѣдняго польскаго возстанія и т. п. Тутъ же, въ нѣсколькихъ экземплярахъ, выставлено изображеніе женщины, вѣрной, неутомимой спутницы послѣдняго польскаго диктатора, юной героини, дѣвицы Пустовойтовой. На этихъ портретахъ она представлена въ панцырѣ и въ латахъ, т. е. въ такомъ воинственномъ одѣяніи, каковаго она никогда не носила, даже въ самыя критическія минуты борьбы. Еслибы она знала, въ какое общество ей иногда приходится попадать случайно, то ея скромность и всѣмъ извѣстное характеризующее ее чувство женственности были бы въ высшей степени оскорблены, потому что продавецъ картинъ развозитъ также всюду, всѣмъ и каждому извѣстныя литографіи съ французскими надписями, гдѣ изображаются молодыя дамы, которыя, вслѣдствіе своего полнокрівія, ограничиваются только самыми необходимыми покровами своего тѣла, считая всѣ прочія принадлежности туалета излишними. Такого рода картинки, стоящія на одной ступени, какъ въ нравственномъ, такъ и въ художественномъ отношеніи, во множествѣ украшаютъ стѣны домовъ мелкаго польскаго дворянства; *poblesse oblige*, нужно вѣдь хотя сколько нибудь покровительствовать искусству. Для людей такого же сорта, именно для кавалерійскихъ офицеровъ, квартирующихъ въ самыхъ бѣдныхъ деревушкахъ, гдѣ они умираютъ со скуки, разнощикъ привозитъ изъ Гамбурга или Альтоны фотографіи невообразимо циничнаго свойства и другія подобнаго же рода иллюстрированныя изданія, отпечатанныя на розовой бумагѣ. Или, можетъ быть, не покраснѣла ли уже отъ стыда эта самая бумага, на которой отпечатаны такія грязно-непозволительныя вещи?!

Произведенія этого послѣдняго разряда показываются и продаются въ закрытыхъ авкахъ, не по какимъ нибудь особеннымъ причинамъ, а потому что Иванъ Мечегъ и прочіе крестьяне, увидѣвъ всѣ эти пакости, безжалостно изодрали бы ихъ и затоптали въ грязь. У этого племени много здраваго смысла и

вслѣдствіе того много и здравыхъ понятій о благопристойности. Боденштедтъ, торжественно и передъ цѣлымъ свѣтомъ, заявилъ, что изъ безчисленнаго множества малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ нѣтъ ни одной непристойной, хотя всякій, ближе его знакомый съ содержаніемъ этихъ пѣсенъ, скептически улыбнется при этомъ; но, не смотря на то, необходимо замѣтить, что содержаніе ихъ, относительно гораздо пристойнѣе, чѣмъ характеръ пѣсенъ у другихъ славянскихъ племенъ, напримѣръ, у мазуровъ, гдѣ преобладаютъ именно самыя площадныя пѣсни.

Всѣ же прочіе товары расположены продавцомъ въ самомъ заманчивомъ видѣ, причемъ Иванъ Мечега произноситъ на счетъ ихъ свое сужденіе, которое находитъ большую поддержку въ одобрительныхъ отзывахъ, сопровождающихъ его, односельчанъ.

Прежде всего вотъ какъ выражается онъ объ изображеніяхъ святыхъ. „Религія,—говоритъ онъ, относясь ко всѣмъ вообще,—„религія очень хорошая вещь и нельзя было придумать лучше, какъ чтобы Господь Саваоѣ отерлся иудеямъ или жидамъ, а Богъ-Сынъ отерлся своимъ ученикамъ; потому что еслибы они не объяснили всего такъ хорошо, намъ ничего не было бы извѣстно и мы не имѣли бы никакой религіи. И жили бы мы день за день, какъ живетъ, напримѣръ, волъ или какая нибудь букашка. А теперь, благодаря Бога, совсѣмъ не то; у насъ есть религія, она утѣшаетъ и освѣжаетъ, такъ что ее можно сравнить съ шубой, потому что шубу всегда можно носить и всегда съ пользою. Лѣтомъ, когда мы надѣваемъ ее, выворотивъ шкурою наружу, она не пропускаетъ жаръ, а зимой, когда мы надѣваемъ ее мѣхомъ внутрь, она согрѣваетъ насъ. Также точно религія удерживаетъ насъ отъ высокомерія и гордости, когда мы находимся въ счастіи; она же не допускаетъ насъ до ропота и малодушія, когда насъ постигаетъ несчастіе. Конечно, есть много разныхъ религій: у поляковъ своя, католическая; у насъ своя настоящая, истинная, вѣчная религія; а у жидовъ та самая, которую заповѣдалъ имъ Господь Саваоѣ, который, однако, послалъ потомъ на землю Своего Сына; но если жида такъ глупы и не вѣрятъ этому, такъ что же съ ними прикажете дѣлать? Ничего съ ними не подѣлаешь, ребята—стало быть нужно оставить ихъ исповѣдывать свою вѣру, а полякамъ также предоставить ихъ собственную. Но если обсудить это дѣло какъ слѣдуетъ, то вѣдь есть различныхъ мѣховъ шубы; мы носимъ свою овчинную шубу, жиды—лисю, а полякъ—медвѣжьей, т. е. если онъ не промѣнялъ ее на другую, что, къ сожалѣнію, часто случается, то противъ этого уже безсильна вся власть человѣ-

ческая. Стало быть, какъ есть разные шубы, такъ есть и разные религіи и тогда пусть всякій замѣчаетъ, каково ему живется въ своей шубѣ; но при этомъ, однакожь, никто не въ правѣ стаскивать съ другаго его шубу только потому, что онъ считаетъ свою собственную шубу теплою, и что только она одна хорошо грѣетъ. Но у поляковъ есть свои изображенія святыхъ, у насъ—свои; я, впрочемъ, не буду говорить, которыя мнѣ больше нравятся, потому что вы люди необразованные, не то что я, который служилъ въ императорской арміи капраломъ и столько времени служу здѣсь сельскимъ судьей; но вѣдь вы тоже не дураки! Вы, конечно, сейчасъ смеянете, что я предпочитаю изображенія нашихъ святыхъ, во первыхъ, потому, что я твердъ въ своей вѣрѣ, а во вторыхъ, потому, что всѣ святые наши имѣютъ изнуренный и печальный видъ, да оно такъ и должно быть. Потому что праведный человѣкъ, живущій въ этой юдоли плача и изготавившій себѣ, послѣ смерти, Царствіе Небесное, не можетъ здѣсь веселиться и разжирѣть, а, напротивъ, всегда будетъ сокрушаться, вида безбожниковъ, утопающихъ въ развратѣ и во грѣхахъ, какъ свинья въ грязной лужѣ. Взгляните вы теперь на польскихъ святыхъ, какія у всѣхъ у нихъ довольныя и краснощекія лица, какъ будто они только и дѣлали, что вкусно ѣли и много пили. Разумѣется, я только такъ говорю, но нисколько не желаю дурно отзываться о нихъ; вѣдь они все-таки христіанскіе святые угодники, такъ ужъ пускай поляки покупаютъ изображенія своихъ святыхъ, а мы будемъ покупать нашихъ, и вотъ я самъ сейчасъ куплю себѣ образъ св. Евфросиніи, если купецъ уступитъ мнѣ его, вмѣстѣ съ рамкою, за одинъ гульденъ“.

Затѣмъ, Иванъ Мечегъ приводитъ это намѣреніе въ исполненіе, конечно, съ надбавкою двадцати крейцеровъ, потому что одна рамка сама по себѣ на столько велика и тяжела, что ее и безъ образа можно было бы продать за хорошую цѣну. Онъ самодовольно прищуривается и, раскачивая въ рукѣ приобретенную покупу, обращаетъ глаза на другія произведенія искусства; надъ которыми произноситъ безапелляціонный приговоръ уже въ качествѣ критика, а не покупателя. „А, молодой императоръ!“—произноситъ онъ, и при этомъ почтительно снимаетъ съ головы шляпу.—„Я, конечно, лично не знаю его и не могу сказать, похожъ ли онъ тутъ и такъ ли хорошъ въ дѣйствительности. Впрочемъ, ужъ если молодому императору да не быть красивымъ—кто же послѣ этого можетъ быть красавцемъ? Не правда ли, ребята? Хотя, по правдѣ говоря, онъ гораздо кра-

сивѣ изображенъ на золотой медали, которую онъ мнѣ прислалъ и которую я теперь ношу на груди. Если только Богъ продлитъ мнѣ вѣку, то я когданибудь сяду въ экипажъ; который возитъ желѣзная лошадка, и покочу изъ Тарнополь въ Вѣну; прїѣхавши туда, отправлюсь въ золотой дворецъ, гдѣ живетъ императоръ, и если часовой вздумаетъ не пропускать меня, то я не буду долго толковать съ нимъ, а просто скажу ему: „Послушай, братецъ, не дѣлай изъ себя посмѣшища! Вѣдь я Иванъ Мечега, судья изъ Бялы“. Тогда часовой извинится передо мною и пропуститъ меня въ ту комнату, гдѣ сидитъ императоръ. „Здравствуй,—скажу я ему.—Я твой старшій Иванъ, которому ты прислалъ медаль за то, что я, съ опасностію жизни, спасъ отъ расхищенія твою казну, когда эти проклятые гусары, эти цыгане, эти матежники пробирались изъ Галиціи въ Венгрію, грабя все, что встрѣчалось имъ на пути; не смотря на то, что я старъ и толстъ, я каждую минуту готовъ отдать мою жизнь за тебя и за твое семейство“.—„Любезный Иванъ,—скажетъ онъ мнѣ,—садись здѣсь возлѣ меня, выкури вотъ эту сигару; я очень радъ, что ты, наконецъ, собрался навѣстить меня. Я уже нѣсколько разъ приглашалъ тебя къ себѣ и посылалъ тебѣ поклонныя черезъ барновскаго окружнаго начальника“.—„Онъ никогда не передавалъ мнѣ этого,—отвѣчу я:—да и не мудрено—вѣдь онъ полякъ“.—„Охъ, ужъ эти мнѣ поляки!—скажетъ на это императоръ.—Безпрестанно досаждаютъ они мнѣ и хлопотъ съ ними не оберешься. Скажи-ка мнѣ лучше, все ли у васъ благополучно въ Бялѣ?“—„Все, слава Богу, императоръ,—скажу я;—а какъ твои дѣла?“—„Такъ себѣ,—отвѣтитъ императоръ, вздыхая.—Собственно въ моемъ семействѣ все хорошо—у меня милая, красивая жена и дѣти мои, благодаря Бога, также удались! Сынъ постоянно радуется мнѣ, старшую дочь я хорошо выдалъ замужь и съ Божіею помощію могъ дать ей хорошее приданое. Но вотъ что худо, въ моемъ государствѣ дѣла идутъ далеко не такъ удовлетворительно. То какая-нибудь неприятность съ чехами, то съ поляками, то съ венгерцами, потомъ вѣчныя хлопоты и заботы о деньгахъ, такъ какъ никто не платитъ исправно налоговъ. Только и порадуешься, когда получишь извѣстія изъ Бялы, гдѣ все идетъ какъ по маслу; но вѣдь это оттого, что ты, Иванъ, смотришь тамъ за порядкомъ. Я очень доволенъ тобою, ты усердно служишь мнѣ въ должности судьи; но все-таки мнѣ часто приходится въ голову: жаль, думаю, что Иванъ вышелъ въ отставку, еще будучи капраломъ. Еслибъ ты продолжалъ военную службу, то уже давно былъ бы

генераломъ и тогда объ войнѣ, которыя мнѣ пришлось вести, окончились бы иначе; ты ужь, конечно, лучше справился бы съ итальянцами и съ пруссаками, чѣмъ мои графы!“ — „Я уже и самъ иногда объ этомъ подумывалъ, — возражу я на это, — ну да вѣдь теперь этого не пережънишь“. — „Конечно! — скажетъ императоръ; — поговоримъ-ка лучше о чемъ нибудь повеселѣе“. Тогда онъ велитъ принести вина и скажетъ императрицѣ, чтобы она сварила намъ чего нибудь горяченькаго, и, такимъ образомъ, мы будемъ сидѣть вдвоемъ и проводить время въ пріятныхъ разговорахъ. Да почему же молодому императору и не обойтись со мною также дружелюбно, какъ обходился со мною его покойный дядюшка, императоръ Фердинандъ, когда я служилъ у него рядовымъ солдатомъ? Тотъ, бывало, призоветъ меня къ себѣ, велитъ „сварить кашу и сдѣлать зразы“, начнетъ угощать меня и самъ ѣсть со мною вмѣстѣ, потомъ велитъ подать вина и водки и начнетъ со мною болтать всякую всячину?!¹⁾ Наверное и молодой императоръ приметъ меня точно также, когда я приѣду въ Вѣну!“

Всѣ слушатели почтительно соглашались съ этимъ, кивая головой. Только одинъ изъ нихъ, Янко Симанчукъ, молодой, находящійся въ отпуску, солдатъ, простоявшій съ своимъ батальономъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Вѣнѣ, позволяетъ себѣ смѣлость скептически возразить на это: „Разумѣется, все будетъ такъ, какъ вы говорите, господинъ судья. Но почему вы знаете, что нашъ императоръ нѣсколько разъ приглашалъ васъ къ себѣ черезъ окружнаго начальника, который, будто бы, не передалъ вамъ этого приглашенія, потому что онъ родомъ полякъ?“

— Почему я это знаю? Ахъ, ты молокососъ! — гнѣвно возражаетъ Иванъ Мечега. — Потому что я вмѣстѣ съ медалью получилъ указъ! А въ немъ сказано, что императоръ посылаетъ мнѣ медаль, въ знакъ благодарности за мои услуги. У императора, разумѣется, память получше, чѣмъ у всякаго другаго человѣка, на то онъ и императоръ! И онъ, конечно, захочетъ видѣть человѣка, о которомъ онъ всегда съ благодарностью вспоминаетъ! Это, кажется, ясно какъ день! Эхъ ты, молокососъ! Ты, можетъ быть, полагаешь, что я таковой же хвастунъ, какъ Янко Чубко?

¹⁾ Какъ все это случилось, объ этомъ было говорено много въ моихъ прежнихъ „Культурныхъ очеркахъ Полу-Азіатскаго края“ (томъ II, стр. 235). Читатели, можетъ быть, подумаютъ, что Иванъ Мечега личность вымышленная; но я могу ихъ увѣрить, что онъ, действительно, существуетъ и занимаетъ должность сельскаго судьи.

Затѣмъ Иванъ предлагаетъ своимъ односельчанамъ купить портреты императора и императрицы.

— У меня уже давно есть эти портреты и хотя не всякій человекъ имѣетъ, какъ я, медаль, полученную вмѣстѣ съ указомъ, но всякій непременно долженъ повѣсить эти портреты у себя въ хатѣ, потому что всякій долженъ знать, кто надъ нимъ главный господинъ и обязанъ о немъ имѣть понятіе, хотя по портрету! А вонъ тотъ народъ — поляки, — продолжаетъ онъ, — такъ тѣ развѣшиваютъ у себя по стѣнамъ совсѣмъ другія картины, напримѣръ: портретъ Костюшеи и еще портретъ вотъ этой женщины. Потомъ становятся передъ ними и орутъ во все горло, поднимаютъ руки вверхъ и ворочаютъ бѣлками въ разныя стороны, точно пасторъ на каедрѣ. Потомъ начинаютъ выкликать: „Какъ Польша существовала прежде, такъ она продолжаетъ существовать и теперь въ нашихъ сердцахъ; Польша опять возстанетъ, когда наступятъ лучшія времена!“ Послѣ этого всѣ плачутъ и пьютъ вино, потомъ опять плачутъ и опять пьютъ еще больше вина, но вѣдь отъ этого, братцы мои, не наступятъ для поляковъ лучшія времена. При этомъ нужно замѣтить двѣ вещи: хорошіе, честные поляки говорятъ о подобныхъ вещахъ гораздо меньше, чѣмъ какіе нибудь оборванцы, а во вторыхъ, чѣмъ хуже дѣлается положеніе поляковъ, тѣмъ болѣе они разглагольствуютъ и принимаютъ гордый видъ. Ну точь въ точь тоже самое, что продолывала съ своимъ лицомъ жена нашего прежняго окружнаго судьи, господина Лозинскаго, котораго теперь, навѣрное, чортъ щиплетъ въ аду до красна-раскаленными щипцами. Когда эта женщина бывала чѣмъ нибудь разстроена, то лицо у ней всегда было румяное, а когда все шло хорошо, то она всегда бывала блѣдна. И это понятно: она румянилась всякій разъ, когда что нибудь разстроитъ ее. Такъ и поляки принимаютъ гордый видъ, когда имъ отчего нибудь приходится плохо. Но вѣдь это сейчасъ видно, какъ были замѣтны и румяны на лицѣ госпожи Лозинской.

Крестьяне опять бормочутъ одобрительныя слова. Иванъ самодовольно улыбается при этомъ, но вдругъ фізіономія его принимаетъ серьезное выраженіе: взглядъ его случайно упалъ на литографіи, гдѣ изображены полнобровныя дамы.

— Я понимаю многое, — говоритъ онъ глубокимысленнымъ тономъ, — иначе я не былъ бы капраломъ, не служилъ бы теперь сельскимъ судьей, но рѣшительно не могу понять, какъ это Богъ терпитъ на землѣ такихъ срамниковъ, которые рисуютъ

и покупають подобныя картинки! Еслибы еще это были живыя женщины—мало ли есть всякихъ глупостей на свѣтѣ! Но изображать ихъ въ такомъ видѣ!.. Всякій мужчина видѣлъ голыхъ женщинъ и знаетъ какъ онѣ сотворены, а кто не знаетъ, тотъ пусть подождетъ, когда придетъ на то время! Тьфу! Тьфу! Пойдемте отсюда, ребята!

И почтенный судья, съ своею свитой, быстро отворачивается отъ соблазнительныхъ картинокъ, направляясь къ третьему представителю искусства, расположившемуся тутъ же по близости.

Это „кобзарь“, слѣпой старикъ-пѣвецъ, котораго водить малолѣтній мальчишка то съ одного базара на другой, то изъ села въ село и гдѣ онъ поетъ народу свои пѣсни, полныя своеобразной мелодіи. Его называютъ такъ потому, что онъ играетъ на маленькомъ, плоскомъ инструментѣ, въ родѣ лиры, называемомъ „кобза“, которую онъ носитъ на перевязи черезъ плечо и на которой себѣ акомпанируетъ. Содержаніе его пѣсень напоминаетъ пѣсни Гомера и его послѣдователей, пѣтыя ими эллинамъ: онъ прославляетъ геройскіе подвиги давно умершихъ героевъ, облекая все это въ простую, но поэтическую форму. Смѣшной и вмѣстѣ грустный контрастъ представляютъ между собою эти пѣсни и исполняющій ихъ пѣвецъ—слѣпой нищій, передающій, въ восторженномъ ритмѣ, отважные подвиги болѣе счастливыхъ предковъ бѣднымъ закрѣпощеннымъ крестьянамъ, которые въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій несли тяжелое ярмо рабства и даже въ настоящее время гнутъ свои спины подъ плетью польскихъ помещиковъ.

Гей! Чей кличъ раздается по степи?!
 Это гетманъ Гамагъа зоветъ:
 Вы соколы, храбрые соколы,
 Куда летѣть хотите вы сегодня?!
 Въ Скутари, на байдаркахъ,
 Спустимся мы внизъ по Днѣпру,
 А потомъ дальше, въ синее море,
 Чтобъ жирный турокъ содрогнулся.
 Или, можетъ, вы хотите идти въ Лембергъ,
 Гдѣ засѣлъ трусливый ляхъ
 За своими бѣлыми стѣнами,
 Прачась отъ смѣлыхъ сыновъ степей?!
 Или хотите вы, запорожцы,
 Опять устремиться на сѣверъ,
 Гдѣ мы ра блия толстоносыхъ,
 Отнявши у нихъ добычу?!...

Я не привожу здѣсь другихъ, подобнаго рода, пѣсень. Но у того, кто выросъ посреди этого народа, навсегда остаются

въ памяти нѣкоторыя изъ нихъ, какъ у меня сохранилась въ памяти пѣсня о гетманѣ Гамалѣѣ, и я привожу ее здѣсь въ самомъ близкомъ, подстрочномъ, переводѣ. Это своего рода поэма, историческій, фактически вѣрный документъ былаго времени, такъ какъ, въ періодъ существованія этого гетмана, русины еще во множествѣ уходили въ Запорожье, эту воинственную патріархальную республику, дѣлавшую, когда ей вздумается, опустошительныя набѣги на своихъ сосѣдей, подъ предводительствомъ избраннаго изъ среды себя гетмана. Гамалѣя дѣйствительно былъ на столько силенъ, что могъ предлагать запорожцамъ на выборъ: хотять-ли они спуститься „въ байдаркахъ“ (лодкахъ) внизъ по Днѣпру для устрашенія турокъ, или идти противъ „ляковъ“, которые, послѣ многихъ кровопролитныхъ битвъ, засѣли и укрѣпились въ Лембергѣ, или, наконецъ, отправиться сражаться „съ толстоносыми“ (русскими). Въ настоящее время русины одинъ изъ самыхъ несчастныхъ, самыхъ угнетенныхъ народовъ на всемъ земномъ шарѣ. Всякое покушеніе возбудить прежнюю силу духа въ этой, когда-то самостоятельной, народности, безжалостно попирается, и кто-же такъ дерзко поднималъ на нихъ свою руку? Не фанативъ-магометанинъ, нѣтъ! а свое родственное, славянское, племя.

И грустно, и смѣшно вмѣстѣ съ тѣмъ, повторяю я, взглянуть на этого пѣвца и наблюдать за собравшеюся вокругъ него публикой. Крестьяне съ какимъ-то благоговѣніемъ слушаютъ его, и не одинъ крейцеръ перепадетъ тогда въ шанку слѣпаго нищаго. Физиономіи слушателей при этомъ постепенно измѣняются: то вздрогнетъ одинъ мускулъ, то искривится какая-нибудь черта на этихъ, до сихъ поръ какъ бы отупѣвшихъ, лицахъ, то сверкнутъ глаза необычнымъ блескомъ, и, наконецъ, всѣ начинаютъ подпѣвать вполголоса. Взгляните пожалуйста теперь на отпусканаго солдата, Янко Симанчука. Обыкновенно его почти нельзя отличить отъ всѣхъ прочихъ крестьянскихъ парней-русиновъ; лицо его не болѣе осмысленно и не болѣе оживлено, чѣмъ у нихъ. Но какъ только онъ принимается вмѣстѣ съ другими подпѣвать старинной, народной, боевой пѣснѣ, то на его молодомъ лицѣ появляется особенное, невиданное до сихъ поръ, выраженіе, такъ что, глядя на него, становится понятнымъ, почему воинственные сыны народовъ носятъ въ пѣснѣ названіе соколовъ...

Но старикъ-пѣвецъ скоро утомляется, и не успѣлъ онъ смолкнуть, какъ изъ сердецъ слушателей моментально изглаживается произведенное имъ впечатлѣніе. Отпускной солдатъ Янко сталъ

опять прежнимъ крестьяниномъ-вахлакомъ, какъ и прочіе; черты пожилыхъ крестьянъ снова принимаютъ свое прежнее тупое, нѣсколько грустное, выраженіе, а Иванъ Мечега, какъ будто пробужденный отъ сна, произноситъ со вздохомъ: „Все это давно прошедшія времена, когда и понятія не имѣли о жандармахъ!... А теперь, мы — мирные граждане, мы ничего болѣе не хотимъ, какъ чтобы насъ оставили въ покоѣ. Ну, старикъ, будетъ тебѣ пѣть про прежнія кровавыя битвы, пой намъ чтонибудь веселенькое“!

„Кобзарь“ знаетъ также и такія пѣсни; въ его репертуарѣ находятся не однѣ только историческія „Думы“, но также и „Думки“, небольшія любовныя пѣсни, и еще „Чумки“, т. е. шуточные или даже несовсѣмъ пристойныя пѣсни. Когда старикъ поетъ „Думы“, то имѣетъ почтенный, трогательный видъ, но онъ производитъ въ высшей степени комическое и притомъ крайне тяжелое впечатлѣніе, когда его беззубый ротъ поетъ слѣдующее:

На горахъ зеленѣетъ сосна,
 А въ долинѣ бухъ,
 За горами живетъ моя милая
 И къ ней рвется мое сердце.
 Еслибъ я могъ найти
 Такого волшебника,
 То попросилъ бы его уничтожить горы
 И срубить всѣ сосны!

Или еще другую пѣсню:

Наша любовь началась когда зацвѣли розы,
 Но она окончилась убійствомъ;
 Наша любовь началась сладкимъ опьяненіемъ,
 А кончилась отравой.
 Потому что вино отравило очарованіе,
 А проклятіе заставило розы поблекнуть.
 Го—го! Ты моя возлюбленная!
 Увы, увь! Моя красавица!
 Го—го! Увы! Увы!

„Кобзарь“ умѣетъ пѣть также и „Чумки“, пѣсни, исполненныя самой пылкой чувственности, но притомъ въ самой простой и даже наивной формѣ. Такъ какъ я не предполагаю въ моихъ читателяхъ, далеко не столь наивныхъ, какъ, напримѣръ, Иванъ Мечега, желанія ихъ слышать, то я считаю совершенно излишнимъ представлять имъ подобнаго рода обращеніе. Въ этихъ пѣсняхъ трудно опредѣлять границы, гдѣ поется соб-

ственно пѣсня и гдѣ пѣвецъ начинаетъ импровизировать, потому что у руссиновъ всякій самъ сочиняетъ пѣсню и поетъ что ему вздумается; народная пѣсня не представляется тамъ чѣмъ-то мертвымъ, неимѣющимъ связи съ настоящимъ жизнію; она развивается, растетъ и процвѣтаетъ; подобно тому, какъ на равнинахъ Восточной Галиціи и на степяхъ Украйны каждую весну разцвѣтаетъ безчисленное множество цвѣтовъ; также точно съ каждымъ годомъ прибавляются у руссиновъ все новыя пѣсни. Въ этихъ пѣсняхъ описывается не только любовь и весна, но даже разныя происшествія обыденной жизни. Такъ, напримѣръ, „Кобзарь“ поетъ:

Куда потащили они бѣднаго Василья?
 Въ Тарнополь увезли его!
 А что они тамъ съ нимъ сдѣлали — съ бѣднымъ Васильемъ?
 Коротко остригли ему волосы!
 А что еще они сдѣлали съ нимъ — съ бѣднымъ Васильемъ?
 Они надѣли на него бѣлый мундиръ!
 А что же ему дали, бѣдному Василью?
 Ему дали солдатскую фуражку и ружье въ руки!
 А куда еще потомъ потащили бѣднаго Василья?
 Въ Италію потащили его!
 А что будетъ онъ тамъ дѣлать, — бѣдный Василья?
 Онъ будетъ ѣсть рисовую кашу!
 А что еще заставить дѣлать бѣднаго Василья?
 Отставать эту землю для императора!
 А отчего же онъ не возвращается назадъ — бѣдный Василья?
 Оттого, что пуля попала ему прямо въ сердце!

При этомъ Иванъ Мечеха сердито качаетъ головой. „Кто долженъ служить императору, того жалѣть нечего. Конечно, не всякій можетъ дослужиться до званія капрала, но солдатское ремесло — почтенное ремесло и всякаго, кто умретъ честною смертію солдата, не жалѣть надо, а завидовать ему! Ну, старый хрычъ, ты у меня не смѣй больше пѣть такихъ пѣсень!“

„Кобзарь“ совершенно уничтоженъ, потому что Иванъ — одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ и важныхъ людей въ этомъ краѣ. „Многимъ нравятся такія пѣсни —“ бормочетъ старикъ, въ видѣ извиненія, и потомъ съ послѣдностію добавляетъ: — „вотъ я сейчасъ спою другую, которая вамъ навѣрно понравится!“

Плотъ и кровь
 Есть также и у бѣднаго крестьянина;
 Въ немъ также бьется сердце и есть живая душа.
 Плотъ и кровь!

Полякъ, примѣчай!
 Если-жъ ты это забудешь,
 То тебя заклюють вороны.
 Полякъ, примѣчай!

Внутренній голосъ, подсказавшій старику эту пѣсню, не обмануль его: она понравилась Ивану, который награждаетъ его за то серебряною монетою въ десять крейцеровъ, потому что судья изъ Бялы считаетъ своею обязанностію покровительствовать искусству.

Но мы уже такъ увлеклись представителями свободныхъ искусствъ „на барновской ярмаркѣ“, что совсѣмъ позабыли о прочихъ дѣловыхъ людяхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОСЛѢДНЯЯ СЕРЕНАДА.

(НА МОТИВЪ ИЗЪ УЛАНДА).

Жаромъ пылаетъ и мечется дѣвочка
Въ грудной со смертью борьбѣ;
Ходить за ней, словно тѣнь истомленная
Мать, позабывъ о себѣ.

*
**

— Мама, послушай, какіе прелестные
Звуки... откуда они?..
— Нѣтъ, я не слышу... тебѣ это грезится—
Лучше, мой ангель, усни..

*
**

— Да, это пѣнье... оно приближается!..
Это не грезы, о нѣтъ!..
— Бѣдная дочка! къ тебѣ возвращается
Твой лихорадочный бредъ.

*
**

Мама... поютъ... какъ прекрасно, голубушка,
Звуками выйти манять.
— Богъ съ тобой, дитяtko... ночью глубокою
Въ городѣ вѣрнѣко всѣ спать.

*
**

— Мамочка!.. тучка плыветъ серебряная!..
Я полечу вмѣстѣ съ ней
Къ Богу, навверхъ... это пѣніе ангеловъ
Будетъ на небѣ слышнѣй!..

*
**

Мама, прощай... И съ улыбкою дѣвочка
Вѣчнымъ забылася сномъ,
И зарыдала слезами горячими
Мать о ребенкѣ своемъ.

Александръ Арсеньевъ.

ВНѢШНЯЯ ТОРГОВЛЯ РОССИИ ВЪ 1876 ГОДУ, СЪ СРАВНИТЕЛЬНЫМЪ ОВЗОРОМЪ ЭТОЙ ТОГОВЛИ ЗА 20 ЛѢТЪ.

Никто не скажетъ, что экономическія знанія бесполезны; точно также никто не скажетъ, чтобы этими знаніями мы обладали въ мѣрѣ, достаточной для серьезнаго ихъ обсуждения. Мы охотно интересуемся всѣми политическими, а въ особенности военными событіями, но, къ прискорбію, рѣдко, рѣдко гдѣ услышишь разговоръ о государственной экономіи, сопровождаемый знаніемъ того, о чемъ ведешь рѣчь. Такое явленіе неутѣшительно. Намъ слѣдуетъ стараться измѣнить его и болѣе знакомиться съ наукою экономическою и пожалуй съ экономическо-политическою, чѣмъ съ военною. Для насъ должно быть ясно, что результатъ экономическаго знанія есть благосостояніе, а результатъ войны — разореніе. Въ виду этого нелишне, отъ времени до времени, предлагать нашей читающей публикѣ данныя, касающіяся экономической науки. Къ таковымъ даннымъ, какъ наиболѣе полезнымъ, должны быть причислены свѣдѣнія о результатѣ нашей внѣшней торговли. Эти то свѣдѣнія я и счелъ полезнымъ изложить здѣсь въ краткомъ, но, по возможности, ясномъ видѣ. Для этого беру книгу „Обзоръ Внѣшней Торговли за 1876 годъ“, изданную департаментомъ таможенныхъ сборовъ. Свѣдѣнія за 1877 годъ хотя уже и обнародованы, но изъ нихъ нельзя сдѣлать никакихъ правильныхъ выводовъ, потому что обычное движеніе торговли было нарушено войною съ Турціею. Въ дополненіе къ нимъ будутъ иногда прилагаться извлеченія и изъ другихъ источниковъ, какъ официальныхъ, такъ и частныхъ, перечислять которые считаю излишнимъ.

I.

Привозъ и вывозъ товаровъ въ 1876 году.

	Привозъ. Рубл.	Вывозъ. Рубл.	Привезено болѣе.	Вывезено болѣе.	%
По Европейской границѣ	442.789,080	379.257,762	63.531,318	—	16
„ Финляндской „	10.328,104	12.027,782	—	1.699,678	16
„ Азиатской „	21.464,377	9.414,905	15.049,472	—	160
Итого . .	477.581,561	400.700,449	76.881,112	—	14

II.

Привозъ и вывозъ драгоценныхъ металловъ.

	Привозъ. Рубл.	Вывозъ. Рубл.	Привезено болѣе.	Вывезено болѣе.
По Европейской границѣ (со включеніемъ Финляндіи)	4.645,595	101.896,238	—	97.250,643
„ Азиатской границѣ	779,799	1.357,927	—	578,130
Итого	5.425,394	103.254,167	—	97.828,773

Изъ этихъ табличекъ видно, что мы ведемъ торговлю по тремъ границамъ: по Европейской, по Азиатской, и съ Финляндіей, какъ бы съ отдѣльнымъ государствомъ. И дѣйствительно, Финляндія, хотя уже 70 лѣтъ присоединена къ Россіи, но стоитъ отъ нея особнякомъ. У этого княжества свои законы, свой сеймъ, свое правленіе и свои деньги. Если чѣмъ и близка Финляндія Россіи, такъ это тѣмъ, что Россія ежегодно жертвуетъ въ пользу ея слишкомъ по два милліона рублей.

По Европейской границѣ торговля производится чрезъ 124 таможенные пункта, по Азиатской—чрезъ 24 пункта.

Вся таможенная линія, отдѣляющая Россію отъ другихъ государствъ, имѣетъ протяженіе болѣе 11,000 верстъ.

Европа доставила намъ товаръ на 63 милліона болѣе, чѣмъ отъ насъ вывезла; золота же на 97 милліоновъ вывезла болѣе, чѣмъ къ намъ ввезла.

Даже Азія ввезла товаровъ къ намъ на 15 милліоновъ болѣе, чѣмъ вывезла; золотомъ же попользовалась немного, на сумму 578,000 р.

Одна Финляндія оказалась нашею покупательницею на 1,7 милліона, какъ бы въ вознагражденіе за нашу двухмилліонную ежегодную для нея жертву.

III.

Привозъ главнѣйшихъ товаровъ въ 1876 году.

	По Европейской границѣ.	Изъ Финлян- дк.	По Азиатской границѣ.
ТОВАРОВЪ БЕЗПОШЛИННЫХЪ:			
Овощей свѣжихъ и пр.	Руб. 1.218,576	—	7,567
Извести и цемента	” 2.127,626	—	29,370
Угля каменнаго и кокса	” 12.446,692	—	15,159
	Пуд. (88.189,206)	—	(48,555)
Живыхъ растений и семянъ	Руб. 2.041,250	—	26,370
Хлопка	” 38.948,705	—	633,252
	Пуд. (4.538,879)	—	(169,103)
Кожи невыдѣланныхъ	Руб. 1.928,885	—	67,343
Земледѣльческихъ орудій	” 1.628,064	—	9,799
Машины для обработки вологни- стыхъ веществъ	” 5.621,827	—	—
Книгъ, нотъ, картъ и пр.	” 3.930,019	—	14,649
Разныхъ товаровъ	” 10.960,770	—	747,102
Итого беспошлинно	Руб. 80.842,985	—	1.550,611

**ТОВАРОВЪ ОВЛОЖЕННЫХЪ
ПОШЛИНОЙ:****а) Жизненныхъ припасовъ:**

Риса и другихъ хлѣбовъ	Руб. 1.733,070	181,552	455,737
Соли	” 8.351,584	—	170
	Пуд. (17.279,925)	—	(696)
Овощей и фруктовъ	Руб. 12.367,688	1,430	1.388,955
Сыру	” 1.026,311	23,560	9,713
Рыбы	” 5.571,519	462,081	474,625
Косе	” 5.617,074	—	39,607
	Пуд. (500,589)	—	(3,310)
Сахара сырца и рафинада	Руб. 1.539,588	—	221,675
	Пуд. (494,158)	—	(26,609)
Табакъ	Руб. 18.872,265	—	528,701
Чая	” 39.375,558	—	13.596,451
	Пуд. (942,976)	—	(774,054) *)
Нашпатовъ	Руб. 19.272,970	—	152,861
Разныхъ товаровъ	” 4.878,381	2.018,234	683,843
Итого жизненныхъ припасовъ	Руб. 118.606,003	2,686,857	16.965,938

*) Въ этомъ числѣ 510,071 пудъ кирпичнаго.

б) Сырыхъ и полуобра-

ботанныхъ матеріаловъ:

	По Европейской границѣ.	Изъ Фиклин- дк.	По Азиатской границѣ.
Кожа выдѣланныхъ Руб.	3.505,831	162,100	184,284
Мягкой рухляди "	4.219,747	—	405,617
Шелка "	7.955,855	—	279,853
Бумажной пряжи Руб.	14.472,678	52,105	47,265
	Пуд. (330,594)	—	(5,724)
Металловъ не въ дѣлѣ Руб.	28.384,745	1.532,666	70,910
Рельсовъ желѣзныхъ и стальн. "	20.961,418	—	3,940
	Пуд. (11.670,496)	—	(2,949)
Масла летучаго для освѣщенія. Руб.	9.157,934	—	10,589
	Пуд. (2,662,486)	—	(3,117)
Красокъ Руб.	13.811,675	36,075	157,518
Химическихъ матеріаловъ "	6.499,538	—	37,174
Масла деревяннаго "	11.449,931	—	25,101
	Пуд. (1.645,809)	—	(4,623)
Разныхъ товаровъ Руб.	8.453,817	1.318,658	200,242
Итого сырыхъ и полуобра- ботанныхъ матеріаловъ Руб.	141.561,575	3.101,604	1.437,456

в) Издѣлій фабричныхъ,
заводскихъ и ремесленныхъ:

	Рублей.	Рублей.	Рублей.
Фабричныхъ и сараторовыхъ	1.001,314	65,000	25,493
Стекланныхъ	3.179,422	181,769	51,558
Металлическихъ	26.924,518	546,305	98,378
Машинъ и аппаратовъ	19.904,927	84,540	60,039
Столярныхъ издѣлій	1.831,573	—	47,008
Льняныхъ и пеньковыхъ	5.388,958	163,188	86,603
Шелковыхъ	4.579,434	—	321,530
Перестяжныхъ	12.635,560	36,350	552,831
Хлопчатобумажныхъ	5.184,138	1.852,420	2.622,837
Тюля и кружевъ	1.343,697	—	—
Платя сшитаго	1.897,473	22,840	58,260
Инструментовъ музыкальныхъ	1.290,349	—	16,809
Часоваго товара	3.069,223	—	24,896
Вагоновъ	1.099,000	—	—
Гипса, мрамора и т. п.	1.059,072	41,772	5,126
Писчебумажныхъ товаровъ	2.412,385	579,237	50,769
Божаныхъ издѣлій	1.134,441	8,850	63,757
Разныхъ товаровъ	7.842,403	1.156,372	424,478

Итого фабричныхъ и заводскихъ

издѣлій Руб.	101.778,517	4.538,643	4.510,372
Всего же въ привозѣ Руб.	442.789,080	10.328,104	24.464,377

Изъ этихъ данныхъ обращаютъ на себя особенное вниманіе слѣдующіе предметы.

Металлы не въ дѣлѣ и въ дѣлѣ со включеніемъ машинъ. Ихъ привезено на огромную сумму, доходящую до 101.602,027 р., кромѣ драгоцѣнныхъ металловъ.

Между тѣмъ, своихъ желѣзныхъ рудъ у насъ столь много, что такой массы не найдется во всей западной Европѣ. Много ихъ на Уралѣ, но еще болѣе на югѣ Россіи, въ Екатеринославской и въ сѣверной части Таврической губерніи. Тамъ, какъ заявилъ г. Заринъ въ московскомъ техническомъ обществѣ, есть гора „Корсакъ“, состоящая, почти вполнѣ, изъ магнитнаго желѣза, и еще „Кривой Рогъ“, „который заключаетъ въ себѣ столько желѣза, сколько не имѣютъ всѣ извѣстные рудники всей Европы и Россіи въ совокупности“.

Но, къ сожалѣнію, это богатство—въ землѣ, добыть его и конкурировать имъ съ желѣзомъ иностраннымъ наши заводчики не въ состояніи. Иностранное желѣзо приходитъ на многіе наши рынки дешевле нашего.

Причинъ этому нѣсколько, но я укажу только на двѣ.

Первая—это дешевизна провоза иностраннаго товара. Фрахтъ желѣза изъ Гулля до Петербурга стоитъ отъ 3 р. 60 к. до 3 р. 84 к. съ тонны (стр. 996). Это выйдетъ отъ 6 до 6¼ к. съ пуда, тогда какъ провозъ русскаго желѣза съ Урала до того же пункта будетъ стоить не менѣе 45 к.

Вторая причина—дешевѣйшая выработка этого металла за границей.

По заявленію экспертовъ въ бывшей тарифной комисіи 1868 г., выдѣлка желѣза въ Англіи стоитъ дешевле нашего, а именно: болванки на 25, а котельнаго на 90 к. въ пудѣ¹⁾.

И выходитъ, что наше желѣзо стоитъ въ Петербургѣ дороже иностраннаго: болванка на 64, а котельное на 1 р. 29 к.

Но изъ этихъ цифръ слѣдуетъ вычесть пошлину, переносимую иностраннымъ желѣзомъ. Эта пошлина слѣдующаго размѣра: на болванку 35, на котельное 50 к.

За исключеніемъ этихъ цифръ, невыгода нашихъ производителей нѣсколько уменьшится, но всетаки остается довольно чувствительною. Болванка привозная будетъ стоить дешевле русскихъ произведеній на 29, а котельное на 79 к. въ пудѣ.

Такая льгота даетъ возможность иностраннымъ производителямъ увеличивать привозъ къ намъ своихъ произведеній и тормозить производство русскихъ заводчиковъ. Если мы возьмемъ

¹⁾ См. „Труды комисіи для пересмотра тарифа 1876 г.“, ч. 2.—„Докладъ экспертной комисіи о желѣзѣ“, стр. 10.

хотя небольшой периодъ и взглянемъ на цифры привоза только одного желѣза и издѣлій изъ него, со включеніемъ рельсовъ и машинъ, и въ рядъ съ привозомъ поставимъ цифры выдѣлки русскаго желѣза, то увидимъ, что привозъ въ значительнѣйшей мѣрѣ увеличивается сравнительно съ выдѣлкою.

	Привозъ же-	Увеличе-	Выдѣлка же-	Увеличе-
	лѣза.		лѣза.	
	Рубл.	нѣ въ %.	Пуды.	нѣ въ %.
1864 годъ . . .	15.620,609	—	11.428,641	—
1866 „ . . .	23.977,837	53	12.541,334	9
1869 „ . . .	61.902,932	158	14.446,411	15
1872 „ . . .	65.177,466	5	15.248,948	5
1876 „ . . .	87.465,412	25	16.773,842 ¹⁾	10
	Средній процентъ	60 ¹ / ₄	Средній процентъ	9 ³ / ₄

Такое увеличеніе привоза въ 6 разъ быстрѣе, чѣмъ выдѣлка, наводитъ на невеселыя размышленія; не менѣе прискорбенъ и тотъ фактъ, что, не смотря на постоянно увеличивавшійся привозъ къ намъ металловъ и издѣлій изъ оныхъ ²⁾, тарифная комисія 1868 года сочла нужнымъ еще понизить пошлины на эти товары. Она постановила слѣдующій размѣръ:

На желѣзо полосовое и проч. 35 к., вмѣсто существовавшей въ 38¹/₂ и 49¹/₂ к. съ пуда.

На желѣзо котельное 50 к., вмѣсто 77 к.

На рельсы 20 к., вмѣсто 38¹/₂ и 49¹/₂ к.

Вслѣдствіе такого пониженія привозъ 1869 года вдругъ поднялся на 158⁰/₁₀, какъ значится въ табличкѣ, и продолжаетъ увеличиваться.

Между тѣмъ, для усиленія своего производства у насъ есть всѣ задатки. Не говоря о неисчислимомъ количествѣ руды, находящейся въ разныхъ мѣстностяхъ нашего отечества, мы, при надлежащихъ заботахъ, можемъ имѣть и неисчислимыя массы минеральнаго топлива. По заявленію, въ упомянутомъ мною техническомъ обществѣ, г. Зарина, глубокаго знатока металлическаго дѣла, у насъ на югѣ, вмѣстѣ съ богатствомъ руды,

¹⁾ Не имѣя свидѣній за этотъ годъ, я поставилъ цѣну выработки гадательно, прибавивъ къ предшествовавшей цѣнѣ 10%.

2) Привозъ увеличивался въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Въ 1857 году было привезено	13.877,000 пуд.
„ 1858 „ „ „	14.681,000 „
„ 1865 „ „ „	20.825,000 „
„ 1866 „ „ „	29.644,000 „
„ 1867 „ „ „	51.252,000 „

находится богатство и горючаго матеріала. „Югъ“,—говорить г. Заринъ,—„изобилуетъ прекраснымъ антрацитомъ и каменнымъ углемъ, способными коксироваться,—такимъ топливомъ, какое именно и нужно для желѣзной и сталелѣвательной промышленности“.

Тоже, что сказано о желѣзѣ, относится и къ чугуну.

Этого металла привезено къ намъ слишкомъ 3.000,000 пуд. и онъ смѣло состязается съ нашимъ на нашихъ же рынкахъ, не смотря на то, что товаръ дешевый и что такового у насъ своего въ изобиліи.

Этому способствуетъ: дешевизна его въ Англіи, гдѣ заводская стоимость ему 23 к., а въ Россіи 36 к. пудъ ¹⁾, дешевизна морскаго провоза сравнительно съ провозомъ по нашимъ путямъ сообщенія и беззащитность нашего чугуна отъ конкуренціи охранительными пошлинами, если не считать охрану въ 1 $\frac{1}{4}$ к. на пудъ.

Въ сущности пошлина на провозной чугунъ 5 к., и эти пять копѣекъ могли бы служить нѣкоторою охраной нашему металлу; но въ то же время и нашъ чугунъ подвергнуть горной подати въ размѣрѣ 3 $\frac{3}{4}$ к. ²⁾, такимъ образомъ охрана остается столь ничтожною (1 $\frac{1}{4}$ к.), что не только не имѣетъ никакого значенія въ смыслѣ охраны, но не имѣетъ значенія даже и въ смыслѣ фискальнаго дохода.

Въ такомъ же, если не въ безвыгоднѣйшемъ положеніи находится и нашъ свинець.

Этотъ металлъ добывается частью изъ серебро-свинцовыхъ рудъ и изъ рудъ чисто свинцовыхъ. При этомъ онъ подвергается горной подати. По заявленію г. Попова въ тарифной комисіи 1868 г., онъ платитъ этой подати 45 к. съ пуда ³⁾, между тѣмъ пошлина на привозный свинець только 5 к.

Кромѣ того, тяжелымъ бременемъ ложится на нашъ металлъ дороговизна провоза изъ мѣстъ его добыванія, находящихся на окраинахъ Россіи и даже въ киргизскихъ степяхъ; провозъ же иностраннаго, привозимаго преимущественно изъ Англіи, не превышаетъ 6 к. съ пуда до Петербурга. Эти невыгоды для русскихъ производителей и выгоды для иностранныхъ даютъ воз-

¹⁾ См. „Донладъ экспертной комисіи, бывшей при тарифной комисіи, о пошлинахъ на чугунъ“, стр. 4.

²⁾ Тамъ же, стр. 2.

³⁾ См. „Труды комисіи“, ч. 1, стр. 273.

возможность послѣднимъ постоянно усиливать привозъ къ намъ своего произведенія и убить наповаль наше производство.

Чтобы удостовѣриться въ этомъ, стоитъ только взглянуть на цифры привоза иностраннаго и цифры добыванія отечественнаго свинца. Вотъ эти цифры:

	Привозъ свинца.	Добыча свинца.
1865 годъ . .	272,000 пуд.	99,736 пуд.
1866 " . .	500,772 "	104,430 "
1869 " . .	755,269 "	65,092 "
1872 " . .	631,821 "	74,663 "
1874 " . .	1.018,927 "	81,150 "
1875 " . .	958,968 "	60,060 "
1876 " . .	1.354,229 "	? ¹⁾ "

Почти тоже происходитъ съ нашею мѣдью. Главное производство мѣди находится въ Уральской горной области, затѣмъ въ Кавказскомъ краѣ и въ киргизской степи Западной Сибири.

Вслѣдствіе такой отдаленности ея добыванія отъ мѣстъ сбыта, провозъ оказывается тяжелымъ бременемъ для производителей. Изъ киргизской степи до Петербурга стоимость провоза доходить до 2 р., изъ другихъ заводовъ и въ другіе ближайшіе пункты — отъ 1 р. до 30 к. Провозъ же иностранной мѣди изъ Англии до Петербурга обходится въ 6 и 7 к. съ пуда (стр. 992 „Обзора Внѣшн. Торг.“).

Кромѣ того, русская мѣдь подлежитъ горной подати. Эта подать имѣетъ два разряда—въ 10⁰/₁₀ и въ 15⁰/₁₀ натурою. Опредѣливъ цѣну мѣди въ 12 р., получится цифра горной подати отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 80 к., средняя цифра 1 р. 50 к. съ пуда ²⁾.

Пошлина же на иностранную мѣдь установлена въ 60 к. съ пуда.

При такихъ льготахъ для иностранныхъ заводчиковъ производимая ими мѣдь находитъ возможнымъ поступать на наши рынки въ постоянно увеличивающемся размѣрѣ въ подрывъ русскимъ производителямъ. Цифра провоза и добычи этого металла показываетъ намъ слѣдующее:

¹⁾ Въ сожалѣнію свидѣній за послѣдній годъ о добычѣ металловъ подъ рукою не имѣю. До сего я пользовался «Ежегодникомъ Министерства Финансовъ», но этотъ интересный журналъ почему-то не помѣстилъ въ послѣднихъ двухъ выпускахъ, VII и VIII, отдѣла свидѣній «о горномъ производствѣ».

²⁾ „Докладъ экспертной комисіи о мѣди“, стр. 10.

	Привозъ мѣд.	Добыча мѣд.
1857 годъ	? пуд.	337,979 пуд.
1862 „	27,124 „	278,616 „
1866 „	66,340 „	269,652 „
1867 „	147,991 „	258,869 „
1872 „	200,672 „	227,275 „
1874 „	377,339 „	199,577 „
1875 „	379,979 „	192,614 „
1876 „	357,644 „	?

Эти цифры говорятъ сами за себя, къ нимъ прибавлять нечего. Прибавить развѣ только каламбуръ, сказанный однимъ зауряднымъ острякомъ, что мы бережемъ мѣдь въ нѣдрахъ земли на случай нашихъ большихъ завоеваній. „Тогда она пригодится намъ на пушки—бить непокоряющихся, и на колокола—звонить о побѣдахъ“.

Огромный привозъ къ намъ рельсовъ тоже имѣетъ свою интересную сторону.

Никто не можетъ сказать, что рельсы намъ не нужны; но всякій пожелаетъ, чтобы они выдѣлывались въ Россіи. А то страннымъ кажется, что мы, считающіеся народомъ европейскимъ, цивилизованнымъ, обладающимъ несмѣтнымъ количествомъ нужнаго матеріала, не можемъ производить у себя такое немудреное издѣліе, какъ рельсы! Странный фактъ, что наша уральская дорога потребовала на свое устройство 2.000,000 пуд. заграничныхъ рельсовъ и только 1.000,000 отечественныхъ!

Не менѣе интересно знать, что рельсы обложены пошлиною ниже, чѣмъ сырой матеріалъ—жельзо.

Привозная пошлина:

На рельсы желѣзные 20 к.
 „ жельзо 35 и 50 к.
 „ рельсы изъ бессемерової стали 45 к.
 „ „ „ литой стали (которыхъ привезено только 362,778 пуд., и то 359,647 пуд. беспошлинно) 1 р. 35 к.
 На сталь 80 к. съ пуда.

Вотъ количество привоза къ намъ рельсовъ за 7 лѣтъ:

Года.	Желѣзныхъ	Пуд.	Рубл.
1870	Желѣзныхъ	13.939,401	13.939,401
1871	„	6.981,786	6.981,787 ¹⁾

¹⁾ Съ 1865 до 1872 года въ таможенномъ вѣдомствѣ была пресловутая порядокъ: оцѣнка товаровъ сдѣлана была раньше, и по этой оцѣнкѣ, уже постоянно, записывались товары, хотя бы цѣны ихъ значительно измѣнялись. Рельсы были оцѣнены по 1 р. и потому сумма рублей съ количествомъ пудовъ вышла одинаковая.

Годъ.		Пуды.	Рубл.
1872	Желѣзныхъ . . .	6.002,167	7.285,541
1873	„ . . .	7.119,175	9.528,360
—	Стальныхъ . . .	1.951,192	5.364,620
	Итого въ годъ . . .	9.070,367	14.892,980
1874	Желѣзныхъ . . .	5.224,596	5.803,310
—	Стальныхъ . . .	5.686,887	15.262,446
	Итого въ годъ . . .	10.911,483	21.065,756
1875	Желѣзныхъ . . .	3.458,051	3.976,700
—	Стальныхъ . . .	6.945,039	15.621,350
	Итого въ годъ . . .	10.403,090	19.598,050
1876	Желѣзныхъ . . .	1.631,899	1.981,654
—	Стальныхъ . . .	10.038,597	18.979,764
	Итого въ годъ . . .	11.670,496	20.961,418

Кромѣ интереса о количествѣ привоза, эта табличка имѣеть другой интересъ. Она показываетъ намъ, что рельсы изъ бессемерової стали вытѣсняють рельсы желѣзные, хотя послѣдніе вдвое дешевле.

Привозъ машинъ и аппаратовъ.

По привозу, машины раздѣляются на три разряда:

1-й разрядъ—машины съ мѣдными частями, и отдѣльно мѣдныя части, обложены пошлиной въ 75 к. съ пуда.

2-й разрядъ — безъ мѣдныхъ частей, обложены 30 к. съ пуда.

3-й разрядъ—привозится беспошлинно.

Но такъ какъ заводчики имѣють возможность отдѣлять мѣдныя части и отъ лучшихъ машинъ, то и эти идутъ по низшей пошлинѣ—въ 30 к.

Поэтому и машины, подобно рельсамъ, обложены пошлиною низшей, чѣмъ желѣзо, обложенное пошлиною въ 35 и 50 к.

Но и эта тридцатикопѣечная пошлина значительно сокращается тѣмъ, что большая часть машинъ, подлежащихъ оплатѣ пошлиною, провозится, вслѣдствіе разныхъ льготъ, беспошлинно.

Взглянемъ на это болѣе внимательнымъ образомъ.

Въ 1876 году привезено къ намъ машинъ:

I. Безпошлинныхъ:

	Пуды.	Рубл.
а) Машинъ для обработки волокнистыхъ веществъ.	2.045,200	5.621,906
б) Сельско-хозяйственныхъ	407,016	1.628,064
в) Бердъ, аппаратовъ и проч.	181,880	745,483
Итого беспошлинно.	2.634,096	7.995,453

II. Обложенныхъ пошлиною:

	Пуды.	Рубл.
а) Въ 75 к. съ пуда	244,729	3.260,999
б) „ 30 „ „	2.266,315	18.643,928
Итого съ пошлиной.	2.511,044	19.904,927
Всего	5.145,140	27.900,380

Изъ числа подлежащихъ оплатѣ пошлиною часть машинъ, 378,217 пуд., прошла безъ пошлины. Поэтому съ пошлиною прошло только 2.132,827 пуд., т. е. меньше половины всего привоза.

Пошлины получено со всего привоза 693,609 р.

Раздѣливъ эту цифру на сумму привоза, увидимъ, что пошлина пала въ размѣрѣ $2\frac{1}{2}$ к. на рубль или 13 к. на пудъ. Пошлина — недостигающая цѣли даже фискальной, не только охранительной.

А между тѣмъ сколько было старанія купеческихъ депутатовъ въ тарифной комисіи о назначеніи пошлинъ на машины въ достаточномъ размѣрѣ для развитія у насъ машиннаго производства. Нужно сказать, что просили объ этомъ не механическіе заводчики, а фабриканты другихъ производствъ, это даже удивило г. предсѣдателя комисіи, замѣтившаго, что фабриканты просятъ во вредъ себѣ, но они не ошибались. Они были вполне увѣрены, что небольшая временная жертва вознаградитъ ихъ въ будущемъ.

Привозъ каменнаго угля и кокса дошелъ до 88.000,000 пуд., на сумму слишкомъ 12.000,000 р.; въ Россіи же добывалось въ 1870—1874 гг. среднимъ числомъ по 62.000,000 пуд., а въ 1875 г.—104.000,000 пуд.

Этотъ матеріалъ успѣшно конкурируетъ съ нашимъ въ западномъ краѣ Россіи и значительно препятствуетъ усиленію добычи угля русскаго. Нашъ уголь находится преимущественно въ южномъ краѣ, и доставка его въ западный край обходится значительно дорого; между тѣмъ привозный уголь, проходящій безошлинно и оплачивающій фрахтъ 3—4 к. съ пуда ¹⁾, продается дешево. Въ Ригѣ, напримѣръ, цѣна ему 75 р. за 12 тоннъ ²⁾, что составитъ не болѣе 10 к. за пудъ.

Привозъ соли. Въ данномъ году привезено ея слишкомъ 17.000,000 пуд., на сумму 8.000,000 р.; между тѣмъ какъ 10 лѣтъ назадъ, въ 1866 году, привезено было только

¹⁾ Стр. 1031 „Обзора“.

²⁾ Тамъ же, стр. 682.

7.524,000 пуд.; слѣдовательно привозъ возрастаетъ, тогда какъ добыча русской соли не увеличивается.

	Пуды.
Въ 1866 году добыто было	37.556,000
„ 1873 „ „ „	46.122,000
„ 1875 „ „ „	35.792,000

О соли, также какъ и объ углѣ, должно сказать, что она не можетъ идти въ нашъ западный край, вслѣдствіе конкуренціи соли привозной.

Привозная соль оплачивается пошлиною двухъ размѣровъ. Въ портахъ Бѣлаго моря 22 к., во всѣхъ прочихъ таможенныхъ 38 $\frac{1}{2}$ к. съ пуда. Но такъ какъ привозъ ея по Бѣлому морю весьма незначителенъ, то среднимъ числомъ пошлина обходится въ 38 $\frac{1}{4}$ к.

Но и наша соль обложена акцизомъ въ размѣрѣ 30 в. ¹⁾, поэтому премія въ пользу нашей соли 8 $\frac{1}{4}$ к. съ пуда; за то иностранная выигрываетъ въ провозѣ. Фрахтъ ея изъ Англии до Кронштадта и Риги 4—5 к., до Ревеля 5—6 к. съ пуда, тогда какъ наша, хотя-бы крымская, соль, не можетъ быть доставлена въ эти пункты менѣе 25 к.

Вслѣдствіе этого, весь сѣверо-западный край Россіи до самого Смоленска питается солью привозною. Это весьма наглядно представляетъ карта соляной промышленности, составленная г. Першке и приложенная къ „Ежегоднику Министерства Финансовъ“ 1870 г.

А между тѣмъ какое богатство у насъ своей соли: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири по высохшимъ солянымъ озерамъ вѣзять какъ по льду. Стоитъ только сложить акцизъ и она пойдетъ по всей Россіи. Но эта мѣра, хотя и весьма полезная, врядъ-ли можетъ въ настоящее время быть принята нашимъ правительствомъ. Акцизъ съ соли 1875 года далъ государству доходъ въ 9.937,430 р.; пошлинный сборъ 1877 года — 6.594,375 р., всего 16.531,805 р. Сложивъ акцизъ, правительство лишится всей этой значительной суммы, ибо безакцизная отечественная соль вытѣснитъ иностранную; вслѣдствіе чего, естественнымъ образомъ, уничтожится и пошлинный сборъ.

Привозъ соды или углекислаго натра.

Въ 1876 году привезено соды разныхъ сортовъ 1.499,176 пуд.

1) Въ видъ исключенія, съ соли слѣдующихъ заводовъ акцизъ беретъ меньше: Архангельскихъ 10 в., Вологодскихъ 20 в., Илецкихъ 23 в., Чинчанскаго, Астраханской губерніи, 25 в.

на сумму 2.483,217 р. Пошлина съ нея трехъ размѣровъ: 10, 20 и 30 к. съ пуда. Всего собрано пошлины 333,058 р., которая среднею цифрою падаетъ на пудъ по 22 к.

Своей соды у насъ почти не выдѣлывается. Выдѣлку ея стѣснилъ акцизъ на соль. Чтобы добыть 1 пудъ соды нужно употребить $1\frac{1}{2}$ пуда соли. А такъ какъ акцизъ на соль 30 к., то на пудъ соды онъ падетъ въ размѣръ 45 к. Между тѣмъ пошлина съ нея, какъ показано выше, среднимъ числомъ 22 к., слѣдовательно премія въ пользу иностранной 23 к. Эта премія и есть главное препятствіе въ развитію у насъ содоваго производства. Чтобы уравнивать преимущества заводчиковъ иностранныхъ съ русскими и дать послѣднимъ возможность выдѣлывать соду состоялось въ 1867 году Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта объ отпускѣ соли, на выдѣлку соды, безъ акциза. Но эта льгота не оказала существенной пользы. На основаніи означеннаго законоположенія заводчикъ обязывается: а) переработать соли въ продолженіи года не менѣе 50,000 пуд.; б) если онъ не переработаетъ этого количества хотя-бы на нѣсколько пудовъ, то обязанъ заплатить акцизъ за всю взятую соль; в) переработывать эту соль въ другіе продукты запрещается, и г) для наблюденія за этою солью предписывается жить на заводѣ смотрителю со стороны акцизнаго вѣдомства, причемъ фабрикантъ обязывается дать ему квартиру и платить ежегодно по 500 р. жалованья. Такія ограниченія найдены заводчиками стѣснительными, и они не находятъ выгоды прибѣгать къ этой льготѣ; вслѣдствіе этого содовое производство не подвинулось ни на шагъ и существуетъ въ самой малой степени, такъ что „Ежегодникъ Министерства Финансовъ“ не находитъ даже нужнымъ помѣщать его въ перечень заводовъ и фабрикъ, помѣщая однако производства самыя незначительныя, непревышающія годичной выработки въ 200,000 р.

А Либихъ сказалъ: „Если въ какомъ государствѣ недостаточно развито производство соды, то это означаетъ, что государство находится на самой низкой степени цивилизаціи“. Но вотъ что весьма замѣчательно. Съ соли, матеріала сыраго, берется пошлина 38 к., а съ соды, продукта полученнаго изъ соли, — 22 к.

Привозъ масла летучаго для освѣщенія, подъ названіемъ петролеума, керосина, фотогена и проч. дошелъ до размѣровъ весьма значительныхъ, на сумму 9.000,000 р., не смотря на то, что самое производство этого продукта, сравнительно,

недавно начато; добыча же его въ Россіи предпринята еще поздѣе по причинамъ, которыя указаны будуть ниже. Слѣдующая табличка покажетъ привозъ и добычу керосина.

Годы.	Привозъ керосина.		Добыча своего керосина.	
	Пуды.	Рубльн.	Пуды.	
1863	?	3,300	—	
1864	189,135	838,151	—	
1865	258,397	1,033,600	—	
1866	364,356	1,457,423	—	
1867	552,497	2,209,976	—	
1868	792,000	3,168,101	—	
1869	1,099,472	4,397,891	—	
1870	1,440,971	5,763,885	—	
1871	1,720,420	6,881,685	—	
1872	1,790,335	5,618,662	518,546	
1873	2,701,143	10,270,556	832,802	
1874	2,569,792	8,035,742	1,336,675	
1875	2,501,915	7,355,563	1,990,841	
1876	2,662,486	9,099,399	3,235,233	

Изъ этой таблички видно, что привозъ къ намъ керосина постоянно увеличивался, а свой керосинъ, не смотря на изобиліе нефти, не выдѣлывался. Причиною этому было экономическое распоряженіе кавказскаго управленія. Извѣстно, что главнѣйшій источникъ нефти есть Бакинская губернія (на Кавказѣ). Въ видахъ своей спеціально-кавказской экономіи, означенное управленіе отдало эту губернію и градоначальство Дербентское на откупъ для права добычи нефти и соли за 162,200 р. въ годъ, срокомъ до 1872 года. Пользуясь этимъ правомъ отпущикъ, — какъ заявилъ въ тарифной комисіи г. Кокоревъ, представитель наибольшаго въ Россіи Бакинскаго керосиннаго завода, — бралъ съ cadaго пуда нефти, хотя-бы добытаго на собственной промышленника землѣ, по 45 в. А такъ какъ на выдѣлку одного пуда керосина идетъ по меньшей мѣрѣ 2¹/₂ пуда нефти, то на каждый пудъ выдѣланнаго продукта приходилось этой подати 1 р. 12¹/₂ в. ¹⁾, тогда какъ пошлина съ привознаго керосина только 55 в. Эта-то подать и не позволяла нашимъ нефтянымъ заводчикамъ выдѣлывать керосинъ до 1872 года. Нынѣшній измѣненный акцизъ дожится отъ 20 до 10 в. на пудъ керосина ²⁾ и потому не столь тягостенъ,

¹⁾ „Труды тарифной комисіи“, ч. 1, стр. 115.

²⁾ Съ 1877 года акцизъ совершенно отмененъ.

чтобы могъ быть препятствіемъ означенному производству; хотя и онъ, въ соединеніи съ невыгодностью нашего сухопутнаго провоза, значительно препятствуетъ нашимъ производителямъ конкурировать на нѣкоторыхъ нашихъ рынкахъ съ привознымъ продуктомъ. Провозъ нашего продукта изъ Бавинской губерніи до Одессы обходится въ 40 в. съ пуда, до дальнѣйшихъ пунктовъ сбыта еще дороже, между тѣмъ фрахтъ американскаго керосина до Кронштадта стоитъ: изъ Нью-Йорка 20, изъ Филадельфіи отъ 21 до 34 в. съ пуда¹⁾.

Привозъ табаку въ означенномъ году дошелъ до небывалыхъ размѣровъ на сумму 19.000,000 р. по обѣмъ границамъ; между тѣмъ добыча своего не усиливается, и склонна въ пониженію. Приведемъ цифровыя данныя.

Годы.	Привозъ табаку.	Добыча табаку.
	Рубли.	Пуды.
1862	3.086,982	748,303
1863	2.795,729	2.138,085
1864	3.021,008	1.381,985
1865	2.862,114	1,840,729
1866	3.281,704	1.868,438
1867	3.743,792	2.403,879
1868	3.496,862	2.656,048
1869	4.844,700	2.515,661
1870	4.476,284	2.427,186
1871	4.818,299	?
1872	9.878,838	?
1873	5.578,746	2.272,647
1874	7.201,487	?
1875	8.693,577	2.026,711
1876	19.400,966	?

Въ этомъ усиленіи привоза немаловажную роль играетъ пониженіе пошлины на привозный табакъ съ 1 января 1869 г. До сего числа пошлина была 6 р. 60 в., а съ этого числа назначено 4 р. 40 в. съ пуда.

Съ привезеннаго въ 1867 году табаку на сумму 3.743,792 р. собрано пошлины (до пониженія ея), 1.082,392 р., которая равняется 22%, а съ привезеннаго въ 1876 году (по пониженіи пошлины) на сумму 19.400,966 р. собрано, 2.787,732 р., которая равняется только 14%.

¹⁾ „Обзоръ Вѣщи. Торг.“, стр. 993.

Привозъ чаю.

Въ означенномъ году привезено къ намъ чаю:

	Пуды.	Рубли.
По Европейской границѣ (кантонскаго)	942,976	39.375,553
По Азиатской „ (яхтинскаго):		
Цвѣточнаго и торговаго.	263,983	} 13.596,451
Кирпичнаго	510,071	
Всего.	1.717,030	52.972,004

Пошлины собрано:

Съ кантонскаго 14.537,096 р., которая падаетъ на пудъ въ размѣръ 15 р. 41 к. на рубль, т. е. 37%.

Съ яхтинскаго—2.071,381 р., или въ размѣръ: на пудъ 2 р. 67 к., на рубль—15%.

Всего же собрано 16.608,477 р., которая на сумму 52.972,004 р. составляетъ 31%.

Существующія пошлины:

На чай кантонскій, т. е. привозимый изъ Кантона морями до С.-Петербурга, Ревеля, Одессы и др. мѣстъ,—на цвѣточный 55 к., на черный 38¹/₂ к.

На чай яхтинскій, привозимый изъ Кяхты сухопутно: на цвѣточный 40 к., на черный 15 к., на кирпичный 2 к., на фунтъ.

Премія въ пользу яхтинскаго 15 и 23¹/₂ к. въ фунтъ¹⁾.

¹⁾ Известно, что тотъ и другой чай идетъ изъ одного государства, Китая, лишь изъ разныхъ провинцій. Именуемый кяхтинскимъ получается изъ сѣверо-западныхъ провинцій и везется сухопутно чрезъ Кяхту и Сибирь; именуемый кантонскимъ вывозится изъ южныхъ провинцій чрезъ Кантонъ и идетъ Индѣйскимъ океаномъ, чрезъ Суецкій каналъ или вокругъ мыса Доброй-Надежды. Не безынтересно прослѣдить размѣръ пошлинъ на чай.

На Кяхтинскій:	Съ фунта.
Съ 1841 г. на цвѣточный	75 к.
„ „ черный	60 „
Съ 1845 г. на цвѣточный	80 „
„ „ черный	40 „
Съ 1849 г. на цвѣточный	70 „

Эта премія постановлена въ видахъ поддержанія нашей азиатской торговли. Но дороговизна сухопутнаго провоза столь велика сравнительно съ провозомъ морскимъ, что означенная премія не можетъ поддержать нашу чайную торговлю съ Кяхтой. Ввозъ кантонскаго чаю разрѣшенъ всего 15 лѣтъ, 1 апрѣля 1862 г., и вотъ уже въ 1876 году, привозъ его превзошелъ привозъ кяхтинскаго въ три раза по суммѣ капитала.

Привозъ хлопчатобумажныхъ издѣлій.

Не смотря на развивающееся у насъ отечественное хлопчатобумажное производство, привозъ изъ-за границы этого товара постоянно увеличивается.

Въ 1867 году, передъ пересмотромъ тарифа ¹⁾, привезено было иностранныхъ товаровъ по обѣимъ границамъ:

Бумажной пряжи	158,316 пуд.	4.905,208 р.	
Бумажныхъ товаровъ		7.715,121 „	
			<u>12.620,329 р.</u>

Въ 1876 году:

Бумажной пряжи	336,318 пуд.	14.519,943 р.	
Бумажныхъ товаровъ		9.163,035 „	
			<u>23.682,978 р.</u>

Привозъ увеличился на 11.062,649 р., или на 87⁰/₁₀₀.

Пошлины собрано въ первомъ году 2.386,105 р., которая равняется 19⁰/₁₀₀ на сумму привоза.

Въ послѣднемъ году собрано 3.404,796 р., которая равняется уже только 14⁰/₁₀₀.

Это пониженіе пошлины и способствовало увеличенію привоза.

Съ 1 октября 1861 г. на цвѣточный	40 „	5 ⁰ / ₁₀₀
„ „ „ „ „ черныи	15 „	5 „
Съ 23 мая 1865 г. на цвѣточный и черныи	15 „	5 „

На Кантонскій:

Сухопутно чрезъ западную границу:

Съ 1 апрѣля 1862 г. на цвѣточный	60 „
„ „ „ „ „ черныи	30 „

Моремъ чрезъ С.-Петербургъ и другіе порты:

Съ 1 апрѣля 1862 г. на цвѣточный	65 „
„ „ „ „ „ черныи	35 „

Сухопутно и моремъ:

Съ 1 іюня 1865 г. на цвѣточный	50 „	10 „
„ „ „ „ „ черныи	35 „	10 „
Съ 1 января 1869 г. на цвѣточный	55 „	
„ „ „ „ „ черныи	38 ¹ / ₂ „	

¹⁾ 1868 годъ для сравненія я не принимаю, потому что въ это время пересматривался тарифъ въ видахъ пониженія пошлинъ, вслѣдствіе чего выписывающіе изъ-за границы товары, удерживались въ выпискѣ ихъ.

Интересна цифра привоза къ намъ холстинныхъ мѣшковъ.

Ихъ привезено, въ данномъ году, по европейской границѣ 395,412 пуд., на 1.594,802 р. Пошлины съ нихъ получено 117,525 р., которая равняется 7⁰/₁₀, тогда какъ пошлина на льняныя ткани назначена 30⁰/₁₀ съ цѣны.

Это произошло отъ того, что на мѣшки назначена пошлина не съ цѣны, а съ пуда 30 к., въ уваженіе того, что они необходимы намъ для насыпши хлѣба, отпускаемаго за границу.

Купеческіе депутаты заявляли въ тарифной комисіи, что иностранцы воспользуются этою льготою и будутъ спивать мѣшки большіе, аршинъ изъ десяти полотна и, такимъ образомъ, ввозить къ намъ подотно по льготной пошлинѣ; но комисія не сочла почему-то за нужное согласиться съ членами-купцами и сдѣлала по своему. Результатъ асенъ: вмѣсто мѣшковъ ввозится спитое подотно.

И замѣйте, что такая низкая пошлина установлена на товаръ, выработывающійся и у насъ въ Россіи, и притомъ крестьянскими руками, въ видѣ домашняго промысла, въ свободное, зимнее время.

Привозъ кофе.

Привозъ этого продукта положительно доказалъ, сколь ошибочно мнѣніе, что пониженіе пошлинъ, доставляя возможность увеличиться привозу товаровъ, увеличиваетъ тѣмъ и сумму пошлинныхъ сборовъ. Основываясь на этомъ ошибочномъ мнѣніи, тарифная комисія, въ лицѣ членовъ-чиновниковъ, энергически старалась понизить пошлину на кофе, доказывая, что кофе есть потребность не роскоши, а необходимости, что онъ можетъ сдѣлаться потребленіемъ народнымъ и расходиться въ огромномъ количествѣ, причемъ одинъ изъ членовъ-чиновниковъ, въ подтвержденіе этого, заявилъ, что онъ знаетъ одну чухонскую деревню близъ Петербурга, въ которой въ каждомъ домѣ пьютъ кофе каждодневно; пошлина была понижена, и результатъ пониженія оказался слѣдующій:

Годы.	Привозъ кофе.	Привозъ кофе.		Разныхъ пошлинъ съ пуда.	Сборы по-шлинъ.	Размѣръ въ 0/0.
		Пуды.	Рубли.			
1848 — 50	Средній въ годъ	216,748	1.463,630	6 15	1.333,000	90
1851 — 53	„ „ „	250,796	1.787,677	3 70	871,873	48
1864 — 66	„ „ „	320,517	3.593,270	2 75 ¹⁾	797,029	22
1867	„ „ „	407,193	4.479,128	2 75 ¹⁾	1.008,955	23
1876	„ „ „	500,589	5.617,074	1 50	751,116	13

¹⁾ Этотъ размѣръ пошлины съ кофе, привозимаго моремъ; а по привозу сухопутному пошлина 2 р. 58¹/₂ к. Но привозъ сухопутный не превышаетъ ¹/₁₀, поэтому пошлину можно считать почти въ размѣрѣ 2 р. 75 к.

И такъ, при пониженіи пошлины до 1 р. 50 к. съ пуда, привозъ увеличился; но пошлинный сборъ не возвысился, а понизился.

Однако, справедливость требуетъ сказать, что комисія постановила назначить пошлину въ 2 р., понижена же она до 1 р. 50 к. при пересмотрѣ ея въ государственномъ совѣтѣ.

Привозъ часовъ и часоваго товара, т. е. часовъ несобранныхъ въ футляры.

Этого товара привезено, въ данномъ году, на сумму 3.069,223 р. Пошлины собрано съ него 157,800 р. или 5% съ суммы.

Размѣръ пошлинъ на собранные часы существовалъ до пересмотра тарифа.

Съ часовъ и хронометровъ карманныхъ золотыхъ 1 р. 32 к. со штуки.

Съ часовъ и хронометровъ карманныхъ серебряныхъ 66 к. со штуки.

Большинство комисіи, 12 противъ 7, постановило назначить на золотые часы никакъ не менѣе 1 р. 50 к., а серебряные оставить при прежней пошлинѣ; но государственный совѣтъ, при пересмотрѣ постановленій комисіи, постановилъ: взимать съ золотыхъ часовъ 1 р. 30 к., а съ серебряныхъ— 65 к., каковая пошлина существуетъ и понынѣ.

Уважу еще на рядъ привозныхъ товаровъ, на которые постановленная пошлина столь низка, что нисколько не служитъ къ охраненію отечественнаго производства таковыхъ и въ то же время не вполне достаточна даже въ видахъ фискальнаго дохода.

Привезено:	На сумму.	Собрано пошлинъ.	
	Рубл.	Рубл.	%
Красокъ	13.811,675	870,999	6
Химическихъ матеріаловъ	6.499,538	810,091	12
Фаянсовыхъ и фарфоровыхъ надѣлѣй	1.001,314	149,282	14
Стекланныхъ товаровъ	3.179,422	496,313	15
Столярныхъ „	1.831,573	202,573	11
Золотыхъ и серебряныхъ товаровъ	510,387	46,277	9

Кромѣ того, нѣкоторые предметы привозятся беспошлинно. Изъ нихъ особенно бросаются въ глаза принадлежности роскоши, освобожденные отъ всякой пошлины. Привезено:

Овощей свѣжихъ и сухихъ въ непрессованномъ видѣ, цикорія въ травѣ и кореньяхъ на 1.218,576 р.

Растеній живыхъ (натуральныхъ, растущихъ) и сухихъ, цвѣтовъ, сѣмянъ и пр. на 2.041,250 р.

Странно видеть, что такие предметы, потребляемые преимущественно состоятельным классом, пользуются пошлинною льготой, тогда какъ соль, предметъ необходимости для всѣхъ и въ особенности для недостаточнаго класса, переносить привозную пошлину въ 90⁰/₁₀, а внутренній акцизъ отъ 100 до 300⁰/₁₀!

Привозъ всѣхъ вообще товаровъ 1876 г. = 477.581,561 р., съ которыхъ собрано пошлинъ 70.675,339 р. или 14⁸/₄⁰/₁₀.

IV.

Вывозъ изъ Россіи главнѣйшихъ товаровъ въ 1876 году.

В М В Е З Е Н О,		По Европейской границѣ. По Азіатской границѣ.	
		Рубли.	Рубли.
I. Жизненныхъ припасовъ:			
Пшеницы	на 101.789,818 р.		
Прочихъ хлѣбовъ	„ 101.768,125 „		
		203.557,943 ¹⁾	807,783
Скота		11.766,633	170,632
Спирта и вина хлѣбнаго		2.355,027	—
Сахарнаго песку		2.015,001	—
Масла коровьяго		1.531,644	—
Игры		984,515	—
Табакъ		256,983	—
Прочихъ товаровъ		3.361,490	—
Итого жизненныхъ припасовъ		225.829,235	978,415
II. Сырыхъ и полуобработанныхъ материаловъ:			
Кожа		2.887,753	363,851
Кости		1.371,773	—
Льна (6.821,718 п.)		32.851,493	—
Льняной пакли (1,591,889 п.)		4.673,070	—
Льняной пряжи (38,867 п.)		233,846	—
Пеньки (2.678,563 п.)		9.348,629	—
Пеньковой пряжи (271,967 п.)		1.522,359	—
Льнянаго товару		31.035,664	—
Металловъ не въ драгъ		958,800	295,815
Поташу		287,384	—
Сала (666,407 п.)		3.159,112	—
Смола (1.200,480 п.)		657,627	—
Сѣмени льнянаго (19.138,437 п.) ²⁾		23.804,738	—
Сѣмени масличнаго		2.053,902	—

¹⁾ 25.403,573 четверти, 224.999,977 пуд.

²⁾ 2.126,493 четверти.

ВЫВЕЗЕНО.	По Европейской границѣ.		По Азиатской границѣ.
	Рубл.		Рубл.
Тряпья	809,113		—
Шерсти овечьей (1.517,918 п.)	11.954,458		1.311,309
Щеглы (114,753 п.)	3.592,136		2,625
Прочихъ товаровъ	7.319,956		3.074,070
Итого сырыхъ и полуобработанныхъ материаловъ	138.531,813		5.045,045

III. Издѣлій фабричныхъ, заводскихъ и ремесленныхъ:

Веревкозъ и канатовъ	707,442	—
Холста	492,962	—
Прочихъ товаровъ	3.986,122	2.702,022
Итого издѣлій	5.186,526	2.702,022

IV. Разныхъ товаровъ:

Выжимокъ изъ сѣмени	1.399,649	—
Лошадей	2.859,524	—
Мягкой рухляди	2.650,392	689,423
Перьевъ щипаныхъ	1.213,968	—
Прочихъ товаровъ	1.588,655	—
Итого разныхъ товаровъ	9.710,188	689,423
Всего вывезено	379.257,762	9.414,905

Изъ этой таблицы можно видѣть, что нашъ главный вывозъ производится по европейской границѣ и доходитъ до суммы 379 мил. р. Главнѣйшій сортъ вывозимыхъ товаровъ—это жизненные припасы. Ихъ вывезено на 225,8 мил. р. Затѣмъ, сырые и полуобработанные материалы, вывозъ которыхъ = 138,5 мил. р., такъ что эти два сорта составляютъ сумму въ 364,3 мил., да если къ нимъ прибавить цифру вывоза IV-го отдѣла, т. е. разныхъ товаровъ, 9,7 мил., которые тоже суть произведение природы, а не искусства, то составитъ сумма въ 374 мил. р., т. е. почти весь вывозъ. Отпускъ же издѣлій фабричныхъ, заводскихъ и ремесленныхъ составляетъ очень невидную цифру, въ 5 мил. р., или не болѣе 1,3%⁰ всѣхъ товаровъ.

Въ частности, важнѣйшую роль въ отпускныхъ товарахъ играетъ хлѣбъ, котораго вывезено на 203 мил. р., болѣе половины всего вывоза, за нимъ ленъ, льняное сѣмя и льняная павля—на 61 мил. р., далѣе лѣсной товаръ и проч.

Даже въ Азію мы отпустили фабричныхъ и заводскихъ издѣлій только на 2,7 мил. р., т. е. менѣе $\frac{1}{3}$ всего отпуска. Положение незавидное. Отпускаемъ хлѣбъ, а сами живемъ

впроголодь; отпускаемъ кожу, а ходимъ въ лаптяхъ; отпускаемъ ленъ, а одѣваемся въ лохмотья; вывозимъ сало и сидимъ съ лучиной...

И не смотря на то, что мы отпускаемъ за границу не только все лишнее, а частью и необходимое, отпускъ нашъ не покрываетъ привоза къ намъ иностранныхъ произведеній: ихъ было привезено болѣе на 76 мил. р. Эту сумму, конечно, мы должны были доплатить золотомъ.

Вся наша внѣшняя торговля сводится къ тому, что мы мѣняемъ трудъ земледѣльческой, трудъ самый тяжелый, самый мало-производительный, на трудъ фабричный, машинный, несравненно выгоднѣйшій; можно сказать, что мы мѣняемъ единицу труда недѣльнаго на единицу труда однодневнаго; а это очень безвыгодно.

Говорятъ, что Россія страна земледѣльческая и потому е естественный продуктъ для внѣшней торговли есть хлѣбъ.

Что Россія страна многоземельная — это фактъ, но земледѣльческой назвать ее въ настоящее время, безъ большой натяжки, нельзя, потому что наибольшая часть ея къ сѣверо-западу и сѣверо-востоку имѣетъ земли или малоплодородныя или совсѣмъ неплодородныя. Чтобы доказать это сравнимъ плодородность ея почвы съ плодородностью почвы другихъ странъ.

По свидѣтельству одного статистика, сборъ хлѣба съ десятины снимается въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Въ Великобританіи	33,0	четверти.
„ Пруссіи	11,4	„
„ Франціи	11,4	„
„ Австріи	9,7	„
„ Соединенныхъ Штатахъ Америки .	8,0	„
„ Россіи же	4,5	„

Слѣдовательно, плодородность нашей почвы самая слабая. Обрабатывать недобровачественную землю — трудъ самый мало-производительный и потому убыточный; а какъ скоро трудъ убыточенъ для частныхъ лицъ, то онъ убыточенъ и для всего государства. „Земля“, — говоритъ Адамъ Смитъ, — „которая по обработкѣ не даетъ въ обыкновенный годъ болѣе зерна, чѣмъ сколько стоитъ ея обрѣмененіе и содержаніе работниковъ, можетъ быть воздѣлана только въ убытокъ, какъ для частнаго лица, владѣющаго ею или обрабатывающаго ее, такъ и для всей страны“.

Вывозъ товаровъ въ Финляндію состоялъ изъ слѣдующихъ рубрикъ:

I. ЖИЗНЕННЫХЪ ПРИПАСОВЪ:

Муки	на 4.446,806 р.	
Табаку	707,375 „	
Прочихъ товаровъ	2.197,720	7.351,900 р.

II. СЫРЫХЪ И ПОЛУОБРАБОТАННЫХЪ
МАТЕРИАЛОВЪ:

Сада и проч	1.379,499 „
-----------------------	-------------

III. ИЗДѢЛІЙ ФАБРИЧНЫХЪ, РЕМЕСЛЕН-
НЫХЪ И РАЗНЫХЪ

3.296,383 „
Итого . 12.027,782 р.

V.

Черезъ какия мѣстности и на какую сумму привезено и вывезено товаровъ въ 1876 году.

I. По ЕВРОПЕЙСКОЙ ГРАНИЦѢ:

	Привозъ. Рубл.	Вывозъ. Рубл.
По Бѣлому морю	961,993	9.548,366
„ Балтійскому	177.582,999	151.365,426
„ Южнымъ морямъ	62,540,635	107.012,161
„ Сухопутной западной границѣ	201.703,453	111.331,809
„ Финляндской	10.328,104	12.027,782

II. По АЗИАТСКОЙ ГРАНИЦѢ:

Черезъ Кавказскую границу	8.310,546	6.180,453
„ Астрахань	2.054,294	710,011
„ Бихтинскую границу и по рѣкѣ Амуру	14.099,537	2.524,441
Итого . 477.581,561	400.700,449	

ГЛАВНЫЕ ПУНКТЫ:

С.-Петербургъ и Ерошгадтъ	94.890,439	82.026,017
Ревель	41.330,938	11.397,960
Рига	33.056,877	40.200,363
Либава	2.349,535	7.169,543
Архангельскъ	829,368	9.131,274
Одесса	48.949,062	55.026,591
Таганрогъ	8.455,082	10.090,626
Москва	78.510,510	2,880

Эта табличка показываетъ намъ, что Бѣлое море есть про-
давецъ нашихъ продуктовъ за границу, преимущественно же
хлѣба, льна и лѣснаго товару, отправляемыхъ чрезъ Архангельскъ,

первый изъ русскихъ портовъ, основанный еще Иоанномъ Грознымъ.

Балтійское море болѣе покупатель иностранныхъ товаровъ, чѣмъ продавецъ своихъ русскихъ.

Сухопутная граница почти вдвое болѣе доставляетъ намъ товаровъ, чѣмъ вывозитъ русскихъ.

Южные порты и Финляндія болѣе отъ насъ вывозятъ, чѣмъ къ намъ привозятъ.

Кавказъ, Астрахань и Бяхта наоборотъ болѣе привозятъ товаровъ, чѣмъ отъ насъ вывозятъ.

С.-Петербургъ, Ревель, Москва тоже болѣе привозятъ; а Рига, Либава, Архангельскъ, Одесса, Таганрогъ болѣе вывозятъ товаровъ, чѣмъ ихъ привозятъ.

Замѣчательно, что единственный нашъ почти незамерзающій портъ, Либавскій, находится у насъ въ пренебреженіи. Весь оборотъ его не превышаетъ 10.000,000 р. Мы болѣе десяти лѣтъ собираемся улучшить его, но все какая-то невидимая сила останавливаетъ насъ; даже желѣзную дорогу сдѣлали къ нему не прямую, а кольчатую, какъ бы нарочно, чтобы доставка черезъ него товаровъ обходилась дороже, и чтобы онъ не могъ конкурировать съ прусскимъ таможеннымъ городомъ Кенигсбергомъ, черезъ который наибольшая масса товаровъ по сухопутной границѣ идетъ въ Россію и изъ Россіи. (А вѣдь нѣкогда — при Елизаветѣ — этотъ Кенигсбергъ, врѣзавшійся угломъ въ Россію и отбивающій у нея трудовой хлѣбъ, былъ русскимъ губернскимъ городомъ, но, по нашему благодушію, возвращенъ Пруссіи добровольно и безвозмездно).

Главнѣйшіе товары, провезенные черезъ Европейскую границу прошли черезъ слѣдующіе пункты:

I. ЧЕРЕЗЪ БАЛТІЙСКОЕ МОРЕ:

а) По привозу:

	Рубл. на 27 мил.
Хлопокъ	
Металлы и металлическія издѣлія	— 53 —
Нашпаты	— 9 —
Табакъ	— 6 —
Чай	— 5 —

б) По вывозу:

Хлѣбъ	— 71 —
Ленъ	— 17 —
Сѣмя льняное	— 16 —
Льняной товаръ	— 19 —

II. ЧЕРЕЗ ЮЖНЫЯ МОРЯ:

а) По привозу:

	Рублн.
Хлопокъ	на 5 мил.
Табакъ	— 10 —
Овощи и фрукты	— 7 —
Металлы не въ драгъ	— 6 —
Чай	— 2 —

б) По вывозу:

Хлѣбъ	на 90 мил.
Сѣмя льняное	— 4 —
Шерсть	— 4 —

III. ЧЕРЕЗ СУХОПУТНУЮ ГРАНИЦУ:

а) По привозу:

Хлопокъ	— 5 —
Чай	— 31 —
Бумажная пряжа	— 11 —
Металлы и металлическія издѣлія	— 34 —
Шерстяныя издѣлія	— 9 —
Напитки	— 7 —
Соль	— 5 —

б) По вывозу:

Хлѣбъ	— 39 —
Скотъ	— 11 —
Ленъ	— 12 —
Лѣсной товаръ	— 10 —

Здѣсь должно замѣтить, что значительная часть товаровъ, прошедшая черезъ сухопутную границу, привезена изъ Англій моремъ до Прусскаго порта Пиллау, около 2 градусовъ южнѣе нашей Ливавы, и потомъ, черезъ Кенигсбергъ, въ Россію.

Хлопокъ привезенъ черезъ всѣ три пункта.

Металлы и металлическія издѣлія привезены главнѣйшимъ образомъ черезъ Балтійское море и сухопутную границу.

Чай главнѣйшимъ образомъ черезъ сухопутную границу.

Хлѣбъ вывезенъ черезъ всѣ три пункта, но главнѣйшимъ образомъ черезъ южныя моря.

Ленъ главнѣйшимъ образомъ черезъ Балтійское море и сухопутную границу.

Лѣсной товаръ тоже черезъ эти два пункта.

По Азіатской границѣ главнѣйшіе товары прошли:

I. ЧЕРЕЗЪ КАВКАЗСКУЮ ГРАНИЦУ:

Привезено хлопчатобумажныхъ издѣлій на	2,3	млн. р.
Вывезено: шелка	2,3	— —
Шерсти	1,3	— —

II. ЧЕРЕЗЪ ГРАНИЦУ СЪ КИТАЕМЪ:

Привезено: чаю	13,3	— —
Вывезено: шерстяныхъ издѣлій	953	т. р.
Хлопчатобумажныхъ издѣлій	461	— —

Насъ не долженъ удивлять фактъ, что мы привезли на Кавказъ изъ Азіи хлопчато-бумажныхъ товаровъ слишкѣмъ на 2 мил. р., а не отвезли таковыхъ почти ничего (на 179 т. р.), и мы не можемъ сказать, что русскіе фабриканты не въ состояніи конкурировать даже съ азіятцами, — нѣтъ, это было бы невѣрно. Привозимые хлопчато-бумажные товары изъ Азіи не азіятскаго происхожденія, а англійскаго, и состоятъ преимущественно изъ ткани, въ родѣ нашего миткала, подъ названіемъ шертинга. Вывозимый же съ Кавказа шелкъ есть продуктъ мѣстнаго происхожденія. Его собирается на Кавказѣ болѣе 30 т. пуд.

Ө. Журовъ.

(Продолженіе будетъ).

НУЖДЫ РУССКАГО НАРОДА.

(Окончаніе).

Для житницы Россіи первымъ шагомъ, ведущимъ къ улучшенію экономическаго быта крестьянства, послужить дозволеніе, т. е. свобода переселенія. Конечно, переселеніе это должно быть правильно и разумно организовано.

Какъ только переселеніе будетъ организовано, рентная плата и барыши міроѣдовъ пойдутъ, земля станетъ наниматься по той цѣнѣ, которая опредѣлится дѣйствительною выгодностью ея обработки. Разумные землевладѣльцы, способные понимать свои интересы, должны будутъ радоваться этому, потому что въ настоящее время арендаторы-кулаки даютъ имъ не чистый доходъ, но продаютъ имъ ихъ же собственную землю по частямъ, потому что плодородіе этой земли, естественно, должно постоянно понижаться, а бѣднѣющее крестьянство, обратясь со временемъ въ совершенныхъ нищихъ, перестанетъ нанимать земли, обрабатывать которая вольнымъ наймомъ наши дѣти и внуки, вѣроятно, тоже откажутся, если, вмѣсто полей, мы оставимъ имъ бесплодныя равнины. Если положеніе хозяйства крупныхъ землевладѣльцевъ въ среднихъ губерніяхъ стоитъ на такой низкой степени, то о другихъ мѣстностяхъ, въ которыхъ преобладаетъ исполная система, какъ единственная, при которой возможна обработка угодій, нечего, разумѣется, и говорить.

Вдумываясь въ выдающіяся и весьма безотрадныя явленія современнаго хозяйства, приходишь окончательно къ сознанію весьма многозначительнаго факта, что все сдѣланное для увеличенія богатства Россіи и усиленія ея производительныхъ средствъ, въ теченіе всего времени существованія крѣпостнаго права, по отмѣнѣ послѣдняго, разрушено и уничтожено менѣе, чѣмъ въ два десятка лѣтъ. Въ этомъ нельзя не видѣть нагляднаго доказательства той старой и вѣчно забываемой историче-

своей истинны, что искусственныя учрежденія, какъ бы ни были онѣ хороши въ теоріи, не только не могутъ быть силою привиты народу на долгое время, но даже и въ короткій срокъ ихъ существованія приносятъ несомнѣнный вредъ. Но нигдѣ самыя коренныя социальныя вопросы не разрѣшаются такъ мирно и съ такою удивительною быстротою, какъ въ Россіи. Баринъ, лишившійся крѣпостныхъ и потерявшій возможность жить, согласно привившимся къ нему привычкамъ, и мужикъ, отбывавшій этому барину барщину, понимаютъ теперь, что обоимъ имъ стало плохо и, вмѣсто безполезнаго продленія экономической борьбы, приходятъ къ тому разумному рѣшенію¹⁾, что мужику, какъ пахарю, слѣдуетъ отдать землю, а барину, какъ земскому и царскому слугѣ, нужно вѣдать дѣла государственныя и управительство, до тѣхъ поръ, пока и баринъ и мужикъ, чрезъ извѣстный историческій періодъ, не сдѣлаются безразлично русскими людьми, мирно работающими надъ такими дѣлами, которыя каждому изъ нихъ наиболѣе придутся по душѣ. Да, мы переживаемъ многознаменательное время и уловить его значеніе, позабывъ наши мелкія дразги, составляетъ обязанность лучшихъ представителей современнаго русскаго общества. Дворянское и крестьянское сословія вошли, судя по всѣмъ признакамъ, въ обоюдное между собою соглашеніе, и если правительство дастъ возможность осуществиться такому соглашенію, добровольно выработанному послѣ 1861 года, то улучшеніе экономическаго быта будетъ несомнѣнно. Крестьянство сдѣлается собственникомъ, въ истинномъ значеніи этого слова, миробды будутъ въ значительной степени устранены, а образованное дворянство, вмѣстѣ съ людьми, выдвинувшимися изъ народа своимъ образованіемъ, получитъ возможность приложить къ дѣлу свои силы и удовлетворить мечтаніямъ о полезномъ и честномъ служеніи родинѣ, потому что экономическое устройство Россіи потребуеетъ не мало силъ недюжиннаго свойства; на этотъ разъ, даруя народу подобное благо, правительство исполнитъ желаніе обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, т. е. и землевладѣльцевъ и крестьянъ.

Для удовлетворенія насущныхъ потребностей населенія нашего отечества необходимо продолжить реформу 19 февраля 1861 года, привести въ окончательное исполненіе Положеніе о крестьянахъ и увеличить крестьян-

¹⁾ Конечно, это дѣлается по необходимости, но хорошо, что она у насъ известна.

скіе надѣлы, которые, по указаніямъ опыта, оказываются недостаточными. Такимъ образомъ теоретическая сторона Положенія, опредѣлившаго душевой надѣлъ, будетъ дополнена сообразно дѣйствительнымъ потребностямъ массы населенія. Благодаря опыту, теперь представляется возможность избѣгать многихъ неточностей, вравшихся въ Положеніе, какъ вслѣдствіе поспѣшности его составленія, такъ и за отсутствіемъ практическихъ указаній. Цѣнность продаваемыхъ земель можетъ быть теперь опредѣляема самими покупателями, по обоюдному ихъ согласію съ продавцами, чего нельзя было сдѣлать въ 1861 году, а потому въ сѣверныхъ губерніяхъ многіе крестьянскіе надѣлы были оцѣнены вдвое и втрое дороже ихъ дѣйствительной стоимости, а нѣкоторымъ деревнямъ навязали такой надѣлъ, который, благодаря негодной почвѣ, почти ничего не стоитъ. Даровые, да и вообще недостаточные надѣлы могли быть только временно терпимы, потому что при ихъ существованіи уничтоженіе крестьянскаго хозяйства является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ, кака бы форма землевладѣнія ни господствовала въ деревняхъ. Это происходитъ главнымъ образомъ потому, что, при недостаточности нынѣ существующихъ крестьянскихъ надѣловъ, земледѣльцы лишены возможности имѣть, необходимый для поддержанія скотоводства, лѣтній покосъ и страдаютъ недостаткомъ сѣнокосовъ, которые весьма рѣдко попадаются на угодьяхъ, имъ принадлежащихъ. Какъ названныя мною, такъ и многія другія неудобства первоначальнаго примѣненія Положенія 19 февраля могутъ въ настоящее время быть совершенно отстранены, благодаря многолѣтнему опыту, которымъ могутъ воспользоваться всѣ, стремящіеся продолжать великое дѣло нынѣшняго царствованія, т. е. улучшеніе народнаго быта. При этомъ необходимо отдать должную дань справедливости составителямъ Положенія и именно за то, что они даровали крестьянамъ тѣ ничтожныя надѣлы, которые теперь уже не могутъ оставаться въ первоначальномъ ихъ видѣ, не принеся съ собою пагубныхъ послѣдствій. Только благодаря этимъ надѣламъ, крестьянство имѣло возможность, при указанной мною эконоической борьбѣ, довести ее до той исполной системы обработки земель, о которой я говорилъ какъ о благопріятномъ явленіи, уясняющемъ наши нужды... Тѣмъ не менѣе, въ настоящее время, опытъ указываетъ на необходимость добавленія прежнихъ надѣловъ, безъ чего большинство нынѣшнихъ земледѣльцевъ можетъ сдѣлаться безземельными, а мѣсто ихъ занято новымъ разрядомъ землевладѣльцевъ, состоящимъ изъ мѣрѣдовъ, кабатчиковъ и проходимцевъ

всякаго рода, о чемъ слѣдуетъ твердо помнить всѣмъ людямъ, истинно любящимъ свою родину. Здѣсь встаетъ будетъ упомянуть еще объ одномъ фактѣ, доказывающемъ недостаточность практическихъ данныхъ, послужившихъ основаніемъ для составленія Положенія 19 февраля, тѣмъ болѣе, что вопросъ этотъ въ недалекомъ будущемъ долженъ будетъ играть весьма видную роль. Составителями Положенія былъ, между прочимъ, принятъ вѣрный по теоріи принципъ, на основаніи котораго размѣръ крестьянскихъ надѣловъ долженъ былъ оставаться при ихъ освобожденіи такимъ же, каковымъ онъ былъ при крѣпостномъ правѣ; на практикѣ же оказалось, что крестьянскіе надѣлы, необремененные тѣми платежами, которые пали на нихъ послѣ 1861 года, не составляли всѣхъ источниковъ крестьянскаго дохода при крѣпостномъ правѣ. Кромѣ надѣловъ, помѣщики отводили крестьянамъ покосъ, давали пахать значительныя пространства земли внѣ отведенныхъ участковъ, снабжали дровами и строевымъ лѣсомъ всѣхъ домохозяевъ, давали обѣдѣвшимъ скотъ и проч. Въ сѣверныхъ губерніяхъ, напримѣръ, крестьянъ поддерживала всегда подсѣчная или лѣсная пашня, расчищавшаяся ими на помѣщичьей землѣ. Значеніе такой поддержки было весьма существенно, и ею во многихъ мѣстахъ исключительно обезпечивалось народное продовольствіе, что, послѣ освобожденія, сознавалось и земскими собраніями, которыя ¹⁾ ходатайствовали предъ правительствомъ, чтобы, ради поднятія благосостоянія мѣстнаго населенія, ему была разрѣшена вырубка лѣдинъ на казенныхъ земляхъ за извѣстную плату.

Всѣмъ сельскимъ хозяевамъ извѣстна прямая зависимость, въ которой находится крестьянское благосостояніе отъ величины и доброкачественности принадлежащаго ему надѣла. Это явленіе засвидѣтельствовано многочисленными корреспонденціями, какъ спеціальныхъ журналовъ, такъ и вообще періодической печати. Мои личныя наблюденія, которыя я дѣлалъ въ различныхъ полосахъ Россіи, живя въ деревняхъ и занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, въ качествѣ управляющаго, собственника и арендатора, а также, состоя агентомъ-оцѣнщикомъ поземельнаго банка, вполне подтверждаютъ справедливость такого явленія. Кромѣ промышленныхъ мѣстъ, каковы берега Волги и иныхъ большихъ рѣкъ, а также окрестностей многолюдныхъ городовъ, собственно русскіе хлѣбопашцы, занимающіеся исключительно обработкою угод-

¹⁾ Съ такимъ ходатайствомъ входило, между прочимъ, Новгородское губернское земство въ декабрѣ 1870 года.

дѣй и пользующіеся благосостояніемъ, живутъ въ Донскомъ и Уральскомъ казачьихъ округахъ и принадлежать къ числу тѣхъ счастливыхъ государственныхъ крестьянъ, которые надѣлены семи и болѣе десятиннымъ душевымъ надѣломъ. Счастливыми мѣстностями, въ данномъ случаѣ, являются также Оренбургская и Бессарабская губерніи, въ которыхъ государственные крестьяне получили по шестнадцати, а помѣщичьи по семи съ половиною десятинъ чернозема на каждую ревизскую душу. Въ сравненіи съ двумя съ половиною десятинами, которыми владѣютъ крестьяне Курской, Полтавской, Тамбовской, Тульской и другихъ черноземныхъ губерній центральной Россіи, названные мною оазисы дѣйствительно счастливы. Надо помнить, что малые надѣлы разорительны прежде всего не потому, что они дорого оплачиваются различными повинностями, но потому, что вести на нихъ прибыльное хозяйство, при существующей у насъ системѣ, невозможно, какъ невозможно челоуѣку оставаться здоровымъ, если онъ запертъ въ очень узкомъ и дурно провѣтренномъ пространствѣ. Люди, не бывавшіе въ Бессарабской губерніи, не могутъ составить себѣ точнаго понятія о томъ, насколько хорошо, сыто и хозяйственно могутъ жить русскіе крестьяне, занимающіеся исключительно однимъ земледѣліемъ. При этомъ, интересно наблюдать, какъ землепашцы, живущіе въ Бессарабіи, быстро усваиваютъ себѣ чувства собственнаго достоинства и относительной честности, въ которыхъ такъ часто нуждаются жители нашихъ центральныхъ и сѣверныхъ губерній. То же отрадное явленіе представляютъ собою русскіе крестьяне, весьма зажиточно живущіе въ Томской и Енисейской губерніяхъ. Какъ я уже говорилъ, почти во всѣхъ губерніяхъ есть оазисы, состоящіе изъ нѣсколькихъ селеній, благосостояніе которыхъ значительно выше общаго уровня данной мѣстности, и это потому, что жители этихъ селеній имѣютъ въ собственномъ владѣніи, относительно, значительное количество земли. Ни форма землевладѣнія, ни климатическія условія нисколько не измѣняютъ этого общаго правила. Подобные оазисы существуютъ и въ Вологодской, и въ С.-Петербургской, и въ Виленской губерніяхъ¹⁾, въ послѣдней нѣкоторыя семь надѣлены двадцати и тридцатидесятинымъ надѣломъ. Разница въ благосостояніи, находящаяся въ прямой зависимости отъ количества надѣловъ, видна, между прочимъ, на крестьянахъ Заславскаго уѣзда, занимающихся исключительно

¹⁾ „Четвертый докладъ комисіи И. М. Общ. Сел. Хоз. по вопросу о хуторахъ“, 1878 годъ.

хлѣбонашествомъ ¹⁾. Въ немъ крестьяне, относительно ихъ зажиточности, раздѣляются на четыре, послѣдовательно понижающіяся, категоріи. Къ первой—принадлежать домохозяева, имѣющіе по 12 десятинъ въ полѣ, ко второй—тѣ, которыхъ каждое поле равняется 6 десятинамъ, крестьяне третьей категоріи имѣютъ по 3 десятины въ полѣ; къ послѣднему же разряду принадлежать бѣдняки, владѣющіе лишь одною усадьбою ²⁾.

Землевладѣльцы всѣхъ мѣстностей подтверждаютъ, что отъ количества и качества земли зависитъ прямымъ образомъ большее или меньшее благосостояніе крестьянъ, и они говорятъ также, что недостатокъ пастбищъ главнымъ образомъ ставитъ молодыхъ домохозяевъ въ затруднительное положеніе. Весьма многіе трудолюбивые работники борются съ нимъ до истощенія силъ и часто, изнемогая отъ непосильнаго труда, спускаютъ все свое имущество и дѣлаются батраками, образуя изъ себя бродячее сословіе, которое съ каждымъ новымъ годомъ увеличивается замѣтнымъ для сельскихъ жителей образомъ ³⁾.

Изъ множества фактовъ, собираемыхъ губернскими газетами, для подтвержденія настоящаго явленія, достойны, между прочимъ, указанія „Харьковскихъ Вѣдомостей“ за 1875 годъ, № 115, въ которыхъ, на основаніи приводимыхъ газетою официальныхъ данныхъ, доказывается тоже, что „благосостояніе крестьянъ названной губерніи находится въ прямой зависимости отъ величины принадлежащихъ имъ земельныхъ участковъ“. При этомъ хозяйства государственныхъ крестьянъ имѣютъ видимое преимущество предъ хозяйствами бывшихъ крѣпостныхъ, потому что первые владѣютъ вдвое большимъ количествомъ земли, чѣмъ послѣдніе. Въ той-же статьѣ говорится о безнадежномъ положеніи большинства крупныхъ землевладѣльцевъ, заложившихъ свои имѣнія въ поземельные банки. Такимъ образомъ, отъ сопоставленія различныхъ фактовъ, получается то общее впечатлѣніе, по которому недвижимое имущество, ничтожное количество котораго можетъ обезпечить благосостояніе крестьянина, часто служитъ обузою и стѣсненіемъ для крупнаго землевладѣльца, если онъ не мироѣдъ и не прибѣгаетъ къ приемамъ беззаастѣчиваго кулака. По даннымъ, тщательно собраннымъ вн. Васильчиковымъ, легко заключить, что во всѣхъ губерніяхъ

¹⁾ „Четвертый докладъ комисіи И. М. Общ. Сед. Хоз. о хуторахъ“, 1878 годъ.

²⁾ Тоже подтверждаютъ земства всѣхъ губерній.

³⁾ Смори статьи Кузнецова въ журналѣ „Сельское Хозяйство и Лѣсоводство“, 1878 г., а также множество другихъ свѣдѣній въ сельскохозяйственныхъ журналахъ.

центральной Россіи, силы одного домохозяина достаточны для обработки трехъ и четырехъ надѣловъ, ему отведенныхъ ¹⁾).

Покупка земли, составляющая теперь преобладающую страсть нашего крестьянства, какъ я уже говорилъ, производится большею частью отдѣльными лицами, но, въ видѣ исключенія, она покупается иногда и цѣлыми крестьянскими обществами, какъ сообщаетъ о томъ одинъ землевладѣлецъ изъ Устюжскаго уѣзда ²⁾, который, передавъ подобный фактъ, прибавляетъ, что когда за приобретаемое цѣлымъ сельскимъ обществомъ недвижимое имущество платятъ деньги состоятельные крестьяне деревни, то они начинаютъ видимо стѣснять своихъ односельцевъ, которые становятся въ такое положеніе, что зачастую уплачиваютъ постепенно этимъ кулакамъ всю отданную ими за землю сумму, лишь-бы имѣть часть отхожи для скота; богачи-же, за то только, что отдали продавцу разомъ деньги за землю, получаютъ, кромѣ возврата этихъ денегъ, еще и болѣе широкія полосы на землѣ, поступившей послѣ въ общее всей деревни пользованіе.

Долгосрочный поземельный кредитъ, направленный къ удовлетворенію нуждъ большинства населенія, стремящагося къ покупкѣ земли, но неимѣющаго на то денегъ и находящагося въ кабалѣ у кулаковъ, можетъ, какъ это видно изъ отзывовъ знающихъ дѣло людей, совершенно измѣнить плачевное положеніе нашего крестьянства и обезпечить его человѣческое существованіе. Если-бъ я хотѣлъ подтвердить свои слова перечитанными мною отзывами сельскихъ хозяевъ и земствъ, то мнѣ пришлось-бы перемарать ссылками болѣе двухъ печатныхъ листовъ, судя по объему имѣющейся у меня тетради, въ которую я вписывалъ всѣ, попадавшіяся мнѣ на глаза, сообщенія по этому предмету, какъ въ специальныхъ журналахъ, такъ и въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ.

Не смотря на явную, практически доказанную, необходимость устройства такого поземельнаго кредита, съ помощью котораго наши крестьяне могли-бы увеличить свои свудные надѣлы и тѣмъ улучшить сельское хозяйство, которымъ теперь никто не занимается, у насъ, въ Петербургѣ, существуетъ довольно распространенное между кабинетными людьми мнѣніе о томъ, будто-бы открытіе долгосрочнаго кредита для крестьянъ составитъ зло, вслѣдствіе котораго они останутся вовсе безъ земли. Между тѣмъ, на основаніи всѣхъ приведенныхъ мною въ этой

¹⁾ „Вратская Помощь“. ²⁾ „Труды И. В. Э. Общ.“ 1878 г., июнь, корреспонденція г. Воронова.

стать даннахъ, можно положительно утверждать, что крестьянство будетъ обезземелено кулаками и спекуляторами именно въ томъ случаѣ, если на массу, неимѣющую денегъ для покупки земли, не будутъ распространены благодѣянія дешеваго долгосрочнаго кредита. Такое обезземеленіе уже началось во всѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ крестьянскіе участки имѣютъ цѣнность. Есть кромѣ того цѣлыя уѣзды, въ которыхъ объединеніе многихъ собственниковъ-крестьянъ дошло до того, что приходится не съ населенія взимать недоимки и подати, а давать самому населенію ссуды на насущное пропитаніе. Вся Смоленская губернія, съ Духовщинскимъ уѣздомъ, на которомъ недоимка въ 1878 году достигла до 1,293,000 рублей, представляетъ наглядный тому примѣръ. Въ одинаковомъ съ нею положеніи находятся нѣсколько уѣздовъ, благодатной по почвѣ, Орловской губерніи, а также часть Черниговской и другихъ. Лица, говоряща о вредѣ кредита даже за 6% въ годъ вмѣстѣ съ погашеніемъ, ссылаются на примѣры западной Европы, экономическое положеніе которой извѣстно имъ лучше, чѣмъ нужды собственнаго народа. Мы дѣйствительно видимъ, что поземельный кредитъ, открытый въ Швейцаріи по 4%, довелъ многихъ собственниковъ до разоренія. Во Франціи и Германіи сельскіе хозяева жалуются, что поземельный кредитъ въ 4 и 5% годовыхъ слишкомъ дорогъ. Слѣдуетъ однако имѣть въ виду, что вообще процентъ, подъ который даютъ въ Европѣ деньги, гораздо ниже принятаго у насъ въ Россіи. Лондонскіе и парижскіе банки учитываютъ векселя за 3½ и 4%; въ Берлинѣ этотъ процентъ доходитъ до пяти, а въ Россіи до восьми. Обыкновенные же должники, даже подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, платятъ въ Россіи, какъ частнымъ поземельнымъ банкамъ, такъ и капиталистамъ, отъ 9 до 12% въ годъ. Въ Европѣ такой процентъ привелъ-бы къ банкротству самыя солидныя фирмы.

Сѣтованія землевладѣльцевъ западной Европы на высокій 4% долгосрочный кредитъ основательны еще и потому, что у нихъ, при несуществующей въ Россіи густотѣ населенія, ведется повсемѣстно, такъ называемое, раціональное хозяйство, при которомъ каждый клочекъ земли долженъ быть обязательно хорошо обработанъ, иначе онъ поведетъ хозяина къ неминуемому убытку. За то и цѣны за землю въ Европѣ несравненно выше нашихъ, и во Франціи, напримѣръ, можно безошибочно опредѣлить это отношеніе единицею къ пятидесяти. Конкуренты на покупку земель въ западной Европѣ весьма многочисленны и цѣнность на нее возведена до maximum'a. Вслѣдствіе этихъ

причинъ тамъ заранѣе уже опредѣляется рента въ 5⁰/₁₀₀ со стоимости земли, обрабатываемой непременно рационально, причемъ заработокъ арендатора заранѣе тоже опредѣленъ въ 15⁰/₁₀₀ съ оборотнаго капитала, приложеннаго имъ въ арендуемой фермѣ. У насъ же, въ Россіи, пустопорожняя десятина удобной земли съ вырубленнымъ съ нея лѣсомъ можетъ быть куплена отъ 5 до 15 рублей, но если на эту десятину въ теченіи одного года или двухъ лѣтъ будетъ положенъ навозъ, хотя и въ умѣренномъ количествѣ, то доходъ съ этой десятины можетъ быть ежегодно получаемъ въ количествѣ отъ двадцати до сорока рублей, если сѣять рожь и овесъ, ленъ-же даетъ еще большій доходъ. Въ западной-же Европѣ нѣтъ почти вовсе невоздѣланныхъ, пустопорожнихъ земель, а потому нѣтъ и такихъ угодій, которыя, благодаря незначительному труду, могли бы въ самое короткое время возвыситься въ пять и десять разъ противъ ихъ первоначальной стоимости.

Не въ дороговизнѣ земли заключается упадокъ народнаго сельскаго хозяйства, но въ томъ, что земли этой мало у крестьянъ, лишенныхъ возможности держать скотъ и копить удобреніе; крупные же землевладѣльцы не хотятъ заняться этимъ, имѣя иные интересы и стремленія. Въ сельскохозяйственномъ отношеніи Россія будетъ находиться въ томъ-же положеніи, какъ нынѣшнія западныя европейскія государства, лишь тогда, когда ея населеніе дойдетъ до 300 миліоновъ душъ обоюго пола. Крестьяне охотно дадутъ за капиталъ, одолженный имъ на покупку земли, 10 и болѣе процентовъ, и они выплачатъ такой долгъ, который теперь легко выплачиваютъ кулакамъ, взимающимъ съ нихъ гораздо большій барышъ за свои ссуды. Что землепашцы вынесутъ на своихъ плечахъ болѣе дорогой кредитъ, чѣмъ землевладѣльцы, это объясняется тѣмъ, что крестьянамъ не нуженъ оборотный капиталъ, который они замѣняютъ, главнымъ образомъ, трудомъ своихъ рукъ. Этимъ трудомъ крестьянинъ обрабатываетъ поле, воздвигаетъ постройки, раститъ скотъ и проч.

Такимъ образомъ, по существующимъ органическимъ условіямъ нашего сельскаго хозяйства, дѣло мелкаго поземельнаго кредита поставлено въ Россіи гораздо прочнѣе, чѣмъ крупнаго. Поэтому оно требуетъ не только сочувствія, но и содѣйствія всѣхъ общественныхъ и частныхъ дѣятелей, сознающихъ его значеніе. Устроить такой кредитъ, который приметъ какъ благодѣяніе и крупными и мелкими собственниками и безземельными крестьянами — значитъ отслу-

жить великую службу не только Россіи, но и всему человечеству. Такое дѣло не выполняется отдѣльными личностями, но требуетъ содѣйствія всѣхъ умственныхъ силъ цѣлаго поколѣнія и авторитета государственной власти.

IV.

Средства къ удовлетворенію народныхъ нуждъ, не прибѣгая ни къ разворительнымъ внѣшнимъ займамъ, ни къ устройству новыхъ правительственныхъ учреждений.

Исходя изъ того убѣжденія, что все, предпринятое для блага народа, т. е. его образованіе, здоровье, хозяйство и вся будущность, зависятъ отъ дарованія ему средствъ къ несомнѣнному улучшенію экономическаго быта, — многія частныя лица и земскія учрежденія, въ теченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ, рекомендуютъ для этой цѣли долгосрочный поземельный кредитъ. До тѣхъ-же поръ, пока послѣдній не будетъ примѣненъ на дѣлѣ такимъ образомъ, чтобы помощію его крестьяне могли увеличить свое землевладѣніе, до тѣхъ поръ исторія всего русскаго земства будетъ представлять рядъ крупныхъ и тяжелыхъ неудачъ, которыя станутъ отзываться все сильнѣе и сильнѣе на всемъ государственномъ строѣ Россіи, а слѣдовательно и на ея внутреннемъ и внѣшнемъ могуществѣ. Русскій крестьянинъ въ самомъ дѣлѣ никогда не получитъ прочнаго обезпеченія своего существованія, если онъ не будетъ надѣленъ достаточнымъ для него количествомъ земли, дающей ему тѣмъ большій доходъ, чѣмъ онъ окажется трудолюбивѣе и толковѣе, а въ будущемъ и болѣе свѣдущимъ. Можно передать сколько угодно денегъ землепашцу для удовлетворенія его нуждъ и все-таки, если надѣлъ его останется недостаточнымъ, нужды эти станутъ увеличиваться все болѣе и болѣе съ каждымъ годомъ. Исторія продовольственныхъ земскихъ капиталовъ и займовъ для прокормленія голодающихъ, служатъ краснорѣчивымъ подтвержденіемъ моего мнѣнія, повтореннаго со словъ самаго народа, здравый смыслъ котораго не обманываетъ его въ настоящемъ капитальномъ вопросѣ. И такъ, многія земства, между которыми находятся: новгородское, харьковское, рязанское и другія,

затѣмъ кн. Васильчиковъ и Яковлевъ¹⁾, большая часть русскихъ газетъ и журналовъ, и многія болѣе или менѣе опытные лица, къ числу которыхъ причисляю и себя²⁾, указывали на долгосрочный кредитъ, какъ на средство для поднятія народнаго благосостоянія.

Большая часть лицъ, предлагавшихъ долгосрочный поземельный кредитъ для улучшенія экономическаго положенія народа, упоминали объ этой мѣрѣ на ряду съ другими, какъ о вѣрнѣйшей, напримѣръ, отмѣна круговой поруки, паспортной системы, поддержаніе или уничтоженіе общиннаго начала и тому подобныхъ вещей, за которыя хватаются люди, или наугадъ, или съ предвзятою заранѣе тою или другою любимомою мечтою теоретическаго свойства.

Между тѣмъ поземельный кредитъ, отъ котораго зависитъ весь будущій строй Россіи, долженъ лечь въ основаніи всякихъ дальнѣйшихъ улучшеній, потому что, какъ уже видѣлъ читатель, дѣло идетъ прежде всего о продовольствіи массы русскаго населенія. Теперь даже не логично дѣлать выводы изъ наблюденій за тѣми или другими народными проявленіями, потому что народъ этотъ голоденъ и истощенъ, а потому вся его дѣятельность, какъ въ общинѣ, такъ и во всѣхъ иныхъ доступныхъ ему сферахъ, болѣе или менѣе ненормальна.

Необходимо прежде всего насытить голоднаго человѣка, а потомъ уже говорить съ нимъ о руководящихъ имъ принципахъ, потому что голодный не всегда соблюдаетъ нравственныя требованія, внушенныя ему въ малолѣтствѣ.

Мнѣнія, высказанныя въ печати и въ ученыхъ обществахъ относительно возможности осуществленія долгосрочнаго кредита, удовлетворяющаго народнымъ нуждамъ, можно раздѣлить на три категоріи. Первая изъ нихъ полагаетъ, что для этого слѣдуетъ только, чтобы правительство. выпустило безчисленное множество бумажныхъ денегъ и раздавало бы ихъ всякому, кто въ нихъ нуждается, и тогда крестьяне на такія деньги могутъ скупить въ собственность всю русскую землю. Жаль однако, что это мнѣніе, съ которымъ соглашаются и „Московскія Вѣдомости“³⁾, непримѣнимо, потому что кредитные билеты, выпущенные безъ соблюденія извѣстныхъ правилъ, не имѣютъ никакой цѣны. Опытъ многихъ странъ убѣдилъ людей,

¹⁾ „Мелкій земельный кредитъ“, Спб., 1876 годъ.

²⁾ См. газету „Русскій Міръ“, 1875 г., статьи подъ подписями „Провиднѣль“.

³⁾ Въ 1878 году „Москов. Вѣд.“ рядомъ статей доказывали возможность управленія финансовъ безграничнымъ выпускомъ бумажныхъ денегъ.

знакомыхъ съ исторіею народовъ, въ полной несостоятельности такой мѣры и въ гибельныхъ отъ нея послѣдствіяхъ. Крупный примѣръ безграничнаго выпуска денежныхъ знаковъ представлялъ французскій банкъ, при регентѣ Филиппѣ Орлеанскомъ, который поручилъ финансы государства извѣстному ирландцу Лоу. Благодаря стараніямъ послѣдняго, банкъ оказался несостоятельнымъ и лопнулъ, разоривъ десятки тысячъ людей и выпустивъ милліоны ничего не стоящихъ бумажекъ. Такіе примѣры не найдутъ себѣ добровольныхъ подражателей.

Вторая категорія людей, занимающихся разработкою вопроса о долгосрочномъ поземельномъ кредитѣ, приспособленномъ къ нуждамъ народа, полагаетъ, что можно устроить этотъ кредитъ, основываясь на самопомощи, составляющей принципъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, заставляя его дѣйствовать подъ руководствомъ земства и при правительственномъ контролѣ¹⁾, а также при гарантіи вкладными листами мелкаго поземельнаго кредита. Не вступая въ обсужденіе подробностей такого предложенія, мнѣ кажется, что съ нимъ нельзя согласиться въ самомъ принципѣ. Земство, какъ органъ мѣстнаго самоуправленія, не можетъ быть поставлено во главѣ государственныхъ дѣлъ вообще, а тѣмъ болѣе такого изъ нихъ, отъ котораго зависитъ будущность русскаго народа. Сельско-земельный кредитъ, имѣющій цѣлю установленіе порядка на всемъ пространствѣ государства и обезпеченіе продовольствія массы населенія, есть безспорно самое важное общенародное, а потому и государственное дѣло, которое должно вести само государство, но, разумѣется, при дѣятельномъ участіи земства, такъ какъ послѣднему хорошо извѣстны мѣстныя нужды населенія и оно, при частной разработкѣ общаго принципа и при его осуществленіи, окажетъ необходимую помощь русскому народу и само получитъ жизнь и ту дѣйствительную силу, которыхъ теперь не имѣетъ. Кромѣ этихъ общихъ соображеній есть еще и практическая невозможность примѣнить съ пользою для массы долгосрочный кредитъ, опирающійся на ссудо-сберегательныя товарищества. Чтобы поправить тяжкое экономическое положеніе крестьянства необходимо дать пользованіе кредитомъ большинству землепашцевъ, чего не можетъ быть при ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, членами которыхъ въ настоящее время состоятъ купцы, землевладѣльцы и зажитчныя крестьяне.

¹⁾ Принципы людей второй категоріи подробно выражены въ проектѣ г-на Дурново, о которомъ въ 1878 г. говорила вся наша столичная печать.

Масса-же не имѣть денегъ для взноса ихъ въ товарищества, да елибъ и имѣла ихъ, то всегда оставалась-бы молчаливою свидѣтельницею того, какъ міроѣды и кабатчики, отъ которыхъ она зависитъ и которымъ постоянно должна, будутъ распоряжаться ея судьбою. Поручать такимъ дѣтелямъ осуществленіе и веденіе подобнаго дѣла несогласно ни съ государственною мудростью, ни съ краснорѣчивымъ указаніемъ опыта. Такія преобразования должны исходить отъ правительства и требуютъ иныхъ исполнителей.

Ко второй же группѣ принадлежатъ люди, желающіе осуществить на дѣлѣ Положеніе 19 февраля 1861 года, помощью частнаго акціонернаго общества, тоже контролируемаго правительствомъ. Русскія частныя предпріятія, не смотря на кажущуюся солидность нѣкоторыхъ изъ нихъ, не настолько надежны, чтобы имъ можно было поручить такое государственное дѣло. Послѣ извѣстнаго процесса Юханцева, служившаго въ солиднѣйшемъ изъ нашихъ поземельныхъ банковъ, не представляется никакой разумной возможности отдать весь русскій народъ поголовно въ опеку жидамъ, или подобнымъ частнымъ банковымъ учрежденіямъ.

Третья категорія людей, изучающихъ способы наивыгоднѣйшаго примѣненія къ массѣ долгосрочнаго кредита, стоитъ за то, чтобы это дѣло осталось правительственнымъ и велось бы прежде всего существующимъ уже теперь выкупнымъ учрежденіемъ, завѣдывающимъ губернскими и уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями. Главные-же мѣстные дѣтели, утверждающіе сдѣлки купли-продажи земель на мѣстѣ, должны быть избираемы губернскимъ земствомъ по одному, или по два на уѣздъ и пользоваться правами прежнихъ мировыхъ посредниковъ, за исключеніемъ, конечно, обязанностей, касающихся собственно крестьянскаго самоуправленія, поставленнаго теперь на иную почву. Такіе дѣтели могутъ замѣнить нынѣшнихъ членовъ по крестьянскимъ дѣламъ, которые, какъ слышно, не имѣютъ занятій, приличныхъ выборному земскому человѣку, а потому часто невольно вынуждены бездѣйствовать.

При такомъ порядкѣ, вся выкупная операція производилась-бы на основаніи Положенія 19 февраля и не потребовала-бы никакихъ новыхъ учреждений. Надобность предстояла-бы только въ новыхъ дѣтеляхъ, которые всегда находятся въ Россіи, когда въ ней предпринимаются истинно полезныя для отечества реформы. Нельзя не признать, что мнѣнія людей послѣдней категоріи заслуживаютъ особеннаго вниманія уже потому, что,

при ихъ предложеніи, дѣло народа получаетъ наибольшую гарантію, такъ какъ оно собственно составляетъ продолженіе освобожденія крестьянъ порядкомъ, указаннымъ въ Положеніи. Порядокъ этотъ и выполнялся на практикѣ до тѣхъ поръ, пока, въ видахъ государственныхъ, правительство не остановило дѣятельности крестьянскихъ учреждений на известной точкѣ, на которой онѣ, въ ожиданіи будущаго, до сихъ поръ и пребываютъ.

Преимущества правительственной инициативы предъ частною очевидны, между прочимъ, и потому, что народъ болѣе всего вѣритъ своему царю, а также и потому, что частныя общества не могутъ выдавать ссуды дешевле 12% въ годъ, и хотя крестьянинъ вынесетъ такой процентъ, разоряющій землевладѣльца, но благосостояніе народа поднимется гораздо быстрѣе, если онъ станетъ платить только 6% за выданную ему для покупки земли ссуду.

Въ виду сказаннаго перейду къ рассмотрѣнію такого долгосрочнаго кредита, который можетъ быть данъ народу правительствомъ, а такъ-же и того, какимъ образомъ кредитъ этотъ можетъ быть, по моему мнѣнію, наивыгоднѣйшимъ образомъ примененъ къ дѣлу возвышенія благосостоянія массы населенія нашего отечества.

Вмѣшательство государства въ дѣло долгосрочнаго народнаго кредита, направленнаго указаннымъ выше путемъ, необходимо, во первыхъ, потому, что оно является прямымъ послѣдствіемъ Положенія 19 февраля 1861 года, неприведеннаго окончательно въ исполненіе и, во вторыхъ, потому, что только правительство можетъ взять на себя переустройство всего экономическаго порядка въ Россіи, что неминуемо произойдетъ при распредѣленіи поземельной собственности между частными лицами, составляющими массу населенія, требующемъ радикальнаго измѣненія въ аграрномъ отношеніи, а также и свободнаго переселенія на земли, принадлежащія государству.

Средства, помощію которыхъ можно достигнуть на практикѣ улучшенія экономическаго быта русскаго населенія, указываются болѣе чѣмъ 150-ти-лѣтнимъ опытомъ нѣмецкихъ колонистовъ, поселенныхъ въ Россіи императрицею Екатериною II. Знатокъ этихъ колоній, находящихся какъ въ южныхъ губерніяхъ, такъ и въ сѣверныхъ, наиримѣръ, Петербургской, Клаусъ доставилъ своею общезвѣстною книгою и статьями, явившимися отъ времени до времени въ нашей періодической печати, возможность русскои публики познакомиться съ исторіею возникновенія этихъ коло-

ній и съ ихъ настоящимъ положеніемъ, какъ социальнымъ, такъ и экономическимъ. Что касается до послѣдняго, то вѣковая практика, выработанная этими колонистами, доказала, что каждая, способная къ труду, средняя семья, для достиженія того благосостоянія и благоустройства, которыми всякій можетъ любоваться въ селеніяхъ колонистовъ, должна быть надѣлена, по крайней мѣрѣ, двадцатью-пятью десятиннымъ надѣломъ въ Екатеринославской, Самарской и Саратовской губерніяхъ и сорокадесятинымъ участкомъ въ сѣверной полосѣ. Всѣмъ извѣстно, какъ удовлетворительно ведется нѣмцами хозяйство въ ихъ колоніяхъ, изъ которыхъ они не ходятъ ни на какіе заработки и живутъ подобно прежнимъ помѣщикамъ средней руки и мелкопомѣстнымъ. Между тѣмъ нѣмецкіе колонисты ¹⁾ ведутъ ту же трехпольную систему полеводства, которая общепринята среди русскаго крестьянства. Относительно социальнаго строя, нѣмецкіе колонисты принадлежатъ къ, такъ называемымъ г. Клаусомъ, лично-общиннымъ землепашцамъ. Лично-общинное устройство ихъ быта состоитъ въ томъ, что вся земля, имъ отведенная, дѣлится между семьями и составляетъ ихъ потомственное достояніе. При этомъ для того, чтобы не дробились земельные участки домохозяйствъ, имѣющихъ нѣсколько сыновей, поземельная собственность переходитъ къ старшимъ изъ нихъ, всѣ же остальные имѣютъ право на извѣстное денежное вознагражденіе, выдаваемое собственниками земли, которые, за неимѣніемъ для того наличнаго капитала, могутъ занять оный изъ общественныхъ суммъ. Большая часть безземельныхъ колонистовъ и, какъ увѣряютъ, даже всѣ они остаются въ колоніяхъ, при которыхъ исправляютъ различныя должности, а также занимаются необходимыми для селеній ремеслами. Съ теченіемъ времени число безземельныхъ колонистовъ увеличилось до того, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія сталъ образовываться между ними пролетаріатъ. Расчетливые нѣмцы нашли, что на общинахъ, достигшихъ цвѣтущаго состоянія, лежитъ обязанность позаботиться о своемъ потомствѣ, а потому рѣшили прикупить новыя земли и поселить на нихъ безземельныхъ, раздавъ на каждую семью по тридцати десятинъ. Въ 1871 году, по свидѣтельству г. Клауса и другихъ свѣдущихъ лицъ, такой земли было куплено болѣе, чѣмъ на полтора милліона рублей.

Таково устройство быта нѣмецкихъ колонистовъ, по крайней мѣрѣ, оно было таковымъ до переселенія части изъ нихъ

¹⁾ См. сочиненіе Клауса „Наши колоніи“, 1871 г., С.-П.-Б.

въ Америку въ 1877 году. Это устройство значительно разнится отъ организаціи обычной русской общины, а также отъ того участвоваго владѣнія землею, которыя приняты у нашего крестьянства. Соціальное устройство колонистовъ занимаетъ среднее мѣсто между тою и другою формою землевладѣнія, принятыхъ русскимъ народомъ. А потому, говоря объ экономическомъ устройствѣ нашего народа, собственно по зависимости его благосостоянія отъ количества земли, я полагаю трудно найти болѣе удобный и опытомъ выработанный примѣръ. Предполагаемый долгосрочный кредитъ, открываемый для крестьянъ, и долженъ имѣть въ виду эту норму надѣла семей.

Размѣръ ссуды, выдаваемой землепашцамъ, можетъ быть поставленъ въ предѣлы отъ 75⁰/₀ до 90⁰/₀ стоимости приобретаемаго землепашцами имущества, что будетъ зависѣть какъ отъ свойства самаго имущества, такъ и отъ гарантіи земства, при существованіи которой, разумѣется, ссуда можетъ быть выдаваема въ наибольшемъ размѣрѣ. Выдача ссуды, равной стоимости всего покупаемаго сельскими обывателями имущества, неудобна потому, что многіе покупатели, не внесшіе ни гроша за приобретаемую землю, не стануть ее цѣнить такъ высоко, какъ будутъ дѣлать это покупатели, заложившіе трудовую копѣйку на приобретение новыхъ угодій. Конечно, такая копѣйка можетъ быть выдаваема имъ мѣстнымъ земствомъ, или ссудо-сберегательнымъ товариществомъ, но принципъ покупки будетъ все-таки сохраненъ, а это отчасти послужитъ даже гарантіею въ исправномъ платежѣ обязательствъ по долгосрочнымъ займамъ.

Основная цѣль, съ которою, по моему мнѣнію, слѣдуетъ открыть долгосрочный кредитъ землепашцамъ, будетъ достигнута при слѣдующихъ главныхъ условіяхъ: 1) ссуды для содѣйствія сельскимъ обывателямъ при покупкѣ земли должны выдаваться по 6⁰/₀ въ годъ вмѣстѣ съ погашеніемъ и срокомъ на 40 лѣтъ; 2) предлагаемые мною въ выпускѣ съ этою цѣлію 5 или 4⁰/₀ выкупныя свидѣтельства должны пользоваться всѣми выгодами государственныхъ бумагъ и обмѣниваться свободно на кредитныя рубли въ казначействахъ. Курсъ такихъ свидѣтельствъ будетъ всегда высокъ и для нихъ не опасны пониженія, которымъ подвергаются бумаги, не имѣющія дѣйствительной валюты. Каждый рубль выкупнаго свидѣтельства будетъ гарантированъ кускомъ земли, подъ которую онъ выпущенъ, и трудомъ народа, обрабатывающаго эту землю. Такія свидѣтельства доставятъ нашему правительству всѣ выгоды внутренняго займа и могутъ даже повліять на повышеніе курса кредитнаго рубля; 3) покуп-

ка, залогъ и вводъ во владѣніе землями, приобретаемыми помощію долгосрочнаго кредита, должны совершаться не у нотариусовъ, но тѣмъ порядкомъ, который указанъ въ Положеніи 19 февраля 1861 года.

И такъ цѣль открытія народу долгосрочнаго кредита будетъ состоять, во первыхъ, въ томъ, чтобы оказывать землепашцамъ содѣйствіе при покупкѣ ими земли отъ частныхъ лицъ, или отъ казны, и во-вторыхъ, доставлять пособіе переселенцамъ, заселяющимъ окраины имперіи. Подъ словомъ землепашцы слѣдуетъ подразумѣвать лицъ всѣхъ сословій, непосредственно прилагающихъ свой физическій трудъ къ обработкѣ земли.

Поселенцы, желающіе поселиться на отводимыхъ казною земляхъ, должны выбрать себѣ мѣста по соглашенію съ земствомъ, опредѣляющимъ удобность выбранныхъ ими пунктовъ, а тамъ, гдѣ земства нѣтъ, по указанію специально для того посылаемыхъ правительствомъ агрономовъ или иныхъ лицъ, заслуживающихъ довѣрія своимъ знаніемъ дѣла и предыдущею дѣятельностью. Переселенцамъ выдается ссуда для обзаведенія хозяйствомъ и постройками на новыхъ мѣстахъ. Ссуда эта выдается не вдругъ, но по мѣрѣ возведенія построекъ, разработки извѣстнаго пространства земли и вообще увеличенія признаковъ прочнаго хозяйственнаго обзаведенія. Долгосрочныя ссуды не могутъ быть выдаваемы отдѣльнымъ лицамъ, потому что это рисковано, а кредитъ, если онъ будетъ дѣйствительно таковымъ, долженъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ, обращеннымъ къ нему практикою и теоріею. Необходимо, чтобы народный кредитъ былъ въ возможно большей степени предпріятіемъ вполне обеспеченнымъ и чтобы онъ былъ всегда прочно гарантированъ не только земельнымъ имуществомъ, но и личностями рабочихъ, на немъ живущихъ. Только при этомъ основномъ правилѣ, народный кредитъ будетъ имѣть всѣ преимущества предъ тѣми долгосрочными ссудами, которыя выдаются существующими нынѣ спекулятивными поземельными банками для землевладѣльцевъ. Кредитъ имущественный и личный—вотъ что нужно нашимъ землепашцамъ. Поэтому ссуды полезно выдавать, или цѣлымъ сельскимъ обществамъ, или товариществамъ, состоящимъ не менѣе чѣмъ изъ десяти домохозяевъ, подъ ихъ круговую поруку. То же правило должно быть примѣнено и къ переселенцамъ. При этомъ условіи міроѣды и всевозможные эксплуататоры будутъ лишены средствъ для покупки въ свою пользу нѣсколькихъ участковъ, потому что товариществу нѣтъ никакой выгоды принимать въ свою среду подобныя личности. Что касается про-

даватьъ земли, то они получаютъ слѣдующія имъ за продажу имущества деньги изъ государственнаго казначейства, по разрѣшенію главнаго кредитнаго учрежденія, или выкупными процентными свидѣтельствами, или наличными кредитными рублями.

Долгосрочныя ссуды для пользы народа должны быть выдаваемы правительствомъ только подъ земли, приносящія постоянный доходъ. Для заемщиковъ, нуждающихся лишь въ 50% и даже менѣе со стоимости покупаемаго ими угодья, можетъ быть выдаваема ссуда безъ особой оцѣнки земли, ими покупаемой, но прямо по нормальной оцѣнкѣ. Всѣ же другія имущества, приобретаемыя сельскими обывателями, должны быть оцѣниваемы на извѣстныхъ основаніяхъ и съ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ членомъ-оцѣнщикомъ, избираемымъ земствомъ, о которомъ мною уже было говорено, или особымъ агрономомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земства не существуетъ. Такая оцѣнка, учрежденная губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ и главнымъ выкупнымъ учрежденіемъ, должна считаться окончателъною и по ней уже утверждается сдѣлка, а затѣмъ выдается и владѣнная запись.

Въ случаѣ смерти одного изъ участниковъ подобнаго товарищества или цѣлаго сельскаго общества, не оставившаго наслѣдниковъ, его часть дѣлится по-ровну между оставшимися въ живыхъ товарищами, принимающими за покойнаго всѣ его обязательства. Внутренній хозяйственный распорядокъ и способъ пользованія купленною товариществомъ землею должны быть предоставлены вполнѣ ихъ собственному желанію.

Кромѣ того, правительство можетъ требовать, чтобы заложенные ему земли не истощались, тѣмъ болѣе, что этотъ принципъ приведенъ и въ уставахъ частныхъ банковъ, которые, впрочемъ, не настаиваютъ на его исполненіи.

Таковы въ общихъ чертахъ главные основанія, на которыхъ, по указаніямъ, выработаннымъ семнадцатилѣтнимъ опытомъ, было бы полезно учредить для сельскихъ обывателей долгосрочный кредитъ и тѣмъ продолжить неоконченное дѣло устройства народнаго быта, согласно Положенію 19 февраля 1861 года.

Такимъ образомъ, пока еще существуютъ у насъ, замирающія впрочемъ отъ бездѣйствія, крестьянскія учрежденія, вѣдавшія выкупъ и опытная въ этомъ дѣлѣ, новое улучшеніе не одного только крестьянскаго, но и народнаго быта вообще можетъ быть ведено этими же самыми учрежденіями, при широкомъ содѣйствіи избранныхъ земствомъ свѣдущихъ и достойныхъ полнаго довѣрія лицъ.

При этомъ, конечно, слѣдуетъ непремѣнно избѣгать ино-

страннаго займа. Иностранные банкиры, чуткіе до наживы, охотно дадутъ деньги на подобное предпріятіе, но можно даже съ увѣренностью сказать, что, при помощи иностранныхъ капиталовъ, устройство долгосрочнаго народнаго кредита окажется весьма тяжелымъ для страны бременемъ, которое она можетъ даже и не вынести.

И такъ, резюмируя все сказанное въ этой главѣ, мы придемъ къ заключенію, что для увеличенія народнаго благосостоянія и для огражденія его отъ той упорной, жестокой, а главное разрушительной по послѣдствіямъ, борьбы съ голодомъ и съ кулаками, не нужны никакія благотворительныя мѣры, но необходимо честное финансовое предпріятіе, которое удовлетворило бы современнымъ потребностямъ нашего отечества и дало бы государству несомнѣнную выгоду. Не нужно только медлить и откладывать дѣла въ долгій ящикъ; не слѣдуетъ ждать до того времени, когда русскій мужикъ выбьется изъ силъ и потеряетъ вѣру въ матушку-землю, переставшую его кормить. Тогда уже невозможно будетъ и придумать средства поставить на ноги миллионы людей, ступившихъ отъ нищеты, привыкшихъ къ бродяжничеству и невольно отдавшихся на волю порока и однихъ животныхъ страстей.

V.

Улучшеніе народнаго быта въ настоящемъ въ связи съ прогресивнымъ движеніемъ сельскаго хозяйства въ будущемъ.

Императрица Екатерина II учредила, въ свое время, опекунскій совѣтъ, который, имѣя при своемъ открытіи ничтожный капиталъ, достигъ въ скоромъ времени значительныхъ, а впоследствии и громадныхъ оборотовъ. Въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія опекунскій совѣтъ выдавалъ каждому помѣщику ссуду, равную такому количеству сторублевыхъ бумажекъ, сколько каждый изъ нихъ имѣлъ крѣпостныхъ душъ. Всѣ помѣщики, кромѣ рѣдкихъ исключеній, платили свои долги въ совѣтъ исправно. Теперь же, всѣ эти бывшіе помѣщики, кромѣ рѣдкихъ исключеній, являются неисправными заемщиками нынѣшнихъ поземельныхъ банковъ, а крестьяне, вывуженной пла-

тежъ которыхъ, говоря вообще, не болѣе прежняго помѣщичьяго долга въ совѣтъ, — совершенно обнищали.

Между тѣмъ, въ прежнее время, всякій помѣщикъ, имѣвшій сто и болѣе душъ, жилъ съ такимъ комфортомъ и удобствами, которыя теперь доступны людямъ, имѣющимъ десятки тысячъ дохода. Куда же дѣвалось прежнее, относительное благосостояніе крестьянъ, а также и помѣщиковъ, тоже нынѣ бѣдствующихъ? Если принять во вниманіе цѣнность сторублевой бумажки въ тридцатыхъ годахъ, то она стоила, по крайней мѣрѣ, вдвое болѣе нынѣшней кредитки такого же достоинства. Значитъ, считая по нынѣшнему, крестьяне заложенныхъ имѣній платили въ опекунской совѣтъ болѣе, чѣмъ платятъ нынѣ въ выкупное учрежденіе и, кромѣ того, содержали дорого стоящихъ помѣщиковъ, съ ихъ дворнею и разными причудами, и сами при этомъ были сытѣе. Куда же дѣлось наше богатство? Вѣдь выкупные платежи не превышаютъ прежнихъ оброчовъ.

Извѣстно, что выгодность земледѣлія опредѣляется положеніемъ въ странѣ рабочаго класса и собственности, а также степенью образованія народа. Русскій батракъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ и собственникъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться серьезною рабочею силою, потому что ни исполная обработка чужихъ угодій, ни временное батрачество не могутъ ему служить достаточными побужденіями для усерднаго, толковаго и добросовѣстнаго труда. Рѣзкое колебаніе цѣнъ на рабочій трудъ, предпочитающій исполную систему наемной платѣ, заставило бывшихъ сельскихъ хозяевъ отказаться отъ своей специальности, и, такимъ образомъ, большая часть землевладѣльческихъ угодій подверглась хищничеству, оставшись безъ настоящихъ хозяевъ. Въ сѣверной полосѣ, напримѣръ, лѣсные, а отчасти и луговые покосы заросли кустарниками; той же участи подверглась и большая часть прежнихъ помѣщичьихъ имѣній, потому что въ нихъ, за уменьшившимся кормомъ, стало видимо уменьшаться скотоводство. Такимъ образомъ, главные источники сельско-хозяйственнаго богатства въ сѣверной полосѣ, сѣнокосы и поля, заросли кустарниками, изъ-подъ которыхъ ихъ не можетъ освободить землевладѣлецъ, не имѣющій на то денегъ; но это охотно и неизбѣжно сдѣлаетъ крестьянинъ, если онъ купитъ помѣщичью землю. Если крестьянами или вообще землепашцами будутъ только возобновлены сѣнокосныя и полевыя угодья до тѣхъ размѣровъ, до которыхъ онѣ были доведены при крѣпостномъ правѣ, то, вмѣстѣ съ предполагаемымъ тогда увеличеніемъ скотоводства, подобныя мѣры значительно возвысятъ народное благосо-

стояніе. Даже если землепашцы и не возстановятъ прежнихъ размѣровъ запашки и увеличатъ, въ первое время, скотоводство лишь вдвое, то и тогда благосостояніе ихъ улучшится отъ того только, что, владѣя большимъ количествомъ земли, они не станутъ нуждаться въ выгонѣ, дровахъ и въ подсѣчной или суковой пашнѣ. Возьмемъ для примѣра бѣдную Псковскую губернію, въ которой, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ¹⁾, получается землепашцами отъ своихъ полей и стороннихъ заработковъ ежегодный дефицитъ въ три милліона рублей. Этотъ дефицитъ дохода они пополняютъ доходами, получаемыми съ земель, обрабатываемыхъ исполу или снимаемыхъ ими по найму отъ крупныхъ владѣльцевъ и казны. Если эти крестьяне, имѣющіе теперь въ своемъ владѣніи 1.400,000 десятинъ, получаютъ въ собственность вдвое болѣе того, т. е. 2.800,000, и обзаведутся только вдвое большимъ количествомъ скота, то доходъ съ ихъ полей, по крайней мѣрѣ, утроится. Предположивъ даже, что отъ удвоеннаго количества земли доходъ землевладѣльцевъ только удвоится, то, вмѣсто нынѣ получаемыхъ ими съ надѣловъ 7.800,000 р., они получаютъ до 15.000,000 р. Вычтя изъ этой цифры расходъ въ 10.000,000 р. и сверхъ того, плату за долгосрочный кредитъ даже въ одинъ милліонъ, всетаки получится чистаго дохода одинъ милліонъ рублей, на который землепашцы могутъ сдѣлать весьма многое. Приведенныя мною цифры преднамѣренно мною уменьшены, что подтвердить всякій, знающій это дѣло, человекъ.

Таковы причины, вслѣдствіе которыхъ благосостояніе сельскаго сословія поднимется въ сѣверныхъ и южныхъ, рѣдко населенныхъ, губерніяхъ. Изъ средней же полосы—переселеніе выведетъ избытокъ населенія, а оставшіеся на мѣстѣ перекупятъ ихъ надѣлы.

Но, кромѣ этихъ причинъ, есть общія соображенія, указывающія на будущее прогрессивное движеніе русскаго сельскаго хозяйства, если земле стануть владѣть люди, дѣйствительно ее любящіе и обрабатывающіе ее своимъ трудомъ, который станетъ возвышаться по мѣрѣ образованія массы. Такія соображенія высказаны однимъ землевладѣльцемъ²⁾, слова котораго я здѣсь, отчасти, повторю.

Отъ увеличенія землевладѣнія сельскихъ обывателей поднимается нравственный и матеріальный уровень того класса обще-

¹⁾ См. книгу кн. Васильчикова „День въ Псковской губерніи“.

²⁾ „Труды И. В. Э. Общества“, 1878 г., сентябрь. Отдѣлъ полет. экономіи А*.

ства, который составляет ядро русскаго населенія; эта мѣра, размножая мелкое землевладѣніе, уменьшитъ отливъ русскихъ капиталовъ за границу и чрезъ то возвыситъ экономическія силы страны. Вопросъ о преимуществѣ крупнаго или мелкаго землевладѣнія не можетъ быть разрѣшаемъ одинаково для всѣхъ государствъ. Чѣмъ бѣднѣе природа страны, тѣмъ настоятельнѣе необходимость въ мелкомъ землевладѣніи. Въ государствахъ съ благопріятными климатическими условіями крупный собственникъ не имѣетъ выгодъ жить внѣ предѣловъ своего отечества по дѣльнымъ годамъ, потому богатства страны въ ней же и остаются, отчего образуются капиталы, которые производятъ процвѣтаніе промышленности. Въ Россіи же, при суровости климата и относительной бѣдности природы, часть крупныхъ собственниковъ предпочитаетъ жить за границею, а другая часть, остающаяся въ отечествѣ, потребляетъ много предметовъ иностранной промышленности въ обмѣнъ на сырыя русскія произведенія. Отсюда истощеніе почвы (изслѣдованія Либиха, Ламбля и др.) и растраты капиталовъ за границею. Такой порядокъ вещей дѣлаетъ изъ Россіи колонію Европы, и если онъ продолжится долѣе, то значительная часть нашего отечества можетъ обратиться въ пустыню. При развитіи мелкаго землевладѣнія, если русскій народъ будетъ хорошо питаться и обуваться, то небольшой затѣмъ излишекъ продуктовъ нашей земли будетъ обработанъ тѣми же сытыми людьми.

VI.

Заключеніе.

Изъ всѣхъ фактовъ, приведенныхъ мною въ настоящей статьѣ, неизбѣжнымъ образомъ вытекаетъ тотъ выводъ, что наши земледѣльцы находятся въ настоящее время въ состояніи весьма мало отличномъ отъ того, въ которомъ они находились при царѣ Борисѣ Годуновѣ; по крайней мѣрѣ ихъ экономическое положеніе и умственное развитіе въ наши дни почти таковы же, каковы онѣ были три столѣтія тому назадъ. Эта необезпеченность положенія, грозившая истощеніемъ народныхъ силъ, побудила Бориса Годунова прикрѣпить крестьянъ къ землѣ и тѣмъ обезпечить ихъ продовольствіе. Въ наши дни, на основаніи неот-

ложной въ томъ потребности, слѣдуетъ дать народу возможность жить на правахъ полнаго собственника, довольнаго своимъ положеніемъ, т. е. надо сдѣлать тоже, что было сдѣлано царемъ Борисомъ, обезпечившимъ до извѣстной степени народное продовольствіе, но, конечно, сдѣлать это инымъ, справедливымъ и нравственнымъ образомъ. Способъ приведенія въ исполненіе подобной мѣры заключается въ открытіи для народа дешеваго государственнаго долгосрочнаго кредита, направленнаго къ покупке земли сельскими обывателями и къ выдачѣ ссудъ тѣмъ изъ нихъ, которые пожелаютъ заселить казенныя земли, подлежащія отводу бесплатно всѣмъ людямъ, способнымъ къ земледѣльческому труду. Въ этомъ состоитъ единственный способъ обезпеченія народнаго продовольствія, и только послѣ того, какъ масса населенія перестанетъ жить въ проголодь, слѣдуетъ уже приступить къ изученію ея свойствъ, выражаемыхъ въ извѣстной формѣ землевладѣнія, къ развитію въ ней образованія, къ устройству артелей, товариществъ и прочихъ, тому подобныхъ, мѣръ, имѣющихъ второстепенное, но, разумѣется, весьма важное для будущаго значеніе. Наблюденія надъ этими явленіями въ настоящее время неудобны потому, что масса населенія, живущая въ проголодь, не можетъ быть вполне нормальна и правильное наблюденіе надъ нею возможно лишь съ патологической точки зрѣнія, чего не хотятъ принять во вниманіе многіе изъ пишущихъ и говорящихъ грамотныхъ и ученыхъ русскихъ людей. Поэтому, вѣроятно основываясь на фактахъ, вынесенныхъ изъ наблюденій надъ ненормальною жизнью того же самаго народа, одни видятъ все зло, развѣдающее массу, въ общинѣ; другіе же, наоборотъ—въ томъ, что эта община не распространена повсемѣстно; есть люди, полагающіе, что отъ поощренія свободнаго бродяжничества ¹⁾ съ сѣвера на югъ и обратно можно ожидать экономическаго благосостоянія массы; а есть и такіе, которые всѣ бѣды наши вваливаютъ на круговую поруку и т. д. Чѣмъ больше скороспѣлыхъ заключеній, тѣмъ больше и сбивчивости въ понятіяхъ. Конечно, кромѣ неблагоприятныхъ условій для наблюденія народныхъ свойствъ, причину такихъ неосновательныхъ о нихъ заключеній слѣдуетъ, по всей справедливости, отнести и къ невѣжеству, такъ называемой, образованной публики, которая чужда жизни остальнаго населенія своего отечества.

Для пополненія такого пробѣла въ своемъ воспитаніи, обра-

¹⁾ Это мнѣніе часто высказывалось и въ печати и въ сельско-хозяйственныхъ обществахъ.

зованная часть русскаго общества должна встать ближе къ народнымъ интересамъ, и единственно практическимъ къ тому способомъ представляется, въ настоящее время, дарованіе крестьянству права выбирать въ старшины лицъ всѣхъ сословій, живущихъ въ данной мѣстности не менѣе трехъ лѣтъ. Разумѣется, при этомъ старшину слѣдуетъ поставить въ такія условія, при которыхъ становой приставъ или исправникъ не имѣли бы права сажать его подъ арестъ. Для привлеченія старшинъ изъ образованнаго сословія было бы полезно, по желанію сельскихъ обывателей и по ходатайству чрезъ земство у правительства, разрѣшать нынѣшнимъ двумъ или тремъ волостямъ сливаться въ одну. Тогда одинъ старшина, замѣнившій двухъ или трехъ нынѣшнихъ, получить жалованья отъ 800 до 1,000 рублей, отчего нисколько не увеличится нынѣ существующій сборъ на крестьянское самоуправленіе. Для лицъ, любящихъ дѣло самоуправления и желающихъ принести народу пользу, такое положеніе старшины можетъ, какъ съ нравственной, такъ и съ матеріальной стороны, вполне замѣнить карьеру чиновника любого изъ губернскихъ и даже столичныхъ учреждений. Было бы весьма желательно, чтобы одновременно съ тѣмъ должность волостнаго писаря, содержаніе котораго при уменьшенномъ числѣ волостей можетъ быть возвышено тоже до 1,000 рублей, замѣщалась бы достойными довѣрія людьми, кончившими курсъ въ среднихъ и даже въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, причемъ было бы постановлено за правило, чтобы на извѣстныхъ административныхъ должностяхъ опредѣляли преимущественно лицъ образованнаго сословія, пробывшихъ извѣстное число лѣтъ волостнымъ писаремъ. Такое преобразование крестьянскаго самоуправления уничтожило бы вредное вліяніе кулаковъ и міроѣдовъ и, вмѣстѣ съ увеличеніемъ крестьянскихъ надѣловъ, несомнѣнно быстро возвысило бы народное благосостояніе, съ поправленіемъ котораго оживились бы и земская и государственная дѣятельности. Выходить, что въ дѣлѣ благоустройства внутренней жизни русскаго народа, надо начать все съ начала, т. е. съ обезпеченія ему насущнаго хлѣба, что, какъ мною указано, правительство можетъ сдѣлать безъ большихъ жертвъ, такъ какъ ему предстоитъ лишь выдача народу авансомъ денегъ, которыя онъ возвратитъ государству вмѣстѣ съ причитающимися съ него процентами, причемъ платежъ этотъ будетъ обезпеченъ землею, которую купятъ сельскіе обыватели.

Также съ самаго начала приходится приступить и къ сближенію образованнаго класса съ народомъ, который теперь пре-

доставленъ исконному невѣжеству и нищетѣ, почему и самоуправленіе его похоже на ту грубую борьбу за существованіе, которую описалъ Дарвинъ. Внести элементъ гражданской нравственности, исключаящій взятки и обирание сильными слабыхъ, лежитъ на обязанности лицъ, возвысившихся надъ массою, благодаря полученнымъ отъ нея же средствамъ, на которыя мы и отцы наши учились разнымъ наукамъ.

Судя по всему, умы современнаго передоваго общества направлены такъ, что, безъ сомнѣнія, способнѣйшіе изъ его среды люди готовы служить народному дѣлу съ увлеченіемъ и самоотверженіемъ, отъ которыхъ слѣдуетъ ожидать прекрасныхъ результатовъ.

Для удовлетворенія желанія общественнаго мнѣнія, нужно только указать форму, въ которую эти сочувствія могли бы вылиться. Такого указанія Россія, страдающая отъ многихъ тяжкихъ невзгодъ, терпѣливо ждетъ отъ своего правительства и можно надѣяться, что ей уже не долго осталось ждать.

И. Кашкаровъ.

ОЧЕРКИ ИСТОРИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ.

ОЧЕРКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ХИМІЯ.

I.

„Не легко составить себѣ понятіе объ объемѣ химическаго знанія настоящаго времени, не бросивъ предварительно взглядъ на минувшія столѣтія“ (Либихъ). Но какъ далеко въ глубь простираются тѣ столѣтія, о которыхъ говорятъ знаменитый химикъ? Сколько вѣковъ прошло со времени возникновенія химическихъ знаній? На эти вопросы исторія химіи не даетъ прямого отвѣта, да и не можетъ дать. Еще въ введеніи къ настоящимъ очеркамъ было показано, что трудно, даже невозможно уловить начало тамъ, гдѣ приходится имѣть дѣло съ процессомъ развитія. Мы видѣли уже, какъ исподоволь выдѣлялись физическія знанія изъ хаоса первоначальныхъ, разрозненныхъ идей, и какъ, по мѣрѣ такого выдѣленія, постепенно, все рѣзче и рѣзче, выступали впередъ характерныя признаки этихъ знаній, слившись, въ концѣ концовъ, въ одну цѣльную, генетически связанную въ своихъ частяхъ, систему. Тоже самое обнаруживается и въ исторіи химическихъ знаній. И здѣсь начальное состояніе ихъ совершенно незамѣтно и неуловимо сливается съ примитивными идеями того самаго „хаоса“ знанія, изъ котораго затѣмъ, на дальнѣйшихъ ступеняхъ развитія, вырастаютъ различныя отдѣлы наукъ.

Такимъ образомъ, и въ отношеніи исторіи химіи, задача наша сводится къ изслѣдованію процессовъ постепеннаго обособ-

ленія данной области знанія, къ изслѣдованію условій ея роста въ связи съ вліяніемъ преестественности идей. Эти изслѣдованія покажутъ намъ, что и въ химіи, какъ и физикѣ—искусственная классификація явленій предшествуетъ естественной и также всецѣло покоится на томъ самомъ ложномъ представленіи о причинѣ, источникомъ котораго служитъ мировоззрѣніе дикаря. Онѣ покажутъ намъ, что и здѣсь анимистическій принципъ составляетъ исходную точку и предшествуетъ механическому принципу; что, подобно физикѣ, и химія, въ свою очередь, подвигалась впередъ тѣмъ же путемъ, постепеннаго вытѣсненія анимистическаго принципа механическимъ, пока, наконецъ, послѣдній окончательно не упрочился. Только тогда уже устанавливается точная связь между химическими явленіями, выражающими собою тѣ или другія измѣненія въ составѣ тѣлъ; только тогда эти явленія распредѣляются въ ихъ зависимости отъ условій основнаго механическаго принципа — движенія и всѣ вмѣстѣ подводятся подъ одни и тѣ же динамическіе законы—дѣйствія и противодѣйствія.

Какъ извѣстно каждому, предметъ химіи, въ противоположность физикѣ, составляютъ тѣ именно явленія, которыя обнаруживаются веществами при измѣненіи ихъ состава, при сліяніи простыхъ или элементарныхъ тѣлъ въ сложныя соединенія и при распаденіи послѣднихъ на составныя части. Но такая задача химическихъ знаній складывалась исподволь, и прежде чѣмъ она выяснилась опредѣленно, химія весьма продолжительное время преслѣдовала инныя цѣли, вполне характеризующія собою то младенческое состояніе, въ какомъ она тогда находилась. Начальный періодъ этого эмбриональнаго (зачаточнаго) состоянія относится къ тому отдаленному, древне-историческому прошлому, когда химія, какъ самостоятельная наука, еще не существовала, и всѣ свѣдѣнія всецѣло покоились на примитивномъ представленіи о явленіяхъ превращенія, въ связи съ признаніемъ различныхъ самобытныхъ „началъ“. Въ такомъ именно положеніи мы находимъ эти знанія у древнихъ грековъ и римлянъ. Мы могли бы спуститься еще далѣе—въ глубь отдаленнаго прошлаго; извѣстно, на примѣръ, что древніе египтяне дѣлали свое острое оружіе изъ твердаго сплава, составленнаго изъ мѣди и олова въ опредѣленныхъ пропорціяхъ, „слѣдовательно должно было существовать нѣкоторое установившееся предвидѣніе, что такой сплавъ могъ быть полученъ только чрезъ

смѣшеніе металловъ именно въ этихъ пропорціяхъ“ (Спенсеръ). Другими словами, должны были существовать нѣкоторые металлургическія свѣдѣнія, нѣкоторое начальное обобщеніе относящихся сюда явленій, хотя, конечно, всѣ подобнаго рода обобщенія отличались чисто эмпирическимъ характеромъ и не представляли прямого отношенія къ тому, какъ понимались самыя явленія. Далѣе, извѣстно, что и доисторическіе народы послѣ-каменнаго періода умѣли готовить бронзу, обрабатывать мѣдь, не говоря уже о добываніи огня, извѣстномъ человѣку въ самую раннюю эпоху его первобытной жизни. Съ помощью огня, человѣкъ приготовлялъ себѣ пищу, кипятилъ воду, а впоследствии, при содѣйствіи все той же „силы“, сталъ извлекать изъ камня (металлической руды) нѣкоторые металлы. Такимъ образомъ, человѣческая мысль уже на первыхъ ступеняхъ своего примитивнаго развитія постепенно подготовлялась къ признанію огня, какъ таковой „стихіи“, таковаго „духа“, который можетъ преобразовывать природу веществъ, можетъ истреблять или „пожирать“ одни тѣла и измѣнять другія. Доисторическіе способы приготовленія металловъ и ихъ обработка давно уже научили человѣка понимать, что во всѣхъ этихъ случаяхъ преобразованія вещества—огонь играетъ самую главную роль; и съ дальнѣйшимъ развитіемъ металлургіи должно было, конечно, постепенно выработаться убѣжденіе, что, при содѣйствіи огня, можно искусственно готовить металлы. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ выводъ прямо вытекаетъ изъ того факта, что камень (руда) превращается, подъ влияніемъ огня, въ металлическое тѣло,—факта, хотя и ложно понятаго, но крайне рѣзко бросавшагося въ глаза, чтобы не воспользоваться тѣми данными, которыя усматривала въ немъ ненаучная мысль отдаленнаго прошлаго. Дѣйствительно попытки искусственнаго приготовленія металловъ, именно такихъ цѣнныхъ металловъ, какъ серебро и главнымъ образомъ золото,—относятся къ весьма почтенной древности. Первые попытки подобнаго рода, какъ гласитъ преданіе, были сдѣланы еще въ Египтѣ, странѣ, извѣстной у древнихъ грековъ подъ именемъ *χρυσία* (химія), откуда, какъ полагаютъ, и происходитъ самое названіе науки: „химія“—терминъ, впервые встрѣчающійся у писателей IV столѣтія по Р. Х., которые обозначали этимъ именемъ искусство готовить золото и вообще превращать „неблагородные“ металлы (олово, свинецъ, мѣдь, желѣзо) въ „благородные“ (серебро и золото).

Самая возможность подобнаго превращенія, какъ нельзя болѣе гармонировала съ извѣстнымъ уже намъ ученіемъ древнихъ

мыслителей о превращаемости матеріи изъ одного состоянія въ другое, путемъ различныхъ комбинацій первичныхъ стихій или „началъ“. По Аристотелю и его послѣдователямъ такихъ началъ, помимо пятой сущности (квантъ-эссенціи), насчитывалось, какъ мы знаемъ, четыре: земля, вода, воздухъ и огонь; соединяясь вмѣстѣ онѣ образовывали собою всѣ предметы видимаго космоса—стало быть, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, должны были служить источникомъ и для превращенія неблагородныхъ металловъ въ благородные. Слѣдуетъ только узнать, каковы эти обстоятельства, какого „начала“ не достаетъ грубымъ металламъ, чтобы придать имъ свойства благородныхъ металловъ. Вопросы эти въ теоретическомъ отношеніи рѣшались очень просто. По мнѣнію, напримѣръ, древняго римскаго ученаго, Плинія, послѣдователя аристотелевскаго ученія о „началахъ“, различные металлы отличаются между собою степенью усовершенствованія; самый совершенный металлъ—золото, такъ какъ оно не измѣняетъ своего вѣса и своихъ качествъ, не ржавѣетъ на воздухѣ и встрѣчается въ природѣ самороднымъ, т. е. съ тѣми же существенными свойствами, которыя обнаруживаетъ оно и послѣ обработки; другіе же металлы—несовершенные; они находятся не въ самородномъ видѣ, а въ видѣ рудъ, которыя улучшаются при посредствѣ огня. Стало быть, огонь и составляетъ ту самую „стихію“, которая въ состояніи совершенствовать металлы, въ состояніи очистить грубое вещество отъ постороннихъ, низшихъ примѣсей и превратить его въ благородное тѣло—въ золото. Все зависитъ отъ удачно рассчитаннаго дѣйствія жара. По словамъ Плинія, эту задачу опытнымъ путемъ старался рѣшить римскій императоръ Калигула, жившій въ первомъ столѣтіи по Р. Х. Именно, онъ подвергнулъ дѣйствию огня громадное количество особеннаго камня—опермента (минераль лимонно-желтаго цвѣта съ зеленоватымъ отливомъ) и будто бы получилъ въ результатъ золото; но количество добытаго этимъ путемъ благороднаго металла,—замѣчаетъ Плиній,—было столь ничтожно въ сравненіи съ массою затраченнаго опермента, что настоящій способъ не обѣщаль никакой матеріальной выгоды.

Подобныя неудачи только разжигали эту ошибочную вѣру въ возможность искусственнаго приготовления благородныхъ металловъ; то было время, когда о преданіе предковъ разбивались въ дребезги самые очевидные факты; вѣра была такъ сильна, что одинъ изъ греческихъ историковъ—Зосимъ Панаполитянинъ, жившій въ срединѣ V столѣтія, писалъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что небесныя существа, изъ любви къ земнымъ женщинамъ,

открыли послѣднимъ всѣ тайны и въ томъ числѣ искусство приготавливать золото. Вообще, какъ свидѣтельствуесть древнеисторическая литература того времени, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, только-что упомянутое искусство или, говоря иначе, ученіе о возможности превращенія металловъ, весьма прочно уже установилось въ первые семь столѣтій по Р. Х., и такимъ образомъ было положено начало арабской науѣ—алхиміи, какъ переименовали „химію“ древнихъ писателей ученые арабы VIII столѣтія.

Многочисленные опыты, производившіеся съ цѣлью отыскать средство приготовить золото, и обнаруживавшіеся при этихъ опытахъ различныя побочныя явленія, постепенно накопили массу самыхъ разнообразныхъ фактовъ, но всѣ эти факты представляли какую-то пеструю, хаотическую путаницу, въ которой ненаучная мысль легко усматривала доказательства справедливости своего примитивнаго, анимистическаго міровоззрѣнія.

Это анимистическое міровоззрѣніе, рассматривавшее матерію какъ тѣнь духа, а тѣло—какъ призрачное подобіе души, сказалось во всей своей первобытной чистотѣ въ ученіяхъ арабскихъ алхимиковъ VIII столѣтія. „Къ этому времени,—говоритъ Дреперъ,—накопилось много естественныхъ фактовъ удивительнаго и непонятнаго свойства, которые легко могли произвести глубокое впечатлѣніе на удивленныхъ очевидцевъ, неумѣвшихъ ихъ объяснить. Для нынѣшнихъ химиковъ все это самыя обыкновенныя вещи. Напримѣръ, накрѣпко закупоренные сосуды открывались, если ихъ держали на огнѣ, какъ будто дѣйствіемъ какого нибудь невидимаго лица; неосвязаемые пары сгущались въ твердыя тѣла; въ безцвѣтныхъ жидкостяхъ внезапно получались осадки различныхъ яркихъ цвѣтовъ; пламя взлетало вверхъ безъ всякой видимой причины и дѣлались взрывы. Все это было совершенно необъяснимо и неожиданно и вполнѣ оправдывало данное этому искусству названіе „тайной науки“, чернаго искусства. Здѣсь соединены были факты отдѣльныхъ, несвязывавшихся одно съ другимъ, чудесъ. Халдейскія свѣдѣнія о міровой душѣ, о внутреннихъ духахъ доставили ту нить, на которую могли быть нанизаны всѣ эти удивительныя вещи.

„Вмѣстѣ съ истинными научными знаніями, арабы съ жадностью приняли отъ своихъ учителей—несторіанъ и евреевъ и эти мистическія толкованія, потому что сверхъестественное всегда имѣетъ свою прелесть (по нашему же мнѣнію потому, что для всѣхъ народовъ, стоящихъ на низшей ступени умственнаго развитія, сверхъестественное составляетъ, въ сущности, самое есте-

ственное толкованіе явленій и какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ примитивными понятіями вообще и съ примитивными приѣмами мышленія). Однакоже, они далеко не удовлетворились этими свѣдѣніями, и работали сами, чтобы расширить и усовершенствовать ихъ. Они подвергали всевозможнымъ операціямъ всевозможныя вещества, и весьма улучшили экспериментальные способы, принятые ими отъ своихъ наставниковъ. Подвергая различныя тѣла дѣйствию огня, они научились извлекать изъ нихъ болѣе утонченныя частицы, въ которыхъ, казалось, съ особенною силою сосредоточивались свойства, принадлежащія тѣламъ, откуда они были извлечены. Такъ какъ эти частицы, при своемъ освобожденіи изъ тѣла, были иногда невидимы, и однакоже все-таки могли при этомъ взрывать самыя крѣпкіе сосуды, изъ которыхъ вылетали тогда съ трескомъ и пламенемъ, то они сочтены были за внутренній духъ или душу этого тѣла (spiritus), откуда извлекалъ ихъ огонь. Такимъ образомъ, найденъ былъ внутренній духъ или спиртъ вина, соли, селитры. Эти названія еще удерживаются иногда въ обращеніи и до сихъ поръ, хотя смыслъ ихъ уже затерянъ. Въ первое же время они имѣли букввальное значеніе. Алхимія съ своими эссенціями, квинтъ-эссенціями и внутренними духами или спиртами (spiritus), была оматериализованнымъ пантеизмомъ“. Она усматривала причину наблюдаемыхъ явленій въ особыхъ самостоятельныхъ дѣятеляхъ, самостоятельныхъ сущностяхъ; подобно тому, какъ это имѣло мѣсто и для физики въ ея зачаточномъ состояніи, и мы надлежащимъ образомъ оцѣнимъ значеніе этихъ начальныхъ возрѣній для послѣдующихъ стадій развитія химическихъ знаній, если поближе рассмотримъ ученіе алхимиковъ.

II.

Первыя, наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія о знаніяхъ алхимиковъ встрѣчаются въ VIII столѣтіи у арабовъ, завоевателей Азии и Египта. Они заимствовали свои философскія и научныя познанія у древняго міра и, съ покореніемъ Испаніи, перенесли ихъ въ эту страну, которая, такимъ образомъ, въ теченіи продолжительнаго времени служила центральнымъ пунктомъ умственнаго развитія западной Европы. Любовь и уваженіе, съ какимъ относились эти преемники Магомета къ научнымъ знаніямъ и ихъ глубокая вѣра въ силу послѣднихъ — достойны удивленія. Нѣкоторыя изъ ихъ любимыхъ изрѣченій могутъ служить на-

гляднымъ свидѣтельствомъ, какимъ почотомъ пользовалась у арабовъ наука и вообще литература. „Рай столько же существуетъ для того, кто хорошо владѣеть перомъ, сколько для того, кто палъ отъ меча“. „Чернила ученаго столь же достойны уваженія, какъ кровь мученика“. „Міръ держится только четырьмя вещами: знаніемъ мудреца, справедливостью сильнаго, молитвами добраго и мужествомъ храбраго“. „Превосходство въ науѣ, говоритъ Объ-Али, одинъ изъ арабскихъ государей, есть величайшая изъ почестей“, и далѣе: „Тотъ не умираетъ, кто даетъ жизнь знанію“. „Величайшее украшеніе человѣка есть знаніе„.

Эти изрѣченія не были голословны. Арабы покровительствовали науѣ не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Ихъ утонченная цивилизація и благосостояніе представляли рѣдкій контрастъ съ состояніемъ туземныхъ европейцевъ того времени. Одинъ изъ главныхъ ихъ городовъ, Кордова, состоялъ изъ двухсотъ тысячъ домовъ и имѣлъ около милліона жителей; городъ освѣщался фонарями на протяженіи десяти миль, тогда какъ, спустя семьсотъ лѣтъ, въ Лондонѣ не было ни одного общественнаго фонаря; улицы Кордова были отлично вымощены, между тѣмъ, какъ въ Парижѣ, еще по истеченіи нѣсколькихъ столѣтій, всякій ступавшій черезъ порогъ своего дома, въ дождливый день, рисковалъ утонуть въ грязь. Другіе города—Гренада, Севилья, Толедо, соперничали съ Кордовой. Дворцы калифовъ были великолепно украшены. Эти государи могли смотрѣть съ надмѣннымъ презрѣніемъ на жилища правителей Франціи, Англіи и Германіи, которыя были немногимъ лучше хлѣбовъ: безъ трубъ, безъ оконъ, съ отверстіемъ въ крышѣ для выхода дыма, какъ въ бурныхъ набахъ. „Испанскіе магометане принесли съ собою всю роскошь и расточительность Азіи. Ихъ жилища или стройно высились въ голубому небу, или таились въ глубинѣ роцъ. Мраморные полированные балконы этихъ жилищъ висѣли надъ померанцовыми садами; на дворахъ были каскады воды; тѣнистыя убѣжища манили въ дремотѣ въ жаркіе дни; внутреннія залы со сводами и разрисованными стеклами украшены были золотомъ, и въ нихъ струились и рассыпались брызгами каскады воды; полъ и стѣны ихъ были изъ великолѣпной мозаики“, и т. д. Но рядомъ съ этою утонченною роскошью, арабы не забывали покровительствовать науѣ и литературѣ. Они основали библіотеки во всѣхъ своихъ главныхъ городахъ. При каждой мечети были устроены народныя школы, въ которыхъ дѣти бѣднѣе обучались чтенію, письму и правиламъ корана. Для дѣтей зажиточныхъ сословій существовали училища, помѣщавшіяся

обыкновенно въ двадцати пяти или тридцати комнатахъ, изъ которыхъ каждая предназначалась для четырехъ учениковъ; училище управлялось ректоромъ. Въ Кордовѣ, Гренадѣ и другихъ большихъ городахъ были университеты, въ которыхъ профессора византийской литературы читали лекціи объ арабскихъ классическихъ сочиненіяхъ; другіе преподавали реторику, математику, астрономію и инныя науки. У нихъ бывали особенныя собранія, на которыхъ читались поэтическія произведенія и произносились передъ присутствующею публикою рѣчи. Кромѣ школъ для общаго образованія, у нихъ были также школы спеціальныя, особенно по медицинѣ. (Дреперъ: „Исторія умственного развитія Европы“).

Въ виду только что изложеннаго, весьма естественно, что здѣсь именно, среди роскоши арабской жизни, была подготовлена самая благоприятная почва для дальнѣйшаго развитія древней науки: готовить искусственно благородные металлы. Роскошь рождаетъ еще большую потребность въ роскоши, и кто же болѣе арабовъ заищетъ, вознамерившихъ всю цѣну золота и серебра, могъ желать овладѣть таинственнымъ искусствомъ облагораживанія неблагородныхъ металловъ. Дѣйствительно, у арабовъ того времени, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, алхимія впервые является въ видѣ болѣе или менѣе цѣльнаго ученія.

Изъ числа арабскихъ алхимиковъ самое выдающееся мѣсто занималъ Джаферъ-Абу-Муса-аль-Софи, жившій въ концѣ восьмаго вѣка и извѣстный болѣе подъ именемъ Гебера или Джебера. Дреперъ, нѣсколько увлекаясь, говоритъ, что имя Гебера „составляетъ въ химіи такую же эпоху, какъ имена Пристлея и Лавуазье. Онъ первый описалъ азотную кислоту и царскую водку. До него не было извѣстно ни одной крѣпкой кислоты, кромѣ уксусной. Мы не могли бы имѣть химіи, не зная кислот“. Но не слѣдуетъ, однако, упускать изъ вида, что не открытіе новыхъ фактовъ, само по себѣ, а обобщеніе этихъ фактовъ управляетъ развитіемъ знанія; сырой эмпирической матеріалъ долженъ быть претворенъ въ идею, чтобы дать „жизнь знанію“. Посмотримъ же, что было сдѣлано Джеберомъ въ этомъ послѣднемъ направленіи. Само собою разумѣется, мы не будемъ входить въ подробности и ограничимся только наиболѣе выдающеюся, наиболѣе существенною стороною его ученія.

Джеберъ, подобно всѣмъ алхимикамъ вообще, главнымъ образомъ сосредоточивалъ свое ученіе на металлахъ; изучить природу металловъ и ихъ превращенія—вотъ существенная задача, которую преслѣдовали алхимики; все остальное исследовалось и

интересовало их постольку, поскольку содѣйствовало разъясненію этой главной задачи. Джеберъ разсматривалъ металлы какъ сложные тѣла, состоящія изъ двухъ началъ или двухъ стихій, которыми опредѣляются свойства этихъ веществъ: ихъ блескъ, ковкость, значительная тяжесть и большая или меньшая степень измѣняемости или горючести. Первое изъ началъ есть металличность; эта именно сущность сообщаетъ металламъ ихъ блескъ и ковкость; второе начало есть измѣняемость; оно также входитъ въ составъ каждаго металла, „одухотворяетъ“ его и оставляетъ послѣдній, когда металлъ подвергается дѣйствию огня или другимъ разрушительнымъ влияніямъ, тогда именно металлическое тѣло, лишенное одухотворяющаго начала, измѣняется, терять свои свойства или, по характерной терминологіи того времени, „умираетъ“.

Такимъ образомъ, каждый металлъ живетъ и обнаруживаетъ свои свойства, поскольку содержатся въ немъ одухотворяющія начала—металличность и измѣняемость. Различные металлы содержатъ эти начала въ различной пропорціи и этимъ объясняются ихъ особенности; золото, напримѣръ, обладаетъ въ наибольшей степени началомъ металличности и въ наименьшей степени началомъ измѣняемости; оттого-то оно отличается такимъ блескомъ и ковкостью, не ржавеетъ на воздухѣ и не теряетъ свои металлическія свойства при нагреваніи; въ оловѣ, напротивъ, второе начало (измѣняемость) преобладаетъ надъ первымъ (металличностью), вслѣдствіе чего оно сильно измѣняется при нагреваніи. Идеаломъ металличности Герберъ считалъ ртуть, какъ приближающуюся по своему блеску и тяжести къ металламъ (ртуть въ то время не признавалась за металлъ), а по своей подвижности и легкости, съ какою она принимаетъ ту или другую форму, какъ бы обнаруживающую наибольшее совершенство ковкости. Идеаломъ измѣняемости или горючести признавалась сѣра, какъ вещество наиболѣе горючее и способное „улетучиваться“ при нагреваніи.

Таково, въ общихъ чертахъ, ученіе Джебера, принятое всѣми алхимиками его времени и имѣвшее очень многихъ послѣдователей. И въ настоящемъ случаѣ приемы толкованія наблюдаемыхъ явленій всецѣло олицетворяютъ ученія древнихъ мыслителей, и въ отношеніи химическихъ знаній повторяется тоже самое, что мы видѣли, говоря о начальномъ, зачаточномъ состояніи физическихъ знаній; какъ тамъ тѣ или другія явленія движенія объяснялись участіемъ различныхъ самостоятельныхъ дѣятелей, различныхъ сущностей, управляющихъ этими

явленіями, такъ и здѣсь тѣ или другія состоянія тѣлъ, тѣ или другія ихъ „свойства“—блескъ, ковкость, горючесть—принимываются дѣйствию какихъ-то самостоятельныхъ началъ, какихъ-то невидимыхъ существъ, очевидно, родныхъ дѣтищъ фетишей дикаря. И здѣсь „причины“ явленій, напримѣръ, измѣняемость металловъ при нагрѣваніи, отыскиваются внѣ условій самихъ явленій, и здѣсь эти причины и эти явленія совершенно разобщены. Чисто отвлеченное понятіе (металличность, измѣняемость) облекаются въ реальную форму, и такимъ образомъ совершенно субъективное представленіе приобретаетъ значеніе дѣйствительнаго факта; „свойство“ выдѣляется, обособляется отъ тѣла и рассматривается само по себѣ, какъ реальная сущность; являются два начала, какъ матеріализованные представители этой сущности—ртуть (начало металличности) и сѣра (начало измѣняемости), которыя своимъ взаимнымъ соединеніемъ обуславливаютъ природу металловъ. Но эти сѣра и ртуть не тѣ именно сѣра и ртуть, которыя встрѣчаются въ природѣ; послѣднія тѣла, по ученію алхимиковъ, очень грубы и нечисты. „Солнце (золото),—говоритъ Джеберъ,—состоитъ изъ очень тонкой ртути и небольшого количества очень чистой, огненостойкой и свѣтлой сѣры. Когда сѣра нечиста, груба, красна, такъ что большая часть ея огнестойка, а меньшая—напротивъ, и когда она смѣшана съ нечистой и грубою ртутью такимъ образомъ, что ни то, ни другое не преобладаетъ,—то изъ этой смѣси образуется Вешера (мѣдь)“. Вотъ въ чемъ, стало бытъ, состоитъ существенное различіе между благороднымъ и неблагороднымъ металломъ. Слѣдуетъ только отыскать такое средство, открыть такое вещество, которое очищало бы сѣру и ртуть отъ ихъ грубой примѣси, съ помощью котораго можно было бы извлечь изъ нихъ начала металличности и измѣняемости, и тогда уже, смѣшивъ эти начала въ известной пропорціи, легко превратить сѣру и ртуть въ золото или серебро. Такое воображаемое вещество, въ реальности котораго алхимики никогда, однако, не сомнѣвались, было известно у нихъ подъ именемъ философскаго камня. Погоня за этимъ таинственнымъ талисманомъ составляла существенную цѣль ихъ изслѣдованій природы.

Входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе тѣхъ приѣмовъ и средствъ, съ помощью которыхъ алхимики пытались открыть философскій камень, было бы неумѣстно. Достаточно сказать, что все въ сущности вращалось около основнаго принципа—самообразования или самосовершенствованія металловъ. Полагали, что земля самотворитъ въ своихъ нѣдрахъ золото и серебро изъ

болѣ низшихъ веществъ; но она употребляетъ на это продолжительное время; задача, стало быть, состояла въ томъ, чтобы сократить естественные сроки перерожденія, а это можетъ быть достигнуто при содѣйствіи возвышенной температуры. Въ самомъ дѣлѣ, „если мы заключаемъ, что вліяніе теплоты ускоряетъ созрѣваніе плодовъ, то не должны ли мы съ полнымъ правомъ ожидать, что хорошо рассчитанная степень жара совершенно отвѣтитъ и въ этомъ случаѣ нашимъ дѣламъ? Помѣщая въ горнило различные матеріалы на должное время, не ускоримъ ли мы ихъ желаемого превращенія?“. Нѣкоторые, однако, полагали, что одно участіе теплоты недостаточно; что на развитіе или усовершенствованіе металловъ оказываютъ вліяніе и другія „силы“, которыя должны быть принимаемы во вниманіе. „Намъ такъ же невозможно, — говоритъ отецъ алхиміи Джеберъ, — превращать металлы одинъ въ другой, какъ невозможно обратитъ быка въ козу; потому что, если природа употребляетъ тысячи лѣтъ для приготовленія металловъ, можемъ ли мы сдѣлать тоже самое, если мы рѣдко живемъ болѣе ста лѣтъ? Возвышенная температура, дѣйствию которой мы подвергаемъ тѣла, конечно, можетъ, въ теченіе короткаго времени, производить то, для чего природа употребляетъ цѣлыя годы; но это еще слишкомъ малое преимущество, такъ какъ извѣстно и вліяніе звѣздъ на металлы, которому намъ невозможно подражать. Не смотря, однако, на всѣ эти препятствія, не слѣдуетъ терять надежды; многія препятствія болѣе существуютъ въ умѣ ложныхъ мудрецовъ, чѣмъ въ самой природѣ“. И алхимики, дѣйствительно, не теряли надежды; въ продолженіе многихъ столѣтій они, съ замѣчательнымъ упорствомъ, отыскивали свой философскій камень, въ продолженіе многихъ столѣтій мысль продолжала и въ данной области знанія питаться идеями примитивной философіи, ни на іоту не измѣняя своего антропоморфическаго взгляда на природу изучаемыхъ веществъ. Въ этомъ отношеніи весьма поучительны слѣдующія слова сарацинскаго мудреца Аль-Хазини, писавшаго, въ двѣнадцатомъ столѣтіи: „Когда простые люди узнаютъ отъ естествоиспытателей, что золото есть тѣло, которое достигло до совершенства зрѣлости, до послѣдней полноты, они твердо вѣрятъ, что это есть нѣчто, постепенно достигающее такого совершенства, проходя черезъ формы всѣхъ другихъ металлическихъ тѣлъ, такъ что, по ихъ мнѣнію, золото было сначала свинцомъ, потомъ сдѣлалось жезью, далѣе — мѣдью, серебромъ, и, наконецъ, достигло развитія золота; они не знаютъ, что, говоря это, естествоиспытатели думаютъ только нѣчто подобное тому, что

они думаютъ, говоря о человѣкѣ и приписывая ему полноту и равновѣсіе въ природѣ и сложеніи—не то, что человѣкъ былъ нѣкогда быкомъ, а потомъ перемѣнился въ осла, затѣмъ въ лошадь, послѣ того въ обезьяну, и, наконецъ, сталъ человѣкомъ“.

Вотъ это—„нѣчто подобное тому, что они думаютъ, говоря о человѣкѣ“, вотъ это сужденіе о природѣ металловъ и ихъ измѣненіи, на основаніи сложенія и измѣненій, приписываемыхъ человѣческому организму, служить самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что и въ отношеніи химическихъ знаній вначалѣ практиковался тотъ же антропоморфическій способъ толкованія явленій. Съ настоящей точки зрѣнія, ученіе алхимиковъ о развитіи металлическихъ тѣлъ совершенно теряетъ свой кажуційся глубоко-философскій смыслъ и приобретаетъ иное значеніе, близко граничащее по своему характеру съ мировоззрѣніемъ первобытнаго человѣка и, во всякомъ случаѣ, составляющее прямой снимокъ съ его наивной философіи. Самая терминологія алхимиковъ служитъ тому дальнѣйшимъ подтвержденіемъ, такъ, напримѣръ, говоря объ образованіи металловъ изъ сѣры и ртути, они полагали, что при этомъ сѣра „представляетъ мужское сѣмя металловъ“, а ртуть „женское сѣмя“, другими словами, что сѣра своимъ вліяніемъ на ртуть „рождаетъ“ металлы, подобно тому какъ рождаются животные организмы. То же отождествленіе, только въ еще болѣе рѣзкой формѣ, было выражено въ ученіяхъ врачей-алхимиковъ XIII—XV столѣтій. Именно, они учили, что между „благородными“ металлами и „неблагородными“ такая же въ сущности разница, какъ между здоровымъ и больнымъ человѣкомъ; такъ, напримѣръ, по понятіямъ того времени, ртуть—была большое серебро, а желтая мѣдь—большое золото. „Приведите ко мнѣ, — говорилъ еще, упомянутый выше, арабскій алхимикъ Джебберъ, — шесть проказенныхъ (серебро, ртуть, мѣдь, желѣзо, свинецъ и олово) и я излечу ихъ“. Средствомъ противъ этихъ „богданей“ считался философскій камень. Но примитивная аналогія шла еще дальше, предполагалось, что по своей „сущности“ болѣзнь металловъ и человѣка тождественна и что тотъ самый философскій камень, который излечиваетъ металлы и возвращаетъ имъ жизнь, долженъ также давать человѣку здоровье и если не возвращать, то, по крайней мѣрѣ, поддерживать въ немъ долгую жизнь. Такимъ образомъ, съ дальнѣйшимъ развитіемъ алхимическихъ знаній, значеніе философскаго камня не только не уменьшилось, но еще болѣе возрасло. Наибольшаго сближенія съ медициной

алхимія достигла въ концѣ своего существованія, въ XV столѣтіи. Одинъ изъ передовыхъ алхимиковъ того времени, монахъ бенедиктинскаго ордена Василій Валентинъ, признававшій въ металахъ не два, а три начала—сѣру, ртуть и соль, такъ какъ это вещество получается изъ металловъ послѣ потери ими металличности и, стало быть, должно въ нихъ содержаться,—въ особенности содѣйствовалъ сближенію медицины съ алхиміей. Въ его время, для очищенія золота отъ примѣсей употребляли въ намельченномъ видѣ сѣрый минералъ—сурьмяный блескъ, извѣстный тогда подъ именемъ „антимонія“. Исходя изъ той мысли, что такое очищеніе есть, въ сущности, излечиваніе золота отъ болѣзни, Василій Валентинъ заключилъ, что сурьмяный блескъ обладаетъ необходимыми свойствами философскаго камня, и что, стало быть, это вещество, уничтожающее болѣзнь метала, тѣмъ легче должно излечивать болѣзни организма. Этотъ выводъ допускался еще и потому, что, по Василію Валентину, организмы, въ свою очередь, состоятъ изъ тѣхъ же трехъ „началъ“: ртути, сѣры и соли. Такимъ образомъ, было создано новое лекарство, и „антимоній“, употребляющійся въ нѣкоторыхъ случаяхъ и конинъ, приобрѣлъ въ короткое время среди медиковъ-алхимиковъ славу всеисцеляющаго лекарства. Усердствующіе медики, въ концѣ концовъ, дошли до того, что положительно морили больныхъ своими сурьмяными лекарствами, такъ что парижскій парламентъ принужденъ былъ въ 1566 году запретить употребленіе этихъ лекарствъ, подъ страхомъ лишенія права медицинскаго практиканта.

Ученіе астрологовъ, въ свою очередь, давало пищу алхимикамъ для дальнѣйшаго развитія своихъ аналогій: если міровыя тѣла, ихъ расположеніе на небѣ и т. д. оказываютъ вліяніе на рожденіе, развитіе и жизнь человѣка, то тѣ же самыя тѣла должны оказывать свое таинственное дѣйствіе и на металлы, на ихъ образованіе и превращеніе. Такимъ образомъ, предположеніе Джебера оправдалось, и его мнѣніе о возможности вліянія планетъ на развитіе металловъ превратилось у позднѣйшихъ алхимиковъ въ неподлежащее сомнѣнію убѣжденіе; происхожденіе металловъ въ землѣ стали приписывать таинственной „силѣ“ планетъ. Такое сближеніе планетъ съ металами было въ сущности сдѣлано еще въ самомъ раннемъ періодѣ алхимическихъ знаній, что выразилось въ отождествленіи самыхъ названій: золото называли солнцемъ, серебро — луной, мѣдь—Венерой и проч. Существованіе извѣстныхъ въ то время семи металловъ объяснялось существованіемъ семи планетъ,

какъ бы желая тѣмъ сказать, что каждый металлъ имѣеть свою планету, отъ которой зависитъ его происхождение въ нѣдрахъ земли. Отсюда явилось чисто мистическое вѣрованіе, что изученіе металловъ и ихъ превращеній должно всегда начинаться при извѣстномъ положеніи звѣздъ на небѣ; что земля творить золото и серебро послѣ опредѣленнаго числа лунныхъ кругообращеній и проч., и проч.

Въ такомъ состояніи находились химическія знанія въ теченіи всего средневѣковаго періода. Изслѣдуемыя явленія группировались въ зависимости отъ первобытнаго взгляда на „причину“ какъ на самостоятельную сущность. Тѣ или другія измѣненія въ свойствахъ тѣлъ и составъ тѣлъ приписывались вліянію постороннихъ дѣятелей; послѣдніе одухотворяютъ природу веществъ и безъ нихъ эти вещества все равно, что „тѣло безъ души“, все равно, что дикарь безъ фетиша. Алхимики до того были проникнуты этимъ антропоморфическимъ взглядомъ, что часто, описывая то или другое вещество, заставляли его говорить отъ себя; такъ, на примѣръ, у вышеупомянутаго монаха-алхимика Василія Валентина, селитра произноситъ слѣдующую рѣчь: „во мнѣ находятся два главныхъ элемента: огонь и воздухъ, въ меньшемъ количествѣ содержу я воду и землю, поэтому я именно летуча: во мнѣ находится тонкій духъ“. Для нашего времени всѣ эти „тонкіе духи“—сущія бредни, но если бы услышалъ о нихъ какой нибудь дикарь онъ нашелъ бы такое объясненіе виолнѣ естественнымъ, онъ навѣрное призналъ бы подобное объясненіе наиболее правильнымъ, потому что, по его понятію, „каждая вещь имѣеть своего духа“.

Только съ шестнадцатаго столѣтія ученіе алхимиковъ потеряло уже свою первоначальную обаятельную силу; но мы однако должны строго различать, что потеряла свою обаятельную силу лишь наука о превращеніи неблагородныхъ металловъ въ золото; перестали вѣрить въ могущество философскаго камня, но самое ученіе о „началахъ“, самый взглядъ на „причины“ химическихъ явленій, усматривавшій въ этихъ явленіяхъ дѣйствіе самостоятельныхъ сущностей,—продолжалъ господствовать еще въ теченіи трехъ вѣковъ, до XVIII-го столѣтія вѣлочно. Само собою разумѣется, весьма важнымъ шаромъ было уже то, что химическія знанія освободились отъ тѣхъ тѣсныхъ рамокъ, въ какія втиснули ихъ алхимики; задачи химіи и ея цѣли были расширены. Однако и здѣсь, въ началѣ, вліяніе химіи имѣло, такъ сказать, опредѣляющій характеръ: сближеніе этой науки съ медициною, о которомъ мы говорили

выше, повело къ тому, что рядомъ съ искусствомъ готовить золото, была поставлена и другая задача: примѣненіе химическихъ знаній къ излеченію болѣваней. Въ XVI столѣтіи это послѣднее направленіе, извѣстное подъ именемъ ятрохиміи, окончательно уже взяло верхъ надъ специально алхимическимъ направленіемъ. Первый толчекъ такому движенію далъ знаменитый ятрохимикъ Парацельсъ, родившійся въ 1493 году въ Эйзидельнѣ, близъ Цюриха; въ Швейцаріи. О томъ, какое громадное значеніе приписывалъ Парацельсъ химіи, видно изъ слѣдующихъ его словъ, обращенныхъ къ медикамъ его времени: „Вы, изучившіе Гипократа, Галена, Авицену (извѣстные тогда авторитетные врачи древности), воображаете, что знаете все, тогда какъ, въ сущности, вы ничего не знаете; вы прописываете лекарства, но не знаете ихъ приготовленія! Одна химія можетъ рѣшить задачи фізіологіи, патологіи, терапевтики; внѣ химіи вы бродите въ потемкахъ“.

Впрочемъ, гениальный для своего времени какъ практикъ, Парацельсъ обладалъ крайне скудными теоретическими познаніями въ химіи. Его знанія въ этомъ отношеніи ничѣмъ, въ сущности, не отличались отъ взглядовъ алхимиковъ. Подобно алхимику Василию Валентину, Парацельсъ признавалъ въ металлахъ и органическихъ тѣлахъ три начала: ртуть, сѣру и соль; причемъ ртуть, по его мнѣнію, есть духъ тѣла, который оставляетъ тѣло и улетучивается не измѣняясь, когда послѣднее подвергается дѣйствию огня; сѣра—душа тѣла, она опредѣляетъ его горючесть и измѣняемость; наконецъ, соль и есть самое „тѣло“, т. е. то, во что превращается вещество послѣ старанія, когда оно лишается жизни.

Изъ числа многочисленныхъ послѣдователей Парацельса, еще болѣе сблизившихъ химію съ медициной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и внесшихъ весьма значительныя поправки въ его ученіе, и вообще значительно содѣйствовавшихъ дальнѣйшему развитію химическихъ знаній, мы упомянемъ здѣсь двухъ ятрохимиковъ XVII-го столѣтія: Ангелуса Сала и Іоанна Баптиста-Ванъ-Гельмонта. До Ангелуса Сала обмененно полагали, что происхожденіе, изъ раствора купороса, мѣди, дѣйствиемъ желѣза, происходитъ вслѣдствіе превращенія послѣдняго въ мѣдь и видѣли въ этомъ наглядное доказательство возможности превращенія одного металла въ другой. Но Ангелусъ Сала опровергнулъ это объясненіе; по его мнѣнію, мѣдь получается изъ раствора купороса потому, что она содержалась въ немъ самомъ. Этотъ процессъ указываетъ не на превращеніе желѣза въ мѣдь,

а на выдѣленіе послѣдней изъ раствора, посредствомъ желѣза. Подобный взглядъ на явленіе рѣзко расходился съ ученіемъ алхимиковъ о природѣ металловъ и относится къ числу тѣхъ именно „зачатковъ“ точнаго знанія, изъ которыхъ впоследствии выросла цѣльная, строго-научная система. Вацъ-Гельмонтъ пошелъ еще далѣе, онъ обобщилъ мнѣніе Сала; именно, онъ утверждалъ, что никакой металлъ не можетъ выдѣлиться изъ жидкости, если послѣдняя не содержитъ его въ растворѣ. Значеніе этихъ ученій для развитія химическихъ знаній мы оцѣнимъ вполнѣ, если примемъ во вниманіе, что онѣ должны были содѣйствовать пониманію о дѣйствительныхъ составныхъ частяхъ тѣлъ; сказать, напримѣръ, что мѣдь выдѣляется изъ раствора купороса, въ которомъ она до того уже содержалась, значитъ навести на мысль, что мѣдь есть составная часть купороса, значитъ дать толчокъ къ иному представленію о составныхъ частяхъ тѣлъ, неизмѣняющихъ ничего общаго съ „началами“ алхимиковъ. Первая попытка къ опредѣленію ближайшихъ составныхъ частей тѣлъ принадлежитъ ятрохиміку Іоанну-Рудольфу Глауберу (1604—1668 гг.). Перегоняя поваренную соль и селитру прямо съ купороснымъ масломъ, онъ получилъ соляную и азотную кислоты болѣе чистыми и крѣпкими, чѣмъ добывались до него, а въ остаткѣ при этомъ оказалась особенная, до того еще неизвѣстная соль, которую онъ называлъ „чудною солью“, вслѣдствіе ея цѣлебныхъ свойствъ. Позже она была названа глауберовою солью. На этотъ процессъ образованія кислотъ и соли Глауберъ взглянулъ съ иной точки зрѣнія, нежели какая принималась алхимиками: если купоросное масло выдѣляется изъ купороса, стало быть она представляетъ составную часть послѣдняго, и далѣе: полученіе соляной кислоты изъ смѣси купоросаго масла и поваренной соли свидѣтельствуетъ, что эта кислота образовалась путемъ взаимнаго соединенія составныхъ частей означенныхъ масла и соли. Ничего подобнаго не знали и не могли допустить алхимики: ученіе о превращеніи металловъ заслоняло собою истинный путь къ уясненію тѣхъ процессовъ соединенія или распада составныхъ частей, которыми обуславливается образованіе новаго тѣла. Что же касается „причины“ такого новаго распредѣленія составныхъ частей различныхъ тѣлъ, то Глауберъ объяснялъ ее любовью этихъ частей: соединяются между собою тѣ изъ нихъ, которыя любятъ другъ друга. Мы указываемъ здѣсь на это объясненіе, такъ какъ оно служитъ нагляднымъ выраженіемъ тѣхъ антропоморфическихъ приемовъ толкованія, къ которымъ обращается мысль, когда

имѣть дѣло съ неизвѣстнымъ ей дотолѣ явленіемъ, и которыя еще очень долго практиковались въ химіи, прежде чѣмъ онѣ были окончательно изгнаны изъ этой области знанія.

Только что рассмотрѣнные здѣсь первыя попытки въ уясненію химическихъ процессовъ соединенія и разложенія или „выдѣленія“ были значительно расширены и обобщены англійскимъ физикомъ-химикомъ Робертомъ Бойлемъ. (1627—1691 гг.). Бойль не признавалъ ученіе древнихъ о четырехъ началахъ и отвергалъ начала алхимиковъ. „Я желалъ бы знать,—говорилъ онъ по поводу ученія послѣднихъ,—какимъ образомъ возможно разложить золото на сѣру, ртуть и соль; я предлагаю всѣмъ желающимъ произвести этотъ опытъ на мой счетъ; мнѣ онъ никогда не удавался“. Предъявленіе такого требованія служило провозвѣстникомъ того точнаго, научнаго направленія, которое сообщено было химіи со времени Лавуазье. Бойль производилъ многочисленныя опыты надъ воздухомъ, онъ заставлялъ тѣла сгорать въ ограниченномъ объемѣ воздуха и при этомъ нашелъ, что послѣдній состоитъ изъ двухъ составныхъ частей, изъ которыхъ одна поддерживаетъ горѣніе, а другая нѣтъ, и что, стало быть, воздухъ есть сложное тѣло, а не начало, не элементъ, какъ учили древніе. Только тѣ составныя части, которыя могутъ быть выдѣлены изъ тѣла, на которыя распадается послѣднее и которыя нельзя разложить далѣе—слѣдуетъ называть началами или элементами. Самъ Бойль воздерживался отъ указанія какия вещества слѣдуетъ считать элементами: „одимъ лишь опытъ,—говорилъ онъ,—можетъ показать, какіе элементы входятъ въ части тѣхъ или другихъ тѣлъ“. Предоставляя рѣшеніе этихъ вопросовъ будущему, онъ пытался установить только начальныя понятія о процессахъ химическихъ соединеній и разложеній, причемъ имъ впервые была указана та отличительная черта химическихъ соединеній, что при этомъ происходитъ новое тѣло, которое, по своимъ свойствамъ, бываетъ вовсе не похоже на образующія его составныя части; другими словами, послѣднія при взаимномъ соединеніи теряютъ свои отличительныя признаки, а не вносятъ ихъ съ собою въ тѣло, какъ „начала“ алхимиковъ.

Не смотря, однако, на всѣ эти значительныя успѣхи въ развитіи химическихъ знаній, въ общемъ, эта наука продолжала еще испытывать на себѣ вліяніе примитивныхъ идей; ей предстояло пройти послѣднюю метафизическую стадію развитія. Мы говоримъ о томъ періодѣ, который предшествовалъ теоріи Лавуазье и извѣстенъ подъ именемъ флогистическаго періода; характерную черту этого періода составляетъ ученіе о „флоги-

стонъ". Основаніе этому ученію было положено профессоромъ медицины въ Майнцѣ, Іоанномъ Бехеромъ (1635—1682 г.). Понятія Бехера о „началахъ“ или элементахъ рѣзко расходились съ понятіями, которыя были установлены Бойлемъ и во многомъ сходились съ воззрѣніями алхимиковъ. Подобно послѣднимъ, Бехеръ вѣрилъ въ возможность превращенія металловъ, даже пытался доказать эту возможность опытомъ. Онъ признавалъ, что всѣ горючія тѣла содержатъ въ себѣ „причину“ горѣнія, особое начало, „воспламеняющее вещество“, второе онъ называлъ „горючею землей“. Это начало содержится во всѣхъ металлахъ, измѣняющихся при нагрѣваніи; оно именно и опредѣляетъ ихъ измѣняемость или горючесть; кромѣ того, въ металлы входятъ еще два начала: стеллющая земля или „начало“ плавности, она именно и составляетъ „тѣло“ металла, и летучая земля, или „начало“ летучести, это душа металла. Слѣдуетъ-ли добавлять, что все это ученіе о „началахъ“ составляетъ, въ сущности, перифразу алхимическихъ толкованій о началахъ металловъ: сѣры, соли и ртути. Но для насъ важно то обстоятельство, что это именно ученіе, всецѣло покоящееся на алхимическихъ идеяхъ, положило начало знаменитой теоріи „флогистона“, господствовавшей въ химіи въ теченіи почти всего прошлаго столѣтія. Такимъ образомъ, мы можемъ уже составить себѣ надлежащее понятіе, откуда ведетъ свою родословную эта теорія, можемъ à priori судить о ея, такъ сказать, основномъ характерѣ. Изложенное здѣсь ученіе Бехера о горѣніи, въ началѣ едва было замѣчено; оно стало общезвѣстнымъ только благодаря лейбъ-медику прусскаго короля Жоржу-Эрнсту-Сталю (1660—1734 г.), который развилъ идеи Бехера, обобщилъ ихъ и преобразилъ ихъ въ теорію. „Горючая земля“, или „воспламеняющее вещество“ Бехера получило названіе—флогистона, отъ греческаго слова *φλογιστόν* (быть горючимъ). „Подъ этимъ послѣднимъ Сталь понималъ тонкое начало, разлитое въ металлахъ или вообще въ горючихъ тѣлахъ, которыя теряютъ его при стораніи или нагрѣваніи на воздухъ, причемъ металлы превращаются въ тусклый порошокъ или въ металлическую окалину. Такъ, на примѣръ, окалина, отсѣкающаяся отъ раскаленнаго добѣла желѣза, въ видѣ блестящихъ искръ, а желтый порошокъ или глетъ, образующійся при продолжительномъ нагрѣваніи свинца, — представляютъ собою желѣзо и свинецъ, лишенные своего флогистона. Это начало присутствуетъ во всѣхъ горючихъ тѣлахъ, и тѣла, способныя воспламенятся, насыщены имъ. Явленіе горѣнія происходитъ вслѣдствіе быстрого отдѣ-

ленія флогистона. Тѣло, подверженное дѣйствию огня, разлагается, и то, что остается послѣ сторапія, составляетъ одинъ изъ элементовъ горючаго тѣла. Вообще, металлическій пепелъ или металлическая окалина содержались уже, какъ составная часть, въ металлахъ и притомъ были соединены съ флогистономъ. Имъ можно опять сообщить этотъ послѣдній, посредствомъ нагрѣванія съ тѣлами, богато-одаренными флогистономъ, каковы, напримеръ, уголь, дерево, масло. Подогрѣвая глетъ съ угольнымъ порошкомъ, получаютъ опять металлическій свинецъ. Флогистонъ отдѣлился отъ угля и перешелъ къ глету, соединясь съ которымъ вновь составляетъ металлическій свинецъ. Такова теорія флогистона; она оказалась одинаково удобоприложимою къ двумъ противоположнымъ рядамъ явленій и устанавливала между ними нѣкоторую теоретическую связь. Сближая явленія горѣнія съ фактами, замѣченными при нагрѣваніи металловъ на воздухѣ и при ихъ измѣненіи въ металлическія окислы, теорія Сталя не только объясняла ихъ, но и давала простое толкованіе явленіямъ возстановленія, прямо противоположнымъ съ первыми" (Вюрцъ).

Теорія флогистона, принятая вначалѣ въ Германіи, быстро затѣмъ распространилась въ другихъ странахъ и господствовала въ Европѣ почти до конца прошлаго столѣтія, именно до 1775 г., когда знаменитый французскій химикъ Лавуазье противопоставилъ ей свою теорію горѣнія. Химія отдавала послѣднюю дань алхимическимъ идеямъ. Флогистонъ, этотъ великій обновленный представитель алхимическихъ „дѣятелей“, этотъ уточненный „огненный духъ“, былъ призванъ служить „нѣкоторою теоретическою связью“ между наблюдаемымъ рядомъ явленій. Само собою разумѣется, что такая „связь“ не могла быть прочною, и покоющіяся на ней теоретическія объясненія вели, по роковой необходимости, въ ложнымъ заключеніямъ, въ выводамъ, несогласнымъ съ фактами. Дѣйствительно несостоятельность этой теоріи была обнаружена самими послѣдователями ея и защитниками, Пристлеемъ и Шеле.

Дѣло въ томъ, что, еще до появленія ученія Сталя, нѣкоторые изслѣдованія намекали на участіе воздуха въ явленіяхъ горѣнія. Такъ Рей, перигорскій медикъ, еще въ 1630 году предполагалъ это участіе и приписывалъ воздуху важную роль при горѣніи. Мы видѣли выше, что Робертъ Бойль выразилъ эту мысль въ еще болѣе опредѣленной формѣ; онъ зналъ, что воздухъ есть сложное тѣло, котораго одна часть обладаетъ способностью поддерживать горѣніе. Его современникъ и соотечественникъ Жакъ-Майосъ, еще въ 1669 году, предполагалъ, что

„воздухъ состоитъ не исключительно изъ одной, всюду одинаковой, субстанции, а, напротивъ, что въ него входятъ нѣкоторыя части болѣе другихъ способны поддерживать горѣніе, и что эти части отнимаются у воздуха горячими тѣлами и поглощаются кровью легкихъ“. Далѣе необходимо принять во вниманіе, что въ то время былъ уже весьма опредѣленно констатированъ фактъ, извѣстный еще алхимику Джеберу; что металлы, при нагрѣваніи на воздухѣ, увеличиваются въ вѣсѣ. Это участіе въ явленіяхъ горѣнія воздуха было блистательно подтверждено работами замѣчательнаго англійскаго химика Пристлея (1733—1784 г.) и двухъ извѣстныхъ шведскихъ химиковъ Шеле (1742—1786 г.) и Бергмана (1735—1781 г.). Шеле и Бергманъ, каждый самостоительно, открыли, что воздухъ состоитъ изъ смѣси двухъ газовъ—одного, поддерживающаго дыханіе и горѣніе, и другаго, неподдерживающаго ни дыханія, ни горѣнія. Такимъ образомъ, предположеніе Майоса и мысли, высказанныя по настоящему предмету Бойлемъ, получили фактическое подтвержденіе. Въ то же время Пристлей открылъ тотъ газъ, который собственно поддерживает горѣніе, названный впоследствии Лавуазье кислородомъ.

Какъ же объяснялись всѣ эти явленія съ точки зрѣнія теоріи флогистона? Какую роль играетъ воздухъ въ процессахъ горѣнія? Какимъ образомъ объясняются совершенно противоположныя отношенія въ этимъ процессамъ двухъ, составляющихъ его, газовъ? На эти вопросы теорія Стала не могла дать отвѣта. Пристлей и Шеле, послѣдніе защитники флогистона, предполагали, что „воздухъ лишь на столько играетъ роль при горѣніи, на сколько онъ способенъ отнимать флогистонъ отъ горячихъ тѣлъ. „Газъ,—говорилъ Пристлей,—тѣмъ болѣе способенъ поддерживать горѣніе, чѣмъ менѣе онъ заключаетъ въ себѣ флогистона; воздухъ содержитъ его мало; газъ же, въ высшей степени поддерживающій горѣніе и входящій въ составъ воздуха, не содержитъ его вовсе. Что же касается до другаго элемента воздуха, то онъ совершенно насыщенъ флогистономъ и потому не способенъ поддерживать горѣнія“. Но при этомъ объясненіи, какъ и вообще при всѣхъ толкованіяхъ явленій горѣнія, теорія Стала упускала изъ виду одно существенное обстоятельство, которое именно и обнаружило всю призрачность флогистона.

Это обстоятельство было указано великимъ химикомъ Лавуазье (1743—1794 г.),—„отцомъ“ химіи; какъ неправо его называютъ.

III.

Говоря о развитіи физическихъ знаній, нами было показано, что участіе въ физическихъ явленіяхъ различныхъ самостоятельныхъ дѣателей, различныхъ метафизическихъ сущностей было, въ концѣ концовъ, отвергнуто, такъ какъ признаніе этихъ сущностей вело къ абсурду, къ уничтожаемости силы. Тоже самое повторилось и съ флогистономъ. Теорія флогистона неизбѣжно приводитъ къ заключенію, что матерія можетъ твориться и уничтожаться. Вотъ то орудіе, которымъ Лавуазье нанесъ смертельный ударъ такъ долго господствовавшимъ въ химіи идеямъ Сталя. Въ самомъ дѣлѣ, по теоріи Сталя, горѣніе тѣла сопровождается выдѣленіемъ флогистона, стало бытъ продууть горѣнія есть часть сторѣвшаго тѣла. Но какъ же согласовать это съ тѣмъ, какъ мы уже видѣли, давно установленнымъ и многосторонне подтвержденнымъ опытами Лавуазье положеніемъ, что продууть горѣнія тяжелѣе горючихъ тѣлъ, изъ которыхъ онъ образовался. Развѣ часть можетъ быть болѣе своего дѣлага? Откуда же получается тотъ излишекъ, на который указываютъ вѣсовыя отношенія. Приходится допустить одно изъ двухъ: или, что этотъ излишекъ произошелъ изъ ничего, т. е. что матерія могла быть сотворена изъ ничего, или, что ученіе о флогистонѣ въ самомъ своемъ основаніи ложно.

Ученію о флогистонѣ Лавуазье противопоставилъ теорію, извѣстную подъ именемъ кислородной, по которой при горѣніи тѣла происходитъ не выдѣленіе флогистона, а поглощеніе изъ воздуха кислорода; этимъ и объясняется увеличеніе вѣса продуктовъ горѣнія. Лавуазье доказалъ это путемъ точныхъ взвѣшиваній, именно онъ показалъ, что продууть горѣнія увеличивается въ вѣсѣ на столько, на сколько уменьшается вѣсъ заключеннаго въ сосудѣ воздуха, часть котораго была поглощена тѣломъ при горѣніи, эта часть и есть кислородъ. Такимъ образомъ, всѣ явленія горѣнія были сведены къ процессамъ соединенія кислорода съ горючимъ тѣломъ. Если это тѣло—металлъ, то при такомъ соединеніи получится окисъ металла; стало бытъ, „превращеніе“ металлическихъ окисей въ металлъ происходитъ не черезъ соединеніе ихъ съ нѣкоторымъ количествомъ флогистона, а путемъ выдѣленія кислорода, съ которымъ онъ соединенъ. Такимъ образомъ, Лавуазье первый опредѣлилъ металлы, какъ элементарныя тѣла и съ тѣмъ вмѣстѣ установилъ, высказанное еще Бойлемъ, понятіе

объ элементахъ вообще, какъ о тѣлахъ, „изъ которыхъ всѣми способами можно извлечь исключительно одинъ какой либо видъ матеріи и которыя по всевозможнымъ испытаніямъ постоянно оказываются тождественными и неразлагаемыми“.

„Опредѣливъ такимъ образомъ простыя тѣла, Лавуазье считалъ ихъ одаренными свойствомъ соединяться между собою и такимъ образомъ составлять сложныя тѣла. Это соединеніе происходитъ безъ малѣйшей матеріальной потери, такъ что продуктъ соединенія заключаетъ въ себѣ всю ту вѣсовую матерію, которая заключалась въ простыхъ, вступившихъ въ соединеніе, тѣлахъ. Этотъ великій принципъ составляетъ основаніе химіи. Въ настоящее время онъ всѣми принятъ и кажется намъ столь простымъ и неоспоримымъ, что признается нами какъ аксіома. Тогда же онъ не казался столь очевиднымъ, и Лавуазье обязанъ своею славою именно тому обстоятельству, что первый провозгласилъ или, вѣрнѣе сказать, доказалъ его. Онъ совершилъ это посредствомъ пѣлаго ряда опытовъ, строго связанныхъ общою идеею, которая стала бессмертною, благодаря точности опытовъ, ясности положеній и строгости дедукціи. И если что нибудь, по своей важности, можетъ поспорить съ самыми открытіями великаго учителя, такъ это его же собственный методъ, состоящій въ постоянномъ приложеніи мѣры и вѣса къ химическимъ явленіямъ. Этотъ методъ принадлежитъ ему потому, что именно онъ вполне приложилъ его въ дѣлу. Хотя Кавендишъ, Бергманъ и Марграфъ тоже занимались количественнымъ анализомъ, но ни одинъ изъ нихъ никогда и не мечталъ о разрѣшеніи теоретическихъ вопросовъ съ помощью изученія измѣненій въ вѣсѣ употребляемыхъ при опытахъ тѣлъ¹⁾. Лавуазье первому пришла такая мысль и это составляетъ его заслугу. Изобрѣтенный имъ методъ—единственно годный въ химіи. Онъ не только не былъ замѣщенъ другимъ методомъ, но вообще даже долго не могли уразумѣть всего его значенія“ (Вюрцъ). Только съ дальнѣйшимъ развитіемъ химическихъ знаній стала постепенно обнаруживаться громадная важность этого метода, и лишь въ послѣднее время сказалось вполне значеніе его для теоретической химіи. До Лавуазье, химики обращали

¹⁾ Замѣтимъ здѣсь, что ввѣшаваніемъ, какъ вспомогательнымъ способомъ для ршенія спорныхъ вопросовъ, пользовались уже нѣкоторые изъ атрохимиковъ, напр. Ванъ-Гельмольтъ. Достоинно замѣчанія, что употребленіе вѣсовъ для той же цѣли было известно еще арабскимъ алхимикамъ; они даже самую науку свою называли, между пр. чимъ, наукою вѣса (Дрэнбергъ).

вниманіе на качественную сторону явленій, ограничивая свои изслѣдованія исключительно внѣшними признаками наблюдаемыхъ фактовъ. Само собою разумѣется, что при такомъ состояніи химическихъ знаній—явленія по необходимости группировались крайне искусственно и связь устанавливалась между ними въ зависимости отъ различныхъ метафизическихъ сущностей. Лавуазье обратилъ вниманіе химиковъ на количественныя отношенія изучаемыхъ явленій, какъ на исходную точку при рѣшеніи тѣхъ или другихъ теоретическихъ вопросовъ, и тѣмъ указалъ тотъ путь, слѣдуя которому искусственная классификація явленій была, въ концѣ концовъ, замѣщена естественною классификаціею.

Устанавливая новое понятіе объ элементахъ, Лавуазье говоритъ: „Если подъ именемъ элементовъ мы будемъ обозначать простыя и недѣлимыя частицы, изъ которыхъ состоятъ тѣла, то очень вѣроятно, что мы ихъ еще совсѣмъ не знаемъ. Если же, напротивъ, мы придадимъ названіе элементовъ или началъ послѣднему продукту, до котораго мы достигаемъ посредствомъ анализа, то всѣ вещества, неразложимыя ни однимъ изъ извѣстныхъ до настоящаго времени способовъ, будутъ для насъ элементами. Конечно, мы не можемъ утверждать, чтобы эти тѣла, которыя мы рассматриваемъ какъ простыя, не могли бы быть составлены изъ двухъ или нѣсколькихъ элементовъ, но такъ какъ эти элементы никогда не отдѣляются, или, вѣрнѣе, такъ какъ мы не знаемъ способа, какъ ихъ раздѣлить, то они должны быть для насъ простыми тѣлами до тѣхъ поръ, пока опытъ и наблюденіе не дадутъ намъ достаточныхъ доказательствъ ихъ сложности“. Такимъ образомъ, составляя, на основаніи даннаго опредѣленія, таблицу простыхъ тѣлъ, Лавуазье не отрицалъ, чтобы въ будущемъ нѣкоторые изъ нихъ не оказались сложными тѣлами—и это предвидѣніе его вполне оправдалось. Такъ, напримѣръ, „землистыя вещества“ или соли въ его время не были еще разложены и онъ причислилъ ихъ къ простымъ тѣламъ, хотя и предвидѣлъ, что въ недалекомъ будущемъ эти соли должны быть разложены. Онъ предполагалъ сложность этихъ тѣлъ, исходя изъ основнаго положенія своего ученія о химическихъ соединеніяхъ. Лавуазье принималъ, что всѣ химическія соединенія построены по двойному типу; другими словами, что если простое тѣло соединяется съ простымъ же, то происходитъ двойное соединеніе перваго порядка, т. е. кислоты и окиси, такъ, напримѣръ, сѣрная кислота состоитъ изъ кислорода и сѣры, или окисъ желѣза—изъ кислорода и желѣза; но кислоты и окиси одарены,

въ свою очередь, способностью соединяться между собою, и такимъ образомъ происходятъ двойныя соединенія втораго порядка, т. е. соли. Стало быть, по этой теоріи, известной подъ именемъ дуалистической, кислота + окись составляютъ непосредственные элементы всякой соли, а потому всѣ соли, какъ состоящія изъ сложныхъ тѣлъ, и должны подлежать разложенію. Вотъ тѣ основанія, руководствуясь которыми, великій реформаторъ предполагалъ разложимость солей. Эти предположенія дѣйствительно оправдались: съ помощью электрическаго тока—метода, введеннаго въ химію Дэви—было доказано, что соли, разложить которыя не могли ни Лавуазье, ни его современники, суть сложныя тѣла. Но рядомъ съ этимъ блистательнымъ подтвержденіемъ выводовъ дуалистической теоріи, были обнаружены и ея слабыя стороны. Не говоря уже о томъ, что Лавуазье считалъ кислородъ, водородъ и азотъ простыми тѣлами только тогда, когда они были въ соединеніи съ другими тѣлами, въ свободномъ же состояніи онъ признавалъ ихъ находящимися въ соединеніи съ теплотой, которую онъ принималъ за вещество, обуславливающее ихъ газообразность, — ученіе Лавуазье оказывалось не удовлетворительнымъ и въ другомъ отношеніи: онъ предполагалъ, что всѣ кислоты содержатъ въ себѣ общій элементъ—кислородъ, которому именно эти соединенія и обязаны своими кислотными свойствами, онъ представлялъ себѣ этотъ элементъ какъ „рождающій кислоту“ принципъ; отсюда явилось и самое названіе кислорода. Такимъ образомъ, кислородная теорія въ основѣ своей покоилась на метафизической почвѣ и это послужило причиною ея разрушенія. Бертоле показалъ въ 1789 году, что возможны и такія соединенія, которыя, обладая всѣми свойствами кислоты, вовсе не содержатъ кислорода; впоследствии Дэви (1778—1829), разложеніемъ соляной кислоты, нанесъ окончателный ударъ кислородной теоріи, показавъ, что соляная кислота не содержитъ кислорода и что, стало быть, процессы окисленія не имѣютъ ничего общаго съ рождающею кислоту сущностью.

Такъ, исподоволь, по мѣрѣ развитія химическихъ знаний;—сметались одна за другой различныя „рождающія“ и „творящія“ сущности, и метафизическій принципъ сталъ постепенно вытѣсняться изъ разсматриваемой нами области знанія.

Взамѣнъ кислородной теоріи, Дэви предложилъ электро-химическую теорію, въ которой высказалъ новыя воззрѣнія на химическое сродство, замѣчательное, какъ первая попытка объединенія химическихъ и физическихъ явленій. Дэви предполагалъ, что „тѣла, обладающія химическимъ сродствомъ между со-

бою, составляютъ относительно другъ друга электрическія противоположности. Одни изъ нихъ электро-положительныя, другія — электро-отрицательныя. Въ силу противоположности электрическихъ напряженій — они соединяются, и энергія, съ которою происходитъ соединеніе, служитъ мѣриломъ для ихъ химическаго сродства и въ то же время пропорціональна степени электрическаго напряженія": въ случаѣ слабого напряженія, химическое соединеніе сопровождается выдѣленіемъ одной теплоты; если же напряженіе сильное, то вмѣстѣ съ теплотою выдѣляется и свѣтъ. Наконецъ, явленія разложенія происходятъ отъ того, что электрическій токъ возвращаетъ химически связаннымъ частицамъ ихъ электричество, и электро-положительныя тѣла выдѣляются на электро-отрицательномъ полюсѣ, а электро-отрицательныя — на электро-положительномъ. Стало бытъ, одна и та же сила управляетъ какъ электрическимъ притяженіемъ и отталкиваніемъ, такъ и химическими явленіями, съ тою разницею, что въ первомъ случаѣ ея дѣйствіе распространяется одинаково на всю массу тѣла, а во второмъ — она дѣйствуетъ различно и на самыя частицы тѣла. Такова, въ общихъ чертахъ, электро-химическая теорія Дэви.

Но хотя въ этому времени кислородная теорія Лавуазье была уже окончательно разрушена, его ученіе о химическихъ соединеніяхъ, построенныхъ по двойному типу, не только удержалось, но, благодаря электро-химической теоріи, получило дальнѣйшее развитіе. Разложеніе солей электрическимъ токомъ, предугаданное Лавуазье съ помощью дуалистической теоріи, наконецъ, самый процессъ этого разложенія, причемъ окиси выдѣляются на одномъ полюсѣ (электроположительномъ), а кислоты на другомъ — противоположномъ (электроотрицательномъ) — давали блестящее подтвержденіе дуалистической теоріи. Всѣ сложныя тѣла стали разсматриваться какъ состоящія изъ двойныхъ элементовъ (простыхъ или сложныхъ) — электроположительныхъ и электроотрицательныхъ. А развѣ эти двѣ противоположности могли бы имѣть мѣсто, если бы химическія соединенія не были построены по двойному типу, если бы, напримѣръ, въ соляхъ элементы кислоты и элементы окиси смѣшались между собою, а не прилегли бы другъ къ другу? Стало бытъ, частицы окиси и кислоты не разрушаются, входя въ составъ соли, они и послѣ того продолжаютъ оставаться какъ таковыя, они только нейтрализуютъ другъ друга, вслѣдствіе чего, образуемое ими болѣе сложное соединеніе и не

обнаруживаетъ ихъ специфическихъ свойствъ. Такъ слѣдуетъ согласно дуалистическому учению, и электрохимическая теорія давала наглядныя тому подтвержденія. Последняя была принята знаменитымъ шведскимъ химикомъ Берцеліусомъ (1779—1848 гг.), но онъ видоизмѣнилъ ее и придавъ ей иную форму, болѣе отвѣчавшую требованіямъ дуалистической системы и съ тѣмъ вмѣстѣ развилъ эту систему до того подробно и многосторонне, что въ такомъ обновленномъ видѣ она подчинила себѣ, именно своею цѣльностью, всѣ умы того времени и въ 1830 году была принята всѣми химиками. То было время, „когда дуалистическая система достигла своего апогея“; „она царствовала въ книгахъ, — говоритъ Вюрцъ, — господствовала въ преподаваніи и дала толчокъ величайшимъ открытіямъ; она имѣла свою исторію, даже можно сказать болѣе: она имѣла свои традиціи“. Не смотря однако на всѣ эти успѣхи, дальнѣйшее развитіе химическихъ знаній обнаружило ея несостоятельность, и дуалистическая теорія пала въ концѣ первой половины настоящаго столѣтія, послѣ отчаянной борьбы съ новыми идеями, въ основу которыхъ было положено единство химическихъ явленій, а не тотъ дуализмъ, не то раздвоеніе, которое признавалъ Берцеліусъ и его школа.

Возникновеніе этихъ новыхъ идей, этого ученія, стремившагося объединить всѣ химическія явленія подчиненіемъ ихъ однимъ и тѣмъ же законамъ соотношенія — подготовлялось, конечно, исподоволь и составляетъ прямое, такъ сказать, органическое продолженіе основнаго принципа химіи, доказаннаго Лавуазье, принципа неунуижаемости матеріи. Этотъ принципъ, какъ мы видѣли, былъ прочно установленъ великимъ химикомъ путемъ изслѣдованія количественныхъ отношеній химическихъ явленій. Дальнѣйшее изученіе этихъ соотношеній опредѣлило ихъ важное значеніе. Венцель (1740—1793 гг.), Рихтеръ (1762—1807 гг.), а потомъ Пру (1775—1826 гг.), показали, что химическія соединенія всегда образуются въ опредѣленныхъ, постоянныхъ вѣсовыхъ отношеніяхъ. Дальтонъ (1766—1844 гг.), подтвердилъ и обобщилъ это положеніе, принявъ, для объясненія его, гипотезу греческаго философа Демокрита, что матерія состоитъ изъ недѣлимыхъ частицъ, атомовъ. Но Дальтонъ придавъ этой гипотезѣ иной смыслъ, иное выраженіе, именно, что вѣса атомовъ различныхъ элементовъ различны и пропорціональны опредѣленнымъ вѣсовымъ отношеніямъ. Другими словами, это значитъ, что всякое химическое соединеніе мыслимо

между частицами или атомами опредѣленнаго вѣса; если вѣса эти различны и относятся, напримѣръ, одинъ къ другому, какъ одинъ къ двумъ или къ тремъ и т. д., то это самое отношеніе будетъ выражать собою и то отношеніе, по которому соединяются тѣла. Такимъ образомъ былъ установленъ основной химическій законъ постоянныхъ вѣсовыхъ отношеній. Вначалѣ, однако, значеніе его не было оцѣнено во всей его полнотѣ; полагалось, что этотъ законъ не распространяется на высшіе типы химическихъ соединений, которые представляютъ органическія тѣла. Здѣсь продолжали еще царствовать метафизическіе принципы, въ родѣ „жизненной силы“ и т. п. Но постепенно, шагъ за шагомъ, и эти высшія химическія соединения были подчинены законамъ вѣсовыхъ отношеній; постепенно, шагъ за шагомъ, все болѣе и болѣе служивались границы, отдѣлявшія неорганическую химию отъ органической, и, въ концѣ концовъ, двѣ группы явленій—до того совершенно разобщенныя—слились въ одно цѣлое; вмѣстѣ съ тѣмъ рушилась и дуалистическая теорія. По этой теоріи, какъ мы знаемъ, каждое сложное тѣло состоитъ изъ двухъ различныхъ частицъ. Работы великихъ французскихъ химиковъ Дюма, Лорана и Жерара разрушили это ученіе. Дюма показалъ, что въ органическихъ соединеніяхъ, каковоинибудь одинъ элементъ этого соединенія можетъ быть замѣщенъ, атомъ за атомъ, другимъ элементомъ, не нарушая при этомъ существенныхъ химическихъ свойствъ самого соединенія,—явленіе несовмѣстимое съ дуалистическою теоріею, по которой всякое подобное замѣщеніе предполагаетъ радикальное измѣненіе химическихъ свойствъ даннаго соединенія. Но факты, подтверждавшіе явленія замѣщенія, накопились быстро и совершенно измѣнили господствовавшее до того понятіе о строеніи химическихъ соединеній. Лоранъ и Жераръ обобщили явленія замѣщенія, и съ этого времени всѣ частицы сложнаго тѣла органическаго и неорганическаго стали разсматриваться какъ совершенно тождественныя между собою. Такимъ образомъ, дуалистическая теорія смѣнилась унитарною теоріею, по которой каждая частица каждаго тѣла представляетъ одно цѣлое наименьшее количество, въ какомъ это тѣло можетъ находиться въ свободномъ состояніи; стало быть, химическія свойства частицъ выражаютъ собою химическія свойства самаго тѣла. По дуалистической теоріи это было вѣрно только по отношенію къ простымъ тѣламъ; по унитарной теоріи—это вѣрно по отношенію ко всемъ тѣламъ; то, что раз-

единяла первая и во что она вносила совершенно не научную двойственность, то объединила послѣдняя, подчинивъ всѣ химическія явленія природѣ частицъ, т. е. вѣсу, числу и положенію составляющихъ ихъ атомовъ¹⁾. Наконецъ, въ послѣднее время былъ сдѣланъ еще одинъ замѣчательный шагъ къ сближенію равнородныхъ химическихъ явленій: были опредѣлены основныя свойства атомовъ т. е. способность различныхъ атомовъ соединяться въ зависимости отъ ихъ энергій или ихъ взаимодействія. Такъ, напримѣръ, для того, чтобы это взаимодействие было полное, требуется при соединеніи кислорода съ водородомъ на каждый атомъ перваго, два атома послѣдняго, точно также одинъ атомъ азота, въ подобномъ случаѣ, требуетъ три атома водорода, а одинъ атомъ углерода требуетъ четыре атома водорода, почему тѣла эти и имъ подобныя называются одно-, или 2-хъ, или 3-хъ, или 4-хъ—атомными. Если при этомъ принять въ соображеніе зависимость химическихъ явленій отъ тѣхъ опредѣленныхъ вѣсовыхъ отношеній, въ которыхъ только и возможно то или другое химическое соединеніе, то все это невольно наводитъ на мысль, что, въ сущности, въ природѣ находится только одна первичная матерія, атомы которой находятся въ вѣчномъ движеніи и изъ которой и складывается все, что только существуетъ въ мірѣ. Такимъ образомъ и тѣ тѣла, которыя мы до сихъ поръ считаемъ простыми, въ сущности, суть тѣла сложные, отличающіяся между собою лишь по количеству а также и по характеру движенія входящихъ въ нихъ атомовъ первичной матеріи. Недавніе опыты

¹⁾ Для нагляднаго примѣра различія дуалистической теоріи отъ унитарной возьмемъ желѣзный купоросъ. Дуалистическая теорія объяснила, что въ составъ желѣзнаго купороса входятъ частицы сѣрной кислоты и окиси желѣза прилегающія одна къ другой но сохраняющія каждая свою первичную конструкцію. Такимъ образомъ при разложеніи купороса, по дуалистической теоріи, онъ долженъ былъ непременно разпасться сначала на окисъ желѣза и на кислоту, а затѣмъ только могло состояться дальнѣйшее разложеніе этихъ тѣлъ, т. е. окиси желѣза—на кислородъ и желѣзо, а сѣрной кислоты—на сѣру и кислородъ.

По унитарной же теоріи желѣзный купоросъ состоитъ изъ атомовъ желѣза, сѣры и кислорода, расположенныхъ не въ томъ порядкѣ въ какомъ они находились въ окиси желѣза и въ сѣрной кислотѣ, а въ иномъ, сообразно ихъ атомной энергій, т. е. взаимодействию. Такимъ образомъ по унитарной теоріи для того, чтобы получить изъ купороса окисъ желѣза необходимо, чтобы купоросъ разложился сначала на свои элементы (т. е. желѣзо, сѣру и кислородъ), изъ которыхъ потомъ, при надлежащихъ условіяхъ, кислородъ можетъ вновь соединиться какъ съ желѣзомъ и образовать окисъ желѣза, такъ и съ сѣрою и образовать сѣрную кислоту.

Локайера, уже доказавшаго сложность многихъ тѣлъ, считавшихся до сихъ поръ простыми, подтверждаютъ означенное ученіе объ единствѣ матеріи.

И такъ мы видимъ, что и химія, подобно физикѣ, въ своемъ поступательномъ, прогрессивномъ движеніи представляетъ тотъ же послѣдовательный рядъ переходовъ отъ первобытнаго состоянія, въ которомъ всѣ явленія разобщены и изученіе ихъ подчинено метафизическимъ принципамъ, къ тому состоянію, когда эти явленія представляютъ собою одно цѣлое, и разрозненныя примитивныя толкованія смѣняются строго-научною системою, гармонически связанною въ своихъ частяхъ. И, конечно, настанетъ время, когда ученіе о единствѣ силъ и матеріи сольется физическія и химическія знанія нашего времени въ одну науку, въ которой всѣ физическія и химическія явленія будутъ подчинены основнымъ механическимъ законамъ т. е. когда въ основу всѣхъ наукъ, изучающихъ эти явленія, ляжетъ механика. Исторія этихъ знаній, все ихъ прошедшее и настоящее указываютъ намъ на это, какъ на естественную, законную стадію ихъ дальнѣйшаго развитія.

Л. Н. Поповъ.

ШИРЪ-АЛИ И ЕГО ОТНОШЕНІЯ КЪ АНГЛІИ.

Ширъ-Али, эмиръ афганскій, бѣжалъ изъ своей столицы и умеръ въ Туркестанѣ. Англійскія войска заняли Бандагаръ и Бхилати-Гильзай по дорогѣ въ Газни. Хайберское ущелье и вся страна отъ Жамруда до Желалабада—въ ихъ рукахъ. Въ Куррамѣ, нѣсколько времени тому назадъ, генераль Робертсъ объявилъ населенію, что войска ея британскаго величества императрицы Индіи пришли въ долину и заняли ее не съ тѣмъ, чтобы отдавать назадъ афганскому эмиру. Быть можетъ, таковы же англійскіе планы относительно и другихъ захваченныхъ частей въ Афганистанѣ. Въ послѣднее время, дѣйствительно, съ театра войны получается мало свѣдѣній, и большинство извѣстій болѣе или менѣе влѣвщаго характера для англичанъ, а потому конечный исходъ настоящей войны далеко еще не выяснился; но несомнѣнно, что для Афганистана, а вмѣстѣ съ тѣмъ для всей Средней Азій, какъ бы ни закончилась война, наступаетъ новый періодъ исторической жизни. Наученные опытомъ и владѣя нынѣ Пенжабомъ, англичане, конечно, не рискуютъ подвергнуться тѣмъ же жестокимъ неудачамъ, которыя они испытали въ прошлую афганскую войну. Состоится ли научное исправленіе индійскихъ границъ? Или же Афганистанъ сохранить территоріальную цѣлость, удержать административную независимость, утратить политическую самостоятельность? Или же онъ распадется на нѣсколько мелкихъ и ничтожныхъ владѣній, лишенныхъ всякой самостоятельности, а потому вассальныхъ индійской императрицы? Событія не дали пока опредѣленныхъ отвѣтовъ на всѣ эти вопросы, но неоспоримо, что поворотъ въ старому для Афганистана немь-

слимъ, и конечная, современная цѣль войны уже теперь на половину достигнута: англичане, предпринимая войну съ эмиромъ афганскимъ, имѣли въ виду нанести серьезный ударъ русскому обаянію въ средней Азіи. Афганскій походъ, присоединеніе Кипра, протекторатъ надъ Анатоліей, дипломатическое заступничество за туркменъ и т. д.,—всѣ эти событія и дѣянія для русскихъ должны имѣть одинъ политическій смыслъ. Если невозможно полное устраненіе русскаго вліянія, то слѣдуетъ добиваться нанесенія русскимъ интересамъ возможно большаго ущерба—вотъ та задача англійской политики, которая привела англичанъ къ настоящему афганскому походу. Задача на половину разрѣшена: отнынѣ Афганистанъ долженъ будетъ вступить въ инныя, новыя отношенія не только къ Англій, но и къ Россіи. Перемѣна же въ Афганистанѣ отразится не только на всемъ средне-азиатскомъ, но и на европейскомъ Восточномъ вопросѣ.

Еслибы Индія не принадлежала Англій, послѣдней, конечно, не было бы никакого дѣла до русскихъ успѣховъ въ Средней Азіи, до русскихъ движеній по направленію къ Мерву,—такихъ событій, которыя непосредственно должны способствовать разрѣшенію многоразличныхъ трудностей европейскаго Восточнаго вопроса. Но, владѣя Индіей и не помышляя уступать ее кому бы то ни было, Англія, весьма естественно, сильно заинтересована во всѣхъ измѣненіяхъ, могущихъ произойти какъ въ Турціи, такъ и вообще въ странахъ, отдѣляющихъ русскія владѣнія отъ Индіи. Въ этой промежуточной полосѣ, отъ Константинополя до Капшгара включительно, захватывающей туркменскія степи, афганскій Туркестанъ, Кабуль, Бадакшанъ, Ваханъ и даже Памирскія выси,—Англія всюду является опасною и пока счастливою соперницей Россіи. Зорко слѣдя за всякимъ малѣйшимъ движеніемъ Россіи, она умѣетъ, вмѣшательствомъ во-время, парализовать наши успѣхи; такъ было у вратъ Константинополя и тоже самое повторилось въ Кабулѣ, при отозваніи нашего посольства оттуда. Но теперешнее отозваніе русскаго посольства изъ Кабула еще не гарантируетъ Англій отъ повторенія той же неприятной случайности въ будущемъ. Помѣшать русскимъ появляться въ Кабулѣ, заставить ихъ совершенно отступить отъ Афганистана и признать себя пораженными Англійю—всему этому должны помочь территоріальный захватъ и уничтоженіе политической независимости Афганистана.

Судьбы Кабула исконно были тѣсно связаны съ Индіей. По туземному народному убѣжденію, кто, овладѣвъ Кабуломъ, про-

нивъ въ Пенжабъ, тотъ—владыка Индіи. Такимъ образомъ, шли въ Индію всѣ завоеватели съ сѣвера. Ихъ побѣдоносный путь пролегалъ черезъ Афганистанъ и заканчивался въ равнинахъ Индустана полнымъ торжествомъ. Весьма естественно, что и въ настоящее время всякая военная сила, занявъ Кабулъ или даже какой либо пунктъ въ афганскомъ Туркестанѣ, легко можетъ взволновать туземное индійское населеніе и вызвать тамъ переворотъ; ея присутствіе у пороговъ Индіи освѣжитъ въ народной памяти подвиги прославленныхъ героевъ.

Но географическое положеніе Кабула, помимо стратегическаго значенія, имѣетъ еще и другое.

Держава, соперничающая или враждебная Англій, можетъ вредить послѣдней и не занимая Афганистана, не дѣлая изъ него операціоннаго базиса для похода на Индію. Англійскіе государственные люди и не вѣрятъ даже въ возможность такой случайности. Но они знаютъ, что достаточно укрѣпить враждебное Англійи влияніе въ Кабулѣ, соблазнить афганскаго эмира и сардарей богатою индійскою добычею и тогда, если даже не Индія, то вся сѣверо-западная граница возстанетъ—необходимая диверсія будетъ, такимъ образомъ, произведена и у соперницы развязаны руки въ Европѣ. Успѣхи Надиръ-шаха и Ахметъ-шаха еще не забыты въ Афганистанѣ. Индія, начиная со временъ индо-скифовъ и даже гораздо ранѣе, была обѣтованною страной для воинственныхъ проходимцевъ средней Азіи.

Съ моральной точки зрѣнія таковое дѣйствіе было бы очень некрасиво, но некрасиво въ такой же степени, какъ и всякая агитация среди туркменскихъ племенъ или посыланіе туда агентовъ, конечно, не съ дружелюбною цѣлю относительно Россіи.

Задача настоящаго афганскаго похода — отнять у Россіи всякую возможность произвести когда либо таковую диверсію. Этотъ походъ есть только новый фазисъ старой англійской политики въ Афганистанѣ, постоянно преслѣдовавшей одну и ту же цѣль въ продолженіе многихъ лѣтъ.

I.

1863 — 1868.

Послѣднимъ геройскимъ подвигомъ Достъ-Магомета было отнятіе у персовъ Герата. Черезъ двѣнадцать дней послѣ штурма, 9-го іюня 1863 г.; онъ умеръ почти 80 лѣтъ.

За сѣмъ послѣдовало то, что обыкновенно случается въ восточныхъ монархіяхъ, когда умираетъ самодержавный властелинъ, мужъ многихъ женъ и отецъ еще большаго числа сыновей.

Достъ-Магометъ оставилъ послѣ себя шестнадцать человекъ сыновей. Четверо изъ нихъ были слишкомъ молоды и по тому самому не могли принимать дѣятельнаго участія въ политическихъ событіяхъ того времени; почти каждый изъ двѣнадцати старшихъ сыновей стремился къ верховной власти и всѣ безъ исключенія требовали себѣ какой либо части въ наслѣдіи отца.

Изъ старшихъ сыновей выдавались особенно пятеро: Афзаль-ханъ, Азимъ-ханъ—оба отъ одной матери; Ширъ-Али, Эминъ-ханъ и Шерифъ-ханъ—сыновья отъ другой, болѣе высокороденной, супруги Достъ-Магомета.

Афзаль-хану въ то время было около пятидесяти двухъ лѣтъ; онъ былъ старшимъ сыномъ Достъ-Магомета и имѣлъ репутацію храбреца. Разширеніе афганской территоріи на сѣверѣ было дѣломъ его храбрости. Во время своего управленія странами между Гиндукушемъ и Оксомъ, онъ сумѣлъ снискать себѣ любовь среди узбекскаго населенія, вообще враждебно расположеннаго къ афганцамъ. Афзаль-хана узбеки любили и боялись, какъ сильнаго правителя. Живя въ Тахтапулѣ, новомъ городѣ, возникшемъ у развалинъ древней Бактры или Балха, Афзаль-ханъ вдвойнѣ породнился съ бухарскимъ эмиромъ. Одинъ изъ его сыновей былъ женатъ на дочери бухарскаго эмира, и за сына того же эмира была выдана его дочь.

Азимъ-ханъ не уступалъ Афзалу въ храбрости, но превосходилъ его правительственною мудростью. Онъ, не любя англичанъ, сумѣлъ, однакожъ, заслужить ихъ благорасположеніе. Въ 1857 г., въ годину тяжкихъ для англичанъ бѣдствій, весь Афганистанъ порывался идти на помощь сипаямъ. Самъ Достъ-Магометъ едва-ли могъ бы удержать своихъ подданныхъ отъ фанатическаго движенія черезъ перевалы на истребленіе невѣрныхъ; но Азимъ-ханъ, управлявшій въ то время восточными афганскими округами, Куррамомъ и Хостомъ, пограничными съ Индіей, увелъ свои полчища подъ Гератъ и тѣмъ самымъ предотвратилъ злую бѣду отъ англичанъ.

Трое остальныхъ сыновей, предъявлявшихъ въ 1863 году притязанія на главенство, сопровождали также отца въ походъ къ Герату. Младшій изъ троихъ, Шарифъ-ханъ, тридцати лѣтъ отъ роду, управлялъ юго-западными областями Фарра и Гирішъ. Онъ былъ храбръ, но особенно отличался какъ администраторъ.

Управляя своими округами, Шарифъ-ханъ нажилъ громадное богатство; но онъ не былъ любимъ и популяренъ, ибо даже у афганцевъ считался лукавымъ измѣнникомъ.

Совершенною противоположною ему представлялъ Эминъ-ханъ, губернаторъ Кандагара: Шарифъ-ханъ былъ лукавъ и непостояненъ, не будучи трусомъ, онъ предпочиталъ достигать своихъ цѣлей хитростью и измѣною; послѣдній же, стремительно храбрый, выбиралъ всегда кратчайшій путь къ цѣли, не признавалъ препятствій и не поддавался искушеніямъ.

Въ 1863 г. Ширъ-Али было сорокъ лѣтъ; какъ военачальникъ, онъ не могъ соперничать съ Афзалъ-ханомъ, и уступалъ Азимъ-хану, какъ администраторъ; но между своими соотечественниками Ширъ-Али былъ извѣстенъ за человека искуснаго и въ воинскомъ дѣлѣ и въ гражданскомъ управленіи.

Его не любили за неукротимый нравъ, которому онъ поддавался до безразсудства. Ширъ-Али, подобно большинству своихъ соотечественниковъ, не симпатизировалъ англичанамъ.

За нѣсколько времени до экспедицій въ Герать Достъ-Магометъ избралъ Ширъ-Али своимъ наслѣдникомъ. И Ширъ-Али, несомнѣнно справедливо предпочтенный старшимъ братьямъ, Афзалъ и Азимъ-ханамъ, по туземнымъ обычаямъ, въ силу избранія эмира, былъ признанъ страною за законнаго наслѣдника на афганскій престолъ.

Когда Достъ-Магометъ умеръ, никто изъ братьевъ, въ первый моментъ, не осмѣлился оспаривать правъ Ширъ-Али, даже Азимъ-ханъ признавалъ его законнымъ эмиромъ.

Черезъ три дня по смерти отца (т. е. 12 іюня 1863 г.) Ширъ-Али извѣстилъ британское правительство о печальномъ событіи и о своемъ вступленіи на престолъ; онъ обѣщался: „слѣдовать похвальному примѣру своего отца и поддерживать тѣсныя узы дружбы, существующія между британскимъ и афганскимъ государствами“¹⁾. Моментъ былъ критическій для Ширъ-Али и ему конечно было очень важно получить скорый отвѣтъ отъ англо-индійскаго правительства. Признание его въ британской Индіи законнымъ афганскимъ эмиромъ несомнѣнно могло быть сочтено братьями-соперниками какъ бы за нравственную поддержку его правъ. Но англо-индійское правительство рѣшилось дѣйствовать очень осторожно. Тогдашній вице-король полагалъ, что нужно подождать дальнѣйшихъ свѣдѣній

¹⁾ Correspondence respecting the relations between the British government and that of Afghanistan, 1878, стр. 3.

изъ Афганистана и затѣмъ уже признать Ширь-Али наслѣдникомъ Достъ-Магомета. „Если правда“, писалъ онъ въ Лондонъ, „что Афзаль-ханъ собираетъ армию; то борьба за власть должна начаться въ непродолжительномъ времени“. Слухи, доходившіе до индійскаго вице-короля, были основательны.

Недовольство новымъ правителемъ высказалось очень скоро, братья удалились изъ Герата и заперлись въ своихъ крѣпостяхъ: Эминъ-ханъ въ Кандагарѣ, Шарифъ-ханъ въ Гирішѣ, Азимъ-ханъ въ Куррамѣ. Эмиръ же, оставивъ своего сына Якубъ-хана въ Гератѣ, двинулся съ войскомъ въ Кабулу.

Въ августѣ того же года онъ достигъ Газни и здѣсь до него дошли недобрныя вѣсти о затѣяхъ Азимъ-хана въ Куррамѣ. Эмиръ повернулъ на востокъ и захватилъ крамольнаго брата врасплохъ. Азимъ покорился превосходству силъ, не рискуя даже испытать счастья въ открытой борьбѣ.

Онъ покорился—и братья обнялись. Азимъ поклялся въ вѣрности эмиру и въ замѣнъ получилъ увѣреніе, что все то, чѣмъ онъ пользовался въ прошлое царствованіе: почетное положеніе и доходы,—все это будетъ сохранено за нимъ.

Раздѣлавшись такъ легко съ Азимъ-ханомъ, въ сентябрѣ того же года Ширь-Али достигъ Кабула. А отвѣта отъ англо-индійскаго правительства все еще не было.

Въ октябрѣ того-же года комисіонеръ Пешауэрскаго округа извѣщалъ высшее индійское правительство о томъ, что эмиръ тревожится о судьбѣ своего письма, оставшагося безъ отвѣта. Эмиръ неоднократно спрашивалъ находившагося въ Кабулѣ британскаго агента изъ индійскихъ туземцевъ¹⁾, полученъ-ли отвѣтъ отъ пешауэрскаго комисіонера на его письмо. Эмиръ, очевидно, нетерпѣливо ждалъ этого отвѣта; онъ твердо рассчитывалъ, что англо-индійское правительство признаетъ его наслѣдникомъ Достъ-Магомета, и надѣялся также, что прежнія отношенія не прервутся. Между тѣмъ выжидательная политика британскаго правительства не замедлила отразиться на образѣ дѣйствій соперниковъ Ширь-Али, и возбудила у нѣкоторыхъ изъ нихъ надежду найти въ Индіи поддержку своимъ притязаніямъ. Азимъ-ханъ, хотя и примирился съ эмиромъ, но сдѣлалъ однакожь попытку вступить въ сношенія съ англо-индійскимъ правительствомъ. Онъ написалъ дружеское письмо въ Пешауэръ. Пешауэрскій комисіонеръ отклонилъ полученіе перваго письма, но, въ своемъ донесеніи высшему индійскому пра-

¹⁾ Тамъ же, стр. 5.

вительству, онъ поставляетъ на видъ, что сношенія эти не лишены значенія для индійскаго правительства и весьма легко могутъ быть завязаны. И дѣйствительно, позднѣе, то же официальное лицо не только приняло письмо. Азимъ-хана, но и отвѣчало на него. А тотъ, съ своей стороны, написалъ еще одно письмо въ Пешауэръ.

Наконецъ, въ декабрѣ 1863 г. былъ посланъ отвѣтъ Ширъ-Али-хану. Между тѣмъ лордъ Элжинъ умеръ и это печальное обстоятельство послужило британскому правительству извиненіемъ въ промедленіи. Отвѣтное письмо англо-индійскаго правительства было довольно холодно; въ немъ выражались пожеланія, чтобы Афганистанъ нашелъ единое и сильное правительство и высказывалась надежда, что настоящее афганское правительство своими дѣйствіями на юго-западной границѣ не подастъ повода къ неудовольствію со стороны Персіи.

Зима 1863 года прошла довольно спокойно; хотя это кажущееся спокойствіе не обѣщало быть продолжительнымъ. Азимъ-ханъ не даромъ заводилъ сношенія съ англичанами въ Индіи; и онъ и другія братья готовили что-то на весну. И дѣйствительно, съ первымъ вѣяніемъ весны, братская борьба изъ-за афганскаго престола началась.

Въ Балхѣ Афзалъ-ханъ, сдѣлавъ зимою всѣ нужныя приготовления, объявилъ себя афганскимъ эмиромъ. Одновременно съ этимъ въ Куррамѣ открыто возсталъ Азимъ-ханъ.

Ширъ-Али, такъ поздно признанный въ своихъ законныхъ правахъ могучимъ сосѣдомъ, не потерялся; онъ отрядилъ своего лучшаго генерала Магомета-Рафика на юго-востокъ противъ Азимъ-хана, а самъ двинулся на Афзалъ-хана.

Азимъ-ханъ, неожиданно и измѣннически оставленный своимъ войскомъ, сопротивлялся недолго и уже въ маѣ бѣжалъ на британскую территорію, гдѣ и пребывалъ пенсіонеромъ Сэра Джона Лауренса въ Раваль-Пиндѣ.

Въ іюнѣ того же года у развалинъ древняго Баміана сошлись войска эмира и Афзалъ-хана.

Бой начался 3-го іюня у мѣстечка Бажгахъ. Войсками эмира предводительствовалъ его старшій сынъ. Жаркое, но непрѣшительное сраженіе длилось два дня. На третій день на помощь эмировымъ войскамъ подоспѣлъ Магометъ-Рафикъ. Появленіе этого вспомогательнаго войска Афзалъ-ханъ не предвидѣлъ; онъ рассчитывалъ, что Азимъ-ханъ продержится дольше и отвлечетъ часть эмировыхъ войскъ. Неожиданное появленіе Магометъ-Рафика и вѣсть о бѣгствѣ въ Индію Азимъ-хана заста-

вили Афзаль-хана искать мира. Эмиръ же, несмотря на то, что войско его значительно усилилось; отчасти опасаясь неудачи, а также и въ силу семейныхъ преданій, склонялся также къ миру.

Кровопротіе было приостановлено и миръ состоялся. Братья обнялись и поклялись не нарушать согласія. По взаимному соглашенію, оба брата двинулись къ Ташкургану. Здѣсь, въ августѣ того же года, эмиръ удовлетворилъ всѣмъ притязаніямъ Афзаль-хана; ему отдано было почти все то, чѣмъ онъ пользовался при покойномъ отцѣ.

Но ликованіе въ Ташкурганѣ и согласіе между братьями продолжалось недолго.

Абдуль-Рахманъ, сынъ Афзаль-хана, находился въ то время въ Тахтапулѣ. Его поведеніе показалось эмиру почему то подозрительнымъ и онъ потребовалъ племянника къ себѣ. Абдуль-Рахманъ, быть можетъ не безъ основанія опасаясь дяди, не послушался его приказанія, въ Ташкурганъ не явился, а бѣжалъ за Оксъ въ Бухару.

Разгнѣванный эмиръ наказалъ отца за грѣхъ сына. Онъ приказалъ заковать въ цѣпи Афзаль-хана. Этотъ *coup d'état* поразилъ всѣхъ приближенныхъ эмира и весь его народъ.

За два дня до грознаго и несправедливаго распоряженія, эмиръ, у гробницы святаго, на коранѣ, клялся брату въ дружбѣ.

Множество сардарей тайкомъ удалились за Оксъ, въ Бухару къ Абдуль-Рахману; другіе бѣжали въ Кандагаръ къ Эминъ-хану.

Эмиръ отправился изъ Ташкургана въ Тахтапуль и здѣсь захватилъ все имущество Афзаль-хана. Губернаторомъ Балха эмиръ назначилъ своего племянника Фатхи-Магомета. Сдѣлавъ эти распоряженія, эмиръ въ ноябрѣ торжественно вступилъ въ Кабуль.

По устраненіи двухъ сильныхъ соперниковъ: Афзаль-хана и Азимъ-хана, положеніе дѣлъ продолжало быть угрожающимъ для эмира. И на сѣверѣ, и на югѣ противъ него собирались войска. На сѣверѣ ему грозила бухарская армія. Эмиръ бухарскій, тестъ Абдуль-Рахмана, открыто принималъ сторону заключеннаго въ темницу Афзаль-хана. На югѣ Эминъ-ханъ укрѣплялъ Кандагаръ. Носились слухи, что Шарифъ-ханъ помогаетъ послѣднему деньгами, и что образовался тройственный, враждебный эмиру, союзъ изъ Эминъ-хана, Шарифъ-хана и ихъ племянника Жалаль-уддина.

Еще не миновала вполнѣ зима 1864—65 года, какъ уже борьба вновь началась. Жалаль-уддинъ напалъ по дорогѣ къ

Газни и Кабулу, на значительную крѣпость Кхилати-Гильзай. Правда, попытка овладѣть крѣпостью была неудачна; послѣ шестинедѣльной осады Жалаль-уддинъ долженъ былъ отступить на югъ.

Но возстаніе началось, и усилія Жалаль-уддина, не увѣнчавшіяся успѣхомъ, не пропали даромъ. При первой вѣсти о нихъ Азимъ-ханъ оставилъ британскія владѣнія и вновь появился въ Куррамъ; къ нему применили дикіе племена вазиріевъ. Отъ жены Афзаль-хана онъ получилъ 25,000 рупій, Азимъ-ханъ былъ при деньгахъ и готовъ былъ поднять знамя возстанія.

Въ виду грозящей опасности, эмиръ послѣдовалъ тому-же плану дѣйствій, который оказался такъ удаченъ въ прошломъ году. Самъ онъ двинулся съ главными силами на Кандагаръ, а Магометъ-Рафику отрядилъ противъ Азимъ-хана; онъ приказалъ своему военачальнику, разсѣявъ полчища Азимъ-хана, присоединиться къ главному войску.

Но на этотъ разъ Магометъ-Рафику не удалось сдѣлать многого въ Куррамъ: при его приближеніи Азимъ-ханъ бѣжалъ въ горы, къ вазиріямъ. Наскоро усмиривъ куррамскій округъ и объявивъ высокую награду за поимку Азимъ-хана, Магометъ-Рафиеъ двинулся на помощь къ эмиру. Соединенная армія эмира встрѣтилась въ полѣ съ врагомъ у Кхилати-Гильзай.

Войсками противной стороны предводительствовали Жалаль-уддинъ, Эминъ-ханъ и Шарифъ-ханъ. Съ той и другой стороны число войскъ доходило до 12,000 и 20 пушекъ. Бой начался у Кужбаза 6-го іюня и кончился пораженіемъ враговъ эмира.

Въ арміи эмира однимъ крыломъ командовалъ его старшій сынъ, другимъ Магометъ-Рафиеъ. Въ началѣ, подъ сильнымъ натискомъ кандагарскихъ отрядовъ, войско эмира стало отступать. Въ этотъ критическій моментъ самъ эмиръ подскакалъ къ сыну и обратился къ нему съ колкимъ упрекомъ въ неспособности. Оскорбленный словами отца, наслѣдный принцъ самъ повелъ своихъ людей въ атаку. Въ жару боя онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ дядею Эминъ-ханомъ. Между ними загорѣлся рукопашный бой. Ни дядя, ни племянникъ не щадили другъ друга.

Въ изступленіи отъ полученныхъ ранъ Эминъ-ханъ выстрѣлилъ изъ пистолета и положилъ на мѣстѣ племянника. На него напали пять вабульцевъ, и черезъ нѣсколько мгновеній онъ былъ поверженъ рядомъ съ племянникомъ.

То былъ поворотный моментъ въ битвѣ: кандагарская армія заволебалась и бѣжала. Поле битвы осталось за эмиромъ. Множество плѣнныхъ и 18 пушекъ достались ему.

Пораженный тяжелой потерей, эмиръ бездѣйствовалъ четыре дня, а въ то время Шарифъ-ханъ и Жалаль-уддинъ успѣли собрать свои разбитыя войска у Кандагара. Но ударъ, нанесенный имъ, былъ рѣшительный; и когда эмиръ явился подъ стѣнами Кандагара, бунтовщики вышли къ нему на встрѣчу и просили о помилованіи.

Побѣда эмира была полная; его враги были усмирены: Афзаль-ханъ былъ въ плѣну, Эминъ-ханъ убитъ, Азимъ-ханъ скрывался въ горахъ у индійской границы и, наконецъ, Шарифъ-ханъ доведенъ до просьбы о пощадѣ. Таково было положеніе дѣлъ въ іюнѣ. Но въ половинѣ іюля у береговъ Окса появился Абдуль-Рахманъ съ войсками, собранными при содѣйствіи его тестя, эмира бухарскаго.

Файзь-Магометъ, комендантъ Ачи, допустилъ это войско переправиться черезъ Оксъ и затѣмъ открыто сталъ на сторону Абдуль-Рахмана. Фатхи-Магометъ, губернаторъ Балка, послѣпно оставилъ Тахтапуль, желая исправить измѣну Файзь-Магомета. Но балкинскія войска, часть которыхъ принадлежала когда-то Афзаль-хану, при видѣ сына послѣдняго, единодушно возстали и перешли на сторону Абдуль-Рахмана. Фатхи-Магометъ долженъ былъ бѣжать въ Кабуль.

Овладевъ съ такою легкостью Балкомъ, Абдуль-Рахманъ сталъ изготавляться къ нападенію на Кабуль. Файзь Магомета онъ оставилъ защищать свой тылъ. Надежда на успѣхъ была полная. Губернаторъ Кабула Вали-Магометъ, родной братъ Файзь-Магомета, давно уже подозрѣвался самимъ эмиромъ въ измѣнѣ. Къ тому-же эмиръ съ войскомъ находился далеко, въ Кандагарѣ; потеря наследника надломилъ его энергію и онъ, вмѣсто того, чтобы слѣзнуть самому на мѣсто дѣйствія, послалъ защищать Кабуль своего втораго сына Ибрагимъ-хана и Магометъ-Рафия. 5 сентября оба полководца съ значительною частью эмирова войска достигли Кабула. Ибрагимъ-ханъ тотчасъ-же отставилъ Вали-Магомета отъ должности кабульскаго губернатора. Но это распоряженіе не устраняло всѣхъ трудностей его положенія. Нерѣшительному и не особенно умному Ибрагимъ-хану предстояло непосильное дѣло; войско, не получая жалованья, было недоволено, казна была пуста, а кругомъ его — ни одного совѣтника, на вѣрность котораго можно было бы положиться.

Въ своей дерзительности онъ измѣнялъ нѣсколько плановъ дѣйствія и, наконецъ, ~~рѣшился~~ ~~выжидать~~ приближенія Абдуль-Рахмана въ стѣнахъ Кабула. Въ эти критическіе моменты Ибрагимъ-ханъ поссорился съ Магометъ-Рафигомъ и ~~скорбиль~~ ~~его~~; тотъ оставилъ Кабулъ и присоединился къ Абдуль-Рахману.

Послѣднее событіе заставило эмира, находившагося въ Кандагарѣ, серьезно подумать о своемъ положеніи. Онъ послалъ подкрѣпленіе къ Кабулу и выбралъ въ начальники Шарифъ-хана. Въ ноябрѣ Шарифъ-ханъ достигъ уже окрестностей Кабула.

Въ тотъ же самый день у Баміана, въ лагерѣ Абдуль-Рахмана, появился Азимъ-ханъ. На сторонѣ противниковъ эмира были, такимъ образомъ, два способныхъ человека: Азимъ-ханъ и Магометъ-Рафигъ. Кабулъ же защищали Ибрагимъ-ханъ и Шарифъ-ханъ; послѣдній, черезъ день по прибытіи на мѣсто, перешелъ на сторону враговъ эмира.

Ибрагимъ-хану оставалось одно: прибѣгнуть къ переговорамъ, что онъ и сдѣлалъ. Балкинская армія, хотя и находилась въ десяти миляхъ отъ Кабула и численностью превосходила городской гарнизонъ, но она сильно пострадала отъ декабрьскихъ холодовъ и Азимъ-ханъ, ставшій во главѣ дѣлъ, былъ также не прочь придти къ соглашенію; перемиріе было ему желательно столько же, сколько и Ибрагимъ-хану. И, дѣйствительно, оно скоро состоялось. Военныя дѣйствія были прекращены, срокомъ по 19 февраля. Балкинская армія должна была оставаться на зимнихъ квартирахъ около Кабула, а Ибрагимъ-ханъ обязался выхлопотать у эмира освобожденіе Афзалъ-хана и другихъ заключенныхъ.

Въ продолженіе этихъ переговоровъ Шарифъ-ханъ не оставался въ бездѣйствіи: онъ перешелъ опять на сторону Ибрагимъ-хана, затѣмъ попытался измѣннически овладѣть Кабуломъ, но его попытка открылась во-время и онъ былъ изгнанъ изъ города. Но Шарифъ-ханъ былъ богатъ, и золото помогло ему вступить опять въ сношенія съ Ибрагимъ-ханомъ. Онъ вернулся еще разъ въ Кабулъ, не вполнѣ порывая, однакоже, сношеній съ враждебнымъ войскомъ внѣ стѣнъ.

Положеніе Ибрагимъ-хана было ужасное: измѣна окружала его въ самомъ дворцѣ, войска возмущались и дезертировали, голодъ свирѣпствовалъ въ самомъ Кабулѣ. Въ это критическое время, Ибрагимъ-ханъ неоднократно и настойчиво умолялъ эмира или освободить государственныхъ измѣнниковъ, или явиться самолично въ Кабулъ. Въ отвѣтъ на эти просьбы, эмиръ слалъ сыну упреки и приказанія энергически дѣйствовать противъ

врага; а самъ упорно оставался въ Кандагарѣ. Онъ заперся внутри дворца, видѣлся только съ самыми близкими и поражалъ ихъ своимъ нравственнымъ состояніемъ. Онъ или хранилъ упорное молчаніе, или впадалъ въ безумную ярость и грозился перерѣзать горло всѣмъ своимъ подданнымъ. За припадками гнѣва наступало полное отчаяніе: эмиръ начиналъ помышлять объ оставленіи Афганистана. Онъ выражалъ желаніе забыть совершенно свою родину и свой народъ; собирался ѣхать въ Англію, въ Россію, въ святую аравійскую землю. Разъ, ночью, онъ прыгнулъ въ прудъ, ища своего убитого сына. Стража едва могла спасти его.

На всѣхъ базарахъ средней Азіи, Персіи и Индіи толковали, что Ширь-Али, потрясенный смертью сына, сошелъ съ ума.

Наступило 19 февраля 1866 г. Азимъ-ханъ оповѣстилъ Ибрагимъ-хана, что такъ какъ плѣнные еще не освобождены, то военныя дѣйствія должны возобновиться.

Наступленіе балкинской арміи дѣйствительно началось; при ея приближеніи передовые посты измѣннически сдавались. 22-го большая часть эмировыхъ войскъ дезертировала; одни вернулись по домамъ, другіе разсѣялись по странѣ, предаваясь разбою и грабежу. 24-го—Азимъ-ханъ овладѣлъ Кабуломъ; Ибрагимъ-ханъ съ немногочисленною толпой, оставшейся ему вѣрной, заключился въ Бала-Гиссарѣ. Черезъ нѣсколько дней онъ долженъ былъ, однакоже, капитулировать. 2-го марта, при громѣ пушекъ, Азимъ-ханъ торжественно вступилъ въ крѣпость и созвалъ большой дарбаръ.

Паденіе Кабула вызвало Ширь-Али къ дѣятельности. Онъ какъ бы пробудился отъ тяжелаго сна и предался кипучей дѣятельности. Изъ Кандагара, Фарра, Герата онъ набралъ войска и оттуда же добылъ денегъ. Весь мартъ прошелъ въ собираніи арміи. Въ Кабулѣ обо всемъ этомъ знали и также не оставались въ бездѣйствіи. Поспѣшно была послана часть войскъ въ Газнѣ, главная армія была сосредоточена у Сейдъ-Абада, на полпути между Кабуломъ и Газною. Въ половинѣ апрѣля, эмиръ приблизился къ Кхилати-Гильзай. У него было 9,000 пѣхоты, 5,000 кавалеріи и 25 пушекъ. При его приближеніи, враждебное войско сняло осаду Газны и отступило къ Сейдъ-Абаду. 1-го мая эмиръ вступилъ въ Газну и пробылъ здѣсь четыре дня.

Фатхи-Магометъ, изгнанный изъ Балка Абдуль-Рахманомъ, и находившійся затѣмъ губернаторомъ въ Желалабадѣ, воору-

жился, какъ союзникъ эмира. Онъ шелъ съ востока въ Кабуду, вербуя по дорогѣ войска изъ различныхъ клановъ.

Въ враждебномъ лагерѣ царили, между тѣмъ, раздоръ, взаимное недовѣріе и соперничество. Абдуль-Рахманъ гнѣвался на Азимъ-хана за то, что тотъ сталъ во главѣ движенія. Магометъ-Рафиевъ съ грустью помышлялъ о своемъ прежнемъ выдающемся положеніи при дворѣ эмира. Другіе сардары были также недовольны Азимъ-ханомъ; онъ старался умѣрить ихъ грабительства и весьма часто грубо оскорблялъ ихъ самолюбіе. Шарифъ-ханъ открыто передался на сторону эмира. Общимъ убѣжденіемъ было, что эмиръ выиграетъ дѣло.

9-го мая у Сеидъ-Абада враги сошлись.

Побѣда склонялась на сторону эмира, но неожиданная измѣна кандагарскаго контингента, передавшагося на сторону враговъ, рѣшила дѣло въ пользу союзниковъ.

Эмиръ бѣжалъ въ Газну. За нимъ послѣдовали четыре или пять сотенъ гератскихъ всадниковъ, да Шарифъ-ханъ. Почти вся остальная армія передалась на сторону Абдуль-Рахмана. Эмировы пушки, слоны и весь его лагерь достались побѣдителямъ.

Какъ только вѣсть объ исходѣ битвы достигла Газны, тамошній гарнизонъ тотчасъ же измѣнилъ эмиру. Заключенные въ Газнѣ, Афзаль-ханъ и Сарваръ-ханъ были выпущены на свободу. Врата Газны не отворились даже передъ эмиромъ; онъ миновалъ стороною городъ и остановился въ 12 миляхъ къ югу, въ мѣстечкѣ Нанини. Сюда собрались остатки его арміи: кабульцы, гератцы и кандагарцы, всего числомъ до 2,500.

На кандагарцевъ эмиръ не могъ возлагать надежды; онъ собралъ остальныхъ изъ своихъ солдатъ и держалъ къ нимъ рѣчь. Съ необыкновеннымъ достоинствомъ Ширъ-Али разрѣшилъ имъ вернуться въ Кабуль, если кто того пожелаетъ. Все, что произошло, — говорилъ онъ, — случилось по волѣ Божіей; но онъ считаетъ себя, по прежнему, афганскимъ эмиромъ, и отъ правъ своихъ откажется развѣ только вмѣстѣ съ жизнью. Въ слѣдующую ночь Ширъ-Али бѣжалъ далѣе, по направленію къ Кандагару, въ Кхилати-Гильзай. Союзники не преслѣдовали побѣжденнаго; одинъ только Абдуль-Рахманъ съ тысячею всадниковъ поспѣшилъ въ ту же сторону, на встрѣчу къ освобожденнымъ плѣнникамъ бѣжавшаго эмира.

Съ триумфомъ вернулся Афзаль-ханъ въ лагерь побѣдителей и сразу сталъ во главѣ союзниковъ. Абдуль-Рахманъ и Азимъ-ханъ добровольно уступили ему первенствующее положеніе. Афзаль-ханъ былъ отцемъ одного, и старшимъ братомъ другаго;

признавая его главою, оба соперника, черезъ это самое, приходили къ соглашенію и устраняли важнѣйшую причину взаимнаго недовѣрія и соперничества. Другіе сардары охотно послѣдовали ихъ примѣру.

Войска вернулись въ Кабуль, и 21-го мая въ Бала-Гиссарѣ былъ провозглашенъ новый афганскій эмиръ—Афзаль-ханъ.

Въ Кандагарѣ жители приняли Ширь-Али очень хорошо. Неудачи не сломили его энергіи и онъ принялся собирать новое войско. Югъ и западъ Афганистана, включая сюда округи Кхилати-Гильзай, Кандагаръ, Гиришъ, Фарра и Герать, еще признавали его власть. Шарифъ-ханъ доставлялъ ему необходимыя фонды для веденія войны. Почти половина кабульскихъ сардарей тайно сносилась съ нимъ.

Между тѣмъ, на сѣверѣ произошли нѣкоторыя перемѣны. Афзаль-хану (1866 г.) собственно принадлежали только Кабуль и Газна. Въ Балѣ Файъз-Магометь отложился отъ него и объявилъ себя независимымъ. Выпущенный на свободу послѣ тяжелаго и долгаго плѣна, и сразу сдѣлавшись неограниченною главою, Афзанъ-ханъ не устоялъ передъ искушеніями и предался пьянству. Онъ бывалъ пьянъ ежедневно, и притомъ съ утра до слѣдующаго дня. Управление перешло въ желѣзныя руки Азимъ-хана, и раздоры между нимъ и Абдуль-Рахманомъ опять возобновились.

Еще до вступленія Афзаль-хана въ Кабуль, въ апрѣлѣ 1866 года, Азимъ-ханъ попытался завязать сношенія съ англо-индійскимъ правительствомъ. Онъ добивался помощи, а, можетъ быть, также признанія своихъ правъ на кабульскій престолъ. Ловкій и хитрый правитель, дѣйствительно, успѣлъ убѣдить, состоявшаго при кабульскомъ дворѣ, англо-индійскаго мунши (агента) взяться за дѣло посредничества между нимъ и лордомъ Лауренсомъ. Вскорѣ по занятіи Кабула, т. е. въ мартѣ 1866 г., Азимъ-ханъ сталъ дѣйствовать на несчастнаго мунши устрашеніемъ. Въ его присутствіи и въ полномъ дарбарѣ, Азимъ-ханъ позволялъ себѣ дурно отзываться о неблагодарныхъ англичанахъ, онъ грозился вступить въ сношенія, черезъ посредство Бухары, съ Россією. Хитрость удалась. Напуганный мунши вступилъ съ Азимъ-ханомъ въ переговоры и по его настоянію Азимъ-ханъ написалъ письмо въ Индію.

Лордъ Лауренсъ посмотрѣлъ на это дѣло нѣсколько иначе, нежели британскій мунши. Хвастливость Азимъ-хана не пугала его; онъ ясно видѣлъ, что дѣло Ширь-Али не потеряно окончательно, и что не было еще достаточныхъ причинъ открыто

переходить на сторону враговъ Ширъ-Али, уже разъ признаннаго афганскимъ эмиромъ ¹⁾).

Мунши былъ сдѣланъ выговоръ и внушено не вмѣшиваться въ политическія дѣла; Азимъ-хану же отвѣтилъ пешауэрскій комисіонеръ вѣжливымъ, но ни къ чему необязывающимъ англичанъ, письмомъ. Послѣ сейдъ-абадской битвы Азимъ-ханъ вновь вступилъ въ сношенія съ британскимъ правительствомъ. Въ своемъ письмѣ онъ искалъ дружбы и грозилъ непримиримою враждою въ случаѣ отказа, указывалъ на необходимость для Англіи поддержать Бухару противъ Россіи, предлагалъ свое посредничество и въ то же время намекалъ на свою дружбу съ Ахундомъ сватскимъ и на возможность союза противъ англичанъ.

Но въ то время о Бухарѣ еще не заботились въ Индіи, и не боялись фанатическихъ замысловъ Азимъ-хана въ союзъ съ Ахундомъ сватскимъ, такъ какъ очень хорошо знали, что Ширъ-Али еще держится въ Кандагарѣ, а въ Тахтапулѣ возсталъ Файзъ-Магометъ.

Маневръ Азимъ-хана не удался; но онъ не унывалъ въ успѣхѣ и вновь повторилъ свою попытку войти въ сношенія съ британскимъ правительствомъ; на этотъ разъ она увѣчалась нѣкоторымъ успѣхомъ. Индійскій генераль-губернаторъ, получивъ отъ Афзаль-хана письмо, въ которомъ откровенно искалась дружба съ англо-индійскимъ правительствомъ, призналъ нужнымъ отвѣчать на него. Въ іюлѣ (11-го) 1866 г. послѣдовалъ отвѣтъ лорда Лауренса. Въ письмѣ этомъ лордъ Лауренсъ подтверждаетъ, что союзъ съ Ширъ-Али до тѣхъ поръ, пока онъ удерживаетъ въ своей власти значительную часть Афганистана, не будетъ нарушенъ; но, выразивъ такое предпочтеніе Ширъ-Али, лордъ Лауренсъ откровенно высказываетъ, въ концѣ письма, что если Афзаль-ханъ, укрѣпивъ свое положеніе въ Кабулѣ, затѣмъ пожелаетъ союза съ англо-индійскимъ правительствомъ, то его предложенія будутъ приняты съ готовностью, такъ какъ англо-индійское правительство имѣетъ отношенія только къ фактическому правительству.

Послѣ Сейдъ-абадской битвы Афганистанъ раздробился на три части: въ Балѣбъ—объявилъ себя независимымъ Файзъ-Магометъ; въ Кабулѣ царилъ и пьянствовалъ Афзаль-ханъ; югъ и западъ признавалъ еще власть Ширъ-Али, пребывавшаго въ Кандагарѣ. Но Файзъ-Магометъ былъ недостаточно силенъ и не

¹⁾ Тамъ же, стр. 9.

могъ долго продержаться совершенно независимымъ, не приставъ къ той или другой изъ остальныхъ двухъ сторонъ. Афзалъ ханъ окончательно спился и былъ ничтожною игрушкою въ рукахъ Азимъ-хана, который прикрывался его именемъ для приведенія въ исполненіе своихъ замысловъ. Единоборство происходило собственно между двумя: только Ширь-Али и Азимъ-ханъ были врагами и дѣйствительными соперниками. Они двое вели борьбу изъ-за преобладанія въ Афганистанѣ.

Ширь-Али, потергивъ жестокое пораженіе, не отчаявался, да и не было ему основанія отчаяваться въ успѣхъ своего дѣла. Кромѣ Кандагара онъ владѣлъ всею страной на западѣ, до самой персидской границы; по направленію въ Кабулу въ его рукахъ находилась значительная крѣпость Кхилати-Гильзай, пунктъ болѣе важный и крѣпкій, нежели Мухаръ, крѣпость, занятая его врагами. Въ Гератѣ находился его способный сынъ Ялубъ-ханъ; а въ Кандагарѣ, около эмира, пребывалъ Шарифъ-ханъ. Лживый и непостоянный Шарифъ-ханъ былъ однако драгоценнымъ человекомъ для сбора налоговъ и всякаго рода поборовъ, при томъ и самъ богатъ, всегда могущій ссудить необходимую сумму. Изъ Балха Ширь-Али ожидалъ также, рано или поздно, помощи. Въ самомъ Кабулѣ были его сторонники или, по крайней мѣрѣ, люди, сносившіеся съ нимъ тайкомъ. Онъ зналъ также, что англо-индійское правительство, хотя и сносило съ его врагами, но по прежнему признавало его эмиромъ афганскимъ. Но у Ширь-Али не было ни пушекъ, ни ружей, ни денегъ. Пушки онъ могъ еще надѣяться достать; кое-какъ, хотя съ большимъ трудомъ и промедленіемъ, онъ могли быть изготовлены въ Кандагарѣ. Труднѣе было добыть ружья.

Въ виду этой настоятельной необходимости, Ширь-Али сталъ подумывать объ англо-индійскомъ правительствѣ. Съ просьбою о ружьяхъ онъ ужъ однажды обращался къ англичанамъ, въ самомъ началѣ своего царствованія, но его просьба была отклонена; хотя въ то время никто въ Афганистанѣ не оспаривалъ его власти, а, по восточнымъ обычаямъ, онъ могъ рассчитывать, что англо-индійское правительство, при вступленіи его на престолъ, сдѣлаетъ ему какой-либо значительный подарокъ.

Теперь, когда полъ царства было отнято у него, когда англо-индійское правительство завѣдомо воздерживалось отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Афганистана, надежда на таковую помощь была слаба, но тѣмъ не менѣе Ширь-Али попытался обратиться къ англо-индійскому правительству. Онъ за-

вель сношенія съ британскимъ мунши въ Кабулѣ. Положеніе этого британскаго чиновника было довольно оригинально. По послѣднему трактату съ Достъ-Магометомъ, индійскій вице-король имѣлъ право отражать въ кабульскому двору, въ качествѣ своего повѣреннаго въ дѣлахъ, кого-либо изъ индійскихъ туземцевъ. Но съ 1864 г. мѣсто это было не занято; повѣренный въ дѣлахъ возвратился въ Индію, оставивъ въ Кабулѣ своего мунши (писаря или секретаря) для веденія дѣлъ меньшей важности. Этотъ мунши и былъ представителемъ британской власти въ Кабулѣ. Мунши появлялся на дарбарахъ Афзаль-хана, но онъ не игралъ на этихъ пріемахъ видной роли: онъ ходилъ туда собирать новости, а новостей было всегда много на этихъ пріемахъ сардарей, городскихъ тузовъ и даже случайныхъ путешественниковъ. Въ этомъ состояли всѣ обязанности мунши; онъ долженъ былъ собирать новости всюду, гдѣ таковыя имѣлись: въ Бала-Гиссарѣ, на базарѣ и т. д. Новости, слухи, подобранные въ разныхъ мѣстахъ, доставляли ему матеріалъ для дневника, акуратно отсылавшагося разъ въ двѣ недѣли въ Пешауэръ. Дипломатическихъ обязанностей онъ не имѣлъ.

Въ іюнѣ и въ іюлѣ Ширъ-Али написалъ три письма мунши, и просилъ послѣдняго довести до свѣдѣнія британскаго правительства о своемъ желаніи получить въ даръ 6000 ружей и денегъ, о своей крайней нуждѣ и о той благодарности, съ которою таковой даръ будетъ имъ принятъ.

Первое письмо Ширъ-Али не достигло своего назначенія; второе же и третье, послѣ долгаго замедленія, достигли Индіи. Но пешауэрскія власти посмотрѣли на эти письма, какъ на подложныя, и въ поддѣлкѣ ихъ подозрѣвался Азимъ-ханъ, явобы пожелавшій узнать настоящія намѣренія британскаго правительства. Поэтому никакого отвѣта на письма не послѣдовало. Подлинность этихъ писемъ выяснилась только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Между тѣмъ Ширъ-Али, не получая отвѣта на свои посланія и не подозрѣвая тѣхъ сомнѣній, которыя онъ возбудили, истолковалъ молчаніе вице-короля въ свою пользу.

Въ Кабулѣ, среди соперниковъ, дѣла шли также неудовлетворительно: Афзаль-ханъ по прежнему сильно пьянствовалъ; между Азимъ-ханомъ и Абдуль-Рахманомъ были постоянныя ссоры, и вражда эта все болѣе и болѣе заострялась. Триумвиратъ не распадался только потому, что каждый отлично сознавалъ грозящія общему дѣлу опасности. Слухи о приготовленіяхъ, прувеличенныхъ молвою, доходили до Кабула; попытки смирить Файъзъ-Магомета также не удавались. Съ сѣвера, и съ юга ожи-

далось нападеніе на Кабуль. Къ этимъ затрудненіямъ прибавилось еще одно, не менѣе важное: около Желалабада возстало племя Гильзаевъ. Къ тому же въ Кабуль также, какъ въ Кандагарѣ, не было денегъ, а налоги и поборы раздражали подвластное населеніе; оно сознало весьма скоро, что Азимъ-ханъ столь же ненавистенъ и тяжелъ, какъ и Ширъ-Али-ханъ, что онъ обѣщалъ большія награды за измѣну и скупно раздавалъ ихъ. Мушлы роптали на отнятіе своихъ доходовъ, солдаты — на задержаніе жалованья, купцы жаловались на двойныя пошлины, на насильственные, нисогда или весьма плохо оплачиваемые займы, а между тѣмъ Файзъ-Магометъ задерживалъ ихъ караваны въ Балкѣ. Бѣдному народу, среди грабежей, монополіи на зерновой хлѣбъ и т. д., приходилось почти умирать съ голоду.

Таково было положеніе дѣлъ въ Кабуль, когда тамъ полученъ былъ отвѣтъ Лауренса на письма Афзаль-хана. Содержаніе и форма письма не понравились Азимъ-хану. Было ясно, что англо-индійское правительство не хотѣло порвать союза съ Ширъ-Али; въ официальномъ письмѣ Афзаль-ханъ не назывался даже эмиромъ. Все это разгнѣвало до-нельзя Азимъ-хана; онъ призвалъ къ себѣ жунши и въ несдержанныхъ выраженіяхъ высказался передъ нимъ о неблагодарности англичанъ и объ ихъ себялюбіи.

Подозрѣвая кругомъ себя измѣну и предательство, Азимъ-ханъ сталъ искать измѣнниковъ въ Кабуль: пострадалъ Магометъ-Рафизъ, задушенный въ темницѣ; болѣе полутора ста человекъ были закованы въ цѣпи по подозрѣнію въ сношеніяхъ съ Ширъ-Али или въ симпатіяхъ къ англичанамъ. Въ Кабуль настала тероръ. Но опасенія Азимъ-хана были совершенно напрасны: англо-индійское правительство вовсе не желало помогать какой либо изъ воюющихъ сторонъ. И на письма Ширъ-Али давались уклончивые отвѣты, ему не отказывали въ его просьбѣ, но и не давали никакой надежды на то, что она когда-либо будетъ исполнена.

Вся осень и начало зимы прошли въ приготовленіяхъ къ военнымъ дѣйствіямъ. Кандагарская армія сосредоточивалась у Кхилати-Гильзай. Въ Муххаръ прибывали войска союзниковъ; но приготовленія тамъ не велись такъ же дѣятельно; вниманіе союзниковъ было отвлечено въ разные пункты: съ сѣвера имъ грозило движеніе Файзъ-Магомета, на востокѣ бунтовались гильзай, а въ самомъ войскѣ появился духъ недовольства и непокорности; случаи дезертирства повторялись очень часто.

Среди этихъ затрудненій, среди слуховъ объ англійской помо-

ши эмиру Ширь-Али, Азимъ-ханъ перемѣнилъ свою тактику; онъ сталъ иначе относиться къ британскому мунши и черезъ послѣдняго вскорѣ узналъ, что слухи объ англійскомъ вмѣшательствѣ не имѣютъ никакого основанія. Тотчасъ же былъ оставленъ планъ придти къ соглашенію съ Ширь-Али, о чемъ сперва въ Кабулѣ начинали было сильно подумывать. Азимъ-ханъ пытался также въ это время завязать сношенія съ Ташкентомъ. Но и оттуда никакой помощи нельзя было ждать и тогда онъ рѣшился еще разъ попытать свои силы; онъ сосредоточилъ свои войска въ двухъ пунктахъ: въ Баміанѣ противъ Файзь-Магомета, и въ Мукхарѣ противъ Ширь-Али. Въ Баміанѣ подъ начальствомъ Сарваръ-хана находилось около 7,000 человекъ, въ Мукхарѣ 9,000. Въ обоихъ пунктахъ враждебныя стороны располагали болѣе значительными силами. Но Азимъ-ханъ рассчитывалъ, что около Баміана, въ горныхъ ущельяхъ, даже съ меньшею силою легко удержать позицію. Въ Мукхарѣ же онъ имѣлъ артиллерію гораздо болѣе сильную, нежели кандагарская. Онъ успокоилъ своихъ солдатъ выдачею жалованья и 20 декабря принялъ начальство надъ войскомъ въ Мукхарѣ.

Въ январѣ 1867 г. открылись военныя дѣйствія и въ началѣ были очень удачны для Ширь-Али; Файзь-Магометъ разбилъ Сарваръ-хана и погналъ его разстроенное войско къ Кабулу, но развлеченный нападеніями съ тылу Баднашанскаго мира, онъ замедлил преслѣдованіе и, потерявъ удобное время, далъ возможность оправиться противнику. Въ это время до него дошла печальная вѣсть о неудачной для Ширь-Али битвѣ при Кхилати-Гильзай.

16 января Ширь-Али былъ разбитъ Азимъ-ханомъ и бѣжалъ въ Гератъ.

26 января Азимъ-ханъ и Абдуль-Рахманъ заняли Кандагаръ. Югъ и центръ Афганистана принадлежали союзникамъ. Не опасаясь пока Ширь-Али, они могли рассчитывать, что сокрушатъ силы Файзь-Магомета на сѣверѣ.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ побѣдителей было извѣстить британское правительство о своихъ успѣхахъ. 3 февраля 1867 г. Афзаль-ханъ написалъ индійскому вице-королю; письмо по тону было весьма сдержанно: „16 января, — говорилось въ немъ, — было дано сраженіе, продолжавшееся четыре часа; эмиръ Ширь-Али-ханъ былъ окончателно разбитъ и обратился въ бѣгство; его артиллерія досталась намъ, а его войско было нами плѣнено. 26 января мой братъ и сынъ вошли въ Кандагаръ и овладѣли имъ.“

Я поздравилъ съ успѣхомъ моихъ старыхъ друзей. Увѣдомляю васъ объ этомъ, ибо необходимо, чтобы и друзья знали такое“. Пенжабскій губернаторъ, препровождая къ вице-королю письмо Афзаль-хана высказалъ такое убѣжденіе: Афзаль-хану не слѣдуетъ болѣе отказывать въ титулѣ эмира, такъ какъ Ширь-Али врядъ-ли восторжествуетъ опять, Афзаль-ханъ же, по всему вѣроятію, скоро уврѣнится окончательно на Афганскомъ престолѣ.

Британскому правительству предстояло одно изъ двухъ: или признать эмиромъ Афзаль-хана, или открыто стать на сторону Ширь-Али, въ послѣднемъ случаѣ слѣдовало оказывать ему дѣятельную помощь, порвать всякія сношенія съ его врагами и отозвать изъ Кабула своего мунши; но такъ какъ Ширь-Али былъ побѣжденъ, и о немъ говорили, что онъ не любимъ въ Афганистанѣ и что въ послѣднее время онъ сошелъ съ ума, то было очевидно, что держать сторону Ширь-Али представлялось дѣломъ рискованнымъ; но, съ другой стороны, невыгодно было также окончательно признать эмиромъ Афзаль-хана, или не отвѣчать любезно на его извѣщенія. Въ томъ и другомъ случаѣ угрожала опасность потери всякаго вліянія на дѣла афганскія. Потерять же всякое вліяніе на дѣла афганскія уже тогда казалось опаснымъ для англичанъ.

Трудность была разрѣшена, — отвѣтное письмо было написано и очень скоро отправлено къ Афзаль-хану, т. е. въ томъ же мѣсяцѣ (23 февраля 1867); медлить отвѣтомъ, какъ въ былое время, при перепискѣ съ Ширь-Али, не нашли нужнымъ. Афзаль-ханъ былъ названъ въ посланіи вице-короля эмиромъ, но не Афганскимъ, а эмиромъ Кабула и Кандагара; этимъ самымъ какъ бы давалось знать, что въ Гератѣ можетъ быть еще другой эмиръ.

Письмо начиналось выраженіемъ сожалѣнія о судьбѣ Ширь-Али. „Ваше высочество, — говорилось въ немъ, — да извинитъ мнѣ мои слова, что я лично сожалѣю объ эмирѣ Ширь-Али-ханѣ“. Неприятное впечатлѣніе такого начала долженствовало смягчить дальнѣйшія выраженія письма: „я готовъ, — говорилъ индійскій вице-король, — привѣтствовать всякое событіе, долженствующее приблизить Афганистанъ къ достиженію прочнаго мира и сильнаго правительства при одномъ изъ сыновей эмира Достъ-Магометъ-хана. Въ этомъ смыслѣ я прошу ваше высочество принять мое поздравленіе съ недавнею побѣдой, доставленной войскамъ вашего высочества моимъ другомъ Сирдаромъ-Магометъ-Азимъ-ханомъ и сыномъ вашего высочества Сирдаромъ-Абдуль-Рахманъ-ханомъ“.

Заключение письма посвящено изложению основных принципов британскаго нейтралитета. „Мнѣ рассказываютъ,—говорилъ вице-король,—что до Кабула дошли слухи о помощи будто-бы оказанной мною эмиру Ширъ-Али-хану. Пользуюсь этимъ случаемъ и прошу ваше высочество не вѣрить этимъ празднымъ толкамъ. Ни людей, ни оружія, ни денегъ, ни другой какой-либо помощи—мое правительство не доставляло эмиру Ширъ-Али-хану. Какъ вашему высочеству, такъ и ему я одинаково не помогаль... На будущее время я предполагаю слѣдовать той же политикѣ... Мой другъ! Уже въ прошломъ моемъ письмѣ я говорилъ вашему высочеству, что британское правительство имѣетъ отношенія къ фактическому правителю Афганистана, а потому до тѣхъ поръ, пока эмиръ Ширъ-Али-ханъ владѣетъ Гератомъ и сохраняетъ дружбу къ британскому правительству, я стану признавать его правителемъ Герата и платить ему тою-же дружбою. Но на томъ-же самомъ основаніи я готовъ признать ваше высочество эмиромъ Кабула и Кандагара и какъ таковому чистосердечно предлагаю вашему высочеству миръ и благорасположеніе британскаго правительства“.

Отъ эмира же Кабула и Кандагара вице-король требовалъ выполненія трактатовъ, заключенныхъ съ Достъ-Магометь-ханомъ 30 марта 1855 и 20 января 1857. По статьѣ трактата 1857 г. британское правительство имѣло право отряжать къ кабульскому двору вавила (повѣреннаго), но не европейца, и вице-король высказывалъ желаніе, въ замѣнъ мунши, отрядить, на незанятую въ продолженіи трехъ лѣтъ эту должность, мусульманина, но человѣка съ положеніемъ, ибо мунши, неполнѣ, а только временно, отправлялъ обязанности британскаго агента.

Афзаль-ханъ былъ признанъ эмиромъ, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями. Не смотря на заявленный англо-индійскимъ правительствомъ нейтралитетъ, въ Силгѣ сочли возможнымъ руководить новаго эмира въ его внѣшней политикѣ¹⁾; отсюда ему слали совѣты не вмѣшиваться въ бухарскія дѣла, т. е. не помогать Бухарѣ противъ Россіи, и въ то же время очень холодно относились къ Ширъ-Али. Вскорѣ послѣ пораженія при Кхилати-Гильзай Ширъ-Али прислалъ въ Синдъ одного изъ своихъ родственниковъ; посолъ имѣлъ передать британскому правительству его просьбу о помощи. То былъ, въ нѣкоторомъ родѣ, ультиматумъ падшаго величія. Въ случаѣ отказа, Ширъ-Али, твердо рѣшившійся вернуть себѣ утраченное царство, предполагалъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 16.

обратиться къ Россіи или Персіи. Какъ только вѣсть о пріѣздѣ афганскаго посла дошла до Симлы, оттуда былъ посланъ приказъ синдскому комисіонеру. Онъ долженъ былъ выслушать посла и донести въ Симлу обо всемъ, что тотъ скажетъ, но не долженъ былъ предпринимать ничего дальнѣйшаго. Правительство воздерживалось отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Афганистана. Синдскій комисіонеръ поступилъ такъ, какъ ему было велѣно: онъ выслушалъ сочувственно печальную повѣсть посланца и вручилъ послѣднему копію съ наставленій, полученныхъ изъ Симлы. Посланникъ вернулся въ Герать и передалъ Ширь-Али, что на помощь со стороны англо-индійскаго правительства нѣтъ никакой надежды.

Въ Кандагарѣ между тѣмъ, пребывали непримиримые соперники: Азимъ-ханъ и Абдуль-Рахманъ. Оба рвались назадъ, въ Кабуль, но каждый очень хорошо понималъ, что одному изъ нихъ, ради общей пользы, нужно остаться въ Кандагарѣ: Въ это время въ Кабулѣ получился отвѣтъ индійскаго вице-короля. Афзаль-ханъ не нашелъ возможнымъ отвѣчать на это письмо, не посоветовавшись съ братомъ Азимъ-ханомъ, и посланіе Сера Джона Лауренса было препровождено въ Кандагаръ. Азимъ-ханъ сочинилъ отвѣтъ и послалъ его въ Кабуль для подписанія. Въ письмѣ выражалось полное согласіе на англо-индійскія предложенія, т. е. на принатіе въ Кабуль повѣреннаго въ дѣлахъ изъ индійскихъ туземцевъ. Это не помѣшало, однакоже, Афзаль-хану тайкомъ сносятся съ русскими властями въ Ташкентѣ. Онъ жаловался тамъ на неблагодарность англичанъ, говорилъ, что не вѣрится въ дружбу англійскаго правительства.

Въ то время, какъ велись эти дипломатическіе переговоры и интриги, у проходовъ Ганду-Буша бездѣлительно стояла балкинская армія Файзъ-Магомета. Вѣсть о пораженіи Ширь-Али остановила движеніе балкинской арміи, но Файзъ-Магометъ остался вѣренъ Ширь-Али и послалъ къ послѣднему въ Герать приглашеніе явиться на мѣсто дѣйствія.

Войско, противопоставленное Файзъ-Магомету, не было усиленно даже по окончаніи военныхъ дѣйствій на югѣ. Оно было слабо численностью и деморализовано; побѣда надъ такимъ врагомъ не могла быть затруднительна и 23 апрѣля Файзъ-Магометъ у Бажгара разбилъ полуголодныхъ и слабодушныхъ полчища Сарваръ-хана; побѣжденные бѣжали къ Баміану и оттуда къ самому Кабулу. У Чарикара Сарваръ-ханъ попытался было вновь противостать Файзъ-Магомету и остановить его движеніе

на Кабуль; но это ему не удалось; разбитый, онъ въ отчаяніи покинулъ свою армію и 27 апрѣля вернулся въ Кабуль.

Во второй разъ передъ Файзь-Магометомъ открывалась дорога въ Кабуль; но точно также какъ и въ первый разъ, онъ не воспользовался благоприятными обстоятельствами, не перешелъ за Баміанъ.

Оставивъ тамъ отрядъ, а также въ Сейгханъ, Бажгаръ, Руи, самъ Файзь-Магометъ отступилъ къ Айбаку. Здѣсь онъ сталъ дожидаться прибытія Ширъ-Али.

9-го мая Ширъ-Али вмѣстѣ съ Ибрагимъ-ханомъ явился въ Тахтауль. Взаимное довѣріе и дружба, вазалось, вопарились между двумя сторонами; съ одной стороны, безусловная преданность и полная готовность служить дѣлу эмира, съ другой, со стороны эмира, за это же щедро платилось почестями и не вмѣшательствомъ въ управление Балъа.

Ширъ-Али располагалъ теперь 16,000 человекъ и шестнадцатью пушками. Не нужно было терять времени и тотчасъ же двинуться на Кабуль. Но эмиръ и его новый союзникъ медлили. Все лѣто они бездѣтельно прожили въ Тахтауль. А уже въ концѣ мая въ Кабуль подоспѣло подкрѣпленіе изъ Кандагара подъ начальствомъ Абдуль-Рахмана. У Ширъ-Али былъ одинъ планъ, который онъ спѣшилъ привести въ исполненіе въ это же лѣто, а потому и медлил наступленіемъ на Кабуль. Не имѣя никакой надежды на помощь англичанъ, онъ обратился къ Персіи. Персидскій шахъ въ то время находился въ Мешхедѣ; къ нему-то Ширъ-Али послалъ своего сына Якубъ-хана.

Попытка найти здѣсь союзника не увѣнчалась однако же успѣхомъ; Якубъ-ханъ вернулся изъ Мешхеда съ дорогими подарками, но и съ грустною вѣстью, что Персія, связанная трактатомъ, не вмѣшается въ дѣла Афганистана. Во время этихъ неудачныхъ поисковъ за союзникомъ, въ Кабуль успѣли принять всѣ нужныя мѣры для встрѣчи врага. Изъ Кандагара вызвали новыя подкрѣпленія; двѣ арміи были сосредоточены у Гардана-и-дивара, и Чарикара. Подавлено было возстаніе гильзаевъ, и улажены дѣла съ недовольными кохистанскими старшинами. Абдуль-Рахманъ позаботился также смягчить тяготы городскаго кабульскаго населенія, дореденнаго войнами, голодомъ, анархіею и холерою до невыносимо тягостнаго положенія.

Афзаль-ханъ, между тѣмъ, видимо слабѣлъ и конецъ его былъ близокъ. Абдуль-Рахманъ настаивалъ на томъ, чтобы отецъ объявилъ его наслѣдникомъ, а тотъ, опасаясь притязаній своего брата и все болѣе и болѣе слабѣя физически и нрав-

ственно, отъ старости и болѣзни, давалъ сыну уклончивые отвѣты, выражалъ желаніе свидѣться съ братомъ, и подѣ конецъ, не смотря на всѣ протесты и представленія сына, вызвалъ Азимъ-хана изъ Кандагара.

Но въ планы Азимъ-хана не входило спѣшить отъѣздомъ; онъ зналъ, что столкновение двухъ армій неминуемо должно послѣдовать въ самомъ скоромъ времени и не хотѣлъ рисковать своею репутаціей въ дѣлѣ, исходъ котораго трудно было предвидѣть. Онъ сильно желалъ быть въ Кабулѣ лишь послѣ того, какъ минуетъ катастрофа. Получивъ приглашенія изъ Кабула, Азимъ-ханъ отвѣчалъ, что Кандагаръ не на кого оставить, что слѣдуетъ съ нападеніемъ балкинской арміи въ состояніи и одинъ Абдуль-Рахманъ, а потому, прежде нежели къ нему явится Сарваръ-ханъ, онъ отказывался тронуться изъ Кандагара.

Афзаль-ханъ послалъ въ Кандагаръ названное лице. Тогда дѣйствительно Азимъ-ханъ тронулся въ путь; но ѣхалъ въ Кабулъ медленно, осматривая по дорогѣ гражданское управленіе Газни и другихъ союзныхъ округовъ.

Выжидательный планъ Азимъ-хана удался.

23 августа Ширъ-Али и Файзь-Магометъ начали наступательное дѣйствіе на Кабулъ. У наступающихъ было около двадцати тысячъ воиновъ, раздѣленныхъ на двѣ колонны; оба отряда разобщены были значительнымъ пространствомъ; такъ 17 сентября Файзь-Магометъ находился съ своимъ войскомъ на границѣ Устаръ-Каррама въ Кокистанѣ, между тѣмъ, какъ Ширъ-Али пребывалъ въ Пянжширѣ.

Абдуль-Рахманъ весьма скоро созналъ всѣ невыгоды такого положенія для нападающихъ; и поспѣшилъ напасть на Файзь-Магомета. Какая-то шальная пуля сразила на смерть Файзь-Магомета и безвозвратно погубила дѣло нападающихъ; балкинская армія, привязанная лично къ Файзь-Магомету, а не къ дѣлу Ширъ-Али, сложила оружіе и сдалась. 17-же сентября тѣло Файзь-Магомета было привезено въ Кабулъ, гдѣ и погребено съ подобающею торжественностью.

Новость о катастрофѣ при Кила-Аллададѣ достигла до пянжширской арміи и произвела тамъ сильное впечатлѣніе. Войско, услышавъ о смерти Файзь-Магомета, стало дезертировать. Ширъ-Али былъ принужденъ бѣжать, оставивъ свои пушки. Около 3,000 человекъ сопровождало его черезъ Андерабъ въ Тахтапультъ.

Только по минованіи всѣхъ этихъ трудностей, въ Кабулѣ появился Азимъ-ханъ. Онъ прибылъ туда 21 сентября, а 7 октября умеръ

Афзаль-ханъ. Черезъ четыре дня послѣ его смерти, эмиромъ былъ провозглашенъ Азимъ-ханъ. До сихъ поръ не разъяснено, въ силу какихъ соображеній Абдуль-Рахманъ уступилъ безъ борьбы афганскій престолъ дядѣ. Оба они стремились быть афганскимъ эмиромъ; оба соперничали и враждовали изъ-за кабульскаго престола. Въ дневникѣ британскаго мунши въ Кабулѣ разсказывается очень кратко объ этомъ событіи: „Абдуль-Рахманъ вначалѣ былъ увѣренъ, что онъ наслѣдуетъ престолъ, а Азимъ-ханъ сдѣлается его наибомъ; но, какъ кажется, Азимъ-хану вовсе не улыбнулась перспектива нести на своихъ плечахъ всю тяжесть управленія, и при этомъ занимать второстепенную должность. Онъ объявилъ Абдуль-Рахману, что оставляетъ Кабуль, будетъ жить въ Кандагарѣ или Куррамѣ, станетъ ему повиноваться во всемъ, не причинить никакого зла его семейству и всегда будетъ почитать Абдуль-Рахмана за сына. Абдуль-Рахманъ должно быть испугался своего труднаго безпомощнаго положенія въ Кабулѣ и на четвертый день, по окончаніи трехдневнаго траура, передалъ въ публичномъ дарбарѣ саблю покойнаго отца Азимъ-хану. Азимъ-ханъ сталъ эмиромъ, а Абдуль-Рахманъ главнокомандующимъ“. По полученіи этихъ вѣстей отъ мунши, англо-индійское правительство уже въ ноябрѣ того-же года признало Азимъ-хана эмиромъ Кабула и Кандагара. Письмо вице-короля было написано и отправлено, не дожидаясь извѣстій отъ самого Азимъ-хана.

Таковая поспѣшная предупредительность со стороны англичанъ вызвана была ихъ интересами. Англичане спѣшили завязать сношенія съ новымъ эмиромъ, потому что въ Кабулѣ въ то время не было ихъ повѣреннаго; а имѣть таковаго при дворѣ кабульскаго эмира уже тогда почиталось крайне-необходимымъ. Согласіе на принятіе въ Кабуль британскаго вакиля изъ индійскихъ туземцевъ было дано еще Афзаль-ханомъ; но индійское правительство не захотѣло воспользоваться тотчасъ-же согласіемъ Афзаль-хана. Въ Индіи не были увѣрены въ прочности положенія самого Афзаль-хана. Съ сѣвера Кабулу грозилъ Файзь-Магометъ, исходъ борьбы было трудно предугадать, а потому и отъѣздъ британскаго вакиля былъ отложенъ; боялись, что вакиль, акредитованный къ эмиру Афзаль-хану, явившись въ Кабуль, найдетъ тамъ новаго эмира.

Теперь, когда Азимъ-ханъ, повидимому, окончательно утвердился въ Кабулѣ, британское правительство, не дожидаясь отъ него формальнаго извѣщенія о его воцареніи и забывъ о провозглашенномъ ранѣе нейтралитетѣ, поспѣшило завязать съ но-

вымъ эмиромъ переговоры объ отправкѣ своего повѣреннаго въ Кабуль. Англичанамъ, въ виду русскихъ успѣховъ въ средней Азiи, представлялось крайнею необходимою имѣть довѣренное лицо въ Кабуль, и только таковыми соображенiями объясняется поспѣшная любезность Лауренса.

Но англо-индiйское правительство и на этотъ разъ плохо разсчитало; торжество Азимъ-хана, какъ это вскорѣ выяснилось, было далеко не продолжительно, а, съ другой стороны, дѣло Ширь-Али не могло считаться окончательно проиграннымъ.

Дѣйствительно, на первыхъ порахъ послѣ пораженiя, положенiе Ширь-Али въ Балкъ, среди узбекскаго населенiя, было крайне затруднительно. Онъ самъ ясно сознавалъ, что жить въ Тахтапуль бесполезно и даже несовсѣмъ безопасно. Населенiе видимо не было расположено постоять за его дѣло, а потому, не теряя по-напрасну времени, Ширь-Али вскорѣ направился на югъ, въ Герать. Въ началѣ 1868 года три четверти Афганистана признавали эмиромъ Азимъ-хана. Балкъ былъ занятъ многочисленнымъ войскомъ съ Абдуль-Рахманомъ во главѣ; въ Кандагаръ управлялъ Сарваръ-ханъ, а въ Кабуль пребывалъ самъ эмиръ. Одинъ только Герать съ окружающею территорiей оставался вѣренъ Ширь-Али.

Но въ концѣ того-же года положенiе дѣлъ также быстро измѣнилось въ выгоду Ширь-Али. Весною 1868 года Якубъ-ханъ неожиданно напалъ на Кандагаръ и взялъ крѣпость приступомъ. Счастье повезло Ширь-Али. Ободренный удачею, онъ поспѣшилъ самъ въ Кандагаръ и оттуда побѣдоносно прослѣдовалъ далѣе по дорогѣ въ Кабуль, черезъ Газни.

Три раза Ширь-Али пытался овладѣть своею столицею и три раза это не удавалось ему. Въ четвертый разъ его усилiя увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Даже населенiе Кабула приняло его съ радостью, забывъ, подъ гнѣтомъ правленiя Азимъ-хана, старое зло и старыя несправедливости. Азимъ-ханъ, сознавая свое затруднительное положенiе, быстро очистилъ Кабуль и удалился въ Балкъ къ Абдуль-Рахману.

Въ концѣ 1868 года въ Бала-Гиссарѣ воцарился вновь эмиръ Ширь-Али.

М.

(окончанiе будетъ).

ИСТОЧНИКИ ЗЕМСТВА.

Со времени учрежденія земскаго самоуправленія прошло 14 лѣтъ. Этотъ промежутокъ времени, мнѣ кажется, настолько продолжителенъ, что, не впадая въ погрѣшность, можно выяснить, насколько дѣятели нашего земства выполнили свою задачу и насколько они оправдали возлагаемыя на нихъ ожиданія и надежды.

Не буду говорить о важности земскаго дѣла, это уже избитая матерія. Земское дѣло—это всенародное, а стало быть и государственное дѣло. Каждый истинно русскій, которому дороги интересы родной земли, долженъ быть хорошо ознакомленъ какъ съ самою сущью земскаго дѣла, такъ и съ дѣятельностью представителей онаго, такъ какъ дѣло это имѣетъ самую тѣсную связь со всѣми житейскими интересами каждаго изъ гражданъ, составляющихъ отдѣльно одну частицу той великой собирательной силы, которая называется земствомъ.

При такомъ взглядѣ на общность и солидарность всѣхъ и каждаго порознь съ земскимъ дѣломъ, казалось бы, не настоятъ никакой надобности въ разъясненіи первоначальной или элементарной сущи самого дѣла, или, иначе сказать, въ указаніи тѣхъ деталей, изъ коихъ образуется двигательная и жизненная сила нашего земства, безъ коей немислимо самое земское дѣло. Какъ ни кажется страннымъ, а между тѣмъ это сушая истина, что большая часть нашего общества, далеко не знакома съ этою двигательною силою, которая какъ бы служить самымъ главнымъ рычагомъ земства. Посредствомъ прессы, публикѣ хотя кое-что извѣстно, но это кое-что такъ отрывочно и неполно, что далеко не можетъ ознакомить съ этимъ, по истинѣ, важнымъ дѣломъ. Очень многія изъ земскихъ управъ печатаютъ ежегод-

ные сборники постановлений земских собраний, въ коихъ и заключаются эти интересныя свѣдѣнія о двигательной силѣ земства; но эти сборники, въ особенности уѣздныхъ собраний земства, печатаются въ такомъ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, что едва-ли съ ними знакомы не только всѣ плательщики, но и всѣ гласные; да и вообще, при распубликованіи этихъ сборниковъ, дѣятели, которымъ надлежитъ вѣдать это дѣло, пробѣгаютъ эти сборники машинально, не зная положительно, что въ нихъ заключается. Сколько мнѣ помнится, ни одна изъ нашихъ газетъ, а также и журналовъ, не познакомили публику съ раскладками обложенія земскихъ сборовъ. А между тѣмъ раскладки эти, помимо интереса ихъ въ отношеніи мотивовъ обложенія сборовъ, и составляютъ, что называется, суть самого земскаго дѣла, такъ какъ въ нихъ сгруппированы всѣ тѣ копѣйки, изъ коихъ образуются громадныя цифры, которыя всею своею тяжестью ложатся на наше сельское населеніе. Съ этимъ элементарнымъ и совершенно невѣдомымъ для публики двигательнымъ рычагомъ я постараюсь познакомить читателя.

Случайныя обстоятельства забросили меня въ Полтаву, въ это сердце Малороссіи, въ край, считающійся у насъ на Руси, однимъ изъ болѣе благоприятныхъ для эксплуатаціи народныхъ богатствъ и силъ; пользуясь достаточнымъ досугомъ, я съ особеннымъ удовольствіемъ взялся за это интересное дѣло, дабы разъяснить, насколько этотъ жизненный источникъ, изъ котораго черпаютъ уже 14 лѣтъ, избытокъ и насколько онъ еще, при подобномъ эксплуатированіи его дѣятели земства, можетъ быть производителенъ, а также можетъ ли онъ выдерживать подобную эксплуатацію и въ будущемъ, и не пора-ли уже подумать о болѣе рациональной эксплуатаціи этого засорившагося источника?

Выписываемыя мною раскладки уѣздныхъ и губернскаго полтавскихъ земскихъ собраний на 1877 г. цѣликомъ взяты изъ дѣлъ губернской земской управы объ этомъ предметѣ, измѣненій въ нихъ я не допустилъ ни на одну іоту.

Полтавскаго уѣзда.

По смѣтѣ на уѣздныя и земскія повинности, — кромѣ расхода на содержаніе уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія 3,960 р. и на содержаніе стоячныхъ пунктовъ 12,900 р., всего 16,860 р., — исчислено на 1877 г. 59,280 р. 38¹/₂ к., которые разложены на слѣдующіе предметы:

Съ земель удобныхъ:

	Десятины.	Обложение.	Сумма обложения.
Во владѣніи дворянъ	130,542	по 15 ¹ / ₂ к.	20,234 р. 1 к.
Духовн. званіи, почетн. гражд., кушцовъ и мѣщанъ	12,729	„ — „	1,972 „ 99 ¹ / ₂ „
Принадлеж. бывшимъ обществ. госуд. крест., казакамъ и врем. обязан. крестьянамъ	118,662	„ — „	18,392 „ 61 „
Принадлеж. г. Полтавъ	157	„ — „	24 „ 33 ¹ / ₂ „
Казен. земель и лѣсовъ	2,846	„ — „	441 „ 13 „
Лѣсовъ въ завѣдыв. госуд. и мушц., выдѣленныхъ сельск. обществъ	1,913	„ — „	296 „ 51 ¹ / ₂ „
А всего 266,849 дес. по 15 ¹ / ₂ к.			41,361 р. 59 ¹ / ₂ к.

Съ недвижимыхъ имуществъ:

Принадлежащихъ собственн. Гол- тавъ и одиенныхъ	134,350 р.	облож. по 46 ¹ / ₂ к. съ рубля
Жителямъ г. Полтавы, одиенныхъ	3,500,776 „	доходности этихъ имуществъ.
Всего		16,879 р. 73 ¹ / ₂ к.

Съ имуществъ, находящихся въ уѣздѣ:

	Число.	Обложение.	Сумма.
Мельницъ водян. о 36 постав.	12	по 2 р. съ поставы (?)	68 р.
— — о 18 постав.	9	„ 1 „ 50 к. „ „	27 „
— вѣтр. съ машин.	2	„ 2 „ — „ „ „	4 „
Полумашинъ	77	„ 1 „ — „ „ „	77 „
Обыкновенныхъ	1,886	„ — „ 50 „ „ „	943 „
Итого			1,119 р.

По дополнительной раскладкѣ на уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе и на подводную повинность, какъ сказано въ началѣ раскладки:

Съ земель:

	Десятины.	Обложение.	Сумма.
Дворянъ	130,542	по 3 к.	3,916 р. 26 к.
Духовн. званія, почетн. гражд. и кушцовъ	12,729	„ — „	381 „ 87 „
Всѣхъ вообще крестьянъ	118,662	„ — „	3,559 „ 86 „
Г. Полтавы	157	„ — „	4 „ 71 „
Съ лѣсовъ, выдѣленныхъ крестьян. казною	1,913	„ — „	57 „ 39 „
Итого за			264,003 дес. по 3 к. 7,920 р. 09 к.

По выраженію земства, со всѣхъ владѣній въ уѣздѣ, въ сущности же со всѣхъ жилыхъ домовъ, какъ помѣщичьихъ, такъ и крестьянскихъ:

	Число.	Обложение.	Сумма.	
Дворянъ	712	по 40 к. съ кажд. дома	289 р. 80	к.
Духовн. зван., купцовъ, почетн. гражд. и мѣщанъ.	540	„ 40 „ „ „ „	216 „ —	„
Принадлеж. крест. разныхъ наименованій	20,862	„ 40 „ „ „ „	8,330 „ 40	„

Всего по Полтавск. уѣзду обложёнія 76,111 р. 98³/₄ к.

Приведенная раскладка указываетъ, что сдѣланное обложёние упадетъ:

На земля и лѣса:

	Десятин.	Сумма обложёнія.
Казны	2,846	441 р. 13 к.
Города	157	29 „ 4 ¹ / ₂ „
Дворянъ, почетн. гражд., купцовъ и мѣщанъ	143,271	26,505 „ 23 ¹ / ₂ „
Податнаго населёнія	120,575	22,306 „ 37 ¹ / ₂ „

На разныя недвижимыя имущества.

Принимая во вниманіе, что въ имуществу сельскаго населёнія, кромѣ домовъ ихъ, указанныхъ въ раскладѣ, можно причислить только однѣ вѣтряныя мельницы, сдѣланная же мною въ управѣ справка показываетъ, что сельскимъ обществамъ, изъ числа показанныхъ вѣтряковъ, принадлежитъ 1,675, почему, принимая въ расчетъ только это число, оказывается, что обложёние по имуществу вообще упадетъ:

На городъ	16,879 р. 73 ¹ / ₂ к.
Дворянъ, почетн. гражд., духовн. зван., купцовъ и мѣщанъ	782 „ 30 „
Податное сословіе	9,167 „ 90 „

Такимъ образомъ, податное сословіе, владѣя меньшимъ количествомъ земли на 22,696 дес., съ придачею вѣтряковъ, несетъ по этой раскладѣ всего налога 31,474 р. 27 к. Прочія же сословія 27,287 р. 53¹/₂ к.

Роменскаго уѣзда:

Съ земель:

	Десятин.	Саж.	Обложёние.	Сумма.	
Владѣльцевъ разныхъ наименованій	82,000 ¹ / ₂	—	16 ¹ / ₂	13,530 р. 9	к.
Казаконъ и крестьянъ разныхъ наименованій	122,554 ² / ₄	—	—	20,921 „ 41	„
Церкви. прачта.	1,739	—	—	266 „ 96 ¹ / ₂	„
Казны: { земель	11	2101	—	1 „ 88	„
{ лѣсовъ	396	2280	—	63 „ 85 ¹ / ₂	„
Казенныхъ крест. лѣсовъ	147	1770	—	24 „ 44	„
Мірскихъ оброчн. статей	31	—	—	5 „ 11 ¹ / ₂	„
— — — въ г. Глинскѣ	6	—	—	— „ 99	„
				206,877 ¹ / ₄ д	— по 16 ¹ / ₂ к. 34,134 р. 74 ¹ / ₂ к.

Съ недвижимыхъ имуществъ:

		Облож. съ дохода.	Сумма.
Г. Ромны, оцененныхъ въ	465,300	р. 6,6 ⁰ / ₁₀	3,070 р.
— Глинска, — — —	45,000	„ „	297 „

Съ имуществъ уезда:

	Число.	Обложеніе.	Сумма.
Со всѣхъ жилыхъ домовъ.	24,450	82 ¹ / ₂ к.	20,178 р. 67 ¹ / ₂ к.
Мельницъ (не объяснено, но надо полагать по количеству вѣтря- ныхъ).	2,062	2 р.	4,252 р. 87 ¹ / ₂ „
Валушь	10	2 „	26 „ 25 „
Круподерень	7	2 „	14 „ 43 ³ / ₄ „
Заводовъ винокуренныхъ	3	99 „	297 „ — „
Тоже	2	66 „	132 „ — „
Пивоваренныхъ	2	8 „	16 „ 50 „
Кафельныхъ	1	16 „	16 „ 50 „
Тоже	1	4 „	4 „ 95 „
Кирпичныхъ: { 1-го разр.	7	8 „	57 „ 75 „
{ 2-го разр.	15	4 „	61 „ 87 ¹ / ₂ „
Маслобоянъ	183	— „	150 „ 97 ¹ / ₂ „
Лавокъ	50	1 „	65 „ 50 „
Кузницъ	126	— „	82 ¹ / ₂ „ 105 „ 60 „
Постоялыхъ { 1-го разр.	2	3 „	6 „ 66 „
{ 2-го разр.	7	1 „	65 „ 11 „ 55 „

Независимо того, со всѣхъ жилыхъ дворовъ для приобретёнія огнегасительныхъ снарядовъ:

Число дворовъ	24,459	Обложеніе. по 10 к.	Сумма. 2,445 р. 9 ¹ / ₂ к.
-------------------------	--------	------------------------	---

А всего вообще по Ромненскому уѣзду цифра обложёнія 65,364 р. 72 к.

Эта примѣчательная раскладка по платежамъ представляетъ слѣдующее:

На землю:		
	Десятины.	Сумма платежа.
Казны	399	65 р. 73 ¹ / ₂ к.
Города	6	— „ 99 „
Дворянъ, почетн. гражд., купцовъ и мѣщанъ	83,739 ¹ / ₂	13,817 „ 5 ¹ / ₈ „
Податнаго населенія	122,733	20,250 „ 96 ¹ / ₂ „

На недвижимыя имущества:

Города	3,367 р.
Дворянъ, почетн. гражд., купцовъ и мѣщанъ:	

Принимая въ соображеніе, что къ числу крестьянскаго достоянія безъ ошибки можно причислить только вѣтряныя мельницы, маслобойни и кузницы, а также имѣи въ виду, что, по списку губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія за 1868 г., въ этомъ уездѣ считалось всѣхъ землевладѣльцевъ неподатнаго сословія 541, на каковое число землевладѣльцевъ, исключивъ изъ общей цифры обложенія за дома по 92 1/2 к. и за мельницы по 2 р. 6 1/4 к., а всего 1,617 р., — оказывается, что землевладѣльцы привилегированныхъ сословія несутъ на это имущество налога 2,346 р. 11 к.

Податное же сословіе, за вѣтраки, маслобойни, кузницы и дома 25,516 „ 86 1/2 „

Такимъ образомъ, на податное населеніе упадетъ всего налога 45,767 р. 83 к. На прочихъ же землевладѣльцевъ 16,163 р. 16 1/2 к.

Зеньковского уѣзда:

Съ земель.	Десятиим.	Обложеніе.	Сумма.
Дворянъ	73,389	по 22 к.	16,145 р. 58 к.
Духовнаго званія	2,700	„ — „	594 „ — „
Почетн. гражд., купцовъ и мѣщанъ	5,053	„ — „	1,111 „ 66 „
Общ. бывш. вѣд. гос. имущ. крестьянъ	97,511	„ — „	21,452 „ 42 „
Тѣхъ же обществъ	609	„ — „	133 „ 98 „
Крестьян. собств. и временно-обязанныхъ	8,096	„ — „	1,781 „ 12 „
Нижнихъ чиновъ изъ гос. крестьянъ	246	„ — „	54 „ 12 „
Г. Зенькова	30	„ — „	6 „ 60 „
Казенныхъ лѣсовъ и земель	529	„ — „	116 „ 38 „
Выдѣленныхъ казенн. крест.	151	„ — „	33 „ 22 „
Монастырскихъ	163	„ — „	35 „ 86 „
Церковнаго причта	1,293	„ — „	284 „ 46 „
Итого	189,770 дес.	по 22 к.	41,749 р. 40 к.

Съ недвижимыхъ имуществъ въ г. Зеньковѣ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ и оцѣненныхъ въ 136,000 р., по оцѣнкѣ десятины въ 30 р.:

Десятиим.	Обложеніе.	Сумма.
4,533	по 22 к.	997 р. 26 к.

Съ отдѣльныхъ владѣній, по выраженію земства, въ сущности же съ жилыхъ домовъ:

Временно-обязанныхъ крестьянъ:

	Число.	Обложение.	Сумма.
Мельницы вѣтр. обѣ 1-й пост.	50	по 1 р. 10 к.	55 „ — „
„ водян. о 2-хъ „	1	„ 4 „ 40 „	4 „ 40 „
Маслобоекъ	1	„ 1 „ 10 „	1 „ 10 „

Шинковъ, корчемъ, постоялыхъ дворовъ, штофныхъ лавокъ, ренсковыхъ погребовъ и оптовыхъ складовъ:

	Число.	Обложение.	Сумма.
Въ городѣ	41	по 5 р.	205 р.
„ уездѣ	208	„ 3 „	624 „

Всего вообще по раскладкѣ Зеньковск. уѣзда 54,895 р. 49 к.

Раскладка эта, какъ видитъ читатель, составлена, съ подробнымъ подраздѣленіемъ имущества по сословіямъ и нѣкоторо-роу классификаціей самыхъ имущества; результатъ ея слѣдующій:

На земли:

	Десятин.	Платежн.
Казны	529	116 р. 38 к.
Города	30	6 „ 60 „
Монастыри и церкви	1,456	320 „ 30 „
Дворянъ, почетныхъ гражданъ, купцовъ, мѣщанъ и лицъ духовн. званія	81,142	17,851 „ 24 „
Податнаго сословія	106,613	23,454 „ 86 „

На имущества:

Города	1,202 р. 26 к.
Духовенства	102 „ 70 „

Почетныхъ гражданъ, купцовъ и мѣщанъ:

По означенной раскладкѣ обложены питейными заведеніями, и надо полагать исключительно за продажу въ оныхъ питей. Не допуская, чтобы дворяне-землевлдцы занимались торговлею питей, крестьянамъ же заниматься этимъ несподручно, то торговлю эту отношу собственно къ торговому сословію, на которое, вѣсть съ другими имуществами, падаетъ

803 „ 80 „	
На дворянъ	710 „ 23 „
И на податное сословіе	10,326 „ 43 „

Такимъ образомъ, податное сословіе несетъ всего налога 33,781 р. 29 к. Прочія же—18,561 р. 47 к.

Переяславскаго уѣзда:

		Съ земель и лѣсовъ:		
Съ дворянъ:		Десятины.	Обломова.	Сумма
земель . . .	100,883		по 8 ¹ / ₄ к.	8,322 р. 84 к.
лѣсовъ . . .	17,712		„ 8 ¹ / ₄ „	1,461 „ 24 „
		118,595 дес.	по 8 ¹ / ₄ к.	9,784 р. 8 к.
Духовнаго званія:				
земель . . .	5,517.		„	459 „ 27 „
лѣсовъ . . .	130		„	10 „ 72 „
	5,697			
Почетныхъ гражданъ и купцовъ:				
земель . . .	2,061		„	170 „ 3 „
лѣсовъ . . .	713		„	58 „ 82 „
	2,774			
Мѣщанъ и разночинцевъ:				
земель . . .	2,423		„	119 „ 84 „
лѣсовъ . . .	39		„	3 „ 21 „
	2,462			
Податныхъ сельскихъ об- ществъ, казаковъ:				
земель . . .	96,007		„	7,920 „ 57 „
лѣсовъ . . .	4,621		„	381 „ 23 „
	100,628			
Государственн. крестьянъ:				
земель . . .	19,916		„	1,643 „ 7 „
лѣсовъ . . .	593		„	48 „ 42 „
	20,509			
Крестьянъ собственниковъ и временно-обязанныхъ:				
земель . . .	32,205		„	2 656 „ 41 „
лѣсовъ . . .	351		„	28 „ 95 „
	32,556			
Принадлежащихъ казнѣ 4,363				
Лѣсовъ, состоящихъ въ поль- зованіи бывш. гос. крестьянъ съ уплатою казнѣ за отпу- скаемый лѣсъ по половинной таксѣ 2,146 дес. 1440 саж.				
				117 „ 7 „
Итого съ земель частныхъ 259,062 дес. по 8 ¹ / ₄ к. 21,372 р. 61 к.				
лѣсовъ казенныхъ . . .	6,510 дес. 83 саж.		—	537 „ 72 „
„ частныхъ . . .	24,189 „		—	1,993 „ 11 „
А всего	289,731 дес. 83 саж.		по 8 ¹ / ₄ к.	23,903 р. 44 к.

Съ оброчныхъ статей, принадлежащихъ городу:

	Доходъ.	Обложение.	Сумма.
Ярмарочной площади	814 р.	по 5 1/2 к. съ рубля дохода.	44 р. 77 к.
Торговой площади	726 „	„	39 „ 93 ..
Усадьбныхъ и сѣно- косныхъ участковъ . .	1,319 „	„	72 „ 51 1/2
Вѣсовъ и мѣръ . . .	125 „	„	6 „ 87 1/2
Итого . . .	2,984 р.	по 5 1/2 к. съ рубля дохода.	164 р. 12 к.

Съ недвижимыхъ имуществъ города, принадлежащихъ частнымъ лицамъ и оцененныхъ въ 237,300 р.:

Доходъ.	Обложение.	Сумма.
237,300 р.	по 5 1/2 к. съ рубля.	1,305 р. 15 к.

Съ имуществъ, находящихся въ уѣздѣ:

	Число.	Обложени.	Сумма.
Мельницъ водяныхъ	64	по 2 р. — к.	128 р. — к.
Топчаконъ	27	.. 5 „ — ..	135 „ — ..
Вѣтряныхъ 1-го разр.	53	„ 2 „ — „	106 „ — ..
„ 2-го „	852	„ 1 „ 50 „	1,278 „ — ..
„ 3-го „	1,652	„ 1 „ — „	1,625 „ — ..
Круподеренъ	29	„ 1 „ — „	29 „ — ..
Со всѣхъ домовъ	26,911	„ 1 „ 4 ..	27,987 „ 44 „
Маслобонь	348	„ — „ 25 „	87 „ — ..
Кузинцъ	107	„ — „ 50 „	53 „ — „

Съ заводовъ свѣч- ныхъ, восковыхъ съ до- ходомъ по 150 р. каж- дый	2	по 5 1/2 к. съ рубля дохода.	16 „ 50 „
Салотопныхъ съ до- ходомъ 40 р.	1	„	2 „ 20 ..
Салотопныхъ съ до- ходомъ 87 р.	2	„	9 „ 57 „
Кирпичныхъ съ до- ходомъ 35 р.	4	„	7 „ 70 ..
Селитряныхъ съ до- ходомъ 100 р.	1	„	5 „ 50 „
Сахарныхъ заводовъ:			
Купца Ванштейна съ доходомъ 7,200 р. . . .	1	„	396 1/2 „ — ..
Генерала Трепова съ доходомъ 3,000 р. . . .	1	„	165 „ — ..
Рафинаднаго съ до- ходомъ 6,729 р.	1	„	370 „ 9 ..
Табачной фабрики съ доходомъ 150 р.	1	„	8 „ 25 „
Съ 4-хъ винокурен- ныхъ заводовъ съ дохо- домъ отъ всѣхъ 4,000 р.	4	„	220 „ — ..
Итого съ дохода	21,833 р.	„	1,200 р. 31 к.

А всего вообще исчислено по Переяславскому уѣзду налога 57,999 р. 8 к.

Раскладка Переяславскаго уѣзда одна изъ самыхъ замѣчательныхъ, распределение въ ней платежей по сословіямъ представляетъ слѣдующее:

	Десятинамъ.	Платежъ.
Казна за	4,363 дес. 1790 саж.	360 р. — к.
Дворяне, купцы и мѣщане „	129,526	10,685 „ 84 „
Податное населеніе „	155,839	12,855 „ 75 „

На другія недвижимыя имущества:

Городъ	1,469 р. 27 к.
Дворяне, купцы и мѣщане:	

Все имущество, кромѣ вѣтряковъ 3-го разряда и маслобоенъ, и причисливъ къ достойнѣ дворянъ и другихъ землевладѣльцевъ неподатнаго сословія, затѣмъ изъ общей цѣлы обложенія за дома 27,987 р. 44 к., исключивъ на дома землевладѣльцевъ неподатнаго сословія по количеству 388, показанныхъ по списку губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія въ 1868 г., за кои на ихъ дома причтается 403 р. 52 к., оказывается, что эти землевладѣльцы, какъ указываетъ раскладка, владѣя значительнымъ и разнообразнымъ имуществомъ, платятъ за него только.

3,331 „ 8 „

Податное же населеніе за свое убогое имущество несетъ налога

29,295 „ 92 „

Такимъ образомъ, оказывается, что податное населеніе Переяславскаго уѣзда, въ силу такой раскладки, несетъ всего налога 42,151 р. 67 к. Всѣ же остальные землевладѣльцы, кромѣ города, несутъ налога 14,016 р. 82 к.

Подобная раскладка практиковалась въ теченіе 15-ти лѣтъ. При составленіи же таковой на 1879 г. исправляющій должность губернатора, вице-губернаторъ Богдановичъ, обратилъ на нее свое вниманіе, и по протесту его составлена другая раскладка, гдѣ сборъ вмѣсто домовъ переложень на вѣѣ земли, съ обложеніемъ ихъ лишними 10 к. на десятину.

Лохвицкаго уѣзда:

Зачисляется остатокъ	93 р. 41 к.
Затѣмъ, зачисляются недонки, ожидающіяся къ поступленію	3,835 „ 2 „

Съ земель и лѣсовъ:

	Десятинамъ.	Обложеніе.	Сумма.
Казенныхъ и казенныхъ крестьянъ	749	по 14 к.	104 р. 86 к.
Дворянъ и другихъ землевладѣльцевъ	92,763 ^{3/4}	14 „	12,986 „ 92 „
Принадлежащихъ сельскимъ обществъ	119,706	13 ^{1/2} к.	16,160 „ 31 „
Съ оброчныхъ статей г. Лохвицы, оцѣненныхъ въ 18,396 р. 80 к.	Количество десятинокъ не показано.	45 ^{1/2} „	83 „ 70 „

Съ имущества:

	Число.	Оцѣна.	Обложеніе.	Сумма.
Мельницъ вѣтряныхъ	1,722	258,300 р.	— р. 68 ¹ / ₄ к.	1,175 р. 26 к.
„ земельныхъ	8	2,400 „	1 „ 36 ¹ / ₂ „	10 „ 92 „
„ водяныхъ	27	13,500 „	2 „ 27 ¹ / ₂ „	61 „ 42 „
Съ недвижимыхъ имущества города, оцѣненныхъ въ 1.213,475 р., обложенныхъ по 53 ¹ / ₂ к. со 100 р. цѣнности				1,136 „ — „
Съ недвижимыхъ имущества уѣзда, т. е. со всѣхъ домовъ, оцѣненныхъ въ 2.616,500 р., облож. по 53 ¹ / ₂ к. со 100 р.				13,932 „ 86 „
Всего по Лохвицкому уѣзду 45,653 р. 2 к.				
По разсмотрѣніи этой раскладки оказывается налога:				

На земли:

	Десятины.	Сумма.
Казны ¹⁾	749	104 р. 86 к.
Города	колѣч. не означ.	88 „ 70 „
Дворянъ и др. землевладѣльцевъ	92,763 ¹ / ₄	12,986 „ 92 „
Сельскихъ обществъ	119,706	16,160 „ 31 „

На недвижимыя имущества:

Города	1,136 „ — „
Дворянъ и другихъ землевладѣльцевъ неподатнаго сословія. Такъ какъ суть обложенія составляютъ мельницы и дома, относимаго въ вѣтряныя мельницы къ исключительному имуществу податнаго сословія, и затѣмъ по количеству 297 землевладѣльцевъ, дворянъ и другихъ неподатныхъ сословія, показанныхъ по тому же списку, исключивъ на нихъ по расчету обложенія за мельницы, а также и за дома на то же самое число 297 владѣльцевъ, по предполагаемой мною цѣнности домовъ въ 500,000 р.,—оказывается, что неподатное сословіе за находящееся у нихъ имущество несетъ налога	3,049 р. 34 к.
Податное же населеніе	12,181 „ 13 „

Такимъ образомъ, податное населеніе Лохвицкаго уѣзда несетъ налога 28,291 р. 44 к. Всѣ же остальные землевладѣльцы, купцы и прочія торговля и промышленныя сословія платятъ 16,034 р. 26 к.

¹⁾ По неотдѣленію крестьянскихъ лѣсовъ показано за казною.

Кременчугскаго уѣзда:

Съ земель дворянъ
и др. землевладельцевъ,
неприписанныхъ къ сельскимъ обществамъ:

	Десятин.	Доходъ.	Обложение.	Сумма.
Десятин.	124,565	182,622 р.	по 13 $\frac{1}{2}$ к. съ р. дох.	24,882 р. 24 к.

Землевл., приписан.
къ сельск. обществ.

Принадлежащихъ

казнѣ: земель	36 д. 1400 с.	55 р. 62 $\frac{1}{2}$ к.	} по 6 $\frac{0}{10}$ } съ руб. } доход.	468 „ 25 „
„ лѣсовъ	399 „ —	464 „ 50 „		
Казен. крест. лѣсовъ	4,851 „ 13 „	7,276 „ 50 „		

А всего съ земли. 265,124 дес. 389,398 р. 62 $\frac{1}{2}$ к. — 51,615 р. 21 к.

Съ недвижимыхъ имуществъ, находящихся въ Кременчугѣ
и принадлежащихъ:

	Десятин.	Доходъ.	Обложение.	Сумма.
Городу	309	463 р. 50 к.	9 $\frac{1}{2}$ $\frac{0}{10}$	44 р.
Частнымъ лицамъ г. Кременчуга и г. Ерюкова	колич. д. не показ.	156,879 „ 67 „	9 $\frac{1}{2}$ $\frac{0}{10}$	14,712 „ 14 к.
Находящихся въ г. Гра	} то же	} 468 „ — „	} 9 $\frac{1}{2}$ $\frac{0}{10}$	} 44 „ 29 „
днискъ				

А всего вообще по Кременчугскому уѣзду съ дохода въ. 551,694 р. 79 к. — 67,021 р.

По этой раскладкѣ распределение налога слѣдующее:

	Десятин.	Платить.
На земли:		
Казны	5,196	468 р. 25 к.
Дворянъ и др. землевладельцевъ, неприписанныхъ къ сельскимъ обществамъ	124,565	24,882 „ 24 „
Податнаго сословія	135,362	26,264 „ 72 „

На недвижимое имущество:

3 города 15,405 „ 96 „

Ознакомивъ достаточно читателей съ разнообразнымъ характеромъ земскихъ раскладовъ Полтавской губерніи, мнѣ остается, для полноты группируемыхъ мною фактовъ, ограничиться по остальнымъ уѣздамъ указаніемъ однихъ лишь выводовъ обложения.

Гадячскаго уѣзда:

По раскладѣ общая цѣна нечислена въ 52,051 р. 45³/₄ к.
Въ томъ числѣ:

На земле:

	Достыны.	Обложение.	Сумма.
Казна	769	по 19 к.	146 „ 11 „
Дворяне и пр. неподатное со- словіе	74,998 ¹ / ₂	—	14,819 „ 71 „
Податное населеніе	109,760 ¹ / ₂	—	20,284 „ 50 „

На имущества:

Городъ	1,131 „ — „
Дворяне и пр. сословія	7,400 „ — „
Податное населеніе	8,270 „ 13 „

Всего вообще податное населеніе несетъ налога 28,554 р. 63 к., прочія же сословія 22,219 р. 7 к.

Прилуковаго уѣзда:

Общая цѣна составляетъ 66,091 р. 3 к.
Въ томъ числѣ:

На земле:

	Достыны.	Сумма.
Казны	1,866	248 р. 86 к.
Города	288 ¹ / ₄	56 „ 20 „
Владѣльцевъ другихъ губерній	1,267 ¹ / ₂	247 „ 17 „
Дворянъ и другихъ неподатныхъ сословій	123,618 ¹ / ₄	24,105 „ 46 „
Податнаго сословія	134,408	26,209 „ 70 „

На имущества:

Города	2,003 „ 82 „
Землевладѣльцевъ-дворянъ	2,550 „ — „
Торговаго сословія	1,575 „ — „
1) Податнаго населенія	9,098 „ 80 „

1) Примѣчаніе. На основаніи высказанныхъ уже соображеній простыя вѣтряныя мельницы, олеиницы, кузницы и дома, обложенныя въ 20 к., отнесены къ имуществу податнаго сословія, ижеинныя заведенія къ торговому сословію, остальное же все къ достоянію землевладѣльцевъ неподатныхъ сословій.

А всего налога на податное сословіе 35,306 р. 50 к.; на прочія сословія 26,655 р. 46 к.

Золотоношскаго уѣзда:

Общая цѣна обложенія составляетъ 55,186 р. 24 к.

На земли:

	Десятины.	Обложение.	Сумма.
Базисы	532	по 15 ³ / ₄ к.	81 „
Удѣла	9,883 ¹ / ₂	—	1,512 „ 17 „
Дворянъ и другихъ сословій	153,711 ¹ / ₄	—	23,517 „ 83 „
Податнаго сословія	160,225	—	24,519 „ 18 „

На имущества:

Города	1,379 „ 99 „
Удѣла	12 „ 11 „
Монастыри и церкви	13 „ 46 „
Дворянъ и проч. землевладельцевъ	1,621 „ 25 „
Податнаго сословія	2,528 „ 90 „

А всего налога на податное сословіе 27,048 р. 8 к.; на прочія сословія 25,139 р. 8 к.

Распределеніе налоговъ по категоріямъ сдѣлано на точномъ показаніи этого въ раскладѣ. При поверхностномъ взглядѣ на цифры обложенія, не представляется ничего особеннаго; между тѣмъ, всматриваясь подробно въ предметы и цифры обложенія, представляется совершенно не то. Золотоношскій уѣздъ по количеству земли самый благопріятный въ губерніи для податнаго населенія, а между тѣмъ, при всей этой благопріятности, податное населеніе обладаетъ жалкимъ имуществомъ. Въ раскладѣ показано въ обладаніи сельскихъ обществъ кромѣ 1,903 вѣтряныхъ мельницъ, только: водяныхъ 28, сукновалень 83 и 2 вузницы, и это то имущество обложено въ 2,528 р. Между тѣмъ какъ имущество другихъ сословій, заключающееся: въ 6 винокуренныхъ заводахъ, 1 пивоваренномъ, 12 маслобойняхъ, 2 кирпичныхъ заводахъ, 1 льнотрепательномъ, 1 селитряномъ, 5 погребяхъ съ разными напитками, 13 лавкахъ, 148 питьевыхъ заведеній, 10 амбарахъ для склада хлѣба, 15 лавкахъ на площадяхъ, 17 мельницахъ водяныхъ, 6 земляныхъ, 277 вѣтряныхъ, 6 круподерныхъ, 4 сукновальныхъ, 2 сушилахъ и 2 вузницахъ — все это имущество обложено въ 1,621 р. 25 к. Хотя процентъ обложенія съ показываемаго дохода въ 10,2% и одинаковъ для всѣхъ имуществъ, но нельзя же сравнивать принадлежащія на-

роду вѣтраки, отъ коихъ получается грошовый доходъ, съ другими промышленными заведеніями.

Вѣтряныя мельницы и жилые дома, какъ видитъ читатель, это излюбленный конекъ дѣятелей земства, на которомъ они въ обложеніи дохода практикуются съ такимъ замѣчательнымъ постоянствомъ, что только губернаторскіе протесты могутъ положить конецъ этой практикѣ.

Лубенскаго уѣзда:

Общая цѣна раскладки налоговъ составляетъ 42,870 р. 3 к.

Въ томъ числѣ:

На земли:

	Десятинъ.	Обложенье.	Сумма.
Казны	1,523 ¹ / ₂	по 20 ⁰ / ₁₀₀ к.	316 р. 12 к.
Города	61 ¹ / ₂	—	12 „ 76 „
Монастыря и церкви	1,689	—	350 „ 62 „
Дворянъ и др. сословій	81,021	— „	16,811 „ 91 „
Податнаго населенія	94,947	— „	19,701 „ 34 „

На имущества:

Города	2,251 р. 37 к.
Купечества и вообще торговаго сословія. На основаніи вы- сказанныхъ уже мною соображеній, собственно за тор- говлю цитей въ 150 показанныхъ цитейныхъ заведеніяхъ .	1,576 „ — „
Дворянъ-землевладѣльцевъ и др.	792 „ 64 „
Податнаго населенія за показанныя вѣтряныя мельницы, въ количествѣ 1,435, за отвлеченіемъ налога, упадающаго на часть дворянъ за тѣ же мельницы по числу означенныхъ въ сбор- никѣ 430 земель	1,057 „ 23 „

А всего налога на податное населеніе 20,758 р. 57 к.

На прочія сословія 17,604 р. 55 к.

Раскладка эта, при бѣгломъ взглядѣ на нее, не бросается въ глаза.

Подробное же и внимательное разсмотрѣніе указываетъ тотъ же общій характеръ.

Изъ 1,435 показанныхъ вѣтряковъ, я отнесъ на долю крестьянъ 1,005, остальные же 430, по количеству землевладѣльцевъ въ этомъ уѣздѣ, причислилъ, по платежу, въ дворянскому имуществу. Кромѣ вѣтряковъ, въ раскладѣ показано: водяныхъ мельницъ 29, коннопроводныхъ 9, крупчатоеъ 3, шинковъ 150 (я отнесъ ихъ къ торговому сословію), винокуренныхъ заводовъ 7, пивоваренныхъ 4, кирпичныхъ 13, и за все это имущество, съ

придачею къ нему 430 вѣтряковъ, землевладѣльцы неподатнаго сословія несутъ налога 792 р. 64 к. Податное же населеніе за 1,005 вѣтряковъ платитъ 1,057 р. Коментаріевъ никакихъ не требуется, такъ какъ цифры убѣдительнѣе всякихъ словъ.

Миргородскаго уѣзда:

Общая цѣна обложенія 44,384 р. 66 к.

Въ томъ числѣ:

На земли.

	Десятки.	Обложеніе.	Сумма.
Казны	95	по 11 к.	9 р. 95 к.
Города	184	— „	14 „ 74 „
Дворянъ, лицъ духовн. званія, купцовъ, мѣщанъ и разночинцевъ	99,443	— „	10,938 „ 73 „
Податнаго населенія	112,498	— „	12,374 „ 78 „
На недвижимыя имущества въ суммѣ			21,151 „ 96 „

Опять та же исторія, какъ въ Переяславской, Роменской и другихъ раскладкахъ, главная суть обложенія—дома, кон въ числѣ 20,173, обложенные по 63 к. и вѣтряныя мельницы въ числѣ 1,713, обложенныя по 3 р., т. е. оба эти предмета обложены въ 17,847 р. 99 к. И все за одни и тѣ же несчастные дома и вѣтряки—это единственное достояніе податнаго населенія. Принимая въ соображеніе, что, по тому же списку, всѣхъ землевладѣльцевъ неподатнаго сословія считалось въ уѣздѣ 367, и исключивъ это число владѣльцевъ за вѣтряки, хотя трудно допустить, чтобы у каждаго изъ нихъ былъ вѣтрякъ, такъ какъ по раскладкѣ, кромѣ другихъ предметовъ, показано около 100 водяныхъ мельницъ, безъ всякаго сомнѣнія принадлежащихъ не крестьянамъ, точно также исключивъ по той же пропорціи и налогъ на дома, придется за вѣтряки 1,101 р. и за дома 231 р., а всего 1,332 р. Эта послѣдняя цифра, при сравненіи ее съ платимыми крестьянами 12,477 р. 99 к., весьма характеристична.

Оказывается, что налогъ за имущество ложится на городъ	3 р. 50 к.
На дворянъ, лицъ духовн. званія, купцовъ, мѣщанъ и разночинцевъ	4,432 „ 47 „
На податное населеніе	16,615 „ 99 „

Такимъ образомъ, податное населеніе несетъ всего налога 28,990 р. 77 к. Прочія же сословія 15,371 р. 2 к.

Хороловскаго уѣзда:

Общая цѣна обложенія по этому уѣзду составляетъ . . . 38,256 р. 56 к.

Въ томъ числѣ:

	На земли:		Сумма
	Десятинн.	Обложеніе.	
Казны	36 ¹ / ₂	по 9 ¹ / ₂ к.	3 р. 65 к.
Города	14	— „	1 „ 46 „
Дворянъ и всѣхъ неподатныхъ сословій	145,391	— „	15,338 „ 94 „
Податнаго сословія	115,885	— „	12,225 „ 47 „
Имущества всѣ обложены въ	—	— „	10,687 „ 4 „

Главное обложеніе, по примѣру прочихъ, упадаетъ на вѣтряки, каковыя въ количествѣ 1,997, оцѣненные въ 299,550 р., т. е. каждая вѣтряная мельница въ 150 р., обложены огуломъ въ 7,237 р. 62 к. или каждая по 3 р. 63 к. Затѣмъ 36 водяныхъ мельницъ, 11 кирпичныхъ заводовъ, 7 винокуренныхъ, 2 пивоваренныхъ завода, 44 маслобойни, 1 селитряный заводъ и 5 сукновалень, оцѣнены всего въ 169,734 р. и обложены 3,449 р. 42 к. Какимъ процентомъ обложены всѣ эти имущества—не объяснено.

Полагаю, что на долю землевладѣльцевъ неподатнаго сословія достается не болѣе 200 этихъ злосчастныхъ вѣтряныхъ мельницъ, хотя въ уѣздѣ, по тому же списку, владѣльцевъ числится 367; въ этомъ предположеніи меня убѣдила справка въ Полтавской управѣ, такъ какъ на 411 землевладѣльцевъ—изъ общаго числа 1,866 вѣтряковъ оказалось принадлежащими имъ только 211. Такимъ образомъ, опредѣливъ цифрою 200 количество вѣтряковъ, принадлежащихъ лицамъ неподатнаго сословія, за кои слѣдуетъ 726 р., оказывается, что налогъ на имущество раздѣлился слѣдующимъ образомъ:

На лицъ неподатнаго сословія за 200 вѣтряковъ и за все имущество, находящееся въ уѣздѣ	4,165 р. 42 к..
На податное населеніе за одни несчастные 1,797 вѣтряковъ	6,511 „ 62 „

А всего податное населеніе несетъ налога 18,737 р. 9 к. Прочія же сословія, владѣя 30,000 дес. земли болѣе крестьянъ, а также и имуществомъ, которое, не смотря на курьезную оцѣнку, надо помогать далеко превышаетъ цѣнность крестьянскаго имущества,—платять 19,504 р. 36 к.

Какъ видитъ читатель, дѣятели земства очень зорко слѣдятъ за обложеніемъ имущества, принадлежащихъ податному населенію. Что же касается до остальныхъ, то дѣло доходитъ

иногда даже до очевиднаго потворства. Такъ въ хорольскомъ земствѣ до составленія смѣты 1879 г. показывалось общее количество десятинъ земли 261,326¹/₂, по раскладкѣ же на этотъ годъ показано уже лишнихъ 5,947 дес. и, какъ оказалось, принадлежащихъ дворянамъ-землевладѣльцамъ. Такимъ образомъ, въ теченіи 14 лѣтъ налогъ на эти земли, по расчету взиманія около 10 к. на десятину, т. е. около 8,000 р., улетучился.

Пирятинскаго уѣзда:

Общая цѣна обложенія составляетъ 58,553 р. 74 к.

Въ томъ числѣ на землю въ колич. 258,371 дес. . 42,827 „ 70 „

А именно:

	Десятин.	Обложеніе.	Сумма.
Казны	33	16 ² / ₃ к.	5 „ 44 „
Города	18 (приносящихъ дохода		
2,916 р. и обложенныхъ по 11 к. съ руб. дохода)			317 „ 11 „
Дворянъ, купцовъ, духовнаго званія и пр. 142,055		16 ² / ₃ „ „	23,260 „ 80 „
Податнаго сословія	116,283	16 ² / ₃ „ „	19,041 „ 34 „
Недвижимыя имущества обложены въ			15,929 „ 3 „

Предметы обложенія весьма ограничены и далеко не сложны. Кромѣ имущества города, обложеннаго на 409 р. 11 к., облагаются опять тѣ же дома и мельницы; выписываемъ суть этого обложенія цѣликомъ: „Съ разныхъ мельницъ, сообразно количеству помола четвертей, съ каждой по 10¹/₈ к. съ рубля дохода: менѣе 6 четвертей съ 1,663 мельницъ—4,052 р. ¹/₂ к.; болѣе 6-ти четвертей съ 207—900 р. 45 к., и со всѣхъ домовъ города и уѣзда въ количествѣ 20,322, по 52 к. съ cadaго. 10,567 р. 44 к.“ Для вычисленія количества налога на дома, находящиеся въ уѣздѣ, необходимо слѣдующее соображеніе: изъ сборника свѣдѣній о Полтавской губерніи, изданнаго въ 1877 г., видно, что въ г. Пирятинѣ населеніе состоитъ изъ 5,050 душъ, на означенное число слѣдуетъ считать не болѣе 800 домовъ; ватѣмъ по списку губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, землевладѣльцевъ неподатнаго сословія показано 544, исключивъ платежъ на означенное число городскихъ жителей и землевладѣльцевъ уѣзда неподатнаго сословія, на первыхъ, за 800 домовъ, и на послѣднихъ за 544 дома и за столько же мельницъ, оказывается, что налогъ падаетъ:

На городъ	825 р. 11 к.
„ дворянъ, купцовъ, лицъ духовн. званія, мѣщанъ и пр.	1,098 „ 42 „
„ податное сословіе	14,005 „ 50 „

При такой мудрой раскладкѣ обложенія, лица привилегированныхъ сословій платятъ налога 24,359 р. 22 к. Податное же население, имѣя земли менѣе на 26,000 дес., несетъ налога 33,046 р. 84 к.

Раскладка на имущества, какъ видитъ читатель, показываетъ все одно и то же имущество — вѣтряки. Неужели же въ Пирятинскомъ уѣздѣ ничего болѣе не находится? Обратимся читатель къ сборнику г. Богдановича, бывшаго вице-губернатора; сборникъ этотъ, какъ надо полагать, не обозначаетъ еще всѣхъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній, но между тѣмъ показываетъ, что въ Пирятинскомъ уѣздѣ находится: винокуренныхъ заводовъ 5, — на коняхъ въ періодъ 1875 г. выкурено спирта 3,015,828⁰0, — 1 пивоваренный заводъ, 15 конскихъ заводовъ, испанскихъ овецъ 18,439 головъ. Надо полагать, что достояніе это не принадлежитъ податному сословію. Спрашивается, какимъ же образомъ отъ вѣтряковъ и разрушенныхъ хатъ исчисляется такой значительный доходъ, тогда какъ чисто промышленныя заведенія остаются безъ всякаго обложенія.

Константиноградскаго уѣзда:

Общая цѣна обложенія составляетъ	56,283 р. 57 к.
Въ томъ числѣ: на землю въ колич. 529,173 ¹ / ₂ дес. по 9 ¹ / ₄ к.	48,948 „ 54 „
а именно:	
Казенныя	3,098 ¹ / ₂ „ „ — „ 286 „ 61 „
Города	2,626 „ „ — „ 242 „ 90 „
Дворянъ и прочихъ сословій	337,414 „ „ — „ 31,210 „ 79 „
Податнаго населенія	186,035 „ „ — „ 17,208 „ 24 „
На имущества	7,335 „ 2 „

Въ числѣ показанныхъ имуществъ заключаются и вѣтряныя мельницы, изъ коихъ 1,854 оцѣнены въ 200 р. каждая, а 44 — въ 300 р., всѣ же въ 384,000 р. На всѣ эти имущества сдѣланъ равномѣрный налогъ по 1⁰0 съ оцѣночной суммы, каковой на мельницы составляетъ 3,840 р.

Принимая въ основаніе тотъ же списокъ о количествѣ землевладѣльцевъ, по коему значитъ, что въ Константиноградскомъ уѣздѣ считалось 254 землевладѣльца неподатнаго сословія, на каковое число исключивъ по оцѣночному расчету за мельницы 552 р., оказывается, что на имущества падаетъ:

На городъ	660 р. 25 к.
„ неподатныя сословія	3,366 „ 74 „
„ податное сословіе	3,288 „ — „

Такимъ образомъ, общая цифра налога, кромѣ казны и города, ложится:

На неподатныя сословія 34,577 р. 47 к., на податное сословіе, имѣющее почти на половину меньше земли, 20,496 р. 24 к.

Не лишено также значенія, что въ раскладкѣ, между прочимъ, значится 9 паровыхъ мельницъ, оцѣненныхъ всѣ въ 41,700 р. или каждая въ 4,633 р.; точно также литейный и слесарный заводъ, оцѣненный въ 5,315 р. Въ Константиноградскомъ уѣздѣ очень много крупныхъ и богатыхъ землевладѣльцевъ. Сборникъ г. Богдановича, между прочимъ, указываетъ на очень большое имѣніе Карловку, въ коемъ за надѣломъ осталось у владѣльца 60,000 дес. земли. Затѣмъ онъ указываетъ, что въ означенномъ имѣніи имѣются отличные заводы рогатаго скота двухъ породъ: красной девонширской и сѣрой венгерской и испанскихъ овецъ также двухъ породъ: Рамбулье и Негретти—до 70,000 головъ; довольно хорошей конскій заводъ рысистыхъ и скаковыхъ лошадей, свиной заводъ, въ которомъ убивается до 2,000 головъ и приготавлиются сало, колбасы и окорока, пользующіеся извѣстностью въ Петербургѣ и даже идущіе за границу.

Подобныя заведенія конечно слѣдуетъ причислить къ промышленнымъ, а не къ хозяйственнымъ, подобно вѣтрякамъ, а между тѣмъ о налогѣ на эти промышленныя заведенія въ раскладкѣ вовсе не упоминается.

Кобелякского уѣзда:

Общая цифра обложенія составляетъ	49,243 р. 29 к.
Въ томъ числѣ собственно	
На земли за 305,322 ¹ / ₂ дес. по 15 ³ / ₄ к.	46,561 „ 68 „
А именно: казны 112 ¹ / ₂ „ „ — „	17 „ 15 „
города 160 ¹ / ₂ „ „ — „	24 „ 47 „
Дворянъ, духовнаго званія,	
купцовъ и мѣщанъ . 120,624 „ „ — „	18,410 „ 37 „
Податнаго населенія 184,425 ¹ / ₂ „ „ — „	28,109 „ 68 „
Недвижимыя имущества обложены въ	2,781 „ 61 „
Изъ коихъ на городскія имущества падаетъ	1,144 „ 93 „

Затѣмъ остальные 1,636 руб. 68 коп. составляютъ налоги на всѣ имущества, находящіяся въ уѣздѣ, въ числѣ

которых конечно находятся и вѣтражи, въ количествѣ 1,839, оцѣненные въ 225,890 р., съ доходомъ въ 22,589 р. Управа гласить такъ: „нормальный доходъ выведенъ по 10% съ рубля цѣнности имущества, а обложены же всё имущество по 6 к. съ рубля нормального дохода“. На основаніи этого принципа, вѣтражи, т. е. достойніе крестьянъ, обложены въ 1,353 р. 34 к., остальные же 281 р. 34 к. разлагаются на слѣдующія имущества, показанныя въ раскладѣ, а именно: 43 водяныя мельницы съ сушновальными, 1 паровая мельница, оцѣненная въ 1,500 р., съ доходомъ въ 150 р.; 10 земляныхъ мельницъ, 6 постоянныхъ дворовъ, 4 кожевенныхъ завода, 20 кирпичныхъ заводовъ, 125 кузницъ, 46 лавокъ, 2 бани, 3 салотопенные заводы, 25 садовъ, 1 семятряный заводъ, 4 лѣсныхъ пристани и 3 паромныя переправы,—все это имущество оцѣнено въ 45,427 р.

Такимъ образомъ, по Кобелякскому уѣзду, кромѣ казны и города, о чемъ указано выше, налогъ падаетъ:

На податное сословіе 29,465 р. 2 к., на неподатныя сословія 18,691 р. 71 к.

Читатель видитъ наглядно, какіе разнообразныя способы и приемы употребляются полтавскимъ земствомъ для оцѣнки недвижимого имущества плательщиковъ; что же касается до способа обложения земель, то къ этому послужило слѣдующее постановленіе губернскаго земскаго собранія 1872 и 1876 гг. Полтавская губернія раздѣлена на 3 разряда, къ 1-му, по 40 р. за десятину, отнесены 5 уѣздовъ: Кобелякскій, Кременчугскій, Прилукскій, Полтавскій и Роменскій. Ко 2-му, по 30 р. за десятину, отнесены всё остальные уѣзды, кромѣ Костантиноградскаго, отнесеннаго къ 3-му разряду, по 27 р. 50 к. за дес.

Отъ какихъ причинъ произошло, что обложение земель не соответствуетъ сдѣланной классификаціи, объяснить не берусь. Соглашенія по этому предмету между земствами едва-ли происходили; что же касается до желательной въ этомъ отношеніи дѣятельности губернскаго земскаго собранія, то оно и понынѣ еще остается однимъ желаніемъ, хотя времени для его осуществленія было вдоволь.

Наконецъ, для сгруппированія вообще сбора остается обратиться къ раскладѣ губернскаго земскаго сбора, которая далеко не такъ сложна, какъ уѣздныя, и о которой въ отчетѣ находимъ слѣдующее: „По смѣтѣ, утвержденной губернскимъ зем-

скимъ собраніемъ, предположено расходовъ въ 1877 г. на обязательныя и необязательныя повинности 280,533 р. 98 к.; за обращеніемъ въ число этой суммы свободныхъ остатковъ въ 17,593 р. 70 к. и причитающихся къ сбору пошлинъ, уплаченныхъ въ казну за гильдейскія повинности, патенты и билеты на разныя торговныя и промышленныя заведенія 115,000 р., остальные 147,940 р. 28 к. предположены къ сбору съ земель и недвижимыхъ имуществъ; изъ нихъ 143,940 р. 28 к. по всѣмъ уѣздамъ и 4,000 р. собственно съ Полтавскаго и Кременчугскаго, по 2,000 р. съ cadaго. По каковой раскладкѣ причиталось сбора, съ рубля нормальнаго и валоваго доходовъ, по 2 к. въ уѣздахъ Полтавскомъ и Кременчугскомъ и по $1\frac{3}{4}$ к. въ прочихъ уѣздахъ, а съ десятины: въ уѣздахъ 1-й категоріи, въ Полтавскомъ и Кременчугскомъ, по $4\frac{3}{10}$ к., Кобелявскомъ, Прилукскомъ и Роменскомъ по $4\frac{1}{8}$ к.; въ уѣздахъ 2-й категоріи по $3\frac{1}{2}$ к. и въ Константиноградскомъ, 3-й категоріи, по $2\frac{3}{4}$ к.

Выше уже объяснено, что постановлено было обложить земли и имущества въ 147,940 р. 28 к., между прочимъ таковаго исчислено 150,734 р. 65 к., т. е. болѣе на 2,794 р. 37 к., и при этомъ объяснено, что это сдѣлано для избѣжанія дробей въ расчетѣ. Таковое объясненіе кажется болѣе чѣмъ страннымъ... какихъ еще губернская управа хотѣла избѣжать дробей, когда у нея являются $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, и т. п., это ли еще не дроби?

Да навонецъ, какое дѣло плательщикамъ; что, въ силу придумываемыхъ управою расчетовъ, имъ приходится платить болѣе противъ назначеннаго по смѣтѣ. Отчего же, во избѣжаніе тѣхъ же препятствій, т. е. дробей, не исчисляется менѣе, а непременно болѣе, когда въ распоряженіи губернской управы всегда бывають довольно солидныя остатки, какъ это было въ 1877 г., когда осталось 17,593 р. 28 к. Подобныя остатки, какъ мнѣ кажется, цѣлесообразнѣе и справедливѣе оставлять въ рукахъ крайне изнуреннаго уже платежами народа, нежели въ хранилищахъ земства. Или дѣятели управы полагають, что въ этихъ остаткахъ плательщики вовсе не нуждаются? Странное предположеніе сятаго относительно голодающаго! Затѣмъ, независимо означеннаго обложенія 150,734 р. 65 к., въ примѣчаніи къ раскладкѣ сказано: „Сверхъ того, подлежатъ къ раскладкѣ, согласно постановленію собранія 6 октября 1876 г., отдѣльно по уѣздамъ: Кременчугскому 216 р. 78 к. и Переяславскому 2,863 р. 90 к.“. Обратимся къ сборнику постановленій губернскаго земскаго собранія за этотъ годъ, не разъ-

яснить ли онъ намъ появленіе этихъ суммъ. Постановленіе объ этихъ суммахъ состоялось 5 октября за № 2, изъ коего и усматривается, что 216 р. 78 к. составляютъ сумму, недопустившую въ 1868, 1870 и 1871 гг. съ торговыхъ свидѣтельствъ; что же касается суммы 2,863 р. 90 к., то изъ ней 1,930 р. 16 к. заключаютъ начеть, сдѣланный по ревизіи отчетности за 1870 г., остальные же 933 р. 74 к. взяты заимообразно на содержаніе присутствія по воинской повинности; затѣмъ, постановленіе, за дальнѣйшимъ разъясненіемъ, отсылаетъ къ доводу за № 5628; докладъ же объясняетъ, что означенная сумма, слѣдовавшая съ торговыхъ документовъ за 1870 г., по неимѣнію въ наличности суммъ въ переяславской управѣ, вмѣсто губернскаго обращена въ уѣздный сборъ. Означенный докладъ возбужденъ былъ по поводу ревизіи отчетности переяславской управы, и вотъ оказался плодъ означеннаго начета. Побольше такихъ начетовъ по ревизіи отчетности и тогда, что называется, дѣло будетъ идти какъ по маслу.

Такимъ образомъ, сумма обложенія губернскаго земскаго собранія, кромѣ слѣдующихъ за торговые промыслы, составляетъ всего 153,815 р. 33 к.

Въ томъ числѣ:

Съ земель казенныхъ и крестьянскихъ, находящихся въ вѣдомствѣ мин. госуд. имуществъ	1,284 р. 88 ³ / ₄ к.
Съ городскихъ земель и оброчныхъ статей	331 „ 71 „
Съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ и посадахъ	10,640 „ 55 ¹ / ₂ „
И со всѣхъ земель частнаго владѣнія и удѣльнаго вѣдомства	141,557 „ 18 „

Эта же послѣдняя цифра, по распредѣленію ея на два, интересующихъ насъ съ вами, читатель, платежныя сословія, т. е. неподатное и податное, сообразно съ количествомъ земли, владѣемымъ этими сословіями, указываетъ, что губернский сборъ 141,557 р. 18 к. падаетъ:

На неподатныя сословія	67,485 р. 18 к.
„ податное сословіе	74,072 „ — „

Распредѣливъ, насколько возможно было, по категоріямъ, какъ количество земли, такъ равно и всѣ земскіе сборы, я постараюсь сгруппировать ихъ и затѣмъ, согласно той же группировкѣ, сдѣлать надлежащій выводъ, который даетъ слѣдующій результатъ.

Въ Полтавской губерніи находится земли, подлежащей обложенію, 3.945,775 дес.

Въ томъ числѣ:

Во владѣніи казны и удѣла	37,197 дес.
„ неподатныхъ сословіи	1,933,283 „
„ податнаго сословія	1,975,295 „

Затѣмъ, такъ какъ общія цифра всѣхъ земскихъ сборовъ, за исключеніемъ сбора съ пошлинъ, уплаченныхъ въ казну въ суммѣ 185,000 р., составляетъ 983,781 р. 20 к., то сборъ этотъ падаетъ:

На казну, удѣлъ и города	61,021 р. 62 к.
На всѣ неподатныя сословія	398,552 „ 61 „
И собственно на податное сословіе	524,206 „ 97 „

Такимъ образомъ, оказывается, что сословія, не несущія податей и обладающія значительно громаднымъ имуществомъ, въ сравненіи съ податнымъ сословіемъ, при переводѣ всѣхъ платежей собственно на земли, за каждую десятину платятъ:

Неподатныя сословія	по 20 ¹ / ₄ к.
Податное же населеніе	„ 26 ³ / ₄ „

Налогъ, какъ видитъ читатель, уравнительный и, что называется, справедливый.

Теперь разяснимъ, сколько вообще человѣческія души, въ томъ числѣ и мертвыя (такъ какъ и эти не изъемяются отъ платежа подати до будущей ревизіи), платятъ за каждую десятину, при тѣхъ же соображеніяхъ, какъ это сдѣлано вообще по губерніи.

Выводы говорятъ, что въ уѣздахъ: Роменскомъ десятину обходится податному населенію по 40 к., неподатнымъ — по 19¹/₄ к.; Переяславскомъ — податному населенію — 27 к., неподатнымъ сословіямъ — 11¹/₂ к.; въ Миргородскомъ — податному населенію — 26 к., неподатному — 15¹/₂ к.; и Зеньковскомъ — податному населенію — 32 к., неподатному — 23 к.

Познакомивъ читателя, насколько было возможно, съ источниками налоговъ, мнѣ остается еще прибавить, что источники эти, въ такое продолжительное время черпанія изъ нихъ жизненныхъ силъ, безъ надлежащихъ капитальныхъ улучшеній самихъ источниковъ, засорены до нельзя, и что пора уже этимъ источникамъ дать время для накопленія въ нихъ свѣжей воды.

Такъ какъ благоприятныя условія экономическаго состоянія сельскихъ обществъ, кромѣ налоговъ, зависятъ отъ количества и качества находящейся во владѣніи ихъ земли, а также и отъ состоянія скотоводства, то я постараюсь ознакомить читателя съ

этими важными факторами народного благосостоянія; хотя есть еще не мало и других немаловажных условий, но о них, не имѣя подъ рукою надлежащихъ фактовъ, говорить не берусь.

Посмотримъ же, насколько благоприятны эти условія по землевладѣнію и скотоводству.

Изъ приведенной выше раскладки Полтавскаго уѣзда видно, что у податнаго населенія земли 120,575 дес., изъ сдѣланной же мною справки оказалось, что у казаковъ и бывшихъ государственныхъ крестьянъ находится во владѣніи 74,479 дес. земли, у бывшихъ же помѣщичьихъ крестьянъ, за исключеніемъ собственниковъ, находится въ пользованіи только 32,555 дес. Затѣмъ, выписка о скотоводствѣ, изъ дѣлъ губернской земской управы, за 1877 г., говорить:

	Лошадей.	Рогатаго скота.	Овецъ и козъ.	Свинокъ.	Всего.
У крестьянъ временно-обязанныхъ.	3,567	8,025	13,754	3,230	28,636
„ собственниковъ	2,395	6,451	10,720	3,429	22,995
„ казаковъ и бывш. госуд. крестьянъ	2,677	15,369	22,751	6,067	46,854

Какъ видитъ читатель, казаки и бывшіе государственные крестьяне и въ настоящее время какъ будто находятся въ сравнительно лучшемъ положеніи, нежели временно-обязанные крестьяне. Постараюсь теперь разяснить, улучшилось ли положеніе первыхъ, т. е. казаковъ и бывшихъ государственныхъ крестьянъ, противъ прежняго, когда они находились въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ. Обращаюсь къ статистическому сборнику мин. госуд. имуществъ за 1858 г., составленному по приказанію бывшаго министра госуд. имуществъ Муравьева и изданному въ 1861 г. Въ сборникѣ этомъ сказано: „въ 1858 г. у казаковъ и государственныхъ крестьянъ находилось въ собственномъ владѣніи 89,929 дес. и въ пользованіи 14,180 дес., а всего 104,009 дес., т. е. болѣе противъ настоящаго на 29,530 дес. Въ Зеньковскомъ уѣздѣ, какъ указываетъ раскладка, въ обществахъ крестьянъ вѣдомства госуд. имуществъ числится въ настоящее время земли 98,120 дес. на 35,331 душу, по спискамъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Сборникъ же мин. госуд. имуществъ говорить, что у означенныхъ обществъ, въ 1858 г. находилось собственной земли 102,681 дес., въ пользованіи 4,454 дес. и неудобной 248 дес., итого 107,383 дес. на 36,715 душъ. Въ Роменскомъ уѣздѣ, по раскладкѣ, у тѣхъ же обществъ 122,554 дес. на 37,694 души, по списку же, въ 1858 году, у тѣхъ же об-

щество состояло 116,868 дес. на 31,534 души. Далѣе, сборникъ указываетъ, что у тѣхъ же казаковъ и крестьянъ было:

Лошадей и рогатаго скота.	Овецъ и свиней.	Итого.
26,300	52,969	79,269

т. е. болѣе противъ показаннаго у нихъ въ 1877 г. на 32,415 головъ.

Объ истощеніи почвы, въ теченіе 20 лѣтъ, при подобномъ значительномъ уменьшеніи скотоводства, нечего и говорить.

Далѣе, изъ того же сборника видно: всѣхъ ревизскихъ душъ въ Полтавскомъ уѣздѣ, находящихся въ вѣдѣніи мин. госуд. имуществъ, числилось 35,048 душъ, у нихъ хлѣбныхъ магазиновъ 31; въ означенныхъ магазинахъ находилось 36,191 четв. озимаго и 13,185 четв. яроваго, т. е. на ревизскую душу: озимаго 1 четв. и 2 гарнца и яроваго 1 четв. Такимъ образомъ, озимаго было болѣе на 1,143 четв., а яроваго не доставало 4,339 четв. Сравнимъ эти хлѣбные запасы съ существующими нынѣ и показанными по отчету полтавской уѣздной земской управы за 1877 г.

Вѣдомость № 9, приложенная къ отчету, говоритъ: къ 1878 г. запасовъ состояло: озимаго 39,691 четв. и 5 мѣръ, яроваго— 15,102 четв. 3 мѣры, 7¼ гарнцевъ. Изъ списка губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія видно, что въ 1868 г. казаковъ и крестьянъ разныхъ наименованій числилось 55,380 душъ. Такимъ образомъ, и эти запасы измѣнились далеко не къ лучшему, такъ какъ оказывается, что для населенія въ 35,048 душъ, запасовъ было значительно болѣе, чѣмъ для населенія въ 55,380 душъ. Подобное сравненіе по другимъ уѣздамъ сдѣлать невозможно, такъ какъ управами доставлены свѣдѣнія безъ раздѣленія крестьянскихъ обществъ; но за всѣмъ тѣмъ и приближительное сравненіе убѣдитъ, что результаты эти не въ пользу настоящаго времени. Такъ, напр., по свѣдѣніямъ управы о скотоводствѣ по Кременчугскому уѣзду показано: лошадей 7,344, рогатаго скота 35,018, овецъ простыхъ 98,175, тонкорунныхъ 17,427, свиней 14,833, козъ 182 (признакъ появленія евреевъ-землевладѣльцевъ), верблюдовъ 4, ословъ и муловъ 10, итого 172,993 головы.

Я думаю, можно безъ ошибки сказать, сообразуясь съ показаніемъ объ этомъ полтавской управы, что на долю всего податнаго населенія нельзя считать болѣе 100,000 головъ, т. е. на населеніе, согласно показанію губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, въ 55,186 душъ. Digitized by Google

Сборникъ мин. госуд. имуществъ говоритъ: „у казаковъ и крестьянъ вѣдомства мин. госуд. имуществъ было лошадей и рогатаго скота 31,645, овецъ и свиней 77,009, а всего 110,654 головы—и это на населеніе въ 35,400 ревизскихъ душъ“.

По Зеньковскому уѣзду изъ отчета за 1877 г. видно, что продовольственные запасы къ 1878 г. были слѣдующіе: озимаго 26,797 четв. 6 четвер. $7\frac{1}{4}$ гарнцевъ, а яроваго 7,109 четв. 5 четвер. $7\frac{3}{4}$ гарнца (замѣйте читатель кака я пунктуальность). Запасъ этотъ на 45,000 душъ муж. пола. Изъ того же отчета видно, что за помѣщиками числится въ долгу: озимаго 5,056 четв. и яроваго 2,452 четв. Въ продолженіи 14 лѣтъ, казалось, можно было бы выискать этотъ долгъ. Сборникъ же мин. госуд. имуществъ по тому же уѣзду показываетъ, что на 36,333 души муж. пола, т. е. казаковъ и государственныхъ крестьянъ, къ 1859 г. числилось запасовъ: озимаго 38,635 четв. и яроваго 11,281 четв., изъ чего видно, что одни казаки и государственные крестьяне 20 лѣтъ назадъ имѣли запасовъ болѣе, нежели въ настоящее время всѣ крестьяне уѣзда. Факты эти наглядно убѣждаютъ, что экономическое состояніе сельскихъ обществъ Полтавской губерніи значительно ухудшилось и что главнымъ условіемъ этого ухудшенія служатъ несообразныя и несообразныя силамъ податнаго населенія налоги.

Каждая лишняя копейка, а еще болѣе рубль, налагаемые несообразно силамъ и совершенно несправедливо, какъ въ этомъ убѣждаютъ приведенныя выше раскладки по обложенію хатъ и мельницъ, практикуемыя въ продолженіи 14 лѣтъ, ложась тяжелымъ бременемъ на податное населеніе, принесли извѣстные плоды. Не мѣшаетъ гг. земскимъ дѣятелямъ подумать, что, независимо земскихъ сборовъ, которыми они облагаютъ податное населеніе, на немъ лежитъ не мало другихъ государственныхъ повинностей, въ числѣ которыхъ и несообразно высокіе выкупные платежи. Цифра всѣхъ этихъ сборовъ, по собраннымъ въ казенной палатѣ свѣдѣніямъ, составляетъ: выкупныхъ платежей 843,246, всѣхъ другихъ государственныхъ повинностей, какъ то: оклада подушной подати и оброчныхъ за землю 2.332,116 р. 48 к., итого съ выкупными 3.175,360 р. 48 к.; присоединивъ же къ этому земскіе налоги—524,206 р. 97 к. оказывается, что податное населеніе Полтавской губерніи несетъ одного официальнаго налога 3.699,567 р. 44 к. Если же при-
соединить къ нимъ неснятыя натуральныя подводныя и пѣшія повинности, какъ-то: исправленіе нѣкоторыхъ дорогъ, нѣкоторыя воинскія и этапныя повинности, а также мірскіе сборы,

содержаніе церковныхъ причтовъ, платежей на школы и проч., то безъ преувеличенія можно сказать, что податное населеніе платитъ болѣе 4.000,000 р. Разложивъ эти сборы на ревизскія души податнаго населенія, коихъ, по списку губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, въ 1868 г. считалось 761,256 душъ, оказывается, что на ревизскую душу податнаго населенія приходится далеко болѣе 5 р. О всѣхъ этихъ сборахъ, лежащихъ на податномъ населеніи, гг. земскимъ дѣтелямъ не мѣшало бы поразмыслить на досугѣ, и тогда они навѣрно не будутъ облагать въ будущемъ поголовно всѣ полуразрушенныя хижины и приравнивать свои хоромы къ жалкимъ крестьянскимъ хатамъ, въ которыхъ, я увѣренъ, ни одинъ изъ дѣтелей-облагателей крестьянскихъ хатъ, не смотря на строгую классификацію налога, какъ это доказала зеньковская управа, не согласится прожить хотя нѣсколько дней.

Теперь обращусь къ разъясненію плодовъ дѣятельности земскихъ дѣтелей, чтобы разрѣшить вопросъ, насколько податное населеніе воспользовалось благами за свои трудовые кровные налоги.

Кто изъ васъ, читатели, не знакомъ вообще съ характеромъ отчетовъ. Мертвыя фразы, мертвыя цифры, неподкрѣпленныя никакими доводами, развѣ въ умахъ неопытныхъ юношей, да людей мало знакомыхъ съ практическими условіями нашего житейскаго моря, могутъ вселить въ себѣ безусловное довѣріе. По отчетамъ, какъ извѣстно, все обстоитъ благополучно, и ревизіонныя комисіи, какъ это по большей части случается во всѣхъ учрежденіяхъ, къ дѣятельности ревизуемыхъ или дѣтелей относятся съ явнымъ удовольствіемъ, и, находясь въ этомъ душевномъ настроеніи, въ своихъ докладахъ иногда даже входятъ въ экстазъ.

Такъ, въ ревизіонномъ докладѣ 1876 г. о дѣйствіяхъ управы въ 1875 г., комисія эта, изложивъ свои ревизіонныя замѣчанія, говоритъ: „Комисія считаетъ своимъ долгомъ выразить, что, при многосложныхъ обязанностяхъ, возлагаемыхъ закономъ и губернскимъ собраніемъ на исполнителей земскаго дѣла, состоящій личный составъ губернской управы достойно приносить трудъ и пользу на преуспѣяніе дѣлъ губернскаго земства;— комисія, свидѣтельствуя предъ губернскимъ земскимъ собраніемъ о таковой усердной заботливости гг. предсѣдателя и членовъ управы, принимаетъ на себя смѣлость предложить собранію, выразить признательность предсѣдателю и членамъ

управы за ихъ трудъ, честную и просвѣщенную дѣятельность въ дѣлахъ управы“.

Признательность, конечно, вещь похвальная; насъ съ дѣтства приучали къ этому, и за благоправіе и послушаніе глядили по головкамъ и дарили пряниками; но вѣдь это глаженіе по головкамъ и дареніе пряниками истекало отъ нашихъ руководителей, родителей и наставниковъ. Въ зрѣломъ же возрастѣ людямъ, орудующимъ серьезнымъ дѣломъ, мнѣ кажется, неловкимъ преклонять свои головки для подобнаго глаженія и принимать вещественныя или невестественныя коврижки. Исполняя свою задачу, комисія немного увлеклась, вспомнивъ вѣроятно счастливыя годы дѣтства и присущей ему невинности. Воспоминаніе само по себѣ прекрасное, только примѣнять его къ дѣлу въ данномъ случаѣ ревизіонной комисіи не подобало, ея задача—пунктуально и подробно разъяснить факты своихъ трудовъ и, какъ говорится, цѣлкомъ выложить общему собранію эти факты на столъ, для надлежащей ихъ оцѣнки, а затѣмъ уже отъ общаго собранія будетъ зависѣть похвалить или осудить дѣятельность своихъ выборныхъ. Подобное же забѣгательство впередъ, или, лучше сказать, исцѣлительство „на всякій случай“ земцамъ-ревизорамъ вовсе не къ лицу.

Теперь обращусь къ сути ревизіоннаго доклада и сдѣлаю выписки изъ наиболее рельефныхъ мѣстъ. Такъ, по дорожному сооруженію: „Однѣ изъ членовъ ревизіонной комисіи Б., осмотрѣвъ дорожныя сооруженія на почтовой дорогѣ отъ Полтавы до м. Решетилки, нашель, что отстроенныя въ настоящемъ году два моста, воемъ Курелеховской станціи, по транспортнои дорогѣ изъ Решетилки въ Бременчукъ, построены весьма прочно и очень красиво, такъ что работа перилъ послѣдняго моста кажется не плотничною, а столярною, и оба моста изъ прекраснаго дубоваго дерева, вмѣсто сосноваго, предназначавшагося по смѣтѣ“. Однѣ изъ четырехъ зрѣль—а всѣ четверо удостовѣряють.

Постановленіемъ общаго собранія 8-го октября того же 1876 г., № 5, по предмету уплаты харьковскому земству 736 р. 70 к. за содержаніе воспитанниковъ бывшаго полтавскаго приказа общественнаго призрѣнія въ харьковской фельдшерской школѣ, въ 1862—1869 гг. деньги эти асигнованы въ виду одного лишь словеснаго удостовѣренія члена управы, что въ дѣлахъ харьковской управы на этотъ долгъ имѣется доказательство. Между тѣмъ управа, въ докладѣ своемъ по этому предмету, находила необходимымъ потребовать фактическія

данныя. Далѣе—,комисія считаетъ своимъ долгомъ предложить собранію возобновить ходатайство, возбужденное въ 1871 и 1873 гг., по предметамъ, имѣющимъ большое значеніе для средствъ земства. Это—объ опредѣленіи въ законномъ порядкѣ степени участія земскихъ учрежденій въ расходахъ по прекращенію холеры и объ отнесеніи обязанности уплаты за леченіе и призрѣніе въ благотворительныхъ заведеніяхъ неимущихъ лицъ податнаго состоянія на волости, къ коимъ онѣ принадлежать, а не на сельскія общества, какъ это узаконено въ настоящее время“. Выходитъ: вмѣсто двухъ Ивановъ перенести платежъ на десять Ивановъ, но все же на однихъ только Ивановъ. Вѣдь и во время существованія приказовъ, въ больницахъ лечили неимущихъ на счетъ суммъ приказовъ. А между тѣмъ, на основаніи положенія о земствахъ, главы 1, § 2, пункта 4, мѣры призрѣнія и способы прекращенія нищенства относятся къ прямой обязанности земства. Неужели можно называть призрѣніемъ, если за неимущихъ, какъ называютъ подобныхъ лицъ и сами земцы-ревизоры, будетъ взыскиваться съ другихъ Ивановъ только нѣсколько менѣе неимущихъ? Вѣдь эти Иваны несутъ уже не малую долю лепты за дома и вѣтряки... далѣе: „Необходимо повтореніе возбужденнаго, но не разрѣшеннаго ходатайства, по которому по невозвращеніи крестьянами въ теченіи 2-хъ лѣтъ позайствованнаго ими хлѣба—переводить эти ссуды на деньги, внося причитающіяся суммы въ окладные листы для взысканія, наравнѣ съ земскими сборами“.

Конечно, налоговъ мало... Не мѣшаетъ ихъ увеличить. Странно только, отчего хлѣбныя недоимки, числящіяся за дворянами-землевладѣльцами не переводятся до сихъ поръ на деньги для взысканія. Изъ доклада управы губернскому собранію 9-го сентября 1876 г. за № 5574, видно, что хлѣбныхъ запасовъ въ долгу за бывшими владѣльцами временно-обязанныхъ крестьянъ состоитъ озимаго и яроваго 43,799 четв., однако о переложеніи этой хлѣбной недоимки на деньги и внесеніи ихъ въ раскладку, для взысканія съ помѣщиковъ, гг. ревизоры совершенно забыли.

Далѣе: „Ходатайство минувшаго очереднаго собранія о соединеніи уѣздныхъ городовъ нашей губерніи съ губернскимъ телеграфною сѣтью не имѣло успѣха, какъ объ этомъ изложено въ отчетѣ управы. Между тѣмъ, съ устройствомъ въ г. Лубнахъ гимназіи и съ открытіемъ тамъ окружнаго суда, присоединеніе этого города къ телеграфной сѣти дѣлается необходимымъ, какъ для значительнаго числа жителей губерніи (не для

годного ли заседания?), такъ и для правительственныхъ учреждений (какая заботливость!)“. При условіяхъ, предложенныхъ телеграфнымъ вѣдомствомъ, осуществленіе этого предпріятія потребовало бы отъ земства 7,360 р. (совершенно пустая сумма!), по слѣдующему расчету: для соединенія Лубенъ съ Ромнами чрезъ Лохвицу потребовалось бы на 90 верстъ 1,540 столбовъ, считая по 16 на версту и по 4 р. за столбъ (какая дешевизна!), 6,160 р. и за наемъ двухъ станцій въ теченіе трехъ лѣтъ (отчего же не на 10 лѣтъ?) 1,200 р.

Какая логичность и послѣдовательность въ соображеніяхъ гг. ревизоровъ! въ одномъ случаѣ они говорятъ, что не хватаетъ средствъ на призрѣніе и хотѣть свалить ихъ на немущихъ, а на устройство телеграфа средства находятся. Конечно, телеграфы необходимые школь и богадѣленъ. Не дойдемъ ли мы скоро до того, что прежде школь и прочіихъ настоятельныхъ предметовъ, будемъ устраивать на общественныя средства и земскіе клубы?

Въ томъ же ревизіонномъ докладѣ, послѣ обращенія особеннаго вниманія на входящія и исходящія бумаги, которыя и въ отчетѣ стоятъ на первомъ планѣ, говорится, что комісія обратила особенное вниманіе на расходъ 5,000 р. на убрание земскаго дома, причѣмъ выражено: „по обревизованіи этого дѣла, которое получило начало задолго до отчетнаго года, она, т. е. комісія, убѣдилась, что губернская управа употребила всѣ зависящія мѣры, чтобы, съ одной стороны, сохранить, въ чемъ только было возможно, интересы земства, а съ другой, чтобы поспѣшнѣе исполнить предначертанія земскаго собранія.“ (Сильно и убѣдительно!).

Наконецъ, обращаю вниманіе читателя еще на одинъ пунктъ, крайне меня интересующій и съ которымъ я лично ознакомился. Это обревизованныя комісіею богоугодныя заведенія, т. е. больницы, отдѣленія для сумашедшихъ и фельдшерской школы, помѣщающейся въ одномъ домѣ съ этими больными!

„Ревизіонной комісії было особенно пріятно видѣть вновь устроенное, изъ передѣланнаго флигеля, помѣщеніе на 12 кроватей для душевно-больныхъ женщинъ, характеръ болѣзни которыхъ спокойный и тихій (какіе психіатры!). Устройствомъ этого помѣщенія сдѣлано истинно благое дѣло, да и передѣлка и расположеніе флигеля выполнены очень хорошо (сильно сомнѣваюсь). Для удобнаго помѣщенія учениковъ фельдшерской школы земствомъ сдѣлано уже все (помѣстивъ ихъ рядомъ съ сумашедшими!), что было возможно, и ревизіонная комісія считаетъ

приятнымъ долгомъ заявить собранію, что школа ни въ чемъ болѣе не нуждается (кромя свѣжаго воздуха и опрятности).

Теперь обращаюсь къ постановленіямъ общаго губернскаго собранія. Собраніе, по выслушаніи ходатайства ревизіонной комисіи на устройство телеграфа суммы 7,360 р., постановило: асигновать на этотъ предметъ 7,760 р.; отчего выросло 400 р. — невѣдомо. Тѣмъ же постановленіемъ, причитающіеся въ жалованье члену управы К. 666 р., и удержанные у него, по случаю нахожденія въ отпуску за границу съ 1 мая по 1 октября, т. е. въ теченіе 5 мѣсяцевъ, по ходатайству предсѣдателя управы, разрѣшены въ выдачу г. К., въ виду его полезной дѣятельности. Надо учиться у земства, какъ слѣдуетъ приносить пользу государству и обществу. Тѣ же постановленія указываютъ, что, по ходатайству начальника губерніи, оставшіеся отъ содержанія непремѣннаго члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Б., по случаю его отпуска, 500 р., выданы въ вознагражденіе за усиленные занятія канцеляріи губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Далѣе, вслѣдствіе ходатайства предсѣдателя вновь открытаго лубенскаго окружнаго суда, о пособіи на покрытіе расходовъ на омеблированіе и обзаведеніе суда, собраніе, принявъ во вниманіе, что подобное пособіе было сдѣлано при открытіи полтавскаго суда, разрѣшило выдать изъ остатковъ текущаго года 2,000 р. Удивительная щедрость по нѣкоторымъ предметамъ; стоить только попросить у собранія и просьба будетъ уважена.

Интересно знать, сколько вообще лубенскому окружному суду обошлось убранство суда, чтобы сравнить этотъ расходъ съ таковымъ же убранствомъ земскаго дома. Спору нѣтъ, что убранство дѣло необходимое и полезное, но нельзя же убирать всё учрежденія на средства земства. Правительство, учреждая окружные суды, отпускаетъ на это и необходимыя средства. Пора земству перестать заниматься убранствомъ домовъ, какъ своихъ, такъ и чужихъ, когда существуютъ неотложныя потребности по болѣе существеннымъ предметамъ.

Теперь обращаюсь къ смѣтнымъ назначеніямъ. По смѣтѣ на 1877 г. на обязательные расходы, между прочимъ, асигновано: 1) жалованье предсѣдателю 3,000 р. и тремъ членамъ управы по 2,000 р., всего 9,000 р.; 2) на содержаніе канцеляріи, наемъ сторожей и разныя канцелярскія потребности 11,018 р.; 3) на отопленіе и освѣщеніе помѣщенія управы, а также на уплату страховыхъ премій 700 р.; 4) на печатаніе постановленій губернскаго собранія, отчетовъ, докладовъ и проч. 1,500 р.; 5) на содержаніе

техниковъ при губернскихъ и уѣздныхъ управахъ 6,000 р.; 6) на разъѣды и суточные членамъ управы и техникамъ губернской управы 800 р., и 7) на образованіе эмеритальной кассы для служащихъ въ канцеляріи и техниковъ 1,631 р. 80 к., итого 30,649 р. 80 к. Затѣмъ изъ суммъ страхового сбора на тотъ же предметъ ассигновано: члену управы, завѣдывающему страховымъ отдѣломъ—2,000 р., технику 1,200 р., бухгалтеру 1,120 р., столоначальнику 840 р., его помощнику 700 р., писцамъ 826, секретарю 420 р., регистратору и журналисту 336 р. и на канцелярскіе матеріалы 300 р., на уплату почтъ за пересылку суммъ и корреспонденцій 100 р., на прогоны и суточные деньги членамъ управы по дѣламъ страховымъ 200 р., на образованіе эмеритальной кассы для служащихъ въ страховомъ отдѣлѣ 544 р., на печатаніе бланковъ для книгъ губернской земской управы и уѣздныхъ и волостныхъ правленій, страховыхъ листовъ и проч. 800 р., и на участіе въ содержаніи земскаго дома и уплату за него повинности въ размѣрѣ $\frac{1}{2}$ (какая пунктуальность!) действительнаго расхода 515 р., итого 9,902 р. 12 к. Въ концѣ этой смѣты, между прочимъ, сказано: что кромѣ вышеприведенныхъ расходовъ, по смѣтѣ на 1876 г., ассигновано было 1,000 р. на заготовленіе бланковъ для страховыхъ списковъ на трехлѣтіе съ 1877 г., которые теперь къ расходу не требуются. Независимо означенныхъ 9,902 р. 12 к., изъ той же суммъ ассигновано на пособіе уѣзднымъ управамъ за возложенныя на нихъ обязанности членовъ по страхованію по 600 р. каждой,—9,000 р., на усиленіе канцелярій тѣхъ управъ по 250 р. каждой,—3,750 р. На удовлетвореніе 5% вознагражденіемъ волостныхъ правленій—7,300 р. Такимъ образомъ, оказывается, что по смѣтѣ содержаніе губернской земской управы, вмѣстѣ съ техниками, обходится въ годъ 40,551 р. 92 к.

Къ этому слѣдуетъ присоединить еще сверхсмѣтные расходы, а именно: членамъ ревизіонной комисіи за обрѣзваніе отчета 300 р. (по 75 р. на каждого), въ пенсію служащему въ управѣ Федотову 50 р., стипендіи на воспитаніе дѣтей (не сказано только для кого) 175 р., въ награду служащимъ управы 1,000 р., въ жалованье надсмотрщику дорожныхъ сооруженій дворянину Д. 50 р.; на счетъ кредита, открытаго постановленіемъ экстреннаго губернскаго собранія 5 іюля 1877 г., по губернской управѣ на заготовленіе гвоздей и болтовъ 34 р. 83 к.; расходы на счетъ смѣты 1878 г.: на напечатаніе постановленій очереднаго губернскаго земскаго собранія и на изготовленіе книгъ для управы—388 р. Итого сверхсмѣтныхъ и другихъ расходовъ 2,072 р. 83 к.

Такимъ образомъ, губернская управа обошлась земству въ 1877 г. въ 42,524 р. 75 к. Все это расходы, какъ видѣть читатель, на удовлетвореніе только нуждъ управы. Посмотримъ, что же сдѣлано для нуждъ собственно сельскаго населенія.

Отчетъ 1877 г. указываетъ слѣдующіе расходы:

На фельдшерскую школу 7,193 р., на учительскіе съѣзды 1,450 р. Затѣмъ въ отчетѣ объясняется: что въ 1877 г., въ числѣ невыполненныхъ расходовъ оставалось 47,970 р. на устройство земской школы и народныхъ учителей, и эта сумма по ненадобности, постановленіемъ 5 іюля, исключена. Конечно это предметъ бесполезный, устройство домовъ необходимѣе.

Наконецъ, въ категоріи народныхъ расходовъ можно причислить и отчисленныя для пособія нуждающимся семействамъ нижнихъ чиновъ 37,763 р. 76 к., но это сдѣлано не добровольно, а на основаніи Высочайшаго повелѣнія. Для лицъ же привилегированныхъ сословій и вообще имущихъ лицъ выведены слѣдующіе расходы: на содержаніе гимназій въ Лубнахъ назначено 24,300 р., израсходовано же на этотъ предметъ 28,303 р. Изъ назначенныхъ по смѣтѣ на перестройку церкви лубянской гимназій и добавку классовъ 11,000 р., отнущено 2,262 р. 70 к., остальные 8,794 р. еще подлежатъ въ выполненію; на наемъ дома подъ помѣщеніе лубенской гимназій 1,612 р. На реальныя училища въ Полтавѣ, Кременчугѣ, и прогимназій въ Прилукахъ 18,740 р. Въ полтавскомъ реальномъ училищѣ, какъ заявлено мнѣ въ управѣ, находится только 3 воспитанника изъ податнаго состоянія. Въ пособіе полтавской маріинской женской гимназій 2,000 р., на усиленіе средствъ женскаго образованія для всѣхъ уѣздовъ, кромѣ Полтавскаго, 3,100 р., на городскія женскія прогимназій 2,100 р., на удовлетвореніе судебныхъ слѣдователей полтавскаго и лубенскаго окружныхъ судовъ для производства важныхъ дѣлъ—разѣздныя и квартирныя деньги 1,750 р.; кромѣ того по смѣтѣ было назначено на непредвидѣнные расходы 10,000 р., въ счастье издержано только 640 р., на что же—не объяснено; на меблировку лубенскаго окружнаго суда 2,000 р. Затѣмъ произведены сверхсмѣтные расходы: на содержаніе лубенской гимназій 2,038 р. 11 к. и на застраховку ея имущества 150 р. 42 к. Роменскому земству въ пособіе на содержаніе реального училища 250 р. Наконецъ, въ отчетѣ значится расходъ на исправленіе дорожныхъ сооружений, разоренныхъ весеннею водою, въ количествѣ 20,507 р. Очень интересно знать, не случилась ли катастрофа и съ мостомъ столярной работы.

Но довольно объ этомъ — перейду къ слѣдующимъ предметамъ. Въ отчетѣ, между прочимъ, говорится, что, по собраннмъ свѣдѣнiямъ, число образцовыхъ школъ въ губерніи, содержимыхъ на счетъ правительства при пособіи отъ городскихъ и сельскихъ обществъ и земствъ, увеличилось однимъ двухкласснымъ училищемъ. Образцовыхъ школъ въ 1878 г. числилось: двухклассныхъ 10 и одноклассныхъ 9. Движеніе же городскихъ сельскихъ и церковно-приходскихъ школъ было слѣдующее: закрыто школъ и училищъ 42, вновь учреждено 36 и преобразовано 8 училищъ въ 2-хъ-классныя министерскія.

За всѣми измѣненiями числилось школъ и училищъ въ губерніи: городскихъ 54, воскресныхъ 4, сельскихъ и церковно-приходскихъ 443, итого 501, менѣе прошлаго года на 6 школъ.

Затѣмъ управа объясняетъ: „закрытіе училищъ и школъ въ большинствѣ случаевъ объясняется: или недостаточностью средствъ, асигнованныхъ на содержаніе заведенiй, или непригодностью помѣщенiй для школьной жизни, или, наконецъ, переводомъ въ другія мѣста лицъ, занимающихся обученіемъ, что всего чаще случается съ церковно-приходскими школами“.

Развѣ устраненіе всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условій не зависитъ отъ губернской земской управы, въ рукахъ коей сосредоточены всѣ необходимыя для того средства и способы? Взаимѣнъ крупныхъ асигновокъ на убранства домовъ, устройство телеграфовъ и разныхъ непроизводительныхъ субсидій, приведенныхъ въ вѣне, слѣдовало бы позаботиться объ увеличеніи и улучшеніи народныхъ школъ. Спасибо, впрочемъ, управѣ за то, что она сознается въ своихъ прегрѣшенiяхъ, которыя она вѣроятно признаетъ за невольныя.

Далѣе отчетъ говоритъ, что всѣхъ учащихся было 27,616, въ томъ числѣ мальчиковъ 25,335 и дѣвочекъ 2,281, въ числѣ коихъ сельскихъ сословій 23,905.

На содержаніе школъ поступили слѣдующія средства:

Отъ казны	9,204 р. 32 к.
„ городскихъ обществъ	13,554 „ 50 „
„ сельскихъ „	33,973 „ 39 „
„ уѣздныхъ земствъ	70,550 „ 20 „
„ церковныхъ почительностей, частныхъ лицъ, платы за ученіе и другихъ случайныхъ доходовъ .	15,192 „ 67 „

Всего 142,475 р. 8 к.

Независимо сего, изъ суммъ губернскаго сбора назначаются: на учительскіе сѣзды 1,750 р. и на казначейство губернскаго училищнаго совѣта 500 р.; среднимъ числомъ на школу приходится по 284 р.

„По числу школъ, учащихся въ нихъ и по количеству средствъ, жертвуемыхъ сельскими обществами на первоначальное образованіе, первое мѣсто, какъ и всегда, остается за Прилуцкимъ уѣдомъ, гдѣ на 145,500 душъ сельскаго населенія имѣется 59 школъ и 3,256 учащихся, сельское общество жертвуетъ одними деньгами 7,325 р. 57 к.; а послѣднее—за Пирятинскимъ уѣдомъ, гдѣ на 105,000 душъ сельскаго населенія имѣется 22 школы, учащихся 1,017 и пожертвованій деньгами было всего на 22 р.“

Въ Полтавской губерніи всего населенія считается около 2-хъ милліоновъ, и на это населеніе для народныхъ школъ, какъ указываетъ управа, земство даетъ 70,550 р., т. е. среднимъ числомъ на каждый уѣздъ по 4,703 р. Понятная вещь, что при подобныхъ ассигнованіяхъ на школы, народное образованіе будетъ идти черепашинымъ шагомъ. Между тѣмъ сельскія сословія, платяція земскихъ налоговъ 524,206 р. 97 к., изъ своихъ скудныхъ средствъ должны еще жертвовать на народное образованіе 33,973 р. 39 к., т. е. почти половину противъ сумми, ассигнуемой на этотъ предметъ земствомъ. По истинѣ грустные и безотрадныя факты!

При этомъ считаю справедливымъ упомянуть о солидномъ пожертвованіи Г. П. Галагана, которое способствовало открытію ремесленной школы въ Прилуцкомъ уѣздѣ. Вообще, по замеченію многихъ лицъ, существованію народныхъ школъ много содѣйствуетъ разумное и горячее сочувствіе этому дѣлу того же Г. П. Галагана.

Ссудо-сберегательныхъ товариществъ, получившихъ ссуду изъ суммъ губернскаго страховаго капитала по 1,000 р. на 10 лѣтъ за 5% въ годъ, всего только два, и то одному изъ нихъ удалось эту ссуду получить лишь въ концѣ 1876 г. и не безъ труда. Отъ двухъ другихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ были ходатайства о выдачѣ ссудъ, но губернская управа признала необходимымъ воздержаться выдачею ссудъ впредь до болѣе благоприятныхъ намѣреній въ личномъ составѣ членовъ этихъ товариществъ.

Очень желательно знать, что это за неблагоприятныя условія, послужившія поводомъ къ отказу, и устранены ли онѣ, а также, отъ чего объ этомъ интересномъ фактѣ не доложено зем-

скому собранію? Гласность—дѣло хорошее, бояться ее не слѣдуетъ.

О санитарной части по губерніи отчетъ объясняетъ: „Въ сельскихъ лечебницахъ и пріемныхъ покояхъ (сколько же таковыхъ и гдѣ онѣ находятся не объясняется, —миѣ же извѣстно, что въ Полтавскомъ уѣздѣ таковыхъ вовсе не находится), содержимыхъ на средства сельскихъ обществъ съ пособіемъ отъ уѣздныхъ земствъ, было на пользованіи 588 больныхъ. Затѣмъ 125,750 чел. (очень интересно знать, изъ какихъ это почерпнуто источниковъ) получали дома медицинскіе совѣты и лекарства (еще болѣе интересно, въ чемъ эти совѣты и лекарства заключались), а 70,849 лицамъ привита оспа; и это амбулаторное леченіе и привитіе оспы обошлось земству около 50 к. на человѣка“. Такимъ образомъ, на эти два способа врачеванія сельскаго народа земствомъ истрчено: на совѣты и лекарства 62,875 р. и на оспопрививаніе 35,424 р. 50 к., а всего 98,299 р. 50 к. Каково! одни только совѣты, съ причею лекарствъ и прививкою оспы, обошлись земству около 100,000 р.! Да вѣдь это, что называется „пастырь добрый положи душу свою за овцы свои!“ Продолжаю далѣе: „Изъ числа пользовавшихся въ уѣздѣ, т. е. въ больницахъ и амбулаторно, 129,520 человѣкъ, выздоровѣло 119,508, осталось больныхъ 2,985, умерло же 7,027, изъ коихъ: въ больницѣ 197, въ сельскихъ лечебницахъ 12 и лечившихся амбулаторно 6,818 человѣкъ (т. е. изъ тѣхъ, на коихъ истрчено 62,875 р.). Такимъ образомъ, оказывается, что изъ лечившихся амбулаторно и на коихъ издержана такая большая сумма, изъ 1,000 человѣкъ умерло 55. Чему приписать такую смертность? Надо полагать, что отвратительное жилище, за которое накладываются налоги, дурное питаніе, и другія, крайне отвратительныя, гигиеническія условія породили такую массу смертности.

Очень интересно знать, еслибы вмѣсто совѣтовъ и прочихъ средствъ, на кои, какъ гласитъ отчетъ, губернской управой издержана такая сумма, тѣ же самыя средства были бы употреблены на гигиеническія условія, положимъ, хоть на постройку человѣческихъ жилищъ, въ деревняхъ, то вѣдь на эти 62,875 р., при хозяйственной заготовкѣ лѣса и даровомъ трудѣ постройки домовъ, можно было бы обстроить вновь нѣсколько уѣздовъ. Такимъ образомъ, расходуя подобныя суммы въ теченіе не болѣе 3-хъ лѣтъ, можно было бы обстроить чуть ли не всю губернію, и обезпечить населенію здоровое жилище, а тогда не

понадобилось бы прибѣгать и къ амбулаторному пользованію— и много, много сохранилось бы для края рабочихъ рукъ.

Еще болѣе интереса представляетъ процентъ смертности, при радикальномъ леченіи въ городскихъ больницахъ и лечебницахъ. Въ отчетѣ объ этомъ сказано: „проявлялись слѣдующія эпидемическія болѣзни: корь, скарлатина, тифъ, крупъ и дифтеритъ, отъ которыхъ пользовались у врачей 14,638 чел., выздоровѣло 9,703, умерло 4,030, т. е. немного менѣе $\frac{1}{3}$ части всѣхъ лечившихся, или 298 человекъ на 1,000, процентъ небывалый, безъ причинъ, выдающихся изъ ряду обыкновенныхъ.

Еще далѣе въ отчетѣ сказано: „на суммы уѣздныхъ земствъ содержалось въ губерніи врачей 34; въ Полтавскомъ уѣздѣ, какъ убѣждаетъ отчетъ управы, въ теченіи 1877 г. былъ только одинъ врачъ, ветеринаровъ 6, фельдшеровъ 181, оспопрививателей 246 и акушеровъ 20. До полного комплекта, опредѣленнаго уѣзднымъ собраніемъ, не доставало: врачей 12, фельдшеровъ 20, оспопрививателей 5, повитухъ 1. Содержаніе городскихъ больницъ, лечебницъ, врачей, приобретеніе медикаментовъ и вообще содержаніе медицинской части въ уѣздахъ, обошлось уѣзднымъ земствамъ, со включеніемъ полученной платы за пользованіе больныхъ и процентовъ на больничные фонды, въ 156,798 р. 73 $\frac{1}{2}$ к.“. Исключивъ изъ этой цифры употребленные земствомъ на амбулаторное леченіе и оспопрививаніе 98,299 р. 50 к., оказывается, что у земства, на содержаніе всѣхъ больницъ и лечебницъ въ уѣздахъ, а равно на содержаніе выше означеннаго медицинскаго персонала, оставалось только 58,499 р. 23 к. Такъ ли это? что то болно маловато? Надо полагать, что содержаніе медицинскаго персонала, а именно: 34 врачей, 6 ветеринаровъ, 181 фельдшера, 246 оспопрививателей, 20 акушеровъ и повитухъ, поглощаетъ эти 58,499 р. 23 к. На что же содержались въ 15-ти уѣздахъ самыя больницы и лечебницы? Не дастъ ли по этому интересному предмету разъясненіе губернская земская управа, если же она не сможетъ, то не объяснять ли уѣздныя управы?

Затѣмъ, по поводу этого весьма важнаго предмета, приведу слѣдующее обстоятельство: въ XII очередномъ губернскомъ земскомъ собраніи, какъ гласитъ журналъ 7-го октября 1876 г., № 4, гласный Ф. В. Григоренко сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: „Одна изъ важнѣйшихъ заботъ земства— народное здравіе уже нѣсколько лѣтъ находится на помеченіи уѣздныхъ земствъ, тратится обыкновенно на это дѣло по 100,000 р. въ годъ, но

результаты достигаются весьма незавидные. И понятно, уѣзды, по своимъ ограниченнымъ средствамъ, едвали могутъ выработать что-либо для народной медицины. Если же централизація заботы о дорожныхъ сооруженіяхъ не встрѣчаетъ никакихъ затрудненій, то тѣмъ болѣе не должна бы встрѣчать затрудненій и централизація заботы о народномъ здравіи. Напротивъ, примѣры другихъ губерній, устроившихъ у себя такую централизацію, говорятъ въ ея пользу. Поэтому онъ предлагаетъ не найдеть ли и полтавское земское губернское собраніе возможнымъ, лежащее на земствѣ попеченіе о народномъ здравіи перенести изъ повинностей уѣздныхъ въ губернскую“. Далѣе высказываются предположенія по этому предмету, которыя не выписываю, дабы не утомить вниманіе читателя. Послѣ продолжительныхъ преній по этому предмету, собраніе постановило: поручить губернской управѣ собрать свѣдѣнія отъ уѣздныхъ земствъ (какъ будто въ этомъ собраніи не было этихъ представителей); сочувствуютъ ли они централизаціи медицинской части въ губерніи. Что сдѣлано по этому логичному и добросовѣстному заявленію г. гласнаго Григоренко—не знаю. Пускай объясняетъ управа, такъ какъ ей поручено собраніемъ исполненіе этого, нетерпящаго отлагательства, предмета. При соединяясь къ мнѣнію г. Григоренко, скажу, что губернскому земству, вмѣсто того, чтобы пробавляться убраннымъ домомъ и проч. затѣями, рациональнѣе принять всѣ зависяція отъ нихъ мѣры къ скорѣйшему сосредоточенію этого важнѣйшаго изъ дѣлъ земства. Понятная вещь, что въ губернскомъ городѣ, гдѣ болѣе сосредоточены всѣ средства къ этому и гдѣ находится главная мѣстная администрація, могущая оказать сильную пользу, дѣло это вести гораздо легче и сподручнѣе, нежели сваливать его на уѣздныя земства. Время не терпитъ, и такъ его потрачено много и непроизводительно на амбулаторный способъ леченія, при которомъ такъ много пало жертвъ. Довольно этихъ жертвъ, онѣ кровныя! Богу и обществу придется дать въ этомъ отчетъ!

Надѣюсь, что всего приведеннаго совершенно достаточно для надлежащей оцѣнки дѣятелей полтавскаго земства. Приведенныя цифры и факты такъ краснорѣчивы, что говорятъ сами за себя. Я, съ своей стороны, счелъ долгомъ передать ихъ на судъ общественнаго мнѣнія, на судъ всѣхъ, кому дороги интересы родной земли.

КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ.

(ОЧЕРКЪ ОБЫЧНАГО ПРАВА).

„Полагаясь на здравый смысл нашего народа“.
(Высочайшій манифестъ 19 февраля 1861 г.).

I.

Изучая русскіе гражданскіе законы, мы не должны забывать, что есть многомилліонная масса сельскаго населенія, которая не знаетъ свода законовъ, а руководствуется тѣми юридическими нормами, которыя являются результатомъ историческаго умственнаго и нравственнаго развитія народа, результатомъ всѣхъ условій его быта. Конечно, на это могутъ возразить, что такъ какъ народныя правовыя нормы являются результатомъ бытовыхъ условій, то, значить, они въ сущности должны представлять большое сходство съ постановленіями свода законовъ: вѣдь законы дѣйствуютъ среди общества, слѣдовательно они должны же соответствовать потребностямъ этого общества, идти, такъ сказать, рука объ руку съ общественною жизнью. Но суть-то въ томъ, что гражданскіе законы на самомъ дѣлѣ не только не согласуются съ народными правовыми нормами, но во многихъ отношеніяхъ являются діаметрально противоположными. Такимъ образомъ, мы должны признать двѣ, совершенно различныхъ области права — право официальное и право народное.

Этотъ индифферентизмъ закона въ интересамъ народнои жизни легко объясняется историческимъ путемъ: дѣятельность государства въ московскій періодъ русской исторіи отличалась

характеромъ исключительно полицейско-финансовымъ, только тѣ вопросы русской жизни находили разрѣшеніе въ законодательствѣ того времени, которые касались исключительно государственныхъ интересовъ. Поэтому оно и обращало вниманіе только на служилое сословіе, которое несло государственную службу и въ рукахъ котораго сосредоточивались вотчинныя и помѣстныя земли. Конечно, для государства былъ непосредственный интересъ опредѣлить, такъ или иначе, владѣніе этими землями, переходъ ихъ отъ одного лица къ другому и другіе вопросы, близкіе затрогивающіе интересы государства. Опредѣливъ точку зрѣнія государства въ московскій періодъ, легко понять, почему государство совершенно игнорировало крестьянскую жизнь, какъ незатрогивающую его полицейско-финансовыхъ интересовъ. Замѣчательно, что и въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія государство осталось вѣрнымъ своему прежнему воззрѣнію: въ 1848 г. министерство государственныхъ имуществъ потребовало отъ налѣтъ государственныхъ имуществъ свѣдѣній относительно обычаевъ, господствующихъ среди крестьянъ, но при этомъ руководствовалось единственно государственнымъ интересомъ—желаніемъ обезпечить въ матеріальномъ отношеніи солдатъ, возвращающихся на родину. Вотъ изъ подобныхъ-то указовъ прежнихъ лѣтъ, имѣющихъ въ виду только высшее сословіе, и составился сводъ законовъ; а потому и возможно, отчего постановленія свода не согласуются съ народными обычаями. Такимъ образомъ, мы видимъ, что масса сельскаго населенія находилась въ сторонѣ отъ законодательства и развивала свои правовыя воззрѣнія совершенно самостоятельно, подчиняясь только непреложнымъ законамъ человеческого развитія. Поэтому-то, мнѣ кажется, будетъ интересно рассмотреть юридическую организацію крестьянской семьи въ сравненіи съ тѣмъ правомъ, которое получило мѣсто въ законодательствѣ.

Сравнительное рассмотрѣніе покажетъ намъ, насколько наши гражданскіе законы не соответствуютъ потребностямъ общества, и какъ многіе вопросы права семейнаго и наследственнаго въ обычномъ правѣ разрѣшаются и рациональнѣе и справедливѣе. Но прежде, чѣмъ перейти къ рассмотрѣнію юридической организаціи крестьянской семьи, я считаю необходимымъ связать нѣсколько объ обычномъ правѣ и объ отношеніи къ нему какъ закона, такъ и самихъ крестьянъ, а также и о волостномъ судѣ, посредствомъ котораго народныя правовыя воззрѣнія получаютъ примѣненіе въ жизни.

Подъ обычнымъ правомъ мы должны разумѣть совокупность

такихъ понятій и правилъ, по которымъ сложились юридическій бытъ народа и по которымъ въ настоящее время опредѣляются взаимныя юридическя отношенія среди народа. Въ древнѣйшій періодъ исторіи, конечно, все право развивается обычнымъ путемъ, такъ-что законодатель застаётъ юридическія понятія и нормы уже готовыми; дѣло законодателя сводится къ приведенію въ систему этихъ готовыхъ нормъ права и къ сообщенію имъ охранительной санкціи на случай ихъ нарушенія. Но какъ бы ни было развито законодательство страны, совершенное запрещеніе обычнаго права является невозможнымъ; въ каждомъ государствѣ, вслѣдствіе разнородности его состава, могутъ находиться такіе слои общества, которые, по своему культурному развитію, стоятъ значительно ниже средняго уровня общественнаго развитія и находятся въ сторонѣ отъ общей государственной жизни. Здѣсь примѣненіе обычнаго права является дѣломъ первой необходимости; но затѣмъ и въ другихъ слояхъ общества обычное право можетъ быть примѣняемо въ такихъ случаяхъ, которые положительно не опредѣлены въ законѣ.

Русское законодательство допускаетъ примѣненіе обычая въ двухъ случаяхъ: 1) тамъ, гдѣ это прямо дозволено закономъ, и 2) въ случаяхъ, которые не опредѣлены положительными нормами права. Не говоря здѣсь о кочевыхъ и бродячихъ племенахъ Россіи, стоящихъ на низкомъ уровнѣ культуры, я обращаюсь къ массѣ крестьянскаго населенія.

Я уже раньше говорилъ, что законодательство съ самыхъ древнихъ временъ отличалось индифферентизмомъ къ обычному праву, предоставляя народу регулировать ту или другую сторону своего быта, согласно своимъ правовымъ воззрѣніямъ. И послѣ отмены крѣпостнаго состоянія, положеніе 19 февраля 1861 г. дозволяетъ крестьянамъ руководствоваться своими обычаями въ порядкѣ наследства и въ дѣлахъ опеки и попечительства¹⁾; но и въ разрѣшеніи другихъ дѣлъ положеніе не обязываетъ непременно руководствоваться закономъ. Изъ 107 ст. общаго положенія о крестьянахъ видно, что волостной судъ, послѣ склоненія сторонъ на мировую, можетъ рѣшать дѣло на основаніи заявленныхъ въ волостномъ правленіи сдѣлокъ и обязательствъ, заключенныхъ между сторонами, а за неимѣніемъ такихъ сдѣлокъ, на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и правилъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту.

Теперь посмотримъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ руководствуются

¹⁾ Положеніе 19 февраля 1861 г., ст. 21, 38.

судьи при разрѣшеніи дѣлъ на волостномъ судѣ, богатый матеріалъ объ этомъ вопросѣ заключается въ трудахъ комисіи по преобразованію волостныхъ судовъ. На вопросы комисіи объ обычаяхъ, крестьяне, въ большинствѣ волостей, заявили, что они нивакихъ мѣстныхъ обычаевъ не знаютъ и дѣла рѣшаются не по обычаю, а по закону ¹⁾, справедливости ²⁾ и убѣжденіямъ совѣсти ³⁾, сообразуясь съ личными качествами или, какъ они говорятъ, „глядя по человѣку“ ⁴⁾, чтобы никому обидно не было. „Что ужъ за обычай мужицкій“ ⁵⁾, „у всякой бабы свой обычай, гдѣ ихъ знать“ ⁶⁾, отвѣчали крестьяне на вопросы комисіи объ обычаяхъ. Но всѣ эти отвѣты еще ничего не доказываютъ, такъ какъ крестьяне, незнакомые съ юридическою техникой, по всему вѣроятію, не понимали выраженій „обычай“ и „обычное право“. И дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне, говоря, что они руководствуются закономъ, а особыхъ мѣстныхъ обычаевъ нѣтъ, на самомъ дѣлѣ руководствуются обычаями, который ничего общаго съ законами гражданскими не имѣетъ, напр., съ жениховъ берутъ выводныя деньги за невѣсту, уходящихъ въ другія общества и т. п. ⁷⁾. Въ другихъ волостяхъ крестьяне отвѣчали, что къ нѣкоторымъ дѣламъ, какъ, напр., къ опека и семейнымъ раздѣламъ, примѣняются мѣстные крестьянскіе обычаи, „которыхъ, впрочемъ, немного, и что за-

¹⁾ «Труды комисіи», т. I, стр. 3, 12, 15, 21, 36, 38, 48, 59, 95, 130, 160, 203, 234, 240, 253 и др.; т. II, стр. 3, 24, 25, 38, 61, 112 и др.; т. III, стр. 20, 205, 307, 376 и др.; т. IV, стр. 20, 27, 94 и др.; т. V, стр. 8, 16, 25, 120, 160 и др.; т. VI, стр. 2, 19, 44, 83, 360, 367 и др.

²⁾ Тамъ же, т. I, стр. 3, 12, 21 и др.; т. II, стр. 38, 53, 93 и др.; т. III, стр. 376; т. V, стр. 532.

³⁾ Тамъ же, т. I, стр. 15, 21, 36, 212; т. II, стр. 33, 65; т. III, стр. 20; т. IV, стр. 13, 25; т. V, стр. 2, 6, 382—(„какъ совѣсть уважаетъ“), 492; т. VI, стр. 2, 232, 348, 744.

⁴⁾ Тамъ же, т. I, стр. 321, 359, 384, 578 и др.; т. II, стр. 61, 65; т. III, стр. 6, 301, 357, 411 („при раздѣлахъ наследства смотрять, каковъ есть человѣкъ—рабочій или лѣнивый“); т. IV, стр. 25, 243; т. VI, стр. 44, 48, 364 („при рѣшеніи принимается въ соображеніе не обычай, которыхъ вообще мало, а человѣкъ,—такъ, напр., по спорамъ о раздѣлѣ, трудолюбивому и трезвому больше присудятъ, чѣмъ озорнику и пьяницѣ. Даже отъ пьяницы-отца можетъ быть отнято хозяйство и передано или старшему сыну, или женѣ, если она женщина хорошая“).

⁵⁾ Тамъ же, т. VI, стр. 367.

⁶⁾ Тамъ же, т. III, стр. 454.

⁷⁾ Тамъ же, т. II, стр. 3 (Шуйскій уездъ, волость Ивановская).

конъ и обычай—каждый хорошъ на своемъ мѣстѣ“¹⁾). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне высказали, что дѣла на волостномъ судѣ рѣшаются болѣе по обычаю, чѣмъ по закону, потому что, по мнѣнію судей, „обычай больше, чѣмъ законъ“²⁾). Какъ бы мы не смотрѣли на всѣ эти отвѣты, но несомнѣнно то, что въ основаніи каждаго рѣшенія волостнаго суда лежатъ такіа правила, которыя являются результатомъ всѣхъ потребностей и условій крестьянской жизни, примѣненіе же такихъ правилъ въ конкретнымъ случаямъ зависитъ отъ всѣхъ индивидуальных особенностей даннаго случая, отсюда-то и является та особенность волостнаго суда — рѣшать, соображаясь съ мѣстными крестьянскими обстоятельствами, „по дѣлу и человѣку глядя“, чтобы никому обидно не было.

Система мірскаго землевладѣнія и круговой поруки сельскаго общества за своихъ членовъ оказываетъ большое вліяніе на юридическій бытъ крестьянъ: благодаря такому вліянію, волостной судъ обращаетъ вниманіе на личныя качества каждаго человѣка, старается, чтобы крестьянинъ не лишился возможности исправно платить подати, иначе обществу придется отвѣчать собственными трудовыми деньгами за какого-нибудь лѣнтяя или пьяницу, вслѣдствіе чего мы видимъ въ практикѣ волостнаго суда очень частое примѣненіе розогъ въ неисправнымъ плательщикамъ. „Мировые судьи“, — говорятъ крестьяне, — „слишкомъ строги: за кражу сажаютъ въ тюрьму на мѣсяцъ и болѣе, а это разоряетъ семью, и общество должно платить подати за осуждаемаго“³⁾). Въ этомъ взглядѣ ясно выражается вліяніе существующей податной системы.

Вслѣдствіе тѣсной связи экономическихъ условій быта съ областью права, трудъ у нашихъ крестьянъ получаетъ огромное примѣненіе въ сферѣ взаимныхъ юридическихъ отношеній: каждый человѣкъ цѣнится прежде всего, какъ трудовая сила. Это значеніе труда въ крестьянской жизни придаетъ всему обычному праву особый оттѣнокъ, а сильнѣе всего связывается въ сферѣ обычнаго наследственнаго права, гдѣ, какъ мы увидимъ впоследствии, даже кровное начало уступаетъ мѣсто началу трудовому: только тотъ получаетъ право на семейное имущество,

¹⁾ «Труды комисіа», т. III, стр. 219, 233, 250; т. IV, стр. 9, 20; т. V, стр. 2, 6, 8, 33; т. VI, стр. 3, 29, 348, 666.

²⁾ Тамъ же, т. VI, стр. 29 (Елховскій волостной судъ, Самарскаго уѣзда).

³⁾ Тамъ же, т. II, стр. 33, 71, 93.

кто участвовалъ въ его накопленіи. Нельзя не признать этого начала болѣе справедливымъ и болѣе соответствующимъ потребностямъ жизни, чѣмъ начало кровной родственной связи, служащей основаніемъ порядка наслѣдованія по своду законовъ. Напримѣръ, по нашему закону, жена, помогавшая мужу въ приобрѣтеніи семейнаго имущества и дѣлившая съ нимъ въ продолженіи многихъ лѣтъ и горе и радость, слѣдовательно самая близкая къ его сердцу, получаетъ послѣ него только седьмую часть недвижимаго и четвертую часть движимаго, а между тѣмъ какойнибудь дальній родственникъ, даже существованіе котораго можетъ быть было неизвѣстно покойному, получаетъ все остальное имущество! Ясно, что начало кровной родственной связи является въ настоящее время настолько отсталымъ, что нельзя не порадоваться, найдя въ народномъ наслѣдственномъ правѣ начало болѣе справедливое и разумное.

Благодаря важному значенію труда въ жизни нашего крестьянина, личный трудъ и преимущественно земледѣльческій, по возрѣніямъ крестьянъ, считается чуть-ли не единственнымъ и самымъ справедливымъ источникомъ собственности. „Якъ вѣль да коса, дакъ и грошей киса“ — говоритъ народная пословица. Поэтому человѣку, незнакому съ обычнымъ правомъ народа, покажутся даже совершенно необъяснимыми такого рода факты изъ крестьянской жизни: крестьяне къ произведеніямъ труда человеческого относятся съ такимъ уваженіемъ, что кража скошеннаго сѣна на лугу или хлѣба въ полѣ покрываетъ виновника ея вѣчнымъ позоромъ; или, напр., въ Архангельской губерніи существуетъ слѣдующій обычай: если путнику понадобится въ дорогѣ кормъ для лошади, онъ беретъ сѣно изъ перваго попавшагося зорода, но непременно кладетъ въ зородь деньги, соответственныя стоимости сѣна ¹⁾). Такого же рода обычай встрѣчается въ землѣ войска Донскаго: въ неурожайные годы, когда бѣдняки находятся совсѣмъ въ безвыходномъ положеніи — купить хлѣба не на что, занять не у кого — они прибѣгаютъ къ самовольному, такъ сказать, займу у богатыхъ: изъ хлѣба, который зажиточные держатъ немолоченнымъ въ стени, на току, вдругъ исчезаетъ нѣсколько копенъ, взятыхъ неизвѣстно еѣмъ, а на 2-й или на 3-й годъ, при урожаѣ, хлѣбъ привозится назадъ, всегда двумя или тремя копнами больше, чѣмъ было взято, и складывается на томъ-же самомъ мѣстѣ. Когда берутъ хлѣбъ,

¹⁾ А. Ефименко, „Трудовое начало въ народномъ обычномъ правѣ“ („Слово“, 1878 г., № 1, стр. 152).

иногда оставляютъ на мѣстѣ записку, въ которой говорится, что крайняя нужда заставила взять хлѣбъ и что онъ непременно будетъ возвращенъ при урожаѣ¹⁾).

Рядомъ съ такимъ уваженіемъ къ чужой собственности, встрѣчается странный взглядъ нашихъ крестьянъ на естественныя произведенія земли, въ которыхъ не участвовалъ трудъ человѣка, напр., крестьяне не считаютъ для себя позорнымъ захватъ въ чужую лѣсную дачу и срубить тамъ бревно. Эта странность взгляда нашихъ крестьянъ легко объясняется вышеприведеннымъ воззрѣніемъ ихъ на трудъ, какъ на единственный справедливый источникъ собственности. Мнѣ лично приходилось встрѣчать довольно солидныхъ крестьянъ, которые ни за что не согласятся „положить на душу грѣха“—взять что-нибудь чужое, а между тѣмъ спокойно ѣдутъ въ чужую лѣсную дачу и хозяйничаютъ тамъ самымъ безцеремоннымъ образомъ.

Здѣсь я считаю необходимымъ остановиться нѣсколько на волостномъ судѣ, чрезъ который всѣ эти начала обычнаго права получаютъ примѣненіе въ жизни.

Согласно порядкамъ, установившимся въ московскій періодъ русской исторіи, жители „тянули судомъ по землѣ и по водѣ“, такъ что судебное устройство у крестьянъ не сосредоточивалось въ одномъ какомъ либо присутственномъ мѣстѣ, а распределялось между разными вѣдомствами: такъ мы встрѣчаемъ особенные суды монастырскихъ крестьянъ, суды патриаршихъ крестьянъ, дворцовыхъ крестьянъ и, наконецъ, суды крестьянъ помѣщичьихъ и вотчинныхъ. Однимъ словомъ, сельское населеніе не имѣло одного общаго сословнаго формальнаго суда. Но, помимо этихъ формальныхъ судовъ, крестьяне съ самыхъ древнихъ временъ рѣшали свои хозяйственныя дѣла и споры на своихъ сходахъ, которые существуютъ и по настоящее время; отличительная черта ихъ, какъ въ прежнее время, такъ и теперь, рѣшеніе дѣла „мировою“. Положеніе 19 февраля 1861 г. дозволяетъ крестьянамъ дѣла наименьшей важности рѣшать на сельскихъ сходахъ. Эти сельскіе сходы, въ историческомъ своемъ развитіи, проходили нѣсколько ступеней: первоначально это былъ судъ старожиловъ - односельчанъ, созывавшихся каждый разъ по поводу отдѣльныхъ случаевъ; впоследствии изъ нихъ уже образовался кругъ постоянныхъ судей, разбиравшихъ споры между

¹⁾ „Труды областного войска Донскаго статистическаго комитета“, 1874 г., вып. 2-й. — А. Е. Яценко: „Трудовое начало въ народномъ обычномъ правѣ“ („Слово“, 1878 г., № 1, стр. 152).

односельчанами, и, наконецъ, образовались сельскіе сходы. Но и въ настоящее время существуетъ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ судъ стариковъ, судъ старосты съ выборными и др., которые руководствуются исключительно обычаемъ и авторитетъ которыхъ основывается на добровольномъ подчиненіи народа. Изъ отвѣтовъ крестьянъ на вопросы комисіи можно вывести, что этотъ исключительно обычный судъ ограничивается, по преимуществу, склоненіемъ сторонъ „на мировую“ и является въ слѣдующихъ видахъ: 1) Судъ сельскаго старосты для примиренія тяжущихся, и если примиреніе не состоится, то дѣло передается въ волостной судъ. Чаще встрѣчается 2-й видъ: судъ стариковъ со старостою во главѣ, причемъ выбираются самые опытные люди, число которыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ограничивается 2 или 3 ¹⁾, а въ другихъ доходитъ и до девяти ²⁾. Къ суду стариковъ обращаются обыкновенно по семейнымъ спорамъ и раздѣлу наслѣдства ³⁾, а затѣмъ и по всякаго рода незначительнымъ дѣламъ; „судъ стариковъ“, — говорятъ крестьяне, — „необходимъ потому, что если-бы прямо въ судѣ судиться, то пришлось-бы очень часто въ волость ходить, потому въ крестьянскомъ хозяйствѣ нельзя, чтобы каждодневно мелкихъ дѣлъ не возникало“ ⁴⁾. Обязанность суда стариковъ сводится къ примиренію тяжущихся, а если примиреніе не состоится, то дѣло передается въ волостной судъ. Впрочемъ, иногда на судѣ стариковъ дѣла рѣшаются окончательно, и виновная сторона приговаривается къ денежнымъ штрафамъ или даже къ аресту на нѣсколько дней ⁵⁾, „какъ старики рѣшатъ, такъ тому и быть“ ⁶⁾. 3) Судъ старосты съ выборными или добросовѣстными людьми ⁷⁾ („судцами“ ⁸⁾. 4) Сельскіе сходы или громады (въ юго-западныхъ губерніяхъ) вѣдаютъ главнымъ образомъ дѣла о семейныхъ раздѣлахъ, въ прочихъ-же дѣлахъ обыкновенно ограничиваются примиреніемъ тяжущихся: „дѣла о раздѣлахъ и всякаго рода разбираются сначала сельскимъ-громадскимъ судомъ, такъ какъ громада лучше знаетъ семейное положеніе и пове-

1) „Труды комисіи“, т. IV, стр. 89; т. V, стр. 71.

2) Тамъ же, т. I, стр. 47.

3) Тамъ же, т. IV, стр. 2, 25 и др.

4) Тамъ же, т. I, стр. 284 (Бар. вол., Темников. уѣзда).

5) Тамъ же, т. I, стр. 47, 76, 84, 240; т. V, стр. 382.

6) Тамъ же, т. V, стр. 382.

7) Тамъ же, т. I, стр. 623, 665.

8) Тамъ же, т. V, стр. 1.

деніе каждаго на селѣ“¹⁾), „крестьяне во всѣхъ дѣлахъ обращаются сначала на сельскій сходъ, который „всячески миритъ“ спорщиковъ, а если не можетъ помирить, то обращаются къ волостному суду“—²⁾). Такимъ образомъ, сельскій сходъ является какъ-бы неофициальною первою инстанціей народнаго суда. 5) Третейскіе суды хотя и встрѣчаются, но не въ большомъ употребленіи³⁾), въ большинствѣ же волостей третейскіе суды вовсе не существуютъ⁴⁾). Таковы виды чисто обычнаго суда.

Положеніе 19 февраля 1861 г. съ освобожденіемъ крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія даровало имъ особый волостной крестьянскій судъ, который состоитъ изъ нѣсколькихъ судей, избираемыхъ волостнымъ сходомъ на опредѣленный срокъ, и волостнаго писаря. Съ изданіемъ судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года учреждены были общія судебныя мѣста, но уничтожить волостной судъ нашли невозможнымъ, такъ какъ законодателю совершенно неизвѣстны тѣ обычно-правовыя начала народа, которыми руководствуется волостной судъ при рѣшеніи дѣлъ. Но явился вопросъ, насколько удобно и желательно для самаго народа, чтобы дѣло правосудія находилось въ рукахъ лицъ неграмотныхъ, находящихся подъ руководствомъ волостнаго писаря? Съ этою цѣлю и была учреждена при министерствѣ юстиціи особая комисія. Изъ данныхъ, собранныхъ ею, оказывается, что народъ дорожитъ своимъ волостнымъ судомъ и отказаться отъ него не желаетъ, причемъ крестьянами были высказаны довольно вѣскія основанія. Изъ всѣхъ отвѣтовъ крестьянъ можно вывести, что народъ дорожитъ своимъ судомъ, потому что: 1) Это судъ „ближній“, а ближніе лучше могутъ вникнуть въ потребности и интересы сторонъ⁵⁾. 2) Что это судъ „недалекій“, по большей части въ той-же деревнѣ, гдѣ живутъ стороны, а мировые судьи, обыкновенно, далеко; „по мелкимъ дѣламъ и суда бы не было у мирового, такъ какъ дорога и далеко—можно разориться, а потому и не пошелъ бы“,

¹⁾ „Труды комисіи“, т. IV, стр. 237, 243.

²⁾ Тамъ же, т. VI, стр. 256.

³⁾ Тамъ же, т. I, стр. 504, 560; т. II, стр. 47, 204, 218, 227; т. III, стр. 219, 243, 386; т. IV, стр. 339; т. V, стр. 92, 139, 220, 532; т. VI, стр. 266.

⁴⁾ Тамъ же, т. I, стр. 313, 326, 340, 344 и др.; т. II, стр. 24, 28, 42, 51; т. III, стр. 1, 12, 30, 66, 90 и др.; т. IV, стр. 2, 265, 314, 323, 407 и др.; т. V, стр. 9, 43, 46, 66, 100, 106 и др.; т. VI, стр. 19, 35, 41, 44, 46, 75, 96, 112, 204, 300 и др.

⁵⁾ Тамъ же, т. I, стр. 294, 417; т. II, стр. 24, 38, 60; т. III, стр. 455; т. IV, стр. 89; т. VI, стр. 712.

—говорять крестьяне¹⁾. 3) Что „крестьянский судъ недорогой“, потому что онъ, вслѣдствіе близости его къ сторонамъ, не требуетъ много времени, а также и потому, что не нужно адвокатовъ нанимать: каждый самъ непосредственно можетъ отстаивать свои интересы²⁾. 4) Волостной судъ соображается съ потребностями крестьянъ, обращаетъ вниманіе на состоятельность и возможность уплачивать подати, такъ что при наложеніи штрафовъ старается не разорить крестьянина окончательно, а дать ему возможность справиться съ необходимыми нуждами³⁾. 5) Свой крестьянский судъ можетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ оцѣнить каждаго по достоинству, такъ какъ волостной судъ хорошо знаетъ каждаго крестьянина, — „кого и когда надо пугать, а кого и помиловать“⁴⁾; напр., по спорамъ о раздѣлѣ „трудолюбивому и трезвому больше присудятъ, чѣмъ озорнику и пьяницѣ“⁵⁾. 6) Свой судъ лучше мирового, такъ какъ „судъ мировой—судъ барскій, онъ нашихъ обычаевъ не знаетъ, а потому мужикъ всегда лучше разберетъ мужицкое дѣло“⁶⁾. И дѣйствительно, мировой судъ является для крестьянъ чужимъ судомъ. Хотя 130 ст. уст. гражд. судопр. и дозволяетъ мировому судѣ при постановленіи рѣшенія, по смыслу одной или обѣихъ тяжущихся сторонъ, руководствоваться общеизвѣстными мѣстными обычаями, на самомъ же дѣлѣ мировые судьи руководствуются исключительно закономъ, а ст. 130 уст. гражд. судопр., благодаря общему бюрократическому недовѣрію къ обычному праву, превратилась на практикѣ въ мертвую букву. Но намъ хорошо извѣстно, какое противорѣчіе существуетъ между условіями крестьянскаго быта и характеромъ officialнаго права, такъ что крестьяне иногда (напр. въ одной деревнѣ въ 1865 г.) силою сопротивляются исполненію

1) „Труды комисіи“, т. I, стр. 49, 213, 242, 276, 281, 294, 299, 334; т. II, стр. 24, 33, 60; т. III, стр. 130, 220, 455; т. IV, стр. 2, 25, 91; т. V, стр. 435; т. VI, стр. 75, 370, 492, 591, 712.

2) Тамъ же, т. I, стр. 213, 276, 299, 334; т. III, стр. 220, 455; т. IV, стр. 91; т. V, стр. 88; т. VI, стр. 492, 591.

3) Тамъ же, т. I, стр. 364, 387, 417; т. II, стр. 33, 38, 60; т. III, стр. 455; т. V, стр. 537, 538; т. VI, стр. 744.

4) Тамъ же, т. I, стр. 102, 321, 359, 384, 417; т. II, стр. 61, 65; т. III, стр. 6, 301, 357, 376, 441; т. IV, стр. 25, 89, 243; т. VI, стр. 44, 48, 384, 753.

5) Тамъ же, т. VI, стр. 384.

6) Тамъ же, т. I, стр. 4 („дворянскому суду ничего и не подвѣать съ нами“), 12, 59, 254, 281, 291, 334; т. II, стр. 24, 33, 38, 60; т. III, стр. 201, 211, 412, 455; т. IV, стр. 281; т. V, стр. 435; т. VI, стр. 752.

рѣшенія общаго суда о наслѣдствѣ, какъ противорѣчащаго ихъ понятіямъ о правѣ и справедливости ¹⁾. 7) Волостной судъ проще мирового: каждый можетъ отвѣчать самъ за себя, а „аблокатовъ не надо“, „въ волостномъ судѣ самъ на самъ, а въ мировомъ судѣ допускаются брехунцы, которые виноватаго съумѣютъ сдѣлать правымъ“, — говорятъ крестьяне ²⁾. Изъ всѣхъ этихъ отвѣтовъ видно, что крестьяне довольны своимъ судомъ и уничтоженія его не желаютъ, хотя въ то же время крестьяне находили многіе недостатки въ устройствѣ волостнаго суда, а потому представляли проекты его улучшенія и устраненія тѣхъ неудобствъ, которые замѣчаются въ немъ въ настоящее время. Такъ: во 1-хъ, крестьяне говорили, что судьи, вслѣдствіе короткаго срока службы, не могутъ привыкнуть къ дѣлу, а потому предлагали этотъ срокъ вмѣсто года увеличить до трехъ лѣтъ ³⁾. Во 2-хъ, крестьяне выразили желаніе, чтобы кто-нибудь могъ провѣрять рѣшенія волостныхъ судовъ, а для этого предлагали подчинить ихъ мировымъ судьямъ или сѣздамъ мировыхъ судей, но въ какой формѣ, т. е. установить-ли апелляціонный порядокъ обжалованія или касационный, крестьяне отвѣчали различно; впрочемъ, въ большинствѣ волостей, крестьяне высказали желаніе, чтобы мировые судьи сами рѣшали такія дѣла по существу, такъ какъ отъ касационнаго порядка обжалованія одно только замедленіе, да воловита ⁴⁾. Къ такого рода рѣшенію крестьяне приходятъ, благодаря тому, что существующій порядокъ обжалованія имъ вовсе не понятенъ и ставитъ ихъ иногда въ самое безвыходное положеніе: обращая свое главное вниманіе на матеріальную истину, они до крайности бываютъ удивлены, что вдругъ отмѣняется ихъ справедливое рѣшеніе, благодаря только несоблюденію какихъ-то формъ и обрядовъ въ производствѣ. Но подчиненіе волостныхъ судовъ мировымъ судьямъ въ порядкѣ апелляціонномъ несомнѣнно съ основнымъ характеромъ крестьянскаго суда, какъ суда близкаго, простаго и дешеваго, въ тому же существующіе мѣстные обычаи хорошо извѣстны толь-

1) Якушкинъ, „Юридическій Вѣстникъ“, 1872 г., кн. 2—3 „Соврем. Обзоръ“, стр. 12.

2) „Труды комисіи“, т. I, стр. 334; т. II, стр. 24, 33; т. III, стр. 130, 220, 455; т. IV, стр. 20, 120; т. V, стр. 25, 492.

3) Тамъ же, т. I, стр. 202, 210, 222, 233, 254, 423; т. II, стр. 23, 25, 60; т. III, стр. 201; т. IV, стр. 12, 119, 235, 250; т. V, стр. 381; т. VI, стр. 17, 34.

4) Тамъ же, т. I, стр. 59, 540, 726; т. II, стр. 3, 29, 33, 38, 61, 92, 553; т. III, стр. 201, 211, 232; т. IV, стр. 25, 119; т. V, стр. 68, 73, 102, 108; т. VI, стр. 142, 419.

ко самимъ крестьянамъ-односельцамъ тяжущихся. На основаніи этого крестьяне нѣкоторыхъ волостей предлагали устроить апелляціонный судъ на мѣстѣ изъ выборныхъ отъ крестьянъ подъ предсѣдательствомъ мирового судьи¹⁾; въ другихъ же мѣстахъ этотъ планъ крестьяне считали неудобнымъ на томъ основаніи, что „мировой судья—человѣкъ ученый, слѣдовательно крестьяне будутъ сидѣть только для видимости“²⁾. Въ 3-хъ, общественная должность судьи отрываетъ крестьянъ отъ ихъ обыкновенныхъ занятій, поэтому порядочные люди, имѣющіе собственное хозяйство, отказываются отъ выбора въ судьи, въ которые попадаютъ больше люди бѣдные, неимѣющіе ни собственного хозяйства, ни земли; но для того, чтобы привлечь лучшихъ людей къ отправленію судейскихъ обязанностей, крестьяне предлагали назначить судьямъ жалованье въ размѣрѣ до 50 р. въ годъ или менѣе³⁾. И дѣйствительно, просматривая труды Комисіи, мы находимъ, что нѣкоторыя волости уже назначили жалованье судьямъ собственною властью, причемъ размѣръ жалованья весьма различенъ, такъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ отъ 5—75 р. въ годъ⁴⁾, въ другихъ—по 8 р. въ мѣсяць⁵⁾, или по 30 к. за каждое засѣданіе⁶⁾, а въ иныхъ мѣстахъ судьи въ концѣ года дѣлятъ поровну сумму, получаемую изъ взиманія съ виновнаго штрафныхъ денегъ по 50 в. по каждому дѣлу⁷⁾. Кроме того, въ нѣкоторыхъ волостяхъ, хотя судьи и не получаютъ жалованья, но освобождаются отъ мірскихъ натуральныхъ повинностей⁸⁾. Въ 4-хъ, для того, чтобы легче платить жалованье судьямъ, крестьяне нѣкоторыхъ волостей предлагали выбирать судей на нѣсколько волостей⁹⁾. Но такое подчиненіе нѣ-

¹⁾ „Труды комисіи“, т. II, стр. 553; т. IV, стр. 28, 388; т. V, стр. 435, 462.

²⁾ Тамъ же, т. VI, стр. 162.

³⁾ Тамъ же, т. I, стр. 202, 213, 222, 423, 539, 812 („безъ жалованья не найти настоящаго человѣка“); т. II, стр. 1, 24, 25, 29, 33, 60; т. IV, стр. 12, 235, 250; т. V, стр. 24, 106, 381, 507; т. VI, стр. 17, 34, 455.

⁴⁾ Тамъ же, т. I, стр. 159, 184, 210; т. II, стр. 91, 122; т. III, стр. 12; т. VI, стр. 256, 516, 673.

⁵⁾ Тамъ же, т. I, стр. 123 (Нестеровская волость, Елагинскаго уѣзда, Тамб. губ.).

⁶⁾ Тамъ же, т. I, стр. 141; т. VI, стр. 675.

⁷⁾ Тамъ же, т. VI, стр. 669, 672.

⁸⁾ Тамъ же, т. I, стр. 84, 133, 173, 233, 539; т. II, стр. 27, 30, 552; т. III, 217; т. IV, стр. 88, 161, 242; т. V, стр. 36, 43, 46, 51, 106, 511; т. VI, стр. 28, 406.

⁹⁾ Тамъ же, т. II, стр. 25, 29, 33, 60; т. IV, стр. 242; т. V, стр. 43, 46, 106, 435; т. VI, стр. 19, 347.

сколькихъ волостей одному волостному суду противорѣчить достоинству мѣстнаго крестьянскаго суда, именно его близости, скорости и доступности. Неудобство это было признано и крестьянами: „тогда, можетъ, уже не свой своего будетъ судить, какъ нынѣ“, — говорятъ крестьяне, — „а чужой волости люди“¹⁾). Въ 5-хъ, крестьяне указывали на неудобство открытой подачи голосовъ при выборѣ судей, потому что при такомъ порядкѣ иногда въ судьи попадають такія личности, которые вовсе не желательны и которыхъ легко избѣжать при закрытой баллотировкѣ шарами, „невъязь“²⁾), а „при существующемъ порядкѣ чья глотка громче, тотъ и правъ, тотъ и выборами руководить“³⁾). Въ нѣкоторыхъ волостяхъ уже и въ настоящее время судьи выбираются закрытою баллотировкой, какъ и старшины⁴⁾). Въ 6-хъ, предлагали, чтобы для порядка въ судѣ выбирать председателемъ того, который посмысленнѣе, но только не старшину, такъ какъ „тогда и суда не будетъ: у него дѣло совсѣмъ особое — мѣшать нельзя“⁵⁾). Въ 7-хъ, вслѣдствіе того, что судьи часто ошибаются, а „это потому, что они люди-же, и притомъ еще люди темные, неученные“, — крестьяне высказали желаніе, чтобы кто-нибудь присматривалъ за рѣшеніями волостныхъ судей для предупрежденія пристрастія и взятокъ, „а то сприхотничать могутъ“, — говорятъ крестьяне⁶⁾); хотя вообще они судьями своими довольны: „судей у насъ виномъ не поятъ и судьи наши народъ справедливый“⁷⁾). Правда, бываетъ, что судьи запиваютъ горилкой мировья, но не въ видѣ могоарычей, не ради подкупа, а на радостяхъ со стороны помирившихся⁸⁾). Въ 8-хъ, главный недостатокъ, конечно, заключается въ безграмотности волостныхъ судей, такъ, напр., есть такія волости, въ которыхъ изъ 12 судей нѣтъ ни одного грамотнаго⁹⁾). Нечего и говорить,

¹⁾ „Труды комисіи“, т. V, стр. 51 (Гребенская волость, Васильк. уѣзда, Киевской губ.).

²⁾ Тамъ же, т. I, стр. 210, 540, 612, 726; т. II, стр. 1, 27, 60, 91, 553; т. IV, стр. 7, 28, 388; т. V, стр. 462; т. VI, стр. 347, 408, 418, 455, 581.

³⁾ Тамъ же, т. VI, стр. 347.

⁴⁾ Тамъ же, т. IV, стр. 12, 117, 235, 250; т. V, стр. 381.

⁵⁾ Тамъ же, т. I, стр. 540, 612, 726; т. II, стр. 553; т. IV, стр. 12, 28, 388; т. V, стр. 435, 462; т. VI, стр. 75, 142, 347, 455.

⁶⁾ Тамъ же, т. I, стр. 254, 435; т. V, стр. 53, 279.

⁷⁾ Тамъ же, т. VI, стр. 705 (Кадниковскаго уѣзда, Вологодской губ.).

⁸⁾ Тамъ же, т. V, стр. 52 (Гребенская вол., Васильк. уѣзда, Киевск. губ.), 68, 73, 108, 435.

⁹⁾ Тамъ же, т. I, стр. 1, 11, 13, 20, 116, 123, 129; т. VI, стр. 17, 45, 47, 362, 406.

насколько это пагубно отражается на правосудіи: волостной писарь, какъ единственный грамотный человѣкъ между ними, легко можетъ злоупотребить своимъ вліяніемъ, на немъ обыкновенно лежитъ обязанность читать законы, но „что читаетъ писарь—Богъ его знаетъ“, такъ какъ провѣрить его некому. Хорошо, если писарь попадетъ хорошій человѣкъ, но приискать хорошаго писаря очень трудно, такъ какъ должность эта въ настоящее время находится въ пренебреженіи и „загонѣ“. Конечно, вліяніе писаря тѣмъ слабѣе, чѣмъ болѣе распространена грамотность между волостными судьями, потому что грамотный судья уже не можетъ служить слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ волостнаго писаря. Поэтому - то крестьяне и выразили желаніе, чтобы въ судьи выбирать только грамотныхъ¹⁾: „все дѣло въ грамотѣ“, — говорятъ крестьяне, — „еслибъ грамотныхъ больше было, такъ и судъ былъ бы лучше“²⁾. И дѣйствительно, крестьяне стараются выбирать въ судьи по преимуществу грамотныхъ, такъ что въ „Трудахъ комисіи“ мы встрѣчаемъ такія волости, въ которыхъ всѣ судьи были грамотные³⁾. Вообще же общество старается выбирать въ судьи людей тольковыхъ, „знающихъ дѣло и умѣющихъ разбирать, а людей негодныхъ въ судьи не берутъ“⁴⁾. Значитъ, весь успѣхъ дѣла зависитъ отъ умноженія народныхъ школъ и отъ большаго распространенія просвѣщенія. Конечно, въ настоящее время можно надѣяться, что, благодаря дѣятельности нашего земства на пользу народного образованія, мы не встрѣтимъ волостей съ 2,000 душъ населенія и не имѣющихъ ни одной общественной школы, между тѣмъ какъ въ „Трудахъ комисіи“ мы находимъ таковаго рода свѣдѣнія: „душъ въ волости 2,200; единственное училище, бывшее въ волости, въ настоящее время закрыто, по неимѣнію средствъ къ его содержанию; мусульмане обучаются муллою, а христіане нанимаютъ отставныхъ солдатъ; изъ 7 волостныхъ судей ни одного грамотнаго“⁵⁾; или „душъ въ волости 2,442, школы ни одной“⁶⁾ и т. п.

1) „Труды комисіи“, т. I, стр. 213, 233; т. IV, стр. 120, 258; т. V, стр. 381, 507.

2) Тамъ же, т. IV, стр. 488.

3) Тамъ же, т. II, стр. 30 (Сергѣевская вол., Шуйск. уѣзда, Владимірск. губ.), 91 (Зюзицкая вол., Московскаго уѣзда); т. III, стр. 12 (Плещевская вол., Ярославскаго уѣзда).

4) Тамъ же, т. I, стр. 13; т. IV, стр. 521; т. VI, стр. 17, 665.

5) Тамъ же, т. VI, стр. 309 (Кувайкинская волость, Бугульминскаго уѣзда, Самарской губ.).

6) Тамъ же, т. VI, стр. 576 (Камышинская волость, Петровскаго уѣзда, Саратовской губ.).

Разумѣется, при такомъ ничтожномъ распространеніи образованія среди народа, трудно находить грамотныхъ волостныхъ судей. Такъ, благодаря недостатку народныхъ школъ, во всѣхъ осмотрѣнныхъ комисіею волостяхъ Петровскаго, Сердобскаго и Кузнецкаго уѣздовъ Саратовской губерніи не оказалось ни одного грамотнаго судьи. Въ 9-хъ, волостной старшина, какъ мѣстный администраторъ, по закону устранивается отъ всякаго вліянія, какъ на избраніе волостныхъ судей, такъ и на ихъ дѣйствія, на самомъ же дѣлѣ мы видимъ, что старшина иногда принимаетъ участіе въ разрѣшеніи дѣлъ на волостномъ судѣ; такъ крестьяне многихъ волостей говорили, что судьи относительно дѣла иногда совѣтуются съ волостнымъ старшиной, который такимъ образомъ помогаетъ имъ въ разрѣшеніи дѣлъ¹⁾. Это вліяніе волостнаго старшины иногда такъ сильно, что онъ заставляетъ судей перерѣшать дѣла, „если считаетъ поставленный ими приговоръ недобрымъ, напр., усилить наказаніе, если увидитъ, что послабляется худому человеку“²⁾. Конечно, и здѣсь вліяніе старшины поддерживается, благодаря крайне малому распространенію въ народѣ образованія и отсутствію ясныхъ правилъ и предписаній закона, а кромѣ того этому не мало способствуетъ и слабый надзоръ лицъ, наблюдающихъ за этими учрежденіями. Наконецъ, въ 10-хъ, крестьяне высказали желаніе, чтобы для руководства судьямъ были составлены какія нибудь правила³⁾. Въ самомъ дѣлѣ несамостоятельность волостныхъ судей при разрѣшеніи дѣлъ и вліяніе волостнаго писаря происходятъ также отъ разбросанности и неясности узаконеній, обязательныхъ для волостнаго суда, такъ что изданіе особаго устава для руководства волостныхъ судей является дѣломъ первой необходимости, иначе они никогда не выйдутъ изъ-подъ опеки волостнаго писаря.

Не смотря на всѣ представленныя недостатки въ организаціи волостнаго суда, дѣло правосудія относительно крестьянъ обезпечивается болѣе, чѣмъ еслибъ дѣла этого рода, вмѣсто волостнаго суда, были переданы суду бюрократическому, государственному. Но съ совершеніемъ необходимыхъ реформъ и съ

1) „Труды комисіи“, т. I, стр. 133, 202, 211 („останавливаетъ судей, если увидитъ незаконное“), 222, 814, 818, (Рязанской губ.: старшина заставляетъ писаря написать рѣшеніе и прочитаетъ вслухъ, а затѣмъ судьямъ велитъ приложить печати); т. IV, стр. 2, 569; т. V, стр. 51; т. VI, стр. 29, 256.

2) Тамъ же, т. V, стр. 51, (Гребенская вол., Василья. уѣзда, Киевск. губ.).

3) Тамъ же, т. II, стр. 112; т. IV, стр. 120, 523; т. VI, стр. 492.

большимъ распространеніемъ народнаго образованія и эти недостатки въ организаціи волостнаго суда могутъ быть легко устранены, такъ что волостной судъ явится важнымъ органомъ въ развитіи русскаго народнаго права. Я останавливался такъ долго на достоинствахъ и недостаткахъ волостнаго суда еще и потому, что при дальнѣйшемъ изслѣдованіи мнѣ часто придется обращаться къ рѣшеніямъ волостнаго суда, а потому я думаю, небезынтересно знать, насколько эти рѣшенія заслуживаютъ довѣрія и насколько въ нихъ дѣйствительно воплощается народная правда и справедливость.

II.

Правильная организація семейнаго очага является необходимымъ условіемъ дѣйствительнаго благосостоянія государства; лучшимъ признакомъ цивилизаціи можетъ служить высокое положеніе женщины въ семьѣ: у народовъ, стоящихъ на низкой ступени общественнаго развитія, женщина въ семьѣ занимаетъ послѣднее мѣсто, хотя впрочемъ и другіе члены не пользуются особенною самостоятельностью, — во всемъ и на всѣхъ проявляется деспотизмъ домовладыки, личное человѣческое достоинство, свобода личности и все тѣсно съ ними связанное — нагло попираются этимъ дикимъ самодурствомъ. Но чѣмъ дальше движется народъ по пути прогресса, тѣмъ все болѣе и болѣе смягчается эта дикая власть, пова, наконецъ, взаимныя отношенія членовъ семьи не будутъ построены на взаимной любви и признаніи за важнымъ членомъ личной свободы и человѣческаго достоинства.

Если мы обратимся къ нашему семейному праву, то увидимъ, что оно, къ крайнему удивленію, еще и до сихъ поръ проникнуто старинными патриархальными домостроевскими воззрѣніями, еще и до сихъ поръ неограниченная власть родителя тяжелымъ гнетомъ ложится на дѣтей обоюдого пола, но больше отъ этого конечно страдаетъ женщина, имѣющая по своему общественному положенію менѣе средствъ противоудѣйствовать капризамъ какаго-нибудь Кить-Китыча, проявленіямъ котораго содѣйствуетъ и само законодательство: область семейнаго быта и до сихъ поръ свободна отъ вмѣшательства закона и суда. Но въ послѣднее время необходимость заставляетъ все болѣе и болѣе отступать отъ этого домостроевскаго принципа невмѣшательства. Здѣсь я сдѣлаю краткій очеркъ измѣненій положенія женщины въ русской исторіи, для того, чтобы пока-

зять, что эти домостроевскія воззрѣнія соотвѣтствовали лишь взглядамъ общества въ московскій періодъ русской исторіи и никакъ не могутъ быть терпимы въ настоящее время.

Въ языческія времена славянскія женщины пользовались болѣею свободою, чѣмъ впослѣдствіи; самый образъ жизни ихъ немногимъ отличался отъ образа жизни мужчинъ: онѣ ходили на войну, занимались охотою и пр.¹⁾ Въ русскиѣ былинахъ встрѣчаются величественные образы героинь и воевательницъ, неуступающихъ мужчинѣ въ физической силѣ²⁾. Это было въ особенности важно, такъ какъ тогда физическая сила служила идеаломъ общественныхъ стремленій. По свидѣтельству Козьмы Пражскаго, женщины ходили на амазонокъ, присутствовали на празднествахъ, играхъ и т. п.³⁾ Особенно сочувственно народная поэзія относилась къ славянской дѣвушкѣ, дѣвственности которой приписывали могущество и силу врачеванія⁴⁾. Женщина могла стать и во главѣ управленія, такъ мы встрѣчаемъ у чеховъ — Любушу, въ Польшѣ — Ванду, а у русскихъ — Ольгу. Но ошибочно было-бы рѣшить, что женщина пользовалась одинаковыми правами съ мужчиной: при господствѣ грубой физической силы, женщина, какъ существо въ большей части случаевъ болѣе слабое, естественно подпадала подъ власть мужа или отца, причемъ періодъ беременности, рожденія и кормленія ребенка грудью—все это способствовало постепенному порабощенію женщины. Но вообще положеніе славянской женщины много зависѣло отъ того, какое мѣсто она занимала въ семьѣ, такъ что положеніе женщины древняго времени исполнено противорѣчій: съ одной стороны, она занимаетъ сравнительно высокое положеніе, будучи матерью; съ другой стороны, при господствѣ патриархальнаго быта, отецъ семейства имѣлъ неограниченную власть надъ дѣтьми, въ особенности женскаго пола. Назначеніе женщины въ патриархальномъ обществѣ въ томъ главномъ образомъ и заключается, чтобы быть матерью, содѣйствовать продолженію рода, поэтому вполне неприютно было положеніе женщины-вдовы, неимѣющей дѣтей! Она, по смерти мужа, считалась сиротою и, по уставу князя Владиміра „о церковныхъ судѣхъ“, вмѣстѣ съ другими сиротами отдавалась

¹⁾ Шашковъ, «Очеркъ исторіи русской женщины», стр. 17.

²⁾ Аристовъ, «Судьба русской женщины въ до-петровское время» («Заря», 1871 г., № 3, стр. 173).

³⁾ Шульгинъ, «Состояніе женщины въ Россіи до Петра», стр. 56, 57.

⁴⁾ Аристовъ, «Судьба русской женщины въ до-петровское время», («Заря», 1871 г., № 3, стр. 172, 175).

подъ покровительство церкви, подъ названіемъ „убогихъ церковныхъ людей“.

Есть еще одна сторона языческаго быта, служащая въ униженію женщины,—это многоженство, при существованіи котораго женщина не можетъ занять виднаго мѣста.

Со времени введенія христіанства на Руси, духовенство взяло женщину подъ свою защиту; оно не могло примириться съ тѣмъ взглядомъ на бракъ, какой существовалъ у языческихъ славянъ. Но христіанству долго пришлось бороться съ языческими воззрѣніями прежде, чѣмъ удалось ему выжить послѣднія; борьба эта проходитъ чрезъ всю исторію русской жизни, еще и теперь не изгладилась совершенно слѣды язычества—народные пѣсни и обряды являются живыми памятниками ихъ многовѣковаго существованія—и пройдетъ, можетъ быть, еще много времени прежде, чѣмъ мы увѣренно можемъ сказать, что и послѣдніе слѣды язычества канули въ вѣчность. Но положеніе женщины, подъ влияніемъ Византіи, хотя и значительно измѣнилось, но, не смотря на благодѣтельныя начала, внесенныя въ семейную жизнь христіанскою церковью, въ сущности ухудшилось: мало-по-малу въ русскую жизнь начинаетъ проникать восточный аскетизмъ и мрачнѣйшій взглядъ на жизнь, развивается убѣжденіе, что въ мірѣ спастись невозможно, появляется множество сочиненій, наполненныхъ все тѣми же мрачными мыслями; на женщину стали смотрѣть, какъ на соблазнъ, на что-то нечистое, даже красота женщины считалась порожденіемъ зла. Единственное средство спасенія отъ этихъ „бѣсовскихъ прелестей“, рекомендуемое книжниками,—бѣжать какъ можно дальше, чтобы не видѣть этого злаго естества въ образѣ женщины: „бѣжи отъ красоты женскія невозвратно, яко Ной отъ потопа, яко Лотъ отъ Содома и Гомора“...¹⁾ Для большаго запугиванія, книжники придумывали страшныя видѣнія мукъ грѣшницы во адѣ²⁾. Женщины стали удаляться въ монастыри, стало развиваться скитанье по монастырямъ, цѣлыя толпы богомолковъ искрещивали Россію изъ края въ край, и наконецъ результатамъ такого воззрѣнія на женщину явилась теремная система, достигшая въ послѣдствіи самыхъ уродливыхъ размѣровъ. Женщина содержалась взаперти, ни одна мужская душа не прони-

¹⁾ Забѣлинъ, «Женщина по понятіямъ старинныхъ книжниковъ» («Русскій Вѣстникъ», 1857 г., № 9, стр. 23).

²⁾ Щаповъ, «Положеніе женщины по до-петровскому воззрѣнію», («Дѣло», 1873 г., № 4, стр. 187).

кала въ эти священные чертоги, обрекающіе женщину на умственный застой:— „видѣна дѣвка—мѣдяна, а не видѣна—золотая“, таково было воззрѣніе на женщину. По свидѣтельству иностранцевъ (Герберштейна), ни одна женщина не почиталась честною, если не жила дома взаперти ¹⁾. Такое положеніе женщины не могло не разразиться протестомъ съ ея стороны: вѣдь пока живъ человѣкъ, въ немъ нельзя уничтожить стремленія жить; но какой же можетъ быть протестъ со стороны человѣка, лишеннаго самыхъ священныхъ его правъ?! Чѣмъ болѣе подвѣляется это стремленіе къ жизни, тѣмъ уродливѣе бываютъ его проявленія. Отвѣтомъ на всю предыдущую жизнь явилась распущенность нравовъ, всеобщій развратъ, дикій разгулъ чувственной природы, долго дремавшей подъ убаюкиваніемъ старца-бнижника „о зломъ естествѣ жены“, — по крайней мѣрѣ хотъ въ этой дикой формѣ могла высказаться свобода чувствъ! Въ XVII вѣкѣ возникаютъ секты, которыя считаютъ развратъ „любовію христовою“ ²⁾. Какова же была предыдущая жизнь, когда она могла вызвать столь дикія картины разврата!.. Вотъ среди такого-то общества и появился „Домострой“ попа Сильвестра. Нечего говорить, какъ онъ пришелся по вкусу и на сколько онъ соотвѣтствовалъ взглядамъ того общества! Поэтому то и кажется страннымъ—встрѣтить эти же самыя домостроевскія воззрѣнія въ современномъ намъ семейномъ правѣ. Это значитъ, что общество наше, въ продолженіи всего промежутка времени между появленіемъ „Домостроя“ и настоящимъ временемъ, обречено было на внутренній застой и ни сколько не подвинулось въ развитіи семейныхъ идеаловъ, а между тѣмъ еще XVIII столѣтіе выдвинуло на сцену начало личности, начало личнаго достоинства, освобожденное изъ-подъ тяготившихъ надъ ними историческихъ условій быта. Такимъ образомъ, домостроевскія патріархальныя воззрѣнія являются анахронизмомъ среди современнаго намъ общества, точно такимъ-же, какъ и начало кровной родственной связи въ области нашего законнаго порядка наслѣдованія.

Такъ какъ грамотность среди нашихъ вѣрстанъ еще и теперь находится на низкой степени развитія, то, конечно, въ древнее время, по всему вѣроятію, вовсе не возбуждался вопросъ объ образованіи народа, поэтому-то и теоріи византійскихъ книжниковъ не могли имѣть среди простаго народа такого успѣха, какъ

1) Забылинъ, «Русскій Вѣстникъ», 1857 г., № 9, стр. 27.

2) Шашковъ, „Очеркъ исторіи русскої женщины“, стр. 143.

въ высшихъ классахъ, такъ-что и теремная система была развита почти исключительно среди тѣхъ-же высшихъ классовъ. Къ этому нужно прибавить, что семейная жизнь простаго народа, какъ не имѣющая непосредственнаго отношенія къ полицейско-финансовой дѣятельности государства, оставалась въ сторонѣ отъ законодательныхъ постановленій. Такимъ образомъ, семейная жизнь крестьянъ, предоставленная своему внутреннему развитію, сложилась только подъ вліяніемъ историческихъ условій быта, и слѣдовательно явилась результатомъ какъ экономическихъ условій, такъ и условій умственнаго и нравственнаго развитія народа.

Крестьянская семья, можно сказать, является не столько кровнымъ родственнымъ союзомъ, сколько союзомъ хозяйственнымъ, построеннымъ изъ экономическихъ началъ — общаго труда и вытекающаго изъ него начала общей собственности всего, что приобретено общимъ трудомъ. Слѣдовательно, всѣ члены этой семейной ассоціаціи являются равноправными пайщиками въ приобретенномъ общимъ трудомъ семейномъ имуществѣ; только необходимость управленія этимъ имуществомъ вызываетъ назначеніе одного изъ членовъ старшимъ или „хозяйномъ“, причемъ хозяйномъ не всегда бываетъ старшій по лѣтамъ, а иногда даже младшій, но болѣе способный къ управленію имуществомъ; но, разумѣется, болѣею частью хозяйномъ бываетъ отецъ или дѣдъ. Точно также одна изъ женщинъ назначается главною для управленія женскимъ хозяйствомъ: она называется старшею или хозяйкою, которою обыкновенно бываетъ свекровь, а послѣ ея смерти старшая изъ невестокъ. Все имущество семьи является общимъ достояніемъ всѣхъ членовъ, хотя иногда не запрещается членамъ приобретать и отдѣльное имущество. Это бываетъ особенно тамъ, гдѣ семьи состоятъ изъ нѣсколькихъ братьевъ, живущихъ съ племянниками, и гдѣ особенно развиты отхожіе промыслы или кустарная промышленность, такъ что свободное отъ общихъ семейныхъ работъ время крестьяне могутъ употреблять на выдѣлку ведеръ, ложекъ и т. п. произведеній, а женщины — на выдѣлку льна, пеньки и т. п.; деньги, получаемыя за эти произведенія, уже составляютъ отдѣльную собственность членовъ семьи, которая носитъ названіе „захребетной суммы“¹⁾, „или собини“ (въ Вѣлоруссіи)²⁾.

Въ Екатеринбургской губерніи отдѣльная собственность

1) „Народные юридическіе обычаи“, („Дѣло“, 1870 г., № 8, стр. 33).

2) Муллоуъ „Вѣстъ“, 1862 г., № 15 и 16, стр. 200, 201.

членовъ семьи иногда состоитъ даже изъ лошадей, воловъ и т. п., а также и изъ всего, что сынъ приобретаетъ на собственные заработанныя имъ деньги, хотя бы онъ жилъ въ одномъ домѣ съ отцемъ ¹⁾. Одежда каждаго члена составляетъ, конечно, отдѣльную его собственность. Но особеннымъ правомъ имѣть отдѣльное имущество пользуется женщина, вслѣдствіе того, что въ большинствѣ случаевъ она не считается дольщицею семейнаго имущества, а является самостоятельною имущественною единицею: за ней признается право имѣть свою „коробью“, а также получать въ свою пользу деньги за нѣкоторыя заработки, напр., за продажу грибовъ, ягодъ, яицъ и т. п., а также въ ея пользу поступаютъ остатки шерсти, льна и пеньки. Неприкосновенность женской коробки настолько уважается, что всегда охраняется міромъ: хозяинъ можетъ вскрыть коробью только въ случаѣ явнаго подозрѣнія въ кражѣ какого-нибудь семейнаго имущества ²⁾. Это преимущественное право женщины имѣть отдѣльную собственность объясняется еще и тѣмъ, что обязанность надѣлять своихъ дочерей приданымъ почти исключительно лежитъ на одной матери.

Говоря объ организаціи крестьянской семьи, мы должны различать большія и малыя семьи: подъ большими разумѣются такія семьи, въ которыхъ живутъ нѣсколько семействъ, какъ напр., живутъ вмѣстѣ нѣсколько женатыхъ братьевъ или живетъ отецъ вмѣстѣ съ женатыми сыновьями. Но большія семьи въ настоящее время становятся все рѣже и рѣже, уступая мѣсто малымъ семьямъ. Въ этомъ отношеніи мы должны различать Великороссію и Малороссію: въ то время, какъ въ Великороссіи мы частенько можемъ встрѣчать большія семьи, въ Малороссіи большія семьи являются рѣдкостью. Въ Малороссіи, какъ только сынъ дѣлается совершеннолѣтнимъ и женится, онъ отдѣляется и обзаводится собственнымъ хозяйствомъ, а если и остается вмѣстѣ съ отцемъ, то живутъ „на двѣ припечки“, дѣля между собою продукты по окончаніи каждаго года ³⁾. Но и въ Малороссіи, какъ исключеніе, встрѣчаются такія семьи, гдѣ всѣ члены живутъ вмѣстѣ подъ управленіемъ дѣда, владѣя сообща имуще-

1) „Труды комисіи“, т. V, стр. 492, 517.

2) Матвѣевъ, „Очеркъ народнаго юрид. быта Самар. губ.“, стр. 18.

3) Чубинскій, „Очеркъ юрид. обичая Малороссіи“, („Записки Русскаго Импер. Геогр. Общ.“, 1869 г., т. II, стр. 692). Тарновскій, „Юрид. бытъ Малороссіи“ („Юридическія Записки“, т. II, стр. 35).

ствомъ и имѣя общія работы ¹⁾). Это различіе Малороссіи отъ Великороссіи объясняется ихъ различными историческими условіями. Я думаю, всѣмъ извѣстна кровавая, смертельная борьба Украйны за свою народность: въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ на юго-западѣ Россіи кипѣла бурная казацкая жизнь въ борьбѣ за самые священные интересы, которымъ грозила опасность со стороны польскаго народа, — между тѣмъ какъ великороссы въ это время предавались мирнымъ занятіямъ земледѣлія и промысловъ. Послѣ этого ясно, почему у малороссовъ мы замѣчаемъ большую дѣлимость семей и почему начало личности у нихъ получило большее примѣненіе, чѣмъ въ быту великорусскихъ крестьянъ.

Въ послѣднее время малая семья все болѣе и болѣе вытѣсняетъ большую семью; каждый экономическій кризисъ въ крестьянскомъ быту увеличиваетъ дробность семей, такъ, напримеръ, въ Самарской губерніи послѣ голода 1873 года число раздѣловъ значительно увеличилось ²⁾). Я здѣсь разсмотрю причины, побуждающія крестьянъ въ раздѣламъ, и обращу преимущественное вниманіе на тѣ изъ нихъ, которыя были указаны самими крестьянами на вопросы комисіи о причинахъ раздѣловъ. Во 1-хъ, главная причина дробленія крестьянскихъ семей, по ихъ словамъ, заключается въ семейныхъ несогласіяхъ; особенно женщины не могутъ уживаться въ большихъ семьяхъ — „и всякія ссоры и непріятности все больше отъ бабъ бываютъ“, — говорятъ крестьяне ³⁾). Дѣйствительно, этой причинѣ нельзя не признать важную при существующихъ обстоятельствахъ: въ самомъ дѣлѣ, въ большой семьѣ женщина является рабочею силою, на которую сваливаетъ семья тяжелыя работы; особенно незavidно въ большой семьѣ бываетъ положеніе невѣстки, у которой замѣчаются постоянныя „нелады“ со свекровью, такъ что даже у малороссовъ Волынской губерніи сложилась поговорка: „А кто воды принесетъ? невѣстка. А кого бьютъ? невѣстку. А за что бьютъ? За то, що невѣстка“ ⁴⁾). Таково положеніе женщины въ большой семьѣ, между тѣмъ какъ въ малой семьѣ женщина является товарищемъ мужа, самостоя-

¹⁾ „Этнографическій Сборникъ“, вып. III. „Бытъ Малорус. народа“, стр. 23, 35.

²⁾ Матвѣевъ, „Очеркъ народнаго юрид. быта Самарской губ.“ стр. 14.

³⁾ „Труды комисіи“, т. I, стр. 204, 212, 224, 234, 241, 253, 261, 275, 293; т. III, стр. 201, 211, 328; т. IV, стр. 90, 250, 257, 281, 464, 522; т. V, стр. 503; т. VI, стр. 3, 408, 492, 586, 619 и др.

⁴⁾ А. Еремѣнко, „Крестьянская женщина“, („Дѣло“, 1873 г., № 2, стр. 204).

тельнымъ работникомъ, безъ котораго страдаетъ общее хозяйство— „безъ хозяина—двѣрь, а безъ хозяйки хата плаче“, такъ что, при такомъ раздѣленіи труда, женщина должна пользоваться значительною самостоятельностью. Послѣ этого не мудро, почему раздѣловъ добиваются преимущественно женщины, особенно если къ этому прибавить вторую причину, а именно: во 2-хъ, въ старину было обыкновеніе малолѣтнихъ мальчиковъ женить на взрослыхъ дѣвушкахъ, что неблагопріятно отзывалось на нравственности крестьянъ; результатомъ такихъ раннихъ и неравныхъ браковъ развилось въ крестьянскомъ быту снохачество. Остатки его, хотя и очень рѣдко, существуютъ и по настоящее время; но эта возмутительная эксплуатація большака всегда преслѣдуется волостными судами, причемъ волостной судъ иногда, независимо отъ наказанія виновныхъ, признаетъ снохачество законнымъ основаніемъ къ раздѣлу¹⁾. Въ 3-хъ, семья иногда такъ разрастается, что, наконецъ, жить вмѣстѣ становится тѣсно, напримѣръ, когда вмѣстѣ съ отцомъ живутъ нѣсколько сыновей женатыхъ; въ этомъ случаѣ, мирнымъ образомъ, одинъ или два женатыхъ сына отдѣляются и обзаводятся собственнымъ хозяйствомъ²⁾. Въ 4-хъ, отецъ иногда дѣлается настолько старъ, что не можетъ лично вести хозяйство, поэтому онъ дѣлитъ своихъ сыновей и идетъ жить къ одному изъ нихъ, обыкновенно къ младшему³⁾. Въ 5-хъ, не всегда раздѣлы происходятъ такимъ мирнымъ образомъ, случается, что отецъ собственною властью отдѣляетъ котораго-либо изъ сыновей за его лѣность, непокорность или буйный нравъ; по большей части, въ этомъ случаѣ отдѣляется старшій женатый сынъ⁴⁾, причемъ награжденіе его имуществомъ зависитъ отъ воли отца; если же отецъ, въ этомъ случаѣ оказался бы несправедливымъ по отношенію къ сыну, то послѣдній всегда можетъ найти себѣ защиту въ волостномъ судѣ: народъ накажетъ сына за непочтеніе къ родителямъ, но никогда не дозволитъ лишить его доли въ общемъ семейномъ имуществѣ, а заставитъ отца выдѣлить эту долю, пропорціонально трудамъ сына на приобрѣтеніе семейнаго имущества. Въ 6-хъ, волостной судъ, при уважительныхъ обстоятельствахъ, допускаетъ выдѣлъ сына, даже помимо воли отца; такъ, напримѣръ, встрѣчается таковаго рода рѣшеніе волостнаго суда: отецъ въ глубокой ста-

¹⁾ „Труды комисіи“, т. III, стр. 394.

²⁾ Тамъ же, т. I, стр. 542; т. IV, стр. 90, 250, 257, 281; т. V, стр. 503; т. VI, стр. 408, 586, 619.

³⁾ Тамъ же, т. I, стр. 542; т. VI, стр. 408.

⁴⁾ Тамъ же, т. III, стр. 201; т. IV, стр. 29.

рости взявъ другую жену, которая имъ и заправляла, такъ что отецъ, не смѣтывая на то, что сынъ отъ перваго брака, много работалъ на семью, ничего не хотѣлъ выдѣлить ему, подѣл предлогахъ, будто бы сынъ не оказываетъ ему почтенія, въ подтвержденіе чего, впрочемъ, на судѣ никакихъ доказательствъ не представилъ, ссылаясь только на то, что онъ, „какъ родитель“, воденъ въ своихъ дѣтяхъ; однакоже, это дивное самодурство отца разбилось о народную правду, и волостной судъ, по просьбѣ сына, выдѣлилъ ему часть изъ общаго семейнаго имущества¹⁾. Въ 7-хъ, нельзя не признать самую важную причину раздѣловъ—это стремленіе каждаго къ самостоятельной жизни, такъ что нѣкоторыя выше указанныя причины являются часто только предлогомъ къ осуществленію давно желанной мысли—трудиться самостоятельно, обзаведясь своимъ собственнымъ домкомъ. И крестьяне, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на вопросы комисіи прямо высказывали, что раздѣлы часто происходятъ по желанію самихъ дѣтей жить собственнымъ хозяйствомъ²⁾. Смерть отца служить обыкновенно главнымъ предлогомъ къ обще-семейному раздѣлу. Не мало способствуютъ семейнымъ раздѣламъ и, такъ называемые, отхожіе промыслы; здѣсь каждый членъ семейства отдѣльно зашибаетъ копѣйку, у него и является желаніе не вносить отдѣльно заработанныхъ денегъ въ общую семейную кассу.

Какъ бы мы не смотрѣли на эти раздѣлы, т. е. увеличиваютъ ли они матеріальное благосостояніе семей, или уменьшаютъ, мы не должны ставить этихъ, чисто хозяйственныхъ, интересовъ на первый планъ; прежде всего необходимо, чтобы внутри семьи господствовали миръ и согласіе, а потому нравственные и правовыя отношенія членовъ семьи должны быть построены на взаимной любви и помощи, и чужды всякаго принужденія и семейнаго самодурства; гдѣ мы видимъ послѣднее, тамъ раздѣлы являются необходимымъ и лучшимъ средствомъ огражденія личности и имущества младшихъ членовъ семьи отъ явленій подоннаго рода. Поэтому страннымъ кажется мнѣ предложеніе министерства государственныхъ имуществъ объ ограниченіи свободы крестьянскихъ раздѣловъ въ виду обезпеченія, главнымъ образомъ, интересовъ казны по взысканію податей; предлагалось допускать раздѣлы не иначе, какъ съ согласія главы семей-

¹⁾ «Труды комисіи», т. I, стр. 651' (Тамбовская губернія).

²⁾ Тамъ же, т. I, стр. 212, 224, 234, 241, 275 и др. Digitized by Google

ства ¹⁾). Но какъ же поставить раздѣлъ въ зависимость отъ согласія главы семейства, когда въ нѣкоторыхъ случаяхъ раздѣлы являются единственнымъ средствомъ избавиться отъ возмутительной эксплуатаціи и самодурства этой главы? Это значить, ради фискальныхъ интересовъ пожертвовать самыми священными интересами человѣка, дозволивъ самодурамъ нагло топтать человѣческое достоинство и свободу личности! Поэтому, если и желательны для государства мѣры ограниченія крестьянскихъ раздѣловъ, то только въ смыслѣ огражденія интересовъ младшихъ членовъ, отъ самодурства старшихъ.

Семейство состоитъ, прежде всего, изъ союза мужа и жены, а затѣмъ союза родителей и дѣтей, поэтому я и рассмотрю сначала установленія брачнаго союза, и отношенія между супругами и между родителями и дѣтьми. Затѣмъ необходимость воспитанія и призрѣнія дѣтей по смерти родителей вызываетъ назначеніе опекуновъ и, наконецъ, по смерти отца семейное имущество, обыкновенно, дѣлится между членами, а потому необходимо будетъ остановиться и на характерѣ крестьянскаго наследственнаго права и крестьянскихъ раздѣловъ. Такимъ образомъ, дальнѣйшее мое изслѣдованіе будетъ состоять изъ 4-хъ частей: 1) брачный союзъ, 2) союзъ родителей и дѣтей, 3) учрежденіе опеки и 4) раздѣлъ и наследованіе по обычному праву.

Игорь Тютрюмовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О ВОЗСТАНОВЛЕНІИ ЦѢННОСТИ БУМАЖНЫХЪ ДЕНЕГЪ ВЪ СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ.

(Продолженіе).

Изложивъ, на основаніи официальныхъ данныхъ, экономическіе успѣхи, достигнутые сѣверо-американскими Соединенными Штатами послѣ окончанія междуусобной войны, при неразбѣнныхъ бумажныхъ деньгахъ и при сильномъ таможенномъ покровительствѣ, переходимъ къ изложенію ихъ финансовыхъ успѣховъ. Последніе могли быть лишь слѣдствіемъ первыхъ, такъ какъ безъ развитія производительныхъ силъ страны немислимы и финансовые успѣхи.

Сумма государственныхъ процентныхъ и безпроцентныхъ долговъ Соединенныхъ Штатовъ на 31 іюля 1865 года, за вычетомъ наличныхъ денегъ въ казначействѣ, составила 2,757,353,276 долларовъ, (около 3,700,000,000 руб.). По послѣднимъ свѣдѣніямъ, сумма долговъ, за вычетомъ кассовой наличности въ казначействѣ, составляла около 2,040 мил. долларовъ. Слѣдовательно, съ 1865 года погашено долговъ на 717 мил. дол. (960 мил. руб.). Подобнаго погашенія государственнаго долга въ столь короткій періодъ времени не представляетъ финансовая исторія ни одного государства.

По системѣ государственнаго кредита, процентовъ по государственнымъ долгамъ, въ финансовомъ году по 30 іюня 1867 года, было уплачено 143,781,591 дол.; а по бюджетной смѣтѣ на 1877-1878 годъ ихъ приходилось уплатить около 98 мил. долларовъ; что представляетъ уменьшеніе ежегоднаго платежа процентовъ на 46 мил. долларовъ (около 61 мил. руб.) или на одну треть въ теченіи 11 лѣтъ. — Сокращеніе этого

расхода было достигнуто отчасти уплатою наличной суммы долга, но преимущественно уменьшением размѣра процентов по государственнымъ долгамъ. Долговые обязательства, по которымъ платилось 6 и 5⁰/₁₀, были замѣнены новыми, приносящими 4¹/₂ и 4⁰/₁₀. На 1 іюля 1869 года облигацій, приносящихъ 6 процентовъ золотою монетою, было въ обращеніи на 1,886,341,300 долларовъ, и 5-ти процентныхъ — на 221,589,000 долларовъ; а на 1 октября 1878 года оставалось въ обращеніи: 6⁰/₁₀ облигацій на 797 мил. долларовъ; 4¹/₂⁰/₁₀ — на 300 мил. и 4⁰/₁₀ — на 700 мил. долларовъ.

Но кромѣ уменьшенія капитальной суммы государственныхъ долговъ и платимыхъ по нимъ ежегодно процентовъ, имѣеть еще весьма важное экономическое значеніе для страны то обстоятельство, что наибольшее количество американскихъ государственныхъ облигацій, обращающихся на заграничныхъ рынкахъ, перешло обратно въ Америку. Въ августѣ 1878 года президентомъ Гейсомъ (Hayes) было высказано мнѣніе, что изъ 800—1000 мил. государственныхъ облигацій американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, находившихся въ 1871 году въ рукахъ иностранныхъ капиталистовъ, оставалась за границей едвали болѣе 250 — 300 мил. долларовъ. Остальная сумма перешла уже въ руки американскихъ капиталистовъ, вслѣдствіе чего сумма ежегодно уплачиваемыхъ Европѣ процентовъ, составлявшая въ 1871 году 50—60 мил. долларовъ, въ настоящее время не превышала 8—15 мил. долларовъ. По свѣденіямъ журналовъ: „New-York Chronicle“ и „Economist“, перепродажи американскихъ фондовъ изъ Европы въ Америку были весьма значительны и въ теченіи остальныхъ мѣсяцовъ прошлаго года. Уплата же процентовъ по государственнымъ долгамъ туземнымъ капиталистамъ, вмѣсто перевода ихъ за границу иностраннымъ, имѣеть сильное вліяніе на поддержаніе въ равновѣсіи торговаго баланса и на стойкость вексельныхъ курсовъ.

Налоги по государственному бюджету, въ теченіи того же періода времени, не смотря на вышенриведенную громадную уплату капитальной суммы государственнаго долга, были понижены болѣе чѣмъ на половину. А еще значительнѣе было сокращеніе государственныхъ расходовъ: съ 521 мил. долларовъ по бюджету 1865—1866 года, они понизились до 238 мил. долларовъ по бюджету 1876—1877 года, т. е. на 288 мил. долларовъ (около 380 мил. рублей).

Доходы, доходившіе по бюджету за финансовый 1865—1866 г., до 558,032,625 долларовъ (около 745 мил. рублей), вслѣдствіе

отмѣны и пониженія разныхъ налоговъ, уменьшились въ финансовомъ 1876—77 году до 264,292,449 долларовъ (около 350 мил. рублей), т. е. болѣе чѣмъ на половину.

Самое значительное пониженіе налоговъ оказывается во внутреннихъ налогахъ, сумма которыхъ съ 309 мил. долларовъ въ 1865-1866 году была понижена до 120 мил. долларовъ по бюджету 1876-1877 года, т. е. на 189 мил. долларовъ въ теченіе 11 лѣтъ (около 250 мил. рублей). Сокращеніе внутреннихъ налоговъ шло очень быстро, и въ три года, съ 1866-1867 по 1868-1869 годъ включительно, ихъ было снято на 151 мил. долларовъ. Прежде другихъ были отмѣнены налоги съ хлопка (до 20 мил. долларовъ), съ мануфактурной промышленности (до 60 мил. долларовъ) и т. д. Затѣмъ былъ пониженъ съ 5 на $2\frac{1}{2}\%$, а вскорѣ и вовсе отмѣненъ—подходный налогъ. Свободные американцы не могли привыкнуть къ инвизиторскимъ разслѣдованіямъ, неизбѣжнымъ при этомъ налогѣ, и онъ былъ отмѣненъ, какъ говоритъ Economist, ¹⁾ въ порывѣ всеобщаго негодованія и отвращенія. При этомъ, ратующій за систему свободной торговли, журналъ высказалъ опасеніе, что введеніе вновь подходнаго налога въ Америку сильно послужило бы къ увеличенію числа противниковъ ученія свободной торговли.

Самую главную статью доходовъ въ американскомъ бюджетѣ составляетъ таможенный доходъ. По бюджету 1864-1865 года доходъ отъ таможенныхъ пошлинъ далъ 84,928,260 долларовъ; но уже на слѣдующій годъ онъ дошелъ до 179,046,650 долларовъ, а въ финансовомъ 1871-1872 году дошелъ до 216,370,286 долларовъ (около 290 мил. рублей золотомъ), при общей суммѣ бюджетныхъ доходовъ въ 364,694,230 долларовъ, т. е. равнялся 60 процентамъ всей ихъ суммы. Измѣненія, сдѣланныя въ тарифѣ въ 1872 году, значительно повліяли на пониженіе таможенного дохода; но еще сильнѣе повліяло на его пониженіе уменьшеніе привоза иностранныхъ издѣлій, вслѣдствіе сильнаго развитія туземной мануфактурной промышленности. Вслѣдствіе отмѣны и пониженія пошлинъ преимущественно на жизненные продукты: чай, кофе и т. д., привозъ беспошлинныхъ товаровъ съ 47 мил. долларовъ въ 1872 году увеличился до $151\frac{1}{2}$ мил. долларовъ въ 1874 году. Привозъ же пошлинныхъ товаровъ, за тѣ же годы, съ 579 мил. долларовъ понизился до 416 мил. долларовъ. На уменьшеніе ихъ привоза, кромѣ развитія внутренняго производства, имѣлъ вліяніе также кри-

¹⁾ Economist. 1878 г. стр. 234.

зись 1873 года. Но не смотря на то, что вслѣдствіе вышеприведенныхъ причинъ таможенный доходъ съ 188 мил. долларовъ въ 1872—1873 году понижился до 127 мил. долларовъ въ 1876—1877 году, онъ все-таки, при вышепоказаномъ сильномъ пониженіи внутреннихъ налоговъ, и теперь составляетъ главную статью государственныхъ бюджетныхъ доходовъ, равняясь 50 процентамъ ихъ общей суммы.

Относительно расходовъ, наибольшее ихъ сокращеніе оказывается въ расходахъ по военному вѣдомству. Съ окончанія расчетовъ за время войны, расходы военного вѣдомства съ 284 мил. долларовъ въ 1865—1866 году уменьшились до 123 мил. долларовъ въ 1867—1868 году и до 78 мил. долларовъ въ 1868—1869 году; въ послѣдніе же годы они составляли всего отъ 46 до 36 мил. долларовъ.

Расходы по морскому вѣдомству съ 43 мил. долларовъ въ 1865—1866 году понижались до 20 мил. долларовъ въ 1870—1871 году; но въ 1873—1874 году были вновь повысившись до 31 мил. долларовъ; въ послѣдніе годы они составляли отъ 16 до 20 мил. долларовъ (отъ 20 до 25 мил. руб. мет.).

Объ уменьшеніи расходовъ по системѣ государственнаго кредита сказано выше.

Расходы по гражданскому вѣдомству съ 41 мил. долларовъ въ 1864—1865 году постоянно увеличивались и въ 1872—1873 году доходили до 73 мил. долларовъ; но въ 1876—1877 году были понизившись до 55 мил. долларовъ.

Съ окончаніемъ войны сильно увеличились расходы на пенсіи инвалидамъ. Въ 1864—1865 году они составляли вмѣстѣ съ платежами индѣйцамъ 18,852,405 долларовъ, а въ 1870—1871 году дошли до 41,869,000 долларовъ. Въ послѣдніе годы сумма расхода на пенсіи и индѣйцамъ измѣнялась отъ 38 до 34 мил. долларовъ. По бюджету 1877—1878 года причиталось на пенсіи 28½ мил. долларовъ и индѣйцамъ 5½ мил. долларовъ.

Кромѣ обыкновенныхъ бюджетныхъ расходовъ американскимъ министерствомъ финансовъ было выдано въ ссуду на сооруженіе тихо-океанской желѣзной дороги 42,194,000 долларовъ и уплачено Россіи за ея сѣверо-американскія владѣнія, названнаго Аляскою, 7,200,000 долларовъ.

И такъ изъ вышеприведенныхъ данныхъ о финансахъ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ оказывается, что въ нашихъ нѣбудь 12 лѣтъ, завѣдывавшіе американскими финансами успѣли уплатить государственнаго капитальнаго долга около 715 мил. долларовъ, уменьшить ежегодный платежъ по немъ

процентовъ на 46 мил. долларовъ, и это при сокращеніи бюджетныхъ расходовъ на 283 мил. долларовъ, т. е. болѣе чѣмъ на половину!

Подобныхъ финансовыхъ успѣховъ не достигала еще ни одна страна въ столь короткій періодъ времени. Они заслуживаютъ тѣмъ болѣе удивленія, что достигнуты страной съ неравнѣнною бумажною валютою, при которой, какъ положительно утверждаютъ ученые экономисты, невозможенъ никакой экономическій или финансовый прогрессъ.

Замѣчательно также, что начало экономическимъ и финансовымъ успѣхамъ Соединенныхъ Штатовъ, послѣ окончанія междоусобной войны, было положено человекомъ, про котораго, считающійся такимъ авторитетнымъ по финансовымъ и экономическимъ вопросамъ и сдержанный въ своихъ приговорахъ журналъ, англійскій „Economist“ говорилъ, что онъ не имѣлъ никакого понятія о самыхъ простыхъ основаніяхъ науки политической экономіи, сознавая однакожъ, что финансовыя мѣропріятія Чеза (Chase) были замѣчательно успѣшны. Какъ же послѣ этого не пожелать государственнымъ финансовымъ дѣтелямъ поменьше книжной учености и побольше прирожденныхъ финансовыхъ дарованій и умѣнья въ выборѣ средствъ.

Получавшіеся американцами, наперекоръ всѣмъ правиламъ экономической науки, экономическіе и финансовыя успѣхи были предметомъ постоянной критики со стороны англійскихъ фритредеровъ, силившихся всѣми средствами умалить и перетолковывать ихъ значеніе. Приводимъ въ подтвержденіе этого нѣсколько сужденій, высказанныхъ Economist'омъ.

По его мнѣнію, американцамъ слѣдовало прежде всего сдѣлать разнѣнными свои бумажныя деньги и отмѣнить покровительственный таможенный тарифъ, и ужъ потомъ приступить къ уплатѣ государственныхъ долговъ. Американцы же на противъ того ничего не дѣлали для наискорѣйшаго достиженія разнѣнности своихъ гринбэвовъ, а поддерживали высокой покровительственный тарифъ и болѣе всего старались объ уменьшеніи государственныхъ долговъ. По мнѣнію Economist'a, Америкѣ, какъ странѣ нуждающейся въ капиталѣхъ для развитія своей промышленности, слѣдовало помогать, а не обгъать дѣланія заграничныхъ долговъ. (She ought not to fear foreign debt but to covet it). Но американцы хорошо понимали: во чтѣ обходятся внѣшніе займы, и что кредитъ страны поддерживается и поднимается не увеличеніемъ долговъ, а ихъ уменьшеніемъ. Послѣдствія вполне подтвердили эту финансовую истину, когда

американцамъ пришлось превращать свои 6 и 5% займы въ $4\frac{1}{2}$ и 4 процентные.

Сильное пониженіе внутреннихъ налоговъ въ пользу туземной промышленности, вмѣсто пониженія тарифныхъ пошлинъ съ иностранныхъ товаровъ, считалось фритредерами капитальною ошибкою американскихъ финансистовъ.

Замѣчательно, что даже получавшіеся по бюджетамъ громадные излишки доходовъ противъ расходовъ подвергались порицанію англійскихъ экономистовъ, видѣвшихъ въ нихъ лишь доказательство финансоваго невѣжества и шаткости американскихъ финансовъ! Вотъ какъ выразился „Economist“ по поводу оказавшагося въ бюджетъ за финансовый 1869-1870 годъ остатокъ доходовъ въ 83 мил. долларовъ: „причиною такихъ излишковъ доходовъ служить лишь финансовое невѣжество и отсутствіе правильной бюджетной смѣты. Значительную часть послѣдняго излишка доходовъ слѣдуетъ приписать энергіи новой администраціи, взявшей въ свои руки податную систему, недѣйствовавшую до этого надлежащимъ образомъ. А потому эти большіе излишки доходовъ служатъ доказательствомъ не прочности положенія американскихъ финансовъ, а скорѣе противнаго“.)

Для сколькихъ государствъ было бы желательно имѣть возможность представить подобное же доказательство слабости ихъ финансоваго положенія!

Начиная съ 1873-1874 года сильное уменьшеніе привоза иностранныхъ товаровъ въ Соединенные Штаты „Economist“ пытался объяснить обѣдненіемъ потребителей, вследствие бывшаго въ 1873 году въ Америкѣ кризиса, говоря, что „покупная сила народа была сильно подорвана этимъ кризисомъ и что американцы были вынуждены обходиться безъ многихъ иностранныхъ общепотребительныхъ товаровъ, такъ какъ не были въ состояніи приобретать ихъ“.) Но, спрашивается, какимъ же образомъ, при подобномъ обѣдненіи, американцы были въ состояніи перекупить изъ Европы, въ послѣдніе годы, американскихъ государственныхъ облигацій на сумму свыше 700 мил. долларовъ? Въ виду подобнаго поразительнаго доказательства покупной силы американцевъ, всего же было желательно сторонникамъ свободной торговли утѣшить или обморочить объясненіемъ, что американцы не покупаютъ англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій

1) Economist. 1871 г. стр. 1547.

2) Economist. 1877 г. стр. 1068.

лишь вслѣдствіе ихъ объединенія, тогда какъ хорошо было извѣстно, что собственныя мануфактуры американцевъ уже въ состояніи удовлетворять большей части ихъ потребности въ мануфактурныхъ издѣліяхъ?

По поводу причиненнаго, въ 1873 г., желѣзнодорожными спекуляціями денежнаго кризиса въ Америкѣ, „Economist“ поучалъ, что „низкія цѣны, недостатокъ въ деньгахъ и угнетеніе торговли суть достойное наказаніе за чрезмѣрное количество неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ въ обращеніи, и за вызванное ими искусственное поднятіе цѣнъ (inflation)“. Но развѣ не однородныя явленія мы видимъ, въ настоящее время, въ самой Англій, при ея золотой валютѣ? Причемъ же тутъ бумажныя деньги? Очевидно, что торговые, промышленные и денежныя кризисы, появляющіеся въ Англій почти регулярно чрезъ каждые десять лѣтъ, происходятъ отъ причинъ, одинаково могущихъ имѣть мѣсто какъ при неразмѣнныхъ бумажныхъ деньгахъ, такъ и при металлическихъ.

Когда же паника и недостатокъ въ деньгахъ, благодаря принятымъ нью-іорскими банками мѣрамъ и выпуску правительствомъ въ обращеніе, покупкою государственныхъ облигацій на 26.000,000 долларовъ, гринбэковъ, вскорѣ прошли, то „Economist“ писалъ: „нельзя не удивляться, что такихъ незначительныхъ и несовершенныхъ средствъ было достаточно для такого полнаго устраненія паники, какъ, повидимому, это случилось въ дѣйствительности“. Въ Англій, какъ извѣстно, при денежныхъ кризисахъ, вызывавшихся сильнымъ вывозомъ за-границу золота, не разъ случалось, что, для устраненія паники и потребности въ деньгахъ, были вынуждаемы прибѣгать къ нарушенію статута Англійскаго банка, разрѣшеніемъ ему незаконнаго выпуска его билетовъ, т. е. увеличенія количества бумажныхъ денегъ въ обращеніи безъ обезпеченія ихъ размѣнности соразмѣрнымъ металлическимъ фондомъ.

Пониженіе преміи на золото „Economist“ объяснялъ значительнымъ поднятіемъ въ цѣнѣ (appreciation) гринбэковъ, вслѣдствіе развитія торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ. Но, вѣдь, подобное объясненіе причины сильнаго поднятія цѣнности неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, безъ ихъ консолидаціи, равносильно признанію, что неразмѣнныя бумажныя деньги и высокій таможенный тарифъ, если не сами содѣйствовали, то, во всякомъ случаѣ, не могли служить препятствіемъ громадному развитію производительныхъ силъ страны, т. е. вовсе не вызвали тѣхъ гибельныхъ экономическихъ послѣдствій, какія

присущи имъ по понятіямъ сторонниковъ свободной торговли, выдающихъ эти понятія за непреложныя научныя истины.

По мѣрѣ уменьшенія привоза иностранныхъ товаровъ и увеличенія вывоза американскихъ, особенно въ послѣдніе два года, вывозъ драгоценныхъ металловъ изъ Соединенныхъ Штатовъ сильно уменьшился, а привозъ ихъ увеличился, вслѣдствіе чего количество золота въ странѣ возросло до того, что премія на него болѣе не существуетъ, и еще неразмѣненные гринбеки, въ концѣ прошлаго года, уже обращались по одной цѣнѣ съ золотомъ монетою. По научнымъ понятіямъ экономистовъ-фритредеровъ, подобное явленіе есть явная несообразность, такъ какъ, согласно ихъ научнымъ правиламъ, неразмѣнныя бумажныя деньги должны вытѣснять изъ страны металлическія, какъ ненужный товаръ, а потому накопленіе ихъ въ странѣ съ бумажною валютою не должно и не можетъ имѣть мѣста. Согласно тѣмъ же понятіямъ, невозможенъ и приливъ драгоценныхъ металловъ въ страну съ неразмѣнною бумажною валютою, вслѣдствіе выгоднаго торговаго баланса, такъ какъ существованіе торговаго баланса отрицается фритредерами. Даже самъ „Economist“, постоянно говорящій о торговомъ балансѣ когда рѣчь идетъ объ Англии, издѣвался надъ мнѣніемъ министра финансовъ Бутведа (Boutwell), полагавшаго, что возстановленіе размѣнности бумажныхъ денегъ возможно будетъ лишь тогда, когда, вслѣдствіе уменьшенія привоза иностранныхъ товаровъ и увеличенія вывоза американскихъ, отливъ драгоценныхъ металловъ изъ Соединенныхъ Штатовъ сильно уменьшится, т. е., когда торговый балансъ сдѣлается выгоднымъ для Америки. Въ опроверженіе этого мнѣнія „Economist“, приравнивая вывозъ драгоценныхъ металловъ изъ Америки къ вывозу каменнаго угля изъ Англии, доказывалъ, какъ глупо (so absurd) должно было казаться въ американцѣ вѣрованіе въ старую экономическую теорію о торговомъ балансѣ! Для достиженія наибольшаго развитія производительныхъ силъ страны, по мнѣнію „Economist'a“, американцамъ слѣдовало быть постоянными заграничными заемщиками или, другими словами, постоянный перевѣсъ привоза товаровъ въ Америку надъ ихъ вывозомъ долженъ быть признаваемъ нормальнымъ положеніемъ дѣлъ. Господинъ же Boutwell беспокоится (frets) насчетъ этого и желаетъ, чтобы привозъ уравновѣшивался вывозомъ, вовсе не подозрѣвая, что это доказывало бы лишь дѣйствительный упадокъ народнаго благосостоянія¹⁾. Но американцы не поддались ни

¹⁾ См. „Economist“; 1839 г., стр. 1524.

ученію, ни критикѣ фритредеровъ, и, возстановивъ равновѣсіе въ торговомъ балансѣ, достигли вскорѣ затѣмъ и возстановленія цѣнности своей неразмѣнной бумажной валюты, доказавъ наглядно этимъ, что послѣднее могло быть лишь слѣдствіемъ перваго, а не наоборотъ, какъ думаютъ экономисты-теоретики.

Если перевѣсъ привоза иностранныхъ товаровъ въ Америку, какъ постоянного заграничнаго заемщика, слѣдовало бы признавать нормальнымъ явленіемъ, доказывающимъ ея возростающее благосостояніе, то неужели постоянный перевѣсъ привоза товаровъ въ Англию, при ея положеніи всесвѣтнаго заемца, слѣдуетъ принимать за доказательство противнаго, т. е. за обѣдненіе Англии? Невозможно же, чтобы однородныя явленія имѣли одинаковое экономическое значеніе какъ для страны, постоянно дѣлающей долги, такъ и для страны, постоянно дающей въ долгъ. Гдѣ же тутъ экономическая логика? Но дѣло въ томъ, что у поборниковъ политическихъ и торговыхъ интересовъ Англии имѣются двоякія мѣры и аргументы для опредѣленія и толкованія однородныхъ явленій, одни—для себя, другія—для иностранцевъ. Такъ и относительно торговаго баланса, когда рѣчь идетъ объ Америкѣ, Россіи и т. д., то подъ нимъ подразумѣвается международный обмѣнъ лишь одними товарами, а когда—объ Англии, то подъ торговымъ балансомъ подразумѣвается обмѣнъ, кромѣ товаровъ, и всевозможными цѣнностями, т. е. платежи процентовъ по заграничнымъ займамъ, расходы путешественниковъ и проживающихъ за границей, барыши отъ фрахтовъ, комисій, страховыхъ премій, и т. д., и т. д.

Не будучи въ состояніи долге опровергать финансовыхъ и экономическихъ успѣховъ американцевъ, дѣйствовавшихъ, по словамъ фритредеровъ, наперекоръ всѣмъ научнымъ правиламъ и подъ руководствомъ людей, выказавшихъ свое полнѣйшее невѣжество въ финансовыхъ дѣлахъ, „Economist“ сталъ объяснять, небывалые до сихъ поръ, по его собственному сознанію, финансовыя и экономическія успѣхи американцевъ тѣмъ, что Америка есть страна столь щедро надѣленная природными богатствами и населенная такимъ трудолюбивымъ и развитымъ народомъ, что, не смотря ни на какія нарушенія законовъ политической экономіи и неспособность ея государственныхъ людей, она неизбежно должна была достигнуть сильнаго финансоваго и экономического развитія. Но подобное объясненіе равносильно сознанію, что проповѣдуемая фритредерами научная правила имѣютъ лишь условное значеніе, т. е. хороши *as far as they go*, и, что дѣйствуя вопреки ихъ, но согласно мѣстнымъ экономическимъ

требованіямъ и условіямъ, можно достигъ такихъ блестящихъ финансовыхъ и экономическихъ результатовъ, какихъ нивогда еще не удавалось достигать при строгомъ соблюденіи научныхъ правилъ.

Въ настоящее время, въ самой Англии, въ виду ея неблагоприятнаго экономического положенія какъ относительно мануфактурной промышленности, такъ и сельскаго хозяйства и торговли вообще, вѣра въ непогрѣшимость ученія свободной торговли подвергается сильному испытанію. Не только возбуждается вопросъ о предпріятіи официального изслѣдованія—насколько система свободной торговли содѣйствовала ухудшенію экономического положенія страны, но высказывается сомнѣніе даже въ состоятельность науки политической экономіи вообще, какъ можно судить по статьѣ, напечатанной въ январьской книжкѣ такого известнаго журнала, какъ „The Quarterly Review“, подъ названіемъ: „Наука ли политическая экономія?“

Естественныя экономическія условія Россіи и американскихъ Соединенныхъ Штатовъ представляютъ много однороднаго. Какъ та, такъ и другая страна преимущественно суть страны земледѣльческія, производящія съ избыткомъ не только хлѣбъ и другіе жизненные продукты, но и сырые матеріалы для мануфактуръ и заводовъ, изъ которыхъ главными обазываются: въ Америкѣ—хлопокъ, а въ Россіи—ленъ. Минеральныя богатства Россіи, особенно желѣзо, каменный уголь, нефть, нисколько не уступаютъ таковымъ же Америки. Драгоценныя металлы добываются въ Россіи, какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, и если въ меньшемъ количествѣ, особенно серебро, за то съ болѣе давняго времени.

Причину разстройства денежнаго обращенія и увеличенія государственныхъ расходовъ, какъ въ Америкѣ, такъ и Россіи, послужила война. На pokryтіе расходовъ первой Восточной войны было выпущено на 400 мил. рублей кредитныхъ и на 30 мил. р. казначейскихъ билетовъ, заключены два займа по 50 мил. р. каждый и занято изъ кредитныхъ учрежденій около 180 мил. р., что составитъ всего 710 мил. рублей.

По окончаніи междоусобной войны Соединенные Штаты имѣли государственныхъ процентныхъ и безпроцентныхъ долговъ до 2,874 мил. долларовъ, противъ 65 мил. дол. предъ началомъ войны; въ томъ числѣ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ (greenbacks и fractional currency) было выпущено до 460 мил. дол. Слѣдовательно, междоусобная война, по отношенію увеличенія

государственныхъ долговъ, обошлась американскимъ Соединеннымъ Штатамъ въ пять разъ дороже, нежели Восточная война Россіи.

Какъ ни велики были для населенія Россіи вообще, а Крыма и южныхъ губерній въ частности, матеріальныя потери причиненныя войною, но онѣ далеко не могутъ сравниться съ потерями обитателей Соединенныхъ Штатовъ, въ особенности южныхъ, отъ опустошеній ихъ во время междоусобной войны.

Если окончательное покореніе Кавказа и усмиреніе польскаго возстанія въ 1863 г. потребовали нѣкотораго увеличенія военныхъ расходовъ, то и Соединенные Штаты, въ разсматриваемый періодъ, вели войну съ Мексикой и готовились къ войнѣ съ Англіей изъ-за Алабамы. Наши завоеванія въ средней Азій, со включеніемъ даже Хивинскаго похода, едва-ли стоили дороже заплаченной Америкой суммы за наши сѣверо-американскія владѣнія.

Освобожденіе отъ рабства 5.000,000 негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ, конечно, не могло имѣть большаго вліянія на увеличеніе производительности страны, чѣмъ свободный трудъ 20.000,000 крестьянъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости въ Россіи.

Приростъ населенія въ Соединенныхъ Штатахъ, не смотря на потери отъ междоусобной войны, съ 1860 по 1870 г. оказался въ 7 мил. человекъ, а къ 1 іюня 1876 г., по приблизительному исчисленію, число жителей опредѣлялось свыше 45¹/₂ мил. душъ. Слѣдовательно, населеніе Соединенныхъ Штатовъ въ 16 лѣтъ увеличилось на 14 мил. душъ или около 44%. На сколько увеличилось народонаселеніе Россіи въ теченіи 20 лѣтъ съ окончанія Восточной войны, т. е. съ 1856 г. по 1876 годъ, положительныхъ данныхъ нѣтъ. Въ 1863 году, по свѣдѣніямъ центральнаго статистическаго комитета при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, все народонаселеніе Имперіи полагалось въ 76.555,168 человекъ¹⁾. Если приростъ населенія въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ положить только въ 20%, считая въ томъ

1) Въ Европейской Россіи	61.175,923
„ Сибири	4.625,699
„ Кавказскомъ Намѣстничествѣ	4.157,922
	<hr/>
	69.959,544
„ Царствъ Польскомъ (1860 г.)	4.840,466
„ Финляндіи (1861 г.)	1.697,158
„ Американскихъ владѣнійхъ	57,000
	<hr/>
Итого	76.554,168

(„Стат. врем. Рос. Имп.“, 1866 г., стр. 73).

числѣ и вновь присоединенныя владѣнія въ средней Азій, то получится цифра народонаселенія Имперіи около 92 мил. человекѣвъ, т. е. увеличеніе на 15 мил. душъ въ теченіе 15 лѣтъ.

Въ увеличеніи народонаселенія сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ значительную роль играетъ эмиграція въ нихъ переселенцевъ болышею частію изъ Англіи и Германіи. Съ 1864 по 1876 годъ включительно число переселившихся въ Соединенные Штаты превышало четыре милліона душъ.—Въ Россію, съ 1857 по 1876 г. включительно, въ теченіи 20 лѣтъ, иностранцевъ пріѣхало болѣе чѣмъ выѣхало изъ нея, около 936,000 человекѣвъ; русскихъ же одновременно вышло за границу около 453,000 чел. болѣе, чѣмъ возвратилось въ Россію. Слѣдовательно увеличеніе народонаселенія отъ излишка пріѣхавшихъ противъ выѣхавшихъ, въ теченіи 20 лѣтъ, составляетъ всего лишь около 483,000 душъ.

Изъ числа 453,000 чел., выслившихся изъ Россіи русскихъ, 239,000 чел. выселились въ трехлѣтіе 1859—61 годовъ, и 144,000 чел. въ четырехлѣтіе 1873—76 годовъ. Первый изъ этихъ періодовъ совпадаетъ съ выселеніемъ татаръ изъ Крыма и эмансипаціею крестьянъ, а второй—съ введеніемъ общей воинской повинности.

Россія не только далеко уступаетъ Соединеннымъ Штатамъ численностью переселяющихся въ нее иностранцевъ, но и въ матеріальномъ отношеніи скорѣе теряетъ чѣмъ выигрываетъ отъ нихъ. Тогда какъ переселенцы въ Америку прибываютъ хотя и съ незначительными средствами, но оставаясь на постоянное житье въ ней сильно содѣйствуютъ развитію ея производительныхъ силъ и приумноженію капиталовъ, переселяющіеся въ Россію иностранцы рѣдко остаются въ ней на постоянное жительство, а почти всѣ, съ нажитыми въ ней капиталами, уѣзжаютъ обратно за границу.

Желѣзныхъ дорогъ въ Соединенныхъ Штатахъ съ 1865 по 1877 годъ, въ теченіи 12 лѣтъ, было сооружено свыше 67,000 верстъ; въ Россіи же съ 1856 по 1876 годъ, въ теченіи 20 лѣтъ, сооружено ихъ около 18,000 верстъ.

Вывозъ товаровъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, въ годовой средней сложности трехъ лѣтъ, съ 1865—67 гг. по 1876—78 гг., увеличился, въ теченіи 12 лѣтъ, на 338.651,000 дол. или 125%:

	Средн. год. цѣна 3-хъ лѣтъ	Средн. год. цѣна 3-хъ лѣтъ
	1865—67	1876—78
Дол.	269.083,000	607.734,000

Вывозъ товаровъ изъ Россіи увеличился съ 1856—58 по 1874—76 годъ, въ теченіи 20 лѣтъ, на 244.450,000 руб. или на 152⁰/₁₀:

	Средн. год. цѣна 3-хъ лѣтъ	Средн. год. цѣна 3-хъ лѣтъ	Увеличеніе.
	1856—58	1874—76	
Руб.	160.371,000	404.821,000	Руб. 244.450,000

Но такъ какъ средній курсъ на Лондонъ въ трехлѣтіе 1874—76 гг. былъ 32⁰/₁₆ п. противъ средняго курса 37¹/₈ п. въ трехлѣтіе 1856—58 гг., т. е. около 15⁰/₁₀ ниже, то скинувъ съ цѣнности вывоза послѣднихъ трехъ лѣтъ эти 15⁰/₁₀, найдемъ, что вывозъ въ теченіи 20 лѣтъ дѣйствительно увеличился лишь на 115⁰/₁₀.

Привозъ иностранныхъ товаровъ въ тѣ же трехлѣтія въ Соединенные Штаты, увеличился всего лишь на 25⁰/₁₀:

Средняя годовая цѣнность трехлѣтій, въ золотой валютѣ:

	1865—67	1876—78	Увеличеніе въ 12 лѣтъ.
Дол.	356.441,000	444.686,000	88.245,000

Привозъ въ Россію иностранныхъ товаровъ увеличился съ 1856—58 гг. по 1874—76 гг., какъ видно изъ ниже-слѣдующихъ данныхъ, на 250⁰/₁₀:

Средняя годовая стоимость трехлѣтій въ кредитныхъ рубляхъ:

	1856—58	1874—76	Увеличеніе въ 20 лѣтъ.
Руб.	141.211,000	493.340,000	352.129,000

Скинувъ же курсовую разницу въ 15⁰/₁₀, отъ пониженія валюты въ послѣднее трехлѣтіе, дѣйствительное увеличеніе привоза окажется въ 200⁰/₁₀.

Сравнивая вышеприведенныя данныя о вывозѣ товаровъ изъ Соединенныхъ Штатовъ съ таковыми же изъ Россіи, находимъ, что тогда какъ вывозъ изъ Америки въ теченіи 12 лѣтъ увеличился на 125⁰/₁₀, изъ Россіи, въ теченіи 20 лѣтъ, онъ увеличился на 115⁰/₁₀.

Привозъ же иностранныхъ товаровъ, въ тѣ же періоды времени, въ Соединенные Штаты увеличился всего лишь на 25⁰/₁₀, а въ Россію на 290⁰/₁₀, т. е. въ восемь разъ болѣе чѣмъ въ Соединенные Штаты. Естественно, что такое громадное увеличеніе привоза, вовсе несообразное съ увеличеніемъ отпуска, должно было сильно повліять на угнетеніе нашего торговаго баланса и вексельныхъ курсовъ, и на увеличеніе преміи на золото.

Драгоценныхъ металловъ было вывезено изъ Соединенныхъ Штатовъ, въ сложности 3-хъ лѣтъ 1865—67 гг., на 151 миллионъ болѣе противъ привоза, а въ трехлѣтіе 1875—77 гг. вывозъ превышалъ привозъ на 127 мил. дол., въ томъ числѣ въ 1877—78 гг. всего лишь на 15 мил. дол.

Изъ Россіи драгоценныхъ металловъ было вывезено, въ сложности 3-хъ лѣтъ 1856—58 гг., на 14 мил. руб. болѣе чѣмъ привезено, а въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ 1874—76 гг. на 118 мил. руб., изъ которыхъ 98 мил. руб. было вывезено въ 1876 году.

Премія на золото въ Соединенныхъ Штатахъ, доходившая въ сложности за годъ по 30 іюня 1865 г. до 102⁰/₁₀, въ концѣ 1878 года болѣе не существовала¹⁾.

Въ Россіи же въ 1856 году, при среднемъ годовомъ курсѣ на Лондонъ 38¹/₄ п., преміи на золото не было, а чрезъ 20 лѣтъ, въ 1876 г., средній годовыи курсъ на Лондонъ былъ упавши до 30¹⁵/₁₆ п., и въ концѣ года полумперіаль стоилъ 6 р. 65 к. что равняется преміи на золото около 30⁰/₁₀.

Доходы по государственному бюджету Соединенныхъ Штатовъ, съ 558 мил. долларовъ въ финансовомъ 1865—66 годахъ, понизились до 270 мил. долларовъ въ 1877—78 году; а расходы за тѣ же годы понизились съ 520 мил. долларовъ до 243 мил. долларовъ.

Въ Россіи бюджетные расходы увеличились, съ 382 мил. руб. въ 1866 году, до 559 мил. рублей въ 1876 году, а расходы съ 413 мил. руб. въ 1866 году увеличились до 573 м. руб. въ 1876 году — не считая 51 мил. руб. чрезвычайныхъ расходовъ.

Въ Америкѣ, изъ суммы пониженія доходовъ на 288 мил. долларовъ, на внутренніе налоги приходилось 248 мил. долларовъ и на таможенныя пошлины только 40 мил. долларовъ.

Въ Россіи, изъ суммы увеличенія доходовъ на 177 мил.

¹⁾ Цѣна бумажнаго доллара, въ золотой монетѣ, на 1-е іюля.

	центовъ,		центовъ,		центовъ,
1864 г.	36.7	1870 г.	85.6	1876 г.	89.2
1865 „	70.4	1871 „	89.	1877 „	91.5
1866 „	66.0	1872 „	87.5	1878 „	99.4
1867 „	71.7	1873 „	86.4		
1868 „	70.1	1874 „	91.	18 ноябр.	99.8
1869 „	85.6	1875 „	87.2	— дек.	1.00

Изъ отчета контролера денежнаго обращенія Соединенныхъ Штатовъ г. John Say Клох.

руб., на внутренніе налоги приходилось 141 мил. руб., и на таможенный доходъ 36 мил. руб.

Расходы по системѣ государственнаго кредита въ Америкѣ, съ 144 мил. долларовъ въ 1866—67 году, уменьшились до 98 мил. долларовъ въ 1877—78 году, т. е. сократились на 46 мил. долларовъ въ годъ.

Въ Россіи расходы по системѣ государственнаго кредита увеличились съ 60 мил. руб. въ 1858 году до 109 мил. руб. въ 1876 году, т. е. возрасли на 49 мил. руб. въ годъ.

Капитальная сумма процентныхъ и безпроцентныхъ государственныхъ долговъ въ Америкѣ, съ 2,757 мил. долларовъ по 31 іюля 1865 г., за вычетомъ наличныхъ денегъ въ казначействѣ, сократилась до 2,040 мил. долларовъ въ 1878 году, т. е. уменьшилась въ теченіи 12 лѣтъ на 717 мил. долларовъ.

Въ Россіи капитальная сумма процентныхъ и безпроцентныхъ долговъ, за вычетомъ металлическаго фонда кредитныхъ билетовъ,—съ 1435 мил. руб. ¹⁾ на 1 января 1857 года, возросла до 1798 м. руб. ²⁾ на 1 января 1877 года, т. е. увеличилась на 363 мил. руб. Въ томъ числѣ количество кредитныхъ билетовъ увеличилось одновременно съ 687 мил. руб. до 735 мил. руб., т. е. всего на 48 мил. руб.; а если вычесть изъ количества кредитныхъ билетовъ ихъ металлическіе фонды, а именно 137 мил. руб. на 1 января 1857 г. и 180 мил. руб. на 1 января 1877 года, то увеличеніе непокрытыхъ металлами кредитныхъ

1) А именно: внѣшнихъ долговъ	Руб.	371.913,228
Долги сохран. казнамъ и Заемному Банку		425.998,476
Казначейск. билетовъ		87.000,000
Кредитныхъ билетовъ		687.660,203
Итого	Руб.	1.572,569,907
Металлическ. фондъ		137.114,000
Итого на 1-е января 1857 года .	Руб.	1.435.455,907

2) А именно: въ гульденахъ и фунт. стерл. по курсу	Руб.	318.877,281
въ металлическихъ рубляхъ		125.515,310
„ кредитныхъ		582.671,658
Казначейск. билетовъ		216.000,000
Кредитныхъ билетовъ		735.222,025
	Руб.	1.978.286,274
Метал. фонд. кред. билетовъ		180.535,802
Итого на 1 января 1877 года .	Руб.	1.797.750,472

билетовъ окажется всего лишь на 5 мил. руб. Прибавя къ этой суммѣ 54,800,000 руб. кредитныхъ билетовъ, временно выпущенныхъ съ 1 января 1877 г. на подкрѣпленіе кассъ конторъ и отдѣленій государственнаго банка,—въ томъ числѣ на расходы за счетъ государственнаго казначейства 36,660,334 руб.—получимъ всего 60 мил. кредитныхъ билетовъ болѣе въ обращеніи, чѣмъ ихъ было на 1 января 1857 г. Увеличеніе на 10% количества кредитныхъ билетовъ не покрытыхъ металомъ, въ теченіи 20 лѣтъ, едва-ли могло имѣть какое либо вліяніе на пониженіе вексельныхъ курсовъ или поднятіе преміи на золото.

Слѣдуетъ замѣтить, что изъ суммы 109 мил. руб., израсходованной на проценты и погашеніе по системѣ государственнаго кредита въ 1876 году, только около 76 мил. руб. приходятся на долги, записанные въ государственную долговую книгу и на билеты государственнаго казначейства всего на сумму около 1,243 мил. руб.; остальная же затѣмъ сумма 33 мил. руб. представляетъ проценты и погашеніе по пяти желѣзно-дорожнымъ консолидированнымъ займамъ на 69 мил. фунт. стерл. и по купонамъ николаевской дороги, капиталныя суммы которыхъ не включены въ вышепоказанную общую сумму государственныхъ долговъ.

Сопоставляя вышепоказанные экономическіе и финансовыя результаты мирныхъ періодовъ Россіи, со времени окончанія крымской войны по 1 января 1877 года, и Сѣверо-американскихъ Штатовъ, со времени окончанія междоусобной войны, находимъ между ними слѣдующее рѣзкое различіе.

	Соединенные Штаты, периодъ 12 лѣтъ	Russia, периодъ 20 лѣтъ.
Вывозъ товаровъ увеличился на	125%	115%
Привозъ увеличился на	25	200
Вывозъ драгоценныхъ металловъ превышалъ привозъ въ первые 3 года.	151 мил. дол.	14 мил. руб.
Тоже въ послѣдніе 3 года.	127 „ „	118 „ „
Премія на золото по окончаніи войны	102%	не было.
Въ концѣ сравниваемыхъ періодовъ	не было.	29%
Бюджетныя доходы	менше 283 мил. дол.	болѣе 177 мил. руб.
„ расходы	277 „ „	160 „ „
Расходы по системѣ Госуд. Кредита	46 „ „	49 „ „
Измѣненіе суммы Государственныхъ Долговъ	717 „ „	363 „ „

Кромѣ того, какъ было объяснено выше, внѣшняя задолженность Соединенныхъ Штатовъ съ 1870 г. сильно уменьшилась, вслѣдствіе обратнаго перехода изъ Европы въ Америку государственныхъ долговыхъ обязательствъ болѣе чѣмъ на 900 мил. долларовъ, между тѣмъ какъ внѣшняя задолженность Россіи, какъ по государственнымъ займамъ, такъ и по частнымъ— на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, на основаніе поземельныхъ банковъ и т. д.—сильно увеличилась съ 1857 года. Уменьшеніе на 40—45 мил. долларовъ ежегоднаго платежа за границу процентовъ должно было сильно повліять на улучшеніе торговаго баланса Америки и на улучшеніе ея вексельныхъ курсовъ; напротивъ того, сильное увеличеніе суммы ежегодныхъ платежей процентовъ и погашенія изъ Россіи за границу должно было послужить лишь къ вѣщему угнетенію ея торговаго баланса и пониженію ея вексельныхъ курсовъ, а съ ними и цѣнности нашей неразмѣнной валюты. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно и очевидно то, что подъ какими бы благовидными предлогами и съ какими бы благотворными цѣлями ни дѣлались наши внѣшніе займы, прочному поднятію нашихъ вексельныхъ курсовъ и улучшенію нашего кредитнаго рубля они нисколько не содѣйствовали.

Чѣмъ же объяснить такіе діаметрально противоположные финансовыя и экономическіе результаты послѣ продолжительныхъ мирныхъ періодовъ въ Россіи и Америкѣ? Отчего послѣдняя, пользуясь миромъ, успѣваетъ сократить государственныя расходы и долги въ небывалыхъ размѣрахъ и поднять свою сильно обезцѣненную неразмѣнную бумажную валюту до равноцѣнности съ золотою; а первая, несмотря на еще болѣе продолжительный періодъ мира, оказывается вынужденною сильно увеличивать свои государственныя расходы и долги, и не въ состояніи предупредить сильнаго паденія цѣнности своихъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ?

Объяснить это достаточнымъ и удовлетворительнымъ образомъ однимъ лишь различіемъ политическаго положенія и соціальнаго устройства двухъ странъ нельзя. Если Россія вынуждена содержать въ мирное время несравненно болѣе многочисленную армію чѣмъ Соединенные Штаты, то приведеніе ея арміи на мирное положеніе должно было имѣть слѣдствіемъ, если не значительное сокращеніе расходовъ на ея содержаніе, то уже никакъ не сильное ихъ увеличеніе. Между тѣмъ, изъ слѣдующихъ официальныхъ данныхъ о численности регуляр-

ныхъ войскъ и расходахъ военнаго вѣдомства, оказывается совершенно противное.

Численность регулярныхъ войскъ къ 1 января:

	1858 г.	1876 г.	Въ 1876 году.
Генераловъ Штабъ и Оберъ-офицеровъ	35,366	25,716 чел.	меньше 9,650 чел.
Нижнихъ чиновъ	927,091	774,805 „	„ 152,486 „
Лошадей	86,660	75,589 лощ.	„ 11,071 лощ.

Дѣйствительные расходы

Воен. Министерств. Руб. 89.154,244 р. 190.304,276 р. болѣе на 101.150,032 р.

Объяснить такое сильное увеличеніе обыкновенныхъ расходовъ военнаго министерства, въ мирное время и при значительномъ уменьшеніи личнаго состава войскъ, общимъ вздорожаніемъ всѣхъ жизненныхъ и другихъ предметовъ, вслѣдствіе пониженія цѣнности нашей денежной единицы, — чѣмъ у насъ стараются объяснить увеличеніе вообще расходовъ по государственному бюджету, — удовлетворительно нельзя, такъ какъ съ 1858 по 1876 годъ включительно кредитный рубль относительно золотого понизился всего на 29%, увеличеніе же расходовъ за это время военнаго министерства оказывается въ 114%. Ясно, что такое громадное увеличеніе расходовъ военнаго министерства было слѣдствіемъ не пониженія цѣнности кредитнаго рубля и не увеличенія численности арміи вслѣдствіе какихъ либо политическихъ требованій.

Общее увеличеніе расходовъ по государственному бюджету съ 1858 по 1876 г. включительно доходить до 210 мил. руб.; за вычетомъ же изъ нихъ вышепоказанныхъ 101 мил. р. по военному министерству, остальные 109 мил. р. распределяются по всѣмъ прочимъ вѣдомствамъ, на увеличеніе расходовъ которыхъ, — за исключеніемъ однихъ платежей процентовъ и погашенія по внѣшнимъ займамъ, — пониженіе цѣнности нашей кредитной единицы и повышеніе премій на золото должны были имѣть столь же мало вліянія, какъ и на увеличеніе расходовъ военнаго министерства.

Точно также и введеніе общей воинской повинности, — строгому выполненію которой въ Германіи англійскіе экономисты приписываютъ сильный подрывъ ея промышленной жизни и усиленіе въ ней пролетаріата, а съ нимъ и социализма, — не могло у насъ имѣть никакого вліянія на уменьшеніе производительности страны, такъ какъ эта повинность введена была лишь съ 1874 года и дѣйствовала, въ рассматриваемый нами періодъ, всего три года. Нельзя вѣроятно отрицать, что система

вольнаго найма войска, практикуемая въ Англии и Америкѣ, много содѣйствуетъ уменьшенію пролетаріата; но мы видимъ, что и общеобязательная воинская повинность во Франціи, не смотря на сильное увеличеніе государственныхъ расходовъ вслѣдствіе уплаты Германіи 5-ти миллиардной контрибуціи, не могла помѣшать улучшенію экономическаго и финансоваго положенія Франціи, послѣ войны 1870 года.

Разсмотрѣніе на сколько благія реформы и преобразованія, осуществленныя въ періодъ времени съ 1857 по 1876 годъ, повліяли на увеличеніе государственныхъ расходовъ, и на сколько полезная работа разныхъ частей государственнаго механизма соотвѣтствуетъ затратѣ на нихъ бюджетныхъ средствъ, отклонило бы насъ отъ главной цѣли нашей статьи, которая заключается въ томъ, чтобъ доказать примѣромъ Соединенныхъ Штатовъ, что главною причиною, какъ увеличенія бюджетныхъ расходовъ и государственныхъ долговъ, такъ и недостаточнаго развитія нашей промышленности, паденія цѣнности нашей бумажной валюты и фіаско попытокъ къ ея поднятію — было непринятіе, однородныхъ съ Америкою, экономическихъ и финансовыхъ мѣръ. Принятіе же этихъ мѣръ вовсе не зависело отъ какихъ либо особыхъ экономическихъ или политическихъ обстоятельствъ. Онѣ были также удобопримѣнимы въ Россіи какъ и въ Америкѣ, и несомнѣнно привели бы и у насъ къ возстановленію цѣнности нашей денежной единицы, къ усиленію нашей производительности и сбереженію не одной сотни милліоновъ рублей даромъ потраченныхъ государственныхъ расходовъ. Къ сожалѣнію осуществленію у насъ однородныхъ съ американцами мѣропріятій воспрепятвовали — не экономическія или политическія причины, а усвоеніе нашими вліятельными финансистами и экономистами тѣхъ отвлеченныхъ принциповъ экономической науки, которые наиболѣе соотвѣтствуютъ промышленнымъ и торговымъ интересамъ Англии, но не Россіи и Америки, и вопреки которымъ, какъ мы видѣли, и дѣйствовала послѣдняя.

Тогда какъ американцы, признавая единственнымъ вѣрнымъ средствомъ къ поправленію своего, разстроенаго междуособною войною, экономическаго и финансоваго положенія наибольшее развитіе промышленныхъ силъ страны, и вѣря въ существованіе торговаго баланса, принимали самыя дѣйствительныя мѣры къ усиленію туземной производительности и возстановленію равновѣсія въ торговомъ балансѣ посредствомъ высокаго таможеннаго тарифа, послѣдствиемъ чего должно было явиться и возстановленіе цѣнности неразмѣн-

ныхъ бумажныхъ денегъ, — въ Россіи, напротивъ того, полагали, что для развитія производительныхъ силъ страны необходимо было возстановить сперва цѣнность неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, понизить тарифъ, и не оказывать вовсе таможеннаго покровительства туземному производству предметовъ, въ которыхъ страна наиболѣе нуждалась. Вліяніе же торговаго баланса на курсы и цѣну золота, какъ и самое существованіе торговаго баланса, отрицалось нашими экономистами во имя научныхъ истинъ экономической науки.

Вслѣдствіе такого діаметрально противоположнаго пониманія экономическихъ причинъ и слѣдствій, и мѣропріятія къ достиженію однородныхъ цѣлей должны были оказаться діаметрально противоположными.

Тогда какъ американцы устремили всѣ свои усилія на развитіе туземной производительности, и не сдѣлали ничего для насильственнаго или искусственнаго поднятія цѣнности своихъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ; у насъ тратились значительныя суммы на подобное поднятіе цѣнности кредитнаго рубля, и ничего не дѣлали для развитія туземной мануфактурной промышленности.

Тогда какъ въ Америкѣ, въ видахъ поощренія внутренняго производства и увеличенія государственныхъ доходовъ, устанавливали высокой таможенный тарифъ; въ Россіи не только понижали его, но и допускали беспошлинно, въ громадныхъ количествахъ, ввозъ иностранныхъ надѣлій, уже обложенныхъ пошлиною.

Тогда какъ въ Америкѣ, въ видахъ доставленія правительству необходимаго на уплату процентовъ по металлическимъ займамъ золота, таможенные пошлины взымались золотомъ; въ Россіи пошлины взымались кредитными билетами, вслѣдствіе чего потеря на курсѣ, при необходимости платить золотомъ по вѣнскимъ займамъ, покрывалась изъ общихъ государственныхъ доходовъ, а не падала исключительно на потребителей иностранныхъ произведеній, какъ наиболѣе содѣйствующихъ пониженію вексельныхъ курсовъ. Взимать пошлины золотомъ съ 1877 года вынудили только военныя обстоятельства; но на необходимость и полезность этой мѣры давно было указано въ нашихъ экономическихъ журналахъ¹⁾.

Тогда какъ въ Америкѣ, въ видахъ облегченія и удешевленія внутренняго производства, отмѣняли и понижали исклю-

¹⁾ См. Торг. Сборн. 1866 г., стр. 203.

чительно внутренніе налоги, удерживая высокія таможенныя пошлины; въ Россіи, напротивъ того, согласно ученію фриредеровъ, понижали таможенныя пошлины и повышали внутренніе налоги, вслѣдствіе чего стоимость внутренняго производства издѣлій должна была увеличиваться, а конкуренція съ ними иностранныхъ облегчаться.

Когда въ Америкѣ, для сокращенія государственныхъ расходовъ, старались уменьшить процентныя долги,—въ Россіи заботились о превращеніи безпроцентныхъ долговъ въ процентныя, къ вѣщему отягощенію государственнаго бюджета.

Тогда какъ въ Америкѣ, изъ опасенія лишить страну необходимаго мѣноваго средства, не только не консолидировали неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, но еще основали, въ замѣнъ закрывшихся во время войны банковъ, огромное количество національныхъ банковъ съ правомъ выпуска билетовъ подъ обезпеченіе государственныхъ фондовъ;—въ Россіи не только дѣлали все возможное къ сокращенію мѣноваго средства, вовсе не заботясь о потребностяхъ въ немъ торговли и промышленности, а единственно съ недостижимой цѣлью, посредствомъ искусственно вызванной нужды въ деньгахъ, привлечь въ страну иностранное золото,—но еще приступили съ ничѣмъ невызывавшеюся поспѣшностью къ ликвидаціи прежнихъ кредитныхъ учрежденій, билеты которыхъ служили платежнымъ средствомъ наравнѣ съ кредитными билетами. Результатами подобныхъ мѣропріятій было то, что тогда какъ въ Америкѣ обиліе мѣноваго средства соотвѣтствовало потребности въ немъ, и правительство нашло возможность помѣстить въ банки на нѣсколько сотъ миліоновъ долларовъ своихъ облигацій, въ Россіи явилась небывалая нужда въ деньгахъ, а правительство было вынуждено дорого консолидировать свои займы изъ бывшихъ кредитныхъ учрежденій.

Когда въ Америкѣ, для сооруженія желѣзныхъ дорогъ наиболѣе выгоднымъ для страны способомъ, поощряли внутреннее производство всѣхъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей;—въ Россіи предпочитали приобрѣтать таковыя за границей въ долгъ на сотни миліоновъ рублей, ничѣмъ не поощряя ихъ внутренняго производства, а скорѣе противодѣйствуя ему.

Тогда какъ въ Америкѣ заботились объ уменьшеніи вѣншей задолженности страны; въ Россіи, согласно научному правилу, что страна по преимуществу земледѣльческая,

нуждающаяся въ капиталахъ для своего развитія, должна постоянно домогаться, а не обгъгать внѣшнихъ займовъ, — старались сколько могли увеличить внѣшнюю задолженность государства, занимая на кредитъ или подъ залогъ недвижной собственности.

Вышеприведеннаго сопоставленія мѣропріятій, имѣвшихъ мѣсто въ Америкѣ и Россіи, полагаемъ, будетъ достаточно для объясненія читателямъ причинъ, какъ нашего настоящаго неудовлетворительнаго экономическаго положенія и внѣшняго финансоваго закрѣпощенія, такъ и блистательныхъ экономическихъ и финансовыхъ успѣховъ достигнутыхъ американцами.

Сознаніе, что у насъ дѣйствовали съ самыми благими намѣреніями, вполне добросовѣстно и по всѣмъ правиламъ современной экономической науки, тогда какъ американскіе финансисты въ пониманіи ея научныхъ истинъ выказали себя полнѣйшими невѣждами, — нисколько не измѣняетъ сути дѣла. Наше фіаско — и успѣхъ американцевъ остаются тѣмъ же не менѣ очевидными и поразительными.

Не столько заслуживаетъ удивленія, что свободные, практическіе и энергическіе обитатели сѣверо-американскихъ штатовъ, руководствуясь лишь простымъ здравымъ смысломъ, напали на самыя дѣйствительныя мѣры для поправленія своихъ дѣлъ, и дѣйствуя какъ истые протекціонисты, не обращая никакого вниманія на зловѣщія предсказанія, на критику и брань европейскихъ фритредеровъ, — достигли, къ немалому удивленію и досадѣ ихъ, такихъ небывалыхъ экономическихъ и финансовыхъ успѣховъ; сколько то обстоятельство, что фритредерское ученіе нашло въ Россіи такую воспримчивую для себя почву, и что наши финансовыя и экономическія дѣятели оказались такими упорными его приверженцами, и противниками покровительства туземной мануфактурной промышленности. На сколько въ Америкѣ пренебрегали мнѣніями и указаніями иностранныхъ фритредеровъ, на столько у насъ, экономическимъ либерализмомъ и индеферентизмомъ къ интересамъ своей промышленности, старались заслужить ихъ одобреніе и слѣдовать ихъ указаніямъ.

Экономическія понятія, принятія съ такимъ успѣхомъ къ руководству американцами, преобладали и у насъ во время Канкрина и Мордвинова, и оказывали благотворное вліяніе на наше экономическое развитіе и финансовую состоятельность. Отчего же эти понятія оказались непригодными для Россіи

въ глазахъ нашихъ экономистовъ новѣйшей формаци? Объяснить это можно лишь исключительными условіями эпохи, наступившей послѣ окончанія первой восточной войны.

То было время подготовленія и осуществленія въ Россіи громадныхъ социальныхъ и экономическихъ реформъ. А извѣстно, что, въ періоды сильныхъ и крутыхъ переворотовъ во внутреннемъ строѣ страны, люди дѣлаются особенно воспримчивыми къ усвоенію самыхъ крайнихъ и несостоятельныхъ понятій и ученій социальныхъ, религіозныхъ и экономическихъ. При подобныхъ переворотахъ, какъ и во времена эпидемій, всего легче и сильнѣе заражаются наиболѣе слабые организмы, удерживающіе нерѣдко слѣды болѣзни на всю жизнь. А потому весьма естественно, что во время подготовленія такихъ реформъ, какъ освобожденіе двадцати милліоновъ крѣпостныхъ, введеніе земскихъ учреждений, гласности суда, свободы печати и т. д.,—экономическая теорія, извѣстная подъ именемъ свободной торговли или фритредерства, нашла у насъ многочисленныхъ послѣдователей и поборниковъ; какъ между специалистами по экономическимъ и финансовымъ вопросамъ, такъ и вообще между представителями нашей интеллигенціи и органами гласности. При свойственномъ намъ вообще нерасположеніи къ самостоятельному, систематическому, серьезному ученію, и склонности учиться лишь „чему нибудь и какъ нибудь“, чему не мало содѣйствуетъ и многопредметность или энциклопедичность программы нашего высшаго обученія,—экономическая теорія свободной торговли представляется для насъ особенно заманчивою, какъ такая наука, у которой и учиться—то почти нечему. Стоитъ лишь запомнить нѣсколько основныхъ правилъ или такъ называемыхъ научныхъ истинъ этого ученія, въ родѣ: „laissez faire, laissez passer, — ни во что не вмѣшивайтесь, — спросъ вызываетъ предложеніе, — покупайте гдѣ дешево, — привозъ поощряетъ вывозъ, — торговаго баланса не существуетъ, такъ какъ даромъ ничего не дается, — покровительство туземной промышленности есть недозволительное вмѣшательство въ экономическое развитіе страны, — таможенныя пошлины на иностранныя произведенія суть посягательство на естественныя права свободнаго обмѣна“ и т. д., и т. д.,—и вы можете воображать себя вполне постигшимъ всю суть экономической науки и смѣло братья за безапелляціонное рѣшеніе всевозможныхъ экономическихъ и финансовыхъ вопросовъ.

Одно уже названіе свободная торговля должно было про-

изводить на людей магическое дѣйствіе въ такое время, когда все рвалоcь на свободу. Кромѣ bona fide послѣдователей ученія свободной торговли, люди „себѣ на умѣ“ видѣли, въ то время, въ усвоеніи этого ученія средство къ зарекомендованію себя и къ заявленію о своемъ направленіи. Въ то время, не мало было личностей, которыя, примѣняясь къ духу времени:

„Либерализмомъ торговали, и торговали съ барышомъ“.

Къ тому-же, при извѣстной нашей податливости на счетъ принциповъ, фритредерскія убѣжденія нисколько не препятствовали ихъ послѣдователямъ занимать выгодныя мѣста по вѣдомствамъ, прямое назначеніе которыхъ шло въ разрѣзъ съ основными правилами ученія свободной торговли. Такъ, напримѣръ, одинъ, служа по таможенному вѣдомству, бралъ на себя обязанность строго преслѣдовать контрабандистовъ, въ которыхъ фритредерство видитъ лишь благодѣтелей человечества, восстанавливающихъ нарушенныя естественныя права потребителей. Другой — служилъ по вѣдомству, предназначенному покровительствовать развитію туземной мануфактурной промышленности, тогда какъ, по его фритредерскимъ понятіямъ, подобное покровительство признается вреднымъ, а покровительствуемые мануфактуристы считаются эксплуататорами народа. Какъ бы ни была сильна нравственная пытка для подобнаго служебнаго фритредера, когда ему, по обязанности службы, приходилось являться на всемірныя выставки съ мануфактурными издѣліями своей страны, представляющими, по его убѣженію, лишь оранжерейныя произведенія, неимѣющія своего *raison d'être*; но онъ охотно бралъ на себя эту обязанность. Третій, стоя за безошлинный привозъ всевозможныхъ иностранныхъ машинъ, дѣлался руководителемъ техническаго образованія, вовсе упуская изъ вида, что его технологамъ, при невозможности развитія туземнаго машиностроительнаго производства, вслѣдствіе отстаиваемаго имъ свободнаго, безошлиннаго привоза иностранныхъ машинъ, придется служить по акцизному, таможенному или другому какому либо вѣдомству, для которыхъ вовсе не требуется никакого спеціальнаго технологическаго образованія.

Положимъ, что всѣ эти господа, ради пользы службы, насилывали свои убѣжденія и добросовѣстно выполняли свои служебныя обязанности. Но какъ бы подобный общественный дѣятель ни былъ безупреченъ относительно строгаго исполненія, противныхъ его убѣженіямъ, требованій закона, кто поручится,

что извѣстный его образъ мыслей на счетъ вреда, наносимаго покровительственнымъ тарифомъ несчастнымъ потребителямъ, не отзовется вредно на дѣйствіяхъ его подчиненныхъ? Какого благочестія и набожности можно ожидать отъ причта и прихожанъ, когда всѣмъ извѣстно, что самъ духовный отецъ ихъ не вѣритъ въ Бога? Недаромъ же покойный баронъ М. говаривалъ одному изъ своихъ сослуживцевъ, сильно запибавшему фритредерствомъ: „mon cher B. il faut que l'évêque soit croyant“. Что же удивительнаго, что, при преобладаніи подобнаго таможеннаго нигилизма, слышались жалобы на невозможность справиться съ контрабандою и требованія радикальнаго пониженія тарифа? Извѣстно, какія усилія дѣлали наши фритредеры при послѣднемъ пересмотрѣ таможеннаго тарифа, въ видахъ наибольшаго пониженія пошлинъ на иностранныя мануфактурныя издѣлія; и не ихъ, конечно, вина, если имъ не удалось подорвать нашу мануфактурную промышленность. Только сознаніе высшимъ правительствомъ связанныхъ съ нею громаднхъ интересовъ не допустило ихъ до этого. Но за то они успѣли, своими фритредерскими мѣропріятіями, воспрепятствовать развитію туземныхъ горнозаводской и машиностроительной промышленности, а съ ними и производству всѣхъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей, въ которыхъ настояла и настоять такая громадная потребность для Россіи. Безпошлинный привозъ иностранныхъ желѣзнодорожныхъ матеріаловъ и машинъ, парализовавъ производительность страны, былъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ факторовъ, содѣйствовавшихъ разстройству нашего торговаго баланса и паденію вексельныхъ курсовъ. Тогда какъ американцы, строя свои желѣзныя дороги изъ иностранныхъ рельсовъ, неукоснительно взимали съ нихъ установленную пошлину и тѣмъ дали возможность развиться ихъ внутреннему производству до того, что потребность въ иностранныхъ рельсахъ вскорѣ прекратилась; у насъ, хотя по тарифу и существовала на рельсы пошлина, но таковыя допускались къ привозу безпошлинно, а потому естественно; что, вслѣдствіе этого, не могло развиться внутреннее ихъ производство, и мы, накупивъ въ долгъ за границею, на сотни милліоновъ, желѣзнодорожныхъ принадлежностей, и до сихъ поръ не въ состояніи даже ремонтировать нашихъ дорогъ и ихъ подвижныхъ составовъ безъ привоза иностранныхъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей. Такое антихозяйственное пониманіе потребностей народнаго хозяйства было слѣдствіемъ усвоенія нашими финансистами и экономистами фритредерскаго правила „покупать гдѣ дешево“. Во что обо-

шласть намъ эта заграничная дешевая покупка, доказавшая справедливость французской поговорки, что „rien n'est plus ruineux que le bon marché“, мы объяснимъ ниже.

Фритредерское правило, что „торгового баланса не существуетъ, такъ какъ кто покупаетъ, тотъ и платитъ, находя покупку для себя выгодною“, и что, слѣдовательно, никакой международной задолженности, могущей повести къ международной платежной несостоятельности, „Internationale Zahlungsunfähigkeit“, какъ выражаются нѣмцы, случиться не можетъ, — нашло у насъ горячихъ послѣдователей, которые, будучи plus catholique que le pape, не хотѣли знать, что единственные до сихъ поръ послѣдователи системы свободной торговли — англичане заботятся болѣе всѣхъ о сохраненіи равновѣсія въ торговомъ балансѣ, и что ихъ экономическіе журналы постоянно и зорко слѣдятъ за его положеніемъ. Отрицаніе торгового баланса тѣмъ болѣе находило сторонниковъ между нашими финансистами, что оно развязывало имъ руки относительно немедленнаго приведенія въ исполненіе ихъ плановъ къ поднятію цѣнности нашей денежной единицы и вексельныхъ курсовъ, придуманными ими средствами. Къ какимъ плачевнымъ результатамъ повели, при непринятіи во вниманіе невыгоднаго торгового баланса, искусственная поддержка курсовъ и несвоевременная разнѣнная операція, поглотившія, безъ пользы, болѣе сотни милліоновъ рублей и содѣйствовавшія лишь къ вѣщшему ухудшенію нашей бумажной валюты и вексельныхъ курсовъ, — извѣстно всѣмъ.

Отрицаніе торгового баланса вредно отозвалось и на нашей торговой международной статистикѣ. Наши таможенные фритредеры, на основаніи научнаго отрицанія ученія о существованіи торгового баланса, пришли къ логическому заключенію, что и собираніе невозможно вѣрныхъ данныхъ о цѣнности привоза и вывоза товаровъ вовсе бесполезно и ни къ чему не служить, а потому и порѣшили замѣнить оцѣнку товаровъ вмѣсто дѣйствительныхъ цѣнъ, цѣнами постоянными, которыя вскорѣ оказались вовсе фиктивными. Такимъ образомъ мы лишились вѣрныхъ статистическихъ данныхъ относительно внѣшней торговли за цѣлыя семь лѣтъ — съ 1865 по 1873 годъ¹⁾. Только

¹⁾ На сколько постоянныя цѣны вскорѣ оказались несходными съ дѣйствительными, можно судить по замѣткѣ въ „Вѣдахъ Внѣшней Торговли за 1868 г.“, изъ которой видно, что показанная стоимость вывоза изъ Россіи по европейскимъ границамъ за 1867 г. въ 220 мил. р. и за 1868 г. въ 217 мил. р.

международному статистическому конгрессу, засѣдавшему въ Петербургѣ въ 1873 году, удалось убѣдить нашихъ таможенныхъ статистиковъ въ непригодности и несостоятельности оцѣнки по постояннымъ цѣнамъ, и въ необходимости оцѣнивать товары по цѣнамъ, наиболѣе подходящимъ къ дѣйствительнымъ. Вслѣдствіе этого, съ 1873 года, въ официальномъ изданіи „Обзоръ Внѣшней Торговли Россіи“, оцѣнку товаровъ рѣшено вновь производить по ихъ дѣйствительнымъ цѣнамъ; но отъ небрежности, или некомпетентности производящихъ ее лицъ, она оказывается далеко еще не удовлетворительною.

Преобладаніе у насъ фритредерскихъ понятій не только задержало развитіе туземнаго производства крайне необходимыхъ предметовъ, что равносильно подрыву производительныхъ силъ страны, но невыгодно отзывалось вообще на нашихъ экономическихъ, финансовыхъ и т. п. мѣропріятіяхъ. Усвоивъ себѣ одностороннее понятіе, что болѣе всего слѣдуетъ заботиться лишь объ удешевленіи иностранныхъ произведеній, наши экономисты, при необходимости увеличенія государственныхъ доходовъ, исключительно повышали лишь внутренніе налоги, т. е. дѣлали совершенно противное тому, что дѣлали, какъ было объяснено выше, Американцы. При этомъ наши послѣдователи ученія свободной торговли вовсе упустили изъ виду, что главная суть ученія Адама Смита заключалась въ облегченіи производительнаго труда отъ всякихъ внутреннихъ стѣсненій и вредныхъ налоговъ, и что примѣненіе принциповъ свободной торговли началось именно съ подобныхъ облегченій въ самой Англии. Подъ вліяніемъ фритредерскихъ взглядовъ, у насъ допускали беспошлинный привозъ иностранныхъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей и машинъ, заботились о пониженіи пошлины на иностранныя ткани, кофе, ваниль и т. д. и оставили неотмѣненнымъ до сихъ поръ акцизъ на соль, вредное вліяніе котораго на земледѣліе, скотоводство, мануфактурную промышленность, народное здравіе и т. д. давно признано всѣми.

Если наши официальные спеціалисты по финансовымъ и экономическимъ вопросамъ оказались послѣдователями отвлеченныхъ экономическихъ теорій и сторонниками свободной торговли,

въ дѣйствительности равнялась 300 и 275 мил. р., т. е. была на 80 и 58 мил. р. болѣе. Но не смотря на эту оговорку, невѣрные данныя о стоимости вывоза за эти годы продолжали фигурировать въ „Обзорахъ“ при ежегодныхъ сравненіяхъ вывоза за 10 лѣтъ, до 1877 г. включительно.

то тѣмъ естественнѣе было преобладаніе такихъ же понятій и увлеченій въ дѣятеляхъ по всѣмъ другимъ частямъ государственнаго управленія. А такъ какъ составлявшіяся комиссіи по разнымъ экономическимъ и финансовымъ вопросамъ состояли почти исключительно изъ однихъ представителей казенныхъ вѣдомствъ, то и рѣшенія ихъ могли быть лишь въ духѣ усвоенныхъ послѣдними на швольныхъ скамьяхъ экономическихъ понятій.

Фритредерскія понятія преобладали не только въ официальныхъ сферахъ, но и въ большинствѣ органовъ нашей прессы. На сколько это происходило отъ чисто научныхъ убѣжденій, отъ хорошо оплачиваемой пропаганды, или отъ какихъ либо другихъ причинъ, — опредѣлить трудно. Но для характеристики этого преобладанія не лишена значенія, слышанная нами въ началѣ шестидесятыхъ годовъ отъ одного многолѣтняго и опытнаго издателя большой газеты, жалоба на то, что у насъ трудно было найти человѣка, способнаго писать въ защиту рациональной покровительственной системы, такъ какъ университеты и лицеи выпускаютъ лишь однихъ фритредеровъ, и что, вслѣдствіе этого, при необходимости имѣть въ журналѣ экономическій отдѣлъ, поневолѣ приходится печатать статьи въ духѣ фритредерства.

Мы относимся вполне объективно къ описываемой нами эпохѣ и не имѣемъ намѣренія ни критиковать, ни поучать кого либо. Наша цѣль заключается лишь въ томъ, чтобъ разъяснить причины непринятія у насъ однородныхъ съ американцами мѣропріятій, увѣнчавшихся такими блестящими успѣхами. Мы готовы даже, въ видѣ смягчающихъ или извиняющихъ наши экономическіе и финансовыя промахи обстоятельствъ, принять въ уваженіе, что въ то время у нашихъ финансистовъ и экономистовъ не было еще передъ глазами поучительнаго примѣра Франціи послѣ 1870 г., а еще болѣе подходящаго къ намъ примѣра Америки послѣ окончанія междуособной войны въ 1864 году, а также и настоящаго неудовлетворительнаго экономическаго положенія Англій, какъ въ промышленномъ и торговомъ, такъ и въ сельскохозяйственномъ отношеніяхъ, не смотря на многолѣтнее усвоеніе ею системы свободной торговли и на ея металлическое денежное обращеніе. Экономическое положеніе Англій оказывается до того не благоприятнымъ, что въ ней начинаютъ даже сомнѣваться въ достоинствахъ системы свободной торговли, выдаваемой фритредерами за экономическую панацею. Мы, однакожь, полагаемъ, что для Англій, при ея сильномъ мануфактурномъ развитіи, эта система есть самая подходящая. Кромѣ того, мы знаемъ, что не у однихъ насъ ученые эконо-

мисты способны придавать чрезмѣрное значеніе проповѣдуемымъ ими научнымъ истинамъ; такъ напримѣръ, извѣстный экономистъ Мишель Шевалье заявлялъ на одномъ ученомъ собраніи въ 1875 г., что еслибъ торговые трактаты, заключенные въ 1860 году на принципахъ свободной торговли, не смотря на ихъ ограниченіе и несмѣлость, были заключены ранѣе, то не случилось бы и войны 1870 года!!¹⁾.

Но насколько, послѣ имѣющихся уже примѣровъ Англии, Франціи и Америки, можетъ быть извинительно упорствованіе въ прежнихъ заблужденіяхъ и повтореніе тѣхъ же несостоятельныхъ мѣропріятій,—это другой вопросъ.

А. Крас овъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ „Mr Chevalier proceeded to argue that if commercial treaties of 1860, altho restricted and timid had been longer in existance, the war of 1870 might have been averted“—(Econ. 1875. стр. 901).

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Ежедневно печатаемыя въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ officialныя извѣстія изъ Астраханской губерніи положительно удостоверяютъ, что зараза фактически прекратилась, и что противъ ея возникновенія приняты энергическія и, повидимому, достаточныя мѣры. Такимъ образомъ, вопросъ о чумѣ утратилъ свой острый характеръ всепоглощающей насущной злобы дня, и всѣ, съ легкимъ сердцемъ, спѣшатъ перейти къ очереднымъ вопросамъ жизни, хотя особенной легкости во всѣхъ этихъ вопросахъ и не ощущается. Этотъ возвратъ къ легкости сердца по отношенію къ чумѣ замѣчается, впрочемъ, только у насъ. Наши добрые сосѣди по всей западной границѣ, не исключая, съ позволенія сказать, и Румыніи, не смотря на успокоительныя сообщенія ихъ собственннхъ медицинскнхъ делегатовъ, отправленныхъ ими на театръ бывшей заразы, не спѣшатъ не только отмѣнить, но хотя ослабить тѣ стѣснительныя для нашей торговли и для нашихъ путешественниковъ мѣры, которыя они учредили на своихъ границахъ съ Россією, при первомъ извѣстнн о чумѣ въ Енотаевскомъ уѣздѣ. Это еще разъ доказываетъ, съ одной стороны, что чума, въ этомъ случаѣ, главнымъ образомъ была только предлогомъ и даже не особенно благовиднымъ для этихъ добрыхъ сосѣдей нашихъ—сдѣлать Россіи лишній разъ пакость, чѣмъ они, къ своему удовольствію, и воспользовались; съ другой же стороны, что это удовольствіе пакостить Россіи настолько пріятно для нихъ, что имъ желательно продолжить его какъ можно долѣе. Ну что же? Еще Карамзинъ, если не ошибаемся, сказалъ: „Всякъ въ своихъ желаньяхъ воленъ; лавры—вась я не ищущу...“ Лавры тутъ, дѣйствительно, найти трудно, еслибы даже и искали ихъ, но есть за то, какъ мы сказали, удовольствіе нагадить, по выраженію Щедрина, „ненавистному другу“. Можно довольствоваться и этимъ. Хотя это гаженье началось, собственно говоря, по

командѣ изъ Берлина, но первенство въ неблагопристойности, до которой оно доведено, безспорно, принадлежитъ доблестнымъ потомкамъ, сосланныхъ когда-то изъ Рима въ Дакию, разнаго рода римскихъ „червонныхъ ваетовъ“ и разныхъ преступниковъ. Дѣйствительно, усердіе свое, въ этомъ отношеніи, румыны простерли до того, какъ пишутъ изъ Унгенъ, что путешественниковъ нашихъ высаживаютъ изъ вагоновъ 1-го и 2-го классовъ и насильно заставляютъ совершать переѣзды черезъ Румунію въ 3-мъ классѣ, не смотря на взятые ими билеты высшихъ классовъ, не справляясь и откуда они ѣдутъ. Винить, впрочемъ, румынъ слишкомъ строго нельзя. Еще дѣдушка Крыловъ разсказалъ намъ поучительную исторію объ одной, обуреваемой неумѣреннымъ тщеславіемъ, москѣй, которая лаяла на слона, побуждаемая единственно легкомысленною надеждою, что несообразительные свидѣтели такого нелѣпаго задора маленькаго животнаго авось подумаютъ: „Ай москѣ! Знать она сильна, что лаетъ на слона“. И почему же, спрашивается, не проявлять подобной москѣй своего назойливаго задора, если ей позволяютъ это; если ей во-время не преподадутъ полезнаго урока подобающей благоразумной сдержанности, при помощи добраго пинька ногою. Противъ такого политико-педагогическаго приѣма, мы полагаемъ, не могло бы претендовать и само берлинское общество покровительства животныхъ, хотя бы во главѣ его стоялъ самъ князь Бисмаркъ, и гдѣ по правую сторону графа Биконсфильда, а по лѣвую—графа Андранш. Но... формалистъ-читатель можетъ упрекнуть насъ, что изъ области внутренняго обозрѣнія, мы, самовольно, вторглись въ неподлежащую намъ область внѣшней политики. Упрекъ будетъ, однако, несправедливъ и уклоненіе наше только кажущееся, потому что внѣшнее, по-видимому, дѣло пограничныхъ стѣсненій со стороны нашихъ западныхъ сосѣдей, отзывается слишкомъ чувствительно на всей нашей внутренности. Довозательствомъ этому служитъ петиція, поданная недавно нашимъ биржевымъ купечествомъ министру финансовъ, въ которой купечество это проситъ министра ходатайствовать о томъ, чтобы правительство наше вошло въ сношеніе съ правительствами сосѣднихъ государствъ о прекращеніи принятыхъ ими стѣснительныхъ пограничныхъ порядковъ, въ виду, съ одной стороны, тѣхъ потерь, которыя несетъ наша внѣшняя торговля отъ этихъ порядковъ, а съ другой, что самый поводъ къ учрежденію ихъ—опасность заноса заразительной болѣзни, если даже и признать, что она, дѣйствительно, существовала,—въ настоящее время не существуетъ болѣе.

Переходимъ засимъ въ несомнѣнно подлежащую намъ сферу обозрѣнія. Здѣсь, какъ мы сказали выше, успокоясь на счетъ фактической чумы, все спѣшитъ перейти къ очереднымъ вопросамъ. То же сдѣлало и общество русскихъ врачей въ засѣданіи 8-го марта, выдер-

жавъ послѣднюю баталію съ докторомъ Экомъ. Мы, впрочемъ, счастливы, въ этомъ отношеніи, почтеннаго общества. Мы совершаемъ переходъ нанѣ къ очереднымъ вопросамъ въ силу положительнаго упраздненія вопроса о фактической чумѣ, на основаніи официальныхъ данныхъ. Ученое же общество русскихъ врачей не можетъ сказать того же о себѣ. Въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, нашихъ медицинскихъ свѣтилъ первой и второй величины, оно тоже два мѣсяца разговаривало о чумѣ и даже печатало эти разговоры, съ цѣлію, съ одной стороны, просвѣтить профановъ, которымъ не удалось самимъ слышать эти умные разговоры; а съ другой,—на деньги, вырученные отъ продажи изданія, послать отъ себя делегата для изученія болѣзни на мѣстѣ. Казалось, что послѣднее должно было бы предшествовать первому, т. е., что дѣло слѣдовало предварительно изучить практически *in anima vili*, а потомъ уже разговаривать о немъ, а если уже непременно требовались разговоры, то предоставить вести ихъ исключительно тѣмъ врачамъ, которымъ, подобно доктору Артвигу, довелось практически познакомиться съ чумою во время прежнихъ эпидемій этой болѣзни. Но почтенное общество взяло на себя, какъ выразился его предсѣдатель (въ засѣданіи 11-го января), трудную задачу начать борьбу съ заразой, вооружась знаніемъ, на основаніи литературнаго изученія, по которому и выходило, что чума не заразительна, и что карантинъ, какъ мѣра противъ распространенія заразы, бесполезенъ. Этому-то теоретическому оружію борьбы съ практическимъ зломъ и слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, приписать до извѣстной степени то, что, подобно лорду Биконсфильду, избрѣвшему научныя границы, у насъ, рядомъ съ дѣйствительною фактической чумою въ Енотаевскомъ уѣздѣ, появилась научная, теоретическая чума, сперва въ Петербургѣ, а потомъ и въ другихъ мѣстахъ. Практическимъ послѣдствіемъ этой, такъ называемой, научной чумы, является пока соблазнительный расколъ въ нашемъ медицинскомъ мірѣ. На чьей сторонѣ, изъ образовавшихся въ немъ толковъ, находится медицинская ортодоксія, на чьей ересь—мы рѣшить не беремся; но несомнѣнно, что помянутый расколъ не мало удивилъ Европу и не особенно лестно зарекомендовалъ, въ глазахъ ея, ту среду, въ которой онъ совершился. Борьба за и противъ научной чумы настолько утомила, повидимому, самихъ борцовъ, что профессоръ Боткинъ отказался отъ участія въ совѣщаніяхъ городской санитарной комисіи, въ виду того, что другіе, участвующіе въ комисіи, врачи не раздѣляютъ его мнѣнія о чумѣ; а общество русскихъ врачей, послѣ долгихъ и, полагаемъ, малоплодныхъ препирательствъ по этому предмету, въ засѣданіи 8 марта, какъ мы сказали

выше, постановило перейти къ очереднымъ вопросамъ; но, какъ справедливо замѣтилъ „Голосъ“ (№ 69), „не смотря на жгучесть вопроса и его громадное практическое значеніе, онъ не былъ рѣшенъ категорически. Каждая изъ сторонъ осталась при своихъ взглядахъ, основанныхъ на томъ или другомъ научномъ доводѣ, обоюдостромъ для каждаго изъ оппонентовъ“. Для полноты картины того разногласія, которое водворилось въ нашемъ медицинскомъ мірѣ по вопросу о чумѣ, не лишнимъ будетъ замѣтить, что заразительность чумы и дѣйствительность, противъ ея распространенія, карантинной системы, въ засѣданіи общества русскихъ врачей 11-го января, положительно были отвергнуты нѣкоторыми изъ говорившихъ тогда ораторовъ, и противъ этого отрицанія не раздалось тамъ ни одного голоса. Въ засѣданіи же общества практическихъ врачей 6-го февраля, при обсужденіи доклада комисиі для разработки положенія о мѣрахъ, осуществленіе которыхъ было бы желательно въ Петербургѣ въ виду противодѣйствія эпидеміямъ вообще и чумѣ въ частности, признанныя комисиєю въ 1-мъ и 2-мъ пунктахъ ея доклада вышеозначенныя мѣры, были единогласно приняты всѣмъ обществомъ.

Слава Богу, что практическіе результаты фактической чумы оказались болѣе осязательными и плодотворными. Не даромъ и пословица говорить: „нѣтъ худа безъ добра“. Добро, явившееся слѣдствіемъ чумы, выразилось въ томъ, что хотя незначительный клочекъ Россіи, но представлявшій одно изъ самыхъ благопріятныхъ гнѣздилищъ всякихъ болѣзней, т. е. тотъ сравнительно небольшой околodoreвъ, на которомъ фактически проявилась чумная зараза, подвергнуть былъ дѣйствительному и достаточно полному оздоровленію, причемъ хотя нѣкоторая очистка ея произведена и производится или, по крайней мѣрѣ, должна быть произведена по всей мѣстности, подчиненной, въ настоящее время, временному генераль-губернатору юго-восточнаго края графу Лорисъ-Меликову. Утвержденныя имъ мѣры будутъ полезны, разумѣется, лишь въ томъ случаѣ, если объявленныя имъ циркулярныя предписанія начальникамъ подвѣдомственныхъ ему губерній о мѣрахъ къ устраненію всѣхъ существующихъ поводовъ, благопріятствующихъ развитію въ краѣ болѣзней вообще и возникновенію чумы въ частности,—будетъ фактически и настойчиво приведено въ исполненіе, всѣми, до кого это надлежитъ, а не останется краснорѣчивымъ, но мертвымъ памятникомъ его дѣятельности, въ виду того, что непосредственная, острая опасность миновала. А, повидимому, такой, именно оборотъ и приняло это дѣло во всѣхъ другихъ мѣстахъ Россіи, начиная съ Петербурга. Съ появленіемъ заразы или, правильнѣе, съ той поры, когда фактическое существованіе ея въ Ветлянкѣ было признано официально, т. е. съ января мѣсяца, администрація, а

еще болѣе земскія и городскія общественныя управленія по всей Россіи, заговорили о необходимости оздоровленія подлежащихъ ихъ вѣдѣнію мѣстностей и устраненія существующихъ повсюду антисанитарныхъ условий, образующихъ почти повсемѣстно самую благодатную почву для всякаго рода болѣзней. Во главѣ этого верченія языка, какъ и подобало, стали Петербургская и Московская думы, и надо отдать имъ справедливость: наговорено было въ обѣихъ этихъ говорильняхъ почти столько же, сколько существуетъ въ обѣихъ нашихъ столицахъ грязи и нечистотъ, удаленіе которыхъ составляетъ главный предметъ всѣхъ этихъ словонизверженій. Петербургская дума въ два мѣсяца договорилась, однако, до образованія городской санитарной комисіи, комисіи общественнаго здравія тожъ. Но учрежденіе этой комисіи совершилось, повидимому, только для того, чтобы освободить собственно думу отъ набившихъ всѣмъ оскомину безплодныхъ разговоровъ объ асенизаціи города и передать это непроизводительное занятіе въ болѣе тѣсный кружокъ специально осужденныхъ на это членовъ комисіи, которая и понинѣ продолжаетъ разговаривать. Особенно интересны и поучительны, названныя почему то окончательными, хотя они ничего не окончили и не разрѣшили,—пренія, происходившія въ третьемъ засѣданіи этой комисіи съ участіемъ врачей гг. Губнера, Здекауера, Баталина, Розова, Касторскаго и Фрибена. Господа эти, понятно, по самой профессіи, должны были и могли заявить только то, о чемъ дума разговаривала уже два мѣсяца, не считая всѣхъ прежнихъ ея разговоровъ на ту же тему, повторившихся при появленіи всякой эпидеміи въ Петербургѣ, т. е., что для оздоровленія города и охраненія населенія его отъ повальныхъ болѣзней, необходимо прежде всего освобожденіе его отъ накопившихся въ немъ нечистотъ и разрѣшеніе скученнаго въ душныхъ и грязныхъ помѣщеніяхъ бѣднаго люда. Но послѣ этихъ заявленій, предсѣдатель комисіи освѣдомился зачѣмъ-то у доктора Касторскаго о томъ, какія мѣры предпринимались противъ чумы въ Персіи и былъ ли тамъ поднятъ вопросъ о разрѣшеніи густо населенныхъ мѣстностей. Мы сказали „зачѣмъ-то“, потому, что дѣйствительно трудно предположить, чтобы г. предсѣдатель серьезно разсчитывалъ позаимствоваться уроками въ асенизаціи Петербурга отъ полудикой азіатской и мусульманской страны, которая, по самому религіозному фатализму своему, считаетъ грѣхомъ всякія предохранительныя мѣры; а если, подъ давленіемъ европейцевъ, и принимаетъ ихъ иногда, то лишь только для виду, чтобы отвязаться отъ докучливыхъ требованій Европы. Мы, съ своей стороны, можемъ объяснить себѣ подобный вопросъ только вообще весьма похвальной, но въ настоящемъ случаѣ, совершенно праздною любознательностью г. предсѣдателя, которую г. Касторскій и удовлетворилъ, однако, по возмож-

ности, но, какъ и слѣдовало ожидать, совершенно бесполезно для дѣла. Затѣмъ членъ всевозможныхъ городскихъ и земскихъ комисій и, въ особенности, ветеранъ петербургской санитарной комисіи, ведѣвшій И. В. Жуковский доказалъ, какъ $2 \times 2 = 5$, что всѣ вышеупомянутыя требованія врачей по вопросу объ оздоровленіи города неосуществимы. По словамъ его, для быстрого освобожденія города отъ одагивающихъ его нечистотъ не имѣется перевозочныхъ средствъ въ необходимомъ количествѣ; что, гнѣздящаяся въ настоящее время въ смрадныхъ подвалахъ и углахъ, значительную часть петербургскаго населенія некуда выселить; что онъ сомнѣвается даже въ самой возможности изданія обязательнаго постановленія относительно кубическаго содержанія воздуха въ известной пропорціи для каждаго жильца, не говоря уже объ убыточности такой мѣры, какъ и вообще вывода жильцовъ изъ подваловъ, для домовладѣльцевъ, несущихъ городскіе налоги, и для съемщиковъ квартиръ, отдающихъ ихъ по угламъ петербургской голи.

Надо сказать, впрочемъ, что, по вопросу о разрѣшеніи скученнаго населенія, г. Жуковский повторилъ только то, что было ранѣе, а именно въ засѣданіи той же комисіи 27 февраля, высказано другимъ членомъ ея С. П. Горсткимъ, замѣтившимъ въ назиданіе своимъ членамъ, что у насъ нѣтъ закона, который позволялъ бы комисіи, во-первыхъ, выселять народъ изъ помѣщеній, отличающихся скученностью жильцовъ, а во-вторыхъ, опредѣлялъ бы минимумъ кубическаго содержанія воздуха для каждаго жильца.

Всѣ содержатели, наиримѣръ, ночлежныхъ пріютовъ, по словамъ г. Горсткіна, слѣдуютъ лишь одному правилу: впускать на ночлегъ столько, „сколько вмѣстится“ „Могій вмѣстити, значить, да вмѣстити“. Г. Горсткінь, обладатель двухъ огромныхъ домовъ (если онъ не продалъ ихъ), построенныхъ имъ на углу Фонтанки въ имъ же сооруженной улицѣ, выходящей на Сѣнную площадь, — конечно лучше, чѣмъ это нибудь, знакомъ съ эконоическими условіями помѣщеній, свучивающихъ народъ „сколько вмѣстится“, потому что проведенная имъ новая улица прорѣзала именно ту мѣстность, гдѣ издавна процвѣтаетъ знаменитый домъ Ваземскаго и другія петербургскія трущобы, съ которыми познакомилъ насъ отчасти Вс. Крестовскій въ своемъ известномъ романѣ. Притомъ эти самыя замѣчанія г. Горсткіна, сдѣланы имъ въ засѣданіи городской санитарной комисіи 27 февраля, слѣдовательно, онѣ были вполне авторитетны, и г. Жуковский, въ засѣданіи 8 марта, только подтвердилъ ихъ, высказавъ въ заключеніе, что, въ настоящее время, нужно ограничиться лишь тѣми основными началами (?), которыя возможны безъ нарушенія быта и обычаевъ, установившихся въ населе-

ніи. А такъ какъ бытъ и обычаи этого населенія, исключая сравнительно небольшой части его, пользующейся извѣстными средствами, и обуславливаютъ скопленіе нечистотъ и скученность людей въ помѣщеніяхъ, которымъ, по мнѣнію доктора Баталіна, никакая вентиляція не поможетъ, то изъ словъ г. Жуковского выходитъ, что, по части оздоровленія города, надо оставить все какъ есть и ограничиться тѣми поскребываніями, которыми довольствовались до сихъ поръ. Этимъ именно предсѣдатель и заключилъ это курьезное засѣданіе городской санитарной комисіи, заявивъ присутствовавшимъ врачамъ благодарность отъ имени городского общества за сдѣйствіе городу полезными совѣтами и пообѣщавъ имъ, что комисіа постарается ими воспользоваться. Спрашивается, къ чему же привели почти трехмѣсячные разговоры объ оздоровленіи Петербурга, постоянно удручаемаго всякаго рода тифами, оснами, дифтеритами и т. п. эндеміями, и насколько подвинулось самое это оздоровленіе отъ такой затраты времени и словъ на подобнаго рода разговоры? Если же и въ острый періодъ и притомъ такой болѣзни, какъ ветлянская чума, дѣло не пошло далѣе разговоровъ, то теперь, когда непосредственная опасность миновала, оно и подавно не подвинется впередъ. А если такъ дѣйствуетъ наше самоуправленіе въ Петербургѣ, то чего же можно требовать и ожидать отъ нашихъ провинціальнѣхъ палестинъ?

Кстати объ этихъ палестинахъ. Въ виду болѣе или менѣе полнаго отсутствія въ нихъ удовлетворительныхъ санитарныхъ условій и даже пренебреженія ими, послѣдствіемъ чего естественно является постоянно свободный разгулъ всякаго рода болѣзней, повсюду находящихъ себѣ благопріятную почву,—привычно полезнымъ распространеніе въ народѣ правильныхъ понятій о необходимости этихъ условій и способахъ водворенія и пользованія ими. Извѣстно, что въ законахъ нашихъ никогда не было недостатка въ постановленіяхъ и узаніяхъ на средства и мѣры къ огражденію народнаго здравія и благоустройства, и чистоты въ городахъ и селахъ; но всѣ подобнаго рода постановленія тогда только переходятъ изъ мертвой буквы закона въ живнъ, когда необходимость ихъ исполненія входитъ въ сознаніе народа, а не является въ глазахъ его лишь прихотью, капризомъ начальства или даже просто однимъ изъ многихъ средствъ (по мнѣнію темнаго люда) для того, чтобы при случаѣ прижать и насолить человѣку. Опытъ давно уже доказалъ, что подобнаго рода сознаніе не водворяется въ народѣ посредствомъ станovýchъ приставовъ и вообще начальства; такое сознаніе можетъ быть создано только вліаніемъ и особенно примѣромъ людей, живущихъ въ средѣ народа болѣе или менѣе одною съ нимъ жизнью, людей, которые не могутъ

ему приказывать, или, по выражению цивилизованных городских, „просить чести“, съ помощью известнаго рода убедительныхъ жестовъ, но которые могутъ говорить съ народомъ, что называется, по душѣ и которыми онъ не обязанъ повиноваться, но самъ пожелаетъ ихъ выслушать. Понятно, что такими людьми въ нашихъ селахъ могутъ быть главнымъ образомъ священники, а еще болѣе народные учителя. Отсюда и родилось было предположеніе ввести въ число предметовъ преподаванія въ учительскихъ семинаріяхъ народную гигиену. Предложеніе это однако почему то не встрѣтило сочувствія и было отклонено, а ту пользу, которую народные учителя могли бы принести народу своимъ знакомствомъ съ санитарнымъ и гигиеническимъ дѣломъ, предположено достигнуть путемъ распространенія въ народѣ печатныхъ брошюръ по части гигиены и санитарныхъ мѣръ, необходимыхъ для сохраненія здоровья. Говоря правду, мы затруднились объяснить себѣ причину предпочтенія такихъ брошюръ живому слову и главное примѣру, особенно въ средѣ, болѣею частью, безграмотнаго народа. Прежде всего надо знать, какииъ путемъ будутъ распространяться эти брошюры. Допустимъ, что распространеніе это будетъ даровое и посредствомъ церковныхъ попечительствъ (которыя, къ слову сказать, далеко не вездѣ существуютъ), что народъ не приметъ эти брошюры за приказы начальства и что онъ пожелаетъ даже ознакомиться съ ихъ содержаніемъ. Положимъ, что въ каждой деревнѣ найдется можетъ быть хоть одинъ грамотѣй, который прочтетъ неграмотнымъ брошюру, но вѣдь, очевидно, одного прочтенія недостаточно. Какъ бы брошюра не была написана популярно, всетаки темному люду придется многое растолковать и объяснить въ ней, а главное необходимо будетъ наглядно показать ему и возможность и пользу примѣненія заключающихся въ брошюрѣ совѣтовъ. Все это, въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, можетъ сдѣлать обменовенный деревенскій грамотѣй, наоборотъ онъ самъ еще можетъ явиться кривотолкомъ. Кто же слѣдовательно въ состояніи авторитетно дать народу дѣльное и толковое разъясненіе и наглядный примѣръ? — Тотъ же священникъ или учитель народной школы; но оба они, или по крайней мѣрѣ, послѣдній, конечно лучше бы исполнили это, если бы сами предварительно были ознакомлены въ семинаріи съ предметомъ, который имъ придется объяснять народу. Объясненіе, впрочемъ, тутъ дѣло второстепенное, главное дѣло въ примѣрѣ. Въ одномъ изъ предыдущихъ обзорѣй мы говорили, что народъ и самъ, безъ всякихъ совѣтовъ и указаній, понимаетъ, что жить въ свѣтлой просторной хатѣ, употреблять вдоволь здоровую питательную пищу, ходить въ чистомъ бѣлье,—лучше, чѣмъ задыхаться въ грязномъ и душномъ логовищѣ, питаясь въ проголодь чѣмъ попало. Конечно, такая неблагоприятная для жизни и здоровья

обстановка главнымъ образомъ зависитъ отъ удручающей народъ бѣдности; но нельзя не сказать, что въ ней, къ этой капитальной причинѣ, присоединяется и своя доля привычки къ нераществу и незаботливости о себѣ, устраненіе которыхъ, не требуя затратъ, всетаки можетъ улучшить санитарныя условия народной жизни; и возможность этого улучшенія даже при настоящихъ средствахъ крестьянина, только и можетъ быть доказана и возбуждена живымъ нагляднымъ примѣромъ человѣка, живущаго при одинаковыхъ съ народомъ экономическихъ условіяхъ. Такимъ человѣкомъ легче всего можетъ быть деревенскій школьный учитель, если онъ еще въ семинаріи былъ приученъ и обученъ соблюдать гигиеническія и санитарныя правила всегда, насколько это возможно, и при всякой жизненной обстановкѣ.

Правда, что нужда и голодъ заставляютъ русскаго простолюдина дѣлать такія вещи, отъ которыхъ волосъ становится дыбомъ на головѣ всякаго патріота и даже просто образованнаго человѣка. Такъ, „Смоленскій Вѣстникъ“ сообщаетъ, что въ самомъ Смоленскѣ полиція, заарестовавъ 120 пудовъ гнилой рыбы, распорядилась облить ее нечистотами и зарыть въ землю. Черезъ короткое время оказалось, что смоленскіе мѣщане похитили и конечно или съѣли сами, или продали бѣднягамъ 115 пудовъ этой рыбы, причемъ брали ее буквально изъ пѣлой лужи нечистотъ. Какое долженъ быть голодъ у человѣка, чтобы заставить его ѣсть гнилую рыбу, насыщенную массою человѣческихъ нечистотъ?

Если очищеніе подваловъ и разрѣшеніе скученности въ помѣщеніяхъ бѣднаго народа представляется нѣкоторымъ (желаемъ думать, что не всѣмъ) петербургскимъ домовладѣльцамъ дѣломъ не только невозможнымъ, но чуть ли не противозаконнымъ посягательствомъ на ихъ интересы, то слѣдуетъ ожидать—исполнить ли на этотъ разъ требованіе общественной гигиены и санитарныхъ правилъ, по крайней мѣрѣ, правительственныя учрежденія относительно подвальныхъ помѣщеній въ казенныхъ домахъ, гдѣ помѣщаются рабочіе и служительскія команды, также не отличающихся ни особенною чистотой, ни необходимымъ просторомъ для живущихъ, что и оказалось въ помѣщеніи гдѣ жилъ Прокофьевъ и другіе дворники артиллерійскаго училища. Еще большею скученностью народа и неудовлетворительными санитарными условіями отличаются нерѣдко казармы, больницы и въ особенности тюрьмы. Еще недавно было сообщено въ газетахъ („Русск. Міръ“ № 19), что сырая и грязная казарма, отведенная въ Митавѣ для мѣстной команды, сдѣлалась источникомъ пятнистаго тифа, распространявшагося оттуда по городу въ средѣ обывателей. Существующія, особенно въ нашихъ большихъ городахъ, больницы, по нормальному числу кроватей, почти вездѣ недостаточны, такъ что, при каждомъ уси-

ленія заболѣваній, что бываетъ весьма нерѣдко, быстро перекопляются большими, и затѣмъ вновь прибывающимъ больнымъ приходится отказывать за абсолютнымъ недостаткомъ мѣста. Это явленіе беспрестанно повторяется и въ Петербургѣ и вызывается со стороны городской администраціи настойчивыя требованія отъ городского общественнаго управленія относительно учрежденія новыхъ временныхъ больницъ и слѣдовательно сверхсвѣтныхъ расходовъ, ложащихся тяжелымъ бременемъ на городской бюджетъ, и безъ того едва сводящій концы съ концами. Послѣдствіемъ этого является постоянное увеличеніе городскихъ налоговъ на недвижимыя имущества, торговлю и промыслы, отчего въ свою очередь является постоянное вздорожаніе жизни, становящееся изъ году въ годъ все болѣе и болѣе непосильнымъ для большинства населенія бѣднаго и средняго состоянія, живущаго определеннымъ доходомъ, неизмѣняющимся съ измѣненіемъ цѣвъ на жизненные потребности; а между тѣмъ эта часть населенія, главнымъ образомъ и несетъ на себѣ всю тяжесть налоговъ. Известно, что ни домовладѣлецъ, ни купецъ если не вовсе избавляются, то во всякомъ случаѣ наименѣе теряютъ отъ увеличенія налоговъ на ихъ имущества или торговлю. Они возвышаютъ цѣны и раскладываютъ, такимъ образомъ, налогъ на потребителей, большинство которыхъ, какъ мы сказали выше, особенно въ Петербургѣ, состоитъ изъ людей служащихъ или живущихъ определеннымъ жалованьемъ.

Необходимо администраціи хоть теперь обратить наконецъ вниманіе и на тюрьмы. Здѣсь переполненіе и отсутствіе всякихъ гигиеническихъ и санитарныхъ условій превосходить иногда всякую мѣру. Еще на дняхъ сообщено было въ газетахъ объ обнаруженной, пронозвѣдью одного священника, ужасающей смертности въ одной изъ нашихъ каторжныхъ тюремъ, именно въ харьковской центральной тюрьмѣ, гдѣ въ короткое, относительно, время, въ четыре мѣсяца, умерло отъ цынги изъ 500 заключенныхъ 200 человекъ („Гол.“, № 72). Заключеніе въ такой тюрьмѣ вѣдь почти равносильно смертной казни. Говорятъ, что по поводу такой страшной смертности въ харьковской центральной каторжной тюрьмѣ, уже производится слѣдствіе. Чтобы кончить о тюрьмахъ укажемъ, что въ числѣ нашихъ тюремъ, наиболѣе не благопріятныхъ въ санитарномъ отношеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ чаще другихъ переполняемыхъ народомъ, одно изъ первыхъ мѣстъ безспорно занимаетъ московская пересыльная тюрьма, помѣщающаяся на бывшемъ колымажномъ дворѣ.

Ветлянская чума выдвинула, наконецъ, на свѣтъ Божій одинъ изъ главныхъ промышленныхъ вопросовъ въ Россіи вообще и въ Астраханской губерніи въ частности—вопросъ рыбный. Ни одно изъ европейскихкихъ государствъ не обладаетъ такимъ богатствомъ рыбныхъ ловель,

какъ Россіи, но едва-ли гдѣ нибудь этотъ промыселъ находится въ болѣе дикомъ, почти въ первобытномъ состояніи, чѣмъ у насъ, отчего конечно, терпятъ не только потребители, но и сами рыбопромышленники. У насъ нѣтъ хоть сколько нибудь приблизительно вѣрныхъ статистическихъ данныхъ даже о главнѣйшихъ нашихъ рыбопромышленныхъ мѣстностяхъ, каковы сѣверное побережье Архангельской губерніи, низовья Волги, Дона и Куря, отчасти по недостатку и неумѣлости собирателей этихъ данныхъ, но главнымъ образомъ по невѣжественному, упорно-умниленному утаиванію истины самими рыбопромышленниками. Законы, имѣющіе въ виду придать котъ казую нибудь правильную, рациональную организацію нашимъ рыбнымъ промысламъ, остаются до сихъ поръ мертвою буквою, и притомъ не по недостатку мѣръ и средствъ надзора, — по крайней мѣрѣ, относительно ниже-волжскаго рыболовства, гдѣ существуетъ и особый комитетъ рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ и особая рыбная полиція, — а прямо по бездѣятельности агентовъ надзора, все равно какими бы причинами не обуславливалась эта бездѣятельность; вслѣдствіе чего наше русское рыболовство не можетъ быть названо разумною эксплуатаціей рыбнаго богатства Россіи, а въ значительной степени представляетъ невѣжественное истребленіе или порчу этого богатства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и морильню рабочаго люда. Астраханскіе или, правильнѣе, ниже-волжскіе рыбные промыслы, по богатству своему занимающіе у насъ едва-ли не первое мѣсто въ числѣ рыбопромышленныхъ мѣстностей, сдѣлались извѣстными, только благодаря изслѣдованіямъ академика Бера въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Какъ велико было невѣжество, въ которомъ ученый академикъ засталъ астраханскихъ рыбопромышленниковъ, можно судить потому, что до него вола и сельдь, занимающая въ настоящее время одно изъ видныхъ мѣстъ въ числѣ астраханскаго рыбнаго товара и сбытъ которой возрастаетъ съ каждымъ годомъ — считались погаными рыбами, и Беру не безъ труда удалось побѣдить этотъ предрассудокъ. Но такой же невѣжественный взглядъ сохранился тамъ и до настоящаго времени на другую, весьма вкусную рыбу — миногу, которая могла бы найти обширнѣйшій сбытъ, однако, въ настоящее время, почти вовсе не идетъ тамъ въ приготовленіе и въ продажу, а истребляется, по словамъ корреспондента „Московскихъ Вѣдомостей“ г. Маркевича, самымъ дикимъ образомъ, для полученія грошевой, относительно, выгоды, отъ вытапливаемаго изъ миногъ сала, идущаго на мыловаренные заводы. Для полученія пуда сала, стоящаго 4 р., нужно вытопить до 3,000 миногъ. Приготовленіе миногъ въ пищу, конечно, потребуетъ немного болѣе труда и расходовъ, чѣмъ вытапливаніе изъ нихъ жира, но за то какая разница въ выгодѣ отъ продажи. Употребленіе миногъ въ пищу, относительно, весьма мало распространено въ Россіи, и не потому, чтобы отъ нихъ отказывались, а лишь

по недостатку предложенья. Въ нашихъ провинціальныхъ городахъ много весьма рѣдко попадается въ продажѣ, а во многихъ мѣстностяхъ ея и вовсе нѣтъ; между тѣмъ, продажная цѣна ихъ довольно высока; напримѣръ, здѣсь, въ Петербургѣ, десятокъ маринованныхъ миногъ стоитъ отъ 20 до 25 и болѣе копѣекъ. Принимая цѣнность на мѣстѣ по 10 к. десятокъ, тѣ же 300 миногъ, которыя на салѣ доставляютъ рыбопромышленнику 4 р., на приготовленной рыбѣ доставили бы до 30 р. Также хищнически и варварски въ ущербъ и себѣ, и народному здравію, и вообще сбереженію рыбнаго богатства, относятся астраханскіе рыбопромышленники и къ другимъ сортамъ даже дорогой красной рыбы. Вотъ что сообщаетъ объ этомъ тотъ же г. Марковичъ, какъ очевидецъ и на основаніи собранныхъ имъ точныхъ свѣдѣній: „Во имя простаго здраваго смысла слѣдовало бы воспретить—и заставить рыбопромышленниковъ почувствовать неотразимую силу этого запрета—внимать изъ сѣтей, при обильномъ уловѣ, рыбы больше того, сколько рабочія средства ватаги позволяютъ обработать ее прежде, чѣмъ эта рыба не загниетъ, „не вспухнетъ, не раздуетъ ее“, какъ здѣсь, не безъ отвращенія, выражаются мѣстные жители. Обычай тутъ такой: хотя рыбы поймано будетъ вдсатеро больше, чѣмъ сколько надобно для наполненія всѣхъ чановъ ларей ватаги, всю ее тянутъ на берегъ, не смущаясь наступающимъ затѣмъ совершаніемъ гніющаго, безцѣльно истребляемаго добра. Но вытаскиваютъ рыбу не только въ такихъ размѣрахъ, что не успѣваютъ потомъ прибрать ее; часто на одной ватагѣ вылавливаютъ рыбы столько, что для просола ея не хватало бы всей соли 5—10 ватагъ. Формулируя законъ о соответствіи улова рыбы съ количествомъ заготовленной соли, слѣдовало бы имѣть въ виду исключеніе лишь для тѣхъ рыбопромышленниковъ, которые устроили бы рациональные садки для рыбы (вѣтки въ самой Волгѣ для стерляди, осетра и т. п. и пруды для сазановъ, карасей и т. п.), въ коихъ она могла бы сохраняться до тѣхъ поръ, пока не подоспѣютъ соль и рабочія руки“.

Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго, что когда, по поводу чумы, на отправляемые съ мѣста грузы астраханской рыбы стали обращать болѣе серьезное вниманіе и по прибытіи ихъ на мѣсто подвергать медицинскому освидѣтельствованію, то, во многихъ случаяхъ, цѣлне транспорты этой прекрасной, но испорченной въ приготовленіи, рыбы пришлось сжигать или зарывать въ землю, какъ вредную и негодную къ употребленію. А сколько же времени до этого случая подобною ядовитою рыбою, безнаказанно отправляемою астраханскими рыбопромышленниками, да вѣроятно и изъ другихъ мѣстъ, питался русскій народъ? Что дѣлалъ астраханскій комитетъ рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ? За что гг. члены его получали жалованье? что, наконецъ, дѣлала рыбная полиція?... Кто отвѣтитъ на эти вопросы? Въ настоящее время

острая опасность вызвала энергическія мѣры для упорядоченія астраханскихъ рыбныхъ промысловъ. Такъ Высочайше учрежденная совѣщательная санитарная комисія при временномъ генералъ-губернаторѣ юговосточнаго края постановила, утвержденныя уже графомъ Лорисъ-Меликовымъ, правила для руководства по содержанію рыбныхъ промысловъ и для надзора за ними. На основаніи этихъ правилъ, всѣ ватаги должны быть теперь же тщательно осмотрѣны и оказавшіеся при этомъ осмотрѣ испортившаяся рыба и тузлукъ (разсолъ) должны быть уничтожены, причѣмъ рыба должна быть сожжена помощію керосина или нефти, не останавливаясь передъ расходомъ, такъ какъ негодность рыбы должна быть отнесена къ небрежности или недобросовѣстности самихъ рыбопромышленниковъ. Такому же уничтоженію, съ дезинфекціей мѣстности, должны быть подвергнуты чаны, лари, колоды и ямы въ селеніяхъ при жильяхъ, признанныя безусловно вредными, и заводить вновь таковыя вовсе запрещается. Но чтобы такое воспрещеніе не могло слишкомъ убыточно отозваться на недостаточномъ числѣ населенія въ виду того, что оно не имѣло средствъ для лучшаго устройства своего рыбнаго промысла, и вслѣдствіе сего не было бы вынуждено вовсе прервать его, дозволено устройство небольшихъ помѣщеній для просола рыбы за чертою селеній, на особо отведенныхъ для того мѣстахъ, группируя подобнаго рода заведенія къ одному мѣсту, преимущественно съ сѣверной стороны селеній, чтобы южный вѣтеръ не заносилъ ватажнаго воздуха въ селенія. Большимъ рыбнымъ, правильно устроеннымъ, заведеніямъ дозволено существовать и въ чертѣ городовъ и селъ, но съ воспрещеніемъ просола рыбы въ теплыхъ лабазахъ. Выстѣ съ тѣмъ, опредѣлены качества и время употребленія тузлука и температура выходовъ. Жировая соль, собираемая въ теплыхъ помѣщеніяхъ, должна быть безусловно уничтожаема; собираемая же въ холодныхъ помѣщеніяхъ разрѣшается къ употребленію и продажѣ не иначе, какъ послѣ предварительной промывки. Не забыта комисією и участь страстотерпцевъ-рабочихъ на ватагахъ. Кромѣ устройства лечебницъ, комисія, по отношенію къ рабочимъ, постановила слѣдующія обязательныя правила: 1) чтобы казармы для рабочихъ были вездѣ устроены съ полами, а въ случаѣ неимѣнія таковыхъ приобретены кибитки или камышвыне шалаши, причѣмъ полъ, какъ въ кибиткахъ, такъ и въ шалашахъ, былъ устланъ камышемъ; 2) помѣщенія для женщинъ и мужчинъ должны быть совершенно отдѣльными; 3) нары въ два или болѣе ярусовъ дѣлать воспрещается; 4) на каждого человѣка въ казармахъ и иныхъ помѣщеніяхъ полагается на нарахъ пространство въ два шага, считая на каждыя двадцать шаговъ десять человѣкъ; 5) кухни и пекарни должны быть устроены отдѣльно отъ казармъ; 6) обязательно устройство бань для рабочихъ, которыя должны быть снабжаемы всегда доста-

точнымъ количествомъ теплой воды для мытья бѣлья, каковое недостаточно мыть и полоскать въ рѣкѣ, а слѣдуетъ производить выварку и бученіе его; 7) рабочіе обязаны ежедневно, по возвращеніи съ работы, на ночь, переодеваться въ сухое платье; 8) въ теченіи поста имъ должны быть отпускаемы, въ достаточномъ количествѣ, лукъ и чеснокъ, а въ скоромные дни, въ случаѣ желанія самихъ рабочихъ, сверхъ того, не менѣе двухъ разъ въ недѣлю мясо.

Всѣ эти правила установлены собственно для астраханскихъ рыбныхъ промысловъ, но мы не видимъ причины, почему ихъ не сдѣлать обязательными и для всѣхъ нашихъ рыбопромышленныхъ мѣстностей, на Дону, на Божьемъ промыслѣ, на Курѣ, а также и на Мурманѣ, гдѣ, судя по описанію г. Немировича-Данченко и другихъ очевидцевъ, существующіе порядки и способы приготовленія рыбы и содержаніе рабочихъ могутъ съ успѣхомъ конкурировать съ астраханскими.

Бъ этимъ мѣрамъ относительно собственно рыбныхъ промысловъ слѣдуетъ упомянуть и о мѣрѣ по отношенію къ рыбной торговлѣ, о которой сообщаетъ „Голосъ“ (№ 62), впрочемъ, только какъ о дошедшемъ до него слухѣ, заключающемся въ томъ, что, въ виду наступившей (или близкаго наступленія) теплой погоды, послѣдовалъ особый циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ относительно безотложнаго осмотра рыбы. На обязанность санитарныхъ городскихъ комиссій возлагается, съ особымъ вниманіемъ и тщательностью осматривать транспорты рыбы, прибывающіе съ юга Россіи по желѣзнымъ дорогамъ. Осмотръ этихъ транспортовъ долженъ производиться немедленно по прибытіи ихъ въ мѣста назначенія, такъ какъ малѣйшее замедленіе въ этомъ дѣлѣ можетъ вызвать порчу замороженной рыбы: упакованная и перевязанная рыба быстро согрѣвается въ складахъ, особенно теперь, при наступленіи оттепели.

Всѣмъ этимъ мѣрамъ относительно рыбныхъ промысловъ и торговли, имѣющихъ въ виду огражденіе народнаго здравія, безъ сомнѣнія, можно только радоваться. Всѣ онѣ цѣлесообразны, необходимы и въ нихъ давно уже чувствовалась настоящая потребность. Вызваны онѣ въ настоящее время только что недавно еще угрожавшею острою опасностью ветлянской заразы, какъ крестное знаменіе при грозовомъ ударѣ. Но какъ и въ чемъ порука, что когда чумной переполохъ уляжется и все войдетъ въ свою обычную колею—надзоръ за точнымъ и неослабнымъ исполненіемъ установленныхъ теперь мѣръ не спуститъ рукава, и порча народнаго здравія гнилою рыбою не возобновится? Увы! такіе виды на святой Руси видывались—и не разъ.

Мы, да и вся наша пресса, въ послѣднее время столько четвертовали нашихъ рыбопромышленниковъ и рыботорговцевъ, что справедливость требуетъ войти, какъ говорится, и въ ихъ положеніе и ска-

заять, что одна изъ причинъ гнуснаго состоянія рыбозаготовленія у насъ внѣ доброй воли нашихъ рыбопромышленниковъ. Эта причина, вообще вредно вліяющая на народное здоровье и народное хозяйство, заключается въ несоразмѣрной дороговизнѣ одного изъ необходимѣйшихъ элементовъ питанія—соли.

Нѣсколько выше, говоря о рыбномъ богатствѣ Россіи, мы сказали, что ни одно государство въ Европѣ не обладаетъ подобнымъ богатствомъ и нигдѣ это богатство не эксплуатируется такъ нераціонально, такъ убыточно для народа и для государства—какъ у насъ. Теперь намъ тоже самое приходится сказать и о соли. Знаменательное и грустное дѣло! Какъ только заговоримъ о неизмѣримомъ естественномъ богатствѣ Россіи, то невольно, неизбѣжно приходишь все къ одному и тому же результату—къ перифразу все того же исконнаго сознанія, что „Земля наша велика и обильна, а удача въ ней нѣтъ“. Въ этомъ, тысячу слѣшкомъ лѣтъ тому назадъ, вынуждены были сознаться новгородцы; въ этомъ, во имя истины, должны сознаваться постоянно и мы. Почему же такъ? Когда же, наконецъ, это безотрадное сознаніе обратится лишь въ историческій фактъ минувшихъ временъ?

„Россія, по солероднымъ богатствамъ своимъ, занимаетъ первое мѣсто въ мірѣ..... Нигдѣ соляной промыселъ не стѣсненъ такъ, какъ у насъ“—говоритъ г. Трироговъ въ своей интересной статьѣ „Соль въ народномъ хозяйствѣ“. Мы, съ своей стороны, прибавимъ, что эта русская соль превосходнѣйшаго качества, и что нигдѣ употребленіе въ народѣ соли, вслѣдствіе дороговизны ея, не доходитъ до такого минимума, какъ въ Россіи; такъ что для массы народа она составляетъ чуть не лакомство, которое онъ не въ состояніи удѣлять своей свотинѣ, хотя соль существенно необходима для здоровья и производительности скота. Хотя самосадочная соль, напримѣръ, въ добычѣ на мѣстѣ обходится отъ 1 до 2 к. за пудъ, но, при 30 к. акциза, вслѣдствіе сопряженныхъ съ налогомъ побочныхъ расходовъ, въ настоящее время цѣна соли на мѣстѣ стоитъ отъ 38 до 45 к., въ стоверстномъ разстояніи отъ источниковъ доходитъ уже до 50—60 к., въ двухсотверстномъ—до 70—80 к., а далѣе до рубля и болѣе. Такое возрастаніе цѣны на соль, по мѣрѣ удаленія отъ источниковъ, обусловливаетъ самую успѣшную конкуренцію съ нашею солью привозной, въ видѣ баласта, моремъ, иностранной соли, уменьшая тѣмъ и самую добычу нашей соли. По словамъ г. Трирогова, въ то время какъ съ 1824 по 1854 гг. вывозъ нашей соли со 135,300 пудовъ уменьшился на 3,500 пудовъ, привозъ въ Россію иностранной соли, съ того же 1824 г. по 1864 годъ съ 3.500,000 пудовъ возросъ до 10.200,000 пудовъ. Въ настоящее время цифра эта еще выше.

Мы повели рѣчь о соляномъ вопросѣ по поводу астраханскихъ рыбныхъ промысловъ. Дѣйствительно, соль въ этомъ промыслѣ составляетъ вообще самый существенный элементъ, обуславливающий доброкачественность приготовляемыхъ рыбныхъ продуктовъ, а слѣдовательно и здоровье потребителей ихъ—народа. При настоящемъ, несоразмѣрно высокомъ акцизѣ, соль въ приготовленіи рыбы обходится дороже всѣхъ другихъ расходовъ на этотъ предметъ въ совокупности, вслѣдствіе чего, для удешевленія товара, рыбопромышленники принуждены экономничать солью и употреблять ее дурнаго качества, отъ чего терпятъ и самый продуктъ. Никакой надзоръ за промыслами прекратить этого не въ силахъ; въ самомъ лучшемъ случаѣ онъ можетъ только поднять цѣны на рыбу, а слѣдовательно ограничить употребленіе ея въ бѣднѣйшемъ классѣ населенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самый сбытъ рыбы. Избѣжать всего этого можно только отменой или значительнымъ пониженіемъ солянаго акциза. Объ этомъ именно и поднять снова вопросъ въ настоящее время, вслѣдствіе обнаруженной велянскою заразой настоятельной необходимости дать болѣе рациональную организацію астраханскимъ рыбнымъ промысламъ. Но благопріятное рѣшеніе этого великаго вопроса, если только оно состоится, отзовется благотворно не на однихъ астраханскихъ рыбныхъ промыслахъ, а на всей экономической жизни государства. Такимъ образомъ, однимъ изъ капиталнѣйшихъ улучшеній народнаго быта Россія будетъ обязана появленію чумы!... Правду говоритъ народная пословица, что нѣтъ худа безъ добра.

Къ благопріятнымъ послѣдствіямъ той же чумы должно быть отнесено и другое распоряженіе правительства, совершенно въ иной сферѣ, состоявшееся 16 февраля текущаго года. Этимъ распоряженіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ разрѣшено: во первыхъ, городскимъ и земскимъ общественнымъ собраніямъ совокупное обсужденіе вопросовъ о противодѣйствіи инфекционнымъ болѣзнямъ, въ случаѣ появленія ихъ въ данной мѣстности, и во вторыхъ, признана компетентность экстренныхъ земскихъ собраній для рѣшенія помннутыхъ вопросовъ, при всякомъ числѣ явившихся въ собраніе гласныхъ. Говорить о значеніи этихъ измѣненій въ сферѣ нашего самоуправления мы считаемъ совершенно бесполезнымъ.

Въ началѣ настоящаго обзорѣнія, говоря о предположеніи развитія въ народѣ правильныхъ гигіеническихъ и санитарныхъ понятій, путемъ распространенія въ немъ печатныхъ брошюръ, мы позволили себѣ усумниться въ цѣлесообразности и успѣхъ этого предположенія. Не можемъ не отнестись съ тою же недоувѣрчивостью къ ходящему, въ настоящее время, мнѣнію—совершить (улучшеніе въ экономическомъ положеніи народа путемъ распространенія въ немъ

болѣе совершенныхъ сельско-хозяйственныхъ понятій. Достигнуть этого полагаютъ устройствомъ сельско-хозяйственныхъ училищъ и школъ. Въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, нѣкоторые земства усилленно занимались этимъ вопросомъ, который постоянно поднимался на всѣхъ сельско-хозяйственныхъ съѣздахъ, хотя выработанные земствами проекты не встрѣтили, гдѣ слѣдуетъ, сочувствія и одобренія; но то, что не удалось сдѣлать земству, сдѣлано было министерствомъ государственныхъ имуществъ. Въ виду неудовлетворительности, существовавшихъ въ вѣдѣніи его, земледѣльческихъ училищъ, оно предприняло преобразование ихъ, на новыхъ началахъ, въ реальныя сельско-хозяйственныя училища, въ качествѣ среднучебныхъ заведеній по этой специальности. Въ іюлѣ прошлаго года было объявлено Высочайше утвержденное 30 мая положеніе объ этихъ училищахъ. Почти одновременно, и какъ бы въ дополненіе къ училищамъ министерства, въ августѣ появился проектъ положенія о сельско-хозяйственныхъ школахъ, должностывающихъ служить начальною ступенью къ распространенію въ народѣ сельско-хозяйственнаго образованія. Этотъ послѣдній проектъ, выработанный вольными экономическимъ обществомъ, былъ разосланъ имъ на обсужденіе земствъ.

Въ странѣ, по преимуществу, земледѣльской негѣло было бы отрицать необходимость распространенія въ народѣ здравыхъ сельско-хозяйственныхъ понятій и усовершенствованной культуры земли. Но принимаемыя для этого мѣры, какъ и во всякомъ дѣлѣ, должны, прежде всего, отличаться практической применимостью, т. е. возможностью осуществленія ихъ въ данномъ положеніи вещей. Абстрактныя положенія, въ родѣ — „науки полезны“, сами по себѣ бесплодны для жизни. Проектъ сельско-хозяйственныхъ школъ вольнаго экономического общества погрѣшаетъ именно этою абстрактностью. Въ названныхъ школахъ будутъ преподавать народу о необходимости лучшей обработки и удобрения полей, о преимуществахъ плуга и другихъ улучшенныхъ орудій передъ сохой и земледѣльческими орудіями, употребляемыми въ настоящее время народомъ, о плодотворной системѣ, о пользѣ травосѣянія, о выгодахъ улучшенія скотоводства, — но все это крестьянинъ напръ понимаетъ, болѣе или менѣе, и теперь. Весь вопросъ въ томъ, что, при настоящемъ своемъ экономическомъ положеніи, онъ не можетъ, при всемъ своемъ желаніи, воспользоваться всѣми этими умными совѣтами и указаніями. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, приложить на практикѣ ученикъ подобной школы, по окончаніи въ ней курса и по возвращеніи домой, приобретенныя имъ знанія? Въ весьма дѣльной статьѣ г. Пухова „Старое и новое хозяйство“, помѣщенной въ „Запискахъ общества сельскихъ хозяевъ южной Россіи“, авторъ, рассматривая, при настоящемъ положеніи дѣла, вопросъ о томъ, какъ перейти отъ

настоящей, господствующей у насъ, хищнической системы хозяйства къ болѣе рациональной и выгодной,—первымъ шагомъ къ этому считается замѣна сохи плугомъ, введеніемъ котораго обусловятся немѣлжно, само собою, и другія перемѣны относительно работниковъ, рабочаго скота и другихъ земледѣльческихъ орудій. Посмотримъ же, во что обойдется, по вычисленію г. Пухова, такая замѣна, и чего она потребуеть.

Самый дешевый плугъ стоитъ около	7 р.
Содержаніе, необходимой для него, пары лошадей	145 „
Работникъ на лѣто	53 „
	<hr/>
Итого	205 р.

Чтобы, при этой цифрѣ стоимости работы плугомъ, земля приносила доходъ, необходимо, чтобы стоимость обработки ея плугомъ не превышала 5 р. на десятину, слѣдовательно, владельцу плуга нужно имѣть запашку 40 дес. въ обихъ поляхъ, для чего при трехпольной системѣ необходимо имѣть 60 дес. Гдѣ же народу думать о плугахъ, при существующихъ надѣлахъ, доходныхъ мѣстами до $1\frac{1}{2}$ дес., и почти нигдѣ не превосходящихъ 4 дес. Еще краснорѣчивѣе доводы по этому предмету, изложенные П. С. Иониковымъ, въ докладѣ его Кузнецкой (Саратовской губерніи) земской управѣ, поручившей ему рассмотреть проектъ положенія о сельско-хозяйственныхъ школахъ вольнаго экономическаго общества. Въ замѣткахъ своихъ на проектъ, напечатанный потомъ въ „Земледѣльческой Газетѣ“, г. Иониковъ ставитъ два вопроса: 1) существуетъ ли дѣйствительно въ народѣ потребность въ сельско-хозяйственномъ образованіи? и 2) какую пользу можно ожидать для крестьянскаго хозяйства отъ учрежденія сельско-хозяйственныхъ школъ? Исходя изъ этихъ вопросовъ, г. Иониковъ послѣдовательно рассматриваетъ, существующія въ настоящее время у крестьянъ Кузнецкаго уѣзда, условія и приемы хозяйства, и доказываетъ, что онѣ существуютъ не потому, чтобы крестьяне не понимали и не желали лучшихъ, но потому, что только этотъ характеръ хозяйства и возможенъ для нихъ, при настоящемъ ихъ положеніи. Такъ, по отношенію къ унавоживанію полей, онъ говоритъ, что крестьяне не унавоживаютъ своихъ полей не потому, чтобы они не сознавали выгоды удобрения, а потому, что при ограниченномъ скотоводствѣ, обусловленномъ недостаткомъ сѣносеявъ и пастбищъ, у нихъ не хватаетъ на удобреніе полей навоза, главная и лучшая часть котораго идетъ на удобреніе коноплянниковъ, приносящихъ болѣе дохода, вслѣдствіе чего они, особенно въ послѣдніе годы, и стараются увеличивать эти послѣдніе. Изъ остающагося, за удобреніемъ коноплянниковъ, въ маломъ количествѣ и худшаго качества на-

воза; въ виду дороговизны дровъ, свойственной безлѣснымъ Саратовской и Самарской губерніямъ, часть его должна идти на топливо, въ видѣ казива, такъ что для полей или не остается вовсе ничего, или остается самое недостаточное количество плохого навоза. Затѣмъ, относительно несовершенства обработки земли, г. Ивониковъ говоритъ, что, при существующихъ орудіяхъ, лучшая обработка земли невозможна, а лучшихъ орудій крестьянамъ завести не на что. Отсутствие травосѣянія онъ объясняетъ отсутствіемъ примѣра и опыта даже у помѣщиковъ, которые могли бы показать крестьянамъ выгодность травосѣянія; а безъ нагляднаго доказательства, одними теоретическими понятіями, весьма трудно убѣдить крестьянина приняться за новое для него дѣло.

Впрочемъ, и земства наши не всё держатся одинаковаго взгляда на пользу сельско-хозяйственныхъ школъ. Такъ, напримѣръ, вятское земство задалось мыслію развить въ своихъ школахъ обученіе ремесламъ и желало придать именно такой характеръ своей учительской семинаріи.

Всеобщее обѣдненіе крестьянъ и недостатокъ надѣловъ, невольно заставляютъ ихъ, рано или поздно, прибѣгнуть къ общинной или артельной обработкѣ своихъ угодій.

Порядокъ этотъ, на Руси не новый. Имъ пользовались въ прежнее время при существованіи общественныхъ запашекъ, пользуются нерѣдко крестьяне наши и теперь, при арендѣ цѣлымъ сельскимъ обществомъ и частью его земель у помѣщиковъ. Самыя общественныя запашки не исчезли совершенно. Такъ, въ № 97 „Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ за прошлый годъ, было сообщено, что сельскія общества Колокольцовской волости, Аткарскаго уѣзда, установили общественную запашку, для составленія запасовъ хлѣба на случай неурожаявъ, надежа свота и другихъ бѣдствій. Дѣло это, возникшее по почину волостнаго начальства, организовано, по приговору волостнаго схода, на слѣдующихъ основаніяхъ: на каждую ревизскую душу засѣвалось по одной сажени озимаго и яроваго хлѣба, что на тридцать душъ составляетъ въ годъ одну десятину. При низкомъ урожаѣ волость получаетъ съ десятины 25 мѣръ, при хорошемъ и до 50 мѣръ; отъ всего же посѣва по волости можно получить въ годъ, при низкомъ урожаѣ, пшеницы и ржи по 500 пудовъ каждой, а при хорошемъ—по 1,100 пудовъ. Среднимъ числомъ, слѣдовательно, въ хорошей и дурной годъ, волость получаетъ въ годъ по 325 пудовъ каждаго хлѣба. Каждая тридцать душъ обрабатываютъ свою десятину.

Другой, еще болѣе убѣдительный и поучительный примѣръ пользы для всего села общественной запашки, былъ сообщенъ въ № 240 „Правительственнаго Вѣстника“ 1877 г., который заимствовалъ его изъ „Земледѣльческой Газеты“ того же года. Примѣръ этотъ относится до

села Чучево, и сущность заведеннаго въ немъ порядка общественной запашки заключается въ слѣдующемъ: всѣ работники селенія раздѣлены были на сотни, а сотни на десятки. Выбраны были особые лица для заведыванія работами. Отведенныя подъ общественную запашку 300 дес. убирались всѣмъ обществомъ; часть хлѣба оставалась на случай неурожае и сдавалась на руки смотрителя магазина, а остальная продавалась и деньги записывались въ книги, которыя въ известныя сроки повѣрялись выборными отъ каждой сотни. Выдача ссудъ хлѣбомъ и деньгами производилась по особо установленнымъ правиламъ, въ основу которыхъ былъ положенъ главнымъ образомъ постоянный надворъ общества, какъ за степенью нужды въ пособіи его члена, такъ и за дѣйствительнымъ употребленіемъ имъ пособія на удовлетвореніе нужды.

Эти порядки установлены были еще во время крѣпостнаго права, но они настолько срослись съ бытомъ селенія, что сохранились и доннѣ. Благодаря имъ, крестьяне села Чучево, при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, имѣли до 19,000 четв. хлѣба, внеся изъ котораго тотчасъ выкупъ, они сдѣлались свободными хлѣбопашцами, владѣющими общественнымъ денежнымъ капиталомъ, благоустроенными хозяйствами, съ маслостройней почти при каждомъ дворѣ.

Степень ихъ благосостоянія не уменьшилась и поннѣ. Оставаясь крайне благодарными лицу, помогшему имъ завести означенныя порядки, они, не далѣе какъ въ прошломъ 1877 году, приѣхали просить это лицо переѣхать жить къ нимъ на отшедшую имъ въ надѣль усадьбу помѣщика. „Переѣзжай, — говорили они, — мы отдаемъ тебѣ и домъ и садъ, будемъ покорны до самой смерти; живи только съ нами“. Лицо это было ихъ прежній управляющій, принявшій ихъ въ свое вѣдѣніе въ положеніи совершенно противоположномъ тому, въ которомъ они оказались послѣ заведенія на ихъ земляхъ общественной запашки.

Въ „Земледѣльческой Газетѣ“ прошлаго года было указано и на удачное примѣненіе артельного начала къ земледѣлію въ нѣкоторыхъ селеніяхъ въ Финляндіи, а въ №, если не ошибаемся, 37 „Пензенскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ 1878 г. приведенъ подобный же примѣръ одного села Полтавской губерніи, гдѣ небольшіе крестьянскіе надѣлы соединены въ одинъ участокъ и обрабатываются на артельномъ началѣ.

Усомнившись въ возможности примѣненія къ дѣлу сельско-хозяйственнаго образованія для мелкаго землевладѣнія, для крестьянъ, при настоящемъ ихъ экономическомъ положеніи, мы тѣмъ съ большею настойчивостью признаемъ абсолютную необходимость этого образованія для крупнаго и средняго землевладѣнія, гдѣ она должна, наконецъ, если не вытѣснить совершенно, то хоть обуздать ту безумно хищниче-

скую систему сельскаго хозяйства, которая господствуетъ нынѣ и которая въ сущности есть ничто иное, какъ безстыдное расхищеніе, т. е. мотовство на счетъ будущихъ поколѣній. Мы уже говорили, кажется, въ одномъ изъ предыдущихъ обзорѣній, что наше хлѣбное богатство, которымъ мы провариваемъ Европу, въ сущности есть богатство фиктивное, часто неоплачивавшее даже затратъ производителя, основанное въ культурномъ отношеніи не на качествѣ, а на количествѣ запашекъ. Одного сравненія нашихъ урожаевъ, собираемыхъ даже на превосходнѣйшемъ черноземѣ, какими не обладаетъ ни одна страна въ Европѣ, съ урожаями этихъ странъ, достаточно, чтобы показать, въ какомъ жалкомъ, невѣжественномъ состояніи находится наша земледѣльческая культура. По среднему разсчету, наши урожаи („Гол.“ 1878 г., № 276) ниже урожаявъ Англіи въ 12 разъ, меньше урожаявъ Пруссіи и Франціи слишкомъ въ 4 раза, меньше урожаявъ Австріи, занимающей одно изъ послѣднихъ мѣстъ по сельско-хозяйственной производительности, почти въ 3 раза. Къ этому мы имѣемъ прибавить, что, напримѣръ, урожай льна съ одного и того же пространства, по качеству и количеству, въ Англіи даетъ въ 8 и 10 разъ болѣе, а въ Бельгіи въ 5 и 6 разъ болѣе дохода, чѣмъ у насъ. Такимъ образомъ, если бы наше сельское хозяйство было доведено до той степени совершенства, на которой оно находится въ Англіи, то, при настоящихъ нашихъ запашкахъ, мы могли бы получать такое количество хлѣба, котораго достаточно было бы для прокормленія 500,000,000 народа, а для полученія того количества жатвы, которое собирается круглымъ числомъ въ настоящее время, можно было бы уменьшить наши запашки въ двѣнадцать разъ; и конечно самая совершенная обработка на англійскій манеръ этой $\frac{1}{12}$ части настоящей запашки потребовала бы менѣе труда и денежныхъ затратъ, чѣмъ настоящая, чуть не первобытная обработка всего засѣваемого нынѣ пространства земли. Слѣдовательно, то же самое количество продуктовъ, но лучшаго качества, обошлось бы производителю дешевле, чѣмъ оно обходится нынѣ, и могло бы поступать въ продажу по болѣе дешевымъ цѣнамъ, что сдѣлало бы невозможною конкуренцію заокеанскаго хлѣба, постоянно возрастающую не только со стороны Америки, но уже и со стороны Австраліи. Можно смѣло сказать, что и бѣдствія, причиняемыя нашей хлѣбной производительности разными жуками, овравками, даже засухами, обусловливаются въ извѣстной степени тѣмъ низкимъ уровнемъ нашей сельско-хозяйственной культуры, на которой стоитъ она, сравнительно съ другими странами Европы. Подъемъ этого уровня, посредствомъ развитія въ странѣ сельско-хозяйственнаго образованія, конечно необходимъ; но начинать этотъ подъемъ слѣдуетъ съ начала, а не съ конца, т. е. съ крупнаго и средняго землевладѣ-

ня, а не съ мелкаго—крестьянскаго. Когда рациональное сельское хозяйство будетъ водворено въ помѣщичьихъ хозяйствахъ, то наглядный примѣръ этотъ послужитъ лучшею школою и лучшимъ стимуломъ для сосѣдняго крестьянскаго населенія, которое охотно будетъ заимствовать изъ этихъ примѣровъ то, что ему подъ-силу, и что приемливо къ его средствамъ. Бывшая недавно въ Гельсингфорсѣ выставка продуктовъ молочнаго хозяйства служитъ очевиднымъ подтвержденіемъ нашихъ словъ. Въ числѣ экспонентовъ было около трети мелкихъ собственниковъ-крестьянъ, причемъ оказалось, что улучшение молочнаго хозяйства въ этой сферѣ совершалось именно въ мѣстностяхъ, сосѣднихъ съ крупными хозяйствами, гдѣ введены были усовершенствованные способы и орудія производства и обработки молока.

Въ одномъ изъ предыдущихъ обзорѣй нашихъ мы говорили о томъ подрывѣ крестьянскаго хозяйства, которое причиняютъ ему конокрадство и пограба скота дикими звѣрами. Изъ опубликованнаго недавно отчета дѣйствія полицейскихъ урядниковъ въ 46 губерніяхъ обнаруживается, между прочимъ, что дѣятельность урядниковъ весьма замѣтно проявилась въ преслѣдованіи конокрадства. Въ отчетѣ, факты объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ урядниковъ въ преслѣдованіи всякаго рода преступныхъ дѣяній сгруппированы по родамъ преступленій, что даетъ возможность сдѣлать нѣкоторые общіе выводы. Такъ изъ отчета видно, что изъ числа 2,200 преступленій, обнаруженныхъ 4,888 урядниками, 320 случаевъ относятся къ конокрадству, причемъ, изъ 757 украденныхъ лошадей, отысканы и возвращены по принадлежности 579 или около трехъ четвертей всего количества. Отвлеченно такой результатъ можетъ быть, конечно, названъ успѣшнымъ; но дѣйствительную оцѣнку его, очевидно, можно было бы сдѣлать лишь тогда, если бы были извѣстны всѣ случаи конокрадства и все число лошадей, похищенныхъ въ теченіе отчетнаго періода времени во всѣхъ 46 губерніяхъ, въ которыхъ дѣйствуютъ полицейскіе урядники. Достигнуть этого, т. е. собрать эти свѣдѣнія болѣе или менѣе въ точномъ видѣ, намъ кажется весьма нетруднымъ, при помощи тѣхъ же самыхъ урядниковъ. Конечно, никакая полиція въ мірѣ не въ состояніи обнаружить всѣхъ преступленій и изловить всѣхъ преступниковъ въ подвѣдомственномъ ей районѣ. Есть преступленія тайныя, которыхъ не могутъ объявить или скрываютъ и сами потерпѣвшіе отъ нихъ; но конокрадство не принадлежитъ къ числу подобныхъ преступленій. Ни одинъ обокраденный не станетъ молчать о совершенной у него кражѣ; и если, по отношенію къ конокрадству, изъ страха мести конокрада, народъ нашъ часто не идетъ жаловаться о томъ начальству, а старается розыскать пропавшую лошадь своими

средствами, нередко помощью тех же конокрадовъ, то востань самый случай пропажи лошади не остается, да и не может остаться, тайном. Если полицейскій урядникъ не всегда успѣетъ поймать конокрада, то онъ можетъ и долженъ знать о всѣхъ совершающихся въ его районѣ случаяхъ конокрадства, и вмѣстѣ съ цифрами поимки преступниковъ, устранить настоящую односторонность отчета о дѣятельности полицейскихъ урядниковъ, и дать обществу возможность нагляднѣе оцѣнить пользу этого новаго учрежденія.

Что касается до потравы скота дикими звѣрями, то, при существующей скудости свѣдѣній объ этомъ бѣдствіи, всякое болѣе или менѣе точное изслѣдованіе или указаніе о немъ заслуживаетъ полного вниманія. Таковъ именно интересъ представляетъ статья А. М. Семеновскаго „Убытки населенія Витебской губерніи отъ волковъ и къ вопросу о способахъ истребленія ихъ“, помѣщенная въ „Памятн. книжкѣ Витебской губерніи за 1878 г.“. Изъ приведенныхъ г. Семеновскимъ цифръ за 1874 и 1875 гг. оказывается, что въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ истреблено въ Витебской губерніи:

	По свѣдѣніямъ.	
	Полиціи.	Волостныхъ правленій.
Крупнаго домашняго скота	5,330 шт.	4,895 шт.
Мелкаго	26,985 „	30,189 „
Гусей и утокъ	12,115 „	14,508 „
Собакаъ	4,505 „	5,128 „

По свѣдѣніямъ же волостныхъ правленій, въ числѣ уничтоженныхъ волками животныхъ, считается: лошадей—2,562, рогатаго скота—2,878, жеребятъ—5,364, телятъ—3,409, овецъ—11,961, козъ—1,943, свиней—7,509, гусей—12,447, утокъ—2,064, собакаъ—5,121. По отношенію къ общему количеству животныхъ каждаго рода въ губерніи, вышеприведенныя цифры убыли составляютъ: 2,2% всѣхъ лошадей, 0,8% рогатаго скота, 2,2% овецъ, 2,1% свиней и 3,0% козъ.

Средняя стоимость лошади въ Витебской губерніи простирается, по опредѣленію г. Семеновскаго, до 26 р., коровы около 15 р., жеребенка до 3 р., теленка, овцы и козы до 2 р., свиньи—4 р., гуса—50 к., утки 30 к. и собаки отъ 2 р. до 3 р. 50 к.

Такимъ образомъ, по выводу автора, средняя цифра ежегодной потери населенія губерніи отъ волковъ составляетъ отъ 95,000 до 110,000 р., что даетъ на каждую десятину общаго пространства 2½ к., а на каждаго жителя до 11 коп. убытка. Потравамъ, понятно, подвергается болѣе всего крестьянскій скотъ, который съ ранней весны до Юрьева дня пасется почти безъ присмотра. Мѣры,

предлагаемыя г. Семеновскимъ для огражденія скота отъ волковъ, не представляютъ ничего новаго, что, однако, не лишастъ ихъ дѣлесообразности. Это—выдача премій за каждаго убитаго звѣря; разрѣшеніе всѣмъ жителямъ свободной охоты на волковъ въ казенныхъ и частныхъ лѣсахъ; облегченіе народу пріобрѣтенія пороха и ружей; вмѣненіе въ обязанность волостнымъ правленіямъ и дѣсничимъ собирать свѣдѣнія о волчьихъ выводкахъ; и строгія соблюденія правилъ относительно паствы скота. Къ этому можно прибавить еще употребленіе отравленной приманки для волковъ. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ недавно было сообщено о весьма удачныхъ результатахъ этого способа истребленія волковъ, полученныхъ въ Олонцкой губерніи.

Въ заключеніе настоящаго обзорѣнія, мы не можемъ обойти новый фактъ ловкаго обхода закона нѣкоторыми изъ нашихъ желѣзнодорожныхъ правленій, обнаруженный циркуляромъ департамента желѣзныхъ дорогъ 24 февраля текущаго года, за № 191. Известно, что, въ видахъ развитія и поощренія отечественной производительности подвижнаго состава и вообще желѣзнодорожныхъ принадлежностей, съ цѣлію избавить Россію отъ зависимости по этой части отъ иностранцевъ, въ уставы нѣкоторыхъ желѣзнодорожныхъ обществъ (къ сожалѣнію, лишь позднѣйшихъ по времени ихъ учрежденія) введено было воспрещеніе, вполнѣ или частью, пріобрѣтенія подвижнаго состава за границею. Изъ вышеупомянутаго нами циркуляра за № 191 оказывается, что наши желѣзнодорожные Струсберги придумали обходить это запрещеніе, пріобрѣтая подвижной составъ за границею подъ видомъ найма, разумѣется, безсрочнаго. Плутовато, хотя и не особенно остроумно!!! Циркуляръ департамента желѣзныхъ дорогъ имѣеть цѣлю прекратить эту продѣлку, воспретивъ подобныя наймы подвижнаго состава безъ разрѣшенія Министерства, подъ страхомъ, что если бы, вслѣдствіе заключенія безъ разрѣшенія Министерства условій о подобномъ наймѣ, обнаружались въ послѣдствіи расходы эксплуатационныхъ суммъ и отъ того переборы по правительственной гарантіи, то всѣ таковыя переборы будутъ исключаемы изъ послѣдующихъ выдать суммъ по гарантіи, независимо отъ послѣдствій, какія можетъ повлечь за собою упомянутое нарушеніе постановленій устава.

23 марта состоялось Высочайшее повелѣніе объ образованіи комисіи изъ высшихъ чиновъ высшихъ государственныхъ учреждений для обсужденія предположеній объ отмигѣ подушныхъ сборовъ и объ изысканіи, для замѣны ихъ, другихъ источниковъ государственныхъ доходовъ.

Какъ-то хочется вѣрить, что на этотъ разъ труды комисіи получатъ осязательный результатъ и, такимъ образомъ, одно изъ существенныхъ послѣдствій минувшаго рабства раздѣленіе населенія на податныя и неподатныя сословія исчезнетъ, наконецъ, съ лица русской земли. Предоставленіе министру финансовъ права приглашать къ участию въ занятіяхъ комисіи лицъ, знакомыхъ съ подлежащими обсужденію комисіи вопросами, даетъ основаніе надѣяться, что къ участию этому будутъ привлечены дѣйствительно свѣдущіе и опытные люди, что не будутъ забыты и земскія заявленія, послѣдовавшія въ 1871 г. на проектъ прежней комисіи уже работавшей надъ разрѣшеніемъ этого вопроса.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

РОССІЯ И КИТАЙ.

Въ настоящее время въ нашихъ отношеніяхъ къ Китаю наступилъ кризисъ. Послѣ многихъ лѣтъ неустанной, а подчасъ и недружелюбной политики, китайское правительство рѣшилось, наконецъ, отправить въ Петербургъ особое посольство, подъ начальствомъ посла и полномочнаго министра Чунъ-Хоу. Этотъ важный шагъ, вызванный главнымъ образомъ неразрѣшеннымъ кульджинскимъ вопросомъ, можетъ имѣть большое вліяніе на наше положеніе на крайнемъ востоку; начавшіеся переговоры опредѣлятъ отношенія Россіи къ единственному могущественному государству изъ нашихъ непосредственныхъ сосѣдей въ Азіи, а вопросъ объ этихъ отношеніяхъ—вопросъ первостепенной важности, какъ съ политической, такъ и съ экономической точки зрѣнія. Наша граница съ Китаемъ тянется почти на десять тысячъ верстъ, во многихъ мѣстахъ еще не опредѣлена съ точностью и почти вездѣ не защищена отъ нападений; при этомъ пограничныя области наши населены, по преимуществу, кочевыми народами, безпрестанно переходящими изъ одного государства въ другое и, при всякомъ удобномъ случаѣ, совершающими грабежи и беспорядки. При такихъ условіяхъ, поддержаніе дружескаго согласія съ Китаемъ имѣетъ несомнѣнное значеніе для Россіи; только совмѣстныя дѣйствія обѣихъ правительствъ могутъ сохранить спокойствіе на нашей границѣ. Съ другой стороны, послѣ завоеванія Туркестана и проведенія оренбургской желѣзной дороги, западный Китай долженъ, несомнѣнно, войти въ сферу нашего экономического вліянія и превратиться въ рынокъ для сбыта нашихъ произведеній. Вслѣдствіе этого, введеніе новыхъ правилъ для сухопутной торговли съ Китаемъ и, въ особенности, от-

крытіе западнаго торговаго пути, были бы въ высшей степени желательны и необходимы. Таковы выгоды, которыя мы могли бы извлечь изъ соглашенія съ китайскимъ правительствомъ; съ своей стороны, оно требуетъ у насъ возвращенія илійской долины, какъ условія, безъ котораго немислимы какія бы то ни было уступки. Можно смѣло сказать, что въ настоящее время вопросъ о Кульдѣжѣ заключаетъ въ себѣ разгадку всѣхъ столкновеній и недоразумѣній на нашей восточной границѣ, что это центръ, около котораго вертятся всѣ наши переговоры съ Китаемъ. Поэтому, для правильнаго уразумѣнія нашего положенія на крайнемъ востокѣ, необходимо прежде всего обратиться къ этому вопросу, взвѣсить всѣ выгоды, которыя представляются намъ обладаніемъ илійскою долиною, и всѣ послѣдствія, которыя могутъ произтечь отъ возвращенія или невозвращенія ея китайцамъ.

Отношенія Россіи къ Китаю никогда не были особенно тѣсными и близкими. Со времени посольства Байкова, при Алексѣѣ Михайловичѣ, т. е. съ эпохи нашего перваго знакомства съ Китаемъ, прошло уже болѣе двухсотъ лѣтъ, а, между тѣмъ, только недавно получили мы право содержать тамъ свою постоянную миссію; китайцы, какъ извѣстно, еще болѣе отстали въ этомъ отношеніи: въ лицѣ Чунь-Хоу они имѣютъ въ первый разъ своего представителя при русскомъ дворѣ. Исключительная, изолированная и подозрительная политика пекинскаго правительства постоянно мѣшала установленію прочной связи, основанной на взаимномъ знакомствѣ и обоюдной помощи. Кяхтинскій договоръ 1727 года, заключенный гр. Владиславичемъ, былъ единственный международный актъ, регулировавшій наши отношенія къ Китаю почти до половины текущаго столѣтія. Только событія крымской войны, угрожавшія нашему побережью на Восточномъ океанѣ, вывели, наконецъ, въ пятидесятихъ годахъ, пересмотръ старыхъ постановленій. Кульджинскій договоръ 1851 года, айгунскій 1858 года, пекинскій 1860 года и тянь-цзинскій 1868 года разширили наши торговныя права и доставили намъ при-Амурскій край, безъ котораго наше господство надъ восточною Сибирью не могло быть устойчивымъ и прочнымъ. Со времени заключенія этихъ трактатовъ, сношенія между нашимъ правительствомъ и Китаемъ становятся болѣе частыми и опредѣленными, но нельзя сказать, чтобы въ основаніи ихъ легло дружественное расположеніе. Покорившись силѣ, китайское правительство не могло забыть уступки Амурскаго края и пользовалось всякимъ случаемъ для выраженія своего недоброжелательства и недовѣрія. Въ статьяхъ г. Васильева прекрасно очерчена та систематическая неприязнь, которую мы постоянно встрѣчали со стороны Китая; повидимому, ненависть и презрѣніе ко всему иностранному и преувеличен-

ное понятіе о своемъ могуществѣ составляютъ отличительныя черты національнаго характера китайцевъ.

Вражда къ Россіи, поэтому, не есть что нибудь исключительное; и французы, и англичане, и всѣ другіе европейскіе народы, одинаково противны истому китайцу. Онъ ненавидитъ ихъ не въ силу религіознаго фанатизма, а просто какъ низшія расы, какъ людей другой породы, какъ варваровъ. При такомъ возрѣніи на иноземцевъ, мирный путь, т. е. путь соглашеній и взаимныхъ уступокъ недействителенъ по отношенію къ китайскому правительству. Единственное средство добиться чего нибудь отъ Китая, это употребить физическую силу, силу оружія; только этимъ путемъ проникли европейцы въ Среднюю имперію, только этимъ путемъ открыли они себѣ рынки и порты Китая и получили право содержать миссіи въ Пекинѣ. Эта психологическая черта: ревнивое охраненіе своего края отъ иноземцевъ и презрѣніе ко всему иностранному, — должна быть непремѣнно принимаема во вниманіе при веденіи какихъ бы то ни было переговоровъ съ Китаемъ. Китайцы, болѣе всѣхъ другихъ азіатскихъ народовъ, преклоняются передъ силою; уступки являются, въ ихъ глазахъ, лишь признакомъ слабости; соглашеніе — только доказательствомъ бессилія. Вотъ уже болѣе двухсотъ лѣтъ какъ наши отношенія къ Китаю страдаютъ отъ непониманія этой основной отличительной черты. Китайцы не держали у насъ миссіи, всячески затрудняли нашу торговлю, грабили наши караваны, оскорбляли частныхъ лицъ и ученыхъ экспедиціи (напримѣръ, экспедицію Потанина). Все это сходяло имъ даромъ, вызывая только безплодную дипломатическую переписку. Единственнымъ энергическимъ автоматъ съ нашей стороны, можно считать захватъ при Амурскаго края, но это такъ и осталось исключеніемъ. Совершенно иначе дѣйствовали англичане и французы: они силою открыли себѣ входъ въ Среднюю имперію, за то они теперь полные хозяева въ Китаѣ. Стоитъ только взглянуть на сравнительную таблицу вывозной и ввозной китайской торговли, чтобы увидѣть, какую незначительную роль играемъ мы теперь, не смотря на наше сосѣдство и вѣковыя сношенія, въ этой торговлѣ, и какъ сильно въ Китаѣ торговое вліяніе Европы и въ особенности Англии. По отчету, напримѣръ, Роберта Грина (за 1873—1875 годы) торговые обороты британскихъ владѣній съ Китаемъ составляютъ 79% всей вѣшной торговли Средичной имперіи, а торговые обороты Россіи — всего 2,91%; Англія ввозитъ товаровъ на 136 мил. р. и вывозитъ на 107 мил. р. ежегодно (по приблизительному расчету), т. е. въ четыре раза болѣе, чѣмъ вся остальная Европа вмѣстѣ съ Россіей. Но это еще не все. Съ каждымъ годомъ наши торговые обороты уменьшаются въ размѣрахъ, и на самые отдаленные рынки проникаютъ англійскіе товары. Въ западномъ Китаѣ, напримѣръ, въ

В 1854 году общая сумма вывоза и ввоза составила около 2 мил. р., а в 1862 году эта сумма не превышала уже 452,000 р. Еще больше потерпѣла наша якутская и вообще сибирская торговля. Конкуренція англичанъ нанесла ей неисправимый вредъ и подорвала многія отрасли нашей промышленности.

Таковы факты. Разбирая теперь причины этого экономического кризиса, мы, конечно, наталкиваемся прежде всего на богатство Великобританіи, на удобства морскаго пути (въ особенности послѣ открытія Суецкаго канала) сравнительно съ стѣнными караванными дорогами, и на другія подобныя же явленія, независимыя отъ насъ и съ которыми можно бороться только на почвѣ промышленнаго и торговаго соревнованія. Но, помимо этихъ причинъ, есть еще и другія, и несомнѣнно, что онѣ могутъ и должны быть отстранены. Къ числу ихъ принадлежатъ: систематическая неприязнь Китая къ Россіи, постоянныя стѣсненія нашей торговли и произвольныя, крайне враждебныя дѣйствія китайскихъ пограничныхъ властей. При такихъ условіяхъ торговля естественно замираетъ, а капиталы ищутъ себѣ другаго, болѣе покойнаго и обезпеченнаго помѣщенія; тѣ немногочисленные купцы, которые еще рѣшаются снаряжать караваны, или терпятъ убытки, или пользуются самыми незначительными барышами. Арестъ приващивовъ, вымогательство незаконныхъ пошлинъ, взятки—встрѣчаются на каждомъ шагу. Правда, подобные случаи бывали и прежде, но теперь послѣ занятія нами Кульджи, стѣсненіе русской торговли достигло своего апогея. Можно смѣло сказать, что если существующее положеніе дѣлъ останется безъ измѣненія, то всякая торговля съ Китаемъ сдѣлается скоро немислимою для русскихъ. Слѣдуя нашей обычной снисходительной политикѣ, мы только потакали китайцамъ наши вѣты не производили на нихъ никакого дѣйствія, а переговоры не приводили ни въ какому результату. Въ настоящее время, какъ мы уже сказали, китайцы предложили Россіи слѣдующую дилемму: они согласны облегчить намъ торговныя сношенія съ своими рынками, но взамѣнъ требуютъ отъ насъ возвращенія Кульджи, какъ исконной китайской области, которая лишь временно находится во владѣніи русскихъ. На первый взглядъ эта дилемма кажется чрезвычайно простою и удобною; приобрести себѣ свободу торговли въ Китаѣ, отдавши ненужную область, повидимому, чрезвычайно выгодно. Но это только на первый взглядъ. Кромѣ стороны экономической, въ этому вопросу примѣшиваются различныя нравственныя и стратегическія соображенія. Прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о самой Кульджѣ.

Вопросъ объ илійской долигѣ — вопросъ сравнительно новый. Когда, въ 1856 году, вспыхнуло мусульманское востаніе въ юго-западной провинціи Китая—Юнанѣ, разлившееся потомъ по Алтышару

(Кашгару), Джунгарии и Монголии, нежизненное правительство, не будучи въ силахъ подавить мятежниковъ, допустило на своей западной границѣ образование нѣлаго ряда новыхъ магнетанскихъ государствъ. Такимъ образомъ, въ Кашгарѣ утвердился кокандскій выходецъ Якуб-бекъ, провинція Или (Кульджа) преобразовалась въ таранчинское султанство, а на востокъ отъ Кульджи составился союзъ мусульманскихъ городовъ: Урумчи, Маноса и др. Даже часть Монголии находилась временно въ рукахъ восставшихъ. Былъ моментъ, когда весь западный Китай можно было считать окончательно потеряннымъ для срединной имперіи. Стѣсненное инсургентами, пекинское правительство неоднократно обращалось къ Россіи съ просьбою о помощи, но мы всякій разъ отклонялись отъ вынужденства въ эти распри, не желая восстанавливать противъ себя туземное мусульманское народонаселеніе. Только впоследствии, когда, какъ кашгарскій ханъ, такъ и кульджинскій (Абиль-Отль) султаны стали открыто оказывать свое недоброжелательство въ Россіи и всячески стѣснять русскую торговлю, мы перемѣнили нашу тактику и въ 1871 году предложили пекинскому правительству наше содѣйствіе для восстановленія его власти въ западномъ Китаѣ. Въ своемъ отвѣтѣ на наше предложеніе, китайцы категорически отказались отъ всякой помощи, ссылаясь на невозможность удержатъ въ повиновеніи мусульманъ. Между тѣмъ таранчи, владѣвшіе Кульджой, продолжали по прежнему тревожить нашу границу. Въ виду этого генералъ Колпаковский съ сильнымъ отрядомъ вступилъ въ илийскую провинцію и, послѣ незначительнаго сопротивленія, захватилъ Кульджу. Абиль-Отль былъ поселенъ въ г. Вѣрномъ, и Россія формально вступила во владѣніе илийской долины. Таково происхожденіе, такъ называемаго, кульджинскаго вопроса. Въ этомъ случаѣ, какъ и всегда впрочемъ на крайнемъ востокѣ, мы дѣйствовали изъ чисто оборонительныхъ видовъ и двигались впередъ съ исключительнымъ намѣреніемъ обезопасить нашу границу отъ набѣговъ бешокойныхъ кочевниковъ. Обстоятельства передали въ наши руки богатый и плодородный край, и мы воспользовались нашимъ положеніемъ, чтобы организовать его и извлечь изъ него всѣ возможныя выгоды.

Между тѣмъ китайцы скоро замѣтили свою ошлопность и въ томъ же году прислали въ Кульджу савонника Жюна, назначеннаго илийскимъ генералъ-губернаторомъ, для принятія этой провинціи отъ русскихъ властей. Имѣя въ виду недавнее заявленіе китайскаго правительства, что оно не въ силахъ удержатъ за собою мусульманскія области, мы приняла такую передачу илийской долины несвоевременной и обусловили ее восстановленіемъ китайскаго господства въ остальныхъ отложившихся провинціяхъ. Только при этомъ условіи мы счи-

тали себя гарантированными отъ набѣговъ и безпорядковъ на нашей восточной границѣ. Отказъ Россіи сильно раздражилъ китайцевъ, и съ этого то времени начинается цѣлый рядъ недоразумѣній, которыя почти совсѣмъ подорвали нашу торговлю въ западномъ Китаѣ и, въ концѣ концовъ, принудили нашего посланника Бютцова уѣхать изъ Пекина въ Россію. Но особенно острый и непріязненный характеръ приняли наши взаимныя отношенія послѣ того, какъ отпавшія области мало по малу подпали снова подъ власть пекинскаго правительства. Дѣйствительно, въ 1876 году китайцы побѣдили союзъ мусульманскихъ (дунганскихъ) городовъ, а лѣтомъ 1877 года, перешли Тяньшанскій хребетъ и послѣ непродолжительной борьбы захватили Кашгаръ. Такимъ образомъ, къ концу прошлаго года западный Китай, за исключеніемъ только Кульджи, очутился по прежнему въ рукахъ китайцевъ. Наступило и время окончательнаго рѣшенія вопроса объ илійской долині. Съ необыкновенною настойчивостью потребовало китайское правительство исполненія даннаго нами обѣщанія. Помню переговоры, постоянно, хотя и безуспѣшно возбуждавшихся цзунли-ямынемъ (китайскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ) въ Пекинѣ, пограничныя административныя и военныя китайскія власти не пропускали ни одного случая, чтобъ не напомнить намъ о Кульджѣ, иногда даже въ угрожающей и дерзкой формѣ. Такъ, въ прошломъ году, одинъ изъ китайскихъ генераловъ въ Кашгарѣ, Лю-Шао, по поводу бѣгства въ наши предѣлы нѣкоторыхъ дунганъ, позволилъ себѣ послать генераламъ Кауфману и Колпаковскому вызывающія письма, гдѣ, между прочимъ, говорилось и о возможности военного вторженія китайцевъ въ илійскую долину. Что подобные замыслы дѣйствительно питались въ средѣ китайской арміи видно и изъ того, что Даглейтъ, агентъ одного англійскаго торговаго дома въ Яркендѣ, писалъ недавно о различныхъ приготовленіяхъ мѣстнаго китайскаго правительства, совершаемыхъ съ цѣлю занятія Кульджи, такъ, напримѣръ, дорога, черезъ проходъ Мусарти (5500 ф. надъ поверхностью моря) дѣлательно исправляется, а туземцы были обязаны въ опредѣленный срокъ представить въ войско до 27,000 лошадей.

Но не одинъ только Лю-Шао, второстепенный чиновникъ, перешелъ границу вѣжливости и уваженія къ Россіи; самъ китайскій главнокомандующій въ Кашгарѣ Цзинь-Цзянь-Цаюнь рѣшился почти на такую же выходку. Когда русскія власти кульджинскаго района обратились къ нему съ бумагою, въ которой выражалась надежда, что занятіе Кашгара китайцами не лишитъ русскую торговлю тѣхъ преимуществъ, которыми она пользовалась во время господства тамъ магометанъ, Цзинь отвѣчалъ прямымъ отказомъ, причемъ сослался на невозвращеніе Китаю илійской долины. Хотя центральное китайское

правительство и сложило съ себя отвѣтственность въ обоихъ вышеупомянутыхъ случаяхъ, но эти эпизоды, сами по себѣ, достаточно характеризуютъ то невозможное, напряженное положеніе, въ которомъ находятся теперь наши отношенія къ Китаю.

Вмѣстѣ съ этимъ, на ряду съ постояннымъ возбужденіемъ кульджинскаго вопроса, китайскія пограничныя власти всячески стѣсняютъ нашу торговлю и изыскиваютъ всякій предлогъ, чтобы еще рѣзче выразить свое недружелюбіе и недоброжелательство къ Россіи. Мы не говоримъ уже о множествѣ остальныхъ болѣе мелкихъ случаевъ, какъ, напримѣръ, о незаконной казни, совершенной тарбагатайскимъ амбаниномъ (губернаторомъ) надъ нашимъ подданнымъ, о произвольныхъ поборкахъ, которымъ подвергаются наши купцы и т. п. И всѣ эти дѣйствія мѣстной китайской администраціи остаются вполне безнаказанными. Не смотря на настойчивыя требованія Россіи, виновные чиновники остаются на своихъ мѣстахъ и только иногда, точно для смѣха, подвергаются высканіямъ, въ родѣ „лишенія почетныхъ отпѣтовъ“. Трудно представить себѣ тотъ невыносимый гнетъ, который содался этою системою и неотразимо тяготѣетъ надъ русскою вывозною торговлею. Администраторы, увѣренные въ потворствѣ своего правительства, на каждомъ шагѣ оскорбляютъ и обижаютъ русскихъ. Вотъ правдивый и истинный рассказъ одного изъ такихъ мучениковъ. „Прежде чѣмъ вступить на китайскую территорію,—пишетъ нѣкто г. Афанасьевъ,—(торговый агентъ кульджинскаго купца Сомова) я, зная по опыту, изъ своихъ неоднократныхъ поѣздокъ въ Шихо, какъ китайцы способны не церемониться, плевать русскимъ въ лицо, бросать въ нихъ грязью, оскорблять нечестными словами, кичиться надъ ихъ прической и волосами, еще на пути изъ Каракала предпочелъ обрить себѣ по-мусульмански голову, дабы тѣмъ лишить китайцевъ всякихъ шансовъ снимать съ меня шапку по нѣскольку разъ въ день и запускать руки въ мои волосы, съ цѣлю потянуть ихъ то книзу, то кверху, то направо, то влѣво“. Превратившись, такимъ образомъ, въ азиатца, Афанасьевъ рѣшился, наконецъ, перейти китайскую границу. На границѣ—русскихъ встрѣтили очень недружелюбно. Пиветный китайскій офицеръ отобралъ оружіе, бывшее у Афанасьева, и допрашивалъ, почему русскіе не выдаютъ китайцамъ дунгана, по имени Дахо; будутъ-ли въ состояніи или нѣтъ китайцы взять съ бою Кульджу и сколько тамъ войскъ. На другой день ихъ подъ конвоемъ проводили въ Учъ-Турфанъ и по прибытіи туда дали знать старшему изъ дарыновъ Яну. Тотъ немедленно допросилъ ихъ и затѣмъ, въ свою очередь, переслалъ Афанасьева къ другому слѣдующему дарыну. При отсылкѣ ко второму дарыну первый дарынь сказалъ Афанасьеву, что онъ дастъ ему 4-хъ китайскихъ солдатъ при одномъ офицерѣ и 10 человекъ полицейскихъ сартовъ при

городничемъ, какъ бы для того, чтобы охранять Афанасьева отъ разныхъ насилій и непріятностей. При этомъ дарынъ подтвердилъ, чтобы торговли не производить до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ разрѣшенія изъ Аксу, куда онъ хотѣлъ съестись съ главнымъ своимъ начальникомъ, по имени Лой-Шай, завѣдывающимъ городами: Аксу, двумя Турфанами, Куча и Кумуломъ. Ожиданіе разрѣшенія продолжалось 20 дней и въ это время не только не было продано ни одного аршина, но даже самого Афанасьева съ его спутниками не выпускали никуда изъ караванъ-сарая; такъ, напримѣръ, если требовалось согрѣть чайникъ, то согрѣвали его сами китайцы; нужно было напоить лошадей,—исполняли это они же; понадобится купить клеверу, китайцы приводили съ базара или вѣрнѣе пригоняли продавцовъ въ караванъ-сарай, гдѣ и производилась купля клевера. Мало того, въ теченіи этихъ 20 дней китайцы не позволяли даже отпустить лошадей въ степь съ пастухомъ, а потому волей-неволей приходилось держать ихъ въ караванъ-сарай и покупать для нихъ ежедневно по 300 сноповъ клевера, что стоило 4 р. 80 к. Говорить Афанасьеву съ посторонними хотя не воспрещалось, за то не дозволяли говорить съ нимъ другимъ и даже воспрещали постороннимъ входить въ его помѣщеніе; да и сарты, изъ опасенія или непонятной неприязни, видимо сами уклонялись и удерживались отъ всякихъ встрѣчъ и словопреній.

Черезъ двадцать дней старшій дарынъ явился въ караванъ-сарай и пересчиталъ весь товаръ по-штучно. Починъ покупки товара сдѣлалъ первый самъ дарынъ, распросивши предварительно существующія на него цѣны въ Кульджѣ; потомъ спросилъ послать съ нимъ чело-вѣка за деньгами, которыми и выслалъ кашгарскимъ серебромъ, въ мелкой монетѣ, называемой „темыга“, равняющейся нашимъ 10 к., но менѣе половины стоимости товара; такъ, напримѣръ, за аршинъ сукна выслалъ—за одно 1 р. 60 к., а за другое—1 р. 20 к., тогда какъ первое стоило въ Кульджѣ 4 р. 50 к., а второе 2 р. 50 к., за бази выслалъ менѣе противъ кульджинской цѣны по пяти копейекъ за аршинъ. Съ этого времени Афанасьева, по необходимой надобности, стали выпускать въ недѣлю разъ на базаръ и чрезъ день-два купаться, но съ предварительнаго разрѣшенія Акынъ-бека и непременно подъ конвоемъ одного или двухъ чело-вѣкъ. Примѣру старшаго дарына послѣдовали и другіе дарыны и чиновники, и за все время перебрали товаровъ рублей на 500.

Афанасьевъ пробылъ въ Учъ-Турфанѣ около полутора мѣсяца. Въ это время у Афанасьева однакоже раза два были столкновенія съ китайскими солдатами, которые дошли до такой наглости, что не только требовали отпустить имъ товаръ, точно также какъ дарынамъ, но произвольно-выдаваемой ими цѣнѣ, но стали насильно рвать товаръ изъ

ружь, выбрасывая за него деньги, сколько вздумается. Разъ они даже выломали двери у Афанасьева, и два раза нанесли ему побои, чѣмъ и вынудили обратиться съ просьбою къ дарыну, до котораго онъ достигъ спустя много времени и благодаря только переводчику дарына. Когда Афанасьевъ былъ съ жалобою у дарына, то отъ него требовали, чтобы передъ этимъ начальникомъ онъ дѣлалъ колѣнопреклоненія, чего Афанасьевъ не исполнилъ, ссылаясь, что это не въ духѣ русскихъ законовъ и обычаевъ.

Наконецъ, Афанасьевъ обратился съ просьбою дать ему пропускъ на выѣздъ обратно, но дѣло тянуло, русскаго прикащика не допускали къ дарыну и только 18 октября ему хотя дали пропускъ, но передъ выѣздомъ запретили нанимать работниковъ. „Во все время пребыванія Афанасьева въ Учъ-Турфанѣ, т. е. въ теченіе около 90 дней, за дѣйствіями его тайно наблюдали фискалы; не разъ случалось ему видѣть, какъ за нимъ подсматривали люди ночью съ огнемъ, чрезъ отверстіе въ потолокъ караванъ-сарая“.

Какова картина полного безправія съ одной стороны, и грубаго насилія и произвола—съ другой. Русское чувство невольно возмущается этимъ зрѣлищемъ; и если бы уступкою Кульджи можно было совершенно освободить нашихъ соотечественниковъ отъ оскорбленій и притѣсненій китайцевъ, то мы лично, безъ сомнѣнія, немедленно же присоединились бы къ сторонникамъ возвращенія илійской долины. Но весь вопросъ именно и заключается въ томъ, —обеспечить ли эта уступка неприкосновенность русскихъ людей и свободу русской торговли. Мы выше говорили уже объ отличительной чертѣ національнаго характера китайцевъ. Какъ и всѣ азіатскіе народы они уважаютъ только одну силу; никакіе договоры не имѣютъ для нихъ значенія, если они не поддерживаются штыками. Англія и Франція отлично это поняли, и конечно ни съ однимъ изъ ихъ подданныхъ не случилось-бы того, что произошло съ Афанасьевымъ и съ сотнями другихъ неизвѣстныхъ русскихъ людей. Если бы мы даже и уступили Кульджу китайцамъ то, въ ихъ глазахъ, мы только доказали бы этимъ свою слабость и свое безсиліе. Когда англичане захотятъ новыхъ льготъ для своей торговли, — они конечно, не поскупятся Гонгъ - Конгомъ, или другими уже сдѣланными ими пріобрѣтеніями; они прямо потребуютъ себѣ уступокъ и добьются ихъ или ловкостью, или силою. Въ теченіи двухъ вѣковъ китайцы пріучились глядѣть на насъ, какъ на самую уступчивую и безсильную націю, наша безлюдная и незащищенная сибирская граница только подтверждала ихъ въ этомъ мнѣніи. Теперь, когда мы сблизились съ Китаемъ на западѣ, на обязанности туркестанскаго начальства лежитъ заставить китайскій народъ измѣнить подобное о насъ мнѣніе. Конечно, сдѣлать это разомъ невозможно; понятія, сло-

жившіяся вѣнами, не уничтожаются вдругъ. Но, во всякомъ случаѣ, не путемъ безконечныхъ дипломатическихъ возпроисовъ и уступокъ добьемся мы этого результата. Какіе бы мы не заключали договоры, какъ бы мы хитро и тонко не разрабатывали правила нашей сухопутной торговли,—мы не въ силахъ измѣнить китайскую администрацію и китайскій народъ, съ ихъ отвращеніемъ къ иностранцамъ и съ ихъ пренебреженіемъ къ Россіи. Для того, чтобы добиться чего нибудь отъ Китая, надо слѣдовать примѣру англичанъ и заключать такіе договоры, какъ Нанкинскій. Вотъ, по нашему мнѣнію, единственный рациональный и вѣрный путь. Жестоко ошибаются тѣ, которые думаютъ, что уступкою Кульджи мы приобрѣтемъ себѣ действительную свободу торговли. На бумагѣ это можетъ быть такъ и будетъ, но на дѣлѣ,—намъ раньше или позже придется, ради осуществленія выговоренныхъ правъ, возвратиться къ старому, т. е. вновь занять ту же самую илійскую долину.

Такимъ образомъ, промѣна Кульджи на новыя правила сухопутной торговли, съ чисто экономической точки зрѣнія, представляетъ весьма и весьма сомнительныя выгоды для Россіи. Но если бы даже намъ и удалось снова учредить свои факторіи въ западномъ Китаѣ и вполне обезпечить личность и собственность нашихъ торговцевъ, то, мы думаемъ, что и эти льготы востаяки не могли бы служить достаточнымъ вознагражденіемъ за нашу уступку. На этотъ вопросъ нельзя глядѣть исключительно съ экономической точки зрѣнія; съ нимъ тѣсно связаны еще и другія, преимущественно стратегическія соображенія. Удерживая Кульджу за собою, мы приобрѣтаемъ, наконецъ, на востокѣ естественную границу, къ которой напрасно стремится Россія съ самаго царствованія Петра Великаго; отдавши илійскую долину, мы вступаемъ въ прежнее неопредѣленное и затруднительное положеніе. Наша граница будетъ снова искусственною, безъ всякаго точнаго обозначенія и безъ всякаго прикрытія со стороны Кульджи. Въмѣстѣ съ этимъ и нравственное обаяніе русскаго имени несомнѣнно пострадаетъ отъ этой уступки; русскіе въ средней Азій — это крошечный оазисъ среди подавляющаго мусульманскаго большинства. Уступая Кульджу, Россія передала бы около ста тысячъ магометанъ въ руки злѣйшихъ враговъ этой религіи—китайцевъ. Страшное истребленіе дунганъ показало уже какъ китайцы относятся къ побѣжденнымъ и чего могутъ ожидать таранчи и другіе обитатели илійской долины. Горячее желаніе ихъ остаться въ русскомъ подданствѣ не можетъ быть также упущено изъ виду. Мы такъ много хлопотали объ освобожденіи народовъ въ Европѣ, что было бы нелогично отдавать вновь въ рабство вполне преданный намъ и жаждущій остаться подъ нашимъ владѣтельствомъ народъ.

Не слѣдуетъ забывать, что, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, намъ неминуемо придется выдержать не одну кровавую борьбу съ Китаемъ. Для успѣхности этой борьбы, равно какъ и вообще для прочнаго охраненія нашихъ границъ, намъ необходимо воспользоваться исконною ненавистью, существующею между китайцами и многочисленными племенами магометанскаго закона, обитающими преимущественно въ пограничныхъ съ нами областяхъ. Неужели наша политика и здѣсь, какъ вездѣ, сидеть между двухъ стульевъ и, не привязавъ къ себѣ ни одну изъ сторонъ, одинаково оттолкнетъ обѣ и сама посядитъ на почвѣ фанатической ненависти къ Россіи?

Резюмируя теперь все нами сказанное, мы видимъ, что основаніемъ для возвращенія Кульджи можетъ служить только одно обѣщаніе нашего правительства. Всѣ остальные доводы говорятъ противъ этой уступки. Но если экономическія льготы и могутъ казаться заманчивыми, то мы не знаемъ, почему они непремѣнно должны быть связаны съ возвращеніемъ Кийской долины Китаю. Для этого необходимо лишь побольше энергіи и настойчивости, позаимствованныхъ хотя бы у тѣхъ же китайцевъ, и мы добьемся своего, не дѣлая ни малѣйшей уступки.

Чѣмъ окончится кульджинскій вопросъ, въ настоящее время еще неизвѣстно. Судя по общему направленію нашей внѣшней политики, весьма вѣроятно, что на вѣсахъ, на которыхъ будутъ взвѣшиваться вышеприведенныя нами доводы и соображенія, „торжественныя обѣщанія“ перевѣсятъ все остальное, всѣ стратегическія и нравственныя соображенія...

Въ заключеніе приведемъ два случая изъ новѣйшей политической исторіи; одинъ относится къ царствованію покойнаго императора Николая I; другой—къ эпохѣ послѣдней франко-прусской войны.

Покойный императоръ, какъ извѣстно, не желалъ присоединенія Амурской области, но когда Невельской водрузилъ русскій флагъ на берегахъ Амура и провозгласилъ послѣдній русскимъ, императоръ Николай, узнавъ объ этомъ, сказалъ: „я не хотѣлъ этого захвата, но разъ русскій флагъ уже поднятъ, онъ не можетъ быть опущенъ.“ Другой случай еще болѣе поучителенъ. Когда, въ эпоху версальскихъ переговоровъ, наше правительство совѣтовало Бисмарку не отнимать у Франціи Эльзаса и Лотарингіи, то хитроумный графъ отвѣтилъ приблизительно слѣдующее: „отниму ли я или нѣтъ эти провинціи, французы все равно останутся нашими врагами, такъ ужъ лучше присоединить ихъ къ Германіи“. Не то ли же самое должны мы сдѣлать теперь и съ Кульджей?

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Въ области прикладнаго знанія: Источники электрическаго свѣта и современное состоянiе вопроса объ электрическомъ освѣщенiи.

Едва ли въ области прикладнаго знанiя можно указать на вопросъ, рѣшенiю котораго было бы посвящено въ послѣднее время столько усилiй и энергiи, какъ вопросу объ электрическомъ освѣщенiи. И эти усилiя, эта энергiя, вполнѣ отвѣчаютъ громадному практическому значенiю самаго вопроса. Правда, мысль воспользоваться электрическимъ свѣтомъ и примѣнить его къ требованiямъ быденной жизни, въ сущности, вовсе не новая; тѣмъ не менѣе, къ осуществленiю ея въ широкихъ размѣрахъ было приступлено недавно, и еще недавнѣе удалось достигнуть такихъ результатовъ, которые вполнѣ уже обезпечиваютъ въ недалекомъ будущемъ окончательное рѣшенiе этого вопроса. Его современное состоянiе служить тому самымъ вѣскимъ ручательствомъ. Но, для надлежащей оцѣнки этого состоянiя, для надлежащаго уясненiя того, что сдѣлано въ послѣднее время въ данной области прикладнаго знанiя, необходимо бросить хотя бѣглый взглядъ на прошедшее, необходимо узнать, что было сдѣлано въ томъ же направленiи прежде и что именно содѣйствовало его современному успѣху.

Прежде всего, обращаясь къ электрическому освѣщенiю, слѣдуетъ принять во вниманiе, что предметъ этотъ состоитъ изъ двухъ существенно-важныхъ частей: одна—это вопросъ объ источникахъ электричества, о развитiи той электрической силы, которая преобразовывается въ свѣтъ; другая—это вопросъ объ условiяхъ и о способѣ подобнаго преобразованiя. Стало быть, не ограничиваясь самими способами примѣненiя электрическаго свѣта, намъ необходимо ознакомиться и съ способами его добыванiя. Способы эти весьма разнообразны и

всёцѣло опредѣляются тѣми источниками, на счетъ которыхъ развивается электричество. Къ числу такихъ источниковъ, какъ было найдено еще въ началѣ нынѣшняго столѣтiя, относятся, между прочимъ, химическiя реакцiи; именно, дѣйствiе окисленной воды на цинкъ. Происходящее при этомъ окисленiе цинка сопровождается развитiемъ нѣкотораго количества электричества. На основанiи даннаго принципа, итальянскiй ученый Вольта устроилъ въ 1800 г. свой знаменитый приборъ, первую электродинамическую батарею, известную подъ именемъ вольтова столба. Этотъ приборъ состоитъ изъ вертикально расположенныхъ одинъ надъ другимъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, цинковыхъ и мѣдныхъ кружковъ, переложенныхъ суконными кружками, смоченными окисленною водою *); дѣйствiе послѣдней на цинковые кружки развиваетъ электричество, которое принимается мѣдными кружками; послѣднiе играютъ, такимъ образомъ, роль проводниковъ. Если, затѣмъ, соединить мѣдною проволокою верхнiй (цинковый) кружокъ вольтова столба съ нижнимъ (мѣднымъ) кружкомъ, то при этомъ получается токъ, идущiй по проволокѣ отъ нижняго кружка къ верхнему; если мѣдную проволоку разрѣзать, то между разрѣзами получится радъ искръ, а если соединить эти разрѣзы съ платиновою проволокою, то послѣдняя накаливается до бѣла и издаетъ ослѣпительный свѣтъ; тѣ же явленiя обнаруживаются и въ томъ случаѣ, когда платиновую проволоку замѣняютъ двумя угольными карандашами.

Приборъ Вольта обратилъ на себя общее вниманiе современниковъ, и опыты съ этою батареею стали повторятся на тысячи ладовъ; при этомъ весьма скоро выяснилось, что употребленiе угля и платины представляетъ самое лучшее средство для полученiя наиболѣе яркаго свѣта. По словамъ Кетле, уголь впервые былъ примененъ къ этой цѣли Кюрте; онъ первый получилъ, въ 1802 году, электрическую искру между угольными карандашами или конусами. Впрочемъ, въ томъ же году, известнiй англiйскiй ученый Дэви производилъ надъ углемъ тѣ же опыты. Его современникъ, Шильдертъ, при помощи батареи, превосходящей своею электро-возбудительною силою всё до того употреблявшiяся, расплавилъ платиновую проволоку въ 18 дюймовъ длиною, а пропуская электрическiй токъ черезъ угольные карандаши, заставилъ ихъ свѣтиться такимъ ослѣпительнымъ блескомъ, „въ сравненiи съ которымъ, говоритъ Дэви, даже свѣтъ солнца казался слабымъ“. Въ 1808 году самъ Дэви получилъ еще болѣе грандиозные результаты. Онъ устроилъ батарею въ двѣ тысячи элементовъ и съ

*) Одинъ цинковый кружокъ и одинъ мѣдный, разделенные суконнымъ кружкомъ—составляютъ вмѣстѣ, такъ называемый, элементъ.

помощью ея электричество было преобразовано въ такое количество тепла и свѣта, какое до того еще никогда не наблюдалось: электрическая искра между угольными карандашами имѣла четыре дюйма длины, а тепловая энергія ея была такова, что даже кварцъ, сафиръ, магнезія и известь плавилась въ ней, „словно воскъ на огнѣ“, а алмазъ и графитъ, подвергнутые дѣйствию этой искры, быстро улетучивались, какъ бы испаряясь.

И такъ, возможность полученія сильнаго электрическаго свѣта была на опытѣ доказана еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Что же имѣлао примѣнить этотъ свѣтъ къ практическимъ цѣлямъ; отчего въ такомъ случаѣ, даже до настоящаго времени, не удалось вполне совладать съ этою задачею?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ необходимо прежде всего обратить вниманіе на условія развитія электрическаго свѣта. Первое изъ этихъ условій есть сопротивленіе, которое испытываетъ электрическій токъ. Если такое сопротивленіе отсутствуетъ и токъ свободно, не задерживаясь, распространяется по тѣлу, то происхожденіе свѣта и теплоты, на счетъ электричества, не можетъ имѣть мѣста. Значеніе сопротивленія, въ данномъ случаѣ, легко понять. Когда тѣло, при своемъ движеніи, испытываетъ какое нибудь сопротивленіе, напримѣръ, отъ тренія, то притомъ, какъ извѣстно, развивается нѣкоторое количество теплоты, равное тому количеству силы, которое было затрачено тѣломъ на преодоленіе тренія. Подобнымъ же образомъ, когда электричество, распространяясь по тѣлу, задерживается частицами послѣдняго, то на преодоленіе такого сопротивленія, электричество расходуетъ нѣкоторую долю своей энергіи, которая и превращается, какъ въ вышеуказанномъ случаѣ тренія, въ теплоту; а если сопротивленіе, притомъ, значительно, то потребляется такое громадное количество электрической энергіи, что вмѣстѣ съ теплотою развивается и свѣтъ. Мѣдная проволока не обнаруживаетъ никакого сопротивленія электрическому току, поэтому послѣдній свободно распространяется по ней, нисколько ея не нагревая; платиновая проволока, напротивъ, сильно задерживаетъ токъ, вслѣдствіе чего и накаливается до-бѣла. Тоже самое происходитъ и въ случаѣ употребленія угольныхъ карандашей; разстояніе между остроконечіями этихъ карандашей, наполненное воздухомъ, и составляетъ тотъ перерывъ въ цѣпи электродинамической батареи, которымъ задерживаются токи. Расходуемая на преодоленіе даннаго препятствія электрическая энергія и выражается появленіемъ свѣтовой искры между концами углей. Эта свѣтовая искра состоитъ изъ раскаленныхъ до-бѣла частицъ угля, увлекаемыхъ электрическимъ токомъ отъ острія одного угольнаго конуса къ другому; подъ вліяніемъ земнаго магнетизма, искра эта

принимаетъ дугообразный видъ и известна подъ именемъ вольтовой дуги.

Сопротивленіе, испытываемое электрическимъ токомъ, опредѣляетъ развитіе свѣта и теплоты; чѣмъ сильнѣе сопротивленіе, тѣмъ больше расходуется электрическая энергія, тѣмъ интенсивнѣе свѣтъ и теплота. Но это только одна сторона настоящаго явленія; слѣдуетъ взглянуть и на другую его сторону, слѣдуетъ опредѣлить, какъ относится къ вышеуказаннымъ превращеніямъ тотъ источникъ, на счетъ котораго образуется электричество. Мы уже знаемъ, что въ электродинамическихъ батареяхъ, такимъ источникомъ является химическая реакція, именно окисленіе металла цинка. Намъ необходимо теперь обратить вниманіе на тѣ динамическіе эффекты, которыми сопровождается это окисленіе цинка. Цинкъ, какъ известно, принадлежитъ къ весьма легко воспламеняющимся тѣламъ, онъ почти также легко горитъ на воздухѣ, какъ и бумага, развивая при этомъ значительное количество тепла и свѣта; но цинкъ можетъ горѣть и будучи погруженъ въ жидкость. Таковы именно тѣ процессы окисленія, которые испытываетъ это тѣло въ каждой электродинамической батарее; цинкъ сгораетъ, подъ вліяніемъ окисленной воды, отнимая у послѣдней ея кислородъ; эта послѣдняя молекулярная работа поглощаетъ, говорить Тиндалль, четыре пятыхъ количества теплоты, развиваемой при окисленія цинка и только одна пятая даннаго количества остается свободною. И вотъ она-то именно и составляетъ электро-возбудительную силу, она именно, когда задерживается электрической токъ, и освобождается вновь, въ видѣ того тепла и свѣта, о которыхъ мы говорили выше. Такимъ образомъ, та тепловая энергія, которая накаливаетъ до-бѣла платиновую проволоку и заставляетъ свѣтиться подобно солнцу острія угольныхъ конусовъ,—и есть та теплота, которая развивается при сгораніи или окисленія цинка въ батареѣ. Въ этомъ отношеніи мы можемъ, слѣдуя примѣру Тиндалла, сравнить роль электрическаго тока съ проводникомъ теплоты, освобождаемой цинкомъ: заимствуя у послѣдняго эту теплоту, токъ какъ бы проводитъ ее къ тѣмъ точкамъ, гдѣ встрѣчаетъ сопротивленіе, и здѣсь она освобождается. Отсюда уже совершенно ясно, что интенсивность и продолжительность электрическаго свѣта стоятъ въ прямой зависимости отъ интенсивности и продолжительности происходящихъ въ самой батарее химическихъ реакцій, т. е. процессовъ окисленія. Значительная трата электрической энергіи на развитіе свѣтоваго явленія, предполагаетъ значительную трату горючаго матеріала — цинка. Таковы требованія неизмѣннаго закона постоянства силъ. Но горючій матеріалъ, потребляемый электродинамическими батареями, очень дорогъ и не окупается получаемымъ свѣтомъ. Вотъ одна изъ существенныхъ

причинъ, тормозившихъ возможность примѣненія, въ широкихъ размѣрахъ, электрическаго свѣта къ практическимъ цѣлямъ. Необходимо было отыскать другой источникъ электричества, помимо химическихъ реакцій, который болѣе предъидущаго удовлетворялъ бы только что указаннымъ практическимъ цѣлямъ. Таковой источникъ и былъ найденъ, благодаря открытіямъ знаменитаго англійскаго физика Фарадея— „царя“ опытной физики, какъ называется его Тиндаль.

Извѣстно, что нѣкоторые металлическія тѣла испытываютъ на себѣ болѣе или менѣе значительное вліяніе земнаго магнетизма. Въ этомъ отношеніи мы можемъ сравнить эти тѣла съ стальной иглой, а дѣйствіе земнаго магнетизма—съ вліяніемъ природнаго магнита, извѣстнаго подъ именемъ магнитнаго желѣзняка. Приближая иглу къ этому послѣднему или удаляя ее отъ него мы тѣмъ самымъ измѣняемъ въ ней магнитныя состоянія. То же самое измѣненіе въ магнитныхъ состояніяхъ испытываютъ, подъ вліяніемъ земнаго магнетизма, и металлическія тѣла, когда они находятся въ движеніи. Въ 1831 году Фарадей нашелъ, что, при каждомъ такомъ измѣненіи, въ движущихся металлическихъ тѣлахъ развивается электрическій токъ, названный имъ индуктированнымъ. Представьте же себѣ теперь, что такое движущееся металлическое тѣло есть желѣзный брусокъ, оболочка котораго намотана спиралью мѣдная проволока, покрытая шелкомъ (такъ называемая катушка). Если вы сблизите концы этой проволоки, то электрическій токъ, развивающійся въ моментъ измѣненія въ желѣзномъ брускѣ магнитнаго состоянія, устремляется по спиральной проволокѣ и, встрѣчая на ее концахъ нѣкоторое сопротивленіе, преобразовывается, вслѣдствіе извѣстной уже намъ причины, въ теплоту. Мы видѣли выше, что въ электрической батарей электро-возбудительная сила развивается на счетъ процессовъ окисленія; откуда же развивается эта сила въ случаѣ происхожденія индуктированныхъ токовъ? Она развивается на счетъ той силы движенія, которую необходимо затратить, чтобы измѣнить въ желѣзномъ брускѣ (катушкѣ) его магнитное состояніе. Въ самомъ дѣлѣ, желѣзный брусокъ можетъ находиться подъ вліяніемъ самаго сильнаго магнита, насколько не обнаруживая индуктированнаго тока. Только въ моментъ удаленія или приближенія бруска къ магниту, т. е. въ моментъ измѣненія въ брускѣ его магнитнаго состоянія, появляется индуктированный токъ. Сила, расходуемая на это измѣненіе, будучи превращена въ теплоту, развила бы такое количество послѣдней, какое можетъ быть получено на счетъ энергіи даннаго индуктированнаго тока. Изъ всего вышесказаннаго уже совершенно ясно, что, заставляя желѣзный брусокъ, покрытый спиральною проволокою, постоянно измѣнять свое положеніе относительно какаго нибудь магнита,—мы полу-

чимъ рядъ индутированныхъ токовъ, которые, распространяясь по проводникамъ, могутъ, при соответствующихъ условіяхъ, служить источникомъ самой сильной теплоты и самаго яркаго свѣта; достаточно для этого соединить проводники съ угольными конусами.

Таковъ именно тотъ принципъ, на основаніи котораго устроены электромагнитныя машины. Электрическій свѣтъ развивается здѣсь не на счетъ химическихъ процессовъ, какъ въ батареѣ, а на счетъ механической силы движенія; чѣмъ сильнѣе это движеніе, чѣмъ быстрѣе вращаются электро-магнитныя катушки около магнитовъ, тѣмъ напряженнѣе, при равенствѣ остальныхъ условій, будутъ токи и тѣмъ интенсивнѣе будетъ свѣтовой эффектъ. Строго говоря и въ электро-магнитныхъ машинахъ источникомъ электричества, въ концѣ концовъ, всетаки являются химическіе процессы, а именно горѣніе; нагляднымъ примѣромъ тому можетъ служить тотъ случай, когда электро-магнитная машина приводится въ дѣйствіе паромъ. Расходуемая на эту работу сила пара развивается, какъ извѣстно, на счетъ теплоты сгораемаго для кипяченія воды топлива; вотъ это-то количество тепловой энергіи и освобождается вновь, въ видѣ электрическаго свѣта, въ моментъ прохожденія индутированныхъ токовъ черезъ угольные конусы. Но дѣло въ томъ, что горючій матеріалъ (цинкъ), расходуемый электрическими батареями, очень дорогъ, тогда какъ электромагнитныя машины дозволяютъ для той же цѣли употреблять обыкновенное топливо—дрова или уголь. Разница, въ практическомъ отношеніи, громадная; одна изъ существенныхъ помѣхъ для примѣненія электрическаго свѣта, несоразмѣрная дороговизна горючаго матеріала, устраняется замѣною батарей электро-магнитными машинами.

Дѣйствительно, только со времени устройства этихъ машинъ, электрическое освѣщеніе стало практически возможнымъ дѣломъ. Правда, первыя изъ электро-магнитныхъ машинъ, машины: Пиеси, Клерка, Шторна, отличались крайнимъ несовершенствомъ и весьма слабою электро-возбудительною силою, чтобы служить источникомъ сильнаго свѣта. Приборы эти употреблялись специально для научныхъ цѣлей, и только въ 1850 году Ноле сдѣлалъ первую попытку примѣнить электро-магнитную машину для освѣщенія. Впрочемъ, онъ имѣлъ въ виду получить не электрическій свѣтъ, а, такъ называемый, друмондовъ свѣтъ, испускаемый мѣломъ, при наваливаніи его въ пламени водорода; назначеніе устроенной Ноле электро-магнитной машины—разлагать воду, съ тѣмъ, чтобы получить, необходимые для друмондова свѣта, кислородъ и водородъ. Въ Парижѣ основалось даже, въ 1853 году, общество, съ цѣлію эксплуатаціи машины Ноле, но опыты не оправдали ожидаемыхъ результатовъ. Вскорѣ затѣмъ, Гольмсъ устроилъ болѣе сильную электро-магнитную машину, съ помощью которой ему

удалось получить электрический свѣтъ, по интенсивности своей не уступавшій блеску вольтовой дуги въ батареяхъ. Этотъ первый шагъ принесъ свои плоды: машина Гольмса обратила на себя вниманіе англійскаго общества освѣщенія маяковъ, которое, желая убѣдиться въ практическомъ ея примѣненіи, поручила это дѣло Фарадею. Вотъ мнѣніе, высказанное послѣднимъ: „но справедливости, я долженъ сказать, что, на мой взглядъ, опыты съ машиною профессора Гольмса несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что электро-магнитный свѣтъ вполне отвѣчаетъ требованіямъ и можетъ быть примѣнимъ для освѣщенія маяковъ. Свѣтъ этотъ превосходить своею интенсивностью свѣтъ, употребляемый до настоящаго времени, и въ принципѣ его можно усилить во сколько разъ пожелаютъ“. Дальнѣйшіе опыты вполне оправдали слова Фарадея, и, спустя нѣкоторое время, электро-магнитный свѣтъ былъ примѣненъ къ освѣщенію маяковъ. Помимо Гольмса этому успѣху, въ особенности, содѣйствовало общество „Союзъ“. Устроенная этимъ обществомъ электро-магнитная машина представляла значительный шагъ впередъ въ сравненіи съ приборомъ Гольмса, она значительно превосходила послѣдній своею электро-возбудительною силою и давала болѣе интенсивный свѣтъ. Машина эта состоитъ изъ чугунной рамы, по окружности которой расположены въ восемь рядовъ сильныя магниты; въ центрѣ этой рамы помѣщается валъ, на которомъ лежатъ четыре большихъ металлическихъ катушки; каждый катушекъ на окружности своей имѣетъ 16 катушекъ. Такимъ образомъ, по приводѣ въ движеніе этихъ катушекъ, всѣ 64 катушки, вращаясь въ кругу магнитныхъ полюсовъ, развиваютъ индуктированныя токи, которые и принимаются проводниками. Эта электро-магнитная машина общества „Союзъ“ была съ успѣхомъ примѣнена для освѣщенія маяковъ, сперва въ Гаврѣ, именно въ 1863 году, а затѣмъ Гольмсъ, въ 1869 году, устроилъ подобной же конструкціи машинку и для англійскаго общества освѣщенія маяковъ. Машина эта продолжаетъ, съ тою же цѣлю, употребляться и до настоящаго времени; интенсивность ея электрическаго свѣта такъ велика, что объ одномъ изъ маяковъ, освѣщаемыхъ электро-магнитнымъ приборомъ Гольмса, Тиндаль, какъ очевидецъ, говорить: „Свѣтъ маяка освѣщаль кругомъ всю окрестность на нѣсколько миль; я никогда не видѣлъ, чтобы яркость и блескъ искусственнаго освѣщенія въ такой мѣрѣ приближались, по интенсивности своей, къ солнечному свѣту“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ разширялось примѣненіе электрическаго свѣта къ освѣщенію маяковъ, постепенно, все болѣе и болѣе совершенствовались и электро-магнитныя машины. Машины новѣйшей конструкціи: Сименса, Грамма, Льютена, Воластона, Узеса, Меритена давали возможность, при наименьшей затратѣ двигательной силы, по-

лучать электрические токи большей интенсивности и большой энергій. Достаточно сказать, что электро-магнитная машина Меритена, при восьми магнитахъ, даетъ свѣтъ, равный по интенсивности свѣту, получаемому вышеупомянутою машиною „Союза“ при сорока магнитахъ. Но, чтобы привести въ дѣйствіе сорокъ магнитовъ требуется, естественно, затратить гораздо болѣе двигательной силы, нежели при машинѣ Меритена; этотъ громадный излишекъ расходовался, такимъ образомъ, непродуцательно, и внолгѣ уже устраненъ въ настоящее время, благодаря вышеупомянутымъ новѣйшимъ машинамъ. Стало быть, дѣло подвинулось впередъ, получилось важное практическое улучшение: сбереженіе той двигательной силы, на счетъ которой развивается электричество. Но здѣсь намъ необходимо обратить вниманіе еще на одно, весьма важное обстоятельство: говоря объ электро-магнитныхъ машинахъ, мы имѣли въ виду развитіе электрическаго свѣта въ одной точкѣ, какъ, напримѣръ, въ случаѣ съ маяками; но для болѣе широкаго примѣненія этого свѣта, для освѣщенія улицъ, общественныхъ зданій и т. п., необходимо, конечно, чтобы одна и та же машина одновременно давала свѣтъ въ нѣсколькихъ пунктахъ, или, иначе, освѣщала бы нѣсколько электрическихъ лампъ. Въ противномъ случаѣ, на практикѣ, было бы положительно невозможно пользоваться услугами электрическаго освѣщенія въ широкихъ размѣрахъ. Припомнимъ теперь тѣ условія, при которыхъ электрическій токъ превращается въ свѣтъ; для этого необходимо, чтобы электричество на пути своего распространенія встрѣтило нѣкоторое сопротивленіе; отсюда уже совершенно ясно, что, вмѣстѣ съ числомъ свѣтящихся точекъ, возрастаетъ число перерывовъ въ электрическомъ токѣ, число тѣхъ сопротивленій, которыя приходится преодолевать данному току. Но для этого токъ долженъ отличаться сильною напряженностью. Такую именно напряженность обнаруживаютъ токи, возбуждаемые электро-магнитными машинами Грамма, Сименса и Меритена, а потому, естественно, что употребленіе этихъ машинъ представляется наиболѣе удобнымъ для одновременнаго полученія электрическаго свѣта въ нѣсколькихъ пунктахъ; такъ, напримѣръ, одною машиною Грамма можно зажечь пять и даже десять электрическихъ свѣчей Яблочкова. Подобнымъ же образомъ, Меритенъ, по словамъ Тиндалля, зажигалъ, съ помощью своей электро-магнитной машины, весьма значительное число лампъ.

Не смотря, однако, на всѣ указанное здѣсь успѣхи въ электрическомъ освѣщеніи, предстояло рѣшить еще весьма важныя задачи и устранить еще не мало затрудненій. Изъ числа этихъ затрудненій—сгораніе угольныхъ конусовъ, которые при накаливаніи токомъ издаютъ свѣтъ, представляется крайне существеннымъ. Дѣло въ томъ, что, по мѣрѣ сгоранія углей, разстояніе между ними постепенно увеличи-

вается и, наконец, достигает таких размеров, что электрический ток совершенно прерывается, а вместе с тем потухает и электрический светъ. Правда, для устранения этого неудобства устроены различные регуляторы, съ помощью которыхъ угольные конусы сближаются по мѣрѣ того, какъ они сгораютъ. Но дѣло въ томъ, что всѣ эти регуляторы очень сложной конструкции и стоятъ крайне дорого, а между тѣмъ каждая лампа требуетъ отдѣльнаго регулятора. Поэтому труды практиковъ именно и были направлены въ послѣднее время на то, чтобы прежде всего устранить этотъ недостатокъ. Попытки подобнаго рода вызвали рядъ изобрѣтеній, благодаря которымъ, только что указанное затрудненіе можетъ считаться уже устраненнымъ. Первые попытки въ этомъ направленіи были сдѣланы нашими соотечественниками—Яблочковымъ и Реньевымъ. Лампа Реньева крайне простой конструкции: она состоитъ изъ четырехъ угольныхъ карандашей; карандаши расположены въ видѣ двухъ буквъ V, обращенныхъ другъ къ другу остроконечіями; въ этой складывающейся точкѣ и появляется электрический свѣтъ; съ помощью небольшой тяжести и двухъ маленькихъ электро-магнитовъ, разстояніе между угольными карандашами, по мѣрѣ ихъ сгорания, постоянно уравнивается, и электрический токъ, пока дѣйствуетъ электро-магнитная машина, продолжаетъ непрерывно давать свѣтъ. Нѣсколько такихъ лампъ могутъ пользоваться токомъ одной машины, причемъ вся система располагается такимъ образомъ, что применение свѣтового эффекта въ одной изъ нихъ не оказываетъ никакого вліянія на другія, такъ что если потушить одну лампу, остальные продолжаютъ свѣтиться съ прежнею силой.

Не болѣе сложны и, такъ называемыя, „свѣчки“ Яблочкова. Съ цѣлю устранить указанное выше затрудненіе, обусловливаемое сгораніемъ углей, Яблочковъ снабдилъ эти угли такимъ приспособленіемъ, при которомъ употребленіе особаго регулятора оказывается совершенно излишнимъ: онъ расположилъ угольные карандаши вертикально одинъ подлѣ другаго, помѣстивъ между ними по всей длинѣ плоской проводникъ, состоящій изъ воска и особаго рода фарфоровой глины (каолина). Токъ, проходя отъ одного угля въ другому, накаливаетъ ихъ обонхъ съ верхняго конца; угольные карандаши постепенно сгораютъ, издавая ослѣпительный свѣтъ, вмѣстѣ съ тѣмъ сгораетъ и раздѣляющій ихъ составъ. Само собою понятно, что, при такомъ расположеніи углей, какое придано имъ въ свѣчкахъ Яблочкова, разстояніе между ними не можетъ измѣняться вслѣдствіе сгорания, такъ что электрический токъ продолжаетъ дѣйствовать непрерывно, пока не сгоритъ вся свѣчка. Это—одно изъ весьма важныхъ достоинствъ аппарата; регуляторъ устраненъ въ немъ самымъ простымъ способомъ.

Слѣдуетъ ли говорить о томъ шумѣ, который надѣлала система

Яблочкова въ Парижѣ, на всемірной выставкѣ прошлаго года. Результаты, какъ извѣстно, были блестящіе; въ непродолжительное время, свѣчки Яблочкова приобрѣли такую же громкую извѣстность, какъ телефонъ Эдиссона и другія многочисленныя изобрѣтенія этого рода. Правда, было высказано, что освѣщеніе по системѣ Яблочкова обходится очень дорого, что оно значительно превосходитъ расходы на газовое освѣщеніе. Не входя здѣсь въ подробности по настоящему, во всякомъ случаѣ, крайне спорному вопросу, мы ограничимся указаніемъ тѣхъ расчетовъ, которые дѣлаетъ самъ изобрѣтатель. „Расчеты эти двухъ родовъ: противники электрическаго освѣщенія считаютъ его слишкомъ дорогимъ; защитники его, въ особенности пропагандисты, напротивъ, приводятъ цифры, которыхъ нельзя, быть можетъ, назвать неточными, но которыя, тѣмъ не менѣе, представляются чисто теоретическими цифрами, а слѣдовательно не годятся для пракческаго примѣненія. Чтобы лучше можно было понять мою мысль,—продолжаетъ Яблочковъ,—предположимъ слѣдующее вычисленіе стоимости моей свѣчки. Электрическая свѣчка расходуетъ въ часъ пять граммовъ своего стержня, состоящаго просто изъ кокса и цемента. Лучшій коксъ стоитъ сорокъ пять франковъ за тонну, а килограммъ цемента—пятьдесятъ сантимовъ. Если принять эти цифры за основаніе, то оказывается, что электрической свѣчкѣ, зажигающей 10,000 газовыхъ рожковъ, стоитъ всего двадцать семь сантимовъ, тогда какъ эти 10,000 рожковъ обходится въ $4\frac{1}{4}$ франка въ часъ. Ни кто, конечно, не можетъ заковорить эти цифры въ неточности, но я востану не назову ихъ удобными для пракческаго примѣненія. Относительно стоимости электрическаго освѣщенія, я скажу только, что гдѣ оно было примѣнено, тамъ замѣчалась очень чувствительная экономія. Напримѣръ, въ Луврѣ, гдѣ этотъ свѣтъ былъ въ употребленіи цѣлый годъ, владельцы магазиновъ оказались въ барынахъ на 30%, и свѣтъ былъ арче газового. Въ заключеніе, я скажу, что прогрессъ въ удешевленіи электрическаго свѣта ясно обнаружился. Электрическая свѣчка, изготовляемая теперь на заводѣ, въ размѣрѣ отъ 3,000 до 5,000 рожковъ въ день, стоитъ всего 50 сантимовъ въ часъ (а развѣ этого мало), и по необходимости станетъ дешевле, когда мы будемъ готовить ее на 50,000 рожковъ въ день. Но объявить заранѣе будущій окончательный результатъ, какъ совершившійся фактъ, значило бы вводить публику въ заблужденіе“. Замѣтимъ здѣсь, что Яблочковъ дѣлаетъ расчетъ только электрической свѣчки; онъ не говоритъ, во что обходится самый источникъ свѣта, въ особенности когда одинъ и тотъ же токъ подлежитъ дробленію на мелкія развѣтвленія и когда, какъ мы знаемъ, требуется значительная напряженность послѣдняго.

Въ дополненіе къ предъидущему расчету, позволимъ себѣ указать еще на слѣдующія, весьма краснорѣчивыя, цифровыя данныя, сообщенныя французскимъ инженеромъ Фонтеномъ въ „Сборникѣ французскихъ гражданскихъ инженеровъ“. Сообщение относится къ примѣненію электрическаго освѣщенія въ одномъ изъ отдѣленій бумагопрядильной мануфактуры Эрнста Маншона въ Руанѣ. Въ этомъ отдѣленіи, состоящемъ изъ продолговатаго зала въ 41 метръ длины, 23¹/₂ метра ширины и 5 метровъ вышины, помѣщается 160 прядильныхъ станковъ, съ однимъ газовымъ рожкомъ на каждый станокъ. Не смотря однако на то, что каждый рожокъ потреблялъ въ теченіи часа 1¹/₂ кубическихъ метра газа, освѣщеніе было крайне неудовлетворительное и по интенсивности своей далеко уступало электрическому, которымъ его замѣнили. Въ первые же шесть мѣсяцевъ опытовъ надъ этимъ электрическомъ освѣщеніемъ были получены слѣдующіе результаты: устройство газоваго освѣщенія въ указанномъ отдѣленіи, требовавшемъ 160 рожковъ, стоило 6,300 франковъ, причемъ въ теченіи 660 рабочихъ часовъ расходъ на свѣтильный газъ равнялся 6,300 франковъ, т. е. за каждый часъ 9 франковъ 55 сантимовъ. Что же касается устройства электрическаго освѣщенія, то хотя вмѣстѣ со всѣми необходимыми приспособленіями оно обошлось въ 22,800 франковъ, стало быть, на 16,500 франковъ болѣе предъидущаго, но за то въ теченіе тѣхъ же 660 рабочихъ часовъ самое освѣщеніе стоило 4,800 франковъ, или 7 франковъ 40 сантимовъ за часъ; такимъ образомъ, въ сравненіи съ газовымъ освѣщеніемъ, каждый рабочий часъ приноситъ 2 франка 15 сантимовъ экономіи, т. е. 1,419 франковъ въ теченіи 660 рабочихъ часовъ. Цифры эти, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуютъ, что электрическое освѣщеніе далеко не такъ ужъ убыточно, какъ говорятъ его противники. Кромѣ того, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что это освѣщеніе, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ англійскій инженеръ Гейвудъ, подробно занимавшійся настоящимъ вопросомъ, „ждетъ быстрое и великое развитіе, что, безъ сомнѣнія, заставитъ газовыя компании улучшить и удешевить свое освѣщеніе, а это поведетъ къ болѣе хозяйственному расходованію свѣтильнаго газа. Я смотрю впередъ,—присовокупляетъ Гейвудъ,—на то, не очень отдаленное, какъ мнѣ кажется, время, когда газъ будетъ продаваться по два шиллинга восемь пенсовъ за 1,000 кубическихъ футовъ и даже дешевле, и что такимъ образомъ, отъ состязанія между этими двумя способами освѣщенія, публики будетъ въ значительномъ выигрышѣ“. Проиграютъ, въ концѣ концовъ, общества газоваго освѣщенія, такъ какъ техника далеко еще не сказала своего послѣдняго слова относительно примѣненія электрическаго свѣта, и такъ какъ примѣненіе это находится еще на пути къ своему дальнѣйшему развитію. Съ каждымъ днемъ почти появляются новыя изобрѣтенія, съ

каждымъ днемъ онѣ приносятъ съ собою новыя усовершенствованія, постепенно все болѣе и болѣе удешевляя расходы на введеніе электрическаго свѣта.

Въ числу именно такихъ изобрѣтеній принадлежитъ электрическая лампа, устроенная англійскимъ техникомъ Вердерманомъ. Въ этой лампѣ уголь, подлежащій дѣйствію тока, имѣютъ не одинаковую площадь свѣченія, какъ въ большинствѣ лампъ, а, напротивъ, весьма различную: отрицательный уголь, т. е. тотъ, на который направляется токъ, сдѣланъ въ формѣ кружка, въ два дюйма въ діаметрѣ, и съ помощью металлической дуги соединяется съ проводникомъ, который проходитъ черезъ подставку лампы. Подъ угольнымъ кружкомъ, на специально приготовленномъ штативѣ, помѣщается положительный уголь, т. е. тотъ, отъ котораго идетъ токъ; этотъ уголь сдѣланъ въ видѣ карандаша и остриемъ своимъ соприкасается съ центромъ отрицательнаго угольнаго кружка. При такомъ устройствѣ углей и при такомъ различіи въ площади ихъ свѣченія, дѣйствіе электрическаго тока почти цѣлкомъ сосредоточивается на положительномъ углѣ; послѣдній сильно накаливается и издаетъ ослѣпительный блескъ, тогда какъ угольный кружокъ едва нагревается и расходваніе его равняется почти нулю. Сгораетъ только одинъ положительный уголь, т. е. угольный карандашъ; а это приводитъ къ двумъ весьма важнымъ результатамъ: во 1-хъ, къ экономіи угля, а во 2-хъ, упрощаются и условія регулированія, такъ какъ регулированію подлежитъ только положительный уголь, для чего лампа Вердермана снабжена небольшою гирькой, которою и поддерживается соприкосновеніе углей. Въ недавно устроенной электрической лампѣ Уильяма Сименса тотъ же результатъ достигается тѣмъ, что отрицательный уголь въ ней замѣненъ мѣднымъ неподвижно укрѣпленнымъ полымъ конусомъ, который изнутри охлаждается тонкою струей воды, такъ что и здѣсь сгораетъ и свѣтится одинъ только положительный уголь. — Очевидно, что при такомъ способѣ полученія электрическаго свѣта соблюдается весьма значительная экономія въ потребленіи угля. Въ этомъ отношеніи лампа Вердермана представляетъ громадный прогрессъ въ сравненіи, напримѣръ, съ электрическими свѣчами Яблочкова. Такъ, большая лампа, свѣтъ которой приблизительно равенъ 130 обыкновеннымъ свѣчамъ, сжигаетъ въ теченіе часа до трехъ дюймовъ угольнаго карандаша толщиной въ $4\frac{1}{2}$ миллиметра; одинъ футъ этого карандаша стоитъ около 30 сантимовъ и его достаточно на четыре часа, стало быть, въ часъ сгораетъ менѣе нежели на десять сантимовъ; тогда какъ свѣча Яблочкова стоитъ, какъ мы уже видѣли, 50 сантимовъ часъ. Разница громадная, общающаяся, конечно, въ недалекомъ будущемъ значительное удешевленіе электрическаго освѣщенія и такое же широкое его распространеніе, какимъ пользуется нынѣ газовое освѣщеніе. Въ

этомъ послѣднемъ отношеніи одна изъ главныхъ задачъ состояла, какъ было замѣчено уже выше, именно въ томъ, чтобы отыскать наиболее удобопримѣнимый способъ дробленія главнаго тока на побочныя вѣтви, для того, чтобы распределить энергию общаго тока равномерно между свѣтящимися пунктами и притомъ между возможно большимъ ихъ числомъ. Вердерманъ, если не разрѣшилъ эту задачу во всѣхъ ея подробностяхъ, тѣмъ не менѣе приблизился въ этому гораздо болѣе своихъ предшественниковъ. Онъ расположилъ въ рядъ нѣсколько своихъ лампъ и затѣмъ соединилъ ихъ общимъ проводникомъ, такимъ образомъ получилась одна сложная цѣпь; электрическій токъ электромагнитной машины, весьма незначительной силы, введенный въ эту цѣпь, оказался совершенно достаточнымъ, чтобы зажечь яркимъ ровнымъ свѣтомъ всѣ лампы; каждую изъ этихъ лампъ можно было потушить и вновь зажечь, не производя тѣмъ никакого вліянія на свѣтъ другихъ лампъ. При соответствующемъ устройствѣ электромагнитныхъ лампъ, Вердерманъ надѣется зажечь, съ помощью одного главнаго тока, отъ 50 до 100 лампъ.

Лампа Ренье также пользуется извѣстностью и успѣшно выдержала уже не одно испытаніе. Что же касается устройства ея, то она не сложнѣе уже рассмотрѣнныхъ выше лампъ: небольшой угольный карандашъ, именно около 20—30 сантиметровъ длины и одного до двухъ миллиметровъ толщины, прикрѣпленъ однимъ своимъ концомъ въ подвижному металлическому стержню, а другой его конецъ, заостренный, соприкасается съ небольшимъ угольнымъ дискомъ, который испытываетъ медленное вращательное движеніе. Электрическій токъ накаливаетъ до-бѣла угольный карандашъ въ точкѣ его соприкосновенія съ угольнымъ дискомъ, причемъ металлическій стержень, въ которому прикрѣпленъ карандашъ, приспособленъ такимъ образомъ, что, по мѣрѣ того какъ послѣдній стораезъ, онъ собственною тяжестью опускается на угольный дискъ и тѣмъ поддерживаетъ непрерывность тока. Кромѣ того, приборъ дозволяетъ усиливать или замедлять стораніе угольнаго карандаша, вслѣдствіе чего оказывается возможнымъ регулировать самую интенсивность свѣта.

Какъ бы ни были просты и во многихъ отношеніяхъ совершенны описанные выше приборы, но всѣ они должны уступить способу электрическаго освѣщенія, изобрѣтенному извѣстнымъ американскимъ техникомъ Эдисономъ, если изобрѣтеніе это представляетъ хотя десятую долю того, что прокричали о немъ американскія газеты. Вотъ что, между прочимъ, сообщаетъ самъ Эдисонъ о своемъ изобрѣтеніи, въ одной изъ этихъ газетъ: „Мнѣ удалось добиться разрѣшенія этого вопроса, говорить онъ по поводу электрическаго освѣщенія, совершенно инымъ путемъ, чѣмъ тотъ, которымъ пытались разрѣшить его ученые

люди. Они работали не въ томъ направленіи, въ какомъ я достигъ своей цѣли, и мой способъ такъ простъ, что удивятся, отчего ранѣе никто не могъ до него додуматься. Когда, съ помощью одной электромагнитной машины, удалось зажечь десять лампъ—ученые сочли это торжествомъ. Но открытый мною способъ дозволяетъ одной машиною произвести 1,000, 10 т. и 100 т. свѣточей. Въ самомъ дѣлѣ число свѣтащихся точекъ можетъ быть безгранично велико... Да, я берусь съ 15 или 20 электромагнитными машинами, недавно усовершенствованными Уэлесомъ, освѣтить всю нижнюю часть Нью-Йорка, употребляя для этого паровую машину въ 500 силъ. Я имѣю также въ виду утилизировать газовыя горѣлки и подсвѣчники, которые нынѣ въ употребленіи. Я могу надѣлать каждый домъ особымъ аппаратомъ, откуда будутъ проведены проводники по всему дому, и небольшими металлическими крышечками, которыя будутъ помѣщены надъ каждою горѣлкою. Тогда хозяйкамъ останется отправить свѣтильный газъ обратно къ тѣмъ компаніямъ, которыя его доставляютъ. Когда появится необходимость въ свѣтѣ, достаточно будетъ прикоснуться къ пружинѣ замыкающей токъ; спички станутъ излишни. Наконецъ, та же проволока, которая доставляетъ свѣтъ, доставитъ, вмѣстѣ съ этимъ, и теплоту, и двигательную силу. Съ помощью послѣдней окажется возможнымъ привести въ движеніе небольшую подъемную или швейную машину и проч., а съ помощью тепла варить пищу.

Чтобы составить себѣ общее представленіе объ эдисоновскомъ способѣ электрическаго освѣщенія, именно о способѣ передачи свѣта отъ одного главнаго источника къ различнымъ пунктамъ, необходимо принять во вниманіе законъ Ома, по которому электрической токъ, при переходѣ отъ одного общаго проводника въ боковыя вѣтви, слѣдуетъ всегда въ обратномъ отношеніи къ силѣ сопротивленія этихъ боковыхъ вѣтвей. Мы можемъ, говоритъ Тиндаль, сравнить это явленіе съ теченіемъ рѣки, когда она на пути своемъ встрѣчаетъ небольшой островокъ и, развѣтвляясь, огибаетъ его: если въ каждой изъ этихъ вѣтвей вода задерживается съ одинаковою силою, то она раздѣлится поровну; въ противномъ случаѣ, большая часть ея устремится въ направленіи наименьшаго сопротивленія. То же самое примѣнимо и въ отношеніи электрическаго тока: когда этотъ токъ, вступая въ боковыя вѣтви, встрѣчаетъ со стороны послѣднихъ одинаковое сопротивленіе, онъ распределяется между ними поровну; если же это сопротивленіе не одинаково—то онъ устремляется къ большему количеству туда, гдѣ сопротивленіе наименьшее; затѣмъ этотъ токъ можетъ быть снова раздробленъ на нѣсколько вѣтвей и т. д. Мы видимъ такимъ образомъ, что самымъ простымъ путемъ, именно усиливая или уменьшая сопротивленіе, оказывается возможнымъ не только про-

бить главный токъ, но и управлять его движеніемъ и сосредоточивать его по частямъ въ томъ или другомъ направленіи. Что же касается самой электрической лампы или, вѣрнѣе, горѣлки, то едва-ли можно представить себѣ болѣе простое устройство, чѣмъ то, какое придаль ей Эдисонъ. Въ ней нѣтъ ни угольныхъ карандашей, ни угольныхъ кружковъ;—все это замѣнено платиною проволокою, которая, при прохожденіи тока, накаливается и служитъ источникомъ свѣта. Но дѣло въ томъ, что платиновая проволока при сильномъ, бѣлокалильномъ жарѣ плавится. Устраненіе настоящаго затрудненія и составляетъ собственно новостъ въ эдисоновскихъ горѣлкахъ; съ этою цѣлью послѣдніе снабжены специально приснособменной для того мѣдною пластинкою, которая прикасается къ платиновой проволоцѣ въ тотъ моментъ, когда температура послѣдней приближается къ точкѣ плавленія и, отводя электрической токъ, такимъ образомъ предохраняетъ проволоку отъ плавленія.

Таково въ общихъ чертахъ современное состояніе вопроса объ электрическомъ освѣщеніи; вопросъ настолько уже разработанъ практически, что и теперь это освѣщеніе смѣло конкурируетъ съ газовымъ. По крайней мѣрѣ, что касается способа Эдисона, то, насколько можно судить по недавно опубликованному имъ разсчету, его способъ освѣщенія долженъ быть гораздо выгоднѣе газоваго. Кроме того, вопросъ вѣдь не только въ матеріальной выгодѣ; необходимо принимать въ соображеніе и самое превосходство электрическаго свѣта, его, такъ сказать, доброкачественность. Не говоря уже о томъ, что электрической свѣтъ интенсивнѣе, болѣе приближается къ солнечному, пріятнѣе для глаза и проч. и проч.—слѣдуетъ обратить вниманіе еще на слѣдующее весьма важное обстоятельство: газовое освѣщеніе, какъ извѣстно, портитъ воздухъ, наволакиваетъ атмосферу продуктомъ горѣнія, углекислотою, и дѣлаетъ его негоднымъ, вреднымъ для дыханія; электрическое освѣщеніе, напротивъ, вовсе не требуетъ для своего свѣта содѣйствія окружающаго воздуха: оно не поглощаетъ изъ него, необходимаго для дыханія, кислорода и не выдѣляетъ, въ замѣнъ, углекислоту; оно свѣтитъ, не портя атмосферы. Отсюда уже не трудно видѣть, какое громадное и, въ гигиеническомъ отношеніи, незамѣнимое преимущество представляетъ электрическое освѣщеніе въ особенности для общественныхъ зданій, фабрикъ, училищъ, клубовъ, театровъ и т. п.—атмосфера которыхъ, при газовомъ освѣщеніи, бываетъ всегда въ избыткѣ насыщена углекислотою. Въ виду уже одного этого, нельзя не пожелать, чтобы труды техниковъ, работающихъ надъ вопросомъ о примѣненіи электрическаго свѣта, возможно скорѣе увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и чтобы электрическое освѣщеніе получило самое широкое распространеніе.

ПО ПОВОДУ ТЮРЕМНОЙ РЕФОРМЫ

I.

Въ переживаемое нами время, тюрьма и больница на столько завладѣли вниманіемъ общественнаго мнѣнія, что въ западной Европѣ вопросы, касающіеся того и другого государственнаго или общественнаго учрежденій, обращаются нерѣдко въ главную новость дня. Тюремными вопросами по преимуществу начинаютъ интересоваться всѣ образованные люди, не только въ западной Европѣ, но также и у насъ, въ Россіи. Подтвержденіе нашихъ словъ можно найти въ фактахъ, приведенныхъ докторомъ Вайнсомъ въ рѣчи, произнесенной имъ при открытіи Стокгольмскаго тюремнаго международнаго конгресса 8 (20) августа 1878 года. Въ этой рѣчи были указаны труды различныхъ государствъ и частныхъ лицъ, сдѣлавшихъ для разработки тюремныхъ вопросовъ весьма многое, особенно въ тотъ незначительный періодъ времени, который протекалъ между Лондонскимъ конгрессомъ въ 1872 году и Стокгольмскимъ. Между прочимъ, во Франціи, людьми науки, вмѣстѣ съ выдающимися политическими дѣятелями, пересмотрѣли и разработали всѣ главные вопросы, задаваемые практикою тюремнаго дѣла. Въ Англіи приведенъ въ дѣйствіе законъ 1 апрѣля 1871 года, по которому всѣ тюрьмы, находившіеся до того времени въ вѣдѣніи городскихъ и мѣстныхъ самоуправленій, переданы въ руки правительства, которое одно можетъ ввести въ нихъ правильную организацію и одинаковый для всѣхъ мѣстъ заключеній режимъ. За тѣмъ Германія, Австро-Венгрія, Италія, Швейцарія, Данія и Россія высказали болѣе или менѣе сильное стремленіе къ улучшенію тюремнаго дѣла.

Къ сожалѣнію, разработка практическихъ сторонъ тюремнаго вопроса до сихъ поръ составляетъ главнымъ образомъ достоинствѣ теоріи, рѣдко и то съ весьма малымъ успѣхомъ примѣняемой къ дѣлу. Спра-

ведливость сказаннаго подтверждается, какъ цифрами, приведенными на Стокгольмскомъ конгрессѣ представителями различныхъ государствъ, такъ и программю вопросовъ, обсуждавшихся на этомъ конгрессѣ. Для того, чтобы выяснитъ себѣ главные черты, характеризующія современное положеніе тюремъ въ западной Европѣ, необходимо въ краткихъ словахъ указать на возбуждавшіеся на конгрессѣ пренія, и на заключенія, въ которыхъ онѣ привели. Тогда мы увидимъ, что, несмотря на всестороннюю теоретическую разработку различныхъ тюремныхъ системъ и на прекрасныя планы, отданныя для арестантовъ во многихъ государствахъ западной Европы, ни специалисты, ни общество не довольны нынѣшними мѣстами заключеній для преступниковъ. И это недовольство вполне оправдывается фактами, въ изложенію которыхъ мы и приступимъ, передавая вкратцѣ ходъ преній на Стокгольмскомъ конгрессѣ. Главная задача, подлежащая его обсужденію, заключалась въ томъ, какъ довести преступность до минимума, посредствомъ охраненія малолѣтнихъ отъ паденія, и обращенія, подвергнувшихся паденію, въ лучшей жизни и въ нравственному исправленію? Кромѣ этой задачи, конгрессъ занимался и другими пенитенциарными вопросами, разбитыми на три группы: 1) по уголовному законодательству, 2) собственно по пенитенциарнымъ учрежденіямъ 3) по учрежденіямъ, предупреждающимъ преступленія. Приступая къ обзору постановленій конгресса по указаннымъ тремъ группамъ вопросовъ, мы будемъ останавливать вниманіе читателей только на тѣхъ изъ нихъ, которые непосредственно интересуютъ не однихъ тюремновѣдцевъ, но и все общество. Такимъ свойствомъ обладаютъ вопросы, касающіеся главнымъ образомъ экономической стороны дѣла, прямо влияющей на количество платимыхъ нами налоговъ, а также вопросы, относящіеся до безопасности частныхъ людей отъ преступной воли злонамѣренныхъ членовъ, выбывающихъ изъ нашей среды.

Изъ вопросовъ перваго отдѣла мы остановимся лишь на докладѣ профессора Гольцендорфа, трактовавшемъ о ссылкѣ, какъ о карательномъ наказаніи, на которое онъ взглянулъ съ трехъ различныхъ точекъ зрѣнія, а именно; 1-е, она можетъ быть примѣнена въ исключительныхъ политическихъ обстоятельствахъ и съ цѣлью обезпеченія общественнаго порядка и безопасности; 2-е, она можетъ соотвѣтствовать экономическимъ цѣлямъ и устранять колонизацію обязательнымъ путемъ и, наконецъ, 3-е, ссылка можетъ удовлетворять исключительно карательному правосудію, какъ мѣра, представляющая благоприятныя условія для нравственнаго исправленія преступника. Профессоръ Гольцендорфъ находить, что конгрессъ можетъ разсматривать ссылку только съ этой послѣдней точки зрѣнія и за тѣмъ доказываетъ, что, какъ средство для предупрежденія развитія рецидива „ссылка оказывается

несостоятельно потому, что океанъ или пустыня не препятствуютъ отважнымъ преступникамъ возвращаться на родину или умирать дорогою отъ голода и истощенія силъ. Изъ 8,000 человекъ, перевезенныхъ въ Гвиану, въ теченіе трехъ лѣтъ (1874—1876), 1394 сосланныхъ, по официальнымъ даннымъ, успѣли бѣжать. Сотни, если не тысячи нашихъ варнаковъ бѣгутъ ежегодно изъ Сибири и наводняютъ Россію „Иванами не помнящими родства“ и бродягами.

Единственною выгодою ссылки, по мнѣнію профессора—докладчика, остается весьма заманчивая для преступниковъ перспектива сдѣлаться собственникомъ земельного участка; но и эта выгода можетъ быть достигнута покровительствомъ свободной эмиграціи для тѣхъ изъ освобожденныхъ изъ тюремъ, которые, во время заключенія, заслужили довѣріе своимъ поведеніемъ.

Обсудивъ приведенный докладъ, конгрессъ пришелъ къ слѣдующему заключенію: „Ссылка, какъ наказаніе, сопряжена съ такими затрудненіями, которыя недопускаютъ возможности примѣненія ея во всѣхъ странахъ и не даютъ права надѣяться, чтобы она вездѣ удовлетворяла условіямъ разумнаго карательнаго правосудія“.

Изъ постановленій конгресса по вопросамъ, рассмотрѣннымъ по первому отдѣлу, слѣдуетъ еще обратить вниманіе читателя на слѣдующее: „въ каждомъ государствѣ необходимо учредить особую центральную власть для завѣдыванія всѣми безъ исключенія тюремными учрежденіями, а также и заведеніями для малолѣтнихъ преступниковъ“.

Во второмъ отдѣлѣ, конгрессъ рассматривалъ вопросы о тюремной статистикѣ, о дисциплинарныхъ взысканіяхъ, примѣнимыхъ въ тюрьмахъ, о томъ, годно-ли одиночное заключеніе для всѣхъ національностей, и другіе. Тюремная статистика, разработкою которой занимались и международные статистическіе конгрессы, собиравшіеся въ 1855 году въ Парижѣ, а затѣмъ въ Лондонѣ, во Франціи и въ Вѣнѣ, ведется въ большей части западно-европейскихъ государствъ съ точностью и знаніемъ дѣла, удовлетворяющими требованіямъ науки и правительства. Изданная въ 1875 году международная пенитенціарная статистика въ Римѣ—служитъ тому доказательствомъ. По поводу дисциплинарныхъ взысканій, пренія на конгрессѣ были весьма оживлены, причѣмъ англичане и американцы отстаивали тѣлесное наказаніе розгами, остальные-же представители образованныхъ государствъ вставали противъ такого наказанія, всѣми силами ихъ краснорѣчія. Конгрессъ пришелъ къ слѣдующей резолюціи относительно мѣръ наказанія, допускаемыхъ пенитенціарною системою: 1) выговоръ, 2) лишеніе известной части льготъ, предоставленныхъ арестанту, 3) болѣе тѣсное заключеніе, съ лишеніемъ арестанта стола, стула, постели, 4) лишеніе

работы, съ уменьшеніемъ количества пищи и 5) въ случаѣ чрезвычайныхъ поступковъ, употребленіе рубашекъ для сумаспедныхъ или иное тому подобное средство. Такимъ образомъ, либеральнымъ западноевропейскихъ государствъ ваялъ въ последнемъ случаѣ верхъ надъ мѣрными англичанъ и практичныхъ янки; но арестъ въ тѣсномъ помѣщеніи, въ которомъ нельзя ни сѣсть, ни лечь, или рубашка сумаспеднаго, легко могутъ вызвать изъ устъ наказуемаго просьбу лучше дать ему 25 ударовъ розогъ взамѣнъ пытки, придуманной для несчастнаго его гуманными благодѣтелями.

По поводу одиночнаго заключенія, конгрессъ пришелъ къ резолюціи, что „эта система, въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ она находитъ себѣ примѣненіе, можетъ дѣйствовать безъ всякихъ намѣненій, въ зависимости отъ національности, рода занятій, или пола осужденныхъ, съ тѣмъ лишь условіемъ, что тюремная администрація должна сообразоваться въ подробностяхъ и второстепенныхъ чертахъ примѣненія системы съ нѣкоторыми особыми условіями національности и рода занятій“.

Выходитъ поэтому, что и надо и не надо сообразоваться съ потребностями національностей. Третій отдѣлъ вопросовъ, обсужденныхъ конгрессомъ, касался способовъ предупрежденія преступленій. Повсемѣстное, если не возрастаніе, то, во всякомъ случаѣ, неуменьшеніе преступленій, показываетъ, что цивилизація, совсѣмъ ея изобрѣтеніями и съ усилившимся образованіемъ въ массѣ, до сихъ поръ не доншла еще до основной причины, побуждающей людей сперва отрѣшаться отъ всякихъ принциповъ нравственности, а впослѣдствіи дѣлаться и непримиримыми врагами общества, перестающими понимать все, интересующее и волнующее остальное человѣчество, и отдающимися всецѣло воровской, или инымъ антиобщественнымъ специальностямъ, въ число которыхъ должно быть включено и убійство. Лѣтъ тридцать тому назадъ, въ западной Европѣ ожидали многого отъ господствующей теперь въ ней пенитенціарной системы. Но отъ большинства такихъ розовыхъ надеждъ приходится уже отказываться, потому что, и при новой системѣ, государства продолжаютъ тратить десятки миліоновъ на постройку новыхъ тюремъ, которыя приходится умножать не прямо пропорціонально возрастающему населенію, но нѣсколько даже болѣе. Для предупрежденія преступленій, въ западной Европѣ, а по ея примѣру и у насъ, устроились колоніи и пріюты для малолѣтнихъ преступниковъ, которыя во Франціи, Англии, Италіи и въ большей части другихъ государствъ, дали весьма ничтожные результаты, такъ какъ едва-ли не большая часть питомцевъ этихъ заведеній дѣлается впоследствии бродягами и врагами общества. У насъ, земледѣльческая колонія, устроенная близъ С.-Петербурга, находится въ такомъ поло-

женіи, что существованіе ея едва-ли возможно; о другихъ заведеніяхъ такого-же рода въ Россіи не имѣется свѣдѣній, и вѣроятно значительная ихъ часть существуетъ только на бумагѣ.

Въ западной Европѣ существуютъ еще въ значительномъ числѣ патронатства для взрослыхъ преступниковъ. Эти патронатства устраиваются частными лицами, нередко получающими денежные субсидіи отъ правительства. Патронатства имѣютъ цѣлью поддерживать лицъ, вышедшихъ изъ тюрьмы, слѣдить за ихъ поведеніемъ и опредѣлять ихъ на мѣста въ качествѣ вольнонаемныхъ работниковъ. При этомъ патронатства строго дѣлятъ бывшихъ заключенныхъ по степени ихъ закоренѣлости въ преступленіяхъ и по способностямъ. Нѣкоторые патронатства, особенно въ Италіи и въ Англіи, пользуются европейскою извѣстностью. Польза патронатства не подлежитъ сомнѣнію, особенно для тѣхъ изъ бывшихъ заключенныхъ, которые совершаютъ преступленія по безхарактерности; но эта польза все-таки незначительна, потому что только обеспеченное положеніе можетъ ручаться за то, что слабохарактерный человѣкъ, выпущенный изъ тюрьмы, не упадетъ снова въ преступленіе,—упрочить же такое положеніе за пролетаріатомъ удастся весьма рѣдко.

По постановленію Стокгольмскаго конгресса, устройство патронатствъ признано необходимымъ, но попеченіе ихъ должно распространяться лишь на тѣхъ заключенныхъ, которые, по удостовѣренію тюремной администраціи, являютъ доказательства видимаго исправленія.

Относительно исправленія малолѣтнихъ преступниковъ дѣйствующихъ безъ разумія, а также дѣтей бродягъ, нищихъ и проч., конгрессъ постановилъ, въ видѣ основнаго непреложнаго начала, что существеннѣйшимъ факторомъ исправленія должно быть воспитаніе, имѣющее цѣлью дать воспитываемымъ возможность къ честной трудовой жизни.

Седьмой и послѣдній вопросъ третьяго отдѣла: какое наиболѣе дѣйствительное средство въ умнѣнной рецидива?—вызвалъ пренія. обнаруженія почти совершенное безсилье нынѣшнихъ западно-европейскихъ тюремъ не только уничтожить, но даже и сократить замѣтнымъ образомъ число преступленій, повторяемыхъ однимъ и тѣмъ же лицомъ. По официальнымъ даннымъ, французскія тюрьмы содержатъ въ своихъ стѣнахъ до 60% рецидивистовъ, прусскія мѣста заключенія до 40%, а въ англійскихъ тюрьмахъ встрѣчаются нередко арестанты, отбывшіе по приговорамъ судебной власти до 150 наказаній. Не служитъ-ли это новымъ доказательствомъ того, что пенитенціарная система, съ ея колоссальными тюремными зданіями и преувеличеннымъ, дорого стоящимъ обществу, комфортомъ, такъ-же мало исправляетъ злую волю преступниковъ, какъ и прежнія устрашающія наказанія?

Да и можетъ-ли тюрьма, какой-бы системы она ни придерживалась, исправлять тѣхъ людей, которые вступили въ открытую вражду съ обществомъ? Такой вопросъ задаетъ себѣ современныя тюрьмовѣды, а также и представители европейской интеллигенціи. Если мы, не спеціалисты по тюремному дѣлу, столь сложному въ цивилизованныхъ странахъ, обратимся къ знатокамъ чловѣческаго сердца, каковы представители литературъ всѣхъ странъ, и въ нихъ произведемъ поискъ отвѣта о томъ, откуда берется злая воля чловѣка, то придется къ тому неизбежному выводу, что тамъ, гдѣ есть люди, есть и зло. Изъ за чего, въ самомъ дѣлѣ, леди Макбетъ убиваетъ ни въ чемъ не повиннаго чловѣка?—изъ честолюбія. Почему Отелло убиваетъ Деядемону, невинную и прекрасную какъ ангель?—изъ ревности. Такихъ примѣровъ, болѣе или менѣе тождественныхъ съ первымъ преступнымъ дѣяніемъ Каина, убившаго Авеля, можно привести безчисленное множество. Судя потому, что говорить сердцевады,—преступленіе есть свойство чловѣческой природы, которая, чрезъ известное число своихъ представителей, обязана отдать дань этой природѣ. До сихъ поръ ни религія, ни образованіе—не уменьшаютъ этой дани. Западнo-европейскія государства, чтобы ихъ представители ни говорили въ пользу гуманнаго взгляда на падшихъ брашій, на практикѣ придерживаются противоположнаго взгляда, и ни одно цивилизованное государство кромѣ Россіи, не отгѣнило еще смертной казни за убійство и за другія тяжкія преступленія. Въ Англіи смертной казни подвергаются преступники за убійство и за тяжкія государственныя преступленія. То же самое и въ Пруссіи, въ Швеціи, Италіи и даже въ Швейцаріи, въ которой поднять вопросъ о восстановленіи смертной казни въ тѣхъ кантонахъ, гдѣ она была отгѣнена. Во Франціи же лишаютъ жизни преступниковъ кѣлыхъ крестіи категорій. Мы не имѣемъ въ виду разбирать здѣсь этотъ вопросъ, но считаемъ необходимымъ указать, что существованіе смертной казни на западѣ Европы для болѣе тяжкихъ преступленій несомнѣнно влечетъ за собой вопросъ объ устройствѣ тюремъ для остальныхъ преступниковъ; вотъ почему рѣшенія конгрессовъ, даже и съ одной юридической точки зрѣнія, не могутъ вполнѣ примѣняться къ Россіи, которая должна устраивать каторжныя тюрьмы для немалого количества убійцъ, для которыхъ на западѣ Европы существуетъ короткая и относительно весьма недорогая въ экономическомъ отношеніи расправа—смертная казнь.

Но до тѣхъ поръ, пока разсужденія объ этомъ и тому подобныя серьезные предметахъ будутъ находиться въ области исключительно юридической, до тѣхъ поръ мы едва-ли придется къ практически полезнымъ выводамъ. Конгрессъ разсматривалъ предложеніе ему вопросы именно съ этой точки зрѣнія, отстраняясь отъ всякихъ сообра-

женій эконоическаго свойства. Вообще, конгрессъ, въ своихъ постановленіяхъ, не настаивалъ на тѣхъ или другихъ способахъ практическаго примѣненія теоретическихъ системъ, существующихъ въ различныхъ государствахъ. Конгрессъ и не могъ поступить иначе, но поэтому онъ и не далъ рѣшеній по многимъ весьма существеннымъ вопросамъ. Нѣтъ сомнѣнія лишь въ томъ, что конгрессъ желалъ-бы торжества пенитенціарной системы безъ розогъ, желалъ-бы уменьшенія преступленій, и многого изъ т. п. хорошихъ идей. Польза нынѣшняго конгресса, такъ же какъ и будущихъ, несомнѣнна. Отъ сѣзда тюремновѣдцевъ всѣхъ образованныхъ государствъ зависятъ тѣ постановленія, по которымъ читающая публика можетъ составить себѣ правильное понятіе о положеніи тюремнаго дѣла, для всѣхъ интереснаго.

II.

Кромѣ общей всѣмъ образованнымъ людямъ пользы ознакомленія съ тюремоводствомъ въ западной Европѣ, Россія едва-ли получитъ еще что либо существенное отъ Стокгольмскаго и иныхъ европейскихъ тюремныхъ конгрессовъ, хотя бы таковые сдѣлали намъ честь и собирались въ С.-Петербургѣ. Въ настоящее время, пенитенціарная система, въ томъ видѣ, какъ она существуетъ въ западной Европѣ, совершенно невозможна въ Россіи. Еслибы мы вздумали построить для такой системы замки, существующіе во Франціи или Англіи, то это потребовало бы затратъ совершенно для насъ непосильныхъ, да и развилось бы странное понятіе о тюрьмахъ въ нашемъ народѣ, не привыкшемъ къ той относительной роскоши, которая существуетъ среди западно-европейскаго населенія. Въ самомъ дѣлѣ, если въ центральной Россіи, годовой рабочей стоятъ 40 рублей, причемъ онъ носитъ грубый холстъ, армякъ, подобный древесной корѣ, и поживается въ курной избѣ, то, за такое преступленіе, его никакъ не слѣдуетъ заключать въ хоромы, подобныя, напримѣръ, с.-петербургскому дому предварительнаго заключенія, или исправительной тюрьмѣ, что на Выборгской сторонѣ. Въ послѣдней, арестанты получаютъ одежду и пищу, несравненно лучшія тѣхъ, которыми пользуются честные люди тѣхъ же сословій, живущіе на свободѣ.

— „Что же, нынче въ тюрьмѣ хорошо,—разсуждаютъ пенсіонеры Выборгской стороны.—Вотъ, въ примѣру, Ванюха, какъ жилъ на волѣ, то въѣвъ оборваннымъ ходилъ, да и ѣлъ не сладко, потому въ Питерѣ мѣсто имѣлъ на двѣнадцать рублей, въ мѣсяцъ, а на своихъ харчахъ не раскутисься на такомъ содержаніи; опять же въ морозъ и въ дождь по улицамъ бѣгать ему приходилось, потому разносилъ онъ га-

зеты. Теперь же: одеть, обуть и сытъ; былъ въ тюрьмѣ одиннадцать мѣсяцевъ, а выходитъ сегодня на волю, такъ еще ему на руки восемьдесятъ рублей заработанныхъ денегъ дадутъ. Нѣтъ, нимче въ тюрьмѣ хорошо; спасибо господамъ“.

Разумѣется, не было бы, можетъ быть, большого вреда, еслибъ люди, стоящіе на низкой степени развитія и совершившіе преступленіе, примирались бы съ лишеніемъ свободы, ради окружающихъ ихъ удобствъ, еслибъ только эти удобства не покупались на волеѣи тѣхъ свободныхъ и честныхъ, мерзующихъ, голодающихъ и задыхающихся въ низкихъ избахъ, людей, которые и безъ того обременены недонками. Но, кромѣ этихъ привилегированныхъ петербургскихъ тюремъ, остальные, существующія въ нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, въ противоположность первымъ, совершенно неудовлетворительны и къ тому же вѣчно переполнены. Случается нерѣдко, что мѣста заключенія, устроенныя на пятьдесятъ человѣкъ, бывають заняты двумястами арестантами, которые вообще ничѣмъ не заняты и потому окончательно деморализуются.

Самое рѣзкое отличіе между Россією и остальною Европою составляютъ, и въ отношеніи тюремнаго дѣла, неодинаковая густота населенія и неодинаковыя экономическія условія. Наше отечество—исключительно земледѣльческое, и большинство его обывателей будетъ воздѣлывать почву, до тѣхъ поръ, пока народонаселеніе не увеличится, по крайней мѣрѣ, въ четыре раза болѣе числа жителей, населяющихъ его въ настоящее время. Поэтому, обученіе арестантовъ исключительно лишь ремесламъ и фабричнымъ производствамъ, введенное повсемѣстно въ пенитенціарныя тюрьмы Европы, способствовало бы скорѣе развитію у насъ пролетариата, среди выпущенныхъ изъ подобныхъ тюремъ; чѣмъ обезпеченію ихъ будущности. Въ Россіи, главнымъ образомъ, требуются аляповатые плотники, да выносливые въ тяжеломъ трудѣ земледѣльцы; а фабричное производство, хотя бы ему и было суждено быстрое у насъ развитіе, требуетъ пока ничтожное число рувъ, и то лишь въ населенныхъ центрахъ, въ которыхъ и безъ того замѣчается избытокъ предложенія рувъ, готовыхъ работать на фабрикахъ, относительно, за весьма невысокую плату и за такое же почти помѣщеніе, какимъ пользуются арестанты въ уѣздныхъ и губернскихъ острогахъ.

Отъ экономического положенія государства зависать, естественнымъ образомъ, и тѣ мѣры, которыя должны быть употреблены для наказанія и исправленія преступниковъ. Въ этомъ случаѣ, малонаселенная и бѣдная промышленностью Россія можетъ раздѣлять общіе съ европейскими тюремовѣдами теоретическіе принципы; но идти путемъ подражанія и въ дѣлѣ устройства у насъ тюремъ, по нашему мнѣнію, и

невыгодно, и почти невозможно. Строить же въ настоящее время тюрьмы по образцу европейскихъ—положительно вредно, какъ для арестантовъ, такъ и для всего русскаго народа, обремененнаго массою податей и недоимокъ. Мы полагаемъ, что опытъ, наука и чувство справедливости заставляютъ Россію согласиться съ европейскими тюремными видами лишь въ тѣхъ основныхъ принципахъ, которые были выражены на Стокгольмскомъ конгрессѣ, т. е., что тюрьмы должны имѣть пенитенціарный характеръ и стремиться въ исправленію арестантовъ, и что тѣ изъ послѣднихъ, которые выкажутъ чистосердечное раскаяніе, должны быть обезпечены, по возможности, наиболее выгодною для себя работою, послѣ отбытія ими срока наказанія.

Среди многихъ вопросовъ, возбужденныхъ Стокгольмскимъ конгрессомъ, только два изъ нихъ получили окончательное рѣшеніе, потому что они были подтверждены неоспоримыми фактами, собранными въ теченіи многихъ лѣтъ. Первый изъ нихъ состоитъ въ томъ, что ссылка, вообще, не всегда удовлетворяющая требованіямъ карательнаго наказанія, имѣетъ передъ другими уголовными наказаніями то преимущество, что даетъ возможность обезпечить арестанту, выбывшему изъ каторжной тюрьмы, средства къ пропитанію, посредствомъ надела его землею, на которой онъ можетъ сидѣться. Второй вопросъ, безусловно рѣшенный конгрессомъ въ утвердительномъ смыслѣ, касается фактовъ, выработанныхъ заграничными правительственными органами надъ освобожденными преступниками, не возвращавшимися вторично въ тюрьмы лишь въ томъ случаѣ, если существованіе ихъ обезпечено ихъ производительнымъ трудомъ. Если сердца члвччества признали единогласно, что среди людей, выдающихся по силѣ страстей ихъ обуравляющихъ, должны всегда обрѣтаться убійцы и тяжкіе преступники, то тѣ же сердца, на помощь въ которымъ подошли и экономисты съ цифрами въ рукахъ, утверждаютъ, что большинство должныхъ людей впадаетъ въ преступленія лишь вследствие дурныхъ экономическихъ условій, которыми они окружены. Всѣ мы знаемъ по опыту, что люди, къ какой бы средѣ они ни принадлежали, дѣлаются хуже, какъ только обстоятельства ихъ становятся стѣснительными. Люди труда, лишившіеся заработка, непремѣнно деморализуются, потому что они позабываютъ о всѣхъ отвлеченныхъ принципахъ и всецѣло отдаются одной заботѣ: присканію себѣ хлѣба; а если такое стремленіе овладѣваетъ всѣми способностями члвчба и поглощаетъ всю его дѣятельность, то онъ сразу становится на одну параллель съ любымъ представителемъ дикихъ первобытныхъ племенъ. Помысливъ, что члвчкъ, отривнившій отъ всего члвчческаго, въ нравственномъ смыслѣ этого слова, перестаетъ уважать всякіе законы и, въ своемъ нравственномъ паденіи, совершаетъ такіе поступки, которые, нѣсколько лѣтъ тому на-

задь, во время его безбѣднаго существованія, возмущали его такъ же, какъ и другихъ честныхъ и ситыхъ гражданъ государства.

Если допустимъ даже, что есть фатальныя преступленія, совершаемыя особенно страстными натурами, предотвратить которыя отъ противозаконныхъ дѣяній, мы, при настоящемъ состояніи нашего общества, не въ силахъ; то всетаки окажется, что число такихъ нарушеній уголовного и гражданскаго права весьма незначительно. Большинство же арестантовъ выходитъ изъ дюжинной массы, которая въ значительной степени подчинена влиянію, окружающихъ ее, экономическихъ условій. Въ послѣднемъ случаѣ, государству приходится имѣть дѣло съ такою массою лишь потому, что потребности ея недостаточно или вовсе не удовлетворены. Предоставивъ утопистамъ мечтать о возможности такого идеальнаго государства, которое можетъ удовлетворить потребности всѣхъ гражданъ, входящихъ въ его составъ, мы, тѣмъ не менѣе, должны преклониться передъ очевидностью фактовъ и признать, что число преступниковъ будетъ тѣмъ менѣе, чѣмъ большее число свободныхъ людей будетъ матеріально обеспечено. Съ этого основнаго положенія слѣдуетъ начинать всякое разсужденіе о преступникахъ того или другаго государства, и потому тюремное дѣло должно быть поручаемо лицамъ, подготовленнымъ широкимъ образованіемъ и сознательнымъ опытомъ къ пониманію совокупности причинъ, образующихъ преступниковъ, которыхъ народъ нашъ такъ мѣтко называлъ „несчастливыми“. Тюрьмовѣдство на столько соприкасается съ соціологіею и политическою экономіею, что трудно указать грани, раздѣляющія эти науки. Не смотря на успѣхъ, сдѣланный въ послѣднее время соціологіею и политическою экономіею, конечные выводы этихъ наукъ такъ же, какъ и тюрьмовѣденія, вообще не настолькоъ еще безспорны чтобы большая часть ихъ могла быть примѣнена къ дѣлу. Производить надъ людьми опыты, ради какой бы то ни было теоріи,—есть варварство, на которое никогда не рѣшится ни одинъ зрѣлый умъ. Исправлять же существующія гражданскія учрежденія улучшеніями, вызываемыми самою жизнью,—такова обязанность всякаго честнаго дѣятеля, чувствующаго въ себѣ силы провести въ жизнь, указываемую опытомъ и не противорѣчающую основнымъ началамъ цивилизаціи, идею.

Такимъ образомъ, на основаніи двухъ, приведенныхъ мною, утвердительныхъ постановленій послѣдняго тюремнаго конгресса, можно сказать, что уменьшеніе преступныхъ дѣяній, а равно и сокращеніе числа рецидивистовъ зависитъ отъ того, обеспечены ли вообще люди, живя на свободѣ, и упрочено ли извѣстное, соответствующее положенію арестанта, благосостояніе, по выходѣ его изъ тюрьмы. Конгрессъ не рѣшился даже настаивать на необходимости введенія во всѣхъ государствахъ

одиночнаго заключенія—этого основнаго принципа пенитенціарной, столь дорого стоящей, тюремной системы, вошедшей въ настоящее время въ моду во всей Европѣ. Въ самомъ дѣлѣ, одиночное заключеніе, измышленное сектаторами, которыми изобилуетъ Америка, настолько противоестественно и такъ далеко отъ обстановки, окружающей человѣка въ дѣйствительной жизни, что вовсе не можетъ служить хорошею школою для практической дѣятельности, къ которой она желаетъ подготовить арестанта. Одиночное заключеніе весьма похоже на монастыри, въ которыхъ воспитываются французскія, дѣлающіяся дурными матерями и легкомысленными жещицами, именно, вслѣдствіе искусственной жизни, которою ихъ заставляютъ жить въ лучшей періодъ ихъ юности. Помимо доводовъ, приводимыхъ въ иностранной литературѣ противниками этой, повсемѣстно вводимой, пенитенціарной системы, здравый смыслъ отказывается вѣрить въ ея цѣлесообразность, а несомнѣнные факты доказываютъ, что долговременное одиночное заключеніе болѣе всего располагаетъ арестантовъ къ самоубійству и въ самое короткое время доводитъ ихъ до идиотизма, или умопомѣшательства. Трудно оспаривать тѣхъ людей, которые утверждаютъ, что подобное истязаніе человѣка нисколько не лучше всѣмъ ненавистой смертной казни. Даже смѣланная система заключенія, при которой ночью арестанты запираются въ отдѣльныя кельи, днемъ же работаютъ въ общихъ камерахъ, причемъ имъ запрещаютъ разговаривать,—даже и эта система, напоминающая суровыхъ сектаторовъ ее измыслившихъ, мало годится для исправленія мыслящаго существа, каковымъ является человѣкъ, если только болѣзнь, уподобляющая его бездомной собакѣ, не обратила несчастнаго въ настоящаго звѣря.

Изъ всѣхъ тюремъ Европы, самыми совершенными и вмѣстѣ съ тѣмъ самыми скромными, лишенными роскоши, не находящей мѣста въ бытѣ свободныхъ поселянъ, считаются, по справедливости, ирландскія тюрьмы. Эти тюрьмы и дешевле, и лучше, почему всѣ ихъ хвалятъ; но, къ удивленію, онѣ не находятъ себѣ подражателей. Можетъ быть это происходитъ оттого, что тюрьмы вообще находятся въ вѣдѣніи бюрократіи, которая, не смотря на свое сближеніе по настоящему вопросу съ людьми науки, довѣряетъ болѣе всего запорамъ и тюремнымъ зданіямъ. Ирландская же система, съ ея сельско-козьянственными работами, требующими вывода арестантовъ въ поле и указанія имъ наиболѣе выгодныхъ и производительныхъ работъ,—не по плечу ни кабинетнымъ ученымъ, ни бюрократіи.

Въ Ирландіи, преступникъ проходитъ послѣдовательно чрезъ три тюрьмы. Въ первой, при келейномъ заключеніи, щипаніи канатовъ и обученіи молитвамъ и грамотности, осужденный проводитъ отъ одного до девяти мѣсяцевъ, причемъ днемъ арестанты работаютъ вмѣстѣ.

Перехода затѣмъ въ каторжную тюрьму, арестантъ производитъ тяжелыя фортификаціонныя работы, а также обучается и ремесламъ. Отбывъ здѣсь срокъ, къ которому онъ приговоренъ, арестантъ переводится въ, такъ называемую, переходную тюрьму, построенную за городомъ. Тутъ его обучаютъ сельскому хозяйству и заставляютъ работать какъ вольнаго поселянина, подчиняя его строгому дисциплинарному режиму и, мало по малу, приучая преступника къ общенію съ обществомъ, причемъ отпускаютъ его на базаръ за покупкою необходимыхъ для фермы вещей и для продажи сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Если администрація найдетъ, что преступникъ совершенно исправился, то его отпускаютъ на свободу на три года съ особымъ билетомъ, который, въ случаѣ хорошаго поведенія освобожденнаго арестанта, обмѣнивается впоследствии на обыкновенный для всѣхъ гражданъ королевства билетъ. Въ случаѣ же повторенія выпущеннымъ преступникомъ дѣяній, за которыя онъ былъ уже однажды осужденъ, его снова присуждаютъ во всѣмъ тремъ родамъ тюремнаго заключенія, но на такой уже срокъ, который, при известной недолговѣчности человеческой жизни, рѣдко даетъ рецидивисту возможность сдѣлаться снова свободнымъ гражданиномъ королевства.

Маленькое сербское княжество почти ничего не тратитъ на своихъ арестантовъ, такъ какъ они работаютъ на загородныхъ фермахъ и содержатся продуктами съ полей, которыя ими же обрабатываются подъ надзоромъ смотрителей и надзирателей, хорошо знакомыхъ съ земледѣіемъ и поддерживающихъ среди преступниковъ строгую дисциплину. Всякій закованный или свободный отъ кандаловъ арестантъ, убѣжавшій съ каторжной фермы, приговаривается къ смертной казни въ случаѣ, если побѣгъ ему вполнѣ удался и онъ самъ не явился къ начальству съ повинною. Къ сожалѣнію, мы нигдѣ не встрѣчали подробнаго описанія тюремъ-фермъ этого княжества и потому не можемъ дать подробныхъ о нихъ свѣдѣній.

III

У насъ, въ Россіи, арестанты, по окончаніи срока каторжныхъ работъ или, какъ это введено нынче, по окончаніи срока высылки въ каторжную тюрьму, въ которой преступникъ обреченъ на полное бездѣйствіе и деморализацію,—препровождатся въ Сибирь, гдѣ зачисляются въ ссыльно-поселенцы, а затѣмъ, по истеченіи известнаго срока, могутъ приобретать собственность на правахъ государственныхъ крестьянъ. Если опытъ указалъ, что пересылка въ Сибирь арестантовъ обходится правительству весьма дорого, не дости-

гаетъ цѣли, преслѣдуемой карательнымъ закономъ и развиваетъ въ осужденныхъ тоску по родинѣ, ради которой большинство ихъ возвращается въ Россію, гдѣ поневолѣ должны искать средства къ существованію путемъ новыхъ преступленій,—то все это не трудно исправить. Каторжные работы, отбивающія охоту отъ земледѣлія и вообще деморализирующія арестантовъ, живущихъ цѣлыя годы въ подземельяхъ, или при такихъ условіяхъ, которыя отбиваютъ у нихъ охоту къ труду, могутъ быть замѣнены весьма производительнымъ земледѣльческимъ трудомъ, какъ въ Россіи, такъ и въ Сибири. Разумѣется, особенно тяжкіе преступники, не подающіе никакой надежды на исправленіе, должны быть подвергаемы особому режиму и отдѣляемы отъ другихъ. Усиленный земледѣльческій трудъ, вмѣстѣ съ обученіемъ грамотѣ и религіи, а главное съ надеждою на возможность въ будущемъ извѣстнаго благосостоянія—вотъ всѣми признанныя данныя, необходимыя для успѣшнаго исправленія преступниковъ и для устраненія рецидива. Мы не пишемъ здѣсь проекта, но указываемъ лишь на возможность рѣшить въ Россіи тюремный вопросъ вполне самостоятельно и наиболѣе практичнымъ способомъ; подробная же разработка такого важнаго вопроса конечно должна быть предоставлена вполне компетентнымъ людямъ. Мы полагаемъ, что для удачнаго практическаго разрѣшенія тюремнаго вопроса, необходимо прибѣгнуть къ содѣйствію людей, занимающихся производительною дѣятельностью; одна же бюрократія съ ея канцеляризмомъ не вынесетъ на своихъ плечахъ такого, непосильнаго ея сидячему режиму, труда. Большая часть преступниковъ въ Россіи составляетъ контингентъ рабочей силы и преимущественно землепашцевъ. Эти землепашцы, нарушивъ законъ, лишаются правъ свободныхъ людей и дѣлаются рабами государства, которое беретъ на себя нравственную обязанность исправлять ихъ помощію извѣстной кары. Сотня такихъ рабовъ государства, выбранная изъ числа преступниковъ, подающихъ надежду на исправленіе, составитъ такую экономическую силу, которая, подъ руководствомъ любого земледѣльца, или толковаго управляющаго, не только прокормитъ себя, но доставитъ ихъ владѣльцу, по крайней мѣрѣ, тысячь десять годоваго дохода. Разумѣется для того, чтобы арестанты не имѣли общенія съ свободными людьми, они должны жить на особо отведенныхъ для того фермахъ и помѣщаться въ особые казармакъ, которыя сами могли бы и выстроить подъ руководствомъ своихъ надзирателей и начальниковъ, назначаемыхъ отъ правительства.

При такомъ, или иномъ, но только производительномъ примѣненіи рабочихъ силъ арестантовъ, мы полагаемъ, всѣ были бы удовлетворены. Карательный законъ обращаетъ преступника въ арестанта,

обязаннаго работать для государства безплатно и принуждаемаго переносить внѣшнюю суровую дисциплину — и это условіе будетъ соблюдено при примѣненіи силъ преступниковъ къ производительной работѣ. То же слѣдуетъ сказать и о нравственной сторонѣ дѣла, имѣющей цѣлью исправленіе и обезпеченіе въ будущемъ временныхъ враговъ общества. Если наша ссылка, даже и по утверженію официальныхъ лицъ, не достигаетъ вообще своего назначенія, то, кромѣ нѣкоторыхъ ея неудобствъ, нами указанныхъ, главная ея причина заключается, по нашему мнѣнію, въ дурныхъ исполнителяхъ постановленій закона. Заставлять арестантовъ работать на пользу общества и притомъ работать болѣе, чѣмъ это дѣлаютъ свободные люди — вотъ что было бы гораздо нравственнѣе, чѣмъ воздвигать великолѣпныя зданія для преступниковъ, давая имъ легкія столарныя или сапожныя работы, отстраняющія отъ нихъ тѣ физическія страданія, которыя переноситъ пахарь, въ полѣ, во все время года. Не знаю, какъ въ западной Европѣ, но у насъ, въ Россіи, народъ положительно недоволенъ тѣмъ, что арестанты сидятъ въ теплыхъ помѣщеніяхъ, ѣдятъ даровой хлѣбъ и работаютъ менѣе честныхъ гражданъ. „Ихъ, видишь ты, начальство и бить не смѣетъ“, говорятъ мужики, которыхъ сѣкутъ и за недоимки, и за грубость начальству, и за всякую всячину.

Такое отношеніе народа къ тюрьмамъ деморализируетъ уже не арестантовъ, а ту массу, на счетъ которой они содержатся. Наше правительство уже нѣсколько разъ принимало мѣры, повидимому, хлопившіяся къ тому, чтобы масса производительныхъ силъ, представляемая арестантами, была примѣнена къ дѣлу. Такъ, между прочимъ, 13 марта 1864 года, состоялось Высочайшее положеніе объ образованіи арестантскихъ ротъ для устройства желѣзныхъ дорогъ въ Новороссійскомъ краѣ; но результаты подобныхъ попытокъ, а также и средства, служившія для ихъ осуществленія, совершенно неизвѣстны публикѣ.

И такъ оказывается, что Россія, свойствами своего народа, карательными законами, экономическими условіями, а также и финансовымъ положеніемъ, на столько отличается отъ государствъ западной Европы, что средства къ достиженію одинаковой для всехъ криминалистовъ цѣли — исправленія преступника — у насъ должны быть иные, чѣмъ въ другихъ образованныхъ государствахъ.

Вопросъ о томъ, каковы же должны быть у насъ средства, ведущія къ достиженію означенной цѣли, совершенно новъ, и хотя мы сдѣлали послѣдныя о немъ соображенія, но всетаки считаемъ его вполне открытымъ.

Мы сочли своевременнымъ высказать наши соображенія, въ виду тюремной реформы ¹⁾, которая, въ скоромъ времени, должна обнаружить или дѣйствительныя реформаторскія силы, въ ней заключающіяся, или свое бессиліе въ разрѣшеніи этого важнаго вопроса, надъ которымъ, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, начиная съ 1845 г., работало множество всевозможныхъ комиссій и подкомиссій, не принесшихъ дѣлу ровно никакой пользы ²⁾.

Собственно тюремная реформа, которая теперь у насъ вводится, весьма скромна; она состоитъ въ томъ, что одно отдѣленіе министерства внутреннихъ дѣлъ, а именно департаментъ полиціи исполнительнои, переименовываютъ въ тюремное управленіе, съ управляющимъ и его товарищемъ. Ихъ оклады и служебныя положенія соответствуютъ директорскимъ и вице-директорскимъ въ остальныхъ департаментахъ. Въ этомъ управленіи будетъ только одно дѣйствительное нововведеніе, а именно, при немъ учреждены должности восьми инспекторовъ, которые будутъ разъѣзжать по нашему обширному отечеству и ревизовать наши губернскія и уѣздныя тюрьмы.

Кромѣ того, за ходомъ тюремнаго дѣла въ Россіи будетъ наблюдать особый совѣтъ, составленный изъ высокопоставленныхъ лицъ.

Значить, самыя тюрьмы и ссылка, объ улучшеніи которыхъ администрація заботится, начиная съ 1845 года, останутся до поры до времени въ томъ же положеніи, въ которомъ благополучно пребываютъ и нынѣ. Настоящая реформа касается собственно чиновниковъ, которыхъ изъ одного помѣщенія переведутъ въ другое или замѣнятъ новыми дѣятелями; что изъ всего этого выйдетъ, кромѣ неизбежной канцелярской переписки, покажетъ будущее, и лишь новая должность инспекторовъ можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, принести пользу. Надо только чтобы эти инспекторы были хорошо развитые, безупречно-нравственные и опытные люди, знающіе Россію и способные, въ своихъ отчетахъ о тюрьмахъ, указать на такія ихъ нужды, которыя дѣйствительно существуютъ, и на такія мѣры улучшенія, которыя дѣйствительно возможны и полезны. Иначе все ихъ писанія будутъ простымъ канцелярскимъ хламомъ, котораго у насъ и такъ уже слишкомъ много и который такъ дорого стоитъ русской казнѣ. Общество и печать, конечно, будутъ внимательно слѣдить за первыми шагами новаго учреж-

¹⁾ Проектъ настоящей тюремной реформы разработанъ особою комиссіею подъ предѣлательствомъ статсъ-секретаря К. К. Грота и былъ одобренъ государственнымъ совѣтомъ, а затѣмъ, вѣроятно удостоится и Высочайшаго утвержденія.

²⁾ Матеріалы для тюремной статистики въ Россіи. В. Н. Юсуповъ. С.П.Б. 1872.

деши, призваннаго разрѣшить практическую сторону, уже столь дорого стоящаго намъ и вовсе еще не устроеннаго, тюремнаго дѣла. Дай-то Богъ, чтобы общество наше не разочаровалось и на этотъ разъ.

При этомъ полезно вспомнить, что хотя, въ частности, т. е. въ малыхъ размѣрахъ, и является иногда неизбежная необходимость производить надъ живыми людьми опыты, обобщающіе благіе результаты, но все вообще тюремное дѣло въ государствѣ должно стоять на прочномъ фундаментѣ, согласномъ съ народнымъ духомъ и практикой.

Новому тюремному управленію предстоитъ много работы, для которой дюжинные бюрократическіе дѣльцы окажутся недостаточными. Для созданія новой тюремной системы недостаточно и одного теоретическаго знанія, какъ бы оно ни было велико; для этого необходимо привлеченіе къ дѣлу практическихъ людей, знакомыхъ на дѣлѣ съ народными потребностями, а не лицъ, увлекающихся громкими фразами и думающихъ лишь о томъ, чтобы не ударить лицомъ въ грязь передъ гувернанткой—Европой, но ставящихъ на послѣдній планъ интересы родной земли.

Новому тюремному управленію приходится начинать дѣло съ самаго начала, потому что въ настоящее время не имѣется даже официальныхъ точныхъ данныхъ, какъ о числѣ арестантовъ, такъ и о числѣ поселенцевъ въ Сибири. Въ извѣстіяхъ императорскаго русскаго географическаго общества за 1876 годъ ¹⁾ комиссія статистическаго отдѣла, въ своемъ протоколѣ, выразила слѣдующее: „Не смотря на значительное число разнородныхъ записей въ нашихъ тюрьмахъ, тюремной статистики у насъ до сихъ поръ не существуетъ; причиною тому: недостатокъ правильной регистраціи и каліграфіе постоянныхъ записей статистическаго характера, исходящихъ изъ одного какого либо начала. Такой порядокъ влечетъ за собою то, что высшая тюремная администрація вынуждена была въ каждомъ случаѣ, когда требовались общія по всѣмъ тюрьмамъ статистическія свѣдѣнія, производить особое изслѣдованіе, а наука лишена была возможности сопоставлять наши данныя съ данными западно-европейскихъ государствъ“. Вслѣдствіе такого печальнаго положенія тюремной статистики, комиссія географическаго общества разработала для нея проекты статейныхъ списковъ, ежедневныхъ тюремныхъ реестровъ и прочихъ таблицъ, которые до сихъ поръ не введены въ тюрьмы, да и не могутъ быть введены, потому что большинство ихъ смотрителей, состоя на жалованьи

¹⁾ Извѣстія И. Р. Г. Общ. томъ X вып. 4 и 8, томъ XI вып. 4—5 и томъ XII вып. 2.

отъ 150 до 300 руб., набираются хотя изъ безпорочныхъ, но мало грамотныхъ людей.

Много, въ самомъ дѣлѣ, предстоитъ работы тюремному управленію, и дай ему Богъ осилить таковой трудъ на пользу Россіи, не накладывая новыхъ тягостей на народъ. Расходовать готовые деньги съумѣетъ всякій, но истинно мудръ лишь тотъ патриотъ, который съ ничтожными матеріальными средствами достигаетъ значительныхъ результатовъ. Такова избитая истина, которую однако часто позабываютъ люди, имѣющіе власть.

Б**.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

I.

Напечатанное въ этой книжкѣ стихотвореніе А. Фета „Alter ego“ было прислано намъ почтеннымъ авторомъ при особомъ письмѣ. Появленіе же этого стихотворенія въ журналѣ „Огонекъ“ объяснилось ошибкою г. С., который, въ числѣ другихъ стихотвореній, присланныхъ ему г. Фетомъ, передалъ въ редакцію „Огонька“, по ошибкѣ, и вышеозначенное стихотвореніе.

II.

Критическая статья г. Евгенія Маркова, за несвоевременнымъ доставленіемъ ея по почтѣ въ редакцію, отложена до майской книжки.

довательности, набросаю вамъ только тѣ факты, которые пришли мнѣ на память. Дѣлайте съ ними, что хотите, только сообщите вашимъ читателямъ, что все, о чемъ я говорю, происходило въ первѣйшихъ парижскихъ Cercles на моихъ глазахъ.

„Наше столовое вино, дѣлавшееся постепенно все обыкновеннѣе, все разбавленнѣе, все хуже, все кислѣе, вдругъ, въ одинъ прекрасный день, оказалось отвратительнымъ. Всѣ возстали противъ такого безпорядка. Послали за поставщикомъ винъ, который, будучи припертъ къ стѣнѣ, объявилъ намъ, что господинъ X., одинъ изъ выборныхъ членовъ извѣстной хозяйственной комисіи, открываетъ свою виноторговлю и что онъ заставилъ его, поставщика, уступить себѣ всѣ тонкія и хорошія вина, въ видѣ „преміи“. „Если господинъ X. будетъ не такъ взыскателемъ, продолжалъ виноторговецъ, то за ту цѣну, какую вы платите, я буду вамъ доставлять отличныя вина.

„Во второй разъ, узнали мы, что еще другой членъ комисіи велѣлъ себѣ доставить на цѣлый домъ ковровъ. Клубный обойщикъ долженъ былъ согласиться сдѣлать ему такой подарокъ, чтобы не потерять практику въ Cercle.

„Однажды, всѣ возопіяли противъ дурнаго качества туалетнаго мыла. „Если подавать хорошее, то вѣдь его сейчасъ припрятутъ!“—отвѣчалъ надзиратель. А когда, для провѣрки основательности жалобы, отправились въ умывальную комнату, то тамъ застали одного изъ членовъ, который положительно купалъ свой угрюмый носъ въ цѣлой, еще непочтой, банкѣ Cold-Cream'a.

„Въ одинъ критическій годъ, когда игра не дала большихъ доходовъ, заговорили объ экономіяхъ всякаго рода и господинъ Z. пресерьезно предложилъ замѣнить гигиеническія кабинетныя салфетки (я слагаю всю отвѣтственность на разгорячившагося француза, въ отношеніи предмета клубныхъ толковъ и словъ, какими онъ выражаетъ свою мысль) разрѣзанными лоскутками обыкновенной газетной бумаги. Гладкія, мягкія салфетки обыкновенно исчезали цѣлыми сотнями. Всѣ возстали противъ такого заявленія, которое встрѣчено было громкимъ смѣхомъ. Одинъ изъ тѣхъ, кто всего болѣе хохоталъ надъ этимъ до слезъ, хотѣлъ достать изъ кармана свой носовой платокъ и вмѣсто его нечаянно вытащилъ цѣлую пачку такихъ салфеточекъ. Это былъ ежедневный подарокъ, приносимый имъ своей семьѣ.

„Дичь къ столу поставлялась однимъ изъ гарсоновъ, который, какъ выяснилось впоследствии, въ два года разбогатѣлъ отъ своего ростовщичества. Онъ былъ подставнымъ владѣльцемъ

магазина съѣстныхъ припасовъ, который тайно содержали члены клуба, выводящіе и откармливавшие въ своемъ заведеніи все необходимое для клубнаго стола, причемъ сами же у себя покупали все въ три-дорога“...

Всѣ эти факты, въ общихъ чертахъ, разумѣется, хорошо извѣстны публикѣ, которая соразмѣряетъ съ ними уваженіе, питаемое ею къ своимъ Cercles. Между тѣмъ, какъ въ Англіи клубы служатъ представителями большой политической и социальной силы, которая создаетъ общественное мнѣніе и успѣхъ, дѣлаетъ репутацію знаменитостей, составляетъ министерства—парижскіе Cercles для серьезныхъ умовъ не имѣютъ никакого значенія. О нихъ можно сказать лишь одно: единственное, оказываемое ими, вліяніе заключается въ томъ, что они совершенно расторгаютъ семейныя узы и способствуютъ разоренію пустоголовыхъ франтовъ парижскими коботками.

II. ПАРИЖСКАЯ ЖИЗНЬ.

АЛКОГОЛИЗМЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

Весною 1877 года появился романъ Эмиля Зола, имѣвшій такой успѣхъ, который возможенъ только во Франціи. Въ теченіе года онъ выдержалъ около шестидесяти изданій; извѣстные критики, по поводу его, бились не на животь, а на смерть; юмористическіе листки сочиняли на него пародіи; новички на поприщѣ литературы старались болѣе или менѣе удачно подражать ему; въ салонахъ онъ составлялъ каждый вечеръ почти главный предметъ разговоровъ, и обогатилъ характеристическій, только для парижанина понятный, жаргонъ бульваровъ цѣлою массою новыхъ выраженій, оборотовъ и намековъ. Романъ этотъ называется „Assommoir“ и это заглавіе сдѣлалось съ тѣхъ поръ именемъ нарицательнымъ, будучи примѣнено къ тому, что оно обозначаетъ, съ невѣроятною мѣткостью и силой.

„Assommoir“ составляетъ отдѣльную часть цѣлой серіи романовъ, въ которыхъ Эмиль Зола поставилъ себѣ великую задачу, написать исторію французскаго общества временъ второй имперіи. Въ предшествовавшихъ частяхъ онъ показавъ намъ жизнь людей высшаго круга, а въ „Assommoir“ онъ вводитъ насъ въ среду народа. До сихъ поръ онъ заставлялъ насъ вмѣстѣ съ собою ходить по мягкимъ коврамъ салоновъ, теперь онъ, быстрымъ, неожиданнымъ движеніемъ руки, срываетъ эти ковры, ломаетъ полъ, который они покрываютъ, — и указываетъ намъ на мрачный подвалъ, зіяющій какъ бездонная пропасть, подъ раззолоченною поверхностью великосвѣтской жизни. Теперь блестящіе cafés и обитыя бархатомъ ложи бульвар-

ныхъ театровъ уже остались позади насъ, и мы вступаемъ въ грязныя, зараженныя разными миазмами, квартиры рабочихъ. Здѣсь всюду окружаетъ насъ бѣдность, пошлость, порокъ; авторъ ведетъ насъ сначала въ кабакъ, потомъ въ танцевальный залъ публичныхъ дѣвокъ, а оттуда въ воровской притонъ; мы на каждомъ шагу натываемся на какого нибудь скота, имѣющаго только подобіе человѣка; вокругъ насъ воютъ, развратничаютъ, храпятъ, наслаждаются и умираютъ человѣческія существа, которыя съ цинизмомъ валяются въ этой тинѣ и пачкаются въ этой грязи. Онъ заставляетъ насъ выслушивать разныя севернословія до скотства дошедшихъ пьяницъ, взглянуть на полный безстыдства складъ жизни *hôtel gâgni* самаго низшаго разбора и замѣтить отвратительную наглость женскаго персонала, постоянно посѣщающаго въ *Bagdige* увеселительныя заведенія, гдѣ отплясываютъ канканъ. Я, впрочемъ, не намѣренъ вдаваться здѣсь въ неумѣстныя подробности и ограничусь лишь указаніемъ на основную мысль, которая нашла себѣ воплощеніе въ этомъ замѣчательномъ романѣ. Зола развиваетъ передъ нашими глазами ту страшную драму, которая совершается въ борьбѣ человѣческой души съ враждебною силой зла, называемаго алкоголемъ. Въ библии, какъ намъ извѣстно, Іаковъ борется съ дьяволомъ и побѣждаетъ его. Въ „*Assommoir*“, Жервѣза, первоначально хорошо устроившаяся, но потомъ, печальнымъ образомъ, въ конецъ разорившаяся героиня романа, борется съ демономъ пьянства и остается все-таки побѣжденной. Вотъ какого рода безотрадная мораль вытекаетъ изъ книги великаго писателя. Читая этотъ романъ, ваше сердце раздирается на части, интересъ разсказа такъ великъ, что вы не можете оторваться отъ книги, но вы испытываете все это не потому, что васъ поражаетъ судьба изображеннаго тамъ семейства, или, пожалуй, судьба всего рабочаго сословія, а убѣжденіе, что это судьба всей французской націи. Дѣйствительно, пьянство—это общая національная болѣзнь Франціи; настоящіе, истинные друзья французской націи, признавая, что она такъ много сдѣлала для свободы и цивилизаціи вообще, съ ужасомъ смотрятъ на быстрое распространеніе тамъ этого порока. Это такой пунктъ, въ которомъ трудно будетъ убѣдить читателя не француза, потому что относительно этого понятія сложилось предубѣжденное, глубоко вкоренившееся мнѣніе. „Французы самый умѣренный и самый трезвый народъ въ Европѣ, и въ Парижѣ пьянство, разумѣется, менѣе развито, чѣмъ гдѣ либо въ другихъ городахъ всего міра“.

Таково, сложившееся въ Европѣ, повсемѣстное предубѣжденіе, которое, впрочемъ, положительно противорѣчитъ истинѣ. Конечно, въ Лондонѣ можно встрѣтить болѣе пьяныхъ, чѣмъ въ Парижѣ, но это имѣетъ свою особенную причину. Англійскій рабочий въ теченіе цѣлой недѣли совсѣмъ не пьетъ, или пьетъ умѣренно, но въ субботу, послѣ полученія своей недѣльной заработной платы, онъ предается самымъ безобразнымъ оргіямъ и пьетъ тогда до тѣхъ поръ, пока въ безсознательномъ состояніи свалится гдѣ нибудь въ канаву. Въ Парижѣ люди напиваются очень рѣдко до степени помраченія разсудка, но они пьютъ безпрестанно, отравляютъ свой организмъ постепенно, подтачивая медленно, но основательно свое здоровье, такъ что, еслибъ кто захотѣлъ провѣрить послѣдствія этой пагубной страсти, то, конечно, долженъ исвать жертвъ ея не въ канавкахъ, а на болѣзненныхъ одрахъ людей средняго сословія и въ госпиталяхъ для бѣдныхъ. Есть еще другая довольно оригинальная причина, почему англичанъ обыкновенно считаютъ болѣе расположенными къ пьянству и къ потребленію водки. Англичане постоянно толкуютъ объ этомъ, существующемъ у нихъ, злѣ, отыскиваютъ разныя средства для излеченія отъ пьянства, пишутъ объ этомъ цѣлыя книги, основываютъ общества трезвости и т. д. Французы, напротивъ, и слышать не хотятъ о томъ, что алкоголизмъ есть ихъ національная болѣзнь; они стараются скрыть это зло отъ самихъ себя и отъ иностранцевъ; они сами никогда не говорятъ о немъ и не желаютъ также, чтобъ и другіе говорили объ этомъ; они смѣются надъ обществами трезвости и подшучиваютъ надъ заботливостью правительства, которое, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, испугавшись быстраго развитія въ народѣ этого порока, сдѣлало бесполезную попытку ограничить пьянство предписаніемъ закона. „*Assommoir*“ первая, драгоцѣнная, появившаяся во Франціи, книга, авторъ которой имѣлъ настолько мужества, чтобъ вложить палецъ въ эту открытую рану на тѣлѣ цвѣтущей Франціи.

Но не только англичане, даже поляки и русскіе пьютъ спиртные напитки въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ французы. Многіе, конечно, улыбнутся и недовѣрчиво или сомнительно покачаютъ головой. Въ такомъ случаѣ лучше всего на это могутъ отвѣтить цифры. Инспекторъ французскихъ тюремъ и домовъ для умалишенныхъ, докторъ Lunier, въ прошедшемъ октябрѣ мѣсяцѣ представилъ въ парижскую „*Académie de Médecine*“ нѣсколько статистическихъ свѣдѣній о количествѣ потребляемаго во Франціи алкогоя. За послѣднія десять лѣтъ, по его исчи-

сленіямъ, среднимъ числомъ ежегодно на каждаго жителя Франціи приходится по 120 литръ вина, по 3 литра водки, по 22 литра пива и около 10 литръ сидра. Если при этомъ взять въ соображеніе, что при вышеозначенномъ количествѣ имѣется въ виду всякій индивидуумъ, слѣдовательно, если изъ сдѣланнаго разсчета исключить грудныхъ дѣтей и женщинъ, то окажется, что каждый взрослый мужчина, среднимъ числомъ, выпьетъ вдвое противъ показанной цифры алкоголя. Докторъ Luniер доказалъ фактически въ этой же самой запискѣ, что въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ потребленіе алкоголя удвоилось, между тѣмъ какъ народонаселеніе увеличилось только на $2\frac{1}{2}$ милліона, возросши съ $32\frac{1}{2}$ до 35 милліоновъ. Изъ всѣхъ прочихъ спиртныхъ напитковъ, къ несчастію, особенно увеличивается потребленіе водки, которой въ 1839 г. приходилось на каждаго человѣка только по 2 литра, а въ періодъ 1866—1876 года уже приходится по 3 литра на человѣка. Количество кабаковъ также постоянно увеличивалось, хотя и не въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ какъ количество потребляемаго вина. Въ 1829 г. во Франціи существовало 297,812 „Cabarets“, въ которыхъ производилась продажа спиртныхъ напитковъ. А 1-го января 1877 г. было уже 372,951 „Cabarets“ или кабаковъ, т. е. по одному на 102 жителя, — пропорція, каковой не существуетъ даже въ Россіи. Приведу еще одну цифру, которая можетъ служить какъ бы нѣкоторымъ пополненіемъ вышеприведенныхъ: въ 1876 году во Франціи произведено было 65,000 арестовъ за нарушеніе закона относительно пьянства. Я уже упомянулъ вскользь объ этомъ законѣ и теперь прибавлю еще нѣсколько словъ. Національное собраніе, заключившее миръ съ Германіей и занятое интригами противъ Тьера, нашло, однакожъ, свободную минуту, чтобъ обратить вниманіе на тотъ фактъ, что пьянство принимаетъ во Франціи угрожающіе размѣры. Такимъ образомъ, оно издало законъ, которымъ предписывалось, чтобы всѣ „Cabarets“ въ двѣнадцать часовъ ночи были заперты, чтобъ содержатели не смѣли давать вина уже видимо охмѣлѣвшему человѣку и т. п. Появленіе этого закона подтвердило только въ официальной формѣ существованіе зла, но ничего не сдѣлало для его уврачеванія.

Въ какой мѣрѣ развито потребленіе спиртныхъ напитковъ во Франціи, объ этомъ за границей не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Здѣсь пьютъ всѣ, безъ различія возраста, пола и состоянія. Даже ребятамъ, надсѣдающимъ отъ крика въ своей колыбели, даютъ вина. Въ первое время моего пребыванія во

Франціи, увидѣлъ я однажды мальчугана изъ сосѣдняго семейства, который, отправляясь въ школу, кромѣ ранца съ книгами, несъ еще въ рукахъ небольшую корзинку. Что это у тебя тамъ, Гюгюссъ? спросилъ я моего маленькаго пріятеля, который съ лукавою улыбкой проворно приподнял крышку корзинки и показалъ мнѣ, рядомъ съ кускомъ бѣлаго хлѣба, небольшую, съ широкимъ горлышкомъ, хорошо закупоренную бутылочку краснаго вина. Ребенокъ никогда не ходилъ въ школу иначе, какъ съ достаточнымъ запасомъ вина. Съ тѣхъ поръ я узналъ, что всѣ парижскія дѣти, посѣщающія школу, — дѣвочки также какъ и мальчики — всегда берутъ съ собою свою полную бутылочку вина, чтобъ во время перемѣны классовъ „немного освѣжиться“. Намъ это кажется чудовищнымъ, а французы рѣшительно не понимаютъ, что можно находить предосудительнаго въ такой привычкѣ.

Парижскіе рабочіе положительно всѣ безъ исключенія скрытные пьяницы, они правда почти никогда не напиваются до безобразія, но постоянно находятся въ возбужденномъ состояніи, отъ дѣйствія алкоголя. Въ больницахъ, гдѣ я провожу большую часть моего времени, я могу сказать безъ преувеличенія, что черезъ мои руки прошло нѣсколько тысячъ рабочихъ, и что, распрашивая ихъ, я совершенно ознакомился съ ихъ привычками и образомъ жизни. Судя по получаемымъ мною отвѣтамъ, я теперь въ состояніи представить читателю самый вѣрный очеркъ обыденнаго способа питанія рабочаго. Утромъ выпиваетъ онъ рюмочку сладкой водки, иногда „горькой“ или какойнибудь еще болѣе крѣпкой, которую онъ весьма характеристично называетъ „brûle—gosier“ или „casse poitrine“ и при этомъ или совсѣмъ ничего не ѣстъ, или съѣдаетъ немного хлѣба съ пустымъ супомъ. Около одинадцати часовъ онъ завтракаетъ какимънибудь „gâteau“ или небольшимъ кусочкомъ какоголибо другаго мяснаго кушанья, при этомъ поѣдаетъ страшную, по существующимъ вообще всюду понятіямъ, массу хлѣба и выпиваетъ, по меньшей мѣрѣ, пол-литра, а по обыкновенію цѣлый литръ краснаго вина. Послѣ завтрака уже никто не обходится безъ чернаго кофе, къ которому неизмѣнно прибавляется рюмочка коньяку, получившаго между рабочими названіе „la goutte“ или „rinse-gueule“. Въ шесть или въ семь часовъ обѣдъ: супъ съ кореньями, маленькое, до смѣшнаго, количество мяса, много салата, очень много овощей, пропасть хлѣба, опять литръ краснаго вина, чашка кофе и „la goutte“. Работникъ, ведущій такой образъ жизни, положительно считаетъ себя героемъ добро-

дѣтели и хвастается своею трезвостью. Неумѣренный, преимущественно передъ всѣмъ прочимъ, пьетъ болѣе вина, потому что онъ не ограничивается рюмочкой коньяку, а прибавляетъ къ ней еще „gincette“ затѣмъ „surgincette“ и наконецъ „sur-surgincette“, а въ промежутокъ отъ завтрака до обѣда пропуститъ нѣсколько рюмочекъ „absynthe“, для поддержанія въ себѣ хорошаго расположенія духа. При этомъ у такихъ людей существуютъ пре-странныя понятія о вредѣ спиртныхъ напитковъ. Какъ часто случалось мнѣ въ Hôtel-Dieu видѣть, напримѣръ, работника, который безъ всякаго сомнѣнія пьетъ запоемъ и который на всѣ мои вопросы и предположенія, что онъ долженъ быть пьяница, всегда самоувѣренно отвѣчаетъ: „Я никогда не пью спиртныхъ напитковъ“. Однакожь послѣ дальнѣйшихъ распросовъ обыкновенно оказывалось, что больной, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, ежедневно выпивалъ отъ 3 до 3½ литровъ краснаго вина; но я все-таки никакъ не могъ втолковать ему, что красное вино тоже спиртный напитокъ. Всякій работникъ знаетъ, что „absynthe“, коньякъ и бѣлое вино слѣдуетъ пить съ осторожностью, но онъ живетъ и умираетъ съ непоколебимымъ убѣжденіемъ, что красное вино, выпитое въ какомъ угодно количествѣ, совершенно безвредный, а напротивъ подрѣпляющій силы, напитокъ. Я до сихъ поръ говорилъ только о рабочихъ, но мы видимъ тѣ же самыя привычки и предубѣжденія даже въ высшихъ классахъ общества. То же самое обильное потребленіе краснаго вина за обѣдомъ, коньяку за каждой чашкой кофе, и „absynthe“, какъ „прохладительное“ въ теченіи дня, именно между пятью и шестью часами пополудни, т. е. въ такое время дня, которому дали даже названіе „l'heure de l'absynthe“. Дамы замаскировываютъ свою страсть къ вину, которая въ нихъ развита не меньше, чѣмъ у мужчинъ, граціозными названіями и жеманными манерами. Дама, конечно, никогда не отвѣдаетъ „absynthe“, — какъ это можно? *fi donc!* и она премило изобразить притворный ужасъ, вскрикнувши: „horreur!“ когда въ ея присутствіи кто нибудь осмѣлится произнести вульгарныя слова: „gincette“ или „la goutte“. Но она, по маленькимъ глоточкамъ, съ наслажденіемъ выпьетъ нѣсколько рюмочекъ, то зеленаго „chartreuse“, „который способствуетъ пищеваренію“, то золотистаго „benedictine“, „который успокаиваетъ нервы“, то ароматической „eau de mélisse des carmes“, „которая помогаетъ отъ мигрени“ и т. д., и т. д. Такъ что, съ помощью всѣхъ этихъ элегантныхъ успокоивающихъ средствъ, знатныя дамы получаютъ подъ старость пренриличный красный носъ и доходятъ до галлюцинацій подобно всѣмъ

пьяницамъ вообще. Ну, дѣлать нечего! слово это сорвалось у меня съ языка. Такъ пусть ужъ и остается невыскобленнымъ!

Французскій мозгъ положительно не можетъ усвоить себѣ понятія, чтобъ въ число прочихъ напитковъ, утоляющихъ жажду, можно было включить также и воду. Французъ считаетъ воду единственно лишь за одно изъ средствъ очищенія кожи, посредствомъ умыванія, какъ онъ смотритъ и на мыло, и для него въ такой же степени немислима вода, употребляемая въ видѣ питья, какъ еслибъ кто нибудь предложилъ ему мыла, въ видѣ ѣды. Въ кофейняхъ, въ ресторанахъ совсѣмъ нѣтъ стакановъ для воды. Въ парижскихъ кофейняхъ кофе, подаваемое съ молокомъ, никогда не разбавляютъ водою, даже еслибъ кто и пожелалъ этого. Если вы придѣте въ кому нибудь въ гости и вамъ захочется пить, то хозяйка сейчасъ же предложитъ вамъ стаканъ красного вина. Но если вы заявите при этомъ, что желали бы выпить только одной воды, то хозяйка отвѣчаетъ вамъ „très-bien!“, звонитъ и приказываетъ вояке лакею: „De l'eau pour monsieur, s. v. p.“ И что же тогда приносить вамъ лакей? Маленькій стаканчикъ, въ который воды налито едва до половины, большую бутылку съ какимъ нибудь фруктовымъ или ягоднымъ сокомъ и огромную сахарницу. Изъ всего этого можно себѣ состряпать напитокъ, которому даютъ здѣсь названіе „воды для питья“. Большая часть парижанъ выростають, старятся и умирають, не смочивши свои губы ни разу хотя въ одной каплѣ чистой воды, и я прошу читателя принимать мои слова въ буквальномъ ихъ смыслѣ, если я скажу еще, что изъ цѣлой сотни парижанъ едва-ли найдется одинъ, который зналъ бы вкусъ въ чистой водѣ, безъ примѣси сахара, сироповъ и коньяку. Непгі Мугер, авторъ книги „Vie de Bohême“, хотѣлъ изобразить въ одномъ изъ другихъ своихъ произведеній цѣлый цыкъ фанатиковъ, которые твердо рѣшились посвятить свою жизнь единственно лишь высшимъ задачамъ искусства и не дѣлать ни малѣйшихъ уступокъ ни публикѣ, ни современной модѣ, ни мелочнымъ потребностямъ буржуазной жизни; а для того, чтобы показать въ самой рѣзкой формѣ до какой недосягаемой высоты доходить благородное самопожертвованіе этихъ идеальныхъ живописцевъ и скульпторовъ, онъ заставляетъ ихъ принять такое рѣшеніе, что они готовы—въ случаѣ крайности вонечно—не пить ничего другаго кромѣ воды, еслибы, при другихъ условіяхъ, они должны были бы непременно примкнуть къ общей категоріи несимпатичныхъ имъ людей; поэтому онъ и далъ этой книгѣ, изображающей клубъ идеалистовъ, заглавіе „Les

buveurs d'eau." Одинъ баснословно богатый англичанинъ, который въ своей любви къ французамъ положительно дошелъ до каваго-то обожанія, именно Сэръ Ричардъ Уэллсъ, придумалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, прекрасную, благодѣтельную вещь. Убѣдившись въ томъ, что парижане проникнуты нѣкотораго рода суевѣрнымъ страхомъ передъ мыслью пить чистую воду, онъ рѣшилъ познакомить ихъ съ этою стихіею. Такимъ образомъ, онъ, на свой счетъ, выстроилъ въ сорока различныхъ пунктахъ города красивые бассейны, такъ называемые, „Fontaines-Wallace," которые хорошо извѣстны всѣмъ прїѣзжающимъ въ Парижъ, снабдилъ каждый изъ нихъ двумя ковшами для питья и подарилъ ихъ городу. Какъ вы думаете отблагодарили его городскіе жители? Весь Парижъ поднялъ на смѣхъ идею сэра Ричарда! Вадумалось же этому чудаку подарить городъ самими обыкновенными резервуарами воды, да еще прибавить къ каждому по два ковша! Дѣйствительно нужно быть англичаниномъ, чтобъ сочинить такую глупость! Хотъ бы уже по крайней мѣрѣ бассейны, вмѣсто воды, были наполнены „absynthe'омъ!" но водой—бррр! Юмористическіе листки неутомимо издѣвались надъ сэромъ Ричардомъ и словомъ и въ карикатурахъ. Народонаселеніе Парижа пользовалось этими бассейнами для того, чтобъ напоить уставшую отъ бѣготни собаченку, вымыть запачканную рожицу какому нибудь „Bébé" и брать оттуда воду для утренняго туалета всего *salut publico*. Если какой нибудь иностранецъ останавливался у одного изъ „Fontaines-Wallace," чтобы напиться, то вокругъ него собиралась толпа зѣвакъ, смотрѣвшая на него вытараща глаза, какъ будто у него на носу вдругъ выросъ рогъ или огромная шишка. Теперь уже разумѣется публика немного попривыкла, и въ особенно жаркіе дни уже есть люди, рѣшающіеся выпить воды изъ „Fontaines-Wallace." Идея сэра Ричарда совершала втихомолку, но постепенно, свою пропаганду; мало-по-малу его бассейны начинаютъ уже привлекать къ себѣ цѣлое молодое поволеніе водопійць. Но до сихъ поръ есть еще не мало парижанъ, которые смотрятъ на эти бассейны, какъ на артистически отлитый изъ чугуна памятникъ британской оригинальности.

Ученіе Rabelais, который, со свойственнымъ свѣтской литературѣ цинизмомъ, прославилъ старую, какъ міръ, общечеловѣческую и всепокоряющую себѣ страсть къ вину, — нашло отголосокъ даже въ средѣ новѣйшихъ писателей Франціи. Въ наше время Gérard de Nerval временно, а Alfred de Musset постоянно предаются неумѣренному употребленію „absynthe" а. Алко-

голизмъ наполняетъ своими жертвами всё госпитали, всё дома сумашедшихъ и увеличиваетъ списокъ совершающихся самоубійствъ. Если этой извѣ не будетъ положенъ предѣлъ, то она, морально и физически, окончательно погубитъ всю французскую націю. „Assommoir“ Зола—это слова „Мани, факель, фаресь,“ начертанныя могущественною рукой и огненными буквами на стѣнѣ дворца пирующаго развратника. И всякій пьяница, у котораго мозгъ не совсѣмъ еще отуманенъ винными парами, прочитавши ихъ, навѣрное броситъ свой стаканъ подъ столъ и положитъ конецъ своимъ оргіямъ.

Парижская весна.

Въ одномъ музеѣ—гдѣ собственно, уже положительно не помню—я видѣлъ старую греческую вазу, на которой, въ дѣтски-наивномъ, каждому извѣстномъ, древнемъ стилѣ, изображены двое юношей и одинъ старикъ, которые всѣ вмѣстѣ, указывая пальцемъ на летящую ласточку, выражаютъ другъ другу по поводу ея свои впечатлѣнія. Въ какой именно формѣ они выражали ихъ, это передается зрителю посредствомъ лентообразно выходящаго изъ ихъ ртовъ ряда буквъ. „Посмотри сюда, вотъ летитъ ласточка!“ говоритъ одинъ изъ юношей. „Да, влянусь Геркулесомъ, ты говоришь правду!“ отзывается на это увазаніе другой, а старикъ, со свойственною его годамъ мудростью, выводитъ изъ этого обстоятельства заключеніе, что: „весна пришла!“ Ощущенія человѣческія остались неизмѣнными со временъ самой глубокой древности. Сцена, которую художникъ половины четвертаго вѣка по части араміческаго искусства изобразилъ въ коринескомъ стилѣ, на красномъ фонѣ амфоры, повторяется еще до сихъ поръ безпрестанно у насъ передъ глазами, и какъ смѣшныя человѣчки съ остроконечными подбородками и съ особенно веселымъ выраженіемъ своихъ глиняныхъ лицъ, представленныя на старинной вазѣ, радостно привѣтствуютъ возвращеніе ласточки, самой ранней предвѣстницы весны, такъ еще и въ настоящее время крестьянскій мальчикъ радостно вскрикиваетъ и хлопаетъ въ ладоши, когда въ воскресный день, ида къ обѣдни, онъ увидитъ первую прилетѣвшую пѣвчую птичку или замѣтитъ въ полѣ первый цвѣтъ гусятника, и точно также еще черезъ сто тысячъ лѣтъ люди будутъ восторженно привѣтствовать первые признаки приближенія весны; однимъ словомъ до тѣхъ поръ,

пока постепенное охлажденіе нашего земнаго шара не остановитъ совершенно климатической перемѣны времени года.

Но въ большомъ городѣ весна даетъ знать о своемъ приближеніи не посредствомъ появленія ласточекъ или цвѣтовъ. Парижанина нисколько не интересуеетъ видъ перелетныхъ птицъ, а появленіе цвѣтовъ не соединено въ его понятіяхъ съ перемѣною времени года. Онъ имѣетъ возможность въ декабрѣ, за какіе нибудь два су, купить на улицѣ маленькій букетъ свѣжихъ фіалокъ, въ январѣ онъ видитъ на всѣхъ балахъ платья и прически дамъ, украшенными множествомъ благоухающихъ померанцевыхъ цвѣтовъ, розъ и камелій, а въ теченіи цѣлаго года, въ большихъ цвѣточныхъ лавкахъ бульваровъ, онъ можетъ досыта налюбоваться на массу самыхъ роскошныхъ тропическихъ цвѣтовъ, яркія краски которыхъ нисколько не зависятъ отъ времени года. Слѣдовательно, не цвѣты возвѣщаютъ парижанамъ о радостномъ приближеніи теплой лѣтней погоды. Для того, чтобъ природа заговорила здѣсь сердцу человѣка, ей нужно прибѣгнуть къ искусственному языку, а иначе ея робкія скромныя выраженія останутся непонятными для черезчуръ образованнаго сына великаго города. Тысячи ничтожныхъ признаковъ, въ высшей степени прозаическихъ и бессмысленныхъ, имѣютъ даръ заставить биться сердце парижанина или собственно парижанки, такъ что даже начавшаяся ломка какого нибудь дома въ состояніи наполнить ихъ душу большимъ весеннимъ восторгомъ, чѣмъ пышный лиловый цвѣтъ огромнаго букета сирени, мимо котораго они пройдутъ совершенно равнодушно.

Первою, дѣйствительною предвѣстницей весны здѣсь служить театральная афиша, объявляющая объ окончаніи сезона и о приближеніи лѣта, которое уже не даетъ публикѣ никакихъ новинокъ, а, напротивъ, наполнить свой репертуаръ старыми, давно отслужившими свой срокъ, инвалидами, которые уже не въ состояніи привлечь ни одного парижанина, но которые для посѣтителей, пріѣзжающихъ изъ-за границы или изъ провинціи, все еще представляютъ достаточный интересъ. Это самое критическое время для театровъ; залы каждый вечеръ изображаютъ картину безотрадной пустоты, а директоры выказываютъ необыкновенную щедрость въ распредѣленіи бесплатныхъ билетовъ, которыми спѣшатъ воспользоваться всѣ парижскіе консьержи, швей и прикащики разныхъ магазиновъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что если кто, хотя одинъ разъ въ жизни, имѣлъ какія нибудь самыя ничтожныя общественныя или дѣловыя отно-

шенія съ „ouvreuse“, машинистомъ или театральною прислугой, тотъ весной можетъ навѣрно рассчитывать на получение нѣсколько разъ бесплатныхъ билетовъ, которые доставятъ ему удовольствіе насмотрѣться на порадочно уже поувадшую предель „Madame Archiduc“ или на разные, вышедшіе уже изъ моды, ужасы какой нибудь кровавой мѣщанской мелодрамы.

Внимательно присматриваясь къ фizioноміи улицъ, вы замѣтите маленькія, но весьма характеристическія перемены. Количество элегантныхъ купе, которыя зимой обгоняютъ по мостовой тяжелые omnibusы и жалкіе наемные экипажи, уже значительно поувавилось. Въ барскихъ отеляхъ „Faubourg St. Germain“ и „St. Honoré“, въ Елисейскихъ поляхъ и въ паркъ Монсеау все стихаетъ, и опущенныя шелковыя занавѣси даютъ окнамъ видъ закрытыхъ глазъ. Приемы и soirées окончились и вся знать уѣзжаетъ въ свои родовыя помѣстья, чтобы прожить тамъ до начала морскаго купальнаго сезона. Между тѣмъ какъ за чертою Парижа поля покрываются молодою озимью и пестрыми цвѣтами, всѣ голыя стѣны вновь отстраивающихся домовъ покрываются массой разноцвѣтныхъ, огромнаго размѣра, объявленій, посредствомъ которыхъ различныя желѣзно-дорожныя компаніи приглашаютъ публику къ поѣздамъ по всевозможнымъ направленіямъ. И какія волшебныя, заманчивыя названія читаетъ тамъ всякій парижанинъ: Гренада, Севилья, Пиринеи, Альпы, Венеція, Константинополь, Рейнъ, Шотландскія озера, Бретонскіе берега! За пятьдесятъ, сто, а ужъ никакъ не болѣе какъ за двѣсти франковъ, можно съ большимъ удобствомъ объѣздить всѣ эти мѣста. Географическія карты переносятъ умственное око зрителей въ чужія, незнакомыя страны; грубыя иллюстраціи поддерживаютъ фантазію, которая уже рисуетъ себѣ видъ альгамбры или Mont-Blanc; планы ведущихъ туда рельсовыхъ путей у всякаго передъ глазами; тамъ сверкаютъ шпицы и купола церквей и зданій большихъ городовъ, потомъ за ними возвышаются кристаллыя пирамиды глетчеровъ, а издали уже доносятся шумные прибой волнъ океана. Воображеніе путешествуетъ по этимъ объявленіямъ, какъ Фаустъ путешествовалъ на плащѣ Мефистофеля. А желѣзнодорожныя компаніи такъ отечески позаботились обо всемъ! Ничто не ускользнуло отъ ихъ предусмотрительности, такъ что публикѣ, желающей путешествовать, ни о чемъ не нужно думать, нечего соображать, не о чемъ спрашивать. Маршрутъ уже заранѣе составленъ. Вотъ по этому направленію нужно ѣхать туда, а возвращаться обратно уже по другому пути. Путешествіе продлится столько-то дней.

Въ этомъ городѣ останутся на столько-то, а въ другомъ пробудутъ столько-то. И въ каждомъ мѣстѣ найдется непременно на что посмотреть, или чему подивиться. И все это не доставитъ болѣе хлопотъ, болѣе затрудненій и будетъ стоять немногимъ дороже, чѣмъ переѣздъ въ омнибусѣ изъ Bastille до Madeleine. Это искушеніе парижанинъ встрѣчаетъ на всѣхъ углахъ улицъ, во всѣхъ цвѣтахъ и форматахъ и въ добавокъ въ такое время года, когда природный инстинктъ къ странствованіямъ шевелится въ душѣ всякаго человѣка и безотчетное стремленіе души, въ какомъ-то смутномъ состояніи нѣги, уноситъ васъ въ лазурную даль. Ахъ, еслибъ можно было послѣдовать за этимъ пѣніемъ сирены желѣзно-дорожныхъ компаній, еслибъ запастись путевой картою и съ двадцатью-пятью килограммами вѣса въ дорожной сумѣ, какая допускается къ бесплатному провозу, можно было бы на мѣсяцъ уѣхать изъ Парижа и, вмѣсто ходьбы по тротуарамъ бульваровъ, полазить по снѣговымъ вершинамъ Альповъ или побывать въ опаленныхъ солнцемъ равнинахъ Андалузій! Но увы, простой парижанинъ не можетъ себѣ этого позволить! Вся жизнь его поглощена непрерывною работою до той минуты, когда онъ наконецъ себѣ достаточную ренту, о приобрѣтеніи которой онъ мечталъ съ самой ранней юности, и эта цѣль не покидаетъ его ни на минуту. Онъ не можетъ оставить свою овощную лавку, свою контору, свои мастерскія. Позывъ въ путешествію, испытанный имъ вслѣдствіе чтенія желѣзно-дорожныхъ объявленій, долженъ быть заглушенъ, и единственнымъ слабымъ вознагражденіемъ за такое лишеніе представляется ему отрицательно-утѣшительная мысль, что если онъ самъ не можетъ отправиться въ чужіе края, за то иностранцы пріѣдутъ къ нему въ Парижъ.

Ему стоитъ только отправиться погулять на бульвары, чтобъ увидать передъ собою представителей всѣхъ національностей Европы. Появленіе цѣлыхъ каравановъ иностранцевъ есть вѣрнѣйшій признакъ приближенія лѣта; легендарный англичанинъ, въ своемъ невозможномъ костюмѣ туриста, это весенняя ласточка для парижанъ. Городъ, почти въ продолженіи всего года, кишитъ иностранцами; но между *étanger* сезона и *étanger*, который появляется здѣсь около Троицына дня, столь же мало общаго, какъ и между двумя совершенно различными особами зоологическаго отдѣла. Иностранецъ, проводящій зиму въ Парижѣ, считается принадлежащимъ къ аристократическому кружку, потому что онъ всегда живетъ здѣсь своимъ домомъ. Онъ изо всѣхъ силъ старается быть похожимъ на настоящаго парижанина и

считаетъ себя въ высшей степени польщеннымъ, если его примутъ за тамошняго уроженца. Но иностранецъ, отирающийся на берега Сены въ весеннее время, наслаждается здѣсь чрезвычайно своеобразнымъ манеромъ. Онъ желаетъ непременно выказать себя туристомъ. Онъ хочетъ, во что бы то ни стало, чтобы его на разстояніи двадцати саженъ всякій принималъ за иностранца. Онъ важно рассказываетъ по бульвару въ какомъ-то страннаго покроя дорожномъ мундирѣ, не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на костюмъ, ни на нравы, ни на привычный складъ жизни людей, въ средѣ которыхъ онъ временно находится, какъ будто онъ, подобно Стенли, явился для научныхъ наблюденій и открытій въ страну царя Мтезы. Вотъ въ чемъ заключается причина смѣха, камою всегда возбуждаютъ въ Парижѣ пріѣхавшіе туда весною туристы; вотъ причина той полу-сострадательной, полу-насмѣшливой гримасы, съ какою всякій парижанинъ смотритъ вслѣдъ иностранцамъ, когда они цѣлыми толпами, болтая на непонятныхъ языкахъ, изумленно вытаращивши глаза, переходятъ отъ одного общественнаго зданія или монумента къ другому, или въ теченіи полу-часа осаждаютъ какую нибудь кондитерскую лавку.

Парижанинъ, осужденный въ продолженіи зимы на постоянное сидѣнье въ комнатѣ, наконецъ устраивается такъ, чтобы проводить свои вечера подъ привѣтливомъ небомъ своей Belle France. Общественные парки приготавливаются, по-своему, къ нашествію фанатиковъ—почитателей свѣжаго воздуха. Померанцевыя деревья, въ теченіи всей зимы простоявшія въ городскихъ оранжереяхъ, пересаживаются на лѣто въ грунтъ Тюиллерійскаго сада или передъ Лувромъ; на утрамбованныхъ дорожкахъ и около рѣшетокъ этихъ садовъ выставляются соломенные кресла и желѣзные скамейки; въ Jardin des Plantes хищные звѣри и толстокожіе великаны-слоны переводятся на свои лѣтнія квартиры, гдѣ главными посѣтителами этой полезно-образовательной коллекціи бывають бравые воины, полногрудыя кормилицы и разодѣтые, какъ куклы „Bébé“, имѣющіе право бесплатнаго входа, чтобы насмотрѣться на всѣ находящіяся тамъ диковинки. Въ Champs Elysées открываются лѣтніе cafés и Cirque d'été, Jardin mabille и большіе cafés concerts, а публика, хотя еще закутанная въ ваточное пальто и съ обмотаннымъ вокругъ шеи cache-nez, тѣснится толпою около этихъ народныхъ театровъ и, подъ влияніемъ укрѣпляющаго нервы и возбуждающаго хорошее расположеніе духа вечерняго воздуха, съ одушевленіемъ аплодируетъ разнымъ „Refrains“ и двусмысленностямъ, которыя казались

ей глупыми, скучными и наводящими зѣвоту, когда она слушала ихъ въ душной атмосферѣ зимнихъ *cafés-chantants*. Въ Пале-Рояль, въ Тюилерійскомъ саду, въ Люксембургѣ, оркестры военной музыки и частные орфеумы начинаютъ исполнять свой обычный послѣобѣденный репертуарь. Охъ, эти орфеумы! Я считаю ихъ за одно изъ величайшихъ золъ парижской жизни. Представьте себѣ группу въ двадцать, тридцать, или даже сорокъ молодыхъ людей, и чѣмъ больше, тѣмъ хуже, которые съ четырехъ часовъ являются по доброй волѣ съ своими духовыми инструментами въ общественный паркъ и тамъ до семи, а иногда до восьми часовъ оглашаютъ воздухъ самыми невозможными комбинаціями тоновъ, которымъ они дерзко даютъ названіе извѣстныхъ музыкальных произведеній. Посредствомъ инструментовъ и доброй воли, разумѣется, можно воспроизвести чтóнибудь, только никакъ нельзя добиться музыкальнаго исполненія, для котораго необходимо серьезное музыкальное образованіе, какого у орфеума не имѣется. Въ странѣ, такъ сильно страдающей подъ бичемъ алкоголизма, разумѣется, весьма похвально учрежденіе, добровольными членами, общества, занимающагося музыкой, на томъ собственно основаніи, что будто съ игрой на трубѣ несомнѣнно потребление „*absynthe*“; но откуда же у этихъ юношей, заслуживающихъ всевозможной моральной поддержки и поощренія, взялось столько смѣлости, чтобъ дѣлать публику свидѣтельницею ихъ борьбы съ порокомъ пьянства? Къ этому нужно еще добавить замѣчательный фактъ, что до сихъ поръ еще никто не протестовалъ противъ вторженія хора орфеонистовъ въ общественные парки, напротивъ, парижанину нравится смѣшеніе звуковъ, производимое этими дилетантами. Онъ считаетъ за истинно-майское, весеннее наслажденіе посидѣть въ Тюилерійскомъ саду, посреди мраморныхъ статуй и гигантскихъ каштановыхъ деревьевъ, на соломенномъ стулѣ, за 10 сантимовъ, почитать тамъ свою газету, время отъ времени поглядѣть на проходящую мимо его толпу гуляющихъ, благосклонно прислушиваясь къ писку, скрипу и сопѣнью орфеума и весьма часто совершенно тщетно стараясь угадать, что именно играетъ оркестръ дилетантовъ.

Парижанинъ, относящійся такъ строго къ оперѣ, критикующій такъ смѣло художественныя произведенія въ *salon*, насмѣхающійся надъ какоюнибудь невольнѣ удавшеюся театральною пьесой, во всемъ остальномъ удовлетворяется очень малымъ! Это взрослый ребенокъ, котораго бездѣлица приводитъ въ восторженіе. Даже *madame de Staël*, бесспорно одна изъ самыхъ даровитѣйшихъ французскихъ писательницъ, говоритъ гдѣ-то, что одна

отдала бы всё красоты Европы за водосточныя трубы въ Rue du Bac; а если истый парижанинъ примется раскваливать иностранцу всю прелесть парижской жизни, то онъ, конечно, не забудетъ поставить на первомъ планѣ лѣтнихъ увеселеній послѣобѣденные концерты орфеонистовъ въ Тюилерійскомъ саду.

И какъ нетребователенъ онъ во время своихъ воскресныхъ экскурсій. Онъ съ величайшимъ терпѣніемъ будетъ ждать въ продолженіи цѣлаго часа или омнибуса, или вагона конно-железной дороги, или одного изъ маленькихъ, ходящихъ по Сенъ, паромовъ, которые должны вывезти его изъ пыльной атмосферы города на деревенскій просторъ. Онъ безропотно выноситъ, когда его пихаютъ въ железнодорожный вагонъ, въ которомъ уже и безъ того набито пассажировъ сверхъ положеннаго комплекта, и даже нисколько не поморщится отъ натиска толпы, отъ получаемыхъ пиньковъ и толчковъ, если только ему удастся получить свой билетъ на проѣздъ. Едва успѣлъ онъ выѣхать изъ предѣловъ города, какъ не можетъ насмотрѣться на каждое деревцо, на каждую травку; онъ любитъ всякимъ ручьемъ; при видѣ какогонибудь пригорка изъ его груди вырывается радостный крикъ, а лугъ, покрытый полевыми цвѣтами, положительно приводитъ его въ восторгъ. Онъ, впрочемъ, любитъ восхищаться романтической природой только въ большой компаніи. Онъ преимущественно способенъ любоваться ландшафтомъ, сидя за столикомъ какогонибудь сафэ или на терасѣ деревенскаго ресторана. Nestor Roqueplan сказалъ однажды, что его идеаль, — садъ съ асфальтовыми дорожками и газовымъ освѣщеніемъ. Если природа представляется парижанину безъ городскихъ удобствъ и прикрасъ, то она не можетъ доставить ему полнаго наслажденія. Поэтому и для его воскресной экскурсіи въ маѣ мѣсяцъ нуженъ непременно какойнибудь предлогъ или цѣль. Онъ не поѣдетъ за городъ только за тѣмъ, чтобъ нарвать тамъ цвѣтовъ и посмотреть на пасущихся по лугу агнятъ. Онъ то отправится въ Версаль, чтобъ поглядѣть на его „grandes eaux“, то въ St. Cloud, чтобъ позавтракать возлѣ большаго каскада. Обыкновенно предлогомъ для экскурсіи въ деревню служитъ увѣчаніе какойнибудь „gosiègе“. Это праздникъ въ чисто парижскомъ вкусѣ, хотя и происходитъ въ деревнѣ. Сто лѣтъ тому назадъ, въ періодъ всеобщаго сентиментализма, когда Watteau писалъ своихъ краснощекихъ пастушковъ, окруженныхъ овцами, у которыхъ вмѣсто ошейника повязаны были голубыя ленточки, и когда идиллическій писатель Гесснеръ считался классикомъ, одинъ раздупенный abbé нашель, что будетъ очень мило, если

Воспитаніе дѣтей и живнѣ молодежи.

Первая недѣля октября исключительно принадлежит разнымъ „collégiens“. Появленіе ихъ цѣлыми массами на бульварахъ, совпадающее съ періодомъ засыханія древесной листвы, созрѣваніемъ каштановъ, возвращеніемъ знати изъ своихъ помѣстьевъ и съ разныхъ лечебныхъ водъ, открытіемъ большихъ театровъ и выставкою первыхъ осеннихъ туалетовъ въ „Bois“, служить официальнымъ признакомъ, что парижскій сезонъ уже начался. „Collégien“ для всякаго иностранца представляется исключительно-своеобразнымъ уличнымъ типомъ. Одежда его состоитъ изъ костюма военнаго покроя и по ней-то именно всегда можно узнать его: широкіе панталоны съ краснымъ кантомъ по швамъ, узкій, темнаго цвѣта, сюртукъ съ рядомъ желтыхъ металлическихъ пуговицъ на груди и съ стоячимъ воротникомъ, на углахъ котораго съ обѣихъ сторонъ вышиты золотомъ знакъ того учебнаго заведенія, въ какомъ находится мальчикъ—пчела, пальмовая вѣтка, лавровый вѣнокъ или что нибудь въ этомъ родѣ; поверхъ сюртука кожаный черный лаковый поясъ, а на головѣ подобіе офицерскаго кепи съ золотымъ галуномъ. Маленькій, только что вступившій въ collége ученикъ чувствуетъ себя въ этомъ нарядѣ стѣсненнымъ и связаннымъ, какъ будто въ мѣшкѣ, и смотритъ въ своемъ воинственномъ костюмѣ такъ неловко, какъ работникъ-пахарь, на котораго вдругъ надѣли бы фракъ и перчатки; а юноша-подростокъ, уже готовящійся сдать свой экзаменъ на степень бакалавра и рассказывающій по улицамъ съ сигарой во рту, дымъ которой онъ пускаетъ прямо подъ носъ какой нибудь мимолетной дѣвушкѣ въ шляпкѣ,—напротивъ втайнѣ стыдится своего ребяческаго наряда, стараясь придать ему нѣкоторыя фантастическія измѣненія, напримеръ, ослабивши туго-стягивающій его поясъ, небрежно застегнувши пуговицы своего форменнаго сюртука и лихо сдвинувши на бокъ евой кепи, чтобъ этимъ придать себѣ кокетливый и задорный видъ. Всѣ эти collégiens появляются на улицахъ особенно большими массами по воскресеньямъ, но въ первыхъ числахъ октября, при началѣ учебнаго года, они положительно наводняютъ собою всѣ тротуары. Вы встрѣтите ихъ вездѣ: въ паркахъ, въ кофейняхъ, въ концертахъ, въ театрахъ; ими биткомъ набиты omnibusъ и дешевые рестораны. ²⁰ Глядя на нихъ, можно подумать, что цѣлая армія учениковъ съѣздила нашествіе

на городъ и готовится въ разсыпную завладѣть имъ. Родители и родственники даютъ имъ восемь дней для пользованія удовольствіями Парижа; но эта недѣля проходитъ быстро какъ сонъ, въ разнаго рода экскурсіяхъ, прогулкахъ и всевозможныхъ увеселеніяхъ. Когда уже всѣ общественныя зданія осмотрѣны, колокольни и замѣчательные монументы облазаны, музеи и театры обѣданы и наслажденія доставляемыя циркомъ и café-chantant, исчерпаны совершенно, то значить, что пора прощаться съ папенькой и маменькой и отправляться на цѣлый, длинный до безконечности, годъ въ тюремное заключеніе, называемое школой.

Тюремное заключеніе. Да, это вѣрно! Парижскіе collèges и лицеи—это особенно большія, исключительно непривѣтливныя, зданія съ поразительно однообразнымъ фасадомъ, напоминающія собою монастыри или казармы. Ворота въ нихъ всегда на запорѣ и могутъ быть отперты лишь съ разрѣшенія директора. Внутри этихъ учебныхъ заведеній находятся обширные дворы, гдѣ изъ-подъ каменьевъ мостовой пробивается трава; тамъ есть также сады, содержимыя съ педагогическою опрятностью; дернъ, по которому не позволено ходить; усыпанныя пескомъ мѣста, назначенныя для разныхъ игръ, но которыя, не смотря на свое заманчивое названіе, никогда не оглашаются веселымъ смѣхомъ дѣтскихъ голосовъ, или криками развозишейся молодежи. Устройство и расположеніе жилыхъ комнатъ навѣваютъ на всякаго какую-то сухую, холодную скуку. Большіе дортуары, пустые коридоры, голыя стѣны въ столовыхъ и учебныхъ залахъ съ однообразно размѣщенными скамейками и политрами,—вотъ тотъ міръ, въ которомъ молодежь французской націи проводитъ свои лучшіе школьные годы, такъ какъ мальчишки изъ лучшихъ фамилій обыкновенно отдаются въ лицеи пансіонерами, и только въ видѣ рѣдкихъ исключеній можно встрѣтить мальчиговъ, приходящихъ туда эстернами, а внѣ классныхъ занятій живущихъ въ домѣ своихъ родителей. Здѣсь весьма немного среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыя бы допускались эстерны; а такія, въ которыхъ существуетъ приемъ собственно только этого рода учениковъ, почти всѣ на счету. Но большая часть учебныхъ заведеній устроена исключительно для интернатовъ.

Во всѣхъ collèges установлено самое строгое распредѣленіе занятій, а образъ жизни въ высшей степени однообразный. Каждый мальчишекъ долженъ принести съ собою въ школу изъ дома „свой запасъ“, состоящій изъ предписаннаго количества перемѣнъ бѣлья и салфетовъ, котормя, какъ всякій знаетъ,

употребляются во Франціи также вмѣсто полотенцевъ; сверхъ того, онъ обязанъ имѣть свой металлическій стаканъ для питья, гребень и щетку, губку и чашку для мыла. Какъ только мальчикъ принятъ въ заведеніе, ему сейчасъ же указываютъ его мѣсто въ общемъ дортуарѣ и въ столовой залѣ. Въ общей спальной онъ получаетъ далеко непокойную постель, ночной столикъ и вѣшалку. Въ этихъ спальняхъ, смотря по ихъ величинѣ, поставлено отъ четырехъ до двадцати четырехъ кроватей. Въ этой же комнатѣ спитъ надзиратель, обязанный наблюдать за порученными его присмотру мальчиками. Ихъ всегда аккуратно будятъ въ одинъ опредѣленный часъ и они, въ присутствіи надзирателя, должны умыться и одѣться въ смежной съ дортуаромъ уборной комнатѣ. Затѣмъ они получаютъ свою порцію супа съ хлѣбомъ и съѣвши ее отправляются въ классную залу. Обѣдаютъ и ужинаютъ всѣ вмѣстѣ, по прежнему въ присутствіи надзирателя; потомъ, въ распредѣленные заранее часы, они учатъ свои уроки, пишутъ, читаютъ, въ извѣстный часъ выходятъ на дворъ или въ садъ подышать воздухомъ, два раза въ недѣлю совершается процессія прогулки по улицамъ, въ опредѣленный часъ ложатся спать, и затѣмъ надзиратель тушитъ газъ по всѣмъ дортуарамъ.

Мальчикъ никогда не можетъ безъ позволенія и одинъ выйти изъ заведенія. Впрочемъ, въ воскресенье послѣ обѣда онъ свободенъ и можетъ отправиться въ гости къ своимъ родителямъ, если они живутъ въ самомъ городѣ. Если же онъ привезенъ изъ провинціи и родители его остались тамъ, то при вступленіи его въ школу необходимо представить для него, такъ называемаго, „correspondant“, въ лицѣ какого нибудь постоянно живущаго въ городѣ буржуа, который обязуется заботиться о мальчикѣ, изрѣдка навѣщать его, водить его по воскресеньямъ гулять и т. п. Если мальчикъ занемогаетъ, въ чемъ нибудь провинится и навлечетъ на себя дисциплинарное наказаніе, или подастъ поводъ къ жалобамъ за дурное поведеніе, то объ этомъ официально сообщеніемъ доводятъ до свѣдѣнія „correspondant“. А тѣ, пріѣхавшіе изъ провинціи, ученики, у которыхъ нѣтъ такого отвѣтственнаго за нихъ лица, ни подъ какимъ видомъ не могутъ выходить изъ заведенія и должны проводить даже всѣ праздники подъ присмотромъ надзирателя.

Питаніе этихъ collégiens, какъ и вообще всѣхъ французовъ, въ такой же степени нецѣлесообразное и недостаточное. Очень маленькое количество мяса, которое, будучи выварено до невозможности, разумѣется, теряетъ большую часть своей пита-

тельности; относительно огромное количество хлѣба, каждый день стручковые плоды, мало или совсѣмъ никакихъ овощей, но взамѣнъ того красное вино за каждымъ обѣдомъ — вотъ дѣла, при которой растутъ и складываются мальчики въ періодъ физическаго развитія и изъ которой они почерпаютъ жизненные соки и силы для своего организма. Сверхъ того, даже до сихъ поръ на тѣлесныя упражненія обращено очень мало вниманія; но, впрочемъ, со времени послѣдней войны, по крайней мѣрѣ въ Парижѣ, сдѣлано нѣсколько успѣховъ въ этомъ направленіи. Во Франціи вообще, а въ провинціяхъ въ особенности, еще никакъ не могутъ понять того значенія, которое должно имѣть для націи обязательное введеніе гимнастики во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. При такихъ условіяхъ замкнутой школьной жизни, разумѣется, тамъ чаще, чѣмъ гдѣ либо, проявляется болѣзненность у мальчиковъ въ возрастѣ отъ десяти до восемнадцати лѣтъ. При каждомъ collége есть свой врачъ, которому всегда столько дѣла, что онъ не даромъ получаетъ свое жалованье.

Стоитъ только взглянуть на этихъ collégiens, когда вы встрѣчаете ихъ на улицѣ! Цвѣтуція розовыя щеки, съ какими онъ прѣхалъ изъ родительскаго дома, недолго сохранили свою свѣжесть при новомъ образѣ жизни. Онъ страдаетъ блѣдною немочью, малокровіемъ, слабостью; въ его усталыхъ, съ синими кругами, глазахъ вы напрасно стали бы искать блеска, какимъ обыкновенно свербаютъ глаза шалуновъ этого возраста. Движенія его вялы, грудь впалая, голова опущенная, во всей его фигурѣ свазывается какое-то утомленіе. Какая противоположность между этими истощенными, преждевременно увядшими, женоподобными существами и крѣпкими, бойкими, смѣлыми юношами, громкіе крики которыхъ далеко раздаются съ мѣстъ разныхъ игръ въ Англіи и слышатся изъ всѣхъ гимнастическихъ залъ Германіи. Если кому хотя одинъ разъ представился случай сдѣлать подобное сравненіе, тотъ уже навѣрное произнесетъ мысленно свой приговоръ надъ подобною системой французскаго воспитанія.

Единственные взрослые люди, съ которыми всякій collégien находится въ постоянныхъ сношеніяхъ, это его профессора и надзиратель. Послѣдній всегда торчитъ у него передъ глазами: въ дортуарѣ, въ умывальной комнатѣ, въ столовой, въ классѣ, во время прогулокъ и на мѣстѣ игры; въ присутствіи надзирателя онъ долженъ учить свой урокъ, писать свои задачи, читать книги для своего времяпровожденія. Но возникаютъ-ли от-

того искрення отношенія между тѣмъ и другимъ? Никогда! На всякаго „*pion*“—это обыкновенное прозвище, даваемое учениками надзирателю—они смотрятъ какъ на своего врага. Они боятся и презираютъ его, ненавидятъ и притомъ смѣются надъ нимъ. „*Cet âge est sans pitié*“ (сей возрастъ жалости не знаетъ), какъ сказалъ Лафонтенъ, и „*pion*“ служитъ жалкимъ и вмѣстѣ смѣшнымъ олицетвореніемъ этой поговорки. Это настоящій мученикъ во всѣхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ Франціи. „*Pion*“ вообще бываетъ какойнибудь несчастный кандидатъ профессуры, бѣдный студентъ, ищущій возможности, сверхъ своихъ собственныхъ занятій, имѣть еще другое побочное, которое давало бы ему насущный хлѣбъ; лишившійся практики врачъ, адвокатъ или инженеръ, однимъ словомъ, человѣкъ не попавшій въ свою колею и потерпѣвшій жизненное крушеніе на поприщѣ свободныхъ профессій. Положеніе его въ *collège* позорно-зависимое и унижительное. Ему даютъ постель въ общей спальнѣ, мѣсто за общимъ столомъ и, до смѣшнаго, ничтожное денежное жалованье. За это онъ долженъ цѣлый день или мучиться съ учениками, или потворствовать имъ. Онъ попеременно долженъ быть то ихъ учителемъ, то слугою, онъ долженъ смотрѣть, чтобъ они были хорошо причесаны и чтобъ правильно написали свои задачи. Онъ, какъ оселъ, на котораго навьючиваютъ всякую поклажу, долженъ все прибирать за ними и относить ихъ вещи на свое мѣсто, а въ другое время долженъ повторять съ ними урокъ профессора. Онъ не имѣетъ права что либо привязать имъ или оштрафовать ихъ, но пользуется единственнымъ правомъ доносить на нихъ профессорамъ или директору. Директоръ и профессора забавляются тѣмъ, что, въ присутствіи подсмѣивающихся и съ злорадствомъ смотрящихъ на него учениковъ, они позволяютъ себѣ бранить его, кричатъ на него и всячески оскорблять его; онъ долженъ только молчать передъ ними и взять себѣ за правило не дѣлать вторичной, робкой, подобной настоящей, попытки, потому что положеніе его ничѣмъ не ограждено, и его однимъ почеркомъ пера могутъ тотчасъ же уволить отъ его должности какъ простаго поденщика.

Уже самый видъ его способенъ внушить ученикамъ презрѣніе въ нему и желаніе посмѣяться надъ нимъ. Онъ всегда бѣдно одѣтъ, иногда просто въ какія-то лохмотья. Бѣлье на немъ болѣе чѣмъ сомнительной опрятности, шляпа его—это цѣлая повѣсть прошедшаго, а сапоги—чистѣйшая загадка. Мальчишки, разумѣется, тотчасъ же подмѣчаютъ всѣ эти недостатки туалета и безжалостно употребляютъ ихъ, какъ оружіе противъ

беззащитнаго бѣдняка. Они совершенно счастливы, если имъ удастся прорвать или окончательно измѣть его и безъ того невозможную шляпу; залить, какъ бы нечаянно, чернилами его единственные панталоны; изорвать его ветхій, выношенный спортузъ. Подервавшись тихонько, ночью, они пишутъ на воротникѣ его рубашки день и число какогонибудь мѣсяца, и въ восхищеніи, если „ріон“, не замѣтивши сыгранной съ нимъ шутки, проходитъ цѣлую недѣлю съ такой, выставленной на показъ, цифрой. Все, что только можетъ изобрѣсти злобная, беспощадная, мальчишеская фантазія, примѣняется на вѣдомъ шагу въ бѣдномъ, безотвѣтномъ „ріонѣ“. Онъ всячески старается избавиться отъ своихъ мучителей. Иногда онъ, безпрестанными жалобами директору, навлекаетъ на учениковъ непомѣрные строгости, желая хотя чѣмънибудь отомстить имъ, но чаще старается, разными недозволенными потворствами, заслужить ихъ благосклонность. Онъ дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ, когда они курятъ, даже иногда самъ приноситъ имъ папиросы и запрещенныя книги, рассказываетъ имъ исторіи, не имѣющія ничего общаго съ гимназическими уроками или относящіяся къ нимъ въ такой степени, какъ относятся примѣчанія въ книгѣ Овидія „*Ars amandi*“. Въ лѣтописяхъ французскихъ лицеевъ сохранились даже такого рода факты, что „ріон“ являлся между вѣренными его надзору юношами безсовѣстнымъ „*Maitre de plaisir*“, посвящая ихъ въ самыя сокровенныя тайны крайняго разврата.

Безрадостно и при однообразіи, которое притупляетъ, если несовсѣмъ убиваетъ всякую бойкую фантазію, проходитъ *collégien* свой учебный годъ, въ концѣ котораго онъ, конечно, возвращается въ свое семейство, но вѣдь только на нѣсколько недѣль. Отвыкшій отъ родительскаго дома, сжившійся съ замкнутымъ складомъ лицейскихъ порядковъ, онъ чужой въ родительскомъ домѣ, какъ чужой и въ лицей. Въ теченіе цѣлаго года, онъ нетерпѣливо ждетъ времени вакацій, а когда онѣ наступаютъ, то, въ концѣ концовъ, онъ все-таки чувствуетъ себя недовольнымъ и какъ бы не на мѣстѣ. Его душевный, внутренній міръ, лишенный материнскаго надзора и материнскихъ совѣтовъ, приходитъ въ состояніе заустѣвнія, какъ почва, лишенная благодѣтельнаго вліянія солнечнаго свѣта. Самая существенная, главная сторона его моральнаго развитія осталась въ своемъ первобытномъ положеніи, сдѣлавшись неспособною къ воспріятію высокихъ понятій.

Вліяніе этой казарменной системы на физическое и нравственное развитіе французской націи громадно и въ высшей

степени характеристично. Я уже говорилъ о недостаточномъ физическомъ развитіи, происходящемъ отъ нездоровой и скудной пищи; указывать прямо на тѣ ужасныя пороки, которые приобрѣтаются французскою молодежью въ лицахъ, было бы здѣсь неумѣстно, и совершенно безполезно было бы пускаться въ длинныя разсужденія по поводу той связи, которая, видимо для всякаго, существуетъ между характеристическими свойствами націи и воспитаніемъ ея юношества. Мальчикъ, отправленный въ collège изъ теплаго, любящаго, рождественнаго кружка, вдругъ, безъ малѣйшей постепенности, вступаетъ въ совершенно равнодушную, безучастную, почти враждебную ему, среду. Вліяніе такой среды на молодое человѣческое существо таково, какъ дѣйствіе холодной воды, въ которую по каплямъ стали бы лить расплавленную массу стекла. Подобно тому, какъ капля жидкаго стекла моментально охлаждается и вокругъ ея образуется твердая кристаллическая оболочка, внутри которой собрались стеклянныя частицы, не прилегающія, впрочемъ, плотно другъ къ другу, такъ сердце мальчика сжимается подъ напльвомъ окружающей его безчувственности, за которую онъ причетъ всякое проявленіе задушевности и желаніе сблизиться со всѣмъ его окружающимъ, что такъ понятно и естественно въ этомъ возрастѣ. Мальчикъ, который знаетъ, что его окружаютъ разные чужіе конкуренты, можетъ быть, даже завистники, переносчики и прочіе интриганы—такъ какъ маленькій учебный мірокъ представляетъ собою полнѣйшее подобіе прочаго обширнаго міра—вскорѣ приучается сосредоточиваться лишь въ самомъ себѣ. Онъ дѣлается осторожнымъ, замкнутымъ, недоувѣрчивымъ, подозрительнымъ; онъ привыкаетъ наблюдать, притворяться, не давать воли своему чувству жалости. Съ такимъ преодолѣніемъ своихъ стремленій и дѣтскихъ порывовъ, развивается вмѣстѣ и его эгоизмъ; въ немъ, одновременно, гаснутъ и его умъ, и его чувства, какъ лампы, въ которыя никто не подливаетъ масла, чтобы поддержать ихъ горѣніе. Французовъ всѣ вообще упрекаютъ въ недостатокъ самаго дорогаго изъ всѣхъ человѣческихъ свойствъ—въ искренности, отсутствіе которой замѣтно даже въ ихъ поэзіи, въ ихъ художественныхъ произведеніяхъ, въ ихъ исторіи. Причину этого недостатка, по моему, слѣдуетъ искать въ системѣ школьнаго воспитанія. Тѣ изъ знакомыхъ мнѣ французовъ, которые провели свою молодость въ семействѣ, были въ такой же степени искренни, какъ всякій германецъ, англо-саксъ, или скандинавъ.

Употребляемая тамъ метода воспитанія лишаетъ французовъ

самаго дорогаго сокровища въ жизни человѣка, именно: познѣи счастливыхъ и свѣтлыхъ воспоминаній о своей молодости. Всякій французъ, обратившись къ прошедшему своей юности, увидитъ въ немъ лишь голыя стѣны дортуаровъ, мрачныя коридоры, педантичныхъ школьныхъ тирановъ и смѣшныхъ или злобствующихъ „*riens*“. Подобнаго рода воспоминанія способны еще болѣе охладить, а не согрѣть сердце. Напротивъ, онъ старается забыть этотъ періодъ своей жизни, доставившій ему столько неяснаго, для его собственнаго пониманія, недовольства, потому что воспоминаніе о немъ не принесло бы ему никакой отрады.

Нѣкоторые изъ выдающихся современныхъ мыслителей Франціи, какъ, на примѣръ, Ренавъ въ своей „*Réforme morale*“, Жюль Симонъ въ „*Réforme de l'enseignement secondaire*“, Жирарденъ и проч. занялись рассмотрѣніемъ этого вопроса, пришедши къ тому убѣжденію, что господствующая тамъ система воспитанія ужасна; но, между тѣмъ, никто не думаетъ о томъ, что нужно измѣнить ее, потому что во Франціи, не смотря на революціонныя движенія и демократическія выходы, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, гнѣдится пристрастіе къ существующимъ учрежденіямъ и вкоренилась привычка къ старымъ, отжившимъ своей вѣкѣ, идеямъ. Поэтому, намъ, по всей вѣроятности, еще въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ, придется встрѣчать на улицахъ Парижа цѣлыя процесіи молчаливыхъ, блѣдныхъ, одѣтыхъ въ мундиръ и сопровождаемыхъ забытымъ „*rien*“, учениковъ различныхъ школъ, этихъ юныхъ изгнанниковъ изъ родительскаго дома, этихъ, ни въ чемъ неповинныхъ, узниковъ парижскихъ лицеевъ.

Отеческая заботливость государства.

Большія, раскрашенныя статуями, картинами, позолотами, обоями и бронзами, парадныя залы достопочтенныхъ лицеевъ и школь, гдѣ цвѣтъ французской націи, въ теченіе двухъ или даже четырехъ столѣтій, получаетъ описанное нами въ предшествовавшей главѣ образованіе, дѣлаются ежегодно, въ іюль, театромъ торжественныхъ церемоній, которыя всякому иностранцу покажутся напыщенными, слишкомъ бьющими на эффектъ, подчасъ даже комичными, но которыя на туземцевъ производятъ сильное впечатлѣніе. Тогда, собственно, происходитъ раздача наградъ достойнѣйшимъ ученикамъ, и это дѣлается не въ присутствіи только тѣснаго домашняго кружка родителей и род-

ственниковъ, какъ это принято всюду, и для которыхъ этотъ фактъ составляетъ нѣчто въ родѣ семейнаго праздника, а, напротивъ, занимаетъ всѣхъ, начиная съ министра и кончая консьержами тѣхъ домовъ, въ которыхъ живетъ удостоившаяся награды учащаяся молодежь.

Такая раздача наградъ составляетъ важную эпоху и устроивается съ необыкновенною торжественностью, съ эффектомъ и пышностью, на что всѣ французы особенно большіе мастера. На эстрадѣ стоитъ массивный, рѣзаной, дубовый столъ, покрытый зеленою, суконною, вышитую по угламъ, скатертью и за которыми сидятъ всѣ профессора учебнаго заведенія, въ парадныхъ мундирахъ и въ форменныхъ, треугольныхъ университетскихъ шляпахъ. Городскіе солдаты, тоже въ парадной формѣ, стоятъ по бокамъ эстрады, а въ углу залы помѣщенъ небольшой оркестръ. На стѣнѣ, позади мѣста, занимаемаго директоромъ заведенія или исправляющимъ его должность, устроены изъ флаговъ національныхъ цвѣтовъ гербъ Франціи. Даже, еще въ ребяческомъ возрастѣ, всякій ученикъ долженъ приучаться, при каждомъ торжественномъ случаѣ, всегда, преимущественно, приводить себѣ на память мысль объ отечествѣ, олицетвореніе котораго красуется, въ настоящее время, у него передъ глазами. Вся глубина залы наполнена многочисленною разфранченною публикой, которая состоитъ изъ учениковъ въ вышеупомянутыхъ мундирахъ, изъ ихъ родственниковъ и совершенно безучастныхъ зрителей, пришедшихъ только ради любопытства. Торжество открывается болѣе или менѣе скучною, казенною рѣчью кого нибудь изъ профессоровъ, сказанною преимущественно на латинскомъ языкѣ; потомъ, по очереди, начинается вызовъ учениковъ, удостоившихся награды. Швейцаръ или, какъ его называютъ, „huissier“, разодѣтый какъ придворный кавалеръ временъ Людовика XV, идетъ къ мальчику, имя котораго произнесено, и подводитъ его къ эстрадѣ. Тутъ директоръ обнимаетъ мальчика, цѣлуетъ его въ обѣ щеки, вручаетъ ему награду, состоящую по большей части изъ книгъ и надѣваетъ ему на голову бумажный лавровый вѣнокъ. Въ эту самую минуту духовые инструменты играютъ тушь, публика встаетъ съ своихъ мѣстъ и восторженно рукоплещетъ, а самъ, столь шумно чествуемый мальчикъ, посреди лестныхъ отзвонковъ и сердечныхъ привѣтствій, по прежнему предшествуемый швейцаромъ, возвращается на свое мѣсто, съ пылающими щеками, съ растроганными чувствами, нерѣдко даже со слезами на глазахъ. Подобная сцена продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ бумажные лавровые вѣнки и книжныя преміи

не будут розданы по назначенію. Но этимъ еще не исчерпывается программа чествованій и отличій, предметомъ которыхъ долженъ быть всякій, заслужившій награду, ученикъ. На другой день, имена такихъ счастливицевъ публикуются во всѣхъ газетахъ, а вечеромъ министръ просвѣщенія устраиваетъ большой банкетъ, на который, какъ почетные гости, приглашаются лауреаты большого конкурса всѣхъ лицеевъ.

Всякая отдѣльная часть вышеописанной церемоніи съ большою ловкостью рассчитана такъ, чтобы она могла возбуждающимъ образомъ подѣйствовать на живую фантазію ребенка и развить въ немъ честолюбіе. Если мальчикъ хотя одинъ разъ присутствовалъ при такой торжественной раздачѣ наградъ, то, если онъ не совсѣмъ идиотъ, ему и во снѣ, и на яву будетъ мерещиться, чтобы сдѣлаться со временемъ предметомъ и героемъ подобнаго торжества, гдѣ, въ честь его, устраивается величественная процессія, съ швейцаромъ, профессорами, въ черныхъ парадныхъ фракахъ, цѣлующимъ и обнимающимъ директоромъ, съ лавровыми вѣнками и трубачами, играющими тунгъ, съ рукоплещущими зрителями и съ заключительнымъ министерскимъ банкетомъ. Такимъ образомъ, посредствомъ такихъ ничтожныхъ вещей, какъ нѣсколько трубныхъ звуковъ, бумажный лавровый вѣнокъ и приборъ за столомъ министра, государство заручается неусыпнымъ прилежаніемъ въ научныхъ занятіяхъ и пылкимъ соревнованіемъ всей учащейся молодежи. И эта театральная постановка простаго школьнаго праздника составляетъ специально-рассчитанное примѣненіе той обширной, общей системы, которая безгранично господствуетъ во всемъ стрѣ французскаго государства и общественной жизни.

Понятіе о государственномъ началѣ, которое во Франціи сложилось отчасти изъ принциповъ ложной философіи восемнадцатаго столѣтія, а большею частію подъ влияніемъ національнаго гальскаго характера, но въ особенности вслѣдствіе возрѣвній времявъ великой революціи, а затѣмъ, вслѣдствіе способовъ управленія государствомъ Наполеономъ I, совершенно различно отъ понятій о государственномъ началѣ, существующемъ у всѣхъ прочихъ народовъ англо-саксонскаго, германскаго и славянскаго происхожденія. Во Франціи государство не довольствуется тѣмъ, чтобы представлять собою объединеніе силъ всѣхъ своихъ подданныхъ для такихъ общеполезныхъ цѣлей, какія недостижимы для единичной силы каждой отдѣльной личности—какъ обыкновенно опредѣляютъ значеніе цѣли и сущности государства англичане, американцы, нѣмцы—но здѣсь оно

принимаетъ на себя, относительно своихъ подданныхъ, роль и атрибуты настоящаго Провидѣнія, въ богословскомъ смыслѣ этого слова. Государство постоянно рѣшаетъ, направляетъ и опредѣляетъ судьбы каждаго отдѣльнаго гражданина и вмѣшивается во всѣ дѣйствія его жизни. Въ отношеніи государства, гражданинъ никогда не дѣлается совершеннолѣтнимъ; онъ вѣчно состоитъ подъ его опекой, какъ ребенокъ, живущій въ домѣ своего отца. Государство не довольствуется изданіемъ законовъ и наказаніемъ ихъ нарушителей, но, главнымъ образомъ, старается, оставаясь вѣрнымъ своей отеческой роли, награждать усердныхъ исполнителей, и гражданинъ всегда чувствуетъ на себѣ руку государства, или сжатую въ кулакъ, или ласково треплющую его по щекамъ и похлопывающую по плечу. Вотъ отчего именно происходитъ особенная ненаходчивость и несамостоятельность характера современнаго француза, который съ дѣтства привыкъ, за каждый хорошій поступокъ или даже просто за прямое исполненіе своей обязанности, получать награду отъ папаша-государства и потому трудно рѣшается предпринять, что нибудь существенное, не оглядѣвшись предварительно вокругъ и не убѣдившись заранѣе въ томъ, что на него обращено официальное око государства. Жизнь каждаго, даже самаго ничтожнѣйшаго, француза, можетъ представить тому тысячи примѣровъ. Ребенокъ вступаетъ въ элементарную школу. Если онъ исполняетъ свою обязанность и учитель остается имъ доволенъ, то онъ получаетъ знакъ отличія, который онъ имѣетъ право носить на груди въ теченіе цѣлаго полугода, настоящій орденъ, крестъ или звѣзду изъ жести, по большей части на красной шелковой ленточкѣ, замѣняемой въ иныхъ заведеніяхъ голубою или фіолетовою, и маленький кавалеръ гордится такимъ орденомъ въ такой же степени, какъ нѣмецкій генералъ своимъ Железнымъ Крестомъ, австро-венгерецъ—орденомъ Маріи-Терезіи, а русскій—Георгіевскимъ крестомъ. Тотъ, кто не безъ вниманія ходитъ по улицамъ Парижа, вѣроятно сто разъ встрѣчалъ такихъ карапузиковъ съ орденомъ въ петлицѣ, и вѣроятно при этомъ подумалъ, что какая нибудь мать, желая потѣшить свое тщеславіе, украсила грудь своего сына такою звѣздой на красной лентѣ, въ подражаніе разшитымъ галунами военнымъ мундирамъ, въ какіе многіе имѣютъ глупость ридить своихъ дѣтей въ Германіи, а преимущественно въ Берлинѣ! Но это оказалось бы весьма ошибочнымъ предположеніемъ. Жестяная звѣзда на груди ребенка, который едва только выучился ходить, есть уже разрѣшенный государствомъ знакъ от-

личія, и еслибъ какой нибудь мальчуганъ вздумалъ надѣть его, не имѣя на это права, то онъ, со стороны своего школьнаго начальства, подвергся бы такому же дисциплинарному наказанію, какъ взрослый, со стороны полиціи, которая увидала бы у него на шеѣ орденъ Золотога Руна!

При переходѣ изъ элементарной школы въ болѣе высшій разрядъ учебныхъ заведеній, вмѣсто жестианаго ордена, мальчика ожидаетъ тамъ лавровый вѣнокъ и приглашеніе къ министерскому обѣду. Успѣшно занимающемуся художнику предстоитъ получение „prix de Rome“, а молодому медіку, за его службу въ госпиталѣ, золотая, серебряная или бронзовая медаль. Учитель, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ исполнявшій свою обязанность, можетъ рассчитывать на полученіе почетнаго, по моему весьма страннаго и смѣшнаго, титула „officier de l'enseignement publique“ и серебряной пряжки, съ изображеніемъ перелетныхъ палмовыхъ вѣтвей, на фіолетовой ленточкѣ. Лавей, долгое время занимавшійся подметаніемъ пола въ одномъ и томъ же домѣ или долго жившій въ одномъ мѣстѣ поварь, также хлопочуть о полученіи изъ академіи Монтионовской преміи за свою добродѣтель. Деревенская красавица, успѣшно защищавшая свою невинность отъ болѣе или менѣе настойчивыхъ волокитствъ и любовныхъ демонстрацій, также не довольствуется благороднымъ сознаніемъ своей чистоты и непорочности, но требуетъ публичнаго ея признанія и начальственной награды въ видѣ „soufflement de gosière“. Отважный другъ человѣчества, вытаскивающий своего утопающаго сосѣда изъ воды или спасающій его на своихъ рукахъ отъ пламени пожара, никогда не забудетъ вѣжливо попросить присутствовавшихъ при этомъ зрителей сообщить ему свои адреса, чтобы имѣть достаточное количество свидѣтелей, когда онъ будетъ хлопотать о выдачѣ ему, назначаемой отъ государства, медали за спасеніе погибавшихъ. Если какой нибудь сынъ, не щадя своихъ силъ, послѣ тридцатилѣтней работы заплатитъ всѣ долги своего обанкротившагося отца и тѣмъ возстановитъ его репутацію торговаго человѣка, — то государство уже непременно позаботится опубликовать этотъ поступокъ въ правительственныхъ органахъ съ подобающими похвалами. Писатель, изобрѣтатель, ученый, художникъ ждутъ, кромѣ успѣха своихъ произведеній въ публикѣ, еще подтвержденія своихъ заслугъ передъ обществомъ отъ академіи, которая ежегодно распредѣляетъ по нѣсколько премій отъ 1,000 до 3,000 франковъ, а черезъ каждые два года выдаетъ большую премію въ 20,000 франковъ. А за

всѣми этими официальными признаніями достоинствъ и отличій уже слѣдуетъ самая высшая награда: орденъ почетнаго легіона, на красной ленточкѣ, крестъ котораго, эмалевый съ пятью золотыми лучами, внушаетъ всякому французу тѣ же чувства благоговѣнія и смиреннаго самоуниженія, какими бываетъ преисполнено сердце самаго глубоко-вѣрующаго католика передъ изображеніемъ „Распятія“. Ордена прочихъ государствъ имѣютъ съ этимъ орденомъ только нѣкоторое, внѣшнее сходство; они обыкновенно служатъ лишь знакомъ монаршаго благоволенія къ придворнымъ и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ даются въ награду за дѣйствительныя заслуги, а не за тѣ, которыя приобрѣтаются во время танцованія кадрили на придворныхъ балахъ. Одинъ знатный англичанинъ имѣлъ настолько цинизма, чтобъ откровенно сознаться въ этомъ, сказавши: „Орденъ подвязки, по моему, первѣйшій орденъ въ мірѣ, потому что не имѣетъ ничего общаго съ такой нелѣпостью какъ истинная заслуга“. Орденъ почетнаго легіона есть напротивъ такого рода знакъ отличія, какой нацѣпляется на всякаго француза, которому удалось гдѣ нибудь и какъ нибудь выкарабкаться изъ неизвѣстной среды самаго жалкаго ничтожества. Само собою разумѣется, что не всякій французъ, имѣющій орденъ почетнаго легіона, сдѣлается отъ того значительною, достойною и выдѣляющеюся изъ общаго уровня личностью, но всякій значительный, достойный и выдѣляющійся изъ общаго уровня французъ уже непременно бываетъ кавалеромъ ордена почетнаго легіона. Періоды французскихъ монархій и второй имперіи конечно сдѣлали также изъ этого крестъ орденъ придворныхъ котильоновъ. Наполеонъ раздавалъ его всѣмъ сыщикамъ, всѣмъ сержантамъ, всѣмъ деревенскимъ агитаторамъ, которые помогали ему при государственномъ переворотѣ, а потомъ, при общей подачѣ голосовъ, повѣряя списки „поправляли ихъ“; но даже это обстоятельство не могло уронить значенія этого ордена, который въ то же время красовался на груди истинно заслуженныхъ людей. Но такъ какъ выдача ордена почетнаго легіона не зависитъ исключительно отъ одного главы государства, но присуждается также и общественнымъ мнѣніемъ, то, если общественный голосъ націи, на другой день послѣ какого нибудь громаднаго успѣха театральной пьесы, или въ виду замѣчательнаго открытія, выдающагося художественнаго произведенія, какого либо геройскаго подвига, прокричитъ въ восторгѣ имя автора, изобрѣтателя, художника или героя, — то не найдется ни одного французскаго министра, который, по первому заявленію націи, не поспѣшилъ бы представить правительству на

утверждение декрета о награждении подобной личности орденом почетнаго легіона. Поэтому-то и случается, что во Франціи каждый чиновникъ, каждый судья, каждый офицеръ, каждый врачъ, духовная особа, адвокатъ, профессоръ, писатель и художникъ, каждый извѣстный купецъ, фабрикантъ, коннозаводчикъ и занимающійся улучшеніемъ породъ разнаго скота, или агрономъ, однимъ словомъ всякій человекъ, успѣшно и всегда ревностно исполняющій свои обязанности гражданина, на какомъ бы то ни было поприщѣ, непременно уже, рано или поздно, добьется полученія красной ленточки этого ордена, который при официальной повѣрѣ оказался въ настоящее время у 75,000 французовъ. Французское правительство—для дурныхъ гражданъ имѣетъ всегда на-готовѣ тюрьму, а для хорошихъ—орденъ почетнаго легіона; въ одной рукѣ оно держитъ розгу, а въ другой—эмалевый крестъ, съ котораго ни одинъ французъ не сводитъ глазъ во всю жизнь, какъ съ той путеводной звѣзды, про которую Байронъ сказалъ:

„Star of the Brave, whose beam hath shed
Such glory o'er the quick and dead
Thou radiant and adored deceit
Which millions rush'd in arms so greet“...

„Звѣзда храбрыхъ, лучи которой пролили столько славы надъ живыми и умершими, ты, блестящій и обожаемый обманъ, на поклоненіе которому стремятся милліоны съ оружіемъ въ рукахъ“...

Самою рѣзкою, прямо бьющею въ глаза, противоположностію этой французской системы вознагражденія государствомъ всякаго исполненія обязанностей и стремленія гражданъ къ исполненію своихъ обязанностей ради полученія награды отъ государства, представляется мрачное и суровое ученіе Канта о категорическомъ побужденіи воли, ученіе, на которомъ зиждется все зданіе прусскаго государства, какъ на „*rocher de bronze*“, какъ объ этомъ выразился Фридрихъ Вильгельмъ I-й. Категорическое побужденіе воли учитъ насъ исполненію своихъ обязанностей ради самаго исполненія обязанности, съ самоотверженіемъ, безъ свидѣтелей, безъ всякихъ расчетовъ на награду или на признаніе заслугъ. Человекъ или гражданинъ, по предписанію этого строгаго ученія, долженъ исполнять свою обязанность всегда и при всякихъ обстоятельствахъ, не рассчитывая при этомъ ни на какія выгоды, отбросивши всякое тщеславное похваленіе, не ожидая никакихъ наградъ и довольствуясь

РЕДАКЦІЯ „РУССКОЙ РѢЧИ“

С.-Петербургъ, Прачешный переулокъ, 5.

Журналъ «Русская Рѣчь» выходитъ въ С.-Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, ежемѣсячно, книжками отъ 20 до 30 листовъ.

Подписная цѣна на годъ:

безъ доставки	15 р.
съ доставкой	16 »
съ пересылкой	17 »
За границу: въ Европу	} 18 »
Сверную Америку и Египетъ	

Въ прочія мѣста—по соглашенію съ Редакціей.

Допускается разсрочка платы по третямъ:

	При подпискѣ	къ 1 Мая.	къ 1 Сентября.
безъ доставки	7 р.	5 р.	4 р.
съ доставкой	8 »	5 »	4 »
съ пересылкой	9 »	5 »	4 »

Отъ Редакціи.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы журнала и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые получили билеты или выслали подписную сумму по почтѣ въ Редакцію «Русской Рѣчи» съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія, уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣста жительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к. и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію и притомъ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются только тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложить къ подписной суммѣ 16 к. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ А. Назроцкій.

Главная Контора «Русской Рѣчи»

Максимилянскій переулокъ, 14.

